Ant. 462 z (4

Ant. 462 z (4

ПРОПИЛЕИ.

СБОРНИКЪ,

издаваемый П. Леонтьевымъ.

КНИГА IV.

МОСКВА.

1854.

~~21226~~
И
K-1731

Ant. 462 z (4

ПРОПИЛЕИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ,

издаваемый

П. Леонтьевымъ.

XX-10421

Книга IV.

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи.

1854.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Москва. Іюня 1-го дня 1854 года. *Цензоръ Д. Ржевскій.*

Декабря 31-го дня 1854 года. *Цензоръ М. Похвисневъ.*

ПАМЯТИ
ОСНОВАТЕЛЕЙ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА
БЛАГОГОВѢЙНО
ПОСВЯЩАЕТЪ
ИЗДАТЕЛЬ.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
[illegible] [illegible] 1-го дня 1854 года. [illegible] Д. [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] 1855 года. [illegible] Н. [illegible]

ОГЛАВЛЕНІЕ.

страп.

Иліада Пѣснь первая и отрывки второй. Переводъ *В. А. Жуковскаго* (съ особою пагинаціей).

Мысли о первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религіозномъ отношеніи *Д. Л. Крюкова* 1

Фасты Овидія *П. А. Безсонова* 81

Антоній и Клеопатра *И. К. Бабста* 165

Бракъ и свадебные обряды древнихъ Римлянъ *П. В. Тихановича*. 209

Древности Томи *П. В. Беккера* 255

Филебъ, діалогъ Платона *А. И. Менщикова* 311

Діогенъ Киникъ *Гёттлинга* 350

Древняя Синопа *Издателя* 369

Два письма Стемпковскаго о мѣстоположеніи древняго Танаиса .. 387

Разысканія на мѣстѣ древняго Танаиса и въ его окрестностяхъ *Издателя* ... 397

Разысканія въ окрестностяхъ Симферополя и Севастополя *графа А. С. Уварова* ... 525

О керченскихъ гробницахъ *А. С. Линевича* 537

Нѣсколько словъ о попыткахъ переводить Гомера на простонародный русскій языкъ *М. Н. Каткова* 551

Римскія Пантомимы *Н. М. Благовѣщенскаго* 563

Восноминаніе о Шеллингѣ 583

Объяснительныя замѣчанія къ письмамъ изъ Рима и Неаполя *А. А. Авдѣева*.

ИЛІАДА

(Пѣснь первая и второй пѣсни ст. 494 — 718).

Переводъ В. А. Жуковскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сообщая публикѣ эту литературную драгоцѣнность, предпосылаемъ слѣдующее извѣстіе, доставленное П. И. Б—ымъ:

«Еще въ 1828 году, до изданія перевода Гнѣдича, Жуковскій перевелъ *Отрывки изъ Иліады* и напечаталъ ихъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*, альманахѣ, изданномъ на 1829 годъ барономъ Дельвигомъ. Тамъ эти отрывки, перепечатанные потомъ въ полномъ собраніи сочиненій Жуковскаго, появились съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Сей переводъ сдѣланъ по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ. Переводчикъ, не знающій по гречески, старался только угадывать Гомера, имѣя предъ глазами нѣмецкіе переводы Иліады — Фоссовъ и Штольберговъ. Сей опытъ его не долженъ быть сравниваемъ и не можетъ выдержать сравненіе съ переводомъ Н. И. Гнѣдича, который передаетъ намъ самого Гомера, вслушиваясь въ природный языкъ его; здѣсь, такъ сказать, отголосокъ отголоска. Стихи, напечатанные *курсивомъ*, принадлежатъ самому переводчику: они служатъ соединеніемъ отрывковъ, вполнѣ переведенныхъ изъ Иліады и заимствованныхъ изъ VI, XVII, XVIII, XIX и XX пѣсней.» Въ шестистахъ стихахъ этого перевода расказаны: знаменитое прощаніе Гектора съ Андромахою, битва за трупъ Патрокла, скорбь Ахиллеса о погибшемъ другѣ, его свиданіе съ богинею-матерью, освобожденіе Патроклова трупа вслѣдствіе появленія Ахиллеса и его троекратнаго крика, плачь Ахиллеса, его вооруженіе божественными доспѣхами и разговоръ съ конями, наконецъ верховный совѣтъ боговъ и страшное ихъ участіе въ битвѣ. Упоминаемъ объ этомъ переводѣ, дабы читатели могли сравнить его съ нынѣ появляющимся.

«Въ 1847 г., работая надъ окончаніемъ Одиссеи, Жуковскій задумывалъ перевести Иліаду. Такъ говоритъ онъ объ этомъ въ одномъ письмѣ къ П. А. Плетневу: «Приходило въ голову, и не разъ, искушеніе приняться за Иліаду, дабы оставить по себѣ полнаго собственнаго Гомера. Мысль была та, чтобы перевести все по теперешней методѣ съ подстрочнаго нѣмецкаго перевода, и потомъ взять бы изъ перевода Гнѣдичева всѣ стихи, имъ лучше меня переведенные (въ чемъ разумѣется признаться публикѣ). Такимъ образомъ два труда слились бы въ одинъ — но не по лѣтамъ моимъ приниматься за такой долговременный трудъ, который овладѣлъ бы всею душею, и отвлекъ бы ее отъ важнѣйшаго — отъ сборовъ въ другую дорогу.» Но переводя Одиссею, онъ такъ свыкся съ Гомеромъ, такъ полюбилъ его, что ему жалко было съ нимъ разставаться. «Мнѣ стало грустно, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, что прелесть труда для меня миновалась; нѣтъ сомнѣнія, что во всякомъ созданіи поэтическомъ, самое сладостное для поэта есть самый актъ созданія, и что *продолженіе* работы усладительнѣе самого ея *совершенія*.» И вотъ, только что отправивъ свою Одиссею въ Россію, шестидесятишестилѣтній старецъ принимается за Иліаду. Она начата $^{2}/_{14}$ окт. 1849 года, въ Баденъ-Баденѣ, какъ значится на черновой тетради покойника. Онъ началъ со второй пѣсни, которая показалась ему труднѣе первой, и именно ему хотѣлось поскорѣе кончить перечень кораблей. Переведши нѣсколько первыхъ стиховъ, онъ бросилъ ихъ и принялся за каталогъ кораблей. Изъ начала же второй пѣсни можно разобрать въ черновой тетради только слѣдующіе стихи:

Боги другіе и мужи, коней обуздатели, спали
Мирно всю ночь, но отъ Зевса спокойствіе сна убѣгало.
Сердцемъ колеблясь, онъ мыслилъ о томъ, какъ воздать Ахиллесу
Честь истребленьемъ Ахеянъ при ихъ корабляхъ крѣпкозданныхъ.
Вотъ что, размысливъ, нашелъ напослѣдокъ онъ самымъ удобнымъ—
Къ богу сна обратился и бросилъ крылатое слово Кроніонъ:
Богъ сновидѣнья, лети къ кораблямъ крѣпкозданнымъ Ахеянъ;
Въ царскій шатеръ Агамемнона сына Атреева вшедши,
Все то ему повтори, что теперь отъ меня ты услышишь.

«Каталогъ кораблей переведенъ во второй половинѣ октября 1849 года (отъ 17-го по 29-е); Жуковскій переводилъ стиховъ по 20 въ день, какъ значится въ его тетради: множество другихъ занятій и преимущественно педагогическія работы надолго отвлекли его отъ начатаго перевода. Не раньше какъ въ началѣ августа 1850 года онъ снова принялся за него, и въ три недѣли перевелъ всю первую пѣснь. На шестомъ десяткѣ литературной дѣятельности онъ сохранилъ въ трудахъ своихъ всю юношескую горячность, и принявшись за дѣло, долго не могъ оторваться отъ него: такъ и этимъ переводомъ второй пѣсни онъ занимался почти ежедневно три недѣли сряду. Сборы на родину и новые труды опять отвели его отъ Иліады. Но онъ не покидалъ намѣренія продолжать работу, и уже слѣпой вотъ что писалъ о

томъ въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 25 авг. ст. ст. 1851 г.: «Если Богъ позволитъ окончить ее (поэму «Странствующій Жидъ»), примусь за другое дѣло — за Иліаду. У меня уже есть точно такой нѣмецкій переводъ, съ какого я перевелъ Одиссею; и я уже и изъ Иліады перевелъ двѣ пѣсни. Но во всю прошедшую зиму и весну я не принимался за эту работу; я былъ занятъ составленіемъ моего педагогическаго курса; нынѣшнею зимою этой работой заняться не могу: глаза не позволятъ. Для Иліады же найду нѣмецкаго лектора, онъ будетъ читать стихъ за стихомъ. Я буду переводить и писать съ закрытыми глазами *, а мой камердинеръ будетъ мнѣ читать переводъ, поправлять его и переписывать. И дѣло пойдетъ какъ по маслу!» Но ему не суждено было окончить и главнѣйшихъ занятій — педагогическаго курса и «Странствующаго Жида». Онъ скончался 12 апрѣля 1852 года.

«Итакъ, въ предлагаемомъ переводѣ читатель долженъ видѣть не болѣе какъ начало большого труда, которое авторъ едва выправилъ и которое слѣдовательно еще не было приготовлено для печати. Чтобы дать образчикъ нѣмецкаго перевода, который, по незнанію греческаго языка, служилъ ему вмѣсто подлинника, приводимъ начало первой пѣсни:

Den Groll singe, Göttin, des Peliden Achilles,
Den verderblichen, welcher zehntausend (unzählige) den Achäern Schmerzen gesetzt hat,
Viele aber starke Seelen dem Hades zugeschickt hat
Der Helden, dieselben aber als Beute bereitet hat den Hunden
Den Raubvögeln und allen: des Zeus aber wurde vollendet der Wille —
Seit dem nun zum ersten Male beide sich auseinander stellten gestritten habend,
Der Atride sowohl, der König der Männer, als auch der göttliche Achilles.

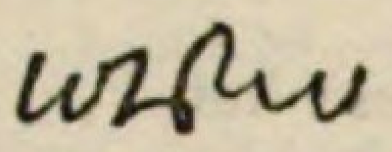
Г. профессоръ Фишингеръ перевелъ такимъ образомъ всѣ двадцать четыре пѣсни Иліады.

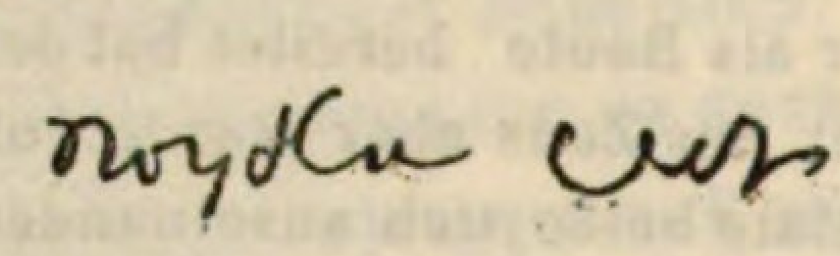
«Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ, напомнивъ читателю о томъ, что сказано было Жуковскимъ въ предисловіи къ Одиссеѣ вообще о переводѣ Гомера, привести слѣдующія строки изъ письма его къ П. А. Плетневу: «Я, русскій паукъ, прицѣпился къ хвосту орла-Гомера, взлетѣлъ съ нимъ на его высокій утесъ — и тамъ въ недоступной трещинѣ соткалъ для себя пріютную паутину. Могу похвастаться, что этотъ совѣстливый, долговременный и тяжелый трудъ (переводъ Одиссеи) совершенъ былъ съ полнымъ самоотверженіемъ, чисто для одной прелести труда. Не съ кѣмъ было подѣлиться поэтическимъ праздникомъ. Одинъ былъ у меня нѣмой свидѣтель — гипсовый бюстъ Гомеровъ, величественно смотрѣвшій на меня съ печи моего кабинета».

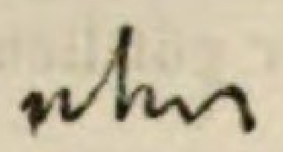
—

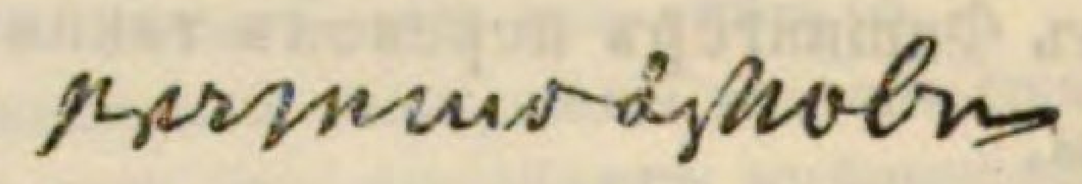
* Помощію изобрѣтенной имъ машинки.

Рукопись, по которой сдѣлано настоящее изданіе, списана рукою камердинера съ упомянутой выше черновой тетради. Она написана красивымъ и четкимъ почеркомъ и состоитъ изъ двухъ тетрадей, in 4°. Въ первой тетради заключается первая пѣснь Иліады. Здѣсь мѣста, не разобранныя переписчикомъ, внесены до 419 стиха рукою Жуковскаго, очень четко и чернилами (отчасти по карандашу); одновременно съ этимъ сдѣланы нѣкоторыя поправки, также рукою Жуковскаго, столькоже четко и также чернилами. Эти поправки не многочисленны. Въ остальной части тетради слова первоначально неразобранныя вписаны рукою камердинера, другими чернилами, причемъ также сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ переводѣ, конечно по приказанію Жуковскаго. Послѣ того камердинеръ еще разъ перечитывалъ рукопись Жуковскому и отмѣчалъ крестами стихи не нравившіеся. Такіе стихи отчасти передѣланы при вторичномъ пересмотрѣ рукописи. Жуковскій сдѣлалъ въ этотъ разъ гораздо болѣе исправленій, но они идутъ только до 218 стиха. Они писаны карандашемъ, и почеркъ показываетъ, что онъ писалъ съ закрытыми глазами помощію машинки. Нечеткія слова подправлены рукою камердинера только до 60-го стиха. По этому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принятое нами чтеніе можетъ подлежать сомнѣнію. Чтобы сложить съ себя отвѣтственность, представляемъ факсимиле сомнительныхъ словъ:

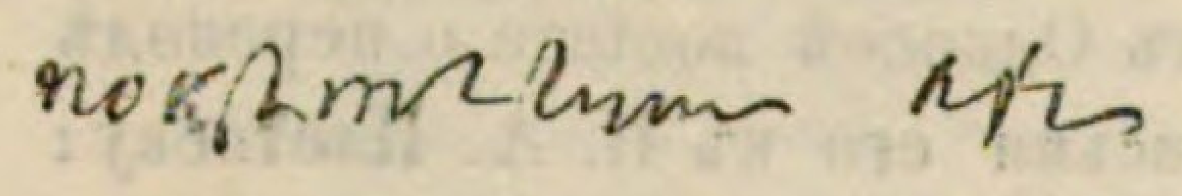
ст. 60 только

ст. 82 покуда себя

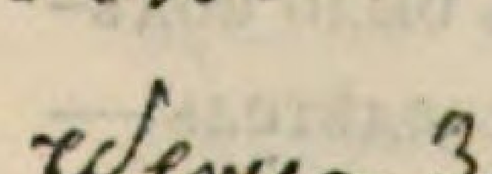
ст. 83 ты

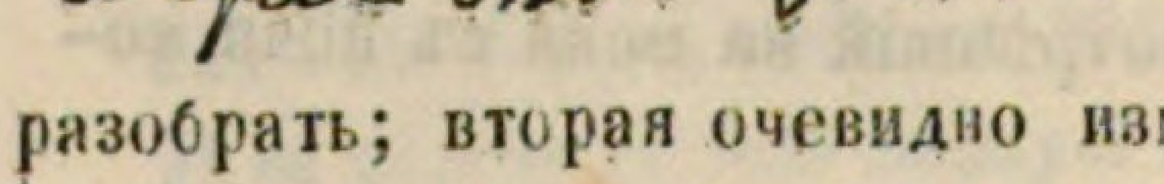
ст. 101 пространнодержавный

ст. 156 покрытыя тѣнистымъ лѣсомъ (по гр. ὑλήεντα)

Въ ст. 171 поправка, сдѣланная карандашемъ, такъ неразборчива, что надобно было оставить стихъ какъ онъ первоначально переведенъ. Въ этомъ стихѣ слова «оскорбившій меня» зачеркнуты и наверху надписано:

 «скопишь» также зачеркнуто и вмѣсто того написано:

 Первой поправки рѣшительно не удалось разобрать; вторая очевидно измѣняетъ конецъ стиха слѣдующимъ образомъ: «ни добычь, ни богатствъ не сберешь, злой обидчикъ.»

Гдѣ было менѣе мѣста сомнѣнію, тамъ мы сдѣлали нужныя исправленія. Такъ въ поправку стиха 32 мы вставили «ты», въ поправку стиха 128 «намъ», оба раза изъ перваго перевода. Въ стихѣ 62 Жуковскій забылъ зачеркнуть

«иль» передъ словомъ «пророка», въ ст. 610 велѣлъ приписать «обычно» вм. «завсегда», но или самъ или камердинеръ забылъ вычеркнуть «завсегда» предъ словомъ «отдыхалъ». Исправляя стихъ 118, Жуковскій написалъ карандашемъ «отъ за убытокъ», и очевидно пропустилъ слово «васъ», которое нами и вставлено. Стихи 451 и 452 исправлены нами по стихамъ 37 и 38. Исправлены наконецъ очевидныя описки переписчика, между которыми назовемъ болѣе важныя. Нами издано въ ст. 120 «мною» вм. «мнѣ», въ ст. 133 «богато» вм. «богами», въ ст. 138 «или на часть» вм. «иль на часть», въ ст. 248 «витязь пилійскій» вм. «пилійскій витязь», въ ст. 589 «того» вм «то». Можетъ быть въ ст. 163 слѣдуетъ читать «вѣдь» вм. «здѣсь», но это предположеніе мы остереглись внести въ текстъ.

Вторая тетрадь послѣ шести бѣлыхъ листовъ начинается на оборотѣ седьмаго листика 494 стихомъ второй пѣсни и заключаетъ въ себѣ переводъ слѣдующихъ за тѣмъ стиховъ до 718-го. Она просмотрѣна Жуковскимъ только до 590 стиха; поправки сдѣланы карандашемъ. Въ остальной части тетради даже слова неразобранныя камердинеромъ остались не вписанными, тѣмъ менѣе исправлены многочисленныя ошибки въ собственныхъ именахъ, безпрестанно встрѣчающихся въ этой пѣсни. Всѣ очевидныя ошибки поправлены нами, и ороографія собственныхъ греческихъ именъ приведена къ правильной формѣ, гдѣ только неправильность могла происходить отъ писца; впрочемъ однообразіе требовало небольшихъ перемѣнъ (въ буквахъ) и въ такихъ собственныхъ именахъ перевода, которыхъ форма могла быть приписана самому Жуковскому. Изъ пропущенныхъ переписчикомъ словъ мы вставили въ ст. 592 «Алфей», 606 «вѣтровъ» 628 «Филея» (въ концѣ стиха), 648 «Фестѣ», 660 «грады», 696 «Деметрѣ».

Замѣтимъ въ заключеніе, что развѣ только первые 40 стиховъ первой пѣсни можно разсматривать, какъ окончательно выправленные. Слѣдующіе за тѣмъ стихи до 218 пересмотрѣны два раза, а остальная часть перевода или пересмотрѣна однажды или вовсе не пересмотрѣна. Мы считали обязанностію позаботиться сколько возможно о томъ, чтобы наше изданіе носило на себѣ характеръ рукописи, съ которой оно сдѣлано, и чтобы каждый читатель могъ видѣть, что имѣетъ передъ собою переводъ еще не вполнѣ приготовленный для печати. Мы не полагали ни необходимымъ, ни умѣстнымъ идти въ этомъ отношеніи уже слишкомъ далеко и каждый разъ сообщать въ примѣчаніяхъ, черезъ какой рядъ передѣлокъ прошли трудные стихи. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Жуковскій по видимому колебался между тѣмъ, что было написано прежде, и тѣмъ, что приходило ему въ голову при пересмотрѣ рукописи; такъ можно полагать относительно если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ такихъ стиховъ, гдѣ поправка сдѣлана, но старое не зачеркнуто. Въ этихъ мѣстахъ мы внесли въ текстъ поправку, а слова перваго перевода приводимъ внизу.

Много стиховъ, требующихъ передѣлки, остались неисправленными. Намъ казалось нужнымъ отмѣтить тѣ изъ нихъ, которые самъ Жуковскій уже думалъ исправить. Мы уже упомянули, что камердинеръ его, перечитывая переводъ Жуковскому, ставилъ кресты у тѣхъ стиховъ, которые ему не нравились, и что не всѣ изъ стиховъ, отмѣченныхъ крестами, исправлены Жуковскимъ. Всѣ такіе стихи, предположенные къ исправленію, но оставшіеся безъ него, означены звѣздочками въ нашемъ изданіи.

Есть еще съ десятокъ стиховъ, которые были бы навѣрно передѣланы Жуковскимъ. Въ издаваемомъ нынѣ переводѣ встрѣчаются семь пятистопныхъ (I, 246, 295, 425, 454, 534, 607; II, 705) и восемь семистопныхъ стиховъ (1, 95, 429, 474, 490; II, 508, 524, 607, 693); не окончены стихи первой пѣсни 524 и 595 и второй пѣсни 601, 613 и 646; стихи 661 и 662 второй пѣсни вовсе не переведены.

При оцѣнкѣ перевода не слѣдуетъ наконецъ упускатъ изъ виду того, что Жуковскій былъ намѣренъ, окончивъ переводъ Иліады, сличить его съ Гнѣдичевымъ и устранить стихи, удачнѣе переведенные въ послѣднемъ.

—

ИЛІАДА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Гнѣвъ намъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Гибельный гнѣвъ, приключившій Ахеянамъ много великихъ
Бѣдствій и воиновъ многихъ безстрашныя души низведшій
Въ область Аида, ихъ трупы оставя на пищу окружнымъ
Птицамъ и псамъ, — такъ свершалася воля Кроніона Зевса —
Съ тѣхъ поръ, какъ сильной враждою разрознены были владыки,
Пастырь народовъ Атридъ и герой Ахиллесъ богоравный.
Кто изъ безсмертныхъ зажегъ въ ихъ груди толь свирѣпую злобу?
Фебъ, сынъ Латоны и Зевса. Атридомъ прогнѣванный, язву
Онъ ниспослалъ на ахейскую рать, и безчисленно гибли
Люди, понеже былъ жрецъ Аполлоновъ Хрисесъ недостойно
Сыномъ Атрея обиженъ. Чтобъ выручить дочь изъ неволи,
Съ выкупомъ старецъ богатымъ пришелъ къ кораблямъ крѣпкозданнымъ,
Жреческій жезлъ золотой Аполлоновымъ лавромъ обвивши.
Всѣхъ обходилъ онъ Ахеянъ, склоняя сердца ихъ на жалость;
Пачежъ другихъ убѣждалъ двухъ Атридовъ, вождей надъ вождями:
Вы, Атриды, и вы, броненосцы Ахеяне, сила
Вѣчныхъ боговъ олимпійскихъ да вамъ низпровергнуть поможетъ
Городъ Пріамовъ и путь вамъ успѣшный устроитъ въ отчизну;
Вы же отдайте мнѣ дочь, за нее многоцѣнный принявши
Выкупъ и сына Зевесова чтя, стрѣлоноснаго Феба.
Такъ онъ молилъ: восклицаньемъ всеобщимъ рѣшили Ахейцы
Просьбу исполнить жреца и принять предложенный имъ выкупъ.
Но Агамемнону, сыну Атрея, то было противно;
Старца моленье отвергъ онъ и такъ раздраженный примолвилъ:

Если, докучный старикъ, отъ моихъ кораблей крѣпкозданныхъ
Ты не уйдешь во мгновенье, иль снова дерзнешь подойти къ нимъ,
Жезлъ твой и лавръ Аполлоновъ тебя отъ бѣды не избавятъ.
Дочь же твоя изъ неволи не выйдетъ; до старости поздней
Въ домѣ моемъ, въ отдаленномъ Аргосѣ, съ домашними розно,
Будетъ работать она и моею наложницей будетъ;
Но удались и меня не гнѣви: иль домой ты отсюда
Цѣлъ не пойдешь.—Такъ сказалъ онъ: испуганный жрецъ удалился.
Берегомъ моря широкошумящаго молча пошелъ онъ;
Сталъ въ далекѣ отъ судовъ, сокрушенный, и началъ молиться
Фебу царю, свѣтлокудрой Латоной рожденному богу:

Богъ, облетающій съ лукомъ серебрянымъ Хрису и Киллы
Свѣтлый предѣлъ, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущій,
Если тебѣ я когда угодилъ, изукрасивъ священный
Храмъ твой, и жирныя козъ и быковъ предъ тобою сожегши
Бедра, мое благосклонно услышь и исполни моленье:
Слезы мои отомсти на Данаяхъ твоими стрѣлами.

Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Аполлономъ услышанъ.
Гнѣвный поспѣшно сошелъ Аполлонъ съ высоты олимпійской,
Тулъ затворенный и лукъ за спиною неся; и ужасно
Стрѣлы гремѣли, стуча о плеча раздраженнаго бога
Въ грозномъ его приближеньи; какъ черная ночь подходилъ онъ.
Сѣвъ на виду кораблей, онъ пустилъ неизбѣжныя стрѣлы;
Страшно серебряный лукъ зазвучалъ, разогнувшись. Сначала
Въ муловъ и вольнобродящихъ собакъ онъ стрѣлялъ, напослѣдокъ
Горькія стрѣлы свои обращать и на ратныхъ Данаевъ
Началъ: всечасно безчисленны труповъ костры пламенѣли.
Девять ужь дней облетала погибель весь станъ, на десятый
Созвалъ Пелидъ Ахиллесъ на собранье все войско Ахеянъ.
Мысли его обратила на то свѣтлорукая Ира:
Въ страхѣ богиня была, погибающихъ видя Аргивянъ.
Всѣ собралися они, и собраніе сдѣлалось полнымъ;
Первый, поднявшись, такъ имъ сказалъ Ахиллесъ быстроногій:

Видно, Атридъ, намъ придется опять, избраздивши все море,
Въ домы свои возвратиться, ежели только удастся
Смерти кому избѣжать; насъ война и чума совокупно
Губятъ: спросить надлежитъ намъ пророка, жреца, иль какого
Сновъ изъяснителя — сны равномѣрно приходятъ отъ Зевса —

40 **предъ тобой сожигая**

Пусть истолкуетъ онъ, чѣмъ Аполлонъ такъ ужасно прогнѣванъ?
Былъ ли обѣтъ не исполненъ? принесть ли ему экатомбу
Медлимъ? иль жертвенный запахъ отборныхъ козловъ и барановъ
Долженъ его усладить, чтобъ отъ насъ отклонилась зараза?

Кончивъ, онъ сѣлъ. И тогда поднялся птицевѣдатель зоркій,
Старецъ Кальхасъ Өесторидъ, изъ вѣщателей самый премудрый:
Вѣдалъ онъ все настоящее; вѣдалъ, что было, что будетъ;
Даръ звѣздознанья пріявъ отъ безсмертнаго сына Латоны,
Онъ управлялъ и судами Данаевъ, плывущими въ Трою.
Мыслей благихъ преисполненный, такъ онъ сказалъ Ахиллесу:

Вѣдать желаешь, Пелидъ, многославный любимецъ Зевеса,
Чѣмъ раздраженъ далекòпоражающій Фебъ Олимпіецъ:
Истину всю вамъ открою — но ты, Ахиллесъ, поклянися
Мнѣ, что и словомъ и дѣломъ меня защитишь, поелику
Думаю я, что моимъ оскорбится пророческимъ словомъ
Мужъ, обладатель Аргоса и всѣхъ повелитель Ахеянъ.
Сильнаго страшно царя человѣку простому прогнѣвать:
Если сперва и воздержитъ онъ гнѣвъ свой, то памятнымъ сердцемъ
Будетъ досадовать тайно, покуда себя не насытитъ
Мщеньемъ. Размысли же, можешь ли ты даровать мнѣ защиту?

Вѣщему старцу отвѣтствовалъ такъ Ахиллесъ быстроногій:
Смѣло открой намъ — тебѣ откровенную волю безсмертныхъ;
Я жь Аполлономъ, любимцемъ Зевеса (емуже, Кальхасъ, ты
Молишься, волю боговъ возвѣщая Данаямъ), клянуся
Здѣсь, что покуда живу и сіяніемъ дня утѣшаюсь,
Руку поднять на тебя не дерзнетъ ни одинъ изъ Данаевъ
Близь кораблей крѣпкозданныхъ; хотя бы и самъ Агамемнонъ,
Между Ахейцами первымъ слывущій, былъ названъ тобою.

Тутъ, ободренный, сказалъ Ахиллесу Кальхасъ прорицатель:
Богъ раздраженъ не забвеньемъ обѣта, не ждетъ экатомбы;
Онъ за жреца, Агамемнономъ здѣсь оскорбленнаго, гнѣвенъ,
Гнѣвенъ за то, что не выдали дочери старцу, что выкупъ отвергнутъ;
Вотъ что на насъ навлекло всѣ бѣды и еще навлечетъ ихъ
Много. И Фебъ далекòпоражающихъ рукъ не опуститъ
Прежде, покуда отцу свѣтлоокую дѣву безъ всякой

64 Пусть намъ откроетъ онъ, 72 въ ихъ плытіи къ Троѣ, 74 Знать ты желаешь, 84 Такъ Ахиллесъ быстроногій сказалъ, отвѣчая Кальхасу: 86 ему же всегда ты 91 тобой обвиненъ былъ. 92 Такъ ободренный сказалъ тутъ Пелиду

Платы, безъ выкупа выдавъ, святой не пошлемъ экатомбы
Въ Хрису: иначе ничто не смиритъ раздраженнаго Феба.

Такъ говорилъ онъ; и быстро поднялся пространнодержавный
Пастырь народовъ Атридъ, повелитель царей, Агамемнонъ,
Гнѣвомъ проникнутый; сердце его преисполнено было
Черною злобой, и очи какъ яркое пламя горѣли.
Грозно взглянувъ на Кальхаса, воскликнулъ Атридъ Агамемнонъ:

О зловѣщатель! ты добраго мнѣ никогда не пророчилъ;
Сердце твое лишь напасти предсказывать любитъ; ни разу
Словомъ и дѣломъ благимъ отъ тебя я порадованъ не былъ.
Нынѣ въ собраньи ахейскихъ вождей утверждать ты дерзаешь,
Будто за то насъ казнитъ Аполлонъ стрѣлоносецъ, что мною
Былъ отъ отца Хрисеиды, невольницы плѣнной, не принятъ
Выкупъ; но я несказанно желаю прекрасную дѣву
Въ домъ свой увезть: мнѣ она и самой Клитемнестры супруги
Стала милѣе, понеже ее превосходитъ высокимъ
Становъ, лица красотой, и умомъ, и искусствомъ въ работѣ.
Но и ее уступить я согласенъ, когда ужь такъ должно —
Лучше конечно мнѣ видѣть спасенье, чѣмъ гибель народа.
Только отъ васъ за убытокъ я долженъ имѣть воздаянье.
Мнѣ ль одному безъ возмездія быть? Неприлично, то всѣ вы
Видите сами, чтобъ даръ мой почетный былъ мною утраченъ.

Тутъ, возражая, сказалъ Ахиллесъ богоравный Атриду:
Ты, многосильный Атридъ, ненасытный копитель корыстей,
Какъ же ты требовать можешь подарка себѣ отъ Данаевъ?
Развѣ имѣютъ въ запасѣ какое богатство Данаи?
Наши добычи изъ всѣхъ городовъ мы давно раздѣлили;
Должножь ли все раздѣленное вновь собирать, чтобъ дѣлиться
Снова? Отдай ты теперь Хрисеиду, покорствуя богу;
Втрое и вчетверо будетъ тебѣ воздаянье, когда намъ
Градъ Иліонъ крѣпкостѣнный Кроніонъ разрушить позволитъ.

Царь Агамемнонъ, отвѣтствуя, такъ возразилъ Ахиллесу:
Сколь ты ни силенъ, Пелидъ богоравный, но мыслишь напрасно
Сердце мое обольстить; вамъ меня провести не удастся.
Или ты думаешь, самъ награжденный богато, что буду
Я терпѣливо сидѣть безъ награды, твоей покорившись

103 Горько разгнѣванный 118 Но за убытокъ отъ васъ надлежитъ мнѣ имѣть воздаянье. 121 Такъ, возражая, 122 ненасытно корыстолюбивый. 13 самъ одаренный богами 134 безъ подарка

Волѣ? Пускай за утрату мою отдадутъ мнѣ Данаи
То, что по мысли моей и достоинства равнаго будетъ.
Иначе, если откажутъ Данаи, своею рукою
Я иль твое, иль Аяксово, или на часть Одиссею
Данное взять къ вамъ приду, не заботясь о вашей досадѣ.
Но объ этомъ и послѣ есть время подумать, теперь же
Черный корабль на священное море немедленно спустимъ,
Выберемъ сильныхъ гребцовъ и, корабль нагрузивъ экатомбой,
Въ немъ Хрисеиду, прекрасную, свѣтлокудрявую дѣву,
Съ миромъ отпустимъ къ отцу, — корабля жь предводителемъ будетъ
Идоменей, иль Аяксъ, иль герой Одиссей богоравный,
Или ты самъ Ахиллесъ, межь Ахеянъ ужаснѣйшій, бога,
Злыхъ посылателя стрѣлъ, поспѣши усмирить экатомбой.

Мрачно взглянувъ на Атрида, сказалъ Ахиллесъ быстроногій:
Ты, облеченный въ безстыдство, копитель богатствъ ненасытный,
Кто изъ Ахеянъ исполнитъ твое повеленье захочетъ,
Если пошлешь иль въ сраженье иль въ трудный походъ за добычей?
Я же сюда съ кораблями пришелъ не Троянъ копьеносныхъ
Въ битвѣ губить: мнѣ отъ нихъ никакой не бывало обиды;
Не были ими ни кони мои, ни быки своевольно
Схвачены, также они и полей многоплодно-обильной
Фтіи моей не топтали: покрытыя тѣнистымъ лѣсомъ
Горы и море пространно-шумящее насъ разлучаютъ.
Здѣсь для тебя мы, чтобъ ты веселился, безстыдный, чтобъ брату
Честь возвратилъ и чтобъ Трою, собачьи глаза, низпровергнулъ,
Мстя за свое оскорбленье: но ты и не мыслишь объ этомъ;
Нынѣ жь и взять у меня мой участокъ добычи грозишься,
Стоившій мнѣ несказанныхъ трудовъ, мнѣ Ахейцами данный.
Здѣсь не бывало такихъ какъ твои мнѣ участковъ, когда намъ
Городъ какой многолюдный троянскій разрушить случалось.
Бремя тревогъ утомительно-шумнаго боя лежало
Все на плечахъ у меня, при раздѣлѣ жь богатой добычи
Лучшая часть доставалась тебѣ, и довольствуясь малымъ,
Я къ кораблямъ возвращался, трудомъ боевымъ изнуренный.
Нѣтъ, мнѣ пора возвратиться въ мою плодоносную Фтію;
Время домой отвести корабли крутоносые. Ты же
Здѣсь, оскорбивши меня, ни добычь, ни богатства не скопишь.

151 Если велишь иль въ сраженье идти иль въ походъ за добычей?

Пастырь народовъ Атридъ, возражая, сказалъ Ахиллесу·
Хочешь бѣжать ты — бѣги! Умолять ужь конечно не буду
Я, чтобъ остался ты здѣсь для меня; здѣсь найдется довольно
Бодрыхъ вождей для добытія славы; за насъ и Кроніонъ.
Ты изъ питомцевъ Зевеса царей для меня ненавистнѣй
Всѣхъ; ты всегдашній заводчикъ раздоровъ, смятеній и брани.
Правда, ты силенъ; но сила даруется намъ безъ заслуги
Небомъ. Веди же въ отчизну свои корабли и дружины,
Властвуй спокойно своей плодоносною Фтіей; ты здѣсь мнѣ
Вовсе не нуженъ; о гнѣвѣ твоемъ не забочусь; напротивъ
Слушай: когда ужь беретъ у меня Аполлонъ Хрисеиду,
Въ собственномъ я кораблѣ и съ своими людьми не замедлю
Дѣву послать; но за то изъ шатра твоего Брисеиду,
Даръ твой почетный, своею рукою исторгну, чтобъ зналъ ты,
Сколь я сильнѣе тебя, чтобъ впередъ и другіе страшились
Дерзостно мнѣ возражать и со мною надменно равняться.
Такъ онъ сказалъ. Закипѣло въ косматой груди Ахиллеса
Сердце; межь двухъ волновался онъ, сильно озлобленный, мыслей:
Острый ли мечь отъ бедра отхвативъ, сквозь Данаевъ прорваться
Прямо къ Атриду и разомъ его умертвить; иль кипучій
Гнѣвъ успокоить и руку свою воздержать отъ убійства.
Тою порой какъ разсудкомъ и сердцемъ онъ такъ колебался,
Выхвативъ мечь изъ ноженъ въ половину, великій, слетѣла
Съ неба Аѳина Паллада — ее свѣтлорукая Ира,
Сердцемъ обоихъ любя, за обоихъ тревожась, послала;
Ставъ позади Ахиллеса, его за густые схватила
Кудри богиня, ему лишь открывшись, незримая прочимъ.
Очи назадъ обратилъ, изумясь, Ахиллесъ; онъ Аѳину
Разомъ узналъ, устрашенный ея пламенѣющимъ окомъ.
Къ ней обратился лицомъ онъ и бросилъ крылатое слово:
Дочь потрясателя грозной эгиды, зачѣмъ ты, богиня,
Здѣсь? Любоваться ль пришла самовластнымъ нахальствомъ Атрида?
Я же тебѣ говорю, и тому неминуемо сбыться:
Жизнію онъ за свою безразсудную гордость заплатитъ.
Такъ отвѣчала Аѳина богиня лазурныя-очи:
Гнѣвъ успокоить твой, если покоренъ мнѣ будешь, сошла я
Съ неба — меня свѣтлорукая Ира, тебя и Атрида
Сердцемъ любя, за обоихъ васъ сердцемъ тревожась, послала.
Вдвинь же убійственный мечь свой въ ножны и спокойся; словами
Можешь съ нимъ ратовать, сколько душа пожелаетъ. Тебѣ же

Я предскажу, и мое предсказанье исполнится вѣрно:
Нѣкогда втрое богатою платой твое оскорбленье
Гордый загладитъ; теперь усмирися и будь намъ покоренъ.
Такъ, отвѣчая богинѣ, сказалъ Ахиллесъ быстроногій:
Слово, богиня, уважить твое безъ сомнѣнія должно,
Сколь бы ни злилась душа; то будетъ конечно полезнѣй:
Смертный, покорный богамъ, завсегда и богами внимаемъ.
Тутъ къ рукояти серебряной крѣпкую руку притиснувъ,
Мечь свой великій въ ножны онъ, покорствуя слову богини,
Вдвинулъ. Она же на свѣтлый Олимпъ улетѣла, въ жилище
Зевса эгидодержавца, въ собраніе прочихъ безсмертныхъ.
Снова Пелидъ обратился съ ругательной рѣчью къ Атриду.
Такъ онъ ему говорилъ, преисполненный яростнымъ гнѣвомъ:
Пьяница, сердце оленье, собачьи глаза, никогда ты,
Въ панцырь облекшися, воинства въ бой не водилъ, ни однажды,
Съ первыми вмѣстѣ вождями въ засаду засѣвъ, не рѣшился
Выждать врага — ты въ сраженьи лишь смерть неизбѣжную видѣлъ.
Легче конечно, бродя по широкому стану Ахеянъ,
Силой добычи у тѣхъ отымать, кто тебѣ прекословитъ;
Царь душегубецъ, ты видно не смѣлыхъ людей повелитель;
Иначе думаю нынѣ въ послѣдній бы разъ такъ обидно
Здѣсь говорилъ. Но послушай меня: я священнымъ клянуся
Этимъ жезломъ, и столь вѣрно, какъ то, что ни листьевъ, ни вѣтвей
Онъ ужь не пуститъ, покинувъ, отрубленный, гору, и вѣчно
Зеленъ не будетъ — теперь отъ коры и листовъ онъ очищенъ
Острою мѣдью; его скиптроносцы владыки Ахеянъ,
Правды блюстители, держатъ въ рукахъ, на землѣ сохраняя
Зевсовъ порядокъ. И нынѣ моей онъ великою клятвой
Будетъ. Наступитъ пора; Ахиллеса Ахеяне станутъ
Всѣ призывать. И не будешь ты имъ, сколь ни сѣтуй, защитой
Противъ людей истребителя Гектора, ихъ безпощадно
Въ боѣ толпами губящаго; сердце свое лишь измучишь,
Поздно раскаясь, что лучшаго между Ахеянъ обидѣлъ.
Такъ онъ сказалъ и свой жезлъ, золотыми гвоздями обитый,
Бросивъ на землю, нахмуренный, сѣлъ. Агамемнонъ
Гнѣвно словами его оскорблять продолжалъ. Тутъ поднялся
Звонкоголосный, привѣтнорѣчивый витязь пилійскій,
Несторъ, котораго рѣчи лилися какъ медъ благовонный

214 теперь успокойся 217 То конечно полезнѣе будетъ: 231 Царь поглотитель людей, ты не смѣлыхъ людей повелитель;

Съ сладостныхъ устъ; два колѣна людей говорящихъ, съ нимъ вмѣстѣ
Жившія, кончили жизнь и исчезли; во градѣ священномъ
Пилосѣ царствовалъ онъ ужь надъ третьимъ людей поколѣньемъ.
Мыслей благихъ преисполненный, такъ онъ сказалъ предъ собраньемъ:
Горе намъ! злая печаль всю ахейскую землю обыметъ,
Будутъ Пріамъ и Пріамовы всѣ сыновья и Трояне
Въ сердцѣ своемъ ликовать несказанно, когда къ нимъ достигнетъ
Слухъ о раздорѣ, смутившемъ вождей знаменитѣйшихъ нашихъ,
Первыхъ межь нами и мудрымъ совѣтомъ и мужествомъ въ битвѣ.
Дайте, о дайте мнѣ васъ образумить! меня вы моложе
Оба; и съ лучшими, нежели вы, современно на свѣтѣ
Жилъ и знавался, и не былъ отъ нихъ за ничто принимаемъ.
Я ужь не вижу теперь, не увижу и послѣ, подобныхъ
Славнымъ любимцамъ боговъ, Пириѳою, Дріасу, Кенею,
Или Эксадію, или владыкѣ людей Полифему,
Или Тезею, Эгееву богоподобному сыну:
Силою съ ними конечно никто на землѣ не равнялся;
Сами сильнѣйшіе, въ бой и сильнѣйшихъ они вызывали;
Страшныхъ Кентавровъ они на горахъ истребили. Въ то время
Я ихъ товарищемъ былъ, къ нимъ пришедъ изъ далекаго града
Пилоса, призванный ими самими, и подвиговъ много,
Ратуя вмѣстѣ, тогда мы свершили; никтобъ изъ живущихъ
Нынѣ людей земнородныхъ не въ силахъ былъ съ ними бороться.
Но и они мой цѣнили совѣтъ, моему покорялись
Слову. И вы покоритесь ему. Намъ покорность полезна.
Плѣнницы ты у него не бери, Агамемнонъ, — ты властенъ
Взять, но ее получилъ онъ отъ рати ахейской въ почетный
Даръ; а тебѣ, благородный Пелидъ, неприлично такъ спорить
Дерзко съ царемъ — ни одинъ на землѣ изъ царей скиптроносныхъ,
Зевсомъ прославленныхъ, не былъ подобною честью украшенъ.
Если, рожденный богиней, ты въ даръ получилъ при рожденьи
Болѣе мужества; выше онъ властью, онъ царь надъ царями.
Ты же, Атридъ, успокойся, и къ просьбѣ моей благосклонно
Слухъ преклони, не враждуй съ Ахиллесомъ: Ахеянамъ твердой
Онъ обороною служитъ въ пылу истребительной брани.
Нестору такъ, возражая, отвѣтствовалъ царь Агамемнонъ:
Старецъ, ты правду сказалъ, и разуменъ совѣтъ твой; но этотъ
Гордый всегда передъ всѣми себя одного выставляетъ,

Всѣми господствуетъ, всѣмъ управляетъ какъ царь самовластный,
Хочетъ для всѣхъ быть закономъ, который никѣмъ здѣсь не признанъ.
Если искусно владѣтъ онъ копьемъ наученъ отъ безсмертныхъ,
Въ правѣ ль за то раздражать здѣсь людей оскорбительнымъ словомъ?
Рѣчь перебивши его, отвѣчалъ Ахиллесъ богоравный:
Жалкимъ, достойнымъ презрѣнія трусомъ пусть буду я признанъ,
Если во всемъ, что замыслишь ты, буду тебѣ покоряться.
Властвуй другими и все имъ предписывай, я же
Власти твоей признавать не хочу и тебѣ не поддамся.
Слушай однако и въ сердце свое запиши, что услышишь.
Противъ тебя и другихъ за невольницу рукъ подымать я
Вовсе не думаю; данное вами возмите обратно:
Но до того, что мое на моихъ корабляхъ крѣпкозданныхъ,
Я ни тебѣ ни твоимъ не дозволю дотронуться. Еслижь
Хочешь, отвѣдай — тогда всѣ Ахейцы увидятъ, какъ черной
Кровью твоею мое боевое копье обольется.
Тутъ, разъяренные оба, ругательный бой прекративши,
Встали и собранныхъ всѣхъ къ кораблямъ распустили Ахеянъ.
Къ чернымъ своимъ кораблямъ Ахиллесъ возвратился съ Патрокломъ
Сыномъ Менетія, съ нимъ и другіе друзья Мирмидоны.
Тою порою корабль на соленую влагу, избравши
Двадцать гребцовъ, повелѣлъ Агамемнонъ спустить съ экатомбой,
Фебу назначенной; самъ Хрисеиду прекрасно-младую
Взвелъ на корабль; и его Одиссею премудрому ввѣрилъ.
Всѣ собрались мореходцы и въ путь устремилися влажный.
Тутъ повелѣлъ очищаться Ахеянамъ царь Агамемнонъ;
Разомъ омывшись, они все нечистое бросили въ море.
Послѣ жь дабы усмирить Аполлона, сожгли экатомбу
Козъ и быковъ на брегу непріятно-безплодной пучины.
Съ облакомъ дыма взошло къ небесамъ благовоніе жертвы.
Такъ очищалася рать. Той порою Атридъ Агамемнонъ,
Все, чѣмъ грозилъ Ахиллесу, спѣша совершить, Эврибата
Вмѣстѣ съ Талѳибіемъ, царскихъ глашатаевъ, призвалъ.
Были проворные слуги они; имъ сказалъ Агамемнонъ:
Оба идите въ шатеръ Ахиллеса Пелеева сына;
За руку взявъ Брисеиду, ко мнѣ возвратитесь съ прекрасной
Дѣвой; а если ее не захочетъ онъ выдать, за нею
Самъ я съ другими приду, и тогда огорченье сильнѣе

Будетъ ему. Такъ сказавъ, ихъ послалъ онъ съ грозящимъ къ Пелиду
Словомъ. Пошедъ не охотно ко брегу безплоднаго моря,
Скоро они къ кораблямъ и шатрамъ мирмидонскимъ достигли.
Близь корабля и шатра своего Ахиллесъ богоравный
Мрачный сидѣлъ; и не радостно было ему ихъ явленье.
Полные страха глашатаи въ смутномъ молчаньи
Оба стояли, къ нему обратить не дерзая вопроса.
Онъ же, ихъ робкимъ смятеньемъ разтроганный, кротко сказалъ имъ:

Милости просимъ, глашатаи, воли людей и безсмертныхъ
Вѣстники; смѣло приближтесь; виновны не вы — Агамемнонъ,
Взять у меня Брисеиду сюда васъ приславшій, виновенъ.
Другъ, благородный Патроклъ, приведи Брисеиду и выдай
Имъ; пусть за ними послѣдуетъ! Я же въ свидѣтели нынѣ
Васъ предъ судомъ и блаженныхъ боговъ и людей земнородныхъ,
Также равно и предъ нимъ необузданнымъ, здѣсь призываю:
Если случится, что снова въ бѣдѣ я Ахеянамъ буду
Нуженъ.... Безумный! онъ самъ на себя и другихъ накликаетъ
Злую бѣду, ни назадъ ни впередъ не глядя, и Ахеянъ,
Бьющихся близь кораблей крѣпкозданныхъ, защиты лишая.

Такъ говорилъ онъ. Патроклъ благородный, покорствуя другу,
Вывелъ Брисееву дочь изъ шатра и глашатаямъ выдалъ
Милую дѣву. И съ нею къ ахейскимъ шатрамъ возвратились
Оба. За ними жь она съ отвращеньемъ пошла. И, заплакавъ,
Сѣлъ Ахиллесъ одиноко, вдали отъ друзей, на пустынномъ
Берегѣ моря сѣдаго. Смотря на свинцовыя волны,
Руки онъ поднялъ и, милую мать призывая, воскликнулъ:

Милая мать, на недолгую жизнь я рожденъ былъ тобою.
Славу за то даровать обѣщалъ мнѣ высокогремящій
Зевсъ Олимпіецъ. Но что жь даровалъ онъ? какая мнѣ слава?
Царь Агамемнонъ владыка народовъ меня обезчестилъ,
Взялъ достоянье мое и теперь имъ безстыдно владѣетъ.

Такъ говорилъ онъ въ слезахъ, и услышала жалобы сына
Мать въ глубинѣ неиспытанной моря въ жилищѣ Нерея.
Легкимъ туманомъ съ пучины сѣдой поднялася богиня;
Къ сыну, ліющему горькія слезы, приближась, съ нимъ рядомъ
Сѣла она и сказала, ему потрепавши рукою
Щеки: О чемъ же ты плачешь, дитя? что твою сокрушаетъ
Душу? Скажи, не скрывайся, со мной подѣлися печалью.

Такъ ей, вздохнувъ глубоко̀, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
Вѣдаешь все ты сама; мнѣ не нужно расказывать. Въ Ѳивы,
Градъ Этеоновъ священный, ходили мы сильной дружиной;
Градъ истребивъ, мы сюда воротились съ великой добычей;
Все раздѣлили какъ слѣдуетъ между собою Ахейцы;
Сыну Атрееву даромъ почетнымъ была Хрисеида,
Дочь молодая Хрисеса жреца Аполлонова. Тяжкимъ
Горемъ крушимый, чтобъ выручить милую дочь изъ неволи,
Съ выкупомъ старецъ богатымъ пришелъ къ кораблямъ крѣпкозданнымъ,
Жреческій жезлъ золотой Аполлоновымъ лавромъ обвивши;
Всѣхъ обходилъ онъ Ахеянъ, склоняя сердца ихъ на жалость;
Паче жъ другихъ, убѣждалъ двухъ Атридовъ , вождей надъ вождями.
Всѣхъ онъ молилъ: восклицаньемъ всеобщимъ рѣшили Ахейцы
Просьбу исполнить жреца и принять предложенный имъ выкупъ.
Но Агамемнону, сыну Атрея, то было противно;
Старца моленье отвергъ онъ, жестокое слово примолвивъ.
Жрецъ удалился разгнѣванный; Фебъ, издалека разящій,
Жалобный голосъ имъ многолюбимаго старца услышалъ;
Злую стрѣлу истребленья послалъ онъ, и начали гибнуть
Люди; и, смерть разнося по широкому стану Ахеянъ,
Фебовы стрѣлы ужасно летали. Тогда прорицатель,
Вѣдатель воли далекогрозящаго бога, открылъ намъ
Гнѣва причину; и первый я подалъ совѣтъ примириться
Съ Фебомъ. Атридъ раздражился; стремительно вставъ , онъ грозилъ мнѣ
Яростнымъ словомъ: и нынѣ его совершилась угроза.
Въ Хрису на быстромъ везутъераблѣ Хрисеиду, младую
Дѣву, Ахейцы съ дарами царю Аполлону. И были
Присланы два ужь глашатая въ царскій шатеръ мой Атридомъ
*Взять Брисеиду, за подвиги данную мнѣ отъ Ахеянъ.
Если ты можешь, вступися за честь оскорбленнаго сына,
Милая мать; полети на Олимпъ къ громовержцу, и если
Словомъ иль дѣломъ когда угодила ему, помолися
Нынѣ за сына. Не разъ отъ тебя я въ Пелеевомъ домѣ
Слышалъ, какъ Зевсъ чернооблачный нѣкогда былъ лишь тобою,
Прочимъ богамъ вопреки, отъ бѣды и позора избавленъ:
Противъ него сговорясь, Олимпійцы Аѳина Паллада,

392 Слово «данную» подчеркнуто.

Ира и богъ Посидонъ замышляли связать громоносца;
Въ помощь къ нему ты, богиня, пришла, и отъ срама избавленъ
Былъ онъ тобой; на Олимпъ привела ты сторукаго — звали
Боги его Бріареемъ, онъ слылъ у людей Эгеономъ.
Грозный Титанъ, и отца своего превзошедшій великой
Силою, рядомъ съ Кроніономъ сѣлъ онъ, огромный и гордый;
Имъ устрашенные боги, связать не посмѣли Зевеса.
Нынѣ и ты близь Кроніона сядь, и рукою колѣно
Тронувъ его, помолись за меня, чтобъ послалъ онъ Троянамъ
Помощь, чтобъ къ морю они оттѣснили Ахеянъ, чтобъ, гибель
Видя, Ахейцы своимъ похвалились царемъ, чтобъ и самъ онъ,
Гордый, пространнодержавный владыка людей, Агамемнонъ
Горько постигнулъ, что лучшаго между Ахеянъ обидѣлъ.
Сыну Θетида въ слезахъ, сокрушенная, такъ отвѣчала:
Горе! дитя, для чего я тебя родила и вскормила!
Здѣсь близь твоихъ кораблей, не крушась и не плача, сидѣть бы
Долженъ ты былъ, на землѣ обреченный такъ мало, такъ мало
*Жить. Но безвременно здѣсь умереть, въ сокрушеньи истративъ
Жизнь — для того ли тебя мнѣ родить повелѣла судьбина?
Съ этою жалобой къ молніелюбцу Зевесу отсюда
Я подымусь на Олимпъ снѣгоносный. Меня онъ услышитъ.
Ты же вблизи кораблей крѣпкозданныхъ спокойно, питая
Гнѣвъ на Атрида, сиди и въ сраженье отнюдь не мѣшайся.
*Зевсъ на потокъ Океанъ къ Эθіопамъ вчера безпорочнымъ
Вмѣстѣ со всѣми богами на праздникъ пошелъ; онъ оттуда
Прежде двѣнадцати дней возвратиться не можетъ.
Въ домъ мѣднокованный къ Зевсу тогда я приду и, колѣна
Тронувъ его, помолюсь о тебѣ, и молитвы конечно
Онъ не отринетъ. — Съ симъ словомъ изчезла богиня, оставя
Гнѣвнаго сына въ тоскѣ по краснопоясанной дѣвѣ, насильно
Сердцу ея вопреки отъ него уведенной къ Атриду.
Въ Хрису тѣмъ временемъ плылъ Одиссей съ экатомбой; когда же
Быстрый корабль ихъ въ глубокую пристань проникнулъ, свернули
Всѣ паруса и уклали на палубѣ ихъ мореходцы,
Мачту потомъ опустили въ хранилище, крѣпкимъ канатомъ
Быстро на веслахъ корабль довели до притоннаго мѣста,
Якорный бросили камень, канатомъ корабль прикрѣпили
Къ берегу, сами сошли на волной орошаемый берегъ.
*Съ ними была снесена и великая Фебова жертва;

423 Слово «вчера» подчеркнуто.

Съ ними сошла съ корабля и сопутница ихъ Хрисеида.
Дѣву немедля приведши во храмъ, Одиссей многоумный
Самъ ее отдалъ руками отцу и сказалъ, отдавая:
Присланъ къ тебѣ, о Хрисесъ, я Атридомъ владыкой народовъ
Дочь возвратить и принесть экатомбу священную Фебу
Въ даръ за Ахеянъ, чтобъ гнѣвъ укротился великаго бога,
Имъ приключившаго тмы сокрушающихъ сердце напастей.
Такъ говоря, Хрисеиду онъ отдалъ; съ веселіемъ принялъ
Старецъ любезную дочь. По порядку потомъ экатомбой
Фебовъ высокій алтарь окружили Ахейцы, омыли
Руки, и горсти наполнили жертвеннымъ чистымъ ячменемъ;
Сталъ посреди ихъ Хрисесъ, и молясь Аполлону воскликнулъ:
Богъ, облетающій съ лукомъ серебрянымъ Хрису и Киллы
Свѣтлый предѣлъ, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущій,
Ты благосклонно услышалъ мою и исполнилъ молитву,
Честь мнѣ воздавъ ниспосланіемъ бѣдъ на Ахеянъ:
Выслушай вновь и исполни молитву мою благосклонно —
Гнѣвъ свой великій смири и бѣды отврати отъ Ахеянъ!
Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Аполлономъ услышанъ.
*Тѣ жь приготовленнымъ въ жертву скотамъ, ихъ ячменемъ осыпавъ,
Шеи загнули назадъ, всѣхъ зарѣзали, сняли съ нихъ кожу,
Тучныя бедра отсѣкли, кругомъ обложили ихъ жиромъ,
Жиръ же кроваваго мяса кусками покрыли; все вмѣстѣ
Старецъ зажегъ на кострѣ и виномъ оросилъ искрометнымъ;
Тѣ жь приступили, подставивъ ухваты съ пятью остріями;
Бедра сожегши и сладкой утробы вкусивъ, остальное
Все раздробили на части; на вертелы вздѣвъ осторожно,
Начали жарить; дожаривши, съ вертеловъ сняли и, дѣло
Кончивъ, обильнобогатый устроили пиръ; началося
Тутъ пированье, и всѣ насладилися пищей; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладостно-вкусною пищей,
Юноши, чашу до края наполнивъ виномъ благовоннымъ,
Въ кубкахъ его разнесли, по обычаю справа начавши.
Цѣлый день славивъ мирительнымъ пѣніемъ Феба, Ахейцы
Громко хвалебный пеанъ воспѣвали ему; совокупно
*Пѣли они стрѣлоноснаго бога; имъ благосклонно внималъ онъ.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло, и тьма наступила ночная;
Всѣ улеглися на брегѣ они у причалъ корабельныхъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;

Плыть собралися они къ отдаленному стану Ахеянъ.
Вѣтеръ попутный имъ далъ Аполлонъ, и они, совокупно
Мачту поднявъ и блестящіе всѣ паруса распустивши,
Поплыли; парусъ середній надулся, пурпурныя волны
Шумно подъ килемъ потекшаго въ нихъ корабля закипѣли;
Онъ же бѣжалъ по волнамъ, разгребая себѣ въ нихъ дорогу.
 Къ брегу приставъ и достигнувъ широкаго стана Ахеянъ,
Быстрый корабль свой они на песчаную сушу встянули;
Тамъ на подпорахъ высокихъ его утвердили, и сами
Всѣ разошлись, кто въ шатеръ, кто на черный корабль крутобокій.
 Близко своихъ кораблей крѣпкозданныхъ сидѣлъ, продолжая
*Гнѣвъ свой питать, Ахиллесъ богоравный крылатыя-ноги;
Онъ никогда не являлся уже на совѣтѣ вождей многославныхъ,
Онъ не участвовалъ въ битвахъ; въ бездѣйствіи милое сердце
Онъ изнурялъ, по тревогахъ и ужасахъ брани тоскуя.
 Тою порою съ двѣнадцатымъ небо украсившимъ утромъ
Вѣчноживущіе боги на свѣтлый Олимпъ возвратились
Всѣ, предводимые Зевсомъ. Ѳетида, желаніе сына
Помня, изъ моря глубокаго съ первымъ сіяніемъ утра
Вышла; взлетѣвъ на высокое небо Олимпа, богиня
Зевса нашла тамъ; одинъ, отъ боговъ отдѣляся, всю землю
Видя, на высшей главѣ многоглаваго былъ онъ Олимпа.
Сѣвъ близь него, окружила колѣно священное бога
Лѣвой рукою Ѳетида, а правой его подбородокъ
Гладя, Кроніону тучь собирателю нѣжно сказала:
 Если, отецъ, я тебѣ межь богами когда угодила
Словомъ иль дѣломъ, мое благосклонно исполни моленье:
Сына утѣшь моего, осужденнаго рано покинуть
Жизнь; обезчестилъ его повелитель царей Агамемнонъ,
*Дерзко похитивши данный ему отъ Ахеянъ подарокъ.
Ты же отмсти за него, міродержецъ, всесильный Кроніонъ!
Пусть побѣждаютъ Ахеянъ Трояне, пока воздаянья
Полнаго сынъ за обиду свою отъ царя не получитъ.
 Такъ говорила она, и не вдругъ отвѣчалъ громовержецъ;
Долго сидѣлъ онъ въ молчаньи; Ѳетидажь къ объятому прежде
Ею колѣну прижавшися крѣпче, вторично сказала:
 Прямо отвѣтствуй, Зевесъ; никого ты страшиться не можешь;
*Иль согласися, тогда утверди головы мановеньемъ обѣтъ свой;

507 Слово «подарокъ» подчеркнуто.

*Иль откажи: чтобъ узнала я, сколь предъ тобою ничтожна.
Тяжко вздохнувъ, воздымающій тучи Зевесъ отвѣчалъ ей:
Трудное дѣло ты мнѣ предлагаешь; межь Ирой и мною
Ссора опять загорится; ругательнымъ словомъ разсердитъ
Ира меня: передъ всѣми безсмертными вѣчно со мною
Вздоритъ она, утверждая, что я за Троянъ заступаюсь.
Ты же отсюда уйди, чтобъ тебя не примѣтила Ира.
Способъ найду я тебѣ угодить; на меня положися;
*Слово свое головы мановеньемъ
Знаменье это для всѣхъ Олимпійцевъ есть знакъ величайшій
Власти моей: неизмѣнно мое непреложно и твердо
Слово, когда подтверждаю его головы мановеньемъ.
Кончилъ и черногустыми бровями повелъ громовержецъ;
Благоуханные кудри волосъ потряслись на безсмертномъ
Бога челѣ: содрогнулись кругомъ всѣ вершины Олимпа.
Тайную кончивъ бесѣду, они разлучились; съ Олимпа
Въ бездну соленую быстрымъ полетомъ слетѣла Ѳетида;
Зевсъ возвратился къ себѣ, поднялися почтительно боги
Съ троновъ своихъ передъ вѣчнымъ отцемъ; ни единый,
Сидя, его не отважился выждать, но, вставъ, всѣ на встрѣчу
Вышли къ нему. На высокомъ престолѣ онъ сѣлъ. Отъ очей же
Иры не скрылось, что съ нимъ приходила бесѣдовать тайно
Дочь среброногая старца морскаго Нерея, Ѳетида;
Къ Зевсу немедленно грубое слово она обратила:
Кто изъ боговъ, лицемѣръ, тамъ шептался такъ скрытно съ тобою?
*Вѣчно ты любишь, я знаю, себя отъ меня отклонивши,
Въ тайнѣ съ другими совѣты держать и ни разу еще ты
Мнѣ напередъ не сказалъ откровенно о томъ, что замыслилъ.
Ирѣ отвѣтствовалъ такъ повелитель безсмертныхъ и смертныхъ:
Ира, не мни, чтобъ мои всѣ совѣты постигнуть возможно
Было тебѣ; и супруга верховнаго бога не въ силахъ
Вынести ихъ. Что тебѣ сообщить я признаю приличнымъ,
Прежде тебя не услышатъ о томъ ни безсмертный ни смертный;
Если же что отъ боговъ утаить я намѣренъ, не смѣй ты
Спрашивать дерзко о томъ, и моей не развѣдывай тайны.
Ира, богиня воловьи-глаза, отвѣчала Зевесу:
Странное слово сказалъ ты, ужасный Зевесъ; никогда я
Дѣлать вопросы и въ тайны твои проникать не дерзала.
*Все, какъ хотѣлъ, ты задумывалъ, все исполнялъ безъ помѣхи.

541 Слово «отклонивши» подчеркнуто. 554 Слово «помѣхи» подчеркнуто.

Но я тревожуся, мысля теперь, что тебя обольстила
Дочь среброногая старца морскаго Нерея Ѳетида,
Утромъ съ тобой здѣсь сидя и колѣна твои обнимая:
Ей головы мановеньемъ конечно ты далъ обѣщанье
Честь Ахиллесу воздать погубленіемъ многихъ Ахеянъ.
Ирѣ отвѣтствовалъ такъ воздымающій тучи Кроніонъ:
Вѣчно, безумная, ты примѣчать и подсматривать любишь!
Трудъ безполезный! ничто не удастся тебѣ! отъ себя лишь
*Только меня отдалишь; то стократно прискорбнѣе будетъ!
Быть ли не быть ли тому, что тебя устрашаетъ, на это
Воля моя. Замолчи же и мнѣ не дерзай прекословить.
Или, тебѣ не поможетъ никто изъ боговъ олимпійскихъ,
Если я, вставъ, подыму на тебя неизбѣжную руку.
Такъ отвѣчалъ онъ. Богиня воловьи-глаза ужаснулась;
Было прискорбно то собраннымъ въ домѣ Зевеса безсмертнымъ.
Началъ тогда многославный художникъ Иѳестъ, чтобъ утѣшить
Мать свѣтлорукую, такъ говорить, обратясь къ ней и къ Зевсу:
Горько и всѣмъ намъ богамъ на Олимпѣ живущимъ несносно
Будетъ, когда вы такъ ссориться здѣсь за людей земнородныхъ
Станете, всѣхъ возмущая безсмертныхъ; испорченъ веселый
Будетъ нашъ пиръ; и чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже. Къ тебѣ напередъ я,
Милая мать, обращаюсь, хотя и сама ты разумна:
Зевсу отцу уступи, чтобъ не гнѣвался болѣ отецъ нашъ,
Сильный Зевесъ, и чтобъ весело мы пировать продолжали:
Онъ громовержецъ, онъ царь на Олимпѣ, онъ, если захочетъ,
Съ нашихъ престоловъ насъ всѣхъ опрокинетъ; онъ богъ надъ богами.
Словомъ привѣтнымъ порадуй его и къ нему приласкайся;
Снова онъ милостивъ будетъ ко всѣмъ намъ, богамъ олимпійскимъ.
Такъ онъ сказалъ и, поспѣшно приблизившись, кубокъ двудонный
Подалъ божественной матери въ руки, примолвивъ: Терпѣнье,
Милая мать; покорися, хотя то тебѣ и прискорбно;
Здѣсь ненавистныхъ побоевъ твоихъ мнѣ своими глазами
Видѣть не дай: за тебя заступиться не въ силахъ я буду,
Какъ бы того ни хотѣлъ; одолѣть Олимпійца не можно.
Было ужь разъ, что когда за тебя я поспорилъ, меня онъ,
За ногу взявши, съ Олимпа швырнулъ, и летѣлъ я оттуда
Цѣлый, кувыркаясь, день и тогда лишь, какъ стало садиться
Солнце, совсѣмъ бездыханнымъ ударился о земь въ Лемносѣ;

Дружески былъ я Синтійцами добрыми поднятъ полмертвый.
*Такъ говорилъ хромоногій Ифестъ.
Ира съ улыбкой взяла отъ него поднесенный ей кубокъ.
Сталъ онъ потомъ подносить по обычаю, справа начавши,
*Сладостный нектаръ, его изъ глубокой черпая кратеры;
Подняли смѣхъ несказанный блаженные боги Олимпа,
Видя, какъ съ кубкомъ Ифестъ, суетясь, ковылялъ по чертогу.
Вѣчные боги весь день до склоненія солнца на западъ,
Шумно пируя, себя услаждали роскошною пищей,
Дивными звуками цитры, игравшей въ рукахъ Аполлона,
Также и музъ очереднымъ, сердца проницающимъ пѣньемъ;
Но когда уклонилось на западъ блестящее солнце,
Боги, предаться желая покойному сну, разошлися
Всѣ по домамъ: имъ построены были тѣ домы
Дивно-искусной рукой хромоногаго бога Ифеста.
*Также и молній метатель могучій Кроніонъ въ чертогѣ,
Гдѣ отдыхалъ онъ обычно, блаженному сну предаваясь,
Легъ и заснулъ; съ нимъ на ложе легла златотронная Ира.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Стихи 494—718.

Были вождями дружинъ беотійскихъ Леитъ, Пепелеосъ,
Аркесилай, Проѳоэноръ и Клопій; ихъ рать составляли
Жители тучныхъ Гирійскихъ луговъ, каменистой Авлиды,
Схойнія, Скола, лѣсистоглубокихъ долинъ Этеонскихъ,
Ѳеспіи, Греи, широкопространныхъ полей Микалесса,
Свѣтлыхъ окрестностей Гармы, Эриѳры, Илесія, Илы,
Жители града Петеона, жители стѣнъ Элеона,
Копы, Эвтре́сы, Окаліи, жившіе въ зданьяхъ красивыхъ
Града Меде́она, въ Тизбѣ, стадамъ голубинымъ привольной,
Вкругъ Коронеи, на пышно-зеленыхъ лугахъ Галіарта,
Жители града Платеи, полей обработанныхъ Глиса,
Ѳивъ крѣпкостѣнныхъ, прекрасными зданьями славнаго града,
Града Онхеста, гдѣ лѣсъ посвященъ Посидону завѣтный,
Арны златымъ виноградомъ богатой, луговъ благовонныхъ
Нисы, Мидеи и стѣнъ Анѳедона, на крайнихъ лежащаго граняхъ;
Съ ними пришло пятьдесятъ кораблей крѣпкозданныхъ, и въ каждомъ
Было сто двадцат отборныхъ бойцевъ молодыхъ беотійскихъ.
Но Асподонянъ и всѣхъ, Орхоменъ населявшихъ Минейскій,
Были вождями Ареевы дѣти, Іалменъ съ Аскалафомъ —
Ихъ родила Астіоха, Акторова дочь; потаенно
Въ верхнемъ покоѣ царева жилища стыдливая дѣва,

Свидясь съ Ареемъ могучимъ, упала въ объятія бога —
Тридцать они кораблей привели къ берегамъ Иліона.

Были вождями дружины Фокеянъ, Эпистрофъ и Схедій,
Ихъже отцемъ знаменитый былъ Ифитъ, потомокъ Навбола;
Жители стѣнъ Кипариссы, утесовъ Пиѳона суровыхъ,
Жители града прекраснаго Криссы, богатыхъ полей Панопея,
Давліи, Анемореи, сосѣдней съ Гіамполемъ, также
Пахари тучныхъ полей, вкругъ Кефиссы священной лежащихъ,
Съ ними и жители близкой къ истокамъ Кефиссы Лилеи,
Сорокъ судовъ темноносыхъ оснастивъ, пришли за вождями.
Въ строй мѣднолатыхъ Фокеянъ поставивъ, вожди ихъ дружину
Лѣвымъ крыломъ къ беотійскому ближнему строю примкнули.

Былъ полководцемъ Локріянъ Аяксъ Оилей быстроногій;
Ростомъ своимъ Теламонову сыну, другому Аяксу,
Онъ уступалъ, но хотя не великъ и холстинною, тонкой
Броней покрытъ былъ, могучимъ метаньемъ копья побѣждалъ онъ
Между Ахейцами всѣхъ; населяли жь Локріяне грады
Киносъ, плодами обильную Авгію, Бессу, Ѳронійскій
Лугъ, орошенный Боагріемъ, Тарфу, Опунтъ, Калліарій;
Сорокъ привелъ онъ съ собой кораблей изъ Локриды, лежащей
Противъ святыхъ береговъ окруженной волнами Эвбеи.

Но боелюбныхъ Абантовъ, эвбейскій народъ, населявшій
Халкисъ, Эретрію, область вина Гистіэю, приморскій
Городъ Кориноъ, на горѣ неприступно-построенный Діонъ,
Стѣны Кариста и роскошью нивъ окруженную Стиру,
Велъ Эльпеноръ, многославный потомокъ Арея; рожденъ былъ
Онъ Халкодонтомъ, Эвбеи царемъ; и съ веселіемъ въ битву
Шли съ нимъ Абанты его, заплетенныя густо на тылѣ
Косы носившіе, ясенныхъ копій метатели, броней
Мѣдь на груди у врага пробивать пріобыкшіе ими.
Сорокъ пришло кораблей крѣпкозданныхъ съ эвбейской дружиной.

Строемъ къ эвбейской дружинѣ примкнули Аѳиняне; градомъ
Ихъ и всей областью властвовалъ прежде питомецъ Паллады
Царь Эрехтей, дароносной Землею рожденный; Палладой
Былъ онъ воспитанъ во храмѣ великомъ, гдѣ жертвой обильной
Агнцевъ и тучныхъ быковъ утѣшали ей сердце младыя
Дѣвы и юноши, празднуя кругосвершеніе года.
Ратью Аѳинъ Менестей полководствовалъ, сынъ Петеона,

Съ нимъже изъ всѣхъ, на землѣ обитающихъ, въ трудномъ искусствѣ
Конныхъ и пѣшихъ устраивать въ битву никто не равнялся,
Кромѣ великаго Нестора — старше однако его былъ
Несторъ годами. Привелъ пятьдесятъ кораблей онъ съ собою.

Сынъ Теламоновъ Аяксъ отъ бреговъ Саламины двѣнадцать
Черныхъ привелъ кораблей: онъ придвинулъ ихъ къ строю Аѳинянъ.

Жителей Аргоса, башневѣнчаннаго града Тиринѳа,
Асины, скрытой въ глубокомъ заливѣ морскомъ Герміоны,
Винобогатыхъ холмовъ Эпидавра, Эйоны, Трезены,
Юношей Масія, жителей волнообъятой Эгины,
Былъ полководцемъ герой Діомедъ, вызыватель въ сраженье;
Вождь ихъ второй былъ Сѳенелъ, многославнаго сынъ Капанея;
Третій же вождь Эвріалъ, богоравный герой, Мекистеевъ
Сынъ, Талаона державнаго внукъ; но главою надъ ними
Былъ Діомедъ, вызыватель въ сраженье; пришелъ отъ Аргоса
Онъ къ берегамъ Иліона съ осьмьюдесятью кораблями.

Жители древней Микены, домовъ велелѣпіемъ славной,
Ареѳиреи прекрасной, Коринѳа богатаго, свѣтлыхъ
Зданій Клеоніи, жители града Орнеи, старинныхъ
Стѣнъ Сикіона, Адрасту подвластнаго въ прежнее время,
Жившіе въ древнихъ стѣнахъ Гипересіи, въ градѣ Пелленѣ,
*Въ Эгіи, въ крѣпко-нагорныхъ стѣнахъ Гоноэссы твердынной,
Пахари тучныхъ приморскихъ полей, достигавшихъ до самой
Гелики, — вслѣдъ за царемъ Агамемнономъ, сыномъ Атрея,
Сто кораблей привели; полководецъ избраннѣйшихъ, самъ онъ
Шелъ передъ ними, сіяющій мѣдной бронею, прекрасный,
Гордый; величіе прочихъ вождей затмѣвалъ онъ, понеже
Былъ ихъ глава и сильнѣйшей дружиной начальствовалъ въ войскѣ.

*Жители скрытаго между холмовъ Лакедемона, Спарты,
Феры, Мессаны, гдѣ много слетается стадъ голубиныхъ,
Пахари тучныхъ полей, окружающихъ грады Брисею,
Авгію, Амиклы, жители Гелоса, близкаго къ морю,
Лааса, свѣтлыхъ равнинъ, орошенныхъ Этилосомъ, были
Братомъ царя предводимы, отважнымъ въ бояхъ Менелаемъ;
Вывелъ на смотръ шестьдесятъ кораблей онъ; но строемъ отдѣльнымъ
Ратныхъ поставилъ, и ихъ, на себя одного уповая,

Въ бой возбуждалъ: пламенѣло его нетерпѣніемъ сердце —
Мщенье свершить за позоръ, приключенный обидой Елены.

Къ нимъ примкнули Пиліяне, жители тучныхъ Аренскихъ
Пажитей, Ѳрія, гдѣ былъ перевозъ чрезъ Алфей, Кипариссы,
Эпіи крѣпкой, Птелеона, Гелоса, Амфигенеи,
Также и града Доріона, гдѣ Ѳамириса Ѳракійца
Встрѣтили музы и въ немъ уничтожили даръ пѣснопѣнья:
Онъ изъ Эхаліи шелъ; посѣтивши тамъ Эврита, хвасталъ
Онъ передъ нимъ, что побѣду одержитъ, хотя бы и сами
Музы, Зевеса эгидоносителя дочери, спорить
Съ нимъ въ пѣснопѣніи стали; и въ гнѣвѣ его ослѣпили
Музы, и даръ пробуждать сладкопѣнье въ струнахъ онъ утратилъ.
Былъ полководцемъ дружины Пиліянъ
Несторъ; онъ въ Трою привелъ девяносто судовъ крѣпкозданныхъ.

Люди Аркадіи — храбрый народъ — на покатѣ Киллены
Жившіе (тамъ, гдѣ находится Эпитовъ памятникъ древній),
Жители паствъ Орхомена, луговъ, окружающихъ Феносъ,
Рипы, Стратіи, напору всѣхъ вѣтровъ открытой Энисны,
Злачнополяной Тегеи, предѣловъ Стимфала, Паррасіи, тучной
Жатвой обильныхъ полей Мантинеи, прекраснаго града, —
Агапенора, Анкеева сына, вождемъ признавали:
Въ Трою привелъ шестьдесятъ кораблей онъ, и много аркадскихъ
Воиновъ храбрыхъ пришло съ нимъ въ его корабляхъ крѣпко-
зданныхъ.
Самъ Агамемнонъ, владыка народовъ, его кораблями
снабдилъ для отплытія въ темное море, понеже
Было Аркадянамъ вовсе невѣдомо дѣло морское.

Жившихъ въ Элидѣ священной, въ Бупрасіи, въ краѣ, который
Грады Мирсинъ пограничный, Гирмину, Алисій, до самыхъ
Скалъ Оленійскихъ въ предѣлахъ своихъ заключаетъ, четыре
Храбрыхъ вождя предводили — у каждаго девять летучихъ,
Полныхъ Эпейцами, было въ строю кораблей: Амфимаху
Сыну Ктеата одна изъ дружинъ покорялась; другая
Ѳалпію сыну Эвритоса Акторіада; вождемъ былъ
Третьей эпейской дружины Діоръ, Амаринковъ отважный
Сынъ, а четвертой начальствовалъ вождь Поликсенъ богоравный,
Сынъ Агасѳена властителя, внукъ знаменитый Авгея.

Мужи Дулихія, люди святыхъ острововъ Эхинадскихъ,
Жившіе на морѣ шумномъ сосѣдственно съ брегомъ Элиды,

Власть признавали Мегеса, подобнаго силой Арею;
Былъ онъ Филея, коней обуздателя, сыномъ, Филея,
Ссорой съ отцемъ принужденнаго скрыться на островъ Дулихій;
Сорокъ Мегесъ кораблей быстроходныхъ привелъ къ Иліону.
Царь Одиссей предводителемъ былъ Кефалонянъ могучихъ,
Жившихъ въ Итакѣ суровой, па шумно-лѣсистыхъ вершинахъ
Нерита, вдоль береговъ Крокилеи, межь скалъ Эгилипы;
Жители Сама, полей хлѣбодарныхъ Закинѳа и твердой
Близко лежащей Эпирской земли матерой, равномѣрно
Всѣ Одиссею, какъ Зевсъ многомудрому, были подвластны.
Въ Трою съ собой онъ двѣнадцать привелъ кораблей красногрудыхъ.
Сынъ Андремоновъ Ѳоантъ полководствовалъ ратью Этолянъ,
Жившихъ въ стѣнахъ Плеурона, въ Халкидѣ приморской, въ Оленѣ,
Въ горномъ краю Калед онскомъ, въ окрестностяхъ града Пилены;
Войско жь Этолянъ избрало Ѳоанта вождемъ, поелику
Былъ Оиней ужь въ Аидѣ, и не было болѣ на свѣтѣ
Храбрыхъ его сыновей, и давно Мелеагръ свѣтлокудрый
Въ область сведенъ былъ подземную; сорокъ пришло кораблей съ нимъ.
Съ Идоменеемъ пришли копьеносные Критяне; жили
Въ Гноссѣ они, въ окруженной твердой Гортинѣ,
Въ Ликтѣ, въ Милетѣ, окрестъ бѣлостѣннаго града Ликаста,
Въ Фестѣ, въ Ритіонѣ, множествомъ жителей шумно-кипящемъ,
Также и въ прочихъ краяхъ многолюдныхъ стограднаго Крита.
Идоменей, копьевержецъ могучій, былъ главнымъ вождемъ ихъ;
Съ нимъ Меріонъ, истребителю ратей Арею подобный;
Вмѣстѣ они обладали осьмьюдесятью кораблями.
Силы Иракла великаго сынъ Тлеполемъ изъ Родоса,
Девять привелъ кораблей съ необузданно-храброй дружиной.
Люди его населяли три города: въ твердомъ Камирѣ
Жили одни, въ свѣтлостѣнномъ Ялиссѣ другіе, и въ Линдѣ
Третьи; ихъ вождь Тлеполемъ, копьеборствомъ герой знаменитый,
Былъ Антіохой Ираклу рожденъ; Астіоху жь похитилъ
Сильный Иракль съ береговъ Селлеэнта, потока Эфиры,
Тамъ, гдѣ онъ многихъ питомцевъ Зевесовыхъ грады разрушилъ.

Старца сѣдаго, питомца Ареева. Въ страхѣ, что будетъ

Месть за убійство ему отъ сыновъ и отъ внуковъ Иракла,
Онъ поспѣшилъ корабли изготовить и съ вѣрной дружиной
Храбрыхъ товарищей, въ темнопустынное море пустился;
Много тревогъ испытавши, достигли оии до Родоса,
Гдѣ и осталися жить, раздѣлившися на три колѣна,
Свыше хранимые Зевсомъ, владыкой безсмертныхъ и смертныхъ;
Пролилъ на нихъ изобиліе щедрой рукою Кроніонъ.

Прибыло три корабля легкокрылыхъ изъ Симы съ Ниреемъ,
Сыномъ Харопа царя и Аглаи, съ Ниреемъ, который
Всѣхъ затмѣвалъ красотою своею Данаевъ, пришедшихъ
Въ Трою; съ однимъ лишь не могъ безпорочнымъ Пелидомъ равняться;
Былъ онъ не мужественъ; войско его малочисленно было.

Жителей волнообъятаго Нисира, Каса, Крапаѳа,
Коса (гдѣ градъ свой имѣлъ Эврипилъ), островов Калидиійскихъ
Были вождями Фидиппъ и Антифосъ, два брата; отецъ ихъ
Былъ знаменитый Ѳессалъ, Ираклидъ, повелитель народовъ;
Тридцать они кораблей привели къ берегамъ Иліона.

Тѣ же, которыми былъ обитаемъ Аргосъ Пеласгійскій,
Жители Алоса, града Алопы, Трахинъ многолюдныхъ,
Фтіи, Эллады, прекрасноцвѣтущими дѣвами славной,
(Имя же общее имъ Мирмидоны, Эллены, Ахейцы) —
Съ ними привелъ пятьдесятъ кораблей Ахиллесъ богоравный.
Но въ то время они не готовились къ бою, въ то время
Некому было вести ихъ могучаго строя въ сраженье:
Праздно сидѣлъ посреди кораблей Ахиллесъ быстроногій,
Злясь за свою Брисеиду прекраснокудрую дѣву,
Взятую нѣкогда въ плѣнъ имъ съ трудомъ несказаннымъ въ Лирнесѣ:
Онъ ниспровергнулъ тогда и Лирнесъ и высокія Ѳивы,
Послѣ того какъ Минетъ и Эпистрофъ, метатели копій,
Дѣти царя Селепида Эвена, сраженные въ боѣ имъ, пали.
Праздно онъ гнѣвный сидѣлъ.... но воздвигнуться долженъ былъ скоро.

Жителей тучной Филаки, луговъ цвѣтоносныхъ Пираса,
Агнцамъ привольной Итоны (Деметрѣ любезнаго края),
Моремъ омытой Антроны, травяныхъ равнинъ Птелеонскихъ,
Протесилай многославный вождемъ былъ, покуда сіяньемъ
Дня веселился; но былъ онъ землей ужь покрытъ, и въ Филакѣ

Тяжко о немъ тосковала вдова, раздирая ланиты;
Домъ недостроеннымъ свой онъ оставилъ: изъ всѣхъ онъ Ахеянъ
Первый убитъ былъ Дарданцемъ, ступя на Троянскую землю
Первый. Былъ избранъ другой вождь; но войско о прежнемъ скорбѣло;
Вождь же избранный былъ храбрый Подаркесъ, питомецъ Ареевъ,
Сынъ обладателя стадъ Ификлая, Филакова сына,
Протесилаевъ родной, но гораздо родившійся позже,
Братъ: былъ и старше годами и силою крѣпче
Протесилай богоравный, Арею подобный. Имѣло
Войско вождя, но крушилось оно, поминая о мертвомъ.
Сорокъ въ Дарданію прибыло съ нимъ кораблей чернобокихъ.
*Жившихъ близь водъ Бебенскаго-Озера, въ Ферѣ и Бебахъ,
Жителей пышнаго града Іолка и свѣтлой Глафиры
Вождь знаменитый Эвмелъ предводилъ, сынъ Адметовъ, Алкестой
Самой прекрасной изъ всѣхъ дочерей Пеліаса рожденный;
Было одиннадцать съ нимъ кораблей у бреговъ Иліона.
Жившихъ въ Метонѣ, окрестъ Таумакіи, между суровыхъ
Скалъ Олизона, среди цвѣтоносныхъ луговъ Мелибеи,
Былъ предводителемъ дивный стрѣлокъ Филоктетъ

МЫСЛИ

о первоначальномъ различіи римскихъ Патриціевъ и Плебеевъ въ религіозномъ отношеніи.

ВВЕДЕНІЕ.

Римскіе патриціи говорятъ о себѣ, уже при первыхъ зачаткахъ Рима, какъ о племени издревле осѣдломъ и живущемъ въ фамильномъ быту. Они ставятъ себя такимъ образомъ въ противоположность къ плебеямъ, чуждымъ всякихъ родовыхъ связей [1]. Самый языкъ подтверждаетъ это мнѣніе, ибо называя патриціевъ populus, онъ выражаетъ тѣмъ самымъ понятіе о такомъ обществѣ, которое выросло, на подобіе растенія, изъ одного зерна, между тѣмъ какъ подъ именемъ plebs разумѣетъ онъ массу людей, произшедшую чрезъ внѣшнее приращеніе. Въ самомъ дѣлѣ plebs является стеченіемъ (colluvies) самыхъ разнородныхъ элементовъ [3], и сказка объ азилѣ Ромула, которая не можетъ относиться къ патриціямъ, подтверждаетъ отчасти свидѣтельство о происхожденіи плебеевъ, содержащееся въ самомъ языкѣ. Впрочемъ этотъ органическій характеръ, присвоенный патриціями, можетъ присвоивать себѣ позднѣйшій populus патриціевъ единственно только потому, что онъ и во время республики представлялъ собою одно духовно-органическое цѣлое, между тѣмъ какъ физически онъ утратилъ до того свое единство, что, принимая въ себя многіе сродные элементы, сталъ наконецъ самъ настоящимъ своднымъ племенемъ (colluvies gentium), какъ и plebs. Само преданіе, всѣми принятое, говоритъ ясно, что община патриціевъ произошла чрезъ четырехкратное переселеніе, два раза изъ Альбы, разъ изъ Cures и разъ изъ Регилла, стало быть изъ Сабинской-земли. Явное родство патриціянской религіи съ религіей Альбы, Лавинія Тускула, Тибура, Габіи, Ардеи и Ариціи [4], равно какъ и названія курій [5], взятыя, по Варрону, отъ разныхъ мѣстностей, говорятъ въ

пользу того, что съ общиною патрицiевъ соединились родственныя по религiи племена или роды изъ разныхъ странъ Италiи.

Многiя прозвища (cognomina) патрицiянскихъ родовъ въ древнѣйшiя времена были очевидно чуждаго происхожденiя. Мы можемъ сказать утвердительно, нимало не натягивая, основываясь на Клавдiяхъ Регильскихъ (Claudii Regillenses), что всѣ прозвища, даже самыя древнiя, заимствованныя отъ разныхъ мѣстъ, имѣютъ самое прямое отношенiе къ мѣсту происхожденiя родовъ (gentes). Таковы прозвища Furii Medullini, Cominii Aurunci, Sulpicii Camerini, Cloelii Siculi, Sicinnii Sabini.

Это единство патрицiянскихъ родовъ въ противуположность плебеямъ было, какъ кажется, не внѣшнее, но скорѣе внутреннее и духовное. Оно было, по всему вѣроятiю, основано на родствѣ религiозномъ. Объ этомъ можно заключить частью изъ замкнутости патрицiянской общины, частью изъ способа принятiя въ нее. Принятiе совершалось посредствомъ кооптацiи [6], но такъ какъ этотъ актъ былъ въ употребленiи при принятiи въ какую бы то ни было жреческую общину [7], то отсюда мы безъ сомнѣнiя въ правѣ предполагать совершенное единство религiи. Отъ того то Канулей и говоритъ у Ливiя, что патрицiи, происходя отъ чужихъ народовъ, получаютъ благородство не по роду, не по крови, но единственно посредствомъ кооптацiи. [8]

Особенность патрицiевъ въ противуположность къ плебеямъ — это ихъ религiя. Мнѣнiе наше подтверждаетъ вся исторiя ихъ борьбы и преимущественно отказъ въ правѣ брака (jus connubii), - въ правѣ, которое ни какъ не могло быть дано плебеямъ, ибо, имѣя религiозное основанiе, оно должно было бы вести за собою совершенное слитiе патрицiянскихъ и плебейскихъ обрядовъ поклоненiя.

Патрицiи соединялись взаимными браками даже съ чуждыми племенами [9] и отказывали въ этомъ правѣ только плебеямъ до самаго Канулеева закона. Если мы знаемъ, что въ эту замкнутую общину патрицiевъ принимались чужестранцы, какъ напр. Клавдiй, Октавiй, [10] даже цѣлыя массы иностранцевъ [11], то отъ чего же пользовались этою честью только иностранцы, отъ чего было въ ней отказано даже самымъ знаменитымъ плебейскимъ ѳамилiямъ, между которыми были многiя, не уступавшiя въ знаменитости ни одной патрицiянской ѳамилiи?

Ежели патрицiи желали подобнымъ принятiемъ въ свою общину увеличить свою власть, такъ для нихъ было бы несравненно выгоднѣе привлечь на свою сторону все, что только было богатаго

и значительнаго въ Римѣ, и слить все это съ собою,—стало быть, было что-то такое, что дѣлало рѣшительно невозможнымъ принятіе знатныхъ плебейскихъ фамилій въ патриціянскую общину, а это было не что иное, какъ рѣшительное различіе вѣрованій. Слова, которыя Ливій влагаетъ въ уста консуламъ при разсмотрѣніи закона Канулеева, показываютъ ясно, что такое различіе религіозное не изчезло еще даже въ 4-мъ столѣтіи послѣ построенія города.— Консулы утверждаютъ, что взаимные браки между патриціями и плебеями поведутъ за собой необходимо то, что дѣти, происшедшія изъ этихъ браковъ, не будутъ знать болѣе, какой религіи они должны держаться, и станутъ такимъ образомъ полупатриціями и полуплебеями [12]. Выраженіе «quorum sacrorum sit», употребленное Ливіемъ, указываетъ на различіе не частныхъ сакръ (privata sacra), но общественныхъ (sacra publica), т. е. на совершенное различіе религіи обѣихъ партій. Это ясно и достовѣрно уже потому, что различіе между частными сакрами существовало и въ патриціянскихъ фамиліяхъ, не препятствуя однакоже взаимнымъ бракамъ между ними.

Впрочемъ такое различіе между религіею патриціевъ и плебеевъ существовало только въ древнѣйшій періодъ римской исторіи. Время позднѣйшее знало только одну государственную религію, одну для всѣхъ составныхъ частей народа. Прежде чѣмъ изчезли всѣ первоначальныя различія въ правахъ и слились въ одномъ общемъ правѣ римскаго гражданства (civitas Romana), должно было исчезнуть всякое различіе религіозное; даже самое политическое равенство стало возможнымъ только чрезъ совершенное уравненіе религіи. Но даже въ позднѣйшемъ государственномъ богопоклоненіи Рима, какъ оно намъ сохранилось въ твореніяхъ цвѣтущаго времени римской литературы, найдемъ мы много указаній на первоначальное различіе. Стоитъ только не прослушать эти отголоски полузабытыхъ преданій, переданныхъ намъ древними.

Уже древніе, именно Варронъ, полагали, что римская государственная религія произошла чрезъ слитіе двухъ рѣшительно противуположныхъ религіозныхъ формъ, изъ которыхъ одна была символическая, другая анѳропоморфическая.

«Болѣе 170 лѣтъ, пишетъ Варронъ,[13] почитали Римляне боговъ безъ всякихъ изображеній».—Плутархъ, [14] Тертулліанъ [15] и вѣроятно также Діонъ Кассій, [16] свидѣтельствуютъ, что Нума запретилъ представлять боговъ въ образѣ людей или животныхъ. Сервій говоритъ только, [17] что было время, когда въ римскихъ храмахъ не было еще никакихъ изображеній боговъ. Юстинъ говоритъ, [18]

что Римляне поклонялись въ началѣ богамъ подъ символомъ копья. Свидѣтельства Плинія [19] и Плутарха, [20] что Нума приносилъ богамъ въ жертву муку, подтверждаетъ Овидій, [21] говоря, что въ началѣ употреблялись при жертвахъ только жито и соль, но отнюдь не приносились кровавыя жертвы. По этому-то Варронъ считаетъ культъ безъ изображенія боговъ несравненно чище [22] и жалѣетъ, что онъ не навсегда остался. Тотъ же самый смыслъ лежитъ и въ увѣреніи Цицерона [23], что будто онъ несравненно лучше изучилъ служеніе богамъ по оставшимся со времснъ Нумы жертвеннымъ сосудамъ, нежели по ученіямъ философовъ. Тертулліанъ [24] хвалитъ простоту религіозныхъ обрядовъ Нумы въ противуположность позднѣйшему служенію съ изображеніями боговъ. Онъ приписываетъ введеніе этого служенія Этрускамъ. Варронъ выводитъ римское служеніе съ изображеніями боговъ изъ Этруріи. На это указываютъ его слова, что оно возникло 170 лѣтъ спустя послѣ построенія города, т. е. во времена старшаго Тарквинія. Онъ утверждаетъ далѣе, что до построенія храма Цереры, всѣ изображенія боговъ были въ Римѣ этрусской работы, [25] и что глиняная статуя Юпитера въ храмѣ Капитолійскомъ была поставлена Тарквиніемъ Прискомъ. [26] Преданіе о томъ, какъ отецъ перваго этрусскаго царя въ Римѣ прибылъ въ Этрурію въ сопровожденіи двухъ художниковъ Эвхира и Эвграмона, намекаетъ, вѣроятно, на то, что греческое служеніе съ о́бразами пришло въ Римъ черезъ Этрурію.

Стало быть, уже древніе принимали два совершенно различныя поклоненія въ древнемъ Римѣ, изъ которыхъ одно было символическое, другое анѳропоморфическое. Но ихъ извѣстія потому уже невѣрны, что они хотя и принимаютъ существованіе этихъ двухъ поклоненій, но послѣдовательно, одно за другимъ, а не одновременно. Правда, нигдѣ нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, что анѳропоморфическая этрусская религія существовала въ Римѣ до Тарквинія; но это отъ того, что она считалась этрусскою, а все этрусское въ Римѣ по общепринятому правилу должно было брать начало свое во времена Тарквинія старшаго. Вѣроятно, по крайней мѣрѣ, одно, что неквиритскіе цари Рима, даже цари до Тарквинія, принадлежали совсѣмъ другой религіи, нежели какова была патриціянская религія Нумы. Намъ невольно бросается въ глаза, какъ эти цари, не смотря на то, что исполняли всѣ требованія религіи и основывали храмы и празднества, являются врагами патриціянскихъ боговъ, и лѣтописцы жреческіе пишутъ объ нихъ съ открытою ненавистью и съ презрѣніемъ. Даже самъ основатель города принадлежалъ религіи не па-

триціянской. На это указываетъ замѣчательный фактъ, что въ греческомъ преданіи не онъ является основателемъ патриціянской религіи,[27] а его преемникъ: фактъ неизъяснимый, еслибы мы смотрѣли на Ромула какъ на царя, исповѣдывавшаго патриціянскую религію Нумы. Отъ того-то первоначальное преданіе патриціевъ окружило его всѣмъ возможнымъ позоромъ. Правда, въ позднѣйшей обработкѣ, когда ненавистный Ромулъ сталъ національнымъ героемъ и слился съ патриціянскимъ божествомъ, все это было тщательно стерто или украшено, но слѣды остались ясные. Рожденный отъ кровосмѣсительной связи Амулія съ Сильвіею[28], онъ былъ воспитанъ распутною женщиною[29], и уже съ ранней юности упражнялся въ разбоѣ[30]. Не имѣя самъ родины, онъ собираетъ вокругъ себя толпу бездомныхъ людей и бѣглыхъ рабовъ[31]. Онъ ищетъ потомъ для себя и для товарищей женъ, и сосѣди съ презрѣніемъ отказываютъ ему въ этомъ[32]. Тѣмъ не менѣе онъ добываетъ себѣ женъ, преступивъ право гостепріимства, столь священное у древнихъ. Всякое преступленіе считалъ онъ возможнымъ: онъ обманываетъ брата при гаданіи по полету птицъ[33], онъ наконецъ открываетъ себѣ дорогу къ единовластію убіеніемъ брата[34]. Онъ радъ смерти своего соправителя и оставляетъ убійцъ его безъ наказанія[35]; судя по позднѣйшему извѣстію, убилъ онъ и дѣда своего[36]. Квириты повиновались ему изъ страха[37], и онъ самъ наконецъ падаетъ жертвою ненависти патриціевъ. Когда сравнимъ съ этою характеристикою тѣ черты, которыми украсило патриціянское преданіе набожность Нумы и Анка Марція, невольно придетъ въ голову, что Ромулъ принадлежалъ совсѣмъ другому міру, по крайней мѣрѣ другой религіи. Дѣйствительно нѣкоторыя преданія предполагали, что онъ принадлежалъ религіи этрусской, ибо вмѣстѣ съ преданіемъ, которое все этрусское въ Римѣ приписывало Тарквинію, и которое было во всеобщемъ ходу, существовало еще другое, считавшее этрусскій элементъ существовавшимъ при самомъ началѣ города, и которое основателемъ его полагало Ромула[39]. Такъ уже въ одномъ законѣ, приписываемомъ Нумѣ[40], войско является устроеннымъ, является какъ classis procincta; это извѣстіе указываетъ на то, что составители жреческихъ книгъ (libri pontificum), изъ которыхъ законъ былъ взятъ, считали classis procincta существующею еще до Нумы. Въ самомъ дѣлѣ Ромулъ во всѣхъ почти преданіяхъ является предводителемъ и устроителемъ войска[41], которое было уже раздѣлено на центуріи[42], подвержено цензу и люстраціи[43]. Раздѣленіе солдатъ на старшихъ и младшихъ (juniores и seniores)[44] было

уже во время Ромула [44]. Сообразивъ все это, поймемъ, почему было возможно отнести прибытіе Целеса, главнаго вождя Сервіева войска (exercitus Servius)[45], ко времени Ромула [46]. Этрусскій годъ приписывается прямо Ромулу [47], и замѣчательно, что это этрусское учрежденіе не приписывалось ни одному изъ этрусскихъ царей. Ромулъ заимствовалъ знаки царскаго достоинства изъ Этруріи и окружилъ себя по образцу этрусскихъ властителей ликторами [48] и этрусскою стражею [49]. Онъ основалъ городъ по этрусскому обычаю [50], призвавъ этрусскихъ гадателей, гаруспексовъ [51]; онъ самъ, какъ кажется, исправлялъ при этомъ должность главнаго этрусскаго жреца, ибо сначала затрубилъ въ свою жреческую трубу [52] и потомъ уже произнесъ имя города. Имя города заимствовалъ онъ не изъ туземнаго латинскаго языка, но изъ чуждаго и вѣроятно этрусскаго. Припомнивъ далѣе, что основаніе города было невозможно до построенія клоакъ, нельзя не согласиться, что ему же можно приписать осушеніе форума и начало этрусскаго построенія клоакъ. По Діонисію, онъ поставилъ трехъ гаруспексовъ [56], одного для каждой трибы, и мы не имѣемъ никакой причины предполагать, что Діонисій смѣшиваетъ ихъ съ авгурами [57], ибо онъ самъ говоритъ согласно съ Ливіемъ [58] и отчасти съ Цицерономъ [59], что авгуры установлены позднѣе, во время Нумы [60]. Ромулъ учредилъ капитолійскія игры [61] въ честь Юпитеру Феретрію, игры въ циркѣ [62], а воинственному Марсу конныя игры [63]; онъ празднуетъ далѣе тріумфъ[64]. По свидѣтельству Діонисія [65], поставилъ онъ деревянныя изображенія боговъ и опредѣлилъ не только ихъ форму и аттрибуты, но и празднества и жертвы, приличныя каждому божеству. Принимая въ расчетъ, что игры и тріумфъ были тѣсно связаны съ служеніемъ Юпитеру Капитолійскому [66], что о́бразное служеніе выдавалось за отличительную черту этрусско-римской религіи, что опредѣленіе жертвъ, сообразно съ тѣмъ, какому божеству онѣ приносятся, принадлежало гаруспицинѣ, этрусскому искусству [67] гадать по жертвамъ, нельзя не заключить, что въ Римѣ ходило еще другое преданіе, которое смотрѣло на Ромула какъ на основателя этрусской религіи, а на этрусскую религію какъ на современную религіи квиритской и столь же древнюю, какъ и послѣдняя. Отъ того-то Туллъ Гостилій является царемъ совершенно чуждымъ религіи квиритской. Источники Діонисія говорятъ [68], что онъ совершенно не заботился о нѣкоторыхъ отечественныхъ сакрахъ и ввелъ напротивъ новыя совершенно чуждыя. Первыя были вѣроятно не иныя какъ квиритскія; ибо квиритъ Анкъ, сдѣлавшись царемъ, нашелъ многія сакры, установленныя Нумою, въ совершенномъ запущеніи,

и возстановилъ ихъ опять [69]. Въ самомъ дѣлѣ Діонъ Кассій говоритъ (въ эксцерптахъ), что Туллъ Гостилій презиралъ боговъ, а Зонара [70] (вѣроятно по тому же источнику) прибавляетъ, что Туллъ Гостилій издѣвался надъ большею частью учрежденій Нумы. Отъ того онъ былъ наказанъ богами [71], какъ противникъ патриціянской религіи: онъ погибъ съ цѣлымъ семействомъ своимъ отъ грома [72]. Народъ, какъ совиновникъ его, былъ наказанъ язвою, которая похитила значительную часть плебеевъ [73]. Съ этимъ преданіемъ согласуется отчасти и то, что̀ говоритъ объ Гостиліѣ Арнобій [74], не называя впрочемъ своего источника. Онъ говоритъ, что во время Тулла Гостилія произошли рѣшительныя нововведенія въ жертвоприношеніяхъ, ибо вмѣсто вареныхъ внутренностей животныхъ стали приносить въ жертву сырыхъ и даже полуживыхъ животныхъ. Вспомнивъ, что этрусскія жертвы требовали еще трепещущихъ внутренностей, мы согласимся, что преданіе давало Туллу Гостилію также немаловажное участіе въ развитіи антиквиритской религіи.

Мы видимъ такимъ образомъ, что этрусская анѳропоморфическая религія въ Римѣ не была нововведеніемъ, но существовала съ самаго начала наряду съ квиритскимъ символическимъ служеніемъ. Мы еще не хотимъ этимъ сказать, что одна была религія патриціянская, другая плебейская; но если мы уже увѣрены, что въ древнемъ Римѣ существовали двѣ совершенно различныя религіи, и притомъ въ одно время, и ежели различіе ихъ, хотя въ общихъ чертахъ, намъ извѣстно, то мы надѣемся дойти посредствомъ дальнѣйшаго изслѣдованія до рѣшенія и другаго вопроса. Для этого, полагаемъ, намъ необходимо должно разсмотрѣть еще ближе религію, установленную Нумою, и религію, заимствованную изъ Этруріи, равно какъ и обоюдный ихъ характеръ. Эти двѣ религіи слились правда въ позднѣйшей религіи государственной; но первоначальное различіе ихъ все-таки не могло совершенно сгладиться. Ежели мы будемъ держаться твердо характеристики обѣихъ, оставленной намъ древними, и такимъ образомъ приступимъ къ разсматриванію римской государственной религіи, мы замѣтимъ тотчасъ, что первоначальное различіе между ея составными частями проявляется въ тѣхъ самыхъ чертахъ, которыя уже самими древними были приданы обѣимъ, какъ характеристическія особенности каждой изъ нихъ.

Начиная это изслѣдованіе, мы должны сказать напередъ, что вовсе не намѣрены представить полное изложеніе обѣихъ религій: мы хотимъ указать на главныя черты, специяльное же изложеніе ихъ противуположностей должны мы предоставить рукамъ болѣе искуснымъ.

ГЛАВА I.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ РАЗЛИЧІЯХЪ КВИРИТСКОЙ И АНѲРОПОМОРФИЧЕСКОЙ РЕЛИГІИ ВЪ РИМѢ.

Подъ именемъ религіи квиритской можно подразумѣвать всѣ тѣ сакры, которыя ведутъ свое начало со временъ царей Нумы и Анка. Это были сакры исключительно квиритскія; уже одно то, что объ нихъ заботились только квиритскіе цари, служитъ яснымъ тому доказательствомъ. Они были напротивъ совершенно чужды царямъ неквиритскимъ. Собственно основателемъ квиритской религіи является Нума Помпилій, который создалъ это ученіе о богахъ, сохраненное верховными жрецами [75]. Общее мнѣніе приписывало Нумѣ учрежденіе патриціянскихъ жреческихъ коллегій, понтифексовъ, авгуровъ, весталокъ, и трехъ великихъ фламиновъ [76]; по нѣкоторымъ, онъ самъ исправлялъ должность первосвященника (pontifex maximus) [77]. Онъ, говорятъ, построилъ регію и храмъ Весты [78]; онъ передалъ священный огонь на очагѣ Весты на сохраненіе святымъ дѣвамъ [79]. Есть извѣстія, что онъ самъ жилъ въ храмѣ Весты [80]; по другимъ, онъ жилъ въ регіи, которая соединялась съ храмомъ [81]. Въ его регіи (дворцѣ) упалъ съ неба священный щитъ [83]; такимъ образомъ является онъ основателемъ Саліевъ [83]. Онъ поклоняется Янусу Квирину (Ianus Quirinus) [84] и Марсу [85], Термину и Фидесъ (Fides) [86], и исполняетъ всѣ тѣ сакры, которыми завѣдывалъ въ послѣдствіи flamen Dialis [87]. Кромѣ того, ему приписывается служеніе Каменамъ, именно одной изъ нихъ, Эгеріи [88]. Основаніе курій относится правда также ко времени Ромула [89], но по нѣкоторымъ извѣстіямъ [90] куріи произошли только послѣ соединенія съ квиритами. Этого уже достаточно для того, чтобы считать ихъ учрежденіемъ квиритскимъ. По Діонисію, Тацій основалъ даже алтари курій, но другіе приписываютъ установленіе всеобщаго празднества курій, форнакалій, Нумѣ [91]. Изложеніе ученія Нумы о богахъ содержалось въ такъ называемыхъ жреческихъ книгахъ, libri pontificum [92], которыя кромѣ того назывались еще indigitamenta [93]. — Но иногда упоминается еще о другихъ индигитаментахъ, приписываемыхъ Помпилію.

Отсюда названіе ихъ indigitamenta Pompiliana [94]. Что это названіе обнимаетъ не всѣ libri pontificum, но только одну часть ихъ, видно изъ того, что въ indigitamenta Pompiliana не встрѣчается имя Аполлона [95], хотя и извѣстно, что весталки взывали къ этому богу [96], и имя его должно было, слѣдовательно, находиться въ понтификальныхъ индигитаментахъ (indigitamenta pontificalia). Эти indigitamenta Pompiliana должно считать вѣроятно самою древнею частью понтификальныхъ книгъ римскихъ; начало ихъ понтифексы возводили ко времени самого Нумы, приписывали ихъ даже ему. — Это различіе весьма важно, ибо отсюда слѣдуетъ, что не все то принадлежитъ Нумѣ, что̀ находится въ понтификальныхъ книгахъ. Боги, имена которыхъ заключали въ себѣ эти древнѣйшія indigitamenta, были не иные, какъ такъ называемые Indigites. На это указываетъ этимологія самаго слова [97]. — Впрочемъ сами древніе не согласны между собою касательно значенія имени Indigites [98]. Но припомнивъ, что эти Индигеты (Indigetes) назывались также отечественными богами (dii patrii) [99] и были, стало быть, богами собственно римскими, и что настоящія имена такъ называемыхъ боговъ римскихъ (dii Romani) были неизвѣстны [100], припомнивъ все это, трудно будетъ отбросить этимологію, лежащую въ основаніи Фестова объясненія, и производящую слово Indigetes отъ dico [101]. — Впрочемъ это объясненіе не достаточно основательно, ибо Indigetes означаетъ не столько такихъ боговъ, которыхъ нельзя было называть по имени, сколько боговъ, имена которыхъ невозможно было произносить, которыя считались какъ бы неизвѣстными. Отсюда впрочемъ отнюдь не слѣдуетъ, что истинныя имена боговъ умалчивались для того, дабы они не могли быть вызываемы непріятелями. Правда, Сервій [102] говоритъ объ этомъ; но его свидѣтельство несправедливо и опровергается преданіемъ, что квиритскіе боги были вызываемы Тарквиніемъ. Если бы понтифексы учили въ самомъ дѣлѣ, что богамъ не слѣдуетъ давать именъ, ибо они въ такомъ случаѣ могутъ быть вызваны непріятелями, то какъ же могли бы они привести въ своихъ лѣтописяхъ примѣръ, который доказываетъ ясно, что скрытіе именъ боговъ все таки не могло ихъ спасти? Какимъ образомъ могли они думать, что посредствомъ извѣстныхъ формальностей могутъ быть даже вызваны неизвѣстныя божества враждебныхъ народовъ? — Но они вѣрили этому. Это свидѣтельствуетъ Макробій, [103] который упоминаетъ о такой формулѣ, заимствованной имъ у Саммоника Серена; эта формула содержитъ вызываніе карѳагенскихъ боговъ и доказываетъ, что для то-

го, чтобы вызывать боговъ, достаточно было знать только имя города. Слѣдовательно свидѣтельство Феста и Сервія справедливо только въ отношеніи къ божеству, покровительствующему городу. Въ самомъ дѣлѣ Римляне скрывали истинное имя города со всею возможною заботливостью [104]; кто его произносилъ, наказывался немедленно смертью [105]. Нельзя даже было изслѣдовать, мужеское ли это или женское божество [106]. Естественнымъ слѣдствіемъ всего этого было, что въ общественныхъ дѣлахъ можно было употреблять только фальшивое имя города [107]. Если бы Римляне боялись того же и относительно именъ боговъ своихъ, они достигли бы своей цѣли, давши имъ, какъ и городу, ложныя имена. Этого однакожъ не было, и доказательствомъ тому служитъ, что въ молитвахъ употреблялись римскія имена боговъ. — Гораздо достовѣрнѣе, что истинныя имена боговъ умалчивались не изъ политическихъ причинъ, но потому, что, по общему мнѣнію, ихъ и знать было нельзя. Никто, даже жрецы, не знали истинныхъ именъ боговъ [108]; это свидѣтельствуетъ Сервій въ другомъ мѣстѣ, и Варронъ утверждаетъ тоже самое касательно пенатовъ [109]. Это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что часто одному божеству придавалось много именъ. Эти имена относились только къ отдѣльнымъ моментамъ божества; ни одно изъ нихъ не могло исчерпывать всего содержанія божества и не представляло всей его полноты. Такъ понтифексы взывали къ божеству земли, называя его то доброй богиней (bona dea), то Фатуа, то Опсъ, то Фауна [110], смотря потому, какая сторона этого божества была у нихъ на умѣ. Ни одного изъ этихъ именъ не было достаточно; только всѣ вмѣстѣ могли они хоть сколько нибудь соотвѣтствовать полнотѣ божественнаго существа. Гораздо вѣрнѣе поступали жрецы, означая божество однимъ или другимъ изъ его именъ вообще и предоставляя ему самому выбирать себѣ имя болѣе приличное. Такъ понтифексы взывали къ Юпитеру: Iupiter optime, maxime, sive quo alio nomine te appellari volueris [111]. Въ слѣдствіе этого образовалось множество именъ боговъ. Несвѣдующіе принимали эти имена за особенныя божества, и отсюда-то произошла та путаница, какую мы встрѣчаемъ даже у самихъ древнихъ при изложеніи римской религіи. Уже Цицеронъ утверждалъ, что въ книгахъ понтифексовъ велико только число именъ, число же самихъ боговъ небольшое [112], и судя по тому, что было сказано, эти-то боги и были вѣроятно истинные Indigetes.

Отъ того то Indigetes Нумы являются не только *непроизносимыми*, но и *неизъяснимыми* богами; понятно теперь, отъ чего та-

кія божества были совершенно неспособны принять опредѣленную человѣческую форму. Пеласгическія божества, имѣющія много сходства съ божествами Нумы, считались также божествами непостижимыми, и отъ того не имѣли первоначально ни опредѣленныхъ именъ, ни человѣческой формы. Ни тѣ, ни другія не считались божественными личностями, какъ боги греческіе (гелленскіе), но были вообще силы міра и могли, слѣдовательно, являться только подъ неопредѣленною формою символа. Все устройство религіи Нумы указываетъ на то, что это было такого рода символическое служеніе природѣ. Центромъ этого служенія былъ, какъ извѣстно, храмъ Весты [113] и соединенная съ нимъ регія, дворецъ [114]. Нума основалъ эти священныя мѣста и жилъ, по однимъ извѣстіямъ, въ храмѣ Весты, по другимъ, во дворцѣ. Есть положительныя свидѣтельства, что въ храмѣ Весты не было идола богини [115], но на цѣлый храмъ смотрѣли какъ на символъ божественной вселенной [116]. Веста, какъ земля [117], представлялась въ образѣ очага, находящагося въ ея храмѣ, и это изображеніе встрѣчается часто на монетахъ [118]. Огонь Весты, горящій на очагѣ, стерегли и поддерживали безпрестанно весталки. Дѣвственная чистота жрицъ должна была изображать чистоту святой стихіи. Сообразивъ далѣе, что этотъ огонь могъ быть возжигаемъ только посредствомъ чистаго солнечнаго свѣта [119], и что жертвенный огонь вообще низводился первоначально только съ неба на жертвенникъ и посредствомъ молитвъ [120], нельзя не принять мнѣнія, что вѣчный вестальскій огонь служилъ, какъ говоритъ Флоръ, изображеніемъ и символомъ непотухаемаго небеснаго пламени созвѣздій [121]. Этотъ огонь почитался квиритами не ради полезности своей, но какъ божественная сила природы, равно какъ и вода. На это указываетъ то высокое значеніе, которое занимали въ квиритской религіи двѣ стихіи. Какъ творящія силы божественной природы, онѣ были необходимы при бракосочетаніяхъ;[122] ихъ святая, по мнѣнію квиритовъ, сила смывала всякую нечистоту [123] и освящала союзъ [124]. Ни одна жертва не могла безъ нихъ совершаться. Онѣ играли важную роль въ служеніи Вестѣ; отъ того-то говорятъ, что Нума наложилъ на весталокъ обязанность заботиться объ огнѣ и водѣ [125]. Да и сама Веста изображается на монетахъ съ чашею для воды въ одной рукѣ и съ горящимъ факеломъ въ другой [126]. Запретить кому нибудь воду и огонь, это все равно, что объявить его и *внѣ законовъ* [127]. И въ этомъ случаѣ, на двѣ эти стихіи смотрѣли не какъ на необходимыя потребности жизни, но какъ на святыя силы; это подтверждается тѣмъ, что преступнику не запрещалось совершенно употребленіе огня и воды.

Онъ могъ употреблять ихъ на чужбинѣ; только на родинѣ преступная рука его не смѣла ихъ касаться. Каждое жилище имѣло свой очагъ, и огонь участвовалъ при всякомъ дѣлѣ семейной жизни. Священная эта стихія сопровождала человѣка до самой его смерти, и не угасала на гробѣ [128]. Свадебный нарядъ невѣсты назывался flammeus, ибо онъ вѣроятно имѣлъ цвѣтъ священной стихіи [129]. Римскія матроны носили также этотъ flammeus какъ платье, либо обвивали имъ себѣ голову [130]. Жрецы носили на головѣ уборъ (apex), который имѣлъ видъ пламени и вѣроятно потому и назывался flammeus [131]. Даже имя flamines заставляетъ видѣть въ нихъ жертвоприносителей пламени [132], которые раздували огонь на алтаряхъ боговъ. Множество предписаній и церемоній касательно огня указываетъ на святость его въ религіи квиритской. Такъ напр. нельзя было тушить лампы [133]. Никому, даже врагу, нельзя было запретить взять огня изъ лампы [134]. Нельзя было взять огня съ алтаря боговъ для обыкновеннаго употребленія [135]. Изъ дома діальскаго фламина (flamen Dialis) можно было брать огонь только для жертвы [136]; запрещено было прикасаться къ огню мечемъ [137]. Лампу авгуровъ нельзя было прикрывать [138], она должна была всегда оставаться открытою, какъ открыта сама свободная стихія. Огонь Весты должно было вѣчно поддерживать; потухалъ онъ — это было страшнымъ несчастіемъ (piaculum), и его нельзя было зажечь снова обыкновеннымъ огнемъ; свободная стихія должна была сама снова его возжечь [139]. И какъ очагъ Весты представлялъ землю, а огонь вестальскій огненную природу свѣтилъ; такъ точно сводъ храма служилъ символомъ неба [140]. Такимъ образомъ весь храмъ Весты дѣлался символомъ вселенной. Вселенная, правда, не имѣла особеннаго храма, но, какъ всеобъемлющая, она и не могла быть обоготворяема на какомъ нибудь опредѣленномъ мѣстѣ. Вселенная въ первоначальной римской религіи разсматривалась какъ *совокупность* всѣхъ силъ божественныхъ, разсматривалась прямо какъ божество; на это указываетъ родство имени Dium съ Deus [141]. Стало быть, когда уже и отдѣльныя божества природы, моменты вселенной, были неизъяснимы, то сама вселенная, какъ совокупность ихъ, должна была представляться чѣмъ то самымъ неизъяснимымъ. Поэтому-то ее представляли себѣ не въ мужескомъ и не въ женскомъ родѣ, но въ среднемъ, какъ нѣчто абстрактно-божественное. Значеніе Dium въ квиритской религіи было весьма велико. Это подтверждается преданіемъ, что первымъ жрецомъ его (flamen Dialis) былъ основатель религіи [142]. Его наслѣдникъ, позднѣйшій flamen Dialis, занималъ всегда первое

мѣсто между прочими жрецами отдѣльныхъ божествъ [143]. *Уставъ* (castus), которому онъ подвергался, былъ строже устава другихъ жрецовъ [144]. Домъ его почитался святынею; отъ того каждый скованный, входящій въ домъ его, освобождался отъ оковъ [145]. Нельзя было брать огня для обыкновеннаго употребленія изъ его жилища точно также, какъ и со святаго алтаря [146].

Dium не имѣлъ храмовъ, это божество не имѣло даже особенныхъ праздничныхъ дней. Его жрецъ постоянно праздновалъ [148]. Всѣ, кого онъ ни встрѣчалъ по дорогѣ, должны были праздновать вмѣстѣ съ нимъ [148]. Вся жизнь его была непрерывнымъ богослуженіемъ; отъ того онъ первоначально не смѣлъ никогда снимать своего жреческаго апекса [149]. Позднѣйшее значеніе Фламина діальскаго, когда онъ уже является жрецомъ Юпитера Капитолійскаго [150], не существовало первоначально и явилось вѣроятно уже послѣ слитія квиритскихъ сакръ съ религіею Этрусковъ. Многое подтверждаетъ это. Служеніе Юпитеру Капитолійскому не только безспорно принадлежитъ этрусской религіи въ Римѣ [151], но оно занимало даже въ ней такое же высокое мѣсто, какое занимало служеніе Весты въ квиритской [152]. Это-то высокое значеніе служенія Юпитеру сдѣлало возможнымъ, что жрецъ высочайшаго квиритскаго божества сталъ, при взаимномъ слитіи сакръ, слугою Юпитера. Созвучіе именъ Dium, Diespiter, Dijovis вѣроятно много способствовало къ этому замѣненію, хотя здѣсь невольно представляется вопросъ, можно ли правильно произвести Форму Dialis отъ Iupiter. Впрочемъ не менѣе неправильно производили такъ называемое dium fulgur и dius (вѣроятно другая Форма слова divus) отъ Юпитера [153]; вмѣсто первоначальной Формы sub Dio говорили даже просто sub Iove. Стоитъ только припомнить отношеніе Юпитера къ Нумѣ, въ извѣстной сказкѣ о заклинаніи Юпитера, и невольно согласимся, что Нума никогда не былъ его слугою. Нума, любимецъ боговъ своихъ, принужденъ былъ стащить Юпитера на землю съ помощью чуждаго этрусскаго демона [155], и притомъ еще силою [156]. Богъ явился ему въ гнѣвѣ [157] и не на его квиритской землѣ, но на плебейской горѣ, Авентинѣ [158]; онъ жаждетъ крови и требуетъ для примиренія человѣческихъ жертвъ [159]. Хитрый царь квиритовъ обманываетъ его ложнымъ толкованіемъ его собственныхъ словъ [160], и обманутый богъ, довольный мудростью царя, учитъ его примирять молнію. Примирять молнію было древнимъ искуствомъ Этрусковъ [161]; сводить ее на землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Юпитера, считалось таинственною частью этрусской гаруспицины [162]. И такъ

трудно будетъ отвергнуть мнѣніе, что Jupiter Elicius, низведенный этрусскимъ демономъ на землю, и притомъ на плебейской горѣ, былъ богомъ, вовсе не близкимъ квиритскому царю Нумѣ. Цѣлый миѳъ является попыткою со стороны квиритовъ, заимствовать неизвѣстное имъ ученіе о молніи (Fulgurallehre) у этрусскихъ гадателей. Впрочемъ наше мнѣніе подтверждается не только упомянутымъ отношеніемъ Нумы къ Юпитеру, но даже положительнымъ свидѣтельствомъ ученаго Овидія [163]. Поэтъ говоритъ сперва, что служеніе Пану было принесено въ Римъ изъ Аркадіи Эвандромъ, и замѣчаетъ потомъ въ 282-мъ стихѣ, что [164] діальскій фламинъ занималъ еще въ то время свое старое мѣсто. Нельзя объяснить связи послѣдняго стиха съ предыдущими, не принявши, что поэтъ считалъ Пана демономъ вселенной (Alldämon), какъ его принимало и позднѣйшее толкованіе Грековъ, т. е. тождественнымъ почти съ римскимъ Dium. Только такимъ образомъ могъ онъ отчасти связать діальскаго фламина, служащаго римской вселенной, съ греческимъ Паномъ. Такъ какъ онъ зналъ, что въ его время діальскій фламинъ былъ жрецемъ Юпитера, то ему необходимо слѣдовало прибавить, что во время Эвандра онъ еще не потерялъ своего прежняго значенія, и былъ еще жрецомъ Діума.

Въ храмѣ Весты находилось особенное тайное мѣсто, называемое penus [165], которое, по древнему простому обыкновенію, было отдѣлено коврами отъ остальнаго пространства [166]. Это таинственное мѣсто раздѣлялось на два отдѣленія, изъ которыхъ одно называлось penus exterior, другое, вѣроятно, penus interior. Этотъ penus былъ вѣчно запертъ и растворялся только разъ въ годъ, во время Весталій [168]. Есть извѣстія, что въ это мѣсто могли входить только понтифексы и весталки [169]. Еще древніе несогласны были между собою касательно святынь, сохранявшихся въ немъ. Многіе утверждали [170], что въ храмѣ Весты не было ничего кромѣ святаго огня. Другіе полагали, что тамъ находились и другія святыни, доступныя только верховнымъ жрецамъ и весталкамъ. Большая часть послѣднихъ [171] думала, что здѣсь сохранялся палладіумъ, принесенный Энеемъ въ Италію, и это мнѣніе раздѣляли, какъ кажется, кромѣ Діонисія еще Цицеронъ, Овидій и Ливій [172]. Другое мнѣніе приписываетъ Плутархъ тѣмъ, которые, какъ онъ самъ выражается, считали источники свои достовѣрнѣе прочихъ. Это мнѣніе то, что въ penus Vestae находились только двѣ бочки, изъ которыхъ одна была открыта, другая запечатана. Только весталки могли ихъ видѣть [173]. Варронъ говоритъ также о боченкахъ (dolioli), въ которыхъ, какъ другіе утверж-

даютъ, были зарыты нѣкоторыя святыни Нумы Помпилія на мѣстѣ, называемомъ dolioli. Эпитоматоръ Феста говоритъ [175], что въ этихъ боченкахъ были дѣйствительно скрыты во время галльской войны нѣкоторыя сакры и зарыты въ мѣстѣ, называемомъ dolioli. Ливій говоритъ тоже [176]. Фестъ [177] упоминаетъ только о маленькомъ жертвенномъ сосудѣ, находившемся въ храмѣ Весты (seria) и сохранявшемся въ penus exterior; Лампридій говоритъ [178] тоже только объ одномъ сосудѣ, объ одной серіи. Потомъ число этихъ серій, какъ кажется, было увеличено по образцу анцилій. Судя по всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ, можно заключить съ достовѣрностію, что въ penus Vestae сохранялись, подъ надзоромъ весталокъ, святые сосуды, въ которыхъ, все равно были ли они seriae или dolioli, заключались жертвенные снаряды и припасы, а именно разсолъ, приготовляемый дѣвами для жертвъ, какъ свидѣтельствуетъ Фестъ. Вѣроятно и Цицеронъ [179] разумѣетъ подъ именемъ капедункуловъ, оставленныхъ Нумою, тѣже самыя seriae. Благодаря этимъ капедункуламъ, онъ, какъ говоритъ самъ, научился гораздо болѣе и лучше всему, что касается богослуженія, нежели изъ толковъ философовъ. Такъ какъ эти снаряды для жертвъ принадлежали религіи Нумы, религіи болѣе чистой и мягкой, то признаніе Цицерона можно легко себѣ объяснить. Не даромъ же утверждалъ Варронъ, что богослуженіе было бы несравненно чище, если бы удержалась религія Нумы, религія безъ всякихъ óбразовъ [180].

Что же касается до палладіума, о которомъ такъ много было говорено, всѣ свидѣтельства, какъ кажется, допускаютъ возможность его существованія [181]. Впрочемъ они подтверждаютъ существованіе его только во время болѣе позднее, во время, когда появились сами свидѣтельства. Во времена появленія римской исторіографіи, многія учрежденія Нумы потеряли свой первоначальный характеръ. Это подтверждается уже однимъ тѣмъ, что его книги были сожжены, потому что, хотя и не считались подложными, однако же противорѣчили сильно тогдашнему духу религіи, имъ же переданной Риму [182]. Въ самомъ дѣлѣ анѳропоморфическія представленія, говорящія чувствамъ гораздо внятнѣе, получили мѣсто рядомъ съ представленіями символическими. Такъ между прочимъ представляли, на монетахъ, пенатовъ въ видѣ двухъ юношей, Весту въ образѣ дѣвы въ покрывалѣ [183], хотя черезъ это входили въ замѣчательное противорѣчіе, ибо число пенатовъ было неизвѣстно, какъ утверждали всѣ знающіе, а Веста даже въ своемъ храмѣ не имѣла статуи [184]. Соединеніе служенія Паллады съ служеніемъ Весты основывается, какъ

кажется, также на позднѣйшемъ изобрѣтеніи. Этого соединенія первоначально въ Римѣ не было, что подтверждаетъ слѣдующее обстоятельство: въ святилищѣ въ Лавиніѣ, откуда вышло, какъ говорятъ, римское служеніе Вестѣ и Пенатамъ вмѣстѣ съ служеніемъ Палладѣ [185], не было во времена Тимея ничего кромѣ тростей и одного сосуда [186]. Слѣдовательно ежели Страбонъ говоритъ о находящемся тамъ изображеніи Паллады [187], это было вѣроятно позднѣйшее нововведеніе, въ которое сами Римляне не очень вѣрили, ибо римскіе магистраты приносили ежегодныя жертвы въ Лавиніѣ и Альбѣ только въ честь Весты и Пенатовъ, и вовсе не думали о Палладѣ [188]. Еслибы служеніе Палладѣ было первоначально соединено въ Римѣ съ служеніемъ Весты, то Лавинской Палладѣ оказывались бы точно такія же почести при ежегодныхъ жертвоприношеніяхъ. Этого однакожъ не было. Отъ того служеніе Палладѣ было, какъ кажется, введено въ храмъ Весты позднѣе. Только такимъ образомъ можно изъяснить извѣстную гордость Навтіевъ, утверждавшихъ, что палладіумъ троянскій находится въ ихъ рукахъ [184]. Ибо еслибы изображеніе Паллады было перенесено первоначально въ Римъ изъ Альбы вмѣстѣ съ другими святынями Энея, и боготворилось бы съ самаго начала, какъ святыня государственная: тогда фамилія Навтіевъ вѣроятно не хвалилась бы, что обладаетъ палладіумомъ, и гордые Юліи вѣроятно не оставили бы эту ложь безъ вниманія.

Съ храмомъ Весты соединено было, вѣроятно, вмѣстѣ строеніе дворцовое, регія. Только такимъ образомъ можно вполнѣ объяснить, какимъ образомъ жилище царя Нумы могло быть переносимо то въ храмъ, то въ регію [190]; только такимъ образомъ можно понять слова Овидія, когда онъ говоритъ, что кровь октябрской жертвы бралась съ жертвенника храма Весты [191], тогда какъ кровь находилась всегда на алтарѣ въ регіи [192]. Отъ того-то источники Флора и Iорнанда [193] могли заключать въ себѣ извѣстія, что Нума ввѣрилъ весталкамъ надзоръ надъ анциліями. Высокое значеніе регіи доказалъ первый Амброшъ; но онъ отнесъ сюда много такого, что по нашему мнѣнію принадлежало къ регіи царя-жертвоприносителя (rex sacrificulus); сюда надо именно причислить жертвы, которыя приносили въ регіи Салійскія дѣвы [194], rex sacrificulus во время агоналій [195], regina во время календъ [196] и фламиника во время нундинъ [197]. Салійскія дѣвы были, по Цинцію, наемщицы, которыя вмѣстѣ съ Саліями приносили жертвы въ регіи. Но наемныя лица не могутъ принадлежать квиритской религіи Нумы, въ которой были назначаемы опредѣленныя лица рѣшительно для каждаго богослужебнаго дѣйствія. Патриціянское Са-

лійское служеніе, совершавшееся къ тому же въ высочайшемъ святилищѣ, требовало вѣроятно дѣвъ патриціянскихъ. Поэтому мы думаемъ, что эти Салійскія дѣвы совершали свои жертвы вмѣстѣ съ плебейскими Salii agonales [198] въ регіи царя-жертвоприносителя (rex sacrificulus). Объ этомъ царѣ говорится, что онъ долженъ былъ исправлять тѣ сакры, исполненіе которыхъ было прежде обязанностью царей [199]. Здѣсь говорится не о квиритскихъ царяхъ, ибо ихъ жреческія должности были переданы понтифексамъ и фламинамъ [200]. Уже одно то обстоятельство, что Тарквиній Гордый, ненавистный патриціямъ, былъ rex sacrificulus [201], и что regia regis sacrificuli находилась въ его домѣ [202], доказываетъ намъ, что rex sacrificulus былъ жреческимъ наслѣдникомъ царей неквиритскихъ. Поэтому мы не можемъ раздѣлять мнѣнія, что онъ приносилъ жертвы во время агоналій, а регина во время календъ—въ регіи Нумы: у нихъ была своя регія; къ тому же агоналіи, какъ мы увидимъ ниже [203], были плебейское городское празднество, а равно и жертвоприношеніе регины на календы совпадало съ этрусскимъ календаремъ. Тоже самое готовы мы утверждать касательно бараньей жертвы, которую flaminica Dialis приносила во время нундинъ Юпитеру, потому что нундины были безъ всякаго сомнѣнія учрежденіе плебейско-этрусское [204]. Кровавое служеніе Юпитеру принадлежало вообще культу этрусскому и было принято квиритскими жрецами при слитіи обѣихъ религій вѣроятно потому, что уже Тарквиніи дали ему характеръ высшей государственной религіи. Все это уяснится несравненно болѣе во второмъ разсужденіи*, гдѣ мы разсмотримъ гораздо ближе религіозныя отношенія царя (rex) къ плебеямъ.

Варронъ говоритъ положительно, что святилище Опсы Консивіи (Sacrarium Opis Consiviae) находилось въ регіи Нумы; слѣдовательно культъ ея [205] принадлежалъ къ сакрамъ, совершавшимся въ квиритской регіи. Жертва такъ называемаго октябрскаго коня [206] имѣла мѣсто также въ регіи Нумы, ибо носила характеръ чисто-квиритскій. Конь увѣнчивался хлѣбами чисто-квиритскимъ образомъ [207], также какъ оселъ во время весталій [208]; кровью его окроплялся алтарь Весты [209]. Сакравіенцы, сражавшіеся за голову этого коня съ Субуранцами, прибивали обыкновенно ее, въ случаѣ побѣды, къ стѣнѣ регіи [210]. Однакожь кажется, что это жертвоприношеніе возникло

* Д. Л. Крюкову не было суждено издать то второе разсужденіе, о которомъ здѣсь говорится. *Ред.*

ужь подъ вліяніемъ этрусской религіи. Оно было совершаемо сначала на этрусскомъ Марсовомъ-полѣ [211], и приносимый въ жертву конь долженъ былъ получить награду на этрусскихъ конскихъ играхъ [212]. На этрусское вліяніе указываетъ также кровавая жертва, которая ни подъ какимъ видомъ не могла быть установлена Нумою въ его собственной регіи, Нумою, имѣвшимъ такое отвращеніе отъ пролитія крови. Животное приносилось правда въ жертву не въ регіи, но сюда все-таки приносили кровавый хвостъ [213], черезъ что жертва хотя и становилась чѣмъ то въ родѣ offa penita [214], но при всемъ томъ все-таки принадлежитъ къ числу жертвъ изъ сыраго мяса, возникшихъ подъ этрусскимъ вліяніемъ [215]. Уже изъ того, что при этомъ жертвоприношеніи играли роль двѣ этрусскія мѣстности, campus martius и regio suburana, и одна квиритская, sacra via, видно здѣсь преимущественно вліяніе этрусское. Марсово-поле, гдѣ закалывался октябрскій конь, принадлежало сперва Этрускамъ Тарквиніямъ [216]; здѣсь праздновались этрусскія конскія игры [217], здѣсь собиралось войско, организованное Этрускомъ *Мастарною*, и подвергалось цензу и люстраціи [218]. Когдаже Тибръ затоплялъ равнину такъ называемаго Марсова-поля, тогда конскія игры праздновались на другомъ Марсовомъ-полѣ (campus Martialis) на Целійской-горѣ [219]. Потому-то Целійская-гора имѣла, какъ кажется, религіозное отношеніе къ Марсову-полю (campus Martius). Гора Целійская находилась въ Субуранской части города (regio suburana [220]); а потому Субуранцы принимали участіе въ жертвоприношеніи, совершавшемся на Марсовомъ-полѣ. Гора Целійская была этрусскою мѣстностью. Здѣсь жилъ Целесъ съ своими этрусскими полками [221]; здѣсь стояли въ послѣдствіи алтари такъ называемыхъ Dii adventicii [222]. Бойцы, сходящіе съ святой дороги, sacra via, уже потому оказываются квиритами, что они прибивали обыкновенно голову коня въ случаѣ побѣды къ стѣнѣ квиритской регіи [223].

Впрочемъ это высокое значеніе, которое имѣла, какъ намъ кажется, регія, какъ главная святыня квиритскаго культа, принадлежало ей только потому, что въ ней хранились божественные символы. Кромѣ Sacrarium Opis Consiviae было въ ней еще, какъ говорятъ, Sacrarium Martis, въ которомъ хранились не только hastae Martiae, но и ancilia; это показалъ Амброшъ самыми убѣдительными доводами [224]. Существованіе этихъ анцилій въ регіи, соединенной съ храмомъ Весты, можетъ только намъ объяснить, какимъ образомъ Іорнандъ и Флоръ [225] могли найти въ своихъ источникахъ, что Нума ввѣрилъ анциліи и палладіумъ надзору веста-

локъ. Если бы анциліи хранились въ curia Saliorum, тогда весталки, жившія въ атріумѣ Весты, не могли бы находиться въ такой тѣсной связи съ ними. Что касается впрочемъ анцилій, Сервій [226] говоритъ, что носильщики ихъ, Саліи (Salii), были подъ покровительствомъ Юпитера, Марса и Квирина, но это мнѣніе возникло вѣроятно лишь отъ того, что Юпитеръ, Марсъ и Квиринъ, какъ высшіе боги [227], считались необходимыми покровителями государственныхъ святилищь.

Замѣчательно, что изъ жрецовъ этихъ трехъ божествъ, имѣли только двое ancile знàкомъ своего достоинства, Flamen Dialis и Martialis. Одни авгуры раздѣляли съ ними эту почесть [228]. Flamen Quirinalis не носилъ ancile; это можно объяснить либо тѣмъ, что Янусу Квирину, которому онъ служилъ, вовсе не принадлежали ancilia, либо тѣмъ, что всѣ онѣ принадлежали ему одному. Еже ли всѣ анциліи придавались одному Квирину, то жрецъ его не могъ носить ancile, для обозначенія своего достоинства, какъ Flamen Dialis и Martialis, ибо его божество, чтобы быть представленнымъ во всей полнотѣ, требовало 12 анцилій. Первое объясненіе невѣроятно; на это указываетъ положительное извѣстіе объ arma Quirini [229], которое ни къ чему иному не можетъ относиться, кромѣ анцилій, ибо послѣднія назывались также arma [230] и даже приписывались положительно Квирину [231]. Несмотря на это, большая часть древнихъ придавали анциліи не Янусу, а Марсу [232], такъ что невольно припишешь Марсу Квирину также и arma Quirini. Впрочемъ мнѣніе древнихъ, что анциліи принадлежали Марсу, основывалось вѣроятно на томъ, что Марсъ назывался также Квириномъ, и что анциліи хранились въ его Sacrarium. Квиринъ же, которому приписываются анциліи, не былъ Марсъ Квиринъ, а могъ быть только Janus Quirinus, ибо одинъ послѣдній назывался Квириномъ по преимуществу и, какъ таковой, отличался рѣзко въ божественной тріадѣ отъ Марса [233]. Только потому, что анциліи принадлежали Янусу Квирину, могъ фламинъ Януса Портуна [234] (Janus Portunus) мазать масломъ святыя оружія Квирина, въ то время, когда Янусъ Квиринъ слился съ Янусомъ этрусскимъ. Это было бы совершенно непонятно, если бы arma Quirini принадлежали Марсу. Древніе принимали правда этого Портуна за морскаго бога, чѣмъ онъ и былъ въ самомъ дѣлѣ въ послѣдствіи, когда его смѣшали произвольно, какъ многихъ другихъ, съ греческимъ Палемономъ [235]. Но настоящій Портунъ былъ богомъ дверей. Онъ держалъ ключь въ рукѣ [236], аттрибутъ, по которому въ немъ можно

легко узнать Януса, который былъ также Claviger и богъ дверей [237]. Поэтому въ одной надписи названъ онъ своимъ полнымъ именемъ Janus Portunus [238]. Вообще всякое сомнѣніе касательно связи Януса Квирина съ анциліями уничтожается извѣстной надписью, помѣщенною у Грутерія 173,5 [239]. Въ этой надписи они называются arma annalia и являются такимъ образомъ священнымъ оружіемъ божества, управляющаго годами. А такимъ божествомъ не могли быть ни Юпитеръ, ни Марсъ, а только Янусъ Квиринъ. У Іоанна Лида (Ioannes Lydus) [240] является онъ богомъ года и Саліевъ; Лидъ говоритъ, что Саліи воспѣвали Януса по числу итальянскихъ мѣсяцевъ. Стоитъ только припомнить, что число анцилій соотвѣтствовало числу мѣсяцевъ нумовскаго года, и нечего сомнѣваться, что первоначально анциліи были символами божества года, Януса.

Въ сакраріумѣ Марса въ регіи, гдѣ были анциліи, находились также hastae Martiae [241]. Эти копья носили правда имя Марса но это происходило вѣроятно отъ того, что имъ придавали, равно какъ и Марсу, ложнымъ образомъ воинское значеніе. Точно также ложно приписывали Марсу всеобщее символическое святилище, которое названо было не менѣе ложно Sacrarium Martis [242]. Марсу принадлежало безъ сомнѣнія одно копье, прочія же копья принадлежали другимъ божествамъ. Съ одной стороны говоритъ Плутархъ, что въ регіи только одно копье носило имя Марса [243]; съ другой свидѣтельствуетъ эпитоматоръ Трога [244], что древніе Римляне поклонялись всѣмъ богамъ въ образѣ копья. Мы находимъ въ самомъ дѣлѣ, что копье считалось, даже въ позднѣйшее время, общимъ символомъ божества; отъ того то на монетахъ копья придаются часто Вестѣ, Пенатамъ и многимъ другимъ божествамъ [245]. Это копье не было копьемъ воинственнымъ, но просто мирною тростью въ родѣ греческихъ тростей, *σκῆπτρα* и *δόρατα*. Это видно изъ того, что оно изображалось на монетахъ какъ hasta pura и придавалось, слѣдовательно какъ символъ, божествамъ мирнымъ, Вестѣ, Pietas. Это копье, символизующее божество, было вѣроятно не что иное какъ quiris. За это говорятъ имена божествъ, происходящія отъ слова quiris. Имя Марса Квирина производилось отъ quiris [246]. А такъ какъ извѣстно, что Марсъ обожался подъ символомъ копья, то естественно слѣдуетъ принять, что это quiris было не что иное, какъ копье, находящееся въ регіи и посвященное Марсу [246 b]. Ибо если quiris было копье военное, какъ многіе полагаютъ, а не hasta pura, то какъ же могъ Марсъ Квиринъ, носящій его, быть вмѣстѣ съ тѣмъ Марсомъ мирнымъ, противупоставляться Мар-

су военному [247]? Отсюда слѣдуетъ, что изображеніе Марса, поставленное позднѣе въ регіи, копье котораго имѣло, по всему вѣроятію, воинское назначеніе, было посвящено Марсу Градиву и не находилось ни въ какой связи съ Марсомъ Квириномъ [248].

Квиринъ было имя, вовсе не относящееся къ войнѣ, и quiris была мирная трость. Это подтверждаетъ уже то обстоятельство, что мирный Янусъ былъ также Квиринъ (т. е. копьеносный богъ) [249]. Правда Лабеонъ считалъ и его богомъ военнымъ [250]; но это недоразумѣніе происходило частью отъ того, что Лабеонъ давалъ ложное значеніе слову quiris, частью же, что arma Quirini, анциліи, считались военнымъ оружіемъ [251]. Это недоразумѣніе тѣмъ сильнѣе, что религія, основанная миролюбивымъ Нумою, ни въ какомъ случаѣ не могла имѣть воинственнаго значенія [252]. Существовалъ правда Янусъ, храмъ котораго былъ въ связи съ войною и миромъ; но это былъ Янусъ Геминъ, богъ анѳропоморфическій [253], и на этомъ основаніи не могъ принадлежать культу квиритскому. Янусъ квиритскій напротивъ того, хотя и имѣлъ анциліи, но былъ боготворимъ еще все-таки въ образѣ копья, какъ общаго символа божества. На это указываетъ извѣстіе Діонисія, что его жрецы, Саліи, носили, кромѣ анцилій, копья или трости [254]. Трости и hastae purae имѣютъ одно и тоже значеніе. Лавинскіе пенаты изображались въ видѣ тростей, а въ Римѣ символомъ ихъ были hastae purae. Точно также придавались Вестѣ то hasta pura, то трость, [255], и нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что копья Саліевъ были символомъ Януса Квирина, точно такъ, какъ hasta pura весталокъ была символомъ Весты [256]. Онъ назывался Янусъ-Квиринъ, Янусъ-копье, для отличія отъ этрусскаго Януса Гемина и изображался не въ образѣ человѣка, какъ Янусъ этрусскій. Этимъ же самымъ отличался квиритскій Марсъ отъ этрусскаго Марса-Градива (Mars Gradivus). Этотъ же Янусъ Квиринъ былъ, какъ кажется, не кто иной какъ Квиринъ, которому поклонялись на Квиналѣ. Обоготворенный Ромулъ сталъ этимъ Квириномъ только черезъ позднѣйшее смѣшеніе. Это ясно изъ вышеозначеннаго отношенія его къ квиритской религіи. Этотъ герой плебейскій, столь ненавистный патриціямъ, не могъ быть ни въ какомъ случаѣ тѣмъ Квириномъ, который является третьимъ лицемъ вмѣстѣ съ Марсомъ и Юпитеромъ въ божественной тріадѣ. Квиритскій Квиринъ былъ не кто другой, какъ Янусъ Квиринъ, ибо только онъ, да Марсъ, имѣли притязаніе на это имя; а такъ какъ Марсъ является въ тріадѣ и подъ своимъ собственнымъ именемъ, то Квиринъ, упоминаемый вмѣстѣ съ нимъ, не могъ быть ни кѣмъ другимъ, какъ только Янусомъ Квири-

номъ. На это тождество указываетъ еще яснѣе законъ, сохраненный Фестомъ, въ которомъ третье лице божественной трїады прямо названо Янусомъ Квириномъ [257].

Юнона Курисъ (Juno Curis), боготворимая въ курiяхъ, имѣла, какъ кажется, тоже самое значенiе божества-копья. Ее называли то Curis, то Quiris, то Quiritis или Quiritia [258]. Говорили, правда, объ ней, что она называется такъ потому, что носитъ копье [259], но тоже самое утверждали и объ Марсѣ, который изображался же и самъ въ видѣ копья. Да къ тому же весьма сомнительно, существовала ли когда нибудь статуя Юноны Курисъ (Juno Curis) съ копьемъ въ рукѣ. По крайней мѣрѣ Плутархъ, который въ этомъ очень свѣдущъ, ибо онъ одинъ съ Варрономъ оставилъ намъ свидѣтельство о Марсѣ-копьѣ, не говоритъ ни слова о Юнонѣ Курисъ съ копьемъ въ рукѣ, а только объ Юнонѣ, стоящей на копьѣ [260]. Такое изображенiе свидѣтельствуетъ ясно, что копье было первоначальнымъ видомъ богини, изображенiе же придѣлано позднѣе. Далѣе, слово Curis, Quiris значитъ копье [261], слѣдовательно Juno Quiris означала первоначально Юнону, боготворимую въ видѣ копья, а не Юнону копьеносную. Вѣдь невозможно же называть прямо копьемъ богиню, носящую копье. Наша гипотеза не можетъ казаться слишкомъ смѣлою; стоитъ только припомнить, что Juno Curis и курiяльные алтари, какъ установленiе квиритскаго царя [262], должны были необходимо принадлежать символической религiи квиритовъ, а это было дѣйствительно такъ, судя по характеру курiяльнаго поклоненiя. Квиритскому поклоненiю вовсе не приличествовала бы статуя богини. Курiяльные алтари (mensae curiales), говоритъ Фестъ, назывались такъ потому, что они были посвящены Юнонѣ Курисъ [263]. Замѣчательно здѣсь то, что названiе курiй (curia) и ихъ алтарей заимствовано не отъ самого божества (Juno), а отъ его копья. Копье слѣдовательно имѣло большее значенiе въ курiяхъ, а это могло быть только потому, что сама богиня была боготворима первоначально въ видѣ копья. Въ пользу первоначальнаго вида Юноны Курисъ, т. е. копья, говоритъ ея родство съ Янусомъ Квириномъ. Его празднество, квириналiи, было дополнительнымъ празднествомъ всеобщаго курiяльнаго празднества форнакалiй [264]. Въ преданiи о Горацiи, убившемъ сестру, являются Юнона и Янусъ вмѣстѣ, какъ боги очищающiе. Въ преданiи говорится, что для очищенiя преступленiя Горацiева воздвигнуты были два алтаря, одинъ Юнонѣ Сорарiи (Juno Soraria) и другой Янусу Курiацiю (Janus Curiatius) [265]. Янусъ Курiацiй, это никто иной какъ Янусъ курiй, ибо слово Curia-

lius означаетъ вообще каждаго, принадлежащаго къ куріи. Такъ декурія ликторовъ, прислуживавшихъ при богослуженіи въ куріяхъ, называлась Decuria curialia [266]. Такъ патриціи, какъ первоначальные куріалы, назывались просто curiatii [267]; и если говорится далѣе, что Янусъ Куріацій былъ Янусъ патриціевъ, то это опять таки указываетъ на то, что онъ былъ богомъ курій. Такимъ образомъ Юнона Курисъ является вмѣстѣ съ Янусомъ Квириномъ [268]; а такъ какъ онъ былъ вѣроятно божествомъ-копьемъ, то его спутница была безъ сомнѣнія тѣмъ же. Даже самое названіе *курій*, посвященныхъ служенію Юноны Курисъ, заимствовано, какъ кажется, отъ того же символа quiris, отъ котораго получили свои названія оба Квирина и Юнона Курисъ. Вышеприведенная этимологія, по которой mensae curiales производятся отъ curia, указываетъ также на то, что и слово curia происходитъ отъ curis. Здѣсь нужно припомнить то, что мы уже прежде замѣтили, именно, что первоначально слово это могло относиться только къ копью; основываясь на этомъ, мы утверждаемъ, что куріи были общими часовнями копій (Lanzencapellen) и священными мѣстами символическаго культа; онѣ, слѣдовательно, имѣли тоже значеніе для отдѣльныхъ родовъ квиритскихъ, какое имѣла регія для цѣлаго квиритскаго народа [269].

Во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что Янусъ и Юнона имѣли съ Марсомъ общимъ символомъ копье. Къ этимъ богамъ можно безъ сомнѣнія присоединить и Весту, потому что и она имѣла символомъ копье, какъ это уже было упомянуто. Но hasta pura придавалась также и Пенатамъ, такъ-что можно считать и ихъ божествами-копьями [270]. Всѣ прочія божества, изображающіяся съ hasta pura, или выдуманы или не принадлежатъ вовсе квиритскому культу, какъ напр. Венера, которая не является въ древнѣйшихъ индигитаментахъ ни съ латинскимъ, ни съ греческимъ именемъ.

Впрочемъ уже въ древности, да и въ наше время утверждали нѣкоторые, что римскіе Пенаты вообще находились не въ Римѣ, а въ Лавиніумѣ [271]. Вѣроятно, лавинское преданіе утверждало, что Пенаты два раза возвращались изъ Рима въ Лавиніумъ и наконецъ тамъ остались [272]. Впрочемъ тоже самое говорили лавинскіе жрецы касательно Альбы, [273] между тѣмъ какъ мы знаемъ, что альбанскимъ Пенатамъ поклонялись въ Альбѣ [274]. Вообще служеніе Пенатамъ нельзя отдѣлить отъ служенія Вестѣ; Веста и Пенаты являются вмѣстѣ и на монетахъ [275] и у писателей [276]; они имѣютъ одни и тѣже символы, *simpulum* и *hasta* [277]. Ежегодныя жертвы, совершае-

мыя римскими магистратами въ Лавиніумѣ и Альбѣ, производились одинаково какъ въ честь Весты, такъ и въ честь Пенатовъ [278]. Отъ того уже изъ древнихъ [279] спрашивали нѣкоторые, не слѣдовало ли бы причислить Весту къ числу Пенатовъ, не спутница ли она ихъ? Въ самомъ дѣлѣ поклоненіе Вестѣ не только существовало въ Римѣ, но было даже однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ поклоненій; но такъ какъ служеніе Вестѣ въ Римѣ было отраслію (Filialcultus) лавинскаго служенія, а въ Лавиніумѣ Веста была тѣсно соединена съ Пенатами, то невозможно допустить, чтобы Веста была перенесена одна въ Римъ, а Пенаты оставлены. Жертвы, совершаемыя римскими магистратами въ Лавиніумѣ, вовсе не доказываютъ, что Пенаты были тамъ оставлены. Здѣсь приносились жертвы также и Вестѣ, хотя никто не сомнѣвался, что римская Веста находилась въ Римѣ. Мы знаемъ впрочемъ, что самъ Варронъ признавалъ преданіе, распущенное Лавинцами [280]. Овидій, вѣроятно, также раздѣлялъ это мнѣніе, ибо онъ совершенно молчитъ о Пенатахъ. Но свидѣтельство Варрона произошло, кажется, отъ того, что онъ въ Римѣ искалъ напрасно статуй Пенатовъ. Древніе заключали обыкновенно о существованіи боговъ по существованію ихъ статуй; а такъ какъ изображеній Пенатовъ не было, то они и вывели отсюда, что Пенаты находились не въ Римѣ, а въ Лавиніумѣ. И такъ, ежели Пенаты не остались въ Лавиніумѣ, то спрашивается далѣе, гдѣ и какъ поклонялись имъ въ Римѣ? Уже вышеупомянутая связь культа Весты съ служеніемъ Пенатамъ даетъ намъ право полагать, что въ Римѣ, равно какъ и въ Лавиніумѣ, поклонялись Пенатамъ вмѣстѣ съ Вестою и въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Есть положительныя свидѣтельства, что Пенаты, какъ dii penetrales [281], занимали penetralia [282], и что каждый focus, [283] каждая culina [284], (слѣдовательно также огненный очагъ) былъ имъ посвященъ. Но penetralia римскаго государства и focus publicus былъ храмъ Весты [285], съ регіею соединенною съ нимъ, и Penates P. R. должны были быть главами публичнаго очага (focus publicus) и пенетралій римскаго государства, какъ частные пенаты были властелинами пенетралій и очага домовъ частныхъ. Правда, упоминается объ особенномъ храмѣ Пенатовъ въ Веліи, но онъ воздвигнутъ позднѣе (во всякомъ случаѣ, послѣ Тулла Гостилія), и служеніе, совершавшееся въ немъ, не могло быть культомъ первоначальнымъ [286]. Основываясь на всемъ этомъ, мы можемъ принять, что Пенатамъ и Вестѣ поклонялись въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Впрочемъ нѣтъ положительныхъ извѣстій, находились ли Пенаты въ самомъ храмѣ Весты или въ его обоихъ

Penora. Есть у Сервія одно замѣчательное мѣсто, гдѣ онъ говоритъ[287], что Саліи были служителями Пенатовъ; но такъ какъ Саліи исправляли свою службу въ сакраріи Марса, то намъ необходимо слѣдуетъ принять, что и Пенаты находились въ регіи въ сакраріи Марса. Здѣсь хранились, какъ извѣстно, кромѣ анцилій, еще hastae Martiae, и въ нихъ то мы узнаемъ Пенатовъ. Чтобы основательно подтвердить это мнѣніе, нужно прежде всего отстранить обыкновенное мнѣніе, которое представляетъ Пенатовъ божествами въ человѣческой формѣ. Это представленіе основывается частью на извѣстіяхъ, находящихся у древнихъ о Пенатахъ Энея, частью на Діонисіевомъ описаніи храма Пенатовъ и на изображеніи ихъ на монетахъ.

Что касается до свидѣтельствъ древнихъ, то надобно сознаться, что они всѣ согласны между собою и подтверждаются авторитетомъ Варрона[288]. Большая часть изъ нихъ говорятъ, что Эней привезъ изъ Трои въ Лавиніумъ каменныя или деревянныя изображенія Пенатовъ. Но эти свидѣтельства теряютъ рѣшительно свою силу, когда ихъ сличишь съ совершенно имъ противуположнымъ свидѣтельствомъ Тимея[289]. Этотъ историкъ, посѣтившій Лавиніумъ за два столѣтія до Варрона, говоритъ, что, по разсказу Лавинцевъ, въ лавинскомъ храмѣ не было никакихъ другихъ святынь, кромѣ священнаго сосуда и частью желѣзныхъ, частью мѣдныхъ тростей. Ежели за два столѣтія до Варрона не было въ лавинскомъ святилищѣ статуй Пенатовъ, то спрашивается, откуда же онѣ явились въ послѣдствіи? Если бы кто хотѣлъ утверждать, что сооруженіе статуй Пенатовъ въ Лавиніумѣ было новизною, подобно палладіуму, то все-таки нужно согласиться, что это учрежденіе уже потому, что оно было новизною, не могло бы доказать существованія статуй римскихъ Пенатовъ, ибо послѣдніе должны были необходимо сохранить первоначальную форму Пенатовъ лавинскихъ, потому уже, что возникли прежде упомянутаго нововведенія. Но мы не можемъ согласиться, что подобныя статуи были въ Лавиніумѣ хотя бы даже и въ позднѣйшее время, ибо весьма легко доказать, что Варронъ не видалъ самъ никакихъ статуй Пенатовъ въ Лавиніумѣ, и говорилъ объ этомъ, не имѣя самъ хорошихъ и вѣрныхъ извѣстій. Онъ утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ, что ни число Пенатовъ, ни имена ихъ неизвѣстны[290]. Это вовсе не его субъективное мнѣніе, но мнѣніе довольно общее и распространенное, что доказывается споромъ, который господствовалъ между учеными изыскателями древностей въ Римѣ, споромъ касательно числа, именъ и рода Пенатовъ. Такъ утверждали нѣкоторые, что

Пенаты — это Юпитеръ, Минерва и Юнона [291]. Нигидій и Лабеонъ утверждали, что это Нептунъ и Аполлонъ [292]. Кассій принималъ ихъ за Фортуну, Цереру, Генія Іовіалія (Genius Jovialis) и Pales [293]. Нигидій утверждалъ, что есть четыре рода Пенатовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ особенное значеніе [294]. Если бы Варронъ видѣлъ Пенатовъ въ Лавиніумѣ, изображенныхъ въ человѣческой формѣ, какъ же бы ему осталось неизвѣстно ихъ число? Если бы въ Римѣ и Лавиніумѣ находились въ самомъ дѣлѣ статуи Пенатовъ, то какимъ же образомъ могли приведенные нами ученые спорить объ числѣ ихъ? Какъ же бы они могли расходиться другъ съ другомъ въ мнѣніяхъ, касательно ихъ именъ до того, что они считали Пенатами боговъ, отличныхъ другъ отъ друга даже по роду своему и по внѣшней формѣ? Стоитъ только припомнить, что въ Лавиніумѣ только жрецы могли видѣть Пенатовъ; прочимъ они были недоступны [295]: и такъ нѣтъ сомнѣнія, что Варронъ и другіе, кто только ни говорилъ о статуяхъ Энеевыхъ Пенатовъ, имѣли дурные источники подъ руками и приписывали Пенатамъ человѣческую форму только потому, что они вообще не могли себѣ представить боговъ подъ другимъ видомъ. Мы переходимъ теперь къ другимъ свидѣтельствамъ, которыя, по видимому, говорятъ въ пользу изображенія Пенатовъ въ человѣческомъ образѣ. Сюда относятся изображенія Пенатовъ на монетахъ и Діонисіево описаніе храма Пенатовъ. Изображеній на монетахъ нельзя ни подъ какомъ видомъ отвергнуть [296]. На одной монетѣ изображенъ Пенатъ, какъ юноша, съ hasta pura и simpulum, съ подписью Penates P. R. На другихъ представляются Пенаты въ видѣ двухъ дѣтскихъ головъ съ надписью: D. P. P. или D. P. или Dei Penates. Но вѣдь Веста изображается также подобнымъ образомъ на монетахъ, однакожъ мы знаемъ навѣрно, что она не имѣла въ храмѣ своемъ ни одной статуи. Изображеніе Пенатовъ на монетахъ вовсе не было общимъ, а основывалось чисто на субъективномъ мнѣніи выбивателей; — это подтверждается тѣмъ, что упоминаютъ также и о женскихъ Пенатахъ [297], что даже Веста причисляется къ нимъ [298]. Еслибы изображеніе Пенатовъ, такое, какое встрѣчается на монетахъ, было основано на общемъ мнѣніи, то какимъ же образомъ могла быть рѣчь о женскихъ Пенатахъ или даже о Вестѣ-пенатѣ? Возможенъ ли въ такомъ случаѣ упомянутый споръ касательно именъ, числа и рода Пенатовъ? Намъ остается такимъ образомъ еще разобрать свидѣтельство Діонисія, но и оно не въ состояніи поддержать мнѣнія, оспориваемаго нами. Діонисій описываетъ изображенія Пенатовъ, находящіяся въ храмѣ Пенатовъ, и гово-

ритъ, что они представлены въ видѣ двухъ сидящихъ юношей въ воинской одеждѣ, что они держатъ свои копья врознь, и прибавляетъ, что онъ видѣлъ много подобныхъ изображеній въ другихъ древнихъ храмахъ Рима [299]. Уже Амброшъ доказалъ, что храмъ, описываемый Діонисіемъ, ни подъ какимъ видомъ не могъ быть извѣстнымъ храмомъ Пенатовъ въ Веліи [300], и это мнѣніе, не говоря уже о важныхъ доказательствахъ, приводимыхъ имъ, подкрѣпляется сильно тѣмъ, что еслибы въ Римѣ существовали изображенія общественныхъ Пенатовъ гдѣ бы то ни было и преимущественно во многихъ храмахъ, то не возникло бы ложное мнѣніе, что Пенаты находятся не въ Римѣ, а въ Лавиніи. Несмотря на это однакожъ, мы должны нѣсколько отступить отъ ученаго изыскателя въ томъ, что мы считаемъ двухъ боговъ, описанныхъ Діонисіемъ, не Діоскурами какъ онъ, а Ларами согласно съ Герцбергомъ [301]. Діонисій врядъ ли могъ видѣть въ Римѣ много храмовъ Діоскуровъ; зато на каждомъ перекресткѣ выставлялись въ часовняхъ такъ называемые Lares compitales [302]. Эти Lares изображались въ иныхъ часовняхъ какъ Пенаты; здѣсь нѣтъ ничего невѣроятнаго; стоитъ только припомнить, какъ часто смѣшивали боговъ совершенно разнородныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, позднѣйшее соединеніе или лучше сказать совершенное отожествленіе Пенатовъ съ Ларами подтверждается частью надписью, на которой написано: Larum Penatium [303], частью мѣстами, собранными Герцбергомъ [304], число которыхъ можно еще значительно умножить [305]. Только послѣ этого смѣшенія стали выставлять изображенія Пенатовъ возлѣ изображеній Ларовъ на очагахъ частныхъ домовъ; только послѣ этого Пенаты стали фамильными божествами, чѣмъ они первоначально уже потому не могли быть, что они сами были перенесены изъ чужбины.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что нѣтъ никакой основательной причины принимать существованіе Пенатовъ римскаго народа, въ ихъ собственномъ святилищѣ, въ образѣ человѣческомъ. Черезъ это становится наше вышевысказанное мнѣніе уже гораздо вѣроятнѣе, ибо кромѣ анѳропоморфической формы нельзя предполагать въ Римѣ иной, какъ символической. И такъ, Пенаты изображались копьями. Въ пользу этого говоритъ, во первыхъ, извѣстіе, сохраненное намъ Юстиномъ, что всѣ римскіе боги изображались первоначально въ видѣ копій; во вторыхъ, вышеприведенное обстоятельство, что главнымъ мѣстомъ поклоненія Пенатамъ было sacrarium Martis, гдѣ сохранялись священныя копья. Далѣе, изъ всего этого вытекаетъ необходимо, что римскій культъ Пенатовъ былъ отраслью

(Filialcultus) и снимкомъ съ культа лавинскаго; а въ Лавиніумѣ не было во времена Тимея другихъ святынь, кромѣ глинянаго сосуда и металлическихъ тростей. Принявъ далѣе въ соображеніе, что культъ Весты былъ также отраслью лавинскаго культа, и что въ Лавиніумѣ оба культа были соединены также какъ и въ Римѣ, читатели не найдутъ, вѣроятно, мнѣніе наше очень смѣлымъ, что глиняный сосудъ лавинскаго святилища былъ первообразомъ для серіи въ храмѣ Весты, а трости-для hastae Martiae. Впрочемъ одно мѣсто у Сервія [306] подтверждаетъ наше мнѣніе вполнѣ. Это мѣсто читается въ рукописи такъ: Nam et Samothraces horum Penatium antistites Coes (al. suos) vocabant, qui postea a Romanis Salii appellati sunt; hi enim sacra Deorum Penatium curabant; quos tamen Penates alii Apollinem et Neptunum volunt; *alii astatas in regia positos* tradunt. Принятое Ліономъ исправленіе *hastatos in regia positos*, какъ кажется, весьма легко, но оно не объясняетъ, какимъ образомъ могла произойти безобразная форма astatas. Это можно совершенно объяснить только тѣмъ, что она произошла отъ hostos чрезъ удвоеніе слога, что часто случается. Слѣдующее за тѣмъ positas не противорѣчитъ нашему объясненію, ибо послѣ того какъ явилось непонятное astatas, какой нибудь несвѣдующій переписчикъ могъ легко его отнести къ Аполлону и Нептуну. Далѣе, предложенное Ліономъ hastatas не можетъ означать просто изображенія боговъ съ копьями, даже у такого плохаго писателя, какъ Сервій. Сервій написалъ навѣрно hastas in regia positas; это доказывается уже тѣмъ, что въ регіи находились не hastati (кромѣ изображенія Марса), а hastae Martiae.

Не менѣе важное мѣсто въ символическомъ культѣ квиритовъ занимало поклоненіе рѣкамъ, учрежденное вѣроятно Нумою [306.b)]. Вода считалась вообще божественною стихіею, и отъ того она употреблялась часто вмѣстѣ съ огнемъ при квиритскомъ культѣ. Но особеннымъ уваженіемъ пользовалась проточная вода въ ручьяхъ; при служеніи Вестѣ, въ которомъ употребляли огонь и воду, брали воду обыкновенно только изъ ручьевъ [307]. Всѣ вообще рѣки въ Римѣ были боготворимы; въ честь имъ учреждено было общее празднество Fontinalia [308]. Нимфы Camenae, повелѣвающія рѣками, имѣли общее святилище [309]. Нѣкоторыя рѣки, какъ кажется, пользовались особеннымъ уваженіемъ; таковыми являются обыкновенно Тибръ, какъ pater Tiberinus [310], amnis Petronia [311], Juturna [312], Numicius [313], Egeria [314], Spino, Almo и Nodinus [315]. Судя по одному извѣстію Арнобія, божества рѣчныя принадлежали также къ индигетамъ [316]; именно говорится объ Нумиціѣ, что онъ былъ Indi-

ges [317]. Нѣтъ, правда, положительныхъ извѣстій касательно того, было ли служеніе рѣкамъ символическое; но совершенное молчаніе древнихъ касательно изображеній рѣчныхъ божествъ, обычай совершать празднества у самыхъ ручьевъ, при чемъ бросались обыкновенно вѣнки въ воду и увѣнчавались колодцы, все это подтверждаетъ, что они, какъ божества природы, не имѣли еще никакихъ изображеній, выставленныхъ въ храмахъ. По крайней мѣрѣ имена Serra и Coluber, придаваемыя въ индигитаментахъ Тиберину, заставляютъ насъ думать, что квириты вовсе его не представляли существомъ человѣческой формы [318]. Одно то, что рѣчное божество, нимфа Эгерія, представляется въ преданіи то супругою, то совѣтницею основателя квиритской религіи [319], который по внушенію ея ввелъ всѣ квиритскія сакры [320], одно это указываетъ на высокое значеніе, какое имѣло поклоненіе рѣкамъ въ квиритской религіи. По другимъ, эта роль принадлежитъ всѣмъ вообще нимфамъ водянымъ [321], къ числу которыхъ относилась Эгерія. Объ этихъ нимфахъ разсказываютъ, что всякій, кто только увидитъ образъ ихъ въ водѣ, сходитъ съ ума [322]. На такую силу водяныхъ нимфъ указываетъ самый языкъ, который сумасшедшаго называетъ lymphatus [323]. Объ Нумѣ ходило преданіе, что онъ видѣлъ боговъ въ водяныхъ струяхъ [324]; отъ того онъ въ преданіи и является какъ истинный νυμφάληπτος (lymphatus), конечно въ хорошемъ смыслѣ, т. е. какъ вдохновенный: этотъ предикатъ далъ Нумѣ Діомедъ, основываясь вѣроятно на вѣрныхъ источникахъ [324 b)].

Теперь, когда мы увидѣли, что квиритскій культъ, основанный Нумою, былъ символическимъ служеніемъ природѣ, и когда такимъ образомъ свидѣтельство Варрона подтверждается всѣмъ доселѣ сказаннымъ, перейдемъ къ другому признаку, которымъ, по приведеннымъ выше свидѣтельствамъ, квиритская религія Нумы отличается отъ другой, именно къ кроткому и человѣческому характеру ея, который виденъ ясно особенно при жертвоприношеніяхъ. Мы привели уже выше свидѣтельства Плинія и Овидія, по которымъ Нума установилъ жертвы изъ растительной природы. Разсмотримъ сакры, имъ учрежденныя, и мы увидимъ, что и это свидѣтельство древнихъ касательно его религіи подтверждается вполнѣ. Главную роль въ жертвахъ, установленныхъ Нумою, играетъ жито [325], которое приносится въ жертву Вестѣ. Сами весталки поджаривали, толкли и обрушивали жито, потомъ смѣшивали его съ солью [326], вѣроятно съ нарочно для того приготовленнымъ разсоломъ [327], и употребляли такое тѣсто (mola salsa) при жертвоприно-

шеніяхъ. Это тѣсто называется еще чистымъ, mola casta [328], far pium [329], потому что оно приготовлялось посредствомъ воды и огня, двухъ священныхъ стихій [330]. По крайней мѣрѣ жито не прожаренное считалось Нумою нечистымъ и негоднымъ для жертвоприношеній [331]. Да и разсолъ могъ приготовляться только изъ рѣчной воды, а не изъ водопроводной [332]. Такимъ образомъ апоѳеоза двухъ этихъ стихій видна и при жертвоприношеніяхъ. Но не одной Вестѣ приносились жертвы изъ растительной природы; это дѣлалось первоначально и другимъ квиритскимъ божествамъ. Судя по одному мѣсту изъ Горація [333], ясно видно, что far pium и mola salsa приносились въ жертву также и Пенатамъ. Термину можно было приносить въ жертву, по предписанію Нумы, только муку и первенцы изъ плодовъ [334]. Въ куріяхъ приносили въ жертву жито и муку; это видно ясно уже изъ того, что жито обыкновенно жарилось во время общаго празднества курій, во время форнакалій [335]. Діонисій [336] говоритъ, что онъ нашелъ въ куріяльныхъ домахъ на деревянныхъ столахъ кушанья въ корзинахъ и глиняныхъ блюдахъ, и притомъ не мясныя кушанья, но ячменныя лепешки и пироги, жито и первенцы изъ плодовъ. Правда, позднѣе упоминается о животныхъ, приносимыхъ въ жертву въ куріяхъ [337]; но это не были жертвы первоначальныя, а введены вѣроятно въ квиритскія сакры послѣ совершеннаго слитія обоихъ культовъ. Но жито сохранило всегда свое первоначальное древнее значеніе, ибо при кровавомъ жертвоприношеніи животныхъ приносилось оно богамъ какъ *πρόθυμα* [338].

Мы видимъ такимъ образомъ, что квиритское богослуженіе сохранило свой первоначальный характеръ и въ позднѣйшемъ государственномъ культѣ Рима. Кроткое, символическое, простое, аграрное, даже бѣдное по своей наружной формѣ и по обрядамъ, оно стояло въ яркой противуположности къ великолѣпному, кровавому служенію боговъ анѳропоморфическихъ. Мы уже выше сказали, что древніе выводили послѣднее изъ Этруріи, и это извѣстіе подтверждается касательно происхожденія ихъ культа въ Римѣ. Разсматривая анѳропоморфическихъ боговъ Рима, мы тотчасъ замѣтимъ, что большая часть ихъ, за исключеніемъ боговъ, происходящихъ изъ Греціи, боги этрусскіе. Первое мѣсто между культами анѳропоморфическихъ боговъ въ Римѣ занимаетъ культъ капитолинскій. Регія была панѳеономъ квиритскихъ боговъ-копій, Капитолій сталъ панѳеономъ боговъ анѳропоморфическихъ, ибо здѣсь были поставлены ихъ изображенія [339]. Отъ того то и регія и Капитолій, при позднѣйшемъ слитіи обоихъ культовъ, занимаютъ вмѣстѣ высокое мѣсто между всѣми другими менѣе важ-

ными святилищами Рима. Построеніе капитолійскаго храма приписывается единогласно этрусскимъ царямъ Рима [340]. Первое основаніе храма произошло посредствомъ эвокаціи квиритскихъ боговъ [341], которые были чужды основателю храма [342]. Храмъ посвященъ былъ первоначально тремъ этрусскимъ божествамъ: Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ, ибо по предписанію этрусской гаруспицины ни одинъ городъ не могъ быть основанъ безъ храма этихъ трехъ божествъ [343]. При основаніи храма помогали этрусскіе гаруспексы [344]; этрусскіе художники построили его [345]. Расположеніе храма соотвѣтствуетъ вполнѣ расположенію этрусскихъ храмовъ, которое описалъ Витрувій [346]. Глиняное изображеніе Юпитера капитолійскаго было сдѣлано, по Варрону, этрусскимъ художникомъ [347]. Онъ говоритъ, что въ Римѣ до построенія храма Цереры возлѣ Большаго-цирка всѣ произведенія архитектуры и ваянія были этрусскія [348]. Глиняная четверня коней, которая стояла на верхушкѣ передней кровли храма капитолійскаго, была сдѣлана, тотчасъ послѣ изгнанія царей, въ Веяхъ [349]. Вообще, въ Римѣ можно было найти много произведеній этрус ской пластики; множество свидѣтельствъ подтверждаютъ это [350]; ваяніе статуй боговъ выводятъ изъ Этруріи [351]. Но не только изображеніе Юпитера капитолійскаго, даже нарядъ его и украшеніе рѣшительно этрусскія [352]. Это было не что иное какъ великолѣпная одежда гордыхъ лукумоновъ [353]: золотая этрусская корона, (corona etrusca), этрусская пурпуровая одежда и скипетръ [354]. Красить изображеніе Юпитера сурикомъ [355] былъ также обычай этрусскій. Этотъ обычай былъ, какъ кажется, общій, и всѣ изображенія другихъ божествъ были выкрашены тоюже краскою [356].

Въ тѣсной связи съ капитолійскомъ культомъ находился, какъ кажется, тріумфъ, игры цирка и календарь. Одежда тріумфатора и претора, предсѣдательствующаго на играхъ въ циркѣ, была одежда Юпитера капитолійскаго [357]. Тріумфаторъ надѣвалъ нарядъ божества, даже золотую этрусскую корону, а въ старину даже красилъ себѣ лице сурикомъ [358], чтобы имѣть еше болѣе сходства съ Юпитеромъ. Цирценское шествіе (pompa circensis) шло отъ Капитолія къ цирку [359]. При этомъ несли кадильницы, великолѣпные храмовые сосуды изъ золота и серебра и изображенія боговъ. Все шествіе имѣло видъ торжественный и воинственный; впереди тянулись рядами юноши, сыновья всадниковъ на лошадяхъ, прочіе пѣшкомъ; за ними слѣдовали коновожатые, бойцы и вооруженные танцовщики съ цитаристами и флейщиками [360]. Игры производились въ честь капитолійскихъ боговъ; однакоже несли изображенія и

другихъ боговъ, какъ бы указывая на тѣсную связь боговъ капитолійскихъ съ другими анѳропоморфическими богами [361]. И тріумфъ и pompa circensis были, судя по вѣрнымъ свидѣтельствамъ, этрусскія торжественныя шествія, которыя можно видѣть еще и теперь на художественныхъ памятникахъ Этруріи [362]. Календарь [363], принесенный въ Римъ изъ Этруріи, сохранилъ даже позднѣе свое первоначальное отношеніе къ капитолійскому богослуженію. Главныя раздѣленія мѣсяцевъ, calendae и idae, были посвящены капитолійскимъ богамъ Юпитеру и Юнонѣ [364]. Юнонѣ приносились жертвы на календы [365], Юпитеру на иды и нундины [366]. Въ Капитоліи находилась Curia Calabra, куда при началѣ каждаго мѣсяца pontifex minor сзывалъ плебеевъ, чтобы возвѣстить имъ число дней, остававшихся до нонъ (nonae) [367]. Такъ называемыя sacra Nonalia, при которыхъ rex sacrificulus возвѣщалъ народу мѣсячные праздники, совершались въ Капитоліи [368]. Въ стѣну храма капитолійскаго вбивался первоначально ежегодно гвоздь по образу Волсинскихъ ежегодныхъ гвоздей Нарціи. Такимъ образомъ всѣ религіозныя учрежденія Рима, происходящія изъ Этруріи, были первоначально связаны съ культомъ капитолійскимъ.

Къ анѳропоморфическому культу, происходящему изъ Этруріи, принадлежало, кромѣ капитолійской тріады, вѣроятно, еще много другихъ боговъ, какъ то: Нептунъ, Марсъ-Градивъ, Вулканъ, Ведій, Сумманъ, Церера, Либеръ, Либера, Венера, Меркурій, Янусъ, Вертумнъ, Флора и Помона, Палесъ, Палатуа, Фурина, Фалацеръ, Волтурнъ, а также Лары и Маны съ ихъ матерью Ларенціею или Ларундою. Нептунъ и воинственный Марсъ находились въ тѣсной связи съ этрусскими конными играми. Первому какъ Consus посвящены были Consualia [369]; второму Equiria. [370]. Воинственный Марсъ имѣлъ въ Римѣ храмъ за городомъ [371], а такъ какъ это соотвѣтствовало совершенно этрусской гаруспицинѣ [372], то не трудно узнать въ немъ Марса этрусскаго. Коневій Нептунъ (Neptunus equester) находился кромѣ того, какъ кажется, въ близкой связи съ этрусскими конными центуріями. По одному весьма занимательному извѣстію Сервія [373], богатые всадники давали въ старину денегъ на сооруженіе морской силы, по бѣдности патриціевъ, и отъ того-то вѣроятно богъ получилъ прозвище equester. Марсъ, Нептунъ и Вулканъ находились въ самой близкой связи съ этрусскими гладіаторскими играми; ибо оружія Мирмиллоновъ (Myrmillones) и Секуторовъ (Secutores) посвящались Вулкану, Реціаріевъ (Retiarii) Нептуну, а оружія конныхъ гладіаторовъ (gladiatores equestres) воинственному Марсу [374]. Мюллеръ

уже доказалъ, что Вулканъ, Церера, Ведій и Сумманъ, Венера и Либеръ этрусскаго происхожденія [375]. Меркурій тоже; это доказывается уже тѣмъ, что ему поклонялись въ Капитоліи, и что основаніе его культа приписываютъ Тарквинію [376]. Янусъ и Вертумнъ того же самаго происхожденія. Вертумнъ стоялъ въ этрусской части города [377], и объ немъ говорятъ положительно, что онъ былъ этрусскимъ богомъ [378]. Варронъ считалъ и Януса такимъ же [379]. Его четверолицевое изображеніе выводилось изъ этрусскаго города Фалеріи (Falerii) [380]; даже его двулицевой образъ встрѣчается на этрусскихъ монетахъ [381]. Уже одно преданіе, что Янусъ Геминъ помогалъ Ромулу, въ борьбѣ съ квиритами, подтверждаетъ его неквиритское происхожденіе [382]. Нецѣломудренное служеніе Флорѣ въ циркѣ и связь, въ которой находились съ ней въ Римѣ продажныя женщины, происходившія изъ Этруріи [383], говорятъ явно въ пользу этрусскаго происхожденія этой богини. Помона, какъ любовница этрусскаго Вертумна, не можетъ быть отдѣлена отъ него [384]. Флора и Помона имѣли надзоръ надъ цвѣтами и плодами: на это указываютъ ихъ имена; а цвѣты и плоды продавались въ этрусскомъ кварталѣ [385]. Pales была однимъ изъ этрусскихъ женскихъ пенатовъ: немногимъ отличалась отъ нея и Palatua [386]. Никто не знаетъ, кто такая была Farina [387]; ей впрочемъ были посвящены особенныя игры въ циркѣ [388]; отсюда вѣроятно, что она находилась въ тѣсной связи съ этрусскимъ культомъ въ Римѣ. Pater Falacer былъ также совершенно неизвѣстный богъ; но одно имя его обличаетъ уже этрусское происхожденіе [389]. Volturnum былъ собственно этрусскій рѣчной богъ: онъ господствовалъ въ рѣкѣ, которая текла при этрусскомъ городѣ Волтурнѣ (позднѣе Капуя) [390]. Служеніе Ларамъ чисто было этрусское; самое имя ихъ было этрусское и означало вѣроятно господина [391]. Lares-viales, т. е. души умершихъ (manes piorum [392]), упоминаются въ самомъ дѣлѣ въ Ахерунтскихъ книгахъ Этруріи [393]. Лары находились въ Римѣ въ близкомъ отношеніи къ этрусскому календарю, ибо имъ приносили частные люди жертвы на календы, ноны и иды [394]. На этрусское происхожденіе Ларовъ указываетъ патриціянское преданіе, по которому мать ихъ Ларенція [395] была сначала женщиной продажной, а въ послѣдствіи вышла замужъ за богатаго Этруска [396]. — Въ Римъ были перенесены не только многіе боги Этруріи, но даже самое этрусское ученіе о богахъ; мы встрѣчаемъ въ Римѣ этрусскія понятія о богахъ высшихъ, dii superiores, consentes и complices [397];

другихъ боговъ, какъ бы указывая на тѣсную связь боговъ капитолійскихъ съ другими анѳропоморфическими богами [361]. И тріумфъ и pompa circensis были, судя по вѣрнымъ свидѣтельствамъ, этрусскія торжественныя шествія, которыя можно видѣть еще и теперь на художественныхъ памятникахъ Этруріи [362]. Календарь [363], принесенный въ Римъ изъ Этруріи, сохранилъ даже позднѣе свое первоначальное отношеніе къ капитолійскому богослуженію. Главныя раздѣленія мѣсяцевъ, calendae и idae, были посвящены капитолійскимъ богамъ Юпитеру и Юнонѣ [364]. Юнонѣ приносились жертвы на календы [365], Юпитеру на иды и нундины [366]. Въ Капитоліи находилась Curia Calabra, куда при началѣ каждаго мѣсяца pontifex minor сзывалъ плебеевъ, чтобы возвѣстить имъ число дней, остававшихся до нонъ (nonae) [367]. Такъ называемыя sacra Nonalia, при которыхъ rex sacrificulus возвѣщалъ народу мѣсячные праздники, совершались въ Капитоліи [368]. Въ стѣну храма капитолійскаго вбивался первоначально ежегодно гвоздь по образу Волсинскихъ ежегодныхъ гвоздей Нарціи. Такимъ образомъ всѣ религіозныя учрежденія Рима, происходящія изъ Этруріи, были первоначально связаны съ культомъ капитолійскимъ.

Къ анѳропоморфическому культу, происходящему изъ Этруріи, принадлежало, кромѣ капитолійской тріады, вѣроятно, еще много другихъ боговъ, какъ то: Нептунъ, Марсъ-Градивъ, Вулканъ, Ведій, Сумманъ, Церера, Либеръ, Либера, Венера, Меркурій, Янусъ, Вертумнъ, Флора и Помона, Палесъ, Палатуа, Фурина, Фалацеръ, Волтурнъ, а также Лары и Маны съ ихъ матерью Ларенціею или Ларундою. Нептунъ и воинственный Марсъ находились въ тѣсной связи съ этрусскими конными играми. Первому какъ Consus посвящены были Consualia [369]; второму Equiria. [370]. Воинственный Марсъ имѣлъ въ Римѣ храмъ за городомъ [371], а такъ какъ это соотвѣтствовало совершенно этрусской гаруспицинѣ [372], то не трудно узнать въ немъ Марса этрусскаго. Коневій Нептунъ (Neptunus equester) находился кромѣ того, какъ кажется, въ близкой связи съ этрусскими конными центуріями. По одному весьма занимательному извѣстію Сервія [373], богатые всадники давали въ старину денегъ на сооруженіе морской силы, по бѣдности патриціевъ, и отъ того-то вѣроятно богъ получилъ прозвище equester. Марсъ, Нептунъ и Вулканъ находились въ самой близкой связи съ этрусскими гладіаторскими играми; ибо оружія Мирмиллоновъ (Myrmillones) и Секуторовъ (Secutores) посвящались Вулкану, Реціаріевъ (Retiarii) Нептуну, а оружія конныхъ гладіаторовъ (gladiatores equestres) воинственному Марсу [374]. Мюллеръ

уже доказалъ, что Вулканъ, Церера, Ведій и Сумманъ, Венера и Либеръ этрусскаго происхожденія [375]. Меркурій тоже; это доказывается уже тѣмъ, что ему поклонялись въ Капитоліи, и что основаніе его культа приписываютъ Тарквинію [376]. Янусъ и Вертумнъ того же самаго происхожденія. Вертумнъ стоялъ въ этрусской части города [377], и объ немъ говорятъ положительно, что онъ былъ этрусскимъ богомъ [378]. Варронъ считалъ и Януса такимъ же [379]. Его четверолицевое изображеніе выводилось изъ этрусскаго города Фалеріи (Falerii) [380]; даже его двулицевой образъ встрѣчается на этрусскихъ монетахъ [381]. Уже одно преданіе, что Янусъ Геминъ помогалъ Ромулу, въ борьбѣ съ квиритами, подтверждаетъ его неквиритское происхожденіе [382]. Нецѣломудренное служеніе Флорѣ въ циркѣ и связь, въ которой находились съ ней въ Римѣ продажныя женщины, происходившія изъ Этруріи [383], говорятъ явно въ пользу этрусскаго происхожденія этой богини. Помона, какъ любовница этрусскаго Вертумна, не можетъ быть отдѣлена отъ него [384]. Флора и Помона имѣли надзоръ надъ цвѣтами и плодами: на это указываютъ ихъ имена; а цвѣты и плоды продавались въ этрусскомъ кварталѣ [385]. Pales была однимъ изъ этрусскихъ женскихъ пенатовъ: немногимъ отличалась отъ нея и Palatua [386]. Никто не знаетъ, кто такая была Farina [387]; ей впрочемъ были посвящены особенныя игры въ циркѣ [388]; отсюда вѣроятно, что она находилась въ тѣсной связи съ этрусскимъ культомъ въ Римѣ. Pater Falacer былъ также совершенно неизвѣстный богъ; но одно имя его обличаетъ уже этрусское происхожденіе [389]. Volturnum былъ собственно этрусскій рѣчной богъ: онъ господствовалъ въ рѣкѣ, которая текла при этрусскомъ городѣ Волтурнѣ (позднѣе Капуя) [390]. Служеніе Ларамъ чисто было этрусское; самое имя ихъ было этрусское и означало вѣроятно господина [391]. Lares-viales, т. е. души умершихъ (manes piorum [392]), упоминаются въ самомъ дѣлѣ въ Ахерунтскихъ книгахъ Этруріи [393]. Лары находились въ Римѣ въ близкомъ отношеніи къ этрусскому календарю, ибо имъ приносили частные люди жертвы на календы, ноны и иды [394]. На этрусское происхожденіе Ларовъ указываетъ патриціянское преданіе, по которому мать ихъ Ларенція [395] была сначала женщиной продажной, а въ послѣдствіи вышла замужъ за богатаго Этруска [396]. — Въ Римъ были перенесены не только многіе боги Этруріи, но даже самое этрусское ученіе о богахъ; мы встрѣчаемъ въ Римѣ этрусскія понятія о богахъ высшихъ, dii superiores, consentes и complices [397];

даже статуи этрусскихъ Консентовъ были выставлены на форумѣ [398]. Далѣе весь внѣшній культъ анѳропоморфическихъ боговъ въ Римѣ этрусскій; флейта, трубы, куреніе, кровавыя жертвы и гаданія по нимъ, все это, кажется, происхожденія этрусскаго. Въ высшей степени вѣроятно, что обычай куренія перенесенъ въ Римъ изъ Этруріи [399], а флейта и труба были достовѣрно этрускіе инструменты [400]. Флейщики были даже въ позднѣйшее время Этруски, также какъ и гаруспексы, и находились въ отношеніи весьма близкомъ съ капитолійскимъ культомъ [401]. Происходило ли приношеніе кровавыхъ жертвъ изъ Этруріи, объ этомъ правда достовѣрныхъ извѣстій нѣтъ, но это весьма вѣроятно. Между учрежденіями, перешедшими въ Римъ изъ Этруріи, Страбонъ упоминаетъ жертвы [402]. Этруски считались вообще дѣятельными жертвоприносителями [403], и что это мнѣніе древнихъ относится къ кровавымъ жертвамъ, то за это говорятъ—связь жертвоприношеній съ гаданіями по жертвамъ и одно свидѣтельство Ливія [404]. Все римское ученіе о жертвахъ, по сколько оно касалось кровавыхъ жертвъ, не только первоначально находилось подъ ихъ вліяніемъ, но осталось такъ навсегда. Этрусскіе гаруспексы указывали всегда при *прокураціи продигій*, какихъ животныхъ нужно было приносить въ жертву тому или другому божеству [405]. И не только въ чрезвычайныхъ случаяхъ пользовались ихъ искусствомъ, но и при обыкновенныхъ жертвахъ. Полководцы, отправлявшіеся къ войску, брали съ собою гаруспексовъ [406]; гаруспексы сопровождали еще во времена Цицерона магистратовъ, отправлявшихся въ провинціи [407], и Цицеронъ говоритъ, что ихъ искусствомъ пользовались въ древнія времена еще болѣе [408]. Далѣе, римское дѣленіе жертвъ на hostiae animales и consultatoriae было, какъ кажется, этрусское [409]. Въ самомъ дѣлѣ такъ называемыя sacrificia consultatoria находились подъ этрусскимъ вліяніемъ, ибо были всегда сопряжены съ extispicium [410], совершаемымъ этрусскими гаруспексами. Такимъ образомъ, главная часть ученія о жертвахъ стояла очевидно въ самой тѣсной связи съ этрусскимъ гаданіемъ по жертвамъ. Древніе говорили прямо, что римское ученіе о жертвахъ было опредѣлено столькоже посредствомъ responsa haruspicum, сколько рѣшеніями первосвященниковъ и сената [411]. Отъ того-то въ чрезвычайныхъ случаяхъ совѣтывались съ гаруспексами касательно жертвоприношеній, и тогда опредѣлялись по ихъ предписаніямъ не только виды жертвъ, но и самое время ихъ [412].

Нѣтъ причинъ также сомнѣваться въ этрусскомъ происхожденіи человѣческихъ жертвъ. Еще въ 524 и 536 годахъ отъ построенія города, приносились въ Римѣ человѣческія жертвы по предписаніямъ этрусскихъ Libri Fatales [413]. О послѣднемъ этрусскомъ царѣ Рима говорится, что онъ приносилъ мальчиковъ въ жертву матери Ларовъ [414]; это дѣлалось также, судя по многимъ свидѣтельствамъ, въ честь мановъ (Manes) [415]. Весьма вѣроятно, что гладіаторскія игры [416], перенесенныя изъ Этруріи, служили замѣною прежнихъ человѣческихъ жертвъ манамъ умершихъ [417].

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОТНОШЕНІЕ КВИРИТСКАГО И АНѲРОПОМОРФИЧЕСКАГО КУЛЬТА КЪ ПАТРИЦІЯМЪ И ПЛЕБЕЯМЪ.

Мы нашли такимъ образомъ, что всѣ извѣстія древнихъ о существованіи двухъ совершенно различныхъ культовъ въ Римѣ подтверждаются тѣмъ, что въ позднѣйшемъ римскомъ государственномъ культѣ мы встрѣчаемъ два рѣшительно противуположные элемента. Хотя они и слились потомъ неразрывно въ одинъ государственный культъ, единый для всѣхъ членовъ государства; но, не смотря на это, оба они сохранили свои особенныя первоначальныя черты. Если мы взглянемъ на то стародавнее время, когда обѣ религіи существовали самостоятельно другъ возлѣ друга, и спросимъ, въ какомъ же отношеніи находились онѣ первоначально къ двумъ, не менѣе различнымъ, составнымъ частямъ римскаго народа, патриціямъ и плебеямъ, — мы невольно должны предположить, что первоначальныя различія религіи могли совершенно совпадать съ различіями самаго народа. Разсмотримъ теперь все множество указаній касательно первоначальныхъ отношеній обоихъ племенъ къ этимъ культамъ, указаній, которыя видны частью въ самомъ культѣ, частью въ исторіи племенъ; и наше предположеніе возвысится не только до яснаго сознанія, но мы будемъ даже въ состояніи опредѣлить, какой культъ былъ первоначально патриціянскій, какой

плебейскій. Прежде всего мы должны напомнить, что почти всѣ составныя части антропоморфическаго культа были первоначально этрусскія, такъ что, по всему вѣроятію, онъ былъ перенесенъ изъ Этруріи; на что указываетъ и преданіе. Такой результатъ даетъ намъ въ руки важныя средства рѣшить нашу задачу. До сихъ поръ еще не признано, хотя тѣмъ не менѣе вѣрно, что изъ всѣхъ патриціянскихъ родовъ исторически достовѣрныхъ ни одинъ не выводилъ себя изъ Этруріи [418]. Мы имѣемъ полное право утверждать, что всѣ вообще этрусскіе элементы римской жизни были первоначально рѣшительно чужды патриціямъ. Въ плебеяхъ напротивъ, хотя въ нихъ не менѣе и латинскаго элемента, видна ясно примѣсь элементовъ этрусскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сабинскій элементъ былъ такъ сказать главною закваскою латинской субстанціи патриціянскаго племени, точно также элементъ этрусскій былъ еще болѣе сильною закваскою въ латинскихъ плебеяхъ. Уже въ Ромуловомъ пристанищѣ (Asylum) упоминаются бѣглецы не только латинскіе, но и этрусскіе [419]. Когда царь квиритовъ выступилъ противъ Ромула, тогда этрусское войско и его вождь, Coeles Vibenna, приходятъ къ Ромулу на помощь и селятся въ Римѣ [420]. Послѣ побѣды надъ Вейентинами, побѣжденные толпами были переселены въ Римъ и стали гражданами [421]. Во время Анка приходитъ съ Тарквиніемъ новая этрусская колонія [422], и когда послѣдній дѣлается царемъ, Сервій-Мастарна переселяется изъ Этруріи въ Римъ съ остатками Целіева войска. [423] Какъ велико было это подкрѣпленіе этрусской части плебеевъ, видно изъ того, что предводитель новаго войска былъ въ состояніи съ его помощью не только вытѣснить враждебныхъ ему патриціевъ изъ высотъ на равнину [424] и такимъ образомъ отмстить за изгнаніе Целійцевъ съ Целійской-горы [425], но даже доставить плебейскому войску новое политическое значеніе. Послѣ изгнанія царей этрусское войско Арунса, разбитое Арицинами, бѣжитъ въ Римъ, какъ въ свой собственный городъ [426], и селится, принятое дружески жителями, въ такъ называемой Тусской-части, vicus Tuscus [427]. Въ особенности плебейскіе всадники, эта аристократія плебеевъ, очевидно этрусскаго происхожденія. Уже древніе принимали, что понятія equites и celeres были въ древнѣйшемъ Римѣ равнозначительны [428]. Но справедливѣе всего слѣдовать здѣсь Патерну и объяснять это отношеніе такимъ образомъ, что цѣлое плебейское войско называлось celeres, а всадники, какъ главная часть его, назывались такъ по преимуществу [429]. Эти celeres находились, какъ извѣстно, подъ начальствомъ Целера (Celer), который былъ первообразомъ позднѣйшихъ Tribuni celerum [430]. Объ

немъ говорятъ положительно, что онъ былъ Этрускъ [431] и бѣжалъ послѣ убіенія Рема опять въ Этрурію [432]. Судя далѣе по тому, что преданіе приписываетъ ему надзоръ надъ работами при построеніи города [433], и что способъ построенія былъ этрусскій, нельзя не принять мнѣніе, что первый Tribunus celerum былъ Этрускъ, и celeres, которыми онъ начальствовалъ, пришли въ Римъ, ежели не всѣ, то по большой части, изъ Этруріи. Это мнѣніе подтверждается вполнѣ преданіемъ, которое говоритъ, что во время Ромула этрусскій полководецъ Celes отправился съ своимъ войскомъ въ Римъ. Припомнивъ, что имя Celes только другая форма слова Celer, мы должны согласиться, что Celer, о которомъ упоминается во время Ромула, былъ не кто иной, какъ Этрускъ Celes Vibenna. Рѣшительно-этрусское происхожденіе римскаго военнаго устройства, далѣе insignia, которыми отличались всадники отъ другихъ сословій, свидѣтельствуютъ о полуэтрусскомъ происхожденіи всего войска (exercitus) и всего учрежденія всадниковъ. Что касается до военнаго устройсгва, то не только въ одеждѣ и вооруженіи римскаго войска видно было много этрусскаго [434], но даже наборъ [435] солдатъ, первоначальный боевой порядокъ войска [436] и измѣреніе лагеря ведутъ, вѣроятно, свое начало также изъ Этруріи [437]. Точно тоже можно сказать касательно инсигній всадниковъ. Кони вывозимы были вообще въ Римъ изъ Этруріи; по крайней мѣрѣ Ливій извѣщаетъ, что для игръ, установленныхъ Тарквиніемъ Прискомъ, кони были приведены изъ Этруріи [438]; а Сервій, основываясь на одномъ неизвѣстномъ источникѣ [439], говоритъ, что въ древнія времена въ Римѣ было чрезвычайно мало лошадей, и что отъ того даже при играхъ употреблялись другія животныя. Есть извѣстія, что въ древнія времена патриціи употребляли колесницы, запряженныя не лошадьми, а мулами [440]. Только вывозъ лошадей изъ Этруріи объясняетъ намъ, отъ чего квириты смотрѣли на лошадь, какъ на проклятое животное, и отъ чего не только квиритскій жрецъ не смѣлъ употреблять ее [441], но даже диктаторъ патриціянскій получалъ особеннымъ закономъ позволеніе сѣсть на лошадь [442]. Тоже самое почти можно сказать о кольцахъ всадниковъ, объ ихъ трабеи (trabea) и буллѣ (bulla) ихъ сыновей. Есть извѣстіе, что патриціи не носили первоначально колецъ [443], и что этотъ обычай перешелъ изъ Этруріи [444]. Всадническая трабея была этрусская одежда [445], и bulla принадлежала къ числу инсигній этрусскихъ лукумоновъ [446]. Только этрусское происхожденіе всадниковъ можетъ объяснить, какимъ образомъ всадники могли съ самаго начала находиться въ тѣсной связи съ этрусскими играми въ Римѣ. Ихъ сы-

новья шли всегда впереди при цирценской помпѣ, Pompa Circensis [447]; богъ Конзуалій, Консусъ или конный Нептунъ, Neptunus equester, носилъ ихъ имя; они сами имѣли при играхъ съ давнихъ временъ свои особенныя мѣста [448]. Въ новѣйшее время утверждаютъ, правда, всѣ вообще, слѣдуя Нибуру, что всадники находились въ близкихъ отношеніяхъ съ патриціянскими куріями [449], и что этотъ институтъ былъ чисто патриціянскій; но celeres уже потому не могли имѣть ничего общаго съ куріями, что у нихъ были, какъ говорятъ вѣрныя свидѣтельства, свои особенныя сакры, совершенно отличныя отъ курій, былъ даже особенный жрецъ [450]. Если бы всадники были членами курій, то не имѣли бы ни особенныхъ сакръ, тѣмъ менѣе еще особеннаго жреца. Этимъ жрецомъ былъ предводитель конницы, такъ называемый Tribunus celerum. Мы правда не знаемъ, въ чемъ состояла его жреческая должность; но припомнивъ, что Этрускъ Celer былъ также Tribunus celerum [451], и что нѣкоторые изъ неквиритскихъ царей были во время правленія своихъ предшественниковъ такими предводителями конницы [452], и судя по вышеозначенному нами отношенію этихъ царей къ квиритской религіи, мы должны предположить, что сакры celerum не были сакры квиритскія. Нечего слѣдовательно удивляться, что и въ послѣдствіи, когда патриціянскій populus вручилъ чрезвычайную власть въ руки диктатору (Magister populi, какъ его называли), то всадники, equites, были подчинены особенному предводителю, Magister equitum [453], котораго прямо называютъ наслѣдникомъ трибуна celerum [454]. Посмотримъ далѣе на другія ремесла, которыми занимались римскіе плебеи (на торговлю и промышленность), и мы увидимъ, что онѣ также происходятъ изъ Этруріи, какъ и военное искуство. Правда, у насъ нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, что торговля и ремесла были принесены изъ Этруріи, но судя по многимъ даннымъ, это весьма вѣроятно. Богатство является по римскому сказанію только съ Этрускомъ Тарквиніемъ. Онъ былъ сынъ купца [455], дарилъ народу деньги; царь полюбилъ его за то, что онъ ему давалъ деньги въ займы [556]. Вообще источники мало говорятъ о богатствѣ древняго Рима. Но замѣчательно, что преданіе въ числѣ другихъ богатыхъ, имена которыхъ оно сохранило, приводитъ и Таруція, который женился на Аккѣ Ларенціи, и называетъ его также Этрускомъ [457]. Монета и кораблеплаваніе, два главныя средства къ торговлѣ, возникли въ Римѣ рѣшительно подъ этрусскимъ вліяніемъ. Самый древній штемпель римскихъ монетъ, представляющій этрусскаго двойнаго Януса и корабельный носъ, встрѣчающійся на этрусскихъ монетахъ [458], равно

какъ и преданіе о первой чеканкѣ Сервіемъ[459], не позволяютъ сомнѣваться, что римскія деньги вывезены были изъ Этруріи. Оснащеніе кораблей было въ древнее время дѣломъ богатыхъ всадниковъ, и слово classis, которымъ римскій языкъ означаетъ флотъ, указываетъ, какъ кажется, на связь кораблеплаванія съ учрежденіями Сервія[460]. Отъ того-то въ преданіи деньги и корабль считаются изобрѣтеніями этрусскаго Януса[461], подобно тому какъ этрусское построеніе клоакъ приписывается Вертумну, какъ отвратителю рѣкъ[462]. Вертумнъ и Янусъ были богами торговли[463]; торговля и ремесла производились передъ ихъ статуями[464]. Въ подтвержденіе этрусскаго происхожденія торговли и ремеслъ въ Римѣ говоритъ то, что въ позднѣйшее время мѣстомъ ихъ былъ этрусскій кварталъ. Здѣсь, судя по достовѣрнымъ извѣстіямъ, жили вообще всѣ купцы[465]. Здѣсь производили свои работы всѣ ремесленники, продавцы благовоннаго масла и куреній, шелковые фабриканты, торговцы рыбою, плодами, птицеловы, комедіанты, колбасники, гаруспексы и продажныя женщины[466]. Это, т. е. что торговля и ремесла въ Римѣ производились въ этрусскомъ кварталѣ, не было дѣломъ случайнымъ. Соображая, что куренія были въ Римѣ товаромъ привознымъ[467], что комедіанты, женщины продажныя и гаруспексы были первоначально природные Этруски[469], необходимо считать и прочія ремесла, производившіяся тамъ, этрусскими[470], а вмѣстѣ съ тѣмъ и принять мнѣніе, что торговля и ремесла въ Римѣ были этрусскаго происхожденія. Вѣроятность этого мнѣнія увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что торговля въ Римѣ, даже въ періодъ позднѣйшій, находилась подъ покровительствомъ капитолійскаго божества, Меркурія[471], и на это указываетъ еще важное преданіе, что богъ торговли былъ поставленъ въ Капитоліи вмѣстѣ съ тремя высшими божествами этрусскимъ царемъ Тарквиніемъ, сыномъ купца Дамарата[472].

Такимъ образомъ, ежели въ плебеяхъ первоначально было такъ много этрусскаго, а племя патриціевъ напротивъ оставалось чуждо всякаго прикосновенія съ Этруріею, то нечего, кажется, отрицать, что богослуженіе, перенесенное изъ Этруріи, принадлежало, до того времени, когда и оно стало религіею государственною, плебеямъ, и было рѣшительно чуждо патриціямъ. Это мнѣніе подтверждается очевидно тѣмъ презрѣніемъ, съ какимъ патриціянскія сказанія говорятъ о нѣкоторыхъ этрусскихъ божествахъ, далѣе позднѣйшимъ отношеніемъ плебеевъ къ этрусскому культу и наконецъ совершенно-плебейскимъ характеромъ Капитолія. Что касается до

преданій, то они представляли не только Януса рожденнымъ отъ преступной любви [475], но даже Флора и мать Ларовъ были, слѣдуя этимъ преданіямъ, порочныя женщины [474], и самъ Юпитеръ представляется богомъ кровожаднымъ, котораго человѣкъ могъ обмануть простымъ перетолкованіемъ его собственныхъ словъ [475]. Напротивъ, многія изъ этрусскихъ божествъ въ Римѣ являются божествами рѣшительно-плебейскими, и вообще культъ неквиритскій сохранилъ много древнѣйшихъ своихъ отношеній къ плебеямъ. Плебейскимъ эдиламъ опредѣленно приписывается надзоръ надъ храмами и суппликаціями [476]. Припомнивъ при этомъ, что квиритское богослуженіе имѣло часовни [477], а не храмы [478], и что постройка и расположеніе храмовъ возникли въ Римѣ подъ этрусскимъ вліяніемъ [479], необходимо вывести тотъ результатъ, что все храмовое устройство принадлежало этрусско-анѳропоморфическому культу и находилось подъ надзоромъ плебейскихъ чиновниковъ, отъ того что весь этотъ культъ былъ первоначально плебейскій. Суппликаціи стояли также въ тѣсной связи съ анѳропоморфическимъ культомъ. Этотъ обычай былъ рѣшительно неквиритскій; это подтверждается тѣмъ, что при суппликаціяхъ квиритскіе боги вовсе не упоминались, и что сами суппликаціи совершались передъ статуями боговъ и сопровождались такъ называемыми hostiae majores [480]. Храмы отворялись во время суппликацій; въ нихъ всѣ впускались [481]; это также не могло согласоваться съ таинственнымъ служеніемъ квиритскимъ. Далѣе тѣже самые плебейскіе эдилы заботились и объ играхъ [482]. Игры между тѣмъ составляли часть анѳропоморфическаго богослуженія, и отсюда слѣдуетъ, что божества, въ честь которыхъ праздновались игры, какъ то Jupiter, Minerva, Juno, Ceres, Liber, Libera, Vulcanus и Flora, были первоначально божества рѣшительно-плебейскія. Въ пользу того мнѣнія, что три капитолійскія божества находились первоначально въ самой близкой связи съ плебеями, говоритъ еще и то, что посвященныя имъ большія или римскія игры назывались даже просто плебейскими [483]. Отсюда объясняется, почему въ 262 году отъ построенія города, когда святилище Юпитера было преступнымъ образомъ осквернено, разгнѣванный богъ возвѣстилъ свою волю не черезъ патриція, а черезъ плебея [484].

Изъ прочихъ боговъ, признанныхъ нами за этрусскихъ, Нептунъ, Меркурій, Янусъ, Вертумнъ и Вулканъ [484 b)] являются божествами плебейскими уже по очевидно близкому отношенію своему къ плебейскимъ занятіямъ; тотъ же Вулканъ и кромѣ него Flora, Pomona, Volturnus, Falacer, Farina, Palatua, Ianus Portunus и Carmenta—потому, что

имъ служили плебейскіе жрецы [485]. Изъ 12 плебейскихъ фламиновъ намъ извѣстна вполнѣ должность только девяти; впрочемъ доказывать кажется нечего, что и остальные трое были фламины плебейскихъ божествъ. Кромѣ должности фламиновъ, плебеи занимали вѣроятно мѣста Pontificum minorum [486]. Эти послѣдніе исправляли, кромѣ должности писарей при великомъ первосвященникѣ (Pontifex Maximus), еще другія должности, относящіяся по большой части къ этрусскому календарю въ Римѣ. Первоначально одинъ изъ нихъ наблюдалъ каждый мѣсяцъ за появленіемъ новолунія, и какъ только оно показывалось, доносилъ царю-жертвоприносителю (rex sacrificulus) [487]; потомъ онъ созывалъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, совершивши жертвоприношеніе, плебеевъ въ такъ называемую curia calabra и объявлялъ имъ число дней, остающихся до нонъ. Почти такое же отношеніе плебеевъ къ этрусскому календарю видно изъ извѣстія, что плебеи праздновали особенно день нонъ [488], что плебей Д. Брутъ совершалъ парентацію (parentatio) не въ Февралѣ, а въ Декабрѣ [489], т. е. не по календарю Нумы, а по календарю этрусскому.

Служеніе Юпитеру Капитолійскому совершалъ правда потомъ жрецъ патриціянскій, Flamen Dialis, но уже изъ того, что Flamen Dialis имѣлъ прежде совершенно другое назначеніе, видно, что это служеніе приняли патриціи позднѣе, изъ политическихъ видовъ, и сдѣлали его высшимъ государственнымъ культомъ. Капитолій сохранялъ по крайней мѣрѣ еще довольно долго рѣшительно-плебейскій характеръ, совершенно чуждый патриціямъ. Есть извѣстія, что постройка его совершена была при помощи плебеевъ и вспомоществованіемъ союзниковъ [490]. Не только плебеи, но и союзники, даже чужестранцы допускались къ служенію богамъ капитолійскимъ [491]. Въ дни союзнаго праздества, такъ называемыхъ feriae latinae, бывалъ бѣгъ въ Капитоліи [492]; въ играхъ цирценскихъ, которыя находились въ весьма тѣсной связи съ Юпитеромъ Капитолійскимъ, принимали участіе Этруски и Вольски [493]. Припомнивъ далѣе, что feriae latinae и жертвоприношенія, совершавшіяся въ эти дни, находились подъ надзоромъ эдиловъ плебейскихъ, которые и предсѣдательствовали на нихъ [494], и были такимъ образомъ празднествомъ плебейскимъ, нечего болѣе сомнѣваться въ плебейскомъ характерѣ Капитолія. Отсюда понятно, почему ни одинъ патрицій не смѣлъ жить около Капитолія [495], или въ Капитоліи [496], и почему уже гораздо позднѣе, во время гальскаго нашествія, патриціянскіе жрецы предпочли лучше зарыть свои святыни въ зем-

лю или перенести въ чуждый городъ, нежели отдать ихъ подъ защиту Капитолія, ненавистнаго ихъ богамъ[497].

Такимъ образомъ ежели культъ этрусскій—плебейскій культъ, то ясно само собою, что культъ квиритскій необходимо долженъ быть патриціанскимъ. Въ самомъ дѣлѣ исторія, возникшая подъ патриціанскимъ вліяніемъ, говоритъ съ пристрастіемъ о царяхъ квиритскихъ и преслѣдуетъ напротивъ основателей религіи этрусской съ такою ненавистью, что не остается болѣе никакого сомнѣнія касательно первоначальнаго отношенія патриціевъ къ культу квиритскому. Культъ курій былъ первоначально патриціанскій, и доступъ къ нему имѣли развѣ только патриціанскіе кліенты; въ пользу этого мнѣнія говоритъ отношеніе курій къ патриціанскимъ жрецамъ и къ семейственному праву патриціанскихъ родовъ (gentes)[498], и еще то, что патриціи назывались первоначально просто Curiatii, т. е. члены курій. Но не только первоначально, даже позднѣе, патриціи смотрѣли на квиритскій культъ, какъ на принадлежащій имъ исключительно. Допуская къ капитолійскому служенію не только плебеевъ, но даже иностранцевъ, а на себя только взявъ служеніе Юпитеру, какъ высшему государственному божеству, и то изъ политическихъ видовъ, они закрывали долго плебеямъ дорогу ко всѣмъ квиритскимъ жреческимъ достоинствамъ и скрывали отъ нихъ святыни квиритскія, видимыя только для жрецовъ[499]. Даже позднѣе, когда плебеи принимали уже участіе въ *политически-важныхъ* жреческихъ должностяхъ, въ первосвященствѣ, авгуратѣ и въ должности Curio Maximus, патриціи не допускали ихъ управлять квиритскими сакрами, ибо три главные Фламина и Саліи палатинскіе оставались всегда патриціями.[500] Основываясь на всемъ сказанномъ, можно считать все патриціанское квиритскимъ, и даже самое имя квиритовъ тождественнымъ съ именемъ патриціевъ, настолько однакожъ, насколько это имя означаетъ не цѣлый народъ, а особенную квиритскую религію римскихъ патриціевъ. Правда въ наше время квиритовъ считаютъ Сабинами, и самые извѣстные ученые говорятъ о сабинскомъ бракѣ, сабинскихъ жреческихъ достоинствахъ и т. д.; но это мнѣніе такъ же неосновательно, какъ и другое довольно заглохшее, выводящее жреческій характеръ патриціанской общины изъ Этруріи. Сабины имѣли нѣкоторое вліяніе на развитіе римской жизни: этого отрицать нельзя, ибо въ Римѣ было много сильныхъ сабинскихъ жреческихъ Фамилій. Принятіе въ общину патриціевъ сабинскихъ Клавдіевъ посредствомъ кооптаціи указываетъ на религіозное родство; слѣдовательно невозможно отрицать сабинскаго

вліянія на римскую религію. Но переселеніе сабинскихъ фамилій совершалось мало по малу, и первое переселеніе подъ предводительствомъ Тація состояло по нѣкоторымъ изъ трехъ родовъ[501], изъ которыхъ остались только gens Valeria и Curtia, а о третьемъ ничего не слышно. Нечего говорить, какъ невѣроятно другое преданіе, которое переселяетъ цѣлый народъ съ царемъ изъ отдаленнаго мѣста въ непріятельскій городъ. При внимательномъ разсматриваніи отдѣльныхъ квиритскихъ религіозныхъ учрежденій видно, что квиритство заключало въ себѣ не только сабинскіе элементы, но и латинскіе, и что собственно-сабинское составляло самую малую часть его. При первомъ взглядѣ бросается въ глаза, что бо́льшую часть римскихъ учрежденій выводили грамматики и историки изъ Этруріи и Лаціума[502]; изъ земли сабинской напротивъ, исключая развѣ извѣстное мѣсто Варрона[503], весьма мало[504].

О сабинскихъ политическихъ учрежденіяхъ въ Римѣ мы ничего не знаемъ, если не хотимъ выдавать общеиталіянскія учрежденія за сабинскія. Что касается религіи, мы можемъ указать съ достовѣрностью только на немногія божества, какъ на сабинскія. Это можно сказать достовѣрно о Санкѣ и о Вакунѣ[505]. Солнце (Sol) можемъ мы считать также божествомъ сабинскимъ, ибо ему поклонялась сабинская фамилія Авреліевъ[506]. Но Санкъ былъ квиринальскій мѣстный богъ[507]; служеніе солнцу тоже принадлежало къ частнымъ сакрамъ. Это говоритъ рѣшительно противъ мнимаго большаго вліянія сабинскихъ сакръ на римскую религію; что же касается до извѣстнаго мѣста Варрона, откуда вытекли всѣ мнѣнія касательно сабинскаго происхожденія квиритскихъ боговъ Рима, то, какъ кажется, ученый мужъ либо самъ вывелъ ложныя заключенія, либо въ самомъ источникѣ, приведенномъ имъ, въ Annales Maximi первосвященниковъ, онъ нашелъ ложныя и неосновательныя извѣстія. Въ самомъ началѣ мѣста[508] онъ выводитъ Феронію (Feronia), Минерву (Minerva) и Новенсидовъ, (Novensides), изъ сабинской земли. Но что касается Ферониі, ей поклонялись вообще и Сабины и Латины, какъ союзному божеству[509]. Минерва принадлежала къ этрусско-капитолійской тріадѣ и имѣла даже рѣшительно-этрусское имя[510]. Мнѣніе свое касательно сабинскаго происхожденія Новенсидовъ Варронъ почерпнулъ, какъ кажется, изъ Пизона, который считалъ Новенсидами 9 боговъ, которымъ поклонялись Сабины при Требіи[511]. Созвучіе, какъ кажется, числа novem съ Novensides подало поводъ къ этому мнѣнію; то же самое побудило Манилія объявить Новенсидовъ тѣми 9-ю божествами, которымъ Юпитеръ, по этрусскому ученію о молніи, далъ силу метать перуны. Во всякомъ

случаѣ это мнѣніе Манилія, равно какъ и предположеніе Цинція, утверждавшаго, что Novensides называются вообще всѣ божества вновь принятыя, показываетъ, что мнѣніе касательно сабинскаго происхожденія Новенсидовъ не было мнѣніемъ общимъ, но основывалось на личныхъ предположеніяхъ Варрона и Пизона. Варронъ приводитъ далѣе тамъ же извѣстіе, заимствованное изъ лѣтописей, что сабинскій царь Тацій поставилъ алтари богамъ: Опсѣ, Флорѣ, Ведію, Юпитеру, Сатурну, Солнцу, Лунѣ, Волкану, Сумману, Ларундѣ, Термину, Квирину, Вертумну, Лару, Діанѣ и Луцинѣ; Августинъ, слѣдуя вѣроятно другому сочиненію Варрона, присоединяетъ сюда еще богиню Луксъ и Клоацину [512]; Діонисій Рею, Марса, Весту и Юнону Курисъ [513]. Стоитъ только бѣгло пробѣжать этотъ каталогъ, чтобы убѣдиться, что здѣсь приписывается Тацію сооруженіе алтарей божествамъ самымъ разнороднымъ, нахватаннымъ тамъ и сямъ, которыя здѣсь ложно считаются сабинскими. Что касается богини Луксъ и Реи, культъ ихъ былъ въ Римѣ вовсе неизвѣстенъ. Клоацина, это только придаточное имя Венеры [514], а Венера не была извѣстна во время царей ни подъ греческимъ, ни подъ латинскимъ именемъ [515], по свидѣтельству того же Варрона; слѣдовательно мы врядъ ли можемъ дать вѣсъ извѣстію Варрона, когда онъ самъ себѣ такъ очевидно противорѣчитъ. Что касается другихъ божествъ, которымъ, какъ говорятъ, поклонялся Тацій, уже Амброшъ доказалъ [516], что между ними было много латинскихъ божествъ, какъ то: Сатурнъ, Опса, Веста, Діана и Марсъ; прочихъ же, Флору, Юпитера Ведія, Суммана, Волкана, Вертумна, Ларунду, Ларовъ можно считать, судя повсему сказанному, богами этрусскими. Уже Амброшъ старался объяснить происхожденіе Варронова каталога предположеніемъ [517], что Варронъ принялъ въ него всѣхъ тѣхъ боговъ, древнія святыни которыхъ находились въ кварталахъ города, считаемыхъ Варрономъ сабинскими. Въ самомъ дѣлѣ, намъ извѣстно съ одной стороны, что Варронъ предполагалъ, что не только Квириналъ, Капитолій, но даже Авентинъ и часть Эсквилина были первоначально заняты Сабинами; съ другой стороны извѣстно, что большая часть боговъ, которымъ, по предположенію его, поклонялся Тацій, имѣли свои святилища въ этихъ четырехъ частяхъ города [518]. Впрочемъ заключеніе это сдѣлано было не Варрономъ, но составителями Annales maximi, ибо Варронъ основываетъ свое мнѣніе на ихъ свидѣтельствѣ, и это даетъ его извѣстію видъ нѣкоторой достовѣрности; такъ какъ Annales maximi все таки должны считаться главнымъ и самымъ подлиннымъ источникомъ. Но вѣдь и древняя римская исторія почерпалась

изъ жреческихъ лѣтописей, а между тѣмъ нельзя утверждать, что она во всѣхъ отношеніяхъ вѣрна. Авторитетъ лѣтописей не долженъ вести насъ здѣсь по ложной дорогѣ, ибо весьма вѣроятно, что всѣ извѣстія въ лѣтописяхъ римскихъ жрецовъ либо не говорили ничего положительно, либо у самихъ древнихъ не пользовались большимъ довѣріемъ. Какимъ бы образомъ произошло это вѣчное колебаніе извѣстій, это вѣчное сомнѣніе древнихъ почти во всѣхъ фактахъ внутренней исторіи первоначальнаго Рима? Посмотримъ на первоначальную исторію главныхъ религіозныхъ и политическихъ учрежденій Рима, и мы увидимъ, что почти каждое изъ нихъ приписывается двумъ или тремъ царямъ. Такъ приписывается учрежденіе служенія курій то Тацію, то Ромулу [519]. Извѣстія касательно происхожденія вестальскаго культа [520], авспицій [521], фламиновъ марціяльскаго и діальскаго [522] не точны и приписываютъ эти учрежденія то Румулу, то Нумѣ. Извѣстіе касательно введенія феціяльнаго права колеблется между Нумою и Анкомъ [523]. Точно также не точна исторія происхожденія Саліевъ [524], постепеннаго возрастанія сената [525] и сословія всадниковъ [526], расширенія города [527], учрежденія царскихъ инсигній, [528], тріумфа, нундинъ [529], интеркалацій [530], нуманскаго года [531], постройки клоакъ [532], учрежденія цеховъ [533]; точно также шатки извѣстія касательно авгура Невія [534], происхожденія carminis perduellionis [535] и пришествія Целеса (Coeles) [536]. Особенно что касается исторіи Тація, о которомъ рѣчь, извѣстія разногласны въ высшей степени. То говорятъ, что онъ поселился въ Римѣ съ цѣлымъ войскомъ [537], то утверждаютъ, что въ Римѣ остались съ нимъ только три рода [538], и что главная сила Сабиновъ прибыла только съ Клавдіемъ [539]. По нѣкоторымъ, Клавдій является уже при первомъ переселеніи, по другимъ при сраженіи на Регильскомъ озерѣ [540]. Наконецъ, хотя и было общее мнѣніе, что квириты, тотчасъ послѣ принятія ихъ, были поставлены на равной ногѣ съ Римлянами, что оба сената соединились въ одинъ общій [541]; но между тѣмъ нѣкоторыя извѣстія утверждаютъ, что оба царя имѣли разные сенаты [542], другія же говорятъ, что квириты не имѣли даже jus suffragii [543]. Эта разногласица въ извѣстіяхъ заставляетъ насъ предполагать, что либо она существовала въ самыхъ жреческихъ лѣтописяхъ, либо недостовѣрность этихъ извѣстій была такъ всѣмъ извѣстна, что никто почти имъ не вѣрилъ, и каждый ученый считалъ своею обязанностью перестроивать посвоему зданіе римской исторіи, сооруженное римскими понтифексами. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ пол-

ное право не очень цѣнить авторитетъ жреческихъ лѣтописей, и можемъ отбросить ихъ извѣстія касательно боговъ, которымъ поклонялся Тацій, потому что причины весьма важныя рѣшительно этому противорѣчатъ.

Самымъ важнымъ доказательствомъ латинскаго происхожденія квиритскаго культа служитъ тождество религіозныхъ обрядовъ сосѣднихъ латинскихъ племенъ съ религіею римскихъ квиритовъ. Разсмотримъ въ самомъ дѣлѣ культы, основанные Нумою, и мы увидимъ, что они не только встрѣчаются въ другихъ городахъ латинскихъ, какъ доказалъ Амброшъ, но что они даже перенесены изъ Лаціума въ Римъ. Мы находимъ римскихъ Пенатовъ въ Лавиніумѣ и Альбѣ [544]; Весту, кромѣ этихъ двухъ городовъ, въ Тибурѣ [545]; Индигетовъ въ Пренестѣ [546]. Авспиціи были въ Тибурѣ и Альбѣ [547]; квиритскія авспиціи были въ очевидномъ родствѣ съ сабинскими [548]. Квиритскіе жрецы были въ другихъ латинскихъ городахъ: такъ понтифексы въ Альбѣ и Пренестѣ [549], Саліи въ Альбѣ, Тибурѣ [550], Тускулѣ [551] и вѣроятно также въ Лавиніи [552], Весталки въ Альбѣ [553(a)] а вѣроятно также въ Лавиніи и Тибурѣ [553 b)]; фламины въ Лавиніи [554], но кромѣ того вѣроятно не только въ Альбѣ [555], но вообще въ цѣломъ Лаціумѣ [556]. И не только въ отдѣльныхъ чертахъ культовъ квиритскихъ и латинскихъ замѣтно сходство, но главные культы Нумы были не болѣе какъ отраслію культовъ латинскихъ городовъ. Римское служеніе Вестѣ и Пенатамъ, занимавшее первое мѣсто въ цѣломъ квиритскомъ культѣ, является и позднѣе какъ отрасль лавинскаго культа. Римскія сакры, совершавшіяся въ честь этихъ божествъ, были и въ позднѣйшее время въ связи съ мѣстностью этого города. Тамъ совершали римскіе магистраты ежегодныя жертвоприношенія [557], и замѣчательно, что римское преданіе заставляетъ Тація, царя квиритскаго, приносить жертвы не въ Cures, а въ Лавиніи [558]. Нѣтъ, правда, никакого преданія, которое бы положительно говорило о непосредственномъ вліяніи Тибура; но одно замѣчательное извѣстіе Іоанна Лида въ соединеніи съ извѣстіемъ, что въ Тибурѣ существовало салійское учрежденіе и авгуріи, заставляетъ насъ предполагать, что была колонія квиритская и изъ Тибура. Въ казеолинскомъ фрагментѣ Іоанна Лида [559] находимъ мы мѣсто, правда съ пропусками, гдѣ упоминается, въ числѣ семи холмовъ Рима, и collis Tiburtinus, который мы должны принять по многимъ причинамъ за Quirinalis. Это мѣсто гласитъ: *ὀνόμα | τὰ δὲ αὐτῶν* (семи холмовъ) *ὄρος Παλ | ατῖνον*, *'Εσκύλιον*, *Ταρπήϊον*, *'Αβεντῖνον*; *Τιβο | ρτῖνον* ——————————, *Κίσ | τιον*, *Βιμινάλιον*.

Пропускъ послѣ *Τιβορτῖνον* нужно пополнить словомъ *Κυριναλιον*, а не *'Ιανοῦκλον*, какъ сдѣлалъ Беккеръ; это такъ во первыхъ потому, что Квириналъ принадлежащій къ болѣе обширному городскому семигорію, не долженъ недоставать въ этомъ каталогѣ; во вторыхъ потому, что дорога изъ Тибура (via Tiburtina) вела не къ Яникулу, а на Квириналъ, и тибуртинское поселеніе заняло бы скорѣе послѣдній холмъ, нежели Яникулъ; и наконецъ потому, что въ шестой Части (VI Regio) города, которая заключаетъ въ себѣ и Квириналъ, упоминается регіонаріями и въ позднѣйшее время vicus Tiburtinus.-Точно также окрестности Ариціи находились вѣроятно въ самой тѣсной связи съ сакрами, учрежденными Нумою. На берега арицийской рѣки Нумиція упалъ, по нѣкоторымъ, съ неба священный щитъ [560]; по предписанію Нумы воду для служенія Вестѣ можно было брать только изъ этой рѣки [561]. Въ святилищѣ Индигета (Indiges), который повелѣвалъ водами Нумиція, приносились ежегодно жертвы понтифексами и консулами [562]. Не далеко отъ Нумиція между Лаврентомъ и Ардеей находился источникъ Ютурна, изъ котораго привозилась вода въ Римъ для всѣхъ вообще жертвъ, и ему были посвящены въ Римѣ часовня и прудъ [563]. Арицинская нимфа Эгерія пользовалась, какъ мы видѣли, божескими почестями въ Римѣ, и, что еще болѣе, все божественное ученіе Нумы Помпилія, возникло по ея внушенію [563 b]. Ежели такимъ образомъ преданіе заставляетъ установителя квиритскаго культа почерпать свою мудрость не изъ сабинскаго города Куресъ, а изъ латинской Ариціи, и ежели главныя, установленныя имъ, сакры были взяты изъ Лаціума, то наше мнѣніе, что квиритскія сакры перешли въ Римъ не изъ земли сабинской, а изъ латинскихъ городовъ, кажется, довольно основательно. Этимъ мы вовсе не исключаемъ существованія сабинскаго элемента въ Римѣ, напротивъ мы признаемъ, что Сабины, какъ родственники по религіи, принимали большое участіе въ развитіи квиритской вѣры. Мы не отрицаемъ, что у Сабиновъ, было много квиритскаго; мы только не согласны съ тѣмъ, что все квиритское перешло въ Римъ единственно оттуда. Уже одно то, что все квиритское въ Римѣ исходило не отъ одного отдѣльнаго племени, но было общимъ достояніемъ многихъ и разныхъ племенъ, связанныхъ между собою религіознымъ родствомъ, заставляетъ насъ думать, что имя квиритовъ обнимало не одинъ народъ, но что всѣ племена, исповѣдывавшія эту особенную религію, которую мы называемъ квиритскою, были квириты въ обширномъ смыслѣ. Изслѣдуя далѣе вѣроятное происхожденіе имени quirites

мы не можемъ согласиться съ нѣкоторыми древними касательно производства этого слова отъ имени города Cures. Такъ какъ главное, что составляло различіе между квиритскими и прочими Римлянами, религія, перешла въ Римъ не изъ Cures, но изъ латинскихъ городовъ, то мы не можемъ связать имени ихъ съ именемъ города Cures, и должны слѣдовательно поискать другаго болѣе вѣроятнаго производства. Уже древніе понимали, что имя quirites можно производить только отъ quiris [564]. Но это не слѣдуетъ понимать такъ, что будто бы квириты назывались такъ потому, что носили копья. Такъ какъ почти всѣ древніе народы, и именно всѣ Римляне, употребляли копья, то никакъ нельзя принимать копье за признакъ, характеризующій исключительно квиритовъ. Намъ не остается ничего болѣе, какъ припомнить развитое нами выше значеніе слова quiris, какъ *символа божества*; такимъ образомъ Quirites значитъ ничто иное какъ символопоклонники, и этимъ названіемъ они рѣзко отличались отъ исповѣдывавшихъ въ Римѣ религію антропоморфическую. Патриціевъ называли плебеи квиритами; это ясно видно изъ квиритскаго права, которое во всѣхъ своихъ частяхъ является правомъ чисто патриціянскимъ. Источники права молчатъ, правда, о содержаніи этого права, какъ о дѣлѣ извѣстномъ каждому Римлянину, но обстоятельство, что каждый Латинъ, дабы быть полнымъ гражданиномъ, долженъ былъ добыть jus quiritium, а перегринъ ius civitatis [565], доказываетъ, что это слово означало соединеніе понятій о всѣхъ тѣхъ правахъ, которыя недоставали Латину для права полнаго римскаго гражданина. Между тѣмъ есть извѣстіе, что Латины не имѣли въ Римѣ jus connubii [566]. Имѣли ли они jus suffragii и jus honorum, или нѣтъ, неизвѣстно; но вѣроятно нѣтъ, ибо эти права были высшими гражданскими правами, и врядъ ли Латины, которые имѣли мало преимуществъ и стремились получить полное римское право, врядъ ли они обладали этими важными политическими правами [567]. Поэтому Гаубольдъ справедливо принялъ мнѣніе, что jus Quiritium состояло именно изъ этихъ трехъ правъ [568], мнѣніе, которое раздѣляетъ и Рейнъ [569]. Замѣчательно то, что эти три права, составлявшія главное содержаніе квиритскаго права, были тѣ самыя, въ которыхъ патриціи такъ долго отказывали плебеямъ. Само собою разумѣется, что ежели дѣло идетъ о допущеніи плебеевъ къ jus suffragii, то здѣсь говорится о правѣ давать рѣшенія въ своихъ собственныхъ комиціяхъ, рѣшенія, которыя имѣли бы силу для всѣхъ членовъ государства, ибо этого-то характера и недоставало комиціямъ по трибамъ въ первыя времена республики [570]. Что касает-

ся jus honorum, никто вѣрно не станетъ намъ противорѣчить тѣмъ, что плебеи исправляли должность трибуновъ и эдиловъ и имѣли такимъ образомъ отчасти участіе въ jus honorum. Jus honorum относилось только къ магистратурамъ, а трибунатъ долго не былъ признаваемъ патриціями за магистратуру [571]. Ежели такимъ образомъ плебеямъ были эти три права первоначально недоступны, то весьма естественно, что они, принимая ихъ какъ исключительно принадлежащія квиритамъ, назвали правомъ квиритскимъ. Но и позднѣе, когда они получили въ силу закона Валерія Горація jus suffragii, а въ силу закона Канулеева jus connubii и наконецъ черезъ доступъ къ курульнымъ магистратурамъ и jus honorum, за этимъ словомъ осталось все таки свое значеніе, ибо Латины вошли, какъ кажется, въ тѣже самыя отношенія къ римской, теперь впрочемъ единой, civitas, въ какихъ прежде находились плебеи къ патриціямъ. Такъ какъ Латинамъ отказывалось въ тѣхъ же правахъ, какія недоставали прежде плебеямъ, то названіе права квиритскаго продолжало употребляться, хотя оно и потеряло прежнее свое значеніе, при совершенномъ религіозномъ и политическомъ уравненіи патриціевъ (квиритовъ) съ плебеями.

Такимъ образомъ теперь ясно, что имя квиритовъ относилось не къ однимъ Сабинамъ, но вообще ко всѣмъ патриціямъ; и наше мнѣніе, что квиритскій культъ былъ культъ патриціянскій, а культъ анѳропоморфическій — плебейскій, оправдывается. Если еще остается кой-какое сомнѣніе, то оно рѣшительно уничтожится при разсмотрѣніи первоначальнаго отношенія плебеевъ къ патриціямъ и царя (Rex) къ обоимъ. Но это повело бы насъ далеко Это будетъ предметомъ особеннаго разсужденія, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ мы попытаемся представить въ главныхъ чертахъ исторію борьбы и взаимнаго слитія обоихъ культовъ, по скольку намъ позволятъ это источники.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Мы говоримъ: патриціи, ибо всѣ источники римской исторіи образовались подъ ихъ вліяніемъ. Dion. II, 8: *τοὺς ἐπιφανεῖς κατὰ γένος καὶ δι' ἀρετὴν ἐπαινουμένους καὶ χρήμασιν, ὡς ἐν τοῖς τότε καιροῖς, εὐπόρους, οἷς ἤδη παῖδες ἦσαν, διώριζεν ἀπὸ τῶν ἀσήμων καὶ ταπεινῶν καὶ ἀπόρων, ἐκάλει δὲ τοὺς μὲν ἐν τῇ καταδεεστέρᾳ τύχῃ, Πληβείους κ. τ. λ., τοὺς δ' ἐν τῇ κρείττονι Πατέρας.* Plut. Rom. 13: *πατρικίους δὲ τοὺς βουλευτὰς κληθῆναι λέγουσιν, οἱ μὲν, ὅτι παίδων γνησίων πατέρες ἦσαν, οἱ δὲ μᾶλλον, ὡς αὐτοὺς ἔχοντας ἑαυτῶν ἀποδεῖξαι πατέρας, ὅπερ οὐ πολλοῖς ὑπῆρξε τῶν πρώτων εἰς τὴν πόλιν συῤῥεόντων.* Ibid. 14: *ἀλλὰ τὴν μὲν πόλιν ὁρῶν ἐποίκων εὐθὺς ἐμπιπλαμένην, ὧν ὀλίγοι γυναῖκας εἶχον, οἱ δὲ πολλοὶ μιγάδες ἐξ ἀπόρων καὶ ἀφανῶν ὄντες ὑπερεωρῶντο καὶ προσεδοκῶντο μὴ συμμενεῖν βεβαίως.* Нужно замѣтить, что здѣсь называются людьми бѣдными и худыми тѣ, которые не имѣли женъ. Ливій различаетъ также двѣ составныя части, одну первоначальную, это жители, пришедшіе съ Ромуломъ изъ Альбы и Лаціума (I, 6: et supererat multitudo Albanorum Latinorumque), и другую позднѣйшую, изъ шаекъ, бѣжавшихъ въ пристанище, открытое Ромуломъ (Ibid. 8). Въ другомъ мѣстѣ ясно видно, что подъ послѣдними онъ разумѣетъ плебеевъ. II, 1 онъ говоритъ: illa pastorum convenarumque plebs transfuga ex suis populis sub tutela inviolati templi etc. Ср. Min. Felix. Octav. 248 F: Nam asylo prima plebs congregata est. Патриціи присвоили себѣ честь называться первобытными обитателями Рима въ противуположность къ плебеямъ, извнѣ прибывшимъ (plebes). На это указываютъ притязанія Троюгеновъ (Trojugenae Dion. Hal. I, 85) и фамилій, вплетенныхъ въ миѳъ о Геркулесѣ. Цинціево объясненіе слова patricius словомъ ingenuus не можетъ имѣть другаго смысла, ибо ясно, что слово ingenuus принято здѣсь не въ позднѣйшемъ смыслѣ человѣка свободнаго: въ противномъ случаѣ плебеевъ должно было бы принять за non ingenui, что нелѣпо. Ingenuus означаетъ здѣсь туземца-уроженца, на что указываетъ и этимологія этого слова. Слово patricius принималось многими въ томъ же самомъ смыслѣ. Это подтверждаетъ Іоаннъ Лидъ, который объясняетъ *Ἰανὸν πατρίκιον* словомъ *αὐτόχθονα* (De mens. IV, 1). Это самое думаетъ и Ливій (II, 1), утверждая, что плебеи прибыли въ чужой городъ. Правда мнѣніе Ливія слѣдовало бы исправить, ибо городъ Римъ былъ первоначально городомъ рѣшительно плебейскимъ. Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

2) Римскій языкъ имѣетъ со многими другими языками общимъ то, что для выраженія понятія народа представляетъ двѣ различныя кетегоріи словъ. Одна категорія принимаетъ народъ какъ общество, органически происшедшее отъ одного зародыша подобно растенію, другая принимаетъ его какъ неорганическое, случайно соединившееся и кристаллически образовавшееся цѣлое. Первое понятіе выражается словами, заимствованными изъ органической природы и большею частью изъ царства растительнаго. Такъ у Нѣмцевъ der Stamm, у Русскихъ народъ, колѣно, поколѣніе, у Грековъ *ἡ φυλή*, *τὸ φῦλον* (отъ *φύω*, какъ *τὸ φύλλον*), *τὸ γένος* (отъ *γένω γείνω*), у Римлянъ gens, natio. Къ этой же категоріи принадлежитъ и римское populus, которое происходитъ, какъ кажется, отъ pello pepuli, какъ греческое *ἐλάτη* отъ *ἐλαύνω*, и означаетъ первоначально побѣгъ, отпрыскъ. Форма populus произошла чрезъ позднѣйшее продолженіе перваго слога. Что слово popu-

lus значитъ въ самомъ дѣлѣ органически выросшее цѣлое, на это указываетъ одно мѣсто у Плинія (XXXV. 2.), гдѣ онъ, говоря объ обычаѣ выставлять въ атріи (atrium) изображенія предковъ, выражается такъ: expressi cera vultus singulis disponebantur armariis, ut essent imagines, quae comitarentur gentilitia funera: semperque defuncto aliquo totus aderat familiae ejus, qui unquam fuerat, populus. Этой категоріи словъ противуполагаются другія, которыя въ большей части европейскихъ языковъ выводятся изъ понятія полноты, наполненія и т. д. Сюда принадлежатъ нѣмец. Volk, лат. volgus, славян. полкъ, критское *πόλχος* (Passow griech. Wörterbuch, s. v. *πληθὺς* и *πλῆθος* (отъ *πλέω* и plebs отъ plevi), откуда происходитъ plevitas, употребляемое вмѣсто plebs. Non. Merc. p. 149.

3) См. ниже.

4) См. ниже.

5) Dion. II, 47: *Οὐάῤῥων δὲ Τερέντιος—παλαίτερόν τι λέγων ἐν ταῖς κουρίαις τεθῆναι τὰ ονόματα ὑπὸ τοῦ 'Ρωμύλου, — τὰ μὲν ἀπ' ἀνδρῶν ληφθ ντα ἡγεμόνων, τὰ δ' ἀπὸ τῶν πάλαι πατριδων.* Plut. Rom. 20: *πολλαὶ γὰρ ἔχουσιν ἀπὸ χωρίων τὰς προσηγορίας.*

6) Liv. IV, 4. Вотъ слова Канулея: Quid? hoc si polluit nobilitatem vestram, quam plerique oriundi ex Albanis et Sabinis, non genere nec sanguine, sed per cooptationem in Patres habetis etc. Suetonius Tiber. I.

7) Liv. XL, 42.

8) Ср. выше примѣч. 6.

9) Liv. IV. 3. Canulejus: altera (rogatione) connubium petimus, quod finitimis externisque dari solet. Такъ женился единственный, оставшійся въ живыхъ послѣ сраженія при Кремерѣ, Фабій, на дочери Отацилія Малевентанца. Fest. s. v. Numerius p. 182. Діонисій (VI, 1) говоритъ, что до сраженія при Региллѣ Римляне и Латины имѣли взаимное jus connubii; но его слова показываютъ, что источники, которыми онъ пользовался, говорили только о патриціяхъ: *δόγμα δὲ βουλῆς ἐκύρωσαν, ἐπιεικεστάτοις 'Ρωμαίων καὶ λογίοις ἀνδράσιν εἴ τινες ἔτυχον ἐκ τοῦ Λατίνων ἔθνους συνοικοῦσαι γυναῖκες, ἢ 'Ρωμαίαι Λατίνοις, ἑαυτῶν εἶναι κυρίας κ. τ. λ.* Римскіе патриціи соединялись взаимными браками и съ альбанскими. На это указываетъ преданіе о борьбѣ Горацієвъ и Куріацієвъ. Впрочемъ ср. Strabo V. p. 354.

10) Plut. Publ. 21. Sueton. Tib. I. Id. Aug. I.

11) Плутархъ въ пр. мѣстѣ: (*Ἄππιος Κλαῦσος ἐν Σαβίνοις*) *ἑταιρείαν δὲ καὶ δύναμιν φίλων καὶ οἰκείων ἔχων ἀμύνουσαν περὶ αὐτὸν, ἐστασίαζε· καὶ τοὺς φίλους συμπαρακαλῶν, ἐκείνων τε πολλοὺς ὁμοίως συναναπειθόντων, πεντακισχιλίους οἴκους ἀναστήσας μετὰ παίδων καὶ γυναικῶν — εἰς 'Ρώμην ἦγε — τοὺς μὲν γὰρ οἴκους εὐθὺς ἀνέμιξε τῷ πολιτεύματι* (*Ποπλικόλας*). Здѣсь правда не говорится рѣшительно, что спутники Клавдія были патриціи, но между *друзьями* его были вѣроятно только ему равные. Діонисій V. 40 различаетъ родственниковъ (слѣд. gentiles), друзей и кліентовъ, которыхъ привелъ съ собою Клавдій въ Римъ: *Τίτος Κλαύδιος αὐτομολεῖ πρὸς αὐτοὺς, συγγένειάν τε μεγάλην ἐπαγόμενος καὶ φίλους καὶ πελάτας συχνοὺς, κ. τ. λ.* Все это, какъ кажется, не иное что какъ переселеніе одной партіи недовольныхъ патриціевъ. Принятіе первыхъ сабинскихъ, а послѣ разоренія Альбы и альбанскихъ патриціевъ, перешедшихъ въ Римъ, произошло массою. Dion. Hal. III, 29. Liv. IV, 4. Срав. прим. 6. Serv. A. I, 7: Hanc autem cum evertisset Tullus Hostilius, omnes nobiles familias Romam transtulit.

12) Liv. IV, 2: Quam enim aliam vim connubia promiscua habere, nisi ut ferarum prope ritu vulgentur concubitus plebis Patrumque? ut qui natus sit, ignoret, cujus sanguinis, quorum sacrorum sit; dimidius Patrum sit, dimidius plebis, ne secum quidem ipse concors.

13) Aug. de civ. Dei, IV, 31: Dicit etiam (Varro) antiquos Romanos plus quam annos centum et quinquaginta deos sine simulacris coluisse. Quod si adhuc, inquit, mansisset, castius dii observarentur.

14) Plut. Num. 8: *οὗτός τε διεκώλυσεν ἀνθρωποειδῆ καὶ ζωόμορφον εἰκόνα θεοῦ Ῥωμαίους νομίζειν, οὐδ' ἦν παρ' αὐτοῖς οὔτε γραπτὸν, οὔτε πλαστὸν εἶδος θεοῦ πρότερον ἀλλ' ἐν ἑκατὸν ἑβδομήκοντα τοῖς πρώτοις ἔτεσι ναοὺς μὲν οἰκοδομούμενοι, καὶ καλιάδας ἱερὰς ἱστῶντες, ἄγαλμα δ' οὐδὲν ἔμμορφον ποιούμενοι διετέλουν.* Тамъ же говоритъ онъ объ жертвахъ учрежденныхъ Нумою: *ἀναίμακτοι γὰρ ἦσαν, αἵγε πολλαὶ δι' ἀλφίτου καὶ σπονδῆς καὶ τῶν εὐτελεστάτων πεποιημέναι.*

15) Tertull. Apol. adv. gentes 25: Nam etsi a Numa concepta est curiositas superstitiosa, nondum tamen aut simulacris aut templis res divina apud Romanos constabat; frugi religio et pauperes ritus — et vasa adhuc Samia et nidor ex illis, et deus ipse nusquam. Nondum enim tunc ingenia Graecorum atque Tuscorum fingendis simulacris urbem inundaverant.

16) Zonar. ed. Ducang. I, 322.

17) Serv. Virg. Aen. I, 504: Quidam tradunt apud veteres omnia templa in modum testudinis facta. At vero sequenti aetate, divinis simulacris positis, nihilominus in templis factas esse testudines.

18) Iust. XLIII, 3: Per eadem tempora (romani) reges hastas pro diademate habebant, quas Graeci sceptra dixere. Nam et ab origine rerum pro diis immortalibus hastas coluere. Для объясненія перваго увѣренія Юстина можетъ служить одно мѣсто изъ Лида de mag. p. 127: *Πρίσκου δὲ Ταρκυνίου τοῦ ρηγὸς ὕστερον Θούσκους καὶ Σαβίνους πολέμῳ νικήσαντος προετέθησαν τοῖς τῆς βασιλείας γνωρίσμασι δόρατα ἐπιμήκη, ὡσαύτως τὸν ἀριθμὸν δυοκαίδεκα, ἀκροξιφίδας μὲν οὐκ ἔχοντα κ. τ. λ.*

19) Plin XVIII, 2. Numa instituit deos fruge colere et mola salsa supplicare.

20) Ср. прим. 10.

21) Ovid Fast. I, 337: Ante Deos homini quod conciliare valeret,
Far erat et puri lucida mica salis.
v. 342: Ara dabat fumos, herbis contenta Sabinis,
Et non exiguo laurus adusta sono.
v. 347: Hic, qui nunc aperit percussi viscera tauri,
In sacris nullum culter habebat opus.

22) Ср. выше пр. 13.

23) Cic. de Nat. Deor. III. 17: Meliora didici de diis colendis capeduncülis, quas Numa nobis reliquit.

24) Ср. пр. 15.

25) Plin. XXXV. 44.

26) Тамъ же 45.

27) Вотъ для примѣра одно мѣсто изъ Ливія, IV. 4: Pontifices, augures, Romulo regnante nulli erant; ab Numa Pompilio creati sunt. Cic. Nat. Deor. III. 2: Numa sacra instituit. Мы въ послѣдствіи увидимъ, что всѣ сакры, употребляемыя патриціанскими жрецами, были основаны Нумою.

28) Это утверждаетъ ученый изслѣдователь, Licinius Macer. S. Aur. Vict. Or. gent. R. 19. Dion. I. 77. Plut. Rom. 4. Свида говоритъ объ Ромулѣ и Ремѣ: *ἐκ πορνείας γενόμενοι.* Судя по Chron. Alex. (Bibl. Max. P. Lugd. XII. 899) Сильвія была опозорена какимъ то воиномъ.

29) Plut. R. R. 105. Tertull. Apol. adv. nat. II. 10. Macrob. I. 10. Gell. VI. 7. Plut. Publ. 8. Liv. I. 4. Kalend. Pren. y Orelli Inscript. II. 404. Plut. Rom. 5. Fulgent. s. v. fratres arvales. Serv. A. I. 273: Quod autem a lupa aliti dicuntur, fabulosum figmentum est ad celandam auctorum Romani generis turpitudinem.

30) Liv. I. 4.

31) Liv. I. 8. Отъ того infame asylum у Ювен. Sat. VIII. 272.

32) Liv. I. 3. Ромулъ въ преданіи является холостымъ, ибо на похищенной Герсиліи женится онъ послѣ. Plut. Rom. 14.

33) Plut. Rom. 9.

34) Liv. I. 7.

35) Plut. Rom. 23.

36) Ромулъ убиваетъ Нумитора по Орозію II. 1.

37) Zonar. ed. Duc. I. p. 319. Plut. Rom. 23. Dion. II. 56.

38) Dion. I. I.

39) Замѣчательное извѣстіе у Сервія: Etrusci enim bellicosissimi, apud quos Romuli imperium fuit. Georg. Virg. II. 530.

40) Fest. s. v. opima spolia. Serv. Virg. Aen. VI. 860.

41) Dion. II. 2. Dion. Cass. fragm. ed. Reim. I, 1: *τρισχίλιοι γὰρ οντες οἱ ὁπλῖται Ῥωμύλου κ. τ. λ.* Romulus magno exercitu facto etc. S. Aur. Vict. de V. illust. 2. Chron. Alex. (Bibl. Maxim. P. L. XII) 899 B. Народное собраніе, въ которомъ исчезаетъ Ромулъ, было вѣроятно собраніе городоваго войска (exercitus urbanus). Dion. II, 66: *ἐκκλησιάζοντά φασιν αὐτὸν ἐπὶ στρατοπέδου — ἀφανῆ γενέσθαι.* Plut. Rom. 27: *ἐκκλησίαν ἄγοντα τὸν Ῥωμύλον.* Объ лустраціи говоритъ Aurel. Vict. V. ill. 2.

42) Ioann. Lyd. de mag. p. 128. изъ Тарунтена Патерна: *Τρισχιλίων γὰρ ὄντων πεζῶν ἀσπιδιωτῶν, ἑκάστης ἑκατοντάδος ἡγεμόνα προὔθηκεν.*

43) Какъ можно иначе объяснить извѣстія объ числѣ пѣхоты и конницы и объ ихъ увеличеніи при Ромулѣ? Dion. Hal. II. 2. Ливій I. 19. говоритъ прямо: quum ad exercitum recensendum concionem in Campo ad Caprae paludem haberet, etc.

44) Ovid. VI. 83 sq. Macr. Sat. I, 12. Послѣдній извѣстія свои почерпнулъ изъ Фастъ Фульвія Нобиліора.

45) Orat. Claud. у Грутера p. 502.

46) Dion. Hal. II, 37. Varro L. L. V. 46.

47) Macr. Sat. I, 12.

48) Liv. I. 8. Dion. III, 61.

49) Celeres, предводительствуемые Этрускомъ Celer, составляли по нѣкоторымъ стражу Ромула. См. ниже.

50) Dion. I, 88. Plut. Rom. 18. Ovid. Fast. IV. 825. Varro de R. R. II. 1. Катонъ у Сервія V. 753. Isid. Orig. XV. 2.

51) Plut. Rom. 10.

52) Lydus de Mens. p. 85. ed. Beck.

53) Macrob. Sat. III. 9: Romani et deum, in cujus tutela urbs Roma est, et ipsius urbis Latinum nomen ignotum esse voluerunt.

54) Bunsen Beschr. der Stadt Rom. I. 133 ff.

55) Dion. Hal. II, 50. Это должны были принять и тѣ, которые говорили, что Тацій нашелъ образъ Клоацины въ клоакѣ. Minuc. Fel. Octav. p. 248. G. (Bibl. M. P. L.) Lact. I. 20.

56) Dion. Hal. II. 22.

57) Сравн. Ambrosch de sacerd. cur. p. 11.

58) Сравн. прим. 27.

59) Cic. Rep. II, 14. Numa auspiciis majoribus repertis. Въ другомъ мѣстѣ (de Rep. II, 9) говоритъ онъ, что авгуры явились во время Ромула, и что самъ Ромулъ былъ авгуръ. Къ этому мнѣнію подалъ древнимъ поводъ lituus Ромула, найденный послѣ гальскаго пожара, и принятый за lituus авгуровъ. Судя по характеру Ромула нужно предполагать, что если lituus можетъ быть ему приписанъ, это былъ lituus гаруспекса скорѣе нежели lituus авгура.

60) Dion. Hal. II, 64.

61) Tertull. de spect. 5: Romulus Iovi Feretrio ludos instituit in Tarpejo, quos Tarpejos dictos et Capitolinos Piso tradidit. Объ этрусскомъ происхожденіи римскихъ игръ смотри Müller Etr. II, 197.

ное право не очень цѣнить авторитетъ жреческихъ лѣтописей, и можемъ отбросить ихъ извѣстія касательно боговъ, которымъ покланялся Тацій, потому что причины весьма важныя рѣшительно этому противорѣчатъ.

Самымъ важнымъ доказательствомъ латинскаго происхожденія квиритскаго культа служитъ тождество религіозныхъ обрядовъ сосѣднихъ латинскихъ племенъ съ религіею римскихъ квиритовъ. Разсмотримъ въ самомъ дѣлѣ культы, основанные Нумою, и мы увидимъ, что они не только встрѣчаются въ другихъ городахъ латинскихъ, какъ доказалъ Амброшъ, но что они даже перенесены изъ Лаціума въ Римъ. Мы находимъ римскихъ Пенатовъ въ Лавиніумѣ и Альбѣ [544]; Весту, кромѣ этихъ двухъ городовъ, въ Тибурѣ [545]; Индигетовъ въ Пренестѣ [546]. Авспиціи были въ Тибурѣ и Альбѣ [547]; квиритскія авспиціи были въ очевидномъ родствѣ съ сабинскими [548]. Квиритскіе жрецы были въ другихъ латинскихъ городахъ: такъ понтифексы въ Альбѣ и Пренестѣ [549], Саліи въ Альбѣ, Тибурѣ [550], Тускулѣ [551] и вѣроятно также въ Лавиніи [552], Весталки въ Альбѣ [553(a)] а вѣроятно также въ Лавиніи и Тибурѣ [553 b]; фламины въ Лавиніи [554], но кромѣ того вѣроятно не только въ Альбѣ [555], но вообще въ цѣломъ Лаціумѣ [556]. И не только въ отдѣльныхъ чертахъ культовъ квиритскихъ и латинскихъ замѣтно сходство, но главные культы Нумы были не болѣе какъ отраслію культовъ латинскихъ городовъ. Римское служеніе Вестѣ и Пенатамъ, занимавшее первое мѣсто въ цѣломъ квиритскомъ культѣ, является и позднѣе какъ отрасль лавинскаго культа. Римскія сакры, совершавшіяся въ честь этихъ божествъ, были и въ позднѣйшее время въ связи съ мѣстностью этого города. Тамъ совершали римскіе магистраты ежегодныя жертвоприношенія [557], и замѣчательно, что римское преданіе заставляетъ Тація, царя квиритскаго, приносить жертвы не въ Cures, а въ Лавиніи [558]. Нѣтъ, правда, никакого преданія, которое бы положительно говорило о непосредственномъ вліяніи Тибура; но одно замѣчательное извѣстіе Іоанна Лида въ соединеніи съ извѣстіемъ, что въ Тибурѣ существовало салійское учрежденіе и авгуріи, заставляетъ насъ предполагать, что была колонія квиритская и изъ Тибура. Въ казеолинскомъ фрагментѣ Іоанна Лида [559] находимъ мы мѣсто, правда съ пропусками, гдѣ упоминается, въ числѣ семи холмовъ Рима, и collis Tiburtinus, который мы должны принять по многимъ причинамъ за Quirinalis. Это мѣсто гласитъ: *ὀνόμα | τὰ δὲ αὐτῶν* (семи холмовъ) *ὄρος Παλ | ατῖνον, Ἐσκύλιον, Ταρπήϊον, Ἀβεντῖνον; Τιβο | ρτῖνον* ——————, *Κίσ | τιον, Βιμινάλιον.*

Пропускъ послѣ *Τιβορτῖνον* нужно пополнить словомъ *Κυριναλιον*, а не *'Ιανουκλον*, какъ сдѣлалъ Беккеръ; это такъ во первыхъ потому, что Квириналъ принадлежащій къ болѣе обширному городскому семигорію, не долженъ недоставать въ этомъ каталогѣ; во вторыхъ потому, что дорога изъ Тибура (via Tiburtina) вела не къ Яникулу, а на Квириналъ, и тибуртинское поселеніе заняло бы скорѣе послѣдній холмъ, нежели Яникулъ; и наконецъ потому, что въ шестой Части (VI Regio) города, которая заключаетъ въ себѣ и Квириналъ, упоминается регіонаріями и въ позднѣйшее время vicus Tiburtinus.-Точно также окрестности Ариціи находились вѣроятно въ самой тѣсной связи съ сакрами, учрежденными Нумою. На берега ариційской рѣки Нумиція упалъ, по нѣкоторымъ, съ неба священный щитъ [560]; по предписанію Нумы воду для служенія Вестѣ можно было брать только изъ этой рѣки [561]. Въ святилищѣ Индигета (Indiges), который повелѣвалъ водами Нумиція, приносились ежегодно жертвы понтифексами и консулами [562]. Не далеко отъ Нумиція между Лавpентомъ и Ардеей находился источникъ Ютурна, изъ котораго привозилась вода въ Римъ для всѣхъ вообще жертвъ, и ему были посвящены въ Римѣ часовня и прудъ [563]. Арицинская нимфа Эгерія пользовалась, какъ мы видѣли, божескими почестями въ Римѣ, и, что еще болѣе, все божественное ученіе Нумы Помпилія, возникло по ея внушенію [563 b]. Ежели такимъ образомъ преданіе заставляетъ установителя квиритскаго культа почерпать свою мудрость не изъ сабинскаго города Куресъ, а изъ латинской Ариціи, и ежели главныя, установленныя имъ, сакры были взяты изъ Лаціума, то наше мнѣніе, что квиритскія сакры перешли въ Римъ не изъ земли сабинской, а изъ латинскихъ городовъ, кажется, довольно основательно. Этимъ мы вовсе не исключаемъ существованія сабинскаго элемента въ Римѣ, напротивъ мы признаемъ, что Сабины, какъ родственники по религіи, принимали большое участіе въ развитіи квиритской вѣры. Мы не отрицаемъ, что у Сабиновъ, было много квиритскаго; мы только не согласны съ тѣмъ, что все квиритское перешло въ Римъ единственно оттуда. Уже одно то, что все квиритское въ Римѣ исходило не отъ одного отдѣльнаго племени, но было общимъ достояніемъ многихъ и разныхъ племенъ, связанныхъ между собою религіознымъ родствомъ, заставляетъ насъ думать, что имя квиритовъ обнимало не одинъ народъ, но что всѣ племена, исповѣдывавшія эту особенную религію, которую мы называемъ квиритскою, были квириты въ обширномъ смыслѣ. Изслѣдуя далѣе вѣроятное происхожденіе имени quirites

мы не можемъ согласиться съ нѣкоторыми древними касательно производства этого слова отъ имени города Cures. Такъ какъ главное, что составляло различіе между квиритскими и прочими Римлянами, религія, перешла въ Римъ не изъ Cures, но изъ латинскихъ городовъ, то мы не можемъ связать имени ихъ съ именемъ города Cures, и должны слѣдовательно поискать другаго болѣе вѣроятнаго производства. Уже древніе понимали, что имя quirites можно производить только отъ quiris [564]. Но это не слѣдуетъ понимать такъ, что будто бы квириты назывались такъ потому, что носили копья. Такъ какъ почти всѣ древніе народы, и именно всѣ Римляне, употребляли копья, то никакъ нельзя принимать копье за признакъ, характеризующій исключительно квиритовъ. Намъ не остается ничего болѣе, какъ припомнить развитое нами выше значеніе слова quiris, какъ *символа божества*; такимъ образомъ Quirites значитъ ничто иное какъ символопоклонники, и этимъ названіемъ они рѣзко отличались отъ исповѣдывавшихъ въ Римѣ религію антропоморфическую. Патриціевъ называли плебеи квиритами; это ясно видно изъ квиритскаго права, которое во всѣхъ своихъ частяхъ является правомъ чисто патриціянскимъ. Источники права молчатъ, правда, о содержаніи этого права, какъ о дѣлѣ извѣстномъ каждому Римлянину, но обстоятельство, что каждый Латинъ, дабы быть полнымъ гражданиномъ, долженъ былъ добыть jus quiritium, а перегринъ ius civitatis [565], доказываетъ, что это слово означало соединеніе понятій о всѣхъ тѣхъ правахъ, которыя недоставали Латину для права полнаго римскаго гражданина. Между тѣмъ есть извѣстіе, что Латины не имѣли въ Римѣ jus connubii [566]. Имѣли ли они jus suffragii и jus honorum, или нѣтъ, неизвѣстно; но вѣроятно нѣтъ, ибо эти права были высшими гражданскими правами, и врядъ ли Латины, которые имѣли мало преимуществъ и стремились получить полное римское право, врядъ ли они обладали этими важными политическими правами [567]. Поэтому Гаубольдъ справедливо принялъ мнѣніе, что jus Quiritium состояло именно изъ этихъ трехъ правъ [568], мнѣніе, которое раздѣляетъ и Рейнъ [569]. Замѣчательно то, что эти три права, составлявшія главное содержаніе квиритскаго права, были тѣ самыя, въ которыхъ патриціи такъ долго отказывали плебеямъ. Само собою разумѣется, что ежели дѣло идетъ о допущеніи плебеевъ къ jus suffragii, то здѣсь говорится о правѣ давать рѣшенія въ своихъ собственныхъ комиціяхъ, рѣшенія, которыя имѣли бы силу для всѣхъ членовъ государства, ибо этого-то характера и недоставало комиціямъ по трибамъ въ первыя времена республики [570]. Что касает-

ся jus honorum, никто вѣрно не станетъ намъ противорѣчить тѣмъ, что плебеи исправляли должность трибуновъ и эдиловъ и имѣли такимъ образомъ отчасти участіе въ jus honorum. Jus honorum относилось только къ магистратурамъ, а трибунатъ долго не былъ признаваемъ патриціями за магистратуру [571]. Ежели такимъ образомъ плебеямъ были эти три права первоначально недоступны, то весьма естественно, что они, принимая ихъ какъ исключительно принадлежащія квиритамъ, назвали правомъ квиритскимъ. Но и позднѣе, когда они получили въ силу закона Валерія Горація jus suffragii, а въ силу закона Канулеева jus connubii и наконецъ черезъ доступъ къ курульнымъ магистратурамъ и jus honorum, за этимъ словомъ осталось все таки свое значеніе, ибо Латины вошли, какъ кажется, въ тѣже самыя отношенія къ римской, теперь впрочемъ единой, civitas, въ какихъ прежде находились плебеи къ патриціямъ. Такъ какъ Латинамъ отказывалось въ тѣхъ же правахъ, какія недоставали прежде плебеямъ, то названіе права квиритскаго продолжало употребляться, хотя оно и потеряло прежнее свое значеніе, при совершенномъ религіозномъ и политическомъ уравненіи патриціевъ (квиритовъ) съ плебеями.

Такимъ образомъ теперь ясно, что имя квиритовъ относилось не къ однимъ Сабинамъ, но вообще ко всѣмъ патриціямъ; и наше мнѣніе, что квиритскій культъ былъ культъ патриціянскій, а культъ анѳропоморфическій — плебейскій, оправдывается. Если еще остается кой-какое сомнѣніе, то оно рѣшительно уничтожится при разсмотрѣніи первоначальнаго отношенія плебеевъ къ патриціямъ и царя (Rex) къ обоимъ. Но это повело бы насъ далеко Это будетъ предметомъ особеннаго разсужденія, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ мы попытаемся представить въ главныхъ чертахъ исторію борьбы и взаимнаго слитія обоихъ культовъ, по скольку намъ позволятъ это источники.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Мы говоримъ: патриціи, ибо всѣ источники римской исторіи образовались подъ ихъ вліяніемъ. Dion. II, 8: τοὺς ἐπιφανεῖς κατὰ γένος καὶ δι᾽ ἀρετὴν ἐπαινουμένους καὶ χρήμασιν, ὡς ἐν τοῖς τότε καιροῖς, εὐπόρους, οἷς ἤδη παῖδες ἦσαν, διώριζεν ἀπὸ τῶν ἀσήμων καὶ ταπεινῶν καὶ ἀπόρων, ἐκάλει δὲ τοὺς μὲν ἐν τῇ καταδεεστέρᾳ τύχῃ, Πληβείους κ. τ. λ., τοὺς δ᾽ ἐν τῇ κρείττονι Πατέρας. Plut. Rom. 13: πατρικίους δὲ τοὺς βουλευτὰς κληθῆναι λέγουσιν, οἱ μὲν, ὅτι παίδων γνησίων πατέρες ἦσαν, οἱ δὲ μᾶλλον, ὡς αὐτοὺς ἔχοντας ἑαυτῶν ἀποδεῖξαι πατέρας, ὅπερ οὐ πολλοῖς ὑπῆρξε τῶν πρώτων εἰς τὴν πόλιν συῤῥεόντων. Ibid. 14: ἀλλὰ τὴν μὲν πόλιν ὁρῶν ἐποίκων εὐθὺς ἐμπιπλαμένην, ὧν ὀλίγοι γυναῖκας εἶχον, οἱ δὲ πολλοὶ μιγάδες ἐξ ἀπόρων καὶ ἀφανῶν ὄντες ὑπερεωρῶντο καὶ προσεδοκῶντο μὴ συμμενεῖν βεβαίως. Нужно замѣтить, что здѣсь называются людьми бѣдными и худыми тѣ, которые не имѣли женъ. Ливій различаетъ также двѣ составныя части, одну первоначальную, это жители, пришедшіе съ Ромуломъ изъ Альбы и Лаціума (I, 6: et supererat multitudo Albanorum Latinorumque), и другую позднѣйшую, изъ шаекъ, бѣжавшихъ въ пристанище, открытое Ромуломъ (Ibid. 8). Въ другомъ мѣстѣ ясно видно, что подъ послѣдними онъ разумѣетъ плебеевъ. II, 1 онъ говоритъ: illa pastorum convenarumque plebs transfuga ex suis populis sub tutela inviolati templi etc. Cp. Min. Felix. Octav. 248 F: Nam asylo prima plebs congregata est. Патриціи присвоили себѣ честь называться первобытными обитателями Рима въ противуположность къ плебеямъ, извнѣ прибывшимъ (plebes). На это указываютъ притязанія Троюгеновъ (Trojugenae Dion. Hal. I, 85) и фамилій, вплетенныхъ въ миѳъ о Геркулесѣ. Цинціево объясненіе слова patricius словомъ ingenuus не можетъ имѣть другаго смысла, ибо ясно, что слово ingenuus принято здѣсь не въ позднѣйшемъ смыслѣ человѣка свободнаго: въ противномъ случаѣ плебеевъ должно было бы принять за non ingenui, что нелѣпо. Ingenuus означаетъ здѣсь туземца-уроженца, на что указываетъ и этимологія этого слова. Слово patricius принималось многими въ томъ же самомъ смыслѣ. Это подтверждаетъ Іоаннъ Лидъ, который объясняетъ Ἰανὸν πατρίκιον словомъ αὐτόχθονα (De mens. IV, 1). Это самое думаетъ и Ливій (II, 1), утверждая, что плебеи прибыли въ чужой городъ. Правда мнѣніе Ливія слѣдовало бы исправить, ибо городъ Римъ былъ первоначально городомъ рѣшительно плебейскимъ. Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

2) Римскій языкъ имѣетъ со многими другими языками общимъ то, что для выраженія понятія народа представляетъ двѣ различныя кетегоріи словъ. Одна категорія принимаетъ народъ какъ общество, органически происшедшее отъ одного зародыша подобно растенію, другая принимаетъ его какъ неорганическое, случайно соединившееся и кристаллически образовавшееся цѣлое. Первое понятіе выражается словами, заимствованными изъ органической природы и большею частью изъ царства растительнаго. Такъ у Нѣмцевъ der Stamm, у Русскихъ народъ, колѣно, поколѣніе, у Грековъ ἡ φυλή, τὸ φῦλον (отъ φύω, какъ τὸ φύλλον), τὸ γένος (отъ γένω γείνω), у Римлянъ gens, natio. Къ этой же категоріи принадлежитъ и римское populus, которое происходитъ, какъ кажется, отъ pello pepuli, какъ греческое ἐλάτη отъ ἐλαύνω, и означаетъ первоначально побѣгъ, отпрыскъ. Форма populus произошла чрезъ позднѣйшее продолженіе перваго слога. Что слово popu-

lus значитъ въ самомъ дѣлѣ органически выросшее цѣлое, на это указываетъ одно мѣсто у Плинія (XXXV. 2.), гдѣ онъ, говоря объ обычаѣ выставлять въ атріи (atrium) изображенія предковъ, выражается такъ: expressi cera vultus singulis disponebantur armariis, ut essent imagines, quae comitarentur gentilitia funera: semperque defuncto aliquo totus aderat familiae ejus, qui unquam fuerat, populus. Этой категоріи словъ противуполагаются другія, которыя въ большей части европейскихъ языковъ выводятся изъ понятія полноты, наполненія и т. д. Сюда принадлежатъ нѣмец. Volk, лат. volgus, славян. полкъ, критское πόλχος (Passow griech. Wörterbuch, s. v. πληθὺς и πλῆθος (отъ πλέω и plebs отъ plevi), откуда происходитъ plevitas, употребляемое вмѣсто plebs. Non. Merc. p. 149.

3) См. ниже.

4) См. ниже.

5) Dion. II, 47: *Οὐάρρων δὲ Τερέντιος—παλαίτερόν τι λέγων ἐν ταῖς κουρίαις τεθῆναι τὰ ὀνόματα ὑπὸ τοῦ Ῥωμύλου, — τὰ μὲν ἀπ᾽ ἀνδρῶν ληφθέντα ἡγεμόνων, τὰ δ᾽ ἀπὸ τῶν πάλαι πατρίδων.* Plut. Rom. 20: *πολλαὶ γὰρ ἔχουσιν ἀπὸ χωρίων τὰς προσηγορίας.*

6) Liv. IV, 4. Вотъ слова Канулея: Quid? hoc si polluit nobilitatem vestram, quam plerique oriundi ex Albanis et Sabinis, non genere nec sanguine, sed per cooptationem in Patres habetis etc. Suetonius Tiber. I.

7) Liv. XL, 42.

8) Ср. выше примѣч. 6.

9) Liv. IV. 3. Canulejus: altera (rogatione) connubium petimus, quod finitimis externisque dari solet. Такъ женился единственный, оставшійся въ живыхъ послѣ сраженія при Кремерѣ, Фабій, на дочери Отацилія Малевентанца. Fest. s. v. Numerius p. 182. Діонисій (VI, 1) говоритъ, что до сраженія при Региллѣ Римляне и Латины имѣли взаимное jus connubii; но его слова показываютъ, что источники, которыми онъ пользовался, говорили только о патриціяхъ: *δόγμα δὲ βουλῆς ἐκύρωσαν, ἐπιεικεστάτοις Ῥωμαίων καὶ λογίοις ἀνδράσιν εἴ τινες ἔτυχον ἐκ τοῦ Λατίνων ἔθνους συνοικοῦσαι γυναῖκες, ἢ Ῥωμαίαι Λατίνοις, ἑαυτῶν εἶναι κυρίας κ. τ. λ.* Римскіе патриціи соединялись взаимными браками и съ альбанскими. На это указываетъ преданіе о борьбѣ Горацієвъ и Куріацієвъ. Впрочемъ ср. Strabo V. p. 354.

10) Plut. Publ. 21. Sueton. Tib. I. Id. Aug. I.

11) Плутархъ въ пр. мѣстѣ: (*Ἄππιος Κλαῦσος ἐν Σαβίνοις*) *ἑταιρείαν δὲ καὶ δύναμιν φίλων καὶ οἰκείων ἔχων ἀμύνουσαν περὶ αὐτὸν, ἐστασίαζε· καὶ τοὺς φίλους συμπαρακαλῶν, ἐκείνων τε πολλοὺς ὁμοίως συναναπειθόντων, πεντακισχιλίους οἴκους ἀναστήσας μετὰ παίδων καὶ γυναικῶν — εἰς Ῥώμην ἦγε — τοὺς μὲν γὰρ οἴκους εὐθὺς ἀνέμιξε τῷ πολιτεύματι* (*Ποπλικόλας*). Здѣсь правда не говорится рѣшительно, что спутники Клавдія были патриціи, но между *друзьями* его были вѣроятно только ему равные. Діонисій V. 40 различаетъ родственниковъ (слѣд. gentiles), друзей и кліентовъ, которыхъ привелъ съ собою Клавдій въ Римъ: *Τίτος Κλαύδιος αὐτομολεῖ πρὸς αὐτοὺς, συγγένειάν τε μεγάλην ἐπαγόμενος καὶ φίλους καὶ πελάτας συχνοὺς, κ. τ. λ.* Все это, какъ кажется, не иное что какъ переселеніе одной партіи недовольныхъ патриціевъ. Принятіе первыхъ сабинскихъ, а послѣ разоренія Альбы и альбанскихъ патриціевъ, перешедшихъ въ Римъ, произошло массою. Dion. Hal. III, 29. Liv. IV, 4. Срав. прим. 6. Serv. A. I, 7: Hanc autem cum evertisset Tullus Hostilius, omnes nobiles familias Romam transtulit.

12) Liv. IV, 2: Quam enim aliam vim connubia promiscua habere, nisi ut ferarum prope ritu vulgentur concubitus plebis Patrumque? ut qui natus sit, ignoret, cujus sanguinis, quorum sacrorum sit; dimidius Patrum sit, dimidius plebis, ne secum quidem ipse concors.

13) Aug. de civ. Dei, IV, 31: Dicit etiam (Varro) antiquos Romanos plus quam annos centum et quinquaginta deos sine simulacris coluisse. Quod si adhuc, inquit, mansisset, castius dii observarentur.

14j Plut. Num. 8: *οὗτός τε διεκώλυσεν ἀνθρωποειδῆ καὶ ζωόμορφον εἰκόνα θεοῦ Ῥωμαίους νομίζειν, οὐδ' ἦν παρ' αὐτοῖς οὔτε γραπτὸν, οὔτε πλαστὸν εἶδος θεοῦ πρότερον ἀλλ' ἐν ἑκατὸν ἑβδομήκοντα τοῖς πρώτοις ἔτεσι ναοὺς μὲν οἰκοδομούμενοι, καὶ καλιάδας ἱερὰς ἱστῶντες, ἄγαλμα δ' οὐδὲν ἔμμορφον ποιούμενοι διετέλουν.* Тамъ же говоритъ онъ объ жертвахъ учрежденныхъ Нумою: *ἀναίμακτοι γὰρ ἦσαν, αἵγε πολλαὶ δι' ἀλφίτου καὶ σπονδῆς καὶ τῶν εὐτελεστάτων πεποιημέναι.*

15) Tertull. Apol. adv. gentes 25: Nam etsi a Numa concepta est curiositas superstitiosa, nondum tamen aut simulacris aut templis res divina apud Romanos constabat; frugi religio et pauperes ritus — et vasa adhuc Samia et nidor ex illis, et deus ipse nusquam. Nondum enim tunc ingenia Graecorum atque Tuscorum fingendis simulacris urbem inundaverant.

16) Zonar. ed. Ducang. I, 322.

17) Serv. Virg. Aen. I, 504: Quidam tradunt apud veteres omnia templa in modum testudinis facta. At vero sequenti aetate, divinis simulacris positis, nihilominus in templis factas esse testudines.

18) Iust. XLIII, 3: Per eadem tempora (romani) reges hastas pro diademate habebant, quas Graeci sceptra dixere. Nam et ab origine rerum pro diis immortalibus hastas coluere. Для объясненія перваго увѣренія Юстина можетъ служить одно мѣсто изъ Лида de mag. p. 127: *Πρίσκου δὲ Ταρκυνίου τοῦ ρηγὸς ὕστερον Θούσκους καὶ Σαβίνους πολέμῳ νικήσαντος προετέθησαν τοῖς τῆς βασιλείας γνωρίσμασι δόρατα ἐπιμήκη, ὡσαύτως τὸν ἀριθμὸν δυοκαίδεκα, ἀκροξιφίδας μὲν οὐκ ἔχοντα κ. τ. λ.*

19) Plin XVIII, 2. Numa instituit deos fruge colere et mola salsa supplicare.

20) Ср. прим. 10.

21) Ovid Fast. I, 337: Ante Deos homini quod conciliare valeret,
Far erat et puri lucida mica salis.
v. 342: Ara dabat fumos, herbis contenta Sabinis,
Et non exiguo laurus adusta sono.
v. 347: Hic, qui nunc aperit percussi viscera tauri,
In sacris nullum culter habebat opus.

22) Ср. выше пр. 13.

23) Cic. de Nat. Deor. III. 17: Meliora didici de diis colendis capedunculis, quas Numa nobis reliquit.

24) Ср. пр. 15.

25) Plin. XXXV. 44.

26) Тамъ же 45.

27) Вотъ для примѣра одно мѣсто изъ Ливія, IV. 4: Pontifices, augures, Romulo regnante nulli erant: ab Numa Pompilio creati sunt. Cic. Nat. Deor. III. 2: Numa sacra instituit. Мы въ послѣдствіи увидимъ, что всѣ сакры, употребляемыя патриціанскими жрецами, были основаны Нумою.

28) Это утверждаетъ ученый изслѣдователь, Licinius Macer. S. Aur. Vict. Or. gent. R. 19. Dion. I. 77. Plut. Rom. 4. Свида говоритъ объ Ромулѣ и Ремѣ: *ἐκ πορνείας γενόμενοι.* Судя по Chron. Alex. (Bibl. Max. P. Lugd. XII. 899) Сильвія была опозорена какимъ то воиномъ.

29) Plut. R. R. 105. Tertull. Apol. adv. nat. II. 10. Macrob. I. 10. Gell. VI. 7. Plut. Publ. 8. Liv. I. 4. Kalend. Pren. y Orelli Inscript. II. 404. Plut. Rom. 5. Fulgent. s. v. fratres arvales. Serv. A. I. 273: Quod autem a lupa aliti dicuntur, fabulosum figmentum est ad celandam auctorum Romani generis turpitudinem.

30) Liv. I. 4.

31) Liv. I. 8. Отъ того infame asylum у Ювен. Sat. VIII. 272.

32) Liv. I. 3. Ромулъ въ преданіи является холостымъ, ибо на похищенной Герсиліи женится онъ послѣ. Plut. Rom. 14.

33) Plut. Rom. 9.

34) Liv. I. 7.

35) Plut. Rom. 23.

36) Ромулъ убиваетъ Нумитора по Орозію II. 1.

37) Zonar. ed. Duc. I. p. 319. Plut. Rom. 23. Dion. II. 56.

38) Dion. I. I.

39) Замѣчательное извѣстіе у Сервія: Etrusci enim bellicosissimi, apud quos Romuli imperium fuit. Georg. Virg. II. 530.

40) Fest. s. v. opima spolia. Serv. Virg. Aen. VI. 860.

41) Dion. II. 2. Dion. Cass. fragm. ed. Reim. I, 1: τρισχίλιοι γὰρ οντες οἱ ὁπλῖται Ῥωμύλου κ. τ. λ. Romulus magno exercitu facto etc. S. Aur. Vict. de V. illust. 2. Chron. Alex. (Bibl. Maxim. P. L. XII) 899 B. Народное собраніе, въ которомъ исчезаетъ Ромулъ, было вѣроятно собраніе городоваго войска (exercitus urbanus). Dion. II, 66: ἐκκλησιάζοντά φασιν αὐτὸν ἐπὶ στρατοπέδου — ἀφανῆ γενέσθαι. Plut. Rom. 27: ἐκκλησίαν ἄγοντα τὸν Ῥωμύλον. Объ лустраціи говоритъ Aurel. Vict. V. ill. 2.

42) Ioann. Lyd. de mag. p. 128. изъ Таруntена Патерна: Τρισχιλίων γὰρ ὄντων πεζῶν ἀσπιδιωτῶν, ἑκάστης ἑκατοντάδος ἡγεμόνα προύθηκεν.

43) Какъ можно иначе объяснить извѣстія объ числѣ пѣхоты и конницы и объ ихъ увеличеніи при Ромулѣ? Dion. Hal. II. 2. Ливій I. 19. говоритъ прямо: quum ad exercitum recensendum concionem in Campo ad Caprae paludem haberet, etc.

44) Ovid. VI. 83 sq. Macr. Sat. I, 12. Послѣдній извѣстія свои почерпнулъ изъ Фастъ Фульвія Нобиліора.

45) Orat. Claud. у Грутера p. 502.

46) Dion. Hal. II, 37. Varro L. L. V. 46.

47) Macr. Sat. I, 12.

48) Liv. I. 8. Dion. III, 61.

49) Celeres, предводительствуемые Этрускомъ Celer, составляли по нѣкоторымъ стражу Ромула. См. ниже.

50) Dion. I, 88. Plut. Rom. 18. Ovid. Fast. IV. 825. Varro de R. R. II. 1. Катонъ у Сервія V. 753. Isid. Orig. XV. 2.

51) Plut. Rom. 10.

52) Lydus de Mens. p. 85. ed. Beck.

53) Macrob. Sat. III. 9: Romani et deum, in cujus tutela urbs Roma est, et ipsius urbis Latinum nomen ignotum esse voluerunt.

54) Bunsen Beschr. der Stadt Rom. I. 133 ff.

55) Dion. Hal. II, 50. Это должны были принять и тѣ, которые говорили, что Тацій нашелъ образъ Клоацины въ клоакѣ. Minuc. Fel. Octav. p. 248. G. (Bibl. M. P. L.) Lact. I. 20.

56) Dion. Hal. II. 22.

57) Сравн. Ambrosch de sacerd. cur. p. 11.

58) Сравн. прим. 27.

59) Cic. Rep. II, 14. Numa auspiciis majoribus repertis. Въ другомъ мѣстѣ (de Rep. II, 9) говоритъ онъ, что авгуры явились во время Ромула, и что самъ Ромулъ былъ авгуръ. Къ этому мнѣнію подалъ древнимъ поводъ lituus Ромула, найденный послѣ гальскаго пожара, и принятый за lituus авгуровъ. Судя по характеру Ромула нужно предполагать, что если lituus можетъ быть ему приписанъ, это былъ lituus гаруспекса скорѣе нежели lituus авгура.

60) Dion. Hal. II, 64.

61) Tertull. de spect. 5: Romulus Iovi Feretrio ludos instituit in Tarpejo, quos Tarpejos dictos et Capitolinos Piso tradidit. Объ этрусскомъ происхожденіи римскихъ игръ смотри Müller Etr. II, 197.

62) Val. Max. II, 4. 4. Virg. Aen. VIII, 635. Cassiod. Var. III, 51.

63) Tertull. de spect. 5: Equiria Marti Romulus dixit. Объ этрусскомъ происхожденіи конныхъ игръ см. Müller Etr. II, 220. Какъ кажется, кони были вообще приведены въ Римъ изъ Этруріи. Ливій (I, 35) говоритъ: Equi pugilesque ex Etruria maxime acciti. Это подтверждаетъ нѣкоторымъ образомъ Сервій (VIII 636): Nam legimus propter equorum penuriam diversis eos (Romanos) tunc usos animalibus.

64) Dion. II. 34. Plut. Rom. 16.

65) Dion. Hal. II, 18: ἱερὰ μὲν οὖν, καὶ τεμένη, καὶ βωμοὺς, καὶ ξοάνων ἱδρύσεις μορφάς τε αὐτῶν, καὶ σύμβολα καὶ δυνάμεις, καὶ δωρεὰς αἷς τὸ γένος ἡμῶν εὐεργέτησαν, ἑορτάς τε ὁποίας τινὰς ἑκάστῳ θεῶν ἢ δαιμόνων ἄγεσθαι προσήκει, καὶ θυσίαις αἷς χαίρουσι γεραιρόμενοι πρὸς ἀνθρώπων, κ. τ. λ.

66) Ср. Müller Etr. I, 374. A. 67.

67) Gell. I. 7. Cic. Div. I. 45. Legg. II, 2. Даже древнѣйшій Капитолій упоминается какъ стоявшій на Квириналѣ.

68) Dion. III, 35: ἐκλιπεῖν γὰρ ἐπὶ τῆς ἀρχῆς τῆς ἐκείνου πατρίους τινὰς θυσίας, ἑτέρας δ' οὐχ ὑπαρχούσας ἐπιχωρίους Ῥωμαίους παραγαγεῖν. Liv. I, 32. Объ учрежденіи агональскихъ Саліевъ будетъ рѣчь во второмъ разсужденіи.

69) Dion. Hal. III, 36.

70) Zon. I, 324: Ὀστίλιος Τύλλος τὰ πλεῖστα τῶν τοῦ Νομᾶ χλευάσας ἠθῶν. Fragm. Dion. Cass. ed. Reim. I, 8.

71) Dion. III, 36: (Ἄγκος Μάρκιος) τά τε θεῖα σέβειν αὐτοὺς ἠξίου πάλιν, ὥσπερ ἐπὶ Νομᾶ διετέλουν σέβοντες, διεξιὼν ὅτι παρὰ τὴν τῶν θεῶν ὀλιγωρίαν νόσοι τε καὶ λοιμοὶ καὶ βλάβαι πολλαὶ κατέσκηψαν εἰς τὴν πόλιν, ὑφ' ὧν ἐφθάρη μοῖρα τοῦ πλήθους οὐκ ὀλίγη καὶ βασιλεὺς Ὀστίλιος, ὁ μὴ ποιούμενος αὐτῶν φυλακὴν ἣν ἔδει, κάμνων ἐπὶ πολλοὺς χρόνους τὸ σῶμα πάθεσι παντοδαποῖς, καὶ οὐδὲ τῆς γνώμης ἔτι τῆς αὐτοῦ καρτερὸς διαμένων — οἰκτρᾶς καταστροφῆς ἔτυχεν.

72) См. выше. L. Piso у Plin. XXVIII, 4. Ромулъ и Гостилій оба являются въ патриціанскомъ преданіи сумашедшими. Serv. Virg. Aen. II, 649: Tactus (mente captus) etiam ille, qui hanc urbem condidit, Romulus. Діонисій заставляетъ Анка Марція говорить объ Гостиліѣ, что онъ сдѣлался сумашедшимъ.

73) См. пр. 72.

74) Arnob. adv. gent. II, 458. B. (Bibl. Max. P. Lugd.): Cum Romulo Pompilioque regnantibus, percocta plane ac madida concremarentur diis exta, nonne rege sub Tullo semicruda cepistis et leviter animata porricere, prisca observatione contempta?

75) Aug. de Civit. D. XXVII, 35: in illa igitur hydromantia curiosissimus ille rex romanus et sacra didicit, quae in libris suis pontifices haberent, et eorum causas. По Плутарху (Num. 14), онъ самъ обучаетъ понтифексовъ.

76) Liv. IV, 4. Dion. II, 64 sq. Liv. I, 20. Hor. I, 2. Suidas s. v. Νουμᾶς.

77) Plut. Num. 9.

78) Dion. Hal. II, 65, гдѣ онъ опровергаетъ тѣхъ, которые приписывали построеніе храма Весты Ромулу. Основаніе регіи приписываетъ Плутархъ Нумѣ. Num. 14.

79) Flor. I, 2. Plut. Num. 9.

80) Ovid. Fast. VI, 263.

81) Serv. Virg. Aen. VIII. 363. Solin. 2. Plut. Num. 14.

82) Dion. Hal. II, 71.

83) Dion. Hal. l. II, 70. Aur. Vict. de V. illus. 3. Flor. I, 2. Liv. I, 20.

84) Ср. Ambrosch Studien p. 33. пр. 144.

85) Fest. s. v. vernae p. 277.

86) Plut. Num. 16.

87) Liv. I, 20.

88) Ovid. Fast. III, 263. Lactant. I, 22, 1. Plut. Num. 13. Liv. I. 21.

89) Dion. II. 65.

90) Liv. I, 13. Pompon. de Or. J. 51.

91) Dion. Hal. II, 50. Plin. XVIII, 2.

92) Ср. прим. 75.

93) Serv. Virg. Georg. I, 21. Censor. de. d. nat. III, 3.

94) Arnob. adv. g. II, 33: doctorum in litteris continetur Apollinis nomen Indigitamenta Pompiliana nescire.

95) См. пред. прим.

96) Macr. Sat. I, 17.

97) Слово Indigitamenta происходитъ отъ indigitare, а это отъ indiges indigetis или indigitis (Kalend. Capranic. y Orelli II, p. 396. Kalend. Amitern. p. 397). Indigitare значитъ слѣдовательно то же самое, что взывать къ indiges. Serv. Virg. Aen. VIII, 330: Tiberinus a pontificibus indigitari solet. Macrob. I, 17: virgines Vestales ita indigitant: Apollo Mediae, etc.

98) Serv. Virg. Aen. XII. 794: Indigetes duplici ratione dicuntur vel secundum Lucretium, quod nullius rei egeant: *Ipsa suis pollens opibus nihil indiga curae*; vel quod nos deorum indigeamus, unde quidem omnes deos indigetes appellari voluerunt. Alii patrios deos indigetes dici debere tradunt. Alii ab invocatione indigetes dictos volunt, quod indigito est precor et invoco. Vel certe indigetes sunt dii ex hominibus facti et dii indigetes quasi in diis agentes. Serv. Virg. Georg. I, 429: Abusive autem omnes dii generaliter dici possunt indigentes, tanquam nullius rei egentes. Не стоитъ замѣчать кажется, что почти всѣ эти объясненія нелѣпы.

99) См. выше. Serv. Virg. Aen. XII, 794. Virg. Georg. I, 428: Patrii dii Indigetes. Diomed. Putsch. p. 473. Serv. ad Virg. Georg. I, 498: Patrii dii sunt, qui praesunt singulis civitatibus.

100) Serv. Virg. Aen. II, 351: jure pontificum cautum est, ne suis nominibus dii Romani appellarentur, ne exaugurari possint.

101) Fest. p. 79: Indigetes dii, quorum nomina vulgari non licet. Gloss. in Barth. Advers. XXVIII, 19: Indigetes dii, quorum nomina non audebant pronuntiare.

102) Serv. Virg. Aen. II, 351.

103) Macrob. Saturnal. III, 9.

104) Ib.: Romani Deum, in cujus tutela Roma est, et ipsius urbis Latinum nomen ignotum esse voluerant. Prin. XXVIII. 2. Serv. Virg. Aen. I. 277: Vrbis enim illius verum nomen nemo vel in sacris enuntiat.

105) Serv. Virg. Aen. I. 277. Plut. Qu. R. Q. 60.

106) Plut. Qu. R. Q. 60: *Εἴτε ἐστὶν ἄῤῥην εἴτε θήλεια καὶ λέγειν ἀπείρηται καὶ ζητεῖν, κ. τ. λ.*

107) См. пр. 104.

108) Serv. Virg. Aen. IV. 577: Deorum vera nomina nemo novit.

109) Варронъ у Арнобія adv. g. III, 40: (Varro) penates introrsus atque in intimis penetralibus coeli Deos esse censet, nec eorum numerum, nec nomina sciri. Isid. Orig. VIII, 11, 99. Serv. Virg. Aen. III, 12.

110) Macr. Saturn. I, 12. Serv. Virg. Aen. IV. 106.

111) Serv. Virg. Aen. II, 351.

112) Cic. de Nat. Deor. I, 30: In Pontificum libris Deorum non magnus numerus, nominum magnus.

113) Храмъ Весты былъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ квиритскихъ курій и слѣдовательно главнымъ святилищемъ. Dion. II, 66: *Νομᾶς δὲ—τὰς μὲν ἰδίας οὐκ ἐκίνησε τῶν φρατριῶν ἑστίας, κοινὴν δὲ κατεστήσατο πάντων μίαν* (т. е. храмъ Весты). Отъ того то онъ назывался въ послѣдствіи locus publicus.

114) Здѣсь обучалъ Нума понтифексовъ и исправлялъ богослуженіе. Plut. Num. 14: *καὶ τὸ πλεῖστον αὐτόθι τοῦ χρόνου διέτριβεν ἱερουργῶν ἢ διδάσκων τοὺς ἱερεῖς.*

115) Ovid. Fast. VI, 295: . . . Esse diu Vestae simulacra putavi;
Mox didici curvo nulla subesse tholo.
Ignis inexstinctus templo celatur in illo;
Effigiem nullam Vesta nec ignis habet.

116) Plut. Num. 11: *Νουμᾶς δὲ λέγεται καὶ τὸ τῆς Ἑστίας ἱερὸν ἐγκύκλιον περιβαλέσθαι τῷ ἀσβέστῳ πυρὶ φρουρὰν ἀπομιμούμενος οὐ τὸ σχῆμα τῆς γῆς ὡς Ἑστίας οὔσης, ἀλλὰ τοῦ σύμπαντος κόσμου.*

117) Ovid. Fast. VI. 460:
quia quam violavit, in illam
Conditur et Tellus Vestaque numen idem est.
Arnob. adv. g. III, 32. Dion. Hal. II, 66. Aug. de Civ. D. IV, 10. Festus s. v. rotundam. Ovid. Fast. VI, 267: Vesta eadem est, quae terra, etc.

118) Что очагъ служилъ символомъ Весты, на это указываетъ Ovid. Fast. VI, 267 sq.; подъ видомъ очага изображается она и на монетахъ. Lips. de Vesta in Graev. Thes. V, 627. Ez. Spanheim de Vesta etc. ibid. p. 681. гдѣ приведены двѣ монеты, на которыхъ изображенъ очагъ съ надписью: Vesta; на полѣ S. C. На другихъ монетахъ стоитъ при томъ жертвоприносящая Весталка, но надпись та же самая. Ez. Spanheim ibid.

119) Plut. Num. 9: *ἀνάπτοντας ἀπὸ τοῦ ἡλίου φλόγα καθαρὰν καὶ ἀμίαντον.* Отъ того называетъ Юліанъ (Orat. IV, 155) огонь Весты вѣчнымъ огнемъ, который зажгло солнце (заимствованнымъ у солнца).

120) Serv. Virg. Aen. XII, 200: Apud majores arae non incendebantur, sed ignem divinum precibus eliciebant, qui incendebat altaria.

121) Flor. I, 2: Ut ad simulacrum coelestium siderum flamma vigilaret.

122) Serv. Virg. Aen. IV, 167. Varro y Non. Marc. p. 182. Varro L. L. V, 61: Duplex causa nascendi: ideo ea nuptiis in limine adhibentur. Plut. Q. R. I. Ovid. Fast. IV, 791: His nova fit conjux: haec duo magna putant. Fest. p. 66.

123) Virg. Aen. VI, 228. Hartung Rel. der R. I, 199. sq.

124) Virg. Aen. XII, 119. Fontemque ignemque ferebant. Serv. ad h. l.: Sane ad facienda foedera aqua et ignis adhibentur.

125) Cedrenus p. 122 y Klausen Penat. II, 627. Suid. *Νουμᾶς τὰς Ἑστιάδας τοῦ πυρὸς καὶ ὕδατος ἐπιμέλειαν ἔχειν προέτρεψε.*

126) Ez. Spanheim I, 1. p. 680.

127) Gaius, Instit. I, 24, 90; 34, 128. Fest. 3. Serv. Virg. Aen. XII, 119.

128) Boxh. Qu. R. Q. XI.

129) Fest. p. 67: Flammeo amicitur nubens. Luc. Phars. III, 361: Lutea demissos velarunt flammea vultus. Plin. XXI, 8. Schol. Juv. VI, 225: Flammeum est genus amiculi, quo se cooperiunt mulieres die nuptiarum. Est enim sanguineum.

130) Non. Merc. p. 341: Flammeus vestis vel tegmen, quo capita matronae tegunt. Фламиника носила также flammeus какъ платье. Fest. 69.

131) Dion. II, 64. Производство отъ слова filum не годится.

132) Отъ flare какъ flamma.

133) Plut. Qu. R. Q. 74.

134) Plaut. Aul. I, 2, 12. Id. Trin. III, 2, 53.

135) Phaedr. Fab. IV, 10, 1.

136) Fest. p. 78.

137) Plut. Num. 14.

138) Plut. Qu. R. Q. 71.

139) Plut. Num. 9. Fest. p. 78.

140) Ovid. Fast. VI, 282: A pluvio vindicat imbre tholus (слѣд. крыша со сводомъ). Сводъ представлялъ собою небо. Serv. Virg. Aen. I, 505: Testudine, camera incurva (vel fornicata), quae secundum eos, qui scripserunt de ratione templorum, ideo sic fit, ut simulacro coeli imaginem reddat, quod constat esse convexum. Всѣ квиритскіе хра-

мы были такимъ образомъ построены; это подтверждаетъ Сервій: quidam tradunt apud veteres omnia templa in modum testudinis facta. At vero sequenti aetate, divinis simulacris positis, nihilominus in templis factas esse testudines etc. Слова *apud veteres* относятся къ времени квиритской религіи безъ образовъ; это ясно видно изъ словъ: sequenti aetate divinis simulacris positis.

141) Fest. p. 198: Dialis, quia universi mundi sacerdos, qui appellatur Dium. Fest. 66: Dialis autem appellatur a Dio, a quo vita dari putabatur hominibus.

142) Liv. I, 20.

143) Fest. p. 189.

144) Plin. XXXVIII. 40. Gell. N. A. X. 15. Plin. XXVIII, 9. XVIII, 30. Plut. Qu. R. Q. p. 109, 110, 114, 118, 164, 166, 167, 168, 169. Serv. Virg. Aen. I, 179, 448, 706. IV, 29, 137. XII, 120. Fest. p. 122, 30, 51, 62, 66, 69, 77, 104. Tertull. exhort. ad cast. 13. Serv. VIII. 552: More veterum sacrorum neque Martialis neque Quirinalis Flamen omnibus cerimoniis tenebatur, quibus Flamen Dialis.

145) Gellius N. A. X. 15.

146) Ibid.

147) Ibid.

148) Ibid.

149) Ibid.

150) Varro V, 84: Quum Dialis a Iove sit. Какъ таковой онъ исправлялъ sacra Idulia. Ovid. Fast. I, 587:

Idibus in magni castus Iovis aede sacerdos
Semimaris flammis viscera libat oris.

Liv. I, 20. (Numa) Flaminem Iovi assiduum sacerdotem creavit.—Marti unum, alterum Quirino.

151) Смотр. ниже.

152) Смотри ниже.

153) Fest. p. 56: Dium a Iove dicebatur et Dialis Flamen et Dius heroum aliquis ab Iove genus ducens; p. 57: Dium fulgur quod putabant Iovis.

154) Ovid. Fast. III, 291—348. Varro L. L. VI, 94. Liv. I, 20 Valerius Antias у Арноб. V, 483. C. Plut. Num. 15.

155) Ovid. l. l. 291. Picus есть демонъ этрусскій уже потому, что преданіе дѣлаетъ его царемъ Этруріи. Lact. Plac. narrat. fabul.: Picus ex progenie Saturni, rex Tyrrheniae. Пикъ и Фавнъ были два горные духа и жили на плебейской горѣ Авентинѣ. Нума поймалъ ихъ силою и хитростью, чтобы съ помощью ихъ свести Юпитера на землю. Они говорятъ Нумѣ:

Hunc (Iovem) tu non poteris per te deducere coelo:
At poteris nostra forsitan usus ope.

Ovid. Fast. III, 317.

156) Овидій говоритъ (V, 324):

Quaque trahant superis sedibus arte Iovem.
Scire nefas homini.

157) Plut. Num. 15: Τὸν δὲ θεὸν ὀργιζόμενον τῷ Νουμᾷ κ. τ. λ. Нума пугается при его появленіи. Ovid. l. l. v. 331:

Corda micant regis: totoque e pectore sanguis
Fugit, et hirsutae diriguere comae.

158) Ovid. l. l. 321: Iupiter huc (т. е. на Авентинъ, гдѣ Фавнъ и Пикъ были пойманы) venit. Отъ того ara Iovis Elicii стояла на Авентинѣ. Varro. L. L. VI. 94.

159) Plut. l. l. Ovid. l. l. 342: Postulat hic animam.

160) Смотр. пр. 154. Ovid. l. l. 339:

Caede caput dixit. Cui rex, Parebimus, inquit,
Caedenda est hortis eruta cepa meis.

Addidit hic, Hominis: Summos, ait ille, capillos.
Postulat hic animam: cui Numa, Piscis, ait.

161) Müller Etr. II, 170 sq.

162) Ibid. 174.

163) Ovid. Fast. II, 271—282.

164) Ibid. v. 271: Pana Deum pecoris veteres coluisse feruntur
Arcades; Arcadiis plurimus ille jugis.
v. 279: Transtulit Evander silvestria numina secum,
Hic, ubi nunc urbs est, tum locus urbis erat.
Inde Deum colimus, devectaque sacra Pelasgis,
Flamen adhuc prisco more Dialis erat.

165) Fest. p. 130, 215.

166) Fest. p. 215.

167) Fest. p. 174.

168) Fest. p. 215. Serv. Virg. Aen. III, 12.

169) Lamprid. Heliogab. 6.

170) Dion. Hal. II, 64. Plut. Cam. 20.

171) Plut. Cam. 20.

172) Dion. Hal. I, 69. Cicero Scaur. 2. 48. Phil. XI, 10, 24. Ovid. Fast. VI, 424. Trist. III, 1. 30. Liv. V, 52.

173) Plut. Cam. 20.

174) Varro L. L. 157.

175) Fest. p. 52.

176) Liv. V. 40.

177) Fest. p. 174.

178) Lamprid. l. l.

179) Cic. de Nat. Deorum III, 17: Meliora didici de Diis colendis capedunculis, quas Numa nobis reliquit.

180) См. пр. 13.

181) См. пр. 172.

182) Aug. Civ. D. VIII, 24.

183) См. ниже.

184) См. пр. 115.

185) Смотр. ниже.

186) Dion. Hal. I, 67: *Κηρύκια σιδηρᾶ καὶ χαλκᾶ καὶ κέραμον Τρωϊκὸν εἶναι τὰ ἐν τοῖς ἀδύτοις τοῖς ἐν Λαουϊνίῳ κείμενα ἱερά.* Само собою разумѣется, что ничего нельзя построить на мѣстахъ изъ поэтовъ, приведенныхъ Клаузеномъ (пр. 113). Въ надписи, приведенной этимъ ученымъ, Веста является не только съ Минервою, но и окруженная цѣлою этрусскою тріадою (Trias). Orelli 1393.

187) Strabo VI, 263.

188) Macr. Sat. III, 4. Serv. Virg. Aen. II, 296. см. ниже.

189) Dion. Hal. VI. 69: *ὁ γὰρ ἡγεμὼν αὐτῶν τοῦ γένους Ναύτιος, ἀπὸ τῶν σὺν Αἰνείᾳ στειλάντων τὴν ἀποικίαν, ἣν Ἀθήνας ἱερεὺς Πολιάδος, καὶ τὸ ξόανον ἀπηνέγκατο τῆς Θεᾶς μετανιστάμενος, ὃ διεφύλλατον ἄλλοι παρ᾿ ἄλλων μεταλαμβάνοντες οἱ τοῦ γένους ὄντες τῶν Ναυτίων.* Serv. Virg. Aen. II, 166: (Diomedes Palladium) transeunti Aeneae offere conatus est. Sed cum se ille velato capite sacrificans convertisset, Nautes quidam accepit simulacrum. Unde Minervae sacra non Iulia gens habuit, sed Nautiorum. Id. ib. III, 407. Ib. V, 704: Unde Nautiorum familia Minervae sacra retinebat: quod etiam Varro docet in libris, quos de familiis Trojanis scripsit.

190) Въ регіи, по Serv. Virg. Aen. VIII, 363. Solin. 2. Plut. Num. 14. Schol. Crucqu. Hor. Od. I, 2, 15; въ атріи храма Весты, по Овидію Fast. VI, 263:
Hic locus exiguus, qui sustinet atria Vestae,
Tunc erat intonsi regia magna Numae.

Serv. Virg. Aen. VII, 153: Unde templum Vestae non fuit augurio consecratum, ne illuc conveniret Senatus, ubi erant Virgines. Nam haec fuerat regia Numae Pompilii.

191) Ovid. Fast. IV, 731:

I, pete virginea, populus, suffimen ab ara:
Vesta dabit. Vestae munere purus eris.
Sanguis equi suffimen erit, vitulique favilla.

192) Plut. Qu. Rom. Q. 96: καὶ τὴν μὲν οὐρὰν ἀποκόψας τις ἐπὶ τὴν Ῥηγίαν (cp. Plut. Num. 14) καλουμένην κομίζει καὶ τὸν βωμὸν αἱμάσσει. Fest. p. 111: cujus cauda, ut ex ea sanguis in focum destillaret, magna celeritate perferebatur in regiam.

193) Florus, I, 2: Ille ancilia et Palladium, secreta quaedam imperii pignora, — imprimis focum Vestae virginibus colendum dedit. Iornandes de reg. S. p. 1077. Анциліи сохранялись въ регіи въ святилищѣ Марса. Точно также нужно понимать sacraria Vestae у Марціала (VII, 73, 2); ибо собственно въ храмѣ Весты не было никакихъ сакраріевъ, оба репога его не носили никогда этого имени. Собственно сакраріями были только находящіеся въ регіи sacrarium Opis Consiviae и sacrarium Martis.

194) Fest. p. 255: Salias virgines Cincius ait esse conductitias, quae ad Salios adhibeantur cum apicibus, paludatas, quas Aelius Stilo scripsit sacrificium facere in Regia cum Pontifice paludatas cum apicibus in modum Saliorum.

195) Varro VI, 12. Fest. s. v. Agonium. Ovid. Fast. I, 323.

196) Macr. Sat. I, 15.

197) Macr. Sat. I, 16.

198) Жаль очень, что только во второмъ разсужденіи можемъ мы говорить подробно объ Salii agonales.

199) Liv. II. 2: et quia quaedam publica sacra per ipsos reges factitata erant, — regem sacrificulum creant. Dion. Hal. V, 1. IV, 74.

200) Нума былъ понтифексъ и фламинъ Dialis. См. выше. Объ Анкѣ говоритъ Ливій, I, 33: Ancus demandata cura sacrorum flaminibus sacerdotibusque aliis, exercitu novo conscripto etc.

201) Serv. Virg. Aen. VIII, 648.

202) Ambrosch Stud. p. 115. Чужестранное происхожденіе сакръ, которыя исправлялъ rex sacrificulus, принимали кажется и источники изданнаго Гушке Auct. de mag. et sac. P. R., изъ которыхъ онъ почерпнулъ свои слова (3): Rex sacrorum pontifici subjiciebatur (Liv. II, 2), cum enim a regibus sacra instituta essent, ne omnino religio illa exstincta videretur, delectus unus erat, qui rex sacrorum vocaretur.

203) Въ особенномъ разсужденіи объ религіозныхъ отношеніяхъ неквиритскихъ царей къ плебеямъ.

204) Müller Etr. II, p. 324 sq.

205) Varro L. L. VI, 21.

206) Plut. Qu. R. Q. 96. Fest. p. 111, 120, 186. Ovid. Fast. IV, 733.

207) Lact. I, 21. Ioann. Lyd. p. 93 ed. Beck.

208) Fest. p. 120: Panibus redimibant caput equi immolati Idibus Octobribus in Campo Martio etc.

209) Ovid. Fast. IV, 731. Plut. l. l. Fest. p. 186: Ejusque coda tanta celeritate perfertur in regiam, ut ex ea sanguis destillet in focum, participandae rei divinae gratia. Слѣдовательно ara Vestae была собственнымъ focus въ регіи.

210) Fest. p. 111: October equus appellabatur, qui in campo Martio mense Octobri Marti immolabatur. De cujus capite magna erat contentio inter Suburanenses et Sacravienses, ut hi in regiae pariete, illi ad turrem Mamiliam id figerent.

211) См. выше пр. 210. См. ниже.

212) Festus p. 186: „Bigarum victricum dexterior.“ Plut. l. l.: ἱπποδρομίας γενομένης, ὁ νικήσας δεξιὸς ἱερὸς Ἄρει θύεται. Ниже будетъ доказано, что вообще всѣ

игры были происхожденія этрускаго и находились въ связи съ этрусско-капитолинскою религіею.

213) См. пр. 209.

214) Arnob. adv. gent. p. 505 G: Offa autem penita est, cum particula visceris, cauda pecoris amputata. Fest. p. 211: Penitam offam Naevius appellat absegmen carnis cum coda. Но offae penitae, предписанныя въ понтификальныхъ книгахъ (Arnob. l. l.), были вѣроятно вареныя мясныя кушанья. Это ясно изъ того, что онѣ упоминаются какъ кушанья въ такъ называемыхъ coenae purae. Fest. p. 204: Penem antiqui codam vocabant, a qua antiquitate etiam nunc offa porcina cum cauda in cenis puris offa penita vocatur. Cfr. Plaut. Mil. III, I, 164.

215) См. пр. 74.

226) Liv. II, 5: Ager Tarquiniorum, consecratus Marti, Martius deinde campus fuit. Здѣсь находился храмъ этрусскихъ Ларовъ. Macr. Sat. I, 10.

217) Ovid. Fast. III, 519:

Altera gramineo spectabis Equiria campo,
Quem Tiberis curvis in latus urget aquis.

Dion. Hal. V, 13.

218) Liv. XXXV, 10. XL, 45. IV, 22. Dion. Hal. IV, 22. Serv. Virg. Aen. I, 287.

219) Ovid. l. l. v. 521:

Qui tamen (Campus Matrius) ejecta si forte tenebitur unda;
Coelius accipiet pulverulentus equos.

Fest. p. 96: Martialis campus in Coelio monte dicitur, quod in eo Equiria solebant fieri, si quando aquae Tiberis campum Martium occupassent.

220) Varro L. L. V, 46.

221) Varro. l. l.

221) Tertull. ad. Nat. II, 9: Hoc enim arae docent, adventitiorum ad fanum Carnae, etc. Fanum Carnae находился на Целійской горѣ. Macr. Sat. I. 12.

223) См. пр. 210.

224) Ambrosch Studien p. 7. пр. 32.

225) См. пр. 193.

226) Serv. Virg. Aen. VIII, 663: Salios, qui sunt in tutela Iovis, Martis, Quirini.

217) Какъ таковые они имѣли только патриціанскихъ фламиновъ.

228) Serv. Virg. Aen. VIII, 190: Nam ancile et trabea communia sunt cum Diali vel Martiali sacerdote.

229) Fest. p. 119: Persillum vocant sacerdotes rudiculum picatum, quo unguine Flamen Portunalis arma Quirini unguet.

230) Ovid. Fast. III, 387, 388:

Jam dederat Saliis, a saltu nomina ducunt,
Armaque et ad certos verba canenda modos.

Serv. Virg. Aen. VIII, 285: Arma ancilia.

231) Pap. Stat. Silv. V, 129:

. Quirinus,
Qui tibi tam tenero permisit plandere collo.
Nubigenas clypeos etc.

Что поэтъ здѣсь имѣетъ въ виду не Марса, а Janus Quirinus, доказываетъ то, что онъ упоминаетъ о Марсѣ въ ст. 126 особенно.

232) Aur. Vict. de V. ill. 3: Salios Martis sacerdotes — XII instituit. Lucilius ap. Prisc. Putssh. p. 708.

233) См. ниже. Отъ того то Марсъ Квиринъ (Mars Quirinus) имѣлъ марціальнаго фламина, а Janus Quirinus квиринальнаго. Въ законѣ Нумы о spolia opima упоминается объ немъ по Фесту какъ о Квиринѣ, по Сервію, какъ о Янѣ Квиринѣ (Janus Quirinus).

234) См. пр. 230.

235) Hartung II, 100. Fest. p. 128: Portunus qui et Palaemon.

236) Fest. p. 43: Claudere et clavis ex Graeco descendit, cujus rei tutelam penes Portunum esse putabant, qui clavim manu tenere fingebatur, et deus putabatur esse portarum.

237) Онъ назывался Patulcius и Clusius. Macr. Sat. I, 9. Serv. Virg. Aen. VIII, 610. Ovid. Fast. I, 99:

Ille (Janus) tenens dextra baculum, clavemque sinistra, etc.
v. 129: modo namque Patulcius idem,
Et modo sacrifico Clusius ore vocor.

238) Orelli Inscriptt. 1585: Jano Portuno atque Marti. Найдена въ Сполето.

239) Эта надпись гласитъ у Орелли такъ (2244):

MANSIONES SALIORUM PALATINOR. A VETERIBUS OB ARMORUM ANNALIUM CUSTODIAM CONSTITUTAS LONGA AETATE NEGLECTAS. PECUN. SUA REPARAVERUNT PONTIFICES VESTAE V. V. C. C. PRO MAGISTERIO PORTII ACILLII. LUCILLI. VITRASI. PRAETEXTATI V. V. C. C. Муретъ предложилъ armorum Magnalium, Скалигеръ ancilium. Это одобрилъ Орелли. Но ни то, ни другое не нужно.

240) Ioann. Lyd. de mens. p. 51: *ὑμνοῦντας τὸν Ἰανὸν κατὰ τὸν τῶν Ἰταλικῶν μηνῶν ἀριθμόν.* Ежели въ послѣдствіи при началѣ войны полководецъ потрясалъ анциліями (см. пр. 242), то это дѣлалась потому, что они стали въ послѣдттвіи pignora imperii и ихъ божество должно было блюсти за безопасностью государства.

241) SC. y Gell. N. A. IV, 6: „In Sacrario in regia hastas Martias movisse.“

242) Serv. VII, 603: Moris fuerat indicto bello in Martis sacrario ancilia commovere. Serv. VIII, 3.

243) Plut. Rom. 29.

244) Justin. XLIII, 23. См. выше.

245) Vesta съ hasta pura y Lips. de Vesta etc. въ Graev. Th. V, p. 631, 642. Ez. Spanh. de Vesta etc. ib. p. 681; Весталка съ hasta pura у Vaillant Num. ant. famil. Rom. Livineia 8. Печать съ hasta pura и simpulum — Lips. p. 639. Надпись: Penates P. R. внизу: Vesta, на полѣ S. C. Та же самая hasta pura придается Veneri Victrici (Vaillant num. fam. Rom. Aemilia 48); Venus Genitrix (ib. Julia 30, 31); Pietas (ib. Pompeja 20, 21); Honos (ib. Caecilia 36. Postumia 13); Justitia (ib. Cordia 1); Virtus и Honos вмѣстѣ (ib. Egnatia 2).

246) Plut. Rom. 29. Id. Qu. Rom. p. 148.

246*) Уже древніе смотрѣли на копье Марса, стоявшее въ регіи, какъ на quiris, и находили связь между нимъ и именемъ Quirinus; это видно изъ Плутарха, который говоритъ: *Τὴν δὲ γενομένην ἐπωνυμίαν τῷ Ῥωμύλῳ τὸν Κυρῖνον, οἱ μὲν Ἐνυάλιον προσαγορεύουσιν.—οἱ δὲ, τὴν αἰχμὴν, ἢ τὸ δόρυ τοὺς παλαιοὺς Κῦριν ὀνομάζειν, καὶ Κυρίτιδος Ἥρας ἄγαλμα καλεῖν ἐπ' αἰχμῆς ἱδρυμένον· ἐν δὲ τῇ Ῥηγίᾳ δόρυ καθιδρυμένον, Ἄρεα προσαγορεύειν.* Plut. Rom. 29.

247) Serv. Virg. Aen. VI, 860: Quirinus autem est Mars, qui praeest paci: et intra civitatem colitur. Nam belli Mars extra civitatem templum habuit. Ib. I, 292: Mars enim cum saevit, Gradivus dicitur: cum tranquillus est Quirinus.

248) Serv. Virg. Aen. VIII, 3: Nam is qui belli susceperat curam, sacrarium Martis ingressus primo ancilia commovebat, post hastam simulacri ipsius, dicens: Mars vigila. — Метаніе копьемъ приписывается самому Марсу Градиву, какъ характеристическая черта у Fest. p. 72.

249) Serv. Virg. Aen. VII, 610.

250) У Joann. Lyd. p. 51: *Ὁ Λαβεὼν οὖν φησιν αὐτὸν καλεῖσθαι — Κυρῖνον ὡσανεὶ πρόμαχον.* Dion. Hal. II, 48.

251) Отъ того Діонисій приписываетъ Саліямъ прославленіе пѣснями боговъ, завѣдывавшихъ военными дѣлами. Многіе писатели смѣшивали обряды квиритскихъ Саліевъ съ обрядами плебейскихъ Salii agonales, основанныхъ Тулломъ Гостиліемъ; это повело къ тому, что многое, относящееся только къ Salii agonales, было перенесено на квиритскихъ. Объ этомъ мы можемъ говорить только во 2-мъ разсужденіи.

252) Нума затворилъ храмъ Януса Гемина (Janus geminus) и распустилъ войско. Онъ далъ миръ не только своимъ подданнымъ, но и сосѣдямъ. Онъ, который запретилъ пролитіе крови животныхъ, естественно долженъ былъ имѣть отвращеніе отъ пролитія крови человѣческой. Отъ того то его жреческій наслѣдникъ Flamen Dialis не долженъ былъ видѣть войска, снаряженнаго къ войнѣ. И хотя Нумѣ приписываютъ законъ касательно spolia opima, но это вѣроятно позднѣйшая выдумка.

253) Его храмъ былъ запертъ во время мира и отворялся во время войны.

254) Dion. Hal. II, 70: (ἕκαστος) τῇ μὲν δεξιᾷ χειρὶ λόγχην ἢ ῥάβδον, ἤ τι τοιοῦθ' ἕτερον κρατεῖ. Одинъ Саліецъ со щитомъ и изображенъ на монетѣ у Gutberl. de Sal. (Franeq. 1704), p. 52 и 61.

255) Ez. Spanh. l. l. p. 640.

256) См. пр. 245.

257) Fest. s. v. opima spolia p. 120: Cujus auspicio classe procincta opima spolia capiuntur, Iovi Feretrio darier oporteat, et bovem caedito; qui cepit aeris CC secunda spolia in Campo—; tertia spolia Jano Quirino agnum marem caedito.

258) Plut. Rom. 29: Καὶ Κυρίτιδος Ἥρας ἄγαλμα καλεῖν ἐπ' αἰχμῆς ἱδρυμένον Что Плутархъ хотѣлъ написать форму Quiritis, а не Curitis, доказываетъ то, что онъ ставитъ это имя вмѣстѣ съ Квириномъ. Fest. p. 48: vel quia matronae Iunonis Curitis in tutela sunt. Id. p. 83. Id. 41: Curiales mensae, in quibus immolabatur Iunoni, quae Curis appellata est. Dion. II, 50: Κυρίτια или Quiritia. Plut. Qu. R. Q. 86: Καὶ Κυρῖτις ἡ θεὸς ἐπωνόμασται. На надписяхъ встрѣчаемъ то Junonis Curitis (Orelli 1303), то Iunonis Quiritis или Junoni Quiritei (ib 1305).

259 Fest. p. 48: Curitim Iunonem appellabant, quia eandem ferre hastam putabant. Ib. p. 48. Plut. Qu. R. Q. 86.

260) Plut. Rom. 29: Καὶ Κυρίτιδος Ἥρας ἄγαλμα καλεῖν ἐπ' αἰχμῆς ἱδρυμένον. Подобнымъ образомъ изображается Паллада на копьѣ, придаваемомъ Вестѣ. Ez. Spanh. I. l. p. 681. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ правда Плутархъ (Qu. R. Q. 86), что многія статуи Юноны имѣютъ копье, но это не нужно относить къ Юнонѣ Курисъ.

261) Fest. p. 38 Isid. Orig. p. 291. Plut. l. l.

262 Dion. II, 50. Ovid Fast. VI, 49.

263) Fest. p. 49: Curiales mensae, in quibus immolabatur Iunoni, quae Curis appellata est.

264) Varro de L. L. VI, 13: Quirinalia a Quirino, quod ei deo feriae et eorum hominum qui Fornacalibus suis non fuerunt feriati. Fest. p. 218, 145. Форнакаліи были всеобщимъ праздникомъ курій. Ovid. Fast. II, 529 sq.

265) Dion. III, 22. Онъ говоритъ только: Ἰανοῦ ἐπωνύμου Κορατίων. Но Фестъ p. 240 называетъ его Janus Curiatius.

266) Orelli Inscr. 3217: L. Antonio Epitynchano Lictori Dec. Curiatiae quae sacris publicis apparet, etc. Встрѣчается даже Lictor Curiatius. Ib 2922.

267) Ioann. Lydus (по Лабеону) p. 51: (Ἰανὸν) Κουριάτιον οἱονεὶ ἔφορον εὐγενῶν· Κουριάτιοι γὰρ καὶ Ὁράτιοι ὀνόματα εὐπατριδῶν εἰσι.

268 На отношеніе Януса къ Юнонѣ намекаетъ еще то, что Янусъ назывался также Junonius. Lyd. p. 51. Serv. Virg. Aen. VII, 610.

269) Уже Гётлингъ стр. 60, предложилъ производить слово Curia отъ quiris, хотя правда онъ принималъ это слово совершенно въ другомъ смыслѣ. Слово курія говорилось прежде и quiria, какъ видно изъ аналогіи словъ quiris и culina и inquilinus.

270) См. пр. 245.

271) Varro L. L. V, 144. Plut. Coriol. 28. Serv. Virg. Aen. III, 12. Klausen Aeneas II, 620 sq.

272) Serv. Virg. Aen. III, 12: quod de Lavinio translati Romam, bis in locum suum redierint.

273) Val. Max. I, 8, 7. Dion. Hal. I, 67. Serv. Aen. Virg. I, 270. Auct. de Orig. G. R. 17. Aug. de Civ. D. X, 16, 2.

274) Schol. Juv. IV, 61: Romani Tullo Hostilio rege cum diruissent Albam, sacra sublata Romam transtulerunt et deos penates. Quorum penetrale tam venerabile deprehensum est, ut lapidatio de coelo caderet supra memorati ponderis. Propter quod prodigium ex libris Sibyllinis jussi pontifices ex SC. Albae sacra renovare. Tanta enim repente cum ea vellent transferre grando cecidit, ut intelligerent, suis locis sacra non esse movenda.

275) См. пр. 245.

276) Or. De har. respons. 6, 12: De deorum Penatium Vestaeque matris cerimoniis. Cic. Catil. IV, 9, 18

277) См. пр. 245.

278) Macr. Sat. III, 4: Vestam de numero Penatium aut certe comitem eorum esse manifestum est, adeo ut et consules, praetores, seu dictatores, cum adeunt magistratum, Lavinii rem divinam faciunt Penatibus pariter et Vestae. Serv. Virg. Aen. II, 296: Consules et Praetores sive Dictator abeuntes magistratu Lavinii sacra simul et Vestae faciunt.

279) См. пр. 278. Serv. II, 296

280) Varro L. L. V, 144: Lavinium; nam ibi Di Penates nostri.

281) Cic. de Nat. D. II, 27, 68.

282) Fest. 116: Penetralia sunt Deorum Penatium sacraria.

283) Serv. Virg. Aen. III, 178. Ib. XI, 211: Cum focus sit ara Deorum Penatium.

284) Serv. Virg. Aen. II, 469.

285) Cic. Legg. II, 12: Vesta quasi focum urbis complexa. Ib. II, 3: Virgines Vestales in urbe custodiunto ignem foci publici. Овидій говоритъ объ пенетраліяхъ Весты, Fast. III, 417.

286) Solinus I говоритъ: habitavit Tullus Hostilius in Velia, ubi postea aedes Deorum Penatium sacra est. Varro ap. Non. p. 526: Tullum Hostilium (habitasse) in Velia, ubi nunc est aedes Deorum Penatium

287) Serv. Virg. Aen. II, 325: Salii appellati sunt; hi enim sacra Penatium curabant.

288) Serv. Virg. Aen. III, 174. Dion. I, 67. Serv. ib I, 382; III, 148: Varro sane humanarum rerum secundo ait Aeneam deos Penates in Italiam reduxisse, quaedam lignea vel lapidea sigilla. Schol. Veron. Virg. Aen. II, 717. Aug. Civ. D. X, 16.

289) Dion. I, 67: *σχήματος δὲ καὶ μορφῆς αὐτῶν περὶ Τίμαιος μὲν ὁ συγγραφεὺς ὧδε ἀποφαίνεται· κηρύκια σιδηρᾶ καὶ χαλκά, καὶ κέραμον Τρωϊκὸν εἶναι, τὰ ἐν τοῖς ἀδύτοις τοῖς ἐν Λαουϊνίῳ κείμενα ἱερά· πυθέσθαι δὲ αὐτὸν ταῦτα παρὰ τῶν ἐπιχωρίων.*

290) Варронъ у Арноб. III, 40: Nec eorum (Penatium) numerum nec nomina sciri. Сервій Virg. Aen. III, 12 говоритъ вѣроятно по Варрону: quod eorum nomina nemo sciat.

291) Arnob. l. l. Serv. Virg. Aen. II, 296.

292) Serv. Virg. Aen. I, 378. Macr. Sat. III, 4.

293) Arnob. l. l.

294) Arnob. l. l.

295) Serv. Virg. Aen. III, 12: quos nisi sacerdoti videre fas nulli sit.

296) См. пр. 245. Vaillant l. l. Двѣ юношескія головы увѣнчанныя лаврами. Съ надписью D. P. (Flaminia 2). — На монетѣ Сульпиціевъ (Sulpicia 5) изображены на оборотной сторонѣ фигуры съ копьями; но ихъ уже потому нельзя считать за пенатовъ (вмѣстѣ съ Клаузеномъ II, 661), что пенаты изображены на передней сторонѣ въ видѣ двухъ юношескихъ головъ. Вообще трудно было бы доказать воинское значеніе мирныхъ пенатовъ по монетамъ, не принимая за военное оружіе hasta pura, приданную пенату на одной монетѣ.

297) Orelli Inscr. 2118: Diis deabusque Penatibus familiaribus.

298) См. пр. 278.

299) Dion. Hal. I, 68.

300) l. l. S. 127 sq.

301) Herzberg de d. R. P. 108 sq.

302) Dion. Hal. IV, 14: *ἔπειτα κατὰ πάντας ἐκέλευσε (ὁ Τύλλιος) τοὺς στενω-*

πους ἱερὰς κατασκευασθῆναι καλιάδας ὑπὸ τῶν γειτόνων ἥρωσι προνωπίοις κ. τ. λ. Ovid. Fast. II, 615:

Fitque gravis, geminosque parit, qui compita servant,
Et vigilant nostra semper in urbe Lares. Ib. v. 145 sq.

303) Orelli Inscr. 1589. Larum Penatium.

304) Schol. ad Hor. Epod. II, 43: Juxta focum Dii Penates positi fuerunt, Laresqe appellati, idcirco quod ara Deorum, Larum focus sit habitus. Порфиріонъ ad Sat. Hor. I, 5, 65 утверждаетъ, что юноши посвящали свою bulla пенатамъ; схоліастъ, изданный Крукіемъ (Cruquius), говоритъ, что эта честь предоставлялась Ларамъ. Сервій говоритъ къ Virg. Aen. 64, что пенаты были души усопшихъ; въ другомъ мѣстѣ ib. VI. 152 утверждаетъ онъ то же самое касательно Ларовъ и замѣчаетъ, что пенаты — боги совершенно отличные отъ Ларовъ. Точно также отличаютъ пенатовъ отъ Ларовъ и Плавтъ (Merc. V, I, 5) и Виргилій (Aen. IX, 258. VIII, 543). Проперцій употребляетъ имена Penates и Lares — promiscue II, 30, 21 sq.

Spargere et alterna communes caede penates
Et ferre ad patrios proemia diva Lares.

Такъ и Цицеронъ pro P. Quinct. 26: „jam a suis penatibus praeceps ejectus, jam suorum servorum manibus violatus esset, etc.“ Ib. 27 онъ такъ выражаетъ то же самое: Illud dico, dominum expulsum esse de praedio; domino a familia sua manus allatas esse ante suos Lares familiares.“ Herzb. l. l. p. 70 sq.

305) Lucan. Phars. IX, 099: quos nunc Lavinia sedes servat et Alba Lares. Pap. Stat. Silv. IV, 5, 2: prisca Teucros Alba colit Lares, гдѣ онъ, какъ ясно видно, говоритъ объ троянскихъ пенатахъ. Уже ученый Лабеонъ смѣшиваетъ обоихъ. Serv. Virg. Aen. III, 168: In quibus ait (Labeo) esse quaedam sacra, quibus animae humanae vertantur in deos, qui appellantur animales, quod de animis fiant. Hi autem sunt dii Penates et Viales (т. е. Lares). Схоліастъ Персія къ словамъ succinctis Laribus (Sat. V, 31) замѣчаетъ: quia Gabino habitu cinctuque dii Penates formabantur. Klausen A. 1203.

306) Serv. Virg. Aen. II, 325.

306*) Serv. Virg Aen. I, 8. Plut. Cam. 20. Ib. Num. 8. Ovid. Fast. III, 262. Dion. II, 60.

307) Fest. p. 174. Tac. Hist. IV, 53. См. пр. 332.

308) Varro L. L. V, 71. Cic. N. D. III, 20. Fest. p. 64. Varro ib. VI, 22: Fontinalia a fonte, quod is dies feriae ejus: ab eo tum et in fontes coronas iaciunt et puteos coronant.

309) Liv. I, 21. P. Vict. Reg. Urb. I. Plut. Num. 13.

310) Serv. Virg. Aen. VIII, 61. ib. 96. ib. 330.

311) Fest. p. 215.

312) Varro L. L. V, 71. Serv. Virg. Aen. XII, 139: Varro, rerum divinarum XIV, ait: Juturna inter proprios deos nymphasque ponitur. Ютурна принадлежала стало быть къ индигетамъ. Ovid. Fast. I, 7V7. Dion. Vi, 13.

313) Schol. Serv. ad Virg. Aen. I, 260. Римскіе первосвященники приносили съ консулами вмѣстѣ ежегодныя жертвы Индигету Нумицію (Indiges Numicius). Только водою Ютурны можно было дѣлать возліянія Вестѣ. Serv. Virg. Aen. VII, 150.

314) Strabo V, 3, § 13. Ovid. Fast. III, 262. Aug. de Civ. Dei XXVII, 35.

315) Cic. Nat. Deor. III, 20: Et in precatione Augurum, Tiberinum, Spinonem, Almonem, Nodinum, alia propinquorum nomina fluminum videmus.

316) Arnob. adv. g. p. 435 E. (Bibl. M. P. Lugd.): Indigetes qui flumen repunt et in alveis Numici cum ranis et pisciculis degunt.

317) Indiges, которому покланялись на берегу Нумиція, былъ вѣроятно рѣчный богъ. Діонисій (I, 64) говоритъ, что въ его святилищѣ находилась надпись, которая относилась къ богу, властителю рѣки. Вѣроятно уже позднѣе этотъ Indiges былъ сдѣланъ Aeneas Indiges.

318) См. пр. 310.

319) Dion. Hal. II, 60. Ovid. Fast. III, 262. Liv. I, 21.

320) Lactant. I, 22, 1.

321) Plut. Num. 13: ὃν Ἠγερίας τε καὶ τῶν Μουσῶν πύθεσθαι. И далѣе: τὸ χωρίον — ὅπου τὰ πολλὰ φοιτῶσαι συνδιατρίβουσιν αὐτῷ.

322) Fest. p. 81. Lymphae dictae sunt a nymphis. Vulgo autem memoriae proditum est, quicunque speciem quandam e fonte, id est effigiem nymphae viderint, furendi non fecisse finem; quos Graeci νυμφολήπτους vocant, Latini lymphaticos appellant.

323) Varro L. L. VII, 87: In Graecia commota mente quos nympholeptos appellant, ab eo lymphatos dixerunt nostri.

324[a]) Aug. Civ. D. XXVII, 35: Nam ipse Numa — hydromantiam facere compulsus est: ut in aqua videret imagines deorum, a quibus audiret, quid in sacris constituere atque observare deberet.

324[b]) Diomed. Putsch. p. 472 Numam Pompilium divinitate praeditum hunc pedem pontificium appellasse memorant, cum Salios juniores, aequis gressibus circulantes induceret spondeo melo patrios placare indigetes. Едва ли нужно замѣчать, что divinitas можетъ здѣсь означать только питіе боговъ.

325) Serv. Virg. Aen. V, 745. Plin. XVIII, 2. Arnob. adv. g. p. 505. D: ut pium far monstrat, quo peragi mos fuit sacrificiorum solemnium munera. Отсюда священный характеръ брака, заключаемаго посредствомъ far, и обычай клясться столомъ и хлѣбомъ. Plin. XVIII, 3: Quia et in sacris nihil religiosius confarreationis vinculo erat. Fest. p. 93: Mensa Frugibusque jurato.

326) Serv. Virg. Eclog. VIII, 82.

327) Fest. p. 174.

328) Fest. p. 49.

329) См. пр. 325.

330) Serv. l. l. Plin. XVIII, 2.

331) Plin. ib. Statuendo non esse purum ad rem divinam, nisi tostum.

332) Fest. p. 174. Самая соль повидимому употреблялась въ жертвахъ лишь какъ символъ воды. Fest. p. 255: Salinum in mensa pro aquali poni ait cum patella, quia nihil aliud sit sal, quam aqua.

333) Hor. Od. III, 23, 19: Mollivit aversos Penates Farre pio et saliente mica. Схоліастъ прибавляетъ: sal enim cum farre incendebatur.

334) Dion. II, 74. Juv. Sat. XVI, 39. Plut. Qu. R. 83.

335) Plin. XVIII, 2. Is (Numa) et Fornacalia instituit farris torrendi ferias et aeque religiosas terminis agrorum. Касательно значенія форнакалій какъ общаго празднества курій см. Hartung l. l. p. 107 sq. Ovid. Fast. II, 259 sq.

336) Dion. II, 23.

337) Ovid. Fast. IV, 635:

> Pars cadit arce Jovis; ter denas Curia vaccas
> Accipit et largo sparsa cruore madet.

Varro L. L. V, 55. Fest. p. 63. Овидій говоритъ правда l. l. 629, что эта жертва была установлена Нумою; но это противорѣчитъ свидѣтельствамъ древнихъ касательно жертвъ Нумы; уже одно то обстоятельство, что жертва совершалась прежде въ Капитоліѣ, подтверждаетъ, что этотъ праздникъ явился послѣ соединенія двухъ культовъ. Одно огромное количество жертвъ (закалали 30 коровъ) указываетъ на этрусское вліяніе.

338) Dion. II, 25.

239) In Capitolio enim omnium deorum simulacra colebantur. Serv. Virg. Aen. II, 319. P. Victor. Region. VIII.

340) Liv. I, 38. 55. 56. Flor. I, 7. Aur. Victor. de Vir. ill. 8. Dion. IV, 59.

341) Liv. I, 55: Exaugurare fana sacellaque statuit. Serv. Virg. Aen. IX, 448: Et cum in omnibus Tarpejus (mons aptissimus) esset inventus, in quo erant multa diversorum numinum sacella, actum est, ut exinde ad alia templa numina evocarentur sacrificiis, quo posset libere et sine piaculo templum Jovis aedificare.

342) Aug. de C. D. IV, 23. Nam sicut habent eorum litterae, cum rex Tarquinius Capitolium fabricare vellet, eumque locum qui ei dignior aptiorque videbatur, a diis alienis cerneret praeoccupatum, per augurium quaesivit, utrum concedere locum vellent Jovi. Что вызываемые боги были боги квиритскіе, подтверждаеть Ливій, ибо Ливій приписываетъ основаніе ихъ алтарей Тацію. Liv. I, 55.

343) Vitruv. I, 7, 1. Müller Etr. II, 146.

344) Tac. hist. IV, 53. Liv. I, 55.

345) Liv. I, 56.

346) Müller Etr. II, 234.

347) Plin. XXXV, 45. Въ рукописяхъ мы правда читаемъ: Praeterea elaboratam hanc artem (plasticen) Italiae, et maxime Etruriae, Turianumque a Fregellis accitum, cui locaret Tarquinius Priscus effigiem Jovis in Capitolio dicandam. Но Плиній въ самомъ началѣ этого мѣста выводить пластику изъ Этруріи и приводитъ статую Юпитера въ доказательство; слѣдовательно онъ долженъ считать художника Этрускомъ. Мнѣніе, которымъ подтверждается и предложеніе О. Мюллера читать Fregenis вм. Fregellis.

348) Plin. l. l.

349) Müller. Etr. II, 248.

350) Müller l. l. II, 243, 249 sq. Касательно этрусской глиняной утвари въ Римѣ см. Pers. Sat. II, 60. Juv. XI, 108; тусская храмовая пластика см. Vitruv. III, 3 (2), 5; Müller Etr. II, 249; этрусскія металлическія изображенія боговъ см. Müller ib. p. 250 sq.

351) Tertull. Apol. 25; см. пр. 15.

352) Müller Etr. II, 44. I, 369 — 375.

353) Müller l. l. 1, 370 sq.

354) Müll. l. l.

355) Müller l. l. 374.

356) Plut. Qu. Rom. p. 156 ed. Reisk.

357) Serv. Virg. Ecl. X, 27: Unde etiam triumphantes habent omnia insignia Jovis, sceptrum, palmatam togam. Ливій X, 7. говоритъ о тріумфаторѣ: qui Jovis Optimi Maximi ornatu decoratus, curru aurato per urbem vectus in Capitolium ascenderit etc. Сл. Suet. Aug. 94. Ювеналъ приписываетъ претору, предсѣдательствующему на играхъ цирценскихъ, тунику Юпитера. Müll. Etr. I, p. 371, 374.

358) Müller Etr. I, p. 374.

359) Dion. Hal. VII, 72.

360) Dion. l. l.

361) Dion. l. l. Amor. III, 2, 43 sq.

362) Müller Etr. II, 197 sq. Касательно этрускаго происхожденія цирценскихъ игръ и ихъ связи съ религіею см. Müller Etr. II, 196. Этруски, какъ родственники по религіи, принимали участіе въ цирценскихъ играхъ. Такъ Порсена Serv. Virg. Aen. XI, 134. Circus Maximus въ Римѣ былъ построенъ этрусскими царями. Liv. I, 56. Aur. Vict. de Vir. ill. 6, 8. Dion. Hal. III, 67.

363) Müller Etr. II, 323 sq.

364) Ovid. Fast. I, 55, 56. Macr. Sat. I, 9, 15.

365) Macr. Sat. I, 15.

366) Ovid. Fast. I, 56. Macr. l. l. и I, 16. (Granius Licinianus) ait enim nundinas Jovis ferias esse. Касательно этрускаго происхожденія нундинъ см. Müll. Etr. l. l. 324.

367) См. пр. 487.

368) Varro L. L. VI, 28: Harum rerum vestigia in sacris Nonalibus in arce, quod tunc ferias primas menstruas, quae futurae sint eo mense, rex edicit populo.

369) Varro L. L. VI, 20. Consualia dicta a Conso, quod tum feriae publicae ei deo, et in circo et ad aram ejus ab sacerdotibus ludi illi, quibus virgines Sabinae raptae. Plut. Rom. 14: *ὠνόμαζον δὲ τὸν θεὸν Κῶνσον· εἴτε βουλαῖον ὄντα — εἴτε ἵππειον Ποσειδῶ· καὶ γὰρ ὁ βωμὸς ἐν τῷ μείζονι τῶν ἱπποδρόμων ἐστὶν ἀφανὴς τὸν ἄλλον χρό-*

νον, ἐν δὲ τοῖς ἱππικοῖς ἀγῶσιν ἀνακαλυπτόμενος. Liv. I, 9. Flor. I, 1 Simulatis ludis equestribus. Dion. Hal. II, 31: δρόμος ἵππων ζευκτῶν τε καὶ ἀζεύκτων ἐπιτελεῖται.

370) Fest. p. 61: Equiria ludi, quos Romulus Marti instituit per equorum cursum, qui in campo exercebantur. Онѣ производились на Марсовомъ-полѣ. Ovid. Fast. II, 857. III, 567. Varro L. L. VI, 13.

371) Serv. Virg. Aen. VI, 860. I, 292: Denique in urbe duo ejus templa sunt: unum Quirini intra urbem, quasi custodis et tranquilli: aliud in Appia via extra urbem prope portam (Capenam, quasi bellatoris, i. e Gradivi. Fest. p. 25.

372) По предписанію этрусскихъ гаруспексовъ храмы Венеры, Вулкана и Марса, равно какъ и Цереры, должны были находиться за городомъ. Vitruv. I, 7. Müller Etr. II, 12.

373) Serv. Virg. Aen. VI, 1: Apud majores nostros stipendium praelio terresri miles pedester dabat: equites vero dabant in navali certamine. Nam adhuc pauper fuerat populus. Exinde jam quod ab equitibus dabatur stipendium, tractum est, ut diceretur classis. Proprie enim classes equitum dicimus. Только такимъ образомъ объясняется представленная Гюльмановъ аналогія ихъ (Röm. Grundv. p 13) съ аттическими навкраріями и древнедатскими Styreshavne.

374) Isid. Orig. ed. Lind. p. 579. Оттого retiarii изображаются на памятникахъ съ трезубцемъ. Ср. Gori Mus. Etr. I, Tab. CLXXXVIII, вмѣстѣ съ объясненіемъ къ тому II, 396. Что значатъ слова секутора, обращенныя къ ретіарію: non te peto, piscem peto (Isid. ib.), объясняется тѣмъ, что Вулкану приносились живыя рыбы, какъ будто для выкупленія душъ человѣческихъ. Fest. p. 208: Piscatorii ludi vocantur, qui quotannis mense Junio trans Tiberim fieri solent a Praetore Urbano pro piscatoribus Tiberinis, quorum quaestus non in Macellum pervenit, sed fere in aream Vulcani, quod id genus pisciculorum vivorum datur ei deo pro animis humanis. Это дѣлалось во время вулканалій. Varro L. L. V, 20. — Женѣ Нептуна (Gell. XIII, 22), Venus Salacia, поклонялись продажныя женщины. Serv. Virg. Aen. I, 720. Salacia, quae proprie meretricum Dea appellata est a veteribus. Но онѣ появились въ Римѣ изъ Этруріи. См. пр. 469.

375) Müller Etr. II, 57, 59, 60, 74. Нѣтъ положительныхъ извѣстій, былъ ли Liber богъ этрусскій. За это впрочемъ говоритъ преданіе, которое дѣлаетъ его основателемъ торговли, знаковъ царскаго достоинства и тріумфа, трехъ учрежденій, которыя возникли подъ этрусскимъ вліяніемъ. Plin. VII, 57. Первый храмъ Цереры, Либера и Либеры имѣлъ совершенно расположеніе этрускаго храма. См. пр. 479 Во время цереалій производились игры въ Циркѣ въ честь Цереры, Либера и Либеры. Kal. antiqu. ap. Orelli Inscr. II, p. 388 sq. Tac. Ann. XV, 53, 74. Ovid. Fast. IV, 391. Liv. XXX, 39. Ихъ статуи стояли въ Циркѣ. Nardini Roma vet. in Thes. Graev. p. 1359. Амброшъ считаетъ правда Ведія божествомъ латинскимъ, потому что въ Bovillae найдена вотивная (обѣтная) доска съ его именемъ, но это вовсе не доказываетъ первоначальнаго существованія этого культа въ Бовиллѣ и Альбѣ. Точно также поклоненіе Юпитеру Лаціальскому (Jupiter Latialis) и надпись у Orelli (1393), гдѣ упоминается поклоненіе Юпитеру, Минервѣ и Юнонѣ въ Альбѣ, вовсе не говорятъ въ пользу латинскаго происхожденія этихъ рѣшительно этрусскихъ божествъ. Культъ Юпитера Лаціальскаго произошелъ на Альбанской горѣ подъ этрусскимъ вліяніемъ; въ пользу этого говорятъ, кромѣ основанія его Тарквиніемъ, человѣческія жертвы, приносимыя въ честь ему (Lact. I, 21. Min. Fel. 30, 4. (p. 45) у Клаузена пр. 1478) и его очевидное отношеніе къ римско-этрусскому тріумфу. Serv. Virg. Aen. XII, 135. Я скажу объ этомъ болѣе въ другомъ мѣстѣ.

376) Serv. Virg. Aen. III, 12. II, 296: Quos (Юпитеръ, Юнона и Минерва) Demarati Corinthii filius uno templo et sub eodem tecto conjunxit. His addidit et Mercurium. Другой храмъ Меркурія стоялъ въ Циркѣ. Ovid Fast. V, 662. Уже Мюллеръ Etr. II, 74 доказалъ, что Меркурію поклонялись въ Этруріи.

377) Varro L. L. V, 46: Ab eis dictus vicus Tuscus, et ideo ibi Vortumnum stare, quod is deus Etruriae princeps.

378) См. предыд. прим.

379) Ioannes Lyd. p. 51.

380) Serv. Virg. Aen. VII, 607. Macr. Saturn. I, 9.

381) Müller Etr. I, 309. Отъ этого преданіе говоритъ, что онъ первый ввелъ чеканную монету, корабли, храмы и жертвы, т. е. все учрежденія, происходившія изъ Этруріи. Draco Corcyraeus у Athen. Deipn. XV, 46. Eusthath. ad. Hom. Odyss E, 251. Xenon у Macr. Satur. I, 9. Id. I, 7.

382) Serv. Virg. Aen. I, 291. Macr. Sat. I. Ovid. Fast. I, 269.

383) Schol. Juv. VI, 250. Ludi florales, in quibus meretrices nudatis corporibus discurrunt. Hi ludi a Flora meretrice instituti in honorem Florae deae, quae floribus praeest. Ibid. 116. Meretrices prostabant antea in Circo Maximo propter sacrorum celebrationem. Первыя продажныя женщины прибыли изъ Этруріи; въ пользу этого говоритъ пословица: Tusco modo dotem quaerere (Interpr. ad Plaut. Cistell. II, 3, 20, IV, 2, 87), далѣе извѣстіе, что meretrices жили въ Этрусскомъ кварталѣ и производили ремесло свое въ Циркѣ. Juv. Sat. III, 65. Plaut. Curc. IV, 1, 21. Schol. Acron. ad Hor. Sat. II, 3, 228: In vico thurario ante meretrices prostabant. Оттого то Проперцій (V, 2, 23) заставляетъ Вертумна, господствующаго въ Этрусскомъ кварталѣ, превращаться въ non dura puella, какъ онъ выражается для благоприличія. См. выше.

384) Lact. Plac. Narr. Fab. 16. Ovid. Met. XIV, 542 sq. По нѣкоторымъ Pomona — только придаточное имя Юноны. Arnob. adv. gentes p. 469. F.

385) Въ Kalend. Praen. у Orelli Inscr. II, p. 388 читаемъ мы: Florae quae rebus florescendis praeest. Вѣроятно нужно читать: quae florebus florescendis etc. Цвѣточные вѣнки продавались въ Vicus Tuscus. Colum. de cultu hortor. 308. Продавцы плодовъ жили тамъ же. Hor. Sat. II, 3, 228. Въ надписяхъ (Orelli 4268) встрѣчается Pomarius de Circo Maximo.

386) Serv. Virg. Aen. II, 325. Arnob. adv. gent. III, 40. Pales, какъ намъ кажется, однозначительна съ Palatua не по одному созвучію именъ, но еще потому, что обѣ представляются божествами хранителями Палацiя. Ср. Sachse I. I. 1, p. 42 Fest. p. 129, 211.

387) Varro VI, 19.

388) Kalend. Pinc. у Orelli Inscript. II, 395. Kal. Maff. ib. 394. FVR. NP. LVDI IN CIRCO. Роща ея, а вѣроятно и храмъ, были внѣ города Сервіева, въ Reg. XIV. см. регіонаріевъ. Varro L. L. VII, 45.

389) Fest. p. 66: Falae dictae ab altitudine a falando, quod apud Etruscos significat coelum. Не былъ ли Falacer Янусомъ, котораго Етруски считали богомъ неба? См. Ioann. Lyd. p. 51. Корень словъ Falacer и falandum есть также корень словъ Falicii и Falerii. Müller. Etr. I, 110. Varro L. L. V, 84. VII, 45.

390) Müller Etr. I, 172. Въ одной надписи, найденной въ Кампаніи, (Orelli 1649): сказано Volturno Sancto. Varro L. L. VII, 45.

391) Auct. de praenom. ed. Bip. p. 496. Lar Lartis praenomen est, sumptum a Laribus. Tuscum autem creditum est praenomen esse. Auson. Idyll. 2 и Technopaegn. p. 200 Bip. у Müller Etr. I, 367: Aremoricus Lars. Въ пользу этого значенія говоритъ Lars Tolumnius и Lars Porsena. Англійское Leard, Lord сродно ему. См. Herzberg. d. D. R. p p. 4.

392) Serv. Virg. Aen. III, 302.

393) Serv. III, 168.

394) Cato de R. r. c. 143.

395) Müller Etr. II, 103 sq. Herzberg. I. I. 37 sq.

396) Macr. Sat. I, 10. Plut. Rom. 5. Id. Qu. R. 35. Aug. Civ. D. VI, 7. Ея гробница находилась въ Велабрѣ, т. е. въ полутусскомъ кварталѣ города.

397) Müller Etr. II, 81 sq.

398) Varro de R. R. I, 1: XII dii consentes urbani, quorum imagines ad forum auratae stant, sex mares et feminae totidem. Arnob. adv. gent. III, 40. Hos consentes et complices Etrusci et ajunt et nominant. Müller Etr. II, 83.

399) Ладанъ продавался въ этрусскомъ кварталѣ, который и назывался оттого, или по крайней мѣрѣ часть его vicus thurarius, Hor. Ep. II. 1, 269. Schol. ad Hor. Sat. II, 3, 328. Употребленіе ладана при богослуженіи введено въ Римѣ послѣ Нумы; объ этомъ говоритъ Арнобій adv. gent. p. 506. D. Этого достаточно, чтобы считать, послѣ всего сказаннаго, ладанъ одною изъ реформъ, приписываемыхъ преданіемъ Этрускамъ. Флейта была необходима при всѣхъ жертвахъ у Римлянъ и при каждой помпѣ. Müller Etr. II, 200. Ovid. Fast. VI, 657:

Cantabat fanis, cantabat tibia ludis;
Cantabat moestis tibia funeribus.

Serv. Virg. Georg. II, 193: Ebur autem tibiarum dicit, quibus in aurem sacerdotis canere solebant. Liv. IX, 30: Tibicines — Tibur uno agmine abierunt: adeo, ut nemo in urbe esset, qui sacrificiis praecineret. Censorinus de d. n. 12: Tibicines omnibus supplicationibus adhibiti.

400) Plin. XVI, 66: (Tibiae) sacrificae Tuscorum. Tibicines были въ Римѣ вѣроятно всегда природные Этруски. Ср. Müller Etr. II, 201. Ars amat. I, 111. Оттого Tibicines поклонялись Минервѣ и праздновали въ честь ея малыя Квинкватріи. Müller Etr. II, 50. Они находились, какъ кажется, въ близкой связи съ капитолійскимъ культомъ, ибо пользовались правомъ пировать въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго. Valer. Max. II, 5, 4. Cens. d. d. n. 12. Liv. IX, 30. Tuba была также этрусскій инструментъ. Müller. Etr. I, 397. Athen. Deipn. IV, 82: *Τυῤῥήνων δ' ἐστὶν εὕρημα κέρατά τε καὶ σάλπιγγες.* Clem. Alex. Strom. I. P. Stat. Theb. III, 650: Thyrrhenus clangor. Serv. Virg. Aen. VIII, 526: Tyrrhenum clangorem dicit quia apud Tuscos tubam constat inventam. Она употреблялась часто при богослуженіи и преимущественно при играхъ. Kal. Praen. y Orelli p. 368 (Tubilustria) hic dies appellatur ita quod in atrio sutorio tubi lustrantur, quibus in sacris utuntur. Schol. ad Pers. Sat. III, 103: Quia sepultura tubis apud antiquos celebrabatur. Plin. Epist. II, 7, 2: Qui nunquam tubarum sonum, nisi in spectaculis audiverunt. Varro L. L. V, 117 называетъ трубачей вообще sacrorum tubicines, a (VI, 14) трубы sacrorum tubae. Tubae, равно какъ и tibiae, не употреблялись при квиритскомъ богослуженіи. Tubicines праздновали Tubilustria въ послѣдній день Квинкватріевъ. Ср. Kal. Maff., Farn. и Vat. y Orelli I. I. Они поклонялись, стало быть, какъ и tibicines, Минервѣ. Ср. Müller Etr. II, 50.

401) См. пред. пр. Haruspices были всегда Этруски. Müller Etr. II, 15. A. 54.

402) Strabo V, 2, § 2. Кромѣ fasces, secures, tubae, дивинацій, принесенныхъ въ Римъ изъ Этруріи, онъ выводитъ еще оттуда же жертвы (*ἱεροποιΐαι*).

403) Cic. Div. I, 42, 43. Clem. Alex. Strom. I, 306. ed. Sylb. y Мюллера Etr. II, 179.

404) Liv. V, 1: Etrusci, quod religione imbuti, studiosius et crebrius hostias immolabant.

405) Gell. I, 7. Cic. Legg. II, 9: Haruspices quibus diis creverint, procuranto. Они назначали сами жертвы, которыя должно было приносить. Cic. ib. II, 9: Jam illud ex institutis pontificum et haruspicum non mutandum est, quibus hostiis immolandum cuique deo, cui majoribus, cui lactentibus, cui maribus, cui feminis.

406) Liv. XXV, 16. XXVII, 26. Plin. XI, 73.

407) Cic. Verr. I, 10. Гаруспексы были постоянно въ Римѣ и жили въ Велабрѣ. Plaut. Curcul. IV, 1, 22.

408) Cic. de Div. I, 16, 28: Nam ut nunc extis, quamquam id ipsum aliquanto minus quam olim — magnae rei impertiri solebant.

409) Serv. Virg. Aen. IV, 56. Macr. Sat. III, 5: Cum enim Trebatius libro primo de religionibus doceat hostiarum genera esse duo, unum in quo voluntas dei per exta disquiritur, alterum in quo sola anima deo sacratur, unde etiam haruspices animales has hostias vocant.

410) Müller Etr. II, 181.

411) Liv. XXXIV, 16. Консулъ Постумій говоритъ объ обрядѣ вакханалій: hac vos religione innumerabilia decreta pontificum, senatusconsulta, haruspicum denique responsa liberant. Quotiens hoc patrum avorumque aetate negotium est magistratibus datum, ut — omnem disciplinam sacrificandi, praeterquam more romano, abolerent. Cic. Legg. II, 12. см. пр. 405. Macr. Sat. III, 2: Nam ex disciplina haruspicum et ex praecepto pontificum verbum porricere solemne sacrificantibus est.

412) Macr. Sat. I, 16: Anno ab urbe condita CCCLXIII a tribunis mil. — in Senatu tractatum, quid esset propter quod totiens intra paucos annos male esset afflicta respublica, et ex praecepto patrum L. Aquinium haruspicem in Senatum venire jussum religionum requirendarum gratia dixisse, Q. Sulpicium tribunum militum ad Alliam adversus Gallos pugnaturum rem divinam dimicandi gratia fecisse postridie Idus Quinctiles; item apud Cremeram multisque aliis temporibus et locis post sacrificium die postero celebratum male cessisse conflictum: tunc patres jussisse, ut ad collegium pontificum de his religionibus referretur; pontificesque statuisse postridie omnes Calendas, Nonas, Idus atros dies habendas etc. Касательно libri rituales и fatales Этрусковъ будемъ говорить во второмъ разсужденіи.

413) Liv. XXII, 57.

414) Macr. I, 7.

415) Plut. Qu. Rom. p. 143. Reisk. Tertull. de spect 12. Serv. Virg. Aen. XII, 606.

416) Müller Etr. II, 221.

417) Tertull. de spect. 12. Serv. Virg. Aen. X, 519.

418) Въ опроверженіе этого нельзя приводить въ примѣръ ни Аквиліевъ, изъ которыхъ первый, который былъ въ 265 году отъ п. гор. консуломъ, носитъ названіе Tuscus въ фастахъ, ни Тарквиніевъ, ни родственныхъ съ ними Юніевъ, потому что Тарквиніи вовсе потомъ не встрѣчаются въ фастахъ, а Юніи были всегда плебеи. Dion. Hal. X, 18: *Ἰούνιος δὲ μὲν Βροῦτος, ὁ τὴν βασιλείαν ἐκβαλὼν — γενεὰν οὔτ ἄῤῥενα καταλιπὼν οὔτε θήλειαν, ὡς οἱ τὰ Ῥωμαίων σαφέστατα ἐξητακότες γράφουσιν, τεκμήρια μὲν καὶ ἄλλα πολλὰ τούτου φέροντες, ὑπὲρ ἅπαντα δ' — ὅτι πατρικίων γένους ἐκεῖνος ἦν· οἱ δ' ἀπ' ἐκείνης ἑαυτοὺς λέγοντες τῆς οἰκίας εἶναι, Ἰούνιοί τε καὶ Βρoῦτοι, πάντες ἦσαν πλήβιοι κ. τ. λ.* Cic. Phil. I, 6. Tusc. Disput. IV, 1. Brut. 14. Aquilii не являются въ фастахъ до самой галльской войны. Aquilius Corvus, выбранный въ 368 году отъ постр. гор. trib. mil. cons. pot., уже потому могъ быть плебеемъ. Первый исторически достовѣрный консулъ изъ Аквильской фамиліи упоминается въ 491 году отъ постр. города. Оттого вѣроятно Aquilii, Junii и многіе другіе внесли позднѣе своихъ предковъ въ древніе Fasti. Впрочемъ вѣроятно они получили свое прозвище и отъ того, что принадлежали къ партіи Тарквиніевъ и руководили ею. Liv. II, 4. Dion. Hal. V, 6.

419) Flor. I, 1: Asylum facit: et statim mira vis hominum Latini, Tuscique pastores etc.

420) Serv. Virg. Aen. V, 564. Varro L. L. V, 46. Caelius mons a Coelio Vibenno Tusco duce nobili, qui cum sua manu dicitur Romulo venisse auxilio contra Tatium regem. Онъ приходитъ по Dion. II, 36, 37 со многими фамиліями въ Римъ. Cic. de Rep. II, 8. Fest. p. 34. Prop. IV, 2, 49. Tac. Ann. IV, 65.

421) Dion. II, 56: *Τῶν δὲ αἰχμαλώτων τῶν Οὐϊεντανῶν τοὺς μὲν ἀπιέναι βουλομένους ἀφῆκεν — τοὺς δὲ αὐτοῦ μένειν προαιρουμένους, πολλῷ πλείους ὄντας τῶν ἑτέρων πολίτας ποιησάμενος κ. τ. λ.*

422) Dion. III, 42: *ἐγένοντο δὲ οἱ σὺν αὐτῷ ἀπαίρειν προθυμηθέντες συχνοί.* Ib. 48.

423) Orat. Claud. у Gruter. p. 502: Servius Tullius, si nostros sequimur, captiva natus Ocrisia; si Tuscos, Caeli quondam Vibennae sodalis fidelissimus, omnisque ejus casus comes: postquam varia fortuna exactus cum omnibus reliquiis Caeliani exercitus Etruria excessit, montem Coelium occupavit et a duce suo Coelio ita appellitavit, mutatoque nomine, nam

tusce Mastarna ei nomen erat, ita appellatus est, ut dixi, et regnum summa cum reipublicae utilitate obtinuit.

424) Fest. p. 120: Patricius vicus Romae dicitur eo, quod ibi patricii habitaverunt, jubente Servio Tullio ut, si quid molirentur adversus ipsum ex locis superioribus opprimerentur. Liv. I, 41: Servius praesidio firmo munitus — regnavit.

425) Varro L. L. V, 46: Hinc post Coelii mortem, quod nimis munita loca tenerent, neque sine suspicione essent, deducti dicuntur in planum.

426) Liv. II, 14: Ibi benigne excepti, divisique in hospitia. Діонисій V, 36 говоритъ, что Римляне привезли разсѣянныхъ этрусскихъ солдатъ въ своихъ повозкахъ въ Римъ.

427) Dion. I. l. Schol. Crucq. ad Hor. Sat. II, 3, 228. Fest. p. 153, 271.

428) Fest. p. 42: Celeres antiqui dixerunt, quos nunc equites dicimus, a Celere interfectore Remi, qui initio a Romulo iis praepositus erat. Plin. XXXIII, 9. Equidem etiam nomen ipsum saepe variatum est — Celeres sub Romulo regibusque appellati sunt etc.

429) Paternus у Ioannes Lydus p. 128: *προςτέθεικε δὲ καὶ τριακοσίους ἱππότας ταῖς δυνάμεσι, Κελερίῳ τινὶ οὕτω καλουμένῳ τὴν φροντίδα τούτων παραδούς· ταύτῃ συνεκδοχικῶς ἅπας ὁ στρατὸς Κελέριοι τότε προςηγορεύθησαν.* Діонисій Галикарнасскій II, 13 и 64 придаетъ это имя цѣлому войску.

430) Dion. Hal. II, 13. См. пред. пр.

431) Tzetz. Chil. IX, v. 900 ed. Kiessl.:

Κέλλερας ὀνομάζουσι τοὺς ταχινοὺς Ῥωμαῖοι,
Ἐκ τινος Κέλλερε (Kiessl. предполагаетъ *Κέλλερ*) *Τυῤῥηνοῦ, ὃν Κέλλερα ἔφην.*

432) Plut. Rom. 10 Tzetz. ib. v. 908.

433) Dion. Hal. I, 87: *Κελέριον — ὃς ἦν ἐπιστάτης τῶν ἔργων.* Ovid. Fast. IV, 837: Hoc Celer urget opus, quem Romulus ipse vocarat.

434) Военная обувь (crepidae) была вѣроятно этрусская. Serv. Virg. Aen. VIII, 458. Точно также металлическіе шлемы (cassides) и перевязи (baltei). Двѣ послѣднія вещи имѣли даже этрусское названіе. Isid. Orig. XVIII, 14. Varro у Sosipater I, p. 51. P. S. Müller Etr. I, p. 392.

435) Liv. IX, 39: Etrusci lege sacrata coacto exercitu, quum vir virum legisset.

436) Dion. IV, 22. Athen. Deipn. VI, 106: *Ἔλαβον δὲ καὶ παρὰ Τυῤῥηνῶν τὴν σταδίαν μάχην φαλαγγηδὸν ἐπιόντων.*

437) Müller Etr. II, 149 sq.

438) Liv. I, 38: Equi pugilesque ex Etruria maxime acciti.

439) Serv. Virg. Aen. VIII, 636.

440) Ioann. Lyd. p. 135: *Πρόοδος δὲ τοῖς πατρικίοις ἐκ ποδὸς μὲν οὐδέποτε, ἀλλ' οὐδὲ ἱππικῇ (κοινὴ γὰρ ἐδόκει) σχήμασι δὲ ἐπισήμοις—τεσσάρων ἡμιόνων ἑλκόντων τὸ σχῆμα.*

441) Plut. Rom. p. 110.

442) Liv. XXIII, 14. Dictator M. Junius Pera, rebus divinis perfectis, latoque, ut solet, ad populum, ut equum ascendere liceret, etc. Zonar. I, p. 338 ed. Duc.: *πλὴν ὅτι μὴ ἐφ' ἵππῳ ἀναβῆναι ὁ δικτάτωρ ἐδύνατο, εἰ μὴ ἐκστρατεύεσθαι ἔμελλε.* Извѣстіе пріобрѣтаетъ болѣе важности потому, что оно, какъ почти все у Зонара, почерпнуто у Діона Кассія. Plut. Fab. Max. *δικτάτωρ Φάβιος—πρῶτον μὲν ᾐτήσατο τὴν σύγκλητον ἵππῳ χρῆσθαι παρὰ τὰς στρατείας· οὐ γὰρ ἐξῆν, ἀλλ' ἀπηγόρευτο κατά δή τινα νόμον παλαιόν κ. τ. λ.*

443) Plin. XXXIII, 4.

444) Flor. I, 4.

445) Flor. I. l. Dion. Hal. II, 70.

446) Plut. Rom. 25. Fest. s. v. Sardi. Plin. XXXIII, 4: Unde mos bullae duravit, ut eorum qui equo meruissent, filii insigne id haberent.

447) Dion. Hal. VII, 72.

448) Cic. pro Mur. 19. L. Otho, vir fortis, necessarius meus, equestri ordini restituit non solum dignitatem, sed etiam voluptatem. Itaque lex haec, quae ad ludos pertinet, est omnium gratissima, quod honestissimo ordini cum splendore fructus quoque jucunditatis est restitutus. Vell. Pat. II, 32. Otho Roscius lege sua equitibus in theatro loca restituit. См. Huschke, Verfassung des K. Servius. Иначе судятъ объ этомъ братья Stockm. de legg. Rom. theatr. II, p. 27. По Ливію всадникамъ и сенаторамъ даны были особенныя мѣста еще Тарквиніемъ Прискомъ (I, 15).

449) Уже нѣкоторые изъ древнихъ имѣли ложное мнѣніе, что всадники выбирались изъ курій; но они все таки этимъ не хотѣли сказать, что всадники были патриціи, ибо ставили куріи въ связь съ цѣлымъ народомъ. Fest. p. 43. 43. Dion. II, 13. Ioann. Lyd. p. 128.

450) Dion. II, 50. Касательно того, что Tribunus Celerum былъ начальникомъ конницы, говорятъ Pomp. L. 2, § 15 de O. J. Dion. I. I.

451) Dion. II, 13: ὡς δὲ Οὐαλέριος ὁ Ἀντίας φησίν, ἐπὶ τοῦ ἡγεμόνος τοῦτ' ἔχοντες τοὔνομα· ἦν γὰρ (Celer) καὶ τούτων ἡγεμὼν ὁ διαφανέστατος, ᾧ τρεῖς ὑπετάγησαν ἑκατοντάρχαι, καὶ αὖθις ὑπ' ἐκείνοις ἕτεροι κ. τ. λ. Ioann. Lyd. I. I.

452) Патриціанское преданіе не считало патриціями царей неквиритскихъ; это видно изъ того, что всѣ они были не только peregrini, но и низкаго происхожденія. Ромулъ выросъ между пастухами, былъ воспитанъ распутною женщиною и даже усыновленъ ею по нѣкоторымъ. Отецъ Тулла Гостилія былъ бѣглецъ, принятый въ infame asylum. Macr. Sat. I, 6. Онъ самъ былъ въ юности пастухомъ. Val. Max. III, 4, 1. Тарквиній Прискъ былъ сынъ купца. Val. Max. I. I. 2. Сервій родился по римскому преданію отъ невольницы, ib. 3. Весьма вѣроятно, что неквиритскіе цари были всадники. Есть извѣстіе, что Туллъ Гостилій получилъ буллу всадника изъ рукъ Ромула (Macr. Sat. I, 6), а Тарквиній Гордый отъ своего отца. Plin. XXXIII, 4. Aur. Vict. 6. Plut. Qu. R. p. 157. Объ Сервіи говорятъ, что онъ юношею еще служилъ въ конницѣ. Dion. Hal. IV, 3. Ἀντίπαις — ἐν τοῖς ἱππεῦσι τεταγμένος κ. τ. λ. — Нѣтъ ничего удивительнаго, что римскіе цари не были патриціи. Патриціатъ былъ первоначально до Анка замкнутою жреческо-патріархальною общиною, въ которую цари неквиритскіе не могли быть приняты, какъ первосвященники совершенно другаго культа. Оттого то всѣ извѣстія касательно принятія въ патриціатъ Сервія и Тарквинія Приска вѣроятно сочинены прагматическими историками, ибо они, зная что эти цари не были первоначально патриціями, не могли понять, какимъ образомъ они могли сдѣлаться царями, не будучи патриціями. Жреческія учрежденія Востока представляютъ намъ примѣръ совершенно аналогическій, ибо и въ Индіи, и въ Египтѣ цари принадлежали не къ господствующей жреческой кастѣ, а къ кастѣ военной. Хотя въ Римѣ нельзя предполагать кастъ, но все таки Египетъ представляетъ аналогію и тѣмъ, что здѣсь также какъ и въ Римѣ цари и воины были происхожденія чуждаго и исповѣдывали другую религію. Но объ этомъ болѣе въ слѣдующемъ разсужденіи. Неквиритскіе цари являются какъ Tribuni Celerum уже потому, что они всегда были либо начальниками конницы, либо начальниками войска. Объ Туллѣ Гостиліи извѣстно правда только, что онъ еще юношею оказалъ большія услуги въ войнѣ съ Сабинами. См. Aur. Vict. de V. ill. 4. Объ немъ не говорятъ какъ о предводителѣ война, потому что при его предшественникѣ не было войнъ. Тарквиній Прискъ былъ начальникомъ конницы при Анкѣ. Dion. IV, 6. III, 14. Dio Cass. Excerpt. p. 9. Сервій исправлялъ эту должность при Тарквиніи. Dion. IV, 3: τῶν ἱππέων ἀποδειχθεὶς ἡγεμὼν κ. τ. λ. Когда царь заболѣвалъ, онъ исправлялъ его должность (Dion. IV, 3, extr. Liv. I, 14). Стало быть это была обязанность Tribuni Celerum. Pomp. L. 2. § 15 de O. J.: (Trib Celerum) secundum locum a regibus tenebat. Inc. auct. de mag. et sac. p. R. ed. Huschke:

Tribunus Celerum regi proximus erat. Ioann. Lyd. p. 131 объ Ромулѣ: πάσης αὐτὸν (Целера) δυνάμεως καὶ τύχης καὶ διοικήσεως κρατεῖν ἐγκελευσάμενος. Послѣ смерти своего предшественника Сервій собралъ народъ (Dion. IV, 5 extr.); это право принадлежало, какъ мы увидимъ послѣ, кромѣ царя только трибуну Celerum. Dion. IV, 76: Брутъ говоритъ какъ Tribunus Celerum: συνάξω μὲν ἐγὼ τὴν ἐκκλησίαν — ἐπειδὴ συγκεχώρηταί μοι κατὰ νόμον.

453) Varro L. L. V, 82: Magister equitum, quod summa potestas hujus in equites et accensos, ut est summa populi dictator, a quo is quoque magister populi appellatur. Cic. Legg. III, 4. Въ другомъ мѣстѣ скажемъ болѣе о первоначальномъ отношеніи патриціевъ и всадниковъ другъ къ другу.

454) Pomp. de O. J. L. 2. §. 12: Et his dictatoribus magistri equitum injungebantur sic, quomodo regibus Tribuni Celerum.

455) Val. Max. III, 4, 2. Dion. Hal. III, 46.

456) Dion. Hal. III, 48: δῶρα διδούς, καὶ χρήματα παρέχων εἰς τὰς πολεμικὰς χρείας. Excerpt. D. Cass. p. 9: πλούτῳ κατὰ καιρὸν χρώμενος. Liv I, 34: Romanis conspicuum eum novitas divitiaeque faciebant. Dion. l. l.: καὶ τὸ δημοτικὸν πλῆθος — χρημάτων μεταδόσει οἰκείως ἔχειν αὐτῷ παρεσκεύασεν.

457) Macr. Sat. I, 10. III, 6. Gell. VI, 7 Единственный купецъ, имя котораго намъ сохранило преданіе, Octavius Hersenna, построившій храмъ Геркулеса, происходилъ, какъ кажется, изъ Этруріи, ибо былъ прежде флейщикомъ. Macr. Sat. III, 6. Serv. Virg. Aen. III, 363.

458) Müller Etr. I, 305 sq. О двойномъ Янусѣ на монетахъ p. 309.

459) Plin. XXXIII, 13.

460) См. выше. Римскіе всадники, какъ извѣстно, занимались потомъ морскою и сухопутною торговлей; по видимому это не было нововведеніемъ, а изстари такъ велось. Замѣчательно, что капитаны кораблей (ductores navium) назывались equisones (Non. s. v.): это имя должно было первоначально означать управляющаго лошадью, и было слѣдовательно заимствовано отъ конницы.

461) Draco Corcyr. у Athen. XV, 46.

462) Ovid. Fast. VI, 401. Serv. Virg. Aen. VIII, 20. Prop. V, 2, 7 sq.

463) Ascon. in Cic. Verr. Act. II, 1, 59. Vertumnus autem deus invertendarum rerum est, i. e. mercaturae. Янусъ правда не упоминается никогда какъ богъ торговли, но въ пользу этого мнѣнія говоритъ то, что передъ его изображеніями ростовщики и ремесленники производили дѣла свои (Schol. Acron. ad Hor. Epist. I, 1, 54. Cic. Phil. 7, 6. 6, 5), что арки, которыя проходили между лавками (tabernae), окружающими форумъ, назывались jani, и что даже въ колоніяхъ jani и tabernae упоминаются вмѣстѣ и однозначительны. Liv. XLI, 27. Ср. Шмидъ къ Hor. Epist. I, 1, 54.

464) Ср. Шмидъ къ Hor. Epist. I, 20. I, 5. пр. 377 и предыд.

465) Schol. Acron. ad Hor. Sat. II, 3, 228: quia omnes ibi (in vico Tusco) habitant negotiatores.

466) Schol. Acron. ad Hor. Epist. I, 1, 54: Janus dicebatur locus, in quo solebant convenire feneratores.

467) Hor. Sat. II, 3, 228

Edicit, piscator uti, pomarius, auceps,
Unguentarius ac Tusci turba impia vici etc.

Cum scurra fartor, cum Velabro omne Macellum,
Mane domum veniant.

Schol. Acron. ad h. l: Deinde quod in vico thurario ante meretrices prostabant. То же самое подтверждаетъ Plaut. Curcul. IV, 1, 21; cp. id Cistell. II, 3, 21. Тамъ продавались ладанъ и благовонныя масла по Hor. Epist. II, 1, 269, цвѣты по Colum. de cultu hort. v. 308. Тамъ же во время Марціала (II, 21) торговали шелковые фабриканты. Haruspices жили въ Velabrum, т. е. возлѣ Vicus Tuscus; см. выше.

468) См. пр. 399.

469) О гаруспексахъ и meretrices см. выше. Scurrae были не иные кто, какъ такъ называемые ludii, которые не только первоначально прибыли изъ Этруріи, но и впослѣдствіи были всегда Этруски. Liv. VII, 2. Plaut. Curcul. I, 2, 63. Сценическое искусство въ Римѣ вышло изъ Этруріи. Müller Etr. II, 214 ff. II, 284. Изъ Этруріи вышла также Fescennia jocatio.

470) Тѣмъ болѣе потому, что Этрурія считалась въ древности землею ремеслъ. Athen. XV, 60: ποικίλαι γὰρ ἦσαν αἱ παρὰ τοῖς Τυῤῥηνοῖς ἐργασίαι, φιλοτέχνων ὄντων τῶν Τυῤῥηνῶν.

471) Ovid. Fast. V, 671. Festus: Majis Idibus mercatorum dies festus erat: quod eo die Mercurio aedes esset dedicata. Въ одной надписи (Orelli 1410) читаемъ: Mercurio Negotiatori. Liv. II, 27. Joann. Lyd. p. 90.

472) См. пр. 376.

473) Plut. y Pitisc. Lex. Ant. Rom. s. v. Janus.

474) Plut. Qu. R. p. 105. Tert. ad nat. II, 10. Lact. I, 20. Schol. Juv. VI, 250.

475) См. выше.

476) Cic. Verr. V, 14. Id. Legg. III, 3. Fest. p. 12: Aedilis initio dictus est magistratus, qui aedium non tantum sacrarum, sed etiam privatarum curam gerebat. Dion. Hal. VI, 20. Fest. p. 174: Murrata potione usos antiquos indicio est, quod etiam nunc aediles per supplicationes diis addunt ad pulvinaria etc. Göttl. p. 298.

477) Serv. Virg. Aen. I, 8: (Musis) Numa aediculam aeneam brevem posuit. Такою же aedicula brevis былъ и храмъ Весты. Serv. Virg. Aen. IX, 4. Vestae aediculam non templum statuit. Преданіе говоритъ не безъ основанія, что царь квиритскій Тацій построилъ въ Капитоліи и въ куріяхъ алтари, но не храмы. Кромѣ того храмъ Весты отличался отъ этрусскихъ храмовъ тѣмъ, что былъ круглый (Fest. s. v. Rotundam), они же напротивъ четвероугольные. Müller Etr. II, 230. Квиритскіе храмы, какъ кажется, были со сводами. См. пр. 140.

478) Serv. Virg. Aen. I, 446: antiqui enim aedes sacras ita templa faciebant, ut prius per augures locus inaugurarctur effareturque etc. Varro y Gell. XIV, 7: non omnis aedes sacras templa esse, ac ne aedem quidem Vestae templum esse. Serv. Virg. Aen. VII, 153: Unde templum Vestae non fuit augurio consecratum. Объ этрусскомъ вліяніи на римскія авгуріи болѣе въ другомъ мѣстѣ.

479) Müller Etr. II, 124 sq. 137 sq. Оттого то при постройкѣ Капитолія были спрошены этрусскіе гаруспексы. См. выше. Вообще при постройкѣ храмовъ употребляли гаруспексовъ. Plin. Epist. IX, 39. Храмъ Цереры, Либера и Либеры, построенный въ 261 г. отъ основанія города Спуріемъ Кассіемъ, былъ расположенъ по образцу этрусскихъ храмовъ. Müller Etr. II, 220. На этрусское происхожденіе собственныхъ храмовъ указываетъ преданіе тѣмъ, что оно называетъ этрусскаго Януса первымъ строителемъ храмовъ. Macr. Sat. I, 9.

480) Fest. p. 174. См. пр. 476. — Liv. XL, 2: Senatus — supplicationes — circa omnia pulvinaria decrevit hostiisque majoribus sacrificari jussit. На пульвинаріяхъ стояли изображенія боговъ; отъ этого намъ кажется, что обрядъ суппликацій былъ связанъ съ антропоморфическимъ культомъ.

481) Liv. l. l.: Quum consul edixisset, ut omnes aedes sacrae aperirentur, pro se quisque ex concione ad gratias agendas iret diis. Нечего говорить, что храмъ Весты и регія были изъ этого исключены.

482) Большія игры были до 389 года отъ постр. города подъ вѣденіемъ плебейскихъ эдиловъ. Liv. VI, 42. VII, 1. Въ ихъ завѣдываніи были также игры въ честь Флоры, Цереры, Либера, Либеры и Вулкана, потому что культъ этихъ боговъ былъ гораздо древнѣе учрежденія патриціанскихъ эдиловъ.

483) Это ясно изъ сравненія Liv. II, 36 и Val. Max. I, 7, 4, гдѣ расказывается о сновидѣніи Атинія. Ливій: Ludi forte ex instauratione magni Romae parabantur. Валерій Максимъ: Cum plebejis ludis, etc. Ср. Hartung l. I. II, p. 17.

484[a]) Liv. l. l. Tib Atinio de plebe homini somnium fuit. Val. Max. l. l. T. Atinio homini ex plebe Jupiter in quiete praecepit.

484[b]) Мы видѣли выше, что Нептунъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ всадникамъ, Меркурій, Янусъ и Вертумнъ къ купцамъ, Вулканъ къ рыбакамъ. Fest. s. v. piscatorii ludi.

485) Paull. p. 102: Majores flamines appellabantur patricii generis, minores plebeji. Патриціанскіе фламины были Dialis, Martialis, Quirinalis. Orat. pro domo c. 14. Они одни были учреждены Нумою. Изъ плебейскихъ фламиновъ извѣстны намъ слѣдующіе: Volturnalis, Palatualis, Furinalis, Floralis, Falacer, Pomonalis (Varro de L. L. VII, 45), Portunalis (Fest. s. v. Persillum), Carmentalis (Cic. Brut 14) и Volcanalis. Varro V, 84. Культъ Цереры является плебейскимъ уже потому, что въ храмѣ Цереры находился плебейскій архивъ.

486) Они были scribae pontificum (Liv. XXII, 57: L. Cantilius scriba pontificis, quos nunc minores pontifices vocant) и сдѣлались потомъ сами участниками коллегіи понтифексовъ, судя по Orat. de har. resp. 6. Такимъ scriba былъ вѣроятно отпущенникъ Cn. Flavius, который обнародовалъ fasti и actiones. Liv. IX, 46: Civile jus repositum in penetralibus pontificum revulgavit.

487) Macr. Sat. I, 15: Priscis temporibus pontifici minori haec provincia delegabatur, ut novae lunae primum observaret aspectum: visumque regi sacrificulo nuntiaret. Itaque sacrificio a rege et minore pontifice celebrato, idem pontifex calata in Capitolium plebe, juxta Curiam Calabram, — quot numero dies a Calendis ad Nonas superessent, pronuntiabat. Во всѣ календы совершалъ тотъ же самый pontifex minor жертву Юнонѣ въ Куріи Калабрѣ. Macr. l. l. Verr. Fast. Praen. Cal. Jun. quos Pontifex minor quolibet mense ad nonas singulas calat in Capitolio in Curia Calabra. Pontifices minores являются на надписяхъ: Orelli 6113, 2153.

488) Macr. Sat. I, 13. То же самое говоритъ онъ о нундинахъ по Гранію Лициніану I, 16. Обычай жертвовать Ларамъ на Календы, Ноны и Иды былъ также вѣроятно обычай плебейскій.

489) Cic. de Legg. II, 21, 5.

490) Cic. Verr. V, 19, 48: Capitolium apud majores nostros publice coactis fabris operisque imperatis exaedificatum est. Liv. I, 56: minus tamen plebs gravabatur templa deûm exaedificare manibus suis. Tac. Hist. III, 72: sociorum studio. Ambrosch 225. A. 91. 491

Liv. II, 22: (Latini) coronam auream Jovi donum in Capitolio mittunt; cum legatis donoque magna circumfusa multitudo venit. Id. III, 57: (Latini et Hernici) coronam auream in Capitolium tulere. Карѳагеняне и Памфилійцы приносили дары въ Капитолій. Liv. VII, 38. Id. XLIV, 14. Такъ какъ есть извѣстіе, что Памфилійцамъ было позволено принести жертву въ Капитоліи (Liv. l. l.), то вѣроятно этимъ правомъ тѣмъ болѣе еще пользовались союзники, ибо они стояли ближе къ Римлянамъ, нежели Памфилійцы, и сами поклонялись Юпитеру. Вообще первоначально существовали, какъ кажется, взаимныя религіозныя сношенія между латинскими и римскими поклонниками антропоморфическаго культа; ибо съ одной стороны Feriae Latinae праздновались въ Капитоліи, съ другой римскіе тріумфаторы должны были приносить жертвы на Альбанской горѣ Юпитеру Лаціальскому (Latialis) Въ обоихъ мѣстахъ антропоморфическіе культы возникли подъ этрусскимъ вліяніемъ. См. пр. 375.

492) Plin. XXVII, 7, 28: Siquidem Latinarum feriis quadrigae certant in Capitolio.

493) Serv. Virg. Aen. XI, 134. Liv. II, 37.

494) Dion. VI, 95: τὴν δὲ προστασίαν καὶ τὴν ἐπιμέλειαν τῶν ἐν αὐταῖς γινομένων θυσιῶν τε καὶ ἀγώνων, οἱ τῶν δημάρχων ὑπηρέται παρέλαβον, οἱ τὴν νῦν ἀγορανομικὴν ἔχοντες ἐξουσίαν.

495) Plut. Qu. Rom. p. 150 ed. R.

496) Ливій говоритъ, что это было подтверждено закономъ лишь послѣ осужденія Манлія. Liv. VI, 20: Adjectae mortuo (Manlio) notae sunt: publica una, quod quum domus ejus fuisset, ubi nunc aedes atque officina Monetae est, latum ad populum est, ne quis patricius in arce aut Capitolio habitaret: gentilicia altera etc. Мы не говоримъ уже, что расказъ Ливія совершенно безсмысленъ, ибо такое запрещеніе было не столько позорно для умершаго Манлія, сколько для цѣлаго сословія патриціевъ. Этотъ законъ долженъ быть весьма древенъ: ежели бы онъ былъ изданъ послѣ галльской войны, то патриціи, о которыхъ говорится что они доселѣ жили въ Капитоліи, должны были по этому закону быть выгнаны изъ своихъ жилищь; а это еще возвысило бы незаслуженное униженіе патриціевъ, и походило бы на осужденіе цѣлаго сословія. Законъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть изданъ въ это время ни плебеями, ни патриціями, ибо первые оскорбили бы имъ память своего доброжелателя, а послѣднимъ не къ чему было осуждать добровольно самихъ себя. Все это выдумано, вѣроятно, позднѣе. При совершенномъ уже слитіи сакръ, когда Римляне не могли себѣ представить, что патриціи съ незапамятныхъ временъ были исключены изъ Капитолія, они старались себѣ объяснить это тѣмъ, что будто бы такое постоновленіе возникло позднее время. Благовиднымъ предлогомъ объяснить это явленіе служило осужденіе Манлія; этимъ воспользовались, и обычай стародавній начали считать постановленіемъ, возникшимъ непосредственно за упомянутымъ происшествіемъ. Точно также ходило мнѣніе, что жрецы были освобождены отъ военной службы послѣ галльской войны, между тѣмъ какъ это учрежденіе было весьма древнее. Наконецъ мы должны еще замѣтить, что и коллегія, образовавшаяся послѣ отступленія Галловъ изъ жителей Капитолія для Капитолійскихъ игръ, была учрежденіе древнее и плебейское. Это ясно изъ того, что Капитолійскія игры, судя по словамъ Пизона, учреждены не послѣ галльской войны, какъ говоритъ Ливій (Liv. V, 52: Capitolinos ludos sollemnibus aliis addidimus), но еще Ромуломъ (Tertull. de Spect. 5); поэтому и Collegium Capitolinum было учрежденіемъ не менѣе древнимъ. Патриціи уже потому не могли быть членами коллегіи Капитолійской, что игры были вообще учрежденіемъ плебейскимъ: ими тогда еще и завѣдывали плебейскіе эдилы.

497) Liv. V, 40. Val. Max. 1, 1, 10. Plut. Cam. 20: *ἐν πρώτοις δὲ τῶν ἱερῶν ἃ μὲν εἰς τὸ Καπιτώλιον ἀνεσκευάσαντο· τὸ δὲ πῦρ τῆς Ἑστίας αἱ παρθένοι μετὰ τῶν ἱερῶν ἁρπασάμεναι ἔφυγον — τὰ πλεῖστα τῶν ἱερῶν τότε τὰς κόρας ἐμβαλούσας εἰς πίθους δύο κατὰ γῆς κρύψαι ὑπὸ τῷ νεῷ τοῦ Κυρίνου. Τὰ δὲ κυριώτατα καὶ μέγιστα τῶν ἱερῶν αὗται λαβοῦσαι φυγῇ παρὰ τὸν ποταμὸν ἐποιοῦντο τὴν ἀναχώρησιν.*

498) Въ куріяхъ производилась инаугурація трехъ квиритскихъ фламиновъ. Gell. XV, 27. Testamenta, sacrorum detestatio и arrogatio, принадлежали также къ вѣдѣнію куріальныхъ собраній. Въ такихъ собраніяхъ курій, касавшихся семейнаго права, предсѣдательствовалъ Pontifex Maximus.

499) См. Varro VI, 21 о сакраріумѣ Opis Consiviae въ регіи; Serv. III, 12 о пенатахъ; Lamprid. Heliog. 6 о penus Vestae.

500) Fest. s. v. Majores flamines. Orat. p. d. 14.

501) Dion. II, 46: *Τάτιος δὲ ὁ βασιλεὺς καὶ σὺν αὐτῷ τρεῖς ἄνδρες τῶν διαφανεστάτων ὑπέμειναν ἐν Ῥώμῃ — Οὐόλεσσος Οὐαλέριος, καὶ Τύλλος Τύραννος ἐπίκλησιν καὶ τελευταῖος Μέτιος Κούρτιος.*

502) См. 1-ю гл. и въ 2-й гл. пр. 544—564.

503) Varro L. L. V, 74. См. ниже.

504) Много сабинскаго, о чемъ говорится у древнихъ, не находимъ мы вовсе у Римлянъ. Такъ говорятъ, что жрецовъ называли они Cupenci, а Марсъ носилъ имя Mamers. Serv. Virg. Aen. XII, 538. Varro L. L. V, 73. Есть достовѣрное извѣстіе, что Мартъ былъ у Сабинянъ четвертымъ мѣсяцемъ въ году, а между тѣмъ Нума, предполагаемый Сабинянинъ, далъ ему въ своемъ календарѣ 3-е мѣсто. Ovid. Fast. III, 94. Въ Альбѣ и Ариціи имѣлъ онъ то же мѣсто какъ и въ квиритскомъ году. Ib. v. 89, 91.

505) По Катону онъ былъ отцемъ Саба (Sabus), родоначальника сабинскаго народа. Serv. Virg. Aen. VIII, 638. Sil. VIII, 424:

> Ibant et laeti, pars Sancum voce canebant,
> Auctorem gentis, pars laudes ore ferebant,
> Sabe, tuas, qui de patrio cognomine primus
> Dixisti populos magna ditione Sabinos.

Dion. Hal. II, 49. — Schol. Porphyr. ad Hor. Epist. I, 10, 49: Vacuna apud Sabinos plurimum colitur dea, quae est sub incerta specie formata: quidam Minervam, alii Dianam putaverunt: nonnulli et Cererem esse dixerunt; sed Varro Victoriam. Plin. III, 17.

506) Fest. p. 20: Aureliam familiam ex Sabinis oriundam a sole dictam putant, quod ei publice a P. R. datus sit locus, in quo sacra faceret soli. Варронъ L. L. V, 68 говоритъ правда: Sol vel quod ita Sabini, etc.; но солнце называлось у Сабинянъ очевидно ausum (Fest. l. l. p. 8); отсюда произошло вѣроятно и имя Авроры. Это показываетъ намъ, какъ мало зналъ Варронъ сабинскій языкъ.

507) Маленькая часовня Санка стояла на Квириналѣ. Liv. VIII, 20. Plin. VIII, 48. О Вакунѣ нельзя сказать достовѣрно, поклонялись ли ей въ Римѣ. Старая, обвалившаяся часовня богини стояла возлѣ дачи Горація въ Тибурѣ, другая находилась близъ Реаты. Hor. Epist. I, 10, 49. Plin. III, 17. Овидій Fast. VI, 307 упоминаетъ antiquae sacra Vacunae; но ученый поэтъ могъ точно также привести чужестранные сакры для объясненія отечественныхъ обрядовъ Весталій.

508) Varro V, 74: Feronia, Minerva, Novensides a Sabinis. Paullo aliter ab eisdem dicimus Herculem, Vestam, Salutem, Fortunam, Fortem, Fidem. Et arae Sabinam linguam olent quae

Tatii regis voto sunt Romae dedicatae; nam, ut Annales dicunt, vovit Opi, Florae, Vedio, Jovi Saturnoque, Soli, Lunae, Volcano et Summano, itemque Larundae, Termino, Quirino, Vortumno, Laribus, Dianae Luciniaeque.

509) Dion. III, 32.

510) Müller Etr. II, 48.

511) Arnob. III, 470 G. Novensides Piso esse credit novem in Sabinis apud Trebiam constitutos Hos Granius Musas putat, consensum accommodans Aelio. Cincius numina peregrina novitate ex ipsa appellata pronuntiat. Nam solere Romanos religiones urbium superatarum partim privatim per familias spargere, partim publice consecrare; ac ne aliquid deorum praeteriretur, brevitatis causa uno pariter nomine cunctos Novensides invocari.

512) Aug. de C. D. IV, 23. См. Ambrosch. 160.

513 Dion. II, 50.

514) Plin. XV, 36.

515) Macr. Sat. I, 12: Cincio etiam Varro consentit, affirmans nomen Veneris ne sub regibus quidem apud Romanos vel Latinum vel Graecum fuisse. Ея не видно и въ саліискихъ пѣсняхъ. Cincius у Macr. ib.

516) I. I. 161 sq.

517) I. I. 168 sq.

518) Ambrosch. I. I.

519) См. выше. Dion. II, 65, 50.

520) Dion. II, 64. Въ другомъ мѣстѣ Діонисій приписываетъ учрежденіе вестальнаго культа Тацію. Plut. Num. 22.

521) См. пр. 59. Cic. de N. D. III, 2.

522) Plut Num. 7: (*Νουμᾶς*) *τοῖς οὖσιν ἱερεῦσι Διὸς καὶ Ἄρεος τρίτον Ῥωμύλου προσκατέστησεν, ὃν Φλαμίνα Κυρινάλιον ὠνόμασεν.* Aur. Vict. de V. ill. 3. Liv. I, 20. См. пр. 76.

523) По Плут., Cam. 18, Нума учредилъ фециальное право; по Liv. I, 32 Анкъ.

524) Liv. I, 20. См. пр. 83. Варронъ предполагалъ, что Саліи существовали уже до Нумы. L L. VII, 3.

525) Dion. II, 47. III, 67. Liv. I, 30. Plut. Rom. 20. См. Göttling p. 150 sq.

526) По Лив. I, 12 первыя три центуріи всадниковъ были учреждены послѣ соединенія съ Квиритами; по Плутарху Rom. 20 число всадниковъ было тогда только удвоено. Ливій приписываетъ первое умноженіе всадниковъ Туллу Гостилію, и это принимаетъ также Валерій Максимъ III, 4, 2. Діонисій Галикарнасскій II, 30 и 31 говоритъ только о принятіи Альбанцевъ въ трибы и куріи, но не говоритъ объ увеличеніи центурій всадниковъ при Туллѣ. Касательно удвоенія центурій всадниковъ Тарквиніемъ Прискомъ говорятъ разно Ливій (I, 36) и Цицеронъ (de Rep. II, 20).

527) Bunsen Beschr. d. Stadt Rom I, p. 131 ff. Sachse G. und B. der. alt. Stadt Rom I, p. 46 ff. 58 ff. Liv. I, 7, 30, 33, 45. Strabo V, 3, 7. Dion. II, 2. Plut. Rom. 10. Dion. II, 37. Serv. Virg. Aen. VI, 781. Dion. II, 62, 52. IV, 13, 14, 43. Varro у Serv. Virg. Aen. VI, 657. См. Aur. Vict. de V. ill. 4, 5, 7.

528) Macr. Sat. I, 6. Dion. III, 61. Ioann. Lyd. p. 119. Liv. I, 8.

529) Dion. II, 34. Plut. Rom. 16. Eutrop. 5.

530) Macr. Sat. I, 16.

531) Macr. Sat. I, 13.

531b) Cens. 20.

532) См. пр. 55.

533) Plin. XXXIV, 1. Flor. I, 6. Plin. XXXV, 46.

534) Cic. Nat. D. II, 3. Augurio Navii rex Hostilius multa bella gessit. Господствующее преданіе называетъ его современникомъ Тарквинія Приска.

535) Объ этой пѣсни упоминаетъ Ливій (I, 26) при Туллѣ Гостиліи, а Цицеронъ приписываетъ ее Тарквинію Гордому (Cic. Rab. 4).

536) Tacit. Ann. IV, 65 Dion. II, 37. Varro L. L. V, 46.

537) Liv. I, 13.

538) См. пр. 501.

539) См. пр. 11.

540) Serv. Virg. Aen. VII, 706. Suet. Tib. I. См. пр. 11.

541) Liv. I, 13. Serv. Virg. Aen. VII, 710. Dion. II, 47.

542) Plut. Rom. 20. Zonar. p. 318.

543) Serv. Virg. Aen. VII, 709.

544) См. выше. Serv. Virg. Aen. III, 12. Schol. Juv. IV, 61. Serv. Virg. Aen. II, 296. Macr. Sat. III, 4. И въ прочихъ древне-латинскихъ городахъ долженъ былъ находиться культъ пенатовъ и Весты, ибо эти города были основаны Альбою.

545) Juv. Sat. IV, 61. Orelli Inscr. 1393. 2240. Въ Тибурѣ: Orelli 2239.

546) Serv. Virg. Aen. VI, 678.

547) Plin. XVI, 87. Plut. Qu. Rom. p. 139. Reisk.

548) Varro L. L. V, 33. На религіозное родство Габійцевъ и Квиритовъ указываетъ то обстоятельство, что патриціи, изгнанные Тарквиніемъ, бѣжали въ Габіи. Dion. IV, 53.

549) Serv. I. I. Orelli 3420.

550) Serv. Virg. Aen. VIII, 285. Orelli 2247, 2248.

551) Serv. I. I.

552) Fest. p. 255. At Critolaus Saonem ex Samothrace cum Aenea deos penates, qui Lavinium transtulerit, saliare genus saltandi instituisse.

553) См. пр. 545. Ascon. Arg. in Mil. p. 41.

553b) Потому что въ Лавиніи и Тибурѣ поклонялись Вестѣ.

554) Cic. Mil. 10.

555) Ambrosch p. 56 и 76.

556) Varro L. L. V, 84. Flamines, quod in Latio capite velato erant semper.

557) См. выше. Serv. Virg. Aen. VII, 150.

558) Liv. I, 14. Dion. II, 52: *ἅμα Ῥωμύλῳ παραγενόμενος εἰς τὸ Λαβίνιον ἕνεκα θυσίας, ἣν ἔδει τοῖς πατρῴοις θεοῖς ὑπὲρ τῆς πόλεως θῦσαι τοὺς βασιλεῖς κ. τ. λ.*

559) p. 118.

560) Plut. Num. 13.

561) См. выше.

562) Dion. I, 64. Serv. ad Aen. I, 260.

563) Serv. Virg. Aen. XII, 139. См. выше.

563b) Lact. I, 22. Quod ut faceret aliqua cum auctoritate, simulavit cum dea Egeria nocturnos se habere congressus. Erat quaedam spelunca peropaca in nemore Aricino, unde

rivus perenni fonte manabat. Huc, remotis arbitris, se inferre consueverat, ut mentiri posset monitu deae conjugis ea sacra populo se tradere, quae acceptissima diis essent — — — Itaque pontifices, flamines, salios, augures creavit; deos per familias descripsit. Здѣсь нужно замѣтить, что право феціальное заимствовалъ Нума изъ Ардеи по Геллію у Dion. II, 72. Въ пользу этой древней религіозной связи Римлянъ съ Ардеатами говорятъ ежегодныя жертвоприношенія, совершавшіяся Римлянами въ ардеатской землѣ богинѣ Насціонѣ. Cic. de N. D. III, 18.

564) Isid. Orig. p. 291.

565) Gai. Inst. III, § 72. Ulp. III, 2. Plin. Epist X, 4, 6, 22, 23, 105, 108.

566) Ulp. V, 4.

567) За то Латины имѣли jus commercii, а вмѣстѣ съ тѣмъ право на квиритскую собственность и на всѣ дѣйствія, относящіяся къ ней. Ср. Savigny, Ueber die Entstehung der Latinität, p. 202. Ulp. XIX, 4. XX, 8.

568) Haubold, Opuscula Academica Vol. II. Praefat. Stieb. p. LXXXIII.

560) Rein. p. 46.

570) Они получили это только по закону Lex Valeria Horatia, который далъ рѣшеніямъ плебейскихъ комицій по трибамъ силу относительно всѣхъ вообще гражданъ.

571) Liv. II, 56.

ФАСТЫ ОВИДІЯ.

Опытъ характеристики одного изъ главнѣйшихъ источниковъ для изученія римской религіи.

Factum abiit, monumenta manent.
Ovid. Fast. IV, 709.

При изученіи отдаленныхъ, отжившихъ эпохъ исторіи, наиболѣе трудностей представляютъ тѣ отдѣлы, въ которыхъ мы по преимуществу встрѣчаемся съ жизнію духа: такова именно область языческой религіи съ ея миѳологіею и внѣшнимъ поклоненіемъ. Но какъ скоро произнесемъ мы имя религіи римской, трудность изученія представится намъ во всей своей силѣ, и что̀ въ другомъ случаѣ показалось бы неважнымъ или легко устранимымъ препятствіемъ, то здѣсь заставитъ задуматься всякаго, и самаго опытнаго изыскателя. Потому ежели гдѣ-нибудь, то именно здѣсь нужно быть осторожнымъ, и прежде, чѣмъ сказать что либо о существѣ и жизни римской религіи, слѣдуетъ съ особеннымъ вниманіемъ обратиться къ источникамъ ея уразумѣнія, дабы посмотрѣть, въ какой степени можемъ мы съ этой стороны предложить свои запросы римской древности, и въ какой мѣрѣ можемъ ожидать удовлетворительнаго отвѣта отъ ея свидѣтельствъ.

Мы избираемъ для этой статьи такой памятникъ римской словесности, который при изученіи римской религіи съ перваго разу останавливаетъ вниманіе. Таковы Овидіевы «Фасты», Ovidii Fastorum l. VI.

Какъ извѣстно, они представляютъ намъ расположенное по порядку римскаго календаря описаніе празднествъ, обрядовъ и церемоній, ихъ сопровождавшихъ, и потомъ поэтическое изображеніе тѣхъ боговъ, которые составляли предметъ поклоненія.

Содержаніемъ поэтическаго произведенія является такимъ образомъ современное Овидію состояніе народной религіи. Дѣло обычное и не новое въ исторіи древняго міра. Религіозныя представленія языческаго человѣчества, обособляясь съ обособленіемъ языковъ или, что то же, народовъ, въ своемъ постепенномъ развитіи находили себѣ ближайшее выраженіе въ народныхъ повѣрьяхъ и миѳологическихъ сказаніяхъ. При всемъ общемъ сходствѣ, въ миѳахъ видны уже у каждаго народа рѣзкія черты его особенностей, видны уже зачатки его первобытной народной и оригинальной фантазіи, первѣйшія основы его послѣдующаго художественнаго творчества. На порогѣ своей самостоятельной жизни, поэтическое творчество находится въ самой тѣсной связи съ основами народной миѳологіи. Оно является здѣсь какъ творчество эпическое, какъ *эпосъ*, т. е. какъ первое, по преимуществу поэтическое произведеніе *въ словѣ*. Таковъ въ особенности эпосъ Греціи, эпосъ эпоса, прародитель и родоначальникъ всѣхъ послѣдующихъ подобныхъ явленій. Но тѣ эпохи, которыя приводятъ съ собою явленіе эпоса, нерѣдко повторяются въ жизни одного народа, и на этомъ-то основано различіе между эпосомъ первобытнымъ и въ собственномъ смыслѣ народнымъ, эпосомъ первичнаго образованія, и эпосомъ повторившимся, послѣдующимъ, или, ежели угодно, художественнымъ, литературнымъ. Близостью къ исходнымъ началамъ народнаго развитія, совершеннымъ углубленіемъ въ нѣдро миѳической жизни, за-одно-дѣйствіемъ съ основными силами народнаго духа, непосредственностію созерцанія и свѣжестью простѣйшаго чувства, всѣмъ этимъ отличается такъ называемый народный эпосъ отъ эпоса вторичнаго, когда эпическое настроеніе снова обнаруживается въ жизни народа, послѣ долгаго пройденнаго пути, когда оно связывается съ первобытнымъ эпосомъ уже посредствомъ промежуточнаго развитія, когда выступаетъ отдѣльная творящая личность, говоритъ языкомъ обусловленнаго значенія, дѣйствуетъ силою уже обогащенныхъ средствъ искусства, творитъ не только съ окрѣпшимъ уже сознаніемъ дѣла, но нерѣдко съ осмотрительностію и даже рефлексіей.

Еще до Рима Италія была театромъ многообразныхъ переворотовъ и событій, событій той исторіи, которую со всею справедливостью можно назвать по отношенію къ государственной жизни Рима исторіей внутреннею: здѣсь, въ племенной жизни Италиковъ, вырабо-

тались и сложились тѣ элементы, которые нашли свое высшее, окончательное объединеніе въ формахъ римскаго государственнаго устройства; начала всего того, что̀ въ Римѣ достигло положительной прочности и наглядности внѣшняго политическаго факта, начала всего этого питались еще здѣсь прямо и непосредственно побужденіями и представленіями религіознаго сознанія; они-то, въ смутномъ еще броженіи, колебали до-римскій міръ, міръ Италиковъ, тѣми переворотами, которые выразились взаимною смѣною и борьбою племенъ. Разрозненность миѳическихъ представленій, отразившаяся и въ разрозненномъ бытѣ племенъ, не достигла въ Италіи развитія полной и цѣльной миѳологіи. Не было полноты и цѣльности, постепенности и непрерывной связи моментовъ: слѣдовательно не было главныхъ условій самоначальнаго творчества, и народный эпосъ не развился здѣсь въ той красотѣ и въ томъ величіи, какимъ представился онъ въ созданіяхъ Греціи [1]. Мало того: практическій смыслъ, ясность и положительность міровоззрѣній— счастливое наслѣдство, пріобрѣтенное Италіей послѣ тѣхъ глубокихъ и поражающихъ переворотовъ, которые не даромъ понесла на себѣ внутренняя жизнь древней Греціи, — все это какъ нельзя болѣе согласовалось съ простотою земледѣльческаго быта и мирною жизнію трудолюбиваго поселянина Италіи. Разрозненныя сами по себѣ миѳическія повѣрья и преданія, не достигая полноты и цѣльности образовъ, раздробились на мелкія народныя сказанія, ходили шутливою поговоркой, отозвались простою, и даже слишкомъ простою и немногосложною пѣсней, соединились тѣсно съ практическимъ интересомъ въ заговорѣ и заклинаніи, наконецъ вызвали игры и пляски, тѣ забавныя мимическія представленія, которыя долго лишены были всякаго оживленія словомъ поэзіи, и которыя всегда такъ любила Италія. Но сама Италія непосредственно отъ себя не оставила намъ слова о томъ, какъ жила она этою эпическою жизнью до Рима, не оставила намъ своего народнаго эпоса: его памятники, или лучше его слѣды, мы отличаемъ и находимъ уже въ жизни Рима, принимаемъ изъ его рукъ и, къ сожалѣнію, не всегда узнаемъ подъ тою печатью, которую налагала на нихъ особенность римскаго характера. Римъ не былъ призванъ для того, чтобы дальнѣйшею постепенностію своей жизни развить тѣ начала, которыя стекались въ него изъ нѣдръ Италіи, въ высшую форму народнаго эпоса, взять ихъ какъ непосредственное содержаніе искусства, оплодотворить ихъ въ философскомъ сознаніи и наукѣ. Не для

[1] Ср. о причинахъ этого явленія въ статьѣ «Миѳическая Италія», Пропилеи, книга II, отд. II, стр. 116.

того на его холмахъ сошлись представители главнѣйшихъ и лучшихъ племенъ Авзоніи. Миѳъ, выходившій изъ Италіи, не могъ дождаться судьбы лучшаго и дальнѣйшаго развитія на почвѣ римской жизни; народный эпосъ остался въ той же разрозненности и дробности своихъ небогатыхъ созданій, въ той же близости ко вседневному и практическому пониманію, съ тѣмъ характеромъ, какой только могъ допустить гражданинъ, отъ плуга переходившій поперемѣнно на форумъ, выносившій свое воспитаніе изъ простаго и даже суроваго семейнаго быта, и въ томъ же лонѣ искавшій успокоенія по трудахъ. Такъ было въ первыя времена Рима, еще не знавшаго близко плодовъ греческаго образованія, Рима, слѣдившаго строго ту задачу, которую онъ считалъ своимъ особеннымъ призваніемъ, когда только Римъ и римское, а не Италія и Италики, имѣли полную силу и главное значеніе. И если въ эту пору онъ подавлялъ силою своего политическаго устройства, подавлялъ строптиво и гордо все то, что̀ предъявляло свои права въ окружающей Италіи, то въ народный эпосъ онъ могъ внести только одну особенность: древніе боги Италіи, и особенно боги ближайшаго Лаціума, явились здѣсь полубогами, героями, и даже болѣе людьми, чѣмъ богами; герои были царями и гражданами; внутренняя исторія сознанія являлась какъ положительный и внѣшній историческій фактъ; и какъ миѳъ перешелъ въ обрядъ и учрежденіе, такъ эпосъ непосредственно превратился въ лѣтопись, и лѣтопись оффиціальную. Между тѣмъ все, что̀ было внутренняго въ жизни народнаго духа, все то, что̀ было миѳологическаго и поэтическаго въ смыслѣ народнаго эпоса, все это приходило въ Римъ изъ Италіи или тѣсно связывалось съ ея именемъ и значеніемъ. Не говоримъ о тѣхъ изреченіяхъ и прорицаніяхъ, о тѣхъ суевѣрныхъ заклинаніяхъ, которыя въ большомъ количествѣ, но въ разрозненномъ и дробномъ видѣ, равно какъ неполной и слишкомъ безъискусственной формѣ, разсѣяны были по всей Италіи, тѣсно связываясь съ занятіями земледѣльца и селянина. На обширныхъ пашняхъ Италіи воспитывались тѣ люди, которые по твердому убѣжденію самого Рима являлись впослѣдствіи лучшими его гражданами. Полевыя празднества, занимающія такое важное и, можетъ быть, важнѣйшее мѣсто въ общемъ кругѣ празднествъ, противуполагаясь обрядовымъ учрежденіямъ Рима, съ особенною любовію описываемы были позднѣйшими поэтами; и всегда здѣсь впереди имя Италіи, и всегда почти рядомъ картина золотаго вѣка, неразрывнаго съ представленіями Лаціума и Сатурна. Здѣсь-то, среди этихъ празднествъ, раздавались молитвенныя пѣснопѣнія братьевъ арвальскихъ, и быть можетъ, и даже навѣрно, сюда-то возводятся въ своемъ началѣ послѣ-

дующія учрежденія Саліевъ. И не однѣ молитвы и религіозныя пѣснопѣнія проникали въ Римъ съ полей Италіи: отсюда же, часто вопреки строгимъ запрещеніямъ римскаго законодательства, переходили въ городъ, прямо съ полей Этруріи и изъ другихъ частей Италіи,—и мимы, и фесценнины, и ателланы, и сценическія игры, не лишенныя въ началѣ своемъ религіозныхъ побужденій, но скоро забывавшія въ Римѣ свое исконное значеніе. Веселое и шутливое настроеніе, коренное и постоянное отличіе простонародной Италіи, отозвалось громко въ тонѣ тѣхъ пѣсенъ, предметомъ которыхъ римская чернь и солдаты нерѣдко дѣлали государственныя учрежденія. И народная поэзія, и единственная форма ея — *стихъ сатурновъ*, возводились въ своемъ происхожденіи къ Касменѣ, Фавну и Сатурну, божествамъ древней Италіи. Если въ тѣхъ знаменитыхъ родахъ и фамиліяхъ, въ которыхъ воспитывались и изъ которыхъ выходили величайшіе дѣятели Рима, хранилась вся чистота латинскаго языка; если въ ихъ фамильныхъ сказаніяхъ, застольныхъ пѣсняхъ, генеалогическихъ росписяхъ, надгробныхъ похвалахъ и похоронныхъ причитаньяхъ, хранилась какая либо сумма народныхъ эпическихъ сказаній, не стертая въ чертахъ своихъ вліяніемъ учрежденій Рима: то нужно вспомнить, что эти роды и фамиліи были соединены тѣсными узами съ италійскою древностью и выносили оттуда свои особыя божества, праздники и обряды, особыя сказанія, преданія и привычки. Потомъ — книги авгуровъ, книги жрецовъ, ихъ толкованія, индигитаменты, наконецъ всѣ эти религіозныя учрежденія Рима, характеризовавшія своею формою и устройствомъ его особенности, что имѣли они своимъ основнымъ содержаніемъ, душею, мыслію, миѳомъ, какъ не то, что было выработано во внутренней жизни Италіи, до Рима или независимо отъ его учрежденій? Изъ внутренней жизни религіозныхъ представленій, изъ выраженія національнаго духа въ народномъ эпосѣ, что же оставалось собственно на долю Рима, въ чемъ бы весь не зависѣлъ онъ отъ Италіи? Эпосъ періода царей? Конечно, въ извѣстной мѣрѣ; но этотъ періодъ былъ тѣмъ періодомъ, когда въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Римъ не выходилъ еще на собственную дорогу, когда еще только зачиналось его будущее устройство, когда происходило еще смутное броженіе тѣхъ италійскихъ племенъ, тѣхъ началъ, изъ которыхъ сложилась организація послѣдующаго Рима. Миѳическій характеръ этой эпохи, народный эпосъ, сохранившій въ памяти ея черты, все это имѣло своимъ источникомъ вліяніе Италіи, ея характеръ и особенности, продолжавшія свое дѣйствіе, пока не выступили рѣзко особенности Рима. Наконецъ — и это замѣтилъ проницательный умъ Крюкова — самая борьба патриціевъ и плебеевъ

имѣла въ скрытомъ, глубочайшемъ основаніи своемъ, почти незамѣтномъ для взгляда, различіе и ту борьбу религіозныхъ убѣжденій, которую древле принесли съ собою въ Римъ выходцы Италіи. А послѣ этой борьбы, Римъ, уже увѣнчанный всею славой, представляетъ удивительное и неожиданное явленіе: едва прошло одно столѣтіе, и уже у лучшихъ изъ Римлянъ является на устахъ имя Италіи и Италиковъ; во имя уничтоженія узкаго и исключительнаго эгоисма, великіе люди вступаютъ въ борьбу — для чего же? чтобы дать Италикамъ права, равныя съ Римомъ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе. Въ Римлянахъ проснулась какая-то неудержимая и страстная любовь къ Италіи; всѣ сферы, всѣ стороны жизни искали тамъ одушевленія, новыхъ силъ, новой свѣжести, — всѣ замѣчательные люди обращались къ ея прошедшему, испытывали, изучали.

Какъ ни были повидимому разнородны древнѣйшіе обитатели Италіи, они всѣ тяготѣли къ одному общему характеру и единству. За исключеніемъ Этрусковъ, не чуждыхъ того же стремленія, только позднѣе обозначаются болѣе рѣзкія особенности Сабиновъ и другихъ не столь обширныхъ племенъ. Но какъ эти развѣтвленія относятся къ древнѣйшимъ жителямъ Италіи, такъ Лаціумъ взаимно относится къ нимъ. Высшее обособленіе основныхъ міровоззрѣній Италіи тѣснѣйшимъ образомъ связано съ именемъ Латиновъ: имъ принадлежитъ все то, что только можно найдти болѣе чистаго и лучшаго, полнѣйшаго и опредѣленнѣйшаго въ древнѣйшихъ сказаніяхъ Рима; таковы сказанія объ Янусѣ и Сатурнѣ, Пикусѣ, Фавнѣ или Фатуѣ, Эвандрѣ и Карментѣ, о Какусѣ, Геркулесѣ, потомъ о Латинѣ и т. д. Но ни одно сказаніе Лаціума не имѣло такой силы и энергіи, такого широкаго развитія и объема, какъ сказаніе объ Энеѣ и Энеадахъ. Всѣ страны классическаго міра были полны преданій и вѣрованій въ то опредѣленіе судьбы, которое спасетъ избранныхъ сыновъ Трои, приведетъ ихъ въ предназначенную страну, дастъ имъ здѣсь сильное царство, и Троя воскреснетъ, обновившись въ новомъ и вѣчномъ городѣ. Для Лаціума это вѣрованіе получило реальную жизнь дѣйствительнаго событія: для него имя Энея и Энеадовъ связалось съ именемъ высшаго политическаго могущества; боги, спасенные странникомъ, получили высшее религіозное значеніе и закончили послѣдовательность латинской миѳологіи, завершили совокупность обрядовъ, опредѣлили главный и основный характеръ сказаній. Отсюда вышелъ первый шагъ государственнаго развитія Рима, отсюда возникъ впослѣдствіи его первый художественный эпосъ. Эней былъ хранитель святыни, верховный жрецъ и въ этомъ значеніи заимствовалъ достоинство царя; Энеады-Силь-

віи получили въ удѣлъ послѣднее; Іулъ и его потомки, знаменитый родъ Юліевъ, приняли наслѣдіе жречества, «какъ болѣе мирное и надежное владѣніе». Достоинство Сильвіевъ затеряно въ послѣдующемъ развитіи Рима; достоинство Юліевъ коренилось глубоко въ преданіяхъ рода и народныхъ воспоминаніяхъ. И въ концѣ исторіи города Рима Юлій Цезарь явился снова какъ диктаторъ и вмѣстѣ — верховный жрецъ, а въ лицѣ Августа прочно соединились оба достоинства. Въ основанномъ Энеемъ латинскомъ Лавиніумѣ хранились пенаты Рима; самая тѣсная связь религіозныхъ учрежденій и обрядовъ связывала Лаціумъ и Римъ единствомъ священнаго наслѣдія Иліона; родъ Юліевъ считалъ себя ея хранителемъ, со всѣмъ разнообразіемъ ея представленій, со всѣмъ достояніемъ миѳологіи. Поэтому-то, слѣдуя за Цезаремъ, Августъ явился возстановителемъ древнихъ обрядовъ и святилищъ, дѣятельнымъ созидателемъ новыхъ учрежденій и храмовъ. Миѳологическіе образы, эпическія сказанія, самыя богатыя изъ всего того, чѣмъ владѣла сама отъ себя національность Рима и Италіи, связывали Энея и Августа. Эпоха Августа начинала, казалось, новую жизнь, спасавшую начала и основу древней; лучшіе умы его времени были объяты какимъ-то изумительнымъ восторгомъ; это время сдѣлалось золотымъ вѣкомъ римской литературы. Имя Виргилія покрыло славою высокаго искусства эпическія сказанія Лаціума; его чистая простосердечная муза довѣрчиво приникла въ смыслъ народныхъ вѣрованій и пособіемъ богатыхъ художественныхъ средствъ облекла ихъ въ величавые образы. Другой поэтъ, не менѣе даровитый, но болѣе сроднившійся съ окружающими явленіями вседневности, съ тѣмъ блескомъ, который внезапно и сильно охватилъ всѣ учрежденія и обряды его времени, Овидій размѣрилъ по нимъ складъ своей увлекательной рѣчи, отозвавшись живымъ сочувствіемъ на все то, что̀ тогда вызывало къ эпическому слову.

Овидій былъ поэтъ по любви, по страсти, по призванію. Онъ хранилъ въ душѣ своей этотъ восторгъ и порывъ — impetus, этотъ жаръ — calor [1]. Одинъ разъ только во всемъ сочиненіи назвалъ онъ себя чуждымъ именемъ *поэта* [2], именемъ, которое тогда уже связывалось съ представленіемъ художника, образованнаго средствами греческаго искусства. Своимъ названіемъ, своимъ сочувствіемъ названію онъ связуется съ древними пѣвцами своего отечества, съ пѣвцами вѣщими, чарующими и очарованными; поэтъ классическаго міра, онъ былъ еще бли-

[1] Fasti VI, 5, 6 и др.
[2] Fasti III, 3.

зокъ къ тому времени, когда поэзія только что вышла въ міръ и вышла прямо и непосредственно изъ религіознаго увлеченія. Онъ — пѣвецъ вѣщій, vates [1]; его дѣло не битвы; не оружія его доля, его munus [2]; даже тотъ воинственный богъ, къ которому такъ часто обращался Римлянинъ, Марсъ, долженъ покинуть свое грозное оружіе, когда вдохновеніе поэзіи вступаетъ съ нимъ въ близкое единеніе [3]. Какъ vates, Овидій сопоставляетъ себя съ Протеемъ, этимъ прорицателемъ древняго міра [4]; близкимъ родствомъ сочувствія связуется онъ и съ Аріономъ, миѳическимъ поэтомъ древнѣйшихъ греческихъ преданій [5], и съ Карментой, божествомъ народной италійской поэзіи, восторженною предсказательницею величавой судьбы Рима [6], существами, которыя изображены имъ съ такимъ поразительнымъ и живымъ увлеченіемъ. Его дѣло соизволяется людьми и благо предъ богами, оно *licet et fas* [7]; какъ такое, оно вызываетъ и каждаго поэта къ участію [8]. Здѣсь, въ своемъ высокомъ дѣлѣ, поэтъ-vates слышитъ таинственныя нантія боговъ [9]; онъ не воспѣваетъ того, что̀ воспрещается религіозными отношеніями человѣка, что̀ *nefas homini*, чего не можетъ и не долженъ онъ выразить словомъ; словомъ его поэзіи выражается лишь то̀, что̀ дозволено божествомъ и что̀ могутъ произнести почтительныя уста поэта [10]. Предметъ его пѣснопѣнія — sacra [11], и это придаетъ ему особенно высокое значеніе [12]. Вѣщій пѣвецъ чувствуетъ въ душѣ своей присутствіе религіознаго вдохновенія; отсюда загарается его поэтическій жаръ [13]. Такія условія дозволяютъ ему видѣть лице боговъ, по

[1] I, 25, 101; III, 168, 177 и др.

[2] II, 7 — 19: «Я воспѣваю священнодѣйствія и распредѣленіе временъ въ ходѣ празднествъ;.... вотъ моя служба; я несу оружіе какое могу: на моей десницѣ лежитъ своего рода обязанность»....

[3] «Марсъ, воитель, предстань мнѣ, сложивши на время твой щитъ и копье; пусть изъ-подъ снятаго шлема разсыплются свѣтлые волосы.... И безъ оружія найдешь ты себѣ здѣсь достойное дѣло.... Снявши свой шлемъ, Марсъ мнѣ отвѣчалъ: нынѣ впервые въ занятіяхъ мирныхъ меня призываютъ, меня бога войны!!..» III, 1 — 10; 171 и дал.

[4] I, 371.

[5] II, 83 — 119.

[6] I, 509 и дал.; 585; VI, 535 и дал.

[7] I, 25; IV, 18; V, 370; VI, 250; 7 и др.

[8] «Ты поэтъ (говоритъ онъ, обращаясь къ Германику) и, какъ поэтъ, руководи дѣломъ поэта». I, 25 — 26.

[9] Occultos monitus deorum. III, 167, 168.

[10] Nobis concessa canantur, quaeque pio disci vatis ab ore licet. III, 325, 326.

[11] II, 3 — 15; VI, 7, 8;

[12] Prosequor festa officio pio. IV, 724.

[13] Est deus in nobis; agitante calescimus illo; impetus hic sacrae semina mentis habet. VI, 5, 6. Ср. Ex P. III, 4, 93: deus est in pectore, nostro; haec duce praedico vaticinorque deo. Также A. A. III, 549, 550; Metam. II, 641.

преимуществу передъ другими [1]; еще болѣе даетъ ему это право предметъ пѣснопѣній — sacra [2]. Вотъ почему онъ призываетъ боговъ въ своемъ дѣлѣ, и они слышатъ гласъ его: «ты стяжалъ себѣ право видѣть *numen coeleste*», говорятъ они, являясь [3]. Въ таинственной бесѣдѣ съ богами, съ Янусомъ, Марсомъ, Минервою, Вестой, заимствуетъ поэтъ объясненіе того, чего дотолѣ не постигалъ умъ его: «я былъ весь въ молитвѣ», говоритъ онъ однажды: «я ощутилъ близость божественной силы; и я не видалъ тебя, богиня, не достоинъ былъ мужъ созерцать тебя; но то, чего не зналъ я, то, въ чемъ заблуждался, сдѣлалось ясно моему сознанію, а никто не училъ меня [4]». Здѣсь-то источникъ его воодушевленія; когда придетъ минута вдохновенія, поэтъ не медлитъ (parva mora est); онъ пріемлетъ въ себя небо и его силы (coelum vates ac numina sumit); внезапно измѣнился онъ, его едва можно узнать, — во столько онъ чище и во столько величавѣе того, чѣмъ былъ не задолго [5]. Его стремитъ сила вдохновенья, онъ poscitur [6]; когда божество милостиво смотритъ на его дѣло и помогаетъ, когда оно *operi favet*, тогда «ступай корабль, — говоритъ онъ — твоихъ парусовъ уже коснулось дыханіе вѣтра [7]». Является стихъ, *carmen*, и поэтъ восклицаетъ: «цѣлую вѣчность да цвѣтетъ стихъ Назона! [8]». Этотъ стихъ и собственнымъ именемъ, и значеніемъ связуется съ тѣми стихами, которые принадлежатъ религіи и народной поэзіи, ибо вотъ тѣ стихи, тѣ *carmina*, которыя называетъ поэтъ наряду съ своими: могильная надпись на гробѣ Дидоны [9]; изреченія Сибиллъ [10]; стихи, которыми прославился Аріонъ, которыми останавливалъ онъ текущія воды, стихи, которые удерживали жаднаго волка, когда онъ преслѣдовалъ бѣгущую овцу, которымъ повиновалась, которыми смягчалась вся живая природа, и пугливая лань была на утесѣ рядомъ со львицей, ястребъ сидѣлъ на вѣткѣ вмѣстѣ съ голу-

[1] Fas mihi praecipue vultus vidisse deorum, vel quia sum vates. VI, 7, 8.

[2] Vel quia sacra cano. Ibid. cf. VI, 249, 250.

[3] Ius tibi fecisti numen coeleste videndi, cum placuit numeris condere festa tuis. VI, 23, 24.

[4] In prece totus eram: coelestia numina sensi, и т. д. VI, 251 — 256.

[5] Описаніе воодушевленія Карменты; vix illam subito posses cognoscere: tanto sanctior et tanto quam modo major.... 537 — 541.

[6] Настаетъ праздникъ Палилій — *Palilia poscor*, говоритъ Овидій: IV, 721. Такъ Горацій (Carm. I, 32, 1) начинаетъ свой стихъ къ лирѣ: *poscimur*, меня вызываетъ, меня стремитъ къ пѣнію.

[7] Mota dea est, operique favet. Navalibus exi, puppis; habent ventos jam tua vela suos. IV, 729, 730.

[8] Floreat ut toto carmen Nasonis in aevo. V, 377.

[9] III, 547 — 550.

[10] IV, 257; 875.

бемъ, а Діана заслушивалась и дивилась напѣвамъ, какъ будто бы слушала брата [1]; въ этомъ стихѣ та же сила, какъ въ томъ магическомъ заклинаніи, которымъ супруга Римлянина искала сдѣлаться матерью [2]; онъ могучь своимъ дѣйствіемъ, какъ тотъ стихъ, которымъ старуха у Марсовъ умѣетъ обернуться въ кровожадную птицу [3]; какъ тѣ стихи, которыми Нума, съ помощію Фавна, успѣлъ подвигнуть и вызвать грознаго Юпитера [4]. Но та богиня, которая всѣхъ ближе къ поэту, съ которой онъ связанъ узами самой горячей любви и преданности, эта богиня — Венера; долго носилъ онъ въ груди старинную рану любви; онъ не оставлялъ ея знамени, и тогда, когда былъ невредимъ, и когда страдалъ и былъ раненъ; она была всегда цѣлію поэтическаго созданія, къ ней обращалось оно [5]; юная муза Овидія была посвящена ей, богинѣ любви: это былъ пѣвецъ любви (amorum), искусства любить (artis amatoriae) и исцѣлять, врачевать любовь (remedia amoris); однимъ словомъ, это былъ ея поэтъ по преимуществу, такъ точно, какъ ей принадлежалъ тотъ мѣсяцъ въ году (апрѣль), на которомъ болѣе всего остановился Овидій: «ты знаешь, богиня, и поэтъ, и мѣсяцъ — твои [6]. Около нея, около торжествъ ея мѣсяца, сосредоточивалась вся цѣль произведенія. Ея возлюбленный сынъ—Эней; онъ принесъ то сокровище, которое такъ благодарно приняла Италія, и которое сдѣлалось средоточіемъ и основой римскаго религіознаго поклоненія [7]. Нѣсколько разъ и съ особенною любовію возвращается къ нему поэтъ; Эней былъ первымъ представителемъ того отличительнаго качества, которымъ проникнутъ былъ каждый истинный типъ римской жизни: онъ Эней благочестивый, *pius* Aeneas, это *pietas*, испытанная огнемъ [8]. Его сынъ былъ Іулъ — счастливое имя; чрезъ него-то Юліевъ родъ касался предками Тевкровъ, древнихъ владѣтелей Трои и потомъ переселенцевъ [9]; чрезъ него Юлій Цезарь связуется дѣйствительною свя-

[1] II, 84 — 93. При этомъ примѣрѣ, равно какъ при послѣдующихъ и прежнихъ, просимъ не забывать читателя то значеніе, которое имѣетъ названіе *стиха* въ нашей народной русской поэзіи; *carmen* совершенно соотвѣтствуетъ такому *стиху*.

[2] II, 425, 426.

[3] VI, 141, 142.

[4] III, 423 и дал.

[5] Являясь на призывъ поэта, Венера говоритъ: «что тебѣ до меня?.... или шевелится въ груди твоей старинная рана?»—Ты знаешь эту рану,—отвѣчалъ онъ: saucius an sanus numquid tua signa reliqui?.... Tu mihi propositum, tu mihi semper opus. IV, 1—15.

[6] IV, 13, 14: Venimus ad quartum, quo tu celeberrima, mensem. Et vatem, et mensem, scis, Venus, esse tuos.

[7] IV, 38. Sacra patremque humeris, altera sacra tulit.

IV, 37. Aeneas, pietas, spectata per ignes.

IV, 39, 40: felix nomen Iuli, unde domus Teucros Julia tangit avos.

зью съ матерью Энея, тою богиней, которую такъ чтилъ онъ во всей своей жизни, характеръ которой такъ ярко отражался въ его любимыхъ обычаяхъ, въ миртовомъ вѣнкѣ тріумфа, въ одеждѣ, въ рѣчи, въ образѣ жизни [1]. Тѣнь Цезаря проносится часто предъ взорами поэта, въ какомъ-то особенномъ величіи [2]. Еще при жизни Цезарь хотѣлъ узнать обѣщанное ему небо, значеніе и вліяніе свѣтилъ, между которыми готовилось ему мѣсто, и потому-то онъ распредѣлилъ точнѣе времена года и обозначилъ періоды религіозныхъ празднествъ, ибо самъ, въ ряду прочихъ божествъ, ожидалъ поклоненія: онъ творецъ года, созидатель и распредѣлитель его моментовъ (*conditor anni*) [3]; въ этомъ отношеніи его дѣло близко къ дѣлу поэта, воспѣвавшаго послѣдовательное развитіе религіозныхъ торжествъ. Но кромѣ того, Цезарь — родоначальникъ великаго поколѣнія [4]. Имя Августа, его наслѣдника, связано съ именемъ всего священнаго для Рима [5]; онъ строитъ, онъ возстановляетъ храмы [6]; онъ установляетъ и расширяетъ сроки празднествъ, и небесные боги дадутъ ему столько лѣтъ, сколько имъ далъ онъ [7]. По силѣ адоптаціи, Германикъ является однимъ изъ представителей этого рода и достоинства: ему посвящается произве-

[1] Замѣчательнѣйшее объясненіе этихъ соотношеній Цезаря и Венеры, объясненіе, основанное на неопровержимыхъ данныхъ, находимъ у Клаузена, въ его знаменитомъ сочиненіи Aeneas und die Penaten, особ. II, 1069, 1070. Подобныя же указанія, еще болѣе подтвержденныя точнымъ изслѣдованіемъ италійскихъ и римскихъ религіозныхъ учрежденій, встрѣчаемъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1. Рюкерта: Trojas Ursprung, Blüthe, Untergang und Wiedergeburt in Latium, 1846. особ. въ 5-й книгѣ (послѣдней); 2. Герлаха и Бахофена, Gesch. d. R., 1851, особ. глава: die Troische Ansiedlung, Lavinium, Alba.

[2] F. III, 697 — 710: апоѳеоза Цезаря; Овидій отказывается говорить о смерти его, онъ живъ: подъ мечемъ убійцъ пала только тѣнь его; quae cecidit ferro, Caesaris umbra fuit. V, 549 — 579; самъ Марсъ сходитъ съ небесъ помогать мщенію Августа, и т. д.

[3] III, 155 — 167.

[4] III, 157: tantae propaginis auctor.

[5] I, 603 — 615: Овидій чрезвычайно ловко и остроумно раскрываетъ это высокое значеніе имени *Августа*, имени, приданнаго Октавіану: «этимъ именемъ, говоритъ онъ, отцы называютъ все священное; это имя носятъ на себѣ храмы, посвященные по законному обряду рукою жрецовъ; отсюда заимствуетъ свое происхожденіе названіе авгурій и все то, что Юпитеръраститъ и восполняетъ (auget) своею помощію». Вслѣдъ за этимъ, пользуясь словопроизводствомъ и играя словомъ, поэтъ восклицаетъ: «да возвеличитъ (augeat) Юпитеръ власть (imperium) нашего вождя, да умножитъ (augeat) лѣта его».

[6] Templorum positor, templorum repostor: II, 63.

[7] II, 60 — 66. «Чтобы храмы не пали въ развалинахъ, на это устремлена предусмотрительная забота священнаго вождя; подъ его рукою святилища не чувствуютъ старости; не только людей,— онъ обязываетъ самихъ боговъ.... Пусть верховные боги съ своей стороны взаимно столько же заботятся о тебѣ: dent tibi coelestes, quot tu coelestibus annos»!

деніе поэта [1]. И это не напрасно: Германикъ, кромѣ своей ученой образованности, также поэтъ, также vates [2]; ему необходимо посвятить произведеніе, воспѣвавшее жертвенники Цезаря и тѣ дни, которые онъ прибавилъ къ священнодѣйствіямъ [3]; онъ часто долженъ былъ здѣсь встрѣтить имена своего отца и дѣда, онъ долженъ былъ встрѣтить здѣсь празднества своего дома (festa domestica), а эти празднества глубоко связывались съ прочими религіозными учрежденіями Рима [4]; но если на какомъ-либо отдѣлѣ фастъ, то именно на фастахъ апрѣля онъ долженъ былъ особенно остановиться [5]; этотъ мѣсяцъ былъ мѣсяцъ Венеры и всего того, что̀ соединялось съ нею въ религіозныхъ представленіяхъ; этотъ мѣсяцъ представляетъ высшее средоточіе всего произведенія поэта, и мы тотчасъ увидимъ, какими нитями стягивалась вся сфера къ такому средоточію. Эней неразрывно связанъ съ богинею; его пенатами, принесенными Италіи, заключилось ея религіозное развитіе: какъ всѣ писатели и поэты времени Августа, того поворотнаго времени, когда выдающіяся особенности римскаго устройства начинаютъ сглаживаться и приходить къ одному уровню всей Италіи, пока наконецъ уже снова явилась не римская, а итальянская нація, Овидій съ любовію обращается къ описанію Италіи, преимущественно ея религіи, завершенной въ дѣйствительности, равно какъ въ сознаніи поэтовъ и историковъ, явленіемъ Энеадовъ. Потому-то у Овидія Янусъ расказываетъ самъ о своихъ отношеніяхъ къ Сатурну; имя Сатурніи, которое нѣкогда носила Италія, даетъ поводъ характеризовать поэтически бытъ того времени; Юнона, по отцу Сатурнія, съ явленіемъ Энея въ Италіи, оканчиваетъ долгую вражду свою съ богиней любви и обѣщаетъ покровительство народу; Эвандръ помогаетъ Энею, Кармента о немъ предсказываетъ, Анна-Перенна современна его подвигамъ и т. д. [6]. Въ мѣсяцѣ апрѣлѣ замѣчательно совпадали въ Римѣ празднества тѣхъ божествъ, которыя въ миѳологіи главнымъ образомъ представляли собою женственное начало, начиная

[1] I, 1 — 27.

[2] I, 25. Между прочимъ онъ перевелъ Арата.

[3] I, 13, 14: Caesaris arma canant alii; nos Caesaris aras et quoscunque sacris addidit ille dies.

[4] I, 9, 10 Invenies illic et festa domestica vobis: saepe tibi Pater est, saepe legendus Avus.

[5] IV, 19, 20. Si qua tamen pars te de fastis tangere debet, Caesar, in Aprili quo tenearis habes».

[6] Описаніе Италіи и ея древнихъ божествъ, въ связи съ Энеемъ, см. II, 543 и дал.; III, 545 и дал.; V, 91 и дал.; 625 и дал. VI, 31 и дал.; особенно въ этомъ отношеніи замѣчательна первая книга Фастъ: въ постепенномъ порядкѣ изображенія является здѣсь время Януса и Сатурна, потомъ, Эвандръ, Кармента, Геркулесъ, Эней.

отъ древнѣйшей Афродиты Уранія: за празднествомъ Венеры слѣдовало здѣсь празднество Кибелѣ, потомъ Церерѣ и Прозерпинѣ, потомъ Палѣ, — до Флоры, празднество которой переходило къ мѣсяцу маю: все это дало богатыя средства и обильный матеріялъ поэтическому таланту Овидія въ описаніяхъ IV книги, посвященной апрѣлю. Этого мало: издревле въ миѳологіи при женскомъ существѣ являлся спутникъ, котораго классическій языкъ привыкъ обозначать именемъ Арея или Марса. Марсъ въ Римѣ получилъ особенно высокое значеніе; прежнія связи его не забыты: Эней происходилъ отъ Венеры, Марсъ сочетался съ Иліей, Ромулъ называлъ всегда Марса и Венеру своими родителями [1]. Ихъ мѣсяцы въ Римѣ соединены были рядомъ, и какъ водится, Венера являлась въ сопровожденіи *своего* Марса [2]. Такимъ образомъ въ глазахъ Римлянина нисколько не было странно представленіе, что самъ Марсъ сошелъ съ неба помочь мщенію Августа за убійство Цезаря, нисколько не было странно, когда Августъ, обѣтуя храмъ Марсу мстителю (Marti ultori), воскликнулъ: «если я бьюсь за отца и вмѣстѣ служителя Весты, если готовлюсь отмстить оскорбленье, нанесенное тому и другому достоинству: предстань, Марсъ, и насыти преступною кровью желѣзо, пусть твоя помощь стоитъ за болѣе правое дѣло [3]». Воздвигнутый храмъ покрытъ былъ изображеніями; между ними можно было видѣть Энея и длинный рядъ Юліева рода [4]. Потому-то, повторяемъ, Овидій приглашаетъ Германика остановиться особенно на IV книгѣ; весь мѣсяцъ представлялъ для Германика въ обширномъ объемѣ тотъ смыслъ, который сохранялся для Римлянина въ генеалогическихъ таблицахъ, росписяхъ и стѣнныхъ изображеніяхъ, передававшихъ имена отдаленнѣйшихъ предковъ (stemmata): «этотъ мѣсяцъ, въ нисходящей линіи, представляетъ тебѣ одну великую генеалогію, одну великую таблицу, и по силѣ наслѣдованія, которымъ ты пріобрѣлъ знатность рода, дѣлается твоимъ [5].» Далѣе, жизнь и подвиги первыхъ героевъ Рима, основаніе города, событія древнѣйшей полумиѳической исторіи царскаго періода, — эти предметы занимаютъ одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ въ Овидіевыхъ фастахъ; въ тѣсную связь съ ними возводятся всѣ основныя религіозныя учрежденія Рима; но еще тѣснѣе и замѣтнѣе связуются эти событія съ древнѣй-

[1] Ille suos semper Venerem Martemque parentes dixit. IV, 57, 58.
[2] Utque solet, Marti continuata suo. IV, 130.
[3] V, 573 — 577.
[4] Aeneam.... et tot Juleae nobilitatis avos. V, 563 и дал.
[5] IV, 19 — 23.

шимъ бытомъ Италіи, ея миѳологіей, ея установленіями [1]. Вездѣ вѣетъ здѣсь духъ религіознаго восторга. Огонь Весты — залогъ владычества Рима, его имперіи [2]; Палладіумъ, принесенный въ Италію Энеемъ, сдѣлался римскою собственностію, предметомъ владѣнія Рима, его *вещію* (res) [3]; «побѣжденная, ты побѣдишь, низверженная, ты возстанешь, Троя», — такъ предсказываетъ о Римѣ Кармента [4]. Можно прислушаться здѣсь и услышать, какъ растетъ сила и величіе Рима, начиная съ того отдаленнаго времени, когда на мѣстѣ будущаго города зеленѣлъ еще лѣсъ, не тронутый сѣкирой [5], до той эпохи, когда, могущій уже силами, увидалъ Римъ пять вѣковъ и поднялъ главу свою надъ покоренным міромъ [6], и отселѣ опять до тѣхъ лѣтъ, когда боговъ иліонскихъ и міръ весь защищалъ одинъ Цезарь [7]. Римъ въ своемъ величіи хранитель священныхъ залоговъ, — вотъ тотъ идеалъ, который исполнялъ поэтическую душу Овидія и явился въ одномъ изъ лучшихъ его произведеній.

Мы видимъ отсюда, Овидій былъ истиннымъ сыномъ и представителемъ своей эпохи, въ ея увлеченіи, почти безгранично отданномъ Италіи, Италіи, откуда, какъ изъ основъ и началъ, истекала самая живая энергія религіозныхъ представленій, связавшая наконецъ въ одинъ идеалъ все — и миѳъ, и учрежденіе, и обрядъ, и политическое значеніе Цезарей. Но эта эпоха новаго увлеченія далеко уже была отведена исторіей отъ того начала, къ которому возвращалась и съ которымъ желала соединиться въ сознаніи. Между первымъ вѣкомъ по Р. Х. и отдаленнымъ періодомъ Энеадовъ лежала цѣлая исторія, богатая событіями, сильная дѣломъ, вѣрная назначенію. Въ теченіе ея Римъ уже закончилъ то дѣло, которое считалъ своею главною задачею, которое имѣлъ право считать по преимуществу своимъ личнымъ и особеннымъ. Онъ призывалъ уже сперва италійскіе народы, а за ними цѣлый міръ тогдашней современности, вкусить плоды его развитія. Право готово уже было замкнуться въ систему и уложеніе, привлекая изучающихъ; простота первобытныхъ религіозныхъ учрежденій облеклась блестящими и невиданными дотолѣ церемоніями; скудныя представ-

[1] Не указываемъ отдѣльныхъ мѣстъ, ибо они въ обиліи разсѣяны по всему сочиненію.
[2] Imperii pignus. III, 422.
[3] Res est romana. VI, 435.
[4] I, 523
[5] Incaedua silva virebat. I, 243.
[6] Edomito sustulit orbe caput. IV, 255.
[7] I, 529.

ленія древнѣйшей миѳологіи нашли себѣ богатое выраженіе въ средствахъ развившагося искусства и пособіяхъ чуждыхъ, свое философское и научное пониманіе въ обильныхъ способахъ образованности; Римъ дѣйствовалъ во имя своей уже законченной организаціи. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ было много чего-то новаго и необыкновеннаго, чего-то такого, что̀ было конечно еще исполнено энергіи, но что̀ вмѣстѣ съ тѣмъ должно было уже закончить его собственную жизнь и передать ея результаты другимъ эпохамъ и другимъ народамъ. Окончивши мужественный возрастъ, онъ какъ будто юнѣлъ и обновлялся: но обновленіе совершалось подъ вліяніемъ тѣхъ началъ, которыми еще могла жить его юность, но которыя уже не питали старѣющаго тѣла. Промежутокъ, имѣвшій мѣсто между отдаленною и новою эпохой, стоялъ для послѣдней неотразимымъ укоромъ; опредѣленность формъ, выработанныхъ въ развитіи зрѣлаго возраста, обличала непослѣдовательность стремленій, приведенныхъ дѣйствіемъ новыхъ событій. Не касаемся другихъ сферъ жизни; мы имѣемъ въ виду свою особенную сферу, и здѣсь намъ уже представляется много противорѣчій. На Палатинѣ, гдѣ была хижина Ромула (casa Romuli), готовился уже золотой домъ (domus aurea); близь форума Юлія Цезаря, гдѣ стоялъ великолѣпный, построенный имъ храмъ Венеры и передъ нимъ статуя диктатора, за полтораста шаговъ, въ Вулканалѣ, росъ лотосъ, однолѣтній сверстникъ города (lotos aequaeva urbi): сопоставленіе противоположностей увеличивало противорѣчіе. Геній римскаго народа, который такъ долго велъ его по пути исторіи, скоро долженъ былъ остановиться, чтобы обозрѣть отжившее, взглянуть на поприще древнихъ подвиговъ, на forum romanum, и успокоиться въ почести поклоненія. Авреліанъ воздвигъ ему здѣсь храмъ, Адріанъ еще прежде посвятилъ другой храмъ самому городу. Но если было противорѣчіе въ самой жизни, то еще болѣе оно имѣло мѣсто въ сознаніи, ибо сюда присоединялось еще новое противорѣчіе между сознаніемъ и жизнію, къ которой оно относилось. Восторгъ, объявшій умы, разбивался объ окружавшую дѣйствительность; слово невольно лгало, ибо очень часто разлучено было съ дѣломъ; такова была поэзія и наука, какъ скоро она обращалась къ современной жизни; порывъ увлеченія легко охлаждался въ ней рефлексіей, и хорошо еще, если это ниспаденіе даетъ намъ возможность отличить правду и истину. Обратимся опять къ Овидію: онъ объяснитъ высказанное нами.

Конечно, Овидій называетъ себя вѣщимъ пѣвцемъ (vates) и придаетъ такимъ образомъ своему произведенію смыслъ древнѣйшаго и первоначальнаго народнаго творчества; но онъ пѣвецъ *трудящійся*

надъ описаніемъ торжественныхъ дней (vates operosus dierum)[1]; онъ трудится, онъ работаетъ надъ своимъ предметомъ, и потому мы должны уже отличать содержаніе его произведенія, предметъ, источники, и потомъ само искусство: то и другое не сливается уже въ одинъ актъ, какъ въ первобытной народной поэзіи. Постоянно онъ имѣетъ въ виду преданія, на нихъ основывается и не разъ прибавляетъ: такъ думали древніе, такъ говорятъ они[2]; онъ ссылается на то, что предано (traditur)[3]; онъ прислушивается къ молвѣ, къ тому, что говорятъ тамъ; «до нашего слуха дошла молва», говоритъ онъ[4]; но онъ не сливается въ одно сознаніе съ этою молвой и преданіями, онъ разбираетъ, судитъ, иногда говоритъ, что «молва похожа на правду»[5]; иногда кажется она ему темна, и онъ объясняетъ ее по своему[6]. Иногда преданія даютъ ему показанія разнорѣчащія: являются разныя стороны объясненій, партіи (partes), Овидій сравниваетъ, оцѣниваетъ, выбираетъ, а иногда и совсѣмъ отвергаетъ[7]. Этого мало: у него является правило, чтобъ не оставаться невѣждою и не увлекаться заблужденіемъ толпы[8]. Какого же рода были эти преданія и сказанія, которыми пользовался Овидій? Это были во-первыхъ сказанія, слышанныя имъ въ лѣтахъ дѣтства[9]. Далѣе расказы, влагаемые имъ въ уста извѣстнымъ лицамъ изъ среды народа, большею частію старикамъ и старухамъ; очевидно, это суть олицетворенія общаго народнаго мнѣнія, выраженнаго искуснымъ поэтическимъ оборотомъ[10]. Другія преданія обозначаетъ поэтъ словами — «говорятъ», «есть слухъ», «ходитъ молва», и т. д.; между прочимъ здѣсь можно отличить преданія, касающіяся Греціи, и другія, касающіяся Рима; о нѣкоторыхъ онъ просто говоритъ: «извѣстенъ миѳъ», или «кто не знаетъ этого?»[11] Наконецъ сюда же можно отнести и нѣкоторые слѣды пословицъ[12]. Все

1 I, 101; III, 177.

2 Ut veteres memorant: II, 669; fama vetus: V, 625.

3 II, 304; III, 162; V, 86; VI, 532.

4 III, 662; II, 379; V, 84: VI, 557. — Онъ имѣетъ въ виду то, что *dicitur*, *fertur*: II, 56; 549; 612; VI, 266; II, 554; 631 и др.

5 Nec a veri dissidet illa fide: III, 662.

6 Obscurior aevo fama, sede nostro carmine certus eris: VI, 103, 104.

7 I, 325 и дал.; III, 658 и дал.; IV, 85 и дал.; V, 621 и дал.; II, 551: vix equidem credo; и др.

8 Ne ignores vulgique errore traharis: VI, 25.

9 VI, 417.

10 VI, 395 и дал.; IV, 685 и дал.; 377 и дал.

11 Fabula nota subest: V, 604; II, 83; III, 53, 54; II, 304; III, 544; VI, 320.

12 I, 215, 216; IV, 10; 18; V, 489, 490: Hac quoque de causa (si te proverbia tangunt) mense malas Majo nubere vulgus ait».

это вмѣстѣ образовало тотъ народный эпосъ Рима, о которомъ мы сказали нѣсколько словъ выше; замѣчанія о его скудости, нами сдѣланныя, подтверждаются тѣмъ, что хотя Овидій безпрерывно ссылается на повѣрья, сказанія, но нигдѣ не упоминаетъ о какомъ либо цѣломъ рядѣ стиховъ или полной поэмѣ. Взглянемъ на тѣ скудныя формы, въ которыхъ развились эти повѣрья и сказанія собственными средствами народнаго генія, безъ всякихъ внѣшнихъ пособій: въ этомъ своемъ видѣ они служили также источникомъ Овидію. Во-первыхъ при каждомъ обрядѣ употреблялись *свои рѣчи*, *свои закономъ положенныя слова* [1]; упоминая ихъ большею частію только мимоходомъ, Овидій однако приводитъ ихъ иногда въ собственномъ видѣ, или лучше въ томъ, въ какомъ молитвы и заклинанія уложились въ метръ его стиха; при всемъ томъ поэтическомъ искусствѣ, которымъ владѣлъ Овидій, они остались просты, не богаты образами, не ярки [2]. Надгробныя рѣчи и пѣснопѣнія, или лучше причитанья, *неніи*, упоминаются только вскользь [3]. Часто упоминается о народныхъ празднествахъ и играхъ: но здѣсь говорится только о представленіяхъ, сопровождавшихъ праздникъ, объ ихъ шуточномъ и веселомъ характерѣ, и ничего не приводится изъ пѣсень, ни даже какого либо поэтическаго слова; такимъ образомъ эти указанія относятся уже болѣе къ учрежденіямъ, разумѣя подъ этимъ словомъ внѣшнюю форму и церемонію обряда [4]. Говоря вообще, всѣ эти народныя сказанія, пѣснопѣнія, преданія, Овидій отдѣляетъ отъ дѣла собственнаго искусства; онъ ихъ повѣряетъ, критикуетъ, и уже поверхъ такой критики является его произведеніе; характеръ поэта становится стало

[1] Sua verba, legitima verba: II, 542; 527; IV, 660 и др.

[2] III, 387 — 392: нѣсколько словъ о томъ, что Нума далъ жрецамъ Саліямъ слова для пѣнія подъ извѣстный складъ, и что они на концѣ стиха призываютъ Мамурія, миѳическаго художника, творца анцилій. — IV, 747 — 777: довольно большая молитва поселянина къ богинѣ Палѣ; но изящныя выраженія показываютъ, что она значительно передѣлана поэтомъ. — То же самое нужно сказать о молитвѣ къ богинѣ Робиго (ржа, ржавчина): 910 — 933. — V, 437 — 39: краткое, но весьма характеристическое обращеніе къ Манамъ. VI, 141, 142 упоминается неніа, какъ магическій стихъ старухъ у Марсовъ.

[3] См. предш. сноску и VI, 668.

[4] III, 523 — 545: описаніе народнаго праздника въ честь Анны Перенны; народъ поетъ то, что́ заучилъ въ театрѣ; пѣніе сопровождается жестами, тѣлодвиженіями, плясками; иные водятъ *грубые* (duras) хороводы; но словъ изъ пѣсень не приведено; картинныя группы, пляска, вино, — вотъ главное. — IV, 187: Scena sonat ludique vocant; 326; 946: Scena joci morem liberioris habet. — V, 189; 331; 332; 347 и далѣе: намеки на то, что во время празднества Флоры игры въ циркѣ, театрѣ и т. п. сопровождались особенною шутливостію; но — ни одного *слова*. — VI, 653 и далѣе объ участіи флейты, вѣроятно подъигрывавшей пѣснямъ и стихамъ, при жертвахъ, играхъ, при похоронахъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

быть совершенно особеннымъ, и его показанія уже не могутъ быть для насъ источникомъ въ той мѣрѣ и въ той силѣ, какъ простосердечное народное слово. Мы получаемъ преданія изъ подъ пера позднѣйшаго поэта: потому постоянно должны мы быть на стражѣ и вскрывать ихъ основу изъ подъ пріемовъ искусства. Если Овидій не всегда отвергаетъ ихъ, то за то онъ оговаривается, что они странны, удивительны; онъ мѣряетъ ихъ на извѣстную мѣрку, онъ убѣждаетъ вѣрить себѣ и своему произведенію, настаиваетъ на томъ, и слѣдовательно предполагаетъ невѣріе: «вѣрьте рѣчамъ моимъ, я расказываю удивительныя вещи, но случившіяся на самомъ дѣлѣ»[1]; или, «я передаю странное дѣло, но оно подтверждается и свидѣтельствомъ сцены»[2]. Онъ оберегаетъ вѣру, боится колебать ея основы, остерегаетъ посягательство на достовѣрность ея преданій, — и тѣмъ самымъ характеризуетъ эпоху упадающихъ вѣрованій и невольно вызываетъ недовѣрчивость: «вѣрится, ибо великимъ свидѣтельствомъ служитъ древность; берегись трогать принятое вѣрою»[3]. Онъ вѣщій, vates, онъ бесѣдуетъ съ божествомъ: но въ то же время «найдутся можетъ быть такіе, которые обличатъ въ этомъ одну только выдумку, скажутъ, что смертному нельзя видѣть божества»[4]; и тотчасъ поэтъ спѣшитъ доказать, что это могло быть на самомъ дѣлѣ, что онъ изъ разряда тѣхъ древнихъ поэтовъ, которые были ἔνθεοι, и пѣснь которыхъ была ἀοιδὴ θεσπεσίη, θέσπις ἀοιδὸς[5]. При всемъ своемъ увлеченіи, онъ откровененъ однако: «пусть лгутъ другіе поэты, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — по правдѣ я не видалъ тебя, богиня». Ясно теперь, какъ понимать всѣ эти видѣнія: это не то видѣніе, когда Гомеру въ тишинѣ ночи предстала Елена, заповѣдуя воспѣть подвижниковъ Трои[6]; это даже не то видѣніе[7], которое постигло Гесіода, когда онъ пасъ овецъ подъ священнымъ Геликономъ[8]; наконецъ даже не то видѣніе Діониса, въ которое вѣрилъ Эсхилъ[9]: это просто поэтическій оборотъ, средство искусства, съумѣвшаго овладѣть народными вѣрованіями. И надо сказать правду, Овидій порою неумѣренно пользовался этою

[1] Credite dicenti, mira, sed acta loquor: III, 370.
[2] Mira, sed et scena testificata: IV, 326.
[3] IV, 203, 204: pro magna teste vetustas creditur; acceptam parce movere fidem.
[4] VI. 3, 4: facta canam, sed erunt, qui me finxisse loquantur, nullaque mortali numina visa putent.
[5] Ил. II, 599 — 600: Од. XVII, 385.
[6] Non equidem vidi (valeant mendacia vatum) te, Dea: VI, 253, 254.
[7] Isocrates Ἑλ. Ἐγκώμιον (orat. att. ed. Bekker, 2, 245)
[8] Theog. 22.
[9] Paus. I, 21, 2.

властію: онъ сводитъ къ себѣ безпрестанно боговъ и богинь, заставляя ихъ расказывать свое значеніе, описывать и объяснять образъ, малѣйшіе обряды, и т. п.; послѣ всего этого, тотъ ужасъ, который онъ часто описываетъ какъ слѣдствіе видѣній, становится одною поэтическою прикрасою; поэтъ слишкомъ часто и близко обращается съ божествами: намъ странно, — да отчего же онъ такъ часто дрожитъ, блѣднѣетъ, хладѣетъ? Мы не знаемъ даже, зачѣмъ римскій аристократъ временъ Августа отправляется, напримѣръ, въ далекій густой лѣсъ, гдѣ разсуждаетъ о филологическомъ производствѣ названія іюня и внезапно получаетъ объясненіе отъ явившихся богинь [1]. Онъ преклоняется предъ величіемъ своего дѣла, считаетъ особенною смѣлостію то, что рѣшился говорить о немъ въ ничтожной формѣ элегическаго метра (exigui elegi) [2]: но это говорится съ тѣмъ, чтобы выставить величіе дѣла, ибо для нѣкоторыхъ оно могло показаться неважнымъ; это не помѣшало въ посвященіи Германику признать неважнымъ достоинство своего труда [3]; отъ Германика ждетъ онъ внутренней силы для дѣла: «ты вложишь силы въ мой стихъ». Отъ чего же зависѣла эта сила? «Не лиши меня твоего расположенія, благосклонно прими этотъ трудъ» [4].... Весь міръ боговъ и празднествъ волею и неволею вертится около Юліева рода; въ безпрерывныхъ восклицаніяхъ, какъ читатели могли видѣть изъ приведенныхъ выше мѣстъ, дѣло не обошлось безъ излишествъ. Такъ каждое дѣло этого страннаго времени, имѣло всегда двѣ стороны; каждое движеніе восторга или увлеченія вызывало другую унижающую крайность; одною рукой созидали то, что̀ разрушали другою.

Здѣсь мы должны сказать нѣсколько словъ о жизни поэта; она намъ покажетъ, какъ въ дѣйствительности легко и просто разрѣшались противорѣчія, открываемыя критическимъ взглядомъ; исключая всякій неумѣстный судъ, она представитъ намъ дѣло такъ, какъ оно было и какъ могло быть въ ту эпоху.

Родившись на свѣтъ въ 711-мъ году города, Овидій не засталъ уже великихъ политическихъ и общественныхъ переворотовъ; ему было едва тринадцать лѣтъ, когда актійская битва положила конецъ междоусобнымъ бранямъ; новый порядокъ вещей былъ уже совершенно готовъ и законченъ, а потому не могъ показаться страннымъ, когда поэтъ полу-

[1] VI, 9 и дал.
[2] II, 3; 125; VI, 22 и др.
[3] Officii levem honorem. I, 5.
[4] Da mihi te placidum: dederis in carmina vires, I, 17. excipe pacato vultu hoc opus. 3, 4.

чилъ возможность понимать его значенiе. Отъ самаго рожденiя обезпеченный въ общественномъ положенiи, Овидiй нашелъ готовыя и богатыя средства образованiя. При пособiи такихъ благопрiятныхъ условiй, счастливый природными талантами, онъ въ раннихъ лѣтахъ обнаружилъ уже истинную склонность къ поэтическому искусству и доказалъ ее блестящими опытами. Скоро онъ понялъ, что поприще политической дѣятельности не было его настоящимъ призванiемъ; и не трудно было понять, ибо тамъ не было прежнихъ интересовъ форума. Да кромѣ того онъ ничего не терялъ, отдаваясь исключительно дѣятельности художника: за нимъ оставалось его мѣсто въ высшемъ обществѣ. Одинакiе интересы образованности были здѣсь прочною связью; почти не было мѣста той уединенной кабинетной учености, которая изъ Александрiи нашла себѣ сочувствiе великихъ умовъ послѣдняго времени республики, а въ послѣдующую эпоху была единственнымъ убѣжищемъ. Правда, общественное мнѣнiе, вкусъ и отчасти мода сглаживали рѣзкость нѣкоторыхъ не своевременныхъ убѣжденiй; но это не налагало того тягостнаго долга, который лежалъ на художникѣ и ученомъ при Птоломеяхъ. Энергiя, питавшая восторгъ, была задана очень сильно; поэты и ученые, восторгаясь, не всегда лгали противъ собственнаго образа мыслей; политическiе дѣятели очень искренно занимались вопросами науки и искусства, и если иногда занимались уже слишкомъ много, забывая или заслоняя собственное свое назначенiе, то не ошибались въ расчетѣ, ибо въ умственной дѣятельности и состояла задача общества созданнаго Августомъ. Не было почти различiя политическихъ мнѣнiй, ибо не поднималось такихъ вопросовъ: было единство образованнаго и изящнаго общества, и его члены усердно поддерживали такую цѣльность. Двигатели общественной литературы были между собою въ тѣсной дружбѣ или по крайней мѣрѣ въ постоянныхъ отношенiяхъ: они обращались другъ къ другу, другъ друга хвалили, взаимно поддерживали себя и цѣнили. Партiя, привязанная къ стариннымъ образцамъ искусства, замолкла послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ возраженiй; да при томъ она только умѣла восхищаться прошлымъ, но отнюдь не была производительна. А между тѣмъ представители новаго искусства дѣйствовали; запасъ прожитой жизни, обработанный многочисленными трудами предшествовавшихъ ученыхъ, представлялъ очищенный матерiялъ для содержанiя ихъ произведенiй; имъ оставалось творить; прилежное изученiе греческихъ образцовъ воспитало художническiй тактъ, усовершило до высокой степени технику, а талантливость дѣятелей обогатила литературу истинно прекрасными про-

изведеніями. Правда, впрочемъ, что настоящей народности эти произведенія не имѣли. Народъ былъ оставленъ въ сторонѣ и мало принималъ участія въ дѣятельности литераторовъ: поднявшееся общество постигало его сверху поэтическимъ чутьемъ или пособіемъ науки; а онъ и не подозрѣвалъ, что про него и за него говорили. Но до этого не было дѣла: искусство и ученость шли прямою дорогой, увлекаемые идеаломъ, льстимые самоувѣреннымъ сознаніемъ дѣла и надеждою славы въ потомствѣ.—Овидій былъ достойнымъ членомъ этого кружка. То въ своемъ загородномъ помѣстьѣ среди любимыхъ занятій, то какъ ближайшій домашній другъ Августова семейства, то какъ непремѣнный участникъ въ общемъ дѣлѣ современныхъ художниковъ, онъ вездѣ блисталъ своимъ рѣдкимъ талантомъ, ловкостью свѣтскаго человѣка, задушевнымъ увлеченіемъ поэта. Не отступая ни на шагъ отъ интересовъ своего общества, пѣвецъ любви, чарующихъ образовъ миѳологіи, торжествъ и праздниковъ окружающей жизни, онъ былъ однако равно далекъ и отъ сентиментальной приторности чувства, и отъ резонирующаго тона сухой учености. Неосновательный, легкій и даже вѣтренный при первомъ на него взглядѣ, онъ давалъ много своимъ содержаніемъ, и давалъ незамѣтно; тайна заключалась въ умѣньи — воспользоваться всѣми научными пособіями, но вниманіе читателя провести не по нимъ, а по незамѣтнымъ переходамъ увлекательнаго расказа; расчитанность формы, легкость стиха родились вмѣстѣ съ нимъ, но не владѣли имъ; прихотливый геній выбивался изъ-подъ строгихъ и стѣснительныхъ условій рода, ловкою остротой разрывалъ однообразіе изображеній, разчленялъ элегическое двустишіе отрывистою фразой, побѣждалъ трудности не глубиною основательнаго воззрѣнія, а догадливостію и ловкимъ оборотомъ, и наконецъ, не гоняясь за тѣми крупными и рѣзкими чертами римской оригинальности, которыя уже начинали терять свою выразительность, тѣмъ самымъ легко поставилъ себя оригиналомъ позднѣйшаго искусства до самыхъ послѣднихъ произведеній романтисма.

Однимъ изъ первыхъ произведеній молодаго Овидія были Героиды (Heroides), рядъ писемъ, или лучше переписка древнихъ героинь и героевъ. Уже здѣсь легко было замѣтить въ авторѣ умѣнье входить въ положеніе любящаго и любимаго, и въ собственномъ сердцѣ отыскивать живые звуки для передачи разнообразныхъ мотивовъ чужой страсти. Но вся лучшая дѣятельность юности отдана была поэтомъ элегіи; здѣсь онъ составляетъ послѣднее и необходимое звѣно той цѣпи прекрасныхъ произведеній, которая начата была въ римской литературѣ

Катулломъ. Не изучивъ Овидія съ этой стороны, мы не поймемъ развитія римской элегіи; и на оборотъ, слѣдя исторію послѣдней, мы получаемъ нѣсколько самыхъ разительныхъ и вѣрныхъ данныхъ для характеристики поэтическаго таланта Назона. Намъ нѣтъ возможности — и въ настоящемъ случаѣ это было бы даже неумѣстно — изслѣдовать въ подробности начало и всѣ переходы, испытанные въ Римѣ элегическимъ родомъ поэзіи; придется промолчать о Катуллѣ, Проперціѣ, объ имени Галла и жалкихъ послѣдователей Овидія. Довольно замѣтить, что вообще элегія въ классическомъ мірѣ не имѣла плачевнаго тона своимъ господствующимъ характеромъ: это былъ вообще откликъ чувства, вышедшаго изъ эпическаго періода къ лирикѣ, чувства всколебавшагося, взволнованнаго ужасами войны (Тиртей) или ходомъ извѣстныхъ гражданскихъ событій (Θеогнидъ), или открытіемъ нравственныхъ убѣжденій и правилъ (гномики), или, наконецъ, движеніемъ страсти любви (Мимнермъ). Произведенія римскихъ элегиковъ примыкаютъ прямо къ послѣднему отдѣлу; содержаніе ихъ исключительно эротическое, любовь со всѣмъ разнообразіемъ своихъ явленій. Время процвѣтанія элегіи въ Римѣ какъ нельзя болѣе способствовало развитію личной страсти: политическіе интересы начали глохнуть въ эпоху Цезарей; энергія нравственныхъ убѣжденій начала стихать въ періодъ упадающаго язычества. Первый вѣкъ по Р. Х. принесъ въ Римъ полное освобожденіе женщины и неразлучный съ тѣмъ произволъ страстнаго увлеченія; много распространилось самыхъ оригинальныхъ мнѣній объ отношеніяхъ женщины и мужчины, о значеніи супружества и любви; молодежь жадно впивала въ себя ходячія убѣжденія; можно было отдаться имъ вполнѣ, — такъ много оставалось незанятаго времени. Либертины ловко пользовались духомъ вѣка; роскошь и утонченность вкуса готовы были все прикрыть весьма благовидно, все разцвѣтить, все возвести на степень изящества; а такая изящная дѣйствительность легко могла представляться законною и нормальною. Тибуллъ былъ главнымъ центромъ и лучшимъ цвѣтомъ римской эротической элегіи; Овидій заключилъ ее рядомъ самыхъ талантливыхъ созданій. Есть нѣкоторые признаки, по которымъ можно полагать, что нашъ поэтъ въ своей ранней молодости былъ горячимъ послѣдователемъ и даже подражателемъ Тибулла [1]; но дальнѣйшее развитіе, при всей незначительности лѣтъ, раздѣлявшихъ того и другаго поэта, провело однако между ними огромное различіе. Элегія послѣ Тибулла не могла

[1] Группе (die römische Elegie, von O. F. Gruppe, 1838, 1, 105 — 143), на основаніи

уже въ своемъ содержаніи достигнуть бо́льшей глубины и существеннаго измѣненія; всѣ начала и основы, какъ со стороны поэтической идеи, такъ и въ отношеніи композиціи, положены были Тибулломъ съ полною геніальностію; возможно только было дальнѣйшее разширеніе, обобщеніе существенныхъ началъ, бо́льшее разнообразіе мотивовъ, обогащеніе внѣшнихъ средствъ стиха, развитіе мелкихъ пріемовъ. Эту послѣднюю задачу взялъ на себя и съ блистательнымъ успѣхомъ совершилъ Овидій. Тибуллъ нескорымъ и медлительнымъ шагомъ переходитъ отъ одного образа къ другому; онъ любитъ останавливаться при каждомъ образѣ, любитъ сосредоточивать на немъ свое вниманіе, и каждый образъ выходитъ изъ его мастерской чисто пластическимъ образомъ. Съ перваго взгляда замѣтно, что поле Овидія гораздо шире, или лучше — что шире шагъ его, развязнѣе походка; легкость и, если можно такъ сказать, проворство составляютъ его главное отличіе; онъ бѣгло и иногда какъ будто мимоходомъ касается своего предмета; онъ умѣетъ сказать о предметѣ довольно, но сказать скоро; онъ ни надъ чѣмъ не останавливается, ни надъ чѣмъ не задумывается долго; но при всемъ томъ черта, мелкая какая нибудь черта, схваченная имъ на лету, бываетъ часто такъ выразительна, что даетъ жизнь цѣлой картинѣ. Любуясь ею, мы не вправѣ однако назвать Овидія по преимуществу живописцемъ и съ этой стороны противупоставить его Тибуллу-пластику; это можно сдѣлать съ Проперціемъ: образы Овидія столько же пластичны, какъ образы Тибулла. Различіе между пластикой того и другаго можно выразить развѣ сравненіемъ — Скопаса и Праксителя; еще болѣе: si licet parva componere magnis, если Тибулла испробовали уже критики сравнить съ Софокломъ [1], при всемъ различіи времени и сферы дѣятельности, то остается Овидія приравнять Эврипиду. Оба представителя римской элегіи отличаются объективностію своихъ изображеній; но объективность объективности рознь: правда, и изъ произведеній Тибулла вы извлекаете ясное представленіе о характерѣ самого поэта; но чтобъ получить этотъ изящный образъ личности, вы должны все-таки *отвлечь* черты его отъ самой поэзіи, въ которой онъ скрывается какъ внутреннее творящее начало; самъ поэтъ не любитъ говорить о себѣ, не лю-

очень остроумныхъ сближеній, приписываетъ молодому Овидію цѣлую книгу элегій, извѣстную подъ именемъ Лигдама (Lygdamus) и попавшую какъ-то между произведеній Тибулла, не смотря на свою незрѣлость и особенно замѣтное различіе словоупотребленія.

[1] Груше, I, стр. 358.

битъ называть своего имени. Наоборотъ при чтеніи Овидія личность поэта бросается вамъ въ глаза прежде, чѣмъ то самое дѣло, въ которое она замѣшана; она является главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, со всѣми своими достоинствами и слабостями, и она-то служитъ вамъ проводникомъ въ длинномъ рядѣ эротическихъ событій; поэтъ часто напоминаетъ о себѣ, часто расказываетъ посторонніе обстоятельства своей частной жизни, прежней и современной: такою же привычкою отличался Горацій, его старшій современникъ. Также точно и въ самомъ искусствѣ: необыкновенная простота Тибулла на первый взглядъ скрывала отъ прежнихъ критиковъ задніе планы произведеній, расчитанность композиціи, глубокую связь переходовъ. У Овидія не нужно отыскивать этой внутренней стороны; онъ весь наружи, и пріемы искусства его слишкомъ замѣтны; но онъ такъ легко владѣетъ этимъ искусствомъ, такъ непринужденно, что вы никогда не упрекнете его въ искусственности; простота достигнута обоими: но Тибулломъ она достигнута ходомъ глубокаго развитія въ процессѣ творчества; Овидій беретъ ее съ разу, даромъ, т. е. даромъ своей ловкости и развязности. Такъ иногда глубокая натура, прожившая много внутреннимъ опытомъ, выноситъ отсюда и въ практическую жизнь какую-то простоту и непринужденность обращенія; и рядомъ съ нею мы видимъ часто фигуру свѣтскаго человѣка, воспитаннаго хорошимъ обществомъ, не глубокаго, но умнаго, и столь же простаго, непринужденнаго въ своихъ пріемахъ: результаты сходные, но не одинаковые, ибо не одинаковы причины. Еще далѣе: Тибуллъ отличается въ своей элегіи непосредственностію; въ его словахъ слышенъ голосъ не поддѣльной природы. Источникъ такой непосредственности, чуждой всякой рефлексіи, заключается конечно въ томъ, что поэтъ самъ, въ собственной жизни, прожилъ всѣ переходы изображаемой страсти, и каждая элегія сопровождала собою дѣйствительное событіе изъ жизни поэта, была сама событіемъ его жизни, а слово поэзіи было дѣломъ. Овидій не такъ легко поддавался, чему бы то ни было; онъ не любилъ также рефлектировать, — но нельзя поручиться, чтобы все расказанное было прожито его собственнымъ чувствомъ; можно скорѣе допустить, что онъ владѣлъ неистощимою способностью входить въ какое угодно положеніе любящаго существа, постигать разнообразныя состоянія страсти, и силою таланта воспроизводить цѣлые ряды эротическихъ образовъ и картинъ. Тибулломъ въ достаточной мѣрѣ владѣлъ поэтическій паѳосъ; его идеи, его рѣчь не лишены какого-то высокаго характера: Овидій говорилъ языкомъ окружавшей дѣйствительности, и въ его

словѣ дѣйствительность представлялась въ своемъ обычномъ, ежедневномъ видѣ. Между тѣмъ какъ яркая рѣчь Тибулла несла образъ за образомъ въ крупныхъ волнахъ своихъ, не скоро катившихся одна за другою, разчлененный стихъ Овидія дробилъ въ себѣ бѣглые очерки и также рѣзво игралъ искусствомъ, какъ играетъ разговорная рѣчь быстрою смѣной разнообразныхъ предметовъ разговора. Однимъ словомъ, переходя отъ чтенія Овидія прямо къ Тибуллу, мы замѣтимъ въ послѣднемъ болѣе опредѣленности, болѣе строгости и ограниченія, болѣе сосредоточенности; если не меньше здѣсь свободы, то менѣе произвола. И на оборотъ, переходя отъ Тибулла къ Овидію, мы чувствуемъ болѣе широты, болѣе развязности, и, неразлучно съ тѣмъ, болѣе небрежности и какой-то распущенности. Такое различіе въ искусствѣ того и другаго, должно было корениться на какихъ либо глубокихъ основаніяхъ. И въ самомъ дѣлѣ ихъ можно подмѣтить. Тибуллъ строго держался извѣстныхъ нравственныхъ правилъ; ни одинъ римскій поэтъ не умѣлъ такъ обойтись съ самымъ щекотливымъ предметомъ, чтобы въ то же время сохранить все нравственное достоинство лица и среди увлеченія соблюсти безукоризненность нѣкоторыхъ основныхъ убѣжденій. Въ изображеніяхъ своихъ онъ идетъ около той черты, за которою быть-можетъ начинается развратъ; но твердость неиспорченной души и здѣсь умѣетъ соблюсти свою мѣру. Онъ отдается страсти, но умѣетъ полуприкрыть нагую чувственность, не съ тѣмъ, чтобы раздражить еще болѣе, а чтобы освѣжить и очистить въ художественномъ образѣ. Овидій не связанъ предразсудками; но при этомъ иногда кажется, что онъ не связанъ ничѣмъ, а потому ничѣмъ не сдерживается; поле дѣйствія повидимому выигрываетъ обширность; можно затрогивать все, можно острить надо всѣмъ; лишь бы самому не потеряться въ этой сферѣ разоблаченной страсти, лишенной всякаго покрова. И въ самомъ дѣлѣ Овидій готовъ признаться, что онъ порядочный шалунъ, готовъ даже, пожалуй, въ шутку, назвать себя негодяемъ [1]. Но онъ не потеряется, ибо не оскорбитъ поэтической красоты и врожденнаго изящнаго вкуса. Онъ не могъ оскорбить своихъ отношеній къ женщинѣ, не могъ ихъ опошлить и унизить, ибо тогда оскорбилъ бы собственную натуру. За то онъ легко могъ дать разгулъ своей вѣтренной юности, могъ надѣлать глупостей, чтобы потомъ сказать: «мнѣ нѣтъ нужды до нравовъ, каковы они, хороши или

[1] Amor. Lib. II, El. 1, v. 1. 2: hoc quoque composui, Pelignis natus aquosis, ille ego nequitiae Naso poëta meae.

худы, — я люблю тѣло [1].» Онъ допускаетъ возможность того-другаго грѣшка, даже знаетъ его за своей милой, знаетъ и не скрываетъ, даже учитъ саму ее, какъ удобнѣе скрыть. Ему нужно счастье, а счастіе слѣпо, «не раскрывай же глазъ на дурное [2]». Теперь спрашивается: чѣмъ же выкупается въ нравственномъ смыслѣ этотъ недостатокъ строгости. Однимъ чувствомъ красоты? Но этого, быть можетъ, мало. Онъ выкупается во-первыхъ неподдѣльною ироніей: поэтъ одною стороной близокъ къ паденію и проступку, по другою стоитъ внѣ его, самъ смѣется надъ уклоненіемъ, и ненормальность разрѣшается сама собою. Еще болѣе имѣетъ здѣсь значенія поражающая откровенность; въ этомъ признаніи сердца примиряется читатель со всѣмъ тѣмъ, что̀ въ другомъ случаѣ могло бы возмутить его душу. Въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ стоитъ Овидій къ древнимъ народнымъ вѣрованіямъ и преданіямъ. Онъ не любитъ обращаться съ ними часто, а, касаясь мимоходомъ, точно также шутитъ напримѣръ съ Юпитеромъ, какъ шутитъ со всѣмъ прочимъ [3]. Напротивъ Тибуллъ и здѣсь также точно строгъ и послѣдователенъ: жалуясь на боговъ при своихъ неудачахъ, онъ тотчасъ готовъ выразить свое раскаяніе; народныя вѣрованія находятъ у него самыя увлекательныя описанія; его элегіи — эротическіе образы современнаго ему быта; но надъ этимъ вѣетъ постоянно духъ истой римской народности, со всѣми ея убѣжденіями и предразсудками; и потому между прочимъ его элегіи могутъ быть во многихъ случаяхъ важнымъ источникомъ для изучающаго римскую религію того времени. Оба они типическіе характеры Рима; но одинъ — болѣе типъ Рима древняго, другой — типъ Рима юнаго, юнаго поколѣнія. Такой характеръ, какъ характеръ Овидія, могъ возникнуть только тогда, когда ходъ внѣшнихъ событій и образованія окончательно привелъ съ собою обобщеніе понятій, извѣстную долю общечеловѣческаго сочувствія и —

[1] Amor. l. II, El. II, v. 38: aversor morum crimina: corpus amo.

[2] Amor. l. III, El. 14, v. 15 — 18:

Quae facis, haec facito, tantum fecisse negato,
Nec pudeat coram verba modesta loqui.
Est qui nequitiam locus exigat: omnibus illum
Deliciis imple; stet procul inde pudor.
29, 30: Da populo, da verba mihi, sine, nescius errem;
Et liceat stulta credulitate frui.

[3] Amor. II, 1, 17 — 20:

Clausit amica fores, ego cum Jove fulmen omisi,
Excidit ingenio Jupiter ipse meo.
Jupiter, ignoscas: nil me tua tela juvabant,
Clausa tuo majus janua fulmen erat.

даже космополитисма. Отсюда мы выигрываемъ новую черту для характеристики Овидія: это представитель знаменитой переходной эпохи, поэтъ на половину уже италіянскій, начальникъ будущихъ романскихъ поэтовъ, первый романтикъ. Между тѣмъ какъ Тибуллъ тѣсно примыкалъ къ кружку Мессалы, около котораго собиралось по преимуществу все римское и національное, точно такъ, какъ вокругъ Мецената по преимуществу сосредоточивалась симпатія къ греческому и общечеловѣческому (стоитъ упомянуть только Проперція и Горація): Овидій былъ одинаково близокъ ко всѣмъ замѣчательнымъ членамъ тогдашняго избраннаго общества. И въ этомъ высказывался его любезный характеръ, чуждый униженности, умѣвшій всегда сохранить свое благородство, и въ то же время поддержать миролюбивыя и дружескія отношенія. Тибуллъ по своему происхожденію принадлежалъ къ тогдашнему благородному сословію всадниковъ; онъ былъ болѣе зажиточный загородный сельскій помѣщикъ, нежели городской житель. А мы знаемъ, что въ разбираемый періодъ Римъ съ особенною любовію обращался къ полямъ Италіи, ея помѣстьямъ, ея земледѣльческому быту, деревенскимъ нравамъ. Аристократическія начала дѣлались за городомъ патріархальными. Здѣсь долго сохранялось уваженіе къ священнымъ повѣрьямъ, стариннымъ преданіямъ и суевѣріямъ; здѣсь таилась задушевная простота и близость къ природѣ. Здѣсь, въ этомъ нѣдрѣ природы и родовомъ помѣстьѣ, воспиталъ Тибуллъ богатство своихъ идиллическихъ образовъ, естественность въ развитіи своего дара, простоту нрава, непосредственность воззрѣнія. Всѣ эти особенности стирались и сглаживались въ центрѣ городской жизни, которой по преимуществу принадлежалъ Овидій по своей симпатіи; повторяемъ сказанное выше, — онъ былъ выразителемъ интересовъ отборнаго городскаго общества; этому призванію онъ не измѣнилъ ни разу въ своей дѣятельности, и увлекаясь порою особенностями Италіи, оставался все таки вѣренъ своему основному типу; съ этой стороны мы не видимъ въ его произведеніяхъ никакихъ противорѣчій. Тибуллъ, этотъ пѣвецъ сельскаго счастія, тоже не былъ совершенно чуждъ городской жизни. Остроумный, но нѣсколько злой, Горацій подмѣтилъ возникавшую отсюда несообразность, — не въ поэтическомъ творчествѣ, а въ характерѣ и дѣйствіяхъ самого поэта. Мы согласны вполнѣ съ тѣми критиками [1], которые во второмъ стихѣ гораціевыхъ эподъ видятъ злую и мѣткую пародію, или лучше сатиру на Тибулла. Въ этомъ знаменитомъ стихѣ («beatus ille, qui procul negotiis»....) дѣйствующимъ

[1] Группе, I, стр. 390 — 396.

лицомъ является ростовщикъ Алфій (Alfius), напоминающій своимъ именемъ Албія Тибулла. Онъ разсуждаетъ самъ съ собою и, плѣняясь прелестями мирной сельской жизни, описываетъ ихъ красками и даже порою стихами Тибулла; здѣсь между прочимъ является и наивный образъ хозяйки, заботливой по старинному, цѣломудренной, простой, загорѣлой, такой образъ, который прекрасно соотвѣтствовалъ мечтамъ элегика о старинномъ золотомъ вѣкѣ, а съ другой стороны представлялъ комическую противуположность изящному образу Деліи, любимицы Тибулла. Увлеченный такими мечтами, ростовщикъ съ презрѣніемъ говоритъ о городскихъ привычкахъ, рвется на лоно отрадной загородной жизни, готовъ сдѣлаться селяниномъ (jam jam futurus rusticus); къ идамъ собралъ онъ всѣ свои деньги для покупки помѣстья, — и что же? при наступленіи календъ капиталъ снова пущенъ въ ростъ и обороты. Такая сатира могла затронуть за живое Тибулла, любившаго блага городской и общественной жизни, и въ то же время въ своихъ элегіяхъ воспѣвавшаго рѣшительно-противоположные и несходные мотивы. И безъ того Горацій съ усмѣшкой напоминалъ ему часто, какъ будто нарочно, всѣ удобства жизни, которыми пользовался элегикъ [1]; а подъ часъ онъ убѣждалъ его даже не слишкомъ горевать и жаловаться [2]. Все это конечно не роняетъ однако достоинства Тибулловыхъ произведеній. При всей естественности Овидія, или лучше самихъ его произведеній, мы замѣтили выше въ личныхъ воззрѣніяхъ поэта существенное противорѣчіе: таковъ ужь былъ вѣкъ, которому суждено было не выпутываться изъ сѣти противорѣчій.

Рядъ собственно эротическихъ элегій заключается въ томъ произведеніи поэта, которое носитъ на себѣ имя «Любви» (Amorum, c. III); за этимъ слѣдовало другое знаменитое произведеніе, того же содержанія, но дидактическаго тона, въ смыслѣ наставленій и правилъ: это — «Искусство любить» (Ars amatoria или чаще amandi, l. III). Оно-то возбудило столько толковъ и навлекло впослѣдствіи гоненіе на самого поэта; желая смягчить, если не изгладить дѣйствіе «Искусства» онъ издалъ «Врачеваніе любви» (Remedia amoris). Но дѣло преслѣдованія пріостановилось только на время. Впослѣдствіи, оправдывая увлеченіе молодости, Овидій страннымъ образомъ отдѣлилъ свою личность

[1] Hor. Epist. lib. I, ep. 4, v. 6 и дал.: «Боги дали тебѣ красоту, боги дали богатство и искусство имъ пользоваться. Какого лучше могла себѣ пожелать кормилица выкормочка? Чего лучше? Онъ можетъ и умствовать и высказывать все, что чувствуетъ; онъ одаренъ въ обильи и умѣньемъ ласково уживаться съ другими, и славой, и здоровьемъ»....

[2] Hor. Carm. I, 33, 1: «полно, Албій, не горюй слишкомъ»....

отъ произведеній: онъ увѣрялъ, что личные его нравы или лучше личное поведеніе не похожи на стихи, что муза его шутлива, но жизнь скромна и безукоризненна [1]. При всемъ видимомъ здѣсь противорѣчіи между словомъ и дѣломъ, какъ будто жизнь писателя можно отдѣлить отъ произведенія, и самое его слово не есть уже дѣло, при всемъ томъ, не осуждая элегій поэта, мы должны признаться, что въ самомъ дѣлѣ жизнь его была безукоризненна, то-есть если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія того времени.

Сравненіе съ Тибулломъ характеризуетъ для насъ и разбираемую эпоху, и въ особенности лице поэта; оно пригодится намъ и впослѣдствіи, когда придется сравнивать Овидія съ другимъ, старшимъ его, писателемъ. Въ этой послѣдующей характеристикѣ откроемъ мы подобныя же черты, хотя при другихъ условіяхъ и въ другомъ отношеніи.

Жизнь Овидія текла мирно; схоронивъ своихъ старшихъ современниковъ, между ними Тибулла и Виргилія, оплакавъ Горація и Проперція, женившись въ третій разъ и уже пристроивши дочь, онъ трудился надъ «Метаморфозами» и «Фастами», когда внезапно поразилъ его роковой ударъ изгнанія. Безспорно, внѣшнимъ поводомъ и уликой была та нескромность, которую допустилъ онъ въ своемъ «Искусствѣ любви»; но во-первыхъ — съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько лѣтъ, первое впечатлѣніе смягчилось, толки затихли; да притомъ же эта мнимая непристойность не перещеголяла современныхъ тогдашнихъ нравовъ, изображеній Горація и другихъ поэтовъ, ни даже любимыхъ стишковъ самого Августа; глухо и темно, но часто намекалъ самъ поэтъ на истинную причину строгости. Ни ближайшіе послѣдователи, ни современные намъ ученые не уяснили тайны. Догадки однихъ указывали на преступныя или по крайней мѣрѣ неумѣстныя отношенія къ Юліи, внукѣ Августа [2]; другіе указываютъ, гораздо вѣроятнѣе, на заговоръ въ пользу Агриппы Постума и мстительность Ливіи и Тиберія [3]; наконецъ третьи, и кажется справедливѣе всѣхъ, не уясняя положительно указаній Овидія, довольствуются только опроверженіемъ невѣроятнаго [4]. Какъ бы то ни было, Овидія постигло изгнаніе; никакія скорб-

[1] Trist. lib. II, 353, 354:

Crede mihi: mores distant a carmine nostro;
Vita verecunda est, musa jocasa mihi.

[2] Изъ новѣйшихъ писателей это мнѣніе нашло себѣ особеннаго защитника въ В. А. Шмидтѣ.

[3] Villeneuve, Vie d'Ovide, очень остроумное разсужденіе, помѣщенное изъ Biographie universelle въ изданіи Лёмера.

[4] Ovidii vita, per Joh. Masson, ed. Lemaire, vol. VIII; доселѣ полнѣйшій сборникъ фактовъ.

ныя жалобы и мольбы о заступленіи и ходатайствѣ не возвратили ему отечества. А между тѣмъ, уѣзжая, онъ оставлялъ неоконченными Фасты, тотъ трудъ свой, въ которомъ показалъ такъ много опытности и искусства его созрѣвшій талантъ. Это новое произведеніе Овидія совсѣмъ уже не похоже было на прежнія элегіи. Самъ поэтъ дивился порою, какимъ образомъ онъ, бывшій пѣвецъ любви, могъ перейти къ такому важному труду [1]. Разгадка вопроса заключается главнымъ образомъ въ созрѣвшихъ лѣтахъ и возмужавшемъ талантѣ. Тотъ типъ художника, который видѣли мы въ элегическихъ опытахъ юноши, окрѣпъ теперь въ чертахъ своихъ, въ опытѣ стяжалъ умѣнье владѣть собою, и не теряя прежней геніальности, почувствовалъ силу и возможность подчинить своему творчеству предметъ болѣе важный, предметъ родной исторіи и жизни, и притомъ жизни высшей, религіозной. И такой прекрасный трудъ былъ прерванъ изгнаніемъ! Художникъ не могъ не выразить о томъ глубокой скорби: дѣйствительно, между грустными сожалѣніями, которыя выразилъ поэтъ вскорѣ послѣ отъѣзда, въ одномъ изъ обращеній къ Августу, мы встрѣчаемъ очень замѣчательное мѣсто, проливающее свѣтъ на многія стороны Фастъ [2], Здѣсь прежде всего останавливаетъ насъ указаніе на число написанныхъ книгъ. Извѣстно, что число дошедшихъ до насъ ограничивается шестью, которыя относятся къ первымъ шести мѣсяцамъ, начиная отъ января до августа, притомъ такъ, что каждый изъ мѣсяцевъ занимаетъ одну книгу. Относящіяся сюда слова Овидія въ приведенномъ мѣстѣ довольно темны и дозволяютъ разныя противорѣчащія догадки. На основаніи ихъ одни допускаютъ, что Овидіемъ *сполна* написаны всѣ двѣнадцать книгъ, о цѣломъ годѣ (*sex totidemque* — шесть и шесть), — но что послѣднія шесть для насъ затеряны въ позднѣйшее время; это мнѣніе не выдерживаетъ однакожь строгой критики [3]. Другое

[1] Fast. II, 2 — 9: «Теперь въ первый разъ ты идешь, элегическій стихъ, на парусахъ болѣе широкихъ; еще недавно я помню, ты занятъ былъ дѣломъ неважнымъ и мелкимъ; да, ты хорошо и ловко послужилъ мнѣ въ свое время, когда я воспѣвалъ любовь; это было въ ту пору, когда первая юность играла твоимъ складомъ. И вотъ я же, тотъ самый, пою теперь священнодѣйствія, сроки празднествъ, обозначенные въ фастахъ. Кто бы повѣрилъ, что съ прежней дороги можно обратиться на ту, по которой теперь иду я»?!

[2] Вотъ это мѣсто (Trist. l. II, v. 549 — 552):

«Sex ego fastorum scripsi totidemque libellos
Cumque suo finem mense volumen * habet;
Idque tuo nuper scriptum sub nomine, Caesar,
Et tibi sacratum sors mea rupit opus».

[3] Таково было господствующее мнѣніе старинныхъ изслѣдователей Фастъ.

* Libellus.

мнѣніе, болѣе основательное, имѣя въ виду преимущественно тотъ стихъ, въ которомъ говорится, что роковая судьба *прервала* начатый трудъ (rupit), утверждаетъ, что Овидій успѣлъ написать только шесть первыхъ книгъ [1]; но такое толкованіе не исключаетъ нѣкоторыхъ сомнѣній, ибо затрудняется при объясненіи указаннаго Овидіемъ числа двѣнадцати, а не шести. Если не предположить порчи текста въ приведенномъ мѣстѣ, то его можетъ-быть слѣдовало бы объяснить такъ: подъ двѣнадцатью книгами разумѣлъ поэтъ неполные и набросанные очерки, трудъ, который въ своей окончательной обработкѣ и отдѣлкѣ прерванъ былъ изгнаніемъ; впослѣдствіи, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, и особенно первой книгѣ, онъ былъ окончательно отдѣланъ, но перешелъ къ потомству только въ шести книгахъ, и погибъ въ остальныхъ, быть-можетъ только очерченныхъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ мы не настаиваемъ на объясненіи нашемъ и переходимъ къ генетическому изслѣдованію, которое прольетъ свѣтъ на всю композицію труда [2]. Поводъ къ этому даетъ намъ опять приведенное выше мѣсто, свидѣтельствуя, что трудъ совершенъ былъ, или лучше, основанъ и очерченъ, *недавно* предъ изгнаніемъ, *не задолго* (nuper), подъ именемъ Августа (sub nomine), которому былъ посвященъ (sacratum). Еще до Овидія, Проперцій, его старшій современникъ и пріятель, написалъ извѣстную подъ именемъ пятой книгу элегій, гдѣ имѣлъ въ виду *воспѣть священнодѣйствія, ихъ дни, древнія прозвища мѣстъ* [3]: очень не мудрено, что нашъ поэтъ, признававшій себя преемникомъ Проперція [4], обратился къ тому же дѣлу, поставивъ себѣ кромѣ того цѣлію объяснить *причины* извѣстныхъ религіозныхъ дѣйствій, тѣмъ

[1] Гиригъ въ своемъ изданіи и Масонъ въ жизни Овидія.

[2] Считаемъ нужнымъ замѣтить здѣсь, что слѣдующія указанія наши основываются главнымъ образомъ на проницательнѣйшемъ изслѣдованіи Меркеля, изданномъ въ Берлинѣ 1841 г. Оно представляетъ во-первыхъ на основаніи многихъ списковъ очищенный текстъ Фастъ; потомъ подробное изысканіе объ ихъ значеніи при сличеніи свидѣтельствъ Овидія съ источниками того же рода; далѣе композицію произведенія, и наконецъ исторію рукописей. Оно отличается огромною ученостію и строгимъ изученіемъ содержанія Фастъ, но ему недостаетъ систематическаго порядка, а по мѣстамъ и легкости въ латинскомъ языкѣ. Непріятна также заклятая вражда противу всякихъ толковъ о живомъ и поэтическомъ элементѣ произведенія. Кромѣ того мы пользовались изданіемъ Гирига (Лейпцигъ 1812—14.). Текстъ здѣсь не совсѣмъ исправенъ, объясненіе выраженій не вездѣ основано на точномъ изученіи языка, но за то снесеніе съ другими писателями и обильный перифразъ прекрасно облегчаютъ пониманіе содержанія, а подробнѣйшій указатель (index) содержанія (rerum) и самихъ словъ и выраженій (verborum), занимающій весь второй томъ, составляетъ истинный кладъ для изучающаго.

[3] El. I, v. 69.

[4] Trist. II, 463—467.

болѣе, что къ подобному же труду былъ вызванъ и другъ его Сабинъ, оторванный отъ продолженія дѣла раннею смертію [1]. Сюда присоединилось еще особенное, чрезвычайно сильное побужденіе, которое чуждо было Проперцію: въ 13 году до Р. X., 741 году города, Августъ по смерти Лепида получилъ санъ верховнаго жреца (Pontifex maximus), послѣ чего, особенно съ 746 года города, послѣдовало много измѣненій въ религіозномъ поклоненіи и фастахъ. Тогда-то Овидій обратился къ своему новому произведенію, послѣ Героидъ и эротическихъ элегій, во всякомъ случаѣ не позже, какъ вскорѣ за 744 годомъ города [2]. Собственно же онъ имѣлъ досугъ заняться фастами вѣроятно около 752 г. города, окончивши «Искусство любви», ибо къ этому времени относится уже извѣстный рядъ упоминаемыхъ имъ событій [3]. Его возрастъ былъ въ лѣтахъ 41 — 42, и съ этой эпохи мы можемъ слѣдить современность нѣкоторыхъ обозначаемыхъ обстоятельствъ, въ теченіи десяти лѣтъ, т. е. до эпохи изгнанія, предъ которою, по свидѣтельству выше приведеннаго мѣста (nuper), особенно и преимущественно занятъ онъ былъ обработкой труда. Пять послѣднихъ книгъ изъ числа дошедшихъ до насъ, заключаютъ много пропусковъ, въ своихъ обращеніяхъ къ Цезарю постоянно предполагаютъ Августа, а не Германика, и почти безъ всякаго сомнѣнія представляются намъ въ томъ самомъ видѣ, какой имѣли въ годъ изгнанія. Между тѣмъ первая книга вся переправлена; здѣсь указываются уже: путь въ мѣсто изгнанія; самое изгнаніе; обстоятельства, за нимъ послѣдовавшія, какъ-то — посвященіе храма согласія, побѣда надъ Сигамбрами Тиберія, усыновленіе Ливіи подъ именемъ Юліи Августы [4]. Расказываются даже нѣкоторыя событія 768 г. города. Упоминается объ Августѣ, но уже объ умершемъ; наконецъ о Тиберіѣ, хотя немного и неохотно [5]. Все такимъ образомъ доказываетъ, что не успѣвъ обработать слѣдующихъ пяти книгъ, Овидій, занимаясь въ изгнаніи отдѣлкой «Метаморфозъ», переправилъ и первую книгу «Фастъ», а главное, она посвящена уже Германику, и о немъ часто идетъ рѣчь [6]. Обращаясь къ Германику, она переводитъ на него же и всѣ тѣ воззванія къ цезарямъ, которыя встрѣчаются въ послѣдующихъ пяти книгахъ, такъ что въ

[1] Ex P. IV, 16, v. 15, 16.

[2] F. II, 282. Сноски изъ Фастъ мы дѣлаемъ по изданію Гирига.

[3] Намеки на старшую Юлію въ изображеніи Клавдіи, прозваніе Августа отцемъ отечества, посвященіе храма Марсу мстителю, и т. д. Подробнѣе объ этомъ у Меркеля, стр. CCLIV — CCCXIX.

[4] 389, 390; 482 и дал., 540, 639 и дал.; 645 и дал.; 536.

[5] 529, 530; 531—35; 613, 645, 287, 701, 721.

[6] Первые 26 стиховъ первой книги Фастъ; далѣе 285—6; 701, 714, 721.

нихъ разумѣйте кого хотите, Августа по первоначальному смыслу, Германика вслѣдствіе посвященія первой книги. Противорѣчіе вопіющее; но голосъ обвиненія едва ли осмѣлится осудить поступокъ поэта: шестидесятилѣтній старикъ, оторванный отъ родныхъ, отъ общества, отъ города и отчизны, напрасно обращался къ Августу съ горькими жалобами, и, роняя былую бодрость таланта, въ уничиженныхъ посланіяхъ просилъ ходатайства прежнихъ друзей своихъ.

«Жалобы» Овидія (Tristium l. V) и его «Письма изъ Понта» (ex Ponto l. IV) представляютъ рядъ элегій, въ которыхъ излилась скорбная душа изгнанника. Замѣчательно, что поэтъ окончилъ поприще своей дѣятельности тѣмъ же, чѣмъ началъ, — элегіей. Но между первой и послѣдней было много различія: тамъ живые интересы настоящаго, здѣсь одни воспоминанія; тамъ любовь, здѣсь грусть и отчаяніе; тамъ искусство во всемъ цвѣтѣ юности, здѣсь ослабѣвшія силы художника, оторваннаго отъ той городской и общественной сферы, въ которой одной только могла находить пищу его симпатія. Еще болѣе: здѣсь на первомъ планѣ уже не художникъ, а человѣкъ, съ его страданіями. Одного изгнанія было мало: въ отсутствіе поэта мелкіе враги и завистники подняли голову. Напасть на произведенія Овидія можно было съ одной только стороны: упрекали его поэзію въ излишней легкости, въ недостаткѣ значенія и вѣса. Взволнованный художникъ отвѣчалъ колкою правдой: онъ отвѣчалъ, что по крайней мѣрѣ теперь, въ настоящемъ его положеніи, нельзя найти прежняго недостатка; «горе придало словамъ его тяжесть». Таковъ смыслъ его «Ибиса» (Ibis), желчнаго и ѣдкаго отвѣта обвинителямъ. Съ этой же стороны нельзя не видѣть нѣкотораго сходства между первыми и послѣдними элегіями поэта: и тѣ и другія отданы сполна личной страсти. Но въ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе вопіющей и горькой правды. Примѣръ замѣчательный въ исторіи классической литературы! Онъ замѣчателенъ потому, что въ римской элегіи впервые высказывалось теперь грустное чувство безъ всякой поддѣлки, безъ всякой фикціи, на основаніи дѣйствительнаго и глубокаго несчастія; онъ замѣчателенъ еще и потому, что древняя Греція могла выставить съ своей стороны подобное же явленіе. Тамъ былъ Ѳеогнидъ, изгнанникъ Мегары, долго блуждавшій за предѣлами своего роднаго города, не разъ среди изгнанія пытавшійся выразить порывы своего оскорбленнаго чувства въ формѣ элегическаго стиха. Но это былъ изгнанникъ за свои суровыя аристократическія убѣжденія; онъ дождался наконецъ возврата на родину: Овидій ждалъ напрасно. Августъ умеръ, Ливія и Тиберій явились во главѣ государства: поэтъ скоро замолкъ, указывая быть можетъ тѣмъ истинную причину изгна-

нія. Но вотъ въ 770-мъ году города несется слухъ, что Германикъ отправляется на Востокъ; онъ будетъ вѣроятно близко отъ страны изгнанника; надежда воскресла въ душѣ на основаніи прежнихъ воспоминаній. Овидій остановился еще разъ на Фастахъ, трудѣ лучшихъ, зрѣлыхъ лѣтъ своихъ, того времени, когда въ художникѣ затихли волненія юности, а на свѣжесть таланта еще не посягала рука тяжелой судьбы. Онъ снова пересмотрѣлъ, переправилъ первую книгу; въ послѣдній разъ проснувшаяся энергія вылилась въ горячихъ воззваніяхъ къ Германику. Но и это было напрасно: онъ не дождался лучшей участи. Пустынная страна была свидѣтельницею смерти одного изъ величайшихъ представителей римскаго творчества.

Теперь мы уже довольно приготовлены для того, чтобы приступить къ спеціяльному изученію избраннаго нами произведенія Овидія. Мы уже пріобрѣли себѣ общее понятіе и о характерѣ той эпохи, въ которую жилъ Овидій, и о личномъ характерѣ самого поэта. Дознанное нами значеніе Овидія, какъ поэта позднѣйшаго, и если народнаго, то народнаго не въ простомъ и первобытномъ смыслѣ, далѣе какъ такого лица, котораго черты успѣли мы разсмотрѣть среди самой жизни и окружавшей дѣйствительности, это значеніе приводитъ насъ къ тому естественному убѣжденію, что свидѣтельства Овидія не должны быть принимаемы легковѣрно и на слово, но требуютъ строгаго анализа для открытія истины. Прямо и непосредственно нельзя на нихъ положиться; не говоримъ, что они невѣрны, но говоримъ, что ихъ нужно очистить, поставить въ той формѣ, въ томъ аппаратѣ и свѣтѣ, въ какомъ они могли бы намъ говорить сущую правду, а мы могли бы ей надежно повѣрить. Обращаясь къ разрѣшенію этой задачи, мы намѣрены сначала разсмотрѣть, какія свѣдѣнія авторъ имѣлъ и сообщилъ намъ, или иначе *что́* служитъ содержаніемъ его показаній, и потомъ — *какъ* онъ поступилъ въ этомъ дѣлѣ, каковы его пріемы, и искусство, и каковъ образъ пониманія римской религіи.

Названіе *Фастъ*, *Fasti*, имѣетъ корнемъ своимъ *fa*, являющееся въ греческихъ словахъ *φάω*, *φημί*, говорю, и латинскихъ *fari*, говорить, сказывать, *fatum* — рокъ. Такимъ названіемъ обозначались въ Римѣ тѣ дни (dies fasti), когда преторъ могъ произносить извѣстныя слова, составлявшія необходимую форму и принадлежность его суда и расправы. Роспись такихъ дней, столь важная для всей общественной жизни, находилась въ рукахъ жрецовъ (pontifices) и была слѣдовательно доступна только патриціямъ, пока Кней Флавій, письмоводитель верховнаго жреца Аппія Цека (Caecus), въ 449-мъ году города, не обнародывалъ ее для всѣхъ. Мало по малу роспись расширялась, прини-

мая въ себя изчисленіе праздниковъ и всякихъ особенно замѣчательныхъ событій, такъ что впослѣдствіи имя фастъ сдѣлалось синонимой всякаго календаря, въ какомъ бы то ни было отношеніи: были календари съ обозначеніемъ главныхъ правительственныхъ лицъ (fasti consulares или magistratuum); были календари сельскіе (f. rustici), сообщавшіе свѣдѣнія, необходимыя для поселянина и земледѣльца, и т. д. — Но собственное названіе фастъ осталось по преимуществу за тѣми, которые отмѣчали дни въ отношеніи къ судопроизводству и религіозному значенію, ибо то и другое связывалось взаимною зависимостью. Овидій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего труда не оставляетъ насъ въ невѣдѣніи касательно этого предмета [1]. Дополняя его показанія свидѣтельствами другихъ писателей, мы узнаёмъ, что собственно *фастами* (fasti) въ позднѣйшее время назывались дни, когда дозволялись суды (judicia); дни *комиціальные* (comitiales) сверхъ того допускали собранія народа и сената; далѣе, имъ противополагались *нефасты* (nefasti) въ обширномъ смыслѣ, т. е. дни *религіозные* или *черные*, воспрещавшіе всякое общественное отправленіе, за исключеніемъ крайней необходимости, и *нефасты въ тѣсномъ смыслѣ*, возбранявшіе только судилища; наконецъ были дни, неблагопріятные только отчасти, въ извѣстные часы, и т. п. (nef: parte или priore). Такое значеніе дней зависѣло отъ ихъ мѣста въ порядкѣ текущаго мѣсяца, отъ различныхъ воспоминаній и религіозныхъ учрежденій, съ ними сопряженныхъ, и т. д. Календари обозначали ихъ начальными буквами, изрѣдка прибавляя нѣкоторыя объясненія и подробности, и то большею частію въ одномъ загадочномъ для потомства заглавіи. Темнота и сухость составляютъ такимъ образомъ ихъ главное отличіе; вырѣзывались они обыкновенно на какихъ нибудь таблицахъ и продолжали являться съ послѣднихъ временъ республики до конца среднихъ вѣковъ. Язычество долго укрывалось въ Италіи и однимъ изъ главныхъ ходячихъ его памятниковъ были безъ сомнѣнія такого рода фасты, гдѣ рядомъ съ древними астрономическими данными и указаніемъ современныхъ событій стояли иногда имена языческихъ боговъ и праздневствъ; здѣсь напримѣръ имя Оссевальда встрѣчаемъ мы порою подлѣ Сифакса и Газдрубала [2], и, судя по словамъ календаря, можно бы было подумать, что въ его время побѣжденъ былъ Фламиній и праздновались еще торжества Ларовъ и Квирина. Впрочемъ обыкновенно такія таблицы, за исключеніемъ позднѣйшихъ, смѣшанныхъ, свидѣтельствуютъ только о *своемъ* времени.

[1] F. I, 45—60; II, 557 и дал: VI. 221 и дал. 766 и дал. др.
[2] См. у Меркеля p. LVIII, Calendaria e membranis, іюнь.

Важность ихъ открывается изъ того, что мы находимъ здѣсь не только опредѣленія времени и мѣста извѣстныхъ историческихъ событій и учрежденій, но даже узнаемъ и то, какъ смотрѣлъ на нихъ народъ и цѣнилъ ихъ. И если бы въ послѣднее время республики взялъ на себя подобный трудъ одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ ученыхъ, которыхъ тогда бывало довольно, то это было бы одно изъ величайшихъ сокровищъ для историка. Къ несчастію въ то время у Римлянъ господствовало еще плохое и невѣрное раздѣленіе года и дней, равно какъ сбивчивость въ календарѣ. Древнѣйшій изъ сохранившихся до насъ памятниковъ такого рода есть календарь *маффеанскій* (*fasti Maffeorum* или *Calendarium maffeanum*, мраморная таблица, найденная около 1547 г., находившаяся во дворцѣ Маффеи, потомъ пропавшая, но нѣсколько разъ списанная [1]). По нѣкоторымъ признакамъ его относятъ ко времени

[1] Въ первый разъ эти фасты изданы **Альдомъ Мануціемъ** Ep. Orphogr. p. 209. По мнѣнію **Меркеля**, ученаго издателя Фастъ Овидія, лучшій списокъ ихъ сдѣланъ **Пигіемъ** (Pigh.); **Меркель** издалъ этотъ списокъ; но въ Speculum Romanae magnificentiae помѣщенъ fac-simile, значительно отличающійся отъ списка **Пигіева** и довольно согласный съ текстомъ маффеанскихъ Фастъ, изданнымъ у **Грутера** Thesaur. p. 133. Это заставляетъ сомнѣваться въ авторитетѣ **Пигія** (см. Becker Hdb. d. Röm. Alterth. 1. p. 719). Маффеанскій календарь изданъ также въ **Орелліевомъ** собраніи отборныхъ надписей Vol. II, p. 382. и у **Целля** Hdb. d. Röm. Epigraphik 1, p. 58. Выписываемъ для образчика первые 15 дней января мѣсяца:

Текстъ маффеанскій.	Объясненіе.
	1-я нундина:
A. K. Jan. F.	1-й день Kalendae Januariae. Fastus.
B. F.	2-й д. Fastus.
C. C.	3-й д. Comitialis.
D. C.	4-й д. Comitialis.
E. Non. F.	5-й д. Ноны Fastus.
F. F.	6-й д. Fastus.
G. C.	7-й д. Comitialis.
H. C.	8-й д. Comitialis.
	2-я нундина:
A. Agon.	1-й д. Agonalia.
B. En.	2-й д. Endotercisus.
C. Car. NP.	3-й д. Carmentalia Nefastus Parte.
D. C.	4-й д. Comitialis.
E. Id. NP	5-й д. Иды. Nefastus Parte
F. En. Dies Vitios.	6-й д. Endotercisus.
Ex. S. C.	Dies vitiosus. Ex Senatus Consulto.
G. Car.	7-й д. Carmentalia.

Второе мѣсто занимаютъ Fasti Praenestini, найденные въ 1774 г. въ теперешней Палестринѣ, древней Praeneste. Они были составлены и отчасти объяснены знаменитымъ грамматикомъ времени Августа **Верріемъ Флаккомъ**, но къ сожалѣнію обнимаютъ только мѣсяцы декабрь и отъ января до апрѣля, но и тѣ не полные; отъ февраля напр. осталась только одна замѣтка. Изданы ученымъ **Фоджини**. Roma. 1781. fol. и въ **Вольфовомъ** изданіи Светонія. Кромѣ этихъ двухъ важнѣй-

Августа, именно не древнѣе 757-го года города, и не позднѣе 759-го. Такимъ образомъ, по времени, съ нимъ близко соединяются Фасты Овидія. Разсматривая тотъ и другой памятникъ вмѣстѣ, мы приходимъ къ тому заключенію, что хотя они несравненно точнѣе и многозначительнѣе всѣхъ послѣдующихъ отрывочныхъ свидѣтельствъ того же рода, но при всемъ томъ не замѣняютъ для насъ вполнѣ такихъ памятниковъ, которые желали бы мы имѣть изъ времени республики. Хотя ихъ эпоха еще не была временемъ окончательнаго паденія, но она все-таки была уже временемъ ослабленія и разстройства римскихъ религіозныхъ учрежденій; и мы знаемъ положительно, что Цезарь, исправившій календарь, и Августъ, измѣнившій во многомъ составъ и теченіе празднествъ и обрядовъ, — обстоятельство, послужившее главнымъ поводомъ Овидіева труда, — тѣмъ самымъ исказили прежнюю чистоту ихъ и древній смыслъ. И тотъ и другой великій цезарь странно обошлись съ календаремъ римскимъ: мѣсяцы получили ихъ имена; забыты или заслонены многія древнія празднества, и во всемъ блескѣ выступили торжества новыя, относившіяся къ обстоятельствамъ жизни, побѣдамъ цезарей и т. д.; многіе обряды обширно развиты или сокращены и унижены, смотря по своей близости къ смыслу политическихъ событій или къ обстоятельствамъ фамильныхъ священнодѣйствій и привычекъ; по выраженію Діона [1], Августъ иногда однимъ предписаніемъ, однимъ, такъ сказать, взмахомъ, разрывалъ самыя крѣпкія связи настоящаго и прошедшаго. Такъ дни нѣкоторыхъ игръ отданы собраніямъ сената, и такимъ образомъ изъ нефастовъ обращены въ фасты. Причина, говорятъ, была та же, которая заставила, кромѣ древняго римскаго форума, устроить новые форумы Юлія и Августа: умноженіе дѣлъ судопроизводства, бо́льшая широта ихъ и сложность. Дѣйствительно форумъ Августа такъ спѣшили открыть, что недождались даже посвященія Марсова храма, составлявшаго религіозную основу мѣста (*τέμενος*): а между тѣмъ со-

шихъ, есть еще календари Amiterninium, Antiatinum, Venusinum, Capranicorum, Pinciaпum, Esquilinum, Vaticanum, Farnesianum, Alifanum и наконецъ, уже изъ временъ Констанція, т. н. Calendar. Lambecianum, находящійся въ Вѣнѣ. Всѣ отрывки собраны у Орелли II, p. 379. Недавно изданъ отрывокъ изъ Calendarium Cumanum, одна часть котораго теперь въ Римѣ, а другая въ Неаполѣ. См. Mommsen въ Bullet dell' Inst. arch. 1846 p. 78. Zell Hdb. d. röm. Epigr. p. 59. Всѣ отмѣтки относятся къ дому Цезаря. Особый разрядъ составляли *fasti rustici*, — въ которыхъ означались сельскія празднества и дни, важные для земледѣльца. Таковъ Calendarium rusticum Farnesinum, теперь въ Неаполѣ, четырехсторонній камень, на каждой сторонѣ по три мѣсяца; изданъ у Грутера, Орелли, Целля и въ Геснеровыхъ Scriptores rei rusticae.

[1] 53, 2; — «*δι' ἑνὸς προγράμματος κατέλυσε*».

бранія сената были опредѣлены только два раза въ мѣсяцъ! Дѣло искупалось развѣ тѣмъ, что при самыхъ собраніяхъ учреждены вновь разныя торжественныя священнодѣйствія? Но, какъ бы то ни было, отъ новыхъ постановленій сильно потерпѣла почтенная древность, и многаго, что̀ мы хотѣли бы знать, мы не узнаемъ изъ фастъ времени Августа. Впрочемъ Овидій въ этомъ отношеніи нерѣдко радуетъ изслѣдователя. Сравнивая фасты маффеанскіе съ Овидіевыми, мы находимъ, что между тѣмъ какъ первые представляютъ намъ отчетъ объ одномъ своемъ времени, т. е. о томъ состояніи учрежденій, которое приведено было постановленіями Цезаря и Августа, Овидій обозначаетъ иногда древніе и вышедшіе изъ употребленія обычаи [1]. Но съ другой стороны маффеанскіе фасты сохранили для насъ почти цѣлые двѣнадцать мѣсяцевъ, тогда какъ Овидій оставилъ только шесть книгъ и даже въ нихъ допустилъ нѣкоторые пропуски. [2] Впрочемъ какъ ни важна такая полнота маффеанскихъ фастъ, какъ ни вѣрно то, что они указываютъ иногда заглавными буквами основаніе и причину того или

[1] Такъ напр. F. III, 883, 884. въ послѣдній день марта мѣсяца, Овидій упоминаетъ праздество Лунѣ на холмѣ Авентинскомъ, что опущено календаремъ маффеанскимъ, ибо относилось къ отдаленной древности и почти забыто было временемъ Августа. Далѣе въ іюнѣ, F. VI, 199—210, Овидій упоминаетъ посвященіе храмовъ Беллонѣ и Геркулесу, но опять, по тѣмъ же причинамъ (посвященія эти уже не препятствовали комиціямъ) не найдемъ мы такого указанія въ таблицѣ маффеанской.

[2] Здѣсь дѣло идетъ еще не о дополненіяхъ къ Фастамъ, но о томъ, пропускалъ ли Овидій обстоятельства и случаи для вѣрной отмѣтки нѣкоторыхъ дней, fastus или nefastus, и т. п., другими словами вѣрно ли онъ обозначалъ различіе дней, и не опускалъ ли нѣкоторыхъ событій, сообщавшихъ извѣстному дню то или другое значеніе. Въ этомъ отношеніи, при самомъ строгомъ сличеніи Овидія съ другими сохранившимися намъ показаніями писателей, открывается у него не болѣе, какъ пять, шесть пропусковъ, и то самыхъ неважныхъ, легко извинимыхъ, и относящихся большею частію къ событіямъ и обстоятельствамъ дома цезарей (см. Меркеля стр. XXXVIII sq.). Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь Овидій поставленъ былъ часто въ затруднительное положеніе, и вотъ примѣръ. Иды марта были временемъ убіенія Цезаря; тріумвиры, по очень извѣстнымъ побужденіямъ, особеннымъ эдиктомъ сдѣлали этотъ день чернымъ и религіознымъ, однимъ словомъ нефастомъ; между тѣмъ Августъ, желая дать нѣкоторые предѣлы слишкомъ распространявшейся лести, а вѣроятнѣе — желая обратить народное вниманіе болѣе на себя, уничтожилъ такое постановленіе. Овидій былъ поставленъ въ тупикъ: нужно было слушаться, а между тѣмъ жаль было опустить случай сказать отъ себя приличное слово. Талантъ вывелъ изъ затрудненія: въ концѣ 3-й книги (Т. III, 697—710) поэтъ говоритъ: «я готовъ былъ пропустить печальное событіе; но является Веста и съ своихъ чистыхъ жертвенниковъ обращаетъ ко мнѣ свое слово: не колеблись припомнить; это былъ мой жрецъ, и святотатственныя длани меня искали поразить; но сама я похитила мужа.... не Цезарь палъ, пала тѣнь его, а онъ на небѣ хранитъ жилище Юпитера (переводимъ приблизительно)».

другаго дня, почему онъ fastus или nefastus и т. п., — все-таки объясненія Овидія несравненно обильнѣе, подробнѣе, шире, доступнѣе и понятнѣе.

Но особенно важна видимая достовѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ Овидіемъ, неуступающая достовѣрности оффиціальнаго документа. Овидій не чуждался, какъ ясно показываетъ его произведеніе, тѣхъ источниковъ и пособій, которыя могли пролить свѣтъ на его дѣло, тѣхъ занятій, которыя мы иногда отдаемъ безъ раздѣла ученымъ, оставляя на долю художниковъ одну мощь таланта, безспорно значительную, но скудную при бѣдности въ свѣдѣніяхъ и средствахъ образованности. Въ рукахъ изучающаго перебывали фасты, составлявшія собственность различныхъ мѣстностей Италіи [1]; три, четыре раза долженъ былъ иногда Овидій перебирать ихъ показанія, чтобы достичь чего нибудь вѣрнаго и положительнаго; не разъ отсылаетъ онъ сюда для справокъ недовѣрчиваго читателя [2]. Это были однако дополненія, составлявшія нѣкотораго рода роскошь; Овидій называетъ такого рода фасты *иностранными* (peregrinos Fastos) [3]: собственная задача труда сосредоточивала изслѣдователя въ Римѣ, какъ центрѣ и источникѣ тогдашнихъ учрежденій. Куда бы ни обернулся здѣсь образованный человѣкъ съ запросомъ спеціальныхъ свѣдѣній и объясненій, онъ на каждомъ шагу могъ встрѣтить множество данныхъ. Слѣды источниковъ, послужившихъ Овидію, не трудно открыть въ его произведеніи: таковы генеалогическія таблицы и изображенія предковъ какого либо знаменитаго рода [4]; таковы фамильныя и домашнія учрежденія и обряды [5]; таковы монеты, надписи, таблицы, картины [6]. Но все это ничто предъ тѣмъ множествомъ обрядовъ и учрежденій, которое представлялось испытующему взору Овидія со всѣмъ своимъ разнообразіемъ, со всѣми подробностями, со всѣми уясняющими обстоятельствами, со всею наглядностію положительнаго факта. А пособія въ сочиненіяхъ

[1] T. I, 11, 12: pictos signantia fastos; 61: totis haereatia fastis; III, 87—97: упоминаются фасты Албанскіе, Фалисковъ, Герниковъ, Арицинскіе, Тускуланскіе, фасты Лаврентовъ, Эквовъ, Сабиновъ, Пелигновъ; VI, 59—69: ссылается на свидѣтельства фастъ Арицинскихъ, Лаврентскихъ, Ланувійскихъ, Тибуртинскихъ, Пренестинскихъ.

[2] T. I, 657,658: ter quater evolvi signantes tempora fastos; еслибы это былъ даже одинъ поэтическій оборотъ, то и тогда онъ служитъ достаточнымъ показаніемъ. См. сноски, приведенныя выше.

[3] III, 87 и дал. «quod si forte vacas, peregrinos inspice fastos».

[4] Tituli и Imagines: I, 591, 592; VI, 21, 22; 44.

[5] Domestica sacra: I, 9, 10; 601 и дал.

[6] I, 229, 230 и дал.; III, 831, 832; V, 561—569; VI, 212 и т. д.

прежнихъ и современныхъ? Собирая нѣкоторыя дошедшія до насъ указанія, и въ особенности читая Макробія, мы, безъ преувеличенія, поражаемся множествомъ именъ и названій: столько писателей, столько огромныхъ сочиненій относилось къ изслѣдованію римскихъ религіозныхъ древностей, къ объясненію современныхъ учрежденій, обрядовъ, празднествъ, начиная отъ простѣйшихъ изложеній извѣстнаго календаря, до подробнѣйшихъ изслѣдованій о мелочныхъ данныхъ, о каждомъ названіи, о каждой сколько нибудь извѣстной чертѣ [1]. И нужно замѣтить, что всѣ главнѣйшіе и лучшіе изъ такихъ изслѣдователей были по бо́льшей части или недавними предшественниками, или современниками Овидія. Тѣмъ не менѣе однакожь если бы кому нибудь пришла мысль, что Овидій заимствовалъ все содержаніе своего труда прямо изъ такихъ богатыхъ литературныхъ пособій, то нужно сознаться, что эта мысль была бы очень неудачна и очень некстати [2]. Факты и событія были одинаково на лицо, и предъ Овидіемъ, и предъ другими учеными, да и образованность, какъ способность болѣе или менѣе вѣрнаго взгляда

[1] Изчислять всѣ эти имена и заглавія было бы совершенно излишне; но для желающихъ можно привести нѣсколько: *Fulvius Nobilior* и *Verrius Flaccus* излагатели календаря; *Cincius* написалъ одну книгу, *Cornelius Labeo* множество книгъ для Объясненія Фастъ; *Nisus — commentarii fastorum; Masurius Sabinus fastorum l. II; Iulius Modestus, de feriis; Clodius Tuscus — fastos Astronomicos*; *Iunius Gracchanus — commentari fastorum;* онъ и *Fulvius Nobilior, Antias, Iunius, Tuditanus, Atejus Capito,* о годѣ и его дѣленіи; *Nigidius Figulus*, о *миѳахъ*, относившихся къ астрономическимъ даннымъ; *Venarius — Pontificales quaestiones; Antistius Labeo, de jure pontificio commentarii,* по крайней мѣрѣ 68 книгъ; *Trebatius Testa, de religionibus,* 9 книгъ или болѣе; *M. V. Messala, de Iano;* потомъ сочиненія многихъ другихъ, *de auspiciis, de explanatione auguriorum, de sacerdotibus, de diis, de extis, de coenis deorum*, и т. д. Помимо всего этого довольно вспомнить энциклопедическій лексиконъ *Веррія Флакка*, «Значеніе словъ» (de significatione verborum), того самаго, который устроилъ и объяснялъ пренестинскія фасты; обилію его свѣдѣній мы удивляемся даже въ жалкихъ извлеченіяхъ Феста и Павла діакона. Но болѣе всего слѣдуетъ упомянуть о знаменитомъ произведеніи М. Теренція Варрона, по мнѣнію самой древности, ученѣйшаго изъ Римлянъ, *Antiqq. rerum divinarum*, обнимавшемъ всѣ подробности религіознаго поклоненія Римлянъ. Не говоримъ при этомъ о тѣхъ сочиненіяхъ, которыя сохранились до насъ и болѣе или менѣе извѣстны; наконецъ о множествѣ трудовъ ученыхъ Грековъ, особенно Александрійцевъ.

[2] А къ сожалѣнію эту мысль мы находимъ отчасти въ превосходномъ изслѣдованіи Меркеля, гдѣ попадаются рубрики не только *Ovidius collatus*, но порою *Ovidius secutus.* Неужели должно предполагать заимствованіе каждый разъ какъ мы находимъ одно и то же у Овидія и у какого нибудь другаго предшествовавшаго или современнаго ему писателя? *

* *Secutus* въ заголовкахъ страницъ у Меркеля встрѣчается только разъ, именно въ заголовкѣ: Ovidius Clodium Tuscum secutus, и по видимому Меркель имѣлъ полное право избрать такой заголовокъ. Въ астрономическихъ данныхъ Овидій дѣйствительно слѣдовалъ Клодію; это нисколько не вредитъ его чести; напротивъ обращаетъ на Клодія тѣ нападенія, которыя дѣлалъ Иделеръ на Овидія. *П. Л.*

на вещи, была раздѣлена поровну; не всякій только могъ быть поэтомъ и съ одинаковымъ изяществомъ, въ одинаковой художественной формѣ, изложить свое дѣло. Развѣ лишь предположить, что Овидію не достало прилежанья для подробнѣйшаго изученія древнѣйшихъ источниковъ, общихъ и доступныхъ всѣмъ его современникамъ? Но тщательное изученіе Овидія убѣждаетъ насъ совершенно въ противномъ. За исключеніемъ приведенныхъ выше мѣстъ, въ самыхъ словахъ Овидія мы находимъ свидѣтельство о томъ, что онъ пользовался прилежно древнѣйшими источниками и между прочимъ старинными лѣтописями или анналами [1]. Не будемъ вѣрить его словамъ, на что впрочемъ не имѣемъ мы никакого права: самое дѣло скажетъ намъ правду, если разсмотримъ нѣкоторыя историческія приводимыя имъ данныя. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь встрѣчаемъ мы обстоятельства такого рода, которыя переданы иначе, чѣмъ у прежнихъ и послѣдующихъ историковъ: новѣйшіе ученые предполагаютъ подъ рукою Овидія существованіе весьма древнихъ и важныхъ источниковъ [2]. Потомъ къ тому же убѣжденію приводитъ сходство показаній съ позднѣйшими писателями, у которыхъ въ то же время находимъ мы прямыя ссылки на древнѣйшія лѣтописи [3]. И такихъ мѣстъ, нужно замѣтить, довольно много. Далѣе, Овидія часто бываетъ легко сопоставить и съ Маркомъ Порціемъ Катономъ, и съ Энніемъ [4]; сюда примыкаетъ цѣлый и обильнѣйшій рядъ историческихъ изображеній: иногда слово въ слово почти сходны они съ рѣчью другихъ писателей и только облечены въ изящную форму стиха. Но недовольно и такого единодушнаго согласія показаній: порою ни одинъ не говоритъ объ источникѣ и невольно отводитъ наши гаданія къ памятникамъ отдаленнымъ и погибшимъ [5]. Наконецъ, хотя рѣдко, но за то это главное, — Овидій приводитъ такія обстоятельства, какихъ больше не встрѣчаемъ мы ни у одного изъ предшествовавшихъ историковъ [6]. Не трудно вывести необходимыя заключенія: Овидій былъ столько же самостоятеленъ въ своемъ дѣлѣ, какъ всѣ его современники, ближайшіе и отдаленные. Его достовѣрность является

[1] I, 7 и IV, 11: Sacra, annalibus eruta priscis; tempora cum causis annal. er. pr.

[2] Таково замѣчательнѣйшее мѣсто о времени пораженія Фабіевъ: II, 196 и дал. Съ нимъ несогласны показанія Ливія, Плутарха и Тацита. Какъ ни объяснять Овидія, остается достовѣрнымъ то, что свидѣтельство почерпнуто изъ какихъ нибудь древнѣйшихъ анналовъ и вѣроятно изъ анналовъ Фабія Пиктора. См. Меркеля LXIII.

[3] II, 353 и дал., и Плутархъ, Rom. 21, слѣдовавшій Ацилію Глабріону.

[4] I, 543 и дал.; V. 648 и дал.; III, 205 et sequ.; и мног. друг.

[5] VI, 657 и дал.; Plut. Qu. Rom. c. 55.

[6] I, 265 и дал.: соединеніе Януса и Тарпеи въ одномъ событіи спасенія города.

во всей своей силѣ и энергически возбуждаетъ убѣжденіе. Дѣйствительно, за исключеніемъ немногихъ и маловажныхъ промаховъ, столь естественныхъ въ трудѣ неотдѣланномъ, еще ни одному ученому не удалось съ успѣхомъ заподозрить показанія Овидія: ими пользовались съ благодарностію, и долго, и много будутъ пользоваться. Пусть пополнятъ пробѣлы: но то, что дано у Овидія, то, что видѣлъ онъ и сказалъ намъ, или лучше могъ сказать подъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, своего взгляда и убѣжденій, то въ области положительныхъ свѣдѣній должно оставаться непререкаемымъ свидѣтельствомъ. Еще менѣе позволительно, по нашему мнѣнію, входить въ произведеніе Овидія, въ мастерскую его работъ, съ тѣмъ, чтобы заводить тамъ свой порядокъ и подводить сообщаемыя Овидіемъ данныя подъ рубрики другихъ римскихъ ученыхъ, хотя бы то былъ даровитый и ученѣйшій Варронъ [1]: наука того времени, особенно въ области изученія религіи, не могла достигнуть удовлетворительной и полной системы; всякій дѣйствовалъ на свой образецъ; и если Овидій въ нѣкоторыхъ случаяхъ понесъ также на себѣ вліяніе современности, то по крайней мѣрѣ въ главныхъ пріемахъ своего произведенія онъ остался очень простъ, естественъ и положителенъ; данная форма календаря удержала его отъ произвольныхъ увлеченій; въ этомъ отношеніи онъ, какъ Римлянинъ, остался вѣренъ своему народному типу — благоустройства и мѣры; и мы тотчасъ увидимъ, что̀ онъ успѣлъ, и чего не успѣлъ сдѣлать въ такой рамкѣ.

[1] Меркель не любитъ новыхъ философскихъ системъ, и можетъ быть очень справедливо; но онъ не любитъ даже самыхъ скромныхъ пріемовъ современной науки, какъ скоро они опираются на какія либо общія начала. А между тѣмъ, при критической разработкѣ Фастъ необходимо было изложить ихъ содержаніе въ какихъ либо группахъ, по какимъ либо рубрикамъ. Меркель поступилъ слѣдующимъ образомъ: если уже допустить какую нибудь систему, то ему всего надежнѣе казалось взять систему древняго также писателя. Случай представился. Одна изъ важнѣйшихъ заслугъ нѣмецкаго ученаго состоитъ въ томъ, что онъ въ трудѣ своемъ собралъ всѣ отрывки «Религіозныхъ Древностей» Варрона и въ извѣстной мѣрѣ возстановилъ и дополнилъ ихъ смыслъ. Теперь, при каждой главѣ Варрона онъ помѣстилъ соотвѣтствующія показанія Овидія. Дѣло очень естественное, но оно породило по мѣстамъ нѣкоторую несообразность. Отъ Варрона въ иныхъ отдѣлахъ сохранилось очень мало, у Овидія очень много; у Варрона на первомъ планѣ система научная, не лишенная многихъ натяжекъ, у Овидія нѣтъ и тѣни опредѣленной системы, кромѣ рамокъ календаря: отсюда неравновѣсіе параллели. Притомъ же иногда кажется, что Овидія какъ будто заставляютъ разсуждать по плану Варрона. Особенно это замѣтно въ одномъ мѣстѣ: Варронъ дѣлитъ боговъ на извѣстныхъ, неизвѣстныхъ, избранныхъ; Меркель разсматриваетъ данныя Овидія по тѣмъ же рубрикамъ. Это рѣшительно сбиваетъ съ толку читателя, особенно неопытнаго. Впрочемъ достоинство труда Меркеля остается при всемъ томъ во всей своей силѣ.

Мы видѣли выше, что названіе — Фасты имѣетъ очень обширное значеніе [1]. Согласно съ такимъ смысломъ, согласно съ содержаніемъ краткихъ таблицъ календаря, поэтъ говоритъ намъ о дняхъ праздничныхъ и не-торжественныхъ, о дняхъ религіозныхъ и черныхъ, даже объ отдѣльныхъ и краткихъ моментахъ времени, связанныхъ съ какимъ либо особымъ значеніемъ, по преимуществу интересовавшимъ изслѣдователя. Но мы замѣтили уже, что дѣло ходячихъ календарей нашло здѣсь невиданную дотолѣ полноту. Годъ представлялся раздробленнымъ; а такое дробленіе у всякаго народа, и въ особенности у Римлянъ, имѣло свою собственную длинную исторію, начинавшуюся безотчетными отмѣтками отдаленныхъ предковъ, связанную со всѣмъ разнообразіемъ примѣтъ и повѣрій, и кончавшуюся сознаніемъ разумныхъ и ясныхъ основъ дѣленія. У Римлянъ этотъ послѣдній періодъ пришелъ очень поздно; вызванный счастливыми распоряженіями цезарей, онъ въ свою очередь подарилъ насъ прекраснымъ произведеніемъ Овидія; ученый сочинитель не полѣнился однако мѣстами ввести читателей въ самую исторію дѣла, и не сообщая никакихъ особенныхъ и новыхъ данныхъ, перечислилъ нѣкоторые главные факты, сказалъ и объ основаніи разныхъ дѣленій, и объ оригинальныхъ воззрѣніяхъ въ этомъ случаѣ другихъ италійскихъ племенъ, и о названіяхъ мѣсяцевъ, о происхожденіи этихъ названій, и о коренныхъ обычаяхъ и предразсудкахъ народа, различившихъ дни подъ своимъ угломъ зрѣнія [2]. Разумѣется, здѣсь много дѣйствовали астрономическія наблюденія: Овидій первый поставилъ ихъ въ соотношеніи съ фастами. Понятія того времени не могли быть очень удовлетворительны; по крайней мѣрѣ точность и аккуратность не допустили уклониться отъ принятаго и только одинъ разъ во всемъ трудѣ просмотрѣли значительную погрѣшность [3]. При каждомъ случаѣ встрѣчаемъ мы отмѣтки восхожденія и захожденія свѣтилъ, и еще болѣе — получаемъ понятіе о значеніи и смыслѣ различныхъ созвѣздій. Послѣ этого естественно ожидать такой же точности и въ распредѣленіи мѣста. Впрочемъ тщетно стали бы мы иногда искать въ Фастахъ топографическихъ подробностей о тогдашней и прежней Италіи съ религіозной точки зрѣнія: бросивъ мимоходомъ двѣ, три черты такого рода, поэтъ водитъ насъ по Риму, проходя по

[1] Потому-то мы не взяли для перевода никакого соотвѣтствующаго русскаго слова; слово *праздникъ* нисколько не похоже на дѣло.

[2] Dies: I, 47—60, fasti nefasti, f. nf. priore, parte и т. п.; 87, dies laeta; II, 34-ferales; 558, dies puri; IV, 387-Summa dies; V, 487—490, дни неблагопріятные бракамъ; VI, 774, lux melior и т. п. Другихъ ссылокъ не выставляемъ по причинѣ ихъ множества.

[3] III, 877, 78 и потомъ неумѣстное захожденіе созвѣздія овна: IV, 901 и дал.

разнымъ религіознымъ мѣстечкамъ (loci religiosi) [1], останавливаясь порою предъ воротами, рощами, источниками, даже отдѣльными деревьями; благодаря ему, мы получаемъ такія свѣдѣнія, которыя проливаютъ иногда свѣтъ на показанія другихъ писателей, а иногда остаются единственнымъ памятникомъ [2]. Однако эти частности еще не такъ важны: съ бо́льшимъ вниманіемъ и гораздо дольше останавливается Овидій предъ жертвенниками (arae), предъ тѣми отмежеванными предѣлами, въ которыхъ замыкались жертвенники (sacella), далѣе предъ самыми священными зданіями и храмами (aedes, templa), до цѣлой ихъ группы (delubra) [3]. Это конечно одна изъ величайшихъ заслугъ. Когда мы вспомнимъ, что каждый можно сказать годъ, протекшій съ послѣднихъ временъ республики, приводилъ съ собою много измѣненій въ топографіи Рима, что Италія и вѣчный городъ не имѣли своего Павсанія, пролившаго своими описаніями столько свѣта на религіозныя мѣстности Греціи, тогда самая трудность вопроса и неопредѣленность остальныхъ данныхъ выставитъ предъ нами все значеніе Овидіевыхъ современныхъ показаній. Оттого-то такіе ученые, какъ Беккеръ, въ первомъ томѣ своихъ «Римскихъ Древностей», посвященномъ исключительно топографіи Рима, ставятъ Овидія на первомъ планѣ источниковъ и благодарно пользуются мельчайшими обозначенными имъ чертами. И не одна картина современной поэту дѣйствительности развертывается предъ нашими взорами: священныя мѣста и зданія напоминаютъ посвятившихъ и обѣтовавшихъ (dedicationes, vota); слѣдуетъ цѣлый рядъ историческихъ событій, и мы видѣли уже отчасти, въ какомъ отношеніи находится здѣсь поэтъ-изслѣдователь къ свидѣтельствамъ другихъ историковъ и древнѣйшихъ лѣтописей. Послѣ этого остается самое главное содержаніе Фастъ: празднества и обряды, торжества и церемоніи (feriae, dies festi, cerimoniae); но здѣсь еще много

1 *Loci religiosi*, или мѣста проклятыя, какъ напр. Aequimelium, гдѣ былъ домъ Спурія Мелія, или мѣста, замѣчательныя въ религіозномъ отношеніи, но не имѣвшія характера святилищъ, напр. casa Romuli, ficus Ruminalis. Merkel p. CXLV—CLIII.

2 Напр. aqua Mercurii у Капенскихъ воротъ (porta Capena): V, 673.

3 *Sacella* — loci parvi deo sacrati cum aris, по опредѣленію Требація у Авла Геллія VI, 12. О *delubra* главное мѣсто Serv. ad Aen. II, 225: Varro rerum divinarum libro XXVII delubrum esse dicit aut ubi plura numina sub eodem tecto sunt, ut Capitolium, aut ubi praeter aedem area assumpta sit deum causa, ut in circo Flaminio Iovi Statori, aut in quo loco dedicatum sit simulacrum: ut in quo figunt candelam, candelabrum appellant, sic in quo deum ponant delubrum. Хотя Макробій Saturn. III, 4 p. 390 говоритъ о Варронѣ, что id potissimum ab eo probatum, quod ex sua consuetudine in ultimo posuit; но въ этомъ случаѣ послѣднее объясненіе не можетъ имѣть авторитета для насъ. — Что касается до ara и aedes, то эти слова не требуютъ поясненія. — О всѣхъ священныхъ мѣстахъ, упоминаемыхъ Овидіемъ, Merkel p. CXVII—CXLV.

своихъ особенностей, начиная отъ празднествъ извѣстныхъ домовъ и фамилій (festa domestica, privata) до общенародныхъ торжествъ (publica). Немного сказалъ намъ Овидій о первыхъ, къ крайнему прискорбію всякаго изучающаго, ибо въ какомъ нибудь родѣ или фамиліи Рима хранились иногда во всей чистотѣ самые древніе обычаи, самые разительные памятники стариннаго религіознаго смысла, самые яркіе слѣды тѣхъ тѣсныхъ связей, которыя издревле связывали римское учрежденіе съ основою италійскихъ повѣрій. Тѣмъ болѣе готовы мы бываемъ пожаловаться на молчаніе Овидія; напрасно стали бы мы пріискивать ему извиненія въ томъ обстоятельствѣ, по которому древніе римскіе роды, послѣ долгой и упорной борьбы послѣднихъ временъ республики, скрылись подъ сѣнію цезарей, оставляя политическое поприще, мельчая въ общей толпѣ народа; и сюда унесли они съ собою еще много такого, что могло бы поспорить древностію съ новыми наступившими событіями, такого, что могло бы уяснить истинный смыслъ многихъ полузабытыхъ учрежденій. Объясненіе Овидіева молчанія находитъ свою основу конечно не въ томъ; не говоримъ уже о политическихъ побужденіяхъ человѣка, связавшаго весь трудъ свой идеаломъ Юлія и Октавія и потому не отступившаго далѣе домашнихъ священнодѣйствій этого дома; главная причина была та же, которая заставила опустить и мѣстныя подробности Италіи: не италійскіе элементы, не ихъ вліяніе и дѣйствіе воспѣвалъ Овидій; онъ воспѣвалъ высшій результатъ ихъ, ихъ опредѣленную форму, однимъ словомъ римское учрежденіе. За то здѣсь, все то, что̀ было признано общественнымъ торжествомъ, все это составило главнѣйшее и обильнѣйшее содержаніе его труда. Переходъ и средину между тѣмъ и другимъ, между уединеннымъ—домашнимъ, и публичнымъ—государственнымъ, составляли тѣ простонародныя празднества, которыя вызываемы были днями посѣва и жатвы, временемъ поминокъ по отцамъ, и т. д. Высшее значеніе празднеству придавали священнодѣйствія (sacra); самое видное мѣсто занимали они при общественныхъ религіозныхъ отправленіяхъ; неудивительно, что Овидій, сосредоточенный на такихъ пунктахъ, мало сообщилъ намъ объ играхъ цирка (ludi circenses) и представленіяхъ сценическихъ (ludi scenici), ибо здѣсь не было тѣхъ возвышенныхъ священнодѣйствій, которыя въ Греціи дали основаніе театру и драмѣ, хотя впрочемъ игры цирка не чужды были въ своихъ помпахъ нѣкотораго религіознаго характера [1].

[1] О священнодѣйствіяхъ и играхъ Merkel p. CLIII—CLXXXV. О богахъ p. CLXXXV—CCXLVII.

Мелочныя подробности, которыми необходимо сопровождались священнодѣйствія, — обряды, жертвы, повязки и т. д. — не ускользнули также отъ наблюденій поэта; но, какъ ни ярки всѣ эти описанія, какъ ни любопытны многія частности, встрѣчаемыя испытующимъ взоромъ, не льзя при всемъ томъ не замѣтить одной особенности: какъ-то глухо проносятся они предъ нашимъ вниманіемъ; рѣдко скажется оживляющее слово, рѣдко услышимъ молитву немногосложную, бѣдную, чуждую поэзіи. Одинаковой характеръ, одинаковое выраженіе переходитъ и на самыя священнодѣйствующія лица [1]; если мы останавливаемся иногда передъ ними съ нѣкоторымъ удивленіемъ, то конечно не ошибки живописца виновны въ томъ [2]. Образъ не искаженъ, образъ вѣренъ; но въ немъ нѣтъ ничего восторженнаго, нѣтъ увлекаю-

[1] О жрецахъ и авгурахъ Merkel p. CXIII — CXVI.

[2] О лицахъ Овидій говоритъ немного: не умолчимъ, что здѣсь успѣли прокрасться нѣкоторыя, хотя маловажныя, ошибки, напр. VI, 230, объ употребленіи Фламиникой желѣза, тогда какъ по закону въ этомъ случаѣ употреблялась мѣдь, что можно однако объяснить и въ пользу показаній поэта. Вообще, какъ ни кратки эти черты, ими можно воспользоваться. Такъ въ сочиненіи покойнаго профессора Крюкова (Andeutungen über den ursprünglichen Religions-Unterschied der römischen Patricier und Plebejer гл. I, 31 — 34, особенно 34) главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ Овидія (Фасты, II, 267 — 283) основанъ очень замѣчательный выводъ касательно тождества греческаго Пана и древне-италійскаго божества *Dium.* Упоминаемъ объ этомъ выводѣ, чтобы присоединить нѣсколько возраженій, къ которымъ подало поводъ сдѣланное Меркелемъ исправленіе Овидіева мѣста по лучшимъ кодексамъ. Допускаемъ, что главнымъ отправителемъ священнодѣйствій Пана Овидій назначаетъ Діальнаго Фламина (Flamen dialis). Прямое заключеніе будетъ то, что изстари при священнодѣйствіяхъ Пана присутствовалъ діальный Фламингъ; почему—неизвѣстно, быть можетъ потому, что представленіе Пана, какъ древняго ликейскаго бога, дѣйствительно было сродно, если не тождественно съ древнѣйшими представленіями до-олимпійскаго Зевса и Юпитера, т. е. волчьяго, ликейскаго. Но далѣе ни какъ нельзя ничего видѣть въ стихахъ Овидія, по крайней мѣрѣ въ нихъ нѣтъ никакого намека на тождество Дія и Пана. И этого мало: мы видимъ положительно, что Овидій вовсе не имѣлъ никакого намѣренія противупоставить современное ему значеніе діальнаго Фламина, какъ жреца Юпитера, его прежнему значенію, какъ Діева — Панова. Дѣло въ томъ, что старинное чтеніе мѣста было таково: «Flamen *adhuc* prisco more dialis *agit* или *erat*»; и г. Крюковъ принялъ его; но Меркелемъ возстановлено чтеніе на основаніи большаго числа лучшихъ кодексовъ: «Flamen *ad haec* prisco more dialis *erit*». Что же такое это значитъ? А вотъ что: передъ Августомъ и Овидіемъ, въ теченіе восьмидесяти почти лѣтъ, достоинство діальнаго Фламина было опущено, и должность никѣмъ не занята, пока наконецъ уже Августъ, 744 г. гор., возстановилъ его снова (Dio Cass. 54, 36; *κὰν τῷ αὐτῷ χρόνῳ ὅ, τε ἱερεὺς τοῦ Διὸς πρῶτον μετὰ τὸν Μερούλαν ἀπεδείχθη*), почему, и Овидій, начавшій около того времени свои Фасты, упомянулъ о столь важномъ и новомъ событіи. Итакъ, мы можемъ допустить только слѣдующее объясненіе: «Теперь, послѣ возстановленія обычая, снова будетъ священнодѣйствовать, по старому, діальный Фламинъ». Поэтому повторяемъ: соглашаемся, что Овидій назначаетъ Пану діальнаго Фламина (хотя и здѣсь могло бы родиться предположеніе, что вмѣстѣ съ Паномъ со-

щей жизни, а если есть жизнь, то жизнь совсѣмъ не та, которой бы мы ожидали, жизнь замкнутая въ строгую римскую форму, физіогномія истыхъ чиновниковъ Рима.

Таково содержаніе Овидіева произведенія. Невольно изумляемся мы полнотѣ и обилію. Фасты Овидія читаются довольно легко; одно описаніе влечетъ за собою другое, одна картина вызываетъ другую, и вотъ вы на концѣ уже шестой книги; но обернитесь назадъ, просмотрите ваши выписки, загляните въ указатель содержанія, и вы остановитесь съ удивленіемъ: какъ можно въ изящной и легкой формѣ стиха вмѣстить и передать такое множество данныхъ?—И что за эпоха! Все взвѣшено, все измѣрено, сочтено. Трудъ Овидія остался однимъ изъ тѣхъ посмертныхъ памятниковъ Риму, какихъ уже такъ много воздвигалось во время Августа.

Но если содержаніе Овидіевыхъ фастъ такъ обильно и богато, если оно по мѣстамъ сообщаетъ намъ даже такія свѣдѣнія, какихъ не найдемъ мы у другихъ писателей, то можетъ еще родиться вопросъ: въ бо́льшей части показаній не повторилъ ли здѣсь поэтъ того, что̀ было подготовлено уже предшествующими и современными ему трудами спеціальныхъ ученыхъ? И дѣйствительно, хотя мы замѣтили въ его трудѣ слѣды самобытныхъ занятій и изслѣдованій, но вообще имѣя дѣло съ поэтомъ, мы въ правѣ предположить, что значительную часть изысканій почерпнулъ онъ у своихъ ученыхъ собратій, оставляя на собственную долю поэтическіе пріемы, увлекательную рѣчь и стихотворный складъ. Нужно сознаться, что вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе этихъ вопросовъ почти невозможно. Дѣло въ томъ, что всѣ поименованные выше труды спеціальныхъ изслѣдователей римской религіи или погибли вовсе, или дошли до насъ въ незначительныхъ отрывкахъ. Такимъ образомъ мы не знаемъ навѣрное, въ какомъ отношеніи стоитъ къ нимъ произведеніе Овидія, во сколько зависитъ отъ

единилось торжество ликейскому или волчьему Зевсу или Юпитеру, къ которому близокъ Панъ, божество также ликейское, что священнодѣйствія въ честь Пана были также возстановлены Августомъ, что въ нихъ участвовалъ діальный Фламинъ; что слова Овидія указываютъ только подлѣположеніе (juxtapositio), выражая, что «кромѣ того, къ тому же, сверхъ этого нужно сказать, что отселѣ, по установленію Августа, возстановлено достоинство д. Фламина по прежнему»: самыя Луперкаліи были возстановлены Августомъ въ прежнемъ и даже лучшемъ видѣ; (очень кстати было упомянуть Овидію, что сверхъ этой новости, вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлено и достоинство Фламина); но что касается дальнѣйшихъ выводовъ, предложенныхъ г. Крюковымъ, на основаніи Овидіева показанія, то они рѣшительно невозможны. О возстановленномъ чтеніи см. Меркеля, стр. 59, CXIV, CCII и CCIII, CCZIV.

нихъ, что привноситъ противъ нихъ новаго и замѣняетъ ли, и въ какой мѣрѣ замѣняетъ потерю ихъ.

Во всякомъ случаѣ за этою потерею оно остается важнѣйшимъ источникомъ и поневолѣ приковываетъ къ себѣ наше вниманіе. Впрочемъ и здѣсь, помощію нѣкоторыхъ средствъ, мы можемъ въ извѣстной мѣрѣ гадательно или гипотетически опредѣлить отношеніе Овидіева труда къ другимъ погибшимъ того же рода источникамъ; до насъ сохранились отрывки послѣднихъ, и путь сравненія указалъ уже намъ выше нѣкоторыя самобытныя достоинства свидѣтельствъ Овидія. Особенно важно для насъ на этомъ пути подмѣтить оригинальные пріемы въ искусствѣ поэта и художественный тактъ его; а этой цѣли достигнемъ мы въ томъ случаѣ, если внимательно разсмотримъ, какъ изображалъ Овидій извѣстныя божества и какъ пользовался миѳами. Тогда опредѣлится для насъ не только его отношеніе къ другимъ римскимъ поэтамъ, касавшимся миѳологіи и религіи, но уяснится сверхъ того и тотъ важный вопросъ, какъ вообще обошелся поэтъ съ содержаніемъ своего произведенія, а слѣдовательно какое мѣсто занимаютъ его показанія въ ряду другихъ подобныхъ источниковъ, до насъ дошедшихъ; еще болѣе: для насъ въ извѣстной мѣрѣ обозначится и то, въ какой связи *могъ* состоять Овидій съ прочими изслѣдователями римской религіи, не сохранившимися до насъ вполнѣ. Поставивъ себѣ такую задачу, мы избираемъ для сравненія преимущественно Виргилія, именно его Энеиду, какъ то произведеніе, гдѣ поэтъ вступилъ въ близкія отношенія къ римской религіи и преимущественно къ ея миѳологическимъ сказаніямъ.

Для Виргилія и Овидія есть много точекъ сближенія, и еще больше найдется несходства, но въ этомъ несходствѣ, въ этой противоположности они взаимно характеризуютъ другъ друга. Довольно далекій отъ вседневныхъ интересовъ Августова двора, отъ вопросовъ и занятій тогдашняго высшаго общества и избраннаго кружка, Виргилій сохранилъ въ себѣ и всю свѣжесть неиспорченнаго характера, и задушевную теплоту мягкаго сердца, и эту скромность, стыдливость (verecundia), — отличіе его поэзіи. Бойкій и находчивый, остроумный и ловкій, подчасъ не совсѣмъ строгій къ себѣ и не безукоризненный въ нравственномъ характерѣ творчества, Овидій былъ дитя окружавшей дѣйствительности; ею воспринятый, ею повитый, онъ былъ преданъ сполна ея ходячимъ интересамъ, и не отступалъ отъ нихъ ни въ трудахъ своихъ, ни во взглядѣ и мнѣніи [1]. Но Мантуанецъ любилъ

[1] A. A. III, 121: Prisca juvent alios: ego me nunc denique natum gratulor, haec aetas moribus apta meis.... quia cultus adest, nec nostros mansit in annos rusticitas»....

лучше тишину уединенія; его задушевная фантазія охотно блуждала по мирнымъ полямъ и селеніямъ родины; красоты деревенской жизни и природы вызвали у него нѣсколько тысячь стиховъ, лучшихъ въ римской литературѣ и удачнѣйшихъ въ кругѣ остальной дѣятельности самого поэта. Въ этой глубокой натурѣ проглядывали иногда рѣзкія и выразительныя черты стариннаго типа, еще не сглаженныя рукою новыхъ событій. Правда, онъ былъ начальникомъ, главою новаго золотаго вѣка римской поэзіи, и съ этой стороны понесъ на себѣ всѣ нападки архаистической партіи: но въ то же время онъ одною ногою стоялъ еще въ прежнемъ порядкѣ вещей, видѣлъ весь процессъ зачинавшагося новаго. Онъ еще могъ потягаться своею самостоятельною славой съ самимъ Августомъ, и народъ, услыхавши въ театрѣ стихи Виргилія, вставалъ предъ ними также точно, какъ вставалъ онъ предъ цезаремъ [1]. Мы уже видѣли, какъ мало общаго имѣлъ съ этимъ характеромъ пѣвецъ Фастъ, заключившій при томъ прежній періодъ писателей, и переходившій, въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, къ такъ называемому серебряному вѣку римской литературы. При всемъ томъ увлеченіе и восторженность, питавшія талантъ, исходили изъ одного источника и были у обоихъ одинаковы. Востокъ и западъ, связанные сѣтью народныхъ преданій о высокомъ подвигѣ Энея, соединенные самимъ ходомъ событій подъ рукою Августа, Виргилій еще разъ связалъ силою своего генія и богатыми средствами искусства; взорамъ современниковъ предстала широкая картина: разрушеніе Иліона и зачатки будущаго вѣчнаго города; Троя и Лавиніумъ, Альба и Римъ; странствующій изгнанникъ и торжествующій побѣдитель, основатель счастливаго будущаго, родоначальникъ великаго поколѣнія, а на его щитѣ — длинный рядъ тріумфовъ Августа: событія, раздѣленныя временемъ, но близкія по внутренней связи. Тѣмъ не менѣе, такая общая и одинакая восторженность обоихъ поэтовъ имѣла не одинаковыя послѣдствія для дѣятельности того и другаго, сообразно характеру каждаго. Овидій, остановленный внѣшнимъ блескомъ современнаго быта, прикованъ всѣмъ своимъ вниманіемъ къ развитію и послѣдовательности религіозныхъ учрежденій Рима; переходя къ древней Италіи, онъ ищетъ тамъ одного только объясненія, одного только дополненія къ настоящему, или поэтической красоты, имѣющей оживить внутрен-

[1] См. Dialogus de oratôribus, сочиненіе неизвѣстно чье и помѣщаемое между произведеніями Тацита, гл. 13: «neque apud divum Augustum gratia caruit, neque apud populum romanum notitia. Testes Augusti epistolae, testis ipse populus, qui auditis in theatro Virgilii versibus surrexit universus et forte praesentem spectantemque Virgilium veneratus est sic quasi Augustum».

нимъ смысломъ миѳа наружный обликъ обряда; самый восторгъ, заданный современностью, побудившій къ труду, легко отдѣляется отъ подлиннаго дѣла при первомъ прикосновеніи критики. Не таковъ былъ Виргилій: чистосердечно и безъ раздѣла преданный увлеченію, глубже и глубже искалъ онъ началъ и основъ окружавшихъ явленій; воспріимчивою душей проникнувъ въ древнія преданія и повѣрья Италіи, онъ отдался имъ сполна, тамъ жилъ, тамъ дѣйствовалъ, и если восходилъ снова къ поверхности современной жизни, то развѣ для того лишь, чтобы взять здѣсь языкъ и искусство для возсозданія минувшаго, и результатомъ уяснить начало. На первомъ планѣ является у Виргилія древняя Италія, ея миѳы, сказанія: въ Фастахъ выдаются впередъ всего внѣшнія религіозныя учрежденія Рима. И это сообщаетъ огромное превосходство Овидію, какъ источнику изученія древностей. Если вездѣ нужно начинать съ болѣе внѣшняго и доступнаго, то еще болѣе въ дѣлѣ римской религіи, гдѣ учрежденіе составляетъ единственную и надежную опору для изучающаго, единственный ясный и несомнѣнный фактъ, тогда какъ миѳъ и бѣденъ, и неполонъ, и теменъ. Во всякомъ случаѣ изучающему необходимо и гораздо полезнѣе начинать съ Овидія; въ этомъ убѣдимся мы еще слѣдующимъ разсмотрѣніемъ.

Не подражаніе Одиссеѣ и Иліадѣ, а самая сущность дѣла и требованія избраннаго предмета раздѣлили Энеиду на двѣ равныя половины: странствованія Энея — первыя шесть книгъ, и его дѣйствія въ Италіи — шесть послѣднихъ. Тѣмъ не менѣе соотвѣтствіе двумъ гомерическимъ поэмамъ пришло нѣкоторымъ образомъ само собою. Давно замѣчено эстетическими критиками, что Одиссея для насъ на первый взглядъ гораздо интереснѣе Иліады: это потому, что содержаніе первой какъ-то ближе къ современному искусству, и недаромъ критики приписываютъ ей происхожденіе позднѣйшее. Въ Иліадѣ болѣе суровости и простоты, болѣе древности въ эпическомъ характерѣ, болѣе однообразія; Одиссея мягче и теплѣе, здѣсь болѣе лирическаго элемента, элемента чувства, болѣе личности, и потому она ближе къ намъ и болѣе нравится съ перваго раза. Но, чѣмъ болѣе развивается въ насъ вкусъ, чѣмъ болѣе вникаемъ мы въ условія эпическаго времени и совершенно переходимъ къ образу его воззрѣнія, тѣмъ болѣе склоняемся къ Иліадѣ; это самое должно бы привлекать насъ гораздо болѣе и къ послѣднимъ книгамъ Энеиды. Въ первыхъ книгахъ Виргилію представлялось болѣе произвола, его фантазія имѣла болѣе свободы, онъ могъ дать обширное мѣсто и греческому миѳу, и изображеніямъ личнаго характера Энея, и личныхъ страстей его и Дидоны;

обстоятельства странствующаго изгнанника допускали значительное участіе теплоты и мягкости чувства. Но въ послѣдующихъ шести книгахъ поэтъ былъ связанъ мѣстными и народными преданіями отдаленной древности, тѣми узами, какими связано всякое первобытное эпическое міросозерцаніе. Мы ожидаемъ сблизиться съ духомъ древней Италіи, войти въ ея повѣрья, сродниться съ національными взглядами, и во всякомъ случаѣ ожидаемъ встрѣтить что нибудь гораздо болѣе важное, чѣмъ содержаніе длинноватыхъ первыхъ книгъ Энеиды. И поэтъ самъ приготовляетъ насъ къ этому въ началѣ VII-й книги: «мнѣ предстоитъ теперь болѣе великій рядъ событій, я начинаю дѣло гораздо важнѣйшее [1].» Дѣйствительно, мы не обманываемся въ надеждахъ, желаніе наше удовлетворяется, но въ степени ограниченной; мы стѣснены, сжаты, и неотвратимо чувствуемъ какую-то неполноту, неудовлетворительность. Искусство Виргилія въ томъ не виновно. Конечно, это не было народное, непосредственное, первобытное творчество Гомера, да мы и не вправѣ его ожидать: Виргилій еще болѣе Овидія славился глубиною и обширностью своей учености; онъ много изучалъ свой предметъ, много трудился, и уже поверхъ всего этого явилось созданіе искусства. Чтобы войдти въ кругъ его представленій, слѣдуетъ прежде изучить его коментаторовъ, познакомиться съ римскими древностями, пройти ту науку, которая прошла въ сознаніи самого поэта, прежде чѣмъ явилось его произведеніе; но и при этомъ условіи, сдѣлавшись напередъ археологами, мы не освободимся однако вполнѣ отъ тягостнаго впечатлѣнія. Прежде легко было указать другую причину такого явленія: ссылались на недостатокъ самостоятельности въ римскомъ искусствѣ, на совершенную зависимость отъ Греціи. Современная наука, по счастію, устраняетъ мало по малу такія крайности сужденій: если Римъ, задержанный долго процессомъ государственнаго развитія, вышелъ поздно на дорогу искусства, если онъ учился у Греціи, усвоилъ себѣ плоды ея образованности, то это еще не значитъ, чтобы онъ лишенъ былъ самостоятельности. То, что прежде ставилось Риму въ упрекъ, обращается нынѣ въ доказательство силы его генія: совершивши великій подвигъ развитія права, дѣло новое и еще небывалое въ Греціи, онъ успѣлъ однако обернуться къ ея наукѣ и искусству, собрать результаты, запечатлѣть ихъ особымъ національнымъ характеромъ. И если онъ здѣсь не прошелъ того длиннаго и послѣдовательнаго пути, какой достался на долю Греціи, если безъ особеннаго труда усвоилъ себѣ сдѣланное, то нужно вспомнить, что эта лег-

[1] Aen. VII, 44, 45.

кость условливалась близкимъ родствомъ пелазгической вѣтви, греко-римской па́ры; потому неудивительно напримѣръ, что въ Афродитѣ Римлянинъ узнавалъ свою Венеру, а въ Марсѣ Грекъ узнавалъ своего Арея; нѣтъ ничего страннаго, если изящные образы, выработанные греческимъ искусствомъ, приходились иногда одинаково въ пору и геллепскому, и италійскому миѳу, или если миѳъ Греціи выражалъ ясно то, что̀ было полутемнымъ гаданіемъ для Римлянина. А слѣдовательно очень естественно, что и Виргилій и Овидій обращались часто къ даннымъ греческаго искусства; этотъ фактъ не имѣетъ для насъ особенной важности, кромѣ той, что характеризуетъ собою то чудное время, когда, покинувъ свою прежнюю исключительность, Римъ роднился и сознавалъ свое родство съ греческимъ духомъ. Рядомъ съ греческимъ, не теряется особенность римскаго воззрѣнія: какъ ни маловажно родное повѣрье, Овидій не упуститъ случая упомянуть его, и, передавши греческій миѳъ, съ особеннымъ удовольствіемъ прибавляетъ часто латинскій [1]. Еще менѣе можно указать что либо въ ущербъ самостоятельности самого римскаго искусства, какимъ является оно въ произведеніяхъ обоихъ поэтовъ. Виргилій создалъ для Рима свой особый родъ поэзіи, свои пріемы, свой тонъ и складъ, свою фразеологію; за нимъ потянулся цѣлый рядъ болѣе или менѣе удачныхъ подражателей. Овидій также создалъ свой особенный родъ, какъ мы видѣли выше, и безъ всякихъ усилій съ своей стороны. Вспомнимъ тотъ величавый образъ, въ которомъ вывелъ Виргилія Дантъ; Овидія повторилъ Аріостъ. Но отыскивая далѣе объясненія для недостатковъ Виргилія, въ шести послѣднихъ книгахъ его Энеиды, мы можемъ остановиться еще на томъ предположеніи, что поэту недостало собственной живости фантазіи, и отсюда проистекаетъ вся монотонность его произведенія? Правда, немного родилось въ Римѣ такихъ бойкихъ головъ, какъ Овидій: его рѣчь еще въ молодыхъ лѣтахъ была тотъ же стихъ [2], разрѣшившійся въ прозу; его позднѣйшій стихъ легко переходилъ въ обыкновенную, простую, разговорную, но увлекательную рѣчь. Ему не нужно было напрягаться, ему нужно было себя сдерживать, и быть можетъ, если бы онъ поступалъ такимъ образомъ, онъ былъ бы еще выше [3]. При этомъ характерѣ выборъ такого предмета, какъ фасты,

[1] F. II, 514 и дал.: «parva quidem causa, sed apta subest.» II, 359: «adde peregrinae causam, mea musa, latinam.» и др.

[2] Seneca, Controv. II, 10, «hanc controversiam memini me videre Nasonem declamare apud rhetorem Arellium Fuscum, cujus auditor fuit.... Oratio ejus jam tum nihil aliud poterat videri, quam solutum carmen.»

[3] О молодомъ Овидіи Сенека говоритъ, что еще тогда онъ «sine certo ordine per locos

былъ чрезвычайно счастливъ и удаченъ: порядокъ календаря сдерживалъ постоянно увлеченіе и не давалъ разыграться произволу. Вспомнимъ кромѣ того, что въ Фастахъ мы имѣемъ произведеніе художника зрѣлаго, произведеніе лучшей его поры и самыхъ цвѣтущихъ лѣтъ, когда онъ получилъ уже возможность сдерживать свой порывъ, дотолѣ неудержимый, получилъ способность гораздо болѣе сосредоточиваться, опредѣляться, достигать типической выразительности во всѣхъ малѣйшихъ чертахъ своихъ. Тѣмъ не менѣе своевольная прихоть таланта и здѣсь взяла свое; мы могли бы ожидать, что Овидій при каждомъ случаѣ дастъ намъ показанія по всѣмъ, указаннымъ выше, рубрикамъ календаря, — ничуть не бывало: онъ скажетъ порою о древнемъ происхожденіи обряда и не опишетъ его современнаго положенія; назоветъ храмъ и не укажетъ мѣстности, упомянетъ божество и забудетъ праздникъ, и т. п. Становится иногда досадно, — пока не вспомнимъ, что вѣдь это не ученое разсужденіе, и что мы должны съ благодарностію собирать и то, что̀ есть. Виргилій самъ по себѣ былъ чуждъ такой живости; его стихъ былъ не пентаметръ, а гексаметръ; его грандіозность отзывалась иногда напряженностью усилій; расчитанность плана обличала порой несвободность и какую-то зависимость формы. Но подлинная причина всѣхъ недостатковъ Виргилія въ нарисованной имъ картинѣ древней Италіи заключается въ самомъ содержаніи. Матеріалъ, надъ которымъ приходилось работать, содержалъ въ себѣ для поэта много почти неодолимыхъ трудностей. Какъ ни трудился Виргилій, собирая и приводя въ порядокъ разрозненныя и разсѣянныя въ народѣ повѣрья и сказанія, они остались всё-таки блѣдны и скудны; такъ что поэтъ, при всей своей любви укрываться за эпическимъ расказомъ, одинъ разъ, приступая къ исчисленію и характеристикѣ героевъ дѣйствія, принужденъ былъ высказать горькое признаніе: «Помогите, музы!.... Едва только, чуть-чуть, одинъ лишь слабый отголосокъ молвы доносится до моего слуха [1]». Миѳы древнихъ италійскихъ божествъ не составляли здѣсь главнаго, — они вплетались въ расказъ, но форма эпическаго расказа не способствовала успѣху. Хорошо, если можно было Эвандра сдѣлать современникомъ Энея; хорошо, если можно было его заставить расказывать о Геркулесѣ, о

discurrebat» (Controv. II, 10). Потомъ Controv. IV, 28: «Ovidius nescit quod bene cessit relinquere». Квинтиліанъ X, 1, 98: «Ovidii Medea videtur mihi ostendere, quantum ille vir praestare potuerit, si ingenio suo temperare quam indulgere maluisset». Медея — трагедія Овидія, которая весьма славилась въ древности, но не дошла до нашего времени.

[1] Aen. VII, 646 и выше: «ad nos vix tenuis famae perlabitur avra»

Какусъ [1]: съ другими нельзя было сдѣлать того же. Юпитеръ, Юнона, Венера являются часто, но они дѣйствуютъ въ Италіи, и потому миѳъ греческій не могъ имѣть мѣста, а разбросанныя мѣстныя сказанія невозможно было сосредоточить около одной цѣли; отсюда живые образы боговъ сдѣлались блѣдными олицетвореніями [2]. Часто, сравнивши въ этомъ случаѣ Овидія, мы охотно отдаемъ ему превосходство; расказывая иногда въ миѳахъ вещи слишкомъ общеизвѣстныя, порою онъ счастливъ бываетъ особымъ пріемомъ: характеризуетъ божество, изчисляя подробности и частности его культа, обряды, аттрибуты жертвоприношеній и т. п., и только порою, и то въ весьма умѣренныхъ предѣлахъ, допуская въ рамки своего произведенія живую струю расказа. Слѣдующій примѣръ достаточно подтвердитъ сказанное; онъ покажетъ, что поэтъ дѣйствительно обращался къ италійскому миѳу только для того лишь, чтобы оживить картину или проникнуть къ отдаленному началу обряда, но что главнымъ и центральнымъ его дѣломъ было все-таки римское учрежденіе, со всѣми его подробностями. Приведенный примѣръ познакомитъ также съ манерами и особенностями Овидіева расказа; мы замѣтимъ, какъ часто одною бѣглою чертою характеризуетъ онъ тогдашнее состояніе религіи и въ одномъ какомъ нибудь намекѣ сообщаетъ очень важныя данныя. Въ началѣ первой книги Фастъ, то есть мѣсяца января, Овидій приступаетъ къ описанію праздника Януса и торжествъ новаго года, съ нимъ связанныхъ; рѣчь начинается и идетъ слѣдующимъ образомъ:

«Янусъ двуликій, начало временъ, молчаливо бѣгущихъ!
 Ты изъ верховныхъ одинъ видишь обратный свой тылъ.
Будь благосклоненъ Вождямъ, трудомъ и стараньемъ которыхъ
 Мира вкусила земля, миръ разлился по морямъ.
Въ кровѣ твоемъ да пребудутъ Отцы и Популусъ римскій.
 Ты мановеньемъ, какъ богъ, свѣтлый свой храмъ раствори.
Счастливый день па разсвѣтѣ: въ устнахъ и душахъ его чтите.
 Подлинно, доброму дню добрая рѣчь лишь идетъ.
Тяжба и ссора пусть смолкнутъ, безумная стихнетъ обида;
 Грубый и дерзкій языкъ, дѣло свое отложи.

—

Видишь, какъ воздухъ блещетъ огнями, куреньями полный?
 Слышишь, какъ пламя трещитъ, — жжетъ киликійскій шафранъ?

[1] Аеn. VIII, 102 и дал.
[2] Въ особенности замѣчено всѣми неловкое изображеніе Венеры и Вулкана: VIII, 370 и дал.

Свѣтъ съ очага поднимается въ храмъ, горитъ позолота,
Отблескъ дрожитъ въ потолкѣ, льется сіянье вокругъ.
Въ чистыхъ одеждахъ идутъ гурьбы на скалы Тарпеи,
Свѣтелъ какъ праздникъ ихъ видъ, радостенъ бѣлый нарядъ.
Новыя вѣтви собраны въ ликторскій пукъ, и сановникъ
Въ пурпурѣ новой, и стулъ[1] новаго консула ждетъ.
Тучные юнцы, ярма не подъявшіе, съ пастбищъ Фалисковъ,
Ждутъ ужъ, готовы принять скорый, послѣдній ударъ.
Юпитеръ, міръ весь вокругъ озирая съ высотъ своей власти,
Видитъ повсюду, на всемъ, римскихъ владѣній печать.
Здравствуй, радостный день! Съ каждымъ разомъ возвратъ твой да будетъ
Счастливѣй: римскій народъ почесть тебѣ воздаетъ.

—

Что же? Какимъ божествомъ назову я тебя, двуобразный?
Въ Греціи нѣтъ для тебя равной иль сходной черты.
Вмѣстѣ повѣдай причину, зачѣмъ межъ боговъ одинокій
Взоромъ стремишься впередъ, взоромъ слѣдя позади?
Такъ разсуждалъ я умомъ, такъ спрашивалъ образъ бездушный:
Вдругъ освѣтился весь домъ, свѣтомъ невиднымъ дотоль.
Янусъ священный предсталъ мнѣ, странный двойнымъ своимъ ликомъ:
Я цѣпенѣлъ, поднялись волосы; грудь замерла.
Посохъ въ десницѣ держалъ онъ, ключь сжималъ лѣвой рукою;
Скоро въ переднихъ устахъ[2] слышимы стали слова:
«Вѣщій пѣвецъ, озабоченный днями! Страхъ отложивши,
Выслушай то, что̀ желалъ, рѣчи въ умѣ впечатлѣй.
Хаосомъ древніе звали меня, — я древній богъ міра;
Слушай, тебѣ раскажу были сѣдой старины.
Воздухъ прозрачный и три остальныхъ элемента природы —
Огнь, и вода, и земля — глыбою были одной.
Масса разсѣлась: пламя поверхъ, по близости воздухъ,
Къ низу осѣла земля, съ нею потоки слились.
Я, бывъ дотолѣ громадой безъ виду, безо́бразной глыбой,
Я получилъ тогда ликъ, бога достойный составъ.
Но, и теперь, какъ признакъ неправильной прежней фигуры,
Что̀ у меня впереди, то же найдешь и въ тылу.
Вотъ и другая причина странной тебѣ моей формы
(Въ ней уяснятся тотчасъ трудъ и служенье мое):
Все, что̀ ни зришь, небеса, облака, и море, и землю,
Все то моей ждетъ руки, — нужно замкнуть, отпереть.

[1] Стулъ — Sella curulis римскихъ magistratuum curulium.
[2] Т. е. въ устахъ передняго, обращеннаго къ поэту лица.

Мнѣ одному принадлéжитъ стража обширнаго міра;
Право крюкъ повернуть — право повсюду мое.
Я захочу — и выпущу Миръ изъ подъ тихаго крова,
Пусть онъ свободно идетъ въ мірѣ просторномъ гулять;
Я не запру губительныхъ войнъ подъ крѣпкимъ запоромъ, —
Кровью земля протечетъ, крови сопутствуетъ смерть.
Юпитеръ въ небѣ входя-исходя не минуетъ услуги
Вратника: съ Горами тамъ я предъ вратами сижу.
Видишь, откуда имя мнѣ Янусъ [1]; когда же при жертвѣ,
Жрецъ возложитъ пирогъ, соль примѣшавши къ мукѣ,
Странное имя услышишь: Патулціусъ, Клузіусъ, — имя,
Коимъ въ молитвахъ меня смѣной взаимной зовутъ [2];
Это остатокъ древности грубой: различіемъ прозвищь
Думали вѣрно назвать двѣ стороны существа.
Каждая дверь о двухъ лицахъ: однимъ она смотритъ къ народу,
Изъ дому вонъ, а другимъ смотритъ къ Ларамъ во внутрь;
И, какъ привратникъ у вашихъ домовъ, сидя при порогѣ,
Видитъ того, кто вошелъ, видитъ вышедшаго вонъ:
Также точно и я, небесныхъ чертоговъ привратникъ,
Вижу заразъ и востокъ, вижу и западный край.
Ты чай видалъ у Гекаты три развѣтвившихся лика,
Ибо она стережетъ три перекрестныхъ пути;
Также и я, чтобы мигъ не терять поворотами шеи,
Время не тратя, смотрю разомъ туда и сюда».
Кончилъ онъ рѣчь; по лицу благосклонному было замѣтно,
Еслибъ еще я спросилъ, онъ бы еще отвѣчалъ.
Тутъ я безъ страха, воздавъ благодарность, въ душѣ ободрившись,
Вымолвилъ нѣсколько словъ, взоръ свой потупя къ землѣ:
— Странно, зачѣмъ новый годъ начинаютъ въ холодное время?
Развѣ не лучшебъ начать свѣтлой и ясной весной?
Все тогда въ цвѣтѣ, тогда временъ года новый періодъ;
Новый сквозь толстой коры рвется цвѣтистый шипокъ;
Дерево новой и свѣжей лозою спѣшитъ пріодѣться;
Сѣмя скрывая въ землѣ, къ верху всползаетъ трава;
Въ воздухѣ тепломъ несутся веселые птичьи напѣвы:
Въ чистыхъ зеленыхъ лугахъ прыгаютъ рѣзво стада;
Ласковъ теплый лучь солнца; давно невидáнная гостья,
Ласточка лѣпитъ гнѣздо тамъ, гдѣ повыше косякъ;
Поле подвластно труду и ждетъ обновиться подъ плугомъ:
Было бы лучше начать годъ по весенней порѣ? —

[1] Этимъ указываетъ Янусъ на связь своего имени съ именемъ двери, входа, *Janua*.
[2] По словопроизводству *Patulcius* заключаетъ въ себѣ понятіе отверстаго, *Clusius* запертаго; эти имена поперемѣнно употреблялись въ призываніяхъ Януса.

Много въ вопросѣ приплелъ я; немного отвѣтомъ онъ медлилъ;
Въ двухъ — и небольше — стихахъ такъ свою рѣчь заключилъ:
«Зимнее солнцестоянье — начало теченію Феба [1];
Съ Фебомъ же намъ заодно слѣдуетъ годъ начинать».
Странно мнѣ было: зачѣмъ въ первый день наступившаго года
Тяжбы ведутся въ судѣ [2]? Янусъ мнѣ такъ объяснилъ:
«Дѣлъ-производству я отдалъ начало временъ съ тою цѣлью,
Чтобы текущій весь годъ не былъ, пожалуй, лѣнивъ.
Съ тою же цѣлью кладутъ здѣсь начало и каждому дѣлу,
Промыселъ каждый беретъ пробу и опытъ труда».
Я продолжалъ: — для чего, призывая боговъ на молитвѣ,
Все таки прежде тебѣ ладанъ несемъ и вино?
«Мною хранятся пороги, сказалъ онъ, и доступъ къ верховнымъ
Мимо меня не найти; я лишь могу допустить».
— Такъ; но зачѣмъ въ новый годъ спѣшимъ мы другъ друга поздравить,
Счастья и благъ пожелать, временемъ первыхъ календъ? —
Янусъ, опершись на посохъ, тотча́съ уяснилъ мнѣ причину:
«Въ каждомъ началѣ всегда есть предвѣщанье впередъ;
Къ первому слову съ особеннымъ страхомъ склоняемъ мы ухо;
Первая птица даетъ а́вгуру вѣщій совѣтъ.
Храмы отверзты, — отверзтъ слухъ боговъ: потому не напрасно
Шепчутъ обѣты уста; въ словѣ глубокій есть вѣсъ.»
Скоро, прервавши молчанье, опять спросилъ я у бога
(Такъ что къ послѣднимъ словамъ рѣчь примыкала моя):
— Что́ значатъ эти подарки, плодовъ взаимная мѣна,
Смоква, и финикъ, и медъ въ чистыхъ, прозрачныхъ сотахъ? —
«Въ этомъ опять, отвѣчалъ онъ, таинственный смыслъ предвѣщанья:
Сладокъ подарокъ на вкусъ, — сладокъ пройдетъ цѣлый годъ.»
— Сладкаго смыслъ мнѣ понятенъ; зачѣмъ же дарятъ еще деньги?
Ты ужь и здѣсь помоги праздника смыслъ уяснить. —
«Ахъ, какъ ты мало знакомъ съ своимъ вѣкомъ!» сказалъ усмѣхнувшись
Янусъ; «думаешь, медъ слаще, чѣмъ денежный даръ?
Въ жизни своей одного лишь мнѣ видѣть случилось Сатурна, —
Онъ лишь одинъ не любилъ въ деньгахъ искать барыша.
Съ ходомъ вѣковъ увеличилась страсть ко стяжанью, а нынѣ
Это важнѣйшая страсть, нѣтъ ея выше другой.
Нынче дороже богатство, чѣмъ было въ старинные годы, —
Бѣденъ народъ былъ тогда, бѣденъ зачавшійся Римъ.
Хижина малая кровомъ была для рожденнаго Марсомъ;
Ложемъ служилъ — по рѣкѣ набранный мелкій тростникъ;
Юпитеръ въ маленькой храминѣ, тѣсной, едва уставлялся,

[1] Солнца.
[2] Это не противорѣчитъ прежнимъ словамъ: «тяжба и ссора пусть столкнутъ». Во время январскихъ календъ каждое дѣло начинали только для виду, слегка.

Въ правой рукѣ его былъ сдѣланъ изъ глины перунъ:
Вѣтви боговъ украшали, еще не блисталъ Капитолій;
Самъ не лѣнился пасти въ полѣ сенаторъ овецъ;
Не было стыдно искать на соломѣ покой своимъ членамъ,
Не былъ зазоръ подложить въ головы сѣна клочокъ;
Консулъ расправу чинилъ для народа прямо отъ плуга;
Скудный достатокъ сребра могъ обвиненьемъ служить.
Но, прошло время — Фортуна подняла любимое мѣсто,
Римъ, воздвигая главу, горнихъ коснулся боговъ.
Выросли скоро богатства, съ богатствами страсть къ нимъ слѣпая;
Съ тѣхъ поръ чѣмъ больше берутъ, тѣмъ ненасытнѣй хотятъ.
Ищутъ ревниво другъ передъ другомъ, за тѣмъ чтобъ растратить;
Тратятъ — и снова найти другъ передъ другомъ спѣшатъ.
Смѣна взаимная денегъ и нужды — питаетъ пороки;
Такъ и въ болѣзняхъ иныхъ — тотъ же замѣтенъ примѣръ:
Если когда разболѣвшися чрево страдаетъ водянкой,
Чѣмъ больше будетъ кто пить, тѣмъ больше жажды къ водѣ.
Цѣнность въ одной цѣнѣ денегъ; цензъ лишь одинъ даетъ почесть,
Цензомъ достанешь друзей; бѣдный заброшенъ лежитъ.
Но, ты быть можетъ вопросишь: ужь ежели нужны подарки,
То для чего въ новый годъ любятъ дарить чаще мѣдь?
Это за тѣмъ, что въ старинномъ ходу была мѣдь; нынче же злато —
Лучшій, прямой талисманъ, вмѣсто истертыхъ монетъ.
Такъ точно храмъ позлащенный пріятнѣй намъ нынѣ: къ величью
Бога онъ лучше идетъ; но, при всемъ томъ, старину
Мы не осудимъ въ изгнанье и часто ее одобряемъ.
Вотъ почему въ новый годъ золото часто даримъ,
Ибо монетъ стародавнихъ ужь меньше; при всемъ томъ, однако,
Любимъ мы также порой прежнюю мѣдь вспомянуть.
Хвалимъ мы древнихъ, въ дѣлахъ же послѣдуемъ вѣку: обычай
Дара и тотъ и другой слѣдуетъ равно намъ чтить.»
Кончилъ онъ; снова спросилъ я: — зачѣмъ на старинныхъ монетахъ
Видимъ съ одной стороны въ ясной чеканкѣ корабль,
Между тѣмъ образъ какой-то двуликій съ другой чуть замѣтенъ? —
«Если бы древность сама (такъ ключеносецъ сказалъ)
Съ ходомъ временъ не попортила мѣдь и черты не затерла,
Ты бы легко могъ узнать обликъ моей головы.
Что̀ до судна̀, то на немъ издалека богъ косоносный,
Долго по міру блуждавъ, къ тибрскимъ приплылъ берегамъ.
Сыномъ Юпитеромъ былъ онъ изринутъ изъ царства на небѣ;
Помню, какъ принятъ онъ былъ здѣшней радушной землей.
Долго съ тѣхъ поръ за народомъ имя Сатурна держалось;
Лаціумъ — прозванъ такъ былъ, скрывъ пришлеца у себя[1].

[1] Здѣсь игра словъ или лучше словопроизводство: *Latium* — *latente* deo.

Самъ тогда жилъ я по правому берегу Тибра, въ томъ мѣстѣ,
 Гдѣ его желтой волной край прилежащій омытъ.
Гдѣ теперь Римъ, зеленѣлъ тогда лѣсъ непосѣченный; странно! —
 Мѣсто святыни такой — пастбище было воламъ!
Вышгородъ мой былъ тотъ холмъ, что зовется по нынѣ Яникулъ, —
 Память живая о мнѣ; царствовалъ я въ тѣ года,
Въ давнее время, когда межь людей жили боги, и можно
 Было землѣ выносить жизнь такихъ славныхъ гостей.
Кривда людская не прогнала еще Правды: всѣхъ позже,
 Позже другихъ всѣхъ, съ землей грустно разсталась она.
Стыдъ, а не страхъ и насилье народомъ тогда управляли;
 Не было трудно блюсти право средь тѣхъ, кто былъ правъ:
Войнъ я не зналъ никакихъ, хранилъ я лишь мирные входы;
 Вотъ все оружье мое!» ключь приподнявъ, онъ сказалъ.
Я не замолкъ: — если столько есть зданій, зовемъ мы ихъ Янусъ,
 То почему лишь въ одномъ виденъ священный кумиръ,
Тамъ, гдѣ твой храмъ примыкаетъ къ двумъ форумамъ близкою связью? —
 Такъ предложилъ я вопросъ, вызвать ища разговоръ.
Янусъ же, длинную бороду, важно лежавшую, гладя,
 Тація дерзкій походъ весь до конца расказалъ;
Какъ ненадежный и вѣтреный сторожъ — дѣвица Тарпея,
 Перстней цѣной обольстясь, къ за́мку враговъ провела.
«Съ этой вершины, — прибавилъ здѣсь Янусъ, — въ ту пору, какъ нынѣ,
 Шелъ внизъ утесистый скатъ, въ глубь подлежащихъ долинъ.
Вотъ ужъ достигъ до воротъ царь Тацій; коварно Юнона
 Крѣпкихъ запоровъ оплотъ прочь постаралась прибрать.
Съ сильнымъ такимъ божествомъ побоялся тогда я заспорить;
 Къ хитрости тонкой прибѣгъ, вспомнивъ искусство свое:
Властью мнѣ данной отверзъ я въ исходищѣ быстрый источникъ,
 Выбросилъ воду на верхъ, брызгалъ, кропилъ, обливалъ;
Прежде жь того я въ холодныя жилы сѣры подбросилъ,
 Чтобы врага задержать ѣдкой и жгучей струей.
Послѣ того, какъ дѣло свершилось, бѣжали Сабины,
 Мѣсту — какъ было оно — я прежній видъ возвратилъ.
Граждане жертвенникъ мнѣ посвятили и маленькой храмикъ:
 Здѣсь-то куренья мнѣ шлютъ, ставя пшеничный пирогъ.»
— Но, для чего же Януса зданья замкнуты средь мира,
 Отперты только въ войнѣ? — Янусъ тотчасъ отвѣчалъ:
«Чтобъ для народа возвратъ съ поля битвъ былъ открытъ и доступенъ,
 Настежъ я двери держу, путь не закрытъ никому;
Въ мирѣ же двери спѣшу запереть, чтобы онъ не ушелъ какъ;
 Впрочемъ при Цезаряхъ здѣсь долго я буду замкнутъ....»
Такъ онъ сказалъ, и поднявши взоры въ различныя страны,
 Міръ весь кругомъ обозрѣлъ, цѣлой вселенной дѣла;

Миръ былъ повсюду. Тебѣ же, Германикъ, залогомъ тріумфа,
Рейнъ свои воды вручалъ, воды покорность несли.
Янусъ! Дай миру и мира виновникамъ вѣчность; творцу же,
Автору, дай завершить — дѣло, начатое имъ [1]!

Но если Овидій въ Фастахъ такъ тѣсно привязанъ къ римскимъ учрежденіямъ; если миѳъ является здѣсь у него на второмъ планѣ и подчиняется постороннимъ цѣлямъ, то можно спросить еще, — слѣдовалъ ли поэтъ въ этомъ случаѣ своей природной и воспитанной наклонности, или повиновался еще какимъ либо другимъ обстоятельствамъ? Первый отвѣтъ будетъ конечно тотъ, что Овидій по собственной наклонности останавливался преимущественно на учрежденіи, а не на миѳѣ: причина заключалась въ знакомыхъ уже намъ особенностяхъ его жизни, характера, положенія; это былъ художникъ, но художникъ не мечтатель, человѣкъ практики, занятой окружавшею дѣйствительностію, остановленный ея привлекательнымъ блескомъ, заинтересованный изящною наружностью, интересами общественными, городскими. Однако такое объясненіе еще неудовлетворительно, и неудовлетворительно по слѣдующей причинѣ: рядомъ съ Фастами, и въ одно время съ ними, онъ писалъ свои «Метаморфозы» рядъ самыхъ смѣлыхъ миѳологическихъ расказовъ, начиная отъ Хаоса, проходя нѣкоторые отдѣльные пункты миѳической Греціи и Италіи, и кончая Юліемъ Цезаремъ; это былъ первый увлекательнѣйшій и фантастическій романъ классической древности, начало послѣдующаго романскаго творчества. Мы видимъ отсюда, что Овидій былъ также наклоненъ къ миѳамъ, ихъ образамъ, ихъ картинамъ. И такъ мы должны поискать еще другой причины, для объясненія того, почему въ Фастахъ Овидій держался преимущественно учрежденій, а для миѳовъ открылъ иное поле. Напрасно стали бы мы искать далеко; напрасно стали бы утверждать, что въ Фастахъ Овидія сдерживалъ одинъ только порядокъ календаря: рамка одна не помѣшала бы увлеченію прихотливаго таланта, и мы видѣли, какъ часто вырывался онъ изъ подъ условій предписанныхъ, какое оригинальное содержаніе успѣлъ развить въ предѣлахъ данной формы. Объясненіе лежитъ гораздо ближе — въ необыкновенномъ тактѣ художника, тактѣ, который давалъ ему возможность отгадывать вездѣ истинный путь и необходимые, естественные пріемы. Этотъ тактъ угадалъ, сознательно или безсознательно, ту важную истину, что говоря о римской религіи нужно имѣть въ виду

[1] Сравните скудныя, разбросанныя въ Энеидѣ черты Януса (VII, 180, 610; VIII, 357, 358; XII, 198 и др.).

главнымъ образомъ римскія учрежденія; что миѳъ не составляетъ здѣсь существеннаго; что для миѳа есть Греція, обширнѣйшее и всегда благодарное поприще для фантазіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ Метаморфозахъ Овидій остановился преимущественно, и почти исключительно, на сказаніяхъ Греціи; переходя къ Италіи, въ послѣднихъ книгахъ, онъ коснулся ея миѳовъ именно съ той стороны, съ какой они допускали весь произволъ воображенія, исключали серьозное исканіе реальной и существенной истины, и наконецъ не встрѣчались съ предписаніями римской религіи. Такого увлеченія онъ не позволилъ себѣ въ Фастахъ и въ изложеніи самыхъ миѳовъ былъ здѣсь гораздо строже и точнѣе. Подобнаго такта, или лучше, подобной мѣры такта мы не находимъ въ Виргиліи, ибо онъ способенъ былъ скорѣе и глубже поддаться увлеченію. Въ этомъ убѣдятъ еще болѣе слѣдующія строки.

Миѳическихъ героевъ Италіи Овидію почти вовсе не приходилось имѣть въ виду; у Виргилія, напротивъ того, въ послѣднихъ шести книгахъ Энеиды, они стояли на первомъ планѣ. А между тѣмъ Италія не имѣла собственно героическаго періода! Правда, по городамъ и мѣстечкамъ ходили отрывочныя сказанія о герояхъ; правда, Виргилій, наряду съ лучшими умами своего вѣка, исходилъ изъ убѣжденія объ отдаленномъ тождествѣ пелазгическихъ началъ Греціи и Италіи, и потому не гнушался греческими именами и преданіями. Но трудность оставалась все таки во всей своей силѣ. Во первыхъ, во что бы то ни стало, ему нужно было надѣлать героевъ; отвсюду онъ собиралъ и призывалъ ихъ, — они явились: но, лишенные миѳа, они были странны съ своими мелкими чертами, съ своими блѣдными лицами; не смотря на всѣ усилія поэта, нѣкоторые изъ нихъ пересчитаны только поголовно, обозначены однимъ лишь именемъ. И эти блѣдныя фигуры должны были дѣйствовать! Нужно было дать имъ характеръ: Виргилій подбиралъ мельчайшія черты, изъ разнородныхъ оттѣнковъ слѣплялъ одинъ образъ, нарушалъ для своей цѣли преданія, смѣшивалъ и сводилъ въ одномъ героѣ различныя эпохи, и для послѣдующей критики оставилъ самый разительный примѣръ страшныхъ усилій учености, крайней напряженности таланта. При всемъ томъ дѣло не всегда удавалось: нѣкоторые обозначившіеся характеры получили драматическій оттѣнокъ, и, пріобрѣтши силу, разрывали спокойное теченіе эпическаго расказа. Вотъ та напряженность, то усиліе, которыя такъ тяготятъ вниманіе читающаго! Ясно, что причина явленія лежитъ не въ отсутствіи самостоятельности или недостаткѣ таланта, а въ самомъ выборѣ предмета, въ особенностяхъ первобытной народной эпохи, скудной сказаніями, — матеріаломъ послѣдую-

щаго творчества Виргилія [1]. Характеръ напряженности переходитъ отъ героевъ и на остальныя описанія [2]; римскія религіозныя учрежденія, чертами которыхъ пользуется поэтъ для изображенія древней Италіи, не уясняютъ намъ старины, теряя необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ и свое специальное значеніе [3]. По счастію, у Овидія мы не встрѣтимъ такихъ особенностей. Тогда какъ Виргилію предстояла задача съ немногими данными строить цѣлую поэму, подбирать мельчайшія черты разбросанныхъ преданій и надѣяться повсюду только на силу собственнаго таланта и богатыя средства искусства, въ то же время въ Фастахъ богатство матеріяла не оставляло желать ничего болѣе; оно облегчало дѣло художника; за что ни возьмись, можно было сказать очень много — отъ поэта зависѣло сказать хорошо и красиво; но подниматься и парить ему вовсе не было нужды. Это приходилось какъ нельзя болѣе по характеру Овидія: онъ могъ выбрать и то, и другое, и третье, затронуть одно, увлечься другимъ, и матеріалъ былъ все таки не исчерпанъ; тѣсная, повидимому, рамка календаря представляла на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе свободы таланту, чѣмъ обширное поле древнихъ италіянскихъ преданій. Не было, правда, той грандіозности, въ которой отпечатлѣлся личный характеръ Виргилія, и которая въ самомъ произведеніи его была вѣнцомъ и наградой неусыпныхъ и трудныхъ усилій: но за то Овидій избѣжалъ соединенной съ тѣмъ напряженности; и если частенько прикидывался, если любилъ свиданія съ божествами, цѣпенѣлъ и хладѣлъ, то все это такъ невинно, такъ забавно, и наконецъ такъ несовмѣстно со всѣмъ остальнымъ, что мы не въ силахъ обмануться, не захотимъ строго судить, да и самъ поэтъ готовъ тотчасъ признаться въ своей шалости. Нѣтъ нужды, что при повторяюшихся явленіяхъ календаря должно было и въ словахъ Овидія встрѣчаться довольно повтореній [4]: ихъ нѣтъ у Виргилія, за

[1] Перечисленіе и характеристику дѣйствующихъ лицъ можно найти главнымъ образомъ: VII, 647 — 817; VIII, 585 — 591; X, 146 — 215 и др. Греческое происхожденіе, греческія преданія, обличаютъ всего больше герои — союзники Турна. Смѣшанность видна особенно въ расказѣ о Гипполитѣ и Вирбіи (VII, 76 и дал.), гдѣ Виргилій, чтобъ получить конника, нарушилъ типъ чистоты героя и повѣрья Ариціи. VII, 752: изъ города сдѣлалъ царя; 706 и дал., перевелъ изъ позднѣйшаго времени Клауза; 803 и дал.: въ соотвѣтствіе Гомеру амазонка Камилла и т. д. Усиліе разцвѣтить какъ можно болѣе образъ героевъ видно на Турнѣ (VII, 783 и дал.), гдѣ поэтъ заставилъ даже химеру на шлемѣ изрыгать пламень. Трагическія положенія лицъ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ: VII, 758 и дал.; VIII, 109 — 121, и мн. др.

[2] Таково описаніе города и дворца Латина, VII, 160 и дал.

[3] См. ниже, мѣста изъ Сервія.

[4] Такъ напримѣръ всякому невольно можетъ надоѣсть Атласъ, безпрестанно являющійся съ своею тяжелою ношей.

то есть постоянная монотонность. Виргилій доказалъ своимъ произведеніемъ, что у Римлянъ не могло быть высокаго развитія эпоса, даже въ его позднѣйшемъ, вторичномъ, художественномъ явленіи, ибо созданія первобытнаго, народнаго эпоса были слишкомъ ничтожны; онъ доказалъ, что если кто могъ сколько нибудь успѣть въ этомъ дѣлѣ, то развѣ одинъ только Виргилій, съ его талантомъ, съ его увлеченіемъ; еще болѣе: онъ доказалъ, что современный ему порядокъ вещей заключалъ въ себѣ что-то искусственное, напряженное; что энергія, имъ возбужденная, или его вызвавшая, разрывалась и слабѣла въ соприкосновеніи съ дѣйствительностію, ибо восторгъ тотчасъ оказывался бѣднымъ по содержанію; что періодъ Энеадовъ былъ слишкомъ отдѣленъ долгимъ промежуткомъ; что на такомъ разстояніи необходимо терялся и глохнулъ голосъ преданія, и что снова призвать къ жизни всѣ эти сказанія и повѣрья можно только искусственною системою. У Овидія мы видимъ напротивъ, что собственное мѣсто Римлянина было тамъ, гдѣ дѣло касалось положительнаго состава учрежденій, что можно было порою и увлечься, но все же слѣдовало оставаться поближе къ дѣйствительности, и что наконецъ, взявшись главнымъ образомъ за учрежденія, Овидій былъ совершенно въ уровень съ своимъ положеніемъ. Такое различіе обоихъ поэтовъ открылось и еще съ одной замѣчательной стороны. Извѣстно, что ни тотъ ни другой не закончили обработки и отдѣлки своихъ произведеній; Овидій, какъ мы видѣли, очень жалѣлъ о томъ, въ изгнаніи принялся снова за дѣло и готовъ былъ употребить очень ловкій и удачный оборотъ, посвятивъ Фасты Германику. Не то случилось съ Виргиліемъ: имъ овладѣло тяжкое сомнѣніе, и предъ смертью хотѣлъ онъ сжечь свою Энеиду.

Все ведетъ къ тому, что надобно начинать изученіе римской религіи съ Овидія, а не Виргилія, или, что́ почти тоже, съ римскаго учрежденія, а не съ миѳа и италійскихъ повѣрій и преданій. Вотъ почему между прочимъ избрали мы Фасты Овидія предметомъ настоящаго изслѣдованія. Къ этому присоединяется еще нѣсколько очень важныхъ обстоятельствъ. Виргилій въ своемъ произведеніи имѣетъ ту характеристическую особенность, что подъ эпическимъ расказомъ скрываетъ вліяніе своихъ источниковъ, своихъ научныхъ пріемовъ; объ нихъ узнаёмъ мы подробности изъ комментаторовъ; но слова поэта, взятыя отдѣльно, представляются самымъ положительнымъ и твердымъ фактомъ, а потому легко могутъ ввести въ заблужденіе изучающаго, если онъ забудетъ, что Виргилій много изучалъ, повѣрялъ, порою раздѣлялъ или сливалъ, что̀ не должно. Въ Фастахъ напротивъ весь

процессъ работы очень легко вскрыть и вывести наружу; Овидій самъ указываетъ источники, приводитъ мнѣнія другихъ, предъ вашими глазами выбираетъ и оцѣниваетъ; такимъ образомъ вмѣстѣ съ нимъ вы совершенно входите въ его лабораторію. Главная задача его труда — отыскать или объяснить причину, почему: causam cur. Онъ такъ опредѣляетъ цѣль и составъ произведенія: «я буду пѣть распредѣленіе временъ латинскаго года, *причины того*, восхожденіе и захожденіе созвѣздій [1].» Или: «дѣло этого произведенія — отыскивать причины [2].» Описавши какой либо обрядъ или обычай какъ есть, авторъ тотчасъ спѣшитъ къ происхожденію и причинѣ: «изложенъ мною обычай, остается его происхожденіе [3].» Ни одно почти слово не встрѣчается такъ часто во всемъ произведеніи, какъ *причина* (causa). Откровенно иногда признается онъ, что не разумѣетъ и не знаетъ происхожденія или основной причины извѣстнаго явленія [4]. Какъ ни разнообразилъ поэтъ подобныя выраженія и обороты, все же, разумѣется, они свидѣтельствуютъ не въ пользу поэзіи; мы готовы даже съ нѣкоторыми, если уже это нужно, называть Фасты Овидія *дидактическимъ* произведеніемъ (хотя считаемъ нужнымъ замѣтить, что это нисколько не говоритъ противу поэтическаго достоинства, ибо такое названіе усвоено и Георгикамъ Виргилія, самому поэтическому изъ его произведеній): во всякомъ случаѣ такая композиція труда имѣетъ важное и благодѣтельное значеніе *для изучающаго*; и мы увидимъ ниже, что эпическій расказъ Энеиды, заслонившій собою предварительный процессъ ученыхъ трудовъ, повелъ истолкователей ко многимъ страннымъ недоразумѣніямъ. При этомъ нельзя однако скрыть и одно неоспоримое преимущество, которымъ Виргилій превосходитъ показанія Овидія: излагая миѳъ или повѣрье, онъ не высказываетъ собственнаго мнѣнія о немъ, а представляетъ его просто, въ послѣдовательной нити расказа [5]. Это обыкновенное свойство и достоинство

[1] F. I, 1—2: «tempora cum causis Latium digesta per annum, lapsaque sub terras ortaque signa canam.» Тоже самое: IV, 11, 12. Большею частью значеніе своихъ изслѣдованій Овидій выражаетъ оборотами: «спрашиваешь, почему то-то;» «искалъ я причины»;.... «ищете вы причины?» «Узнай причину»; «есть на то причина,» и т. п. Такихъ оборотовъ бездна.

[2] F. III, 725: «Carminis hujus opus causas expromere».

[3] IV, 483: «Expositus mos est; moris mihi restat origo.» О множествѣ приводимыхъ мнѣній, ихъ разборѣ, оцѣнкѣ, См. IV, 484 и дал.; V, 5—6; VI, 1—2 и дал.; мн. др.

[4] V, 2: «non satis est liquido cognita causa mihi». 361: «quorum me causa latebat». и др.

[5] Aen. VII, 177 и дал.; VIII, 120 и дал.; это замѣтилъ и Сервій, 226: «perseverat in fabula», т. е. остается вѣренъ объективной передачѣ миѳа. — VIII, 319 и дал.; мног. друг.

эпическаго поэта. Между тѣмъ Овидій безпрерывно приводитъ свои собственныя толкованія и объясненія, стараясь по своему представить значеніе миѳа, обряда, и т. п.: бо́льшую часть такихъ личныхъ сужденій мы принуждены оставлять безъ особеннаго вниманія; аргументація еще съ раннихъ лѣтъ не давалась Овидію [1].

Ходъ изложенія самъ собою приводитъ насъ теперь къ вопросу о томъ, къ какой системѣ религіозныхъ толковъ принадлежалъ Овидій, какъ понималъ онъ въ философскомъ отношеніи дѣло, и какими средствами думалъ отыскать здѣсь прочныя основанія.

Благодаря статьѣ, помѣщенной во второй книгѣ этого сборника (миѳическая Греція), мы не имѣемъ здѣсь нужды входить въ разсмотрѣніе того, какія системы толкованія миѳовъ существовали въ Греціи; мы укажемъ, и то только въ самыхъ общихъ чертахъ, нѣкоторыя особенности римскаго пониманія. Не прошедши во всей глубинѣ полнаго развитія религіозныхъ представленій, Римъ не могъ достигнуть самостоятельности и въ философіи: въ его образованности повторились системы и школы мыслителей греческихъ. Но характеръ нѣкоторой оригинальности долженъ былъ оказаться и здѣсь. Прежде всего мы замѣчаемъ въ Римѣ преобладаніе двухъ главныхъ философскихъ системъ и, въ зависимости отъ нихъ, преобладаніе двухъ главныхъ путей въ пониманіи миѳологіи: школы эвгемеристической или, по выраженію Грота, полуисторической, которой держались Эпикурейцы, и потомъ системы стоиковъ, отличавшейся толкованіемъ аллегорическимъ. Очень естественно: бѣдный миѳами, Римъ вышелъ за то къ болѣе близкому, практическому пониманію дѣйствительности; его жизнь, менѣе чѣмъ жизнь Греціи, уходитъ въ эпоху миѳическую; съ своими учрежденіями она прямо и непосредственно принадлежитъ внѣшней, положительной исторіи. Такой характеръ долженъ былъ дѣйствовать обратно и на пониманіе отдаленныхъ сказаній: миѳъ, если онъ существовалъ, представлялся историческимъ фактомъ, боги и герои Италіи явились законодателями; здѣсь объясненіе первымъ главамъ Ливія и взгляду Діонисія Галикарнасскаго на миѳическую эпоху. Съ другой стороны, особенность миѳологическаго развитія привела еще рано съ собою множество отвлеченныхъ понятій, заступившихъ мѣсто живыхъ образовъ миѳологіи: ни одна религія не богата ими въ такой степени, какъ римская. При такой склонности, еще болѣе могло привлечь къ себѣ послѣдователей аллегорическое толкованіе, повидимому восполнявшее своими отвлеченностями ту ску-

[1] Seneca, Controv. II, 10: «molesta illi erat omnis argumentatio».

дость истиннаго содержанія, которою страдалъ миѳъ; чѣмъ бѣднѣе былъ миѳъ самобытною жизнію, тѣмъ сильнѣе было желаніе восполнить недостатокъ его развитія какими бы то ни было философемами: фактъ, обыкновенный во многихъ случаяхъ психической и исторической жизни.

Разнообразные оттѣнки подобнаго рода объясненій легко можно прослѣдить въ сочиненіяхъ Цицерона, а особенное воззрѣніе философіи природы въ извѣстномъ произведеніи Лукреція «De rerum natura». Надобно однако замѣтить, что различіе философскихъ началъ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его въ Греціи, среди римской литературы можно начисто отличить развѣ только при первыхъ цезаряхъ. Если уже у Сенеки видна нѣкоторая непослѣдовательность, то еще болѣе можно сказать о другихъ: эклектисмъ былъ естественнымъ и необходимыхъ характеромъ римскаго философскаго мышленія; онъ отличаетъ уже Цицерона, при всей его склонности къ стоицисму, и сдѣлался главнымъ замѣтнымъ характеромъ мыслителей позднѣйшихъ. Нѣтъ нужды упоминать, что такаго рода убѣжденія колебали въ самой основѣ народныя вѣрованія. Если уже древнѣйшіе памятники Рима заключали въ своихъ показаніяхъ много неопредѣленности, какъ то справедливо замѣтилъ г. Крюковъ въ истолкованіи названія индигитаментъ[1]: то уже почти во время Катона Старшаго мы встрѣчаемъ поспѣшное стремленіе восполнить скудость данныхъ полуисторическимъ толкованіемъ; Энній, переложившій въ стихахъ лѣтописи, былъ въ то же время переводчикомъ и послѣдователемъ Эвгемера. Свидѣтель только что начинавшагося поворота, Катонъ дѣйствовалъ еще иначе: объясняя въ своихъ «Origines» начало и древности городовъ и обычаевъ до-римской Италіи, онъ имѣлъ въ виду тождество пеласгическихъ началъ и не рѣдко обращался за доказательствами къ древней Греціи. Но и здѣсь была своя доля ошибки, особенно замѣтная у позднѣйшихъ послѣдователей этой методы. Для разъясненія италійскаго миѳа они брали соотвѣтствующій миѳъ Греціи, но не въ его близости къ пеласгической общей основѣ, а въ состояніи позднѣйшемъ, развитомъ въ смыслѣ такомъ, который былъ выработанъ уже оригинальностью гелленскаго воззрѣнія. Необходимымъ слѣдствіемъ было то, что при блескѣ греческаго искусства еще болѣе умалялся и блѣднѣлъ миѳъ Италіи.

Мысль помочь этому и возобновить самостоятельность народнаго

[1] «Мысли о первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религіозномъ отношеніи».

сказанія принадлежитъ главнымъ образомъ Варрону, современнику Юлія Цезаря. Въ своихъ сочиненіяхъ, доходившихъ числомъ до пятисотенной цифры, преданный весь римскимъ древностямъ, онъ держался главнымъ образомъ филологическаго метода, ища объясненій миѳамъ и учрежденіямъ въ данныхъ латинскаго языка; дѣло не всегда удавалось, терялось иногда въ частностяхъ, но тѣмъ не менѣе сообщило главный тонъ и характеръ послѣдующимъ изслѣдованіямъ; въ большомъ количествѣ начали являться монографіи, филологическія извлеченія, сборники отрывочныхъ свѣдѣній и извѣстій, и ближайшимъ образцомъ такихъ сборниковъ было знаменитое сочиненіе Веррія Флакка: De significatione verborum. Труды Варрона дошли до насъ въ ничтожныхъ почти отрывкахъ, лишенныхъ притомъ полной достовѣрности, но и отсюда мы можемъ почерпнуть нѣкоторыя характеристическія черты. Добывая результаты филологическими средствами, Варронъ въ систематизированіи ихъ и пониманіи, хотя и склонялся болѣе къ аллегорическому толкованію, но, говоря вообще, былъ совершенный эклектикъ; особенностями своего воззрѣнія онъ образовалъ совершенно отдѣльную школу; всѣ послѣдующіе археологическіе труды носятъ на себѣ вліяніе началъ, имъ избранныхъ. Это побуждаетъ насъ сдѣлать здѣсь вкратцѣ общее обозрѣніе Варроновой системы. «Божество, говоритъ Варронъ, есть душа міра; а міръ дѣлится главнымъ образомъ на небо и землю, два отдѣла, допускающіе еще нѣкоторыя подраздѣленія. Здѣсь находилъ и отсюда заимствовалъ человѣкъ понятія божества. Сознанію человѣческому предстали боги, обособленные и отдѣльные, въ двухъ главныхъ разрядахъ: 1. боги изначала извѣстные, всегдашніе, необходимые; 2. существа, изъ людей достигшія божественности, или лучше сдѣланныя богами, и притомъ или общія для всѣхъ, или частно принадлежащія тому или другому народу. Въ историческомъ развитіи Рима одни боги остались навсегда ***извѣстными***, ясными, доступными пониманію, ибо словопроизводство ихъ имени очевидно, ихъ миѳы и священнодѣйствія просты и наглядны; другимъ богамъ особенно посчастливилось тѣмъ, что миѳы ихъ получили разнообразное и полное развитіе, а учрежденія и обряды ихъ священнодѣйствій достигли обширности и многосложности; на нихъ съ особенною любовію останавливались и искусство, и испытующій умъ, и законодательство: это боги избранные, *dii selecti*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые боги — третій разрядъ — остались въ сторонѣ, какъ древніе и полузабытые, отдѣляясь отъ другихъ и слабостію обряда, и темнотою миѳа и названія. Далѣе, на историческій ходъ развитія религіи и миѳологіи вліяли поэты философы и законодатели. Отсюда три глав-

ные пути въ развитіи понятій о богахъ: миѳическій принадлежащій поэтамъ; физическій или естествоиспытательный — собственность философовъ, и третій — гражданскій или государственный. На первомъ пути въ вымыслахъ послѣдовало много искаженій и несообразностей,— онъ даетъ менѣе, нежели сколько нужно для народа; второй путь даетъ болѣе, чѣмъ дозволено изслѣдованію, и годится скорѣе въ стѣнахъ школы, нежели для публичности; третій гораздо важнѣе и удовлетворительнѣе; но заимствуя много побужденій и подробностей особенно отъ перваго, также не вполнѣ сообразенъ съ сущностію дѣла; если бы можно было снова все переработать, можно бы здѣсь многое поправить. Тѣмъ не менѣе начинать позднѣйшія изслѣдованія слѣдуетъ съ третьяго, и разумный методъ долженъ быть таковъ: должно обратить вниманіе на то, 1) кто совершаетъ священнодѣйствія, т. е. на лица; 2) гдѣ совершается священнодѣйствіе — мѣсто; 3) когда — время; 4) чтó совершается — священнодѣйствія, и 5) кому — изслѣдованіе о самихъ богахъ; при такомъ методѣ являются еще болѣе мелкія подраздѣленія. При истолкованіи смысла допускаются ученія и платониковъ, и стоиковъ, и эвгемеристовъ, вообще эклектисмъ. Но главное средство пониманія, — и безъ него ни на шагъ, — филологическій пріемъ, словопроизводство, коренящееся отчасти на изученіи языка греческаго, но главнымъ образомъ на изученіи языка народнаго, латинскаго, потомъ сабинскаго, и т. д. [1].» Посмотримъ, сколько позволяетъ краткость нашего очерка, на выработанные Варрономъ результаты, при объясненіи значенія боговъ. Боги *извѣстные* — каждый имѣетъ свою отдѣльную дѣятельность относительно человѣка; съ помощію словопроизводства можно легко открыть ихъ благодѣтельное вліяніе, сопровождающее человѣка отъ колыбели до гроба. Сатурнъ, напримѣръ, имѣетъ по корню слова прямое отношеніе къ оплодотворяющему началу; Либеръ (Діонисъ!) разрѣшаетъ напряженныя отношенія мужчины и женщины; ему помогаетъ Либера — Церера и Венера; Поствертa и Прорса, — эпитеты Карменты, — указываютъ на положеніе младенца въ утробѣ матери; Парка (согласный звукъ *t* перешелъ въ *c*) способствуетъ рожденію; даже самъ Юпитеръ, по филологической догадкѣ, Diespiter, собственно потому такъ названъ, что выводитъ на свѣтъ младенца (in diem); ребенку нужна помощь, —

[1] Aug. de c. D. VII, 6; 28; Serv. Aen. VIII, 275; II, 141; Aug. c. d. VII, 17; IV, 23; VII, 2; IV, 27; VI, 5; VI, 6; IV, 31; VI, 3; Serv. Aen. VI, 703; Aug. c. d. VII, 5; Arnob. VII, 1; Aug. c. d. VII, 28; VI, 6; Fest., изд. О. Мюллера, стр, 310, съ права; Varro de l. l. I, 5, 66, 68, 69, 74, 123.

отсюда Опсъ; чтобы дитя начало говорить, нужно ему раскрыть ротъ,— для этого существуетъ Ватикапусъ; и замѣчательно, что одинъ изъ первыхъ звуковъ ребенка бываетъ звукъ *в* (v), звукъ, съ котораго начинается имя бога, или цѣлый слогъ *ва*, и т. д. Относительно супружескаго дѣла многія наименованія допускаютъ самыя любопытныя словопроизводства, которыхъ однако мы не рѣшаемся привести [1]. Тѣ же интересныя сближенія можно подмѣтить и въ дѣйствительности, окружающей человѣка: нуженъ, напримѣръ, крюкъ для дверей — есть богиня Карна (*д* выпущено); пробивается ростокъ, въ полѣ, на деревѣ, — Прозерпина (къ греческому корню слова относиться не нужно, есть свой латинскій); Консусъ подаетъ совѣты; Минерва облегчаетъ, уменьшаетъ трудъ памяти (minuta opera); имя Меркурія означаетъ какъ бы бѣгущаго посреди (quasi medius currens), это ничто иное, какъ рѣчь между говорящихъ или договаривающихся; быстро, какъ птица, летитъ рѣчь черезъ воздухъ: отъ того у Меркурія крылья [2]. Кромѣ того при сближеніи выходитъ, что одинъ и тотъ же богъ можетъ имѣть самыя разнообразныя и даже противуположныя значенія; куда ни поверни корень слова, вездѣ можно подыскать объясненія; а вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе одного божества легко переходитъ въ значеніе другаго и всѣ они легко перемѣшиваются. И вотъ каковы лучшіе изъ источниковъ для нашего дѣла! Съ перваго взгляда всякой сказалъ бы: такія толкованія и филологическія сближенія могутъ позволять себѣ только дѣти, да развѣ еще нѣкоторые современные изслѣдователи нашей отечественной миѳологіи; ни миѳологія, ни религія римская не могли быть таковы въ своей сущности, какими ихъ представляетъ Варронъ; въ его словахъ видно совершенное отсутствіе истиннаго пониманія религіи. Такъ, это отчасти правда [3]. Но къ сожалѣнію мы должны замѣтить, что съ одной стороны показанные пріемы Варрона имѣли свое право и оправдываются многими обстоятельствами. Конечно, лингвистическія сближенія не всегда умѣстны и надежны въ классической миѳологіи; ихъ настоящее мѣсто въ до-исторической эпохѣ новыхъ народовъ; но римская миѳологія несравненно ниже греческой и составляетъ ослабѣвающій мало по малу переходъ отъ Востока и Греціи къ новымъ народамъ. Отъ того здѣсь болѣе приложимъ

[1] Deus Jugatinus, Domiducus, Domitius, dea Manturna, dea Virginensis et deus pater Subigus et dea mater Prema et dea Pertunda et Venus et Priapus. Aug. de civit. Dei VI, 9 cf. IV, 11.

[2] Сносокъ не дѣлаемъ по множеству мѣстъ; см. однакожь предыдущее и слѣдующее примѣчаніе.

[3] Не даромъ одинъ древній писатель назвалъ Варрона *ubique expugnatorem religionis*.

лингвистическій методъ; здѣсь уже можно искать объясненій въ данныхъ языка, ибо часто недостаетъ болѣе значительныхъ фактовъ; потому Варронъ, тамъ, гдѣ онъ не касается сущности высшихъ боговъ своей религіи и объясняетъ множество раздробившихся и измельчавшихъ существъ, обиліе отвлеченныхъ понятій, исполнившихъ собою сумму ходячихъ вѣрованій или лучше повѣрій, тамъ онъ часто поразительно находчивъ и убѣдителенъ въ показаніяхъ. Съ другой стороны, если дѣйствительно Варронъ чуждъ былъ истиннаго пониманія своей религіи, то это для насъ необыкновенно поучительный фактъ: во первыхъ онъ свидѣтельствуетъ, что на показанія того времени мы не должны уже слѣпо полагаться, разумѣется тамъ, гдѣ они не представляютъ голыхъ фактовъ, а стараются истолковать дѣло; во вторыхъ онъ намъ доказываетъ глубокую порчу современной Варрону религіи и данныя его времени дѣлаетъ неудовлетворительными для объясненія предыдущихъ эпохъ; тамъ миѳологія не могла уже имѣть религіознаго значенія, гдѣ нужно было доискиваться ея смысла помощію филологическихъ изслѣдованій [1].

Разсмотрѣвши мнѣнія Варрона, мы не имѣемъ уже нужды останавливаться долго на мнѣніяхъ Овидія. Онъ нисколько не возвышается надъ толкованіями Варрона, какъ такой же страстный охотникъ до филологическихъ словопроизводствъ, такой же любитель аллегорическихъ толкованій и такой же эклектикъ въ философскихъ воззрѣніяхъ на миѳологію. Какъ ни старается онъ одѣть свою мысль въ поэтическую

[1] Самое полное возстановленіе текста Варрона сдѣлано Меркелемъ, p. CVI — CCXLVII. Отсылая туда читателя, мы приведемъ здѣсь только доказательство Варронова эклектисма. Вотъ замѣчательное мѣсто изъ Августина de civ. D. VII, 6., показывающее, что Варронъ слѣдовалъ аллегористамъ: Dicit ergo idem Varro adhuc de naturali theologia praeloquens deum se arbitrari esse animam mundi, quem Graeci vocant κόσμον, et hunc ipsum mundum esse deum. Sed sicut hominem sapientem, cum sit ex corpore et animo, tamen ab animo dici sapientem, ita mundum deum dici ab animo, cum sit ex animo et corpore. — Adjunxit mundum dividi in duas partes, coelum et terram, et coelum bifariam in aethera et aëra, terram vero in aquam et humum. E quibus summum esse aethera, secundum aëra, tertiam aquam, infimam terram, quas omnes quatuor partes animarum esse plenas, in aethere et aëre immortalium, in aqua et terra mortalium; a summo autem circuitu coeli usque ad circulum lunae aethereas animas esse astra ac stellas, eosque coelestes deos non modo intelligi posse, sed etiam videri; inter lunae vero gyrum et nimborum ac ventorum cacumina aëreas esse animas, sed eas animo, non oculis videri et vocari heroes et lares et genios. И между тѣмъ у того же Августина de cons. 1, 23, 333. читаемъ: Numquid et Varro vel tanquam poeta fingit, vel tanquam academicus dubie ponit, quod dicit talium deorum sacra ex cujusque eorum vita vel morte — esse composita? — Polyandria Varronis, о которой упоминаетъ Арнобій, VI, 6, относится также къ эвгемерисму.

формy, какъ ни старается усладить ловкимъ оборотомъ самое терпкое мудрованіе: при всемъ томъ мы не можемъ не пожалѣть, что не одну сотню стиховъ занимаютъ у него самыя вздорныя вещи. Замѣтимъ только, что въ такихъ случаяхъ Овидій не всегда полагается на собственныя сужденія. Тотъ и другой были вѣрными выразителями своего вѣка со стороны тѣхъ направленій, которыя господствовали въ движеніи мысли. Но одному принадлежала область науки, другому область поэзіи: въ этомъ ихъ различіе. Мы знаемъ уже, Овидій былъ прекрасно образованъ, а слѣдовательно хорошо знакомъ съ ходячими мнѣніями своего времени; нѣтъ нужды дѣлать его философомъ той или другой школы: онъ невольно и по необходимости долженъ былъ всасывать въ себя тѣ убѣжденія, которыми пропитано было окружавшее общество. Тѣмъ менѣе можно ожидать отъ него какой либо спеціальной системы воззрѣній въ трудѣ поэтическомъ: здѣсь онъ эклектикъ по преимуществу, и въ этомъ легко убѣдиться, бросивъ первый бѣглый взглядъ на ряды изображаемыхъ имъ божествъ или объясняемыхъ обрядовъ. Онъ высказываетъ иногда нѣсколько мнѣній объ одномъ и томъ же, мнѣній совершенно противуположныхъ и примыкающихъ къ различнымъ тогдашнимъ школамъ; часто даже онъ не склоняется ни на одну изъ этихъ сторонъ, и оставляетъ дѣло нерѣшеннымъ, читателя недоумѣвающимъ [1]. При всемъ томъ мы можемъ почти всегда рѣшить, къ какому разряду относится высказанное имъ то или другое мнѣніе, и еще болѣе, мы можемъ даже порою подмѣтить, къ какой именно сторонѣ наклонялся болѣе самъ поэтъ.

Возьмемъ школу аллегорическую. Среди общества, которое привыкло, даже въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ, подъ Церерою разумѣть хлѣбъ, подъ Венерою любовь, подъ Марсомъ и Бахусомъ войну и вино, подъ Фебомъ и Авророю солнце или день, и зарю, и т. п., среди этого общества трудно было кому либо удержаться отъ привычки аллегоризировать данныя религіознаго сознанія. Когда Овидій расказываетъ намъ миѳы поименованныхъ божествъ, трактуетъ ихъ чисто съ миѳической точки зрѣнія: мы въ правѣ всегда предположить, что самъ для себя, въ глубинѣ своего затаеннаго сознанія, онъ разумѣетъ здѣсь простое олицетвореніе хлѣба, вина, и т. д., поддѣлываясь только, въ образахъ своей поэзіи, подъ древній миѳическій тонъ и складъ. И нужно сознаться, что онъ сбивается часто въ точ-

[1] I, 89—283; 319—333; II, 283—380; III, 170—259; 523—696; 771—789; IV, 783—807; V, 1—110; 183—379; VI, 1—100.

кахъ своего зрѣнія, изобличая передъ нами то скрытое свое убѣжденіе, то поддѣлку и искусственность народнаго эпическаго пріема. Прослѣдите описанія упомянутыхъ и подобныхъ божествъ, и вы убѣдитесь въ сказанномъ. Но, не говоря уже о томъ, что Овидій упорно хочетъ насъ увѣрить, что онъ видитъ здѣсь дѣйствительныя божества, и тратитъ свои поэтическія краски на ихъ образы и миѳы, — не говоря уже о томъ, нельзя не замѣтить, что празднества ихъ онъ приводитъ большею частію въ связи съ какими нибудь историческими или миѳическими событіями, ища тамъ начала и происхожденія для представленій религіознаго сознанія [1]. Стало быть все таки онъ не даетъ аллегоріи полной силы и исключительности. И точно, аллегорическій толкъ примыкалъ къ стоицисму, а стоицисмъ отличался строгою и правильною системой: аргументація, возможная для Варрона, суроваго воина, писавшаго свои ученыя разсужденія въ походной палаткѣ, въ одной изъ тѣхъ грозныхъ битвъ, которыя зачиналъ Юлій Цезарь, эта дѣльная аргументація недоступна была нашему поэту и по его натурѣ, и по свойству предпринятаго труда. Такимъ образомъ, если Варронъ склонялся болѣе къ стоицисму и аллегорисму, то Овидій долженъ былъ тяготѣть къ чему либо другому, болѣе свойственному и сподручному. Казалось бы, школа эпикурейцевъ должна была скорѣе заманить къ себѣ его влеченіе: опыты веселой молодости, характеръ окружавшаго общества, даже одинъ примѣръ Горація, все это начисто могло заручить поэта эпикуреисму. И дѣйствительно, раскрывши Фасты, мы можемъ напасть на мысль эпикурейца: такъ въ одномъ мѣстѣ у него выходитъ, что боги не заботятся даже о собственныхъ своихъ святилищахъ, предоставляя все попеченіе о нихъ людямъ; но и здѣсь нѣтъ никакой чистоты и спеціальности отдѣльной школы, ибо тутъ же, рядомъ, поэтъ молитъ боговъ, чтобы они стояли за домъ Цезаря [2]. Быть можетъ, однако, по личной особенности своего таланта любивши выбиваться изъ подъ систематическихъ и школьныхъ предписаній, Овидій легко могъ занять тѣ популярныя начала, которыя выработала Эпикурова школа для объясненія религіи, и именно миѳическихъ преданій, — мы говоримъ объ томъ образѣ толкованій, который можно назвать историческимъ или еще лучше полуисторическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, аллегорисмъ не могъ имѣть успѣшнаго

[1] I, 637 — 649; II, 631, 632; III, 881; VI, 91 — 96; 637 — 49. — I, 479; IV, 145 — 153; 373 — 376; V, 729, 30; VI, 569 — 636; 778 — 785. — IV, 873; VI, 241 — 249. — IV, 905 — 943 и мн. др.

[2] II, 59 и дал.

приложенія въ такомъ поэтическомъ трудѣ, какъ Фасты, гдѣ основа календаря была очень суха, и гдѣ вся живость и прелесть зависѣла отъ изображенія и описанія тѣхъ миѳическихъ преданій и событій, къ которымъ обращался поэтъ за происхожденіемъ, первымъ началомъ и объясненіемъ современныхъ формъ, обрядовъ, учрежденій. Ясно высказанная аллегорія охладила и засушила бы то, въ чемъ искали оживленія и освѣженія. Потому, мы видѣли, въ изображеніи Януса Овидій только лишь мимоходомъ коснулся философемы, и аллегорическій намекъ совершенно потерялся въ живомъ образѣ древняго бога и царя Лаціума. Также точно неохотно прибѣгъ онъ къ аллегоріи при изображеніи божества Весты: миѳъ самъ по себѣ былъ слишкомъ бѣденъ; Овидій не опустилъ никакого случая оживить столь важный для Римлянина священный предметъ, живописалъ всѣ тѣ событія, съ которыми онъ вступалъ въ какую либо связь, но все таки, за недостаткомъ въ существенномъ содержаніи миѳа, долженъ былъ аллегоризировать, и нужно признаться, запутался въ противорѣчіяхъ, называя богиню то пламенемъ, то землею, стараясь примирить эти противорѣчія, проговорившись объ идолѣ или по крайности объ изображеніи богини, и уличивъ при этомъ во лжи и себя, и другихъ поэтовъ [1]. Такая неудача яснѣе всего показываетъ, что за аллегорію можно было браться поэту только въ случаѣ крайней необходимости, но и тогда не много ожидалось успѣха. За то полуисторическій способъ воззрѣнія приходился здѣсь очень кстати. Само собою разумѣется, что при этомъ Овидію опять не было никакой нужды высказывать прямо, что онъ принадлежитъ къ такой-то школѣ тогдашнихъ толковъ, или расказывая какой нибудь миѳъ, какъ дѣйствительное событіе, прибавлять непремѣнно, что въ дѣйствующихъ лицахъ онъ видитъ людей, не болѣе: это опять помѣшало бы поэзіи, хотя въ меньшей степени, чѣмъ аллегорія. По крайней мѣрѣ тѣ повѣствованія и описанія, которыя мы встрѣчаемъ у него, *не исключаютъ возможности затаенной въ авторѣ полуисторической теоріи, преимущественно предъ всѣми другими способами пониманія*. Есть данныя, которыя сообщаютъ особенную основательность этой догадкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Овидій прямо даетъ перевѣсъ полуисторическому воззрѣнію надъ всѣми другими: такъ напримѣръ, говоря объ Аннѣ Переннѣ (III, 523 — 696), онъ не только обходитъ толкованіе аллегорическое, видѣвшее въ ней луну, не только устраняетъ ея миѳологическія отношенія къ Юпитеру, ея значеніе какъ Ѳемиды и Іо, но даже обходитъ преданіе о ней, какъ сестрѣ Дидоны, и останавли-

[1] III, 9 — 48; 141 — 144; 415 — 428; VI, 249 — 460.

вается на Аннѣ Бовильской, старухѣ, помогавшей плебеямъ во время сецессіи; и этому только мнѣнію онъ приписываетъ вѣроятіе. Подобное же представленіе рождается въ вашемъ умѣ, когда вы читаете въ Фастахъ, и нерѣдко, что такое-то божество *сдѣлано* тогда-то и по такому-то случаю [1]: вы не можете оставить безъ вниманія и того, что, рядомъ съ другими толкованіями и объясненіями, являются почти всегда и такія, которыя претендуютъ на фактическую достовѣрность внѣшней политической исторіи. Наконецъ, и болѣе всего, наше мнѣніе подтверждается общимъ тономъ всего изложенія. Описаніе учрежденій и празднествъ получаетъ у Овидія всю свою живость въ томъ расказѣ, который вызываетъ начало обряда изъ отдаленной исторіи или вообще связываетъ обрядъ съ какимъ либо событіемъ. Относятся ли эти событія къ исторіи внѣшней, политической, или къ исторіи внутренней жизни духа, все равно, увлекательный расказъ ихъ — вотъ главный поэтическій элементъ Фастъ, тотъ цвѣтистый узоръ, который раскинутъ на канвѣ календарныхъ выраженій и оборотовъ. Поэтъ очень хорошо понималъ дѣйствительность того средства, которое одно могло оживить его дѣло: повѣствованіе занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ теченіи рѣчи; не говоримъ уже о событіяхъ дома Цезарей, періода царей, древняго Лаціума; миѳъ греческій смѣло соединяется съ латинскимъ, въ такой степени, въ какой ни когда не позволилъ бы себѣ Варронъ [2]. Съ тою же цѣлію пущены въ ходъ тѣ миѳы, на которыхъ съ особеннымъ интересомъ и слишкомъ часто любилъ какъ-то останавливаться древній человѣкъ, — миѳы Геркулеса, Аристея, Протея, Аріона, Хирона, и т. п.; не забыты комическія отношенія Анны Перенны къ Марсу; три раза повторена одна и та же забавная сцена съ Пріапомъ, Паномъ и Силеномъ [3]. Поэтъ въ своихъ расказахъ поддѣлывается подъ эпическій тонъ, подъ тонъ языка, которымъ бы говорилъ народъ въ древнюю миѳическую эпоху или тотчасъ по выходѣ изъ нея, когда еще свѣжи и живы воспоминанія; но ему часто измѣняютъ внутреннія убѣжденія и понятія вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что Овидій, при всемъ искусствѣ, не могъ поддѣлаться совершенно подъ рѣчь народа, проникнутаго непосредственнымъ впечатлѣніемъ, онъ кромѣ поэтической задачи имѣлъ также другую — объяснить какое либо учрежденіе и доказательно выставить его связь съ отдаленнымъ началомъ и происхожденіемъ. Но, въ сознаніи его вѣка, не-

[1] II, 525; 663 и дал.

[2] Изъ множества примѣровъ, которые отчасти замѣчены нами выше, укажемъ на одинъ — измѣненіе Аріадны въ Либеру: III, 459—516.

[3] I, 415 и дал.; II, 305 и дал.; VI, 333 и дал.

посредственная связь между тѣмъ и другимъ была порвана и во всякомъ случаѣ закрыта, затемнена ходомъ послѣдующихъ событій. А для посредственнаго пониманія существенныхъ основъ миѳологіи не наступило еще время. Вотъ почему Овидій никакъ не могъ открыть тѣхъ *причинъ*, которыхъ искалъ онъ. Во всемъ произведеніи мы съ трудомъ могли найти одно только мѣсто, гдѣ при объясненіи авторъ вполнѣ доказателенъ, ибо здѣсь, воспользовавшись всѣми средствами образованія и филологическими указаніями, авторъ какимъ-то чутьемъ приблизился къ постиженію ѳеогоническаго развитія, выразившагося въ миѳѣ: это — мѣсто о Вейовѣ [1]. Такимъ образомъ всѣ приведенныя имъ событія изъ внутренней и внѣшней жизни народа, какъ бы ни былъ искусенъ расказъ ихъ, не удовлетворяютъ требованіямъ существеннаго объясненія и доказательности. Истинная исторія должна, по нашему мнѣнію, различать въ своемъ повѣствованіи фактъ жизни внутренней и жизни внѣшней, тѣ двѣ стороны, которыя въ дѣйствительности образуютъ одно цѣлое, но въ научномъ сознаніи разлагаются не съ одинаковымъ значеніемъ, иногда какъ начало и послѣдствіе, иногда какъ внутреннее побужденіе и выраженіе во внѣ, какъ сила и явленіе, и т. д. Тому и другому должно давать равное право, то право, которое и условливаетъ взаимныя отношенія. Такъ въ цѣльности человѣческаго бытія духъ и тѣло имѣютъ свою особенную исторію и описывать одно какъ другое, безъ всякаго различія, недозволительно поистинѣ, и возможно только вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, условливающихъ иногда односторонность. Неправильность той теоріи, которую по отношенію къ уразумѣнію древней языческой религіи мы называемъ полуисторическою, именно такого рода и такого свойства: событіе миѳической жизни толкуется здѣсь какъ событіе жизни гражданской или по крайности какъ событіе внѣшняго человѣческаго быта. Сюда-то примыкаетъ большая часть расказовъ Овидія. Такъ событія времени цезарей расказаны въ одинаковомъ духѣ съ событіями эпохи царей, а послѣднія одинаково съ событіями миѳической жизни древней Италіи и Греціи. Сравните Юлія Цезаря и Августа съ Сервіемъ, Нумою, Янусомъ, Энеемъ, Марсомъ: тѣ же свойства, тотъ же образъ, тотъ же основный характеръ. Въ этомъ смѣшеніи эпохъ затеряно ихъ спеціальное различіе, различіе тѣхъ особенностей, которыя были выработаны каждой отдѣльной фазой исторической жизни; здѣсь вы видите

[1] III, 429 и дал.

одну постепенность, — постепенность въ развитіи внѣшней цивилизаціи; но основныя начала, дѣйствовавшія въ эпоху миѳическую, уравнены съ побужденіями и мотивами времени Августа, и то, что получаетъ свой смыслъ только въ области высшаго и существеннаго, то становится здѣсь обычнымъ дѣятелемъ политической исторіи и только въ этомъ послѣднемъ значеніи признается за вѣроятное. Потому-то цезари легко представляются богами, а боги Рима и Греціи людьми, героями и царями. Древніе боги—люди, новые люди—боги. Таковъ общій характеръ Овидіевыхъ повѣствованій; съ этой стороны они также примыкаютъ къ полуисторическому толкованію, но примыкаютъ въ той лишь мѣрѣ, въ какой это толкованіе популяризировалось въ ходячихъ сужденіяхъ окружавшаго общества. Что же касается до послѣдовательности, полноты и цѣльности этой школы, то Овидій не могъ быть ея выразителемъ. У римскихъ писателей Августовой эпохи, и особенно у писателей такихъ, какъ Овидій, сглаживались рѣзкія отличія школъ, цѣльныя воззрѣнія мельчали во многихъ дробностяхъ, и эти частности получали свою особую, оригинальную физіономію; мы увидимъ позднѣйшій примѣръ этому въ воззрѣніяхъ Макробія и Сервія. Образъ Овидія, какъ было замѣчено выше, не имѣя крупныхъ и рѣзкихъ чертъ античнаго человѣка, способенъ былъ за то въ частностяхъ пріобрѣтать именно такую прихотливую и оригинальную физіономію. Потому и полуисторическая теорія получила у него совершенно своеобразное примѣненіе. Трудно, но интересно прослѣдить эту особенность, и ту дорогу, по которой онъ могъ дойти до ней: мы попытаемся, всмотрѣвшись еще разъ по ближе въ объясняемыя имъ учрежденія.

Религіозныя представленія древняго человѣка, образуя въ послѣдовательности своего развитія такъ называемую ѳеогонію, находили себѣ выраженіе вовнѣ двумя главными путями: съ одной стороны они ходили въ молвѣ народа, образуя повѣрье, преданіе, миѳъ, и переходя въ содержаніе первобытнаго народнаго творчества; съ другой стороны они вызывали прямо къ поступку и, выражаясь въ обрядахъ, переходили въ послѣдующее гражданство цѣлою системою учрежденій. Въ томъ и другомъ случаѣ внѣшность и форма, будетъ ли то миѳическій образъ и привычныя формы эпоса, или внѣшность обряда и учрежденія, во всякомъ случаѣ эта внѣшность съ теченіемъ времени заслоняла собою исконное, основное внутреннее представленіе и побужденіе: художникъ и ученый должны были искать этого внутренняго содержанія сквозь внѣшній покровъ. Нельзя было разомъ добраться до истины и сущности; ученый могъ блуждать въ аллегорическихъ, полу-

историческихъ и тому подобныхъ теоріяхъ; такой поэтъ, какъ Овидій, могъ поступить въ этомъ случаѣ по своему. Стóило только предположить, что состояніе древняго напримѣръ Италика было одинаково съ состояніемъ Римлянина Августовой эпохи, что его окружала та же самая внѣшняя природа, столь же понятная въ своихъ явленіяхъ, что онъ стоялъ къ ней въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ; далѣе что внѣшній его бытъ былъ одинаковъ по своимъ основамъ и началамъ съ тѣмъ бытомъ, который окружалъ римскаго гражданина въ эпоху цивилизаціи; но что все это въ то отдаленное время было на степени необыкновенно простой, естественной, безыскуственной. И какъ въ позднѣйшую эпоху, современную Овидію, въ дѣлѣ религіи образованный умъ долженъ былъ отыскивать какой нибудь смыслъ не иначе, какъ начиная съ внѣшности, разоблачая внутреннее значеніе внѣшнихъ предметовъ, учрежденій, формъ, входившихъ въ составъ религіи, и на этомъ пути долженъ былъ прибѣгать и къ аллегоріи, и къ разнымъ историческимъ догадкамъ: тѣмъ же путемъ, можно было себѣ представить, шелъ и древній человѣкъ, предметамъ внѣшней природы мало по малу наддавая разные образы и фигуры, облекая разнообразными красками фантазіи случаи ежедневной жизни и историческаго развитія, аллегоризируя и толкуя посвоему значеніе исторіи и цивилизаціи и т. д. Такимъ образомъ возникъ цѣлый міръ вымысловъ, выраженныхъ въ миѳахъ, обрядахъ, особаго рода учрежденіяхъ; разлагая весь этотъ міръ на составные элементы, находили въ глубинѣ его самыя простыя, естественныя воззрѣнія, смыслъ не только не трудный самъ по себѣ, но даже весьма бѣдный и скудный: въ немъ высказаны тѣ же отношенія природныя и историческія, въ какихъ стоялъ человѣкъ и въ позднѣйшее время, но только выражены въ ту эпоху, когда человѣкъ былъ ближе ко внѣшней природѣ и во внѣшнемъ бытѣ своемъ обладалъ только начатками послѣдующей цивилизаціи. Однимъ разомъ уничтожается такимъ образомъ высшее значеніе религіи, и изъ всего состава ея миѳовъ и учрежденій вычеркивается всякій смыслъ, кромѣ смысла обыкновенныхъ опытовъ жизни въ отношеніяхъ природныхъ и историческихъ. Очевидно, такой образъ воззрѣній примыкаетъ въ общемъ духѣ къ полуисторическому; ибо здѣсь фактъ жизни внутренней и миѳической нисколько не отдѣленъ отъ факта обычной, внѣшней и политической жизни; но онъ даетъ гораздо больше свободы и развязности: если нѣтъ въ религіи особаго и высшаго смысла, то къ нему не нужно итти какимъ либо узкимъ путемъ строгой системы; можно толковать дѣло и съ помощію аллегоріи, и всевозможныхъ исто-

рическихъ воззрѣній, лишь бы вышелъ какой нибудь смыслъ; только во всякомъ случаѣ смыслъ этотъ долженъ быть очень простъ, сообразно съ условіями отдаленнаго младенческаго быта Эта видимая *простота* въ особенности привлекаетъ и характеризуетъ объясненія Овидія: для нея онъ оставилъ въ сторонѣ всѣ возможныя школы и весь миѳическій тонъ, подъ который поддѣлывается. Вступивши на этотъ путь, можно было шагнуть еще далѣе, и очень естественно. Какъ скоро устранено изъ кругозора все существенное, когда весь составъ религіи отданъ одной области вымысловъ, тогда нельзя уже отыскать связи между миѳомъ, обрядомъ и учрежденіемъ, и между какимъ либо основнымъ представленіемъ существеннаго. Своимъ способомъ изложенія, допускавшимъ и то, и другое, и третье мнѣніе, и выказывающимъ шаткость собственнаго религіознаго убѣжденія автора, онъ, какъ намъ кажется, совершенно отказался отъ подобной задачи. За то поэзія по своему бралась рѣшить все, ибо если, допустивъ одинаковость началъ, управлявшихъ религіозными воззрѣніями древняго и современнаго поэту человѣка, можно было легко объяснять одно другимъ, прошедшее нынѣшнимъ, нынѣшнее прошедшимъ, то тѣмъ легче это было для поэзіи: она могла совершенно поддѣлаться подъ воззрѣнія древняго человѣка и даже языкъ его, а, поддѣлавшись, могла дѣлать то же, что мнимо дѣлали древніе, то-есть создавать религію въ извѣстномъ смыслѣ, напримѣръ изъ цезарей сдѣлать боговъ, связать все, ихъ касавшееся, съ древними миѳами, обрядами, учрежденіями, и успокоиться въ этой кажущейся дѣйствительности и истинности своего идеала. Вотъ смыслъ тѣхъ *причинъ*, которыя приводитъ Овидій для объясненія современныхъ обрядовъ и учрежденій религіи: это ничто иное, какъ расказы, повѣствованія, оживляющія календарное содержаніе; въ расказахъ переданы равно событія миѳической, полумиѳической, чисто-исторической и политической жизни; связать же ихъ такъ, чтобы они казались дѣйствительно началомъ, причиною, объясненіемъ современнаго религіознаго культа, очень легко: стоитъ ихъ принаровить какъ нибудь половчѣе помощію филологіи, и главное—поэзіи; для этого часто довольно однаго намека, одной черты, одного выраженія, одного слова. Это господство *принаровленія*, являющагося всегда и вездѣ тамъ, гдѣ не признано послѣдовательности и связи по существу дѣла и специальной его истинѣ, завершаетъ лучшимъ и полнѣйшимъ образомъ характеръ всего Овидіева произведенія. Не предлагаемъ возраженій этому методу, ибо поэзія имѣетъ свои права и на нихъ опирается; позволимъ себѣ только, разсматривая нѣкоторые факты, сдѣлать собствен-

ныхъ два, три вопроса. Съ перваго разу мы замѣчаемъ, что въ римскомъ религіозномъ культѣ, въ его внѣшности, Овидій ни одной частности не ставитъ въ соотношеніе съ какою либо ѳеогоническою причиною. Гораздо больше онъ останавливается на связяхъ миѳологическихъ, то-есть на тѣхъ связяхъ и причинахъ, въ которыхъ чистое ѳеогоническое представленіе перешло уже въ повѣрье, преданіе, въ извѣстный образъ, созданный средствами зараждавшагося народнаго искусства, однимъ словомъ въ миѳъ. Но здѣсь нужно знать, какъ онъ трактуетъ этотъ миѳъ, а мы уже знаемъ это. Во-первыхъ онъ самъ склоненъ толковать его полуисторическимъ способомъ; во-вторыхъ, желая уяснить происхожденіе и начало извѣстнаго обряда или учрежденія, и приводя для того причину или связь миѳологическую, Овидій рядомъ же ставитъ нѣсколько еще другихъ причинъ, аллегорическихъ или историческихъ, явно подрывающихъ самостоятельное и спеціальное значеніе миѳа какъ миѳа [1]. Наконецъ авторъ всегда готовъ охотно оставить его для другаго объясненія, любимаго и показавшагося самымъ простымъ, здравымъ и вѣроятнымъ. Приведемъ примѣры. Въ луперкаліяхъ отправители священнодѣйствій бѣгали нагіе. Овидій говоритъ, что самъ Фавнъ, къ которому относится обрядъ, бѣгаетъ нагой по лѣсамъ, — причина обряда коренится такимъ образомъ въ миѳологіи. Но не думайте остановиться здѣсь: авторъ спѣшитъ прибавить, что обрядъ этотъ возникъ у древнихъ Аркадянъ, а они жили въ состояніи дикости и не знали одеждъ: очень естественно, что они бѣгали нагіе, и что также поступали ихъ послѣдователи. Слѣдовательно тотчасъ отъ миѳологіи Овидій отводитъ васъ къ исторіи и обыкновеннымъ условіямъ внѣшняго быта. Дѣло повидимому очень просто, а между тѣмъ существеннаго объясненія здѣсь нѣтъ никакаго, ибо спрашивается опять: почему же Аркадяне съ этою наготою и бѣгомъ соединяли въ извѣстномъ случаѣ какое-то высшее религіозное значеніе, и какая существенная причина связывала съ ними Римлянъ, заставляя дѣлать

[1] Такъ II, 425—452 при объясненіи жертвоприношенія Люцинѣ, миѳологія какъ-то примыкаетъ къ исторіи и дѣлитъ съ нею пополамъ значеніе причины и объясненія; III, 177 — 252 миѳологическая причина крайне слаба, перевѣсъ остается за исторіей и аллегоріей, самъ же поэтъ склоняется къ простому принаровленію; 523 — 696 предпочтеніе отдано полуисторической догадкѣ предъ миѳами; 771 — 789 миѳологіи не дано перевѣса; 839 — 846 то же; V, 621 — 662 авторъ самъ склоненъ къ причинѣ миѳологической, но не опускаетъ случая прибавить и простой историческій фактъ, какъ причину также возможную. Сравните еще объясненіе названій мая и іюня.

то же самое? Овидій не отвѣчаетъ, и расказавъ кстати комическій греческій миѳъ, приводитъ далѣе причину еще болѣе новую, еще болѣе простую повидимому: выходитъ, что Римляне этимъ обрядомъ воспоминаютъ тотъ случай исторіи, въ которомъ дѣйствующимъ лицемъ является Ромулъ съ товарищами; совершивъ жертвоприношеніе Фавну, нагіе боролись и играли въ полѣ, когда вдругъ отозваны были къ битвѣ съ подкравшимися разбойниками; послѣдующій обрядъ воспоминаетъ ихъ наготу и бѣганье: всякая связь съ миѳологіей изчезаетъ, и вы на почвѣ исторіи, которую выдаютъ вамъ за дѣйствительную, хотя и отдаленную, политическую исторію [1]. Читая описаніе празднествъ Церерѣ, вы по мѣстамъ утѣшаетесь: авторъ, соединяя обязанности Цереры и земли, въ то же время различаетъ ихъ какъ душу и тѣло, какъ силу и матерію, какъ внутреннюю причину и внѣшнее явленіе; онъ даже расказываетъ ея миѳъ по отношенію къ Персефонѣ. Но не радуйтесь: все торжество Цереры описано какъ торжество земледѣлія, и праздникъ возникъ по естественному побужденію цивилизаціи, перешедшей отъ желудей и подобной пищи дикихъ народовъ къ хлѣбу, земледѣлію, осѣдлости [2]. То же самое вы встрѣчаете далѣе по отношенію къ Землѣ, и Нума, при учрежденіи жертвъ, является просто заботливымъ земледѣльцемъ [3]. Въ празднествѣ Палѣ употреблялись омовенія и прыгали черезъ огонь: Овидій для объясненія приводитъ философему, гражданскіе обычаи, и потомъ, упомянувъ миѳъ Фаетона и Девкаліона, прямо сознается, что плохо вѣритъ всему этому, и приводитъ очень простую и вѣроятную причину: обрядомъ воспоминается пожаръ, а пожаръ произошелъ конечно тогда, когда созданъ Римъ, и переселяясь въ него, жители сожгли прежнія свои жилища, а потому сами и скотъ должны были скакать черезъ пламя [4]. Также точно, не много выше, обыкновеннымъ случаемъ пожара, безъ дальнѣйшихъ миѳологическихъ причинъ, объясняетъ онъ обычай пускать при извѣстныхъ обрядахъ лисицъ съ зажженными лучинами [5]. Значеніе Марса, какъ древнѣйшаго бога, онъ объясняетъ пичѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что народъ въ первоначальномъ дикомъ состояніи зналъ только войну. Можно бы спросить при этомъ: почему же народъ надѣлилъ именно Марса воинскими аттрибутами, не коренилось ли представленіе его свирѣпости и суровости на какихъ либо миѳологическихъ и ѳеогоническихъ

[1] II, 283 — 380.
[2] I, 670 и дал.; IV, 389 и далѣе.
[3] IV, 629 и дал.
[4] IV, 785 и далѣе.
[5] IV, 681 и далѣе.

связяхъ, и не отсюда ли пришелъ уже потомъ народъ къ воинственности? Нѣтъ, все это замѣчательное мѣсто рисуетъ намъ картину того, какъ религіозныя представленія были будто бы результатомъ внѣшней исторіи, являясь вмѣстѣ съ ходомъ цивилизаціи и вслѣдъ за нею. Такимъ образомъ то, что было слѣдствіемъ, дѣлается причиной, и на оборотъ. Вотъ почему Януса, очевидно позднѣйшее божество, Римляне сдѣлали древнѣйшимъ, ибо съ нимъ соединяли понятія о простотѣ первоначальнаго быта, а религіозныя представленія вышли изъ нѣдра отдаленнаго простѣйшаго быта, изъ среды начинавшейся цивилизаціи. Вотъ почему герои того отдаленнаго времени, являясь гражданами и царями, представлялись первыми учредителями и основателями обрядовъ: таковъ Ромулъ и таковъ особенно Нума и Эней, безпрестанно являющіеся у Овидія. Lemures назывались вообще души умершихъ; но обряды лемурій Овидій ведетъ прямо отъ Рема и его похоронъ, какъ будто этимъ мы что либо выигрываемъ для существеннаго объясненія дѣла [1]. Праздпество Флорѣ установлено гражданами, въ отдаленную эпоху, послѣ того какъ почитаніе ея на время было нарушено и нарушеніе жестоко наказано [2]; но спрашивается: прежде нарушенія и потомъ гражданскаго установленія, по какому же побужденію чтилась богиня? Все такимъ образомъ объясняется изъ началъ древняго внѣшняго быта, весьма простыхъ побужденій развивающейся цивилизаціи, и потому всѣ объясненія кажутся весьма простыми, вытекающими прямо изъ здраваго смысла. Классическое мѣсто въ этомъ родѣ встрѣчаемъ мы въ I-й книгѣ, ст. 335 и далѣе. Оказывается, что въ жертвоприношеніяхъ, заведенныхъ изстари, потому употребляется соль и мука, что древніе, вслѣдствіе слабыхъ сношеній съ другими странами, не знали еще мирры, ладону и шафрану. Но интересно бы, напримѣръ, спросить: почему они не закалали тогда еще тура (taurus), фактъ, приводимый тутъ же Овидіемъ? Вѣдь скотоводство еще древнѣе земледѣлія, а звѣроловство можетъ быть еще древнѣе? Нельзя при этомъ не замѣтить, что каждый разъ, какъ жертва проста и груба, Овидій объясняетъ это тѣмъ, что божество, которому она приносится, старинное, а въ старину господствовалъ простой земледѣльческій бытъ [3]. Хотѣлось бы узнать отъ него, почему же Римляне не приносили древнимъ божествамъ кровавыхъ жертвъ, подобно другимъ народамъ? Опять ста-

[1] V, 421 — 485.
[2] V, 299 — 330.
[3] IV, 743, 744; 409 — 413; и мн. др.

ло быть позднѣйшее принято Овидіемъ за древнѣйшее. Еще: Церерѣ приносится свинья, Бахусу козелъ; по Овидію для того, что первая портитъ посѣвы, послѣдній грызетъ лозу: но абстракція Цереры, какъ плодоносящей земли, и Бахуса, какъ вина, была ли въ дѣйствительности необходима древнимъ? И если среди простаго быта, гдѣ знали только землю да виноградъ, не было еще абстрактныхъ божествъ, то кому же приносили тогда въ жертву свинью и козла? Принесеніе въ жертву юнца началось по Овидію правда съ Аристея, лица миѳологическаго: но весь его миѳъ изображаетъ опять простой крестьянскій бытъ, близкій къ природѣ, и стало быть Овидій опять въ своей сферѣ. Въ этомъ же тонѣ овцы у него потому попались въ жертвы, что портили траву, приносимую сельскимъ божествамъ: почему же приносились здѣсь жертвы травы, а не прямо óвцы? — Въ робигаліяхъ закалывали собаку, потому, какъ говоритъ Овидій, что и созвѣздіе этого времени носило имя собаки; при этомъ самъ поэтъ признался, что вся связь въ одномъ только имени: но развѣ она достаточна, чтобъ объяснить жертву, и почему само созвѣздіе названо собакой, и само время каникулъ носило то же имя [1]? За отсутствіемъ такой существенной связи между объясняющимъ и объясняемымъ, нужно только какъ нибудь принаровить одно къ другому, и мы видимъ множество примѣровъ подобнаго принаровленія. Такъ пѣтухъ закалается богинѣ ночи, потому что возвѣщаетъ день: въ основѣ лежитъ стало быть одно противуположеніе [2]. Не закалывайте Церерѣ быка — онъ пашетъ; рѣжьте лѣнивую свинью [3]. Въ старину мѣсяцъ Януса былъ первымъ, а февраль послѣднимъ, нижнимъ; по объясненію Овидія, это очень просто: дверь впереди и прежде всего бросается въ глаза, а Янусъ имѣетъ аналогію и связь съ нею; мѣсяцъ же февраль посвященъ манамъ, душамъ усопшихъ, существамъ подземнымъ, *нижнимъ* [4]. Виналіи праздновались въ одно время съ торжествомъ Венеры: для объясненія расказанъ случай изъ жизни Энея, сына Венеры; дѣло идетъ изъ за Аматы и любви; вино играетъ важную роль, и такимъ образомъ все объяснено очень успѣшно [5]. Праздникъ луны на Авентинѣ совершался въ концѣ марта: изъ принаровленія Овидія оказывается

[1] IV, 937 и далѣе.

[2] I, 455, 456.

[3] IV, 413, 414.

[4] II, 47 — 52.

[5] IV, 877 и далѣе.

та причина, что луна опредѣляетъ теченіе мѣсяцевъ, кладетъ имъ предѣлъ [1]. Такъ же точно объяснены обряды въ честь Бахуса: имя пироговъ и возліяній (liba libamina) происходитъ отъ имени Либера, ибо онъ ихъ учредитель, не смотря на явное различіе корня. Почему принимаютъ здѣсь участіе старухи? — потому, что онѣ способны легко напиваться виномъ. Юношамъ дается тога, потому что самъ Бахусъ юноша, притомъ же онъ отецъ, и отцы ему вручаютъ дѣтей (противорѣчіе), и т. д. [2]. Принаровленіе господствуетъ въ описаніи Анны Перенны и и ея празднества: древній годъ — annus — начинается ея празднествомъ; народъ, попивая въ честь ея торжества, другъ другу желаетъ многихъ лѣтъ — annos; слѣдуетъ картина, какъ пьяная старуха — anus — ведетъ старика; она сестра Дидоны — въ этомъ принаровленіе къ Энею; она нимфа источника, въ которомъ пребываетъ долгія лѣта — perenne; она луна — опредѣляетъ годъ, annum; она та старуха, которая извѣстна въ преданіи подъ именемъ Анны бовильской; она становится въ комическія отношенія свахи, потому опять, что старуха, anus, и т. д. [3]. Ясно, что одно изъ главныхъ средствъ для всѣхъ подобныхъ принаровленій представляла филологія; потому она на каждомъ шагу и приводитъ съ собою уже знакомые намъ результаты. Объясненіе агоналій основано на простѣйшемъ употребленіи древней рѣчи, при названіи скота [4]. Жертва, hostia, приносилась по прогнаніи врага, hostibus amotis; другое названіе, — victima указываетъ на побѣду десницы, поражающей жертву, quae dextra cecidit victrice [5]. Фераліи названы такъ потому, что приносятъ жертвы, ferunt [6]; каристіи потому, что тутъ сходятся дорогіе родственники, cari [7]; имя Августа даетъ случай играть словами по цѣлому ряду учрежденій [8]; производство имени Порримы и Постверты, отнесенное Варрономъ къ положенію младенца во чревѣ, не менѣе удачно принаровляется здѣсь къ поэтическому вдохновенію [9], и т. д. Но очевидно, что главную роль вездѣ, и въ самой филологіи, играетъ поэзія: она-то даетъ обильнѣйшіе способы

[1] III, 883, 884.
[2] III 713 и далѣе.
[3] III, 523 и далѣе.
[4] I, 331, 332.
[5] I, 335, 336.
[6] II, 569.
[7] II, 617.
[8] I, 609, 614.
[9] I, 633 — 636.

для всевозможныхъ принаровленій; зная ея пріемы, мы отличаемъ во многихъ мѣстахъ не миѳъ, а чистый поэтическій вымыселъ, не объясненіе дѣла, а ловкій и мастерской оборотъ [1]. При такомъ воззрѣніи, которое отказывалось отъ изслѣдованія сущности дѣла и не бралось объяснить и доказать его по существу и истинѣ, легкая поэзія получала всѣ права свои; и когда міръ существеннаго представлялся дѣломъ одной фантазіи, тогда она соединила въ поэзію и ѳеогонію, и миѳъ, и внѣшнюю исторію, и отдаленное прошедшее, и настоящее; остался одинъ правитель всего этого міра — образованный тактъ художника.

Мы уже знаемъ изъ прежнихъ замѣчаній, съ какою осмотрительностію нужно у Овидія постоянно отличать собственное содержаніе произведенія, именно развитіе и состояніе римскихъ религіозныхъ учрежденій, то что можетъ служить обильною пищею науки, отъ того что принадлежитъ поэтическому идеалу и что дало тотъ или другой тонъ и видъ цѣлому творенію. Мы знаемъ также, чѣмъ питался этотъ идеалъ и какъ относился къ древней Италіи и цезарямъ; подъ его вліяніемъ все произведеніе, со стороны внутренней и глубокой, со стороны мысли, лежащей въ основѣ объясненій, доказательствъ, причинъ, все произведеніе явилось мастерскимъ художническимъ произведеніемъ, и съ этой стороны оно весьма самобытно и оригинально. Помимо нашихъ замѣтокъ, прочтите только четвертую книгу Фастъ, чтобы видѣть, какъ не измѣняя нисколько тому матеріялу, который былъ подъ рукою и былъ обработанъ всѣми средствами образованныхъ пріемовъ, художникъ приладилъ и принаровилъ все дѣло. Вотъ что разумѣлъ онъ, обѣщая намъ передать въ своемъ произведеніи не только дѣйствительное содержаніе календаря, не только учрежденія и весь составъ религіознаго культа, но и *причины* всего этого. Мы ни сколько не можемъ обвинять худужника въ томъ, что обѣщая намъ показать эту внутреннюю сторону причинъ и связей, онъ пошелъ путемъ не историка, не философа, не филолога, не ученаго, а соединивъ и то, и другое, и третье въ средствахъ своей образованности, пошелъ свойственнымъ себѣ путемъ поэта. Кромѣ того пріемы его поэзіи совершенно были въ духѣ времени, гармонировали съ ея настроеніемъ и отвѣчали потребностямъ общества; по крайней мѣрѣ послѣ Овидія они встрѣчаются по мѣстамъ въ тѣхъ трудахъ, которые хотя имѣли также

[1] Таковы богъ Тибра, Терминъ; таково празднество Бахуса, Флоры и т. п. Наконецъ таковъ обрядъ и его объясненіе IV, 145 и дал., относительно Мужественной Фортуны, и мн. др.

дѣло съ поэтическими произведеніями, но шли къ другимъ цѣлямъ и другими путями: примѣръ увидимъ мы отчасти въ принаровленіяхъ Макробія и Сервія.

Но, сравнивая Овидія съ литературой позднѣйшей эпохи, мы тотъчасъ замѣчаемъ все-таки огромное преимущество его. Римскій древній міръ раздвинутъ и даже во многомъ разстроенъ: но горизонтъ воззрѣній ограничивается еще Италіей и Греціей; мы видимъ даже нѣкоторую реакцію національности противу всего чуждаго; сосредоточенность и цѣльность представленій держится еще энергіей восторга, возбужденнаго новыми событіями; государственныя религіозныя учрежденія стоятъ еще на первомъ планѣ. Совсѣмъ уже нечто находимъ впослѣдствіи. Извращеніе и разочарованіе политическаго смысла соединилось съ паденіемъ древнихъ учрежденій; все зачинавшееся скоро слабѣло въ энергіи и производительности. Сознаніемъ совершенно овладѣло не римское, а итальянское, затѣмъ греческое, за тѣмъ восточное; чуждыя мистеріи, дикія вѣрованія Востока хлынули разрушающимъ потокомъ въ разслабѣвшія массы народа; риторы дѣлались философами, философы волхвователями и изступленными проповѣдниками. На мѣсто миѳологіи явились странные толки и расколы, стремившіеся вырости въ догматъ; догматъ старался говорить самъ отъ себя, не опираясь на историческую жизнь и государственное учрежденіе.

Распаденіе общее выразилось въ сочиненіяхъ послѣднихъ вѣковъ Рима: это выписки, сборники, комментаріи къ прежнему. При такомъ положеніи дѣла, Виргилій, съ темнотою его личнаго мнѣнія и объективностію расказа, явился кодексомъ ходячихъ понятій; его словамъ подлагали всякой, какой угодно, смыслъ; миѳъ завладѣлъ самою его личностію; это былъ волхвъ, мистикъ, любимый предметъ мистиковъ; Гомеръ для позднѣйшихъ мистиковъ Греціи былъ далеко еще не то, что Виргилій для эпохи, о которой мы теперь говоримъ; его перерабатывалъ, передѣлывалъ каждый по своему вкусу, и все-таки оставался подъ его волшебнымъ обаяніемъ, вращаясь въ какомъ-то заколдованномъ кругу. Эти ученые изслѣдователи были живымъ образцемъ тѣхъ древнихъ миѳическихъ существъ, которыя въ мукахъ ада переливали воду въ бездонный сосудъ или подпирали огромныя тяжести, чтобы онѣ снова скатились въ бездну.

Для примѣра остановимся на двухъ писателяхъ, Макробіи и Сервіи, уже названныхъ нами. Вѣроятность относитъ послѣдняго къ концу IV, а перваго къ началу V вѣка; впрочемъ объ этомъ нельзя привести

опредѣленныхъ указаній, такъ точно, какъ и о личности сочинителей, объ ихъ вѣрованіи, и наконецъ о самомъ составѣ трудовъ [1]. Это два важнѣйшіе писателя *для* нашего дѣла, а между тѣмъ мы тотчасъ увидимъ, легко ли добраться здѣсь истины. Уловить ихъ характеръ можно только расказывая содержаніе произведеній; а чтобъ дать имъ полную свободу самимъ говорить за себя, мы напередъ выдѣлимъ изъ ихъ показаній нѣкоторыя черты, свидѣтельствующія, что въ ихъ время было какое-то подобіе школъ для объясненія римской религіи. Вліяніе Варроновой системы еще довольно замѣтно; его положенія повторяются иногда слово въ слово; но при этомъ являются уже нѣкоторыя особенности. Ярко и рѣзко различаются двѣ школы: *миѳики* (mythici или fabulosi) и *физики* (physici или physiologi); средствомъ своихъ объясненій первые употребляютъ *басню*, *миѳъ* (fabula, mythus, ratio fabulosa); это расказы, не похожіе на настоящій порядокъ вещей, порою неестественные, и всегда вымышленные (fingitur, ficta fictio); физики напротивъ употребляютъ способъ истолкованій, заимствованный отъ явленій внѣшней природы, усматривая въ божествахъ значеніе различныхъ физическихъ силъ и законовъ (physica ratio, physiologia). Первые своими вымыслами *растягиваютъ* значеніе божества (mythici fictionibus distrahunt); въ такой же мѣрѣ физики стараются приблизить дѣло къ *вѣроятности и правдоподобію* (in tantum physici ad quandam verisimilitudinem revocant). Такъ, напримѣръ, первые расказываютъ подробно всѣ обстоятельства жизни Януса и изъ нихъ уже объясняютъ смыслъ позднѣйшихъ обрядовъ въ честь этого бога; физики напротивъ въ истолкованіяхъ выходятъ изъ того понятія, что Янусъ есть солнце. Способъ физиковъ совсѣмъ не тотъ, какой разумѣется у Варрона; тамъ онъ принадлежитъ вообще всѣмъ философамъ; здѣсь онъ собственность естествоиспытателей въ тѣсномъ смыслѣ, занятыхъ изученіемъ внѣшней природы. Философы составляютъ особый отдѣлъ, но не играютъ важной роли, равно какъ и историки; на мѣсто философовъ отдѣльныхъ, опредѣленныхъ школъ, являются вообще люди мыслящіе, мудрые (sapientes, prudentes, prudentiores); они надѣются все объяснить *по разуму* (ratione, ex ratione, secundum rationem); ихъ понятія не принадлежатъ къ ходячимъ толкамъ и

[1] Для Макробія имѣли мы старинное изданіе *Понтана*, 1597 г.; для Сервія гёттингенское изданіе *Ліона*, 1826 г., принадлежащее университетской библіотекѣ. Текстъ послѣдняго не очищенъ отъ постороннихъ вставокъ; указатель очень плохъ и не полонъ. Но пріятно было здѣсь встрѣтить отмѣтки **Крюкова**, и по латинскому выраженію его vestigiis ingredi.

«проникаютъ въ таинственную природу божества»; «что касается до сокровенныхъ причинъ, истекающихъ изъ источника чистой истины, того не позволяется высказывать и въ самыхъ священнодѣйствіяхъ; и если кто ихъ постигнетъ, тому заповѣдуется содержать ихъ подъ покровомъ, внутри сознанія». Потому они говорятъ таинственно и въ словахъ ихъ всегда есть глубоко-сокрытый мистическій смыслъ. Таковы во первыхъ поэты: они передаютъ и миѳъ, баснословятъ, и сообщаютъ выводы физиковъ, и касаются исторіи, и философіи, и, будучи учеными и мудрецами, сообщаютъ разныя тайны, облекая ихъ въ символы, въ поэтическіе образы; сказать что нибудь поэтически (poëtice, poëtice dictum) — значитъ не держаться какой либо опредѣленной системы, а между тѣмъ сказать все, и необыкновенно загадочно, мудрено. Ихъ-то изучаютъ писатели разбираемой нами эпохи, стараются проникнуть глубже, задумываются, и съ помощію филологическихъ средствъ открываютъ удивительныя вещи, во всѣхъ сферахъ знанія [1]. Посмотримъ.

Пойдемъ по главамъ Макробіева сочиненія, расказывая ихъ содержаніе, съ самаго начала. Чадолюбивый и нѣжный отецъ желаетъ способствовать занятіямъ сына; для этого онъ задаетъ себѣ задачу собрать все главное и достопамятное изъ прежнихъ авторовъ. Это будетъ сборникъ, который прочти — и узнаешь все главное и существенно нужное. Собственнаго сочиненія со стороны отца здѣсь не будетъ: дѣло будетъ передано точь въ точь словами самихъ писателей, какіе только придутъ на память изъ великой коллекціи прочтеннаго. За то все это разнообразіе приведено будетъ къ единству, посредствомъ смѣшенія (mixtura): однимъ словомъ трудъ сравнивается съ занятіемъ пчелъ, хоромъ изъ разныхъ голосовъ, дѣйствіемъ желудка. Слѣдуетъ первая глава. Во время праздника сатурналій, у одного богатаго и очень умнаго Римлянина, собирается кружокъ знакомыхъ, людей ученыхъ и образованныхъ. Въ другое время они заняты дѣлами, а тутъ есть случай отдохнуть и потолковать объ интересующихъ предметахъ; разговоръ впрочемъ не клеится и ходитъ около нѣкоторыхъ граматическихъ словоупотребленій. Но вотъ (глава 7) слуга возвѣщаетъ прибытіе Эвангела: всѣ собесѣдники наморщились; въ ихъ взорахъ легко было прочитать убѣжденіе, что новый гость вовсе некстати, и непре-

[1] Macrob. Saturn. I, 7; 8; 9. — Serv. Aen. VII, 300; 601; 606; 607; 610; 662; 678; 684; 690; 695; 761; VIII, 190; 275; 298; 319; 334; 352; 389; 392; 397; 414; 416; 454; 623; I, 235; Georg. III, 3; IV, 503; Aen. VI, 41 и мн. др. О физикахъ и физіологіи на каждомъ почти шагу: — ср. Aen. I, 142; 78; II, 255; 694; VI, 295; 894; IX, 696 и т. п.

мѣнно помѣшаетъ мирной бесѣдѣ. Эвангелъ былъ отличный врачь, но въ остальномъ образованіи человѣкъ довольно узкихъ воззрѣній, и при томъ имѣвшій особенную извѣстность: онъ любилъ острить, но острилъ очень желчно; задирая безпрестанно другихъ, онъ въ то же время переносилъ на себя всѣ намеки, легко обижался и давалъ волю своему дерзкому и лживому языку. Любезный хозяинъ велѣлъ однако просить. Эвангелъ вошелъ, всѣ привстали; замѣтивъ множество гостей, онъ обратился къ претекстату, хозяину: «Что это значитъ? Случай ли завелъ сюда всѣхъ, или можетъ быть какая нибудь болѣе глубокая причина, и, удаливши свидѣтелей, вы съ намѣреніемъ собрались для чего нибудь тайнаго? Въ такомъ случаѣ мнѣ лучше удалиться, чтобъ не мѣшаться въ ваши секреты». Такое начало было уже довольно неловко и дерзко. Собравши все свое терпѣнье, ему отвѣчалъ одинъ изъ гостей: «Напрасно; если бы ты хорошенько всмотрѣлся въ эти невинные взоры присутствующихъ, ты не предположилъ бы у насъ ничего таинственнаго, ничего такого, чего бы нельзя было знать тебѣ или даже всему народу. Теперь идетъ праздникъ въ народѣ; вмѣсто того, чтобъ терять тамъ попусту время, участвуя въ ходѣ торжества, мы собрались для болѣе полезныхъ цѣлей: поговоримъ о началѣ обрядовъ настоящаго праздника, о миѳѣ съ нимъ связанномъ и т. п. Вѣрно никто не осудитъ въ эти дни ученыя занятія, если никакая религія не воспрещаетъ въ день праздничный спасти овцу или отвести грозящій потокъ». Эвангелъ мало по малу угомонился, присѣлъ, и разговоръ завязался живѣе. Эта кучка ученыхъ удалилась такимъ образомъ отъ толпы, чтобъ поговорить о религіозныхъ интересахъ; ничего не боятся они столько, какъ упрека въ суевѣріи; они ищутъ истины, и воображаютъ, что захватили ее своими учеными пріемами (гл. II). Въ самомъ дѣлѣ, въ рѣчахъ ихъ проскользаютъ иногда такія убѣжденія, которыя сдѣлали бы честь нашему времени. Но главное дѣло не въ томъ: оно касается Сатурна, его миѳа, его миѳическихъ связей, начала обрядовъ, дѣленія года, распредѣленія празднествъ, и т. д. Зачинается что-то важное и высокое. Цитаты и словопроизводства сыплются градомъ. Какіе же, напримѣръ, результаты? Сатурнъ есть божество; но приращеніе его почестямъ вымышлено Янусомъ (excogitavit), который посвятилъ ему жертвенникъ и учредилъ священнодѣйствія *какъ будто бы* богу. А собственно Сатурнъ есть представитель золотаго вѣка, пожалуй цивилизаціи, или гораздо проще — онъ есть время. Его коса — коса времени, а пожалуй и орудіе жатвы, серпъ. На его храмѣ помѣщены Тритоны съ трубами: «это значитъ, что со времени упоминанія Сатурна до настоящаго вѣка исторія

дѣлается уже ясною и гласною (vocalis); прежде же была она пѣма, темна, безызвѣстна: что свидѣтельствуютъ хвосты Тритоновъ, опущенные на землю и скрытые». Для объясненія его миѳа, напримѣръ значенія странника, есть ясное доказательство: мальчишки играя (въ игру, подобную нашей орлянкѣ) бросаютъ вверхъ денарій и кричатъ — «голова или корабль (ситка или рѣшка)»? Стало быть дѣйствительно Сатурнъ приплылъ на кораблѣ. Онъ связанъ, и разрѣшается только во время своего праздника, въ декабрѣ, десятомъ мѣсяцѣ древняго года: это значитъ, что до десятаго мѣсяца дитя въ утробѣ матери удерживается узами природы (гл. 7, 8, 9, 10 и т. д.). Разсужденіе идетъ далѣе и далѣе: оказывается, что Майя, Опсъ, Кибела, Фавна, Юнона, Прозерпина, и т. п., суть ничто иное, какъ земля (гл. 12). На слѣдующихъ главахъ мы можемъ вздохнуть: разбираются римскія учрежденія касательно дѣленія года. Однако фантазія ученыхъ мало по малу разгарается снова: въ 17 главѣ мы встрѣчаемъ доказательства того, что Аполлонъ есть солнце; въ 18, что и Либеръ есть также солнце; въ 19-й Марсъ и Меркурій также солнце; въ 20-й Эскулапъ, Салусъ, Геркулесъ, Изида, Сераписъ — также солнце; въ 21-й Адонисъ, Аттисъ, Озирисъ, — также солнце: въ 22-й Немесисъ, Панъ и самъ Сатурнъ — также солнце; въ 23-й самъ Юпитеръ, да и всѣ прочіе, суть ничто иное, какъ солнце. Послѣ такого важнаго шага въ изслѣдованіи, оставалось только обратиться къ Виргилію: и дѣйствительно, въ 24-й главѣ мы встрѣчаемъ похвалы Виргилію и удивленіе его разнообразной учености. Но силы испытующихъ мудрецовъ устали отъ такого напряженнаго трудолюбія: во второй книгѣ сатурналій онѣ отдыхаютъ. Здѣсь тщательно собираются и приводятся всѣ знаменитыя остроты, шутки, изреченія, поговорки, ловкія выраженія; являются на первомъ планѣ имена Цицерона, Августа, Юліи, дочери послѣдняго, миѳографовъ, актеровъ; приводится мнѣніе Платона о винѣ; далѣе правило о томъ, какъ гнусно удовлетворять страстямъ чувствъ вкуса и осязанія; потомъ, какъ роскошны были Гортензій и Метеллы; потомъ о троянской свиньѣ, о рыбахъ, волкѣ; книга заключается разсужденіями объ яблокахъ, грушахъ, оливкахъ, объ родахъ и видахъ орѣховъ. Въ третьей книгѣ умы воскресаютъ къ новой дѣятельности. Теперь уже они сосредоточены исключительно на Виргиліи. Выходитъ, что онъ въ Энеидѣ необыкновенно точно выражалъ и описывалъ обряды; говорилъ ихъ словами; уяснилъ всѣ понятія религіи. Его прилежаніе и стараніе коснулись всего; надобно изумляться той глубокой учености, которую онъ выказалъ относительно постиженія внѣшнихъ священнодѣйствій. Даже то, что повидимому онъ опустилъ

изъ небреженія, и что пропускается обыкновенно читающими безъ особеннаго вниманія, и то не лишено глубокаго и сокрытаго смысла; то, что онъ сказалъ повидимому случайно, — не даромъ. Напримѣръ почему онъ благочестивыхъ мужей допустилъ умирать? И для этого есть таинственныя основанія. — Четвертая книга доказываетъ, что Виргилій былъ отличный риторъ и особенно славенъ обработкой патетическихъ мѣстъ. У него можно найти паѳосъ въ пріемахъ, образѣ, одеждѣ описанныхъ лицъ, въ самомъ тонѣ ихъ рѣчи; риторическій паѳосъ онъ заимствовалъ отъ возраста, отъ счастія, отъ униженія, мѣста, времени, отъ причины, способа, матеріи, отъ бо́льшаго и ме́ньшаго (a majori et minori). Книга пятая начинается тѣмъ, что Виргилія должно предпочесть Цицерону, ибо этотъ прославился въ одномъ только родѣ рѣчи, а Виргилій во всѣхъ родахъ. Чего вы ожидаете послѣ всего этого? Ужъ конечно не того, что встрѣчаете. Вы встрѣчаете доказательства того, что вся Энеида построена по образцу Иліады и Одиссеи; что Виргилій большую часть сочиненія перевелъ изъ Гомера; что онъ до того подражалъ Гомеру, что соревновалъ ему даже въ недостаткахъ. Въ иныхъ мѣстахъ онъ равенъ Гомеру, въ иныхъ ниже, въ другихъ выше. Кромѣ того онъ заимствовалъ у Пиндара, Аполлонія и другихъ Грековъ, и такъ ловко прикрылъ занятое, что трудно иногда подмѣтить, и только остроуміе разсуждающихъ ученыхъ могло здѣсь имѣть успѣхи. Этого мало: шестая книга объявляетъ, что Виргилій вынулъ нѣкоторые стихи прямо изъ другихъ латинскихъ поэтовъ, и цѣликомъ приводилъ мѣста изъ другихъ писателей. Но энергія по счастію наконецъ совершенно ослабѣла въ разсуждающихъ: въ седьмой книгѣ Эвангелъ играетъ значительнѣйшую роль; разговариваютъ о солонинѣ и разныхъ родахъ пищи; отчего женщины рѣдко, а старики часто напиваются пьяны; отчего у женщинъ и эвнуховъ тонокъ голосъ. Все сочиненіе достойно заключается изслѣдованіемъ вопроса, что́ прежде — яйцо или курица?

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ произведеніе Макробія по порядку главъ; теперь, все, что входитъ въ ихъ содержаніе, смѣшайте вмѣстѣ и принаровите къ отдѣльнымъ стихамъ Виргилія: вы получите комментарій Сервія.

Безспорно, во время Сервія, уже въ воздухѣ носилось много понятій, несравненно высшихъ, чѣмъ все то, до чего могъ достигнуть взглядъ древняго язычника: съ ними встрѣчаемся мы во всѣхъ, самыхъ ничтожныхъ произведеніяхъ той эпохи. Но освободиться изъ прежняго, тѣснаго круга воззрѣній, могли они только тогда, когда успѣли разорвать всю связь идей, составлявшихъ жизнь греческаго и

римскаго духа. Отсюда самый успѣхъ приводилъ съ собою паденіе; то, что для новой жизни, для новыхъ народовъ могло быть живымъ вѣрованіемъ, то вызывало въ римскомъ умѣ одни лишь суевѣрія. У Сервія мы встрѣтимъ много высокихъ понятій о цѣлости міра, объ отношеніяхъ духа и тѣла, о высшихъ интересахъ человѣка [1]: но все это теряетъ свой смыслъ рядомъ съ обломками древнихъ убѣжденій. Какъ повѣрить и чѣмъ повѣрить слова Римлянина, когда говоря о величіи божества, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ напримѣръ слѣдующій положительный фактъ: «извѣстно, что Юнона есть воздухъ [2]?» Онъ разсуждаетъ о суевѣріи: «суевѣріе (superstitio) есть излишній и безумный страхъ. Это слово заимствовано или отъ старухъ, поелику многія изъ нихъ, изживши уже свой вѣкъ, глупѣютъ и безумничаютъ (superstites per aetatem delirant et stultae sunt); или, по Лукрецію, это есть напрасный и чрезмѣрный страхъ предъ тѣмъ, что выше насъ (superstantium rerum) [3].» И не за-долго до того онъ серьозно расказываетъ, что «посредствомъ нѣкоторыхъ наукъ можно продлить жизнь человѣческую за предѣлы, назначенные судьбою, такъ впрочемъ, что человѣкъ будетъ имѣть одно только воображеніе жизни; ибо повидимому, кажется, что будто онъ дѣлаетъ все, а въ сущности не дѣлаетъ ничего [4].» Интересы Сервія раздѣлены поровну между самыми высокими и самыми пустыми предметами: расказавши миѳъ, описавши религіозное учрежденіе, онъ съ одинаковымъ вниманіемъ замѣчаетъ, что блеянье ословъ называется ruditus, хрюканье свиней grunnitus, а кваканье лягушекъ coax [5]. Передавая изреченія Платона, Горація, Цицерона, онъ съ любовію замѣчаетъ также остроту какого нибудь миѳографа, сравнившаго Трою съ нижнею частью желудка (ilion и ile) [6]. Нѣтъ уже прежняго политическаго смысла и воодушевленія: онъ замѣчаетъ, напримѣръ, что при описаніи актійской битвы незачѣмъ было Виргилію выставлять дѣйствующими боговъ или оправдывать ее, ибо постыденъ тріумфъ междуусобной войны [7]. Какая воинственная кровь текла въ его жилахъ, видно изъ одного случая: Турнъ нарушилъ миръ съ Латиномъ, причиной войны было бѣшенство, вдохнутое ему фуріей; Виргилій назвалъ эту жажду войны *преступнымъ свирѣпствомъ*; Сервій прибавляетъ: «въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего

[1] Serv. Aen. VI, 724, выше и ниже; VII, 416; 432; 597; VIII, 64; 69; 349 и др.
[2] VII, 84.
[3] VIII, 187.
[4] VII, 776.
[5] VII, 16; и мн. др.
[6] VII, 499.
[7] VIII, 678.

безумнѣе стремиться къ тому, въ чемъ можно найти гибель [1].» Онъ коснулся значенія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ политическихъ учрежденій, вы ожидаете, и что же? Сервій говоритъ, что склоняется это слово такъ-то [2]. Граматическія отмѣтки — одно изъ главныхъ его занятій; и нужно замѣтить, что въ филологическомъ отношеніи онъ владѣетъ уже многими прочными законами; перестановки звуковъ, дигаммы Греціи и Рима не забыты; но отсюда проистекаютъ слѣдующія словопроизводства: *Наръ* рѣка; слово это по сабински значитъ сѣра, а по Латыни (nares) — ноздри; слѣдовательно названа она такъ потому, что сѣрнымъ запахомъ щекочетъ ноздри, или потому, что имѣетъ два устья, похожія на ноздри. Названіе города Крустумеріумъ можно произвести отъ Клитемнестры или отъ краюхи хлѣба (crustula panis), съѣденной Троянцами. Городъ Еретумъ отъ имени Геры; народъ Опики отъ *ὄφις*, змѣй, ибо тамъ много было змѣй; Палатинъ отъ блеянья овецъ (a balatu) [3], и т. п. Господство нравственныхъ сентенцій видно повсюду; частыя нападенія на тѣло [4]; и въ особенности Сервій, какъ всѣ средневѣковые ученые аскеты, не любитъ женщинъ, въ которыхъ по его понятію весь источникъ зла. Виргилій говоритъ, что фурія бросила въ душу Турна пламенникъ, между тѣмъ Аматѣ впустила змѣю; Сервій видитъ уже здѣсь таинственный смыслъ. «Не напрасно, говоритъ онъ, въ юношу заброшенъ пламенникъ, который скоро возгарается и потомъ тухнетъ,— такова природа юности; въ Амату же впустила она змѣю, поелику въ женщинахъ всегда дѣйствуетъ ядъ.» Дѣло Венеры состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ согрѣваніи; съ особенною ревностію обличаетъ онъ ее въ прелюбодѣяніи, и расказываетъ, какъ она обманывала своего супруга, выставляя тѣмъ вѣроломство всѣхъ женщинъ. — Виргилій описываетъ картину, какъ подняли оленя охотничьи собаки и называетъ ихъ злыя, бѣшеныя (rabidae); Сервій при этомъ разсуждаетъ: «Зачѣмъ Виргилій слово *собаки* поставилъ въ женскомъ родѣ? Отвѣтъ: отъ того не хотѣлъ онъ назвать собакъ въ мужескомъ родѣ, что въ женщинахъ присутствуетъ болѣе злобы [5].» Онъ презираетъ Грековъ и чуждыя религіи: но въ тоже время онъ производитъ имена божествъ отъ первыхъ и ссылается на Халдеевъ [6]. А вотъ какъ онъ объясняетъ собственныя учрежденія: на шапкѣ Фламиновъ была лоза; Сервій между прочимъ приводитъ ту причину, что нужно было пугать птицъ, любившихъ

[1] VII, 461.
[2] VII, 266.
[3] VII, 517; 631; 711; 730.
[4] VIII, 376; 20 и др.
[5] VII, 455; VIII, 373 и дал.; VII, 493.
[6] II, 106; VIII, 127 и др.; 187; 275.

слетаться къ жертвамъ [1]. Онъ обличаетъ часто современные подлоги жрецовъ, и между тѣмъ часто ссылается для доказательства своихъ мыслей на современное состояніе обрядовъ [2]. Очень понятно, каковы поэтому были его представленія о древности, о сказаніяхъ, миѳахъ. «Древніе цари, говоритъ онъ напримѣръ, присвоивали себѣ большею частію имена боговъ; слѣдовательно (?) Сатурнъ былъ царемъ Италіи.... Отсюда говорятъ, что въ Критѣ находится гробъ Юпитера; притомъ римскій императоръ Габалъ назвалъ себя солнцемъ.» «О Пикусѣ возникъ извѣстный миѳъ потому, что онъ былъ авгуръ (въ отдаленнѣйшія времена Италіи?) и имѣлъ у себя въ домѣ дятла (picum), чрезъ котораго узнавалъ будущее.» Янусовъ храмъ состоялъ изъ двухъ сводовъ, ибо Янусъ двуликій; потомъ въ Фалерахъ найденъ четвероликій. «Нечего подлинно удивляться, прибавляетъ Сервій, что у однихъ онъ двуликій, у другихъ четвероликій; ибо одни дѣлаютъ его господиномъ дня, въ которомъ есть начало и конецъ (восходъ и закатъ); другіе господиномъ цѣлаго года, а годъ, извѣстно, раздѣленъ на четыре времени. А что онъ богъ года, это доказывается тѣмъ, что его именемъ называется первая часть года (мѣсяцъ январь).» Далѣе Сервій отождествляетъ его съ Марсомъ, воздухомъ, голосомъ, міромъ. «Миѳъ Геріона представляетъ его трехчленнымъ (trimembris), — это потому, что онъ владѣлъ тремя островами; далѣе миѳъ говоритъ, что онъ имѣлъ двухголовую собаку, — это потому, что онъ былъ могучь въ битвахъ на сушѣ и на морѣ. Его побѣдилъ Геркулесъ, поэтому миѳъ утверждаетъ, что Геркулесъ переѣхалъ къ Геріону въ мѣдномъ горшкѣ (olla aerea), поелику онъ имѣлъ сильный корабль, укрѣпленный мѣдью. Побѣдивъ Геріона и возвращаясь изъ Испаніи чрезъ Кампанію, Геркулесъ въ одномъ городѣ совершилъ помпу своего тріумфа, — отсюда городъ названъ Помпеи.» Цекулусъ (Caeculus), герой Пренесты, значитъ по корню слова — подслѣповатый; глаза портятся отъ дыма, а онъ найденъ былъ младенцемъ возлѣ огня, и былъ такимъ образомъ подпаленъ; «отсюда, прибавляетъ Сервій, его назвали сыномъ Вулкана.» «Егерія была нимфа Арицинской рощи; Нума сочинялъ (fingebat), что она подруга ему, для подкрѣпленія авторитета своихъ законовъ.» Для сбора конницы къ военнымъ дѣйствіямъ выставляли на Капитоліи темносинее знамя: это потому, замѣчаетъ Сервій, что таковъ цвѣтъ моря, а богомъ моря изобрѣтенъ конь. — Керберъ есть ничто иное, какъ земля, пожирающая тѣла; «иные же, прибавляетъ онъ, *какъ дѣти*, думаютъ, что Керберъ съѣлъ кости Амфіарая: Ам-

[1] VIII. 664.
[2] II, 116 и др.

фіарай просто сошелъ въ адъ черезъ разщелину земли.» Вулканъ есть ничто иное, какъ огонь; отсюда его имя, ибо огонь пролетаетъ (volet per) воздухъ; паденіе его на Лемносъ означаетъ молнію; хромъ онъ потому, что огонь по своему свойству никогда не бываетъ прямымъ; «онъ свергнутъ и брошенъ Юноной вслѣдствіе своего безобразія, а извѣстно, что она есть воздухъ, изъ котораго родятся молніи; отсюда, по миѳу, Вулканъ родился изъ ноги Юноны, ибо молніи родятся изъ низшихъ слоевъ воздуха [1].» Мы догадываемся уже, какого рода комментаріями могъ надѣлить такой ученый Виргилія. Авторитетъ Виргилія для него выше всего; онъ догматикъ, онъ теологъ [2]; онъ великій реторъ: такъ въ Энеидѣ описывается схватка между Троянцами и Латинами; палъ въ ней между прочимъ юноша Алмонъ, старшій изъ дѣтей Тиррея, пало много и другихъ, палъ и старецъ Галезъ, богатѣйшій изъ Авзоновъ. Сервій послѣ этого описанія спѣшитъ замѣтить: «Виргилій, по правиламъ реторики, стеръ простой народъ въ середину, а знатныхъ, Алмона и Галеза, помѣстилъ по краямъ, на первомъ и послѣднемъ мѣстѣ.» Самая первая строка Энеиды: «я воспѣваю оружія (войны) и мужа (arma virumque cano)....» Сервій разсуждаетъ: «обычная фигура, когда мы отвѣчаемъ не въ томъ порядкѣ, какой соотвѣтствуетъ намѣренію, ибо Виргилій прежде говоритъ о странствованіяхъ Энея, а потомъ уже о войнѣ.... *Оружіе* стоитъ прежде, чѣмъ *мужъ*: ибо Эней достигъ царскаго достоинства посредствомъ оружія; потому *оружіе* Виргилій предпоставилъ *мужу*, и притомъ въ трехъ смыслахъ (tribus modis, т. е. rhetoricis): во первыхъ поелику оружіе было побѣдоносно, во вторыхъ поелику оно божественно, въ третьихъ поелику всегда оружіемъ покоряютъ мужа.» Иногда этотъ трудолюбецъ беретъ Виргилія подъ свою защиту и освобождаетъ отъ нареканій: Эвандръ въ Энеидѣ называетъ Энея величайшимъ (maximus); Сервій убѣжденъ, что этимъ Виргилій хотѣлъ указать на достоинство Энея какъ верховнаго жреца (pontifex maximus); но вотъ Энею подводятъ коня: какъ же, спрашиваетъ Сервій, ему подводятъ коня, когда онъ былъ верховнымъ жрецомъ, а жрецамъ не позволяется ѣздить на конѣ? Это разрѣшаетъ онъ такъ: нѣкоторымъ фламинамъ дозволялось выѣзжать за границу Италіи, и слѣдовательно тамъ они могли ѣздить и на коняхъ; Энею хорошо было извѣстно право жрецовъ (jus pontificale); поэтому, отправляясь къ Этрускамъ, за границу, онъ могъ сѣсть и на коня; а Виргилій при этомъ удобномъ случаѣ описалъ римскій обрядъ [3]. Ученый коментаторъ такъ хорошо зналъ способъ своей ра-

[1] VII, 180; 190; 607 и дал.; 662; 678; 763; VIII, 1; 297; 414 и дал.
[2] VIII, 233; II, 694; VIII, 334 и мн. др.
[3] VII, 535; I, 1; VIII, 363; 552; и др.

боты, такъ привыкъ жить чужимъ, что никакъ не могъ представить, чтобы и Виргилій не дѣлалъ того же самаго. Поэтому, что ни скажетъ Виргилій, его тотчасъ останавливаютъ и говорятъ: это онъ взялъ оттуда-то. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ мнимыхъ заимствованій. Виргилій говоритъ объ Энеѣ: «онъ далъ покой своимъ членамъ»; Сервій прибавляетъ: это заимствовано изъ Гомера—«мужу совѣтному не слѣдуетъ спать цѣлую ночь на пролетъ». Виргилій описываетъ, какъ и во что одѣвался Эвандръ, — обыкновенный пріемъ эпической поэзіи; Сервій восклицаетъ: «это все изъ Гомера!» между тѣмъ какъ здѣсь является тирренская обувь, и т. п. Виргилій говоритъ: *цвѣтъ древнихъ мужей*; Сервій спѣшитъ прибавить, что это стихъ Эннія. Съ тѣмъ вмѣстѣ постоянно соединяется желаніе судить Виргилія, хорошо или нѣтъ сказалъ онъ, и если не хорошо, то поправить; такъ однажды онъ назвалъ порогъ *высокимъ* (altum); Макробій тотчасъ успѣлъ его поправить (in ipso вм. in alto), на томъ основаніи, что домъ, о которомъ идетъ рѣчь, вѣроятно былъ низокъ. Цѣлымъ хоромъ комментаторы Виргилія провозглашаютъ такія поправки. И вотъ до чего доходитъ: Виргилій изображаетъ битву подъ образомъ жатвы мечей — общее достояніе всякой народной поэзіи, скандинавской, и даже нашей въ Словѣ о П. И.; комментаторы вопіютъ, что этотъ образъ слишкомъ утонченъ и изысканъ. Превосходно завязалъ Виргилій битву между Троянцами и Латинами: ручной олень Сильвіи подстрѣленъ на охотѣ Асканіемъ; окрестные поселяне сбѣжались, началась схватка, въ ней погибло нѣсколько не послѣдняго класса людей. Макробій замѣтилъ, что убійство оленя слишкомъ недостаточный предлогъ для битвы; съ V-го вѣка по Р. Х. до XIX-го комментаторы постоянно разсуждаютъ объ этомъ предметѣ, и если иногда защищаютъ Виргилія, то эта защита столь же излишня, и странна, и смѣшна, какъ мы видѣли примѣры тому у Сервія [1]! Послѣ этого уже очень легко было утверждать, что Виргилій для изображаемой имъ эпохи постоянно заимствовалъ черты изъ своего времени, и что онъ переносилъ туда современныя учрежденія и обычаи; его и хвалятъ за это, и порицаютъ: и то, и другое, порою бываетъ въ высшей степени неумѣстно. Эней посылаетъ къ Латину пословъ, выбранныхъ изъ всей толпы спутниковъ (ab omni ordine, т. е. ex omni multitudine); Сервій объясняетъ это — изъ всѣхъ классовъ, сословій и чиновъ, «что, (прибавляетъ онъ), доселѣ сохраняется у Римлянъ при отправленіи посольства». Поэтъ описываетъ общій всѣмъ народамъ обычай воинскихъ упражненій юношества въ Лаціумѣ:

[1] Aen. VIII, 30; Il. II, 24; Aen. VIII, 457 и дал. Serv. 459; 500; Aen. VIII, 461; VII, 525; 526; 475 и дал. и др.

по Сервію этимъ онъ изобразилъ обычай римской милиціи. Латинъ велѣлъ позвать къ себѣ въ чертоги троянскихъ пословъ: Сервій замѣчаетъ, что здѣсь поэтъ уклонился отъ римскаго обычая, по которому прежде узнаютъ отъ пословъ, чего хотятъ они, и оправдываетъ отступленіе Виргилія тѣмъ, что Латинъ хотѣлъ нетерпѣливо знать судьбы Троянцевъ. Виргилій, согласно съ эпическою обычностью Гомера, говоритъ, что у Латина было триста коней: «это искусно указалъ онъ (слова Сервія), ибо въ легіонѣ римскомъ находится только триста всадниковъ, а всѣхъ воиновъ шесть тысячь; этимъ указываетъ Виргилій, что Латинъ имѣлъ у себя одинъ только легіонъ». Виргилій говоритъ, что у древнихъ Италиковъ начались воинскія движенія: изъ объясненій Сервія видно, что этимъ намекается на римскій обычай двигать предъ битвой Марсово оружіе; онъ доходитъ до того, что выраженіе Виргилія—*тотчасъ, вдругъ* (extemplo), толкуетъ такъ, что война началась послѣ того, какъ изъ храма (ex templo) поданъ былъ знакъ [1]. Такимъ образомъ Виргилію можно было подлагать какой угодно смыслъ и намекъ; Сервій здѣсь доходитъ до какого-то изступленія. Первая половина Энеиды оканчивается описаніемъ схожденія Энея въ адъ; седьмую же книгу поэтъ начинаетъ такъ: «похоронивъ кормилицу Каету, Эней отправился далѣе». Сервій замѣчаетъ, что это весьма кстати и искусно выставлено поэтомъ, ибо погребеніе занимаетъ среднее мѣсто между адомъ и жизнію; потому, прежде новыхъ дѣйствій Энея и послѣ схожденія во адъ, прилично и хорошо помѣстить описаніе погребенія Каеты. — Въ Энеидѣ упоминается, что Эней видѣлъ Дардана въ аду, а послѣ Латинъ говоритъ, что онъ между богами на небѣ; Сервій это разрѣшаетъ такъ: «душу помѣщаетъ Виргилій на небѣ, тѣло въ землѣ, а тѣнь въ аду.» — Юнона говоритъ, что она во все странствованіе Энея по морю противуборствовала ему; по Сервію Виргилій придалъ здѣсь словамъ физіологическій смыслъ, ибо Юнона означаетъ дожди, громы, бури. — Виргилій влагаетъ въ уста Эвандру слова *фортуна* и *рокъ* (fatum); Сервій замѣчаетъ, что здѣсь поэтъ изложилъ вполнѣ догму стоиковъ, которые во власть року отдаютъ рожденіе и смерть, а фортунѣ жизнь.—Эвандръ называетъ Геркулеса побѣдителемъ (victor); Сервій прибавляетъ, что поэтъ *таинственнымъ образомъ* намекаетъ здѣсь на то имя, которое въ Римѣ начертано было на храмѣ Геркулеса. — Эвандръ въ Энеидѣ расказываетъ, какъ жегъ онъ щиты враговъ; Сервій говоритъ, что «это Виргилій заимствовалъ изъ исторіи, ибо такъ поступилъ Тарквиній Прискъ.» У Виргилія выводится

[1] Serv. Aen. VII, 152; 162; 168; II. 20, 221 и сл. Serv. Aen. VII, 274; VII, 603; VIII, 3, 4.

герой Герилъ, имѣвшій три души: Сервій согласенъ, что таковъ былъ миѳъ, но кромѣ того утверждаетъ, что поэтъ мимоходомъ коснулся здѣсь спорнаго пункта въ ученіи Платона и Аристотеля, именно того, четыре ли души въ человѣкѣ, или только три. — Во время актійской битвы, по описанію поэта, сражаются сами боги и между прочимъ Нептунъ: изъ словъ Сервія выходитъ, что Виргилій намекнулъ здѣсь на то обстоятельство, по которому — какъ говоритъ Плиній — корабль Антонія остановленъ былъ особаго рода рыбой (Echeneis remora, держи-лодья), и что, стало быть, именемъ Нептуна поэтъ хотѣлъ указать на рыбу. — Виргилій Нурсіи придаетъ эпитетъ—*холодная* (frigida), конечно по ея положенію на сѣверѣ, при Апеннинахъ: Сервій въ этомъ эпитетѣ замѣчаетъ понятіе вреда и ядовитости, и утверждаетъ, что поэтъ хотѣлъ намекнуть на то, что Гракхи людей порочныхъ называли Нурсинцами [1]. Онъ-то началъ постоянную проповѣдь о томъ, что Виргилій хотѣлъ вездѣ польстить Августу. Такъ, напримѣръ, Виргилій говоритъ, что героя Вирбія послала на битву мать Ариція; Сервій согласенъ, что здѣсь должно разумѣть отечество, родной городъ; но потомъ прибавляетъ: «матерью онъ назвалъ Арицію ради Августа, котораго мать была родомъ оттуда, *какъ бы* говоря — городъ этотъ начальникъ столь великаго рода [2].»

Внимательно изучая Сервія, мы получаемъ многостороннюю пользу. Во-первыхъ, мы получаемъ самый вѣрный образчикъ учености того времени; это образчикъ страшнаго смѣшенія понятій, возникшаго на обломкахъ и развалинахъ античныхъ убѣжденій. Тутъ не было водоворота и бури: закваска брошена, но помѣсь сѣла, опала, и долго еще не могло отсюда подняться что-либо путное. Сервій стоитъ не одиноко: его найдете въ каждомъ изъ ближайшихъ и слѣдующихъ вѣковъ, на почвѣ Италіи, Галліи, Греціи, малой Азіи, Африки. — Далѣе мы убѣждаемся въ той мысли, которую высказали выше, касательно характера и особенностей Виргилія: это какая-то ненормальность, какая-то искусственность, отсутствіе полной и свѣжей жизни, аскетическая туманность. Началось все это дѣло бѣдностію и скудостію италійскихъ миѳовъ, слабостію основныхъ религіозныхъ представленій; Римъ великими явленіями своей жизни на время удалилъ съ главной сцены дѣйствія, заслонилъ и закрылъ особенности италійскихъ преданій. Но они стремились развиться, искали восполнить свою скудость усильнымъ напряженіемъ, связывались тѣсно съ поэзіею, искусствомъ, и, за одно съ нѣкоторыми другими началами, наконецъ осилили и произвели

[1] Serv. Aen. VII, 4; 210; 300; VIII, 334; 363; 562; 564; 699; VII, 715.
[2] Serv. Aen. VII, 762; ср. VII, 170; VIII, 361 и др.

перевороты первыхъ вѣковъ до и послѣ Р. Х. Виргилій былъ красою, цвѣтомъ, лучшимъ выраженіемъ этого стремленія; но трудъ его кабинетнаго увлеченія понесъ на себѣ и всѣ недостатки направленія. Его ближайшіе комментаторы, Макробій и Сервій, безспорно люди ученые, умные: но мы видѣли уже напряженность ихъ углубленія, ослабѣвающую иногда въ своей искусственной энергіи до самыхъ явныхъ пошлостей; при всемъ обиліи разбросанныхъ ими указаній, мы видѣли, какъ трудно отдѣлить здѣсь чистую долю истины. Можно бы прослѣдить въ среднихъ вѣкахъ еще много и много аналогій; можно бы коснуться и идеаловъ средневѣковой Италіи, и византійскихъ лѣтописцевъ, и разсужденій Никиты Хоніата по поводу статуи Елены, но это повело бы слишкомъ далеко; вспомнимъ только тотъ странный образъ, въ какомъ являлся Виргилій для средневѣковыхъ писателей; вспомнимъ характеръ Данта, особенности его идеаловъ, разсужденія его комментаторовъ. Сервій не погибъ еще и въ наше время: новѣйшіе комментаторы Виргилія часто смѣются надъ нимъ; но по справкѣ оказывается, что большая часть объясненій занята у него же. Отсюда вы поймете и характеръ Гейне, его защиту Виргилія и его восклицанія, — quam egregium, quam pulchrum, или quam exquisite, его поправки, указаніе заимствованій. Овидій не имѣлъ подобныхъ, ближайшихъ къ себѣ комментаторовъ, не вызвалъ странныхъ увлеченій, и въ новое время не навѣялъ на ученыхъ ложнаго классицисма и туманнаго восторга: но его усердно читали въ средніе вѣки; его новѣйшія истолкованія дали много богатыхъ и ясныхъ свѣдѣній, для многихъ важнѣйшихъ отдѣловъ римскихъ древностей.

Вотъ почему съ особеннымъ вниманіемъ остановились мы на немъ въ настоящемъ случаѣ. Не выставить его достоинство была наша задача: мы хотѣли приблизительно показать, какъ, превосходя многіе другіе источники, Овидій представляетъ однако много недостатковъ и трудностей, какъ вызываетъ онъ много разнообразныхъ и запутанныхъ вопросовъ. Быть-можетъ при этомъ намъ удалось угадать сколько нибудь и тотъ методъ, которому нужно слѣдовать при изученіи римскихъ религіозныхъ древностей: главное же, мы могли убѣдиться, какъ нужно быть осторожнымъ и медленнымъ въ этомъ дѣлѣ, какъ нужно остерегаться произносить какое либо общее сужденіе о всей римской религіи; если можно здѣсь изслѣдовать, то необходимо начинать съ частностей и при томъ въ видѣ *очерковъ* — не болѣе.

П. Безсоновъ.

АНТОНІЙ и КЛЕОПАТРА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ ВРЕМЕНЪ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

I.

Битва при Филиппи не рѣшила еще окончательно судьбы римской республики. Она отдала ее въ руки двумъ честолюбцамъ, но вопросъ, за кѣмъ останется первенство, былъ нерѣшенъ, хотя Варронъ, погибшій при Филиппи, предсказывалъ конецъ Антонію. Раздѣла собственно не было. Тріумвиры согласились дѣйствовать дружно и сообща; но выборъ провинцій, кругъ дѣятельности каждаго изъ нихъ, болѣе же всего характеры ихъ поднимали отчасти завѣсу, скрывавшую исходъ тріумвирата.

Октавіанъ повелъ легіоны въ Италію для раздачи имъ полей въ награду за вѣрную службу; Антоній остался на востокѣ для сбора контрибуцій съ городовъ Малой Азіи, принявшихъ сторону Брута и Кассія. Одно это давало уже сильный перевѣсъ Октавіану; онъ находился въ Римѣ, располагалъ большими средствами, имѣлъ въ рукахъ сенатъ и городскую чернь. Антоній вдали отъ Рима былъ съ самаго начала скорѣе намѣстникомъ молодаго Октавіана нежели соправителемъ. Какъ

онъ самъ согласился на такой раздѣлъ — объясняется его личнымъ характеромъ. Онъ слишкомъ много вѣрилъ въ свои собственныя силы и въ свое превосходство надъ Октавіаномъ, котораго не высоко ставилъ, и жестоко ошибся. Ему не приходило въ голову, чтобы дерзкій отрокъ могъ его перехитрить, а вышло на оборотъ. Этотъ отрокъ былъ хладнокровнымъ, расчетливымъ и скрытнымъ старцемъ въ сравненіи съ пылкимъ и страстнымъ Антоніемъ.

Трудно себѣ представить ясный образъ характера Антонія: такъ много въ немъ противорѣчій, такъ разнообразно судила о немъ древность! Цицерону вѣрить мы не можемъ: его Филиппики были написаны подъ вліяніемъ ненависти и представляютъ намъ характеръ тріумвира въ искаженномъ видѣ. Аппіанъ, Плутархъ, даже Веллей Патеркулъ, пристрастный панегиристъ Юліевъ, отдаютъ справедливость Антонію и приводятъ черты, въ которыхъ ясно проглядываетъ великодушіе и благородство тріумвира. Безпристрастный Діонъ Кассій посвятилъ ему также нѣсколько страницъ, гдѣ сгруппировалъ всѣ противорѣчія этого дикаго, страннаго характера, и тѣмъ самымъ напалъ лучше другихъ на истину. Это былъ въ самомъ дѣлѣ характеръ, составленный изъ противорѣчій. Въ немъ не найдемъ мы ни одной главной, преобладающей черты, которая бы руководила его дѣйствіями; эта страстная, увлекающаяся натура поддавалась всегда первому впечатлѣнію. Обстоятельства и окружавшіе его люди имѣли постоянно на него вліяніе, вслѣдствіе его излишней довѣрчивости, и вслѣдствіе нѣги и лѣности, которой отдавался безотчетно Антоній. Только критическія минуты опасности вызывали его изъ усыпленія, и тогда трудно было себѣ представить человѣка болѣе энергическаго, болѣе смѣлаго и дѣятельнаго. Въ этомъ отношеніи сравненіе его съ Дмитріемъ Поліоркетомъ выбрано Плутархомъ чрезвычайно удачно. Антоній дѣйствительно много напоминаетъ собою знаменитаго діадоха. Но не такихъ характеровъ ждалъ Римъ, чтобы успокоиться отъ внутреннихъ потрясеній. Антоній былъ превосходнымъ исполнителемъ замысловъ Цезаря, охотно былъ слугой великаго диктатора; но взять послѣ него въ руки кормило республики было ему не по силамъ.

Антоній былъ сынъ Марка Антонія, котораго въ насмѣшку называли Критскимъ, за неудачный походъ на Критъ. Это былъ человѣкъ ничтожный, жадный къ деньгамъ, расточительный. Про него ходили въ Римѣ слухи, что, посланный разъ противъ морскихъ разбойниковъ, онъ дѣлился съ ними добычей. Мать его Юлія была дальнею родственницей Цезаря. Объ его юности мы знаемъ только кой-что изъ Цицерона, которому вѣрить трудно. Антоній провелъ молодость въ кругу

развратной и буйной аристократической молодежи, сподвижниковъ Катилины. Остроумный, живой, прекрасный собой, онъ былъ съ радостью принятъ въ кругъ богатыхъ развратниковъ. И здѣсь Цицеронъ грѣшитъ противъ истины, отрицая въ немъ даже тѣлесную красоту, называя его гладіаторомъ. Антоній былъ, судя по всѣмъ извѣстіямъ и по его изображеніямъ на монетахъ, чрезвычайно красивъ. Онъ былъ силенъ, высокъ, крѣпкаго сложенія съ мужественнымъ, но пріятнымъ и добрымъ выраженіемъ въ лицѣ. У него былъ широкій лобъ, нѣсколько горбатый носъ и густая борода, вопреки римской модѣ того времени. Казнь Лентула вызвала его на вражду съ Цицерономъ, и онъ присталъ изъ мщенія къ партіи Клодія, впрочемъ не надолго. Интрига съ женой Клодія, Фульвіей, на которой онъ въ послѣдствіи женился, разорвала эту связь. Какъ почти всѣ знаменитые люди того времени, обремененъ былъ и онъ долгами, тѣмъ болѣе, что послѣ отца не получилъ никакого наслѣдства. Онъ бѣжалъ отъ своихъ кредиторовъ въ Грецію. Здѣсь хотѣлъ онъ поправить недостатки своего образованія и началъ прилежно посѣщать философовъ и риторовъ. Правда, онъ здѣсь пробылъ не долго, но успѣлъ воспользоваться ихъ ученіемъ, окружалъ себя и въ послѣдствіи греческими литераторами, говорилъ хорошо по-гречески и зналъ греческую литературу, хотя Цицеронъ отрицаетъ въ немъ всякое образованіе.

Вызванный изъ Греціи проконсуломъ Сиріи Габиніемъ, онъ получилъ начальство надъ конницей, и оставался въ Сиріи до 54-го года. Его первые шаги на военномъ поприщѣ заслужили полное уваженіе полководца и солдатъ; но кругъ дѣятельности казался ему здѣсь тѣсенъ; долги не были уплачены; въ Римѣ показаться онъ не смѣлъ, и Антоній поѣхалъ въ Галлію, сборное мѣсто всѣхъ недовольныхъ, всѣхъ честолюбцевъ, всѣхъ промотавшихся, куда ихъ звали слава завоевателя Галліи, его сокровища, богатая добыча и предстоящая междуусобная война, въ которой никто не сомнѣвался. Съ этого времени онъ былъ неотлучнымъ сподвижникомъ Цезаря, самымъ вѣрнымъ и способнымъ исполнителемъ его плановъ. Въ его военныхъ дарованіяхъ отдаетъ ему полную справедливость Цезарь. Самыя трудныя дѣла поручались всегда Антонію. Лучшимъ доказательствомъ служитъ его знаменитое отступленіе отъ Модены и битва при Филиппи, исходъ которой былъ единственно дѣломъ Антонія. Онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ привязывать къ себѣ непостоянныя сердца римскихъ легіоновъ. Много способствовала тому слѣпая вѣра въ его счастіе и военныя дарованія, его отчаянная храбрость, его способность выносить съ величайшимъ терпѣніемъ голодъ, жажду и всѣ невзгоды, которыя онъ дѣлилъ съ вои-

нами, ободряя ихъ грубыми своими шутками. Вѣчно воины видѣли его передъ своими рядами, въ плащѣ изъ грубаго сукна, съ длиннымъ мечемъ. Онъ и въ мирное время любилъ бесѣдовать съ солдатами, принималъ участіе въ ихъ забавахъ, ухаживалъ за больными, шутилъ, смѣялся и пировалъ съ здоровыми. Отъ того можетъ-быть въ его обращеніи и пріемахъ замѣтно было много грубаго и солдатскаго, что оскорбляло людей съ утонченнымъ вкусомъ и болѣе изящными манерами, и заставляло Клеопатру не рѣдко его останавливать и просить не повторять болѣе плоскихъ солдатскихъ шутокъ.

Когда планы Цезаря созрѣли, и все было готово къ междуусобной войнѣ, Цезарь послалъ Антонія въ Италію. Здѣсь выбрали его въ авгуры и трибуны, конечно не безъ вліянія Цезаря, которому было нужно замѣстить важнѣйшіе посты своими приверженцами. На этомъ поприщѣ Антоній дѣйствовалъ такъ же успѣшно и такъ же ловко въ пользу Цезаря, какъ и на полѣ битвы. Цицеронъ называетъ его прямо главнымъ виновникомъ междуусобной войны [1]. Настойчивость, съ которою Антоній говорилъ въ пользу Цезаря и требовалъ удаленія Помпея въ провинцію, раздражила враждебную партію въ сенатѣ, и трибуна выгнали изъ куріи. Цезарь того только и ждалъ. Когда оскорбленные трибуны явились къ нему въ станъ, онъ вступился за нихъ и нашелъ въ этомъ еще одинъ удобный предлогъ къ войнѣ. Во время отсутствія Цезаря въ Испаніи, Антоній оставался въ Италіи, и зоркимъ окомъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ противной партіи. Его расточительность, его развратная жизнь прикрывали его бдительность; и никто, ни самъ даже Цицеронъ не подозрѣвалъ въ немъ самаго опаснаго и злаго врага, а между тѣмъ онъ разставилъ вездѣ шпіоновъ и лазутчиковъ по берегу, чтобы отрѣзать недовольнымъ всякую возможность къ бѣгству [2]. Кто бы могъ подумать въ самомъ дѣлѣ, чтобы этотъ развратникъ, проводившій дни и ночи въ пирахъ, могъ быть опаснымъ противникомъ? Письма Цицерона къ Аттику исполнены злобы и ядовитыхъ нападокъ на Антонія. Его оскорбляла не столько жизнь Антонія и его связи, сколько то, что онъ самъ былъ опутанъ кругомъ сѣтями Антонія. Послѣдній ѣздилъ не иначе, какъ окруженный ликторами, шутами, мимами и развратными женщинами. Въ девять часовъ утра Антоній не въ состояніи еще былъ приняться за дѣла, но онъ оканчивалъ ихъ всегда во время [3]. Напрасно говоритъ Цицеронъ, что

[1] Philipp. II. 22, 28, 29.
[2] Cicero Epist. ad Attic. 10, 10.
[3] Plut. Ant. 6. Cic. ad Attic. 10, 13.

второе письмо Антонія къ нему было написано подъ вліяніемъ хмѣля. Не мѣшало бы многимъ тогда въ Римѣ дѣйствовать такъ трезво, какъ Антоній.

Въ продолженіе трехъ диктатуръ Цезаря, Антоній не принималъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ. Мы не встрѣчаемъ его имени въ африканской войнѣ. Онъ оставался въ Италіи, предаваясь жизни самой разгульной и расточительной. Онъ считалъ себя обиженнымъ, не видѣлся съ Цезаремъ, не пошелъ за нимъ даже въ Испанію. Причиной неудовольствія были деньги. Антоній купилъ съ публичнаго торга большую часть имѣній Помпея, въ надеждѣ, что съ него не потребуютъ денегъ; но Цезарь не намѣренъ былъ простить ему долга, и отсюда размолвка, продолжавшаяся впрочемъ не долго. По возвращеніи Цезаря изъ Испаніи Антоній выѣхалъ къ нему на встрѣчу, былъ обласканъ, получилъ почетное мѣсто въ тріумфальной колесницѣ Цезаря, и въ слѣдующемъ году выбранъ вмѣстѣ съ Цезаремъ въ консулы.

Смерть Цезаря застала Антонія въ расплохъ. Это случилось такъ неожиданно и внезапно, что никто не имѣлъ времени одуматься. Антоній и Лепидъ, главные представители партіи Цезаря, скрылись, не смотря на то, что въ окрестностяхъ Рима было много ветерановъ, не смотря на то, что они смѣло могли расчитывать на городскую чернь. Они предполагали въ противной партіи несравненно болѣе средствъ и силъ, нежели сколько ихъ было въ самомъ дѣлѣ. Но послѣдніе отдались имъ сами въ руки; они сами испугались своего дѣла. Вполнѣ убѣжденные, что за исключеніемъ небольшаго числа аристократовъ, они найдутъ мало сочувствія, заговорщики сробѣли. Ихъ первыя дѣйствія были такъ неловки, они такъ мало показывали увѣренности въ своей силѣ, что не прошло и дня, какъ всѣ ихъ планы были разстроены друзьями Цезаря, душою которыхъ былъ Антоній. Антоній, которому отказываетъ Цицеронъ и въ умѣ и въ дальновидности, которому за пирами и разгульной жизнью недоставало, по его словамъ, времени заниматься дѣлами государственными, этотъ человѣкъ оказался несравненно дальновиднѣе и Цицерона и всѣхъ его сторонниковъ. Онъ дѣйствовалъ такъ умно и осторожно, что перехитрилъ ихъ окончательно, и поставилъ ихъ въ совершенную невозможность ему вредить.

Ропотъ и угрозы, съ которыми встрѣтилъ народъ рѣчь Цинны, оскорбительную для памяти Цезаря, доказали Антонію ясно, что ни Брутъ, ни его сообщники не нашли въ народѣ симпатіи. Случайнымъ образомъ достались ему въ руки важныя средства — сокровища Цезаря, его завѣщаніе, бумаги, и наконецъ во время смятенія захватилъ онъ изъ храма Опсы государственную казну. Выступить прямо и от-

крыто мстителемъ Цезаря Антоній не могъ и не хотѣлъ: это могло бы повести къ кровопролитной междуусобной войнѣ, исходъ которой былъ бы сомнителенъ, потому что противная партія обладала значительными военными силами. Заговорщики можетъ-быть сами выжидали этого и конечно желали, чтобы первые подняли оружіе Цезаріанцы; они ожидали этого отъ неукротимаго Антонія, и ошиблись. Антоній не трогался и заговорщики начали первые переговоры. Они предложили Антонію созвать, въ качествѣ консула, сенатъ. Семнадцатаго Марта онъ былъ созванъ, не въ куріи однакожь, а въ храмѣ Земли, который окружили ветераны. Народъ кричалъ Антонію, чтобы онъ остерегался, и въ отвѣтъ на это онъ отвернулъ свою тогу, подъ которой видна была броня. Но онъ первый заговорилъ о всеобщемъ примиреніи и амнестіи, не изъ боязни или уступки, а потому что и не ожидалъ отъ сената противорѣчія. Онъ понималъ, что оскорблять память Цезаря никто не будетъ, что его учрежденія и акты останутся въ силѣ. Иначе и быть не могло, когда половина сенаторовъ обязаны были Цезарю своимъ возвышеніемъ и своими богатствами. Все было торжественно подтверждено; мало того, присудили даже воздать Цезарю божественныя почести.

Все кончилось повидимому мирно и спокойно; партія Брута и аристократія торжествовали свою побѣду; послѣдняя надѣялась вступить въ прежнія свои права, — но Антоній готовилъ ей въ тиши новый ударъ. Ежели онъ первый подалъ руку къ примиренію, то изъ этого еще не слѣдовало, что онъ готовъ былъ отказаться отъ власти. Его честолюбію не было мѣста при жизни великаго диктатора; принять теперь равнодушно второстепенную роль Антоній не хотѣлъ. Когда волненіе успокоилось, онъ началъ дѣйствовать наступательно. Ему нужно было избавить и себя и Римъ отъ противниковъ. Первымъ его шагомъ было обнародованіе завѣщанія Цезаря, которое онъ прочелъ публично у себя на дому. Здѣсь народъ узналъ, что Цезарь завѣщалъ народу свои сады, по ту сторону Тибра, и по 75 денаріевъ на человѣка; въ случаѣ смерти ближайшихъ родственниковъ наслѣдниками объявлены были Децимъ Брутъ и Антоній. Уже одно обнародованіе завѣщанія произвело въ народѣ волненіе неблагопріятное Бруту и его партіи, но Антоній готовилъ еще другое зрѣлище народу, чтобы не дать остыть его негодованію, зрѣлище, которое окончательно дало ему первенство въ Римѣ.

Явился вѣстникъ объявить торжественное погребеніе Цезаря. На форумѣ воздвигли подмостки и на нихъ, возлѣ ораторскаго мѣста, позлащенную часовню по образу храма Венеры-Родительницы (Venus

genitrix), на столбахъ, вмѣсто стѣнъ, дабы народъ могъ свободно видѣть ложе изъ слоновой кости, покрытое златотканнымъ пурпуромъ, у изголовья котораго висѣла одежда, въ которой былъ убитъ диктаторъ. Сановники истекшаго и настоящаго года несли тѣло среди громкихъ воплей народа и ветерановъ, и поставили его на подмостки. Антоній, какъ сотоварищъ по консульству и родственникъ, произнесъ надгробную рѣчь. Эта рѣчь, которую Цицеронъ слышалъ и потомъ читалъ, была вся расчитана на эффектъ и имѣла удивительное дѣйствіе [1]. Она прерывалась безпрестанно чтеніемъ актовъ Цезаря, изложеніемъ его дѣлъ и погребальными играми. Не можемъ не напомнить здѣсь читателямъ превосходной сцены въ Юліи Цезарѣ Шекспира. Великій поэтъ воспроизвелъ намъ съ свойственнымъ ему одному мастерствомъ этотъ исполненный глубокаго драматисма эпизодъ. Когда волненіе стало въ народѣ довольно замѣтно, Антоній подошелъ къ носилкамъ; сталъ громко превозносить великія дѣла Цезаря, его доброту и кротость съ врагами и развернулъ вдругъ окровавленную одежду Цезаря. Въ это самое мгновеніе раздалась тихая, печальная музыка, мимы начали представленіе нѣкоторыхъ сценъ изъ Электры Пакувія и Аттилія, подходящихъ содержаніемъ къ настоящему положенію, и поднялось вдругъ восковое изображеніе Цезаря, покрытое 23 ранами. Можно себѣ легко представить, какое впечатлѣніе произвело все это на народъ. Убійцы успѣли скрыться, иначе они пали бы непремѣнно жертвой народнаго негодованія. Подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія родилась мысль сжечь въ куріи тѣло погибшаго, но это не состоялось. Два воина, вѣроятно по приказанію Антонія, зажгли гробъ на форумѣ, народъ составилъ мигомъ костеръ изъ лавокъ, столовъ, изъ всего, что только было подъ рукой: мимы бросали въ огонь драгоцѣнныя свои одежды, жены свои украшенія, ветераны оружіе и почетныя награды. Разъяренная толпа бросилась съ пылающими головнями къ жилищамъ убійцъ, и только убѣдительныя просьбы хозяевъ сосѣднихъ домовъ пощадить ихъ, удержали ее, но безъ жертвъ все таки не обошлось. Трибунъ Гелвій Цинна, который пришелъ больной на погребеніе, былъ умерщвленъ толпой. Родство съ преторомъ Цинной, однимъ изъ убійцъ, было единственною его виной. Послѣдніе бѣжали изъ Рима — Децимъ Брутъ въ Цизальпинскую Галлію, чтобы удержать въ повиновеніи легіоны, Маркъ Брутъ въ Македонію, Кассій въ Сирію.

Антоній достигъ своей цѣли. Онъ былъ неограниченнымъ власте-

[1] Cic. ad Att. 15, 20. 14, 11.

линомъ въ Римѣ. Выступивъ мстителемъ Цезаря и поборникомъ всѣхъ его учрежденій, онъ дѣйствовалъ самовластно именемъ погибшаго диктатора. Общее оцѣпенѣніе было такъ сильно, что онъ дерзалъ даже на такія дѣла, на которыя никогда бы не осмѣлился самъ Цезарь. Онъ продавалъ мѣста и провинціи; Дейотаръ купилъ у него малую Арменію; островъ Критъ откупился на волю. Его богатство росло не по днямъ, а по часамъ. Видя свою силу, онъ рѣшился разорвать окончательно всякую связь съ аристократіей и убійцами Цезаря и нарушить договоръ. Онъ отнялъ провинціи Македонію и Сирію у Брута и Кассія, и предложилъ имъ въ замѣнъ Критъ и Кирену. Мѣна конечно не состоялась; дѣло дошло бы непремѣнно до войны, если бы не явилась въ это время новая личность, несравненно для Антонія опаснѣе всей римской аристократіи, личность, которой суждено было въ послѣдствіи взять въ свои руки судьбы республики.

Цезарь въ своемъ завѣщаніи усыновилъ и назначилъ наслѣдникомъ большей части (¾) своего состоянія (haeres ex dodrante) племянника Октавія. Диктаторъ питалъ особенную нѣжность къ молодому родственнику. Его нѣжность и заботливость подали поводъ врагамъ очернить эти отношенія самыми грязными слухами. Пятнадцати лѣтъ отъ роду Октавій былъ уже сенаторомъ. Цезарь хотѣлъ взять его съ собой, когда готовился въ походъ на Парѳянъ, но сначала послалъ молодаго человѣка въ Аполлонію для полученія гелленскаго образованія. Въ Аполлоніи собирались легіоны, и Октавій долженъ былъ принимать участіе въ ихъ воинскихъ упражненіяхъ, чтобы ознакомиться съ солдатами. Это имѣло большое вліяніе на его будущую судьбу. Съ свойственною ему ловкостію Октавій пріобрѣлъ расположеніе легіоновъ, такъ что когда пришла въ Аполлонію вѣсть о смерти Цезаря, и начальники и воины предлагали ему единогласно свои услуги и защиту. Октавію было въ это время только 19 лѣтъ. Онъ немедленно сѣлъ на корабль и прибылъ въ Италію. Не зная положенія дѣлъ, онъ не рѣшился пристать въ Брундузіи, и остановился въ маленькой ничтожной пристани Луппіи. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе о погребеніи Цезаря и о декретахъ сената. Онъ тутъ же принялъ наименованіе Цезаря, и первая горсть ветерановъ, вышедшая къ нему на встрѣчу, громко его привѣтствовала этимъ именемъ. Отпущенники Цезаря, ветераны сбирались къ нему со всѣхъ сторонъ, предлагая свои услуги и свой мечъ. Октавіанъ — такъ сталъ онъ называться по принятіи усыновленія — не изъявлялъ никакихъ притязаній, скрывалъ всѣ свои намѣренія и продолжалъ тихо и скромно свой путь. Цицеронъ находился въ это время около Кумъ, Октавіанъ посѣтилъ его и обворожилъ тще-

славнаго старца своею почтительностію и своими ласками. Онъ прибылъ въ Римъ въ концѣ апрѣля. Антоній объѣзжалъ въ это время Италію, вербуя себѣ друзей и привлекая на свою сторону ветерановъ, и воротился не прежде мая На другой же день послѣ своего прибытія Октавіанъ объявилъ претору, что принимаетъ наслѣдство и усыновленіе, взошелъ на ораторскую трибуну и обѣщалъ народу выполнить свято волю Цезаря. Когда Антоній прибылъ, Октавіанъ требовалъ свиданія Оно имѣло мѣсто въ садахъ Помпея, и кончилось не совсѣмъ дружелюбно. Октавіанъ требовалъ наслѣдства, которое было уже издержано расточительнымъ Антоніемъ. Антоній обошелся съ Октавіаномъ грубо и дерзко

Ему досадно было встрѣтить препятствіе и найти соперника тамъ, откуда онъ менѣе всего ждалъ Онъ однакожь не опасался молодаго Цезаря, и считалъ его ребенкомъ; иначе онъ не поступилъ бы такъ опрометчиво и не оскорбилъ бы Октавіана. Скоро ему пришлось убѣдиться, что безразсудный и дерзкій юноша для него опаснѣе всѣхъ послѣдлыхъ сенаторовъ. Антоній отказалъ Октавіану на отрѣзъ въ выдачѣ наслѣдства, подъ тѣмъ предлогомъ, что оно все истрачено во время смутъ на подкупъ сенаторовъ и т. д. Онъ осыпалъ упреками Октавіана за стараніе снискать расположеніе народа, толпы ненадежной и измѣнчивой. «Октавіану это должно быть извѣстно», прибавилъ насмѣшливо консулъ, «потому что еще недавно онъ слушалъ все это въ греческихъ школахъ».

Положеніе Октавіана было непріятное. Родственники совѣтывали ему отстать отъ борьбы и предоставить дѣла ихъ собственному теченію,— Октавіанъ не остановился. Дѣйствовалъ ли онъ по собственному убѣжденію, или по внушенію своихъ совѣтниковъ и преимущественно Агриппы, который былъ уже въ это время ближайшимъ къ нему лицемъ, рѣшить трудно. Судя по всѣмъ дѣйствіямъ Октавіана, мы имѣемъ кажется полное право заключить, что онъ всѣмъ обязанъ одному себѣ. Трудно себѣ представить человѣка, въ которомъ бы столько было выдержки, столько терпѣнія. Онъ не принадлежалъ къ числу характеровъ живыхъ, энергическихъ, идущихъ дерзко на проломъ, сила которыхъ по видимому безпрестанно ростетъ съ новыми препятствіями. Онъ избѣгалъ трудностей, онъ уклонялся отъ опасностей, выжидалъ удобной минуты и, нужно отдать ему справедливость, никогда ее не пропускалъ. Въ этомъ отношеніи Октавіанъ, не смотря на свою молодость, имѣлъ большой перевѣсъ надъ пылкимъ, нетерпѣливымъ Антоніемъ, хотя послѣдній стоялъ далеко выше его дарованіями и храбростію. Октавіанъ ни разу не былъ въ дѣлѣ; всѣми побѣдами онъ обя-

занъ своимъ полководцамъ и наперсникамъ. Битву при Филиппи выигралъ Антоній. Но за то послѣдняго доставало только на одно мгновеніе, на одну рѣшительную минуту; проходила опасность, и онъ предавался нѣгѣ, не думалъ о послѣдствіяхъ, и новая гроза заставала его нерѣдко въ расплохъ. Почти то же самое можемъ мы сказать о нравственномъ характерѣ двухъ соперниковъ. Антоній былъ жестокъ; многіе поступки заставляютъ насъ предполагать въ немъ злой, мстительный характеръ, хотя можно смѣло сказать, что во многомъ виновата несравненно болѣе его жена, извѣстная Фульвія, нежели онъ. Но Антонію были доступны порывы великодушія, доступна дружба и привязанность. Онъ и здѣсь дѣйствовалъ, слѣдуя первому увлеченію. Это былъ во всякомъ случаѣ характеръ открытый, всѣ его убійства были совершены въ минуты ожесточенія, и не свирѣпствовалъ онъ изъ расчета. Въ печальную и страшную минуту конскрипцій многіе обязаны спасеніемъ своей жизни Антонію; онъ приказалъ погребсти тѣло Марка Брута съ почестями [1] и великодушнымъ пріемомъ наперсника Брутова, Люцилія, пріобрѣлъ себѣ въ немъ вѣрнаго друга и сподвижника. Онъ помиловалъ Акулея и другихъ сподвижниковъ Брута и Кассія въ Азіи, такъ что самые заклятые враги отдавались ему добровольно и съ полною довѣренностію. Послѣ битвы при Акціумѣ онъ обошелся съ плѣнными великодушно, и не мстилъ друзьямъ, которыхъ удалили отъ него интриги Клеопатры. Цицеронъ сдѣлалъ большую ошибку, говоритъ Нибуръ, преслѣдуя Антонія и соединясь съ Октавіаномъ. Онъ конечно не предполагалъ, чтобы молодой юноша могъ его обмануть, могъ быть до такой степени холодно и расчетливо жестокъ, какъ Октавіанъ. Съ Антоніемъ была возможность примириться, съ Октавіаномъ никогда. Это было олицетворенное притворство, это былъ неумолимый характеръ. Пощады отъ него было ждать нечего, ежели онъ видѣлъ, что ему могутъ помѣшать. Когда одинъ изъ осужденныхъ на смерть послѣ сраженія при Филиппи просилъ его о погребеніи, Октавіанъ отвѣчалъ хладнокровно, что объ этомъ позаботятся птицы; онъ заставилъ послѣ битвы акціумской отца съ сыномъ вынуть на удачу роковой жребій [2]. Светоній приводитъ много подобныхъ примѣровъ, хотя самъ Октавіанъ въ запискахъ своихъ и старается ихъ оправдать.

Антоній скоро замѣтилъ, съ какимъ соперникомъ имѣлъ дѣло, но все еще долго не могъ себѣ представить, чтобы племянникъ Цезаря могъ у него вырвать власть изъ рукъ. Увѣренность въ своихъ силахъ

[1] Dio Cass. 47, 49.
[2] Lact. 13.

повела его къ дѣйствіямъ самымъ неосторожнымъ, которыя скорѣе помогли противнику стать на ноги и окрѣпнуть, и ни сколько не пошатнули его значенія.

Октавіанъ началъ тѣмъ, что̀ продалъ все, что ему досталось отъ Цезаря, продалъ свои помѣстья и надѣлалъ долговъ. Антоній удвоилъ препятствія: онъ подговорилъ нѣсколько человѣкъ начать процессы съ молодымъ Цезаремъ по дѣлу наслѣдства и по долгамъ, наконецъ онъ дошелъ до того, что приказалъ разъ ликторамъ стащить Октавіана съ ораторской трибуны въ то самое время, когда онъ произносилъ рѣчь къ народу. Всѣ подобныя дѣйствія ни къ чему не повели, усилили напротивъ партію Октавіана. Народъ видѣлъ въ немъ обиженную сторону, и не сочувствовалъ нимало насильственнымъ поступкамъ Антонія. Ожесточеніе между двумя соперниками дошло до такой степени, что оба взаимно подозрѣвали другъ друга въ покушеніи на жизнь соперника, и вѣроятно не безъ основанія.

Что̀ же оставалось дѣлать Октавіану? Ему нельзя было соединиться съ убійцами дяди, хотя по характеру онъ и на это готовъ былъ рѣшиться. Гдѣ же найти союзниковъ? Онъ обратился къ Цицерону. Маститый ораторъ обрадовался случаю привлечь на свою сторону молодаго Цезаря, и выставить его противъ Антонія. Онъ и не предвидѣлъ, что Октавіанъ могъ быть опасенъ его планамъ, и горько ошибся, полагая, что юноша открыто станетъ на сторонѣ аристократіи. Октавіану нужна была только опора, нужны были средства; когда онъ окрѣпъ, когда стоялъ во главѣ многочисленныхъ и вѣрныхъ легіоновъ, тогда онъ самъ отрекся отъ своихъ прежнихъ сообщниковъ и подалъ руку на примиреніе съ Антоніемъ — ихъ дѣло было дѣломъ общимъ.

Мы не будемъ вдаваться въ частности, не станемъ подробно описывать всѣхъ событій до битвы при Филиппи, и постараемся представить по возможности въ сжатомъ видѣ этотъ краткій періодъ времени, богатый интригами, битвами и злодѣяніями.

Мы видѣли, что аристократія, подавленная Юліемъ Цезаремъ, искала своего спасенія въ заговорщикахъ. Послѣдніе, не встрѣтивъ въ народѣ сочувствія своему дѣлу, не надѣясь на успѣхъ, искали съ своей стороны опоры въ аристократіи. Какъ тѣ, такъ и другіе искали наконецъ первые примиренія. Обманутая Антоніемъ, опутанная его сѣтями, аристократія отдалась Октавіану. Все историческое значеніе Антонія состояло въ томъ, что онъ явился представителемъ порядка вещей, противнаго преданіямъ римской республики и завѣщаннаго Суллой, Помпеемъ и Цезаремъ. Испуганная аристократія предложила союзъ наслѣднику Цезаря, и въ надеждѣ сломить Антонія укрѣпила на свою

же голову Октавіана. Въ борьбѣ съ Антоніемъ Октавіанъ окрѣпъ, но не видя ни какого расчета оставаться долѣе съ своими союзниками, соединился съ противникомъ, сломилъ республиканцевъ, — и наконецъ, когда дѣло пошло уже о личныхъ интересахъ двухъ властителей, о томъ, кому собственно владычествовать въ Римѣ, тогда Октавіанъ опять вышелъ на открытую борьбу съ Антоніемъ, результатомъ которой была битва при Акціумѣ и начало единовластія Цезаря Октавіана.

Нѣкоторое время противники не выступали открыто другъ противъ друга. Въ то время какъ Антоній ругался съ Цицерономъ и приходилъ въ бѣшенство отъ его Филиппикъ, раздавалъ самовластно провинціи и оскорблялъ безъ всякой нужды своихъ соперниковъ, Октавіанъ, съ своей стороны, безъ шуму подрывалъ силы консула. До Антонія доходили слухи, что его легіоны колеблются, что тайные агенты склоняютъ ихъ къ отпаденію. Онъ бросился въ Брундузій, чтобы удержать ихъ въ повиновеніи, казнилъ десятаго, а центуріоны были умерщвлены у него на дому, у ногъ жены его Фульвіи, забрызганной ихъ кровью. Октавіанъ проѣхалъ съ своей стороны Кампанію, Умбрію до границъ Цизалпинской Галліи, объѣхалъ кліентовъ и колоновъ отца своего, и привелъ съ собой 10,000 ветерановъ, обѣщая каждому 2000 сестерцій. Ежедневно писалъ онъ къ Цицерону и въ сенатъ, прося титула, которымъ бы могъ оправдать свои дѣйствія. Онъ умолялъ Цицерона, удалившагося послѣ своихъ Филиппикъ въ помѣстье отъ убійцъ Антонія, пріѣхать въ Римъ, взять въ свои руки правленіе и спасти еще разъ республику; онъ называлъ его отцемъ своимъ, и ослѣпилъ старика. Антоній сдѣлалъ еще одно усиліе. Онъ явился въ Римъ, и обвинилъ Октавіана въ измѣнѣ за наборъ войска. Сенатъ молчалъ, выказывалъ ему явно непріязнь, и въ то же время Антоній получилъ новое извѣстіе, что два легіона македонской арміи перешли къ его сопернику. Теперь онъ не считалъ себя безопаснымъ, и бросился въ Цизалпинскую Галлію, чтобы склонить къ отпаденію легіоны Децима Брута, стоявшаго около Модены.

Съ его отбытіемъ сенатъ вздохнулъ свободнѣе. Цицеронъ прибылъ въ Римъ, публично восхвалялъ молодаго Октавіана, хвалилъ легіоны, перешедшіе на его сторону, хвалилъ проконсула Галліи, мужественно сопротивлявшагося Антонію. Грустно читать его письма, относящіяся къ этой эпохѣ. Онъ предавался самой откровенной радости. Передъ нимъ носился уже величавый образъ стараго Рима съ сенатомъ, возвратившимъ себѣ и прежнюю власть и прежнее значеніе. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что молодой Октавіанъ останется слѣ-

нымъ орудіемъ въ его рукахъ, которое легко можно будетъ сломать,— но такимъ орудіемъ былъ самъ Цицеронъ, а никакъ не Октавіанъ.

Въ началѣ года новые консулы Гирцій и Панза, назначенные еще Цезаремъ, вступили въ должность, и сенатъ поручилъ имъ провинціи Галлію и Италію, чтобы вмѣстѣ съ Децимомъ Брутомъ сопротивляться Антонію. Брутъ и Кассій были въ Греціи. Октавіанъ получилъ пропреторство, и ему поручено было дѣйствовать также за одно съ консулами противъ Антонія. Антоній осаждалъ въ это время Децима Брута въ Моденѣ. Противъ него возстали всѣ въ Галліи и въ Италіи. Первая стычка съ отрядомъ Панзы окончилась въ пользу Антонія, но онъ долженъ былъ уступить силѣ, когда оба консула соединились, и когда Децимъ Брутъ, пользуясь бездѣйствіемъ Антонія, укрѣпившагося въ лагерѣ, сдѣлалъ вылазку и примкнулъ къ консуламъ. Антоній былъ разбитъ и удалился за Альпы. Это было его знаменитое отступленіе отъ Модены, о которомъ мы упомянули выше, гдѣ Антоній развернулъ весь свой военный талантъ. Оба консула, Гирцій и Панза, погибли, первый въ битвѣ, второй отъ раны. Носились темные слухи, что Октавіанъ приказалъ своему врачу впустить ядъ въ рану Панзы, и что Гирцій погибъ отъ подосланныхъ Октавіаномъ убійцъ, замѣшавшихся между воинами консула. Антонія не преслѣдовали; Октавіанъ допустилъ даже Вентидія удалиться къ Антонію съ двумя легіонами. Есть извѣстіе, что консулъ Панза, умирая, совѣтовалъ Октавіану примириться съ Антоніемъ [1]. Децимъ Брутъ съ своей стороны писалъ также къ Цицерону и совѣтывалъ ему остерегаться Октавіана. Когда Брутъ благодарилъ Октавіана за спасеніе, молодой Цезарь отвѣчалъ холодно, что взялся за оружіе вовсе не для Брута, но единственно съ цѣлью удержать честолюбивые замыслы Антонія.

Послѣдній удалился въ Галлію къ Лепиду и Мунацію Планку. Лепиду не было никакого расчета выдавать Антонія, и онъ принялъ его съ радостію. Здѣсь въ станѣ Лепида воины провозгласили Антонія императоромъ; сюда же привелъ свои легіоны изъ Испаніи Азиній Полліонъ; Антоній имѣлъ у себя 23 легіона, и съ такими силами онъ могъ выступить на новую борьбу.

Всѣ происки сената задержать Октавіана до прибытія въ Римъ Брута и Кассія, которыхъ сенатъ умолялъ торопиться, всѣ ласки и обѣщанія, которыми онъ старался склонить легіоны къ отпаденію, остались тщетны. До 400 ветерановъ явились вдругъ въ сенатъ депутатами отъ легіоновъ и требовали консульскаго достоинства своему мо-

[1] App. De bellis civil. lib. III, 46.

лодому вождю. Сенатъ отказалъ. «Когда вы не даете», — сказалъ одинъ изъ ветерановъ, ударивъ по своему мечу, — «такъ вотъ это сдѣлаетъ его консуломъ». Октавіанъ въ слѣдъ за тѣмъ перешелъ черезъ роковой Рубиконъ, и съ восемью легіонами подошелъ къ Риму. Нечего говорить, что всѣ его желанія, всѣ прихоти ветерановъ были выполнены. Цицеронъ удалился въ ту же ночь изъ Рима. Вмѣстѣ съ Октавіаномъ выбранъ былъ въ консулы его двоюродный братъ Квинтъ Педій. Первымъ дѣломъ новыхъ консуловъ былъ законъ Педія, по которому началось уголовное слѣдствіе противъ всѣхъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ убійства Цезаря. Назначены были судьи; преступниковъ требовали къ отвѣту и наконецъ осудили заочно. Войска Децима Брута перешли къ Октавіану; Децимъ бѣжалъ въ Галлію и былъ убитъ.

Въ ноябрѣ двинулся Антоній съ Лепидомъ и Планкомъ въ Италію; Октавіанъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу. Лепидъ вызвался быть посредникомъ. На маленькомъ островкѣ рѣки Рена, близь Болоньи, положено было начало новому тріумвирату, или лучше сказать дуумвирату, потому что Лепидъ оставался постоянно въ тѣни. Здѣсь же составлены были списки лицъ, смерть которыхъ считалась новыми тріумвирами необходимою для скрѣпленія ихъ союза. Это былъ одинъ изъ самыхъ гнусныхъ торговъ, какіе когда либо встрѣчались въ исторіи. Антоній принесъ въ жертву своего дядю, Лепидъ роднаго брата, Октавіанъ Цицерона. Первоначально число жертвъ простиралось до 17 человѣкъ, но списки безпрестанно расширялись. Люди, непричастные никакой партіи, помѣщались въ число жертвъ единственно потому, что были богаты. Во время второй проскрипціи погибло, говорятъ, до 130 сенаторовъ; но вѣроятно погибло несравненно болѣе. Легіоны сознавали свое значеніе и свою силу; они были настоящими хозяевами въ Римѣ, грабили и умерщвляли по своему произволу, а защиты ждать было не откуда. Римъ былъ завоеваннымъ городомъ; все трепетало передъ грубыми своевольными воинами, между которыми было много бѣглыхъ рабовъ и разбойниковъ. Тріумвиры молчали, смотрѣли хладнокровно на грабежъ, и ограничились только тѣмъ, что приказали консулу Планку казнить нѣсколькихъ легіонаріевъ [1]. Только въ январѣ 42 года двинулись Антоній и Октавіанъ изъ Рима на послѣднюю борьбу съ Брутомъ и Кассіемъ. Весь Западъ, кромѣ Сициліи, гдѣ сидѣлъ Секстъ Помпей, повиновался тріумвирамъ. Но весь Востокъ отъ Адріатическаго моря до границъ Египта находился въ рукахъ Брута и Кассія. Силы были почти равны, исходъ сомнителенъ, борьба могла продлиться еще долго, но здѣсь,

[1] App. ibid. IV, 35.

въ филиппійской войнѣ, говоритъ Нибуръ, видно непреоборимое господство того, что̀ древніе называли *неумолимымъ рокомъ*. Неудача слѣдовала за неудачей, все, что̀ обѣщало благопріятный исходъ, оканчивалось несчастіемъ. Люди, природа, все повидимому сговорилось на погибель послѣднихъ поборниковъ древняго Рима. Даже въ самой битвѣ видно какое-то неумолимое преслѣдованіе судьбы. Брутъ разбилъ на голову правое крыло тріумвировъ, гдѣ начальствовалъ Октавіанъ, и взялъ лагерь. Центръ войска тріумвировъ стоялъ твердо, и Кассій, не зная о положеніи дѣла, видя стройные ряды противниковъ, ослабленный уже натискомъ Антонія, полагалъ, что они разбиты. Онъ послалъ справиться; не получая долго отвѣта и полагая, что все погибло, Кассій лишилъ себя жизни.

Двадцать дней прошло между первою и второю битвой. Брутъ упалъ духомъ, его легіоны не дрались уже съ такою храбростью, какъ въ первый разъ; онъ былъ разбитъ, бѣжалъ съ небольшею горстью людей, и бросился на свой мечь.

Его войска перешли къ побѣдителямъ, большая часть его приверженцевъ изъ аристократическихъ фамилій лишили себя жизни; немногіе воротились тайкомъ въ Италію, большею частію молодые люди, неопасные тріумвирамъ, въ числѣ ихъ и молодой Горацій.

II.

Чертогъ сіялъ, гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукахъ флейтъ и лиръ.
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.

Въ началѣ предыдущей главы мы уже сказали, что Антоній остался въ Азіи для сбора контрибуцій съ городовъ, принявшихъ сторону Брута и Кассія. Опасность миновалась, война кончилась, Антоній предался снова буйной жизни. Малоазійскіе Греки знали его привычки и слабости. Его приняли въ Эфесѣ съ торжествомъ, и чествовали какъ бога Бакха. Они думали смягчить тріумвира, избѣжать налоговъ, но напрасно. Несчастная Малая Азія была во мнѣніи тогдашнихъ властителей неисчерпаемымъ источникомъ; ни одна страна не платила столько, и ни одна страна не оправлялась такъ скоро отъ тяжкаго посѣщенія такихъ гостей, каковы были римскіе правители и ихъ легіоны.

Двѣсти тысячь талантовъ уплатила Азія Антонію, но все это разошлось по рукамъ его подчиненныхъ, и онъ требовалъ пополнить недостачу. «Ежели ты съ насъ хочешь брать два раза въ годъ подати, то сотвори же намъ два лѣта и двѣ осени», сказалъ ему Гибрій [1]. Около него толпились азіатскіе властители, посланники городовъ, одни просили новыхъ земель, другіе подтвержденія ихъ старинныхъ правъ и вольностей. Конечно все это стоило денегъ и давало обильную жатву для Антонія и его приближенныхъ. Окруженный князьями и депутатами городовъ, ждалъ Антоній Клеопатру. Царица египетская вынуждена была принять сторону Брута и Кассія, чтобы спасти себя и свое царство: она пристала къ нимъ тѣмъ рѣшительнѣе, что надѣялась на пощаду и милость со стороны партіи Цезаря, съ которымъ была когда-то въ весьма близкихъ отношеніяхъ. Антоній потребовалъ у ней отчета въ ея дѣйствіяхъ. Клеопатра не отвѣчала, не прислала даже пословъ. Антоній оскорбился, и отправилъ немедленно Квинта Деллія потребовать царицу къ отвѣту въ Тарсъ, въ Киликію.

Антоній сидѣлъ въ Тарсѣ на городской площади, какъ вдругъ пронесся слухъ, что Афродита Анадіомена прибыла въ великолѣпной галерѣ посѣтить Бакха. По рѣкѣ Кидну плыла дѣйствительно галера съ позлащенною кормой, съ пурпуровыми парусами; весла ударяли въ тактъ подъ звуки флейтъ и лиръ; царица въ одеждѣ Афродиты лежала подъ золототканнымъ балдахиномъ, окруженная прекрасными дѣтьми, въ одеждѣ Амуровъ, и дѣвами, представлявшими Грацій и Нереидъ, которыя сидѣли у кормила и снастей; съ галеры несся дымъ отъ куреній, наполнившій благовоніемъ оба берега Кидна. Любопытная толпа оставила площадь и бросилась къ рѣкѣ смотрѣть на дивную галеру, и тріумвиръ остался на площади одинъ съ своими Римлянами [2]. Клеопатра не пошла даже къ тріумвиру; она пригласила его къ себѣ на пиршество, послѣ котораго повелителемъ вышелъ уже не Антоній, а Клеопатра. Она знала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; слухи о жизни Антонія доходили до нея. Клеопатра знала его слабыя стороны, и соображаясь съ ними, царица повела планъ аттаки. Къ тому же она не съ нимъ первымъ имѣла дѣло изъ Римлянъ; Цезарь также не ушелъ отъ ея сѣтей.

Со времени перваго свиданія въ Тарсѣ, Клеопатра была злымъ геніемъ Антонія; всѣ его ошибки, всѣ его неудачи крылись въ этой несчастной и пагубной для него любви [3]. Но здѣсь же высказывает-

[1] Plut. Ant. 23.
[2] Plut. Ant. 26.
[3] Fatale monstrum называетъ ее Горацій. Od. 1, 37. Seneca ep. 83.

ся ярче всего характеръ Антонія. Это была дѣйствительно натура по преимуществу страстная; эта натура умѣла привязаться безкорыстно и сильно; онъ забылъ для своей любви и честолюбіе и выгоды, онъ забылъ Октавіана, забылъ Римъ, онъ не видѣлъ, не зналъ, не хотѣлъ ничего знать кромѣ дивной царицы, — и что̀ же Клеопатра? — Она продала его, какъ низкая рабыня; она съ самаго перваго свиданія смотрѣла на него, какъ на средство; она шла на встрѣчу его объятіямъ изъ эгоисма; не любви искала Клеопатра — на это ея натура не была способна, — и каждое лобзаніе стоило Антонію новыхъ жертвъ и новыхъ обѣщаній. Это была вполнѣ натура гетеры, какихъ мы встрѣчаемъ въ Греціи въ эпоху діадоховъ, и въ описываемую нами эпоху.

Но оставя въ сторонѣ ея отношенія къ Антонію, Клеопатра была женщина замѣчательная въ своемъ родѣ. Мы имѣемъ положительныя извѣстія, что она была не хороша собой; это подтверждается монетами съ ея изображеніемъ, дошедшими до насъ; но въ этой женщинѣ было столько увлекательнаго, она обладала такимъ даромъ очаровывать, что трудно было устоять противъ нея, и каждый поддавался невольно ея обаянію. Ея вкрадчивыя рѣчи, ея страстный взоръ, кокетливая и обольстительная игра глазъ, неподражаемая грація въ каждомъ движеніи очаровывали всѣхъ невольно; прибавимъ къ этому еще, что она обладала необыкновеннымъ даромъ поддерживать вспыхнувшую разъ страсть всѣми возможными средствами, какія только имѣетъ въ рукахъ ловкая, умная и кокетливая женщина, чтобы удержать при себѣ любовника и опутать его все сильнѣе и сильнѣе своими сѣтями. Все въ ней и около нея дышало сладострастіемъ: соблазнительная и великолѣпная одежда, окружающій ее рой прекрасныхъ женщинъ, ея умѣнье разнообразить бесѣду и переходить отъ наслажденія къ наслажденію, чтобы не давать очарованному ею человѣку придти въ себя и поддерживать его въ безпрестанномъ чаду, заставлять его ждать безпрестанно новыхъ наслажденій и разжигать его страсть, ловко отклоняя пламенно-желаемую минуту наслажденія и побѣды. Это была сверхъ того женщина съ превосходнымъ образованіемъ, женщина гордая, не забывавшая ни на минуту своего положенія; ея щедрость и богатые дары склонили на ея сторону друзей Антонія; она давно уже знала Римлянъ, и приковавъ къ себѣ Антонія, успѣла обратить въ свое орудіе и его приближенныхъ.

Но не любовь тянула ее къ Антонію. Связь ея съ нимъ была единственно дѣломъ расчета и честолюбія. Она точно также отдалась и Цезарю. Когда Антоній, усыпленный подъ ея обаяніемъ, потерялъ

энергію, она первая его предала, надѣясь повторить въ третій разъ ту же роль съ Октавіаномъ. Чего она добивалась, чѣмъ ограничивалось ея честолюбіе, рѣшить трудно. Извѣстно намъ, что она добивалась брака съ Цезаремъ, когда послѣдній думалъ о царской діадемѣ; она ожидала можетъ-быть того же отъ Антонія. Быть царицей вѣчнаго Рима льстило гордой душѣ послѣдней отрасли великаго Птолемея.

Птолемей Авлетъ, вѣрный союзникъ Помпея, оставилъ послѣ себя двухъ дочерей, Клеопатру и Арсиною, и двухъ малолѣтныхъ сыновей. По завѣщанію отца старшій изъ нихъ долженъ былъ, слѣдуя обычаю македоно-египетскаго двора, жениться на старшей своей сестрѣ Клеопатрѣ и, вмѣстѣ съ нею царствовать въ Египтѣ. Завѣщаніе было нарушено молодымъ Птолемеемъ, по наущенію трехъ его приближенныхъ, дядьки Ѳеодата, эвнуха Фотина и полководца Ахилла. Клеопатра спаслась и бѣжала въ Сирію, гдѣ около нея собрались приверженцы и часть войска. Птолемей собрался противъ сестры и расположился лагеремъ около Пелусія. Это было въ то самое время, когда гонимый Цезаремъ Помпей приближался къ берегамъ Египта. Извѣстно, что Помпей былъ убитъ по приказанію Птолемея, или вѣрнѣе его совѣтниковъ, надѣявшихся заслужить благодарность Цезаря и привлечь его на сторону молодаго царя. Цезарь вступилъ въ Александрію съ самымъ ничтожнымъ отрядомъ. Остальныя войска должны были слѣдовать за нимъ немедленно, но опоздали. Въ Александріи начались безпокойства; тѣ же самые люди, которые умертвили Помпея, готовили такую же участь Цезарю, видя незначительныя силы, окружавшія диктатора. Цезарь вызвалъ изъ Сиріи Клеопатру. Она пробралась тайкомъ ко двору съ своимъ вѣрнымъ слугой Аполлодоромъ. Это было первое ея свиданіе съ Цезаремъ, и съ этого времени началась связь, продолжавшаяся до смерти диктатора. Цезарь помирилъ ее съ братомъ и подтвердилъ завѣщаніе ихъ отца Но такой исходъ не понравился египетскимъ вельможамъ. Вспыхнуло сильное возмущеніе, во главѣ котораго стали Фотинъ и Ахиллъ; 20,000 войска и до 300,000 разъяреннаго народонаселенія осадили царскій дворецъ, гдѣ заперся Цезарь съ 4000 воиновъ. Нѣсколько разъ пробовали Александрійцы зажечь дворецъ, но напрасно; сгорѣла только библіотека Птолемея. Гирцій, авторъ извѣстнаго описанія александрійской войны, которое долго приписывали самому Цезарю, превосходно изложилъ намъ этотъ краткій эпизодъ; борьба на улицахъ была жестокая; но и съ ничтожными силами Цезарь не только удержался, но раззорилъ входъ въ гавань, занялъ островъ Фаросъ и держался здѣсь до тѣхъ поръ, покуда не получилъ подкрѣпленій; тогда онъ подавилъ окон-

чательно возмущеніе. Птолемей погибъ случайно въ Нилѣ, и Цезарь провозгласилъ Клеопатру царицей Египта. Три мѣсяца пробылъ онъ въ Египтѣ съ очаровательною царицей, и плодомъ этой страсти былъ сынъ Цезаріонъ, котораго ожидала горькая судьба. Несчастный отрокъ былъ казненъ въ послѣдствіи по приказанію Октавіана.

Дѣла на Востокѣ вызвали Цезаря изъ Александріи, но разлука съ Клеопатрой была кратковременна. На слѣдующій годъ царица прибыла въ Римъ. Клеопатру сопровождали младшій братъ ея Птолемей и блестящая свита, тѣмъ болѣе что она прибыла въ Римъ какъ независимая царица, подъ предлогомъ искать союза съ римскою республикой. Она остановилась съ садахъ Цезаря за Тибромъ; ея изображеніе велѣно было поставить въ храмѣ Венеры-Родительницы (Venus genitrix); и она и братъ ея были приняты въ число друзей и союзниковъ народа римскаго.

Она ни мало не скрывала своихъ плановъ, и вела себя какъ настоящая царица Рима. Она надѣялась на бракъ съ Цезаремъ; походъ на Парѳянъ, куда онъ собирался, ласкалъ ее надеждою, что на Востокѣ ея планы сбудутся скорѣе и вѣрнѣе. Что Цезарь былъ согласенъ на этотъ бракъ, это весьма вѣроятно. Послѣ него остался проектъ закона, которымъ разрѣшалось ему имѣть нѣсколько женъ, чтобы не остаться безъ наслѣдниковъ. Высокомѣріе Клеопатры оскорбляло римскихъ патриціевъ; но дѣлать было нечего, и первые сановники республики унижались передъ египетскою царицей, и молча сносили всѣ оскорбленія отъ нея и ея свиты. Мы знаемъ, что даже Цицеронъ счелъ за долгъ посѣтить царицу, хотя глубоко былъ оскорбленъ ея пребываніемъ. Онъ посѣтилъ ее подъ благовиднымъ предлогомъ, какъ литераторъ, просилъ ее сообщить нѣсколько рукописей изъ александрійской библіотеки, и получилъ согласіе; но Цицеронъ глубоко былъ оскорбленъ надменнымъ пріемомъ ея и наглостью ея свиты. «Я не могу вспомнить безъ досады (пишетъ онъ къ Аттику) надменности царицы, когда жила она въ садахъ за Тибромъ [1]».

Смерть Цезаря разстроила всѣ планы Клеопатры. Она пробыла еще нѣсколько недѣль въ Римѣ, выжидая результата новаго переворота, но когда дѣла стали запутываться, она поспѣшила оставить Римъ и удалилась въ Египетъ. «Бѣгство царицы мнѣ вовсе не въ тягость», пишетъ Цицеронъ Аттику. Видно онъ долго не могъ переварить ея пріема [2].

[1] Epist. ad Attic. 15, 15.
[2] Ibid.

Клеопатра и Антоній не долго пробыли вмѣстѣ; она уѣхала въ Египетъ, Антоній остался въ Азіи докончить сборы съ городовъ, обѣщая провести зиму въ Египтѣ. Его манила Пальмира, богатый торговый городъ, центръ сирійской торговли; онъ выслалъ свою конницу на грабежъ, но жители спаслись съ сокровищами за Эвфратъ, и Антоній остался съ пустыми руками. Мы не станемъ слѣдовать за его походами изъ города въ городъ; довольно сказать одно, что для Рима его походъ не имѣлъ никакой существенной пользы. Сокровища, имъ награбленныя, не обогатили государственной казны; они были проматаны Антоніемъ, или разошлись по рукамъ его полководцевъ и воиновъ. Воспользовалась этимъ временемъ и Клеопатра. По ея желанію погибли сестра ея Арсиноя и Лже-Птолемей; остальные враги ея или покорились, или подверглись той же участи; династы азійскіе должны были признать первенство царицы египетской, опиравшейся на римскаго тріумвира. Настало наконецъ желанное время зимы. Антоній оставилъ своимъ намѣстникомъ въ Сиріи Люція Децидія Саксу, своего друга, родомъ Испанца, получившаго отъ Цезаря римское гражданство, и уѣхалъ къ Клеопатрѣ.

Здѣсь забыто было все, и Римъ, и Октавіанъ, и Востокъ. Не римскаго тріумвира видѣли въ немъ Александрійцы, не полководца — все было сброшено Антоніемъ для Клеопатры. Въ греческой одеждѣ, въ бѣлыхъ аттическихъ башмакахъ, посѣщалъ онъ храмы, гимнасіи и школы философовъ. Царица опьяняла его непрерывными удовольствіями, не давала ему ни на минуту опомниться; не отпускала отъ себя ни на шагъ. Она участвовала во всѣхъ пирахъ, сопровождала его на охоту, на рыбную ловлю, играла съ нимъ въ кости, подъ часъ журила его какъ избалованное дитя за площадныя солдатскія шутки, которыя позволялъ себѣ за пиршествами Антоній, и потомъ снова преклонялась передъ нимъ какъ данница мощнаго тріумвира. Такъ протекла зима съ 41 на 40 годъ. Антоній пробылъ бы и долѣе въ Египтѣ, но дѣла въ Италіи требовали необходимо его присутствія. Ему давно пора было оставить Египетъ, давно уже звали его въ Италію письма жены Фульвіи и друзей. Онъ до сихъ поръ медлилъ, и двинулся, когда Фульвія явилась въ Грецію почти изгнанницей. Послѣдняя была главною виновницей новыхъ волненій и новыхъ кровопролитій, постигнувшихъ и безъ того уже измученную, опустошенную Италію. Мы говоримъ здѣсь объ извѣстной перузинской войнѣ.

Мы сказали уже, что въ то самое время, когда Антоній отправился на Востокъ, Октавіанъ повелъ легіоны свои въ Италію для надѣленія ихъ помѣстьями и землями. Римскій солдатъ, сознавая свое зна-

ченіе въ настоящее время, сталъ требователенъ; наглость и дерзость легіоновъ мало чѣмъ уступала наглости преторіанскихъ когортъ перваго и втораго вѣка по Р. Х. Октавіанъ долженъ былъ обѣщать имъ лучшія и самыя цвѣтущія колоніи и муниципіи Италіи. Количество дарованныхъ имъ земель превосходило всѣ бывшія доселѣ раздачи. Простой солдатъ получилъ отъ 50—100 югеровъ, центуріонъ двойное, трибунъ тройное количество земли. У гражданъ отбирались зелми, и отдавались солдатамъ. Въ числѣ изгнанныхъ владѣльцевъ было много ветерановъ, были потомки ветерановъ Суллы. Неудовольствіе росло съ каждымъ днемъ, и обиженные ждали и искали только человѣка, который бы рѣшился стать во главѣ ихъ. Они нашли его въ лицѣ Фульвіи, супруги Антонія.

Это была личность замѣчательная въ своемъ родѣ, характеръ вполнѣ соотвѣтствовавшій эпохѣ, гдѣ были подкопаны всѣ нравственныя начала, и человѣкъ не уважалъ и не хотѣлъ знать ничего кромѣ самого себя, гдѣ все дѣлалось подъ вліяніемъ страстей политическихъ, а эгоисмъ грубый и грязный замѣнялъ всякое убѣжденіе. «Въ Фульвіи (говоритъ Веллей) одно только тѣло напоминало женщину». Она даже часто одѣвалась по мужски, носила броню, выѣзжала къ войску и разсылала приказанія [1]. Это была женщина злая, жестокая, жадная къ стяжанію, мстительная. Большая часть злодѣйствъ и грабежа, приписываемыхъ Антонію, совершены были ею. Мы знаемъ, что она торговала бумагами Цезаря; богатые Римляне, погибшіе въ Римѣ послѣ смерти Цезаря и во время проскрипцій втораго тріумвирата, погибли по большой части безъ вѣдома Антонія. Когда къ нему принесли разъ голову одного сенатора, онъ сказалъ, что ему этотъ человѣкъ неизвѣстенъ, и отослалъ убійцъ справиться у Фульвіи. Мы упомянули выше, какъ въ ея присутствіи совершено было убійство центуріоновъ возмутившихся легіоновъ; она свирѣпствовала хладнокровно, какъ Октавіанъ, и издѣвалась надъ умерщвленными врагами. Но никого не преслѣдовала она такъ своей злобой, и никто съ своей стороны такъ не ненавидѣлъ ее, какъ Цицеронъ. Не за одного Антонія желала она ему отомстить; вражда къ Цицерону началась гораздо раньше, еще при жизни ея перваго мужа Клодія, заклятаго врага Цицерона. Когда ей принесли голову стараго оратора, она, говоритъ Діонъ, въ своей радости похожа была на дикаго звѣря, терзающаго охотника. Извѣстно, что она не могла владѣть собою отъ радости, и проколола булавкой языкъ, не дававшій ей покою при жизни.

[1] Dio Cass. 48, 10.

Антонія любила она страстно, и до самой смерти оставалась ему непоколебимо вѣрна, хотя и въ этомъ отношеніи жизнь ея была не безъ пятенъ. Еще при жизни перваго мужа своего Клодія, она была въ тѣсной связи съ Антоніемъ, которая продолжалась и во время втораго ея супружества съ Куріономъ.

Связь Антонія съ Клеопатрой оскорбила Фульвію; ревность заставила ее искать предлога вызвать Антонія изъ Египта, и вырвать его изъ сѣтей Клеопатры. Неудовольствіе изгнанныхъ Октавіаномъ гражданъ, броженіе умовъ и ропотъ, поднявшійся почти повсемѣстно въ Италіи, пришлись Фульвіи чрезвычайно кстати. Она явилась въ Пренестѣ и объявила, что принимаетъ сторону недовольныхъ. За одно съ нею дѣйствовалъ братъ тріумвира консулъ Люцій Антоній, который былъ ея слѣпымъ орудіемъ, и Клавдій Неронъ, супругъ Ливіи, въ послѣдствіи жены Октавіана. Нерѣшительность и бездарность начальниковъ возстанія были причиной неудачи. Одна Фульвія показала себя здѣсь мужественною, но что̀ же могла сдѣлать женщина? Римскіе легіоны не привыкли еще къ такимъ начальникамъ. Октавіанъ обратился къ своимъ ветеранамъ, отдалъ на судъ ихъ все дѣло, явился передъ ихъ судилище, говорилъ въ пользу тріумвира Антонія, обвинялъ одного его брата и изъявилъ полную готовность примириться съ Фульвіей. Это имѣло желанное дѣйствіе; легіоны, изъ числа которыхъ два, прельщенные обѣщаніями Фульвіи, готовы были уже перейти на сторону противниковъ, остались ему вѣрны, противники были правда численно сильнѣе, но ихъ войско состояло изъ новобранцевъ, а легіоны Октавіана изъ ветерановъ. Ему удалось отрѣзать Люція Антонія отъ союзниковъ, и окружить такъ, что послѣднему не оставалось другаго выхода, какъ запереться въ Перузіи. Они держались долго, но ужасный голодъ, вошедшій даже въ пословицу (fames perusina), и отсутствіе всякаго извѣстія отъ Марка Антонія, котораго они звали на выручку, принудили ихъ вступить въ переговоры. Октавіанъ примирился съ Люціемъ Антоніемъ и Фульвіей, которая удалилась въ Грецію, а легіоны перешли къ Октавіану. Пострадали одни горожане, да знатные Римляне, участвовавшіе въ возстаніи. До 300 человѣкъ было казнено у алтаря Юліева; городъ раззоренъ и сожженъ.

Антоній былъ въ Тирѣ, гдѣ готовился къ походу на Парѳянъ, сильно безпокоившихъ Малую Азію и Сирію, когда получилъ извѣстіе о сдачѣ Перузіи и о бѣгствѣ своихъ друзей. Теперь только онъ понялъ всю опасность. Медлить было нечего. Онъ собрался въ Италію, оставивъ въ Сиріи для защиты ея отъ Парѳянъ Вентидія. Въ Аѳинахъ встрѣтились супруги. Свиданіе ихъ было не радостное; оба осыпали

другъ друга упреками, она за Клеопатру, Антоній за безумную войну и безразсудное поведеніе жены. Занятіе Галліи Октавіаномъ еще болѣе ускорило его отъѣздъ. Фульвія осталась въ Сикіонѣ. Антоній обошелся съ ней передъ отъѣздомъ грубо, и уѣхалъ, не видавшись съ ней. Ревность, досада и оскорбленная любовь сокрушили ея здоровье. Она умерла вскорѣ послѣ его отъѣзда.

Антоній прибылъ въ Брундузій, осадилъ его, и заключилъ союзъ съ Секстомъ Помпеемъ. Снова грозила буря Италіи, и предвѣщала новыя смятенія, новую жестокую междуусобную войну. Но гроза промчалась мимо. Легіоны не допустили до разрыва и требовали примиренія двухъ полководцевъ. Кокцей Нерва велъ переговоры, уговорилъ Антонія разорвать невѣрный союзъ съ Помпеемъ. Полліонъ и Меценатъ довершили окончательно примиреніе. Римскій міръ раздѣленъ былъ на двѣ половины. Западная выпала на долю Октавіану, восточная Антонію. Замѣчательно, какъ рано и какъ давно уже чувствовалась потребность въ такомъ дѣленіи, и какъ много прошло времени, прежде нежели эта идея осуществилась окончательно при дѣтяхъ Ѳеодосія. Поразительный примѣръ, какъ медленно созрѣваетъ всякое великое историческое явленіе, и какъ, не смотря ни на какія препятствія, идея беретъ свое, доказывая безпрестанно все ничтожество человѣческихъ усилій удержать неопровержимые законы исторіи!

Чтобы еще сильнѣе скрѣпить союзъ двухъ тріумвировъ, друзья ихъ устроили бракъ Антонія съ сестрой Октавіана, Октавіей, вдовой Каія Марцелла. Третій тріумвиръ Лепидъ получилъ Африку, но это было сдѣлано единственно для того, чтобы не черезъ чуръ уже сильно оскорбить его. Значенія человѣкъ этотъ не имѣлъ никакого.—Сицилія, острова и Средиземное море находились все еще въ рукахъ младшаго сына Помпея, Секста.

Неизлишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ объ этой личности, игравшей не послѣднюю роль въ описываемую нами эпоху. Послѣ сраженія при Мундѣ Секстъ Помпей скрылся около Кордовы, въ землѣ Лацетанцевъ [1], и жилъ нѣсколько времени съ малыми остатками своихъ приверженцевъ буквально грабежемъ. Скоро собралось около него много недовольныхъ; онъ нашелъ помощь у Цельтиберовъ, которые никогда не могли привыкнуть къ римскому владычеству, перешелъ въ Бетику, и началъ военныя дѣйствія. Цезарь послалъ противъ него К. Коринна, пропретора Испаніи, но безуспѣшно, потомъ Азинія Полліона. Между тѣмъ силы Помпея росли безпрестанно; его лагерь

1 Dio Cass. 45. 10.

наполнялся недовольными ветеранами его отца. Въ самый годъ смерти Цезаря разбилъ онъ на голову Азинія Полліона, принялъ титулъ императора и господствовалъ надъ всей Бетикой и частью Испаніи Тарраконской. Во время всеобщаго примиренія, послѣ смерти Цезаря, сенатъ вызывалъ Помпея вмѣстѣ съ прочими. Ему хотѣли возвратить отцовское наслѣдство и дать начальство надъ морскими силами (imperium orae maritimae). Сомнѣвался ли онъ въ успѣхѣ или не вѣрилъ въ обѣщанія — только онъ не явился на зовъ и былъ въ числѣ прочихъ враговъ Цезаря осужденъ заочно, въ силу закона консула Педія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ попалъ на проскрипціонный листъ, потому что ни Антоній, ни Фульвія не имѣли желанія разстаться съ конфискованнымъ имѣніемъ Помпея, перешедшимъ по большей части къ нимъ. Его спасъ флотъ, многочисленный и состоявшій изъ моряковъ, неустрашимыхъ, искусныхъ. Большая часть ихъ были потомки морскихъ разбойниковъ, которыхъ побѣдилъ его отецъ. Онъ былъ ихъ патрономъ: по азіатскому обычаю побѣжденные отдавались подъ покровительство побѣдителя. Секстъ Помпей держалъ въ страхѣ прибрежныя страны Средиземнаго моря и захватилъ Сицилію. Къ нему пристала часть флота Брута и Кассія, и средства его усиливались безпрестанно. Но напрасно будемъ мы въ немъ искать патріотисма. напрасно захотимъ встрѣтить человѣка, выступившаго съ убѣжденіемъ противъ новыхъ владыкъ. Онъ хотѣлъ быть господиномъ морей римскихъ, чтобы держать въ страхѣ Италію и тріумвировъ, но онъ не созданъ былъ для великаго дѣла, хотя вѣроятно и ему приходила мысль въ голову — захватить въ руки владычество надъ Римомъ. Это былъ, равно какъ и братъ его Кней, человѣкъ грубый, необразованный; Цицеронъ отзывается о нихъ съ презрѣніемъ. Обстоятельства окружающія сдѣлали изъ него настоящаго атамана разбойниковъ. Въ мантіи цвѣта морской воды, съ трезубцемъ въ рукахъ, разъѣзжалъ онъ по Средиземному морю или пировалъ въ Сиракусахъ, гдѣ собирался великолѣпный дворъ его, и называлъ себя сыномъ Нептуна. Его окружали рабы или вольноотпущенники; они начальствовали его эскадрами, слѣпо ему во всемъ повиновались и пріучили къ неограниченному своеволію. Онъ не терпѣлъ противорѣчій, и выходилъ изъ себя, ежели кто изъ знатныхъ Римлянъ, приставшихъ къ нему, осмѣливался высказывать свое мнѣніе и не одобрять его плановъ. Смерть Стація Мурка, рѣшившагося на такую дерзость, устрашила многихъ, и послѣ мизенскаго договора большая часть ихъ оставила Секста. Секстъ былъ храбръ, смѣлъ, но не умѣлъ пользоваться ни побѣдами своими, ни обстоятельствами. Но его сила и значеніе были все еще такъ велики, что Антоній и Октавіанъ

рѣшились вступить съ нимъ въ переговоры. Переговоры сначала разстроились, потому что Помпей хотѣлъ заступить мѣсто Лепида. Онъ началъ было снова грабежъ и забиралъ суда съ продовольствіемъ для Рима, но мать его Муція была примирительницей, и переговоры начались снова. Въ силу ихъ Секстъ получилъ Сардинію, Корсику, Сицилію и Ахаію въ провинціи и 17,500,000 драхмъ, получилъ право домогаться консульства даже въ отсутствіе свое и поручить исправленіе должности одному изъ друзей [1]. Съ своей стороны Секстъ обѣщалъ очистить моря отъ разбойниковъ, вывести свои гарнизоны изъ городовъ Италіи и отпускать изъ Сардиніи и Сициліи хлѣбъ, доставляемый обыкновенно отсюда въ Римъ. Переговоры заключились великолѣпными пиршествами. Первый угощалъ Помпей. «Гдѣ же мы будемъ пировать?» спросилъ шутя Антоній. «На моихъ Каринахъ» (in meis carinis), т. е. на моей галерѣ, отвѣчалъ Секстъ. Это было злое и колкое замѣчаніе Антонію, который владѣлъ отцовскимъ домомъ Помпея въ Римѣ, въ кварталѣ носившемъ имя Carinae. Во время самаго разгара пиршества, Менасъ, приближенный Секста, шепнулъ ему, не прикажетъ ли онъ обрѣзать канаты, чтобы въ одно мгновеніе сдѣлаться владыкой Рима. «Это слѣдовало сдѣлать, а не спрашивать меня», отвѣчалъ Секстъ; «Помпей никогда не измѣняетъ данной присягѣ». Такъ кончилось знаменитое мизенское свиданіе, но миръ продолжаться долго не могъ [2].

Въ концѣ 39-го года оставилъ Антоній Римъ. Напрасно интриговала Клеопатра, напрасно высланный ею жрецъ предвѣщалъ Антонію гибель отъ союза съ Октавіаномъ; тріумвиръ прибылъ въ Грецію съ своею супругой и прожилъ зиму въ Аѳинахъ [3]. Опять сбросилъ съ себя Антоній воинскую броню и обратился въ мирнаго Грека, предоставляя войну съ Парѳянами своимъ легатамъ. Когда Вентидій одержалъ побѣду и очистилъ почти всю Сирію, Антоній задалъ пиршество и игры, явился самъ гимнасіархомъ, и здѣсь чествовали его Бакхомъ. Уже со временъ діадоховъ привыкли Аѳиняне воздавать такія почести своимъ побѣдителямъ, хотя нерѣдко дорого приходилась имъ подобная лесть. Льстя Антонію, предложили они теперь новому Бакху жениться на покровительницѣ ихъ города Аѳинѣ. Богъ вина согласился, но съ условіемъ, чтобы Аѳиняне дали ей въ приданое 1,000,000 драхмъ. Пребываніе въ Аѳинахъ и приготовленія къ пар-

[1] Dio Cass. 48, 36.
[2] Dio Cass. 48, 38. Plut. Ant. 32.
[3] Plut. Ant. 33.

ѳянскому походу стоили Антонію много денегъ. Съ Азіи не могъ онъ получить ни денарія; она была въ рукахъ враговъ, и тяжкими налогами обременилъ Антоній и безъ того уже истощенную Ахаію, хотя по мизенскому договору она принадлежала Сексту.

Въ исходѣ зимы Антоній кончилъ свои приготовленія къ походу на Парѳянъ, но самъ не двигался изъ Греціи. Ему надо было слѣдить за ходомъ дѣлъ на Западѣ, гдѣ загоралась уже новая вражда между Помпеемъ и Октавіаномъ. Мизенскій договоръ не могъ долго держаться; его статьи были слишкомъ стѣснительны для Октавіана, ослабляли его силы и давали слишкомъ большой перевѣсъ надъ нимъ Антонію. Октавіанъ не могъ покойно господствовать въ Италіи, покуда Секстъ держалъ въ своихъ рукахъ острова и берега Средиземнаго моря. Интригамъ и жалобамъ не было конца. Октавіанъ переманилъ на свою сторону одного изъ начальниковъ Помпеевыхъ, Мена, который сдалъ ему Сардинію. Секстъ требовалъ выдачи измѣнника, Октавіанъ отказалъ и съ своей стороны упрекалъ Секста, что онъ, вопреки договору, сооружаетъ военные корабли, принимаетъ къ себѣ перебѣжчиковъ и не выводитъ гарнизоновъ изъ Италіи. Октавіанъ звалъ къ оружію двухъ остальныхъ тріумвировъ, подъ предлогомъ, что въ лицѣ его оскорбляется ихъ достоинство, но Лепидъ не желалъ оставить Африки; Антоній прибылъ правда на свиданіе въ Брундузій, но не найдя тамъ Октавіана, возвратился назадъ и совѣтывалъ въ письмѣ къ Октавіану примириться съ Секстомъ. Очевидно, что онъ внутренно радовался затруднительному положенію Октавіана, которому пришлось бороться одному съ соперникомъ; но съ другой стороны Востокъ, гдѣ его легаты вели войну съ Парѳянами, требовалъ необходимо его присутствія. Весь 37-й годъ пробылъ онъ вѣроятно въ Греціи, въ Аѳинахъ. Извѣстій объ его дѣйствіяхъ въ этомъ году нѣтъ, но мы положительно знаемъ, что его не было ни въ Египтѣ, ни въ Италіи. Весной 36-го года прибылъ къ нему Меценатъ и просилъ отъ имени Октавіана кораблей для войны съ Секстомъ. Антоній соглашался, но въ замѣнъ требовалъ легіоновъ для парѳянскаго похода. Съ 300 кораблей, въ сопровожденіи супруги Октавіи, поплылъ онъ на западъ, но какова же была его досада, когда въ Брундузіи ему заперли входъ и не впустили его кораблей, о которыхъ еще недавно просили! Октавіанъ не нуждался уже въ помощи; приготовленія его кончились; стараніями Агриппы сооруженъ былъ на Лукринскомъ и Авернскомъ озерѣ огромный флотъ, съ которымъ онъ надѣялся поправить свои неудачныя стычки съ Секстомъ, а прибытіе Антонія возбудило скорѣе подозрѣнія въ этомъ осторожномъ и недовѣрчивомъ характерѣ. Еслибы не

благородная Октавія и не ея посредничество, новая борьба вспыхнула бы непремѣнно между тріумвирами.

Въ эту печальную эпоху междуусобныхъ войнъ и политическихъ страстей, подорвавшихъ всѣ нравственныя основы римскаго быта, всѣ семейныя и общественныя добродѣтели, отрадно встрѣтить характеры, нравственное величіе которыхъ выдается надъ грязью и чернотою современнаго имъ общества. Ихъ непричастность повсемѣстному пороку и разврату предполагаетъ своего рода борьбу, своего рода силу, не менѣе достойныя сочувствія потомства, какъ и великія воинскія заслуги или трофеи побѣдные. Такіе характеры тѣмъ ближе нашему сердцу, что много падало страданій на голову ихъ, что труденъ и исполненъ терній былъ ихъ путь среди всеобщаго упадка коренныхъ нравственныхъ началъ человѣчества. Къ такимъ немногимъ характерамъ принадлежала супруга тріумвира Антонія, Октавія.

Строгая, цѣломудренная, нѣжная мать, вѣрная супруга, она напоминаетъ намъ собой великихъ матронъ древняго Рима, принимавшихъ не послѣднее участіе въ судьбахъ вѣчнаго города. Соединенная узами супружества съ Антоніемъ, она безкорыстно и безотчетно отдалась ему, не стѣсняя, не преслѣдуя его ни ревностью, ни жалобами. Она понимала шаткія отношенія Антонія къ ея брату, она всѣми силами своей прекрасной души старалась поддержать между ними согласіе, и ей можетъ быть удалось бы это, еслибы Антоній самъ не оскорблялъ на каждомъ шагу противника, и еслибы безумная страсть къ Клеопатрѣ не заставляла его дѣлать безпрестанные промахи и ошибки. Она съ одинаковою нѣжностію лелѣяла дѣтей своихъ и Фульвіи; не смотря на всѣ оскорбленія Антонія и Клеопатры, она послѣ смерти двухъ любовниковъ воспитала у себя дѣтей своей соперницы.

Октавія прибыла къ брату и умоляла его ради братской любви не начинать войны съ мужемъ; она умѣла разсѣять его подозрѣнія и добилась желаннаго свиданія двухъ соперниковъ. Свиданіе происходило на рѣкѣ Галезѣ между Тарентомъ и Метапонтомъ. Октавіанъ явился въ сопровожденіи своего войска; флотъ Антонія стоялъ невдалекѣ. Наперерывъ старались тріумвиры превзойти другъ друга во вниманіи и довѣренности. Едва отчалилъ Антоній отъ берега, какъ Октавіанъ сѣлъ также въ лодку, и выплылъ на средину рѣки. Здѣсь, послѣ дружескихъ привѣтствій, онъ упросилъ позволить ему первому посѣтить Антонія, тѣмъ болѣе, что онъ желалъ повидаться съ сестрой. Безъ всякой свиты прибылъ онъ къ Антонію, провелъ у него ночь, а на другой день Антоній отплатилъ посѣщеніе. За тѣмъ они заключили союзъ. Антоній предоставилъ зятю 100 кораблей, Октавіанъ далъ ему въ за-

мѣнъ два легіона для войны съ Парѳянами; Октавія упросила присоединить къ нимъ еще 20 кораблей и 1,000 воиновъ.

Война съ Помпеемъ и Парѳянами была рѣшена; Антоній оставилъ супругу съ дѣтьми въ Италіи, а самъ отправился въ Азію принять лично начальство надъ легіонами. Не смотря на успѣхи Вентидія, которому удалось наконецъ очистить отъ Парѳянъ восточныя провинціи Рима, врагъ этотъ былъ все еще опасенъ. Послѣ каждаго пораженія Парѳяне являлись вновь, безпокоя границы своими набѣгами. Орлы Красса были все еще въ ихъ рукахъ, и возвратить ихъ Риму льстило честолюбію Антонія. Онъ прибылъ въ Азію, чтобы лично руководить огромными приготовленіями къ походу. Но ему не слѣдовало ступать на эту роскошную, соблазнительную почву. Едва прибылъ онъ сюда, какъ уже помчался гонецъ за Клеопатрой. Антоній звалъ ее къ себѣ въ Лаодицею. Эта жизнь была продолженіемъ того же, что̀ мы видѣли въ Александріи. Присутствіе царицы замедлило походъ; ея интриги впутали его въ разбирательство мелкихъ распрей азійскихъ князьковъ, которое кончилось единственно въ пользу Клеопатры. Она получила въ подарокъ Финикію, Целесирію, островъ Кипръ, значительную часть Киликіи, часть Іудеи и часть Набатейской Аравіи, однимъ словомъ почти все побережье отъ Нила и до Тавра [1]. Большая часть этихъ странъ были римскими провинціями; на такую произвольную раздачу Антоній не имѣлъ никакого права, и она вмѣнена была ему позднѣе въ преступленіе, когда Октавіанъ искалъ законныхъ причинъ для оправданія своей войны съ зятемъ. У Антонія было 13 легіоновъ (около 60,000 пѣхоты и 10,000 конницы) и 30,000 вспомогательныхъ войскъ, приведенныхъ ему Артавездомъ царемъ Арменіи. Съ этими огромными силами шелъ онъ на Парѳянъ отмстить позоръ и гибель Красса. Дрогнулъ далекій Востокъ, до Бактріаны и Индіи пронеслись слухи о новомъ страшномъ ополченіи. Обстоятельства благопріятствовали Антонію. Смерть любимаго сына Пакора повергла царя Парѳянъ въ уныніе, онъ назначилъ своимъ преемникомъ Фраата. Фраатъ умертвилъ отца и братьевъ; многіе недовольные бѣжали къ Антонію, которому легко было кажется воспользоваться удобною минутой, — но Клеопатра была и здѣсь его злымъ геніемъ, и своимъ присутствіемъ замедляла походъ. Она проводила его до Эвфрата, гдѣ онъ переправился при Зевгмѣ, и двинулся къ сѣверовостоку въ Арменію и Мидію Атропатене. Двѣ дороги вели къ Ктесифону, столицѣ парѳскаго царства; одна кратчайшая черезъ безводныя пустыни Месопотаміи, по ко-

[1] Dio Cass. 49, 32.

торой шелъ Крассъ; другая въ 8,000 стадій (около 200 миль географическихъ) черезъ горы Арменіи и Мидіи въ Экбатану и Ктесифонъ. Не смотря на даль, послѣдній путь представлялъ болѣе удобствъ въ тактическомъ отношеніи и болѣе средствъ для продовольствія войска. Вся ошибка Антонія заключалась въ томъ, что онъ пропустилъ время и двинулся не ранѣе поздней осени, и потомъ не остался зимовать въ Арменіи, чтобы дать роздыхъ утомленнымъ легіонамъ. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ окончить походъ, о трудностяхъ котораго не имѣлъ надлежащаго понятія, и подвигался непрерывно впередъ. Онъ оставилъ свои стѣнобитныя машины подъ прикрытіемъ значительнаго отряда, потому что онѣ замедляли его путь, а самъ двинулся къ укрѣпленному городу Фраатѣ, не вдалекѣ отъ Каспія. Напрасно стоялъ онъ здѣсь; всѣ его попытки взять крѣпкій городъ кончились ничѣмъ, а между тѣмъ Парѳяне истребили оставленный позади отрядъ, и сожгли всѣ машины. Онъ бросился съ десятью легіонами на враговъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, долго ихъ преслѣдовалъ, — но когда воротился назадъ, на мѣстѣ битвы лежало не болѣе 80 парѳянскихъ труповъ, а на слѣдующее утро враги явились снова, кружились передъ Римлянами, безпокоили ихъ внезапными нападеніями, такъ что едва-едва удалось Антонію возвратиться въ свой лагерь, который также пострадалъ отъ городскихъ вылазокъ. Три легіона, оставленные для его защиты, — бѣжали. Артаваздъ оставилъ Римлянъ. Недостатокъ въ продовольствіи и стужа навели уныніе на войска. Чтобы поддержать дисциплину, Антоній казнилъ десятаго изъ бѣжавшихъ легіоновъ, остальныхъ подвергнулъ позорному наказанію — ячменной пищѣ. Но зима была въ самомъ разгарѣ, и голодная смерть грозила Римлянамъ. Антоній долженъ былъ вступить въ переговоры съ Фраатомъ. Къ счастію его, послѣдній самъ былъ не прочь отъ мира. Онъ не могъ держать въ зимнее время большаго войска; его Парѳяне не знали правильной войны. Они, какъ всѣ степныя и горныя племена, могли утомлять, безпокоить, истреблять, пожалуй, неосторожнаго врага, но къ лагерной службѣ, къ продолжительной войнѣ и открытымъ битвамъ были неспособны. Фраатъ желалъ только снятія осады съ укрѣпленной Фрааты, опасаясь, чтобы этотъ сильный городъ не попалъ въ руки Римлянамъ. Антоній потребовалъ возвращенія Крассовыхъ орловъ, но получилъ отказъ. Ему обѣщано только не тревожить отступленія. Съ досадой и горечью въ душѣ, отдалъ онъ приказъ Агенобарбу готовиться въ возвратный путь. Два дня прошли безъ тревоги, и Римляне продолжали спокойно отступленіе. На третій день показались Парѳяне, и съ этой минуты, какъ хищныя птицы, ожидающія добычи, не покидали измученныхъ легіо-

новъ. То спереди, то съ тылу, являлись они, убивая отсталыхъ, строя завалы въ горахъ, прокапывая дороги, засыпая колодцы и ручьи, уничтожая всѣ средства къ продовольствію. Стройными сомкнутыми рядами, щитъ на щитѣ подвигалось римское войско, отбиваясь отъ налетавшихъ на него враговъ. Не смотря на безпрестанныя сшибки, Римляне не потерпѣли большихъ потерь. Но опрометчивость и пылкость трибуна Флавія Галла испортили все дѣло. Съ дозволенія Антонія бросился онъ на Парѳянъ. Слѣдуя своей обыкновенной тактикѣ, они бѣжали, чтобы заманить врага, и когда Флавій бросился за ними въ погоню, они окружили его со всѣхъ сторонъ. Посланные на выручку военачальники сдѣлали непростительную ошибку тѣмъ, что вступили въ битву отдѣльными отрядами. Ихъ разбили по одиначкѣ, и только прибытіе Антонія съ третьимъ легіономъ спасло остальныхъ. Но дорого обошелся Римлянамъ этотъ день: до 3,000 убитыхъ и 5,000 раненыхъ потеряли они; Парѳяне напирали сильнѣе; самъ Фраатъ явился съ 40,000 конницы. Участь Красса ожидала, казалось, Антонія; но онъ не потерялъ присутствія духа. Мужество, дѣятельность, спокойствіе и хладнокровіе росли въ этомъ человѣкѣ, по мѣрѣ того какъ увеличивалась опасность; трудно повѣрить, чтобы это былъ тотъ самый человѣкъ, который еще недавно предавался роскошной нѣгѣ въ Лаодицеѣ подлѣ Клеопатры и нехотя шелъ въ походъ. Неутомимый въ трудахъ, неустрашимый въ битвахъ, онъ собственнымъ примѣромъ ободрялъ упавшихъ духомъ воиновъ, дѣлилъ съ ними наравнѣ всѣ лишенія и невзгоды, а вечеромъ обходилъ шатры, навѣщалъ раненыхъ и утѣшалъ ихъ. Но все медленнѣе и медленнѣе подвигалось войско; холодъ, голодъ мучили воиновъ, и замѣтно рѣдѣли легіоны. Въ отчаяніи, питались они кореньями, между которыми попадались нерѣдко ядовитые; болѣзни и смертность усиливались, и невольно пришло на памятъ Антонію Ксенофонтово отступленіе. «О десять тысячь! десять тысячь!» восклицалъ онъ, печально глядя на поле, усѣянное трупами его воиновъ. Были минуты, когда Антоній приходилъ въ отчаяніе и думалъ о смерти. Онъ приказалъ своему отпущеннику Рамну лишить его по первому знаку жизни, и избавить отъ позорнаго плѣна. Послѣ двадцатисемидневнаго пути, въ продолженіе котораго Римляне выдержали 27 битвъ, они переправились наконецъ чрезъ Араксъ, границу Мидіи и Арменіи. Римляне потеряли до 20,000 пѣхоты и 4,000 всадниковъ. Въ Арменіи нашли они въ изобиліи продовольствіе, но оставались здѣсь недолго. Антонію не терпѣлось; онъ спѣшилъ въ Сирію къ Клеопатрѣ, и не смотря на суровое зимнее время, пошелъ по снѣжнымъ горамъ восточной части Малой Азіи, гдѣ лишился еще 8,000

воиновъ отсталыми и больными. Въ Левкокомѣ ожидалъ онъ Клеопатру. Она прибыла, и все было забыто. Отъ имени ея роздалъ онъ войску одежду, подарилъ каждому воину по 35 денаріевъ, и одарилъ начальниковъ; но всѣ деньги были собраны съ провинцій, или даны его друзьями. Клеопатра увезла его съ собой въ Египетъ [1].

Въ то самое время, когда Антоній бѣжалъ отъ стрѣлъ пареянскихъ, Октавіанъ оканчивалъ блистательно свои дѣла на Западѣ. Агриппѣ удалось окончательно разбить Секста Помпея и выгнать его изъ Сициліи. Секстъ бѣжалъ съ остатками своего флота, грабя по дорогѣ города и храмы, и присталъ къ Митиленѣ. Надѣясь на свое громкое имя, пользуясь отсутствіемъ Антонія и его неудачами, Помпей задумалъ покорить себѣ Малую Азію и начать снова прежнюю жизнь; — но мы уже замѣтили разъ, что въ этомъ человѣкѣ не было ни большихъ дарованій, ни умѣнья пользоваться обстоятельствами и людьми. Одной дерзости и храбрости было мало, чтобы привести въ дѣйствіе обширный и смѣлый планъ. Онъ былъ схваченъ и казненъ по приказанію Тація, одного изъ Антоніевыхъ начальниковъ въ Азіи.

Октавіанъ былъ теперь единственнымъ владыкой Запада; Лепидъ окончилъ свою роль. Онъ вздумалъ было оспаривать у Октавіана Сицилію; но его презирали одинаково и враги и собственные воины. По первому вызову Октавіана легіоны Лепида перешли къ нему. Лепиду приказано было жить въ Цирцеѣ близь Понтинскихъ болотъ, гдѣ онъ и окончилъ свою жизнь съ громкимъ титуломъ великаго жреца.

Миръ и дружба съ Антоніемъ были по видимому непоколебимы. Октавіанъ старался правда тихомолкомъ разпространять въ народѣ слухи о несчастномъ окончаніи пареянскаго похода, но въ сенатѣ и публично онъ показывалъ видъ, что вполнѣ вѣритъ донесеніямъ Антонія, и давалъ великолѣпные пиры въ честь зятя и его побѣдъ [2]. Во время игръ въ циркѣ, которыя далъ Октавіанъ народу въ ознаменованіе своей побѣды надъ Секстомъ, онъ приказалъ выставить подлѣ ораторской трибуны въ честь Антонія тріумфальную колесницу съ курульнымъ кресломъ, и поставилъ его статую въ храмѣ Согласія; но въ то же самое время не упускалъ удобнаго случая выставлять дѣйствія противника съ невыгодной сторы. Уменьшеніе податей, облегченіе участи народной заставляли невольно предполагать, что главной причиной гнета былъ до сихъ поръ Антоній, а не наслѣдникъ Цезаря.

Не такъ думала сестра его Октавія. При первомъ извѣстіи о воз-

[1] App. Hist. Romanor. Parthica. pag. 275—287. editio stereotypa.
[2] Dio Cass. 49, 32.

вращеніи Антонія, она просила у брата позволенія ѣхать къ мужу. Октавіанъ не противился. Онъ предвидѣлъ результатъ свиданія, и самъ внутренно желалъ его, чтобы въ случаѣ разрыва имѣть еще болѣе права на вражду съ Антоніемъ. Октавія везла съ собой деньги, одежду для воиновъ, вьючной скотъ, богатые подарки для друзей его и вела 2,000 воиновъ въ богатомъ вооруженіи преторіанскихъ когортъ. Въ Аѳинахъ нашла она письмо Антонія съ приказаніемъ возвратиться назадъ въ Римъ. Съ грустью покорилась бѣдная велѣнію супруга, и переслала ему съ Нигеромъ войско и вещи. Октавіанъ настаивалъ, чтобы она выѣхала изъ дому недостойнаго супруга, — но тщетно. Октавія осталась, лелѣяла дѣтей Антонія, поддерживала друзей мужа и всѣми силами старалась, чтобы ея супружескія отношенія не имѣли вліянія на дѣла политическія.

Антоній не позволилъ ей ѣхать далѣе подъ предлогомъ, что онъ готовится къ новому походу; но это не такъ скоро состоялось. Изъ боязни, что появленіе Октавіи можетъ отвлечь отъ нея Антонія, Клеопатра употребила всѣ средства, чтобы отклонить свиданіе. Комедія слѣдовала за комедіей. Она впала, повидимому, въ глубокую печаль и тоску; казалось, жизнь наскучила царицѣ; ничто не могло ее развлечь; она напугала Антонія и тѣмъ еще у́же стянула цѣпи, приковывавшія его къ ней. Антоній провелъ этотъ годъ въ Александріи и только на слѣдующій годъ пошелъ на Артавезда. Походъ продолжался не долго; Артавездъ сдался, и приведенъ былъ въ золотыхъ цѣпяхъ въ Александрію. Здѣсь готовилось торжество неслыханное на Востокѣ, торжество, доселѣ исключительно принадлежавшее великому Риму. До сихъ поръ полководцы и правители Рима одерживали побѣды для роднаго города; только онъ одинъ имѣлъ право воздавать величайшую воинскую почесть. Тріумфъ вдали отъ Капитолія былъ чѣмъ-то неслыханнымъ, и тѣмъ не менѣе Александрія увидѣла это торжество. Антоній въѣхалъ тріумфаторомъ въ Александрію; передъ его колесницей шелъ въ золотыхъ цѣпяхъ Артавездъ съ семействомъ. На великолѣпномъ тронѣ сидѣла Клеопатра, и ждала привѣтствія отъ царя Арменіи, но гордый царь назвалъ ее просто Клеопатрой. Послѣ великолѣпнаго пиршества созвали народъ въ гимнасій. Здѣсь сидѣла Клеопатра рядо́мъ съ Антоніемъ; нѣсколько пониже, ихъ дѣти и Цезаріонъ. Антоній повелѣлъ, чтобы съ этого времени Клеопатру звали не иначе какъ царицей царицъ, дѣтей ихъ, равно какъ и сына Цезаря Цезаріона, царями царей. Онъ провозгласилъ ее неограниченною властительницей Египта и прилежащихъ ему земель, а Цезаріона ея соправителемъ. Своимъ дѣтямъ далъ онъ: Птолемею Филадельфу Сирію

и Переднюю Азію, Клеопатрѣ область Кирены, Александру Арменію и всѣ земли отъ Эвфрата и до Инда, которыя хотѣлъ еще покорить. Въ силу такого распоряженія Птолемей являлся съ этихъ поръ не иначе какъ въ одеждѣ македонскихъ царей и съ македонскою стражей, Александръ въ одеждѣ восточныхъ владыкъ и окруженный армянскими воинами. Самъ Антоній являлся не иначе какъ въ царской одеждѣ. Этимъ почести не ограничились. Клеопатра назвала себя богиней Исидой; Антоній принялъ на себя роль Осириса и Діониса; ихъ дѣти славились Геліосомъ и Селеной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ новый Осирисъ принималъ на себя званіе гимнасіарха, руководилъ пиршествами, играми, а сановники римскіе, его окружавшіе, составляли свиту боговъ или брали на себя должность мимовъ. Александрія ликовала; жизнь была здѣсь непрерывнымъ рядомъ увеселеній. Все, что только могло усладить сердце царицы и удовлетворить ея прихотямъ, все, что только возвышало богатство и роскошь ея оргій, все то свозилось изъ Азіи и Греціи въ Александрію. Статуи, картины, храмовыя сокровища шли туда. Перенесеніе пергамской библіотеки относится къ этому же времени. Антоній забылъ, казалось, о Римѣ, забылъ о соперникѣ. Онъ присылалъ правда изрѣдка въ сенатъ донесенія, но на нихъ не обращали вниманія. По возвращеніи изъ похода онъ требовалъ, чтобы сенатъ утвердилъ всѣ его распоряженія и раздачу провинцій Клеопатрѣ. Консулы Созій и Домицій Агенобарбъ, его друзья, не рѣшились сообщить сенату этихъ безумныхъ требованій.

Десять лѣтъ продолжался миръ между тріумвирами, но какой это былъ миръ? Каждый изъ нихъ спѣшилъ устроить свои дѣла и выжидалъ только удобной минуты, чтобы выступить противъ соперника. Эта минута настала. Соперники обмѣнялись уже разъ оскорбительными письмами по поводу восточныхъ провинцій, подаренныхъ Антоніемъ Клеопатрѣ. Перваго января 32-го года консулъ Созій публично обвинилъ Октавіана отъ имени Антонія въ томъ, что онъ не подѣлился съ нимъ провинціями Секста Помпея и Лепида, и роздалъ земли своимъ легіонамъ, не позаботясь о легіонахъ Антонія. Онъ прибавилъ, что Антоній готовъ отказаться отъ власти, дарованной ему народомъ, ежели Октавіанъ поступитъ точно также. Точно такое же предложеніе было сдѣлано, какъ извѣстно, Цезаремъ передъ началомъ его борьбы съ Помпеемъ. Можно было, значитъ, ожидать одинакого результата. Октавіана не было въ Римѣ; онъ возвратился спустя нѣсколько дней изъ своихъ помѣстій, и явился въ сенатъ, окруженный воинами и друзьями. Послѣдніе несли подъ тогами кинжалы. На обвиненія консула онъ отвѣчалъ, что Антоній самъ не дѣлился съ нимъ ни чѣмъ, не награж-

далъ своихъ легіоновъ землями, завоеванными имъ на Эвфратѣ, что онъ думаетъ только объ одной Клеопатрѣ, забывая свою благородную супругу, раздаетъ Клеопатрѣ и дѣтямъ ея римскія провинціи, и позволяетъ, чтобы сынъ этой блудницы носилъ и позорилъ священное имя Цезаря.

Послѣ такихъ рѣчей, разрывъ былъ неизбѣженъ. Консулы, друзья Антонія, бѣжали; нѣсколько сенаторовъ оставили съ ними вмѣстѣ Римъ, и прибыли въ Азію къ Антонію. Обѣ стороны начали готовиться къ войнѣ; Антоній прибылъ въ Эфесъ, гдѣ назначилъ сборное мѣсто для своего флота и войска. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхала и Клеопатра. Напрасно увѣщевали его друзья удалить царицу, зная ея вліяніе на Антонія, и предвидя гибельныя послѣдствія отъ ея присутствія. Не одно участіе къ Антонію и его дѣлу заставляло ихъ говорить противъ царицы. Давно уже оскорблялись друзья и военачальники Антонія надменностью Азіатки и унизительною ролью, которую играли они передъ ней. Ее окружала римская стража, и носила на своихъ щитахъ вензель царицы; повелительницей была она, исполнителемъ ея велѣній тріумвиръ. Когда ее несли на носилкахъ, Антоній шелъ за нею пѣшкомъ вмѣстѣ съ евнухами [1]. Домицій и Планкъ требовали особенно настоятельно ея удаленія, и Антоній готовъ уже былъ склониться на ихъ желаніе, но за нее поднялъ голосъ въ военномъ совѣтѣ старикъ Канидій, подкупленный царицей [2]. Клеопатра боялась одного, что Антонія склонятъ помириться съ Октавіей, а черезъ нее и съ братомъ. Она все еще не была законной супругой тріумвира, а ея отсутствіе легко могло отвлечь отъ нея вниманіе Антонія. Канидій одержалъ верхъ, Клеопатра осталась на погибель Антонія, и переѣхала съ нимъ вмѣстѣ въ Самосъ, а оттуда въ Аѳины. Ея присутствіе замедляло всѣ воинскія приготовленія, потому что здѣсь началась точно такая же жизнь, какъ и въ Александріи. Клеопатра не хотѣла ни на минуту отпустить отъ себя Антонія. Она требовала себѣ тѣхъ же почестей, какія городъ Аѳины оказалъ Октавіи во время ея пребыванія въ первые годы замужства съ Антоніемъ. Какъ аѳинскій гражданинъ, Антоній передалъ ей согласіе города, и статую Клеопатры, возведенной въ богини, поставили въ акрополѣ [3]. Изъ Аѳинъ послалъ Антоній разводную Октавіи съ приказаніемъ выѣхать изъ его дому. Она повиновалась безпрекословно, и взяла съ собой всѣхъ дѣтей Антонія. Обѣ

[1] Dio Cass. 50, 5.
[2] Plut. Ant. 56.
[3] Plut. Ant. 57.

одномъ горевала только благородная Римлянка, что на нее могутъ указывать, какъ на единственную причину междуусобной войны. Не она одна горевала. Роптала вся Италія на новые налоги, роптали провинціи западныя, едва успѣвшія отдохнуть послѣ долгихъ тяжкихъ войнъ. Октавіанъ требовалъ пожертвованій; быстрыя приготовленія Антонія его испугали, и онъ успокоился только тогда, когда узналъ о пребываніи Антонія съ Клеопатрой въ Греціи, и когда къ нему все чаще и чаще являлись перебѣжчики изъ арміи соперника. Между ними были люди значительные: Азиній Полліонъ, Тицій и Планкъ; послѣдніе считались въ числѣ самыхъ вѣрныхъ друзей Антонія. Поступки Клеопатры, смотрѣвшей на нихъ глазами азіатской царицы, какъ на своихъ рабовъ, вывели ихъ наконецъ изъ терпѣнія. Долго крѣпился Планкъ, но когда царица заставила его взять на себя въ одной изъ процессій роль морскаго божества, выкраситься небесно-голубой краской, прицѣпить себѣ рыбій хвостъ, и надѣть на голову вѣнокъ изъ морскихъ растеній, то бывшій консулъ не вытерпѣлъ подобнаго униженія, и перешелъ къ Октавіану. Планкъ передалъ ему важную тайну, — что завѣщаніе Антонія находится въ рукахъ весталокъ. Октавіанъ взялъ его, и сообщилъ торжественно сенату всѣ мѣста наиболѣе оскорбительныя для величія Рима. Въ этомъ завѣщаніи Антоній подтверждалъ вновь, что всѣ подвластныя ему земли оставляетъ Клеопатрѣ и ея дѣтямъ; онъ признавалъ далѣе Цезаріона законнымъ сыномъ и наслѣдникомъ Цезаря, выставляя такимъ образомъ Октавіана незаконнымъ похитителемъ имѣнія и власти диктатора, и наконецъ повелѣвалъ перенести свое тѣло, гдѣ бы ни застигла его смерть, въ Александрію, и похоронить въ одной гробницѣ съ Клеопатрой. Не мудрено, что послѣ чтенія такихъ подлинныхъ актовъ, начали ходить по Риму слухи еще болѣе оскорбительные; говорили между прочимъ, что онъ подарилъ царицѣ даже самый Римъ, и хотѣлъ перенести столицу міра въ Египетъ. Друзья Антонія бросились сообщить ему, что дѣлалось въ Римѣ, и предостеречь, — но напрасно. Доступа къ нему не было; вѣсти доходили до него только чрезъ Клеопатру.

Когда приготовленія Октавіана кончились, онъ взялъ съ собой сенатскій декретъ, которымъ объявлялась война царицѣ египетской, и которымъ сенатъ отнималъ у Антонія консульское достоинство на 31-й годъ, объявивъ его неспособнымъ къ правленію и очарованнымъ любовнымъ зельемъ. Послѣдняя статья была весьма умною и расчетливою уловкой Октавіана. Объявить войну Антонію значилобы подвергнуть проскрипціи его друзей, всю его партію и войско; но Октавіанъ не хотѣлъ возстановить противъ себя 16 легіоновъ, привязанныхъ къ

Антонію. Объявленіе войны Клеопатрѣ и дозволеніе возврата всѣмъ приверженцамъ Антонія — должно было унизить Антонія въ глазахъ Римлянъ и дать ему роль второстепенную. «Мы идемъ не съ Антоніемъ драться», говорилъ Октавіанъ, — «любовное зелье свело его съ ума; мы должны наказать евнуха Мардіона, Фотина, Иру, завѣдывающую головнымъ уборомъ царицы, Харміону ея прислужницу, которыя однѣ рѣшають всѣ дѣла [1]». Въ Римѣ говорили громко, что Октавіанъ идетъ въ походъ не за свое дѣло, но въ качествѣ консула римскаго противъ варварской царицы и ея полководца. Чтобы еше болѣе придать себѣ вѣсу, Октавіанъ взялъ съ собой значительнѣйшихъ лицъ изъ сенаторскаго сословія и всадниковъ. Онъ лично взялъ на себя обязанность феціала. Въ Римѣ принимали самое живое участіе въ его дѣлѣ; дѣти играли въ войну, какъ во время междуусобной войны Цезаря съ Помпеемъ, и раздѣлялись на партіи Октавіана и Антонія [2].

Глядя на приготовленія Антонія казалось, что цѣлый Востокъ готовъ былъ двинуться на Европу; народы отъ Иллиріи и до Эвфрата, отъ Кирены и до Арменіи толпились въ лагерѣ Антонія. До двадцати царей Азіи явились къ нему лично, и привели свои войска, явились князья Ѳессаліи и Ѳракіи. Не надежна была однакожь ихъ помощь; ихъ вѣрность была прочна до первой неудачи; внутренно желали многіе несчастнаго исхода и замышляли измѣну. Оскорбляла ихъ гордость египетской царицы, за которую они должны были сражаться. Ихъ дѣти были заложниками при Клеопатрѣ, и обязаны были служить при ней наравнѣ съ ея рабами. У Антонія было до 100,000 пѣхоты и 12,000 конницы; его флотъ превосходилъ и числомъ и устройствомъ флотъ Октавіана. До 800 простиралось число кораблей; одна Клеопатра привела 200, въ томъ числѣ для самого Антонія галеру, съ пурпуровыми парусами, на которой находилась сама царица. Она привезла съ собой 20,000 талантовъ; Египетъ доставлялъ въ избыткѣ продовольствіе, — однимъ словомъ средства были у Антонія огромныя, только безпечность и неурядица погубили его. Его галеры были чудовищныхъ размѣровъ. Почти всѣ онѣ имѣли отъ 8 — 10 рядовъ веселъ, высоко стояли надъ водою и снабжены были высокими башнями. Ихъ бока, обитые толстыми досками, были непроницаемы; и трудно было противустать напору ихъ огромныхъ носовъ [3]. Но за то медленно двигались эти громады; неспособны были онѣ ни къ бы-

[1] Plut. Ant. 66.
[2] Dio Cass. 50, 8.
[3] Dio Cass. 50, 18, 19

строму натиску, ни къ бѣгству, и въ довершеніе всего оказался недостатокъ въ людяхъ. Антоній думалъ, что покуда есть въ Греціи люди, дотолѣ въ гребцахъ не будетъ недостатка. Народу пригнали много, но все таки матросовъ оказалось мало. Ихъ надо было сначала еще обучать, а времени оставалось немного. Однимъ словомъ только на легіоны, войско испытанное и ему преданное, могъ Антоній возлагать свои надежды; но онъ и этимъ не умѣлъ воспользоваться.

Октавіанъ былъ гораздо слабѣе своего противника, и сухопутнымъ войскомъ и флотомъ. Его галеры были лодки въ сравненіи съ кораблями Антонія, но за то быстро и легко скользили онѣ по волнамъ, имѣли въ достаточномъ количествѣ матросовъ, которые всѣ были опытны въ морскомъ дѣлѣ и имѣли неограниченное довѣріе къ Агриппѣ, творцу и предводителю флота. Сборнымъ мѣстомъ былъ Брундузій. Отсюда вышелъ весною Агриппа съ флотомъ на рекогносцировку, высматривалъ положеніе непріятельскихъ войскъ, и пока Антоній медлилъ въ Патрѣ, онъ успѣлъ отрѣзать подвозы изъ Египта и Азіи и взять Меѳону въ Мессеніи. Вслѣдъ за нимъ двинулся и Октавіанъ, взялъ по дорогѣ Коркиру, оставленную Антоніемъ безъ защиты, хотя этотъ островъ былъ ключемъ къ Греціи, поплылъ въ Эпиръ и расположился на эпирскомъ берегу напротивъ Акціума, нѣсколько къ сѣверу отъ Амбракійскаго-залива, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣдствіи онъ заложилъ городъ Никополь. Его появленіе и смѣлые маневры Агриппы изумили противниковъ. Въ заливѣ стояла часть флота Антоніева, и защищала входъ. Антоній послалъ туда тотчасъ же остальную часть флота и сухопутное войско. Такимъ образомъ силы противниковъ стояли другъ противъ друга, флотъ Октавіана остался на эпирскомъ берегу, флотъ Антонія на берегу Акарнаніи, легіоны у входа въ заливъ Превезскій. Чтобы не дать Антонію времени собрать всѣ свои силы, Октавіанъ хотѣлъ, не дожидаясь возвращенія Агриппы, дать битву; но Антоній не поддавался, сшибки происходили безпрестанныя, рѣшительной битвы не было. Антоній ожидалъ своей конницы изъ Ѳессаліи и Македоніи, но она была разбита; самъ Антоній едва не погибъ во время разъѣзда отъ непріятельской засады. Къ этимъ мелкимъ неудачамъ присоединилась измѣна. Присутствіе Клеопатры подвергало безпрестанно новымъ оскорбленіямъ его военачальниковъ. Даже его вѣрный другъ Домицій Агенобарбъ перешелъ къ Октавіану. Антоній палъ духомъ, и понимая причину измѣны, въ первый разъ началъ подозрѣвать въ измѣнѣ и Клеопатру. Пытки и казни начались снова; онъ приказалъ царицѣ пробовать всѣ яства, подаваемыя на столъ, но это недовѣріе продолжалось не долго; Клеопатра скоро

взяла надъ нимъ прежнюю власть. Ко всему этому присоединился недостатокъ въ продовольствіи; истощеніе Греціи и удачныя предпріятія Агриппы были главною тому причиною: общій голосъ и легіоновъ и друзей требовалъ удалиться во Ѳракію или Македонію, чтобы получить изъ Азіи продовольствіе и подкрѣпленіе, или наконецъ покончить дѣло рѣшительною битвой. Легіоны громко желали и требовали сухопутной битвы; даже Канидій, который еще въ Эфесѣ стоялъ за царицу, совѣтывалъ втайнѣ Антонію удалить Клеопатру, и не вдаваться въ морскую битву, которая должна была очевидно кончиться въ пользу Октавіана, какъ это видно было по отдѣльнымъ сшибкамъ. Но голосъ Канидія былъ заглушенъ остальными, и желаніе Клеопатры рѣшить дѣло морской битвой — состоялось. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что царица отчаявалась въ успѣхѣ Антонія и заботилась только о своемъ спасеніи, хотѣла даже видимо угодить Октавіану и явиться передъ нимъ виновницей его побѣды. Сухопутная битва не представляла для нея никакихъ выгодъ; даже въ случаѣ успѣха Антонія, борьба не могла еще кончиться. Октавіанъ твердо рѣшился вести ее до конца. Но въ случаѣ потери сухопутной битвы Клеопатра находилась бы въ самомъ затруднительномъ положеніи; ей предстояло бы опасное и трудное бѣгство черезъ земли оскорбленныхъ ею династовъ и чрезъ провинціи, озлобленныя ея угнетеніями. Морская битва не представляла лично для нея никакихъ опасностей, и при первой неудачѣ она легко могла бѣжать съ своими кораблями въ Египетъ. Она настояла на своемъ, и морская битва была рѣшена.

Съ ропотомъ и неудовольствіемъ приняло это войско. Когда Антоній велѣлъ посадить на галеры 22,000 воиновъ, чтобы пополнить число экипажа, рѣдѣвшаго отъ болѣзней и измѣны, одинъ старый предводитель когорты, покрытый ранами, сказалъ грустнымъ голосомъ Антонію, проходившему по рядамъ: «Или ты не довѣряешь этимъ ранамъ и этому мечу, и ждешь спасенія отъ гнилой деревяшки? Оставь драться на корабляхъ Египтянамъ и Финикійцамъ, и отдай намъ землю, на которой мы привыкли побѣждать и умирать». Антоній промолчалъ. Онъ махнулъ рукой, кивнулъ головой старому, увѣщевая тѣмъ, не терять надежды. Флотъ Антонія расположился сомкнутыми линіями у входа въ портъ Акціумъ; за нимъ стояли корабли египетскіе. Четыре дня стояли флоты безъ дѣйствія. Морское волненіе и сильные вѣтры не допускали до битвы. Сентября 2-го 31-го года насталъ совершенный штиль, и корабли Антонія стояли недвижимы у входа въ проливъ до самаго полудня, ожидая нападенія. Штурмовать эту непреодолимую стѣну было невозможно, тѣмъ болѣе, что

Антоній строго запретилъ выдаваться отдѣльнымъ кораблямъ впередъ, чтобы не дать возможности непріятельскимъ судамъ врѣзаться въ середину. Его расчетъ былъ вѣренъ, потому что Агриппа на этомъ основывалъ весь свой планъ аттаки и битвы. Онъ сначала удалился, стараясь заманить врага, отклонялся отъ битвы, и ожидалъ первый нападенія. Наскучивъ долгимъ бездѣйствіемъ, Созій, одинъ изъ главныхъ военачальниковъ Антонія, воспользовался легкимъ вѣтеркомъ, и выдвинулся съ своимъ лѣвымъ крыломъ нѣсколько впередъ. Октавіанъ запретилъ его тревожить, и приказалъ начальнику праваго крыла вытянуть свою линію вправо, и тотъ же самый приказъ отданъ былъ Агриппѣ, который начальствовалъ лѣвымъ крыломъ флота. Такой маневръ принудилъ Созія и Геллія, начальствовавшихъ обоими флангами, растянуть также свои корабли, и отдѣлиться отъ главнаго центра; но едва только они отдѣлились, какъ начальникъ центра Октавіанова флота, Аруицій, бросился въ промежутокъ между двумя крылами и началъ битву. Положеніе флота Антоніева можно сравнить съ положеніемъ его арміи во время отступленія изъ Мидіи. Легкія суда Октавіана бросились по нѣскольку вдругъ на тяжелыя и неповоротливыя галеры Антонія, бросали камни и копья, обрѣзывали канаты и снасти, обламывали кормила, и привели непріятельскую линію въ совершенное разстройство [1]. Едва замѣтила это Клеопатра, какъ немедленно велѣла поднять паруса, и плыть въ открытое море. Антоній замѣтилъ пурпуровые паруса ея царской галеры, забылъ, что наступаетъ рѣшительная минута, оставилъ воиновъ, умиравшихъ за него, и бросился вслѣдъ за Клеопатрой. Клеопатра приняла его на свой корабль, но врядъ ли его появленіе было ей по сердцу; врядъ ли согласовалось это съ ея планами. Она бѣжала очевидно съ цѣлью отдѣлить свою судьбу отъ судьбы Антонія, и снискать этимъ прощеніе Октавіана; появленіе Антонія связало снова ея участь съ участью побѣжденнаго. Грустный, убитый, сѣлъ Антоній на передней части корабля, склонивъ голову на руки, три дня не хотѣлъ онъ видѣться съ Клеопатрой, и не покидалъ своего мѣста; наконецъ удалось наперсницамъ помирить любовниковъ, и они прибыли къ берегамъ Африки.

Флотъ его держался еще долго, и сдался только тогда, когда извѣстіе о бѣгствѣ Антонія стало всѣмъ извѣстно. Легіоны и слышать не хотѣли о сдачѣ, не хотѣли вѣрить, что ихъ полководецъ бѣжалъ; даже когда они убѣдились въ этомъ, они слишкомъ семь дней не принимали никакихъ предложеній Октавіана, и перешли къ нему только тогда, когда легатъ Антонія Канидій оставилъ ихъ также.

[1] Dio Cass. 50, 32.

На африканскомъ берегу разстались любовники. Клеопатра прибыла въ Александрію съ своими кораблями, увѣнчанными лаврами, словно послѣ одержанной побѣды, казнила нѣсколько подозрительныхъ лицъ, которые въ ея отсутствіе задумали возмутить народъ, и наполнила ихъ богатствами, да храмовыми сокровищами, свою истощенную казну. Антоній скитался въ это время, какъ помѣшанный, около Паретонія. Узнавши объ измѣнѣ Скарпа, начальствовавшаго здѣсь отрядомъ войскъ, онъ едва не лишилъ себя жизни, и насилу привезли друзья его въ Александрію [1]. Здѣсь ожидала его другая печальная вѣсть, — Канидій донесъ ему о судьбѣ его легіоновъ въ Акціумѣ. Каждый день приходили новыя извѣстія объ измѣнѣ; одинъ за другимъ оставляли его цари Азіи. Одни гладіаторы, которыхъ держалъ онъ въ Кизикѣ, остались ему вѣрны; они пробились черезъ всю Малую Азію, и сдались только тогда, когда получили извѣстіе о смерти Антонія.

Разные планы занимали Клеопатру. Царица сбирала свои сокровища, и готовила въ Аравійскомъ заливѣ корабли, задумывая бѣжать, но куда — сама еще не знала. Аравитяне сожгли ея суда. За тѣмъ она обратила вниманіе Антонія на Испанію, и совѣтывала возмутить эту богатую провинцію, гдѣ всегда находили радушный пріемъ великіе изгнанники, — но тщетно. Антоній впалъ въ совершенную безчувственность, не хотѣлъ ни о чемъ знать, ни о чемъ думать. Онъ построилъ себѣ у большой гавани недалеко отъ храма Посидонова домъ, куда заперся, и не пускалъ къ себѣ никого, подражая Аѳинянину Тимону. Его отчаяніе, его громкія жалобы на неблагодарность и измѣну испугали Клеопатру. Антоній не пускалъ ее даже къ себѣ: эта дикая натура могла рѣшиться на все, и царица, опасаясь за собственную жизнь, рѣшилась, во что бы то ни стало, возвратить несчастнаго къ себѣ и къ прежней жизни. Не могла же она думать, что ея чары потеряли всякое дѣйствіе на Антонія, и не ошиблась. Опять загремѣли хоры, опять увидѣла Александрія нескончаемый рядъ великихъ пировъ и увеселеній. Еще въ счастливыя минуты своей жизни учредили Антоній и Клеопатра общество *неподражаемыхъ*, въ которомъ участвовали ихъ наперсники и всѣ раздѣлявшіе ихъ веселую разгульную жизнь. Общество получило теперь названіе *неразлучныхъ*: они поклялись пропировать до конца, и умереть вмѣстѣ. Съ одной стороны думала царица успокоить влюбленнаго, поклявшись умереть съ нимъ; съ другой стороны напугать Октавіана, ежели онъ ей приготовлялъ иную участь, плѣнъ и позорное шествіе за его побѣдоносною

[1] Dio Cass. 51, 5.

колесницей. Оня знала, что ни одинъ шагъ ихъ не скрывался отъ Октавіана; она сама старалась косвенно доводить все до его свѣдѣнія; а между тѣмъ испытывала дѣйствіе различныхъ ядовъ, на животныхъ, даже на людяхъ, и наблюдала, какой изъ нихъ менѣе мучителенъ и менѣе искажаетъ человѣка [1].

Октавіанъ былъ въ это время въ Римѣ, куда воротился тотчасъ же послѣ акційской битвы. Въ Италіи вспыхнуло опять возмущеніе, ветераны требовали новыхъ полей, — такъ что онъ не ранѣе весны слѣдующаго года могъ двинуться далѣе на окончательную борьбу съ Антоніемъ. Онъ пошелъ черезъ Малую Азію и Сирію въ Египетъ. Клеопатра уговаривала Антонія обратиться къ послѣднему средству. Воспитатель ихъ дѣтей, Эвфроній, былъ отправленъ къ Октавіану въ Сирію съ переговорами. Антоній отказывался отъ всего, и просилъ только позволенія жить частнымъ человѣкомъ въ Аѳинахъ. Клеопатра отказывалась также отъ престола въ пользу своихъ дѣтей. Но Антоній не зналъ, что посланный имѣлъ тайное порученіе передать Октавіану знаки царскаго достоинства, и везъ съ собой огромныя суммы для друзей его. Отвѣтъ былъ двоякій; оффиціально требовалъ Октавіанъ безусловной покорности царицы; посланному же поручилъ передать Клеопатрѣ, что все зависитъ отъ нея одной, что изгнаніе или смерть Антонія можетъ ей спасти даже царство. Антонію онъ даже и не отвѣчалъ.

Октавіанъ оставался вѣренъ своей ролѣ, и показывалъ до конца видъ, что ведетъ войну не съ тріумвиромъ, а съ царицей. Два раза пытался еще Антоній начинать съ нимъ переговоры, послалъ даже своего сына Антилла, — но безуспѣшно. Наконецъ сама Клеопатра начала сомнѣваться въ успѣхѣ; отвѣты Октавіана были чрезвычайно уклончивы, и полагаться на нихъ она не могла. Царица начала подозрѣвать, что ей грозитъ участь сестры ея Арсинои, участь, ожидавшая въ Римѣ всѣхъ побѣжденныхъ царей. Клеопатра рѣшилась скорѣе погибнуть. Она заперлась со всѣми своими сокровищами и вѣрными рабами въ высокой башнѣ близь храма Исиды, которую давно уже предназначала себѣ въ гробницу. Она думала удержать своего ужаснаго врага отъ рѣшительныхъ мѣръ, грозя погибнуть вмѣстѣ съ богатствами въ пламени, а между тѣмъ по ея собственнымъ приказаніямъ военачальникъ Селевкъ отступилъ отъ Пелусіума безъ боя, и Октавіанъ былъ почти уже у воротъ Александріи.

Приближеніе врага пробудило, казалось, прежній пылъ въ Антоніи; онъ хотѣлъ можетъ-быть смерти въ честномъ бою, хотѣлъ дорого

[1] Dio Cass. 51, 15.

продать жизнь свою. Онъ бросился сначала на ливійскій берегъ, но видя, что здѣсь дѣло проиграно, возвратился въ Александрію. Октавіанъ приближался уже къ гипподрому, находившемуся близь Канопскихъ воротъ. Антоній бросился на него съ своей конницей, и принудилъ отступить. Клеопатра приняла побѣдителя съ нѣжными объятіями, и подарила храбрѣйшему изъ его воиновъ золотой шлемъ и броню, съ которыми онъ на слѣдующую же ночь перешелъ въ войско Октавіана. Это былъ не первый и не послѣдній примѣръ, потому что всѣ отчаявались въ успѣхѣ дѣла Антонія и старались снискать заранѣе милость побѣдителя. Антоній обѣщалъ 1,500 денаріевъ перебѣжчику; но кто же изъ воиновъ Октавіана могъ польститься на такое обѣщаніе, когда они смотрѣли на сокровища египетскія какъ на свои собственныя? Антоній вызывалъ на поединокъ Октавіана, и получилъ презрительный отвѣтъ, что можетъ избрать смерть другаго рода, ежели скучаетъ жизнію. Антоній рѣшился умереть на полѣ битвы; это видно изъ словъ, вырвавшихся за дружеской трапезой за день до смерти. На слѣдующее утро онъ занялъ высоты около гипподрома въ 30 стадіяхъ отъ Александріи, собралъ остатки своихъ легіоновъ, и поджидалъ кораблей, чтобы начать битву разомъ на морѣ и на сушѣ. Но едва появились египетскія галеры и приблизились къ галерамъ Октавіана, какъ поднялись весла для отданія чести Цезарю и съ громкими кликами соединились онѣ съ флотомъ Октавіановымъ; конница передалась также; немногочисленные остатки вѣрныхъ легіоновъ вступили-было въ бой, но были отброшены, и Антоній удалился въ Александрію, громко жалуясь на измѣну и на виновницу своего несчастія.

Но едва ему сказали, что она скрылась въ башнѣ, чтобы избѣжать плѣна, какъ прежняя любовь возвратилась; онъ уже не проклиналъ, онъ страдалъ за нее, и требовалъ свиданія. Онъ ждалъ напрасно отвѣта. Не свиданія хотѣла царица: смерти его желала она, трупъ его хотѣла передать Октавіану, чтобы этой цѣной спасти себя отъ позора и вымолить Египетъ. Убійцъ она правда не послала, не потому что была неспособна на такое черное дѣло, нѣтъ, но изъ приличія, если намъ позволятъ такъ выразиться. Антонію донесли по ея приказанію, что царица лишила себя жизни. Вѣрный обѣту, Антоній не хотѣлъ самъ долѣе жить, и приказалъ вѣрному рабу Эроту вонзить ему въ грудь мечь.

Эротъ пронзилъ самъ себѣ грудь, и Антоній послѣдовалъ его примѣру, но ударъ не былъ смертеленъ. Діомедъ, секретарь Клеопатры, посланный ею узнать, что сдѣлалось съ Антоніемъ, нашелъ его живаго, плавающаго въ крови. Узнавши, что Клеопатра жива, Антоній потребовалъ, чтобы его перенесли къ ней. Его принесли къ гробницѣ,

и здѣсь началась новая комедія. Подъ предлогомъ, что двери башни или гробницы не должны уже отворяться за заживо погребенной, несчастнаго страдальца втащила Клеопатра съ своими рабынями на веревкахъ черезъ окно въ башню, и въ продолженіе этой долгой операціи Антоній почти изошелъ кровью. Клеопатра бросилась въ отчаяніи и съ воплями къ ложу, на которое положили Антонія, рвала на себѣ одежды, тогда какъ и здѣсь въ послѣднія минуты была можетъ быть главной виновницей его смерти. Антоній потребовалъ отъ нея послѣдней услуги; онъ попросилъ вина — и скончался.

Діомедъ, возвѣстившій Октавіану отъ имени Клеопатры смерть тріумвира, нашелъ его въ слезахъ, оплакивающаго соправителя и родственника. Этотъ великій актеръ хотѣлъ и здѣсь съиграть роль Цезаря, но проливая слезы, онъ не упустилъ случая показать своимъ приближеннымъ и друзьямъ Антонія письма и документы, по которымъ виновникомъ всего несчастія оказался самъ Антоній, а оскорбленною стороной Октавіанъ. Его главною заботой было теперь захватить живою Клеопатру и не упустить изъ рукъ ея сокровищъ. Сила здѣсь не брала, надо было употребить хитрость. Онъ послалъ Кайя Прокулея, всадника, успокоить царицу обѣщаніями, что всѣ ея желанія и требованія будутъ выполнены. Прокулей, взглянувъ на башню, съ разу убѣдился, что къ царицѣ легко можно проникнуть чрезъ то самое окно, въ которое внесли Антонія. Покуда Корнелій Галлъ велъ съ нею за дверьми переговоры, Прокулей приставилъ лѣстницу, и незамѣтно съ двумя слугами долѣзъ до окна. Одна изъ рабынь Клеопатры его замѣтила, вскрикнула, и обратила тѣмъ вниманіе царицы. Клеопатра схватила кинжалъ; но его у ней вырвали, и она очутилась плѣнницей. Октавіанъ не хотѣлъ съ ней видѣться, какъ ни горячо добивалась того Клеопатра. Онъ приказалъ перевести ее въ царскій дворецъ, и позволилъ ей похоронить Антонія въ царской одеждѣ и по обычаю египетскому.

Клеопатра съ досады и отъ раны, которую нанесла себѣ кинжаломъ, заболѣла лихорадкой. Она открылась врачу своему Олимпу, подъ величайшей тайной, что хочетъ воспользоваться этимъ случаемъ, и уморить себя голодомъ. Она знала, что каждое ея слово дойдетъ до Октавіана, каждый ея шагъ ему извѣстенъ, и думала хоть этимъ средствомъ склонить его на горячо желаемое свиданіе. Октавіанъ поручилъ ей замѣтить, что за такое покушеніе заплатятъ жизнью ея дѣти, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ строгое предписаніе окружать ее всѣми должными почестями, и наконецъ сдѣлалъ ей угодное — посѣтилъ ее самъ. Клеопатрѣ было уже 39 лѣтъ, но въ ней было столько еще граціи, столько ловкости, что она не теряла надежды завлечь въ свои сѣти

молодаго Цезаря. Она приняла его въ глубокомъ трауръ. Простая одежда, глубокая грусть, блѣдное чело, должны были служить ей такимъ же орудіемъ, какъ въ Тарсѣ позлащенная галера и роль Афродиты. Покой, куда вошелъ Октавіанъ, былъ весь уставленъ бюстами Юлія Цезаря; передъ ней разбросаны были письма диктатора; она читала ему ихъ со слезами на глазахъ, она ни о чемъ не говорила, кромѣ только о Цезарѣ, о его отношеніяхъ къ ней, о великодушіи диктатора, наслѣдникъ и сынъ котораго стоялъ передъ ней. Все было устроено, чтобы возбудить сожалѣніе, участіе, можетъ-быть и нѣчто болѣе участія въ молодомъ Цезарѣ. Ея дрожащій отъ грусти голосъ, ея заплаканныя очи, не лишенныя однакожь сладострастнаго выраженія, все должно было обезоружить Октавіана [1]. Но Клеопатра не знала этого человѣка. Долго слушалъ Октавіанъ ее въ молчаніи, наконецъ всталъ. «Успокойся царица», сказалъ онъ ей, «не страшись»; попросилъ у ней списокъ ея сокровищъ — и вышелъ.

Теперь не осталось уже никакой надежды. Публій Долабелла, молодой Римлянинъ изъ свиты Антонія, страстно въ нее влюбленный, возвѣстилъ ей, что она будетъ черезъ три дня отправлена съ дѣтьми въ Римъ. Клеопатра не смутилась, начала повидимому готовиться къ отъѣзду, и не перемѣняла образа своей жизни, чтобы не обнаружить своего тайнаго намѣренія, о которомъ кромѣ прислужницъ Иры и Харміоны никто не зналъ. Она была утромъ, какъ всегда, въ банѣ, одѣлась въ царскія одежды, обѣдала, такъ что никому и въ голову не приходило, что это была ее послѣдняя трапеза. Эпафродиту, слугѣ своему, поручила она передать письмо Октавіану. Цезарь прочелъ его,— это была просьба похоронить ее вмѣстѣ съ Антоніемъ. Октавіанъ сначала не вѣрилъ: онъ полагалъ, что это новая уловка царицы склонить его на свиданіе, и послалъ своихъ приближенныхъ узнать, въ чемъ дѣло. Они нашли Клеопатру мертвою на золотомъ ложѣ; у ногъ ея лежала мертвая Ира; слабою рукою поправляла Харміона діадему на челѣ своей повелительницы, и вслѣдъ за тѣмъ пала также мертвою. Никто не зналъ, чтò была за причина смерти; служанки умерли съ ней вмѣстѣ, но общее мнѣніе говорило, что она припустила себѣ аспида, котораго ей принесъ крестьянинъ въ корзинѣ съ цвѣтами и смоквами. Во время тріумфа Октавіана, Римляне увидѣли статую царицы съ змѣею на рукѣ. Это распространило всеобщее мнѣніе, что она погибла отъ укушенія змѣи.

И. Бабстъ.

[1] Tentavit oculos ducis. Flor. 4, 11.

БРАКЪ

И

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ У ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ[1].

Законный бракъ (iustum matrimonium) былъ у Римлянъ двухъ родовъ, смотря по положенію и отношенію жены къ мужу — строгій и свободный. Бракъ перваго рода назывался по римски matrimonium cum in manum conventione, а второй — matrimonium sine in manum conventione; первымъ условливалось подчиненіе жены волѣ и власти (manui) мужа, заступавшаго въ супружескомъ быту мѣсто судьи и отца, а второй не требовалъ этого. Перваго рода бракъ имѣлъ много важныхъ послѣдствій для жены, именно: женщина, вступившая въ подобный бракъ, освобождалась изъ подъ власти отца или опекуна и переходила во власть мужа[2], не какъ раба и невольница, говорили Рим-

[1] См. Das Römische Privatrecht von Wilh. Rein Leipz. 1836.
— Muhlenbrucher Lehrbuch des Pandekten-Rechts. Halle. 1844 III части.
— Recherches sur la condition civile et politique des femmes par Édouard Laboulaye Paris. 1843.
— Die Ehe in ihrer welthistorischen Entwicklung von Jos. Unger. Wien. 1850
— Geschichte der Frauen von G. Jung. Frankfurt am Main. 1850.
— Gallus oder römische Scenen von Becker. Leipzig 1849. III Th. и др.

[2] Tacit. Ann. IV, 16.

ляне, а какъ дочь,—относительно же тестя какъ внучка. (Послѣднее обстоятельство тогда только имѣло примѣненіе, когда самъ мужъ состоялъ еще во власти отца, patria potestas.) Какъ дочь, жена не могла имѣть своей собственности, а потому все, что она приносила мужу съ собою подъ именемъ приданаго (dos), и все, чѣмъ владѣла и что пріобрѣтала, принадлежало мужу и составляло его собственность [1], съ нѣкоторыми впрочемъ ограниченіями. «Не прилично (говоритъ одно лицо Плавтовой комедіи) порядочной женщинѣ тайкомъ отъ мужа имѣть какую-нибудь собственность. Та, которая владѣетъ собственностію, вѣроятно либо украла ее у мужа, либо пріобрѣла безчестно. По моему, все твое принадлежитъ мужу [2].» Жена не имѣла права пріобрѣтать что нибудь для себя, не могла дѣлать завѣщанія; она подлежала приговору мужа, какъ своего судьи; мужъ вмѣстѣ съ родственниками могъ изрекать надъ нею судъ и назначать всякаго рода наказанія, даже смерть [3]. Но съ другой стороны это невыгодное положеніе римской женщины въ домѣ мужа выкупалось нѣкоторыми правами, именно: она, какъ дочь, по смерти мужа дѣлалась его наслѣдницею, участвовала въ служеніи домашнимъ богамъ своего мужа, въ семейныхъ священныхъ обрядахъ и праздникахъ (sacra privata) [4].

Для вступленія въ этотъ бракъ, т. е. въ бракъ съ conventio in manum, требовались извѣстнаго рода формальности, безъ которыхъ обходились, если бракъ совершался безъ in manum conventio. Формальности были трехъ родовъ и носили три различныя названія: confarreatio, или farreatio, coëmptio и usus.

[1] Cic. Top. IV, 23. Gai. II, 98.

[2] Plaut. Cas. II, 2, 26.

[3] Dion. Hal. II. Plut. Romul. 1.

[4] *Sacra privata.* У Римлянъ каждая фамилія имѣла своихъ боговъ (penates и lares), свои богослужебные обряды, свои жертвенники, на которыхъ совершались семейныя жертвоприношенія за благосостояніе цѣлой семьи. Эти священные обряды были наслѣдственны въ фамиліяхъ, переходя отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку и т. д., какъ родовое имѣніе; они утверждались понтифексомъ. Обязанность сохранять ихъ ненарушимо лежала на главѣ семейства, по смерти котораго переходила на самаго ближайшаго его наслѣдника. Даже посторонніе лица, дѣлавшіяся наслѣдниками, обязывались непремѣнно принимать на себя вмѣстѣ съ состояніемъ и sacra завѣщателя. Но такъ какъ ежегодные праздники этихъ sacrorum причиняли съ одной стороны немаловажныя издержки, а съ другой стороны и sacra сами по себѣ были во многихъ случаяхъ обременительны, потому что, будучи нерѣдко мѣстными, они требовали присутствія лица, обязавшагося поддерживать и сохранять ихъ: то подобные наслѣдники старались освободиться отъ этой части наслѣдства, и потому передавали ихъ старикамъ (coemtionales senes) чрезъ нѣкоторый родъ продажи (Cic. pro Mur. 12, 27). Въ такихъ-то фамильныхъ обрядахъ участвовала и жена confarreata.

Первая форма — confarreatio — состояла въ религіозныхъ обрядахъ, при которыхъ исполнялись установленные обычаи и присутствовали десять свидѣтелей. Совершалъ этотъ бракъ Pontifex Maximus или Flamen Dialis [1]. Названіе получила форма отъ употреблявшагося при этомъ far,

[1] *Pontifex Maximus* — глава и предсѣдатель коллегіи понтифексовъ, установленныхъ еще Нумою. Санъ верховнаго первосвященника существовалъ у Римлянъ до позднѣйшихъ императоровъ и со времени Августа составлялъ принадлежность императорскаго достоинства, къ которому присоединялся по опредѣленію сената. До временъ Августа верховные понтифексы избирались сначала самою коллегіею, а впослѣдствіи коллегія назначала, окончательно же утверждалъ народъ. Санъ верховнаго понтифекса давался на цѣлую жизнь. Избирали на эту должность сначала мужей, состоявшихъ на высшихъ должностяхъ; впослѣдствіи даже молодыхъ людей. Верховный понтифексъ не могъ сначала занимать свѣтскихъ должностей, впослѣдствіи это было дозволено. Запрещеніе, лежавшее на понтифексѣ, не оставлять Италіи во все время отправленія должности, впослѣдствіи было отмѣнено. Избѣгая оскверненія, верховный понтифексъ не могъ ни прикасаться къ мертвому тѣлу, ни смотрѣть на него. Въ особенную обязанность верховному понтифексу вмѣнялось составлять великія лѣтописи (annales maximi), въ которыхъ онъ записывалъ важнѣйшія событія, особенно же удивительныя явленія въ природѣ; онъ обязанъ былъ смотрѣть за служеніемъ Вестѣ и за весталками, которыхъ онъ, въ случаѣ вины, наказывалъ. Онъ имѣлъ право запретить всякому жрецу, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, выѣздъ изъ города Рима. Онъ же приводилъ въ исполненіе опредѣленіе своей коллегіи. Онъ жилъ всегда въ общественномъ зданіи, называвшемся Regia. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, права и обязанности его были тѣ же, что и всѣхъ вообще понтифексовъ, которые вмѣстѣ составляли высшую инстанцію духовнаго управленія у Римлянъ. Важнѣйшею и главнѣйшею ихъ обязанностію было бдительно и неусыпно смотрѣть за вѣрнымъ и точнымъ исполненіемъ обрядовъ народной римской религіи, за сохраненіемъ ихъ въ чистотѣ и неприкосновенности и пр., имѣть строгій надзоръ надъ всѣми жрецами, надъ ихъ жизнію и поведеніемъ, составлять календарь, рѣшать недоумѣнія и вопросы относительно религіи, по предложенію сената и пр. Они носили окаймленную пурпуромъ одежду (toga praetexta), шерстяную шляпу (galerus, pileus, titulus), въ родѣ колпака, съ кистью на верху (apex).

Flamen. Фламины были жрецы отдѣльныхъ божествъ въ Римѣ. Этого рода жрецовъ много; важнѣйшіе изъ нихъ были: фламинъ Юпитера (Dialis), Марса (Martialis) и Квирина (Quirinalis); ихъ учредилъ уже Нума Помпилій. Впослѣдствіи они избирались народомъ, но кандидатовъ на убылыя мѣста назначалъ верховный понтифексъ. Фламинъ Юпитера имѣлъ право носить окаймленную пурпуромъ одежду (toga praetexta), сидѣть на курульномъ креслѣ, держать при себѣ ликтора, имѣть собственныхъ прислужниковъ (camilli) при жертвоприношеніяхъ и домъ по должности (Flaminica aedes). Жену его называли фламиникою. Неженатый фламиномъ не могъ быть. Если жена фламина умирала, то онъ обязанъ былъ оставить должность. Жена фламина совершала вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторые священные обряды. Фламинъ Юпитера имѣлъ многія преимущества, напр. домъ его былъ святымъ убѣжищемъ, фламинъ былъ, кажется, членомъ сената, освобождался отъ клятвы. При этихъ преимуществахъ, онъ подвергался многимъ ограниченіямъ, не могъ ѣздить верхомъ, ни одной ночи не могъ ночевать за городомъ, не могъ смотрѣть на войско, приготовлявшееся къ битвѣ, не смѣлъ прикасаться къ мертвому тѣлу, къ невареному мясу, къ плющу, къ бобамъ и пр.; пока оставался фламиномъ, не могъ получить высшей должности и пр.

farreus panis — пирогъ изъ far (родъ пшеницы), меда, соли и воды, который съѣдали новобрачные. При другихъ видахъ брака тоже употребляли far, но только для жертвоприношеній, а не для ѣды. Отъ такого только брака рожденные дѣти, назывались, по словамъ Сервія [1], patrimi и matrimi [2], и только они имѣли право быть фламинами Юпитера, Марса и Квирина.

Coëmptio — чисто гражданскій обрядъ брака, родъ торговой сдѣлки, или символической покупки, при которой будущій супругъ, называвшійся поэтому coëmptionator, какъ бы покупалъ свою жену у ея отца или опекуна, непремѣнно присутствовавшихъ при сдѣлкѣ, и получалъ ее въ свои руки (manus), т. е. въ свою полную власть. Вступающіе въ бракъ давали при этомъ случаѣ другъ другу небольшую монету, произнося извѣстныя слова. Женихъ спрашивалъ будущую жену, желаетъ ли она быть для него матерью семейства (супругою) — an sibi materfamilias esse vellet? Она отвѣчала: желаю (se velle). Точно такимъ же образомъ спрашивала невѣста будущаго своего мужа: желаетъ ли онъ быть ей отцомъ семейства — paterfamilias, и женихъ давалъ утвердительный отвѣтъ [3]. Можетъ быть употреблялись и другія формальности, но объ нихъ мы ничего не знаемъ. Самые писатели, упоминающіе объ этомъ учрежденіи древнѣйшихъ временъ, имѣютъ объ немъ неточныя и сбивчивыя понятія. Говорятъ, что эта брачная сдѣлка совершалась въ присутствіи пяти свидѣтелей изъ римскихъ гражданъ и одного либрипенса, который представлялъ лице сановника, не будучи имъ [4], и держалъ мѣдные вѣсы. Женихъ ударялъ монетою

[1] Virg. Georg. 1. 31.

[2] *Patrimi et matrimi*, или *patrimi matrimi*, или по древней формѣ *patrimei matrimei* назывались дѣти обоего пола отъ свободныхъ родителей, находившихся еще въ живыхъ. Замѣчаніе Сервія, только что приведенное, относится къ древнѣйшимъ временамъ, когда бракъ черезъ confarreatio былъ еще въ употребленіи; къ позднѣйшимъ временамъ нельзя примѣнить его, потому что хотя браки черезъ confarreatio вышли изъ употребленія, но patrimi и matrimi все таки были. Въ позднѣйшія времена patrimi и matrimi назывались не только дѣти, рожденныя въ бракѣ черезъ confarreatio, но вообще въ законномъ (justum) бракѣ, даже безъ manus, лишь бы отецъ и мать ихъ были живы, что и было главнѣйшимъ требованіемъ. Дѣти patrimi и matrimi употреблялись при нѣкоторыхъ священныхъ церемоніяхъ, отчасти какъ всегдашніе прислужники жрецовъ, напр. фламина Юпитерова, отчасти при священныхъ общественныхъ праздникахъ, напр. при молебствіяхъ (supplicatio), при освященіяхъ храмовъ и мѣстъ для храмовъ (inauguratio), при торжественныхъ жертвоприношеніяхъ и церемоніяхъ и пр., изъ семейныхъ праздниковъ при бракѣ черезъ confarreatio. Изъ такихъ же дѣтей, — разумѣется женскаго пола, — избирались весталки.

[3] Boëth. ad Cic. Topic. ed. Orell. 299.

[4] Gai. 11, 107, 108.

(as, raudusculum) о вѣсовую чашку, и передавалъ монету невѣстѣ, которая, съ своей стороны, давала тоже одинъ асъ жениху, другой клала на жертвенникъ ларамъ, а третій бросала на улицѣ.

Usus — бракъ посредствомъ давности — составлялъ третью форму римскаго брака, и заключался въ томъ, что женщина, съ дозволенія своихъ родителей или опекуна, жила съ мущиною цѣлый годъ для брака (matrimonii causa); если она въ теченіе года не была въ отлучкѣ трехъ ночей, то дѣлалась его законною женою (velut annua possesio) и переходила въ его власть (in manum), какъ дочь (quasi sua, filiae loco). Отсюда видно, что эта форма брака была самая простая и могла совершенно обойтись безъ всякихъ обрядовъ и издержекъ. Она же предоставляла женщинѣ полную свободу остаться у временнаго мужа навсегда и вступить съ нимъ въ законный бракъ, передававшій ее въ manus мужа, или жить съ нимъ во временной связи. Для этого женщинѣ слѣдовало только ежегодно проводить три ночи не въ домѣ своего сожителя, какъ это ясно говорится въ законахъ XII таблицъ[1].

Кромѣ этихъ формъ строгаго брака, передававшаго жену in manum mancipiumque мужа, у Римлянъ существовала еще одна форма законнаго же (iustum) брака, болѣе свободная и, слѣдовательно, менѣе стѣснительная, безъ передачи жены во власть мужа (sine conventione in manum). Эти браки болѣе уравновѣшивали права обоихъ супруговъ и устраняли строгую подчиненность женскаго пола, ясно высказавшуюся въ строгихъ бракахъ; въ этихъ бракахъ обѣ стороны стояли въ равномъ отношеніи другъ къ другу; жена не переходила во власть мужа, какъ въ строгихъ бракахъ, не считалась страдательнымъ членомъ его семьи, но оставалась въ прежней фамиліи, подъ властію своего отца или опекуна; она не получала никакого наслѣдства въ семействѣ своего мужа, но за то и собственное ея имущество не подлежало вліянію его. Въ этихъ бракахъ разводъ былъ равно доступенъ какъ мужу, такъ и женѣ, и притомъ безъ всякой законной причины. Такъ какъ согласіе (consensus) связывало подобные браки, то одно несогласіе (dissensus), неравенство характеровъ (diversitas mentium) были достаточны для расторженія ихъ. Въ этомъ-то бракѣ жена называлась не materfamilias, а только uxor, и говоря о вступленіи въ подобный бракъ, употребляли не in manum convenire, но in matrimonium. Подобный бракъ могъ перейти и въ строгій: это зависѣло отъ самихъ супруговъ, жившихъ въ неразрывной связи цѣлый годъ; требовалось только соблюденіе упомянутыхъ трехъ ночей, безъ чего сво

[1] Gell. N. A. III, 2. Macrob. I, 3.

бодный бракъ никакъ не могъ перейти въ строгій. Свободные браки, представлявшіе менѣе неудобствъ и стѣсненій, чѣмъ строгіе, отъ времени и обстоятельствъ вошли между Римлянами въ общее употребленіе.

При столь разнообразныхъ формахъ римскаго брака — законнаго разумѣемъ — невольно приходитъ въ голову вопросъ, въ одно ли время существовали и были въ употребленіи у Римлянъ всѣ эти формы брака строгаго и свободнаго, или онѣ развивались постепенно одна за другою? Мы не можемъ вдаваться здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого важнаго вопроса: такого рода изслѣдованіе требуетъ особеннаго обширнаго плана. Замѣтимъ только, что порядокъ, въ которомъ мы говорили о формахъ брака, есть тотъ, въ которомъ онѣ по всей вѣроятности происходили одна за другою. Это особенно достовѣрно относительно свободнаго брака, который несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, нежели всѣ три формы строгаго брака. Съ теченіемъ времени онъ все болѣе и болѣе входилъ въ употребленіе, а строгіе браки черезъ confarreatio, usus и coëmptio мало по малу выходили изъ обычая, а наконецъ и совсѣмъ были забыты, исключая только рѣдкихъ случаевъ, когда ихъ употребляли, и нѣкоторыхъ лицъ, которыя, по своему сану, непремѣнно должны были жениться по извѣстной формѣ. Указать точно время, когда совершился этотъ переворотъ, невозможно, тѣмъ болѣе, что подобная перемѣна требовала продолжительнаго времени и настоятельныхъ усилій со стороны римскихъ женщинъ. Мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія объ одномъ эпизодѣ изъ борьбы римскихъ женщинъ за эманципацію. Дѣло было вызвано народнымъ трибуномъ Оппіемъ за 215 л. до Р. Х. (539 отъ П. Р.). Законъ, имъ изданный, lex Oppia, требовалъ, чтобы женщины не носили на себѣ золота (золотыхъ украшеній) больше полуунціи, чтобы не употребляли разноцвѣтныхъ одеждъ, не ѣздили въ экипажахъ по городу и на разстояніи тысячи шаговъ отъ города, развѣ только для общественныхъ праздниковъ. Законъ сильно не нравился женскому полу, потому что стѣснялъ ихъ привычки и страсть къ нарядамъ. И потому неудивительно, что Римлянки принимали самое живое участіе въ преніяхъ сената относительно отмѣны закона. По словамъ Тита Ливія многіе благородные говорили въ защиту и въ опроверженіе закона. Капитолій наполнился толпою людей, одобрявшихъ и опровергавшихъ законъ. Женщинъ нельзя было удержать дома ни властію, ни приличіемъ, ни приказаніями; онѣ осаждали всѣ улицы въ городѣ и всѣ входы на форумъ, прося мужей, шедшихъ туда, возвратить имъ прежнія украшенія, когда состояніе республики процвѣтаетъ, когда частное благосостояніе возрастаетъ со дня на день. Со дня на день, продолжаетъ Ливій, увеличи-

валась толпа женщинъ, которыя сходились изъ городовъ и селъ; онѣ рѣшились даже приступить съ просьбами къ консуламъ, преторамъ и другимъ сановникамъ [1]. Наконецъ онѣ пристали съ просьбами къ тѣмъ трибунамъ, которые не соглашались на отмѣну закона, и не прежде отстали отъ нихъ, какъ вынудили согласіе [2]. Изъ расказа у Ливія видно, что Римлянки играли уже въ Римѣ довольно значительную роль: онѣ умѣли дѣлу ничтожному (res parva dictu) дать важность и значеніе дѣла почти государственнаго; съумѣли вооружить противъ закона одного изъ консуловъ, трибуновъ и другихъ сановниковъ, и успѣли наконецъ достигнуть своего, т. е. что законъ былъ отмѣненъ, не смотря на то, что онъ въ лицѣ другаго консула, М. Порція Катона, имѣлъ сильнаго и опаснаго защитника. Это, выигранное Римлянками, дѣло признается рѣшительнымъ обстоятельствомъ въ положеніи ихъ, какъ гражданскомъ, такъ и семейномъ. Получивши одну уступку, имъ не трудно было добиться и другихъ; оставалось только развивать далѣе свою требовательность. Такъ онѣ и сдѣлали. Со временемъ онѣ достигли полной самостоятельности, какъ это доказывается исторіею послѣднихъ временъ республики. И такъ какъ стремленіямъ ихъ и пріобрѣтенному уже положенію нисколько не соотвѣтствовали формы строгихъ браковъ, то онѣ уступили мѣсто свободному браку безъ in manum conventio, т. е. той формѣ брака, въ которой жена признается равною мужу. Свободные браки — matrimonia sine in manum conventione — оставались въ ходу у Римлянъ до конца республики и вошли еще въ бо́льшее употребленіе въ императорскій періодъ, когда сами цезари, владыки подвластнаго державному Риму міра, ихъ жены и дочери, матери и сестры подавали собою примѣръ неудержимаго упадка семейной жизни.

Кромѣ законныхъ браковъ съ полнымъ гражданскимъ значеніемъ былъ еще у Римлянъ неполный бракъ (iniustum matrimonium), подъ которымъ разумѣли, по римскимъ понятіямъ, бракъ по народному праву (iure gentium) между лицами, не имѣвшими права на бракъ, connubium. Въ древнія времена, пока еще плебеи не пользовались правомъ connubii, этимъ именемъ назывались браки между патриціями и плебеями, а впослѣдствіи браки между перегринами (иноземцами) и гражданами, или между гражданами и латинцами. Дѣти, родившіяся отъ такого брака, не состояли во власти отца, потому что, по римскимъ законамъ, отцовская власть (patria potestas) невозможна безъ коннубіума и безъ пол-

[1] Liv. XXXIV, 1, 5—7.
[2] Liv. ibid. 8, 2.

наго гражданства [1]. На дѣтей переходило званіе матери, а не отца [2]. Только, по закону Менсіевому, дѣти, рожденныя отъ Римлянки и перегрина, получали званіе отца, а не матери.

Замѣчательно, что у Римлянъ при гражданскихъ и законныхъ бракахъ допускалась и естественная связь, извѣстный такъ называемый concubinatus, т. е. связь неженатаго мущины съ незамужнею женщиною низшаго званія, напр. съ невольницею, вольноотпущенною, съ женщиною дурнаго поведенія, съ которыми не могло быть законной брачной связи, приличной званію. Впрочемъ можно было заключить конкубинатъ съ женщиною свободною и добраго поведенія, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы это было объявлено публично: въ противномъ случаѣ эта связь признавалась уже преступною; на нее смотрѣли, какъ на stuprum; или же взявшій себѣ въ сожительницы (concubina) такого рода женщину, долженъ былъ вступить съ нею въ законный бракъ и признать ее своею законною женою [3]

До Августа эта связь, или, говоря по римски, это inaequale conjugium, неравный бракъ, эта licita consuetudo, допускаемое закономъ сожительство, не имѣла, по всей вѣроятности, законности, а стояла на равнѣ съ непозволенными связями. Такъ надобно понимать слово concubinatus у Плавта и у другихъ писателей до Августа [4], который первый далъ конкубинату, на основаніи естественнаго права, силу законности — concubinatus nomen per leges assumsit.

Что заставило Августа, желавшаго своими узаконеніями поднять и возвысить законные браки между Римлянами своего времени, поддерживать конкубинатъ? Это какъ бы противорѣчило его намѣреніямъ, какъ бы въ самомъ началѣ уничтожало благодѣтельное дѣйствіе другихъ его законовъ, ободряло и вызывало не обращать на нихъ никакого вниманія. Такое противорѣчіе въ дѣйствіяхъ Августа стараются объяснить слѣдующимъ образомъ: вѣроятно, говорятъ, Августъ вынужденъ былъ обстоятельствами сдѣлать уступку Римлянамъ своего времени, служившую какъ бы мировою сдѣлкою между тогдашнимъ растлѣніемъ нравовъ и строгостію его законовъ противъ безбрачія и распутства, между отвращеніемъ Римлянъ къ браку и законами его для поддержанія браковъ; эту уступку надобно разсматривать какъ средство подсластить слишкомъ горькое лѣкарство, прописанное Августомъ въ его законахъ противъ болѣзненнаго состоянія современниковъ. По нашему,

[1] Gai. 1, 66 sqq. 93 sqq.
[2] Gai. 1, 67. Ulp. V, 89.
[3] Dig. XV, 7, 3.
[4] Plaut. Epid. III, 4, 444. Trin. III, 2, 745.

эта уступка ясно говоритъ, что зло было слишкомъ велико и пустило уже слишкомъ глубокіе корни, такъ что законы, чтобы не впасть въ противорѣчіе, должны были на первыхъ уже порахъ, еще прежде примѣненія, сдѣлать уступку. Законами было запрещено гражданамъ жениться на извѣстнаго рода женщинахъ, напр. на женщинахъ хотя свободнаго происхожденія, но дурнаго поведенія, на вольноотпущенныхъ, на осужденныхъ, на актрисахъ. Но императоръ, чтобы не совсѣмъ идти на перекоръ своимъ современникамъ, и чтобы примирить извѣстныя слабости своего времени съ необходимостію раждать государству людей, которые бы не краснѣли за свое происхожденіе, считалъ своею обязанностію дать законность той связи, которая, не будучи законнымъ бракомъ, была подражаніемъ ему и укрывая отъ строгости законовъ противъ безбрачія и дурныхъ нравовъ, не доставляла однакожь выгодъ, сопряженныхъ съ законнымъ бракомъ. Къ ней обыкновенно прибѣгали и тѣ, которые, овдовѣвши, не желали вторичнымъ бракомъ давать мачиху оставшимся отъ перваго брака дѣтямъ. Такъ поступилъ императоръ Маркъ Аврелій: онъ по смерти императрицы Фавстины взялъ себѣ въ сожительницы (concubina) дочь прокуратора Фавстина [1].

Такимъ образомъ конкубинатъ, со времени Августа, получилъ право гражданства у Римлянъ, и на него перестали смотрѣть, какъ на связь непозволительную, незаконную, или предосудительную. Совершали его просто, безъ всякихъ обрядовъ и торжественности, по одному только согласію обоихъ лицъ; согласіе же и расторгало его. Женщина, вступившая въ конкубинатъ, называлась concubina, amica, convictrix (сожительница), но не жена (uxor); она не могла носить имени materfamilias, не могла именоваться matrona; она не участвовала въ почестяхъ своего мужа, не пользовалась его именемъ и правами.

Впрочемъ, такъ какъ конкубинатъ былъ что-то похожее на бракъ, или, точнѣе, подражаніе браку, то и его ограничивали нѣкоторыми правилами. Такъ запрещалось имѣть многихъ конкубинъ разомъ [2]: въ противномъ случаѣ это было бы уже многоженство, преслѣдуемое закономъ. Человѣкъ, имѣвшій законную жену, не могъ имѣть конкубины; это было бы двоеженство и прелюбодѣяніе [3].

Дѣти, рожденныя въ конкубинатѣ, назывались nothi и naturales; ихъ не считали незаконорожденными, но, съ другой стороны, не признавали и законными; они имѣли отца, но не имѣли правъ граждан-

[1] Capitol. v. Marc. Aur. 29.
[2] Novell. 18, 5,
[3] Dig. XXV, 7, 1.

скихъ; не могли наслѣдовать своему отцу, не носили его имени, не состояли въ его фамиліи. По матери же они наслѣдовали точно такъ же, какъ и законные, на основаніи взгляда въ римскомъ правѣ, по которому мать соединяется съ законными дѣтьми только узами крови. Для матери нѣтъ разницы, рождены ли дѣти ея въ законномъ бракѣ, или прижиты въ конкубинатѣ; для нея достаточно, что они дѣти ея.

—

Для вступленія въ бракъ требовались по римскимъ законамъ нѣкоторыя условія. Изъ нихъ одни были таковы, что безъ соблюденія и исполненія ихъ бракъ ни въ какомъ случаѣ не могъ состояться, если же совершался, то признавался недѣйствительнымъ. Другія условія не были въ такой степени необходимы и не мѣшали заключенію брака; неисполненіе ихъ не уничтожало дѣйствительности и законности его, но все таки на нихъ обращали вниманіе при бракѣ, и неисполненіе ихъ влекло за собою нѣкотораго рода упрекъ и порицаніе.

Къ перваго рода условіямъ принадлежали:

1. Согласіе отца. Всякому, сколько нибудь знакомому съ римскою исторіею, безъ сомнѣнія извѣстно, что отцовская власть имѣла больше чѣмъ сильное, почти неограниченное вліяніе и значеніе въ римской семьѣ. Сами Римляне говорили: почти нѣтъ другихъ людей, имѣющихъ такую власть надъ дѣтьми, какую мы имѣемъ [1]. По римскимъ законамъ отецъ имѣлъ право располагать жизнію и смертію своихъ дѣтей, могъ продавать сына въ рабство до трехъ разъ и пр. Діонисій Галикарнасскій говоритъ: у Римлянъ власть отца надъ сыномъ не теряетъ силы до самой смерти перваго; отецъ можетъ наказывать сына, какъ угодно, заключать его въ темницу, бить, вязать, даже убивать, хотя бы сынъ былъ на должности, сановникомъ, — исключая того, если онъ былъ фламиномъ Юпитера, — и хотя бы онъ пользовался общимъ уваженіемъ [2]. Такая власть составляла преимущественную и существенную часть правъ римскаго гражданина и до позднѣйшихъ временъ, именно до Траяна и Адріана, не подвергалась никакимъ ограниченіямъ, хотя и не всегда, быть можетъ, примѣнялась къ дѣлу во всей строгости и силѣ. Само собою разумѣется, что, при подобномъ значеніи отца, согласіе его на бракъ своихъ дѣтей

[1] Gai. 1, 55.
[2] Dion. H. II, 26.

непремѣнно должно было составлять одно изъ самыхъ необходимыхъ условій брака. Впрочемъ, если отецъ отказывалъ въ своемъ согласіи на бракъ безъ достаточныхъ причинъ, то въ дѣло брака вмѣшивался преторъ и, по Юліеву Паппіеву закону, могъ вынудить у отца согласіе. Такъ было со времени Октавіана, которому, какъ знаемъ, принадлежитъ упомянутый законъ. Относительно предшествующихъ временъ ничего почти не извѣстно. Судя по строгости нравовъ у древнихъ Римлянъ и по тому значенію, какое имѣла отцовская власть въ древнѣйшія времена Рима, бракъ, по всей вѣроятности, рѣшительно не могъ состояться безъ согласія и воли отца. Впрочемъ, принуждать своихъ дѣтей къ желаемому и назначенному по собственному выбору браку едва ли могъ отецъ: по крайней мѣрѣ доказать этого невозможно. Даже дочери, на которыхъ отецъ всегда имѣлъ больше вліянія, могли не исполнить воли его, если онъ предлагалъ имъ недостойнаго по характеру или постыднаго мужа — si indignum moribus vel turpem sponsum pater ei (filiae) eligat. Отецъ даже могъ расторгать бракъ дочери, только заключенный sine in manum conventione, т. е. не строгій.

2. Совершеннолѣтіе. По римскимъ обычаямъ совершеннолѣтіе для мужескаго и женскаго пола наступало въ разное время. Для женскаго пола оно опредѣляется единогласно двѣнадцатью годами. Относительно же совершеннолѣтія мужескаго пола мнѣнія расходятся. Одни, основываясь на примѣрѣ Августа, признаютъ совершеннолѣтіе въ четырнадцать лѣтъ; по другимъ совершеннолѣтіе наступало послѣ шестнадцатаго года. Бёттигеръ различаетъ древнѣйшее и позднѣйшее время: въ древнѣйшія времена по его мнѣнію наступало совершеннолѣтіе послѣ шестнадцати лѣтъ, въ позднѣйшія — съ окончаніемъ пятнадцати. Клотцъ думаетъ, что опредѣленнаго года для совершеннолѣтія совсѣмъ не было, что опредѣленіе зависѣло просто отъ отца, который, раньше или позже, смотря по собственному соображенію, вводилъ сына въ общественную жизнь, т. е. признавалъ его совершеннолѣтнимъ. Отсюда видно, что либо у Римлянъ дѣйствительно ничего не было опредѣленнаго по этому предмету, либо опредѣленія и узаконенія не были исполняемы. Въ самомъ дѣлѣ каждое изъ приведенныхъ мнѣній имѣетъ за себя нѣкоторыя доказательства. Можно привести примѣры, что совершеннолѣтіе наступало послѣ шестнадцати лѣтъ, какъ было съ Лентуломъ Спинтеромъ, который родился въ 74, а мужескую тогу надѣлъ въ 57 г. до Р. Хр.; но съ другой стороны не меньше достовѣрно и то, что совершеннолѣтіе наступало иногда раньше, именно послѣ пятнадцати лѣтъ. Такъ было съ Цицерономъ, Виргиліемъ, Персіемъ, Августомъ, съ сыномъ Цицерона,

а въ позднѣйшія времена съ Авреліемъ. Вѣроятно также и то, что въ древнѣйшія времена признавалось совершеннолѣтіе нѣсколько позже, послѣ наступленія возмужалости, именно въ шестнадцать лѣтъ, а въ позднѣйшія нѣсколько раньше, именно въ пятнадцать. Безъ сомнѣнія, отца ничто не обязывало именно въ пятнадцать или въ шестнадцать лѣтъ признавать своего сына совершеннолѣтнимъ; онъ могъ и отдалить этотъ срокъ, какъ сдѣлалъ Тиберій, признавшій своего внука Калигулу совершеннолѣтнимъ только въ двадцать лѣтъ [1], или же, съ другой стороны, могъ ускорить срокъ совершеннолѣтія, напр. какъ случилось съ Нерономъ, котораго призналъ Клавдій совершеннолѣтнимъ въ четырнадцать лѣтъ. Слѣдовательно, вопросъ — былъ ли у Римлянъ опредѣленный годъ для совершеннолѣтія мужескаго пола, остается все таки нерѣшеннымъ, и скорѣе можно отвѣчать на него отрицательно, нежели утвердительно. Одно только достовѣрно, что раньше четырнадцати лѣтъ не наступало совершеннолѣтіе для мужескаго пола.

Замѣтимъ, что при императорахъ опредѣленіе совершеннолѣтія составляло предметъ спора между юристами; одни, именно Сабиніанцы, держались древнѣйшаго положенія, т. е. признавали совершеннолѣтіе только послѣ возмужалости; другіе, Прокулеянцы, признавали совершеннолѣтіе въ четырнадцать лѣтъ, а третьи считали необходимымъ для совершеннолѣтія то и другое, т. е. признавали совершеннолѣтіе въ четырнадцать лѣтъ, но не иначе какъ съ наступленіемъ возмужалости. Наконецъ императоръ Юстиніанъ прекратилъ споръ и закономъ опредѣлилъ признавать повсемѣстно совершеннолѣтіе въ четырнадцать лѣтъ [2].

Слѣдуетъ упомянуть и то, что въ послѣднія времена республики изъ политическихъ причинъ часто женили и выдавали за мужъ, не обращая вниманія на лѣта. Извѣстно, что Октавій женился на несовершеннолѣтней падчерицѣ Антонія, Клавдіи, для скрѣпленія съ нимъ мира. Марцеллъ родился въ 43 году до Р. Хр., а помолвка состоялась въ 39 [3].

3. Лица, вступающія въ бракъ, обязывались быть свободны отъ брачныхъ узъ, или, по словамъ римскаго юриста, одна и та же женщина не можетъ быть за мужемъ за двумя въ одно время, равно какъ одинъ и тотъ же мущина не можетъ имѣть двухъ женъ въ одно

[1] Suet. Cal. 10.
[2] Just. Inst. 1, 22. pr.
[3] Drum. II, 402, 53.

время. Очевидно, этимъ условіемъ требовалась моногамія и монандрія, и запрещался восточный обычай — имѣть разомъ по нѣскольку женъ. Къ чести Римлянъ надобно сказать, что это исполнялось свято не только въ древнѣйшія времена, когда брачный союзъ наблюдался строго, но даже и въ позднѣйшія времена римской республики и монархіи, когда растлѣніе нравовъ и безстыдство достигли крайнихъ предѣловъ. Забавный анекдотъ, относящійся къ вопросу о двоеженствѣ и двоемужствѣ, заключается въ слѣдующемъ расказѣ у Авла Геллія: «Обычай былъ у древнихъ римскихъ сенаторовъ, идучи въ собраніе сената, брать съ собою и своихъ сыновей. Такъ сдѣлалъ и Папирій: въ одинъ день онъ пришелъ въ сенатъ съ своимъ сыномъ. На ту пору разсуждали въ сенатѣ о дѣлѣ чрезвычайной важности, которое отложено было до слѣдующаго дня, и тутъ же опредѣлено никому не говорить объ немъ до окончательнаго рѣшенія. Мать молодаго Папирія, по возвращеніи его въ домъ, спрашивала, о чемъ говорили въ сенатѣ? Сынъ отвѣчалъ: нельзя сказать, велѣно молчать. Эта строгость, придававшая словамъ Папирія нѣкоторую таинственность, еще болѣе подстрекнула любопытство его матери. Она настоятельнѣе и неотступнѣе стала требовать у сына открыть ей тайну сенатскаго совѣщанія. Молодой Папирій не могъ устоять противъ настоятельныхъ требованій матери, однако вмѣсто правды рѣшился пустить въ ходъ остроумную выдумку, а потому и сказалъ: въ сенатѣ разсуждали о томъ, что̀ выгоднѣе для республики, то ли, чтобы одна женщина имѣла двухъ мужей, или то, чтобы одинъ мущина женился на двухъ женахъ? Выдумка крѣпко встревожила жену Папирія; въ безпокойномъ состояніи выходитъ она изъ дому и расказываетъ другимъ Римлянкамъ, что̀ услыхала. На другой день стекаются къ сенату толпы замужнихъ Римлянокъ; проливая слезы и заклиная, онѣ молятъ позволить лучше одной выходить за двухъ, нежели одному мущинѣ жениться на двухъ женахъ. Такое требованіе Римлянокъ сначало озадачило сенаторовъ, пока самъ молодой Папирій не открылъ, въ чемъ дѣло» [1].

Двоеженство и двоемужство (бигамія) были для Римлянъ явленіемъ совершенно небывалымъ. Римляне не имѣли ни особаго названія для обозначенія бигаміи, ни особаго закона для ея наказанія [2]. Знакомые съ Востокомъ, они знали бигамію, но признавали ее дѣломъ въ высочайшей степени безнравственнымъ. Полигамія тѣмъ еще менѣе могла войти у нихъ въ обычай. Правда, Юлію Цезарю хотѣли навязать намѣреніе ввести

[1] Gell. 1, 23.
[2] Rein's Criminalrecht der Röm. pag. 857.

въ Римъ многоженство не только съ Римлянками, но и съ иноземками. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ трибунъ Гельвій Цинна. Но это показаніе не заслуживаетъ никакого довѣрія; оно возникло и образовалось въ головѣ у враговъ этого великаго мужа; они сами заговорили объ немъ и даже, быть можетъ, начертали предложеніе, чтобы повредить Цезарю въ общественномъ мнѣніи, навязавъ ему намѣреніе, совершенно противорѣчившее обычаямъ римскимъ [1]. Не имѣя особаго названія и не подвергаясь особому наказанію, двоеженство, въ случаѣ появленія, наказывалось такъ же, какъ и двойные сговоры, безчестіемъ (infamia) у претора и выговоромъ (nota) у цензора. О бо́льшемъ наказаніи за бигамію рѣшительно ничего не говорится до Юліева узаконенія, въ которомъ оно подведено подъ категорію разврата, обозначавшагося у Римлянъ словами stuprum и adulterium, съ тѣмъ различіемъ, что женившійся при жизни одной жены на другой, совершалъ stuprum, но не adulterium; вторая жена не имѣла правъ законной жены и признавалась наравнѣ какъ pellex или concubina, но считалась невинною. Жена же, при жизни мужа вступившая въ новый бракъ, совершала adulterium и наказывалась сообразно проступку — pro admissi criminis qualitate — или безчестіемъ (infamia) или какъ за stuprum и adulterium.

Кромѣ этихъ трехъ условій, безъ которыхъ, какъ выше упомянуто, рѣшительно невозможно было вступленіе въ бракъ, принимались въ соображеніе еще и другаго рода условія, именно:

1. Равенство внѣшнихъ отношеній. Это правило строго было наблюдаемо патриціями въ древнѣйшія времена римскаго государства: но впослѣдствіи, отъ времени и обстоятельствъ, оно подверглось многимъ измѣненіямъ и обограниченіямъ. Для вступленія въ законный бракъ (matrimonium iustum, iustae nuptiae) непремѣннымъ условіемъ съ обѣихъ сторонъ было connubium, т. е. право заключать такого рода браки, по Сервію ius legitimi matrimonii, по Ульпіану (IV. 4) uxoris iure ducendae facultas. Connubium составляло существенную принадлежность римскаго гражданина (civis, civitas); съ нимъ тѣсно были связаны, по римскому узаконенію, важнѣйшія гражданскія отношенія. Въ старые годы римскаго государства этимъ правомъ пользовались только граждане одинаковаго сословія, напр. патриціи съ патриціями, плебеи съ плебеями. Бракъ патриція съ плебеянкою, и на оборотъ, считался недѣйствительнымъ. Законъ прямо говорилъ: ne patriciis cum plebeio connubium esset. По мнѣнію ученыхъ, это узаконеніе было долго обы-

[1] Drum. 1, 101.

чаемъ, но децемвиры, чтобы навсегда уничтожить возможность соединенія обоихъ сословій, сдѣлали обычай закономъ, привычку обратили въ непремѣнное обязательство. Таковое положеніе дѣлъ было до Канулеева закона (lex Canuleia) въ 445 г. до Р. Х., по которому connubium дозволено между патриціями и плебеями, и на оборотъ. Съ этого-то времени для connubium требовалось уже не равенство сословія, а право гражданства. Разумѣется, плебеи достигли этого не безъ усилія и не безъ борьбы; патриціи смотрѣли на это, какъ на оскверненіе своей крови, оскорбленіе своихъ правъ, какъ на дѣло, которое произведетъ безпорядки въ обществѣ, уничтожитъ всякое различіе между лицами, будетъ имѣть такія же послѣдствія, какъ случка животныхъ: дѣти, твердили они, рожденные отъ подобнаго брака, не будутъ знать, къ какой фамиліи, къ какой религіи принадлежатъ они,— полуплебеи, полупатриціи, что-то несовмѣстное, странное и пр. [1]. Зная характеръ и стремленія патриціевъ, легко угадать, что они и послѣ Канулеева закона неохотно вступали въ бракъ съ плебеями, и долго еще, въ случаѣ подобныхъ браковъ, смотрѣли на нихъ, какъ на униженіе своего сословія. Такъ мы въ правѣ заключить изъ слѣдующаго расказа у Ливія. «Въ 296 г. до Р. Х. было въ Римѣ много чудесъ: для умилостивленія боговъ и для отвращенія несчастій (averruncandorum), говоритъ Ливій, сенатъ опредѣлилъ двухдневное молебствіе (supplicatio). Государствомъ отпущено было для этого случая вино и ѳиміамъ; на молебствіе сошлось много мущинъ и женщинъ, и оно сдѣлалось замѣчательнымъ по спору между замужними Римлянками въ капеллѣ богини Патриціанскаго Цѣломудрія. Римскія матроны не допустили къ участію въ святомъ дѣлѣ Виргинію, дочь патриція Авла, вышедшую замужъ за плебея Волумнія; онѣ раздражены были на нее за неравенство брака. Отсюда возникла небольшая ссора, которая, при женской раздражительности, развилась въ сильный споръ. Виргинія утверждала, что она вошла въ храмъ Цѣломудрія, какъ природная патриціанка, какъ женщина неукоризненнаго поведенія, какъ состоящая въ замужствѣ только за первымъ мужемъ, какъ супруга знаменитаго гражданина, котораго услуги отечеству, достоинство и имя не только не заставляютъ ее краснѣть за выборъ, но служатъ ей украшеніемъ. Отличный поступокъ она увѣнчала отличными словами: она отдѣлила часть своего дома и устроила въ ней скромную капеллу; поставила въ ней жертвенникъ, созвала замужнихъ плебеянокъ и, расказавъ имъ обиду, нанесенную ей патриціанками, сказала: этотъ жертвенникъ по-

[1] Liv. IV, 1, 2.

священію Плебейскому Цѣломудрію и желаю, чтобы въ этомъ городѣ было такое же соревнованіе къ цѣломудрію между матронами, какое увлекаетъ мужей къ доблести. Заботьтесь о томъ, молю васъ, чтобы говорили, что этотъ жертвенникъ чтится святѣе и цѣломудреннѣе, чѣмъ тотъ (т. е. патриціанскій). [1]» Въ этомъ расказѣ замѣчательно для насъ одно обстоятельство — неудовольствіе патриціанокъ на патриціанку же за неравенство въ бракѣ, за рѣшимость выйти за плебея. Видно, что не смотря почти на полтораста лѣтъ, которыя протекли со времени принятія Канулеева закона, даровавшаго connubium между патриціями и плебеями, все таки патриціи неохотно прощали патриціанкѣ ея рѣшимость — выходя за мужъ за плебея, унижать свое происхожденіе. Разумѣется время, примиряющее закоренѣлую вражду, примирило впослѣдствіи и патриціевъ съ плебеями. Разность происхожденія и сословія перестала быть неодолимою преградою къ законному браку. Если и требовалось равенство внѣшнихъ отношеній, то не вмѣнялось въ непремѣнную и неизбѣжную обязанность, а разсматривалось больше какъ приличіе. Женитьба римскаго сенатора на простой плебеянкѣ по праву была совершенно законною, все равно, какъ еслибы тотъ же сенаторъ женился на дѣвицѣ сенаторскаго происхожденія.

Равнымъ образомъ запрещались обычаемъ браки неравные по званію, напр. бракъ свободнаго съ вольноотпущенною и на оборотъ; даже бракъ съ дочерью вольноотпущеннаго считался неприличнымъ, и потому Цицеронъ упрекаетъ Антонія за бракъ съ дочерью вольноотпущеннаго Фадія [2]. Противъ подобныхъ браковъ ничего не было опредѣлено въ законахъ: тутъ одинъ обычай находилъ неприличіе. Только въ позднѣйшія времена республики по закону Августа (Julia Papia) запрещались они сенаторамъ и ихъ дѣтямъ; остальнымъ же гражданамъ дозволялось вступать въ бракъ съ вольноотпущенными безъ всякаго нареканія. Наконецъ запрещалось гражданамъ жениться на женщинахъ зазорнаго поведенія. — Бракъ между римскими гражданами и негражданами, хотя и допускался, но не считался законнымъ (justum). Само собою разумѣется, этотъ обычай терялъ свою силу и значеніе для тѣхъ городовъ и государствъ, которые получали отъ Римлянъ право гражданства, а съ нимъ и право законнаго брака (connubium) съ римскими гражданами.

2. Родственныя отношенія. Римляне держались правила, общаго

[1] Liv. X, 23.
[2] Cic. Phil. II, 2, 36. III, 6. Att. XIV, 2, 11.

всѣмъ почти благоустроеннымъ государствамъ, по которому семья должна брать элементы новой семьи изъ чужой семьи. Поэтому римскими обычаями и законами запрещались браки между родителями и ихъ дѣтьми, между опекуномъ, мачихою и сведеными дѣтьми, между тестемъ и тещею, свекромъ и свекровью. Родство по усыновленію бралось въ этомъ случаѣ также въ расчетъ. Подобные браки, если они случались, считались кровосмѣшеніемъ (incestus). Бракъ не допускался, и равнымъ образомъ считался кровосмѣшеніемъ, между сестрами и братьями, сведеными сестрами и братьями, даже между братьями по усыновленію, если усыновленіе не было отмѣнено до брака [1]. Долго не позволялись браки между сестрами и братьями даже до четвертаго колѣна. Такъ было до позднѣйшаго времени республики, когда подобные браки стали допускаться. При древнихъ римскихъ царяхъ нисколько не считались они неприличными [2]. Ничего положительнаго нельзя сказать, считался ли кровосмѣшеніемъ бракъ дяди съ племянницею, тетки съ племянникомъ. Извѣстно, что императоръ Клавдій былъ женатъ на своей племянницѣ Агриппинѣ. Впрочемъ по расказамъ у Светонія и Тацита [3] объ этомъ произшествіи можно заключить, что подобнаго рода браки считались кровосмѣшеніемъ (incesta), и потому-то Клавдій потребовалъ, чтобы сенатъ особымъ декретомъ разрѣшилъ на будущее время браки съ племянницами.

Браки съ родственниками и родственницами сначала не допускались у Римлянъ по нравственному чувству, оскорблявшемуся подобнаго рода брачными союзами; они считались преступленіемъ противъ религіи и потому едва ли могли случаться у такого религіознаго народа, какимъ были Римляне въ древнія времена. Впрочемъ если бы случились, то могли быть наказываемы по древнему священному праву. По крайней мѣрѣ читаемъ у Квинтиліана [4], что женщину, совершившую кровосмѣшеніе, должно низвергать съ Тарпейской скалы, равно какъ и мущину. Слова Квинтиліана относятъ къ древнѣйшему времени римской республики. Сверхъ того лица, совершившія подобный проступокъ, кромѣ наказанія (poena), обязывались совершать особаго рода очищенія и священные обряды [5]. При томъ же, въ древнѣйшія времена, сами отцы на домашнемъ судѣ (judicium domesticum) могли наказывать преступниковъ, уличенныхъ въ

[1] Gai. I, 60, 61
[2] Liv. I, 42. Dion. Hal. IV, 23.
[3] Suet. Claud. 26. Tac. Ann. XII, 5 — 7.
[4] Quint. Inst. VII, 8, 3, 5, 6.
[5] Tac. Ann. XII, 8.

кровосмѣшеніи, а впослѣдствіи цензора, какъ блюстители народной нравственности. Положительныхъ же государственныхъ законовъ противъ кровосмѣшенія не было у Римлянъ до позднѣйшаго времени, именно до Юліева закона. Этотъ-то законъ, вызванный необходимостію и временемъ, первый назначилъ положительныя наказанія за кровосмѣшеніе, хотя и не обнялъ преступленія въ полномъ объемѣ. Онъ служилъ основаніемъ, на которомъ созидались всѣ опредѣленія императоровъ позднѣйшаго времени по этому предмету и толкованія юристовъ на нихъ. За преступленіе назначались разнаго рода наказанія, болѣе или менѣе строгія, даже смерть при дѣтяхъ Константина, сожженіе и конфискація при Ѳеодосіи, при Юстиніанѣ ссылка, отставка отъ должности, потеря имущества и тѣлесное наказаніе, если виновникъ былъ низкое лицо — vilis persona [1]. При всемъ томъ самая строгость закона не останавливала зла, которое шло въ уровень съ упадкомъ религіи и нравственности. Разумѣется, многія, если не большая часть подобныхъ преступленій, укрывались отъ преслѣдованія закона, хотя и были гласны, какъ напримѣръ преступная связь извѣстнаго Катилины съ дочерью, сестрами [2], какъ связь не менѣе извѣстнаго Клодія съ своими сестрами [3].

—

У Римлянъ, какъ и у Грековъ, браку предшествовала помолвка, сговоры (sponsalia), съ тою только разницею, что у Грековъ сговоры (ἐγγύησις) имѣли торжественный характеръ и юридическое значеніе, такъ что безъ нихъ бракъ не могъ имѣть полной и законной силы, хотя мы и не знаемъ, въ чемъ собственно заключались они. У Римлянъ сговоры не составляли существенной части брака; они не обязывали ни той, ни другой стороны, даже и въ такомъ случаѣ, когда статьи брачнаго договора (tabulae nuptiales, matrimoniales, dotales) были выражены ясными и опредѣленными словами, или даже письменно, и запечатлѣны присутствовавшими лицами, какъ свидѣтелями. Обѣ стороны могли отказаться отъ сдѣланнаго условія, и этимъ ничуть не навлекали на себя отвѣтственности передъ судомъ. Недовольная сторона разражалась только гнѣвомъ, бранью и проклятіями, какъ Эвкліонъ въ Плавтовой комедіи Aulularia. Выслушавши вѣсть о расторженіи свадебнаго условія, онъ призвалъ на виновника проклятіе боговъ: да погубятъ всѣ боги и богини, сколько ихъ есть, того, для кого сего-

[1] Rein Criminalr. der Röm. 869 sqq.
[2] Plut. Cic. X, 2. Ascon. in tog. cand. Orell. pag. 93.
[3] Drum. II, 369, 381, 382. Сл. Tac. Ann. XIV, 2.

дня я несчастный растратилъ столько денегъ [1]. Примѣровъ расторженія брачныхъ условій можно найти достаточно. Такъ, меньшой Катонъ женился на Лепидѣ, сговоренной прежде за Сципіона Метелла, но оставшейся въ дѣвицахъ по расторженіи имъ брачнаго условія [2]. Юлій Цезарь изъ политическихъ расчетовъ выдалъ за Помпея дочь свою Юлію, помолвленную уже за Сервилія Цепіона [3]; Октавіанъ сговоренъ былъ сначала съ дочерью Сервилія Исаврійскаго, но потомъ, изъ политическихъ видовъ, или, точнѣе, по требованію солдатъ, желавшихъ, чтобы Октавіанъ и Антоній не только примирились, но и соединились родственно, женился на несовершеннолѣтней (vix nubilis) падчерицѣ Антонія Клавдіи, съ которою, вслѣдствіе ссоры съ Фульвіею, тоже развелся [4]. Расторженіе брачныхъ условій, такъ же, какъ и расторженіе самаго брака, называлось repudium, — renuntiare, remittere repudium [5]. Впрочемъ, такъ какъ расторженіе условій всегда было слѣдствіемъ какихъ нибудь причинъ, то, хотя оно и не вело никакихъ судебныхъ послѣдствій, все же не оставалось безъ нѣкотораго нареканія, безъ толковъ. Если же прежде расторженія брачныхъ условій заключались другія брачныя условія, то это считалось безславіемъ (infamia), а невѣрность невѣсты признавалась за adulterium.

Такъ было въ Римѣ. Въ Лаціумѣ же, по мѣстному праву, сговоры имѣли юридическое значеніе и расторженіе брачныхъ условій не оставалось безъ наказанія. Судьи разбирали дѣло, и виновную сторону, расторгнувшую условія безъ основательныхъ причинъ, — si nihil justae causae videbatur — присуждали къ уплатѣ извѣстной суммы. Такое установленіе наблюдалось только до полученія жителями всего Лаціума гражданства по Юліеву закону, т. е. до 90 г. до Р. Хр.

Хотя сговоры не считались у Римлянъ существенно нужными для вступленія въ бракъ, такъ что и безъ нихъ браки могли состояться: однако все-таки, по свойству самаго дѣла — брака — и по характеру его у Римлянъ, ни въ какомъ случаѣ не могло обойтись безъ предварительныхъ переговоровъ и условій со стороны жениха съ отцомъ невѣсты, или, если его не было въ живыхъ, съ братомъ, опекуномъ и пр. До брака нужно было узнать, согласится ли на бракъ сторона невѣсты и сама невѣста. Законъ, хотя подчинялъ у Римлянъ дѣтей безграничной власти отца, однако въ дѣлѣ брака не отнималъ у дочери

[1] Plaut. Aul. IV, 10, 53 sqq.
[2] Plut. Cat. M. 7.
[3] Plut. Caes. 14.
[4] Suet. Oct. 62.
[5] Terent. Phorm. IV, 3, 72.

права выразить свое мнѣніе согласіемъ или несогласіемъ съ волею и желаніемъ отца. Кромѣ того нужно было уяснить предварительно многіе предметы касательно брака, какъ-то о приданомъ и пр. Такого рода совѣщанія — primus sermo de nuptiis — могли состояться просто, безъ всякихъ торжественностей и церемоній. Для нихъ не требовалось даже присутствія и личнаго свиданія тѣхъ лицъ, которыя взялись устроить и покончить сговоры; ихъ можно было совершить письмомъ, или черезъ посредника [1].

Такіе сговоры, или, точнѣе, переговоры — primus sermo de nuptiis — предшествовали настоящимъ сговорамъ и вели къ нимъ, если только брачныя стороны не считали достаточными уже этихъ первыхъ условій о бракѣ. Настоящіе сговоры назывались sponsalia, отъ употреблявшейся при этомъ случаѣ формы условій: spondes ne? spondeo, т. е. женихова сторона спрашивала у отца невѣсты, или у брата, опекуна, если отца не было: spondes ne? даешь ли обѣщаніе выдать дочь, сестру и пр., а тотъ, въ случаѣ согласія, отвѣчалъ: spondeo — обѣщаю. Оттого сговоренные назывались: sponsa (обѣщанная) невѣста, sponsus женихъ. Если прежде настоящихъ сговоровъ ничего не было сказано объ условіяхъ брака, то теперь условливались о количествѣ приданаго, о времени уплаты и выдачи его и о другихъ предметахъ, и это называлось conventa conditio, conventum [2]. До какой степени просто и безъ всякихъ обрядовъ совершались иногда сговоры у Римлянъ, видно изъ Плавта, у котораго въ комедіи Aulularia описывается, какъ Мегадоръ проситъ у скупца Эвкліона руку его дочери. Приводимъ эту любопытную сцену.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и подозрительныхъ отвѣтовъ скупца, Мегадоръ прямо обращается къ дѣлу:

Мегадоръ. Скажи, Эвкліонъ, изъ какого, по твоему, происхожу я рода?

Эвкліонъ. Изъ хорошаго.

Мегадоръ. Что скажешь о моей честности?

Эвкліонъ. Она хороша.

Мегадоръ. О моихъ поступкахъ?

Эвкліонъ. Хороши и безупречны.

Мегадоръ. Знаешь ли мои лѣта?

Эвкліонъ. Да, они значительны, какъ и твое состояніе.

Мегадоръ. Правду сказать, и тебя всегда я считалъ, и теперь считаю, человѣкомъ порядочнымъ и не лукавымъ.

[1] Dig. XXIII, 1, 18.
[2] Juv. VI, 25.

Эвкліонъ (*въ сторону*). Деньги онъ чуетъ. (*Къ Мегадору*:) Ну, что же тебѣ нужно?

Мегадоръ. Такъ какъ ты знаешь меня, а я тебя, то — да будетъ счастливо мое желаніе и для меня, и для тебя, и для твоей дочери — я прошу руки твоей дочери. Обѣщай согласиться.

Эвкліонъ. Ну, Мегадоръ, неприличное твоимъ поступкамъ дѣло ты затѣваешь; ты смѣешься надо мною бѣднымъ и невиннымъ; ни словомъ, ни дѣломъ не заслужилъ я, чтобы ты поступалъ со мною, какъ теперь поступаешь.

Мегадоръ. Клянусь тебѣ, не смѣяться я пришелъ надъ тобою, и не смѣюсь, да считаю и неприличнымъ.

Эвкліонъ. Зачѣмъ же ты хочешь жениться на моей дочери?

Мегадоръ. А за тѣмъ, чтобы тебѣ было лучше изъ-за меня, а мнѣ изъ-за тебя и твоихъ.

Эвкліонъ. Приходитъ мнѣ на мысль, Мегадоръ, вотъ что: ты человѣкъ богатый, въ связяхъ, я же бѣднѣйшій бѣднякъ. Такъ вотъ, если выдамъ за тебя мою дочь, приходитъ мнѣ въ голову сравнить тебя съ воломъ, а себя съ осломъ: когда я сопрягусь съ тобою, и когда не буду въ состояніи нести бремени наравнѣ съ твоимъ, тогда я, оселъ, буду лежать въ грязи, а ты, быкъ, не обратишь на меня никакого вниманія, хоть я тебѣ и родня. И у тебя не встрѣчу я привѣта, и мое сословіе будетъ издѣваться надо мной; нигдѣ не найду я постояннаго стойла, если случится разладъ: ослы загрызутъ меня зубами, а быки забодаютъ рогами. Такова-то опасность переходить отъ ословъ къ быкамъ.

Мегадоръ. Чѣмъ тѣснѣе породнишься ты съ честными людьми, тѣмъ лучше для тебя. Прими мое предложеніе, послушайся меня, просватай за меня свою дочь.

Эвкліонъ. Но у меня нечего дать ей въ приданое.

Мегадоръ. Не давай. Для меня достаточно приданаго, если она благонравная дѣвушка.

Эвкліонъ. Я къ тому говорю, чтобы ты не подумалъ, будто я кладъ какой отыскалъ.

Мегадоръ. Знаю, не говори. Просватай.

Эвкліонъ. Ну, такъ и быть.

Мегадоръ. Такъ ты согласенъ? Ты отдаешь за меня свою дочку?

Эвкліонъ. На тѣхъ условіяхъ и съ тѣмъ приданымъ, какъ сказалъ.

Мегадоръ. Такъ ты согласенъ (sponden'ergo)?

Эвкліонъ. Согласенъ (spondeo).

Мегадоръ. Да будетъ благословеніе боговъ.

Эвкліонъ. Да будетъ. Только помни: дочь моя не приноситъ нисколько приданаго.

Мегадоръ. Помню.

Эвкліонъ. Да, знаю, какъ вы умѣете путать; для васъ условіе не условіе, и на оборотъ, не-условіе условіе, какъ вамъ вздумается.

Мегадоръ. Мы не станемъ спорить съ тобою. Что же мѣшаетъ сыграть свадьбу и сегодня?

Эвкліонъ. По чести, ничто.

Мегадоръ. Ну, такъ я иду и приготовлю. Прощай [1].

На сговорахъ невѣста получала нерѣдко отъ жениха обручальное кольцо (annulus pronubus) въ залогъ (pignus) вѣрности и взаимной любви. Иногда кольцо присылалось женихомъ. Плиній говоритъ, что въ его время употреблялись желѣзныя обручальныя кольца безъ всякихъ украшеній. Конечно, не всѣ довольствовались желѣзными; часто употребляли и золотыя, вошедшія почти въ общее употребленіе между Римлянами еще прежде Плинія [2]. Обручальное кольцо надѣвали на лѣвый безъименный палецъ (in manu sinistra minimo proximus), на которомъ обыкновенно носили кольцо Греки и Римляне. Причину, отъ чего именно на этотъ палецъ, а не на другой надѣвали кольцо, Геллій старается объяснить слѣдующимъ образомъ: «при разсѣченіи и вскрытіи труповъ, говоритъ онъ, нашли, что одинъ тончайшій нервъ проходитъ отъ этого пальца къ сердцу, и потому-то умѣстнымъ нашли удостоить подобной чести тотъ по преимуществу палецъ, который какъ бы связывается съ сердцемъ [3]». Со стороны невѣсты женихъ получалъ тоже какой нибудь подарокъ [4]. Въ позднѣйшія времена давались въ этомъ случаѣ дорогіе предметы, какъ залогъ, котораго лишалась отказавшаяся сторона [5].

Просватанная невѣста носила у Римлянъ разныя названія, какъ-то: sperata, pacta, sponsa, destinata (суженая), а женихъ sponsus, въ древнія времена procus. Разнились ли эти названія чѣмъ нибудь по своему значенію, трудно сказать, хотя нѣкоторые и силятся доказать, что каждое изъ названій имѣло особое значеніе, смотря по формѣ брака. По всему вѣроятію, эти названія столько же отличались одно отъ другаго, какъ и у насъ суженая и невѣста: они оттѣняютъ одну и ту же

[1] Plut. Aul. II, 2, 35 sqq. Срав. еще Trinum. II, 4, 98. V, 2, 53 sqq. Poen. V, 3, 36.
[2] Plin. N. H. XXXIII, 1, 4.
[3] Gell. X, 10, 2. Macrob. VII, 13.
[4] Dion. III, 21.
[5] Capitolin. Max. jun. 1. Isidor. IX, 6.

мысль, одно и то же дѣйствіе, выражая разносторонній взглядъ народа на одно и то же житейское дѣло.

Бракъ совершался не всегда тотчасъ же послѣ сговоровъ; день свадьбы совершенно не зависѣлъ отъ времени сговоровъ; свадьба могла быть раньше и позже, и сговоры никогда не обязывали немедленно вступить въ бракъ съ невѣстою. Первый Августъ ограничилъ произволъ и предписалъ откладывать бракъ послѣ сговоровъ не далѣе двухъ лѣтъ.

У Римлянъ было обыкновеніе, выдавая за мужъ дочерей, давать за ними и приданое (dos). На приданое Римляне смотрѣли не только какъ на средство облегчить содержаніе семьи, обезпечить и успокоить ее въ будущемъ, но и какъ на средство способствовать распространенію браковъ. Приданое у Римлянъ составляло принадлежность всѣхъ формъ римскаго брака; оно было какъ бы отличительнымъ свойствомъ законнаго брака; оно было дѣломъ чести не только для отца невѣсты, но даже для ея брата, который почелъ бы безславіемъ для себя выдать сестру безъ приданаго. Такъ можно думать, основываясь на словахъ Плавта, у котораго Лесбоникъ, не смотря на бѣдность, все-таки хлопочетъ о томъ, чтобы выдать сестру съ приданымъ. «Ты хочешь, — говоритъ онъ, обращаясь къ жениху, — жениться на моей сестрѣ; совѣтуешь мнѣ отдать ее безъ приданаго. Нѣтъ, это не годится. Я бѣденъ, но безчестнымъ быть не хочу. Не хочу, чтобы стали толковать обо мнѣ, что я мою родную сестру отдалъ безъ приданаго, какъ бы въ наложницы, а не въ супруги. Думаешь, не скажутъ, что нѣтъ безчестнѣе меня? Возьми ты ее безъ приданаго, молва тотчасъ протрубитъ тебѣ почетъ, а меня смѣшаетъ съ грязью (conlutulet); ты останешься въ выигрышѣ, а я наживу упреки [1].» — Невозможность дать приданое считалась въ нѣкоторой степени семейнымъ несчастіемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ правѣ мы заключить изъ словъ Цицерона въ рѣчи за Квинція, гдѣ наравнѣ съ потерею отличнаго помѣстья ставится и невозможность составить приданое взрослой дочери [2]. Даванію приданаго нисколько не перечило государство; оно еще благопріятствовало ему, ободряло и поощряло его. Законъ Юліевъ вмѣнялъ даже нѣкоторымъ образомъ въ обязанность отцу давать приданое за дочерью, на томъ основаніи, что онъ самъ, женившись, получилъ приданое. — Кромѣ отца законы обязывали къ дачѣ приданаго дядю съ отцовой стороны, мать, даже брата. Не запрещалось у Римлянъ, — что не-

[1] Plaut. Trin. III, 2, 55 sqq.
[2] Cic. p. Quint. XXXI, 98.

рѣдко случалось — получать невѣстѣ приданое отъ другихъ родственниковъ, либо отъ лицъ, которыя не были обязаны къ дачѣ его. Само даже государство нерѣдко брало на себя эту обязанность, въ лицѣ дѣтей желая почтить память отцовъ: оно выдавало приданое изъ государственныхъ денегъ дочерямъ знаменитыхъ своими заслугами на пользу отечества гражданъ. Эту благородную черту древнихъ Римлянъ встрѣчаемъ въ примѣрахъ надъ дочерьми Сципіона, Фабриція и Курія, которыя выданы были за-мужъ съ приданымъ на общественный счетъ[1]. «По истинѣ (говоритъ Сенека) справедливость требовала, чтобы народъ римскій одинъ разъ заплатилъ дань Сципіону, освободившему его навсегда отъ Карѳагена. Счастливы тѣ мужья, которымъ народъ римскій былъ вмѣсто тестя[2].»

Отсюда уже очевидно, что приданое у Римлянъ не было изобрѣтеніемъ, или прихотью позднѣйшаго времени: оно, какъ извѣстно заподлинно, давалось съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Уже у Плавта дочь безприданница составляла бремя для родителей и не разъ заставляла ихъ призадумываться и горевать объ ея участи. «О чемъ ты говоришь самъ съ собою? — спрашиваетъ Мегадоръ у Эвкліона. — Да жалуюсь на свою бѣдность, — отвѣчаетъ скряга Эвкліонъ; — у меня дочь уже взрослая, да безприданница; никто не женится на ней «(illocabilis)[3].» — Количество приданаго не опредѣлялось закономъ. Въ древнія времена римской республики приданое не могло быть велико по бѣдности Рима; впослѣдствіи, по мѣрѣ увеличившагося богатства и внѣшняго благосостоянія Римлянъ, увеличилось и приданое. Приданое, данное дочери Сципіона, простиралось до 11,000 ассовъ, а Мегуллія, названная богатою невѣстою (dotata), имѣла за собою 50,000 ассовъ[4]. Впослѣдствіи, милліонъ сестерцій т. е. два съ половиною милліона ассовъ (болѣе 50,000 руб. сер.), былъ едва ли не обычнымъ приданымъ; по крайней мѣрѣ эта сумма нѣсколько разъ встрѣчается у писателей позднѣйшаго времени. У Марціала въ одной эпиграммѣ читаемъ: «Отчего это Салейянъ слишкомъ печаленъ? Похоронилъ, говорятъ, жену. О тяжкій случай! О великое преступленіе судьбы! Такъ умерла та богатая Секундилла, что̀ принесла тебѣ въ приданое милліонъ сестерцій. Не желалъ бы я, чтобы это случилось съ тобою[5].» Даже получали несравненно болѣе, какъ видно тоже изъ Марціала, у котораго

[1] Val. Max. IV, 4, 10. Apul. de Mus. XVIII, 135.
[2] Sen. Cons. ad Helv. XII, 5.
[3] Plaut. Aul. II, 2, 13.
[4] Val. Max. IV, 4, 10.
[5] Mart. II, 65. X, 23. Juv. X, 335. II, 117. VI, 137.

въ эмиграммѣ Петъ говоритъ другому лицу: «Не стыдно ли тебѣ оплакивать смерть дворовой (vernulae); я похоронилъ супругу, и однакожь живу, супругу извѣстную, гордую, благородную, богатую. И подлинно, что можетъ быть мужественнѣе нашего Пета? Получилъ двадцать милліоновъ въ приданое, и однакожь остается живъ [1].»

Но взявши жену съ приданымъ, не разъ, быть можетъ, приходилось мужу повторить вмѣстѣ съ однимъ лицомъ въ комедіи у Плавта: я взялъ деньги, да власть продалъ за приданое — argentum accepi, dote imperium vendidi [2]. Неопровержимая истина, что богатая жена управляетъ мужемъ — dotata regit virum conjunx [3], — и для Римлянъ не была новостію. Уже комикъ Невій сказалъ: не желаю, чтобы жена моя принесла мнѣ приданое. Турпилій, тоже комикъ, издѣвался надъ мужьями, которые дѣлаются горничными (ancillantur) своихъ богатыхъ женъ. У Плавта встрѣчаемъ слѣдующее: «Только жена безприданница во власти у мужа, принесшія приданое мучатъ и терзаютъ мужей [4]. Если бы всѣ богатые женились на дочеряхъ бѣдняковъ безъ приданаго, то и государство было бы спокойнѣе, и меньше было бы ненависти, чѣмъ теперь, и жены болѣе боялись бы дурнаго, чѣмъ теперь, и мы менѣе бы тратили, нравы были бы лучше, нежели теперь, когда жены вмѣсто нравовъ приносятъ приданое; тогда ни одна не сказала бы: я принесла тебѣ приданаго больше, чѣмъ твое состояніе, — такъ нужно мнѣ имѣть и пурпуръ, и золото, и служанокъ, и муловъ, и лакеевъ, и людей для разсылки, и экипажи для ѣзды. Этого еще мало, — а дома ждутъ тебя и продавецъ суконъ, золотошвей, золотарь, ткачь, всякаго рода купцы, ремесленники, швеи, башмашники и пр., которыхъ нужно удовлетворить [5].» Позднѣйшіе писатели тоже видѣли владычество этой истины надъ своими современниками, и потому Ювеналъ говоритъ: «Ничего нѣтъ несноснѣе, какъ богатая жена. Богатая жена покупаетъ себѣ за приданое совершенную свободу говорить и дѣйствовать, какъ ей вздумается, не стѣсняясь присутствіемъ мужа, который какъ бы не существуетъ для нея.» Вотъ такихъ-то женъ Ювеналъ удачно назвалъ вдовами [6]. Очевидно, что и въ древнемъ мірѣ бѣдные мужья часто состояли подъ башмакомъ у своихъ богатыхъ женъ, говоря языкомъ нашего времени, или дѣлались женами своихъ женъ, говоря языкомъ

[1] Mart. V, 37, 20.
[2] Plaut. Asin. I, 1, 72.
[3] Hor. Od. III, 24, 19.
[4] Plaut. Aul. IV, 5, 60.
[5] Plaut. Aul. III, 5, in.
[6] Juv. VI, 136—141, 460.

древнихъ. «Спрашиваешь (говоритъ Марціалъ), отчего не хочу жениться на богатой? Оттого, что не хочу выйти за мужъ за мою жену. По моему жена должна быть ниже своего мужа; иначе не будетъ между ними равенства.»

Подъ именемъ приданаго (dos) разумѣли Римляне, какъ и мы, все то, что̀ дается за невѣстою, не только деньги, но все движимое и недвижимое имущество. Приданое у Римлянъ было двоякаго рода: dos profectitia и adventitia. Подъ первымъ разумѣли приданое, доставшееся невѣстѣ прямо отъ отца; подъ вторымъ, доставшееся отъ другихъ лицъ, или принадлежавшее самой невѣстѣ. Этимъ же именемъ называлось и то приданое, которое выдавалось бѣднымъ дѣвицамъ изъ государственнаго казначейства въ память заслугъ, оказанныхъ отечеству ихъ отцами. Выговоренное и условленное приданое непремѣнно выдавалось въ продолженіи года, исключая денегъ, которыя выплачивались въ три года за три срока [1].

Было еще у Римлянъ приданое, называвшееся dos receptitia: такъ называли ту часть изъ приданаго, принесеннаго женою мужу, которую жена удерживала для себя, и которая оставалась совершенно въ ея распоряженіи, отдѣльно и независимо отъ вліянія мужа. Это-то приданое особенно много способствовало къ тому, что Римлянки пріобрѣли со временемъ сильное вліяніе и власть надъ своими супругами, которые, раззорившись отъ разныхъ причинъ, частію отъ расточительности и роскоши своихъ женъ, частію отъ собственныхъ честолюбивыхъ замысловъ и происковъ, принуждены были прибѣгать къ займу у своихъ же женъ изъ приданаго receptitia, чѣмъ и ставили себя въ совершенную зависимость отъ женской половины. Это именно особенно раздражало стараго Катона, который говоритъ, что жены, разсердившись на мужей, не даютъ имъ покою своими требованіями касательно отдачи занятыхъ денегъ. Онѣ находили себѣ вѣрныхъ и усердныхъ помощниковъ въ собственныхъ своихъ рабахъ, которые тоже назывались receptitii. Ихъ жены посылали къ своимъ мужьямъ съ неотступными требованіями и преслѣдованіями [2].

По римскимъ законамъ приданое жены составляло собственность мужа во все продолженіе супружества; онъ былъ полнымъ распорядителемъ и хозяиномъ его; онъ былъ dominus dotis, могъ пользоваться имъ, отчуждать его и вообще поступать съ нимъ, какъ слѣдуетъ владѣльцу; даже могъ искать по суду на женѣ, если бы она взяла

[1] Polyb. XXXII, 13, 5.
[2] Gell. XVII, 6, 1.

тайно или утаила что-нибудь изъ приданаго [1]. Это неограниченное право мужа на приданое вполнѣ соотвѣтствовало строгимъ бракамъ съ manus. Впослѣдствіи, когда браки съ manus стали упадать, безъ сомнѣнія и права мужа на приданое жены стали ограниченнѣе, такъ что на мужа начали мало по малу смотрѣть, какъ на управителя, на вѣрнаго хранителя приданаго своей жены, и ему вмѣнялось въ обязанность радѣть объ немъ, какъ о своей собственности, прилагать къ нему все вниманіе и старательность [2]. Какъ управитель, мужъ обязывался къ отчету, особенно же при наступленіи развода. Причиненный имъ убытокъ, ущербъ или поврежденіе падали на его отвѣтственность; вознагражденіе и исправленіе производилъ мужъ на собственный счетъ. Законъ Юліевъ отнялъ у мужа право продавать приданое жены безъ ея воли и согласія, и вовсе запретилъ закладывать его, даже съ согласія жены. Такое ограниченіе очевидно сдѣлано въ пользу женщинъ, которыя, при частыхъ разводахъ и при усилившейся роскоши, оставались не рѣдко въ обществѣ безъ всякаго состоянія, съ несбыточною надеждою дожиться когда-нибудь до полученія долга съ раззорившагося мужа, выйти изъ вдовьяго состоянія и снова вступить въ бракъ, что̀ безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду и законъ, когда сказалъ: государству полезно, чтобы женщины сохраняли въ цѣлости свое приданое, при посредствѣ котораго онѣ могутъ выходить за мужъ [3].

По смерти мужа приданое переходило въ руки жены все сполна. Если же оно не могло быть возвращено все сполна, то пополнялось изъ имѣнія покойнаго мужа, какъ случилось съ Сципіономъ, который, по словамъ Полибія, хотя больше всѣхъ своихъ современниковъ доставилъ въ римскую казну изъ испанскихъ добычь, хотя въ Македоніи имѣлъ въ своихъ рукахъ (κύριος γενόμενος) величайшія сокровища и самую полную власть надъ ними, однако оставилъ послѣ себя столько состоянія, что за продажею утвари, не могла совершиться уплата приданаго жены, и потому нужно было продать нѣкоторыя его помѣстья [4]. Судьба приданаго послѣ смерти жены была у Римлянъ не одинакова въ разное время. Въ древнѣйшія времена, со смертію жены, мужъ дѣлался полнымъ владѣтелемъ приданаго покойницы [5]. Этотъ обычай потерялъ силу къ концу республиканскаго правленія, когда узаконено было, чтобы приданое, выданное дочери отцемъ, возвращалось къ нему по смерти ея;

[1] Dig. XXV, 2, 24.
[2] Rein. Civilr. 198.
[3] Dig. XXIII, 3, 2.
[4] Pol. XXXII, 8, 3.
[5] Schol. ad Pers. II, 14.

вдовецъ же имѣлъ право удержать изъ всего приданаго по одной пятой части на каждое дитя [1]. Если же отца не было въ живыхъ, то приданое жены оставалось у мужа. Приданое adventitia, по смерти жены, оставалось тоже въ рукахъ мужа, исключая того случая, если, при дачѣ приданаго, было условлено, чтобы оно возвращено было дѣтямъ [2]. Если же жена, при смерти мужа, была лицемъ самостоятельнымъ (sui iuris), то приданое переходило къ ея наслѣдникамъ, т. е. къ дѣтямъ.

Въ случаѣ развода приданое подвергалось различной участи, судя по виновности лица, черезъ которое произошелъ разводъ, и по степени вины. Если причиною развода былъ мужъ своимъ дурнымъ поведеніемъ, или разводъ возникъ отъ его каприза и своеволія, то приданое, полученное имъ за женою, выдавалось или тотчасъ же во всей полнотѣ, или въ продолженіи шестимѣсячнаго срока, смотря по степени поступковъ, причинившихъ разводъ, такъ что и для дѣтей онъ ничего не могъ оставить изъ женинаго приданаго, а обязанъ былъ самъ заботиться объ нихъ [3]. Если же причиною развода была жена, то здѣсь принималась въ расчетъ степень виновности жены. Такъ напр. бракъ, расторгнутый вслѣдствіе легкомыслія, своеволія, или произвола жены, или по желанію женинаго отца, лишалъ жену части приданаго. Мужъ, въ этомъ случаѣ, имѣлъ право дѣлать вычетъ изъ него въ пользу прижитыхъ съ нею дѣтей, именно: вычиталась шестая часть для каждаго дитяти, и это называлось retentio propter liberos. Мужъ, впрочемъ, не могъ удержать болѣе трехъ шестыхъ, т. е. половины приданаго: иначе на него можно было жаловаться [4]. Если бракъ былъ расторгнутъ вслѣдствіе дурнаго поведенія жены, то мужъ тоже имѣлъ право удерживать часть ея приданаго, что̀ называлось retentio propter mores. Въ древнія времена, жена, причинившая разводъ своимъ дурнымъ поведеніемъ, напр. употребленіемъ вина, безнравственною жизнію, теряла, вѣроятно, все приданое, или же большую часть его. Впослѣдствіи въ распоряженіяхъ относительно судьбы приданаго послѣ расторженія брака по винѣ жены, сдѣланы нѣкоторыя смягченія. Кому слѣдуетъ приписать ихъ, неизвѣстно. Вѣроятно — Юліеву закону, о которомъ было уже упомянуто нѣсколько разъ. Въ силу этихъ измѣненій и смягченій, приданое жены не подвергалось уже такому вычету, какъ въ прежнія времена, и въ случаѣ только тяжкихъ пре-

[1] Ulp fragm. VI, 4.
[2] Ulp. fragm. IV, 5.
[3] Ulp. fragm. VI, 13: Cic. Top. 4 Boëth. ed. Orell. pag. 303.
[4] Ulpian. fragm. VI, 10.

ступленій, напр. нарушенія супружеской вѣрности, удерживалась мужемъ шестая часть приданаго; при расторженіи брака по причинѣ меньшихъ проступковъ удерживалась только осьмая [1].

Для дознанія, кто именно виноватъ въ расторженіи брака, мужъ или жена, равно какъ и для уясненія вопроса, имѣетъ ли право мужъ удерживать часть приданаго (retentio), прибѣгали къ посредству судьи, т. е. къ претору, или къ консулу, которые и разбирали дѣло. Отсюда образовался мало по малу нравственный судъ (judicium de moribus), получившій законную силу, подъ предсѣдательствомъ претора, разбиравшаго дѣло. Этого суда не надобно смѣшивать съ семейнымъ (judicium domesticum), составлявшимъ особую черту въ характерѣ римскаго семейства. Время учрежденія нравственнаго суда неизвѣстно. Существовалъ онъ впрочемъ еще до Августа, а при немъ подвергнулся только нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ отрывка Катоновой рѣчи, сохранившейся у Авла Геллія [2], о приданомъ: тутъ говорится, что когда мужъ развелся, или разводится со своею женою, то судья, какъ цензоръ, чинитъ судъ надъ нею, т. е. входитъ въ разбирательство объ ея правахъ и поведеніи, потому что такова должность цензора. Еще яснѣе указываетъ Квинтиліанъ на это важное учрежденіе; онъ даже приводитъ предметы, на которые обращалось вниманіе на судѣ и которые подлежали разбору. Отсюда мы узнаемъ, что здѣсь рѣшалось, по чьей винѣ произошелъ разводъ, и разбиралось дѣло о приданомъ, слѣдуетъ ли возвратить его женѣ, и когда возвратить [3]? Если жена признавалась по суду виновною, то, кажется, все ея приданое удерживалъ мужъ, — мѣра, которую смягчилъ законъ Papia Poppaea. Нравственный судъ вовсе отмѣненъ былъ Юстиніаномъ.

Вѣра въ примѣты, въ дурное или доброе предзнаменованіе ихъ, проникавшая у Римлянъ какъ частную, такъ и общественную жизнь, не могла не коснуться такого важнаго дня въ жизни древняго, какъ и новаго человѣка, какимъ былъ день свадьбы. Зная, хоть по наслышкѣ, суевѣрную, не рѣдко дѣтски-наивную заботливость древнихъ Грековъ и Римлянъ избѣгать всего, что̀ выражало или заключало дурную примѣту, или хотя намекало на нее, нисколько не будемъ удивляться, если увидимъ, что выборъ дня для свадьбы былъ важнымъ дѣломъ въ семейной жизни этихъ народовъ. Дни въ римскомъ календарѣ, дѣли-

[1] Rein 198. sqq.
[2] Gell. X, 23.
[3] Quint. Inst. VII, 4, 11. 38.

лись на два отдѣла: одни считались счастливыми и благопріятными для начатаго дѣла, другіе напротивъ предвѣщали несчастіе, и потому одни были счастливые, бѣлые дни, другіе несчастные, черные. Примѣнительно къ бракамъ считались несчастными всѣ дни, извѣстные у Римлянъ подъ именемъ religiosi dies. Такъ назывались у нихъ тѣ дни, которые ознаменовались несчастными для Рима битвами и неудачными предпріятіями, равно какъ и тѣ, въ которые случилось какое нибудь зловѣщее, печальное явленіе (tristi omine infames dies). Сюда относится день, слѣдующій послѣ идъ [1]; онъ считался несчастнымъ, какъ говорятъ, потому, что пораженіе при Алліѣ и Кремерѣ случилось въ іюльскія иды, или непосредственно послѣ нихъ. Децемвиры опредѣлили, чтобы слѣдующій день послѣ идъ во всѣхъ мѣсяцахъ признавался несчастнымъ [2]. Равнымъ образомъ день, слѣдующій послѣ календъ и нонъ, признавался тоже неблагопріятнымъ (ater), потому что многіе сенаторы припомнили, что всякій разъ, какъ сановникъ народа римскаго предъ началомъ войны совершалъ святое дѣло на другой день послѣ календъ, нонъ и идъ, въ первомъ же сраженіи (proximo praelio) Римляне терпѣли пораженіе [3]. Оттого эти дни, называвшіеся postriduani [4], считались зловѣщими.

Изъ мѣсяцевъ весь май признавался неблагопріятнымъ для празднованія свадьбы [5]. Отыскать причину, отчего жениться въ маѣ считалось у Римлянъ дурною примѣтою, едва ли можно. Правда, Плутархъ силится рѣшить этотъ мудреный вопросъ, но предлагаетъ нѣсколько догадокъ, ничего впрочемъ не рѣшающихъ [6]. Неблагопріятною для браковъ считалась также вся первая половина іюня [7].

Совершать свадьбу во дни нѣкоторыхъ праздниковъ тоже относили къ дурнымъ примѣтамъ. Къ такимъ праздникамъ принадлежали parentalia — поминки, годовой праздникъ въ память умершихъ родичей (parentes), начинавшійся молитвою и жертвоприношеніемъ Янусу и Юпитеру и оканчивавшійся пиромъ при могилѣ воспоминаемыхъ. Совершался онъ въ февралѣ, но въ какой именно день, не знаемъ. «Когда-

[1] Календами называлось у Римлянъ первое число каждаго мѣсяца; идами (idus) пятнадцатое число въ мартѣ, маѣ, іюлѣ и октябрѣ, въ остальныхъ же тринадцатое; девятый день передъ идами назывался ноны (nonus), слѣдовательно, седьмое число въ мартѣ, маѣ, іюлѣ и октябрѣ, пятое въ остальныхъ.
[2] Ovid. Fast. I, 55 sqq. Aelian. Var. H. II, 25.
[3] Gell. V, 17. Plut. Quaest. R. 25.
[4] Macrob. I, 15 fin.
[5] Ovid. Fast. V, 490.
[6] Plut. Q. N. 86.
[7] Ovid. Fast. VI, sqq.

то (говоритъ Овидій) за безпрестанными войнами были забыты поминальные дни. Это не осталось безъ наказанія. Римъ, говорятъ, задымился (incaluisse) отъ похоронныхъ костровъ. Говорятъ, едва вѣрится, въ мракѣ ночи выходили изъ гробовъ, сѣтуя, предки, молчаливые и печальные; говорятъ, безликія (deformes) тѣни воздушною толпою (vulgus inane) поднимали жалобные крики (ululasse) по улицамъ города и по широкимъ полямъ. Это возвратило гробамъ забытыя почести (praeteriti), и насталъ конецъ чудесамъ и похоронамъ. А все-таки оставайтесь дѣвушки безбрачными въ дни поминокъ; жди, свадебная свѣточь, чистыхъ дней; не расплетай, кривое копье (hasta recurva), дѣвичьихъ волосъ; спрячь, Гименей, твои свѣточи [1] и пр.» Дни patentis mundi [2], именно 24-го августа, 4-го или 5-го октября, 8-го или 11-го ноября тоже причислялись къ неблагопріятнымъ для совершенія свадьбы, потому что они признавались посвященными адскимъ божествамъ. По словамъ Варрона, приводимымъ у Макробія, когда открывается mundus, то какъ бы отворяется дверь богамъ мрачнымъ и подземнымъ, и потому грѣхъ (religiosum est) не только сражаться въ эти дни, но даже дѣлать наборъ войска, отправляться въ море, жениться и пр. [3]. Въ числѣ неблагопріятныхъ для свадьбы праздниковъ признавался и праздникъ Саліевъ [4], жрецовъ Марса, въ мартѣ съ 1-го по 19-е, осо-

[1] Ovid. Fast. II, 546—560.

[2] *Patens mundus.* Подъ mundus, кромѣ собственнаго значенія, разумѣли Римляне еще и адъ — mundus orci, Ditis. Въ Римѣ на комиціумѣ была круглая яма, которую представляли входомъ въ адъ, и которая была вырыта, какъ говорятъ, еще при Ромулѣ. Яма постоянно въ продолженіи года была закрыта камнемъ, который назывался lapis manalis; только три раза въ годъ въ сказанные дни открывали ее. Эти дни были посвящены подземнымъ божествамъ и признавались черными днями. Римляне вѣрили, что въ продолженіи ихъ отворяются двери ада, и жильцы его выходятъ на свѣтъ, чтобы побывать между живущими на землѣ. Оттого-то Римляне остерегались начинать что нибудь важное въ эти дни, напр. набирать войско, выступать въ походъ, давать сраженіе, собирать народное собраніе, отправлять корабль въ море, заключать бракъ, праздновать свадьбу. Одна только настоятельная необходимость могла измѣнить обычай. Для умилостивленія гнѣвныхъ и раздражительныхъ подземныхъ боговъ приносили имъ въ тѣ дни жертвы, что̀ дѣлалось и въ другіе черные дни.

[3] Macrob. I, 16. pag. 279. Bipont.

[4] *Salii* — жрецы Марса, учрежденные Нумою. Дѣлились они на два отдѣла, на Саліевъ Палатинскихъ, которые приносили жертвы на Палатинскомъ холмѣ, и Саліевъ Коллинскихъ (Agonales, Collini), которые приносили жертвы на Квиринальскомъ холмѣ подлѣ Коллинскихъ воротъ; первые назывались старшими, вторые младшими; учрежденіе вторыхъ приписываютъ Туллу Гостилію; число тѣхъ и другихъ было двадцать четыре, по двѣнадцати въ отдѣлѣ. Орденъ Саліевъ пережилъ республику; имена ихъ встрѣчаются при позднѣйшихъ императорахъ до Ѳеодосія, изгнавшаго ихъ. При избраніи ихъ держались общаго правила для всего жреческаго сословія въ Римѣ, именно: они выбирались изъ стариковъ, прожив-

бенно же первые три дня марта, когда жрецы носили по городу Марсовъ щитъ (ancile), упавшій, по римскому преданію, съ неба. Праздникъ признавался неблагопріятнымъ для свадьбы потому именно, что сопровождался звукомъ оружія и военными танцами: pugna, по словамъ Овидія, est aliena maritis, a arma movent pugnam [1]. Были и другіе праздники, въ продолженіе которыхъ считалось неблагопріятнымъ совершать свадьбу, какъ-то праздникъ Ларамъ 24-го декабря и пр. Календы, ноны и иды тоже причислялись къ днямъ, которыхъ не слѣдовало избирать для свадьбы, не потому, что они были черные дни, а потому, что календы и иды были праздники (feriati). Ноны, правда, не считались праздниками, и потому сами по себѣ не заключали ничего неприличнаго и препятствующаго совершенію брака; но свадьба у Римлянъ праздновалась два дня; слѣдовательно, начатая въ ноны, она могла окончиться только на другой день нонъ, а мы знаемъ, что второй день послѣ нонъ, какъ и послѣ календъ и идъ, отмѣченъ былъ въ римскомъ календарѣ въ числѣ черныхъ дней. Поэтому и ноны причислены были къ неблагопріятнымъ для свадьбы днямъ [2].

Основываясь на словахъ Плутарха, можно заключить, что Римляне считали неприличнымъ совершать свадьбу во всѣ дни народныхъ праздниковъ. Но въ этихъ словахъ заключается извѣстіе, которое трудно объяснить: онъ говоритъ, что дѣвушкамъ неприлично (ἔϑος οὐκ ἔστι) вступать въ бракъ въ праздничные дни, а вдовамъ можно. Откуда возникъ подобный обычай, и чѣмъ объяснить его? Плутархъ пред-

шихъ по крайней мѣрѣ 50 лѣтъ; впослѣдствіи стали выбирать и молодыхъ, только совершеннолѣтнихъ; выбирались люди благороднаго происхожденія, непорочной жизни, имѣвшіе тѣло безъ всякихъ недостатковъ и достаточное состояніе. Саліи составляли особое братство, начальникомъ котораго былъ pontifex Salius. Саліи носили пеструю, шитую тунику, опоясанную мѣднымъ поясомъ, тогу, на головѣ имѣли высокую остроконечную шляпу, а на боку мечь; въ правой рукѣ копье, мѣдную палочку, или что-нибудь подобное, а въ лѣвой или на шеѣ одинъ изъ щитовъ Марса. Праздникъ Саліевъ состоялъ въ торжественномъ ходѣ по городу, при чемъ жрецы пѣли священныя пѣсни подъ звуки флейты и сопровождали ихъ военными танцами и звукомъ оружія, ударяемаго одно объ другое. Праздники начинались перваго марта: въ этотъ день верховный Понтифексъ вмѣстѣ съ салійскими дѣвицами приносилъ жертву Марсу въ своемъ жилищѣ, гдѣ хранились священныя копья и щиты. На второй день начинался торжественный ходъ по городу: Саліи дѣлали обхожденіе кругомъ всякаго алтаря и храма, призывая въ молитвахъ мѣстное божество и принося ему жертву. Каждый день они оканчивали въ своихъ жилищахъ богатымъ и роскошнымъ ужиномъ, гдѣ и ночевали вмѣстѣ съ своими служителями и священными оружіями. Оружіе относилось въ свое мѣсто только въ послѣдній день праздника.

[1] Ovid. Fast. III, 7 393—397.

[2] Macrob I, 15. pag 275, 276. ed. Bipon.

ставляетъ нѣсколько вопросовъ и догадокъ. Обычай наблюдали, говоритъ онъ, быть можетъ потому, что дѣвица выходитъ за мужъ неохотно и съ печалью оставляетъ домъ отца и матери, а вдова съ радостію; въ праздники же не слѣдуетъ ничего совершать по принужденію и съ печалью; или, быть можетъ, потому, что дѣвицамъ прилично праздновать свою свадьбу въ присутствіи многихъ, а вдовамъ напротивъ это постыдно; въ праздники же народъ, увлекаясь радостями и удовольствіями самаго праздника, больше занимается имъ, чѣмъ другими событіями, случающимися въ такой день; свадьба въ это время можетъ пройти незамѣтно, безъ стеченія народа; или же потому, что сабинскія дѣвицы, похищенныя Римлянами въ праздникъ, были причиною войны, что̀ и заставило древнихъ Римлянъ признать праздники неудобнымъ временемъ для того, чтобы торжествовать свадьбу дѣвицъ [1]. Въ какой степени удовлетворительны объясненія Плутарха, оставляемъ на судъ читателей.

Но если, по вѣрованію Римлянъ и по взгляду ихъ на жизнь, были дни неприличные и неблагопріятные для свадьбы, за то были и счастливые. Къ такимъ особенно причисляли всю вторую половину іюня — post sacras Iunius Idus utilis nuptiis, utilis et viris [2].

Прежде было сказано, что браки у Римлянъ совершались не одинаково, что они разнились по способу заключенія, которымъ опредѣлялось отношеніе и положеніе жены въ домѣ мужа, что были браки строгіе, совершавшіеся черезъ confarreatio, coëmptio и usus, передававшіе жену во власть мужа и доставлявшіе ей имя matris familias, и браки свободные, въ которыхъ жена была только uxor, оставалась во власти отца, или была sui juris. Необходимымъ слѣдствіемъ такого разнообразія браковъ было и разнообразіе свадебныхъ обрядовъ: одни изъ браковъ сопровождались большимъ числомъ обрядовъ, другіе меньшимъ, а нѣкоторые обходились совершенно безъ всякихъ обрядовъ, напр. браки втораго рода, для которыхъ достаточно было сожительство — consuetudo liberae mulieris; даже можно было выйти за мужъ за отсутствующаго, извѣстивъ письмомъ или нарочнымъ (per nuntium) [3]. Отсюда просимъ не выводить заключенія, что послѣдніе браки совершенно не имѣли никакого права сопровождаться торжественными обрядами. Напротивъ, отъ воли вступающихъ въ бракъ зависѣло отпраздновать свадьбу просто, безъ всякаго шуму и

[1] Plut. Quaesl. Rom 105.
[2] Ovid. Fast. VI, 223. 224.
[3] Dig. XXIII, 2, 5. 6. 4. § 4.

торжественности, на скорую руку, или обстановить ее приличными обрядами. Нѣкоторые изъ брачныхъ обрядовъ были общи всѣмъ родамъ римскаго брака; другіе усвоены только одному, напр. въ бракѣ черезъ confarreatio, составлявшемъ самую торжественную и убыточную форму брака.

Въ день брака невѣста одѣвалась въ особую одежду, которую составляли прямая туника (tunica recta), или регилла (regilla), изъ бѣлой матеріи, покрывало ярко-желтаго цвѣта и сѣтка на голову. Эти три предмета составляли принадлежность всѣхъ родовъ и формъ римскаго брака. По словамъ Феста, дѣвицы-невѣсты наканунѣ еще свадьбы надѣвали на себя сказанную одежду и въ ней ложились спать для примѣты (ominis causa). Впрочемъ региллу надѣвали не только невѣсты въ день брака, но и новобрачныя (novae nuptae) послѣ свадьбы. Регилла, или прямая туника, была то же, что и обыкновенная туника, только отличалась способомъ тканья: она ткалась (ἄνω ὑφαίνειν) такъ, что нити основы (stamen) подобной туники шли не горизонтально, но вертикально. Невѣста подпоясывала региллу шерстянымъ поясомъ, который завязывала такъ называемымъ геркулесовымъ узломъ. Послѣ свадьбы поясъ развязывалъ самъ мужъ, тоже ominis causa. Геркулесовымъ узломъ завязывали, какъ говорятъ, съ тою цѣлію, чтобы молодая чета была столько же плодовита, какъ Геркулесъ, имѣвшій семьдесять дѣтей. Геркулесовъ узелъ игралъ у древнихъ немаловажную роль и употреблялся какъ симпатическое средство противъ нѣкоторыхъ болѣзней [1]. Это былъ простой дважды затянутый узелъ. Покрывало (flammeum), которое надѣвала невѣста въ день брака, было, какъ мы сказали, ярко-желтаго цвѣта, имѣвшаго у Римлянъ хорошую примѣту (bonum omen). Такого же цвѣта надѣвались и башмаки (socci). Волосы на головѣ у невѣсты расчесывались тоже особеннымъ образомъ: они раздѣлялись на шесть локоновъ, по три на каждой сторонѣ головы. Дѣлалась подобная прическа либо потому, что она была древнѣйшая, либо потому, что носили ее весталки. Волосы у невѣсты разбирались не обычнымъ орудіемъ, напр. гребешкомъ и пр., но для этого употреблялось копье (hasta), называвшееся caelibaris и имѣвшее символическое значеніе; остріемъ подобнаго копья располагались волосы у невѣсты. Чтó этимъ хотѣли выразить, трудно навѣрное сказать. Плутархъ догадывается, что этимъ намекали на то, что первыя жены достались Римлянамъ съ бою и силою, или на то, что супружество составляетъ столь тѣсную связь, что одно только желѣзо можетъ расторгнуть ее [2].

[1] Plin. N. H. XXII, 21, 29. XXVIII, 4, 12. 6, 17.
[2] Plut. Quaest. Rom. 87.

Всякаго рода свадьба начиналась у Римлянъ торжественнымъ провожаніемъ невѣсты въ домъ жениха изъ отцовскаго дому, откуда уводили ее какъ бы противъ воли, какъ бы насильно похищали изъ материнскихъ объятій, по выраженію Феста — rapi simulatur ex gremio matris [1]. Въ этомъ похищеніи древніе видѣли намекъ на насильственное похищеніе Сабинянокъ. Мы замѣтимъ, что обычай существовалъ не у однихъ только Римлянъ: его находимъ мы и у древнихъ Грековъ, не говоря уже о современныхъ намъ народахъ. Провожаніе невѣсты называлось по латыни deductio, и имъ-то объясняется извѣстный оборотъ латинской рѣчи — ducere, deducere uxorem (вести, выводить жену). По вѣрованію Римлянъ провожаніе невѣсты изъ отцовскаго дома совершалось подъ покровомъ Юноны домоводительницы (domiduca), иначе путеводительницы (iterduca). Невѣсту провожали не только родственники и друзья, но и многіе посторонніе, стекавшіеся сюда отчасти изъ любопытства посмотрѣть на невѣсту, отчасти отъ бездѣлья, чтобы позѣвать, какъ это водится и у насъ. Разумѣется, чѣмъ многолюднѣе была толпа, провожавшая невѣсту, тѣмъ проводы считались торжественнѣе. Со стороны провожавшихъ это было обязательною вѣжливостью, officium; оттого officio celeberrimo deducta — при многочисленномъ стеченіи народа провожаемая [2]. Провожаніе совершалось обыкновенно вечеромъ при свѣтѣ факеловъ, и потому-то въ эпиграммѣ у Марціала читаемъ: «Бородатый Каллистратъ вышелъ замужъ за грубаго Африканца. На свадьбѣ свѣтили факелы, лицо было закрыто покрываломъ, пѣлись свадебныя пѣсни, даже приданое было назначено. Развѣ этого не довольно для тебя, Римъ?» — Факеловъ было пять, иногда же три, большею частію изъ сосны (pinea). Съ числомъ пять соединялось какое-то значеніе, которое неясно, не смотря на догадки Плутарха [3]. По окончаніи церемоніи, факелы не бросались, но уносились друзьями новобрачныхъ. Съ этимъ тоже соединялось таинственное значеніе: оставить ихъ въ домѣ новобрачныхъ, или вообще не припрятать, было чрезвычайно опасно. Если бы жена положила одинъ изъ факеловъ тайно подъ постель своего мужа, или мужъ сжегъ его на гробницѣ, это ускорило бы смерть того или другаго лица. Первоначальный обычай требовалъ, чтобы невѣста не ѣхала, а шла пѣшкомъ. Въ позднѣйшія времена впрочемъ, обычай пѣшаго хожденія невѣсты вышелъ изъ употребленія, и невѣсту стали носить

[1] Catull. LXI, 3.
[2] Suet. Ner. 28.
[3] Plut. Q. Rom. 2.

на посилкахъ [1], такъ что она была у всѣхъ на виду. Въ числѣ провожающихъ непремѣнно были свахи (pronubae), выбиравшіяся изъ женщинъ, бывшихъ только за однимъ мужемъ. Свахи не только провожали невѣсту изъ родительскаго дому, но онѣ же вводили ее и въ брачный покой (thalamus nuptialis).

Обычай провожать невѣсту, имѣлъ въ бракѣ черезъ confarreatio характеръ болѣе религіозный и мистическій. При этой формѣ брака невѣсту провожали pueri patrimi и matrimi. Впослѣдствіи при императорахъ, когда нѣкоторые обряды конфарреаціи усвоены были и другимъ формамъ брака, patrimi и matrimi сопровождали невѣсту и при другихъ формахъ брака. Сопровождали невѣсту обыкновенно три мальчика: изъ нихъ два поддерживали невѣсту, третій несъ впереди факелъ изъ марьина татарника (spina alba, ἄκανθα λευκή) [2]. Къ свитѣ (deductio) невѣсты принадлежалъ еще и puer camillus [3], который, въ особомъ сосудѣ (cumerus), несъ прялку съ мочкою на ней и веретено — принадлежности будущей хозяйки [4].

Ко всякой формѣ брака относилось, говорятъ, обыкновеніе, чтобы невѣста, выходя изъ дому, брала съ собою три асса (мѣдныя монеты),

[1] Apul. Mag. 76, 558.

[2] Spina alba имѣла у Римлянъ мистическое значеніе, какъ средство противъ стриксовъ (striges στρίγξ), нашихъ вампировъ, о которыхъ читаемъ у Овидія слѣдующее описаніе: это жадныя птицы, съ огромною головою, стоячими глазами, хищнымъ клевомъ, съ сѣдиною въ перьяхъ и крючковатыми когтями. Ночью онѣ летаютъ, нападаютъ на грудныхъ дѣтей и портятъ ихъ, исторгая изъ колыбели; онѣ, расказываютъ, терзаютъ клевами ихъ нѣжныя тѣла и пьютъ кровь. Однажды стриксы прилетѣли въ спальню царя Прока; здѣсь лежалъ сынъ его, пятидневный малютка, новорожденная добыча птицамъ: онѣ начинаютъ теребить дѣтскую грудь хищными клевами; несчастный младенецъ кричитъ и молитъ о помощи. На крикъ ребенка прибѣгаетъ устрашенная кормилица, и видитъ: щеки у него изцарапаны когтями, цвѣтъ лица пожелтѣлъ. Обращается къ нимфѣ Кранаѣ и расказываетъ ей случившееся. Оставь страхъ, говоритъ Краная, твой питомецъ будетъ здоровъ. Пришла къ малюткѣ, гдѣ мать и отецъ плакали; не плачьте, говоритъ имъ, я вылѣчу его. Тотчасъ прикасается къ двернымъ притолкамъ три раза по порядку вишневою (arbutea) вѣтвію, три раза прикасается къ порогамъ; окропляетъ цѣлебною водою входы и, держа сырыя внутренности двухъ-мѣсячнаго поросенка, такъ говоритъ: птицы ночи, пощадите дѣтскую утробу, за младенца приносится вамъ молодая жертва; примите, молю васъ, за сердце сердце, за внутренности внутренности; эту жизнь отдаемъ вамъ за другую лучшую. Такъ совершила жертву и, разсѣкши ее, оставляетъ подъ открытымъ небомъ, а присутствующимъ не велитъ оглядываться на нее. На окошечкѣ же, куда входилъ свѣтъ въ спальню, — кладетъ вѣтви изъ марьина татарника. Послѣ этого, говорятъ, птицы не тревожили колыбели, и у младенца возвратился прежній цвѣтъ. Ovid. Fast. IV, 131 sqq.

[3] *Camilli* и *camillae* назывались у Римлянъ дѣвочки и мальчики, служившіе при жертвоприношеніяхъ.

[4] Plin. N. H. VIII, 48. 74.

изъ которыхъ одинъ держала въ рукѣ и потомъ отдавала жениху, второй имѣла на ногѣ и клала его передъ домашними ларами, третій оставляла у себя въ карманѣ и приносила въ жертву на ближайшемъ изъ перекрестковъ (compitum), на которыхъ обыкновенно стояли жертвенники.

Какъ у Грековъ провожали невѣсту въ домъ жениха съ пѣснями въ честь Гименея, такъ и у Римлянъ дѣлалось то же, только, по старому обычаю, въ честь Таласія, подъ которымъ разумѣли греческаго Гименея. Имя Таласія объясняютъ различно; но большею частію относятъ его къ историческому факту, къ похищенію Сабинокъ. Произшествіе расказывается такимъ образомъ. Въ числѣ похищенныхъ дѣвицъ была одна, красотою и ростомъ болѣе всѣхъ замѣчательная; ее назначили Таласію, юношѣ извѣстному воинскими дѣяніями, его кліенты. Чтобы не лишиться и не потерять ее въ толпѣ отнимающихъ и и перехватывающихъ себѣ женъ, несшіе ее кричали: Таласію, т. е. ведемъ, несемъ ее Талассію. Такъ какъ имя его было извѣстно и уважаемо между Римлянами, то встрѣчные, услыша имя, съ крикомъ восторга и радости провожали назначенную Таласію въ жены дѣвицу. Впослѣдствіи, когда бракъ Таласія былъ счастливъ, вошло въ обычай припѣвать въ брачныхъ пѣсняхъ имя Таласія для добраго предзнаменованія [1].

Въ такомъ-то торжественномъ ходѣ невѣста приходила наконецъ къ женихову дому, который на ту пору убирался сколько возможно богаче и великолѣпнѣе вѣнками изъ разнообразныхъ цвѣтовъ и вѣтвей, лавровыхъ, плющевыхъ, миртовыхъ, розовыхъ и пр. [2]. Приблизившись къ дому, невѣста, по общему обычаю, употреблявшемуся при всякаго рода свадьбахъ, должна была, прежде вступленія въ домъ, обвить дверные косяки (postes) шерстяными повязками (laneis vittis) и смазать ихъ свинымъ саломъ, чтобы отвратить колдованіе. Отсюда производится слово uxor, отъ глагола ungere - мазать. Всеобщимъ было обычаемъ, чтобы невѣста не сама переступала черезъ порогъ, но чтобы переносили ее camilli [3]. Объясненіе обычая находимъ у древнихъ писателей: въ немъ видятъ намекъ на историческое событіе, — на похищеніе Сабинокъ, которыя не сами, по своей волѣ, вступили въ домы своихъ мужей, но были внесены; или намекъ на то, что дѣвушка, вступая въ бракъ, неохотно оставляетъ родительскій домъ и неохотно входитъ въ домъ жениха; или на то, что дѣвушка, вне-

[1] Plut. Quaest. R. 31.
[2] Juv. VI, 50, 79.
[3] Plut. Q. R. 29. Rom. 15.

сенная какъ невѣста въ домъ жениха, какъ жена не можетъ выдти или удалиться изъ него, развѣ только силою будетъ изгнана, какъ силою и введена [1]. Другіе объясняютъ обычай тѣмъ, что дѣвица, выходящая замужъ, совершила бы святотатство, если бы коснулась порога, посвященнаго Вестѣ, цѣломудреннѣйшему божеству. По народному же взгляду прикоснуться невѣстѣ къ порогу считалось дурною примѣтою (ominosum) [2], и потому сопровождавшіе невѣсту въ припѣвахъ и прибауткахъ выражали желаніе, чтобы невѣста благополучно (omine cum bono) переступила порогъ.

Женихъ встрѣчалъ невѣсту при вступленіи ея въ домъ его. При этомъ невѣста привѣтствовала жениха символическими словами: ubi tu Cajus, ego Caja, которыя употреблялись не только при конфарреаціи, но и при коэмціи. Что значили слова, и для чего они употреблялись? По объясненію Плутарха [3], смыслъ словъ слѣдующій: гдѣ ты будешь господиномъ и отцомъ семейства, тамъ и я буду госпожею и матерью семейства. Или же Cajus и Caja употреблялись вообще примѣрно, какъ нарицательныя, безъ придаванія имъ особеннаго значенія и смысла, какъ одна изъ формальностей, сдѣлавшаяся обычаемъ [4]. Думаютъ также, что Каіями назывались невѣсты въ этомъ случаѣ, въ воспоминаніе Каіи Цециліи, или Танаквилы, жены Тарквинія Приска, отличной хозяйки и примѣрной супруги. — Говорилъ ли женихъ, встрѣчая невѣсту въ своемъ домѣ, какое нибудь привѣтствіе, не знаемъ. Думаютъ нѣкоторые, что онъ, при встрѣчѣ невѣсты, предлагалъ ей вопросъ: кто она? На него-то она отвѣчала упомянутою формулою [5]. Другіе предполагаютъ, что женихъ, встрѣтивъ невѣсту, не предлагалъ ей вопроса, а только отвѣчалъ на ея слова соотвѣтствующими символическими словами, которыя потеряны для насъ. Предполагаютъ также, что женихъ тутъ же передавалъ невѣстѣ ключи дома, или одинъ ключь; но предположеніе опровергается тѣмъ же самымъ мѣстомъ, на которое опираются допускающіе подобную догадку. Ключь дѣйствительно давался, но былъ символомъ не управленія домомъ, а благополучнаго разрѣшенія отъ бремени (facilitas partus). Авторъ, упоминающій объ этомъ обычаѣ, ничего не говоритъ о томъ, женихъ ли подавалъ ключь невѣстѣ, или другое лицо, и когда случалось это, въ день ли свадьбы, или позднѣе. Было еще въ обычаѣ, чтобы женихъ встрѣчалъ невѣсту водою и ог-

[1] Plut. Q. R. 29.
[2] Plaut. Cas. IV, 4. 1. Cat. LXI, 166.
[3] Rom. Quaest. 30.
[4] Cic. pr. Mur. XII, 27.
[5] Cic. pr. Mur. ed. Möbii § 27. pag. 252 ed 3.

немъ, къ которымъ невѣста прикасалась. Подробности обычая намъ неизвѣстны: мы знаемъ объ нихъ только изъ намековъ. Судя по словамъ Варрона, можно заключить, что такой обычай употреблялся только въ древнѣйшія времена; въ позднѣйшія онъ вышелъ изъ употребленія и замѣнился факелами, о которыхъ уже выше упомянуто, и водою, которую черпали изъ чистаго источника счастливѣйшій мальчикъ или счастливѣйшая дѣвочка изъ присутствовавшихъ на свадьбѣ, и которою мыли ноги новобрачнымъ. Значеніе символа объясняютъ различно: одни думаютъ, что огонь и вода употреблялись на свадьбѣ, какъ символы чистоты и непорочности, какую должны сохранять вступающіе въ бракъ, или какъ символы гражданскаго общенія, неразрывной связи и дѣлежа жребія, какой бы судьба ни послала новобрачнымъ [1]; другіе объясняютъ тѣмъ, что вода и огонь преимущественно поддерживаютъ человѣческую жизнь, которая, лишившись одного изъ нихъ, погибаетъ. Замѣтимъ, что подобное употребленіе воды и огня имѣло мѣсто только при бракѣ черезъ конфарреацію; при другихъ же употреблялись одни факелы (faces nuptiales).

По окончаніи расказанныхъ обрядовъ наступало въ домѣ жениха религіозное торжество, собственное бракосочетаніе: при конфарреаціи его исполнялъ верховный первосвященникъ и фламинъ Юпитера, въ присутствіи девяти свидѣтелей; тогда же совершались и гаданія авспексомъ. Рѣшительнымъ отличіемъ брака черезъ confarreatio отъ другихъ формъ, были именно верховный понтифексъ, фламинъ Юпитера и авспексы, непремѣнно присутствовавшіе при бракѣ и совершавшіе жертву. Прочія формы брака тоже не исключали жрецовъ, только низшаго разряда, и притомъ жрецы не составляли тутъ необходимой принадлежности; они могли быть и не быть.

Относительно примѣненія гаданій (авспицій) къ браку черезъ confarreatio замѣтимъ, что авспиціи и авгуріи, равно какъ и совершители ихъ — авгуры и авспексы, такъ тѣсно и глубоко срослись съ жизнію и интересами патриціанскихъ фамилій въ древнемъ Римѣ, что безъ авспицій не совершалась ни одна форма брака, и что не только при религіозномъ обрядѣ бракосочетанія употреблялись авспиціи, но даже невѣста не выходила изъ отцовскаго дому, не совершивши авспицій, при которыхъ присутствовали друзья будущаго ея мужа. Авгуры необходимы были при совершеніи брака, какъ гадатели и прорицатели будущей судьбы и участи молодой четы, какъ люди, умѣвшіе безошибочно выбрать и назначить самое счастливое и благопріятное время

[1] Plut. Q. R. 1.

для брака и тѣмъ отвратить бѣду, которая могла постигнуть новобрачныхъ, не понимавшихъ примѣтъ и явленій. Извѣстно напр. изъ словъ Сервія къ Виргилію [1], что громъ по авгурской наукѣ признавался неблагопріятнымъ для брака черезъ confarreatio, потому препятствовалъ совершенію его. Впослѣдствіи, при упадкѣ религіозныхъ вѣрованій въ Римѣ, авспиціи при бракахъ вышли изъ употребленія. Опредѣлить точно это время невозможно. Знаемъ только, что уже при Цицеронѣ авспиціи пришли въ упадокъ; только имя осталось, а значеніе ихъ въ этомъ случаѣ совершенно утратилось, и люди, подъ именемъ авгуровъ приглашаемые на браки и брачные праздники, были уже не гадатели и прорицатели, а просто посредники, свидѣтели, юридическія лица, необходимыя при заключеніи брака, conciliatores nuptiarum, sponsores и fautores. На это прямо указываетъ Валерій Максимъ [2], у котораго читаемъ: «у древнихъ не только общественныя дѣла, но даже ничего въ частной жизни не совершалось безъ предварительныхъ авспицій; оттого-то авспексы и теперь еще употребляются при бракахъ, и хотя они перестали совершать авспиціи, однако самымъ именемъ указываютъ на слѣды древняго обыкновенія». Ту же самую мысль высказалъ и Цицеронъ еще прежде [3].

Въ чемъ состоялъ религіозный обрядъ бракосочетанія у Римлянъ, и какъ совершалось это религіозное торжество понтифексомъ и фламиномъ, обстоятельно не знаемъ. Намъ извѣстны только нѣкоторыя части обряда, именно: новобрачные ѣли вмѣстѣ хлѣбъ, сдѣланный изъ far, откуда, какъ выше сказано, и самое имя confarraatio, означающее совокупность дѣйствія; руки новобрачныхъ соединялись вѣроятно самимъ понтифексомъ. Это послѣднее обстоятельство употреблялось и при другихъ формахъ брака. Новобрачные, въ продолженіе всего обряда конфарреаціи или, по крайней мѣрѣ, извѣстнаго времени, оставались сидящими на двухъ, другъ подлѣ друга стоявшихъ стульяхъ; стулья покрывались одною овчиною, снятою съ той овцы, которая принесена была въ жертву. Головы у сидящихъ тоже покрывались. Доискаться значенія этого символическаго обряда трудно. Предполагаютъ, что имъ хотѣли выразить ту мысль, что, хотя мужъ и жена занимаютъ въ домѣ два различныя положенія, все-таки они тѣсно соединены общею связью. Что означала овчина, имѣла ли она въ обрядѣ особое символическое значеніе, или просто замѣняла покрышку

[1] Virg. Aen. IV, 374.
[2] Val. Max. II, 1, 1.
[3] Cic. Dion.. I, 16.

на стульяхъ, какъ греческое *κώδια*, сказать не можемъ. При этомъ же торжественномъ случаѣ нерѣдко бывалъ составляемъ брачный контрактъ (tabulae nuptiales, matrimonales, dotales) относительно приданаго и другихъ статей, и засвидѣтельствовался присутствующими лицами, въ чемъ часто участвовали и авспексы [1]. О подобныхъ контрактахъ и условіяхъ ничего не знаемъ въ древнѣйшія времена, тѣмъ болѣе, что браки съ manus совершенно не нуждались въ нихъ. Впослѣдствіи, когда бракъ безъ manus сталъ входить больше и больше въ обыкновеніе, потребность подобнаго рода контрактовъ дѣлалась ощутительнѣе. Впрочемъ подобныя условія не составляли неотъемлемой принадлежности брака; и безъ нихъ бракъ могъ состояться. Tabulae, говоритъ Папиніанъ, non faciunt matrimonium.

Этимъ оканчивался обрядъ конфарреаціи. Въ заключеніе свадьбы, совершенной по этой или по другой формѣ, давался въ домѣ жениха торжественный обѣдъ, называвшійся брачнымъ пиромъ (coena nuptialis, genialis): на него приглашали возможно большее число гостей, которые съ своей стороны за приглашенія платили приглашеніями молодымъ супругамъ. Свадебные пиры устраивались и исполнялись великолѣпно и роскошно. Къ нимъ имѣли снисхожденіе и законы противъ расточительности, которые, запрещая роскошь стола и строго преслѣдуя ее, дозволяли сравнительно большія издержки на свадебныхъ пирахъ [2]. Въ обычаѣ было зажигать на нихъ пять восковыхъ свѣчей. Этотъ обычай имѣлъ тоже какое-то символическое значеніе, но какое, не знаемъ; приводимыя же объясненія ничего не объясняютъ [3]. Обѣдъ оканчивался тѣмъ, что женихъ бросалъ грецкіе орѣхи (nux juglans) собравшейся на улицѣ подлѣ дома молодежи. За чѣмъ это дѣлалось, разно объясняютъ: либо потому, что орѣхи были посвящены Юнонѣ, покровительницѣ брака [4], либо для означенія того, что женихъ отказывается теперь отъ участія въ играхъ молодежи, къ которымъ принадлежали игры въ орѣхи — ludebant pueri potissimum nucibus.

Послѣ пира невѣста переходила въ распоряженіе свахъ, которыя провожали ее къ брачной постели (lectus, torus genialis), на которую помѣщали ее (collocabant). Постель называлась постелью Генія, genialis, потому что была посвящена (sacer) Юнонѣ и Генію. Она же называлась lectus adversus, потому что стояла въ атріумѣ противъ дверей —

[1] Suet. Claud. 20. Juv. II, 119, 200. IX, 75. Tac. Ann. XI, 30.
[2] Gell. II, 23, 14.
[3] Plut. Q. R. 2.
[4] Plin. N. H. XV, 24. 22.

adversus januam. Ее постилали (sternebant) здѣсь въ день свадьбы, а иногда и за день [1]. Впрочемъ это относится только къ древнимъ временамъ. Впослѣдствіи исполнялось это символически, а брачная постель помѣщалась въ особой спальнѣ (thalamus). Постель приготовлялась матерью невѣсты или родственницею; она покрывалась обыкновенно тогою и оставалась на своемъ мѣстѣ все время, пока жена состояла въ бракѣ, или же пока мужъ не вступалъ во второй бракъ. Тогда устраивалось новое ложе. Новобрачная, при входѣ въ спальню, садилась super Priapi immanissimum fascinium и приносила богу Пріапу, — онъ же назывался Mutinus, Mutunus, — молитву о дарованіи ей плодородія. Тогда только вступалъ женихъ въ спальню и затворялъ ее за собою. Между тѣмъ оставшіеся у дверей пѣли подъ флейту въ честь молодыхъ свадебныя пѣсни — гименеи и эпиталаміи, къ которымъ иногда примѣшивались грубыя, исполненныя безстыднаго цинисма, шутки, намеки, остроты, называвшіяся Fescennia. Въ свадебныхъ пѣсняхъ обыкновенно прославлялись достоинства и добродѣтели молодой четы; изображалось то счастіе, какое ожидаетъ новобрачныхъ въ будущемъ, когда родятся дѣти; прославлялась сила Амора, бога любви, укротителя и образователя человѣчества; давались совѣты и правила, какъ жить; часто описывалось свадебное торжество, провожаніе невѣсты, встрѣча ея женихомъ, брачный пиръ и удовольствіе быть невѣстой, предметомъ всеобщихъ взглядовъ и пр.

Въ дополненіе представляемъ въ переводѣ двѣ брачныя пѣсни римскаго поэта Катулла. Первая на свадьбу Манлія Торквата съ Юліею, лучшаго изъ друзей Катулла, происходившаго отъ извѣстнаго Манлія, убившаго на единоборствѣ великана Галла и снявшаго съ него ожерелье (torques), откуда и прозвище Torquatus. Поэтъ начинаетъ ее воззваніемъ къ сыну Венеры Ураніи, Гименею:

«Житель горы Геликона, сынъ Ураніи, увлекающій къ мужу нѣжную дѣвицу, о Гименей Гименъ, о Гименъ Гименей!

«Увѣнчай голову цвѣтами сладкопахучаго маіорана, возьми брачное покрывало, и, радостный, приди сюда, неся на бѣлоснѣжной ногѣ желтый башмакъ!

«Воодушевленный радостнымъ днемъ, поя брачныя пѣсни голосомъ звонкимъ, ударяй землю ногами, потрясай въ рукѣ сосновую свѣточь!

«Теперь Юлія, подобная Идалійской Венерѣ, приходившей на судъ

[1] Cic. pr. Cluent. 6

къ фригійскому судьѣ, сочетавается бракомъ съ Манліемъ, счастливая при счастливомъ предзнаменованіи;

«Подобная мирту азійскому, возносящему цвѣтущія вѣтви, утѣху богинь Гамадріадъ, которыя питаютъ ихъ росистою влагою.

«Низойди же сюда, спѣши оставить аонійскія пещеры Ѳестійской скалы, что̀ орошаются прохладными струями источника Аганиппе.

«Зови въ домъ домовладычицу страстную къ молодому супругу, обвивая душу ея любовію, какъ гибкій плющъ обвиваетъ дерево и разбѣгается туда и сюда вокругъ него.

«Вы же, невинныя дѣвицы, для коихъ настаетъ подобный день, спѣшите вмѣстѣ, и пойте стройно: о Гименей Гименъ, Гименъ о Гименей!

«Чтобы онъ, вождь доброй Венеры, сочетаватель счастливой любви, охотнѣе принесся сюда, слыша призывъ къ своему долгу.

«Къ какому богу скорѣй обратиться любящимъ, кого изъ небожителей болѣе почитать смертнымъ? О Гименей Гименъ, Гименъ о Гименей!

«Тебя призываетъ для своихъ дѣтей дрожащій отецъ; для тебя дѣвицы разрѣшаютъ поясъ; тебя, Гименей, ловитъ жаднымъ ухомъ молодой мужъ.

«Ты самъ отдаешь въ руки неукротимому юношѣ цвѣтущую дѣвушку изъ объятій ея матери, о Гименей Гименъ, Гименъ о Гименей!

«Безъ тебя и Венера не можетъ даровать безупречнаго наслажденія: но можетъ, когда ты захочешь. Кто съ этимъ богомъ дерзнетъ равняться?

«Безъ тебя ни одна семья не можетъ дать дѣтей; безъ тебя отецъ не можетъ облечься потомствомъ: но можетъ, когда ты захочешь. Кто съ этимъ богомъ дерзнетъ равняться?

«Страна, не служащая тебѣ, не сможетъ дать стражей своимъ предѣламъ: но сможетъ, когда ты захочешь. Кто съ этимъ богомъ дерзнетъ равняться?

«Отворяйте запоры дверей: невѣста приближается. Видишь ли, какъ у светочей развѣваются блестящія кудри? Но ты медлишь, проходитъ день. Выйди же, молодая невѣста.

«Перестань плакать. Тебѣ нечего опасаться: женщина, прекраснѣе тебя, не видѣла еще свѣтлаго дня, восходящаго изъ Океана.

«Подобный тебѣ стоитъ цвѣтокъ гіацинта, въ разнообразномъ саду богача. Но ты медлишь, проходитъ день. Выйди же, молодая невѣста.

«Выйди, молодая невѣста; пора ужь рѣшиться; услышь наши рѣчи. Видишь, свѣтильники бросаютъ золотыя пряди свѣта. Выйди, молодая невѣста!

«Твой супругъ не захочетъ оторваться отъ твоей нѣжной груди, предавшись легкомысленно порочной любви, гоняясь за удовольствіями постыдными.

«Какъ гибкая виноградная лоза сростается съ ближнимъ деревомъ, такъ онъ срастется съ твоими объятіями. Но проходитъ день. Выйди, молодая невѣста.»

Далѣе поэтъ, обращаясь къ супругу, представляетъ нѣкоторыя стороны холостой жизни молодыхъ Римлянъ, слишкомъ далекія отъ нашихъ нравовъ; потомъ снова обращается къ невѣстѣ, и говоритъ:

«Переступи порогъ съ добрымъ знаменіемъ золотыми ножками и войди въ блестящую дверь. Іо Гименъ Гименей, іо Гименъ Гименей!

«Взгляни, какъ супругъ твой, возлегая одинъ на тирскомъ ложѣ, весь устремленъ къ тебѣ мыслію. Іо Гименъ Гименей, іо Гименъ Гименей!

«У него, какъ и у тебя, внутри груди пылаетъ пламя, но менѣе видимо. Іо Гименъ Гименей и пр.

«Покинь, мальчикъ, круглую ручку невѣсты. Пусть ее идетъ къ ложу мужа. Іо Гименъ Гименей и пр.

«Вы, женщины добраго имени, проводите невѣсту на брачное ложе. Іо Гименъ Гименей, іо Гименъ Гименей!

«Теперь и ты можешь придти, супругъ; у тебя въ спальнѣ супруга, блистающая цвѣтущимъ личикомъ, словно бѣлая парѳеника или желтый макъ.

«Клянусь небесами, и ты, супругъ, не менѣе прекрасенъ, Венера не забыла и тебя. Но день проходитъ; спѣши, не медли.» — —

«Въ скоромъ времени дайте дѣтей. Не слѣдуетъ такому древнему имени оставаться безъ дѣтей; оно должно возраждаться само собою.

«Торкватъ малютка, протягивая нѣжныя руки съ лона матери, сладко пусть улыбнется отцу полуоткрытыми губками.

«Да будетъ онъ похожъ на своего отца Манлія, пусть всѣ незнающіе легко узнаютъ его, и пусть лице его свидѣтельствуетъ о непорочности матери.

«Запирайте же двери, дѣвушки; довольно мы веселились. Вы же, благословенные супруги, будьте счастливы, и пусть ваша цвѣтущая молодость постоянно услаждается дарами Афродиты.»

Вторая брачная пѣснь поется двумя хорами, изъ дѣвушекъ и юношей, которые въ домѣ жениха ожидаютъ прихода невѣсты. Одинъ хоръ составляютъ юноши, другой дѣвушки; оба хора какъ бы вызываютъ другъ друга на поэтическое состязаніе и такъ поютъ:

Юноши.

«Звѣзда Весперъ виднѣется; юноши, вставайте. Весперъ поднимается наконецъ на Олимпѣ въ своемъ давно-жданномъ сіяніи. Пора вставать, пора покинуть роскошныя яства: вотъ-вотъ придетъ уже невѣста, и запоется Гименей: Гименей о Гименъ, приди, Гименъ о Гименей!

Дѣвушки.

«Видите, подруги, юношей? Вставайте и вы. Пора, вечерняя звѣзда высылаетъ уже свои огни, съ горы Эты. Да, пора: видите, какъ они быстро встали. Недаромъ они воспрянули: они станутъ воспѣвать то, что̀ стоитъ видѣть. Гименъ о Гименей, приди, Гименъ о Гименей!

Юноши.

«Не легка намъ, сверстники, предстоитъ побѣда. Смотрите, какъ дѣвушки погружены въ думу. Не даромъ онѣ размышляютъ, онѣ готовятъ памятную пѣснь. Не диво: всею мыслію работаютъ онѣ. А наши мысли разсѣяны: въ разныя стороны мы устремили слухъ; по дѣломъ же насъ побѣдятъ, Побѣда любитъ заботу. Итакъ хоть теперь внимательно слушайте. Онѣ начинаютъ пѣть, намъ отвѣчать придется. Гименъ о Гименей, приди, Гименъ о Гименей!

Дѣвушки.

«Гесперъ, какая звѣзда на небѣ жестокосердѣй тебя? Дочь ты отрываешь изъ объятій матери, изъ объятій матери отрываешь дочь противъ воли, и ее, невинную дѣву, отдаешь пламенному юношѣ. Непріятели жесточе ли поступаютъ съ побѣжденнымъ городомъ? Гименъ о Гименей, приди, Гименъ о Гименей!

Юноши.

«Гесперъ, какая звѣзда на небѣ радостнѣе тебя? Своими лучами ты скрѣпляешь сговоренные браки; сговариваются мужи, сговариваются напередъ родители, но только при твоемъ свѣтѣ совершается бракъ. Что посылаютъ боги желаннѣе этого счастливаго часа? Гименъ о Гименей, приди, Гименъ о Гименей!

Дѣвушки.

«Гесперъ, подруги, похитилъ одну изъ насъ. Съ его приходомъ начинается для стражи бдѣніе. Подъ его покровомъ скрываются воры; но онъ же, измѣняя имя, часто выдаетъ ихъ.

Юноши.

«Пусть дѣвушки порицаютъ тебя, Гесперъ, притворными жалобами. Но что, если онѣ порицаютъ то, къ чему стремятся тайною мыслію? Гименъ о Гименей, приди, Гименъ о Гименей!

Дѣвушки.

«Какъ цвѣтокъ уединенный, что̀ растетъ въ огражденномъ саду, не

тропутый стадомъ, не задѣтый плугомъ; его лелѣютъ вѣтерки, укрѣпляетъ солнце, питаетъ дождь; многіе юноши желаютъ его, многія дѣвушки къ нему стремятся; а сорванный тонкимъ ногтемъ, когда отцвѣтетъ онъ, перестаютъ искать его юноши, перестаютъ и дѣвушки. Такъ и дѣва мила семьѣ своей, пока остается непричастною браку. Но, утративъ цвѣтъ дѣвства, она перестаетъ быть милою юношамъ, перестаетъ быть дорогою подругамъ. Гименъ о Гименей, приди, Гименъ о Гименей!

Юноши.

Какъ одинокая виноградная лоза, что̀ растетъ на голомъ полѣ, никогда не поднимается вверхъ, никогда не даетъ сочнаго гроздія; склоня свой нѣжный стволъ подъ гнущею тяжестію, почти касается уже корня верхушкою; ни земледѣльцы, ни быки не трудятся около нея: но та же лоза, чуть соединится съ вязомъ-защитникомъ, привлекаетъ къ себѣ и земледѣльцевъ и воловъ. Такъ дѣва, пока остается безбрачною и старѣется безъ мужа. Когда же, созрѣвшая, сочетается счастливымъ бракомъ, она дороже мужу и меньше заботитъ отца. Гименъ о Гименей, приди, Гименъ о Гименей!»

—

На слѣдующее утро молодая жена начинала свою новую жизнь жертвоприношеніемъ въ домѣ своего супруга и вступала въ управленіе домомъ. Того же дня новобрачные давали обѣдъ своимъ друзьямъ и знакомымъ. Обѣдъ бывалъ въ домѣ мужа и назывался repotia — повторительный пиръ. Такъ понимаютъ и объясняютъ это слово многіе. Но по Донату, repotia — седьмой день, въ которой новобрачная дѣлаетъ первый визитъ своимъ родителямъ. Этимъ совершенно оканчивались свадебные обряды, и молодая супруга вступала въ кругъ своихъ обыденныхъ домашнихъ и семейныхъ обязанностей и отношеній, какъ супруга, хозяйка дома и будущая мать семейства.

Курскъ. П. Тихоновичъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ДРЕВНОСТЕЙ

ГОРОДА ТОМИ

И СОСѢДНИХЪ ЕМУ ПРИМОРСКИХЪ ГОРОДОВЪ ПОНТА ЭВКСИНСКАГО.

Ни одинъ изъ римскихъ поэтовъ не пріобрѣлъ на берегахъ Понта Эвксинскаго такой извѣстности, какъ Публій Овидій Назонъ, скончавшійся изгнанникомъ въ Томи (770 осн. Р., 17 по Р. Х.). Сынъ зажиточнаго римскаго всадника, получившій тщательное образованіе, сперва въ Римѣ, а потомъ въ Аѳинахъ; замѣчательнымъ талантомъ и поэтическими трудами привлекшій къ себѣ весьма скоро вниманіе знаменитостей литературныхъ и политическихъ; находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ первокласными поэтами своего времени и въ короткихъ связяхъ со многими значительными государственными людьми, даже съ нѣкоторыми членами императорской фамиліи; привыкшій къ жизни, въ которой поэзія и развлеченія всякаго рода безпрерывно смѣняли другъ друга, и чуждый болѣе серьозныхъ занятій; человѣкъ, котораго нѣжная душа была именно создана для подобнаго беззаботнаго житья, Овидій тѣмъ чувствительнѣе долженъ былъ переносить свое изгнаніе изъ Рима, — изъ круга, въ которомъ онъ провелъ многіе годы, довольный и счастливый. О настоящей причинѣ этого изгна-

нія въ Томи, городъ Мизіи, онъ самъ не говоритъ ничего опредѣленнаго, но должно однакожь полагать, что она была довольно важна. Не смотря на всѣ просьбы, жалобы и ходатайства, ни Августъ, ни Тиберій не согласились на возвращеніе поэта изъ далекой ссылки. Одна только смерть, послѣдовавшая на восьмомъ году изгнанія, освободила его отъ положенія, тягостнаго для человѣка, который привыкъ къ наслажденіямъ жизни въ римской столицѣ.

Такое долгое пребываніе Овидія въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ не могло не снискать послѣднему извѣстности; тѣмъ болѣе, что Овидій, пребывая въ Томи, жилъ не только воспоминаніями прежней славы, но увѣковѣчилъ память своего изгнанія новыми поэтическими произведеніями. Извѣстно, что именно въ Томи получили окончательную отдѣлку Метаморфозы и Фасты, и что тамъ же имъ написаны были: libri Tristium, epistolae ex Ponto, Ibis и еще нѣсколько сочиненій, которыя или не въ цѣлости, или вовсе не дошли до насъ. Все это необходимо должно было перенесть часть блеска и славы, озарившихъ имя Овидія, и на самое мѣсто и страну, которыя, въ продолженіи многихъ лѣтъ, были свидѣтелями его грусти, его страданій, и поприщемъ его поэтической дѣятельности. Этимъ городъ Томи навсегда спасенъ отъ неизвѣстности, и хотя, въ позднѣйшіе вѣка, онъ палъ подъ всесокрушающей яростью варваровъ и совершенно изчезъ изъ числа городовъ, нѣкогда процвѣтавшихъ, но воспоминанія объ Овидіѣ снова ожили, какъ скоро эта несчастная страна была поставлена въ болѣе благопріятныя обстоятельства. Названіе Томисвара, — которое, какъ полагаютъ [1], однозначуще съ Мангаліей, лежащей у береговъ Чернаго моря, къ сѣверу отъ Варны, — упоминаніе объ Овидіевомъ озерѣ,— подъ которымъ Сарникій [2] разумѣетъ Днѣстровскій лиманъ, — наименованіе Овидіополя, — которое императрица Екатерина Великая дала прежней турецкой деревнѣ Абжедеръ; — словомъ многое ясно свидѣтельствуетъ, что воспоминаніе о великомъ римскомъ поэтѣ укоренилось весьма прочно въ цѣломъ краѣ, и что въ болѣе просвѣщенное время не упустили случая почтить память Овидія особеннымъ указаніемъ на бывшее нѣкогда изгнаніе его и соединить его имя самымъ тѣснымъ образомъ съ страною.

Но мѣста, на которыя указываютъ, какъ на мѣстопребываніе Овидія, такъ отдалены другъ отъ друга, что не льзя не усмотрѣть съ

[1] Schaffarik Wiener Jahrbücher XLVI pag. 49.

[2] Dlugossi Hist. Tom. II. cf, Bronov descript. Tartariae p. 819 in edit. Schwand. Script. rer. Hung. Vol. I.

перваго взгляда, съ какою неточностью опредѣляли прежде положеніе древняго Томи. Мнѣніе, что мѣсто ссылки Овидія должно искать у Днѣстровскаго лимана, конечно уже давно оставлено, какъ неправдоподобное; съ такимъ же правомъ и основываясь на утверждаемой Шаффарикомъ[1] тождественности древняго Томи съ Мангаліею или Манкаліею, оставлены были какъ невѣрныя и другія, еще болѣе странныя предположенія, по которымъ городъ Томи находился то въ Молдавіи, то въ Польшѣ, или на мѣстахъ нынѣшнихъ городовъ Бѣлграда, Киліи и пр.[2]. Послѣ путешествія Мотрэ[3] и замѣчаній Шаффарика, не могло быть болѣе никакого сомнѣнія, что Томи долженъ былъ находиться у береговъ Чернаго моря, и именно между самымъ южнымъ устьемъ Дуная и Варною. Оставалось только точнѣе опредѣлить на этой длинной береговой полосѣ то мѣсто, гдѣ нѣкогда лежалъ этотъ городъ. Изслѣдованія Шаффарика привели его къ тому заключенію, что это мѣсто одно и то же съ нынѣшнею Мангаліею. Но я, руководствуясь уцѣлѣвшими древними писателями и основываясь на новѣйшихъ находкахъ, надѣюсь доказать, что предположеніе Шаффарика, не смотря на то, что оно теперь обще принято[4], не совсѣмъ вѣрно.

Для этого я нахожусь въ необходимости прежде всего изложить передъ читателями свое мнѣніе объ устьяхъ Дуная и согласить надлежащимъ образомъ показанія древнихъ съ теперешнимъ физическимъ состояніемъ страны, которое, замѣчу мимоходомъ, ни въ какомъ случаѣ не могло вполнѣ измѣниться. Отъ меня нисколько не укрывается, что изслѣдованіе о рукавахъ, которыми эта величественная рѣка вливается въ Черное море, весьма затруднительно, потому что ложе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ рукавовъ, именно сѣверныхъ, въ теченіе вѣковъ могло существенно измѣниться; однако, осмотрѣвъ на мѣстѣ устья Килійское и Сулинское, а объ другихъ двухъ, св. Георгія и Портицкомъ, собравъ точныя свѣдѣнія отъ очевидцевъ, я полагаю, что рѣшеніе этого вопроса, по крайней мѣрѣ въ главныхъ пунктахъ, не такъ затруднительно, какъ кажется съ перваго взгляда. Съ другой стороны, я считаю невозможною всякую попытку — опредѣлить съ точностію на нынѣшнемъ мѣстоположеніи всѣ сѣверныя устья по тѣмъ именамъ, которыя они имѣли въ древности.

[1] l. l.
[2] Oberlini de Tomis Ovidii exilio schediasma ad illustrissim. Comitem Rabatinum. Lips. 1727.
[3] Motraye voyage en Europe, Asie et Afrique. A la Haye 1727. Tome II p. 9 et 208 sq.
[4] Forbiger Handbuch der alten Geographie T. III. p. 1099. Minzlaff Bulletin de l'Académie de St.-Petersbourg T. X. NN 20 et 21.

Если у другихъ устьевъ перемѣны ложа могли быть только самыя незначительныя, то напротивъ того у сѣвернаго устья, называемаго нынѣ Килійскимъ, ложе отдѣльныхъ рукавовъ подвержено безпрестанному измѣненію, и потому едва ли кто рѣшится, при нашихъ скудныхъ свѣдѣніяхъ о подробностяхъ, опредѣлить, что тамъ въ теченіе многихъ столѣтій вновь образовалось или преобразовалось.

Въ этомъ отношеніи я никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ моего почтеннаго товарища, профессора Ф. К. Бруна [1], который даетъ слишкомъ большой вѣсъ свидѣтельству Птолемея [2], будто бы сѣверное устье Дуная передъ впаденіемъ въ море образовало озеро «Θіагола»; въ слѣдствіе чего другое озеро, о которомъ, не давая ему особеннаго имени, упоминаютъ Страбонъ [3] и Тацитъ [4], онъ принимаетъ за Θіаголу. Но Страбонъ различаетъ именно это озеро отъ рѣчнаго бассейна Истра и разумѣетъ подъ нимъ, какъ это я уже показалъ при другомъ случаѣ [5], теперешнее соляное озеро Сасикъ или Кундукъ, лежащее къ сѣверу отъ Дуная, а Тацитъ имѣетъ въ виду, какъ мы это яснѣе увидимъ ниже, нынѣшнее озеро «Разинъ», нижнюю часть котораго Плиній [6] называетъ «Halmyris».

При изслѣдованіи древнихъ устьевъ Дуная, мы отправимся отъ самыхъ простыхъ показаній и перейдемъ потомъ къ болѣе сложнымъ.

Начнемъ съ тѣхъ писателей, у которыхъ число упоминаемыхъ ими дунайскихъ устьевъ самое ограниченное. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ показаніе Эратосθена [7], съ которымъ согласно и свидѣтельство Аполлонія [8]; обоимъ имъ извѣстны два рукава, именно тѣ, которые образуютъ Дунайскую Дельту, или такъ называемый ими островъ Певке. Въ одномъ изъ этихъ рукавовъ легко узнать Килійское (сѣверное) устье; въ другомъ — устье св. Георгія (южное). Каждый изъ этихъ рукавовъ снова дѣлится, сближаясь съ моремъ, на особенные побочные рукава и образуетъ такимъ образомъ нѣсколько значительныхъ острововъ. Но Эратосθенъ и Аполлоній не обращаютъ вниманія ни на боковые рукава, ни на острова, имѣя въ виду только главные два рукава, и обозначаютъ все заключающееся между ними

[1] La bouche de Kilia du Danube. Journal d'Odessa 1852. N 31 et 32.
[2] Geographia III. 10 p. 211 ed Wilberg.
[3] VII. 3. § 15.
[4] German. I.
[5] Берегъ Понта Эвксинскаго отъ Истра до Борисθена. стр. 43.
[6] Nat. Hist. IV. 24.
[7] Schol. ad Apoll. Rhod. IV. 310.
[8] Argonaut. IV. 312. 313.

пространство именемъ одного только острова, который они называютъ Певке. Итакъ, слѣдуя ихъ показаніямъ, мы имѣемъ только два устья Истра. Но этимъ небольшимъ числомъ не довольствуются другіе древніе писатели; большая часть изъ нихъ знаетъ *пять* [1], другіе *шесть* [2], и у многихъ говорится даже о *семи* устьяхъ [3]. Это разногласіе объясняется естественно тѣмъ, что при болѣе подробномъ описаніи страны должно было обратить вниманіе не только на устья обоихъ главныхъ, но и на устья побочныхъ рукавовъ. Такимъ образомъ надлежало принять сперва Сулинское гирло, находящееся въ срединѣ между Килійскимъ и Георгіевскимъ, за устье особеннаго рукава, потомъ признать Дунавицу, текущую южнѣе рукава св. Георгія, за отдѣльный рукавъ и раздѣлить наконецъ главный Килійскій рукавъ, до впаденія его въ Понтъ Эвксинскій, на бо́льшее или меньшее число боковыхъ рукавовъ. О числѣ послѣднихъ мнѣнія древнихъ были столь же несогласны между собою, какъ и въ наше время: часто упоминается только о двухъ рукавахъ, между тѣмъ какъ люди болѣе свѣдущіе отличаютъ четыре, и каждое устье называютъ особеннымъ именемъ. Названія эти, въ направленіи отъ юга къ сѣверу, суть теперь слѣдующія: Стамбульское, Среднее, Очаковское и Бѣлгородское гирло. Я уже замѣтилъ выше, что эти нынѣшнія четыре ложа не могутъ быть принимаемы за тѣ самыя, какія существовали въ древности. Стремительное теченіе водъ по землѣ большею частью низменной, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія, наносной, весьма естественно пролагаетъ себѣ здѣсь новые пути. О нѣкоторыхъ таковыхъ перемѣнахъ знаютъ даже нынѣшніе мѣстные жители; старожилы помнятъ, что даже при нихъ теченіе отдѣльныхъ рукавовъ измѣнялось. О значительномъ приращеніи земли они ничего не знаютъ; но не смотря на это, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нѣкоторая часть ея нанесена или рѣкою или моремъ. Мѣру этого приращенія нельзя опредѣлить съ точностію, но съ другой стороны настоящій видъ придунайской страны очевидно опровергаетъ гипотезу г. Бруна, будто бы все пространство, по которому протекаютъ вышесказанные четыре рукава Килійскаго устья, въ древности было подъ водою и поднялось лишь въ новѣйшее

[1] Herod. IV. 47. 89. Strabo VII. 3. § 15. Dionys. Perieg. 301. Scymn. frag. 29. Arrian. Peripl. Ponti Eux. p. 23. Anonym. Peripl. P. Eux. p. 16. Avien. Descript. orbis 440. Claud. Bell. Get. 337.

[2] Tacit. German. 1. Plin. N. H. IV. 24. Prisc. Perieg. 290.

[3] Strabo VII. 3 § 15. Ptol. III. 10 Mela II. 1, 8. Ovid. Trist. II. 189. Val. Flacc. IV. 718. Lucan. III. 302. Ammian. Marc. XXII. 19. Solin. 13.

время. Стремленіе воды въ этихъ мѣстахъ такъ сильно, что оно должно было большую часть наносной земли и зыбкаго песка заносить въ море, и притомъ, какъ Полибій [1] справедливо замѣчаетъ, на значительное разстояніе отъ берега. Такая мель, называвшаяся Στήθη, образовалась, по словамъ Полибія, для гибели моряковъ передъ устьями Дуная; если она теперь болѣе не существуетъ, то все же невозможно, чтобы материкъ, какъ полагаетъ г. Брунъ [2], такъ далеко подвинулся что слился съ этою мелью. Разстояніе ея отъ твердой земли [3] опредѣляется у Полибія на одинъ день пути, а материкъ ни въ какомъ случаѣ не могъ подвинуться такъ далеко. Столь значительное приращеніе материка не можетъ быть доказано и свидѣтельствомъ Безъименнаго, который опредѣляетъ разстояніе Ахиллесова острова Левке отъ материка въ 400 стадій, между тѣмъ какъ теперь отъ него до ближайшаго къ нему устья Сулинскаго всего только 24½ морскихъ мили или 245 стадій [4]: намъ неизвѣстно, относится ли измѣреніе Безъименнаго именно къ Сулинскому устью, какъ полагаетъ г. Брунъ, или, что вѣроятнѣе, къ какому-либо другому. Разстояніе между островомъ Левке и устьемъ св. Георгія соотвѣтствуетъ 400 стадіямъ почти точь въ точь, и такъ какъ оттуда чаще всего былъ посѣщаемъ островъ Ахиллесовъ, то именно это разстояніе, хотя оно не было кратчайшимъ, могло быть болѣе извѣстно Безъименному. По крайней мѣрѣ всякій, кто бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, согласится, что въ окрестностяхъ Сулинскаго устья не могло произойти значительныхъ перемѣнъ, и что слѣдовательно Безыменный не могъ его имѣть въ виду. Надобно также замѣтить, что если показаніе Безъименнаго относить и къ устью Килійскому, то и тогда выдетъ довольно вѣрно 400 стадій, считая твердую землю (ἤπειρος) за древнюю «Вильковъ» и не обращая вниманія на острова, лежащіе предъ устьемъ Килійскимъ. Вообще я того мнѣнія, что при изслѣдованіяхъ въ области древней географіи должно не иначе какъ съ большою осторожностію допускать гипотезы о совершившихся преобразованіяхъ страны; онѣ тогда только позволительны, когда новѣйшія наблюденія ясно указываютъ на постепенное измѣненіе мѣстности. По моему мнѣнію, менѣе всего можно допустить подобное предположеніе въ настоящемъ

1 IV. 41.

2 La bouche de Kilia du Danube. Journal d'Odessa 1852. N. 31.

3 Polyb. l. l. ἡμέρας δρόμον ἀπέχουσα τῆς γῆς. cf. Forbiger Handbuch der alten Geograph. I. p. 550: «nach Polybius durchläuft kein Schiff in einem Tage und einer Nacht mehr als 2000 Stadien».

4 Лоція Чернаго моря стр. 431.

случаѣ, потому что Страбоново описаніе [1] сѣверныхъ рукавовъ Дуная, краткое, но наглядное, въ главныхъ чертахъ поразительно согласно съ нынѣшнею мѣстностію. Мы находимъ между отдѣльными рукавами тѣ же самые мелкіе острова [2], и если они не сохранили своего прежняго очертанія, то все же они послужили, вѣроятно, основаніемъ для образованія настоящаго вида страны.

Перейдемъ теперь къ именамъ, которыя носили въ древности отдѣльныя устья. Здѣсь должно замѣтить, что многіе писатели, упоминающіе объ Истрѣ, не означаютъ каждый отдѣльный рукавъ особеннымъ именемъ, и что Страбонъ [3] изъ семи именъ называетъ только одно, Аполлоній Родосскій [4] два, Арріанъ [5] три, Безъименный [6] четыре, Плиній [7], Птолемей [8], Солинъ [9] и Амміанъ Марцеллинъ [10] шесть. Семи рукавовъ съ отдѣльнымъ для каждаго именемъ нѣтъ ни у одного древняго писателя, и это могло бы повести къ догадкѣ, что сравненіе Истра съ семирукавнымъ Ниломъ, впервые сдѣланное Геродотомъ [11] и повторяемое потомъ большею частію позднѣйшихъ писателей, было главнымъ поводомъ къ тому, что и при Истрѣ принимали седмичное число устьевъ. Не смотря на то однакожь мы едва ли имѣемъ право предположить, что седьмое устье было совершенно произвольно выдумано. На истинный путь предпочтительно предъ всѣми прочими пасателями указываетъ намъ здѣсь, какъ и въ другомъ случаѣ [12], Страбонъ, и при помощи Плинія и Птолемея, а равно Солина и Амміана, приводитъ насъ къ истинѣ.

Прежде всего необходимо установить, какое устье называетъ Страбонъ именемъ Святаго, *ἱερὸν στόμα*. По моему мнѣнію, слова его [13]: «Святое устье находится при въѣздѣ въ Понтъ съ лѣвой стороны первымъ.... отстоитъ же отъ него седьмое устье около 300 стадій»—могутъ

[1] VII. 3. § 15 p. 30 ed. Kramer.
[2] *Γίγνονται οὖν μεταξὺ τῶν στομάτων νησῖδες.*
[3] l. l.
[4] Arg. IV. 312. 313.
[5] p. 23. ed. Huds.
[6] p. 11. ed. Huds.
[7] Nat. Hist. IV. 24. p. 287. (ed. Bip.).
[8] Georg. III. 10.
[9] XIII. 1.
[10] XXII. 8. p. 304. (ed. Bip.).
[11] IV. 50.
[12] Берегъ Понта Эвксинскаго между Истромъ и Борисѳеномъ. стр. 11.
[13] *Τοῦτο (τὸ ἱερὸν στόμα) δὲ καὶ πρῶτόν ἐστι στόμα ἐν ἀριστερᾷ εἰσπλέοντι εἰς τὸν Πόντον — διέχει δ᾽ ἀπ αὐτοῦ τὸ ἕβδομον στόμα περὶ τριακοσίους σταδίους.*

быть отнесены только къ устью св. Георгія, и вотъ на какихъ именно основаніяхъ:

1) Разстояніе 300 стадій, указанное Страбономъ отъ Святаго устья до устья самаго сѣвернаго, довольно совпадаетъ съ теперешней мѣстностью. Разница заключается лишь въ нѣсколькихъ верстахъ, что ничего не значитъ, такъ какъ самъ Страбонъ словами: *около* 300 стадій, опредѣляетъ это разстояніе только приблизительно. Измѣреніе, производимое съ корабля, было затруднительно по причинѣ сильнаго теченія нѣкоторыхъ устьевъ, не позволявшаго приближаться къ берегу, такъ что разстояніе опредѣлялось болѣе глазомѣромъ, нежели точнымъ измѣреніемъ. Какъ легко можно было въ этомъ случаѣ ошибиться, видно изъ показаній Арріана [1] и Безъименнаго [2], которые полагаютъ для этой же самой полосы, мѣряя отъ одного устья до другаго, разстояніе только въ 280 стадій, слѣдовательно двадцатью стадіями менѣе, чѣмъ Страбонъ.

2) Выраженіе Страбона, находящееся нѣсколькими строками выше [3], что Святое устье есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самое большое, можетъ быть отнесено только къ одному изъ главныхъ рукавовъ, а не къ какому нибудь побочному.

3) Устьемъ (*στόμα*) рѣки можно назвать только то мѣсто, гдѣ между двумя, ближе или далѣе другъ отъ друга лежащими берегами, рѣка вливается въ другую рѣку, озеро или море; а такъ какъ южный боковой рукавъ Георгіевскаго главнаго рукава, называемый теперь Дунавицею, втекаетъ сначала въ большое озеро (Разинъ, Разельмъ) и чрезъ него изливается медленно въ Черное море; то Портицкое устье нельзя считать рукавомъ Истра (*στόμα*), а только рукавомъ озера (*λιμένος*), и потому оно не можетъ быть принято за «первое устье», о которомъ упоминаетъ Страбонъ. Противъ этото нельзя привесть въ опроверженіе то, что Страбонъ не отличаетъ отъ рѣкъ такъ называемые нами лиманы Днѣстра (Tyras) и Днѣпра (Borysthenes). Стоитъ сравнить только видъ этихъ лимановъ съ озеромъ Разельмъ, и всякій легко согласится, что лиманы Днѣстра и Днѣпра сохранили еще характеръ рѣкъ въ большомъ размѣрѣ, между тѣмъ какъ бухты и извилины озера Разельмъ, слабое теченіе Дунавицы, впадающей въ сѣверный заливъ его и повсюду встрѣчающееся мелководіе и песчаные наносы — ничѣмъ не обнаруживаютъ характера рѣки.

[1] Стр. 23.
[2] Стр. 11.
[3] *Μέγιστον δὲ τὸ ἱερὸν στόμα καλούμενον.*

По Эратосѳену [1], которымъ Аполлоній [2] пользовался, сколько позволительно поэту, островъ Певке образуетъ треугольникъ, основаніе котораго обращено къ морю, а бедра образованы двумя рукавами Истра. Островъ этотъ, который и у Страбона называется «большимъ» и далеко превосходитъ величиною всѣ прочіе острова, образуемые побочными рукавами, — Эратосѳенъ могъ сравнивать его по величинѣ съ островомъ Родосомъ — островъ этотъ обнималъ, кажется, по мнѣнію Эратосѳена всю Дунайскую Дельту, т. е. всю область между обоими главными рукавами, рукавомъ св. Георгія и Килійскимъ. Лишь послѣ болѣе подробнаго знакомства съ страною раздробили эту большую Дельту на многіе малые острова, образуемые второстепенными рукавами Истра. Такъ Плиній, кромѣ острова Певке, самаго южнаго [3], упоминаетъ еще о Сарматскомъ островѣ (insula Sarmatica) между Naracustoma и Calonstoma, и еще сѣвернѣе — о третьемъ островѣ между Calonstoma и Pseudostoma по имени Canopon Diabasis. Страбонъ тоже, какъ и Плиній, помѣщаетъ островъ Певке на югъ и ограничиваетъ его тамъ соименнымъ рукавомъ Певке, который, по Птолемею, назывался также *ἱερὸν στόμα* [4]. Поэтому островъ Певке соотвѣтствуетъ теперешнему острову св. Георгія. Нельзя впрочемъ опредѣлить съ достовѣрностью, разумѣлъ ли Страбонъ подъ именемъ Певке только этотъ одинъ островъ, или еще и теперешній островъ Лети, лежащій между рукавами Сулинскимъ и Килійскимъ; но если можно объяснять древнее имя растущими тамъ деревьями, не хвойнымъ лѣсомъ, но лиственнымъ, то и островъ Лети, изобилующій лѣсомъ около Килійскаго устья, можетъ быть причисленъ къ Страбонову острову Певке, тѣмъ болѣе, что Страбонъ, если бы онъ дѣйствительно различалъ островъ св. Георгія отъ Лети, не могъ бы сказать, что, въ сравненіи съ Певке, всѣ прочіе острова значительно меньше [5]. Различіе въ величинѣ между островомъ Лети и островомъ св. Георгія весьма незначительно.

[1] Schol. in Apoll. IV. 308: *Ἐρατοσθένης ἐν γ̄ Γεωγραφικῶν, νῆσον εἶναι ἐν τῷ Ἴστρῳ φησὶ τρίγωνον, ἴσην τῇ Ῥόδῳ· ἣν Πεύκην λέγει διὰ τὸ πολλὰς ἔχειν πεύκας. Καὶ τὴν μὲν κορυφὴν τοῦ τριγώνου αὐτῆς πρὸς τὸ ῥεῦμα οὖσαν τοῦ ποταμοῦ, ἀγκῶνα ἐκάλεσε· τὴν δὲ βάσιν τὴν πρὸς τὴν θάλασσαν, εὖρος.*

[2] Arg. IV. 309: *Ἴστρῳ γάρ τις νῆσος ἐέργεται οὔνομα Πεύκη,*
Τριγλώχιν, εὖρος μὲν ἐς αἰγιαλοὺς ἀνέχουσα,
στεινὸν δ' αὖτ' ἀγκῶνα ποτὶ ῥόον.

[3] Nat. Hist. IV. 24.

[4] III. 10.

[5] l. l. *εἰσὶ δὲ καὶ ἄλλαι νῆσοι πολὺ ἐλάττους.*

Подъ меньшими островами, лежащими выше Певке, разумѣетъ Страбонъ острова, и теперь еще находящіеся предъ Килійскимъ устьемъ, между Измаиломъ и Киліею и пониже Киліи, величина которыхъ не можетъ быть сравнена ни съ островомъ Лети, ни съ островомъ св. Георгія. Этому значительному протяженію, которое я даю острову Певке, слѣдуя Эратосѳену и Страбону, противорѣчитъ однакожь свидѣтельство Аполлонія [1], который называетъ два рукава, образующіе этотъ островъ, именами *Νάρηκος* и *Καλὸν στόμα*, и такимъ образомъ подъ именемъ Певке разумѣетъ, кажется, одинъ только островъ Лети. Ниже мы увидимъ еще яснѣе, что именемъ *καλὸν στόμα* называется южный рукавъ Килійскаго устья, а *Νάρηκος* (вѣроятно то самое, что у Плинія, Солина и Амміана Naracustoma, или у Птолемея *Ιναράκιον*) ничто иное, какъ устье Сулинское. Впрочемъ слова Аполлоніевы не могутъ здѣсь рѣшить вопроса, потому что при географическихъ изслѣдованіяхъ авторитетъ стихотворца не можетъ быть признанъ рѣшительнымъ. Чтобы показать подробное познаніе свое страны, ученый Александріецъ избралъ для южнаго устья имя, менѣе другихъ употреблявшееся, но безъ сомнѣнія подъ этимъ именемъ разумѣлъ не что иное, какъ устье св. Георгія (*ἱερὸν στόμα*), которое по Страбону, какъ уже выше замѣчено, служило южною границей острова Певке. Но могутъ ли съ моимъ мнѣніемъ быть согласны и слѣдующія слова Страбона [2]: «самое большое устье, есть устье Святое, чрезъ которое, проплывая вверхъ по его теченію 120 стадій, достигаютъ острова Певке»? Къ чему это плаваніе 120 стадій, если рукавъ св. Георгія служитъ въ самомъ дѣлѣ границей острова Певке? Этотъ островъ съ сѣверной стороны рукава былъ вездѣ доступенъ и не было надобности плыть такъ далеко вверхъ по теченію рукава, чтобы достигнуть этого острова. Чѣмъ сильнѣе это важное возраженіе опровергаетъ, повидимому, все мое мнѣніе о положеніи острова Певке; тѣмъ пріятнѣе для меня удержаться на истинномъ пути при помощи самого Страбона. Конечно, мнѣ невозможно будетъ отстаивать свое мнѣніе, если подъ именемъ Святаго устья разумѣть одно только устье святаго Георгія; но къ этому нисколько

[1] Arg. IV. 311:

ἀμφὶ δὲ δοιαὶ
σχίζονται προχοαί. τὴν μὲν καλέουσι Νάρηκος·
Τὴν δ᾽ ὑπὸ τῇ νεάτῃ καλὸν στόμα.

[2] *μέγιστον δὲ τὸ ἱερὸν στόμα καλούμενον. δι᾽ οὗ σταδίων ἀνάπλους ἐπὶ τὴν Πεύκην ἑκατὸν εἴκοσι.*

и не принуждаютъ насъ слова древняго географа. Страбонъ разумѣетъ подъ своимъ *ἱερὸν στόμα* не только главный рукавъ, который впадаетъ прямо въ Понтъ Эвксинскій и теперь извѣстенъ подъ именемъ устья св. Георгія, но также и южный побочный рукавъ этого устья, который впадаетъ въ теперешнее озеро Разинъ или Разельмъ и называется у насъ Дунавицею. Къ сему-то послѣднему относятся выше приведенныя слова Страбона, желавшаго своими 120 стадіями означить протяженіе Дунавицы отъ впаденія ея въ озеро до соединенія съ рукавомъ св. Георгія. И въ самомъ дѣлѣ, протяженіе это означено имъ совершенно вѣрно; ибо если мы проплывемъ вверхъ отъ устья Дунавицы 120 стадій или $21\frac{1}{4}$ версты, то достигнемъ острова св. Георгія или древняго Певке. Этотъ небольшой рукавъ Истра, впадающій въ озеро (Дунавица), безъ сомнѣнія, весьма рѣдко употреблялся для плаванія и не имѣлъ поэтому собственнаго названія. Имя его заключалось вмѣстѣ въ названіи *ἱερὸν στόμα* или *Πεύκη*, какъ по Птолемею [1], назывался одинъ и тотъ же рукавъ; но, говоря точнѣе, слѣдовало бы отличать большое и малое *ἱερὸν στόμα*, большую и малую *Πεύκη*, смотря по тому хотѣли ли указать на рукавъ св. Георгія или на Дунавицу. Хотя этого не соблюдали, однако все же знали о семи рукавахъ. Вообще для тѣхъ рукавовъ, которые не достигали моря, не было собственныхъ именъ, вслѣдствіе чего мы не встрѣчаемъ у Птолемея особеннаго имени и для его втораго сѣвернаго рукава, который не считался устьемъ, потому что не впадаетъ въ Понтъ. Такъ же мало права имѣетъ и Дунавица на названіе настоящаго устья. И она впадаетъ въ море только *посредственно*, но такъ какъ она гораздо значительнѣе, нежели сѣверный рукавъ, упомянутый у Птолемея, отдѣляющійся не далеко отъ устья, то не затруднились присовокупить Дунавицу, какъ седьмой, хотя безъименный рукавъ, къ шести, дѣйствительно впадающимъ въ Понтъ, и могли сдѣлать это тѣмъ охотнѣе, что такимъ образомъ дополнялось сравненіе Дуная съ семирукавнымъ Ниломъ. Къ этому же безъименному рукаву (Дунавицѣ) относятся и слова Солина [2] и Амміана

[1] *Ἐντεῦθεν δὲ τὸ μὲν νοτιώτατον μέρος, περιλαβὸν νῆσον καλουμένην Πεύκην, ἐσβάλλει εἰς τὸν Πόντον στόματι τῷ λεγομένῳ ἱερῷ ἢ Πεύκῃ.*

[2] XIII. 1: Septem ostiis Pontum influit; quorum primum Peuce, secundum Naracustoma, tertium Calonstoma, quartum Pseudostoma: nam Borionstoma ac deinde Stenostoma languidiora sunt ceteris. Septimum vero, pigrum ac palustri specie, non habet, quod amni comparetur.

Марцеллина[1]. Правда, г. Брунъ[2] отнесъ оба сіи показанія къ приведенному Птолемеемъ озеру Thiagola, чрезъ которое достигаетъ моря самое сѣверное соименное устье, но это, по моему мнѣнію, ошибочно; хотя Солинъ и считаетъ упомянутыя имъ шесть устьевъ отъ юга къ сѣверу, однакожь этимъ еще не сказано, что седьмое устье, которое онъ не причисляетъ къ остальнымъ устьямъ по причинѣ болотистаго ложа рѣки, лежитъ еще сѣвернѣе шестаго устья Stenostoma. Рѣчь его, здѣсь совершенно отрывистая и прямо противоположная предшествовавшей, скорѣе указываетъ на то, что онъ уже не считаетъ болѣе въ направленіи отъ юга къ сѣверу, но напротивъ того переноситъ читателя въ совершенно другую сторону, а именно къ озеру Разинъ, которое Плиній[3] подробно описываетъ, и о которомъ Солинъ при южномъ устьѣ Певке ни слова не сказалъ. Комментаторъ Плинія пополняетъ этотъ пропускъ при концѣ своего описанія; онъ обязанъ былъ сдѣлать это тѣмъ болѣе, что для того, чтобы у него вышло полное число семи устьевъ, ему непремѣнно надлежало выразиться ясно и опредѣлительно о дѣленіи самаго южнаго рукава, на которое Плиній только намекаетъ. Что касается до свидѣтельства Амміана, который знаетъ также семь устьевъ, но только шесть означаетъ особенными именами, то описаніе его ясно показываетъ, что онъ буквально списывалъ Солина; поэтому о семи устьяхъ, упоминаемыхъ у Амміана, должно разумѣть то самое, что сказано выше о седьмомъ безъименномъ устьѣ Солина. Это не что̀ иное, какъ Дунавица.

На сколько согласны между собою встрѣчающіяся у древнихъ писателей имена, послѣ сказаннаго выше, увидитъ читатель лучше всего изъ прилагаемой при семъ таблицы, въ которой расположены устья отъ сѣвера къ югу и для бо́льшей ясности присоединены нынѣшнія ихъ названія.

[1] XXII. 8 p. 301 (ed. Bipont). Quorum (ostiorum) primum est Peuce insula super dicta, ut interpretata sunt vocabula Graeco sermone, secundum Naracustoma, tertium Calonstoma, quartum Pseudostoma; nam Boreonstoma ac deinde Slenostoma longe minora sunt ceteris: septimum ingens et palustri specie nigrum.

[2] La bouche de Kilia du Danube. Journal d'Odessa 1852. NN 31 и 32. Его-же о Килійскомъ устьѣ Дуная. Одесса. 1853, стр. 8.

[3] Natural. Hist. IV. 24. p. 287 (edit. stereot.).

Шесть устьевъ у Птолемея	и Плинія.	Семь устьевъ у Солина	и Аммiана.	Пять устьевъ у Адріана	и Безъименнаго.	Нынѣшнія устья Дуная.
1. Thiagola sive Psilon.	1. Spireonstoma.	1. Stenostoma.	1. Stenostoma.	1. Psilon.	1. Psilon.	1. Бѣлогородское гирло.
2. Boreonstoma.	2. Boreonstoma.	2. Borionstoma.	2. Borionstoma.	2. »	2. »	2. Очаковское гирло.
3. Pseudostoma.	3. Pseudostoma.	3. Pseudostoma.	3. Pseudostoma.	3. Sine nomine peculiari.	3. Sine nomine peculiari.	3. Среднее гирло.
4. Calonstoma	4. Calonstoma.	4. Calonstoma.	4. Calonstoma.	4. Calonstoma.	4. Calonstoma.	4. Стамбульское гирло.
5. Naracium.	5. Naracustoma.	5. Naracustoma.	5. Naracustoma.	5. Naraconstoma.	5. Naraconstoma.	5. Сулинское устье.
6. Ἱερὸν στόμα (majus et minus) sive Peuce (major et minor).	6. Peuce (major et minor).	6. Peuce (major).	6. Peuce (major).	6. Sine nomine peculiari.	6. Sine nomine peculiari.	6. Устье св. Георгія.
		7. Septimum, pigrum ac palustri specie, non habet quod amni comparetur.	7. Septimum ingens et palustri specie nigrum.			7. Дунавица.

При взглядѣ на эту сравнительную таблицу поражаетъ насъ разразнообразіе именъ, которыми обозначалось самое сѣверное устье. Всякій почти писатель дастъ ему особенное имя; однако за исключеніемъ имени Thiagola, находящагося у одного только Птолемея, и имени Spireonstoma у Плинія, происходящаго вѣроятно отъ описки, всѣ прочія названія могутъ быть приведены къ двумъ наименованіямъ, такъ какъ у греческихъ писателей преобладаетъ названіе Ψιλόν, а у римскихъ названіе Stenostoma. Оба названія происхожденія греческаго и указываютъ, что это устье было узкое и тѣсное: именно это замѣчаютъ Солинъ и Амміанъ Марцеллинъ объ обоихъ сѣверныхъ устьяхъ согласно съ Страбономъ [1], по которому они менѣе, нежели Святое устье, но болѣе, нежели три слѣдующія къ сѣверу отъ Святаго Впрочемъ подъ словами τὰ δὲ λοιπὰ разумѣетъ Страбонъ не только оба самыя сѣверныя устья, но также и Дунавицу, и сію послѣднюю онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду преимущественно предъ другими рукавами при своемъ описаніи. Но что подъ выраженіемъ τὰ δὲ λοιπα не должно разумѣть трехъ рукавовъ, прямо впадающихъ въ Понтъ, это видно изъ связи этого мѣста со всѣмъ прочимъ, гдѣ три устья, слѣдующія за Святымъ, достаточно обозначаются словами: τὰ ἐφεξῆς τῷ ἱερῷ στόματι, между тѣмъ какъ τὰ δὲ λοιπὰ безъ всякаго другаго прибавленія не заключаютъ въ себѣ никакой послѣдовательности въ порядкѣ. Поэтому не всѣ ихъ должно искать у морскаго берега, но (какъ седьмое устье у Солина и Амміана) также и въ другомъ мѣстѣ, а именно у теперешняго озера Разина.

Гораздо болѣе согласія встрѣчается въ названіяхъ слѣдующихъ устьевъ, означенныхъ подъ №№ 2, 3, 4, 5: различіе состоитъ только въ различномъ образѣ писанія, при чемъ однако нельзя не узнать одинаковаго корня. О шестомъ и седьмомъ устьѣ говорилъ я уже довольно подробно выше, а въ таблицѣ, указанія, встрѣчающіяся у Плинія и Птолемея, выразилъ словами, заключенными въ скобкахъ: major (majus) и minor (minus).

Этого достаточно, чтобы составить себѣ ясное понятіе объ устьяхъ Дуная. Я считалъ необходимымъ поговорить объ нихъ подробнѣе, чтобы точнѣе опредѣлить положеніе города Томи и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ. Въ этомъ отношеніи особенно важно Святое устье,

[1] l. l. τὰ μὲν δὴ τρία στόματα τὰ ἐφεξῆς τῷ ἱερῷ στόματί ἐστι μικρὰ· τὰ δὲ λοιπὰ τοῦ μὲν πολὺ ἐλάττονα, τῶν δὲ μείζονα.

потому что, начиная съ этого устья, Страбонъ, Арріанъ и Безъименный производятъ свои измѣренія.

Я принимаю достаточно доказаннымъ тождество древняго имени этого устья съ теперешнимъ устьемъ св. Георгія; потому-то отъ этого устья и начинаю изслѣдованія свои, въ главѣ коихъ поставляю нижеслѣдующія слова Страбона [1]. Измѣряя мѣстность отъ сѣвера къ югу, онъ говоритъ: «для того, кто плыветъ по морю, имѣя берегъ въ полномъ его протяженіи въ право, отъ Святаго устья Истра до городка Истроса будетъ разстояніе въ 500 стадій». На нашу мѣру это составитъ $88^{1}\,^{3}/_{24}$ версты. Это береговое плаваніе, точно обозначенное, при которомъ конечно мы не въѣзжаемъ ни въ Портицкое устье, ни въ озеро Разинъ, но оставляемъ ихъ въ право, приведетъ насъ сначала къ мысу Мидія (Cap Midia) — *Πτερὸν ἄκρον* Птолемея [2] — и потомъ къ лежащему при бухтѣ городку Кара-Ирманъ (Kara-Irman) или Каракерманъ (Karakerman), который, по моему мнѣнію, должно принимать за гавань города Истроса, между тѣмъ какъ собственный городъ должно искать около двадцати верстъ далѣе внутрь страны, и именно западнѣе отъ нижней части озера Разина. На это наводятъ слова Плинія [3], который при подробномъ описаніи озера Разинъ отличаетъ двѣ особенныя части его: сѣверную, въ которую впадаетъ Дунавица (Peuce minor), имѣющую 19 римскихъ миль въ окружности, и для которой нѣтъ у Плинія особеннаго имени, и южную (въ 60 римскихъ миль въ окружности), которую Плиній называетъ Halmyris. Обѣ части составляютъ слѣдовательно объемъ въ 82 римскихъ мили или $116^{1}/_{6}$ версты, что точь въ точь соотвѣтствуетъ величинѣ теперешняго озера Разина. Описаніе Галмириса начинаетъ Плиній съ сѣвера, и поэтому изъ словъ его: «eodem alveo et super Istropolim lacus gignitur LIIIXM passuum ambitu; Halmyrin vocant» видно, что онъ за истокъ Галмириса принимаетъ отдаленнѣйшую часть противоположнаго берега, т. е. южную оконечность озера Разина. За этой южной оконечностью лежалъ Истрополисъ (Istropolis), въ разстояніи около 15 верстъ на западъ отъ озера. Ближе къ озеру нельзя искать древняго города, потому что низменная страна, лежащая по берегу озера, не могла быть довольно примапчивой для поселенія на ней. Напротивъ того, почва въ означенномъ отъ озера разстояніи возвышается замѣтно, и

[1] *Ἔστιν οὖν ἀπὸ τοῦ ἱεροῦ στόματος τοῦ Ἴστρου ἐν δεξιᾷ ἔχοντι τὴν συνεχῆ παραλίαν Ἴστρος πολίχνιον ἐν πεντακοσίοις σταδίοις.*

[2] Geograph. III. 10.

[3] Nat. Hist. IV. 24.

какъ въ древности служила Истріанамъ, такъ и теперь еще служитъ Булгарамъ мѣстомъ большихъ и малыхъ селеній. На различіе гавани Истріянъ отъ собственнаго города указываетъ, вѣроятно, и двойное имя: *Истросъ* у Страбона, Арріана и Безъименнаго, и *Истрополь* у Плинія и Мелы [1]; первые имѣли въ виду при береговомъ плаваніи преимущественно гавань, а вторые городъ. По той же причинѣ Страбонъ называетъ упоминаемое имъ мѣсто городкомъ (*πολίχνιον*), Плиній же городомъ и причисляетъ его къ красивѣйшимъ въ цѣлой странѣ. Могла ли произойти такая большая перемѣна съ однимъ и тѣмъ же городомъ въ одно какое-нибудь полстолѣтіе, которое отдѣляетъ Страбона отъ Плинія? Нельзя конечно отрицать возможнотти этого, однако же оно невѣроятно. Далѣе, не находится ли въ связи съ положеніемъ самаго города *двойная голова*, встрѣчающаяся на серебряныхъ монетахъ Истріянъ, временъ ихъ независимости, которую такъ различно [2] объясняли? Эти двѣ головы, находящіяся одна близь другой въ обратномъ положеніи, вмѣстѣ съ типомъ оборотной стороны, гдѣ орелъ сидитъ на дельфинѣ или пожираетъ рыбу, намекали бы тогда на то, что Истросъ и Истрополь, лежавшіе между Галмирисомъ и Понтомъ въ двухъ совершенно противоположныхъ направленіяхъ относительно моря, находились въ тѣсной связи между собою. Наконецъ, должно еще замѣтить, что разстояніе между Истросомъ и Томи означено Страбономъ 50 стадіями менѣе, нежели у Арріана и Безъименнаго. Не позволительно ли объяснять это разногласіе тѣмъ, что разстояніе города отъ гавани не было въ точности извѣстно морякамъ, которые рѣдко посѣщали городъ, а чрезъ это легко могло произойти разнорѣчіе въ показаніяхъ. Болѣе нежели всѣ приведенныя мною соображенія, говоритъ въ пользу моего предположенія — самая мѣстность страны, какъ она и теперь еще существуетъ. Милетійцы, при основаніи этой колоніи [3], никакъ не могли упустить изъ виду тѣхъ выгодъ, которыя могла имъ доставить такая прекрасная гавань какъ Каракерманъ; поэтому, если древнія греческія колоніи большею частію отыскиваются только у береговъ Понта или у судоходныхъ, въ Понтъ впадающихъ, рѣкъ, а не внутри страны, то это же самое должно полагать и объ Истросѣ. Какъ могли предусмотрительные Греки удалиться далеко отъ стихіи, которая имъ открывала съ одной стороны вѣрную надежду на процвѣтаніе при помощи торговли, а съ другой—

[1] II. 2, 5.

[2] Eckhel Doctr. num. vet. II. p 14.

[3] Strabo, Anonymus, Plinius l. l.

доставляла имъ нужную защиту противъ угрожающихъ вторженій и нападеній варваровъ вблизи обитавшихъ? Уже по этой естественной причинѣ не должны были остаться незанятыми мѣста, самою природой назначенныя для гавани, и было бы очень странно, еслибъ не было обращено вниманія на гавань Каракерманъ, замкнутую съ трехъ сторонъ и открытую только съ юга, на рейдѣ которой корабли, приходящіе съ юга, и теперь еще находятъ надежную защиту противъ вѣтра и непогоды [1]. Этого не могло быть! Безъ сомнѣнія, въ Каракерманѣ прежде всего основались милетскіе колонисты и перенесли свои жилища на двѣ мили глубже внутрь страны только тогда, когда имъ нечего было бояться тамошнихъ сосѣдей. Но и послѣ того теперешній Каракерманъ остался все-таки настоящею гаванью Истрополя. Такимъ образомъ городъ Истріанъ могъ быть разсматриваемъ то какъ приморскій, то какъ внутренній городъ, и въ этомъ отношеніи также оправдывается изображеніе на его монетахъ двухъ головъ, находящихся одна близь другой въ обратномъ положеніи.

Ближайшее мѣсто на югъ отъ Истроса [2], есть *Томи*, также колонія милетская. До нея отъ Истроса 250 (по Страбону) или 300 (по Арріану и Безъименному) стадій, т. е. $44^{13}/_{48}$ или 52 версты. Если изъ этихъ двухъ, не вполнѣ согласныхъ, показаній дадимъ преимущество показанію Страбона, и изъ его $44^{13}/_{48}$ версты около 20 верстъ положимъ на сухопутье, прочія же для проѣзда водою, то придемъ къ теперешнему городку Кюстенджи, мѣсту, которое по самому естественному его положенію, было удобно для древняго поселенія. Тамъ вдается почти на версту въ море возвышенный материкъ, образуя полуостровъ, окруженный съ трехъ сторонъ моремъ, а къ западу огражденный отъ остальнаго материка горною цѣпью, тянущеюся версты на двѣ. Въ странѣ, гдѣ постоянно должно было опасаться нападеній отъ грубыхъ сосѣднихъ племенъ, и гдѣ можно было защитить себя отъ ихъ враждебныхъ набѣговъ только стѣнами и укрѣпленіями, — нельзя было найдти мѣста, болѣе удобнаго для защиты весьма малыми средствами, какъ именно этотъ совершенно изолированный полуостровъ. Такое важное преимущество, къ которому присоединялась еще выгода пространной гавани, должно было броситься въ глаза, и поэтому Милетійцы избрали это мѣсто при заложеніи Томи. Мѣстность Кюстенджи, болѣе нежели какое-нибудь

[1] Taitbout Pilote de la mer noire et de la mer d'Azov. Constantinople. 1850. p. 38.

[2] Strabo, Plinius, Ptolemaeus, Arrianus, Anonymus и Ammianus l. l.; по свидѣтельству одного только Мелы (II. 2, 5) слѣдуетъ за Истрополемъ не Томи, но Каллатисъ.

другое мѣсто страны, поразительно сходствуетъ съ тѣми краткими указаніями, которыя оставилъ намъ Овидій о мѣстѣ своей ссылки. Утесистый берегъ, о которомъ онъ говоритъ [1], характеризуетъ еще и теперь Кюстенджи и выдается въ море съ восточной стороны полуострова многими рифами. На южную цѣпь, расположенную по западной части полуострова, намекаетъ онъ [2], когда говоритъ, что только естественное положеніе страны и стѣны города дѣлаютъ его безопаснымъ отъ постоянныхъ нападеній враждебныхъ сосѣдей. Въ озерѣ, которое замерзаетъ зимою, и изъ котораго ломаютъ ледъ [3], узнаемъ мы озеро, лежащее версты двѣ выше Кюстенджи, которое еще и теперь называется Овидіевымъ (Ovidiovo). Недостатокъ въ тучныхъ пастбищахъ [4], въ тѣнистыхъ ивовыхъ [5] и дубовыхъ лѣсахъ [6], въ источникахъ прѣсной воды [7], въ пѣвчихъ птицахъ [8], отсутствіе плодоносныхъ пахатныхъ полей [9], ясно напоминаетъ намъ степь, на которой лежитъ нынѣшній Кюстенджи; и эта картина будетъ еще нагляднѣе, если мы къ этому присоединимъ жалобы Овидія на однообразіе страны, которая, подобно морю, представляетъ безконечную равнину [10], не украшается весною разноцвѣтнымъ дерномъ [11] и, вмѣсто всякихъ травъ и зелени, изобилуетъ только горькою полынью (absinthium) [12], растеніемъ свойственнымъ степной пустынѣ. Прибавимъ къ этому еще замѣчаніе Овидія, что въ Томи встрѣчаются только морскія птицы [13], наполняющія воздухъ своимъ дикимъ крикомъ, что вода для питья здѣсь солена или имѣетъ болотный запахъ [14], и что сила сѣверныхъ вѣтровъ такова, что сноситъ крыши и грозитъ разрушеніемъ высокимъ зданіямъ [15]. Однимъ словомъ, при описаніи мѣста своей ссылки Овидій могъ имѣть въ виду только ту страну, гдѣ лежитъ теперь Кюстенджи; поэтому, со всею вѣроятностью, мы должны искать здѣсь древній

[1] Trist. I. 8, 9.
[2] Trist. V. 10. 18.
[3] Trist. III. 10, 26. ibid. III. 12, 28.
[4] Trist. III. 10, 75. V. 4, 10. Epist: I, 2, 25.
[5] Trist. V. 4, 9. III. 10, 75, III. 12, 16.
[6] Epist. I. 3, 52 III. 1, 20.
[7] Epist. III. 1, 17.
[8] Epist. III. 1, 21.
[9] Epist. I. 3, 55.
[10] Trist. III. 1, 20.
[11] Trist. III. 1, 11.
[12] Epist. III. 1, 23. III, 8. 15
[13] Epist. I. 21, 22.
[14] Epist. II. 7, 74.
[15] Trist. III. 10, 17.

городъ Томи. Доказательствомъ существованія въ этомъ самомъ мѣстѣ древняго поселенія служатъ древнія постройки, которыя еще здѣсь находятся. Это именно остатки древняго мола, который былъ построенъ для безопасности гавани у мыса, оканчивающаго полуостровъ, нѣсколько колодцевъ въ такихъ мѣстахъ, которыя теперь не принадлежатъ болѣе къ городу, и нѣкоторые остатки древнихъ построекъ у берега, который образуетъ западную сторону рейда на югѣ полуострова. Я не могу, конечно, со всею достовѣрностію доказать, чтобы все это были именно древности Томи, — однако, въ противномъ случаѣ, какому изъ древнихъ городовъ могли принадлежать эти остатки? Всѣ древніе географы, за исключеніемъ не совсѣмъ точнаго Мелы, полагаютъ Истросъ и Томи на самомъ сѣверѣ, а Каллатисъ и остальные къ Одессосу лежащіе города безъ исключенія — южнѣе. По этому, если мы желаемъ отнести уцѣлѣвшіе остатки къ какому-нибудь древнему городу, остается намъ только сдѣлать выборъ между Истросомъ и Томи; а такъ какъ Истросъ, независимо отъ всѣхъ другихъ причинъ, уже по самому имени своему долженъ былъ лежать недалеко отъ рѣки Истра, то намъ остается только — Томи. Правда, что нѣкоторые новые писатели [1] желали видѣть въ Кюстенджи городъ Констанцію или Констанціану, который у Прокопія [2] упоминается непосредственно передъ Каллатисомъ; особенно ихъ клонило къ этому нѣкоторое созвучіе именъ, потому что еще ничего нельзя заключить изъ того мѣста, которое занимаетъ *Κωνσταντιανά* въ спискѣ Прокопія: города, какъ это легко замѣтить изъ другихъ именъ, не исчислены тамъ по ихъ географическому положенію. Но мы видимъ изъ сочиненій Константина Порфиророднаго [3], что Констанція, вѣроятно равнозначущая съ *Κωνσταντιανά* Прокопія, лежала у рѣки Варны (*Βάρνας*) и по этому, какъ показалъ уже и Бёкъ [4], есть позднѣйшее названіе Одессоса. Впрочемъ и тогда даже, еслибъ между *Κωνσταντιανά* и *Κωνσταντία* желали сдѣлать какое-нибудь различіе и означить каждымъ изъ этихъ именъ особенный городъ, то *Κωνσταντιανά* Прокопія было бы не болѣе какъ названіе какого-нибудь мѣстечка, возникшаго позднѣе, какихъ въ спискѣ Прокопія мы видимъ много. Опредѣлить ихъ географически — невозможно: Прокопій въ своемъ каталогѣ смѣшиваетъ древнее съ новымъ, и, какъ кажется, имѣетъ очень неточныя

[1] Forbiger Handbuch d. alt. Geogr. III. p. 1099.
[2] De aedific. IV. 11. p. 307. (edit. Bon.).
[3] De administr. imperio II. 9.
[4] Corpus Inscript. Graecar. II. p. 78. № 2056.

свѣдѣнія о положеніи отдѣльныхъ мѣстечекъ. Такъ напримѣръ, не говоря о многомъ другомъ, вспомнимъ кстати, что городъ Томи причисляетъ онъ къ городамъ, лежавшимъ внутри страны. Впрочемъ и Мотрэ [1] также считаетъ теперешнее мѣсто Кюстенджи за Констанцію и уцѣлѣвшіе еще до сего времени остатки древнихъ стѣнъ несправедливо считаетъ остатками города Констанціи. Монеты, найденныя имъ въ Кюстенджи, съ именами Constans, Constantius и Constantinus, ничего не могутъ доказывать, потому что подобныя же монеты находилъ онъ весьма часто по всей странѣ, и при томъ, какъ новѣйшія, онѣ могли легче уцѣлѣть. Напротивъ того Мотрэ не даетъ никакого особеннаго вѣсу тому, что въ Кюстенджи собралъ онъ также много монетъ изъ Томи и Каллатиса, а это именно и доказываетъ, что на мѣстѣ Кюстенджи долженъ былъ находиться городъ древнѣйшій, нежели Констанція, заложенная только въ четвертомъ столѣтіи по Р. Х. У большей части греческихъ городовъ, лежавшихъ на берегахъ Понта Эвксинскаго, уже въ половинѣ третьяго вѣка нашего лѣтосчисленія было отнято право чеканить монету, и потому извѣстныя, дошедшія до насъ монеты Томи [2], также какъ и города Каллатиса [3], восходятъ не далѣе Филиппа Младшаго. Разумѣется, онѣ не были уже болѣе въ употребленіи въ то время, когда была основана и процвѣтала Констанція, тѣмъ болѣе, что перечеканка древнихъ монетъ, а именно томійскихъ, по превосходству ихъ металла, была очень выгодна. По этому найденныя Мотрэ въ Кюстенджи монеты города Томи и Каллатиса указываютъ на то, что городъ, нѣкогда находившійся на мѣстѣ Кюстенджи, древнѣе, нежели Констанція. Конечно, изъ находки нѣсколькихъ монетъ нельзя бы сдѣлать, при другихъ обстоятельствахъ, дальнѣйшаго заключенія; однако такъ какъ уже по однимъ вышеприведеннымъ основаніямъ слѣдуетъ искать города Томи именно на мѣстѣ нынѣшняго Кюстенджи, то, надѣюсь, никто не вмѣнитъ мнѣ въ заблужденіе, если я пользуюсь и монетами, найденными Мотрэ, для доказательства справедливости моего мнѣнія относительно положенія города Томи. Въ пользу моего же мнѣнія говорятъ и нѣкоторыя надписи, отысканныя на полуостровѣ и подлѣ деревни Анадолькейи (Anadolkeüy), въ $\frac{1}{2}$ мили отъ Кюстенджи, австрійскимъ вице-консуломъ въ Варнѣ г. Тедески, о которыхъ я подробнѣе буду говорить ниже. Но прежде необходимо опредѣлить по-

[1] La-Motraye Voyage en Europe, Asie et Afrique. II. p. 208.
[2] Mionnet Suppl. II. p. 205.
[3] ibid. II. p. 63.

ложеніе нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, о которыхъ, послѣ Томи, упоминаютъ древніе географы.

Здѣсь первое мѣсто занимаетъ *Каллатисъ*, сперва колонія Милета [1] или Мегары [2], называвшаяся Керастисомъ, впослѣдствіи населенная колонистами изъ Гераклін [3]. Каллатисъ отстоялъ отъ Томи, по Страбону [4], на 280, по Арріану [5] и Безъименному [6] на 300 стадій. Разница на 20 стадій въ этихъ показаніяхъ легко объясняется тѣмъ, что Страбонъ дѣлалъ измѣренія болѣе по прямому направленію, другіе же два автора опредѣляли это разстояніе, плавая вдоль самаго берега. Но эти 280 стадій Страбона, что̀ составляетъ на нашу мѣру $49^{7}/_{12}$ версты, приведутъ насъ 12 или 13 верстъ далѣе за Мангалію, и притомъ на такое мѣсто, вблизи котораго нѣтъ ни удобной гавани, ни малѣйшихъ остатковъ древности. Напротивъ, то и другое находимъ мы въ Мангаліи, и потому, не смотря на измѣренія древнихъ, мы принуждены помѣстить Каллатисъ при теперешней Мангаліи. Разстояніе же между Кюстенджи и Мангаліею — по теперешнему измѣренію 21 морская миля ($36\frac{3}{4}$ версты) [7] — не можетъ уже потому соотвѣтствовать измѣренію древнихъ, что въ новѣйшія времена измѣряются разстоянія по прямымъ линіямъ, независимо отъ извилинъ берега; между тѣмъ какъ древніе, на своихъ небольшихъ судахъ, ходили гораздо ближе къ берегу и принимали во вниманіе всѣ бухты и изгибы материка. По этому на разстояніи 280 — 300 стадій легко могло произойти разницы 12 — 16 верстъ.

Нынѣшняя Мангалія, — которую Мотрэ [8] только на своей картѣ отличаетъ отъ Пангалы, лежащей весьма близко отъ нея къ югу и принимаемой имъ за древній Томи, но на которую онъ въ описаніи своего путешествія болѣе вниманія не обращаетъ, — со времени изслѣдованій Маннерта [9] и Шаффарика [10] принята всѣми за древній Томи. Но ни остатки сохранившихся здѣсь строеній, ни обстоятельство, что Мангалія тамошними жителями еще и въ настоящее время называется Томисварою, не могутъ, послѣ того, что̀ я сказалъ о Кю-

[1] Mela II. 8, 5.
[2] Ovid. Trist. I. 10, 39, 40.
[3] Strabo VII. 6, 1, p. 491. Anonym. l. l. Memnon 21.
[4] l. l.
[5] pag. 24. (ed. Huds.).
[6] p. 12. (ed. Huds.).
[7] Taitbout. l. l. p. 37.
[8] На картѣ Мотрэ городъ называется Magnigalia.
[9] Geographie der Griechen und Römer VII. p. 126.
[10] Wiener Jahrbücher XLVI. 49.

стенджи, сдѣлать правдоподобнымъ, что Мангалія была мѣстомъ ссылки Овидія. Во всемъ этомъ краѣ люди образованные сохранили воспоминаніе объ этомъ печальномъ изгнаніи, и потому имя Овидія или мѣсто его заточенія были переносимы въ разныя страны и на разныя мѣста. О неосновательности подобной номенклатуры я упоминалъ уже выше; здѣсь еще только присовокуплю, что если обращать вниманіе на названія, напоминающія объ Овидіи, то озеро, лежащее между Бабою и Кюстенджи и называемое не-Турками и нынѣ еще Овидіевымъ озеромъ (Ovidiovo) [1], столько же, и даже еще больше, говоритъ за Кюстенджи, чѣмъ Томисвара за Мангалію. Но, при всемъ томъ, упоминая выше объ озерѣ, лежащемъ къ сѣверу отъ полуострова, я не придавалъ этому названію особенной важности, зная хорошо, какъ однозвучіе въ именахъ и словахъ, за недостаткомъ болѣе важныхъ основаній, легко можетъ ввести въ заблужденіе. Древнія строенія, которыя Мотрэ [2] нашелъ въ Пангалѣ или Мангаліи, могутъ быть отнесены какъ къ Каллатису, такъ и къ Томи. Что же касается до упоминаемой имъ въ числѣ строеній Овидіевой башни [3], то едва ли кто повѣритъ, чтобы въ ней дѣйствительно жилъ Овидій. Какъ въ Римѣ на языкѣ простаго народа и необразованныхъ чичерони всѣ развалины носятъ классическія имена, съ которыми онѣ, какъ это доказано, ничего общаго не имѣютъ; такъ и этой башнѣ придали имя Овидія не по какому-либо преданію, а только потому что отыскивали древній Томи въ Мангаліи. Мое же мнѣніе, что на мѣстѣ нынѣшней Мангаліи находился Каллатисъ, а не Томи, подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Мотрэ [4] между монетами, собранными имъ въ Томисварѣ, нашелъ много изъ Каллатиса и только нѣсколько монетъ изъ Томи, и что на мѣстѣ, гдѣ по его мнѣнію стоялъ Каллатисъ, незамѣтно никакихъ слѣдовъ древняго населенія [5]. Вѣроятно ли, чтобы Каллатисъ, который Плиніемъ [6] причисляется къ красивѣйшимъ городамъ всей страны, и который, по вѣрнымъ свидѣтельствамъ [7], еще существовалъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, исчезъ, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ? Правда, что это случилось съ нѣкоторыми другими городами древности; но такъ какъ остатки въ Мангаліи, и

[1] La-Motraye II. p. 207.
[2] Voyage II. p 209.
[3] ibidem: «Les prétendues restes de la tour d'Ovide».
[4] ibid. p. 209.
[5] ibidem: «mais je n'y decouvris aucunes antiquitez — et pas même des médailles».
[6] N. H. IV. 18. p. 277. (ed. stereot.).
[7] Constant. Porphyr. de themat. p. 47, 14. (ed. Bonn.)

особенно остатки древняго мола гавани [1] и другихъ строеній, доказываютъ прежнее существованіе довольно значительнаго приморскаго города, какимъ именно представляютъ [2] Арріанъ и Безъименный древній Каллатисъ, то мы, сыскавши для Томи другое мѣсто, имѣемъ полное право все это отнести къ Каллатису. Моему мнѣнію о положеніи Каллатиса не противорѣчитъ и свидѣтельство Птолемея [3], по которому Каллатисъ слѣдуетъ непосредственно за Томи и отстоитъ отъ него на 40 минутъ долготы и 20 минутъ широты.

За Каллатисомъ, на разстояніи 180 стадій, Арріанъ [4] и Безъименный [5] помѣщаютъ *Пристань Карійцевъ* (*Καρῶν λιμήν*), называемую у Мелы [6] Portus Caria, хотя у другихъ географовъ она не упоминается, вѣроятно, по своей маловажности. Упомянутыя 180 стадій, соотвѣтствующія, по нашему измѣренію, $31\frac{1}{5}$ версты, приводятъ насъ почти къ мысу Шеблеру, гдѣ я и помѣщаю гавань Карійцевъ, потому что небольшія суда легко могли находить тамъ якорную стоянку. Рауль Рошеттъ [7] изъясняетъ имя этой гавани свидѣтельствомъ Плинія [8]; но въ приведенномъ мѣстѣ видно только, что поселенія Карійцевъ въ древнѣйшія времена находились при Танаисѣ, — изъ чего нельзя еще заключить, что наша пристань Карійцевъ и окрестность ея, называвшаяся Каріею, дѣйствительно обязаны своимъ названіемъ карійскимъ поселенцамъ. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы Карійцы избрали для своего поселенія мѣсто, столь мало благопріятствуемое природою. Были ли здѣсь найдены когда-нибудь какія-либо древности — я не могъ узнать. Древняя, стоящая на вершинѣ, башня, служившая прежде маякомъ [9], обязана своимъ происхожденіемъ гораздо болѣе позднимъ временамъ.

Въ 120 стадіяхъ [10] или $20\frac{4}{7}$ версты отъ пристани Карійцевъ лежитъ мысъ Каліакри, который у древнихъ именуется совершенно иначе. Страбонъ [11] называетъ его *ἡ Τρίζις ἄκρα* и повѣствуетъ, что это мѣсто служило Лисимаху хранилищемъ его сокровищъ. Скалы,

[1] Taitbout. p. 36.
[2] У обоихъ называется Каллатисъ *ὅρμος ναυσίν*.
[3] Geogr. III. 10.
[4] p. 24.
[5] p. 13.
[6] II. 2. 5.
[7] Histoire de l'établissement des colonies grecques III. p. 318.
[8] Nat. Hist. VI. 7.
[9] Taitbout l. l. p. 36.
[10] Arrian. и Anonymus l. l.
[11] VII. 6, 1. p. 492

круто опускающіяся при этомъ мысѣ въ море и образующія небольшой полуостровъ, составляютъ защиту отъ нападенія со стороны моря, а со стороны материка служитъ защитой цѣпь горъ, идущая непосредственно за мысомъ. Этому, самой природой образованному и, вѣроятно, руками человѣческими усовершенствованному укрѣпленію совершенно приличны слова Страбона: *χωρίον ἐρυμνόν*. У Птолемея [1] мысъ этотъ называется *Τιρίστις ἄκρα*, у Мелы [2] Tiristis promontorium, у Арріана [3] *Τετρισίας*, у Безъименнаго [4] *Τετρισίας* или *Τιρίζα* или просто *ἄκρα*. Не смотря однако на всѣ эти небольшія несогласія названій, видно, что они всѣ разумѣютъ одно и то же мѣсто.

Отъ мыса Тиризиса — по Арріану [5] и Безъименному [6] — на разстояніи 60 стадій (10²/₅ версты) лежалъ маленькій городокъ ***Бизона*** (*Βιζώνη*) [7], который, по свидѣтельству Страбона, большей частью, а по свидѣтельству Мелы [8] и Плинія [9], совершенно разрушенъ землетрясеніемъ. Также и Арріанъ [10] говоритъ о немъ, какъ о немноголюдномъ мѣстѣ. Упомянутое разстояніе соотвѣтствуетъ разстоянію между мысомъ Каліакри и Каварною, которую я не сомнѣваюсь принять за древнюю Бизону, имѣя въ виду замѣчаніе Безъименнаго, которое можетъ быть совершенно примѣнено къ нынѣшней Каварнѣ [11], что въ Бизонѣ не было собственной гавани, но что это мѣсто служило только якорною стоянкою при бурной погодѣ. Безъименный не рѣшаетъ, кому Бизона обязана своимъ основаніемъ; по нѣкоторымъ писателямъ, основаніе города приписывается обитавшимъ тамъ варварамъ, по другимъ — онъ былъ месембрійскою колоніею. Нельзя ли соединить одно показаніе съ другимъ такъ, что этотъ городокъ основанъ Месембріею, а послѣ разрушенія землетрясеніемъ былъ вновь населенъ окрестными народами?

За Бизоною слѣдуетъ — по Арріану [12] и Безъименному [13] — на раз-

[1] III. 10. p. 212 (ed. Wilb.).
[2] II. 2, 5.
[3] p. 24.
[4] p. 13.
[5] l. l.
[6] l. l.
[7] У Арріана городокъ называется *Βίζον*.
[8] II. 2, 5.
[9] N. H. IV. 18.
[10] p. 24: *χῶρον ἔρημον*.
[11] Taitbout. l. l. p. 35.
[12] p. 24.
[13] p. 13.

стоянiи 80 стадiй ($13^{13}/_{15}$ версты) *Дiонисополь*, который я полагаю на мѣстѣ нынѣшняго Балчика. Рѣдкiе города перемѣняли такъ часто свое названiе какъ Дiонисополь. Древнѣйшее свое имя *Κρουνοί*[1] получилъ онъ, какъ говорятъ, отъ обильныхъ окрестныхъ источниковъ; позднѣйшее же, Дiонисополь[2], отъ выброшенной сюда на берегъ статуи Дiониса, или Вакха; у одного Безъименнаго онъ называется еще *Ματιώπολις*. Если это последнее названiе, какъ думаетъ большая часть ученыхъ, ошибочно; то объясненiемъ двойнаго имени, Крупи и и Дiонисополя, можетъ служить для насъ показанiе Мелы[3], — что первое изъ этихъ двухъ названiй относится къ гавани, а другое къ самому городу: точно такъ, какъ я старался показать это выше при Истросѣ и Истрополѣ. Древнее названiе города (*Κρουνοί*) сохранилось для гавани Дiонисополя преимущественно у моряковъ, которые знали ее подъ симъ именемъ и, не обращая вниманiя ни на самый городъ, ни на перемѣну его наименованiя, имѣли въ виду преимущественно рейдъ подъ древнимъ его именемъ. Этотъ рейдъ, такъ какъ и нынѣшнiй Балчикскiй[4], служилъ, безъ сомнѣнiя, въ бурное время лучшимъ пристанищемъ для судовъ, гдѣ они при угрожающей опасности спасались.

«Изъ Дiонисополя, пройдя 200 стадiй[5] ($34^{2}/_{3}$ версты), ты прiйдешь наконецъ въ *Одессосъ* (нынѣшнюю Варну)». Тождество Варны и древняго Одессоса принято нынѣ всѣми, особенно съ того времени, какъ и Бёкъ[6] присталъ къ этому мнѣнiю; а потому нѣтъ надобности распространяться объ этомъ. Справедливость этого мнѣнiя доказывается еще надписью, найденною въ 1851 году въ Варнѣ, въ Армянскомъ кварталѣ[7], о которой подробно я поговорю ниже. Одессосъ, колонiя Милетiйцевъ[8] времени Астiага и хорошая гавань, вѣроятно, какъ полагаетъ и Бёкъ, называлась позже Констанцiею (*Κωνσταντία*). Имя рѣки Варны (*Βάρνας*)[9], при которой лежала Констанцiя, и которая

[1] Strabo, Plinius, Mela.
[2] Plinius, Mela, Ovid. Trist. I. 10, 37; Anonymus; по Птолемею Дiонисополь слѣдуетъ сейчасъ за Каллатисомъ.
[3] II. 2, 5.
[4] Taitbout. l. l.
[5] Arrian. Anonym.
[6] Corp. Inscript. II. N 2056.
[7] L'Ordine, giornale politico, letterario, 1851. N etc. 104.
[8] Strabo, Plin. l. l.
[9] Const. Porph. de administ. imperio 9. p. 79. (edit. Bonn.).

еще и теперь подъ симъ самымъ именемъ впадаетъ при Варнѣ въ море, служитъ, кажется, тому доказательствомъ.

Оканчивая этимъ географическое обозрѣніе городовъ, лежавшихъ между Истромъ и Одессосомъ, я присовокупляю къ сему таблицу, изъ которой будетъ видно разногласіе новѣйшихъ географовъ въ опредѣленіи древнихъ городовъ, а именно: Маннерта [1], Бэля [2] и Форбигера [3].

[1] Geographie der Griechen und Römer. p. 127.
[2] Geographi minores, ad Arriani Peripl.
[3] Handbuch der alten Geograph. III. p. 1098 — 1100.

ДРЕВНІЯ НАЗВАНІЯ.	МАННЕРТЪ.	ФОРБИГЕРЪ.	ГЭЛЬ.	МОИ ОПРЕДѢЛЕНІЯ.
1. Istros (Istropolis).	1. Kiustenza.	1. Istere.	1. Ad meridiem hodiernae Kara-Kerman.	1. Каракерманъ.
2. Tomi.	2. Jegni Pangola.	2. Jegni Pangola.	2. Juxta promontorium Gustendgi.	2. Кюстенджи.
3. Callatis.	3. Kallat.	3. Kollat.	3. Juxta Many-Kaliah.	3. Мангалія.
4. Carôn portus.	4. Kelagra oder Kalagriah.	4. Südlich von Gülgrad.	4. Ad septentrionem promontorii Chabler-Saghi.	4. Шеблеръ.
5. Tirizis.	5. Beim Vorgebirge Galata.	5. Cap Gülgrad.	5. Juxta promontor. Calagriah	5. Каліакри.
6. Bizone.	6. Varna.	6. Südlich von Galata.	6. Kavarna.	6. Каварна.
7. Dionysopolis (Crunoe).	7. Beim Flusse Camtschi oder Kimpi.	7. Baldsjik.	7. Baldjick.	7. Балчикъ.
8. Odessos.	8. Eminch.	8. Varna.	8. Varna.	8. Варна.

Перейдемъ теперь къ исторіи Томи и ближайшихъ къ нему приморскихъ городовъ.

Здѣсь я долженъ прежде всего замѣтить, что извѣстія древнихъ писателей объ этомъ предметѣ чрезвычайно неполны и недостаточны. Ни одинъ изъ дошедшихъ до насъ авторовъ не имѣлъ этихъ греческихъ колоній предметомъ спеціальнаго описанія; по этому все, что мы знаемъ о Томи, ограничивается самыми отрывочными свѣдѣніями. Такіе недостаточные матеріялы, разумѣется, не могутъ служить основою строго-послѣдовательной или только отчасти полной исторіи; не смотря на то, я приведу разсѣянныя у разныхъ писателей данныя, по возможности, въ систему, предоставляя благосклонному читателю трудъ объяснить себѣ, по такимъ неточнымъ указаніямъ древнихъ, по крайней мѣрѣ главную сущность дѣла. Изъ числа греческихъ колоній, разсмотрѣніемъ которыхъ мы займемся здѣсь, Томи и Истросъ были древнѣйшія. Основаніе ихъ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Скиѳы вторгнулись въ Верхнюю Азію и завоеваніями своими разпространили повсюду страхъ и ужасъ. Греческіе колонисты Малой Азіи не считали себя безопасными на прежнихъ мѣстахъ своего жительства и старались посредствомъ переселеній избѣжать угрожающей опасности. Въ это именно время много колоній было основано могущественнѣйшимъ изъ приморскихъ городовъ Малой Азіи, Милетомъ. Главнымъ поводомъ къ ихъ появленію служили торговыя выгоды и естественное желаніе распространить еще болѣе свое владычество; съ другой стороны, тогдашнимъ переселеніямъ могъ содѣйствовать и страхъ хищническихъ нападеній со стороны Скиѳовъ. Основаніе Томи и Истроса произошло, по крайней мѣрѣ по словамъ Скимна [1], именно въ это время, почему Ларше и относитъ его къ третьему году 36-й олимпіады, или къ 634 г. до Р. Х. [2] Напротивъ Рауль Рошеттъ [3], основываясь на показаніяхъ Евсевія [4] и Синкелла [5], полагаетъ основаніе Томи въ одномъ и томъ же году съ колонизаціей Ольбіи; такое одновременное появленіе трехъ колоній на берегахъ Понта онъ старается объяснить близостью ихъ взаимнаго положенія. Съ этимъ мнѣніемъ однако я не могу согласиться, потому что разстояніе между Ольбіей и Томи, особенно по понятіямъ древнихъ, вовсе не такъ близко; притомъ же мнѣ

[1] Fragm. 21. Tom. II. p. 44 cf. Anonym. p. 12.
[2] Mannert Scythien p. 17. полагаетъ основаніе обоихъ городовъ въ 630 г. до Р. Х.
[3] Hist. des colon. grecq. III. p. 314.
[4] Chron. II. p. 213.
[5] Chron. p. 213.

кажется невѣроятнымъ, чтобы Милетъ въ одномъ и томъ же году могъ вывести три значительныя колоніи. Основаніе Ольбіи требовало уже достаточной силы; очень вѣроятно, что колонизація Томи и Истроса была только тогда предпринята, когда Милетійцы прочно утвердились въ Ольбіи и на дѣлѣ доказали, что могутъ побѣдоносно противиться могуществу враждебныхъ сосѣдей. Число переселенцевъ въ три означенные пункта было, безъ сомнѣнія, не маловажно, потому что всѣ три колоніи постоянно подвергались нападеніямъ сосѣдей-непріятелей. Дикіе нравы ѳракійскихъ народовъ, разбои которыхъ не прекращались до позднѣйшихъ временъ, должны были казаться, особенно городамъ Томи и Истросу, чрезвычайно опасными. Здѣсь прежде всего нужно было заботиться объ успѣшномъ сопротивленіи, а могло ли оно быть успѣшнымъ, когда нельзя было надѣяться на многочисленность колонистовъ? — Также шатко предположеніе Рауль Рошетта [1], что городъ Томи, въ которомъ, по словамъ Овидія [2], совершено было умерщвленіе Абсирта, существовалъ еще прежде милетскихъ переселеній. Римскій поэтъ старался этимологически объяснить происхожденіе имени мѣста своей ссылки, а такъ какъ сюда относилось сказаніе о Медеѣ и о совершенномъ ею братоубійствѣ, то онъ и произвелъ названіе Томи отъ *τέμνω*.

Inde Tomi dictus locus hic; quia fertur in illo
Membra soror fratris consecuisse sui.

Какъ мало однако удовлетворяетъ Овидія такое совершенно произвольное словопроизводство, видно уже изъ того, что самъ онъ, въ другомъ мѣстѣ, основаніе упомянутой колоніи приписываетъ Тому [3]. Въ пользу послѣдняго говорятъ еще автономическія монеты Томи, на которыхъ изображена увѣнчанная лаврами голова Тома съ надписью ΤΟΜΟϹ [4].

Позднѣе Томи и Истроса основанъ былъ Милетійцами Одессосъ, колонизацію котораго Скимнъ [5] относитъ ко времени Астіага; по этому Рауль-Рошеттъ [6] полагаетъ ее въ 572 г. до Р. Х.

Объ основаніи остальныхъ приморскихъ городовъ между Истро-

[1] l. l. p. 316.
[2] Trist. III. 9, 33.
[3] Trist. I. 10, 41. cf. Steph. Byz. s. v. *Τομεύς*.
[4] Eckhel Doctr. numm. II. p. 18. Mionnet Descript. d. méd. I. p. 361. N 48. Suppl. II. p. 183. N 730.
[5] Fragm. v. 143.
[6] l. l. III. p. 389.

сомъ и Одессосомъ мы не имѣемъ никакихъ хронологическихъ данныхъ, а потому невозможно сказать объ этомъ ничего опредѣлительнаго.

Точно также неизвѣстны отношенія, въ какихъ находились греческіе колоніальные города близъ Истра къ своимъ ѳракійскимъ сосѣдямъ. Но, судя по тому, что говоритъ Страбонъ [1], при описаніи Діоскуріи, о Скиѳахъ, и что сообщаетъ Ксенофонтъ [2] объ отношеніяхъ греческихъ городовъ къ Севту, — можно заключить, что означенныя выше греческія колоніи Милета обязаны были платить ежегодную дань своимъ сосѣдямъ-варварамъ, которые оставляли ихъ до тѣхъ только поръ въ покоѣ, пока дань исправно уплачивалась. Такую жертву выкупала торговля, приносившая огромныя выгоды; но, при такихъ обстоятельствахъ, колоніямъ трудно было возвыситься до большой политической важности. Вотъ почему древніе писатели, въ тѣ отдаленныя времена, упоминаютъ объ нихъ только мимоходомъ. Даже Геродотъ, который сообщаетъ столько подробностей о походѣ Дарія, такъ скупъ на слова относительно упомянутыхъ городовъ, что открываетъ обширное поле предположеніямъ и догадкамъ. Онъ называетъ по имени только Истросъ [3] и расказываетъ [4], что Дарій, по возвращеніи своемъ въ Азію, оставилъ въ Геллеспонтѣ Мегабиза для покоренія всѣхъ городовъ, которые не были на сторонѣ Персовъ. Нужно ли подъ ними разумѣть Томи и сосѣдніе съ нимъ города, объ этомъ Геродотъ ничего не говоритъ; но мы узнаемъ изъ него [5], что Периноъ былъ строго наказанъ за свое сопротивленіе, и что Мегабизъ, наказавши Периноянъ, прошелъ съ войскомъ всю Ѳракію и покорилъ въ ней персидскому царю всѣ города съ обитавшими тамъ народами: греческія колоніи на берегу Понта, безъ сомнѣнія, не избѣгнули общей участи, тѣмъ болѣе что Мегабизъ, какъ сказано въ текстѣ, подчинилъ власти Персовъ весь морской берегъ [6]. Персидское владычество было однакожь непродолжительно. Свобода, отнятая у нѣкоторыхъ городовъ, была пріобрѣтена ими снова, по уничтоженіи персидскаго могущества; такимъ образомъ можно предположить, что прежняя независимость Томи и сосѣднихъ съ нимъ городовъ была вскорѣ потомъ возстановлена. Что касается ѳракійскихъ сосѣдей, то отношенія къ нимъ въ короткое время возобновились на прежнемъ основаніи: еслибы гре-

1 VII. p. 311.
2 Hist. IV. 8, 26.
3 II. 33: Ἰστρίη.
4 IV. 144.
5 V. 1.
6 V. 10: τὰ παραθαλάσσια.

ческіе города и захотѣли воспользоваться тогдашними обстоятельствами, чтобы избавиться отъ дани, которую до нашествія Персовъ они платили своимъ сосѣдямъ, — это едва ли удалось бы имъ. Съ паденіемъ персидскаго владычества возстановилось прежнее положеніе Ѳракійскихъ народовъ, а потому почти несомнѣнно, что дань уплачивалась имъ по прежнему. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что Ситалкъ [1], царь Одрисовъ и наслѣдникъ Тереса, раздвинувшій предѣлы своего государства до берега Понта Эвксинскаго и до Истра, бралъ дань съ греческихъ приморскихъ городовъ той страны [2]; то же самое можно предполагать и о преемникѣ его Севтѣ, который наслѣдовалъ отъ Ситалка сильное царство, не долго впрочемъ удержанное имъ въ такихъ предѣлахъ [3]: споры, возникшіе между Севтомъ и Медокомъ, ограничили власть перваго страною при Понтѣ, а Медоку доставили господство надъ внутреннею Ѳракіею. Было ли постояннымъ такое раздѣленіе обширнаго государства Одрисовъ, составлявшаго при Ситалкѣ одно цѣлое, мы не знаемъ. Извѣстно только изъ Ксенофонта [4], что Ѳрасибулъ примирилъ обоихъ соперниковъ и привлекъ ихъ на сторону Аѳинянъ въ пелопоннесской войнѣ. Это примиреніе казалось Ѳрасибулу тѣмъ важнѣе, что такимъ образомъ можно было гораздо удобнѣе располагать, въ пользу Аѳинянъ, союзничествомъ греческихъ колоній при Понтѣ, которыя находились подъ властью Ѳракійцевъ и зависѣли именно отъ Севта. Гораздо менѣе можно было расчитывать на ихъ участіе, если бы Севтъ оказался противникомъ Аѳинянъ, или если бы онъ вовлекъ греческія колоніи въ междуусобныя распри свои съ Медокомъ. Зависимость Грековъ отъ Ѳракіи, вѣроятно, состояла преимущественно въ уплатѣ дани, но могла ли она не увеличиться, если бы война съ Медокомъ продолжалась, могла ли она не подѣйствовать разрушительно на свободное положеніе общинъ? Прекращеніе внутреннихъ раздоровъ во Ѳракіи возвратило греческимъ колоніямъ прежнюю свободу, при помощи которой онѣ могли поступать, въ дѣлѣ своего общиннаго устройства, по собственному благоусмотрѣнію и имѣть въ виду собственныя выгоды.

Таково было положеніе большей части греческихъ колоній въ эти времена. Только немногимъ изъ нихъ удавалось достигнуть такой степени могущества, что онѣ рѣшались отказывать туземнымъ владѣтелямъ въ дани и достигали полной независимости.

[1] Thucyd. II. 95.
[2] ibid. II. 97.
[3] ibid. IV. 101.
[4] Hist. IV. 8, 26.

Колоніи, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, конечно не могли совершенно освободиться отъ внѣшняго вліянія, пока ближайшими ихъ сосѣдями были сильные ѳракійскіе народы; но съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе взаимными раздорами ослабили и истребили другъ друга, попытки къ окончательному освобожденію не могли уже быть безплодными. За успѣхъ подобнаго стремленія ручается самостоятельность, съ какою нѣкоторыя колоніи являются при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Такъ напримѣръ, Юстинъ расказываетъ намъ [1], что Атеасъ, царь Скиѳовъ, стѣсненный Истріянами, искалъ пособія у Филиппа Македонскаго, обѣщая за ожидаемую помощь сдѣлать его наслѣдникомъ своего царства. Филиппъ согласился на такое заманчивое предложеніе, но скиѳскій царь рѣшился на подобную мѣру только въ минуту опасности. Смерть полководца Истріи, бывшаго душею всей войны, совершенно измѣнила положеніе дѣла. Атеасъ не нуждался больше ни въ чьей помощи, а потому, казалось, совсѣмъ забылъ прежнее свое обѣщаніе: онъ ни на что уже не соглашался. Месть за такое вѣроломство заставила Филиппа предпринять походъ, который окончился совершеннымъ покореніемъ Атеаса. У Юстина нѣтъ никакикъ данныхъ о положеніи, въ какомъ Истріяне находились къ Филиппу прежде и послѣ войны съ Атеасомъ; однако я думаю, что отношенія ихъ къ македонскому царю вовсе не были слишкомъ близки. Завоеванія Филиппа, прежде войны со Скиѳами, простирались до Византіи и до городовъ Ѳракійскаго Херсонеса, а греческихъ колоній, лежащихъ сѣвернѣе при Понтѣ, кажется вовсе не касались. Дѣла не могли принять другой оборотъ по покореніи Атеаса Филиппомъ, потому что въ противномъ случаѣ Юстинъ, вѣроятно, сказалъ бы слова два о новыхъ завоеваніяхъ въ той странѣ. Уже изъ того, что Атеасъ обратился не прямо къ Филиппу, но просилъ у него помощи противъ Истріянъ чрезъ посредство жителей Аполлоніи [2], видно, что Истросъ былъ совершенно независимъ отъ Филиппа. Если бы онъ принадлежалъ къ покореннымъ имъ городамъ, то посредство Аполлоніянъ для полученія отъ Филиппа желаемой помощи противъ Истріянъ было бы столько же излишне, какъ и блестящія обѣщанія Атеаса.

Во время Александра, греческія колоніи, которыми мы занимаемся, являются въ такой же независимости [3]. Подобно другимъ вольнымъ народамъ Ѳракіи, послали онѣ къ Александру, дошедшему побѣдоносно до Истра, пословъ съ увѣреніемъ въ своей преданности.

[1] IX. 2, 1 — 2.
[2] Iust. IX. 2, 1.
[3] Arrian. exped. I. 4, 6.

Александръ, удовлетворенный такою добровольною покорностью, заключилъ съ ними на взаимныхъ условіяхъ дружескій союзъ и во время своего похода въ Азію не имѣлъ причины быть ими недовольнымъ.

Совершенно другое вышло по смерти Александра, когда основанная имъ всемірная монархія распалась на части. Ѳракію и Ѳракійскій Херсонесъ получилъ Лисимахъ [1], который ввелъ въ доставшихся ему областяхъ самое строгое управленіе. Въ греческихъ колоніяхъ, стремившихся къ независимости, онъ поставилъ гарнизоны [2]; но колоніи эти, не привыкши къ такому игу, тѣмъ живѣе почувствовали утрату прежней самостоятельности и тѣмъ ревностнѣе стали заботиться о возстановленіи древнихъ своихъ правъ. Начало всеобщему возстанію положили въ 313 году до Р. Х. жители Каллатиса, которые, прогнавъ поставленный у нихъ гарнизонъ, объявили себя свободными. Примѣру Каллатиса послѣдовали Истріяне и другіе сосѣдніе города; они также прогнали стоявшія у нихъ войска Лисимаха и составили между собою союзъ, чтобы соединенными силами вырвать у Лисимаха свою независимость. Для бóльшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, они склонили на свою сторону сосѣднія ѳракійскія и скиѳскія племена и заключили съ ними тѣсный союзъ. Вскорѣ составилось такое огромное войско, что почти нельзя было сомнѣваться въ счастливомъ окончаніи предпріятія. Слѣдствія однако вышли другія: Лисимахъ, какъ только узналъ о возстаніи, поспѣшно отправился съ войсками своими противъ мятежниковъ. Онъ пошелъ чрезъ Ѳракію, отчасти чтобъ убѣдиться въ вѣрности тамошнихъ народовъ, отчасти чтобы навербовать воиновъ для своей арміи, перешелъ черезъ Гемосъ неподалеку отъ нынѣшней Варны и осадилъ Одессосъ. Жители этого города, вовсе неприготовленные къ такому нападенію, сопротивлялись недолго, тѣмъ болѣе, что союзныя войска не пришли къ нимъ на помощь; они рѣшились сдаться на капитуляцію. Объ условіяхъ этой сдачи мы ничего не знаемъ; вѣроятно однакожь, что Лисимахъ не удовольствовался прежней зависимостью Одесситовъ, но ограничилъ еще болѣе ихъ свободу и наложилъ на нихъ огромныя подати. Не лучше было и съ Истріянами, которыхъ Лисимахъ также вновь покорилъ. Долѣе другихъ защищались жители города Каллатиса, которымъ ѳракійскіе и скиѳскіе сосѣди, на основаніи заключеннаго съ ними союза, послали въ помощь значительныя войска. Лисимахъ напалъ на нихъ по одиначкѣ: сперва принудилъ сдаться Ѳракійцевъ, устрашенныхъ поспѣшностью битвы, а

[1] Diod. Sic. XVIII. 3, 2. Fragm. hist. graec. III. p. 668, 694.
[2] Diod. XIX. 73.

потомъ побѣдилъ въ открытомъ сраженіи и Скиѳовъ, которые, потерявъ большую часть воиновъ, должны были возвратиться въ предѣлы свои по ту сторону Истра. Потомъ осадилъ онъ предоставленный собственной защитѣ Каллатисъ и требовалъ выдачи зачинщиковъ возстанія. На это Каллатійцы не рѣшались, пока можно было еще надѣяться на стороннюю помощь; они склонили на свою сторону Антигона, который послалъ противъ Лисимаха флотъ и армію. Получивъ извѣстіе, что войска Антигона находятся уже въ Гіеронѣ, и что корабли его уже входятъ въ Понтъ, Лисимахъ рѣшился поспѣшить на встрѣчу новому врагу. Часть своихъ воиновъ онъ оставилъ у Каллатиса, для продолженія осады, а самъ, перейдя съ отборнымъ войскомъ черезъ Гемосъ, пошелъ противъ Павсанія, начальствовавшаго надъ сухопутными силами Антигона, и разбилъ его на голову. Павсаній палъ въ сраженіи; воины его, лишившіеся предводителя, частію были отпущены за огромный выкупъ, частію размѣщены между войсками Лисимаха. Діодоръ [1], которому мы одолжены приведенными здѣсь подробностями, не говоритъ ничего о послѣдующей участи Каллатійцевъ; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они должны были сдаться и строго были наказаны. Изъ того же Діодора [2] узнаемъ мы еще, что въ 310 г. до Р. Х., во время осады, обнаружился въ Каллатисѣ голодъ, въ слѣдствіе чего произошли значительныя эмиграціи. Эвмелъ, властитель Боспорскаго царства, одинъ принялъ къ себѣ около тысячи Каллатійцевъ, отвелъ имъ землю и заботился объ нихъ, какъ нельзя болѣе.

Послѣ этой неудавшейся попытки совершенно освободиться изъ подъ владычества Лисимаха, въ исторіи городовъ, которыми мы занимаемся, снова находимъ пропускъ: въ продолженіе почти полустолѣтія не узнаемъ мы ничего объ отношеніяхъ этихъ греческихъ колоній другъ къ другу и къ прочимъ государствамъ того времени. Между тѣмъ распри и войны, возникшія между наслѣдниками Александра Великаго, должны были послужить въ пользу колоній, тѣмъ болѣе, что послѣднія, по географическому своему положенію, бывъ совершенно удалены отъ театра тогдашнихъ войнъ, могли, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе извлекать изъ нихъ выгоду для себя. Главная цѣль ихъ естественнымъ образомъ состояла въ томъ, чтобы увеличить свое могущество на счетъ окружныхъ земель; въ слѣдствіе чего скоро начались междуусобныя распри между самими

[1] XIX. 73.
[2] XX. 25, 1.

колоніями. Объ нихъ мы узнаемъ изъ Мемнона [1], который расказываетъ о войнѣ, возникшей въ половинѣ третьяго столѣтія. Поводомъ къ ней служилъ Томи, лежавшій между Истросомъ и Каллатисомъ, и къ обладанію которымъ стремились Истріяне и Каллатійцы; послѣдніе стали уже на дѣлѣ обнаруживать свои притязанія. Противъ нихъ возстала Византія, которая, для большаго успѣха въ борьбѣ съ Истросомъ и Каллатисомъ, просила помощи у Понтійской Гераклеи. Съ тою же цѣлью обратились къ своей метрополіи, Гераклеѣ, и жители Каллатиса; но Гераклійцы не удовлетворили ни чьихъ просьбъ, а послали въ тотъ и другой городъ своихъ мужей, которые должны были помирить соперниковъ. Примиренье впрочемъ не состоялось: началась война, которая была для Каллатійцевъ такъ пагубна, что они едва могли оправиться послѣ нанесеннаго имъ пораженія.

Здѣсь совершенно прерывается рядъ событій, и проясняется снова тогда только, когда Римляне начинаютъ играть важную роль въ исторіи этихъ странъ. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ римскаго вліянія здѣсь была война съ Митридатомъ, во время которой греческіе города при Понтѣ были союзниками Митридата [2], почему Римляне и поступали съ ними какъ съ врагами. Походы противъ нихъ и народовъ, державшихъ сторону сильнаго противника Римлянъ, не могли замедлиться и дѣйствительно были предприняты римскими намѣстниками Македоніи. Такимъ образомъ походъ К. Скрибонія Куріона, — который, будучи проконсуломъ Македоніи, покорилъ въ 75 г. до Р. Х. Дарданъ и Мизіянъ [3] и первый изъ римскихъ полководцевъ достигнулъ Дуная, — могъ быть равно пагубнымъ и для тамошнихъ греческихъ колоній. Кромѣ того, мы знаемъ съ точностью [4], что проконсулъ Македоніи М. Теренцій Варронъ Лукуллъ, родной братъ Л. Лицинія Лукулла [5], во время похода, предпринятаго въ 72 г. до Р. Х. противъ Мизіянъ, обложилъ контрибуціей и разграбилъ греческія колоніи, лежавшія неподалеку отъ Истра. Одна изъ нихъ, именно, по Страбону [6], Аполлонія, доставила побѣдителямъ колоссальную статую Аполлона, которую М. Лукуллъ привезъ въ Римъ, гдѣ она и украсила Капитолій. По словамъ Плинія [7], она имѣла тридцать

[1] Fragm. XXI.
[2] Appian. bell. Mith. 15. cf. 69.
[3] Ruf. brev. 7. Eutrop. VI. 2. Iornand. de regn. succ. 50.
[4] Appian. de reb. Illyr. 30.
[5] Drumann Geschichte Roms. IV, p. 176.
[6] VII p. 319.
[7] N. H. XXXIV. 18 (6), cf. IV. 27 (13).

локтей вышины и почиталась работою Каламиса [1]. Впрочемъ мѣсто, гдѣ Аппіанъ расказываетъ о шести греческихъ городахъ, разоренныхъ М. Лукулломъ во время похода его въ Мизію, не вполнѣ дошло до насъ [2]. Въ этомъ отрывочномъ текстѣ находятся имена четырехъ только городовъ, къ которымъ новѣйшіе ученые стараются прибавить, посредствомъ догадокъ, остальные два: къ четыремъ городамъ, Истросу, Діонисополю, Одессосу и Месембріи, они присоединяютъ еще имена Каллатиса и Аполлоніи. Конечно, число выходитъ такимъ образомъ правильно, но остается еще вопросъ, находились ли Каллатисъ и Аполлонія первоначально въ текстѣ? По географическому своему положенію, за Месембріей очень легко могла слѣдовать южнѣе лежавшая Аполлонія, но Каллатисъ уже не идетъ сюда: онъ, какъ мы видѣли выше, долженъ былъ стоять гораздо сѣвернѣе, между Истросомъ и Діонисополемъ. Въ пользу Аполлоніи говоритъ еще замѣчаніе Страбона, что Аполлонова статуя была перевезена М. Лукулломъ въ Капиголій именно изъ Аполлоніи. Что же остается сказать въ пользу Каллатиса? Неполнота текста затемняетъ дѣло. Слова *ἐκ Καλατίδος* намекали въ текстѣ Аппіана на Каллатисъ. Но въ такомъ случаѣ, судя по географическому порядку всѣхъ городовъ отъ сѣвера къ югу, онъ долженъ былъ бы слѣдовать непосредственно за Истросомъ. Однако послѣ имени Истроса въ рукописяхъ нѣтъ пропуска, и слова *ἐκ Καλατίδος*, можетъ быть, по опискѣ поставлены въ текстѣ вмѣсто *ἐκ Καλαμίδος*. Въ такомъ случаѣ, тутъ шла бы рѣчь о художникѣ Каламисѣ, изваявшемъ статую Аполлона, и не нужно бы было обращаться къ Каллатису за неизвѣстнымъ для насъ именемъ шестаго города.

Менѣе счастливъ, чѣмъ М. Лукуллъ, былъ К. Антоній, братъ тріумвира: онъ также предпринялъ походъ изъ Македоніи противъ народовъ, жившихъ при Истрѣ; но былъ разбитъ Бастарнами при городѣ Истросѣ и потерялъ часть своихъ знаменъ въ сраженіи [3]. Позоръ этотъ однако былъ вскорѣ отмщенъ М. Лициніемъ Крассомъ, внукомъ тріумвира [4]: ему удалось въ 29 г. до Р. Х. совершенно покорить Мизіянъ, которыхъ онъ побѣдилъ, напавши на нихъ въ бытность свою проконсуломъ Македоніи [5]. Съ участью Мизіянъ была тѣсно связана

[1] Strab. l. l.

[2] *Ἔνθα εἰσὶν Ἑλληνίδες ἓξ πόλεις, Μυσοῖς πάροικοι, Ἴστρος τε καὶ Διονυσόπολις, καὶ Οδησσός, καὶ Μεσημβρία** ἐξ ἧς Ρώμην ἐκ Καλατίδος** μετήνεγκε τὸν μέγαν Ἀπόλλωνα τὸν ἀνακείμενον ἐν Παλατίῳ.*

[3] Dio Cass. LI. 26.

[4] Drumann. l. l. IV. p. 115. N. 40.

[5] Dio LI. 25—27. Liv. epit. CXXIV. CXXV. Flor. IV. 12. 15.

судьба греческихъ колоній при Истрѣ, а потому почти несомнѣнно, что и тѣ подпали тогда же власти Римлянъ.

Здѣсь представляется вопросъ: покоренная страна была ли тотчасъ по взятіи обращена въ провинцію подъ именемъ Мизіи? Правда, ея нѣтъ въ спискѣ провинцій, которыя Августъ въ 27 г. до Р. Х. раздѣлилъ между сенатомъ и собою [1]; однако въ донесеніи, которое онъ представилъ сенату о своихъ дѣйствіяхъ, именно говорится о взятіи Мизіи [2] и притомъ въ связи съ покореніемъ Галліи и Египта, которыя въ помянутомъ спискѣ названы провинціями. У Аппіана есть показаніе [3], что Мизія только при Тиберіи обращена въ провинцію. Если дѣло было дѣйствительно такъ, то нужно удивляться только тому, что Веллей, при описаніи царствованія Тиберія, не говоритъ объ этомъ ни слова. Точно также Светоній [4] въ жизнеописаніи Тиберія называетъ Мизію просто римскою провинціей, чего бы онъ, конечно, не сдѣлалъ, если бы эта страна только въ то время вошла въ число провинцій римскаго государства. Кромѣ того, ссылка Овидія при Августѣ въ Томи, городъ Мизіи, показываетъ, что страна эта уже тогда принадлежала римскому государству. Какимъ образомъ виновному поэту назначили бы мѣстомъ ссылки городъ, лежавшій внѣ предѣловъ римскаго владычества? Зависимость Мизіи отъ Рима подтверждаетъ даже самъ Овидій, говоря [5]:

Haec est Ausonio sub jure novissima, vixque
Haeret in imperii margine terra tui.

Что иное должны означать слова его: Ausonio sub jure, какъ не то, что Мизія уже тогда была римскою провинціей? Наконецъ, Діонъ [6] около 6 г. по Р. Х. сохранилъ намъ даже имя одного изъ намѣстниковъ Мизіи А. Цецины Севера. Съ другой стороны, Тацитъ [7] сообщаетъ около 35 г. по Р. Х, что Поппей Сабинъ въ теченіи 24 лѣтъ управлялъ важнѣйшими провинціями, а именно: Мизіею, Ахаіею и Македоніею, и что между ними Мизія была первою, ввѣренною его управленію [8]. Такимъ образомъ намѣстничество въ Мизіи Поппея Са-

[1] Dio LIII. 12
[2] Dio. LIII. 7: *τὴν Μυσίας χείρωσιν.*
[3] Illyr. 30.
[4] Tib. 41.
[5] Trist. II, 199 200.
[6] LV. 29: *Καικίνας Σεουῆρος ὁ τῆς πλησιχώρου Μυσίας ἄρχων.*
[7] Annal. VI. 39.
[8] Ibid. I. 80

бина, который въ 9 г. былъ консуломъ [1], мы должны отнести къ 11 году по Р. Х., слѣдовательно, еще ко времени Августа. Всѣ вмѣстѣ данныя эти позволяютъ предположить, что Мизія, если не тотчасъ по взятіи, по крайней мѣрѣ еще при Августѣ, была обращена въ римскую провинцію, какою она и является при восшествіи на престолъ Тиберія.

Первоначально Мизія составляла одну императорскую провинцію, но въ послѣдствіи она была раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ одна называлась Moesia superior, а другая — inferior; первая заключала въ себѣ западную, а послѣдняя восточную часть страны. О времени этого раздѣленія мы не знаемъ ничего положительно-точнаго; впрочемъ обыкновенно принимаютъ [2], что оно произошло въ послѣдніе годы Домиціана, или же въ началѣ царствованія Траяна. Дѣйствительно, одинъ изъ дошедшихъ до насъ дипломовъ [3] Траяна представляетъ собою, кажется, древнѣйшій документъ, въ которомъ дѣленіе ясно обозначено особенными названіями. На дѣлѣ однако оно должно было существовать гораздо раньше. Такъ какъ Діонъ [4] говоритъ, что Поппей Сабинъ, умершій въ 35 г. по Р. Х., былъ намѣстникомъ обѣихъ Мизій почти во все время Тиберіева царствованія, то Мизія должна была уже при Тиберіи состоять изъ двухъ частей. Въ этомъ убѣждаетъ еще и то обстоятельство, что уже въ царствованіе Тиберія нѣсколько разъ называются одновременно въ Мизіи два намѣстника; такъ вмѣстѣ съ Поппеемъ Сабиномъ, который, какъ мы уже выше видѣли, нѣсколько лѣтъ управлялъ Мизіей еще при Августѣ, является въ 19 г. по Р. Х. намѣстникомъ Мизіи Латиній Пандъ, а по смерти его Помпоній Флаккъ [5]. Далѣе расказываетъ намъ Діонъ [6] согласно съ Тацитомъ [7], что Помпоній Лабеонъ, — который, будучи обвиненъ въ лихоимствѣ и желая избавиться отъ уголовнаго суда, въ 34 г. по Р. Х. лишилъ себя жизни, — восемь лѣтъ управлялъ Мизіей. На двойственность Мизіи указываютъ при томъ, во время Вителлія, слова Светонія [8]: «desciverunt ab eo exercitus Moesiarum» и множественное число въ вы-

[1] Zumpt. Annal. veter. regn. et popul. 116.

[2] Forbiger Handb d. alt. Geogr. III. p. 1088. Franz Corp. Inscript. Gr N 5977. Becker. Handb. der röm. Alterth. III. Abth. 1. p. 105.

[3] Arneth Zwölf Militairdipl p 44: et sunt in Moesia inferiore sub A. Caecilio Faustino.

[4] LVIII. 25.

[5] Tacit. Annal. II. 66.

[6] LVIII. 24.

An. VI. 29.

[8] Vit. 15.

раженіи Аврелія Виктора [1]: «legati Moesiae». Намъ извѣстны также имена двухъ современныхъ намѣстниковъ Мизіи въ 69 г. по Р. Х. Это были братъ Веспасіана Сабинъ [2] и Маркъ Апоній Сатурнинъ. До насъ дошли еще имена двухъ одновременныхъ намѣстниковъ Мизіи въ первомъ году царствованія Веспасіана, т. е. въ 70 г. по Р. Х., — имена: Марка Апонія Сатурнина [3], котораго мы назвали уже въ 69 году, и Фонтея Агриппы [4]. Изъ всего этого, кажется, выходитъ, что Мизія еще при Тиберіи была раздѣлена на двѣ части, и что управленіе ею ввѣрялось то одному, то двумъ намѣстникамъ. Названія superior и inferior могли произойдти въ послѣдствіи, около временъ Домиціана или Траяна, потому что съ этихъ поръ каждая часть Мизіи постоянно управлялась своимъ отдѣльнымъ легатомъ.

Вотъ имена извѣстныхъ намъ намѣстниковъ Мизіи, время правленія которыхъ можно опредѣлить совершенно или, по крайней мѣрѣ, довольно точно:

Цецина Северъ, въ 6 г. по Р. Х. [5].

Поппей Сабинъ отъ 11 — 35 г. по Р. Х. [6]; въ 19 г. по Р. Х. одновременно съ Латиніемъ Пандомъ [7], а по смерти его съ Помпоніемъ Флаккомъ [8]; отъ 26 — 34 г. по Р. Х. вмѣстѣ съ Помпоніемъ Лабеономъ [9].

Меммій Регулъ, преемникъ Поппея Сабина съ 35 г. по Р. Х. [10].

Сабинъ отъ 62 — 69 г. по Р. Х. [11], а въ 69 г. вмѣстѣ съ Апоніемъ Сатурниномъ [12].

Маркъ Апоній Сатурнинъ въ 70 г. по Р. Х. [13] вмѣстѣ съ Фонтеемъ Агриппой [14].

Тиберій Плавтій, сынъ Марка, Сильванъ во время Веспасіана [15].

Оппій Сабинъ при Домиціанѣ [16] въ 86 г. по Р. Х.

[1] Caes. VIII. 2.
[2] Tacit. Hist. III. 75.
[3] Tacit. Hist. V. 26.
[4] Ioseph. de bell. Iud. VII. 5, 3.
[5] Dio LV. 29.
[6] Tacit. Ann. VI. 39.
[7] Ibid. II. 66. 198.
[8] Dio LVIII 24.
[9] ibid. LVIII. 25.
[10] Tac. Hist. III. 75.
[11] Ibid. I. 79. II. 85. III. 5, 9, 11.
[12] Ibid. V. 26.
[13] Ioseph. de bell. Iud. VII. 5, 3.
[14] Orelli Inscript. lat. coll. N. 750.
[15] Iornand. de reb. Goth. 13. Suet. 6. Tac. Agr. 41.
[16] Plin. Epist. X. 71 (52), 72 (69), 82 (81).

Кальпурній Мацеръ въ первые годы Траянова правленія, около 103 г. по Р. Х. [1].

Авлъ Цецилій Фаустинъ въ Moesia inferior въ 106 г. при Траянѣ.

Луцій Минуцій Наталисъ при Траянѣ, легатъ въ Moesia inferior и одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Цецилія Фаустина [2].

Антонинъ Гиберъ, при Адріанѣ [3], послѣ 133 г. по Р. Х.

Титъ Витразій Полліонъ, легатъ при Адріанѣ [4].

Публій Гельвій Пертинаксъ, намѣстникъ обѣихъ Мизій, въ послѣдніе годы царствованія М. Аврелія, около 178 г. по Р. Х. [5].

Гераклитъ, при Коммодѣ, около 192 г. по Р. Х.[6].

Луцій Овиній Рустикъ Корнеліанъ, во время Септ. Севера, легатъ въ Moesia inferior [7].

Туллій Менофилъ при Александрѣ Северѣ отъ 230 по 233 г. по Р. Х. [8].

Кромѣ того, извѣстны намъ еще изъ надписей имена трехъ намѣстниковъ Мизіи; но при нихъ не опредѣляется время ихъ правленія. Это суть: Д. Помпей Фалконъ [9], М. Цецилій Новатиліанъ, Praeses prov. Moesiae superioris [10] и К. Тицій Симилисъ, Proconsul prov. Moesiae inferioris [11].

Томи и сосѣднія греческія колоніи, которыми мы занимаемся здѣсь, принадлежали къ Moesia inferior и съ самаго времени обращенія этой страны въ римскую провинцію находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ намѣстниковъ Мизіи. Зависимость ихъ отъ Рима преимущественно выражалась въ томъ только, что они обязаны были уплачивать ежегодную подать; впрочемъ, когда обстоятельства вынуждали, дѣло не останавливалось и за другими поборами и налогами. При всемъ томъ Римляне не измѣняли ихъ общиннаго быта и только въ крайнихъ случаяхъ вмѣшивались во внутреннія дѣла этихъ греческихъ городовъ. Послѣдніе довольствовались мнимо-сохраненною свободою и, при внѣшней цѣлости своего прежняго устройства и прежнихъ сво-

[1] Arneth Zwölf Militairdipl. 1843, p. 44.

[2] Grat. p. 49, 6. Fea Framm. di Fasti n. 22. Mommsen. Bullet. dell' Instit. arch. Rom. 1846. p. 42 f. Franz C. I. G. III. N 5977. Digest. II. 12. l. 9. (de feriis).

[3] См. мое сочиненіе: Тирасъ и Тириты въ Записк. Одес. Общ. Ист. и Древн. II. p. 443.

[4] По надписи въ журналѣ L'Ordine 1851. N 104.

[5] Jul. Capitol. Pertinax, 2.

[6] По тирасской надписи стр. 8. Брунъ о мѣстоположеніи Тираса.

[7] Grut. p. 446. Digest. XLIX. 15, 9. Cod VIII. 51, 1. Dig. XXXVIII. 17, 1. § 3.

[8] Petri Patricii frag. 8.

[9] Visconti Monum. Gabini. p. 206.

[10] Orelli N 1178.

[11] ibid. N 3664.

ихъ учрежденій, почти не замѣчали перемѣны, какая произошла съ ними. Они достигли даже, при новыхъ отношеніяхъ, бо̀льшаго процвѣтанія и значенія. Такъ именно было съ Томи, который болѣе всѣхъ другихъ городовъ находился въ тѣсной связи съ Римлянами. Доказательствомъ этому могутъ служить томійскія монеты, на которыхъ является уже голова Тиберія съ надписью ΤΙΒΗΡΙΟС ΚΑΙСΑΡ [1]; между тѣмъ какъ на монетахъ остальныхъ колоній головы римскихъ императоровъ показываются гораздо позже, а именно: въ Истросѣ [2] и Одессосѣ [3] со времени Адріана, въ Каллатисѣ [4] при Маркѣ Авреліѣ, а въ Діонисополѣ [5] только при Коммодѣ. Бо̀льшую соотвѣтственность представляетъ время послѣдней чеканки монетъ въ этихъ городахъ: въ Истросѣ, Діонисополѣ и Одессосѣ позднѣйшія монеты относятся ко времени Гордіана и Танаквиллы [6], а въ Томи и Каллатисѣ ко времени Филиппа Младшаго [7]. Кромѣ того, возвышеніе Томи въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. доказываетъ слѣдующая, мнѣ принадлежащая, томійская монета, которая до сихъ поръ оставалась еще неизвѣстною:

Лиц.: ΚΑΙСΑΡ ΓΑΙΟС. Увѣнчанная лаврами голова императора Калигулы, обращенная вправо.
Обор.: ΤΟΜ ΗΓΗΤΟΡΟ[С]. Прямо стоящій кадуцей. Æ $2\frac{1}{2}$.

Точность надписи на оборотной сторонѣ подтверждаютъ изданныя г-мъ Мурзакевичемъ двѣ монеты [8], которыя были найдены на островѣ Левки, но не такъ удачно сохранились. Одна изъ нихъ, величиною въ $3\frac{1}{2}$, представляетъ на оборотной сторонѣ буквы ΗΓΗ, а другая, величиною въ 3, имѣетъ надпись ΗΓΗΤΟ, что̀ какъ у одной, такъ и другой, есть, безъ всякаго сомнѣнія, сокращеніе ΗΓΗΤΟΡΟЄ. На лицевой сторонѣ обѣихъ монетъ изображена также голова Калигулы съ надписью ΚΑΙΣ.. ΓΑΙΟΥ или ΚΑΙС.. ΓΑΙΟΥ. Послѣ этого едва ли можно еще сомнѣваться, что Томи уже во времена Калигулы пользовался нѣкоторымъ превосходствомъ надъ сосѣдними городами. Впрочемъ оно не было политическимъ; кадуцей, обыкновенная эмблема Меркурія, явно указываетъ на торговлю, которою Томи уже при Калигулѣ отличался предъ сосѣдними городами. Цвѣтущимъ своимъ

[1] Mionnet. Suppl. II. p. 183. N. 731.
[2] ibid. p. 69. N 91.
[3] Mionn. descr. des méd. I. p. 345. N. 223 и Suppl. II. 351. N 896.
[4] Suppl. II. 56. N 196.
[5] Suppl. II. p. 64. N 65.
[6] Mionn. Suppl II. p. 70. N 96; p. 68. N 83; p. 362. N 955.
[7] Suppl. II. p. 205. N 860; p. 63. N 611.
[8] Записки Одес. Общ. Истор. и Древн. Т. III. стр. 240. N 16, 17

состоянiемъ Томи былъ обязанъ именно торговлѣ хлѣбомъ, которая въ плодородной Мизiи [1] требовала небольшихъ средствъ. Вотъ почему на одной изъ описанныхъ г-мъ Мурзакевичемъ монетъ [2] вмѣсто кадуцея изображены два прямо стоящiе колоса и надъ ними шапка Дiоскуровъ. Торговыя сношенiя, однажды заведенныя, постоянно увеличивались въ теченiе столѣтiя, и потому нисколько не удивительно, что эти оживленныя занятiя привлекали въ Томи много иностранцевъ, заставляя ихъ селиться тамъ. При всемъ томъ близкое сосѣдство дикихъ народовъ, которые, вѣроятно, какъ и во времена Овидiя, не прекратили совершенно своихъ нападенiй, все еще препятствовало многимъ поселиться въ Томи совершенно или на долгое время. Тѣмъ любопытнѣе неизданная еще монета, которая принадлежитъ здѣшнему Обществу Исторiи и Древностей и заслуживаетъ подробнѣйшаго описанiя.

Лиц.: ΝЄΙΝΟ. Увѣнчанная лаврами голова императора Антонина, обращенная вправо.

Обор.: ΤΟΜΙ ΧΑΙΡΟΞЄΝΟ(Ν) въ трехъ строкахъ. Крылатая Побѣда, обращенная влѣво, держитъ въ простертой десницѣ вѣнокъ и стоитъ одной ногой на человѣческой головѣ съ длинными волосами. Æ 4.

Томи является здѣсь уже не просто торговымъ городомъ. Богатства, добытыя торговлею, доставили Томiйцамъ средства защищаться отъ суровыхъ сосѣдей посредствомъ сильнаго сопротивленiя, а богиня побѣды, изображенная на нашей монетѣ, указываетъ на счастливое покоренiе дикихъ непрiятелей. Съ этихъ поръ Томи, не тревожимый болѣе извнѣ, могъ называться «гостепрiимнымъ» и обѣщать поселившимся въ немъ иностранцамъ спокойствiе и безопасность. Такое возвышенiе могущества при Антонинѣ Пiи доказывается еще тѣмъ, что при томъ же императорѣ Томи сталъ называть себя ΜΗΤΡΟΠΟΛΙϹ [3], а со времени Марка Аврелiя ΜΗΤΡΟΠΟΛΙϹ ΠΟΝΤΟΥ [4]; названiе это онъ постоянно сохранялъ на позднѣйшихъ монетахъ до времени Филиппа Младшаго. Съ этимъ императоромъ всѣ тамошнiе города утратили право чеканить монету, и Томи лишился независимости, не совсѣмъ еще уничтоженной Римлянами. Разбои и нашествiя Готѳовъ вдругъ уничтожили жизнь въ греческихъ колонiяхъ. Если имена по-

[1] Solinus 21: Moesias majores nostri jure Cereris horreum nominabant.
[2] I. l. см. примѣч. 8 на пред. стр.
[3] Mionn. Suppl. II. p. 185. N 740.
[4] Ibid. II. p. 185. N 741 seq.

слѣднихъ и встрѣчаются нѣсколькими столѣтіями позже [1], то это показываетъ только, что онѣ не погибли совершенно въ смутныя для нихъ времена. Послѣ столь тяжкихъ испытаній, не осталось никакихъ слѣдовъ прежняго величія и блеска, а потому мы не должны удивляться, что въ теченіе среднихъ вѣковъ древнія имена становятся все рѣже и рѣже и наконецъ совершенно исчезаютъ изъ исторіи.

До насъ не дошло никакихъ подробностей о внутреннемъ устройствѣ и политической жизни Томи и сосѣднихъ съ нимъ городовъ. Можно только догадываться, что въ нихъ, какъ и въ прочихъ греческихъ колоніяхъ, сохранилось, по возможности, вполнѣ республиканское устройство метрополіи; преимущественно же отъ него отступали тамъ, гдѣ перемѣны вынуждались мѣстными причинами. Изъ немногихъ дошедшихъ до насъ надписей можно по крайней мѣрѣ заключить, что каждая община (*δῆμος*) имѣла сенатъ (*βουλὴ*) [2], что бывали народныя собранія (*ἐκκλησία*) [3], что *ψηφίσματα* объявляли рѣшеніе общинъ [4], что во главѣ управленія стояли архонты (*ἄρχοντες*) [5] и что одинъ изъ нихъ (*ἄρχων ἐπώνυμος*) обладалъ верховною властію. Названія остальныхъ сановниковъ не встрѣчаются въ дошедшихъ до насъ надписяхъ; впрочемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что повсюду, кромѣ архонтовъ, были и другія должностныя лица. Въ какихъ судилищахъ засѣдали упоминаемые въ Томи *σύνεδροι* [6] или встрѣчающіеся въ Каллатисѣ *πάρεδροι* [7], съ точностію опредѣлить невозможно; мы видимъ только, что тамъ существовали особенныя коллегіи, которыя ближе всего отнести къ сенату. Надписи относятся большею частію къ лицамъ, которыхъ, за оказанныя ими услуги, города награждали правомъ проксеніи, золотыми вѣнками и бронзовыми статуями; потому-то онѣ не проливаютъ особеннаго свѣта на внутреннее устройство гражданскаго быта въ этихъ греческихъ колоніяхъ. О такихъ наградахъ говорятъ надписи Томи [8], Истроса [9], Каллатиса [10] и Одессоса [11]. Далѣе встрѣчаются еще имена Томи, Истро-

[1] Procop. de aedif. IV. 11. p. 307, 308 (ed. Bonn). Constant. Porphyr. III. 47 (ed. Bonn). Hierocles Synecdemus ibid. p. 391.
[2] Boeckh C. I. N 2056. 2056. b.
[3] ibid. N 2056. d.
[4] N 2056. 2056. d.
[5] N 2056. 2056. b. 2053. 2053 d.
[6] N 2056. e.
[7] N 2056. d.
[8] N. 2053. d и N 2056. e.
[9] N 2053.
[10] N 2056. d.
[11] N 2056. 2056. b.

са и Каллатиса въ числѣ городовъ, которые, по рѣшенію Ольбіи [1], наградили вѣнкомъ Θеокла. Гораздо важнѣе надпись, найденная въ Варнѣ (Одессосѣ) и сообщенная Бёкомъ [2].

Вотъ ея содержаніе:

Ἀγαθῇ τύχῃ

Ἡρόσοδον Φαρνάγου ἄρξαντα τῆς πόλεως, καὶ ἄρξαντα τοῦ κοινοῦ τῆς πενταπόλεως, καὶ τειμηθέντα ὑπὸ τοῦ κοινοῦ τῆς πενταπόλεως....

Во славу и счастье!

Геросоду, Фарнагову сыну, который, будучи архонтомъ города, управлялъ внутренними дѣлами пятиградія и, за оказанныя услуги, общинами пятиградія почтенъ былъ....

Слова эти ясно указываютъ на существованіе союза между городами; впрочемъ ни по нимъ, ни по другимъ источникамъ не узнаемъ съ точностью, какіе именно пять городовъ находились между собою въ тѣсной связи посредствомъ этого союза. Бларамбергъ [3] принималъ Одессосъ, Томи, Каллатисъ, Месембрію и Аполлонію; Бёкъ [4], основываясь на другой, дошедшей до насъ изъ Месембріи надписи, въ которой города Томи, Истросъ и Аполлонія всѣ вмѣстѣ награждаютъ кого-то вѣнками и статуями, думаетъ, что здѣсь нужно скорѣе подразумѣвать Одессосъ, Месембрію, Томи, Истросъ и Аполлонію. Наконецъ Бларамбергъ, а равно и Бёкъ, полагаютъ, что надпись, въ которой упоминается о союзѣ пяти городовъ, принадлежала Одессосу и мнѣніе свое опираютъ на томъ, что она найдена была въ Варнѣ. Но что, если камень съ этой надписью принадлежалъ одному изъ сосѣднихъ городовъ и только въ послѣдствіи, совершенно случайно, былъ занесенъ въ Варну? Перемѣщеніе древнихъ памятниковъ изъ одного мѣста въ другое не представляетъ ничего необыкновеннаго и можетъ быть доказано многими примѣрами. Я упомяну здѣсь только о надписи [5], которую всѣ относятъ къ Херсонесу Таврическому, хотя и она найдена была въ Варнѣ; точно также два памятника, принадлежащіе Ольбіи, открыты были въ Очаковѣ [6]. Если приведенная выше надпись не относится прямо къ самому Одессосу, а была занесена въ Варну изъ окружныхъ мѣстъ, то ее ближе всего приписать Томійцамъ, которые, во время ея составленія, достигли подъ покро-

[1] N 2059.
[2] N 2056. c.
[3] N 2056. c.
[4] N 2053. d.
[5] N 2056. g.
[6] N 2060 и 2067.

вительствомъ римскихъ императоровъ, наибольшаго значенія. Надпись эту, судя по формѣ нѣкоторыхъ буквъ, должно отнести къ первому или второму столѣтію по Р. Х. При томъ, основываясь на палеографическихъ данныхъ, можно почти смѣло утверждать, что другая упомянутая нами надпись изъ Месембріи, которую Бёкъ приписалъ этому же союзу городовъ, принадлежитъ болѣе отдаленному времени. Между составленіемъ той и другой надписи могло пройти нѣсколько вѣковъ, а союзъ городовъ, при постоянныхъ перемѣнахъ отношеній, едва ли могъ существовать столь долгое время. Кромѣ того, въ месембрійской надписи нѣтъ и помину о союзѣ: изъ нея видно только, что Истросъ, Томи и Аполлонія въ одномъ и томъ же документѣ награждаютъ одно и то же лицо извѣстными почестями. Такая взаимная связь во всѣ времена могла существовать между этими городами. И однакожъ не было другой причины, почему Бёкъ сблизилъ эту связь съ союзомъ пяти городовъ, упоминаемыхъ въ другой надписи. Мы уже выше упомянули объ ольбійскомъ рѣшеніи, по которому, кромѣ Ольбіи, еще восемнадцать городовъ, находившихся въ дружественныхъ и торговыхъ отношеніяхъ съ Ольбійцами, награждаютъ Ѳеокла золотыми вѣнками; этотъ примѣръ убѣждаетъ насъ, что подобное оказываніе почести не ведетъ еще къ прямому заключенію о тѣсномъ союзѣ городовъ. Къ нему не приводитъ также и то обстоятельство, что въ месембрійской надписи означено каждымъ городомъ порознь, въ чемъ состоятъ заслуги лица, награждаемаго вѣнкомъ и статуей. Отзывы, дѣлавшіеся каждымъ городомъ отдѣльно и со всѣми подробностями, легко объясняются малымъ числомъ участниковъ въ присужденіи наградъ.

Томи, достигшій въ первомъ столѣтіи высшаго значенія, могъ скорѣе всѣхъ стоять во главѣ такого союза, потому что мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о возвышеніи Одессоса и прочихъ городовъ въ этомъ періодѣ. Въ слѣдствіе могущества, пріобрѣтеннаго посредствомъ союза, Томи имѣлъ право присвоить себѣ со времени Антонина Пія почетное названіе **ΜΗΤΡΟΠΟΛΙϹ** или **ΜΗΤΡΟΠΟΛΙϹ ΠΟΝΤΟΥ**. Если дѣло было дѣйствительно такъ, то союзъ этотъ нужно приписать городамъ, находящимся вблизи, и потому я полагаю, что Томи находился въ союзѣ съ Истросомъ, Каллатисомъ, Діоносополемъ и Одессосомъ. Императорскія монеты, съ раннихъ поръ чеканенныя въ упомянутыхъ городахъ и сохранившіяся для Томи, со времени Тиберія, почти въ непрерывномъ порядкѣ, позволяютъ предполагать, что города эти, по крайней мѣрѣ, ближе другихъ были въ сношеніяхъ съ Римомъ, а потому долго еще поль-

зовались цѣлостью внутренняго и внѣшняго своего благосостоянія. Только въ одномъ Діонисополѣ извѣстныя до сихъ поръ императорскія монеты [1] начинаются со времени Коммода. Древнѣйшія изъ нихъ могли быть отчасти потеряны для насъ, но существованія ихъ ни въ какомъ случаѣ не должно отрицать, потому что у меня самого есть слѣдующая монета, которая, кажется, относится ко времени Антонина Пія:

Лиц. ϹЄΒΑϹΤΟΥ. Увѣнчанная лаврами голова императора Антонина Пія (?), обращенная вправо.

Обор. ΔΙΟΝΥϹΟΠΟΛЄΙΤΩΝ. Прямо стоящій факелъ. Æ 4.

Какъ неполно наше знаніе общественной жизни Томи и сосѣднихъ городовъ, такъ точно ограничены и свѣдѣнія наши о частной жизни тамошнихъ обитателей. Единственнымъ источникомъ служитъ здѣсь Овидій, да и тотъ описываетъ жизнь въ Томи, кажется, слишкомъ рѣзкими красками, не желая видѣть ничего хорошаго въ ненавистномъ для него мѣстѣ ссылки. Нравы, языкъ и обычаи вовсе не утѣшаютъ его [2]; и въ самомъ дѣлѣ, если безусловно положиться на слова Овидія, образованность въ Томи стояла не на высокой степени. Дѣятельныя сношенія съ окрестными варварами и другія мѣстныя причины должны были во многомъ дать жизни Томійцевъ особый оттѣнокъ. Овидія, привыкшаго къ мирной жизни, непріятно поражало въ Томи не только заимствованіе варварскихъ обычаевъ, въ числѣ которыхъ упоминается особенно употребленіе мѣховыхъ одеждъ, нижняго платья, мѣховыхъ шапокъ и длинныхъ волосъ [3], — его раздражала тревожная жизнь внутри городскихъ стѣнъ, гдѣ боязнь непріятельскихъ нападеній со стороны варваровъ, дѣлала необходимыми военныя упражненія и постоянный звукъ оружія [4]. При такихъ обстоятельствахъ въ Томи во времена Овидія, конечно, не могли процвѣтать ни торговля, ни искусства, ни науки. Первая въ то время ограничивалась преимущественно сношеніями съ сосѣдними городами и съ Боспоромъ Ѳракійскимъ, а съ Греціею и Италіей была незначительна [5]; что же касается искусствъ и наукъ, то въ Томи по свидѣтельству Овидія не чувствовалась потребность умственныхъ занятій [6]. Недостатокъ въ книгахъ [7] огорчаетъ поэта такъ же глубоко, какъ и рав-

[1] Mionnet. Suppl. II. p. 64. N 65.
[2] Trist. III. 8, 37 seq.
[3] Trist. V. 10, 32. IV. 6, 47. III. 10, 19. V. 7, 45 seq.
[4] Trist. III. 10, 68 seq. III. 14, 38. V. 7, 10. 45.
[5] Trist. III. 12, 32. Epist. III. 1, 28.
[6] Trist. III. 14, 37. V. 12, 53.
[7] Trist. V. 12, 53. III. 14, 42.

подущіе къ его поэтическимъ трудамъ [1]. Къ тому присоединялось ограниченное знаніе латинскаго языка [2], который совершенно уклонился отъ своей первоначальной чистоты въ слѣдствіе примѣси варварскихъ словъ и формъ [3]. Не менѣе страннымъ кажется поэту, что томійскія женщины, для которыхъ пряжа и тканье были чѣмъ-то чуждымъ, занимаются молотьемъ хлѣба и носкою воды [4]. Все это не представляетъ намъ пріятной картины тогдашняго быта Томійцевъ; впрочемъ, можетъ быть, онъ явился бы въ другомъ свѣтѣ, если бы римскій поэтъ составилъ свое описаніе при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ и въ лучшемъ расположеніи духа. При нескончаемой тоскѣ по родномъ Римѣ, вся ненависть, все недовольство, обратились на мѣсто, которое противъ воли Овидія было опредѣлено ему для жительства, и многое изъ того, что заслужило его осужденіе, было осуждено имъ совершенно неправильно. Такъ напримѣръ поэтъ осуждаетъ Томійцевъ, какъ мы уже видѣли, за ихъ холодность къ его поэтическимъ произведеніямъ; а между тѣмъ это тѣ самые Томійцы, которые его ласкаютъ [5], стараются *ради самихъ себя* удержать его у себя и, въ знакъ уваженія къ его таланту, осыпаютъ его всѣми возможными почестями. Чѣмъ могли они яснѣе обнаружить свое сочувствіе къ высокому и изящному, какъ не тѣмъ, что поэту, сосланному къ нимъ, воздали въ публичномъ актѣ должную хвалу [6], освободили его отъ платежа податей [7] и признали достойнымъ общественнаго увѣнчанія [8]? Все это, дѣйствительно, не показываетъ ни огрубѣлости, ни равнодушія. Томи, разумѣется, не могъ совершенно избавиться отъ варварскаго вліянія своихъ сосѣдей, но все таки греческій элементъ всегда оставался господствующимъ, и для безпристрастнаго наблюдателя долженъ былъ ясно проявляться въ жизни тамошнихъ обитателей. Съ тѣхъ поръ, какъ Томи посредствомъ тѣснаго союза съ Римомъ достигъ подъ покровительствомъ римскихъ императоровъ высшаго процвѣтанія и возвысился на степень главнаго города всей страны (**ΜΗΤΡΟΠΟΛΙC ΠΟΝΤΟΥ**), греческіе элементы вѣроятно еще болѣе окрѣпли.

Собравши такимъ образомъ все, что могло дать намъ какія-нибудь свѣдѣнія о Томи и сосѣднихъ городахъ, я сообщаю въ заключеніе

[1] Ibid. и IV. 1, 89.
[2] Trist. IV. 1, 89. V. 7, 54.
[3] Trist. V. 2, 67. III. 14, 47. V. 7, 14 и 54. V. 10, 25.
[4] Epist. III. 8, 10.
[5] Epist. IV. 9, 97.
[6] Epist. IV. 9, 101.
[7] Ibid. 102.
[8] Epist. IV. 14, 55.

шесть надписей, которыя могутъ служить частію къ подтвержденію, частію же къ пополненію выше сказаннаго. Четыре изъ нихъ относятся къ Томи, двѣ къ Одессосу. Первыя, найденныя въ Кюстенджи и въ окрестностятъ его г-мъ Тедески, австрійскимъ вице-консуломъ въ Варнѣ [1], получилъ я отъ австрійскаго консула въ Одессѣ, кавалера Ческини, благосклонности котораго я обязанъ копіями съ нихъ, сдѣланными въ Варнѣ. Что касается двухъ остальныхъ, открытыхъ въ Варнѣ, то одну изъ нихъ я знаю по итальянскому журналу L'Ordine [2], а другая сообщена мнѣ услугой г-на Палаузова. Для древней географіи всѣ шесть не безъ значенія: надписи, найденныя въ Кюстенджи и подлѣ него, доказываютъ справедливость моего предположенія, что Томи стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго Кюстенджи; тѣ же изъ нихъ, которыя открыты въ Варнѣ, подтверждаютъ вновь, что тамъ нужно искать древняго Одессоса. Кромѣ того, надписи эти имѣютъ важность и въ другомъ отношеніи, какъ я покажу при объясненіи ихъ. Скажу сперва о четырехъ томійскихъ, которыя, всѣ вмѣстѣ, были открыты, по показанію г-на Тедески, въ Августѣ 1852 г. и, за исключеніемъ первой, сохранились почти вполнѣ. Тѣмъ болѣе жаль, что въ сообщенныхъ мнѣ копіяхъ встрѣчается кое-гдѣ неточность, отъ чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надписей останутся, быть можетъ, еще сомнѣнія въ правильности предлагаемаго мною способа чтенія ихъ.

№ 1.

На восточной сторонѣ полуострова, гдѣ лежитъ Кюстенджи, вырыта была въ августѣ 1852 г. мраморная капитель, величиною въ три кубическихъ фута, съ слѣдующею надписью:

IMPCAESDIVITRA	Imp. Caes., Divi Tra-
IANITARHICITDIVI	jani Parthici F, Divi
NERVAENEPOTITRAIANO	Nervae Nepoti, Trajano
HADRIANOAVCEONTI	Hadriano Aug., Ponti
MXTR....STOTVTIIOSTIIPI	Mx. Tr. (Pote)statis II Cos. III P.P.
................VE....TOMITI	(ci)ve(s) Tomiti(s).

Томійцы прославляютъ въ этой надписи, относящейся къ 119 г. по Р. Х.[3] императора Адріана, вѣроятно, за то, что онъ избавилъ ихъ отъ опасности, угрожавшей имъ со стороны Сарматовъ и Роксолановъ. Въ 118 г. по Р. Х., когда царь Роксолановъ, получивъ отказъ въ дани, прежде ему уплачиваемой, готовился вооруженною рукою напасть на римскія провинціи, Адріанъ самъ отправился въ Ми-

[1] Wiener Lloyd. 1852 N 228.
[2] 1851. N 104.
[3] Eckhel. doctr. numm. VIII. p. 414.

зію и велъ оттуда переговоры о мирѣ съ враждебнымъ сосѣдомъ. На какихъ условіяхъ былъ заключенъ миръ, намъ неизвѣстно; впрочемъ, вѣроятно, Адріанъ согласился на большія пожертвованія, чтобы обезопасить себя съ этой стороны. За то непріятеля онъ обратилъ въ друга. По крайней мѣрѣ мы знаемъ изъ одной надписи [1], что Распаразанъ, царь Роксолановъ, принялъ имя П. Элія, сдѣлавши это, вѣроятно, изъ уваженія къ императору Адріану, который, какъ извѣстно, назывался этимъ именемъ. Былъ ли Распаразанъ тотъ царь, съ которымъ Адріанъ заключилъ миръ, или назывался такъ одинъ изъ его наслѣдниковъ? Во всякомъ случаѣ, принятіе императорскаго имени показываетъ, что цари Роксолановъ находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ Адріаномъ и въ царствованіе этого императора не безпокоили болѣе сѣверныхъ провинцій римскаго государства.

№ 2.

Также на восточной сторонѣ полуострова найденъ камень четырехъ футовъ длины, съ слѣдующею надписью:

D M	D M [2].
MVLPIVS LONGINVS	M. Ulpius Longinus
EXDECVFIBVLTOM·TA....	ex dec. vet. bul. Tomitanorum
SEVIVO SIBITVRIA·AQV·INÆ	se vivo sibi et Furiae Aquilinae,
CoNIVGI SVANEMoRAAFECIT	conjugi, suam memoriam fecit,
ANPIAE. DIO SVO.	(impen) dio suo.

Надпись эта отличается отъ обыкновенныхъ надгробныхъ памятниковъ, касающихся большею частію частныхъ отношеній отдѣльныхъ лицъ, второю строкою. Въ этой строкѣ объясняется званіе М. Ульпія Лонгина, который еще при жизни своей, какъ это бывало у древнихъ [3], поставилъ памятникъ себѣ и супругѣ своей, Фуріѣ Аквилинѣ. Именно, если пополнить сокращенныя въ надписи слова такимъ образомъ: «ex decuria vetere buleutarum Tomitanorum», то увидимъ изъ нея, что М. Ульпій Лонгинъ принадлежалъ въ Томи къ числу сенаторовъ древней декуріи. И такъ, сенатъ (βουλή) въ Томи раздѣлялся на двѣ части, изъ которыхъ одна называлась decuria vetus, а другая напротивъ могла именоваться decuria nova. Въ decuria vetus, которая, безъ сомнѣнія, была почетнѣйшею, сенаторовъ избирали изъ старѣйшихъ гражданъ, а въ decuria nova — изъ тѣхъ, которые только недавно пріобрѣли право гражданства. Впрочемъ дѣленіе сената на двѣ декуріи могло произойдти только во второмъ вѣкѣ по Р. Х., когда Томи,

[1] Orelli N 833.
[2] Diis Manibus Orell. Inscript. NN 4352, 4384, 4422, 4438, 4464, 4504, 4560, 4569, 4593.
[3] Orell. NN 4526, 4550, 4556, 4566, 4736, 4769, 4811, 4850.

какъ **ΜΗΤΡΟΠΟΛΙΣ ΠΟΝΤΟΥ**, сталъ играть значительную роль и когда онъ, въ слѣдствіе раздачи поселившимся въ немъ чужестранцамъ правъ гражданства, могъ представить огромное число туземныхъ гражданъ. Въ древней декуріи сенаторовъ, гдѣ греческій элементъ легко могъ быть преобладающимъ, насъ не должно поражать совершенно римское имя М. Ульпія Лонгина: цвѣтущимъ своимъ состояніемъ, начиная съ перваго столѣтія, Томи былъ обязанъ большею частью римскому вліянію, а потому раздача правъ томійскаго гражданства поселившимся въ Томи Римлянамъ началась съ самыхъ раннихъ поръ. Вообще римскій и греческій элементы должны были различно сталкиваться въ Томи и производить взаимное вліяніе даже на языкъ. Такое общее вліяніе замѣчаемъ мы даже въ немногихъ словахъ надписи: римское выраженіе «decuria», употребленное въ ней какъ терминъ подлѣ греческаго названія сенаторовъ «buleutae», которое находится у римскихъ писателей [1] при описаніи другихъ колоній, ясно указываетъ на взаимное дѣйствіе обоихъ языковъ. Что касается послѣдней строки, она непонятна въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется намъ. Предполагать здѣсь какое-нибудь имя едва ли возможно. Вмѣсто обыкновенныхъ словъ de suo [2], de pecunia sua [3], или греческихъ ἐκ τῶν ἰδίων, охотнѣе всего я допускаю, съ немного произвольною перемѣною, рѣже встрѣчающееся выраженіе impendio suo. Во всякомъ случаѣ М. Ульпій Лонгинъ долженъ былъ поставить на свой счетъ надгробный памятникъ, воздвигнутый имъ себѣ еще при жизни.

№ 3.

На полуостровѣ найдена была также четыреугольная доска бѣлаго мрамора, шести футовъ въ вышину и двухъ футовъ въ поперечникѣ, съ слѣдующей надписью:

TELAVIOLONC.N	T. Flavio Longino
QMARCIOTVRB....	Q Marcio Turb(oni)
LEGAVGPR.PR	Leg. Aug. Propraetoribus
TITIVS CRISPVS	Titius Crispus
CORNICVL	Cornicul
EIVS	ejus.

Неизвѣстный намъ Тицій (или, лучше, Титъ) Криспъ Корникулей поставилъ этотъ памятникъ, какъ значится въ немъ, въ честь двухъ

[1] Buleutae встрѣчаются въ Клавдіополѣ (Plin. Epist. X. 48.), въ городахъ Виѳиніи и Понтѣ (ibid. X. 113, 115), въ Александріи (Spart. Sever. 17).

[2] Orell. Inscript. NN 4410, 4740, 4796.

[3] Orell. N 4699.

мужей, которымъ, какъ императорскимъ намѣстникамъ, ввѣрено было управленіе тамошними провинціями: въ отношеніи къ нимъ онъ могъ быть обязанъ особенною благодарностью. Одинъ изъ нихъ, Кв. Марцій Турбонъ, уже извѣстенъ намъ; но о Титѣ Флавіи Лонгинѣ мы не имѣемъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній. О Турбонѣ, имя котораго встрѣчается еще на одной надписи, дошедшей къ намъ изъ Сармизегеѳусы [1], знаемъ мы, что онъ при Траянѣ съ успѣхомъ смирилъ возстаніе Евреевъ [2], что онъ еще при жизни Траяна былъ въ дружбѣ съ Адріаномъ [3], и что послѣдній, немедленно по возшествіи своемъ на царство, послалъ его намѣстникомъ въ Мавританію вмѣсто возмутившагося Лузія Квинта [4]. Впрочемъ въ званіи этомъ Турбонъ оставался недолго — едва ли одинъ годъ — потому что уже въ 118 г. по Р. Х. мы видимъ его вмѣстѣ съ Адріаномъ въ Дакіи, которую вскорѣ потомъ императоръ, спѣшившій въ Римъ, ввѣрилъ его управленію [5]. Въ столицѣ, по случаю казни четырехъ мужей, бывшихъ прежде консулами, которые хотѣли покуситься на жизнь императора [6], возникли въ это время безпорядки. Адріанъ думалъ успокоить взволнованные умы лучше всего личнымъ появленіемъ между недовольными, увѣреніемъ, что кровавый приговоръ приведенъ въ исполненіе безъ его вѣдома, раздачею подарковъ въ народѣ и различными милостивыми учрежденіями [7]. Адріанъ вполнѣ достигъ желаемой цѣли; но возстановленное спокойствіе казалось ему до тѣхъ поръ непрочнымъ, пока прежній его опекунъ Аттіанъ, котораго онъ не за долго еще предъ тѣмъ почтилъ принятіемъ въ сенатъ [8], и Симилисъ будутъ облечены, какъ praefecti praetorio, значительною властью. Мѣста ихъ должны были занять люди, владѣющіе полнымъ довѣріемъ императора; Адріанъ смѣнилъ ихъ Марціемъ Турбономъ и Септиціемъ Кларомъ [9]. Турбонъ вступилъ на мѣсто Аттіана въ 119 г. по Р. Х. [10] и какъ рѣдкими заслугами, такъ и безпримѣрнымъ усердіемъ, совершенно оправдалъ возложенное на

[1] Orell. N 831.
[2] Euseb. H. eccl. IV. 2.
[3] Spart. Hadr. 4.
[4] ibid. 5.
[5] ibid. 7.
[6] Nigrinus, Celsus, Palma, Lusius Quintus, Dio LXVIII. 14
[7] Spart. Hadr. 7.
[8] Spart. 8.
[9] Spart. 9. Dio LXVIII. 18. Xiphil. 19. Zonaras XI. 21 Cedrenus p. 43. ed Bonn.
[10] Zumpt. Annal. p. 131.

него довѣріе императора [1]. Потому-то легко предположить, что онъ долго оставался въ должности praefecti praetorio; а въ такомъ случаѣ памятники, воздвигнутые ему въ Сармизегеѳусѣ и въ Томи, будутъ относиться къ управленію его въ 118 или 119 гг. по Р. Х. Правда, въ сармизегеѳусской надписи онъ названъ уже praefectus praetorio; но титуломъ этимъ можно было его почтить, такъ какъ онъ былъ призванъ въ Римъ на эту важную должность непосредственно послѣ своего намѣстничества въ Дакіи. Надпись же могла быть поставлена только послѣ отъѣзда его изъ Дакіи. Въ Томи напротивъ онъ является какъ legatus pro praetore, и почти одновременно съ неизвѣстнымъ намъ Т. Флавіемъ Лонгиномъ. Послѣдній былъ, вѣроятно, дѣйствительнымъ намѣстникомъ въ Moesia inferior, въ то время когда Дакіей правилъ Турбонъ, который, по случаю веденной имъ тамъ войны, могъ находиться въ частыхъ сношеніяхъ съ Мизіей. — Поселившійся въ Томи Корникулей былъ, конечно, обязанъ этимъ мужамъ особенною благодарностью и потому воздаетъ имъ обоимъ честь на одномъ и томъ же памятникѣ.

№ 4.

Въ церковной оградѣ села Анадолькёй, лежащаго на половину мили къ западу отъ Кюстенджи, найдена была колонна бѣлаго мрамора, $6\frac{1}{2}$ футовъ вышиною и $2\frac{1}{4}$ футовъ въ діаметрѣ, на которой начертана слѣдующая надпись:

ΑΓΑΘΗΙ ΤΥΧΗΙ	'Αγαθῇ τύχῃ
ΤΟΝ ΥΙΟΝ ΤΟΥ ΑΥΤΟ	Τὸν υἱὸν τοῦ αὐτο-
ΚΡΑΤΟΡΟΣ ΜΑΥΡΗ	κράτορος Μ. Αὐρή-
ΛΙΟΝ ΟΥΗΡΟΝ ΚΑΙΣΑ	λιον Οὐῆρον καίσα-
ΡΑΟΟΙΚΟΣΤΩΝΕΝΤΟ	ρα ὁ οἶκος τῶν ἐν Τί-
ΜΕΙΝΑΥΚΛΗΡΩΝΑΝΑ	μει ναυκλήρων ἀνα-
ΣΤΗΣΑΝΤΟΣΤΟΝΑΝ	στήσαντος τὸν ἀν-
ΔΡΙΑΝΤΑΕΚΤΩΝΙΔΙΩΝ	δριάντα ἐκ τῶν ἰδίων
ΤΙΤΟΥ ΤΙΤΟΥ	Τίτου Τίτου
ΝΕΩΤΕΡΟΥ	νεωτέρου.

«Во славу и счастье!»

«Императорскаго сына и соправителя, М. Аврелія Севера, прославляетъ сословіе судохозяевъ въ Томи; въ знакъ чего поставилъ «статую на собственный счетъ Титъ, сынъ Тита младшаго.»

Надпись эта, относящаяся къ Каракаллѣ, принадлежитъ концу втораго или началу третьяго столѣтія по Р. Х., т. е. времени правленія

[1] Dio LXVIII. 18.

Септимія Севера, который въ 198 г. по Р. Х. возвысилъ старшаго сына своего Бассіана, подъ именемъ М. Аврелія Антонина, на степень правителя, облекши его сперва трибунскою властью [1]. Послѣдній, вмѣсто имени Антонина, называется здѣсь, какъ это часто встрѣчается, по имени отца, Северомъ; имя его выражается тутъ въ формѣ ΟΥΗΡΟΣ, которая попадается на надписяхъ [2], а равно и на монетахъ [3]. Памятникъ этотъ сооруженъ однимъ поселившимся въ Томи *οἶκος*, т. е. обществомъ, сословіемъ, что въ латинскомъ языкѣ выражается словами familia [4], coetus [5], concilium [6], collegium [7], domus [8]. Но что такое *ναύκληροι*? Судя по составу слова изъ *ναῦς* и *κλῆρος*, мы должны прежде всего полагать, что оно означаетъ начальниковъ судовъ, судохозяевъ. Эти судохозяева перевозили на своихъ судахъ изъ одного мѣста въ другое людей и вещи [9], соединялись въ общества или компаніи и употреблялись правительствомъ для перевозки припасовъ и товаровъ. Кромѣ того, *ναύκληρος* означаетъ еще откупщика домовъ [10] и въ этомъ значеніи относится къ тѣмъ лицамъ, которыя брали у казны на откупъ дома съ цѣлью отдавать ихъ въ наймы. Во всѣхъ греческихъ государствахъ чужестранцамъ запрещено было владѣть домами [11]; даже лицамъ, пожалованнымъ правомъ проксеніи (*προξενία*), покупка недвижимаго имущества дозволялась какъ особенная привилегія, какъ исключеніе изъ общаго правила. Въ слѣдствіе этого въ городахъ, посѣщаемыхъ иноземцами, появились граждане (*ναύκληροι*), которые отдавали въ наемъ иностранцамъ дома, взятые на откупъ у казны, и тѣмъ доставляли имъ возможность оставаться въ городахъ на долгое время. Такіе государственные откупщики могли находиться и въ Томи, гдѣ стеченіе чужеземцевъ, во времена римскаго владычества, конечно, было очень значительно; но въ надписи нашей римское имя

[1] Zumpt. Annal. p. 137

[2] Boeckh. C. I. II N 2047.

[3] Mionn. Suppl. II. p. 117. N 358, p 233 N 166, p. 301. seq. 621, 622, 627, 634.

[4] Orelli. N 1711 familia monetalis, N 3226 familia monetaria; Cic. Orat. I. 10. familia philosophorum, или Divin II. 1. Peripatheticorum familia; Suet. Aug. 42 familia gladiatorum.

[5] Cod. Inst. XI. Tit. I (II). 6: coetus novarchorum.

[6] ibid. Tit. V (VI). 6.

[7] Orelli N 4108: collegium naviculariorum.

[8] Orelli N 4134.

[9] Photio: *Ὁ τῆς νεὼς κύριος καὶ ὁ ἐπιπλέων αὐτῇ ἐπὶ τῷ τὰ ναῦλα λαβεῖν.*

[10] Lex rhet. Bekk. An. p. 282, 10: *ναύκληρος σημαίνει μὲν καὶ τὸν τῆς νεὼς κύριον, σημαίνει δὲ τὸν ἐπιπλέοντα αὐτῇ ἐφ' ᾧ τὰ ναῦλα λαμβάνειν, σημαίνει δὲ καὶ τὸν τὰ ἐνοίκια τῆς οἰκίας ἐκλέγοντα.* Hesychius: *ναύκληρος: ὁ τῆς συνοικίας συνεστώς.* Pollux X. 20.

[11] Boeckh Staatshaushalt. I. 328.

Тита, который, какъ глава компаніи, поставилъ Каракаллѣ статую, скорѣе указываетъ на римскихъ судохозяевъ, которые грузили суда свои товарами, назначавшимися для государства и преимущественно брались за перевозку хлѣба изъ плодородной Мизіи. Выгоды ихъ зависѣли именно отъ повелителей Рима; а потому весьма естественно, что они старались снискать расположеніе императоровъ открытою признательностію къ нимъ и публичными воздаяніями чести.

№ 5.

Въ Варнѣ, при постройкѣ одного дома въ Армянскомъ кварталѣ, открытъ былъ четыреугольный камень съ латино-греческою надписью, изъ которой журналъ L'Ordine [1] сообщаетъ только слѣдующій латинскій текстъ:

IMP.CAESARE.T.AELIO.HADRIANO.ANTONII
P.P.CIVITAS.ODESSITANORVM.AQVAM NOVO
XIT.CVRANTE.T.VITRASIO.POLLIONE. LEG.

и читаетъ его такимъ образомъ: «Imperatore Caesare Tito [2] Aelio Hadriano Antonino, Patre Patriae, Civitas Odessitanorum aquam novo eduxit [3], curante Tito Vitrasio Pollione, Legato.» — Греческаго текста я не могъ достать не смотря на всѣ мои старанія; впрочемъ и латинскій самъ по себѣ очень важенъ, частью по тому, что водопроводъ, упоминаемый въ немъ, дѣлаетъ несомнѣннымъ положеніе древняго Одессоса на мѣстѣ нынѣшней Варны; частью же потому, что посредствомъ его мы можемъ увеличить новымъ именемъ ограниченное число легатовъ въ Moesia inferior. Въ этомъ званіи является во время Адріана Титъ Витразій Полліонъ, по всей вѣроятности тотъ самый, для котораго Адріанъ издалъ рескриптъ, относящійся къ Витразію, тогдашнему legatus Lugdunensis [4], тотъ самый, имя котораго встрѣчается еще въ одной надписи изъ Немауза [5], тотъ самый наконецъ, которому Senatusconsultum Vitrasianum, обезпечивающій отпущеніе рабовъ на волю по довѣренности (manumissio fideicommissaria), обязанъ своимъ названіемъ [6].

[1] 1851. N 104.
[2] Должно быть: Publio.
[3] Я читаю: induxit вмѣсто novo eduxit.
[4] Digest. XXVII. 1, 15 § 17.
[5] Reines. cl. VIII. n. 52. p. 532.
[6] Burchardi Staats-und Rechtsgeschichte d. Römer. p. 251.

№ 6.

По благосклонности г-на Палаузова, мнѣ сообщена еще слѣдующая греческая надпись, открытая имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Варнѣ. Надпись эта начертана на кускѣ мрамора, содержащемъ полъ-аршина въ квадратѣ, и раздѣляется на двѣ части. Первая строка помѣщена надъ рельефнымъ изображенiемъ человѣка на конѣ, а послѣднiя три находятся ниже его. Грубый и дурно сохранившiйся барельефъ представляетъ всадника съ развѣвающимся плащемъ и въ исподнемъ платьѣ. Надпись, судя по формѣ буквъ, должна относиться къ третьему вѣку по Р. Х. и едва ли могла быть начертана прежде.

ΗΡΩΙ ΜΑΝΙΜΑΤΩΙ	*Ἥρωι [1] Μανιμάτῳ*
ΕΣΤΙΑΙΟΣΝΡΙΚΙΟΥΥΠΕΡ	*Ἑστιαῖος Νεικίου ὑπὲρ*
ΤΩΝ ΥΙΩΝ ΝΕΙΚΙΥΚΑΙΑΤΑ	*τῶν υἱῶν Νεικίου καὶ Ἀγα-*
ΘΕΙΝΩΡΟΣ ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ.	*θείνορος χαριστήριον.*

«Усопшему Манимату Гестiей, сынъ Никiя, за своихъ дѣтей Никiя и Агаѳинора въ знакъ благодарности.»

Имена, встрѣчающiяся въ этой надписи, нисколько неизвѣстны намъ, и потому нѣтъ никакой возможности войдти въ подробное разсмотрѣнiе означенныхъ тамъ частныхъ отношенiй. Изъ словъ надписи мы не узнаемъ, къ какому мѣсту она относится; но, судя по тому, что она была найдена въ Варнѣ, я почитаю себя въ полномъ правѣ приписать ее древнему Одессосу.

П. Беккеръ.

Одесса 12-го iюля 1853 года.

[1] Hermann Lehrbuch d. Griech. Antiquit. II. p. 67, 68 Not. 18, 20.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О ДРЕВНЕЙ ДАКІИ.

Въ пополненіе того, что сказано въ предыдущей статьѣ о римской провинціи Мизіи, помѣщаемъ здѣсь нѣсколько свѣдѣній о Дакіи, провинціи сосѣдственной съ нею. Подъ этимъ именемъ Римляне разумѣли страну между рѣкой Тисой (Theiss) на западѣ и Прутомъ на востокѣ, ограничиваемую съ сѣвера Карпатами, а съ юга Дунаемъ. Вся Молдавія и Валахія входили въ составъ этой страны. Римскою провинціей она стала со времени Траяна, которому удалось побѣдить храбраго царя Даковъ Декебала. Домиціанъ нѣсколько разъ велъ войну съ этимъ царемъ, но безъ успѣха, и подъ конецъ царствованія платилъ даже ему дань. Такой позоръ заставилъ Траяна, вскорѣ по вступленіи на престолъ, начать новую войну, и на этотъ разъ счастіе благопріятствовало римскимъ орламъ. Траянъ перешелъ на лѣвый берегъ Дуная и одержалъ надъ Декебаломъ нѣсколько побѣдъ, изъ которыхъ послѣдняя и самая рѣшительная была при Сармизегеѳусѣ, столицѣ Декебаловой, 103 г. по Р. Х. Миръ, дарованный Декебалу, былъ имъ вскорѣ нарушенъ, и это подало поводъ къ вторичной войнѣ, положившей конецъ Декебалову царству. Траянъ построилъ на Дунаѣ каменный мостъ[1] и вступилъ въ Дакію съ большимъ войскомъ. Сармизегеѳуса была взята Римлянами, вся Дакія покорена, и Декебалъ принужденъ прибѣгнуть къ самоубійству. Голова его была привезена въ Римъ, а царство обращено въ римскую провинцію, въ 106 г. по Р. Х. За воинственнымъ царствованіемъ Траяна слѣдовало мирное царствованіе Адріана, страстнаго путешественника и хорошаго архитектора, но плохаго воина. Арменія, Месопотамія и Ассирія, завоеванныя Траяномъ, при Адріанѣ были оставлены римскими легіонами. Онъ думалъ сдѣлать то же и съ Дакіей, и былъ остановленъ лишь множествомъ римскихъ гражданъ, переселенныхъ туда по распоряженію Траяна. Дакія оставалась римскою провинціей до Авреліана (270 — 275 по Р. Х.), который вывелъ изъ нея войско, а жителей переселилъ на правый берегъ Дуная, гдѣ была учреждена новая провинція Дакія между верхнею и нижнею Мизіей.

Такимъ образомъ собственная Дакія находилась подъ римскимъ владычествомъ болѣе полутора столѣтія. Главнымъ городомъ провинціи осталась *Сармизегеѳуса*, сдѣлавшаяся римскою колоніею на италійскомъ правѣ, Colonia Ulpia Trajana Augusta. Она лежала при теперешней деревнѣ Градище (Varhely), 5000 шаговъ отъ желѣзныхъ воротъ, гдѣ есть остатки стѣнъ, храмовъ, амфитеатра, водопровода, и найдено много латинскихъ надписей. Другіе замѣчательные города были: *Tibiscum* римская муниципія близь Темешвара, *Tierna* (*Διερνα*, Statio Tsernensis, Colonia Zernensium) близь Оршовы на рѣкѣ Черной, *Apula* (Apulum, Colonia Nova Apulum), муниципія при Карлсбургѣ (Бѣлградѣ), гдѣ еще есть развалины водопровода и строеній. Римляне провели по Дакіи три дороги, означенныя на Певтингеровой картѣ. Двѣ изъ нихъ проходили по теперешнимъ австрійскимъ владѣніямъ, одна по Малой Валахіи. Послѣдняя начиналась близь теперешняго мѣстечка Черницъ на Дунаѣ, гдѣ по всему вѣроятію былъ Траяновъ каменный мостъ, потомъ направлялась къ Ольтѣ, слѣдовала ея теченію и оканчивалась у Карлсбурга. Города, лежавшіе на востокъ отъ этой дороги, до сихъ поръ еще не вполнѣ опредѣлены географически, но ихъ было много, судя по длинному списку у Птолемея. Римскія развалины встрѣчаются между Турной и Гюргевымъ, близь Галаца, близь Козмина на Прутѣ и въ другихъ мѣстахъ.

[1] На 20 столбахъ, отстоявшихъ одинъ отъ другаго на 170 футовъ; столбы эти имѣли будто бы въ вышину 150 футовъ; они были соединены арками. Діонъ Кассій 68, 13. — О древностяхъ Дакіи самыя полныя свѣдѣнія находятся въ сочиненіи: Dacien von Neigebauer. Kronstadt. 1851. 8°.

ФИЛЕБЪ,

ДІАЛОГЪ ПЛАТОНА.

Діалогъ Платоновъ, извѣстный подъ названіемъ Филеба, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ и важнѣйшимъ произведеніямъ древности, какъ по своему предмету, такъ и по способу его изслѣдованія и изложенія. Филебъ не изъ числа тѣхъ діалоговъ Платона, которые служатъ, можно сказать, приготовленіемъ къ другимъ полнѣйшимъ его сочиненіямъ; онъ обнимаетъ въ себѣ цѣлую философическую задачу и представляетъ полное и окончательное ея рѣшеніе. Уже самый предметъ, который здѣсь изслѣдывается, даетъ ему немаловажное значеніе. Въ Филебѣ [1], какъ видно изъ самаго его начала, предлагается на разрѣшеніе вопросъ: въ чемъ состоитъ истинное благо человѣческое? — А что можетъ быть для человѣка ближе и важнѣе этого вопроса, отъ правильнаго или неправильнаго рѣшенія коего зависитъ то или другое направленіе его жизни и нравственности? Оттого и самый діалогъ этотъ называется нравственнымъ (ἠθικός).

[1] Діалогъ этотъ, подобно другимъ сочиненіямъ Платона, имѣетъ двойное названіе (Φίληβος ἢ περὶ ἡδονῆς); первое взято отъ лица, къ которому діалогъ имѣетъ особенное отношеніе; другое — изъ его содержанія (πραγματικόν). Прагматическія названія даны діалогамъ Платоновымъ, также какъ и Цицероновымъ, позднѣйшими грамматиками, которые хотѣли посредствомъ ихъ выразить сущность каждаго діалога. Что послѣднихъ названій нельзя относить къ самимъ авторамъ діалоговъ, это видно изъ того, что они, ссылаясь на свои сочиненія, приводятъ всегда названія, заимствованныя отъ лицъ, — и нигдѣ не упоминаютъ о прагматическихъ; то же самое подтверждается тѣмъ въ особенности, что прагматическія названія почти никогда не выражаютъ сущности діалоговъ. Такъ въ Филебѣ хотя въ продолженіе всего діалога много говорится объ удовольствіи и различныхъ видахъ его, но не смотря на то изслѣдованіе объ этомъ предметѣ составляетъ только одну часть главной задачи всего сочиненія. Cf. Wolf. Prolegg. ad Sympos. p. XXXV. Morgenstern de Plat. republ. p. 29.

Важности предмета вполнѣ соотвѣтствуетъ глубокое и подробное его изслѣдованіе. Творенія Платоновы вообще носятъ характеръ необыкновеннаго ума, вѣрнаго наблюденія и тонкой аналитики въ изслѣдованіи и изъясненіи предмета. Филебъ въ этомъ отношеніи не только не уступаетъ прочимъ діалогамъ, но, можно сказать, еще превосходитъ многіе изъ нихъ основательностію, строгою послѣдовательностію и полнотою изложенія.

Наконецъ, что касается до самаго построенія, діалогъ этотъ, по изяществу формы и художественной своей отдѣлкѣ, занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ ряду прочихъ твореній Платоновыхъ. Правда, что даже при достаточномъ знакомствѣ съ діалектикою Платона и формами его изложенія, читая Филеба, съ перваго взгляда не замѣтите ни строгаго единства, ни надлежащей послѣдовательности мыслей, ни соотвѣтственности различныхъ частей его, — чѣмъ существенно должно отличаться каждое художественное произведеніе; напротивъ, находя въ немъ съ начала до конца множество отдѣльныхъ, по видимому не вяжущихся между собою предметовъ, встрѣчая вдругъ нѣсколько вопросовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ и какъ бы оставленныхъ потомъ безъ окончательнаго рѣшенія, поражаясь неожиданностію переходовъ, неопредѣленностію и неясностію самыхъ началъ, которыя полагаются въ основаніе различныхъ изслѣдованій, и другими подобными явленіями, все это скорѣе отнесете къ недостаткамъ діалога, нежели къ совершенству его. Еще древніе обратили вниманіе на такую неровность, и писали объ отрывистыхъ переходахъ въ Филебѣ[1]. А изъ новѣйшихъ нѣкоторые, или сомнѣвались въ цѣлости и неповрежденности многихъ статей этого діалога[2], или не вполнѣ признавали высокое его достоинства[3]. Не смотря на то, если глубже вникнуть въ сущность діалога, разобрать внимательнѣе части его, сравнить ихъ между собою и съ главною ихъ идеею, то нельзя не видѣть, что предметы, излагаемые въ немъ, какъ бы они ни были по видимому разнородны, несвязны и даже противоположны, всѣ проникнуты одною мыслію, всѣ имѣютъ существенное свое значеніе и мѣсто, и какъ радіусы одного и того же круга съ разныхъ сторонъ направлены къ одному центру.

[1] Cl. Galenus *περὶ τῶν ἐν Φιλήβῳ μεταβάσεων*, см. *περὶ τῶν ἰδίων βιβλίων* c. 14. Fabr. Bibl. Gr. III. 10.

[2] God. Stallbaum. Prolegg. LXXXI sqq.

[3] F. Schleiermacher's Einleit. S. 138: die Rede wird bisweilen inhaltslos und steif hin und hergeworfen, um etwas mehr, als die gewöhnlichen Beantwortungsformeln hinein zu bringen. So dass man sagen möchte, es sei eine gewisse Unlust über diese Reden von der Lust ausgebreitet, et cet. Ast's Platons Leben und Schriften. p. 293 sq.

Чтобы справедливѣе судить о достоинствѣ этого діалога, и о художественной формѣ его построенія, надобно сперва сколько возможно болѣе познакомиться съ его содержаніемъ, въ надлежащей связи и послѣдовательности [1].

Филебъ, подобно Кратилу и нѣкоторымъ другимъ діалогамъ Платоновымъ, начинается безъ всякихъ приготовленій, прямо съ того вопроса, который служитъ предметомъ спора и изслѣдованія въ продолженіе всего разговора. Предполагается, что Сократъ и Филебъ, окруженные толпою молодыхъ людей, спорили между собою о томъ, въ чемъ состоитъ высшее благо человѣческое. Филебъ [2], полагая оное въ удовольствіи и нѣгѣ, и будучи, какъ видно, слишкомъ имъ преданъ, вскорѣ утомился состязаніемъ и, во избѣжаніе дальнѣйшихъ трудовъ и напряженія умственнаго, предоставилъ продолжать этотъ споръ съ Сократомъ одному изъ своихъ послѣдователей, Протарху, сыну Каллієву, ученику Горгія [3]. Сократъ, вступая въ состязаніе съ лицемъ новымъ и желая ближе познакомить его съ сущностью спора, вкратцѣ повторяетъ мнѣніе Филеба и свое собственное. Филебъ, какъ уже сказано, удовольствіе, радость и наслажденіе жизнію считалъ выше всѣхъ благъ человѣческихъ; Сократъ напротивъ отдавалъ преимущество уму и познанію. Другими словами, первый всего благополучія своего искалъ въ чувственной жизни, а другой несравненно болѣе находилъ достоинства въ нравственной природѣ человѣка и его дѣятельности умственной, хотя при этомъ не утверждалъ, что умъ и познаніе составляютъ высшее и полное благо человѣческое.

Когда Протархъ принялъ мнѣніе Филебово, то Сократъ, приступая къ изслѣдованію предыдущаго спорнаго вопроса, предлагаетъ сперва такой планъ разсужденія: чтобы опредѣлить, въ чемъ состоитъ высшее благо и истинное счастіе человѣческое (in abstracto), надобно намъ имѣть въ виду такое состояніе и расположеніе души, въ которомъ человѣкъ чувствуетъ себя совершенно благополучнымъ (in concreto). Это состояніе, по мнѣнію Филеба, бываетъ въ радости и удовольствіи, а по моему— скорѣе можно бы искать его въ познаніи и благоразуміи. Но можетъ

[1] Здѣсь представляется довольно подробное изложеніе діалога съ тою цѣлію, чтобы показать важность предметовъ, въ немъ заключающихся, глубину мыслей и тонкость изслѣдованія, не только въ цѣломъ составѣ этого превосходнаго творенія, но и въ отдѣльныхъ частяхъ его.

[2] Неизвѣстно, кто-такой былъ Филебъ. Что касается до названія Φίληβος, то въ немъ, по видимому, есть указаніе на мягкую и изнѣженную природу этого человѣка, который, будучи совершенно преданъ удовольствію, въ немъ одномъ находилъ свое счастіе и самое высшее благо человѣческое. Stallbaum. Prolegg. p. XXXIX. not.

[3] Phileb. p. 19, 58. Cf. Stallb. Prolegg. p. XXXIX. not. 2.

быть, что это благополучное состоянiе человѣка, а слѣдовательно и самое благо его, не заключается ни въ удовольствiи, ни въ умѣ и познанiи, но въ чемъ нибудь третьемъ, отличномъ отъ того и другаго; въ такомъ случаѣ изслѣдованiе наше должно быть уже направлено къ тому, чтобы показать, что̀ по крайней мѣрѣ ближе къ истинному благу, удовольствiе, или умъ и познанiе.

Когда Протархъ и другiе тутъ бывшiе одобрили такой планъ, не смотря на то, что Филебъ при этомъ напередъ объявилъ, что онъ во всякомъ случаѣ остается при своемъ мнѣнiи, почитая за грѣхъ отказаться когда-нибудь отъ своей богини удовольствiя, тождественной, по его понятiю, съ Афродитою, — Сократъ, начиная изслѣдованiе съ понятiя и сущности «удовольствiя», находитъ, что оно по своему названiю и значенiю родовому и общему есть что-то одно, но по своимъ видамъ весьма многообразно, различно и даже противоположно: такъ удовольствiе человѣка мудраго не имѣетъ ничего общаго съ удовольствiемъ безумца; точно также какъ напримѣръ цвѣтъ по общему и родовому понятiю есть одинъ, а между тѣмъ въ бѣломъ цвѣтѣ не только видимъ разность съ чернымъ, но и совершенную противоположность. Если же есть такое различiе и даже противоположность въ удовольствiяхъ, то нельзя утверждать вообще, что удовольствiе есть благо, такъ какъ оно по своей противоположности можетъ быть также и зломъ. Протархъ на это говоритъ, что удовольствiе, какъ удовольствiе, должно быть всегда себѣ равно и одинаково, а различiе это относится только къ предметамъ удовольствiя, но не къ самому удовольствiю. Чтобы устранить такое одностороннее мнѣнiе Протарха и заставить его допустить различiе въ удовольствiи, Сократъ открываетъ существованiе такого же различiя въ другихъ родовыхъ понятiяхъ, и признаетъ его также въ познанiи, которому онъ отдавалъ преимущество предъ удовольствiемъ, по отношенiю къ высшему благу. Протархъ, будучи доволенъ такимъ равенствомъ, соглашается признать различiе въ удовольствiи. Такимъ образомъ выходитъ, что какъ удовольствiе, такъ и познанiе, въ сущности своей представляютъ нѣчто одно, но вмѣстѣ и разнообразно-многое.

Это даетъ поводъ къ изслѣдованiю страннаго по видимому положенiя, по которому многое есть одно, и одно въ то же время есть многое (ἓν τὰ πολλὰ καὶ τὸ ἓν πολλά). Положенiе о единствѣ и множествѣ одного и того же предмета, какъ видно, въ то время было общеизвѣстнымъ и часто повторялось, въ особенности софистами, которые, пользуясь его неопредѣленностiю, нерѣдко прибѣгали къ нему для того, чтобы

спорный какой-нибудь вопросъ запутать еще болѣе, затруднить прямой ходъ умозаключеній, поколебать и уничтожить всякое основаніе истины. Такъ напримѣръ, по этому началу, они одному и тому же предмету приписывали вдругъ нѣсколько свойствъ совершенно противоположныхъ, называя его великимъ и малымъ, тяжелымъ и легкимъ и т. п. или, раздѣляя цѣлое на части, забавлялись надъ тѣмъ, кто, принявши его прежде за одно, долженъ потомъ согласиться, что оно есть безконечно-многое. Оставляя такія дѣтскія понятія и смѣшныя примѣненія этого положенія софистамъ и эристикамъ, Сократъ обращаетъ здѣсь вниманіе на единство невещественное, постигаемое мыслію и созерцаемое умомъ, на единство идеи, или на тотъ невидимый и неизмѣняемый образъ (типъ), по которому отпечатлены всѣ индивидуальныя существа одного рода [1]. Это единство и отношеніе его ко множеству дѣйствительно представляетъ много трудностей и сомнѣній. Тутъ прежде всего, по его словамъ, надобно убѣдиться, существуютъ ли на самомъ дѣлѣ такія невидимыя и неизмѣняемыя единицы, или монады (идеи), внѣ нашего ума и независимо отъ нашихъ представленій; потомъ, какимъ образомъ каждая изъ нихъ, не смотря на постоянныя измѣненія видимыхъ предметовъ, представляющихся намъ подъ ихъ формами, остается всегда одна и та же; наконецъ, какъ соединяются и въ какомъ отношеніи находятся эти невидимыя монады или идеи съ видимыми вещами, въ которыхъ онѣ проявляются, — раздѣляется ли общая многимъ предметамъ идея по всему ихъ множеству, представляя въ такомъ случаѣ сама нѣкоторую множественность, или она всецѣло заключается въ каждомъ предметѣ порознь и, какъ бы выходя всякой разъ сама изъ себя, повторяется въ каждомъ недѣлимомъ, безъ всякаго измѣненія существа своего, что̀ наименѣе представляется возможнымъ [2].

[1] Phileb. p. 15. Ὅταν τὶς ἕνα ἄνθρωπον ἐπιχειρῇ τίθεσθαι καὶ βοῦν ἕνα, καὶ τὸ καλὸν ἓν καὶ τἀγαθὸν ἕν.

[2] Phileb. p. 15. πρῶτον μὲν εἴ τινας δεῖ τοιαύτας εἶναι μονάδας ὑπολαμβάνειν ἀληθῶς οὔσας· εἶτα πῶς αὖ ταύτας, μίαν ἑκάστην, οὖσαν ἀεὶ τὴν αὐτὴν καὶ μήτε γένεσιν, μήτε ὄλεθρον προσδεχομένην, ὅμως εἶναι βεβαιότατα μίαν ταύτην. μετὰ δὲ τοῦτο ἐν τοῖς γιγνομένοις αὖ καὶ ἀπείροις εἴτε διεσπασμένην καὶ πολλὰ γεγονυῖαν θετέον, εἴτε ὅλην αὐτὴν αὑτῆς χωρὶς, ὃ δὴ πάντων ἀδυνατώτατον φαίνοιτ' ἄν, ταυτὸν καὶ ἓν ἅμα ἐν ἑνί τε καὶ πολλοῖς γίγνεσθαι. Здѣсь Платонъ мимоходомъ только касается вопросовъ о существованіи идей и отношеніи ихъ къ видимой природѣ вещей, чтобы показать, въ какомъ смыслѣ онъ понимаетъ ἓν καὶ πολλὰ, и отличить свое ученіе объ этомъ положеніи отъ софистическаго. Подробнѣе объ этомъ важномъ предметѣ излагается въ Парменидѣ.

Какъ бы то ни было, но все, что ни подлежитъ нашему мышленію, представляется намъ подъ условіемъ такого единства и множества; такъ что отъ правильнаго или неправильнаго понятія о немъ зависитъ легкость и ясность или трудность и разныя недоумѣнія въ пониманіи самыхъ предметовъ, представляющихся всегда подъ этимъ условіемъ. Это постоянное условіе и вмѣстѣ тождество единства и множества въ представленіи предметовъ, подлежащихъ мышленію, есть всегдашнее, безсмертное и никогда не старѣющееся свойство и основное начало, или законъ, самаго мышленія. Между тѣмъ, когда это начало мышленія не доведено еще до яснаго сознанія, то оно, по своей общности и неопредѣленности, скорѣе ведетъ къ безчисленнымъ сомнѣніямъ, спорамъ и противорѣчіямъ, нежели къ истинному познанію и правильному изслѣдованію сущности вещей. Молодые люди, при первомъ развитіи въ нихъ этого начала, обрадовавшись, какъ будто бы они нашли въ немъ все сокровище мудрости, съ нетерпѣніемъ и съ жаромъ принимаются судить о всякомъ предметѣ, не обращая вниманія ни на трудности его, ни на свои силы, осаждаютъ его съ той и другой стороны, то разлагаютъ и раздробляютъ на мелкія части, то опять собираютъ и составляютъ въ одно цѣлое, — и все это оканчивается тѣмъ, что они, возбудивши множество сомнѣній, ставятъ въ безвыходное положеніе прежде всего самихъ себя, а потомъ и всякаго другаго, кто къ нимъ попадется. — Послѣ шуточной угрозы за такое порицаніе молодыхъ людей, которыхъ много находилось при этомъ спорѣ [1], Протархъ проситъ Сократа показать имъ, въ чемъ состоитъ истинный способъ изслѣдованія и познанія вещей. Сократъ сперва замѣчаетъ, что объясненіе этого способа не трудно, но не такъ легко примѣненіе его къ самому дѣлу. Потомъ излагаетъ общія начала этого способа, который, по его мнѣнію, всегда надобно имѣть въ виду при изслѣдованіи и изъясненіи каждаго предмета, и въ которомъ мы ясно видимъ изображеніе употребительныхъ у насъ методовъ, аналитическаго и синтетическаго.

Начало этого способа, или закона, мышленія, какъ и все, что̀ превышаетъ человѣческое разумѣніе, Сократъ относитъ къ богамъ, называя его даромъ небеснымъ, который сообщенъ людямъ какимъ-нибудь Прометеемъ вмѣстѣ съ свѣтозарнымъ огнемъ. Старинные люди, какъ изъясняетъ потомъ Сократъ, бывшіе лучше насъ и находившіеся ближе къ богамъ, оставили намъ по преданію такого рода ученіе: все существующее въ природѣ, представляя собою единство и множество,

[1] Phileb. p. 16. al.

заключаетъ въ составѣ своемъ опредѣленное и неопредѣленное. По силѣ такого свойства и образованія вещей, въ каждомъ предметѣ надобно сперва искать единства, или главной и общей для всѣхъ его частей идеи; далѣе опредѣлить, сколько въ ней заключается частныхъ и видовыхъ понятій; потомъ, каждое изъ этихъ частныхъ понятій снова дѣлить на нисшія видовыя понятія и представленія, и продолжать это дѣленіе до тѣхъ поръ, пока не дойдемъ до элементовъ недѣлимыхъ, которые, по самой природѣ неопредѣленнаго, заключающагося въ вещахъ вмѣстѣ съ опредѣленнымъ, неспособны бываютъ къ дальнѣйшему разложенію и опредѣленію. Опредѣляя такимъ образомъ все, что есть въ предметѣ опредѣленнаго, и не пускаясь въ безплодное изслѣдованіе того, что въ немъ находится неопредѣленнаго, мы не только узнаемъ, что онъ имѣетъ единство и неопредѣленное до безконечности множество, но и можемъ различить въ немъ извѣстное количество, качество и отношеніе частей, входящихъ въ составъ его. Этимъ только способомъ достигаемъ мы яснаго и опредѣленнаго понятія о вещахъ; напротивъ знать въ каждой вещи только ея единство и множество, значитъ вовсе не понимать ее. Это яснѣе открывается изъ примѣровъ. Такъ, всякому извѣстно, что языкъ человѣческій есть нѣчто единое, но вмѣстѣ и безконечно-различное; но если мы кромѣ этого свойства, общаго ему со всѣми прочими вещами, ничего еще объ немъ не знаемъ, то, можно сказать, мы вовсе не понимаемъ сущности его. Чтобъ имѣть раздѣльное и ясное понятіе о немъ, какого требуетъ грамматика, надобно изслѣдовать, сколько въ немъ звуковъ различнаго рода, какъ подраздѣляется каждый родъ, и какія свойства всѣхъ этихъ подраздѣленій и т. п. Въ музыкѣ также недостаточно знать только то, что голосъ одинъ, или что онъ заключаетъ въ себѣ три главныхъ звука, или тона, высокій, низкій и средній (ὁμότονος или μονότονος), напротивъ надобно, по правиламъ науки, узнать интервалы звуковъ по ихъ количеству и качеству, найти предѣлы и отношенія интерваловъ и показать, какія изъ нихъ составляются системы или гармоніи, и по какимъ законамъ. Какъ отъ единства или понятія родоваго и общаго въ изслѣдованіи не вдругъ должно переходить къ безконечному множеству и неопредѣленности недѣлимыхъ представленій, въ немъ заключающихся, но сперва надобно опредѣлить извѣстныя понятія видовыя и частныя, занимающія средину между единствомъ предмета и безконечнымъ множествомъ и неопредѣленностью; точно такимъ образомъ и отъ множества или неопредѣленности, представляющихся нашимъ чувствамъ, нельзя прямо переходить къ единству или къ понятію родовому и общему, но также не-

обходимо сперва найти нѣсколько видовъ среднихъ и частныхъ, которые содержатся въ одномъ общемъ для всѣхъ ихъ родѣ. Это также можно объяснить примѣромъ, заимствованнымъ отъ звуковъ голоса или языка человѣческаго (буквъ). Такимъ образомъ тотъ, кто изобрѣлъ буквы и составилъ грамматику, — богъ ли то былъ, или какой-нибудь божественный мужъ — въ безконечномъ разнообразіи и неопредѣленности звуковъ голоса или языка человѣческаго замѣтивши общее для всѣхъ единство, чтобы подвесть ихъ подъ это единство и образовать изъ нихъ одну систему, сперва отдѣлилъ звуки гласные, полугласные и безгласные, или нѣмые [1]; далѣе, эти три разряда снова подвергъ изслѣдованію и раздѣленію, стараясь въ каждомъ изъ нихъ опредѣлить количество и свойство звуковъ, имъ принадлежащихъ; сдѣлавши такое раздѣленіе звуковъ и показавши ихъ различіе, онъ находитъ потомъ взаимное сходство, даетъ всѣмъ имъ общее названіе «буквъ» (στοιχεῖον), и наконецъ, для познанія ихъ какъ въ отдѣльности, такъ и въ связи, — безъ чего не можетъ быть яснаго понятія ни объ одной буквѣ — подводитъ ихъ подъ одну общую науку, извѣстную подъ именемъ грамматики (γραμματικὴ τέχνη).

Филебъ и Протархъ, выслушавъ такое объясненіе, соглашаются въ томъ, что все сказано правильно и хорошо, но спрашиваютъ у Сократа, какую оно имѣетъ связь съ главнымъ ихъ предметомъ, и какая цѣль всего предыдущаго разсужденія? Сократъ отвѣчаетъ, что они уже стоятъ у самой этой цѣли, о которой спрашиваютъ и которой ищутъ. Именно, главный вопросъ состоялъ въ томъ, что составляетъ высшее благо человѣческое: удовольствіе или познаніе? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ въ пользу того или другаго, безъ сомнѣнія необходимо сперва имѣть раздѣльное и ясное понятіе какъ объ удовольствіи, такъ и о познаніи; а для этого недостаточно ограничиться только тѣмъ, что каждое изъ нихъ, какъ мы уже видѣли, есть нѣчто единое, а вмѣстѣ и безконечно разнообразное; напротивъ, согласно съ предыдущимъ разсужденіемъ, надобно какъ можно точнѣе изслѣдовать свойство какъ удовольствія, такъ и познанія, разобрать различные роды и виды, на которые они раздѣляются, и показать сравнительное ихъ достоинство и значеніе.

Протархъ хотя вполнѣ одобряетъ такой способъ изслѣдованія, но по новости и трудности не рѣшается примѣнить его въ настоящемъ случаѣ къ объясненію и рѣшенію упомянутаго спора. Но какъ вопросъ объ истинномъ благѣ человѣческомъ былъ для него и другихъ

[1] Φωνῆς μὲν οὔ, φθόγγου δὲ μετέχοντά τινος.

тутъ находившихся слишкомъваженъ, то они, не желая оставить его безъ окончательнаго рѣшенія, стали просить Сократа, чтобы онъ самъ, подавши поводъ къ теперешнему ихъ собесѣдованію и завязавши этотъ важный споръ, принялъ на себя трудъ изслѣдовать и рѣшить его, тѣмъ ли способомъ, о которомъ сей-часъ говорилъ, или другимъ, какимъ ему угодно.

Сократъ, приступая снова къ изслѣдованію помянутаго вопроса, въ самомъ дѣлѣ даетъ ему другой оборотъ. Такъ какъ въ немъ пробуждается теперь мысль, что совершеннаго блага нельзя искать ни въ удовольствіи, ни въ познаніи, но въ чемъ-то третьемъ, отдѣльномъ отъ первыхъ двухъ и высшемъ, то онъ, не считая уже нужнымъ въ настоящемъ случаѣ анализировать удовольствіе и познаніе, изъясняетъ и доказываетъ теперь новую мысль свою опредѣленіемъ существенныхъ свойствъ высочайшаго блага и примѣненіемъ ихъ къ понятіямъ удовольствія и познанія.

Благо, по мнѣнію Сократа, должно быть совершенно, вполнѣ удовлетворительно и для всѣхъ одинаково вождѣленно [1]. И такъ, если или удовольствіе или познаніе есть благо, то каждое изъ нихъ, взятое само по себѣ, должно быть совершенно и удовлетворительно для всѣхъ и каждаго, не нуждаясь ни въ чемъ постороннемъ. Въ такомъ случаѣ человѣкъ, преданный удовольствію, — если принять его за высшее благо, — не долженъ чувствовать никакой нужды ни въ познаніи, ни въ представленіи, ни въ памяти и т. п., такъ какъ удовольствіе, будучи благомъ абсолютнымъ, должно быть совершенно и заключать въ себѣ все. Но человѣкъ безъ познанія не можетъ и понимать, наслаждается ли онъ удовольствіемъ или нѣтъ, безъ памяти онъ не въ состояніи возобновить въ себѣ представленія о прошедшихъ наслажденіяхъ, безъ воображенія не способенъ утѣшаться будущими удовольствіями; словомъ, такое существо безъ соображенія и смысла скорѣе будетъ походить на полипа или морскую раковину, нежели на человѣка; а жизнь такого рода конечно ни для кого не можетъ быть вождѣленна. Подобнымъ образомъ, если мы станемъ разсматривать жизнь такого человѣка, который, обладая всякаго рода познаніями, прекрасною памятью, воображеніемъ и т. п., не можетъ чувствовать никакого удовольствія, то и эту жизнь найдемъ для себя не болѣе удовлетворительною и вождѣленною. Отсюда слѣдуетъ, что ни удовольствіе, ни познаніе, взятыя порознь, не могутъ составить истиннаго блага человѣческаго, потому что ни то ни другое, само по себѣ, не можетъ быть

[1] Τέλεον, ἱκανόν, πᾶσιν αἱρετόν.

для насъ ни удовлетворительно, ни совершенно, ни вполнѣ вожделѣнно. Эти отличительныя свойства блага украшаютъ жизнь человѣческую только тогда, когда то и другое начало, чувственное (*ἡδονή*) и разумное (*φρόνησις*), совокупляются въ ней въ одно нераздѣльное цѣлое. А потому въ этой совокупной или соединенной жизни человѣка надобно искать намъ и высшаго своего блага.

Но что сообщаетъ совокупной жизни это свойство, и въ чемъ заключается причина, по которой таковая жизнь дѣлается истиннымъ благомъ для человѣка? Не находится ли эта причина въ одномъ изъ упомянутыхъ элементовъ совокупной жизни, въ удовольствіи, или въ умѣ и познаніи? Конечно и въ этомъ случаѣ ни то, ни другое не будетъ высшимъ благомъ, которое, какъ мы видѣли, принадлежитъ только совокупной жизни, но тогда то или другое изъ нихъ будетъ ближе и сроднѣе съ самымъ высшимъ и истиннымъ благомъ человѣческимъ, какъ причина съ своимъ произведеніемъ.—Что касается до меня, говоритъ Сократъ, то я готовъ больше прежняго спорить, что причина или то условіе и начало, отъ котораго смѣшенная жизнь человѣка получаетъ свойство блага и истиннаго счастія, сроднѣе съ умомъ, нежели съ удовольствіемъ. По этому удовольствіе не только не можетъ быть самымъ высшимъ и первымъ благомъ человѣческимъ, но не занимаетъ и втораго за нимъ мѣста; кажется даже, что оно должно стоять ниже третьей степени; а потому не лучше ли оставить дальнѣйшее о немъ разысканіе, чтобы въ противномъ случаѣ не посрамить кумира въ глазахъ самихъ его обожателей? Но какъ Протархъ и его послѣдователи непремѣнно хотѣли слышать окончательное и полное рѣшеніе начатаго спора, то Сократъ долженъ былъ подробнѣе изслѣдовать теперь другой вопросъ, поставленный въ непосредственной связи съ первоначальнымъ и главнымъ въ самомъ началѣ разговора, именно, что̀ ближе подходитъ къ истинному благу, и что сроднѣе съ нимъ, удовольствіе или умъ и познаніе?

Для рѣшенія этого вопроса, Сократъ сперва раздѣляетъ все существующее въ мірѣ на четыре главныхъ рода или начала: 1) на неопредѣленное, или неограниченное, 2) опредѣленное, или ограниченное, 3) смѣшенное изъ того и другаго и совокупленное во едино, и 4) причину такого соединенія или смѣшенія [1]. Послѣ того изслѣдываетъ каждое изъ этихъ началъ и опредѣляетъ главнѣйшія свойства ихъ, съ тѣмъ, чтобы показать, къ какому изъ нихъ должны относиться какъ

[1] *Τὸ μὲν ἄπειρον τῶν ὄντων, τὸ δὲ πέρας — τὸ δὲ τρίτον, ἐξ ἀμφοῖν τούτοιν ἕν τι ξυμμισγόμενον, — τῆς δὲ ξυμμίξεως τούτων πρὸς ἄλληλα τὴν αἰτίαν τίθει μοι πρὸς τρισὶν ἐκείνοις τέταρτον.* Phil. p. 23.

удовольствіе и умъ или познаніе, такъ и жизнь смѣшанная изъ того и другаго.—Изслѣдованіе начинается выводомъ и объясненіемъ начала неопредѣленнаго и опредѣленнаго. Явленія этихъ началъ раскрываются сперва въ отдѣльныхъ представленіяхъ и видахъ частныхъ, изъ которыхъ потомъ, по одному изъ прежде изложенныхъ методовъ, составляется общее или родовое понятіе того и другаго начала. На основаніи такого изслѣдованія, къ неопредѣленному относится все то, что подвержено безпрестанному измѣненію по своему внѣшнему виду и по существу внутреннему, что бываетъ то больше, то меньше, то сильнѣе, то слабѣе, и въ этомъ безпрерывномъ движеніи и измѣненіи своихъ степеней и формъ не имѣетъ ничего твердаго, положительнаго и единообразнаго; напротивъ все, что имѣетъ извѣстную мѣру, число, порядокъ и правильность, принадлежитъ началу опредѣленнаго. Два эти начала не могутъ образовать вещей, существуя порознь, а только въ соединеніи одно съ другимъ и во взаимной связи своей; такую связь опредѣленнаго съ неопредѣленнымъ, какъ необходимое условіе существованія каждой вещи, Сократъ принимаетъ за третье основное начало, въ которомъ хаотическіе сами по себѣ элементы неопредѣленнаго, будучи ограничены, сосредоточены и упорядочены силою опредѣленія, составляютъ одно соразмѣрное цѣлое, заключающее въ себѣ разнообразіе и единство, — источникъ красоты и силы въ мірѣ физическомъ и нравственномъ. Такъ въ тѣлѣ человѣческомъ отъ надлежащаго. правильнаго и соразмѣрнаго соединенія или смѣшенія первоначальныхъ двухъ элементовъ, происходитъ здоровье, въ звукахъ голоса и въ тонахъ—согласіе и музыкальность во временахъ года—умѣренность климата и благорастворенiе; равнымъ образомъ въ душѣ нашей отъ ограниченія необузданной и неопредѣленной силы чувственности законами разума и отъ соразмѣрной связи и отношенія той и другой природы, происходитъ внутренняя гармонія или стройный и правильный образъ мыслей и дѣйствій. Смѣшеніе, какъ и всякое дѣйствіе, необходимо предполагаетъ причину, его производящую; по этому къ тремъ предыдущимъ началамъ Сократъ присоединяетъ четвертое, начало причины, которая характеризуется какъ сила образующая, господствующая и руководящая при смѣшеніи различныхъ элементовъ въ одно существо.

Изъ этой характеристики четырехъ основныхъ началъ вещей само собою открывается, что совокупная жизнь или общеніе удовольствія и познанія, должна принадлежать къ третьему роду, или къ началу смѣшенія и соразмѣрной связи. Но къ которому изъ упомянутыхъ началъ относятся элементы, входящіе въ составъ этой смѣшанной жизни? Удо-

вольствіе, такъ какъ оно допускаетъ разныя степени и бываетъ то больше, то меньше, по этому самому должно относиться къ неограниченному или неопредѣленному. Изъ этого можно бы само-собою вывесть, что умъ, какъ другой элементъ смѣшанной жизни, надобно принять за опредѣленное. Но какъ при изслѣдованіи втораго вопроса, о сравнительномъ достоинствѣ удовольствія и ума, рѣшеніе его, по предыдущему плану, должно зависѣть отъ того, чтобы опредѣлить, которое изъ двухъ началъ совокупной жизни надобно принять за причину, руководствующую ея смѣшеніемъ, то въ слѣдующемъ выводѣ Сократъ доказываетъ, что умъ есть причина соразмѣрно-составленной жизни и правильности въ ея смѣшеніи и образованіи. Умъ, заключающій въ себѣ свойство опредѣленности (*πέρας ἔχων*), дѣйствуя сознательно и свободно, какъ начало господствующее и руководящее въ человѣкѣ, по природѣ своей имѣетъ обязанностію управлять и располагать всѣми движеніями и дѣйствіями, которыя составляютъ сложность его чувственно-разумной жизни. Въ этомъ отношеніи умъ есть конечно не только нѣчто опредѣленное, но и начало, дѣйствующее и производящее, или причина.

Что умъ есть начало дѣйствующее и располагающее, а слѣдовательно и причина всякаго явленія и бытія, Сократъ, для большей ясности и вразумительности, показываетъ это, въ обширномъ размѣрѣ, въ устройствѣ и управленіи цѣлаго міра, откуда, по наведенію, дѣлаетъ заключеніе о подобномъ дѣйствіи и руководствѣ ума въ существѣ человѣческомъ. Это излагается здѣсь въ такой послѣдовательности: Нѣтъ сомнѣнія, что міръ управляется не случаемъ или какою-нибудь неразумною силою, но умомъ и высочайшею мудростію. Объ этомъ говорятъ намъ и мудрецы, называя умъ царемъ неба и земли [1], и каждый легко можетъ удостовѣриться изъ одного воззрѣнія на природу съ ея величіемъ и красотою, на солнце, луну и звѣзды съ ихъ чуднымъ обращеніемъ, на неизмѣняемый порядокъ временъ года и т. п. Существо человѣка есть часть цѣлаго существа міра, организованное и устроенное, въ маломъ видѣ, изъ тѣхъ же элементовъ и по тѣмъ же законамъ, какъ и его цѣлое, въ которомъ эти основанія и законы, находясь во всей полнотѣ и совершенствѣ, составляютъ неистощимый источникъ жизни, питаніе и сохраненіе, какъ для всего состава міра, такъ и для каждаго отдѣльнаго существа, въ немъ заключающагося. Матеріальные въ насъ элементы, огонь, вода, воздухъ и земля, равно какъ и все тѣло, изъ нихъ образующееся, получаютъ свое нача-

[1] *Νοῦς ἐστὶ βασιλεὺς οὐρανοῦ τε καὶ γῆς.*

ло, жизнь и силу отъ міроваго тѣла, съ которымъ находятся въ непосредственной связи и зависимости. Какъ тѣло человѣческое, такъ и соединенная съ нимъ душа проистекаетъ и образуется изъ души міра, который по этому и самъ долженъ быть одушевленнымъ. Существованіе въ насъ четырехъ началъ: неопредѣленнаго, опредѣленнаго, смѣшенія ихъ между собою и причины этого смѣшенія — откуда проистекаетъ и опредѣляется жизнь нашей души и направленіе всей ея дѣятельности, проявляющейся въ насъ подъ видомъ ума и разнообразной мудрости, — условливается существованіемъ этихъ самыхъ началъ во вселенной, гдѣ они находятся во всей ихъ полнотѣ и совершенствѣ, и гдѣ стройное теченіе свѣтилъ небесныхъ, правильное послѣдованіе временъ года, величіе, красота и сила всѣхъ вещей, въ связи ихъ и порознь, зависитъ конечно отъ того, что неопредѣленное, по законамъ опредѣленнаго, слагается всякой разъ въ одно правильное, соразмѣрное и прекрасное цѣлое, подъ вліяніемъ и руководствомъ разумной причины, или верховнаго ума, заключающагося въ душѣ міра, такъ какъ умъ не можетъ быть безъ души. Но какъ въ мірѣ верховный умъ есть главная причина всякаго бытія, явленія и дѣйствія, такъ и въ человѣкѣ умъ, эту искру ума божественнаго, надобно признать за причину, руководствующую и располагающую движеніями и дѣйствіями смѣшанной или совокупной его жизни. — Отсюда видно, что умъ человѣческій, сродный съ божественнымъ умомъ, принимаемымъ за верховную причину, должно отнести также къ этому четвертому началу [1].

Показавши такимъ образомъ, что изъ элементовъ, входящихъ въ составъ совокупной и полной жизни человѣка, удовольствіе относится къ неопредѣленному, а умъ, заключая въ себѣ свойство опредѣленности, принадлежитъ вмѣстѣ къ роду причины, Сократъ подробнѣе и глубже изслѣдываетъ явленія и свойства сперва удовольствія, потомъ ума и познанія; то и другое разлагаетъ на ихъ различные роды и виды, которые потомъ снова анализируетъ и изъясняетъ тѣмъ самымъ способомъ, который для этой вѣроятно цѣли предварительно съ такою подробностію и основательностію изложенъ былъ выше. Въ концѣ изслѣдованія выводятся заключенія, относящіяся къ рѣшенію разсматриваемаго здѣсь вопроса о сравнительномъ достоинствѣ удовольствія и ума или познанія.

Изслѣдованіе объ удовольствіи начинается опредѣленіемъ происхожденія и мѣста его явленій и дѣйствій. Разсуждая объ удовольствіи,

[1] *Νοῦς ἐστὶ γενούστης* (*γένους* Becker) *τοῦ πάντων αἰτίου λεχθέντος τῶν τεττάρων, ὧν ἦν ἡμῖν ἓν τοῦτο.* Phileb. p. 30.

Сократъ, для большей полноты и ясности, говоритъ вмѣстѣ и о противоположномъ ему чувствѣ скорби или печали.

Такъ какъ удовольствіе и скорбь ощущаются обыкновенно живыми существами и возможны только подъ условіемъ жизни, которая относится къ третьему или къ смѣшанному роду, то и происхожденія и сферы дѣйствій того и другаго чувства надобно искать въ этомъ смѣшанномъ родѣ. По свойству правильнаго смѣшенія необходимо, чтобы элементы, входящіе въ составъ его, находились въ совершенномъ равновѣсіи и соразмѣрности,—что служитъ основаніемъ единства, силы и крѣпости всякаго смѣшенія. Въ организмѣ живыхъ существъ, когда по какимъ-нибудь причинамъ разрушается такое равновѣсіе и согласіе частей, то происходитъ обыкновенно непріятное и болѣзненное чувство скорби; а когда это согласіе опять возстановляется, то это возстановленіе производитъ въ насъ ощущеніе удовольствія и радости. Такъ напр. голодъ и жажда возбуждаютъ въ насъ скорбныя и непріятныя чувства, потому что они происходятъ изъ разъединенія и разрушенія нашего организма; напротивъ насыщеніе пищею и питьемъ, удовлетворяя требованіямъ природы, возстановляя силы и равновѣсіе въ нашемъ тѣлѣ, дѣлаются источникомъ удовольствія и наслажденія. Точно также чрезмѣрное сжатіе или расширеніе влажныхъ частей въ нашемъ тѣлѣ, отъ необыкновеннаго холода или жара, дѣйствуетъ на насъ весьма непріятно; напротивъ того согрѣваніе и прохлада, противоположныя тому и другому непріятному состоянію, приводя эти части опять въ надлежащее ихъ положеніе, производятъ чрезъ то ощущенія пріятныя. Вообще всякое поврежденіе и разрушеніе единства и согласія въ организмѣ животномъ производитъ чувство скорби и печали, а возстановленіе въ немъ прежняго единства и равновѣсія частей сопровождается всякій разъ удовольствіемъ и радостію.— Это есть первый родъ удовольствій, тѣлесныхъ.

Второй родъ удовольствій и скорбей составляютъ тѣ, которыя раждаются въ насъ посредствомъ представленій, понятій и другихъ способностей души. Часто случается, что мы радуемся или скорбимъ только душею, когда напр. мы утѣшаемся надеждою и ожиданіемъ будущаго благополучія, или заранѣе сѣтуемъ и скорбимъ, страшась какого нибудь приближающагося бѣдствія. Этотъ родъ удовольствій хотя нѣкоторымъ образомъ зависитъ отъ перваго и находится съ нимъ въ связи, но онъ имѣетъ также и существенное свое отличіе, и для насъ здѣсь потому въ особенности важенъ, что въ немъ свойство удовольствія и скорби является въ болѣе чистомъ и существенномъ своемъ видѣ. А потому изъ этого рода удовольствій и печалей душевныхъ

яснѣе можно видѣть, какое достоинство имѣетъ удовольствіе вообще, и въ какомъ отношеніи оно находится къ высшему благу человѣческому. — Такая важность удовольствія и скорби, имѣющихъ основаніе въ нашей душѣ, побуждаетъ Сократа и его собесѣдниковъ подробнѣе узнать о нихъ.

Но прежде разсужденія объ удовольствіи и скорби этого рода, Сократъ, для полноты и ясности изслѣдованія, дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о томъ третьемъ состояніи, въ которомъ нѣтъ ни удовольствія, ни скорби. Такое состояніе предполагаетъ отсутствіе какъ разстройства и разрушенія въ организмѣ, такъ и возстановленія въ немъ прежняго равновѣсія и единства, — такъ какъ скорбь и удовольствіе, согласно съ предыдущимъ, должны проистекать изъ этого разрушенія организма и его возстановленія. Но жизнь, свободная отъ всякаго разстройства и разрушенія тѣлеснаго, принадлежитъ только существамъ чисто-духовнымъ и божественнымъ, которымъ по этому однимъ можетъ быть свойственно и это вѣчное спокойствіе и ни чѣмъ не возмущаемая тишина. — Впрочемъ какъ этотъ предметъ не имѣетъ необходимой связи съ главнымъ, то Сократъ, отлагая дальнѣйшее о немъ изслѣдованіе до болѣе благопріятнаго случая, обращается къ начатому имъ разсужденію объ удовольствіяхъ души, предпославши нѣсколько объясненій о тѣхъ ея способностяхъ, на которыхъ эти удовольствія основываются, — въ слѣдующемъ изображеніи: Все, что ни дѣйствуетъ на наше тѣло, обыкновенно или остается и, такъ сказать, исчезаетъ въ немъ одномъ, не достигая до души и не производя въ ней никакаго ощущенія [1], или напротивъ, поражая тѣло, проникаетъ въ тоже время до самой души и производитъ ей свойственное и общее съ тѣломъ впечатлѣніе [2], что мы называемъ ощущеніемъ [3]. Способность воспринимать и сохранять эти ощущенія въ нашей душѣ называется памятью [4]. Отъ памяти надобно различать воспоминаніе [5]; оно бываетъ тогда, когда душа наша, безъ содѣйствія тѣла, возпроизводитъ въ себѣ прежнія ощущенія и возстановляетъ снова представленія о впечатлѣніяхъ, которыя нѣкогда въ ней были, но впослѣдствіи вытѣснились или помрачились отъ прилива новыхъ и болѣе сильныхъ впечатлѣній. — Это изображеніе упомянутыхъ способностей и дѣйствій души представлено

[1] *ἀναισθησία.*

[2] *σεισμὸν ἴδιον τε καὶ κοινόν.*

[3] *αἴσθησις.*

[4] Память (*μνήμη*) принимается здѣсь, какъ видно, въ общемъ смыслѣ.

[5] *ἀνάμνησις.*

здѣсь съ тою цѣлью, чтобы яснѣе видѣть и судить о происхожденіи и свойствѣ удовольствій души или такъ называемыхъ пожеланій.

Пожеланія происходятъ въ насъ отъ ощущенія нѣкоторой пустоты или недостатка, который мы желаемъ восполнить, — какъ это бываетъ напр. въ голодѣ, жаждѣ и т. п. Алчущій и жаждущій ощущаетъ въ себѣ пустоту и желаетъ наполнить ее или насытить себя пищею и питьемъ; по этому тотъ и другой желаетъ того, что противоположно настоящему его состоянію пустоты. Но того, къ чему онъ стремится и чего желаетъ, т. е. насыщенія или напоенія, нельзя ему чувствовать и постигать тѣломъ, въ которомъ въ то время бываетъ пустота; по этому къ насыщенію стремится его душа, въ слѣдствіе пробуждающагося у ней въ памяти представленія о насыщеніи и соединенномъ съ нимъ удовольствіи, которое она испытывала прежде. И такъ всякое пожеланіе раждается не въ тѣлѣ, но въ душѣ; а потому нельзя собственно сказать, что тѣло наше чувствуетъ голодъ, жажду и т. п., такъ какъ все это относится къ пожеланіямъ, которыя могутъ происходить только въ душѣ.

Изслѣдованіе о предыдущихъ двухъ родахъ удовольствій приводитъ къ изображенію удовольствія и скорби смѣшанныхъ. Смѣшанныя удовольствія составляютъ нѣкоторую совокупность пріятнаго съ непріятнымъ. Они бываютъ тогда, когда напр. алчущій и жаждущій, отъ недостатка и опустѣнія въ своемъ тѣлѣ, испытываетъ чувство непріятное, но въ то же время, питаясь въ душѣ своей надеждою будущаго насыщенія и удовлетворенія ощущаемой потребности, растворяетъ скорбное свое чувство нѣкоторымъ удовольствіемъ. Но если кто нибудь, находясь въ непріятномъ состояніи голода и жажды, не имѣетъ при томъ и надежды на удовлетвореніе физическихъ своихъ потребностей, въ такомъ случаѣ онъ подвергается сугубой и мучительнѣйшей скорби.

Изъ удовольствій, основывающихся на представленіяхъ и надеждахъ, которыя могутъ быть справедливы или ложны, производится новое раздѣленіе удовольствій, на истинныя и ложныя. Это новое раздѣленіе выводится и объясняется такимъ образомъ:

Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, мыслящій что-нибудь, будетъ ли то справедливо или ложно, во всякомъ случаѣ мыслитъ, и чувствующій что-нибудь, дѣйствительно чувствуетъ. Такимъ образомъ радующійся чему нибудь, дѣйствительно радуется. Но не всякая радость есть истинная и существенная, такъ какъ не всякое ощущеніе, не всякое мнѣніе или представленіе бываетъ истинно и вѣрно. Радость и печаль, подобно прочимъ ощущеніямъ и дѣйствіямъ нашей души, бываютъ различнаго рода, смотря по тому, откуда происходятъ онѣ, на

чемъ основываются и какъ представляются. — Впереди уже было сказано, что удовольствіе и скорбь допускаютъ разныя степени, и бываютъ то больше, то меньше, то сильнѣе, то слабѣе. Но кромѣ этого различія въ степени и силѣ, они могутъ быть также различны по своимъ внутреннимъ свойствамъ. Такъ есть удовольствія дурныя и вредныя, когда съ ними соединяется что-нибудь дурное и вредное; точно такимъ же образомъ они могутъ быть истинными или ложными, судя по тому, истинный или ложный источникъ радости и печали, и справедливо или несправедливо представленіе о нихъ. — Когда Протархъ на это сказалъ, что истина или ложь въ такомъ случаѣ относится только къ представленіямъ и понятіямъ о предметахъ удовольствія, а не къ самымъ удовольствіямъ, то Сократъ, продолжая развивать мысль свою о существованіи ложныхъ удовольствій, прежде всего обращаетъ вниманіе на тѣ удовольствія, которыя только и состоятъ въ однѣхъ представленіяхъ; такъ всѣ выше упомянутыя удовольствія души основываются на однихъ воспоминаніяхъ, представленіяхъ и умственныхъ образахъ, безъ всякаго при томъ участія и услажденія со стороны тѣла. Такія удовольствія слѣдовательно имѣютъ тождество съ представленіями и, подобно имъ, могутъ быть какъ истинными, такъ и ложными. Эта мысль о существованіи ложныхъ удовольствій, основывающихся на ложныхъ представленіяхъ, раскрывается у Платона, съ свойственною ему тонкостію и живостію, въ слѣдующемъ изображеніи:

Основаніемъ образующихся въ насъ представленій служитъ память, воспринимающая впечатлѣнія и происходящія отъ нихъ ущущенія въ нашей душѣ. Но часто случается, что впечатлѣнія и производимыя ими ощущенія бываютъ невѣрны, какъ напр. когда мы видимъ какой-нибудь предметъ издали, неясно и неточно. Какъ бы то ни было, но эти ощущенія и представленія о предметахъ мы переводимъ обыкновенно на звуки, и въ томъ случаѣ, когда есть при насъ кто-нибудь другой, сообщаемъ ему оныя въ словахъ, соединяя съ ними опредѣленныя понятія, а когда человѣкъ бываетъ одинъ, то этотъ же самый процессъ совершается въ немъ самомъ, при чемъ не рѣдко случается, что представленія и понятія, такимъ образомъ происходящія, остаются въ насъ на долгое время. Память, воспринимая эти понятія, подъ формами извѣстныхъ словъ или реченій (λόγοι), напечатлѣваетъ и записываетъ ихъ, такъ сказать, на скрижаляхъ нашей души, которую, въ этомъ отношеніи, можно сравнить съ книгою[1]. Въ такомъ случаѣ, если впечатлѣнія и первоначальныя представленія предметовъ были истинныя, то и

[1] δοκεῖ μοι τότε ἡμῖν ἡ ψυχὴ βιβλίῳ τινὶ προσεοικέναι. p. 38.

понятія о нихъ, начертанныя въ нашей душѣ памятью, должны быть истинными, а если самыя впечатлѣнія и первыя представленія чувственныя были ложны, то и понятія о нихъ, сохраняющіяся въ насъ, по необходимости будутъ ложными. На основаніи такихъ представленій и понятій о предметахъ, которыя могутъ быть истинными и ложными, душа наша, съ помощію воспоминанія и воображенія, какъ бы нѣкоего живописца [1], воспроизводитъ и возобновляетъ въ себѣ образы представлявшихся ей нѣкогда предметовъ, оживляетъ ихъ по своей волѣ, и утѣшается или сѣтуетъ, созерцая ихъ сама въ себѣ, безъ всякаго при этомъ участія и побужденія со стороны внѣшнихъ чувствъ. Образы эти и соединенныя съ ними удовольствіе или печаль бываютъ истинными, если основываются на такихъ представленіяхъ, кои первоначально были истинны и вѣрны, напротивъ они должны быть безъ сомнѣнія ложными, если въ основаніи ихъ лежатъ впечатлѣнія ложныя. — Такіе мысленные образы, созиданіемъ и созерцаніемъ коихъ нерѣдко услаждается душа наша, могутъ относиться къ предметамъ удовольствія и печали, не только настоящимъ или прошедшимъ, но и будущимъ. Выше было замѣчено, что, прежде нежели тѣло наше испытываетъ дѣйствіе удовольствія или скорби, то и другое мы ощущаемъ иногда предварительно въ душѣ. Предощущенія эти суть не что иное, какъ представленія и понятія, составляемыя нами о будущемъ удовольствіи или скорби, которыя мы обыкновенно называемъ ожиданіемъ и надеждами, и изъ которыхъ воображеніе наше также нерѣдко созидаетъ и живописуетъ въ душѣ нашей различные образы ожидающихъ ее удовольствій, или неудовольствій, и заранѣе заставляетъ радоваться ими или скорбѣть. Относительно истины или ложности этихъ образовъ и свойства удовольствій отъ нихъ происходящихъ, надобно полагать такъ, что человѣкъ добрый и благочестивый услаждается надеждами и образами предстоящихъ удовольствій и благъ истинныхъ, а злой и нечестивый находитъ удовольствіе въ представленіи благъ ложныхъ и мечтахъ суетныхъ, гоняясь за одними призраками. — И такъ, есть удовольствія и печали какъ истинныя, такъ и ложныя; послѣднія изъ нихъ, коимъ предаются люди злые и порочные, суть не что иное, какъ грубое, жалкое и смѣшное подражаніе первымъ; въ ложныхъ удоволь-

[1] Какъ память (μνήμη) въ смыслѣ способности воспринимать и какъ бы записывать въ душѣ нашей впечатлѣнія, сравнивается здѣсь у Платона съ писцомъ и называется γραμματεύς или γραμματιστής, такъ точно воспоминаніе и соединенное съ нимъ воображеніе представляются въ этомъ мѣстѣ подъ видомъ живописца (ζωγράφος). p. 39 sq. Cf. Theaet. p. 191 sq.

ствіяхъ человѣкъ радуется тому, чего нѣтъ и не было, и даже вовсе быть не можетъ. То же бываетъ и въ ложной печали.

Когда Сократъ изъ предыдущаго разсужденія, по видимому, готовъ былъ вывесть такое заключеніе, что дурныя удовольствія, равно какъ дурныя понятія и представленія, суть то же, что ложныя, то Протархъ, не соглашаясь вполнѣ на такое тождество ложныхъ удовольствій съ дурными, подалъ поводъ къ дальнѣйшему изслѣдованію о существованіи удовольствій ложныхъ, независимо отъ дурныхъ нашихъ наклонностей и цѣлей. Это новое и глубокое изслѣдованіе о другихъ источникахъ и причинахъ происхожденія въ насъ ложныхъ понятій и соединенныхъ съ ними ощущеній удовольствія или печали, Сократъ продолжаетъ такъ: Впереди было сказано, что нерѣдко тѣло наше находится совершенно въ другомъ состояніи, нежели душа; такъ въ пожеланіяхъ, когда тѣло, испытывая пустоту или какое нибудь лишеніе, подвергается непріятному дѣйствію печали, въ душѣ нашей раждается въ то же время нѣкоторое чувство удовольствія при мысли о состояніи противоположномъ, въ которомъ открывается надежда восполнить ощущаемый въ тѣлѣ недостатокъ. Въ этомъ случаѣ удовольствіе и скорбь являются вмѣстѣ, и дѣйствія ихъ бываютъ рядомъ одно подлѣ другаго; притомъ надобно еще вспомнить, что какъ то, такъ и другое чувство, по природѣ своей относится къ роду неопредѣленному. Какимъ же образомъ можно узнать и въ точности опредѣлить, какое чувство и на сколько дѣйствуетъ въ насъ сильнѣе или слабѣе? Не имѣя извѣстной мѣры для опредѣленія удовольствія и скорби, можно сказать вообще, мы не въ состояніи совершенно правильно судить, какъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится удовольствіе къ скорби, такъ и о томъ, какъ относится одно удовольствіе къ другому, или одна скорбь къ другой. Наконецъ о силѣ и дѣйствіи на насъ удовольствія и скорби трудно имѣть истинное понятіе и потому, что то и другое чувство бываютъ, не только между собою, но и по отношенію къ намъ, то ближе, то дальше. Но какъ предметы, подлежащіе нашему зрѣнію, судя по тому, вблизи или издали мы ихъ видимъ, представляются обыкновенно то больше, то меньше настоящаго, такъ и удовольствіе или соорбь, смотря по степени ихъ близости или отдаленія, кажутся намъ то больше, то меньше, нежели каковы они на самомъ дѣлѣ.

Изъ всего этого видно, что удовольствіе и скорбь весьма часто представляются намъ не въ настоящемъ и существенномъ своемъ видѣ, а въ обманчивомъ и ложномъ.

Къ числу ложныхъ удовольствій относится и то, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, бываетъ въ состояніи нечувствительности, когда человѣкъ не испытываетъ въ себѣ никакихъ движеній и не чувствуетъ ни радости, ни скорби. Есть правда философы, которые вовсе не допускаютъ такого состоянія, утверждая, что все въ мірѣ подвержено безпрерывнымъ измѣненіямъ, и все находится въ постоянномъ движеніи и круговращеніи [1]; а какъ это движеніе и перемѣны въ нашемъ организмѣ сопровождаются обыкновенно то пріятнымъ чувствомъ, то непріятнымъ, то мы по этому должны постоянно ощущать въ себѣ дѣйствіе радости или печали. Но не входя въ подробное изслѣдованіе этого мнѣнія, нельзя по крайней мѣрѣ не согласиться съ тѣмъ, что не всегда и не всѣ перемѣны, въ нашемъ тѣлѣ происходящія, бываютъ для насъ замѣтны и ощутительны; такъ напр. никто не чувствуетъ, какъ онъ ростетъ. Хотя по этому и можно допустить такое состояніе человѣка, въ которомъ онъ не чувствуетъ въ себѣ повидимому никакихъ движеній и перемѣнъ, и не волнуется ни дѣйствіемъ радости, ни печали; но почитать его пріятнымъ и искать въ немъ удовольствія— нѣтъ никакого основанія. Это состояніе, среднее между радостью и печалью и совершенно отличное отъ той и другой, находятъ для себя пріятнымъ преимущественно тѣ, которые все удовольствіе полагаютъ въ томъ, чтобы жить безъ печали [2]. Но такое мнѣніе въ сущности своей отрицаетъ самое бытіе удовольствія, полагая его только въ отсутствіи скорби,—что совершенно ложно. Чтобы было удовольствіе, мало одного отрицанія печали, напротивъ надобно, чтобы существовало положительное и пріятное чувство радости. Хотя такимъ образомъ нельзя вполнѣ согласиться съ предыдущимъ мнѣніемъ объ удовольствіи и все существо его полагать въ одномъ отрицаніи печали, однакожь имъ надобно воспользоваться, какъ бы указаніемъ на то, что удовольствіе дѣйствительно не заключаетъ въ себѣ того высшаго и общаго для всѣхъ блага человѣческаго, котораго въ немъ напрасно нѣкоторые ищутъ, такъ какъ истиннаго блага нѣтъ ни въ какомъ родѣ удовольствій.

Чтобы имѣть надлежащее понятіе о свойствѣ удовольствія, равно какъ и всякаго другаго предмета, надобно взглянуть на него преимущественно въ высшей степени его дѣйствія и силы (maximum). Силь-

[1] Здѣсь разумѣются послѣдователи Гераклита, которые постоянное движеніе (ῥεῖν) и круговращеніе предметовъ (ἄνω καὶ κάτω) принимали за начало бытія и явленія всѣхъ вещей; почему и называются иронически у Платона οἱ ῥέοντες, Theaet. p. 181., особенно въ противоположность τοῖς στασιώταις, подъ которыми у него разумѣются элеаты.

[2] Такого мнѣнія о свойствѣ удовольствія держались въ то время Антисѳенъ и его послѣдователи.

нѣйшее удовольствіе бываетъ при сильнѣйшемъ поврежденіи и разстройствѣ нашего организма; по этому его ощущаютъ въ особенности страждущіе, больные или люди испорченной нравственности. Въ этомъ случаѣ чѣмъ болѣе бываетъ побужденія къ чему нибудь, тѣмъ болѣе наслажденія при удовлетвореніи своихъ потребностей и пожеланій. Такъ человѣкъ въ горячкѣ, чѣмъ сильнѣе чувствуетъ жажду, тѣмъ болѣе получаетъ наслажденія при ея утоленіи. Отсюда само собою открывается, что въ сильнѣйшихъ удовольствіяхъ не можетъ быть настоящаго блага человѣческаго, такъ какъ они всегда сопровождаются разрушеніемъ въ тѣлѣ или разстройствомъ силъ нравственныхъ.

Наибольшій разрядъ удовольствій составляютъ смѣшанныя удовольствія, которыя имѣютъ свое происхожденіе и дѣйствіе то въ одномъ тѣлѣ, то въ одной душѣ, то въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Но въ смѣшанныхъ удовольствіяхъ нельзя искать совершеннаго блага уже и потому, что они, какъ видно изъ самаго названія ихъ, необходимо заключаютъ въ себѣ нѣкоторую примѣсь скорби.

Что касается до смѣшанныхъ удовольствій, происходящихъ въ одномъ тѣлѣ, то эта смѣсь пріятнаго съ непріятнымъ бываетъ напр. тогда, когда кто-нибудь, озябнувъ, нагрѣвается, или находясь въ сильномъ жару, прохлаждается, и такимъ образомъ освобождаясь отъ непріятнаго своего состоянія и достигая другаго ему противоположнаго, въ одно и то же время испытываетъ то, что̀ можно назвать смѣшеніемъ сладкаго съ горькимъ. Въ случаѣ продолжительности этого состоянія, по причинѣ упорнаго сопротивленія того или другаго непріязненнаго дѣйствія на тѣло, легко возбуждается безпокойство и досада, доходящія потомъ до величайшато огорченія и бѣшенства.

Такимъ образомъ въ смѣшеніи удовольствія съ скорбью, то и другое чувство можетъ находиться или въ одинаковой степени, или одно изъ нихъ превосходитъ другое; въ послѣднемъ случаѣ, смотря по тому, пріятное или непріятное ощущеніе получаетъ перевѣсъ, смѣшеніе это принимаетъ свойство то удовольствія, то боли и огорченія. Такъ зудъ въ чесоткѣ, по преобладающему въ немъ непріятному чувству отъ воспаленія внутри тѣла, составляетъ боль; но когда легкое потираніе и прикосновеніе къ тѣлу производитъ одно щекотанье и только слегка безпокоитъ, то это состояніе представляется пріятнымъ и доводитъ нѣкоторыхъ до того, что они предаются неистовымъ крикамъ и чуть не умираютъ отъ восхищенія, — что признается нѣкоторыми за высочайшее наслажденіе. Но въ этомъ случаѣ удовольствіе и скорбь такъ близки и такъ сродны между собою, что одно предполагаетъ другое, и при малѣйшей перемѣнѣ одно чувство легко

переходитъ въ другое, ему противоположное. Изъ всего этого видно, что удовольствія, столь близкія съ скорбью, не только не содержатъ въ себѣ блага истиннаго и неизмѣняемаго, но и не заслуживаютъ собственно названія удовольствій.

По отношенію къ удовольствіямъ и неудовольствіямъ, бывающимъ въ то же время въ тѣлѣ и въ душѣ, уже прежде замѣчено, что, такъ какъ первое находится тогда въ состояніи противоположномъ со второю, то человѣкъ по необходимости долженъ испытывать въ этомъ случаѣ вдругъ двойное и совершенно различное ощущеніе, пріятное и непріятное.

Такое же смѣшанное ощущеніе можетъ имѣть мѣсто и въ одной душѣ, когда она въ одно время подвергается дѣйствію печали и радости. Это бываетъ въ гнѣвѣ, въ страхѣ, въ плачѣ, въ ревности, зависти и т. п. Во всѣхъ таковыхъ движеніяхъ души, чувство скорби, лежащее въ ихъ основаніи, смѣшивается съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, которое и бываетъ причиною того, что человѣкъ такъ легко и охотно предается вліянію этихъ сильныхъ и тревожныхъ волненій души.

На этомъ же смѣшеніи двухъ различныхъ ощущеній основывается и то удовольствіе, которое находимъ мы въ представленіяхъ и картинахъ драматическихъ, какъ въ трагедіи, гдѣ часто плачутъ отъ радости, такъ и въ комедіи, гдѣ среди смѣха проглядываетъ не рѣдко чувство грусти и горечи. Такъ какъ въ комедіи это смѣшеніе ощущеній не совсѣмъ очевидно, то здѣсь не безполезно будетъ показать и объяснить его, чтобы изъ этого примѣра получить надлежащее понятіе и о прочихъ смѣшанныхъ удовольствіяхъ подобнаго рода.

Хотя зависть и недоброжелательство къ другимъ (*φθόνος*) есть очевидно чувство непріятное, но вмѣстѣ съ ними пробуждается въ насъ тайное удовольствіе, выражающееся нерѣдко смѣхомъ, при видѣ чего нибудь дурнаго въ нашихъ ближнихъ. Дурное, составляющее предметъ смѣшнаго въ комедіи, есть ничто иное, какъ глупость, обнаруживающаяся въ несообразномъ и ложномъ понятіи о себѣ и въ незнаніи своихъ силъ и способностей. Оно бываетъ или по отношенію къ богатству и средствамъ матеріальнымъ, когда кто считаетъ себя богаче и ведетъ себя выше своего состоянія, или къ преимуществамъ тѣла, когда кто старается показаться красивѣе и больше ростомъ, нежели каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, или по отношенію къ нравственнымъ силамъ души, когда кто воображаетъ себѣ, что онъ несравненно умнѣе и лучше другихъ, — что случается видѣть всего чаще. Глупцы могутъ быть или между людьми

бѣдными и слабыми, которые не имѣютъ возможности мстить за то, что надъ ними смѣются, или между богатыми и сильными, которые въ состояніи сдѣлать все, чтобы отплатить за насмѣшки надъ собою. Первые бываютъ просто смѣшны; послѣдніе дѣлаются часто непріязненными, опасными и вредными для другихъ. По этому дурныя и вредныя дѣйствія глупцовъ сильныхъ и злобныхъ вызываютъ не смѣхъ, а ненависть. Напротивъ шутить и забавляться надъ недостатками и странностями ближнихъ, которые безвредны для другихъ, есть дѣйствіе чисто комическое. Но оно раждается въ насъ изъ какого-то врожденнаго желанія видѣть въ другихъ дурное и находить въ томъ какое-то утѣшеніе, по побужденію зависти.

Такимъ образомъ удовольствіе, получаемое нами въ комедіи, такъ же какъ и въ трагедіи, заключаетъ въ себѣ смѣсь чувства пріятнаго съ непріятнымъ. Это надобно разумѣть не только о тѣхъ комическихъ или трагическихъ дѣйствіяхъ, кои представляются на сценѣ, но и о тѣхъ, которыя весьма часто встрѣчаются въ самой жизни. — Подобное смѣшеніе удовольствія съ чувствомъ скорби легко можно найти и показать въ дѣйствіяхъ гнѣва, страха, любви и ненависти и въ прочихъ сильныхъ движеніяхъ и страстяхъ, раждающихся въ нашей душѣ.

Кромѣ смѣшанныхъ удовольствій, которыя, какъ мы видѣли, не заслуживаютъ вполнѣ названія удовольствій, есть удовольствія чистыя, не заключающія въ себѣ никакой примѣси печали, которыя по этому одни только и могутъ называться настоящими удовольствіями. Это суть тѣ удовольствія, которыя получаемъ мы отъ воззрѣнія на прекрасные цвѣта, правильныя фигуры, также удовольствія, которыя доставляютъ намъ разныя благовонія, пріятные звуки и вообще все то, что присутствіемъ своимъ возбуждаетъ въ насъ чистое и живое удовольствіе, но не производитъ чувства скорби своимъ отсутствіемъ. Подъ прекрасными фигурами надобно разумѣть не изображенія человѣческія или животныхъ или какія нибудь другія очертанія и картины, но все то, что имѣетъ видъ правильности и соразмѣрности, какъ напр. кругъ, треугольникъ, квадратъ и т. п., потому что такія фигуры не по отношенію къ чему нибудь другому, но по собственной своей природѣ суть прекрасны и по своему совершенному виду производятъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Подобнымъ образомъ изъ числа звуковъ сюда относятся только самые чистые и простые, которые служатъ основаніемъ для всѣхъ прочихъ; то же самое должно разумѣть и о цвѣтахъ. Что касается до благовоній, то они хотя не доставляютъ та-

кихъ простыхъ и совершенныхъ наслажденій, какія мы получаемъ отъ упомянутыхъ прежде предметовъ зрѣнія и слуха, но по отсутствію въ нихъ всякой примѣси скорби, ихъ слѣдуетъ отнести къ тому же роду удовольствій чистыхъ. Сюда же принадлежатъ удовольствія, получаемыя нами отъ наукъ и познаній, такъ какъ и въ нихъ жажда къ пріобрѣтенію познаній или забвеніе и утрата пріобрѣтенныхъ не сопровождаются никакою физическою и необходимою скорбью.

Эти чистыя удовольствія отличаются отъ всѣхъ прочихъ, которыя вообще можно назвать нечистыми, уже и тѣмъ, что они, будучи всегда одинаковы, представляютъ нѣчто правильное и опредѣленное, между тѣмъ какъ послѣднія испытываютъ различныя перемѣны и бываютъ то больше, то меньше, то сильнѣе, то слабѣе, а потому и относятся, какъ прежде было сказано, къ роду неопредѣленному. Между различными родами удовольствій истинныя и существенныя не тѣ, которыя больше и сильнѣе прочихъ, но тѣ, которыя чище и проще. Вообще, чѣмъ что чище, тѣмъ оно подлиннѣе, истиннѣе и совершеннѣе, хотя бы объемъ его былъ не такъ великъ; такъ небольшое что-нибудь чисто-бѣлое, конечно и бѣлѣе и совершеннѣе большаго чего-нибудь смѣшаннаго бѣлаго. Подобнымъ образомъ и чистое удовольствіе, чуждое всякой печали, важнѣе и совершеннѣе большаго удовольствія смѣшаннаго.

Но хотя между удовольствіями есть нѣкоторыя истинныя и совершенныя, однако же, вообще говоря, ни одно изъ нихъ, ни самое чистое и совершенное, не можетъ быть высочайшимъ благомъ; потому что удовольствіе не есть существо (*οὐσία*), безусловное и неизмѣняемое, а только явленіе или бытіе (*γένεσις*), относительное и непостоянное. Различіе между первымъ и вторымъ состоитъ въ томъ, что существо самобытное существуетъ само по себѣ и само *для* себя, а явленіе имѣетъ начало и цѣль своего происхожденія въ чемъ нибудь другомъ, самобытно существующемъ [1]. Первое по природѣ своей есть высшее, независимое и совершенное, второе есть нѣчто нисшее, ограниченное и несовершенное [2]. Но если удовольствіе, какъ явленіе, не есть что нибудь постоянное, самобытное и совершенное, то оно не

[1] *Τὸ μὲν αὐτὸ καθ' αὑτὸ, τὸ δὲ ἐφιέμενον ἄλλου. — ὅτι τὸ μὲν ἕνεκά του τῶν ὄντων ἐστ' ἀεὶ, τὸ δὲ οὗ χάριν ἑκάστοτε τὸ τινὸς ἕνεκα γιγνόμενον ἀεὶ γίγνεται:* p. 53. fin. Здѣсь *τὸ ἕνεκά του* означаетъ условливающее начало, *τὸ οὗ χάριν* — условное.

[2] *Τό γε μὴν οὗ ἕνεκα τὸ ἕνεκά του γιγνόμενον ἀεὶ γίγνοιτ' ἂν, ἐν τῇ τοῦ ἀγαθοῦ μοίρᾳ ἐκεῖνό ἐστι, τὸ δὲ τινὸς ἕνεκα γιγνόμενον εἰς ἄλλην μοῖραν θετέον.*

можетъ быть и высшимъ благомъ человѣческимъ [1], которое необходимо должно заключать въ себѣ всѣ условія независимаго и совершеннаго.

Итакъ нельзя не согласиться съ тѣми, которые полагаютъ, что въ удовольствіи нѣтъ ничего существеннаго, положительнаго и постояннаго. Предающіеся безпрерывнымъ удовольствіямъ, своею безразсудностію доказываютъ только то, что они безъ голода, жажды и другаго рода пустоты тѣлесной или нравственной жить не могутъ; такіе люди ищутъ всего своего благополучія въ непрерывномъ процессѣ разстройства и возстановленія организма тѣлеснаго, въ исчезаніи и появленіи предметовъ своихъ пожеланій, а не въ той спокойной жизни, которая, не будучи подвержена вліянію сильныхъ приливовъ радости и печали, представляетъ полную свободу дѣйствіямъ ума и мышленія.

Наконецъ надобно еще замѣтить, что если въ удовольствіи заключается истинное добро и высшее благо человѣческое, то добрымъ человѣкомъ надобно признавать уже того только, кто наслаждается удовольствіемъ, а не такого, кто отличается истинными добродѣтелями; а также, кто пораженъ скорбію и находится въ состояніи печали, тотъ необходимо долженъ быть человѣкомъ дурнымъ, хотя бы онъ на самомъ дѣлѣ былъ самымъ благонамѣреннымъ и добрымъ, — что весьма нелѣпо.

Изслѣдовавши свойство удовольствія и его различные виды, Сократъ переходитъ къ подобному изслѣдованію природы ума и основывающихся на немъ познаній, чтобы такимъ же образомъ, какъ въ удовольствіяхъ, развѣтвивши ихъ на разныя отрасли, и отдѣливши чистыя и совершенныя познанія отъ нечистыхъ (смѣшанныхъ) и несовершенныхъ, изъ природы первыхъ въ особенности яснѣе видѣть и рѣшить предыдущій вопросъ, удовольствіе ли или познаніе составляетъ истинное благо? или которое изъ двухъ по крайней мѣрѣ ближе подходитъ къ этому благу?

Занятія, требующія ума и познанія, раздѣляются сперва на два рода: во-первыхъ на ремесленныя и художественныя (*δημιουργικά*) и во-вторыхъ на науки, относящіяся къ воспитанію и образованію человѣка и къ развитію въ немъ силъ физическихъ и нравственныхъ (*τὰ περὶ παιδείαν καὶ τροφήν*). Далѣе, познанія или свѣдѣнія по какому-нибудь мастерству и искусству, практическія и опытныя (*χειροτεχνικά*),

[1] *Ἆρ' οὖν ἡδονή γε, εἴπερ γένεσίς ἐστιν, εἰς ἄλλην ἢ τὴν τοῦ ἀγαθοῦ μοῖραν αὐτὴν τιθέντες ὀρθῶς θήσομεν;* p. 54.

разсматриваются по отношенію къ наукѣ, и смотря по степени приближенія ихъ къ ней, и по мѣрѣ приложенія и употребленія въ нихъ оснований и способовъ, опредѣляемыхъ правилами науки, раздѣляются на болѣе чистыя и вѣрныя, и на такія, которыя не столь чисты, правильны и опредѣленны. Науки, на которыхъ основываются и которыми преимущественно управляются занятія по части мастерства и искусствъ, суть ариѳметика, геометрія и статика, которыя по этому и называются основными и нормальными (ἡγεμονικαί). Знанія и искусства, которыя пріобрѣтаются посредствомъ одного навыка и упражненія и основываются не столько на твердыхъ и опредѣленныхъ началахъ, сколько на нѣкоторыхъ соображеніяхъ и догадкахъ, не имѣютъ той ясности, точности и правильности, какую видимъ въ тѣхъ отрасляхъ познаній и искусствъ, въ которыхъ чаще встрѣчается приложеніе извѣстныхъ правилъ и употребленіе пособій и средствъ, опредѣляемыхъ наукою. Такъ въ музыкѣ, которая зависитъ не столько отъ опредѣленной мѣры звуковъ и извѣстныхъ началъ науки, сколько отъ слуха и настроенія души, отъ навыка и употребленія, трудно найти что-нибудь ясное, вѣрное и положительное. То же надобно сказать и о медицинѣ, земледѣліи, искусствѣ управлять кораблемъ, предводительствовать войскомъ и т. п. Напротивъ въ архитектурѣ и по части строительной, гдѣ обыкновенно весьма часто прибѣгаютъ къ помощи отвѣса, циркуля и другихъ орудій, служащихъ къ точнѣйшему опредѣленію правильности и соразмѣрности, несравненно болѣе находимъ отчетливости, основательности и вѣрности. Самыя же вѣрныя и опредѣленныя познанія по этимъ искусствамъ безъ сомнѣнія заключаются въ тѣхъ наукахъ, которыя служатъ основаніемъ всѣхъ таковыхъ занятій и которыя, какъ уже было сказано, заключаются въ ариѳметикѣ геометріи и статикѣ. Впрочемъ познанія, относящіяся къ этимъ наукамъ, суть также двоякаго рода: одни изъ нихъ общенародныя и простыя; другія — высшія и философическія. Первыя относятся къ опредѣленію самыхъ предметовъ, подлежащихъ исчисленію, измѣренію или взвѣшиванію, хотя бы они были разнородны; другія занимаются величинами или единицами однородными, показываютъ ихъ свойства и отношенія. Послѣдній родъ познаній, по своей точности и вѣрности, конечно несравненно выше, чище и совершеннѣе перваго. Вообще свѣдѣнія по разнымъ предметамъ занятій и познанія, чѣмъ болѣе основываются на твердыхъ и несомнѣнныхъ началахъ, чѣмъ ближе подходятъ къ характеру науки, и чѣмъ свободнѣе отъ разнородной примѣси постороннихъ элементовъ, тѣмъ они точнѣе и чище, — а съ тѣмъ вмѣстѣ истиннѣе и совершеннѣе. Въ этомъ отношеніи самое высшее и первое мѣсто безспор-

но должна занимать та наука, которая служитъ основаніемъ и источникомъ познанія для всѣхъ прочихъ. Эта наука есть діалектика (философія), которая, будучи разсматриваема не по отношенію къ внѣшнему употребленію и пользѣ, — въ чемъ Горгій отдаетъ преимущество искусству убѣжденія (краснорѣчію) [1], — но по внутреннему и существенному своему достоинству, безъ сомнѣнія есть самая истинная, важнѣйшая и совершеннѣйшая; потому что она помощію разума, созерцая самое существо вещей, самобытное и неизмѣняемое, одна достигаетъ познаній истинныхъ, несомнѣнныхъ и вѣчныхъ [2]. Прочія познанія и науки занимаются большею частію изслѣдованіемъ и объясненіемъ того, что было, есть или будетъ, и въ своемъ изображеніи основываются всего чаще на однихъ предположеніяхъ и догадкахъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ; такъ естествоиспытатели стараются объяснить, какимъ образомъ произошли вещи этого видимаго міра, изъ чего состоитъ сложность ихъ и по какимъ законамъ происходятъ различныя явленія, въ нихъ усматриваемыя. Однимъ словомъ, они въ своихъ наукахъ разсматриваютъ явленія и свойства вещей преходящихъ и измѣняемыхъ, по наблюденіямъ и предположеніямъ, изъ нихъ же заимствованнымъ. Но если ни самый предметъ, ни начала, по которымъ онъ разсматривается, по существу своему, не имѣютъ ничего твердаго и постояннаго, то и познанія, отсюда проистекающія, не могутъ получить характера твердой и несомнѣнной истины.

Подлинное, чистое, истинное и совершенное свойственно только тому, что въ существѣ своемъ неизмѣняемо, всегда одинаково и всякаго смѣшенія чуждо, или по крайней мѣрѣ тому, что съ этимъ неизмѣняемымъ, подлиннымъ и чистымъ имѣетъ ближайшее сродство; все прочее ниже, и менѣе имѣетъ достоинства. Въ существѣ человѣческомъ такое сродство съ неизмѣняемымъ и вѣчнымъ имѣетъ умъ, который, будучи свободенъ отъ всѣхъ ограниченій чувственности, одинъ способенъ возвышаться къ созерцанію истиннаго, самобытнаго, неизмѣняемаго и вѣчнаго. По этому умъ и познанія, на немъ основывающіяся, суть самое высшее, чистое и совершенное въ человѣкѣ.

Разобравши такимъ образомъ свойство ума и познанія, втораго элемента совокупной жизни, Сократъ приступаетъ къ изображенію при-

[1] *Ἡ τοῦ πείθειν πολὺ διαφέρει πασῶν τεχνῶν.* p. 58. Здѣсь Платонъ косвенно порицаетъ Горгія, который краснорѣчіе свое почиталъ источникомъ высшихъ благъ человѣческихъ и отдавалъ ему преимущество предъ всѣми прочими искусствами. — Cf. Gorg. p. 451 sqq. Изъ этого мѣста между прочимъ не безъ основанія можно заключить, что Платоновъ Горгій написанъ прежде Филеба. Stallb. Adnot. ad Phil. l. l.

[2] *Περὶ τὸ ὂν καὶ τὸ ὄντως καὶ τὸ κατὰ ταὐτὸν ἀεὶ πεφυκός* p. 58.

роды смѣшенія, образующагося изъ двухъ элементовъ, и къ объясненію его условій и законовъ. Въ предыдущемъ изслѣдованіи достаточно было сказано, что ни удовольствіе, ни умъ, взятые порознь, не заключаютъ въ себѣ всѣхъ свойствъ и условій высшаго блага и совершеннаго счастія человѣческаго, но что его надобно искать только въ соединеніи или смѣшеніи того и другаго. Теперь спрашивается, каково же должно быть это смѣшеніе? всѣ ли роды удовольствій и познаній могутъ входить въ составъ его, или нѣтъ? и если не всѣ, то какіе именно и въ какомъ отношеніи должны находиться между собою, чтобы смѣшанная изъ нихъ жизнь имѣла свойство истиннаго блага человѣческаго? Изъ разсужденія объ этомъ предметѣ открывается, что познанія, науки и вообще дѣйствія умственныя всѣ безъ исключенія должны входить въ составъ такой смѣшанной жизни. Хотя признается различіе между познаніями высшими (философическими и идеальными) и нисшими (физическими и эмпирическими), и хотя первыя считаются несравненно важнѣе другихъ, не смотря на то и эти послѣднія признаются не только полезными, но и необходимыми для человѣка въ кругу его внѣшней жизни и дѣятельности.

Что же касается до удовольствій и наслажденій, то они не всѣ могутъ имѣть мѣсто въ смѣшеніи, потребномъ для образованія жизни совершенной и благополучной, а только самыя чистыя, постоянныя и истинныя, которыя, слѣдовательно, по этому самому имѣютъ близкую связь и нѣкоторое сродство съ главнымъ элементомъ совокупной жизни, съ умомъ и познаніемъ; напротивъ удовольствія непостоянныя, неумѣренныя и нечистыя, которыя смущаютъ духъ, помрачаютъ умъ, заглушаютъ и подавляютъ познаніе истины, не могутъ имѣть мѣста въ образованіи стройнаго состава жизни, въ которомъ одномъ вполнѣ заключается истинное благо человѣческое. Но чтобы составъ этотъ, равно какъ и всякой другой, дѣйствительно образовался и былъ совершеннымъ, надобно, чтобы въ самомъ смѣшеніи его была истина, безъ которой ничего не можетъ быть существеннымъ и совершеннымъ [1].

И такъ полная и совершенная жизнь есть соединеніе всѣхъ видовъ знанія съ чистыми удовольствіями. Но спрашивается, этимъ совершенствомъ своимъ чему она болѣе обязана, познанію ли или удовольствію, или который изъ этихъ двухъ элементовъ совокупной жизни имѣетъ въ себѣ болѣе значенія и такихъ условій, отъ которыхъ устроенная такимъ образомъ жизнь получаетъ характеръ благой и совершенной жизни?

[1] *ᾧ μὴ μίξομεν ἀλήθειαν, οὐκ ἄν ποτε τοῦτ' ἀληθῶς γίγνοιτο, οὐδ' ἂν γενόμενον εἴη.* p. 69.

Совершенная жизнь есть смѣшанная. При всякомъ смѣшеніи легко усмотрѣть причину, которою условливается его превосходство или недостатокъ. Это зависитъотъ того, есть ли въ немъ мѣра и соразмѣрность, или нѣтъ. Но такъ какъ мѣра и соразмѣрность по необходимости производятъ красоту, то, значитъ, совершенство заключаетъ въ себѣ въ то же время понятіе красоты. А кромѣ того, въ смѣшеніи совершенной жизни, мы видѣли, должна участвовать истина. И такъ, если мы не въ состояніи уловить подъ одною формою свойство того смѣшенія, которое составляетъ высшее благо, то возмемъ его по крайней мѣрѣ съ трехъ сторонъ, со стороны красоты, соразмѣрности и истины. Разсматривая эти три качества какъ одно, признáемъ въ немъ, какъ существѣ блага, причину [1], по которой смѣшеніе бываетъ совершенное (благое). Послѣ того легко будетъ обсудить, что изъ двухъ, удовольствіе или разумѣніе, ближе, по существу своему, къ условію совершенства, и слѣдовательно, что изъ двухъ лучше и почтеннѣе какъ для людей, такъ и для боговъ.

Такимъ образомъ Сократъ переходитъ къ рѣшенію вопроса объ относительномъ достоинствѣ удовольствія и познанія. Вопросъ этотъ рѣшается посредствомъ сравненія или сближенія какъ удовольствія, такъ ума и познанія съ тремя, показанными выше, основными понятіями и нераздѣльными свойствами идеи блага, т. е. съ понятіемъ истины, соразмѣрности и красоты. Что касается до истины, то умъ находится съ нею въ такомъ сродствѣ, что онъ имѣетъ или тождество или ближайшее сходство съ самою истиною; напротивъ удовольствіе такъ мало согласуется съ истиною, что оно, ослѣпляя не рѣдко людей, ему преданныхъ, и побуждая стремиться къ достиженію наибольшихъ наслажденій, доводитъ ихъ до несправедливостей разнаго рода, вѣроломства и клятвопреступленій, какъ это часто бываетъ напр. въ дѣлахъ любовныхъ; далѣе по отношенію къ мѣрѣ и соразмѣрности, умъ и познанія, безъ сомнѣнія, стройнѣе, правильнѣе и опредѣленное всего, что ни существуетъ въ мірѣ, между тѣмъ какъ нѣтъ ничего неумѣреннѣе, необузданнѣе и нестройнѣе удовольствій; наконецъ, если обратимъ вниманіе на красоту, то это свойство несравненно болѣе принадлежитъ уму, нежели удовольствію. Никто никогда не видалъ, чтобы умъ былъ безобразенъ и гнусенъ, напротивъ удовольствія, чѣмъ сильнѣе, тѣмъ болѣе бываютъ непристойными и смѣшными, такъ что пре-

[1] Въ предыдущемъ разсужденіи за причину всего существующаго признанъ былъ умъ божественный и какъ искра его, умъ человѣческій въ кругу своихъ произведеній. А здѣсь подъ причиною разумѣется *условіе* совершенства.

дающіеся имъ сами стыдятся смотрѣть на нихъ и какъ можно стараются прикрывать оныя мракомъ ночи[1]. Отсюда открывается, что умъ, будучи во всѣхъ отношеніяхъ ближе и сроднѣе съ идеею блага, нежели удовольствіе, долженъ имѣть въ сравненіи съ послѣднимъ болѣе достоинства и преимущества.

Но чтобы очевиднѣе представить, какое именно мѣсто занимаютъ умъ и удовольствіе по отношенію къ высочайшему благу, а вмѣстѣ чтобы развить яснѣе и показать проявленіе идеи блага какъ въ полномъ существѣ человѣка, такъ и въ каждой изъ двухъ природъ его порознь, Платоновъ Сократъ представляетъ слѣдующую постепенность благъ:

1) Выше всего полагается идея мѣры, соразмѣрнаго и благовременнаго и всего того, что̀ имѣетъ бытіе неизмѣняемое и вѣчное. *Πρῶτον μὲν περὶ μέτρον καὶ τὸ μέτριον καὶ καίριον, καὶ πάντα ὁπόσα τοιαῦτα χρὴ νομίζειν τὴν ἀΐδιον ᾑρῆσθαι φύσιν.* p. 65.

2) На второмъ мѣстѣ ставится все то, что̀, слагаясь и образуясь по предыдущей идеѣ соразмѣрности, является само какъ существо соразмѣрное, полное, прекрасное и совершенное. *Δεύτερον μὴν περὶ τὸ ξύμμετρον καὶ καλὸν καὶ τέλειον καὶ ἱκανὸν καὶ πάντα ὁπόσα τῆς γενεᾶς ταύτης αὖ ἐστιν.*

3) Третье мѣсто занимаетъ умъ, и благоразуміе, какъ источникъ и причина опредѣленныхъ дѣйствій и произведеній человѣческихъ. *Τὸ τοίνυν τρίτον, ὡς ἡ ἐμὴ μαντεία, νοῦν καὶ φρόνησιν τιθεὶς οὐκ ἂν μέγα τι τῆς ἀληθείας παρεξέλθοις.*

4) За тѣмъ на четвертомъ мѣстѣ ставятся самыя дѣйствія, созданія и вообще явленія умственныя, какъ то: науки, искусства, познанія и вѣрныя представленія. *Ἆρ' οὖν οὐ τέτταρα, ἃ τῆς ψυχῆς ἔθεμεν αὐτῆς, ἐπιστήμας τε καὶ τέχνας καὶ δόξας ὀρθὰς λεχθείσας, ταῦτα εἶναι τὰ πρὸς τοῖς τρισὶ τέτταρα; ἅπερ τοῦ ἀγαθοῦ γέ ἐστι μᾶλλον ἢ τῆς ἡδονῆς ξυγγενῆ.*

5) Пятое мѣсто дается чистымъ удовольствіямъ души, свободнымъ отъ всякой примѣси печали. *Πέμπτας τοίνυν, ἃς ἡδονὰς ἔθεμεν ἀλύπους ὁρισάμενοι, καθαρὰς ἐπονομάσαντες τῆς ψυχῆς αὐτῆς ἐπιστήμας, ταῖς δὲ αἰσθήσεσιν ἑπομένας.*

6) Шестая степень, на которой по видимому слѣдовало бы поставить нисшія удовольствія чувственныя, оставляется безъ дальнѣйшаго объясненія. Здѣсь останавливается Сократъ въ изображеніи явленій идеи блага, основываясь на мистическомъ ученіи Орфея, которое онъ вѣро-

[1] Cf. Ap. Paul. ad Rom. XIII. 12, 13.

ятно имѣлъ въ виду при изложеніи этой лѣствицы благъ. *Ἕκτῃ δὲ γενεᾷ, φησὶν Ὀρφεύς, καταπαύσατε κόσμον ἀοιδῆς.*

По трудности и важности этого мѣста не безполезно остановиться на немъ и присоединить нѣсколько замѣчаній въ объясненіе представленныхъ здѣсь степеней и проявленій въ нихъ идеи блага. — Много было различныхъ мнѣній и толкованій о томъ, какъ надобно разумѣть предыдущія понятія, составляющія пять или шесть различныхъ степеней блага и какъ ихъ соединить между собою. Вѣрнѣйшимъ изъ таковыхъ мнѣній, кажется, должно быть слѣдующее:

Подъ мѣрою и соразмѣрностію, на первомъ планѣ, по мысли философа, надобно разумѣть самую идею блага, которая, будучи по существу своему неизмѣнна и вѣчна, служитъ всегда образцемъ и закономъ для всѣхъ отпечатлѣвающихся по ней благъ, существующихъ въ мірѣ и въ природѣ человѣческой. — Здѣсь конечно самъ собою представляется вопросъ, почему Платонъ, лишь только изобразивши существо блага подъ тройственнымъ свойствомъ соразмѣрности, красоты и истины, теперь это самое существо, или идею блага, обозначаетъ однимъ понятіемъ мѣры или соразмѣрности. Это объясняется изъ того, что три предыдущія понятія, какъ существенныя свойства блага, нераздѣльно соединены между собою, такъ что одно необходимо предполагаетъ въ то же время существованіе другаго и третьяго. По этому Платонъ, взявши одно изъ упомянутыхъ свойствъ идеи блага, легко могъ употребить его для обозначенія всего существа блага. Въ этомъ случаѣ Платонъ избираетъ преимущественно понятіе соразмѣрности, какъ наиболѣе свойственное и сообразное съ существомъ блага, — изъ которой притомъ сами собою вытекаютъ понятія красоты и истины, какъ необходимое ея условіе и слѣдствіе.

Соразмѣрное, прекрасное и совершенное, занимая слѣдующую за тѣмъ степень и представляя самое близкое сходство и повидимому тождество съ первою степенью мѣры и соразмѣрности, тѣмъ отъ нея отличается, что первой приписывается бытіе вѣчное и неизмѣняемое, между тѣмъ какъ ко второй относятся только явленія и существа измѣняемыя [1]. Итакъ, если первую степень занимаетъ идея блага, то ко второй будутъ относиться всѣ творенія, образующіяся по идеѣ блага и представляющія въ составѣ своемъ соразмѣрное, прекрасное и со-

[1] Это видно изъ присоединенныхъ въ объясненіе второй степени словъ: *καὶ πάντα ὁπόσα τῆς γενεᾶς ταύτης αὖ ἐστιν*, въ которыхъ понятіе *γενεά*, употребляющееся всегда въ значеніи явленія и бытія измѣняемаго, стоитъ въ совершенной противоположности съ понятіемъ бытія вѣчнаго, *ἀΐδιος φύσις*, которое служитъ отличительнымъ свойствомъ первой степени.

вершенное цѣлое, каковымъ, по отношенію къ вопросу, изслѣдываемому въ Филебѣ, слѣдуетъ быть жизни человѣка, въ которой должно заключаться полное его счастіе и высшее на землѣ благо.

Подъ умомъ и благоразуміемъ, или мудростію, на третьемъ мѣстѣ, надобно разумѣть не божественный умъ и высочайшую мудрость, но разумъ человѣческій, который, какъ элементъ совокупнаго существа человѣка, опредѣленный и высшій, по справедливости занимаетъ первое и ближайшее мѣсто послѣ своего цѣлаго; вмѣстѣ съ этимъ умъ, какъ начало опредѣляющее, источникъ и причина всякаго мышленія и познанія, естественно долженъ стоять прежде своихъ произведеній, которыя суть науки и художества, занимающія непосредственно за нимъ слѣдующую, четвертую степень. — Какое отношеніе находится между первою и второю степенью, такое же можно видѣть между третьею и четвертою. Какъ вторая степень заключаетъ въ себѣ всякій соразмѣрный и правильный составъ предметовъ, образующихся въ мірѣ по идеѣ блага, изображенной на первомъ планѣ подъ формою соразмѣрности, такъ четвертая степень обнимаетъ собою всѣ произведенія искусствъ, наукъ и разнородныхъ познаній, которыя умъ человѣка, какъ причина образующая, созидаетъ и располагаетъ по своимъ началамъ.

За познаніемъ, науками и художествами, на пятомъ мѣстѣ, поставлены чистыя удовольствія, по ихъ непосредственной связи съ явленіями и дѣйствіями души. Эти чистыя удовольствія, чуждыя всякой печали, можно назвать духовными; они происходятъ въ насъ вслѣдствіе вѣрныхъ представленій и познаній о предметахъ, подлежащихъ воззрѣнію внѣшнему и внутреннему.

Здѣсь оканчивается лѣствица собственныхъ благъ; потому что чувственныя наслажденія и удовольствія, нераздѣльныя съ чувствомъ печали, которыя, по видимому, должны за тѣмъ слѣдовать, представляютъ такую неопредѣленную смѣсь хорошаго съ дурнымъ, истиннаго съ ложнымъ, что ихъ вовсе нельзя сравнивать съ предыдущими степенями чистыхъ и существенныхъ благъ [1]).

Эта постепенность благъ представляетъ окончательное и ясное рѣшеніе предложенной въ Филебѣ задачи: опредѣлить, въ чемъ состоитъ высшее благо человѣка, въ удовольствіи или умѣ его, или въ соединеніи того и другаго вмѣстѣ, а также и показать сравнительное достоинство каждаго изъ нихъ. Какъ изъ всего діалога, такъ въ особенности изъ этого окончательнаго вывода и опредѣленія постепенности благъ ясно открывается, что высшее благо и полное счастіе человѣк

[1] Cf. Fr. A. Trendelenburg, De Platonis Philebi consilio. Berol. 1837.

заключается не въ удовольствіи или въ благоразуміи порознь, но въ соразмѣрномъ соединеніи того и другаго въ его чувственно-разумной жизни. Что же касается до удовольствія, которое Филебъ почиталъ высшимъ и единственнымъ благомъ, то оно не только не можетъ быть этимъ высшимъ и первымъ благомъ, но не занимаетъ и втораго послѣ него мѣста. Это ближайшее мѣсто принадлежитъ уму, который по существу своему несравненно болѣе имѣетъ сродства съ идеею высочайшаго и первоначальнаго блага; а удовольствіе до такой степени ниже ума и познанія, что оно въ самомъ чистомъ своемъ видѣ занимаетъ только пятое и послѣднее мѣсто въ показанной лѣствицѣ благъ, «но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть первымъ, хотя бы всѣ волы и лошади и прочія животныя доказывали намъ это тѣмъ, что они по естественному своему побужденію стремятся къ наслажденію; вѣруя въ нихъ, какъ гадатели въ птицъ, весьма многіе дѣйствительно признаютъ удовольствіе за самое высшее благополучіе въ жизни, и въ чувственныхъ наклонностяхъ животныхъ находятъ доказательство болѣе убѣдительное, нежели то, которое изрекаетъ всякой разъ во вдохновенныхъ вѣщаніяхъ философская муза» [1]. Такое рѣшеніе Сократа принято съ полнымъ одобреніемъ съ обѣихъ сторонъ и отъ всѣхъ тѣхъ, кои присутствовали при этомъ спорѣ.

Послѣ того Сократъ поспѣшилъ удалиться изъ среды собранія. Между тѣмъ Протархъ сталъ кричать ему въ слѣдъ, что споръ остался еще не совсѣмъ оконченнымъ; но какъ Сократъ не обратилъ на это вниманія, то Протархъ обѣщался напомнить ему о томъ въ другое время [2].

[1] *Οὐκοῦν πέμπτον κατὰ τὴν κρίσιν, ἣν νῦν ὁ λόγος ἀπεφήνατο, γίγνοιτ᾿ ἂν ἡ τῆς ἡδονῆς δύναμις;— Πρῶτον δέ γε οὔ, κἂν οἱ πάντες βόες τε καὶ τἄλλα ξύμπαντα θηρία φῶσι τῷ τὸ χαίρειν διώκειν. οἷς πιστεύοντες, ὥσπερ μάντεις ὄρνισιν, οἱ πολλοὶ κρίνουσι τὰς ἡδονὰς εἰς τὸ ζῆν ἡμῖν εὖ κρατίστας εἶναι, καὶ τοὺς θηρίων ἔρωτας οἴονται κυρίους εἶναι μάρτυρας μᾶλλον ἢ τοὺς τῶν ἐν Μούσῃ φιλοσόφῳ μεμαντευμένων ἑκάστοτε λόγων.* p. 67.

[2] Изъ послѣднихъ словъ Протарховыхъ нѣкоторые заключаютъ, что діалогъ, или лучше сказать, предметъ, разсматриваемый въ этомъ діалогѣ, не совершенно оконченъ. Но принять такое мнѣніе нѣтъ никакихъ основаній: ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ. Что задача, предложенная въ началѣ діалога, въ продолженіи онаго разобрана со всѣхъ сторонъ и рѣшена окончательно, въ этомъ можно удостовѣриться какъ изъ хода самаго изслѣдованія и связи доказательствъ, такъ и изъ послѣдняго вывода, представленнаго въ концѣ діалога, гдѣ въ видѣ заключенія, весьма ясно высказывается и повторяется какъ самая задача всего діалога, такъ и полное ея рѣшеніе въ главныхъ и общихъ положеніяхъ, вытекающихъ изъ разностороннихъ и глубокихъ изслѣдованій цѣлаго діалога. — Далѣе если бы необходимо было какое-нибудь продолженіе и дополненіе къ Филебу, то по всей

Такимъ образомъ разговоръ прекращается также внезапно и безъ окончательнаго по видимому рѣшенія, какъ и начатъ былъ безъ всякихъ предварительныхъ къ тому приготовленій.

—

Изъ представленнаго здѣсь изложенія не трудно составить себѣ понятіе о важности предмета, разсматриваемаго въ Филебѣ, о глубинѣ и разносторонности его изслѣдованья, о тонкости наблюденій и силѣ доказательствъ и о прочихъ достоинствахъ, коими вообще ознаменованы творенія Платоновы. Но чтобы яснѣе видѣть стройное, соразмѣрное и изящное построеніе этого діалога, чѣмъ онъ преимущественно отличается отъ всѣхъ прочихъ, для этого надобно здѣсь обозначить главныя части его, опредѣлить ихъ значеніе и свойство, отыскать между ними взаимную связь, показать общее ихъ отношеніе къ одной главной идеѣ, лежащей въ основаніи всего этого художественнаго созданія.

При внимательномъ чтеніи Платонова Филеба, не трудно замѣтить, что онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей, изъ коихъ въ каждой рѣшается какая-нибудь особенная задача; такъ что діалогъ самъ собою раздѣляется на нѣсколько различныхъ частей, не имѣющихъ, по видимому, связи ни между собою, ни съ предметомъ главнымъ.

Такъ въ первой части діалога, по изложеніи предложеннаго на разсужденіе вопроса, изслѣдованіе обращается къ объясненію того, что во всѣхъ понятіяхъ видовыхъ и частныхъ должно быть одно главное и всѣмъ имъ общее, къ которому они относятся, какъ части къ своему цѣлому.

Во второй части изчисляются главные признаки высочайшаго блага, раскрываются и объясняются существенныя ихъ условія и свойства.

Въ слѣдующей части излагается опять новый предметъ; все, что ни существуетъ въ мірѣ, раздѣляется на четыре главныхъ рода или начала: на неопредѣленное, опредѣленное, смѣшанное изъ того и другаго, и причину, производящую это смѣшеніе. По объясненіи отличительныхъ признаковъ и свойствъ каждаго изъ этихъ четырехъ родовъ, удовольствіе причисляется къ неопредѣленному, умъ человѣческій, заключая въ себѣ начало опредѣленное, относится въ то же

вѣроятности оно было бы сдѣлано въ послѣдующихъ сочиненіяхъ философа; но мы ничего подобнаго и нигдѣ у Платона не находимъ. — Наконецъ, если по такимъ неопредѣленнымъ указаніямъ и другимъ внѣшнимъ признакамъ заключать о недоконченности Филеба, то на подобныхъ же основаніяхъ надобно признать его и безъ начала, — такъ же какъ и нѣкоторые другіе діалоги Платона.

время къ роду причины, а совокупная жизнь ума и удовольствія — къ смѣшанному роду [1].

Въ четвертой части дѣлается изслѣдованіе о происхожденіи, свойствѣ и различныхъ родахъ сперва удовольствія, потомъ познанія, — съ тою тонкостію, подробностію и основательностію, какую мы видѣли при изложеніи этой части. Здѣсь же показывается и изъясняется то существенное различіе, которое находится между существомъ или бытіемъ неизмѣняемымъ (*εἶναι* — *οὐσία*) и явленіемъ (*γίγνεσθαι* — *γένεσις*); первое самостоятельно, независимо, непреложно и вѣчно, второе условливается существованіемъ перваго, а съ тѣмъ вмѣстѣ есть нѣчто описательное, непостоянное и несущественное. Прилагая эти начала или формы бытія и явленія вещей къ удовольствію и познанію, Сократъ находитъ, что удовольствіе есть только явленіе (*γένεσις*), подверженное измѣненію и уничтоженію; напротивъ познаніе, въ высшей сферѣ разумѣнія и созерцанія умственнаго (въ діалектикѣ), можетъ возвыситься до истиннаго, неизмѣняемаго и самобытно-существующаго (*οὐσία*).

Въ пятой части говорится о способѣ смѣшенія познанія съ удовольствіемъ, согласно съ идеею блага. Для этого сперва разбираются и опредѣляются тѣ элементы или составныя части познанія и удовольствія, которыя должны входить въ смѣшеніе совокупной жизни человѣка. А потомъ, чтобы опредѣленіе этихъ частей и расположеніе ихъ сообразно съ идеею блага, было удобнѣе, основательнѣе и вѣрнѣе, самая эта идея также разлагается на основныя свои начала, которыя суть истина, соразмѣрность и красота, и которыя, по этому, должны быть необходимымъ условіемъ при соединеніи удовольствій и познанія въ одну стройную жизнь, равно какъ и при всякомъ смѣшеніи, правильномъ и совершенномъ.

Въ слѣдующей части, изъ сравненія какъ удовольствія, такъ и познанія съ каждымъ изъ упомянутыхъ началъ или элементовъ блага — истиною, соразмѣрностію и красотою — доказывается, что познаніе гораздо ближе и роднѣе съ существомъ блага, нежели удовольствіе.

[1] Эпизодъ, въ которомъ говорится о естественной и непосредственной связи человѣческаго существа съ существомъ цѣлаго міра, изъ котораго человѣкъ, какъ составная и однородная часть его, получаетъ и тѣло и душу и жизнь съ ея питаніемъ и сохраненіемъ, — этотъ эпизодъ можно бы по видимому принять также за особый отдѣлъ. Но судя по цѣли этого разсужденія и по сдѣланному изъ него главному выводу о томъ, что умъ въ человѣкѣ, подобно верховному уму во вселенной, долженъ принадлежать къ роду причины, — эпизодъ этотъ служитъ только продолженіемъ и объясненіемъ предыдущей части.

Послѣ всего изображается постепенность благъ и сравнительное ихъ достоинство, гдѣ, для большей ясности и опредѣленности, показывается то отношеніе, въ которомъ какъ все созданіе міра, такъ въ частности существо человѣка, взятыя въ полномъ составѣ и въ главныхъ своихъ частяхъ, должны находиться къ идеѣ блага.

Вотъ главныя части, изъ которыхъ состоитъ цѣлое твореніе Платонова діалога, извѣстнаго подъ названіемъ Филеба. Какъ ни различны, по видимому, эти части, какъ ни мало съ перваго взгляда представляется между ними естественной связи и взаимнаго отношенія, но при болѣе глубокомъ и основательномъ изслѣдованіи ясно открывается, что всѣ онѣ проникнуты одною мыслію, всѣ имѣютъ необходимое свое значеніе и мѣсто, и всѣ направлены къ одной главной и общей имъ цѣли.

Именно, прежде всего излагается разсужденіе о составленіи опредѣленныхъ и ясныхъ понятій посредствомъ ихъ анализа, которое и предпосылается всему діалогу съ тою цѣлію, чтобы въ самомъ началѣ его отстранить всякій эристическій и неосновательный споръ, происходящій часто отъ неясности представленій и смѣшенія двухъ различныхъ между собою понятій, каковы здѣсь удовольствіе и благо, несправедливо принимаемыя Филебомъ за одно и то же, — а вмѣстѣ чтобы показать и самый способъ надлежащаго анализа и синтеза понятій, который потомъ долженъ имѣть свое приложеніе во всемъ послѣдующемъ діалогѣ, и въ особенности въ четвертой его части, при разборѣ и изслѣдованіи понятій удовольствія и познанія.

Показавши въ предыдущемъ разсужденіи, что удовольствіе не тождественно съ благомъ, — существо котораго требуется опредѣлить въ настоящемъ діалогѣ,—Сократъ переходитъ въ слѣдующей части къ изображенію главныхъ отличительныхъ признаковъ истиннаго блага, чтобы такимъ образомъ предварительно охарактеризовать и объяснить ту идею, отъ опредѣленія которой должно зависѣть рѣшеніе предложеннаго здѣсь спорнаго вопроса о сущности блага и о томъ, удовольствіе или познаніе составляетъ это благо или по крайней мѣрѣ ближе къ нему подходитъ. По изложеннымъ въ этомъ мѣстѣ признакамъ истиннаго блага, оно должно быть вполнѣ удовлетворительно, совершенно и для всѣхъ одинаково вожделѣнно. Но судя по этимъ признакамъ, ни удовольствіе, ни познаніе, взятыя порознь, не составляютъ истиннаго блага, а могутъ быть таковымъ только тогда, когда оба находятся вмѣстѣ. Отсюда сама собою открывается необходимость смѣшенія этихъ двухъ элементовъ существа человѣческаго въ одну полную и совершенную жизнь, — по общему закону смѣшенія, господствующему

во всей природѣ, и положенному въ основаніе всего прекраснаго и совершеннаго въ мірѣ физическомъ и нравственномъ. Въ слѣдъ за тѣмъ объясняется самый этотъ законъ смѣшенія, по которому все существующее въ мірѣ состоитъ, какъ уже было сказано, изъ неопредѣленнаго, опредѣленнаго, изъ смѣшенія того и другаго, и причины, предполагаемой необходимо при каждомъ смѣшеніи. Ни неопредѣленное, ни опредѣленное не можетъ быть совершенно само по себѣ, а только во взаимномъ и соразмѣрномъ соединеніи, опредѣляемомъ разумною причиною.

Для составленія правильнаго смѣшенія необходимо сперва имѣть раздѣльное и ясное понятіе о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ оно должно состоять, а потомъ и о самомъ способѣ и дѣйствіи составленія различныхъ элементовъ въ одно цѣлое, опредѣляемомъ производящею его причиною. А какъ эти элементы, которые должны входить въ составъ совокупной жизни человѣка, суть удовольствіе и познаніе, — то въ слѣдующей части дѣлается сперва подробное изслѣдованіе о происхожденіи, свойствѣ и различныхъ видахъ какъ удовольствія, такъ и познанія, и вмѣстѣ опредѣляется существенное различіе между тѣмъ и другимъ, а потомъ указуется то начало, подъ вліяніемъ и дѣйствіемъ коего изъ предыдущихъ элементовъ долженъ образоваться правильный и соразмѣрный составъ совокупной жизни человѣка, въ которой одной заключается истинное его счастіе и совершенное благо. Такимъ образомъ рѣшается первый и главный вопросъ о существѣ блага человѣческаго, состоящаго, какъ видно изъ этого рѣшенія, не въ удовольствіи или познаніи порознь, но въ союзѣ того и другаго. Послѣ этого оставалось рѣшить второй вопросъ, о сравнительномъ достоинствѣ удовольствія и познанія, по отношенію того и другаго къ идеѣ блага, — и это рѣшается въ шестой и послѣдней части діалога, гдѣ изъ сравненія познанія и удовольствія съ основными и существенными свойствами блага, само собою открывается преимущество перваго надъ послѣднимъ, что̀ еще яснѣе представляется въ изображенной на концѣ діалога постепенной лѣствицѣ благъ и отношенія ихъ къ идеѣ абсолютнаго блага.

—

Изъ этого разбора Платонова Филеба, въ цѣломъ составѣ и въ частяхъ его, видно, что этотъ діалогъ, кромѣ того, что принадлежитъ къ глубокомысленнѣйшимъ и важнѣйшимъ произведеніямъ древней философіи, есть вмѣстѣ одно изъ художественнѣйшихъ созданій греческаго искусства, представляющее собою образецъ такого изящества, къ которому только можетъ быть способна философія. Можно сказать,

что въ немъ нѣтъ ничего, что̀ бы кто-нибудь назвалъ излишнимъ, ненужнымъ, несообразнымъ или несвязнымъ. Не говоря уже о правильности и соразмѣрности главныхъ частей между собою и съ своимъ цѣлымъ, каждая отдѣльная мысль, каждое слово имѣетъ настоящее свое значеніе и мѣсто. По стройности и внутренней связи, — которою опредѣляется внѣшнее изображеніе, — это созданіе, чтобы употребить слово самого Платона, есть какъ бы нѣкій безплотный міръ (*κόσμος*), господствующій въ одушевленномъ тѣлѣ. Этотъ самый діалогъ можетъ служить наилучшимъ образцомъ и примѣромъ того стройнаго и соразмѣрнаго смѣшенія разнообразныхъ частей въ одно цѣлое, о которомъ въ немъ говорится, и которое представляется единственнымъ источникомъ и необходимымъ условіемъ красоты и изящества всего сотвореннаго [1].

О времени сочиненія этого діалога, и о связи его съ прочими твореніями Платона, трудно сказать что-нибудь положительно-вѣрное; потому что ни въ самомъ Филебѣ, ни въ другихъ діалогахъ нѣтъ никакихъ ясныхъ на это указаній. Этотъ недостатокъ открываетъ свободное поприще для различнаго рода догадокъ, основывающихся на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, которыя выводятся изъ сравненія нашего діалога съ другими. Шталльбаумъ полагаетъ, что Θеэтетъ [2] и Софистъ [3] изданы прежде Филеба, равно какъ и діалогъ, извѣстный подъ именемъ Горгія [4], на который Платонъ, повидимому, указываетъ, какъ уже на извѣстный, въ концѣ Филеба. Этотъ ученый старается даже доказать, что Филебъ написанъ Платономъ послѣ его Республики и Тимея [5]. Шлейермахеръ, соглашаясь съ первымъ мнѣніемъ о связи Филеба съ Θеэтетомъ и Горгіемъ, отвергаетъ послѣднее [6]. Другіе ученые даютъ другое мѣсто Филебу въ связи сочиненій Платоновыхъ [7]. Астъ, подобно прочимъ, считаетъ почти невозможнымъ въ точности опредѣлить время изданія этого діалога [8].

[1] *Ἐμοὶ μὲν γὰρ, καθαπερεὶ κόσμος τις ἀσώματος ἄρξων καλῶς ἐμψύχου σώματος, νῦν λόγος ἀπειργάσθαι φαίνεται.* p. 64.

[2] *Θεαίτητος ἢ περὶ ἐπιστήμης.*

[3] *Σοφιστὴς ἢ περὶ τοῦ ὄντος.*

[4] Stallb. Prolegg. p. XLII sqq.

[5] Шталльбаумъ изъ одного мѣста въ Горгіи, p. 470. Д, догадывается, что этотъ діалогъ написанъ Платономъ нѣсколько послѣ 413 год. до Р. Х. Если принять эту догадку, то надо допустить, что Горгіи написанъ Платономъ, когда ему было не болѣе 17 лѣтъ отъ роду, — что, по многимъ причинамъ, представляется весьма сомнительнымъ. Cf. Stallb. Prolegg. ad. Phileb. p. XL et not. 3.

[6] Schleiermacher's Einleitung. p. 136. f.

[7] Cf. Herman's Geschichte und System der platonischen Philosophie I. 1839.

[8] Ast, Platon's Leben und Schriften. p. 298. f.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ сравненія Филеба съ прочими твореніями Платона и изъ нѣкоторыхъ другихъ соображеній, не безъ основанія можно вывесть только то, что этотъ діалогъ написанъ философомъ послѣ его путешествія въ Италію, когда онъ познакомился съ ученіемъ Пиѳагорейцевъ. А вмѣстѣ съ этимъ онъ долженъ принадлежать къ числу позднѣйшихъ сочиненій Платона, написанныхъ имъ въ лѣта совершенно зрѣлыя. Всѣ эти сочиненія строго проникнуты его ученіемъ объ идеяхъ и отличаются твердымъ убѣжденіемъ философа въ своихъ началахъ, глубокимъ сознаніемъ истины, а вмѣстѣ спокойнымъ, яснымъ и послѣдовательнымъ изложеніемъ предмета, — свойства, ясно открывающіяся и въ изложенномъ нами діалогѣ.

А. Менщиковъ.

ДІОГЕНЪ КИНИКЪ.[1]

О Діогеновой юности извѣстно только, что онъ былъ родомъ изъ Синопы, милетской колоніи на берегу Эвксинскаго Понта, нынѣшняго Чернаго-моря. Отецъ его Гикесій былъ мѣновщикъ и рано началъ пріучать сына къ своему промыслу. Пафлагоняне, въ странѣ которыхъ лежала Синопа, слыли между Греками народомъ хитрымъ и пронырливымъ; милетская колонія, окруженная ими, не могла остаться свободною отъ ихъ нравственнаго вліянія. По крайней мѣрѣ, отецъ Діогена не стыдился не только быть мѣнялою, но даже чеканить фальшивую монету; сынъ былъ также посвященъ въ тайны сего искусства. По видимому, подобный промыслъ сперва не слишкомъ нравился юношѣ, но съ теченіемъ времени онъ привыкъ къ нему и даже умѣлъ успокоить свою совѣсть, истолковавъ самымъ лукавымъ образомъ одно изреченіе оракула. — Онъ былъ уже мастеромъ своего дѣла, когда, пріѣхавъ въ Грецію, посѣтилъ Дельфы и явился въ священнѣйшій храмъ гелленскій, въ храмъ Аполлона. Въ предхраміи этого святилища были изображены письменами шесть изреченій, какъ бы обращенныхъ къ людямъ Аполлономъ, богомъ высшей нравственности.

Вотъ что было написано:

«Еси.»

«Богу честь.»

«На монетѣ чекань свой штемпель.»

«Познай самого себя.»

«Ничего чрезъ мѣру.»

«Дай обѣщаніе и не уйдешь отъ пагубы.»

[1] Заимствуемъ эту статью изъ Gesammelte Abhandlungen aus dem classischen Alterthume von C. W. Goettling. I. Bd. S. 251 ff. Это одна изъ лекцій, читанныхъ въ Іенѣ для сбора денегъ въ пользу Университетскаго Археологическаго Музея. — Слово *киникъ*, употребляемое нами въ его греческой формѣ, болѣе извѣстно въ латинской формѣ *циникъ*.

Эти изреченія содержатъ зерно древнѣйшей до-сократовской греческой этики; древніе философы, Сократъ и Платонъ, цѣнятъ ихъ очень высоко; своеобразно выраженныя и не совсѣмъ ясныя по замышленію, они тѣмъ не менѣе могли руководствовать мыслящаго человѣка на пути жизни.

Когда юный дѣлатель фальшивой монеты пришелъ въ храмъ и прочелъ означенныя изреченія, ему слѣдовало бы остановить вниманіе на томъ изъ нихъ, которое отличается наибольшею ясностью: «Познай самого себя.» Но его легкомысліе, соединенное съ юморомъ, который былъ всегда его достояніемъ, ухватилось съ радостію за третіе двусмысленное изреченіе: «На монетѣ чекань свой штемпель.» Онъ увѣрилъ себя, что эти слова содержатъ очевидное одобреніе его преступному промыслу; божество само совѣтывало чеканить на монетѣ собственный штемпель; вообще не было ничего дурнаго понимать слова оракула въ буквальномъ смыслѣ; къ тому же можно было спросить: для чего Аполлонъ выражается иносказательно, если онъ хочетъ быть понятымъ? Успокоенный, по видимому, такимъ коварнымъ толкованіемъ, юноша возвратился въ Синопу и тамъ вмѣстѣ съ отцомъ продолжалъ ревностно употреблять въ дѣло «свой штемпель», пока правосудіе не приняло своихъ мѣръ. Отецъ умеръ въ тюрьмѣ; сынъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ; опала была произнесена надъ бѣглецомъ, направившимъ путь свой въ Аѳины.

Сознаніе двойной вины, состоявшей съ одной стороны въ позорномъ промыслѣ, съ другой въ лукавомъ истолкованіи добраго и чистаго изреченія, это сознаніе подѣйствовало на Діогена весьма благодѣтельно въ продолженіе его долгаго пути и наконецъ возбудило въ немъ нетерпѣливое желаніе примириться съ собственною совѣстью. Онъ полагалъ, что лучшее примиреніе можетъ найти въ философіи; изреченія дельфійскаго бога наводили его на эту мысль [1].

Въ Аѳинахъ онъ могъ скорѣе всего найти желаемое въ школѣ Сократа; но послѣдній былъ въ то время уже осужденъ ослѣпленными Аѳинянами. Изъ школы его развились двѣ другія, весьма различныя между собою: платоновская школа умозрительнаго генія, находившая сочувствіе въ людяхъ счастливыхъ, одушевленныхъ высокими стремленіями, школа академіи, лежавшей въ прекраснѣйшемъ западномъ предмѣстьи Аѳинъ; съ другой стороны, Антисѳенова школа воздержанія и лишенія, школа бѣдныхъ и угнетенныхъ пролетаріевъ,

[1] Мусоній у Стобея, Flor. t. XL, p. 235, говоритъ самымъ яснымъ образомъ, что Діогенъ во время побѣга превратился изъ идіота въ философа.

пріютившаяся въ восточномъ гимнасіи Аѳинянъ, который лежалъ на лѣвомъ берегу Илисса. Киносаргъ, въ которомъ находился этотъ гимнасій, былъ также одно изъ предмѣстій Аѳинъ. Онъ принадлежалъ къ Діомейскому демосу и находился передъ вратами того же имени, на юговосточномъ склонѣ горы, носившей нѣкогда имя Анхесма и нынѣ правильнѣе называемой Ликабеттомъ. Тамъ находилось обнесенное стѣною святилище Геркулеса, основанное, какъ гласило аттическое сказаніе, на мѣстѣ, которое Ѳесей назначилъ для жительства Геркулесу, послѣ того какъ несчастный герой въ припадкѣ безумія убилъ жену и дѣтей [1]; имъ часто пользовались, какъ крѣпкимъ военнымъ пунктомъ [2]; при немъ находилась роща. Нынѣ близь этого мѣста стоитъ дворецъ короля Оттона. Въ гимнасіи Киносарга упражнялись Аѳиняне, не принадлежавшіе къ сословію полноправныхъ гражданъ, т. е. происходившіе отъ отцовъ или матерей неполноправныхъ, а также прижитые родителями внѣ брака и наконецъ вольноотпущенники. Этимъ людямъ, по смыслу закона лишеннымъ полноты правъ аттическаго гражданина, хотя въ дѣйствительности, благодаря мягкости нравовъ, иногда пользовавшимся ими, было отрадно вступать въ урочище, съ которымъ было связано воспоминаніе о героѣ низкаго происхожденія, храбромъ, доблестномъ, вѣнчанномъ славою. Въ аллеѣ, примыкавшей къ гимнасію, встрѣчали иногда и Сократа, хотя онъ принадлежалъ къ кореннымъ гражданамъ; онъ приходилъ туда бесѣдовать съ молодыми людьми и привлекать ихъ къ своему ученію. Еще Ѳемистоклъ водилъ въ восточный гимнасій для физическихъ упражненій и полноправныхъ юношей. Но нѣтъ свидѣтельствъ, чтобы неполноправные граждане имѣли, во всякое время, свободный доступъ въ академію, или гимнасій Ликея, который находился подлѣ Киносарга. Антисѳенъ, хотя и родился въ Аѳинахъ, но не принадлежалъ къ сословію полноправныхъ. Сократъ, его учитель, говорилъ, что благороднѣе его нѣтъ ни одного истаго Аѳинянина; по другому извѣстію, онъ спросилъ у человѣка, ставившаго Антисѳену въ порокъ происхожденіе отъ Ѳракіянки: «думаешь ли ты, что полноправная чета могла произвести такого рѣдкаго человѣка?» Получивъ философское образованіе отъ Сократа, основалъ онъ школу, которая состояла преимущественно изъ посѣтителей Киносарга и оттого получила насмѣшливо-двусмысленное и отчасти позорное прозваніе кинической. — Что касается до изслѣдо-

[1] Эвр. Herc. v. 1330.

[2] Впервые, кажется, во время сраженія Писистрата съ Лакедемонянами; въ этой битвѣ палъ Анхимолій, погребенный въ Алопеке (Геродотъ, V, 63).

ванія природы, то Антисѳенъ едва коснулся этого предмета; о божествѣ онъ говорилъ, какъ объ единомъ, въ противность общему мнѣнію; главное его вниманіе было обращено на практическую философію; особенно глубоко интересовался онъ ученіемъ о добродѣтели; діалектикою пользовался только какъ оружіемъ противу ученій, несогласныхъ съ его теоріею. — Если мы вглядимся ближе въ ту эпоху, то увидимъ, что въ прославленныхъ демократическихъ Аѳинахъ, которымъ уже сильно угрожало тогда македонское владычество, большинство жителей находилось не въ самомъ блестящемъ положеніи. Полноправныхъ аттическихъ гражданъ было отъ 20 до 30 тысячъ[1]; они призывались, большею частію по жребію, для занятія общественныхъ должностей, на которыхъ лица мѣнялись ежегодно, чѣмъ должно было удовлетворяться притязаніе на равенство въ правахъ; они же исключительно пользовались правомъ утверждать законы подачею голосовъ. Въ лучшее время безъ сомнѣнія столько же было метековъ, т. е. иностранцевъ, отчасти очень богатыхъ, которые поселились въ Аѳинахъ, но, будучи происхожденія не аттическаго, не имѣли права ни на подачу голоса, ни на занятіе общественныхъ должностей. За ними слѣдовали рабы, многочисленнѣйшіе въ двѣнадцать разъ, люди невольные и безправные. И такъ одна седьмая доля населенія господствовала надъ шестью седьмыми. Вотъ что называлось демократическимъ равенствомъ въ Аѳинахъ. Между полноправными гражданами были и богатые люди, какъ равно и между метеками; но вообще владычествующее сословіе было бѣдно[2], а подавляющее большинство рабовъ не имѣло вовсе ничего. Главнымъ желаніемъ Антисѳена было образовать этихъ бѣдныхъ и утѣсненныхъ людей. Онъ хотѣлъ, чтобы они полюбили свою бѣдность, не только хладнокровно отказывали себѣ во многомъ, но даже смотрѣли бы на богатство, какъ на причину нравственной порчи. Какъ бы то ни было, его ученіе нашло себѣ уступчивую почву въ образѣ жизни и душевномъ настроеніи большинства Аѳинянъ, ибо это большинство довольствовалось круглый годъ самою скудною пищею, состоявшею изъ хлѣба, оливокъ, салатовъ и луку; только по праздникамъ на столахъ появлялось мясо; но государственное устройство вполнѣ вознаграждало первое сословіе государства за всѣ подобныя лишенія политическимъ полновластіемъ. Антисѳеновы ученики, не принадлежавшіе къ означенному сословію, были отчасти лишены такого вознагражденія,

[1] При Демосѳенѣ было 20 т., при Псамметихѣ (Ол. 83, 4) только 14 т. См. Schol. Aristoph. Vesp. 718. изъ Филохора.

[2] Діодоръ (XVIII, 18) насчитываетъ во время Антипатра 12,000 совершенно-бѣдныхъ и 9,000 такихъ гражданъ, которые имѣли не болѣе какъ по 2,000 драхмъ.

и должны были найти его въ философіи, что было, разумѣется, немного труднѣе.

Собственнымъ примѣромъ, прекраснымъ и могущественнымъ, Антисѳенъ доказывалъ сладость сократовскаго воздержанія. Сократствовать, *σωκρατεῖν*, по выраженію Аристофана, училъ онъ; ведя образъ жизни, выражаемый этимъ словомъ, добродѣтельный человѣкъ можетъ, по его словамъ, сдѣлаться подобнымъ божеству, вседовольному, не нуждающемуся ни въ чемъ. Кто самъ не являлъ желанія отречься отъ потребностей, того онъ не принималъ въ тѣсный кругъ своихъ учениковъ. Разъ его спросили, отчего его послѣдователи такъ немногочисленны: «я прогоняю ихъ дубиною», отвѣчалъ онъ. Это значило: у меня строгій надзоръ за учениками; я требую отъ нихъ чистоты и воздержанія, и если они не хранятъ ихъ, я прогоняю ихъ палкою. — Онъ сравнивалъ себя также съ врачемъ, исцѣляющимъ больнаго горькими лѣкарствами, и полагалъ, что лучшій плодъ его философіи есть способность къ одиночеству и бесѣдѣ съ самимъ собою. Онъ носилъ посохъ, вообще не употреблявшійся въ Аѳинахъ, и старое верхнее платье (трибонъ или трибоніонъ), какъ символы довольства собственною судьбою и простой страннической жизни; въ этомъ онъ подражалъ аѳинскимъ нищимъ и Сократу, который обыкновенно не носилъ сандалій и нижняго платья. Но онъ присоединилъ къ названнымъ вещамъ еще кожаную походную суму, дабы совершенно походить на гомеровскаго нищаго. Это была котомка, въ которую укладывались скудные пожитки и пища философа; въ то же время она была символомъ его страническаго домоводства, домоводства, которое у Сократа существовало въ размѣрахъ гораздо большихъ, какъ ни было бѣдно. Потому-то и Діогенъ въ послѣдствіи неоднократно указывалъ на богатство Сократа въ противоположность своему нищенству. Антисѳенъ училъ, что кромѣ разума и фантазіи, дарованныхъ намъ Богомъ и неотдѣлимыхъ отъ насъ, мы ничего не можемъ почесть своею собственностью; онъ говорилъ: только то разумно, что есть и было и слѣдовательно постоянно; счастливымъ дѣлаетъ только добродѣтель, которой можно и должно учиться; одинъ добродѣтельный есть по истинѣ благородный человѣкъ. Жаль, что истинно-благородный, но терпѣвшій отъ болѣзней Антисѳенъ не могъ представить своего ученія иначе, какъ въ мрачныхъ формахъ; такое настроеніе возбуждено было въ немъ, главнымъ образомъ, смертію Сократа. Выраженіе его: «лучше быть безумнымъ, чѣмъ веселымъ» не могло привлечь къ нему многочисленныхъ друзей.

Въ то же время и въ томъ же Киносаргѣ, въ которомъ Антисѳенъ провозглашалъ свое ученіе, образовалось общество людей, со-

всѣмъ другаго рода; они старались избавиться отъ тягостей того времени иными средствами. Это было «Общество шестидесяти», развеселявшее себя острыми выдумками и видѣвшее въ нихъ средство заставить и другихъ позабыть всю горечь настоящаго. «Остроты шестидесяти» расходились по всей Греціи и даже достигали македонскаго двора. Царь Филиппъ, любитель остроумія и охотникъ посмѣяться, прислалъ обществу талантъ съ просьбою увѣдомлять его о дѣйствіяхъ членовъ.

Когда въ Аѳинахъ явился Діогенъ, сокрушенный сердцемъ, жаждущій покаянія, его легко привлекло къ себѣ суровое ученіе Антисѳена. Но въ то время философъ находился въ самомъ мизантропическомъ расположеніи духа; смерть любимаго учителя, Сократа, сдѣлала его угрюмѣйшимъ изъ смертныхъ; онъ не хотѣлъ слышать о новыхъ ученикахъ, и когда назойливый дѣлатель фальшивой монеты подошелъ къ нему во второй разъ съ просьбою о принятіи его въ ученики, Антисѳенъ замахнулся своею знаменитою дубиною. Но Діогенъ не уклонился отъ удара и сказалъ: «Ты не найдешь дерева, довольно крѣпкаго, чтобы прогнать меня, пока я не насыщусь твоимъ ученьемъ». Эти слова согнали тучи съ чела философа. Діогенъ получилъ позволеніе остаться при немъ и сталъ его вѣрнѣйшимъ ученикомъ. Онъ отказался отъ состоянія, которымъ былъ обязанъ своему постыдному промыслу, и безпрестанно придумывалъ себѣ новыя лишенія, обнаруживая въ этомъ дѣлѣ изумительную изобрѣтательность. Первое время у него еще былъ рабъ Манесъ; но когда Діогенъ сталъ навязывать ему свои правила касательно неимѣнія потребностей и мало по малу отъ теоріи началъ переходить къ практикѣ, рабъ бѣжалъ; новому ученику Антисѳена совѣтовали отыскивать его, но онъ отвѣтилъ: «Было бы смѣшно, если бы Діогенъ нуждался въ Манесѣ, тогда какъ Манесъ не нуждается въ Діогенѣ.» Нѣкоторое время у него еще было постоянное жилище, но юный философъ скоро отказался и отъ него, чтобы не быть связану ничѣмъ; послѣ онъ проводилъ ночи въ открытыхъ портикахъ, называя въ насмѣшку своимъ жилищемъ Парѳенонъ, храмъ «богини-дѣвы»; иногда почевалъ на дворѣ храма матери боговъ, которая въ Аѳинахъ была тождественна съ Деметрою; тамъ ему служила ночлегомъ большая бочка, лежавшая въ храмѣ богини (въ т. н. метроонѣ). Преданіе, сдѣлавшее изъ этой бочки постоянное подвижное жилище философа, который будто бы перекатывалъ ее за собою съ мѣста на мѣсто, это преданіе образовалось въ позднѣйшее время; припоминали, что во дни осады Аѳинъ, бывшей въ пелопоннесскую войну, многіе изъ осажденныхъ жили въ большихъ сосудахъ, и предполагая

то же о Діогенѣ, соединили въ своемъ представленіи Діогена и его бочку, какъ устрицу и раковину. Въ дѣйствительности же такой странный ночлегъ избирался имъ не постоянно, о чемъ онъ прямо говорилъ въ своихъ письмахъ, и бочка, лежавшая въ метроонѣ, попала туда не случайно и не была положена самимъ философомъ, но, по словамъ Діогена Лаертскаго, сохранялась тамъ съ особенною цѣлью. По всей вѣроятности, она долженствовала быть символомъ миѳической связи между Деметрою и богомъ вина. Во всякомъ случаѣ, она только изрѣдка давала ночной пріютъ Діогену. — Что касается до головы и ногъ, то онъ совершенно обнажалъ ихъ; онъ также отбросилъ нижнее платье (хитонъ), какъ совершенно излишнее, и въ холодную пору надѣвалъ только плащь на подбойкѣ [1]; это былъ знаменитый двойной трибонъ, *διπλοΐς*, *διπλοῦν εἶμα*, какъ его называли въ эпиграммахъ; онъ былъ въ послѣдствіи непремѣнною принадлежностью каждаго, кто только принадлежалъ къ Діогеновой школѣ. Этого мало; онъ отыскивалъ самыя крайнія средства для того, чтобы закалить свое тѣло, пріучить его къ той безчувственности, для которой, по видимому, былъ назначенъ отъ природы его крѣпкій организмъ. Лѣтомъ онъ зарывался въ горячій песокъ; зимою обнималъ бронзовые и мраморные столбы, прижимая ихъ къ своей груди, доколѣ могъ выносить ихъ холодъ. Мало по малу онъ дошелъ до того, что не имѣлъ нужды въ огнѣ, отказывая себѣ въ благотворныхъ дѣйствіяхъ той стихіи, съ помощью которой Промеѳей, по греческому миѳу, возмогъ освободить человѣчество отъ боговъ; но философъ по своему пользовался въ практической жизни этимъ миѳомъ, по которому Зевсъ отнимаетъ у людей пламя; онъ говорилъ: сами боги не желаютъ, чтобы люди пользовались огнемъ. Въ слѣдствіе этого онъ пробовалъ питаться растеніями, даже одними листьями, ѣлъ сырое мясо, преимущественно морскихъ рыбъ, — пищу не совсѣмъ удобоваримую, но онъ говорилъ: мы находимъ же, что устрица невареная и даже живая пріятно щекочетъ нёбо; почему же не употреблять въ такомъ видѣ и другихъ морскихъ тварей? Извѣстно также, что увидѣвъ мальчика, черпавшаго воду изъ источника полою горстью и клавшаго овощи въ выдолбленный хлѣбъ, онъ бросилъ деревянную чашку и блюдца, которыя носилъ дотолѣ въ антисѳеновской котомкѣ. У него не было часа, назначеннаго для обѣда; гдѣ ему случалось добыть что нибудь для утоленія своего голода, часто мучительнаго, тамъ онъ и поѣдалъ свою пищу, хотя бы это случалось на площади, къ немалому смущенію аттическихъ щеголей и людей хоро-

1 Сократъ одѣвался одинакимъ образомъ во всякое время года.

шаго тона. «А почему же мнѣ не ѣсть на площади, говорилъ онъ, когда я голодалъ на площади? Голодъ на улицѣ вамъ кажется приличнымъ, а средство противъ него неприличнымъ». Почти невѣроятно, сколь малымъ онъ могъ быть доволенъ; но вѣдь вся жизнь его была оправданіемъ правилу, которое можно назвать сократовскимъ и антисѳеновскимъ вмѣстѣ: «богамъ прилично не имѣть нужды ни въ чемъ; людямъ, желающимъ уподобиться богамъ, прилично имѣть нужду въ немногомъ». Далѣе онъ говорилъ: «бѣдность есть самоучка-помощница философіи», и еще: «богатые, по большей части, подобны плодовитымъ деревьямъ и винограднымъ лозамъ, которыя ростутъ на крутыхъ неприступныхъ скалахъ, и которыхъ плоды и ягоды въ пользу не людямъ, а воронамъ; такъ и ихъ богатство въ пользу только паразитамъ да льстецамъ да куртизанкамъ». Въ своихъ «Діатрибахъ» онъ говорилъ: «для людей, пользующихся благосостояніемъ, жизнь вожделѣнна, и смерть мрачна, но страждующіе ожидаютъ своей кончины съ радостью», и въ другомъ мѣстѣ: «аристократы суть тѣ, которые презираютъ богатство, почести, удовольствія и жизнь, и возвышаются надъ тѣмъ, что составляетъ противоположность имъ: надъ бѣдностью, низкимъ положеніемъ, страданіями и смертью.» Къ угнетеніямъ плоти онъ присоединялъ и нравственныя истязанія, напр. не скрывалъ того, что нѣкогда занимался позорнымъ ремесломъ; напротивъ, онъ открыто сознавался въ этомъ, какъ въ грубомъ порокѣ, даже упоминалъ о томъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, и сказалъ человѣку, укорявшему его въ этомъ грѣхѣ юности: «да, въ свое время и я былъ такой же плутъ, какъ ты; только, кажется, ты не намѣренъ сдѣлаться тѣмъ, что я теперь». Подобными же средствами пытался онъ освободиться отъ честолюбія. Съ непостижимымъ злорадствомъ къ самому себѣ принималъ онъ всякой отказъ въ своей просьбѣ; съ радостью хватался за все, что могло нанести ему нравственное пораженіе, отъ котораго ему потомъ пришлось бы оправляться, и чѣмъ больше было свидѣтелей такого пораженія, тѣмъ дѣйствительнѣе казалось оно ему. Такъ однажды у него достало духа просить Аѳинянъ о томъ, чтобы они поставили ему статую за его заслуги, которыя, по его собственному признанію, состояли вовсе не въ такихъ дѣлахъ, за какія дотолѣ бывала наградою статуя. Разумѣется, онъ добивался не ее — онъ былъ слишкомъ далекъ отъ подобнаго тщеславія — ему былъ нуженъ только тотъ публичный отказъ, который онъ принялъ съ радостью, потому что онъ былъ выраженъ самымъ насмѣшливымъ образомъ; ему нужно было подвергнуться еще новой насмѣшкѣ со стороны гражданъ, еще новому доказательству ихъ презрѣнія, послѣ многихъ другихъ; а между тѣмъ онъ могъ также

посмѣяться про себя надъ Аѳинянами, которые думали, что его можетъ огорчить отказъ въ статуѣ.

Впрочемъ ему должно отдать справедливость въ томъ, что его тѣлесный и нравственный аскетисмъ никогда не выражался гнуснымъ неряшествомъ: онъ постоянно употреблялъ мази; Аѳеподоръ расказывалъ, что его кожа была всегда достаточно умащена и даже отсвѣчивала; извѣстны также его выговоры баньщикамъ, когда онъ находилъ ихъ не довольно опрятными. Такъ онъ спросилъ у одного изъ нихъ, когда тотъ ввелъ его въ грязную баню: «Ну, а гдѣ же потомъ отмываютъ тѣхъ, которые здѣсь моются?» Юморъ былъ его всегдашнею принадлежностью, и какъ бы онъ ни былъ грустенъ, у него всегда было наготовѣ острое словцо, которымъ онъ развеселялъ себя и другихъ. Онъ сыпалъ на обѣ стороны такъ называемыя «хріи», поговорки, иногда юмористическія, по большей части глубокомысленныя, перешедшія въ стоическую школу изъ кинической; эту непринужденную рѣчь (παῤῥησία) почиталъ онъ лучшимъ благомъ своей жизни.

Благодаря тому же юмору, угловатый и потому отталкивающій образъ киника пріобрѣтаетъ нѣкоторую любезность. «Счастіе, по его словамъ, состоитъ въ томъ, чтобы быть веселымъ и ни въ какомъ случаѣ, ни въ какихъ обстоятельствахъ не предаваться тоскѣ.» Такъ расказываютъ, что однажды на одномъ изъ большихъ аѳинскихъ праздниковъ, на которомъ всѣ пировали, всѣ были довольны и разговорчивы, нашъ философъ сидѣлъ съ стѣсненнымъ сердцемъ; была ли тому причиною скудность пищи или еще что нибудь другое; можетъ быть онъ думалъ, что когда нибудь у него не станетъ силъ для такой вѣчной діэты, — мы не знаемъ.... Вдругъ мышь подкралась къ ногамъ задумавшагося Діогена и начала подбирать крошки, упавшія отъ его хлѣба: «Э! сказалъ онъ, если Діогенъ можетъ даже кормить лизоблюдовъ, то его бѣды еще не слишкомъ велики». Юморъ былъ врожденнымъ качествомъ философа, что̀ можно видѣть по выраженію профиля его лица; онъ его развилъ въ обществѣ веселыхъ людей, которые собирались въ Киносаргѣ, и къ которымъ онъ всегда охотно приставалъ, благодаря своему шутливому нраву; но можетъ быть, еще больше развилъ онъ въ себѣ это качество тѣмъ глубокимъ состраданіемъ къ недостаткамъ человѣческой природы, которое въ духѣ могучемъ, способномъ къ сильнымъ ощущеніямъ, должно было необходимо вызывать иронію. А отъ этой ироніи, бывшей, по той же причинѣ, неотъемлемою собственностью Сократа, произошелъ, какъ отродіе, нѣсколько суровое, — киническій юморъ. Благодаря ему, Діогенъ ожи-

вилъ кинисмъ, который, безъ сомнѣнія, не могъ долго существовать, сохраняя унылый характеръ, сообщенный ему Антисѳеномъ; Діогенъ далъ кинисму собственное, жизненное начало.

Первое время своего пребыванія въ Аѳинахъ Діогенъ былъ занятъ исключительно собою, именно утвержденіемъ себя въ аскетисмѣ; ему некогда было думать объ учрежденіи собственной школы, съ цѣлью распространять идеи, свои и своего учителя Антисѳена. Никакъ нельзя думать, чтобы онъ еще при жизни послѣдняго намѣревался завести школу въ томъ же мѣстѣ, гдѣ училъ самъ Антисѳенъ. Правда до насъ дошло извѣстіе, что Онесикритъ эгинскій съ двумя сыновьями были его послѣдователями еще въ Аѳинахъ; но этимъ никакъ нельзя доказать, что Діогенъ открылъ тогда школу. Что касается до извѣстія, будто бы Фокіонъ былъ его ученикомъ, то оно оказывается совершенно ложнымъ, ибо Фокіонъ былъ приверженцемъ академіи; къ такому мнѣнію могла подать поводъ развѣ только его наружность. Есть даже свидѣтельство, что когда учитель Діогена былъ боленъ при смерти, онъ пришелъ къ нему съ кинжаломъ и совѣтовалъ Антисѳену однимъ ударомъ прекратить свои страданія. Но тотъ отвѣчалъ: «я хочу избавиться не отъ жизни, а отъ недуга». Упомянутый совѣтъ еще нисколько не находится въ соотвѣтствіи съ знаменитою въ послѣдствіи апатіею Діогена, не трусившаго ни передъ какими страданіями, какъ это можно ясно видѣть изъ отвѣта, который онъ далъ въ другое позднѣйшее время человѣку, явившемуся къ нему съ подобнымъ же предложеніемъ [1]. Напротивъ, его философское сознаніе, вмѣстѣ съ приверженностью къ Антисѳену, обнаруживались въ Аѳинахъ только отрицательно, въ антипатіи къ другимъ школамъ, болѣе же всего къ школѣ Платона, котораго онъ укорялъ въ тщетной умозрительности. Такъ расказываютъ, что разъ, когда Платонъ желалъ объяснить сущность своихъ идей и взялъ для примѣра два слова собственнаго изобрѣтенія, которыя можно перевести по-русски подобными же неологисмами: «стольность» и «чашность», въ смыслѣ отвлеченныхъ понятій стола и чаши, — Діогенъ, сходившійся во мнѣніи объ этомъ съ Протагоромъ, внутренно посмѣялся надъ Платономъ и сказалъ съ огорченіемъ, вѣроятно комическимъ: «столъ-то и чашу я вижу; но, вѣрно, во всю жизнь не приведется мнѣ увидѣть стольности и чашности!» Это, по всей вѣроятности, было въ раннемъ началѣ его философскаго подвижничества, и Платонъ былъ правъ, отвѣтивъ ему такими словами: «Если ты видишь чашу и столъ, значитъ у тебя есть глаза; если же ты не сознаешь стольности и чашности, значитъ, у тебя нѣтъ разума».

[1] Эліанъ X, II.

Въ другой разъ онъ говорилъ Платону, что онъ вѣроятно забылъ о законахъ въ своей «Республикѣ,» такъ какъ онъ потомъ почелъ же нужнымъ писать о законахъ отдѣльно. Однажды, когда онъ просилъ у знаменитаго философа трехъ смоквъ изъ его сада, а тотъ прислалъ ему ихъ цѣлую мѣрку, Діогенъ сказалъ: «Вотъ онъ всегда таковъ; вмѣсто простаго отвѣта, котораго отъ него желаютъ, онъ вѣчно наговоритъ кучу вещей, о которыхъ его не спрашиваютъ». Еще извѣстнѣе исторія о quasi-Платоновомъ опредѣленіи человѣка. Расказываютъ, будто бы Платонъ выразился такимъ образомъ: «Человѣкъ есть двуногая тварь безъ перьевъ». Тогда Діогенъ явился въ его аудиторію съ ощипанымъ пѣтухомъ и указалъ на него слушателямъ, говоря: «Глядите, вотъ Платоновъ человѣкъ». Философъ увидѣлъ со стыдомъ, какъ было неловко его опредѣленіе и поспѣшилъ пополнить его такимъ образомъ: «Человѣкъ есть двуногая тварь безъ перьевъ и съ гладкими ногтями». По видимому никто не рѣшался или не съумѣлъ возражать далѣе, потому что скептикъ Секстъ Эмпирикъ приводитъ послѣднее выраженіе, какъ дѣйствительно платоновское, но присоединяетъ къ нему еще слѣдующія слова: «способная къ гражданской жизни», такъ что эта пресловутая фраза, неоднократно исправленная, имѣетъ наконецъ у него такой видъ: «Человѣкъ есть двуногая тварь, безъ перьевъ, съ гладкими ногтями, способная къ гражданской жизни». Разумѣется, въ Платоновыхъ сочиненіяхъ нѣтъ и слѣда подобнаго нелѣпаго опредѣленія; одинъ собиратель, не отличающійся смысломъ, ставитъ его въ концѣ подложныхъ сочиненій, приписываемыхъ Платону; здѣсь оно имѣетъ еще другой, новый видъ: «Человѣкъ есть двуногая тварь, безъ перьевъ, съ плоскими ногтями, пользующаяся даромъ разума и науки». Но если вспомнимъ, что смѣшная фраза, записанная Секстомъ Эмпирикомъ, можетъ быть очень легко и только съ малыми измѣненіями переложена въ ямбическій триметръ [1], то весьма естественно будетъ предположить, что вся эта исторія есть выдумка какого-нибудь аттическаго комика. Какъ Платоновъ учитель Сократъ за свое ученіе былъ выведенъ на сцену и безжалостно осмѣянъ Аристофаномъ, такъ впослѣдствіи подобнымъ же ударамъ подвергся и самъ Платонъ, не только отъ Аристофана, но и отъ Θеопомпа и Аристофонта, и потому объясненіе наше ни въ какомъ случаѣ не представляетъ большой несообразности. Намъ кажется, что комика можно узнать даже по слову: *πλατυώνυχος*, въ звукѣ котораго есть намекъ

[1] *Ζῶον δίπουν ἄνθρωπός ἐστιν, ἄπτερον, πλατυώνυχον, καὶ δεκτικὸν πολιτικῆς.*

на имя Платона. Какъ бы то ни было, этотъ анекдотъ есть все-таки одно изъ доказательствъ Діогеновой антипатіи къ основателю академіи, ибо, въ противномъ случаѣ, по какому праву комикъ заставилъ бы его опровергать Платонову философію? — Впрочемъ онъ возставалъ не только противъ этой школы, но и противъ Эвклида и Мегариковъ и нѣкоторыхъ другихъ. По видимому, онъ употреблялъ для опроверженія всѣхъ ихъ одинаковые пріемы; такъ напр. элеатскимъ философамъ, не признававшимъ движенія, онъ не противопоставилъ другаго возраженія, кромѣ того, что началъ ходить передъ ними мѣрнымъ шагомъ взадъ и впередъ, не говоря ни слова. Касательно его мнѣнія объ Аристотелѣ, до насъ дошли его слова, въ которыхъ онъ противополагаетъ свою свободу зависимости перипатетика отъ двора царя Филиппа: «Аристотель обѣдаетъ, когда царю Филиппу вздумается; Діогенъ ѣстъ, когда Діогенъ заблагорасудитъ.» Аристотель также посмѣивался надъ хріями киника.

Къ расказанному выше относительно Діогенова пребыванія въ Аѳинахъ мы можемъ присовокупить только слѣдующее извѣстіе стоика Діонисія. Діогенъ участвовалъ въ херонейской битвѣ, былъ взятъ въ плѣнъ Македонянами и приведенъ къ самому Филиппу. Царь спросилъ его: для чего ты поднималъ противъ меня оружіе?—Для того, отвѣчалъ смѣло философъ, чтобы быть свидѣтелемъ твоей ненасытности. Царь былъ такъ пораженъ этимъ киническимъ прямодушіемъ, что отпустилъ Діогена невредимымъ. Если справедливо извѣстіе, которое впрочемъ мы не признаёмъ за справедливое, будто бы Діогенъ умеръ въ одинъ день съ Александромъ Великимъ, на девяностомъ году жизни, то свидѣтельство объ участіи его въ битвѣ, роковой для его родины, опровергалось бы само собою, потому что въ такомъ случаѣ въ эпоху херонейскаго дѣла философъ долженъ былъ имѣть болѣе семидесяти лѣтъ отъ роду; но съ этимъ нельзя согласиться и по другимъ причинамъ [1]. Равно и прямодушіе философа передъ побѣдоноснымъ царемъ, хотя само по себѣ и совпадаетъ со всѣмъ, что мы знаемъ о нравственномъ характерѣ его, но оно лишено юмора и остроты тѣхъ приправъ, безъ которыхъ не могла обойтись рѣчь Діогена, особенно же передъ государемъ, понимавшимъ и цѣнившимъ аѳинскую шутку. Впрочемъ самый фактъ участія философа въ знаменитой битвѣ не можетъ быть заподозрѣнъ, ибо стоикъ Діонисій, ученикъ Гераклида Понтійскаго и землякъ Гераклида и Діогена, жилъ во времена, весьма близкія къ послѣднему и потому не могъ безнаказанно распространять о немъ ложныя извѣ-

[1] Diog. L. VII. 37.

стія. Что же касается до свиданія съ нимъ Филиппа, то Діонисій могъ выдумать этотъ анекдотъ, для того, чтобы выставить киника передъ Филиппомъ въ томъ же свѣтѣ, въ какомъ онъ выступилъ впослѣдствіи передъ его сыномъ Александромъ.

Вскорѣ послѣ херонейской битвы Діогенъ покинулъ Аѳины, вѣроятно побужденный къ тому тогдашнимъ политическимъ движеніемъ въ городѣ; онъ попался въ руки морскихъ разбойниковъ, — сохранилось даже имя ихъ предводителя: Скирпалъ, — они отвезли его въ Критъ и продали тамъ одному богатому Коринѳянину, по имени Ксеніаду. При этой продажѣ, о которой говорили въ особенныхъ сочиненіяхъ Гермиппъ и Эвбулидъ, были нѣкоторыя замѣчательныя обстоятельства, проливающія свѣтъ на характеръ Діогена. Былъ обычай при продажѣ рабовъ громкимъ голосомъ повѣщать публику о ихъ знаніяхъ. Когда Діогена спросили о его ремеслѣ, онъ отвѣчалъ: «я умѣю господствовать надъ людьми». Въ это время проходилъ мимо Ксеніадъ въ роскошномъ платьѣ. «Продай-ка меня этому человѣку, сказалъ Діогенъ пирату; кажется, ему нуженъ господинъ». Ксеніадъ дѣйствительно купилъ его, отвезъ съ собою въ Коринѳъ и поручилъ ему воспитаніе своихъ сыновей. Діогенъ сохранилъ званіе раба до самой своей смерти, послѣдовавшей на девяностомъ году жизни; онъ ни разу не выразилъ желанія измѣнить свое положеніе, почитая себя обязаннымъ равнодушно переносить все, что посылала ему судьба, и даже самое рабство, этотъ бичь древняго міра; къ тому же господинъ его былъ человѣкъ кроткій и умный, а рабъ обладалъ неизсякаемымъ юморомъ. Когда друзья желали его выкупить, онъ побранилъ ихъ за то, что они хотятъ попусту тратить деньги. «Съ тѣхъ поръ, какъ Антисѳенъ освободилъ меня, сказалъ онъ, я пересталъ быть рабомъ.» Дѣятельность его въ Коринѳѣ была разнородная. Вопервыхъ, со всѣмъ жаромъ и съ полнымъ умѣньемъ онъ занялся образованіемъ юныхъ сыновей своего господина. «Воспитателя, говорилъ онъ, я сравню съ гончаромъ; мягкой глинѣ его нѣжная и вмѣстѣ твердая рука можетъ дать прекрасную форму; но какъ скоро глина обожжена, это становится невозможнымъ». Онъ заботился о тѣлесномъ развитіи дѣтей, занималъ ихъ гимнастикою, чтобы укрѣпить ихъ силы, не желая однакожь сдѣлать изъ нихъ атлетовъ; пріучалъ ихъ ко всякой домашней работѣ, давалъ имъ самую умѣренную пищу и поилъ одною водою; они прохаживались съ нимъ по улицамъ безъ нижняго платья и обуви, какъ маленькіе киники, завернувшись въ философскіе плащики, съ скромнымъ видомъ, погруженные въ себя. Но рядомъ съ этимъ онъ велъ и умственное образованіе ихъ, сообщая имъ основныя идеи своей практической

философіи. Такимъ образомъ между рабомъ и молодыми господами, между учителемъ и учениками, завязалась духовная связь, продолжавшаяся до смерти философа. Все это какъ нельзя лучше доказываетъ его даровитость. Ксеніадъ любилъ говорить, что вмѣстѣ съ Діогеномъ въ его домѣ поселился добрый геній. Но киникъ не думалъ ограничивать своей дѣятельности однимъ домомъ. Онъ ежедневно ходилъ въ Краніонъ, прекрасное коринѳское предмѣстье, имѣвшее видъ парка, въ которомъ высокія деревья и тѣнистые гроты смѣнялись свѣтлыми лужайками, и котораго лучшимъ украшеніемъ былъ знаменитый неизсякаемый источникъ Пирене. Тамъ былъ гимнасій, и философъ имѣлъ случай передавать свое ученіе юношамъ, собиравшимся въ немъ. Въ Краніонѣ происходила пресловутая краткая бесѣда философа съ Александромъ Великимъ въ то время, когда всѣ Греки, собравшіеся на Исѳмѣ, признали молодаго царя вождемъ въ войнѣ противъ варваровъ, въ той войнѣ, которой онъ былъ обязанъ господствомъ надъ всѣмъ древнимъ міромъ. Какъ скоро оба лица, о которыхъ идетъ рѣчь, находились въ одномъ городѣ, нельзя было сомнѣваться, что ученикъ Аристотеля не пройдетъ въ Краніонѣ безъ вниманія мимо прославленнаго киника, а послѣдній будетъ разговаривать съ царемъ, какъ со всѣми, безцеремонно и смѣло. Вообще, вѣроятно, было много интереснаго въ этой встрѣчѣ юнаго героя съ посѣдѣлымъ философомъ-нищимъ, въ томъ самомъ городѣ, гдѣ Діонисій Младшій, лишившись власти, въ учительствѣ и подъ часъ въ нищенствѣ искалъ забвенія своего прежняго счастія. Но подробности упомянутаго свиданія требуютъ строгой критики. Одинъ рельефъ виллы Альбани въ Римѣ изображаетъ царя, разговаривающаго съ Діогеномъ, котораго ноги помѣщены въ бочкѣ; а для указанія на то, что фигура, стоящая въ старой поврежденной бочкѣ, есть никто другой, какъ знаменитый киникъ, тутъ же находится собака, оскалившая зубы. Въ позднѣйшихъ письменныхъ свидѣтельствахъ говорится даже, что царь въ порывѣ изумленія воскликнулъ: «О бочка, исполненная духа!» Но когда же бочка была Діогеновымъ жилищемъ въ Коринѳѣ? Здѣсь философъ имѣлъ постоянное помѣщеніе въ домѣ своего господина, и было бы слишкомъ чудно съ его стороны, если бы онъ завелъ въ Краніонѣ бочку, для того, чтобы изъ нея, какъ изъ собачьей конуры, разговаривать съ людьми; онъ былъ всегда далекъ отъ такого пошлаго хвастовства. Есть еще другой расказъ о бесѣдѣ Александра съ Діогеномъ. Говорили, что царь разбудилъ спавшаго философа Гомеровымъ стихомъ, въ которомъ дѣло идетъ объ Агамемнонѣ:

Ночи во снѣ провождать подобаетъ ли мужу совѣта?

Киникъ, въ просонкахъ, протирая глаза, отвѣчалъ стихомъ слѣдующимъ за этимъ:

Коему ввѣрено столько народа и столько заботы.

Онъ перевелъ такимъ образомъ обязанность бдѣнія съ себя на царя. Такъ какъ киникъ не оставлялъ своего покойнаго положенія, то Александръ будто бы спросилъ его: «Развѣ ты не боишься меня?» Философъ отвѣчалъ: «Ты что нибудь доброе или злое?» Александръ сказалъ: «Доброе.» — «Такъ чего же бояться добраго?» — Но что за глупая мысль утверждать, будто Александръ, ученикъ Аристотеля, хотѣлъ напугать философа, какъ малаго ребенка?

Есть еще и третій анекдотъ подобнаго же рода, а именно, будто Александръ сказалъ философу: «Требуй отъ меня, чего желаешь», а тотъ отвѣчалъ: «Ну, такъ покамѣстъ не заслоняй мнѣ солнца.» — Такой отвѣтъ очень шелъ бы къ какому нибудь лаззарони, но не къ Діогену. Старикъ, закалившій себя противъ вліяній холода и жара, едва ли находилъ большое наслажденіе въ томъ, чтобы грѣться на солнышкѣ, а въ приведенныхъ словахъ есть жалоба на прерванное наслажденіе. Впрочемъ имъ можно приписать другой, болѣе глубокій смыслъ и истолковать ихъ такимъ образомъ: «Видъ великаго бога Геліоса для меня пріятнѣе, чѣмъ твой.» Наоборотъ слова, сказанныя царемъ послѣ разговора съ киникомъ, заключаютъ въ себѣ глубокую правду. Расказываютъ, что онъ выразился такъ: «Если бы я не былъ Александромъ, я желалъ бы быть Діогеномъ.» Александръ, обладавшій всѣмъ, и Діогенъ, не имѣвшій ничего, но и не нуждавшійся ни въ чемъ, это были двѣ крайности, достойныя другъ друга; они могли признать достоинства одинъ другаго и быть другъ для друга живымъ урокомъ, хотя нечего думать, чтобы киникъ могъ сдѣлать изъ молодаго государя своего ученика. Впрочемъ у него было не мало послѣдователей въ Коринѳѣ. Въ числѣ ихъ были: Монимъ, рабъ одного коринѳскаго мѣнялы: послушавши ученія Діогенова, онъ выбросилъ за окно всѣ деньги своего господина, какія только могъ захватить въ свои руки; за нимъ слѣдуютъ Менандръ, Гегесей, Филискъ. Особенно заслуживаетъ упоминанія Кратесъ Ѳиванскій. Воодушевленный словомъ и примѣромъ философа, онъ подѣлилъ свое значительное имущество между согражданами и обрекъ себя на добровольную Діогеновскую бѣдность. Въ него была влюблена одна прекрасная дѣвушка, Гиппархія по имени, готовая съ радостію раздѣлить его нищету. Но Кратесъ не хотѣлъ связывать себя ни чѣмъ, и такъ какъ она не отставала отъ него, то онъ сложилъ свою котомку и посохъ у ея ногъ и сказалъ: «Гляди на своего жениха и на его имущество; ты вступаешь въ союзъ, который

сулитъ тебѣ суровую долю.» Она не измѣнила своего намѣренія и съ той минуты никогда не покидала его. — Уже изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, что Діогенъ владѣлъ изумительнымъ даромъ убѣжденія. Но и такой кругъ дѣятельности не удовлетворялъ его; онъ старался распространять свое ученіе на исѳмійскихъ играхъ, на которыя Греки стекались со всѣхъ мѣстъ своей земли. Иногда онъ прибѣгалъ и къ письму, какъ единственному средству сохранить въ чистотѣ свое ученіе для потомства; но вообще онъ занимался сочиненіями неохотно, почитая своимъ дѣломъ только устную рѣчь и собственный примѣръ. Когда Гегесій просилъ у него его сочиненій, онъ отвѣчалъ: «странно желать рисованыхъ плодовъ, когда есть живые». До насъ не дошли его творенія, но, вѣроятно, форма ихъ была такая же какъ и его устнаго ученія; безъ сомнѣнія, они отличались не научнымъ изложеніемъ, а юморомъ и остроуміемъ. Онъ почиталъ хрію убѣдительнѣйшею формою рѣчи, съ тѣхъ поръ какъ краткія изреченія въ Дельфахъ произвели на него такое сильное дѣйствіе. Онъ продолжалъ свою разнообразную дѣятельность до самой глубокой старости, оставаясь по конецъ дней вѣрнымъ самому себѣ. Онъ былъ уже близокъ къ гробу, когда ему совѣтовали пощадить себя и покинуть суровый образъ жизни; онъ сказалъ: «я почти добѣжалъ до цѣли, и вдругъ мнѣ остановиться?» Не хочется повторять двухъ пошлыхъ преданій касательно его смерти: во-первыхъ, будто бы онъ скончался отъ холеры, случившейся въ слѣдствіе того, что онъ оглодалъ сырую бычачью ногу; во-вторыхъ, будто бы онъ до тѣхъ поръ удерживалъ дыханіе, пока не задохся. Другое значеніе имѣетъ расказъ, что Діогенъ, приближаясь къ концу, просилъ своихъ друзей бросить его по смерти въ рѣку Илиссъ, дабы и тогда онъ могъ быть полезенъ своимъ братьямъ. Есть мнѣніе, что подъ братьями онъ разумѣлъ рыбъ, которымъ хотѣлъ завѣщать свой трупъ. Но какъ же можно было дать рыбамъ такое названіе? Скорѣе можно думать, что въ текстѣ Діогена Лаертскаго вмѣсто имени рѣки, которая впадаетъ въ море въ нѣсколькимъ миляхъ на западъ отъ Коринѳа, слѣдуетъ поставить какое нибудь другое слово и подъ братьями киника разумѣть ни болѣе ни менѣе какъ собакъ. Если это справедливо, то старый юмористъ не измѣнилъ себѣ и у двери гроба. — Однажды утромъ нашли девяностолѣтняго старика лежащимъ въ Краніонѣ; онъ былъ закутанъ въ свой изношенный плащь и казался спящимъ или размышляющимъ; подошли ближе и увидѣли, что онъ умеръ тихо и спокойно. Долгое неослабное подвижничество въ жизни облегчило ему послѣдній тяжкій шагъ, ведущій вонъ изъ жизни; онъ оправдалъ собственнымъ примѣромъ свою поговорку, что лучшее дѣй-

ствіе человѣческой свободы состоитъ въ томъ, чтобы охотно умереть. — Весь Коринѳъ былъ на его послѣднихъ проводахъ.

Въ заключеніе постараемся представить въ связи ученіе его о нравственности, государствѣ и семействѣ. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что ему было недоступно всякое высшее умозрѣніе; онъ былъ совершенно односторонній, чисто-практическій философъ; бралъ предметомъ своего мудрствованія только человѣка, не помышлялъ много о природѣ и божествѣ. Онъ выразился однажды очень оригинально объ ограниченности своихъ знаній. Ему сказали: «Ты, невѣжда, хочешь быть философомъ?» — онъ отвѣчалъ: «Если даже я только любезничаю съ мудростью, то уже любомудрствую.» Онъ отвергалъ вполнѣ народную религію своей родины, какъ публичную, такъ и мистеріи; по его понятія о божествѣ остались неизвѣстными для насъ. «Все полно божествомъ», говорилъ онъ; въ этихъ словахъ какъ будто слышится смутный и довольно грубый пантеисмъ. Ему приписывается еще другой натурфилософскій афорисмъ: «Все существуетъ во всемъ черезъ все». Намъ извѣстно только примѣненіе этой мысли къ насущному хлѣбу; по его понятію, хлѣбъ заключается и въ мясѣ и въ капустѣ, ибо каждое тѣло принимаетъ въ себя своими тончайшими порами тончайшія истеченія другихъ тѣлъ, такъ что въ каждомъ кускѣ мы вкушаемъ по немногу всего: въ черствомъ хлѣбѣ атомы вкуснѣйшихъ пастетовъ, въ чистой водѣ частицы хорошихъ винъ; нужно только умѣть отыскать ихъ своимъ вкусомъ; къ тому же и дѣйствіе всѣхъ кушаньевъ одинакое, а именно насыщеніе; что же касается до желудка, который онъ называлъ Харибдою, то Харибда охотно принимаетъ все, что только миновало опасный гортанный проходъ, лишь бы не забывали начинять ее почаще. Если вышеприведенный афорисмъ былъ одною изъ основныхъ мыслей его ученія, и если онъ рядомъ съ вѣчнымъ добромъ, заключающимся въ божествѣ, которое наполняетъ все, ставилъ зло, то, по его ученію, часть этого зла должна присутствовать во всемъ; въ каждомъ геніи долженъ быть гранъ глупости или сумасбродства, въ каждой истинѣ частица лжи, въ каждомъ заблужденіи доля правды. Въ самомъ человѣкѣ онъ принималъ безусловно связь добра и зла и въ этомъ отношеніи сравнивалъ его душу съ спѣлымъ гранатнымъ яблокомъ, въ которомъ безчисленное множество зеренъ и очень часто свѣжихъ; но нѣтъ спѣлаго граната, въ которомъ не нашлось бы хотя одного гнилаго зерна; и наоборотъ въ самомъ гниломъ плодѣ можно отыскать нѣсколько свѣжихъ зеренъ. Вся его этика заключалась въ томъ, чтобы укрѣпить въ человѣкѣ добро и по возможности истощить и выморить зло, вслѣдствіе чего онъ постоянно держалъ свое тѣло въ осадномъ

положеніи. Изгнать окончательно зло изъ человѣка невозможно, какъ невозможно отучить себя отъ пищи и питья, какъ бы они ни были скудны: голодъ и жажда посмѣваются надъ нашею этикою. Но онъ почиталъ нужнымъ для укрѣпленія души въ добрѣ неослабное упражненіе тѣла и души въ разныхъ лишеніяхъ. Постояннымъ упражненіемъ тяжелѣйшее обращается въ легкое. Начинать слѣдуетъ съ пищи. Лакомый столъ вредитъ тѣлу и душѣ и противенъ бѣдности, къ которой провидѣніе предназначаетъ добродѣтельныхъ. Лучшая пища та, которая ближе; чѣмъ изысканнѣе съѣстное вещество, тѣмъ вреднѣе для человѣка. Этотъ киническій образъ жизни, въ сравненіи съ которымъ умѣренность нынѣшнихъ обществъ воздержанія есть не болѣе, какъ дѣтская забава, былъ причиною того, что Діогена покидали многіе ученики даже изъ числа тѣхъ, которыхъ привлекала могучая и своеобразная личность философа; испорченные желудки говорили имъ убѣдительнѣе, чѣмъ онъ.

Его ученіе о государствѣ и семействѣ было еще проще и бѣднѣе нежели его этика. Онъ презиралъ преданія, говоря, что онъ теперь законный монетчикъ и перечеканиваетъ всѣ людскіе уставы своимъ штемпелемъ. Онъ же первый изъ Грековъ называлъ себя космополитомъ; патріотисмъ былъ чуждъ ему, наравнѣ съ любостяжаніемъ. Изъ Синопы онъ былъ изгнанъ или, лучше сказать, бѣжалъ; въ Аѳинахъ не былъ гражданиномъ; въ Коринѳѣ былъ рабомъ. Гдѣ же тутъ быть въ немъ патріотисму? — Онъ ненавидѣлъ публичныхъ витій, называя ихъ тщедушными льстецами и холопьями народа; особенно нападалъ онъ на Демосѳена: «это демагогъ», говорилъ онъ, и указывалъ на него среднимъ пальцемъ, что почиталось злою насмѣшкою. Онъ изгонялъ изъ своего идеальнаго государства металлическую монету, предлагая замѣнить ее костями животныхъ. Бракъ также не былъ имъ признаваемъ; женщинъ онъ считалъ способными къ такимъ же правамъ, какъ и мущинъ, обязывая ихъ раздѣлять и добродѣтели послѣднихъ. Но самое неудобоисполнимое изъ всѣхъ требованій Діогена заключалось въ добровольномъ отказѣ отъ собственности, при чемъ онъ вовсе не задавалъ себѣ вопроса, что сталось бы съ обществомъ, въ которомъ всѣ члены рѣшились бы нищенствовать по его примѣру. Мудрецъ по жизни, а не по мышленію, онъ принесъ въ жертву тому лишенію, которое проповѣдывалъ, и отраднѣйшую для человѣка вѣру въ безсмертіе души.

Но что же проливало свѣтъ на это бѣдное, поблеклое и мрачное существованіе, что вносило согрѣвающее дыханіе въ эту хладную пу-

стыню жизни, лишенную всего, что для насъ необходимо, какъ воздухъ необходимъ для дыханія? Одна лишь радость своей могучей волѣ, той дѣятельной силѣ души, которую Діогенъ могъ, по истинѣ, назвать своею, съ которою онъ жестоко и неумолимо разбилъ всѣ желанія своей юности и въ награду удовольствовался однимъ сознаніемъ побѣды надъ собою. Эта самая радость не давала умереть его юмору; она даже условливала его возрастаніе съ каждымъ годомъ, и этотъ юморъ, съ другой стороны, дѣлаетъ его любезнымъ и намъ.

Никто, конечно, не возметъ себѣ въ образецъ такого односторонняго, безотраднаго стремленія. Жизнь взыскиваетъ на человѣкѣ гораздо больше, чѣмъ сколько давалъ ей Діогенъ, и Платонъ былъ совершенно правъ, называя его «сумасшедшимъ Сократомъ». Но мы не можемъ не удивляться этой громадной нравственной энергіи, которая, даже сосредоточенная на такомъ тѣсномъ поприщѣ, достаточно сильна для того, чтобы обнаружить присутствіе въ человѣческой душѣ божественной искры.... Самому Діогену, правда, эта искра не сіяла, хотя онъ и зажигалъ свой фонарь днемъ.

ДРЕВНЯЯ СИНОПА.[1]

Родина Діогена получила для насъ новое значеніе послѣ недавняго блистательнаго подвига русскаго черноморскаго флота. Вѣроятно читателямъ будетъ пріятно узнать, какія судьбы имѣлъ этотъ городъ въ классической древности.

Синопа была самый значительный, богатый и процвѣтающій городъ между приморскими городами Понта Эвксинскаго. Ея превосходный рейдъ, плодоносіе ближайшихъ окрестностей, вообще счастливая мѣстность, εὐφυία τοῦ τόπου, о которой говоритъ Страбонъ, не могли укрыться отъ Грековъ, такъ ловко умѣвшихъ выбирать мѣста выгодныя для торговли и поселеній. Граждане Милета основали здѣсь одну изъ своихъ восьмидесяти колоній, и эта колонія скоро пріобрѣла господство на Черномъ-морѣ. Всѣ древніе писатели говорятъ о Синопѣ, какъ о городѣ первокласномъ. Страбонъ называетъ ее самымъ замѣчательнымъ изъ городовъ всего края; Діодоръ, Помпоній Мела, Валерій Флаккъ, даютъ ей эпитеты: славная, великая, богатая, благородная, и еще у византійскаго писателя Франтцеса упоминается «пресловутый городъ Синопскій»[2].

[1] См. Sengebusch Sinopicarum quaestionum specimen. Berol. 1846. 8°.

[2] Страб. XII, 545. Діодор. XIV, 31. Мела I, 19. Валерій Флаккъ V, 109. Франтцесъ I, 32. IV, 19.

О мѣстности Синопы обстоятельнѣе другихъ говоритъ Страбонъ, который самъ былъ родомъ изъ Понта и вѣроятно не разъ бывалъ въ Синопѣ. «Это городъ (говоритъ онъ), превосходно устроенный и природою и искусствомъ; онъ лежитъ на перешейкѣ небольшаго полуострова; по обѣ стороны перешейка находятся гавани и пристани и удивительныя заведенія рыбной промышленности. Вокругъ полуострова берегъ очень скалистъ; въ немъ много пещеръ, какъ бы пробуравленныхъ въ камнѣ и называющихся на мѣстномъ нарѣчіи *χοινικίδες* [1]; эти пещеры наполняются водою, когда море бываетъ высоко. Вслѣдствіе этого и еще вслѣдствіе игловатаго свойства поверхности прибрежныхъ скалъ, по которымъ вовсе нельзя ходить безъ обуви, берегъ Синопскаго полуострова не легко доступенъ. Но далѣе вверхъ и выше города почва весьма удобная; окрестности города, особенно ближайшія къ нему, покрыты садами. Самъ городъ отстроенъ прекрасно, украшенъ гимнасіемъ, агорою (форумомъ) и стоями.»

Главная причина процвѣтанія Синопы заключалась въ ея обширной торговлѣ. Море доставляло ея рыболовамъ множество молодой рыбы превосходнаго качества, такъ называемыхъ пеламедовъ. Ихъ ловили въ трехъ мѣстахъ по этому берегу Чернаго-моря: первый ловъ былъ въ Трапезунтѣ, второй въ Синопѣ, третій въ Византіи. Черноморская рыба предпочиталась всякой другой по ея качеству; потребленіе ея было очень велико въ древней Греціи, гдѣ соленая рыба составляла ежедневную принадлежность стола. Не менѣе важна была торговля лѣсомъ, строевымъ и особенно корабельнымъ. Кто не знаетъ понтійской сосны, дочери благороднаго лѣса, прославленной Гораціемъ? Лучшіе корабли строились вездѣ изъ понтійскаго лѣса, а главнымъ мѣстомъ его отправленія была Синопа. Орѣховое дерево и особенный видъ ясени, называвшійся сфендамномъ, вывозились отсюда, какъ любимый матеріалъ для богатой домашней утвари: кроватей, столовъ и пр. Ѳеофрастъ особенно хвалитъ синопскій горный сфендамнъ; онъ говоритъ о его красивомъ, свѣтломъ цвѣтѣ, о его крѣпости и плотности, и прибавляетъ, что изъ него дѣлаются самыя драгоцѣнныя вещи. Близкая къ Синопѣ страна Халибовъ и Халдеевъ изобиловала желѣзомъ; его доставляли въ Синопу и здѣсь закаливали съ особеннымъ искусствомъ; синопская сталь, *στόμωμα Σινωπικόν*, особенно славилась въ древности. Наконецъ слѣдуетъ еще упомянуть о синопской землѣ, *Σινωπικὴ γῆ* или просто *Σινωπὶς*, считавшейся въ древности за лучшую красную краску. Таковы были главные предметы синопской тор-

[1] Это слово собственно значитъ—втулка у колеса и вообще полый цилиндръ.

говли съ собственною Греціею и другими южными странами. На сѣверъ, и именно въ предѣлы нынѣшней южной Россіи, особенно въ Ольбію и Боспорское царство, шли, кромѣ того, произведенія плодоносныхъ полей и многочисленныхъ садовъ синопскихъ. Маслина занимала здѣсь первое мѣсто.

Вообще Синопа была центромъ греческой торговли съ Малою Азіею и сѣверомъ; отъ нея шли торговые пути въ Пафлагонію, Галатію, Каппадокію. Жители ея были хорошіе матросы, и флотъ синопскій былъ одинъ изъ значительныхъ въ древности [1].

Какъ всѣ богатые и замѣчательные города, Синопа приписывала себѣ глубокую древность. Ея миѳическое олицетвореніе, героиня Синопа считалась по однимъ дочерью Асопа и Метопы, по другимъ Арея и Эгины или Парнассы [2]. Фебъ Аполлонъ похитилъ ее и увлекъ въ Пафлагонію на южный берегъ Понта Эвксинскаго. Здѣсь она дала свое имя городу Синопѣ и родила сына, Сира, миѳическаго представителя племени Сировъ, или Левкосировъ (бѣлыхъ Сировъ), жившихъ въ Каппадокіи, на востокъ отъ Синопы. Интересно, что эта генеалогія приводитъ Синопу въ связь съ горою Парнассомъ и рѣкою Асопомъ. Первая лежала въ Фокидѣ, въ собственной Греціи;именемъ второй назывались четыре рѣки, изъ которыхъ одна самая большая въ Беотіи, другая въ Пелопоннесѣ, третья близь Ѳермопилъ, а четвертая на островѣ Паросѣ. Сказаніе вѣроятно разумѣетъ большую беотійскую рѣку и основано на мнѣніи о беотійскомъ происхожденіи первыхъ колонистовъ города Синопы. Другіе миѳы, болѣе распространенные, относятъ основаніе города къ войнѣ Геркулеса съ Амазонками или къ походу Аргонавтовъ. Герой Автоликъ, имѣвшій въ Синопѣ храмъ и оракулъ и считавшійся миѳическимъ основателемъ города, былъ по этимъ миѳамъ то спутникомъ Іасона въ походѣ за золотымъ руномъ, то однимъ изъ Ѳессалійцевъ, отправившихся вмѣстѣ съ Геркулесомъ противъ воинственныхъ дѣвъ [3]. Имя Автолика значитъ «самъ волкъ» и относится къ разряду собственныхъ именъ, происходящихъ отъ этого именитаго въ миѳологіи лютаго звѣря, весьма многочисленныхъ во всей этой странѣ. Его миѳологическое значеніе очень интересно; отцемъ его называютъ то Деимаха, то Эрихѳонія, то бога Гермеса [4]; онъ имѣлъ спо-

[1] Мѣста писателей, говорящихъ о торговлѣ Синопы, можно найти въ приведенномъ выше сочиненіи Зенгебуша.

[2] Синопа дочь Асопа, Аполлон. Род. II, 973; дочь Асопа и Метопы Діог. IV, 72; дочь Арея и Эгины или Парнассы. Схол. Аполлон. Род. II, 946. Арей или Марсъ на Востокѣ былъ богъ огня, близкій къ Молоху и Баалу.

[3] Такъ говорятъ согласные въ этомъ Аппіанъ XII, 83 и Плут. Лук. 23.

[4] Аполлон. Род. II, 955 слд.

собность принимать разные образы и измѣнять видъ и цвѣтъ предметовъ, превращать напримѣръ бѣлое въ черное и на оборотъ. Главная миѳологическая черта его состоитъ въ томъ, что онъ хитрый хищникъ. Онъ былъ знаменитъ между людьми притворствомъ и клятвами, какъ сказано въ Одиссеѣ, XIX, 394. Онъ далъ Одиссею его мрачное имя, значащее «гнѣвный». Посѣщая его, Одиссей получилъ отъ вепря ту рану, по которой онъ былъ потомъ узнанъ кормилицей. Вепрь и волкъ, хитрое хищничество, обманчивыя метаморфозы — вотъ представленія, окружающія національнаго героя Синопы и опредѣляющія его характеръ. Надобно полагать, что этотъ кругъ представленій получилъ силу подъ вліяніемъ мѣстныхъ религій сѣвернаго берега Малой Азіи. На это указываетъ въ особенности множество волчьихъ рѣкъ, эти Ликосы, Ликаты, Ликасты, текущіе по этому берегу. Аполлонъ, похитившій Синопу, по всему вѣроятію также былъ Ликейскій Аполлонъ, т. е. волчій. Главнымъ божествомъ Синопы былъ подземный Зевсъ, или Серапись. Храмъ его находился внѣ стѣны города и пользовался особеннымъ почтеніемъ. Тацитъ въ 4 книгѣ своихъ «Исторій» (глав. 83 и 84) подробно расказываетъ о перенесеніи идола этого бога изъ Синопы въ Александрію при первомъ Птолемеѣ. Нельзя отрицать, что въ этомъ повѣствованіи, которое Тацитъ передаетъ не какъ достовѣрную истину, а какъ господствующее мнѣніе, есть много невѣроятнаго; но во всякомъ случаѣ оно не могло бы возникнуть, если бы въ Синопѣ не существовало древняго поклоненія божеству, весьма похожему на позднѣйшаго египетскаго Сераписа. По словамъ Тацита иные признавали Сераписа за Эскулапа, но по большей части видѣли въ немъ Плутона — подземное божество [1]. Интересныя свѣденія о внѣшнемъ видѣ и окруженіи Сераписа мы находимъ въ Сатурналіяхъ Макробія [2]. На главѣ его стоялъ модій, или калаѳъ (мѣра хлѣба); съ правой стороны находилось трехголовое обвитое змѣею животное съ головами льва, собаки и волка, спутникъ страшный и безобразный. Въ параллель къ этому ступнику Сераписа можно привести имена синопскихъ героевъ, послѣдовавшихъ за Аргонавтами. Аполлоній Родосскій и вслѣдъ за нимъ Валерій Флаккъ [3] сообщаютъ намъ слѣдующія имена сыновей «почтеннаго Деимаха»: Деилеонтъ, Автоликъ, и Флогій, т. е. левъ, волкъ и пламя. Синопскій Серапись во всякомъ случаѣ принадлежалъ къ тому же кругу религіозныхъ представленій, какъ и Автоликъ, главный ге-

[1] Значеніе подземнаго божества подверждается и тѣмъ, что какъ въ Синопѣ, такъ и въ египетскихъ городахъ, для храма Сераписова назначалось мѣсто внѣ города. Тац. Истор. IV, 83. Макроб. 1, 7.

[2] 1, 20. ср. 1, 7.

[3] Аполлон. Род. II, 955 сл.л., Валерій Флаккъ V, 114.

рой Синопы. Тацитъ упоминаетъ, что въ Синопѣ съ Сераписомъ была соединена богиня Прозерпина. Дельфійскій Аполлонъ, спрошенный послами Птолемеевыми, повелѣлъ имъ вывезти изъ Синопы Сераписа, котораго онъ назвалъ отцемъ своимъ, и оставить въ Синопѣ Прозерпину, которую онъ призналъ за свою сестру. Изъ этого видно, что синопская Прозерпина была близка къ Артемидѣ или Діанѣ, той дѣвственной и воинственной богинѣ, которой поклонялись во всей восточной части Малой Азіи. Нимфа Синопа также дорожитъ дѣвственностью. Преслѣдуемая Зевсомъ, она обѣщаетъ ему удовлетворить его желаніе, если онъ исполнитъ одну ея просьбу. Получивъ согласіе, она объявляетъ ему, что просьба эта состоитъ въ сохраненіи ея дѣвственности. Такимъ же образомъ, говоритъ Аполлоній Родосскій, Синопа обманула и Аполлона и послѣ него рѣку Галисъ [1]. Логографъ Гекатей и Скимнъ Хіосскій называютъ Синопу прямо Амазонкой [2]. Извѣстно, что первымъ отечествомъ этого племени воинственныхъ дѣвъ считается у древнихъ страна около Өермодонта, лежащая недалеко на востокъ отъ города Синопы.

Такимъ образомъ въ религіи Синопы мы находимъ два элемента, принадлежащіе Малой Азіи, во-первыхъ поклоненіе хищному и лютому подземному богу, и во вторыхъ поклоненіе воинственной дѣвственницѣ. Нѣтъ основанія полагать, что эти религіозныя представленія были принесены туда греческими колонистами. Вѣроятно они древнѣе ихъ.

До-греческіе обитатели Синопы мало извѣстны намъ. Скимнъ Хіосскій [3] называетъ Сировъ и разумѣетъ подъ этимъ именемъ племя Левкосировъ, упоминаемое въ Каппадокіи многими древними писателями. Преемниками Сировъ были по Скимну три героя, уже упомянутые нами: Автоликъ, Деилеонтъ и Флогій. Скимнъ называетъ ихъ выходцами изъ Өессаліи [4]. За тѣмъ прибылъ въ Синопу милетскій колонистъ Амбронъ, котораго убили, по свидѣтельству Скимна, Киммерійцы. Геродотъ также говоритъ, что Киммерійцы заняли то мѣсто, гдѣ послѣ была Синопа.

Господство Киммерійцевъ есть, кажется, первый вѣрный фактъ въ исторіи Синопы. Племя это загадочное и еще не вполнѣ изслѣдованное исторіею. Имя Киммерійцевъ встрѣчается въ Одиссеѣ — они живутъ по ту сторону Океана въ глубокомъ мракѣ, не зная благо-

[1] Аполлон. Род. 946—954. Валер. Флаккъ V, 109. слл.

[2] Гекатей у Схол. Аполл. Род. II, 948, см. Mülleri Fragm. historicor. graecor. vol. 1. Hecataei fragm. 352. Скимн. Хіосск. Фрагм. ст. 205.

[3] Фрагм. ст. 206, слл.

[4] Съ Скимномъ согласенъ и Плутархъ Лукулл. гл. 23.

дѣтельныхъ лучей бога Геліоса. Но нельзя полагать, чтобы они вполнѣ принадлежали баснословнымъ сказаніямъ. Геродотъ свидѣтельствуетъ, что въ его время многія мѣста въ Скиѳіи носили имя этого племени. Онъ упоминаетъ о киммерійскихъ стѣнахъ, о киммерійскихъ гаваняхъ, о странѣ Киммеріи, о Босфорѣ Киммерійскомъ. Въ теперешнемъ имени Крыма повидимому кроется остатокъ того же племеннаго прозвища. По Геродоту Киммерійцы жили на Таврическомъ полуостровѣ и на пространствѣ между нимъ и рѣкою Тирасомъ (Днѣстромъ), прежде появленія въ этихъ мѣстахъ Скиѳовъ. Вслѣдствіе большихъ переселеній народовъ въ средней Азіи Скиѳы вытѣснили Киммерійцевъ изъ этихъ странъ. Тогда, повѣствуетъ Геродотъ, цари киммерійскіе рѣшились умереть въ своей странѣ. Та часть народа, которая раздѣляла [это намѣреніе, вступила съ царями въ произвольный бой, въ которомъ погибло все, что было храбраго между Киммерійцами. Во время Геродота, еще показывали гробницы этихъ мужественныхъ людей на берегу рѣки Тираса. Остальная часть народа обратилась предъ Скиѳами въ бѣгство, и направила путь свой въ Малую Азію. Геродотъ говоритъ, что Скиѳы преслѣдовали ихъ, но ошиблись въ направленіи преслѣдованія. Между тѣмъ какъ Киммерійцы шли восточнымъ берегомъ Чернаго-моря, вдоль по западному склону Кавказскихъ горъ, Скиѳы взяли болѣе восточный путь по западному берегу Каспійскаго-моря. Такимъ образомъ Киммерійцы прибыли въ Малую Азію, между тѣмъ какъ Скиѳы вторгнулись въ Мидію. Въ этомъ повѣствованіи совершенно достовѣрно то, что нападеніе Скиѳовъ на Мидію и Киммерійцевъ на Малую Азію были одновременны. Но относительно подробностей есть много основаній сомнѣваться. Нибуръ указываетъ въ особенности на невозможность того пути, который Геродотъ приписываетъ Киммерійцамъ, и дѣлаетъ предположеніе, подкрѣпляемое другими историческими данными, что путь Киммерійцевъ лежалъ не по восточному, а по западному берегу Понта Эвксинскаго, именно чрезъ Ѳракію [1]. Какъ бы то ни было, достовѣрно, что Киммерійцы опустошили Малую Азію при царѣ мидійскомъ Ардисѣ, царствовавшемъ отъ 640 до 625 г. до Р. Х., и что они были изгнаны оттуда Аліаттомъ, внукомъ Ардиса, вступившимъ на престолъ въ 617 году. Равнымъ образомъ не можетъ быть заподозрѣно и то извѣстіе, что Синопа была главнымъ пунктомъ, на которомъ Киммерійцы укрѣпились. Колонистъ милетскій Амбронъ, упоминаемый Скимномъ, былъ умерщвленъ при этомъ случаѣ.

[1] Герод. VI, 12. Niebuhr Kleine Schriften Bd. I, S. 366.

Послѣ Киммерійцевъ, продолжаетъ Скимнъ (ст. 212), положили вторично основаніе греческихъ поселеній въ Синопѣ сначала Коосъ, а потомъ Критинъ — милетскіе изгнанники [1]. Съ тѣхъ поръ колонія не подвергалась болѣе опустошенію и скоро начала процвѣтать. Ея необыкновенно выгодное положеніе дало ей возможность захватить въ свои руки большую часть торговли на Черномъ-морѣ. По видимому еще во времена весьма древнія Синопа успѣла основать подвластныя себѣ поселенія на нѣкоторыхъ пунктахъ южнаго берега Чернаго-моря, важныхъ въ торговомъ отношеніи. Первое мѣсто между этими поселеніями занималъ Трапезунтъ; кромѣ того упоминаются: Керасунтъ, Котіора, Гармена, Киторъ. Весь берегъ отъ Гераклеи до Трапезунта находился подъ властію Синопы и могъ называться синопскимъ побережьемъ, ἡ Σινωπῖτις.

Важность этого мѣста для понтійской торговли была такъ велика, что когда Аѳиняне стали думать о господствѣ на греческихъ моряхъ, они тотчасъ же обратили вниманіе на Синопу. Это случилось во время Перикла. Синопа была тогда управляема однимъ тиранномъ, по имени Тимесилеонтомъ; противъ него Периклъ оставилъ 13 кораблей подъ предводительствомъ Ламаха. Тимесилеонтъ былъ выгнанъ изъ Синопы, и Аѳиняне, по предложенію Перикла, послали туда 600 своихъ колонистовъ, которымъ были предоставлены земли, принадлежавшія Тимесилеонту. Эти колонисты должны были упрочить связь Синопы съ съ Аѳинами и обезпечить для послѣднихъ вліяніе на этотъ важный торговый пунктъ [2].

Вскорѣ послѣ Перикла мы получаемъ извѣстіе о состояніи Синопы отъ Ксенофонта, по поводу прохожденія чрезъ это мѣсто извѣстнаго отряда 10,000 Грековъ [3]. Мы узнаемъ изъ его словъ, что Синопа былъ городъ богатый, что у нея было значительное число судовъ, что колоніи Синопы: Трапезунтъ, Керасунтъ, Котіора, повиновались своей метрополіи, платили ей подать и состояли подъ надзоромъ епископовъ, или чиновниковъ, посылавшихся изъ Синопы. Трапезунтъ былъ первый синопскій городъ, лежавшій на пути отряда; онъ находился, говоритъ Ксенофонтъ, въ области Колховъ; греческое войско пробыло въ немъ около 30 дней, считало тутъ себя уже почти въ Греціи и принесло благодарственную жертву Зевсу спасителю и Геркулесу;

[1] По Стефану Визант., подъ словомъ Σινώπη, основателемъ города былъ Критинъ съ острова Коса. Отсюда произошелъ, можетъ быть, по недоразумѣнію Скимновъ Коосъ. Слич. Евстаѳія къ Діон. ст. 775 изд. Гудсона, и Pauly Real-Encyclopädie, подъ словомъ Sinope.

[2] Плут. Перикл. 20.

[3] Анабас. IV, 8. V, 1 — 10.

за жертвами слѣдовали, по греческому обычаю, состязанія и игры. Изъ Трапезунта прибыли они послѣ 30-тидневнаго пути въ Керасунтъ, также колонію Синопы, въ области Колховъ; здѣсь остались они 10 дней. Третьимъ городомъ на этомъ пути была Котіора; она лежала недалеко отъ Керасунта, была также основана гражданами Синопы, но принадлежала уже не къ странѣ Колховъ, а къ области Тибареновъ. Греки прибыли сюда послѣ двухдневнаго похода и оставались здѣсь 45 дней. Жители Котіоры отказались-было давать имъ припасы и отвести въ городѣ квартиры для больныхъ. Войско принуждено было прибѣгнуть къ силѣ, и только синопскіе посланники уладили дѣло. Ксенофонтъ расказываетъ о переговорахъ и совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Котіорѣ относительно дальнѣйшаго слѣдованія отряда. Колебались, какой путь предпочесть, сушею или моремъ; была также мысль остаться въ Понтѣ и основать новый городъ. Послѣдняго, кажется, особенно испугались богатые граждане Синопы и Гераклеи. Городъ, независимый отъ Синопы, и притомъ городъ съ воинственнымъ народонаселеніемъ — это была такая мысль, съ которою жители Синопы никакъ не могли сдружиться; опасенія, чтобы она не перешла въ дѣйствительность, были вѣроятно главнымъ побужденіемъ при тѣхъ большихъ пожертвованіяхъ, которыя были сдѣланы жителями Синопы въ пользу возвращавшагося отряда 10,000: Синопа и Гераклея выставили столько судовъ, сколько было нужно всему войску для переѣзда моремъ.

Эти два города даже обѣщали выдать каждому воину, рѣшающемуся на немедленное отплытіе, по золотой монетѣ города Кизика, заключавшей въ себѣ 28 аѳинскихъ драхмъ золота. Такъ мало желательно для нихъ было новое сосѣдство. Обѣщаніе денегъ не было исполнено, но корабли выставлены въ достаточномъ числѣ, и когда греческое войско на своемъ плаваніи изъ Котіоры, вдоль по берегу Пафлагоніи зашло въ синопскую гавань Гармену, то жители Синопы послали Грекамъ дары, 3,000 медимновъ ячной крупы и 1,500 ведеръ вина. Въ Гарменѣ войско пробыло 5 дней и отправилось отсюда далѣе на западъ въ Гераклею, гдѣ, какъ извѣстно, оно раздѣлилось на нѣсколько малыхъ отрядовъ.

Къ одному почти времени съ Ксенофонтовой экспедиціей, именно къ царствованію Артаксеркса же Мнемона, относятся покушенія противъ Синопы извѣстнаго Датама, жизнеописаніе котораго оставлено Корнеліемъ Непотомъ. Этотъ Датамъ былъ сынъ Камиссара, управлявшаго сосѣднею Каппадокіи частью Киликіи. Сначала онъ служилъ въ числѣ тѣлохранителей царя Артаксеркса, потомъ получалъ

отъ него разныя военныя порученія, воевалъ съ пафлагонскимъ династомъ Θіемъ (Θύος) и катаонійскимъ династомъ Аспіемъ (Ἄσπις), послѣ того отложился отъ великаго царя, занялъ Каппадокію и Пафлагонію, велъ войну противъ Артаксерксова полководца Автофрадата, и потомъ былъ убитъ по волѣ Артаксеркса понтійскимъ сатрапомъ Миѳрадатомъ [1]. Къ какому времени его дѣятельности относятся его покушенія на Синопу, съ точностію опредѣлить нельзя. Корнелій Непотъ не упоминаетъ о нихъ; единственный нашъ источникъ составляетъ здѣсь свидѣтельство Поліэна въ его сочиненіи «О стратегемахъ» (т. е. военныхъ хитростяхъ), въ которомъ нигдѣ не обозначено время; можно только догадываться, что эти покушенія предшествовали отложенію Датама отъ Артаксеркса. Поліэнъ [2] расказываетъ, что Датамъ, имѣя виды на Синопу, городъ, обладавшій флотомъ, и не находя средствъ дѣйствовать противъ него прямо, принялъ личину дружелюбія и предложилъ жителямъ Синопы дѣйствовать сообща противъ Сеста, съ которымъ Синопа въ то время враждовала. Зенгебушъ [3] догадывается, что причиною этой вражды былъ споръ за пошлину, которую жители Сеста, пользуясь своимъ положеніемъ въ Дарданельскомъ-проливѣ, взимали съ проходящихъ судовъ, подобно тому какъ Византія собирала пошлину въ Константинопольскомъ-проливѣ. Очень вѣроятно, что торговые города Понта, въ томъ числѣ и Синопа, принимали съ неудовольствіемъ всякое возвышеніе пошлины, и что вражда Синопы и Сеста, имѣвшая мѣсто во время Датама, основывалась на подобномъ поводѣ [4]. Но какъ бы то ни было, Датамъ увѣрилъ Синопцевъ, что намѣренъ воевать противъ Сеста, и просилъ у нихъ помощи, въ особенности для устройства военныхъ машинъ, какъ-то тарановъ и такъ называемыхъ «черепахъ». Синопцы повѣрили его обѣщаніямъ и послали къ нему всѣхъ нужныхъ мастеровъ и архитекторовъ, сколько ихъ было въ городѣ, такъ что онъ получилъ средства соорудить флотъ и военные снаряды. Но Датамъ поступилъ вѣроломно, и вмѣсто того, чтобы идти противъ Сеста, осадилъ Синопу. По словамъ Поліэна городъ былъ освобожденъ отъ угрожавшей ему опасности лишь повелѣніемъ Артаксеркса снять осаду [5].

[1] Корнел. Непот. Жизнь Датама.

[2] Стратег. VII, 21, 2 и 5.

[3] Quaest. Sinop. specimen pag. 37.

[4] Мы знаемъ, что Родосъ велъ войну съ Византіей за неправильное взиманіе сбора въ Боспорѣ Ѳракійскомъ. Полиб. III, 2. IV, 38. 46 sqq. См. Hüllmann Handelsgeschichte der Griechen (Bonn, 1839) S. 255.

[5] Изъ этого извѣстія именно и слѣдуетъ, что покушеніе Датама противъ Синопы, о которомъ говоритъ Поліэнъ, должно быть отнесено къ первому времени дѣятельности Датама, когда еще онъ не отложился отъ Артаксеркса.

Высшей степени благосостоянія Синопа по видимому достигла около времени Филиппа и Александра Македонскихъ. Объ умственной жизни города выгодно свидѣтельствуютъ такія имена, какъ философъ Діогенъ, основатель киническої школы, комикъ Дифилъ, занимающій въ новой аттической комедіи одно изъ первыхъ мѣстъ на ряду съ Менандромъ, комики Діонисій и Діодоръ, принадлежавшіе, какъ кажется, средней аттической комедіи. Синопа имѣла даже свое особенное изданіе Гомера, упоминаемое въ числѣ семи изданій, которыя назывались въ древности «изданіями городовъ». Художественное образованіе города видно изъ того, что около этого же времени онъ заказалъ статую своего героя Автолика извѣстному тогда аттическому художнику Сѳеннису. Мы знаемъ также, что жители Синопы принимали участіе въ греческихъ національныхъ играхъ; въ Анѳологіи есть одна эпиграмма въ честь Синопца, получившаго вѣнокъ въ исѳмійскомъ состязаніи. Павсаній говоритъ о священной ѳеоріи (посольствѣ), отправлявшейся будто бы изъ страны Гипербореевъ чрезъ Синопу въ въ Делосъ и Аѳины.

Вскорѣ по смерти Александра Македонскаго Синопа подпала подъ власть какого-то князька Скидроѳемія, къ которому, какъ повѣствуетъ Тацитъ, отправлялъ посольство первый Птолемей за статуею бога Сераписа. Но власть Скидроѳемія была непродолжительна, ибо о династіи его не упоминается, а напротивъ того Синопа признается въ продолженіе III-го вѣка до Р. Х. городомъ самостоятельнымъ или, какъ говорили Греки, *автономнымъ*.

Въ концѣ III-го вѣка Синопѣ пришлось испытать притязанія на обладаніе ею со стороны сосѣдняго понтійскаго царства. Еще во время персидскаго владычества сѣверо-восточная часть Малой Азіи повиновалась наслѣдственнымъ князькамъ, производившимъ себя изъ рода Ахеменидовъ и находившимся въ весьма слабой зависимости отъ великаго царя. Завоеванія Александра Македонскаго не коснулись этого уголка, и онъ оставался подъ управленіемъ той же династіи. При преемникахъ Александра Македонскаго понтійскіе князья присвоили себѣ царскій титулъ и, пользуясь обстоятельствами, стали помышлять о распространеніи своего царства. Митридатъ III, сынъ и преемникъ перваго понтійскаго царя Митридата II-го, покорилъ часть Каппадокіи и Пафлагоніи, а Митридатъ IV-й пытался овладѣть и Синопой. Полибій довольно подробно расказываетъ объ этомъ дѣлѣ. Изъ словъ его видно, что Синопа находилась тогда въ тѣсныхъ связяхъ съ Родосомъ и получала отъ него весьма значительное пособіе.

Выше было упомянуто, что Аѳиняне, во время своего морскаго могущества, старались утвердить за собою Синопу. Въ эпоху преемниковъ Александра Аѳины совершенно потеряли значеніе морской державы, и мѣсто ихъ въ этомъ отношеніи занялъ Родосъ. Македонскіе генералы, стоявшіе во главѣ отдѣльныхъ частей Александровой монархіи, находились между собою въ постоянныхъ распряхъ, которыя заставили восточную торговлю принять новый путь. Александрія, основанная Александромъ Великимъ близь устья Нила, скоро сдѣлалась важнымъ торговымъ городомъ; восточные караваны направлялись теперь къ Александріи и оставили свой прежній путь на Тиръ, городъ, который лежалъ въ развалинахъ послѣ разрушенія его Александромъ Македонскимъ. Но александрійскіе купцы не могли сами развозить по тогдашнему міру доставляемыя имъ съ востока произведенія Аравіи и Индіи. Постоянныя войны Египта съ другими государствами подвергали ихъ всегдашней опасности потерять свои товары въ непріятельскихъ странахъ. Точно въ такомъ же положеніи находились жители Сиріи, Малой Азіи и собственной Греціи. Только островъ Родосъ составлялъ исключеніе. По смерти Александра Великаго онъ выгналъ находившійся на немъ македонскій гарнизонъ, и съ тѣхъ поръ старался сохранить неутральность между воевавшими сторонами. Ни съ кѣмъ онъ не заключалъ союза, но со всѣми старался поддерживать дружественныя сношенія. Онъ былъ такъ малъ, что не возбуждалъ ни въ комъ зависти, и притомъ положеніе среди моря дѣлало нападеніе на него затруднительнымъ. Обладатели большихъ государствъ дорожили его дружбою, потому что получали чрезъ его посредство произведенія непріятельскихъ странъ. По этому-то въ эпоху діадоховъ вся торговля между Европой и Азіей сосредоточивалась на этомъ островѣ. Родосцы были превосходные моряки; ихъ правдивость и предпріимчивость, благоразумное устройство ихъ государства и превосходные морскіе и торговые законы пріобрѣли имъ славу между купцами всѣхъ земель; постояннымъ и счастливымъ преслѣдованіемъ морскихъ разбойниковъ они сдѣлались истинными защитниками купеческаго мореплаванія въ восточныхъ водахъ; многіе иностранные купцы и капиталисты селились въ ихъ городѣ, чтобы пользоваться вѣрнымъ доходомъ съ своего состоянія. Особенно высоко поднялось родосское государство въ мнѣніи современниковъ, послѣ того какъ имъ удалось съ успѣхомъ выдержать знаменитую осаду Димитрія Поліоркета. Какимъ дружелюбнымъ расположеніемъ со всѣхъ сторонъ умѣло пользоваться это умное общество торговыхъ людей, видно изъ расказовъ о пособіяхъ, сдѣланныхъ Родосу послѣ землетрясенія, постигнувшаго его въ 227-мъ году до

Р. Х. Гіеронъ Сиракусскій, Птолемей Эвергетъ, Антигонъ Македонскій и жена его Хрисеида, Селевкъ-Калиникъ, цари Прусій и Митридатъ прислали Родосу самые щедрые дары; а города, говоритъ Полибій, участвовавшіе не менѣе царей въ этихъ вспомоществованіяхъ, едва ли кто будетъ въ состояніи исчислить.

Этихъ немногихъ словъ о значеніи и характерѣ Родоса [1] въ это время будетъ достаточно, чтобы представилось въ настоящемъ свѣтѣ дѣятельное участіе, которое принялъ Родосъ въ войнахъ Синопы съ понтійскими царями. Нѣтъ сомнѣнія, что расчетъ участвовалъ въ этомъ образѣ дѣйствія: Родосъ дорожилъ Синопою, какъ важнымъ торговымъ пунктомъ, подобно тому какъ ею дорожили Аѳиняне прежде Родоса. Но нельзя не замѣтить, что въ отношеніяхъ Родоса къ Синопѣ не только замѣтно менѣе властолюбія, но и видна готовность сдѣлать значительныя усилія и пожертвованія для поддержки города, дружбою котораго Родосъ дорожилъ. Почтенная коммерческая честность и постоянство, видны въ этомъ неослабѣвающемъ участіи къ судьбамъ Синопы, въ участіи, которое не престаетъ помогать ей, то матеріальными средствами, то дипломатическимъ заступничествомъ. Когда Митридатъ IV началъ войну съ Синопой, граждане Родоса опредѣлили 140,000 драхмъ на пособіе утѣсненному городу. Они послали въ Синопу 10,000 сосудовъ съ виномъ, 300 талантовъ выдѣланной шерсти, 100 талантовъ приготовленной тетивы, полное вооруженіе на 1,000 человѣкъ, 3,000 золотыхъ монетъ, 4 каменобросательныя машины. На этотъ разъ Синопа была счастлива; городъ достаточно укрѣпили въ слабыхъ мѣстахъ, и нападенія Митридата не имѣли успѣха [2]. Но съ преемникомъ Митридата IV, Фарнакомъ 1-мъ, Синопа не смогла бороться. Онъ сдѣлалъ на нее неожиданное нападеніе, Родосъ не успѣлъ подать помощи, и Синопа была покорена Фарнакомъ въ 184 году до Р. Х. Впрочемъ и тутъ Родосъ не покинулъ Синопы. Ливій повѣствуетъ, что вслѣдъ за этимъ несчастіемъ Родосцы послали въ Римъ посольство, чтобы просить римскій сенатъ о вмѣшательствѣ въ это дѣло; Полибій сообщаетъ то же извѣстіе [3]. Римскій сенатъ опредѣлилъ послать легатовъ для разсмотрѣнія синоп-

[1] Превосходно говоритъ объ этомъ Дройзенъ Geschichte des Hellenismus I, 473 слл. О землетрясеніи тамъ же II, 574 слл. Ср. также Hüllmann Handelsgeschichte der Griechen стр. 253 слл.

[2] Полиб. IV, 54. По поводу мѣръ, принятыхъ въ Синопѣ противъ угрожавшей осады, Полибій описываетъ мѣстность города. Описаніе его совершенно согласно съ Страбоновымъ, приведеннымъ выше.

[3] Лив. XL, 2. Полиб. XXIV, 10.

скаго дѣла на мѣстѣ. Но какія послѣдствія имѣло это разсмотрѣніе, мы не знаемъ.

Съ этихъ поръ прекращается самостоятельность Синопы, и она становится однимъ изъ главныхъ городовъ Понтійскаго царства. Какъ памятники ея независимой жизни, остаются для насъ имена нѣсколькихъ писателей, происходившихъ изъ Синопы и прославившихся въ греческой литературѣ; они показываютъ, что Синопа жила одною жизнію съ Греціей, въ особенности съ Аѳинами. Теперь она вступаетъ въ совершенно новое сочетаніе. Узы, соединявшія ее съ собственною Греціею, ослабѣваютъ, и она уже вся начинаетъ принадлежать Востоку. Впрочемъ и въ этомъ своемъ новомъ положеніи она не могла не пріобрѣсти почетнаго мѣста. Наряду съ Амисомъ она была главнымъ городомъ Понтійскаго царства, а Митридатъ Великій, который родился и былъ воспитанъ въ Синопѣ, признавалъ ее, по свидѣтельству Діодора [1], первою своею столицею: здѣсь находился царскій дворецъ его и та царская гробница, въ которой онъ былъ похороненъ по распоряженію Помпея [2].

Римляне покорили Синопу подъ предводительствомъ Лукулла [3]. Синопа долго сопротивлялась. Гарнизонъ ея состоялъ изъ Киликійцевъ. Передъ сдачею они сожгли городъ, а равно всѣ находившіеся въ его обоихъ рейдахъ большіе суда, многихъ жителей убили, а сами на малыхъ судахъ спаслись бѣгствомъ. Лукуллъ взялъ городъ, умертвилъ до 8,000 сдавшихся, но даровалъ городу свободу, побужденный, какъ расказываютъ Аппіанъ и Плутархъ, сновидѣніемъ. Въ день взятія города ему привидѣлось, что, Автоликъ, національный герой Синопы, зоветъ его къ себѣ [4]. Этому сновидѣнію Синопа была обязана своимъ освобожденіемъ. Надобно полагать, что она приняла его съ большою благодарностью и дорожила вновь полученною свободой. Еще въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х. она вела лѣтосчисленіе отъ года побѣды Лукулловой [5].

[1] Діод. XIV, 31.

[2] Цицеронъ pro lege Manilia c. 8, исчисляя подвиги Лукулла, говоритъ: Sinopen atque Amisum, quibus in oppidis erant domicilia regis, omnibus rebus ornatas atque refertas, ceterasque urbes Ponti et Cappadociae permultas uno aditu adventuque esse captas etc. О гробницѣ Митридата Аппіанъ XII, 113; Плут. Помп. 42.

[3] Объ этомъ дѣлѣ говорятъ Плутархъ въ жизнеописаніи Лукулла, гл. 23 и Аппіанъ XII (Митрид.), 83.

[4] Такъ расказываетъ Аппіанъ, XII, 83. По Плутарху сновидѣніе состояло въ томъ, что Лукуллъ слышалъ голосъ: «иди впередъ, Лукуллъ, Автоликъ идетъ къ тебѣ навстрѣчу.» Плут. Лук. 23.

[5] См. Eckhel Doctrina nummorum veterum Vol. II p. 394.

Но Римъ не могъ долго оставить такого важнаго города вполнѣ самостоятельнымъ. Подобно Аѳинамъ и Родосу, онъ также обратилъ на него свое вниманіе и поступилъ согласно своему обыкновенному образу дѣйствія — выслалъ въ Синопу колонію. Это случилось при Юліи Цезарѣ [1]. Синопа съ тѣхъ поръ получаетъ оффиціальное имя colonia Julia Caesarea Felix Sinope. На монетахъ ея изображается голова великаго диктатора, какъ основателя города, и оффиціальною эрою становится годъ выведенія колоніи, 709-й отъ основанія Рима. Надобно однакожъ полагать, что эра отъ освобожденія города Лукулломъ оставалась, не смотря на то, въ общемъ употребленіи; по крайней мѣрѣ только этимъ, кажется, можно объяснить тотъ фактъ, что, начиная со времени императора Александра Севера, она исключительно господствуетъ на синопскихъ монетахъ, между тѣмъ какъ въ продолженіе двухъ съ половиною столѣтій отъ Цезаря до Геты и Діадуменіана на синопскихъ монетахъ встрѣчается лишь вторая эра отъ основанія колоніи, т. е. оффиціальная [2].

Во время римской имперіи Синопа повидимому процвѣтала; Плиній Младшій [3] упоминаетъ объ огромномъ водопроводѣ, 16 римскихъ миль въ длину, сооруженномъ въ его время гражданами Синопы. Но въ послѣднія времена имперіи колонія Синопы, Трапезунтъ, получила перевѣсъ надъ своею метрополіею. Положеніе Трапезунта имѣетъ большія выгоды. Онъ былъ бы, можно сказать, однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ земнаго шара, если бы у него была безопасная гавань. Мало на свѣтѣ мѣстъ болѣе богатыхъ живописною красотою мѣстоположенія и роскошною растительностью, а физическое образованіе страны представляетъ со всѣхъ сторонъ превосходныя естественныя границы для защиты. Но пока Трапезунтъ находился подъ вліяніемъ Синопы, онъ не могъ достигнуть значительной степени благосостоянія.

Возвышеніемъ своимъ онъ обязанъ римской имперіи, и этому возвышенію много способствовали усилившіяся сношенія между Персіею и европейскими провинціями Рима. Императоръ Адріанъ пополнилъ по возможности естественный недостатокъ города, устроивъ гавань. Все это вмѣстѣ дало Трапезунту возможность сдѣлаться однимъ изъ первыхъ рынковъ для произведеній Востока.

Въ византійское время этотъ городъ былъ столицею провинціи Халдеи и управлялся герцогами, почти независившими отъ константино-

[1] Страб. въ прив. мѣстѣ. Плин. Histor. Nat. VI, 2. Плиній Младшій Epist. X, 91. 92.
[2] Обо всемъ этомъ см. Eckhel D. N. V. II, 391—394.
[3] Письма кн. X.

польскихъ императоровъ. Пораженіе Романа IV сельджукскими Турками при Манзикертѣ въ 1071 году еще болѣе ослабило связи, соединявшія Малую Азію съ Византіею, а когда Константинополь въ 1204 году попалъ въ руки Латинцевъ, то Малая Азія была совершенно предоставлена своимъ собственнымъ средствамъ. Къ этому времени относится основаніе самостоятельнаго греческаго государства, столицею котораго сдѣлался Трапезунтъ [1]. Алексѣй Комнинъ, первый императоръ этой новой римской имперіи, скоро овладѣлъ сосѣдними Трапезунту городами, въ томъ числѣ Керасунтомъ, а братъ его Давидъ покорилъ весь берегъ отъ Синопы до Гераклеи. Но этотъ успѣхъ былъ непродолжителенъ. Султанъ Азеддинъ осадилъ Синопу, между тѣмъ какъ никейскій императоръ Θеодоръ Ласкарисъ покорилъ одинъ за другимъ города: Гераклею, Амастрисъ и Тіосъ. Синопа была самый богатый и самый укрѣпленный городъ въ области Давида. Дорожа имъ, онъ поспѣшилъ къ нему со всѣми своими силами, но неудачное сраженіе положило здѣсь конецъ его жизни. Синопа сдалась Азеддину.

Въ 1253 году монахъ Рюбрюкисъ, посланникъ святаго Людовика ко двору Каракорумскому, упоминаетъ о Синопѣ. Она принадлежала тогда Туркамъ, но сами Турки, властители ея, были вассалами Татаръ. Въ это время многія обстоятельства соединились, чтобы возвысить торговую важность прибрежныхъ городовъ Чернаго-моря. Вторженіе въ Сирію Ховаресміевъ и Монголовъ, небезопасность караванныхъ дорогъ во всей области мамлюкскихъ султановъ, наконецъ папская булла, запрещавшая христіанамъ торговать съ магометанами, заставили восточную торговлю снова принять тотъ путь, которому она слѣдовала во время войнъ Римлянъ съ Парθянами и византійскихъ императоровъ съ Сассанидами и первыми изъ калифовъ. Понтійскіе Греки, а еще болѣе Италіянцы, и между ними особенно Генуэзцы, воспользовались этимъ новымъ положеніемъ дѣлъ. Черное море сдѣлалось сре-

[1] Объ этомъ времени см. сочиненіе извѣстнаго филеллина Шотландца Финлея: History of Greece from its conquest by the crusaders to its conquest by the Turks and of the Empire of Trebizond, Edinb. and London, 1851 или въ нѣмецкомъ переводѣ: Die Geschichte Griechenlands von seiner Eroberung durch die Kreuzfahrer bis zur Besitznahme durch die Türken, und des Kaiserthums Trapezunt. Von George Finlay. Aus dem Englischen übersetzt von Reiching. Tübing. 1853. Финлей давно уже поселился въ Греціи и посвятилъ всѣ свои силы изученію ея исторіи во времена, которыя еще недостаточно изслѣдованы. Кромѣ приведеннаго сочиненія онъ издалъ слѣдующія: Greece under the Romans, a historical view of the condicion of the Greek nation from the time of its conquest by the Roman empire in the East. Edinb. and London, 1844, и Byzantine history from 716 to 1057. Edinb. and London, 1853. О трудахъ его говоритъ между прочимъ г. Куникъ въ II-мъ томѣ Ученыхъ Записокъ Императорской Академіи Наукъ по I и II отдѣленіямъ, стр. 437.

доточіемъ всемірной торговли. О Синопѣ упоминается въ это время, какъ о мѣстѣ знаменитомъ своими корсарами. Ихъ нападенія были обыкновенно направлены на флоты итальянскихъ республикъ, но когда имъ не удавалось найти довольно добычи на морѣ, они обращали свое оружіе противъ христіанъ. Такъ напримѣръ въ 1314 году одна шайка этихъ грабителей сдѣлала высадку вблизи Трапезунта, ограбила его предмѣстья и сожгла значительную часть города, при чемъ много превосходныхъ зданій погибло.

Синопа оставалась подъ управленіемъ своихъ эмировъ до времени оттоманскаго султана Магомета II. Послѣдній эмиръ синопскій, Измаилъ, былъ въ союзѣ съ Давидомъ, послѣднимъ императоромъ Трапезунтскимъ. Третьимъ союзникомъ ихъ былъ туркоманскій султанъ Узумъ-Гассанъ. Магометъ II уже обладалъ Константинополемъ и окончилъ покореніе Мореи, когда рѣшился разгромить этихъ союзниковъ. Онъ собралъ огромное войско и вступилъ въ Азію. Первою цѣлью его было отвлечь Измаила отъ союза. Синопа, по турецки Синапъ, была въ то время хорошо укрѣплена и могла выдержать долговременную осаду. Обладаніе ею было необходимо для безопасности лѣваго фланга оттоманскаго войска. Магометъ рѣшился на хитрость. Онъ вызвалъ Измаила въ свой станъ, какъ бы для заключенія союза, и потомъ далъ ему вѣроломный совѣтъ уступить Синопу оттоманскому войску, которое одно въ состояніи съ успѣхомъ защищать этотъ пунктъ, столь важный для правовѣрныхъ. Измаилъ принужденъ былъ согласиться и получилъ Филиппополь въ замѣнъ уступленной Синопы. Такимъ образомъ Синопѣ было суждено въ другой разъ перейти посредствомъ предательства въ руки сильнаго властителя. Подобно Фарнаку Понтійскому, Магометъ II отказался отъ славы взять Синопу съ честнаго боя.

Магометъ II нашелъ въ Синопѣ большія сокровища. Казначейство было богато деньгами. Валы перешейка, соединяющаго Синопу съ материкомъ, и два форта, защищавшіе двѣ ея гавани, были снабжены 400 орудьями. Гарнизонъ состоялъ изъ 2,000 мушкетеровъ и 1,000 солдатъ, вооруженныхъ, по обычаю того времени, копьемъ, лукомъ, мечемъ и желѣзною дубиной. Нѣсколько галеръ и большихъ кораблей лежали въ гавани, и одинъ изъ нихъ считался самымъ большимъ судномъ на восточныхъ моряхъ. Магазины были наполнены жизненными и военными припасами. Овладѣвъ Синопой, оттоманскій султанъ сталъ получать съ однихъ мѣдныхъ рудниковъ до 50,000 золотыхъ доходу; самъ городъ и его область давали 200,000 золотыхъ. Таковы были средства Синопы, когда она подпала оттоманскому владычеству. Ей было су-

ждено низко упасть подъ управленіемъ Порты. Финлей, авторъ исторіи Византіи въ послѣдніе два вѣка ея существованія, говоритъ слѣдующее о теперешнемъ Синопѣ: «Укрѣпленія перешейка находятся въ такомъ жалкомъ состояніи, что многія башни погнулись и готовы обрушиться. Въ городѣ едва есть 5,000 жителей. Естественное превосходство его положенія, чудная гавань, съ домами, покрытыми тѣнью деревъ, наполняютъ душу путешественника удивленіемъ тому, что человѣческія учрежденія могутъ до такой степени сдѣлать безполезными дары природы, какъ случилось съ этимъ знаменитымъ мѣстомъ.» — Отъ древняго города остались лишь развалины амфитеатра, да разбросанные кое-гдѣ базы и надгробные камни. Нѣсколько надписей, найденныхъ тамъ, изданы Бёкомъ въ его Corpus Inscriptionum Graecarum.

—

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о синопскихъ монетахъ [1]. Во время автономіи чаще всего встрѣчается типъ Персея съ его принадлежностями: Персей въ окриленномъ шлемѣ, Персей, поражающій Медусу, эгида съ головою Медусы, Персеевъ серпообразный мечь. Этотъ типъ есть общее достояніе Синопы и всѣхъ понтійскихъ городовъ. Онъ прославляетъ героя, находившагося въ тѣсной связи съ религіозными представленіями восточной части Малой Азіи. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности о миѳологическомъ значеніи этого героя. Достаточно указать на то, что онъ имѣетъ своимъ оружьемъ серпъ, принадлежащій мрачному Кроносу, что онъ убиваетъ Акрисія дискомъ— символомъ солнца, свѣтила, принадлежащаго Баалу-Кроносу,— что онъ имѣетъ способность превращать людей въ камень. Кругъ этихъ представленій родственъ съ кругомъ Сераписа, который также есть и солнце, и мрачный подземный богъ [2].

На ряду съ Персеемъ является на монетахъ Синопы его покровительница, Паллада. Далѣе — голова богини въ высокомъ вѣнцѣ, вѣроятно той Прозерпины или Діаны, которая, по Тациту, была спутницею синопскаго Сераписа. Другіе обычные типы суть: бодающійся быкъ; орелъ съ распростертыми крыльями; орелъ, сидящій на молніи; рогъ изобилія между шапками Діоскуровъ; изображеніе Купидона съ крыльями; Викторія, шествующая съ пальмовой вѣтвью; колчанъ и лукъ; колчанъ.

На монетахъ Синопы, какъ римской колоніи, господствуютъ изображенія Сераписа: или голова его, или полная фигура, иногда съ трех-

[1] О нумисматикѣ Синопы см. въ сочиненіяхъ Эккеля и Міонне.

[2] См. Макробія Сатурн. I, 20. Тацита Истор. IV, 83.

головымъ животнымъ, сидящимъ подлѣ него, или Сераписъ, лежащій на священной постели; кромѣ того встрѣчаются Діоскуры, стоящіе со своими конями, и богиня Немесида.

Объ эрахъ Синопы уже говорено выше. Ихъ было двѣ: одна отъ освобожденія Синопы Лукулломъ, другая отъ выведенія въ Синопу римской колоніи Юліемъ Цезаремъ. Эта послѣдняя господствуетъ на монетахъ двухъ первыхъ вѣковъ римской имперіи. Первая появляется со времени Александра Севера.

Изъ сохранившихся до нашего времени синопскихъ монетъ самая поздняя относится къ царствованію императора Галліена.

П. Леонтьевъ.

ДВА ПИСЬМА СТЕМПКОВСКАГО КЪ БЛАРАМБЕРГУ О МѢСТОПОЛОЖЕНІИ ДРЕВНЯГО ГОРОДА ТАНАИСА *.

I.

Саратовъ, 1-го Февраля 1824 года.

Въ быстрый проѣздъ мой, въ прошломъ Октябрѣ (1823), вдоль береговъ Дона мнѣ хотѣлось осмотрѣть мимоходомъ устья сей рѣки, и отыскать настоящее мѣстоположеніе древняго города *Танаиса* [1], доселѣ еще неопредѣленное. Полагали вообще, что сіе Греческое селеніе находилось на лѣвомъ, то есть Азіятскомъ берегу рѣки, неподалеку отъ нынѣшняго Азова: въ мнѣніи семъ утверждались вѣроятно на

* Были напечатаны въ Вѣстникѣ Европы 1824 г. №№ 4 и 23.

[1] Милисійскіе Греки, проникнувъ въ *Понтъ-Евксинскій*, положили основаніе многимъ торговымъ городамъ на *Воспорѣ Киммерійскомъ*. Утвердившись въ сихъ мѣстахъ, они овладѣли потомъ устьями *Танаиса*, нынѣшняго *Дона*, гдѣ и построили городъ, названный по имени рѣки *Танаисомъ*. Время основанія сего города неизвѣстно; но извѣстно то, что въ послѣдствіи онъ сдѣлался однимъ изъ знатнѣйшихъ складочныхъ мѣстъ для торговли Грековъ съ обитавшими вокругъ варварскими народами. Греки, проходя туда моремъ чрезъ *Воспоръ* и *море Меотійское*, привозили вина, ткани и другіе товары, которые вымѣнивали *кочующимъ Скиѳамъ* на невольниковъ, мѣха, соленую рыбу и прочее. Изъ сказанія Стравонова должно заключать, что сей городъ нѣкоторымъ образомъ имѣлъ независимое отъ Воспорскаго государства правленіе: сей писатель говоритъ, въ XI книгѣ своего Землеописанія, что Азіятскіе Меоты обыкновенно зависѣли частію отъ *обладателей торговаго города на Танаисѣ*, частію же отъ *владѣльцевъ Воспорскихъ*. Съ другой стороны онъ же пишетъ, что многіе Цари Воспорскіе, особенно же *Фарнакъ*, *Асандръ* и *Полемонъ*, господствовали надъ всею страною даже до *Танаиса*, и что Полемонъ (начавшій царствовать на Воспорѣ за 14 лѣтъ до Р. Х.) опустошилъ, *ἐξεπόρθησεν*, городъ *Танаисъ*, бывъ ожесточенъ его мятежнымъ непокорствомъ (Strab. L. VII et XI.) Но Полемонъ вѣроятно не совсѣмъ разорилъ оный, какъ вообще заключаютъ изъ словъ Стравона; ибо сей самый писатель говоритъ въ иномъ мѣстѣ о *Танаисѣ*, какъ о знатнѣйшемъ въ то время торговомъ городѣ сихъ странъ послѣ *Пантикапеи* (См. Raoul-Rochette *Antiq. Greq. du Bosphore Cim.* § VII, pag. 92). Плиній однакожъ упоминаетъ о немъ, какъ будто бы уже не

основаніи сказаній Плинія и Стравона [1], которые упоминаютъ о Танаисѣ при описаніи Азіи; хотя впрочемъ сей же послѣдній географъ говоритъ о немъ и въ статьѣ о Европѣ, но съ меньшими подробностями.

Птолемей, упоминая о Танаисѣ также въ двухъ мѣстахъ [2], то есть при описаніи Европы и Азіи, полагаетъ оный близь Азіятскаго устья, но не къ сторонѣ Азіи, а между обоими рукавами рѣки, *μεταξὺ τῶν στομάτων*, слѣдовательно на островѣ, образуемомъ сими рукавами при впаденіи Дона въ Азовское море. Но съ трудомъ можно повѣрить, чтобы древніе Греки поселились въ мѣстахъ болотистыхъ и весьма часто наводняемыхъ, тогда какъ вокругъ могли они выбрать любое возвышеніе и построить городъ свой на такомъ мѣстѣ, гдѣ имъ гораздо удобнѣе было укрѣпиться противу нападеній окружавшихъ ихъ варварскихъ народовъ, и откуда могли они свободно обозрѣвать всю окрестность на дальнее разстояніе. Извѣстно, что всѣ древніе города, основанные Греками на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, были построены на возвышеніяхъ: существующія еще развалины сихъ городовъ въ томъ свидѣтельствуютъ.

Англійскій путешественникъ Кларкъ тщетно искалъ слѣдовъ Греческихъ поселеній по всему лѣвому берегу Дона: и сіе заставило его заключить, что древній *Танаисъ* вѣроятно находился на Европейской сторонѣ сей рѣки [3]. И подлинно я думаю, что остатки сего города существуютъ донынѣ на означенной сторонѣ, въ 10 верстахъ отъ моря, близь Донскаго села *Недвиговки*. Тутъ, на возвышенномъ и крутомъ берегу рѣки, нашелъ я слѣды *акрополи*, или цитадели, весьма сходной съ *Ольвійскою*, но немного поменьше; укрѣпленіе сіе окружено глубокимъ рвомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на валу, кучами земли и камней, показывающими основанія башень. Повсюду разбросаны обломки древнихъ, глиняныхъ, остроконечныхъ сосудовъ съ ручками, называвшихся *амфорами* [4], и обыкновенно находимыхъ вездѣ,

существовалъ въ его время (Plin. *Hist. Nat.* L. VI, c. 7). Симъ ограничиваются свѣдѣнія, сообщаемыя намъ древними писателями о *Танаисѣ*. Въ послѣдующія времена Венеціяне имѣли на *Дону* торговое селеніе, названное ими *Таною*, и построенное на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ Греческій городъ. Оттуда вели они знатный торгъ съ Индіею и Персіею посредствомъ *Каспійскаго моря* и *Астрахани*. Можно видѣть многія любопытныя подробности о семъ селеніи въ путешествіи Венеціянца Іосафата Барбаро (См. *Viaggi fatti da Vinetia alla Tana, in Persia*, etc. Vinegia, Aldus, 1545), посѣщавшаго оное неоднократно около половины XV столѣтія. *Прим. Соч.*

[1] Plin. et Strab. *ibid.*

[2] Ptolem. *Geogr.* L. III, c. 5, et L. V, c. 9.

[3] Clarke, *Voyages en Russie, en Tartarie*, etc. Trad. Franç. C. II, ch. XIV, pag. 95-97.

[4] Изображенія таковыхъ сосудовъ можно видѣть во *Второмъ Палласовомъ путешествіи* и въ недавноизданномъ сочиненіи г-на Бларамберга: *Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un tumulus;* par M. de Blaramberg. Paris, 1822.

гдѣ Греки имѣли свои поселенія; а за рвомъ, вся окрестность, на далекое разстояніе, покрыта ямами, кучами земли и золы (слѣды бывшаго жилья), равно множествомъ большихъ и малыхъ кургановъ, подобно какъ и окрестности *Ольвіи* и *Пантикапеи*. Съ вершины, гдѣ видно сіе укрѣпленіе, взоръ объемлетъ большое пространство какъ со стороны степи, такъ и къ рѣкѣ и къ морю; а подъ горою, у самой подошвы оной, протекаетъ *Донецъ*, одинъ изъ судоходныхъ рукавовъ Дона, нынѣ нѣсколько омелѣвшій, но недавно еще служившій къ плаванію Донскимъ лодкамъ. По всѣмъ симъ чертамъ не возможно не признать развалинъ сихъ остатками древняго Греческаго города, и сей городъ не можетъ быть иной, какъ *Танаисъ*.

Въ Ростовѣ, сосѣдственномъ уѣздномъ городѣ Екатеринославской губерніи, увѣряли меня, что недавно найдены были золотыя *греческія деньги* какъ въ описанныхъ мною развалинахъ, такъ и въ другихъ, находящихся на той же сторонѣ рѣки, немного повыше. (Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось видѣть сего послѣдняго мѣста.) По разсказамъ, деньги сіи изображали лица, съ надписью: *Βασιλέως Εὐπάτορος*; извѣстныя монеты воспорскаго *царя Евпатора*, современника Антониновъ. Онѣ были проданы крестьянами на рынкѣ Ростовскомъ.

По просьбѣ моей нынѣ доставлены мнѣ изъ Ростова [1] двѣ другія монеты, найденныя вновь, какъ меня увѣряютъ, близь тѣхъ же развалинъ въ *Недвиговкѣ*. Первая изъ состава, называемаго *електрумъ* (смѣсь золота съ серебромъ), представляетъ съ одной стороны лице и имя *царя Савромата* III (*Σαυρομάτου Βασιλέως*), обладавшаго Воспоромъ послѣ Евпатора, съ другой же лице императора *Коммода*, съ остріемъ копья передъ нимъ и литерами *НОΥ*, означающими 478 г. Понтійскаго лѣтосчисленія, или 182 по Р. Х. Епоха сія вѣроятно заслужитъ вниманіе нумисматистовъ: ибо, мнѣ кажется, что на извѣстныхъ доселѣ медаляхъ Савромата III 478-й годъ еще не появлялся; но она ничего новаго не сообщаетъ исторіи, потому что у насъ есть монеты царя сего, какъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ годовъ. Вторая монета, мѣдная, представляетъ лице и имя того же Савромата, а на оборотѣ сидящую женщину, или, лучше сказать, по мнѣнію знаменитаго нашего Археолога г. Келера [2], богиню *Астарту*; передъ нею, въ маломъ видѣ, голову Императора *Септимія-Севера* въ лавровомъ вѣнцѣ, и литеру В.

Если всѣ описанныя монеты дѣйствительно найдены въ развалинахъ близь Недвиговки, то симъ ясно подтверждается мнѣніе, что *Танаисъ*

[1] Посредствомъ почтеннаго Ос. Ос. Гонзалеца, коего стараніямъ обязанъ я сею находкою.

Remarques sur les Antiq. Grec. du Bosp. Cim. § XCI.

не былъ совершенно разоренъ царемъ Полемономъ, сыномъ Зипоповымъ; или, по крайней мѣрѣ, что онъ былъ возобновленъ и обитаемъ Воспорскими Греками даже до временъ Антониновъ: эпоха, въ которую, по видимому, какъ и вы сами полагаете [1], разрушены варварами многіе города, по сѣверному берегу Евксинскаго Понта стоявшіе, какъ то *Ольвія*, *Истросъ* [2], и другіе. Сіе заключеніе можетъ быть важно для Исторіи, и по соображеніи съ другими открытіями, объяснить нѣкоторыя мѣста оной, доселѣ мракомъ неизвѣстности покрытыя.

Я имѣлъ намѣреніе войти въ подробнѣйшія и обстоятельнѣйшія изысканія по предмету мѣстоположенія города, коего видѣлъ столь явные слѣды; но время и здоровье не позволяютъ мнѣ теперь симъ заняться. Я долженъ по неволѣ оставить объясненія сіи до другаго времени, или лучше, до времени свиданія нашего. Довольствуюсь нынѣ сообщеніемъ вамъ одного краткаго извѣстія о моемъ открытіи: если подтвердится оно дальнѣйшими изслѣдованіями, въ кои намѣренъ я войти при обратномъ пути моемъ, то вѣроятно будетъ довольно важно для древней Географіи и Исторіи сей части Скиѳскихъ степей.

II.

Таганрогъ, 8 Апрѣля 1824.

Въ письмѣ, которое я имѣлъ честь писать къ вамъ въ прошломъ Февралѣ о мѣстоположеніи древняго города *Танаиса*, я обязался, при обратномъ проѣздѣ чрезъ землю Донскихъ Козаковъ, войти въ новыя изслѣдованія касательно упомянутаго города. Сіи изслѣдованія казались тѣмъ необходимѣе, что по собраннымъ мною въ Ростовѣ извѣстіямъ находимы были древнія монеты не въ одной *Недвиговкѣ*, но и въ другихъ *древнихъ окопахъ* по правому берегу нижняго Дона, о чемъ упомянуто и въ первомъ письмѣ моемъ [3].

Судя по тѣмъ извѣстіямъ, можно было имѣть нѣкоторое сомнѣніе, точно ли видѣнныя мною близь Недвиговки развалины принадлежатъ древнему Танаису? Ибо, если и въ другихъ мѣстахъ по берегамъ Донскимъ находимы были древнія Воспорскія монеты, и существуютъ слѣды укрѣпленій и жилищъ, подобные Недвиговскимъ; то ничто не можетъ опровергнуть заключенія, по коему бы тѣ слѣды приписаны были Танаису, а Недвиговскія развалины какому нибудь иному неизвѣстному Греческому селенію.

[1] Blaramberg, *Choix de medailles antiques d'Olbiopolis*, pag. 30.
[2] Julii Capit. *Maximinus et Balbinus*, cap. 16.—Tillemont *Hist. des Emp.* C. III, p. 267.
[3] См. Вѣст. Евр. 1824 Февраля № 4, стр. 256. (Выше стр. 389).

Но какъ по свидѣтельству Стравона [1] и другихъ древнихъ писателей, Танаисъ былъ, послѣ *Пантикапеи*, знатнѣйшимъ торговымъ мѣстомъ всей окружности; то и развалины его должны быть значительнѣе всѣхъ прочихъ, какія бы могли быть найдены въ окрестной странѣ. Основываясь на семъ неоспоримомъ заключеніи, я нетерпѣливо желалъ удостовѣриться, посредствомъ мѣстнаго изслѣдованія, должно ли прежнее мое мнѣніе о мѣстоположеніи Танаиса подтвердиться, или опровергнуться.

Прибывши на сихъ дняхъ въ *Ростовъ*, я началъ изслѣдованія мои съ *Гниловской станицы*. Сіе Донское селеніе лежитъ въ 6 верстахъ отъ Ростова, внизъ по Дону, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка раздѣляется на два рукава, *Донъ и Донецъ*, называемый *Мертвымъ* для отличія отъ *Сѣвернаго Донца*. Мнѣ подтвердили прежнее извѣстіе, что тутъ видны остатки укрѣпленій, въ коихъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ найденъ былъ *кувшинъ съ древнею золотою монетою*.

Я дѣйствительно нашелъ въ Гниловской станицѣ, при самомъ раздѣленіи Дона, слѣды землянаго вала, по очевидно не древняго. Быть можетъ, должно отнести оный ко временамъ нашествій Русскихъ войскъ на *Азовъ*, въ царствованіе Петра Великаго.

Немного пониже, на западномъ краю селенія, указали мнѣ другое небольшое укрѣпленіе, окруженное довольно глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ. Разбросанные въ семъ мѣстѣ куски глиняныхъ сосудовъ, подобные тѣмъ, кои описаны въ первомъ письмѣ моемъ, удостовѣрили меня, что сіе укрѣпленіе служило нѣкогда обиталищемъ древнимъ Грекамъ. Но ни по обширности сихъ развалинъ, ни по положенію, ни по другимъ признакамъ не льзя полагать, чтобы тутъ существовалъ когда либо населенный и торговый городъ. Въ окружности видно мало, да и то очень небольшихъ кургановъ; и по сему одному обстоятельству не льзя уже предполагать, чтобы Танаисъ находился въ семъ мѣстѣ.

Отсюда, слѣдуя внизъ по берегу *Донца*, прибылъ я къ устью ручья *Сухаго Чалтура*, впадающаго въ Донецъ въ 7 верстахъ отъ Гниловской станицы и въ 14 отъ Недвиговки. Тутъ нашелъ я еще одно укрѣпленіе, очевидно древнее, возвышающееся надъ Донцомъ и обнесенное весьма глубокимъ рвомъ, который нынѣ заросъ густымъ кустарникомъ. Укрѣпленіе сіе имѣетъ круглый видъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтны еще, поверхъ земли, остатки каменной стѣны, которая въ окружности имѣла не болѣе 220 шаговъ, или 70 саженъ. На близъ

[1] Strab. Lib. VII, pag. 310.

лежащей вспаханной землѣ разбросаны обломки древнихъ глиняныхъ сосудовъ. По всему видно, что укрѣпленіе сіе было не иное что́, какъ родъ большой круглой башни, построенной вѣроятно жителями древняго Танаиса. Отсюда до Недвиговскихъ развалинъ, то есть, какъ выше сказано, на разстояніи 14 верстъ, невидно болѣе никакихъ слѣдовъ древнихъ жилищь, равно и отъ Недвиговки далѣе къ Азовскому морю: такъ увѣряли меня по крайней мѣрѣ всѣ старожилы сихъ мѣстъ.

И такъ построеніе укрѣпленій близъ *Гниловской* и *Сухаго Чалтура*, по всѣмъ видимымъ признакамъ и по найденнымъ въ нихъ, какъ увѣряютъ, древнимъ греческимъ монетамъ, почти безошибочно можно приписать древнимъ Грекамъ; но за всѣмъ тѣмъ невозможно принять остатки укрѣпленій сихъ за слѣды торговаго греческаго города, на Танаисѣ бывшаго, преимущественно предъ Недвиговскими развалинами: слѣдовательно новыя разысканія мои не только не опровергаютъ прежняго заключенія, что городъ Танаисъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ видны теперь развалины близъ Недвиговки, но еще и совершенно подтверждаютъ оное.

Свидѣтельство Венеціянскаго путешественника Іоасафата Барбаро, посѣщавшаго устья Дона около половины XV столѣтія, послужитъ намъ новымъ доказательствомъ. Находясь 1437 года въ *Танѣ*, Венеціянской колоніи на Дону, Барбаро пишетъ: «Onde per esser La Tana fra *monticelli di terreno*, *a fosse assai*, per spatio di dieci miglia intorno, *ove gia fu La Tana antica*, etc [1]. Сіи слова показываютъ, что городъ Венеціянскій былъ построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, *гдѣ нѣкогда стоялъ древній* Греческій; а Недвиговскія развалины, бывъ до нынѣ *окружены рвами и курганами*, удостовѣряютъ какъ въ справедливости свидѣтельства Іоасафата Барбаро, такъ и въ истинѣ заключенія моего на счетъ мѣстоположенія Танаиса. На устьяхъ Дона нѣтъ другаго мѣста сходственнѣе съ описаніемъ Венеціянца.

Прибавлю къ сему нѣкоторыя замѣчанія, которыя могутъ послужить къ вящшему подтвержденію вышеприведеннаго и при подробнѣйшихъ изысканіяхъ подать поводъ къ новымъ любопытнымъ открытіямъ относительно древней топографіи устій Дона.

Вышеупомянутый Венеціянскій путешественникъ Іосафатъ Барбаро разсказываетъ [2], что во время пребыванія его въ Танѣ разнесся тамъ слухъ, будто въ одномъ изъ значительнѣйшихъ кургановъ тамошней окрестности зарыто было большое сокровище; почему Барбаро и пред-

[1] *Viaggi fatti di Venetia alla Tana*, etc. Vinegia. Aldus, 1545, fol. 8, b.

[2] Ibid. fol. 4 et seqq.

принялъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, раскопать тотъ курганъ и овладѣть сокровищемъ. Но фортуна не вознаградила трудовъ ихъ. Отправляясь изъ Таны для совершенія своего намѣренія, Венеціяне переправились черезъ Донъ [1]. Слѣдовательно, если отыскать означенный курганъ, который еще долженъ быть замѣтенъ и отличителенъ отъ другихъ какъ по величинѣ и формѣ, описанной очень подробно путешественникомъ, такъ и по сдѣланнымъ въ ономъ большимъ подкопамъ, то очевидно окажется, что городъ Танаисъ долженъ быть отыскиваемъ на противуположномъ берегу Дона.

Ѣдучи отъ Гниловской станицы къ Чалтуру, видѣлъ я очень ясно высокіе курганы, называемые *Пятью Братьями.* Они лежатъ на низкомъ и болотистомъ островѣ между Донцомъ и Дономъ, ближе къ берегу сего послѣдняго, и неподалеку отъ *Щучей* или *Елисаветинской станицы.* Если отъ Гниловской, переправясь черезъ Донецъ, слѣдовать къ означенной Щучей станицѣ и къ Азову, то должно проѣзжать очень близко отъ сихъ кургановъ. О нихъ упоминается въ путешествіи Англичанина Кларка [2]. Мнѣ весьма жаль было, что время, и особенно разлитіе рѣки, не позволили мнѣ осмотрѣть ближе сіи любопытныя насыпи; но судя по формѣ оныхъ и числу, я удостовѣрился, что онѣ не могутъ быть тѣ самыя, въ коихъ Іосафатъ Барбаро искалъ сокровища. Къ тому же изъ сказанія сего путешественника можно видѣть, что разрытый имъ курганъ отстоялъ отъ Танаиса далѣе нежели означенные *Пять Братьевъ* отъ Недвиговки.

Въ Гниловской станицѣ мнѣ говорили еще о двухъ курганахъ, называемыхъ *Двумя Братьями* и славящихся донынѣ во всей окрестности величиною и возвышенностію мѣста, на коемъ они насыпаны. Курганы сіи находятся на лѣвомъ берегу Дона, по дорогѣ, ведущей изъ *Стараго Черкасска въ Азовъ,* верстахъ въ 20 отъ перваго города. Если при осмотрѣ сихъ кургановъ окажутся они сходными съ описаніемъ, которое находимъ въ путешествіи Іосафата Барбаро, то уже не останется ни малѣйшаго сомнѣнія, что древній городъ Танаисъ находился на правомъ берегу Дона, а не на лѣвомъ, какъ доселѣ полагали; изслѣдованія же мои по всему правому берегу должны будутъ удостовѣрить, что тотъ городъ, какъ выше показано, существовалъ близь Недвиговки, гдѣ доселѣ видны печальные остатки онаго.

Скажу еще, что въ подкрѣпленіе всего вышеписаннаго можно бы было извлечь изъ любопытной книги Іосафата Барбаро многія другія

[1] Ibid. fol. 5.
[2] Clarke, *Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie;* trad. franç. Tom. II, ch. 14, pag. 92.

доказательства, основанныя на повѣствованіи его о переходѣ Татарскихъ ордъ черезъ Донъ [1], о нападеніяхъ Черкесъ [2], и проч. Но изслѣдованія, въ кои должно бы было войти при семъ случаѣ, заставили бы меня выдти изъ предѣловъ обыкновеннаго письма. Удовольствуюсь нынѣ, сообщивъ вамъ извѣстіе объ одномъ предметѣ, который также, можетъ быть, относится къ Танаису.

Въ *Таганрогской крѣпости*, передъ стариннымъ домомъ адмиралтейства, на крутомъ берегу, возвышающемся надъ прежнимъ портомъ Петра Великаго, видѣлъ я на сихъ дняхъ шесть обломанныхъ бѣломраморныхъ статуй, представляющихъ трехъ мужчинъ въ мантіяхъ и трехъ женщинъ въ древней Греческой одеждѣ. Четыре изъ сихъ статуй принадлежатъ къ лучшимъ временамъ Греческаго искусства: отдѣлка одежды самая превосходная. По положенію рукъ можно заключить, что изваянія сіи украшали надгробные памятники. Удивляюсь, что ни одинъ путешественникъ (сколько по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно) не упоминаетъ о сихъ любопытныхъ остаткахъ древности, хотя по всему видно, что онѣ давно уже находятся на мѣстѣ, нынѣ занимаемомъ ими; удивляюсь и сожалѣю, видя ихъ валяющихся въ забвеніи! Сколько ни развѣдывалъ я, никто не могъ сказать мнѣ, откуда привезены статуи. Если не изъ Греціи, или Малой Азіи, или же береговъ *Воспора Киммерійскаго*, то не льзя ли заключить, что онѣ были найдены на берегахъ Дона? Сколько бы возвысилась ихъ драгоцѣнность, когда бы сіе заключеніе оправдалось, и когда бы мы имѣли въ нихъ доказательство, что и у Танаисскихъ Грековъ, не смотря на отдаленность и *варварство* страны, цвѣли художества просвѣщенной Греціи!

Въ заключеніе обращаясь еще къ остаткамъ древнихъ Греческихъ укрѣпленій, видѣнныхъ мною близь *Гниловской станицы* и на *Сухомъ Чалтурѣ*, я полагаю, что *Танаисскіе* Греки имѣли тутъ укрѣпленные посты, или *ведеты (σκοπαί)*, подобные тѣмъ, кои, по сказанію Страбона [3], были построены *Клазоминскими* Греками по восточному берегу Азовскаго моря. Ведеты сіи служили вѣроятно для содержанія въ страхѣ *Скиѳовъ;* или для складки товаровъ и произведенія на разныхъ пунктахъ удобнѣйшаго торга съ окрестными народами; или же (что̀ кажется всего правдоподобнѣе) для защиты судоходства и богатыхъ рыбныхъ промысловъ по разнымъ устьямъ рѣки. Очень вѣроятно, что Танаисскіе Греки, желая обезпечить сіи промыслы отъ внезапныхъ нападеній Скиѳовъ, содержали вооруженные посты по возвы-

[1] *Viaggi alla Tana,* etc. fol. 7 et seqq.
[2] Ibid. fol. 11.
[3] Strab. Lib. XI, pag. 494.

шенностямъ, окружающимъ устья Дона. При подробнѣйшихъ изысканіяхъ найдутся, можетъ быть, слѣды подобныхъ ведетовъ и въ другихъ мѣстахъ вдоль различныхъ рукавовъ рѣки.

Птолемей [1] называетъ нѣсколько мѣстъ вверхъ по Дону и по сѣверовосточному берегу Азовскаго моря, кои, судя по именамъ, вѣроятно были построены Греками; сіе подтверждается свидѣтельствомъ Стравона [2] и Плинія [3]. Кларкъ упоминаетъ о древностяхъ, въ *Цымлянской станицѣ* найденныхъ [4], и я самъ видѣлъ, близь *Аксая*, нѣсколько разбросанныхъ обломковъ древнихъ глиняныхъ сосудовъ, о коихъ уже неоднократно было говорено, и кои обыкновенно означаютъ жилища Грековъ. Но, повторю, что я слишкомъ бы распространилъ письмо сіе, и далеко бы отступилъ отъ моего предмета, вошедши въ подробное о семъ разсужденіе. Къ тому же, въ подкрѣпленіе нужны бы были мѣстныя разыскапія, кои вѣрнѣе всѣхъ ученыхъ догадокъ, но коихъ я не имѣлъ времени сдѣлать. Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что найдутся путешественники, которые когда нибудь воспользуются сдѣланными мною наблюденіями и обогатятъ свѣдѣнія наши о сей любопытной странѣ новыми открытіями [5].

[1] Ptol. *Geogr.* Lib. III. cap. 5; Lib. V, cap. 9.

[2] Strab. Lib. XI. pag. 493 et 494.

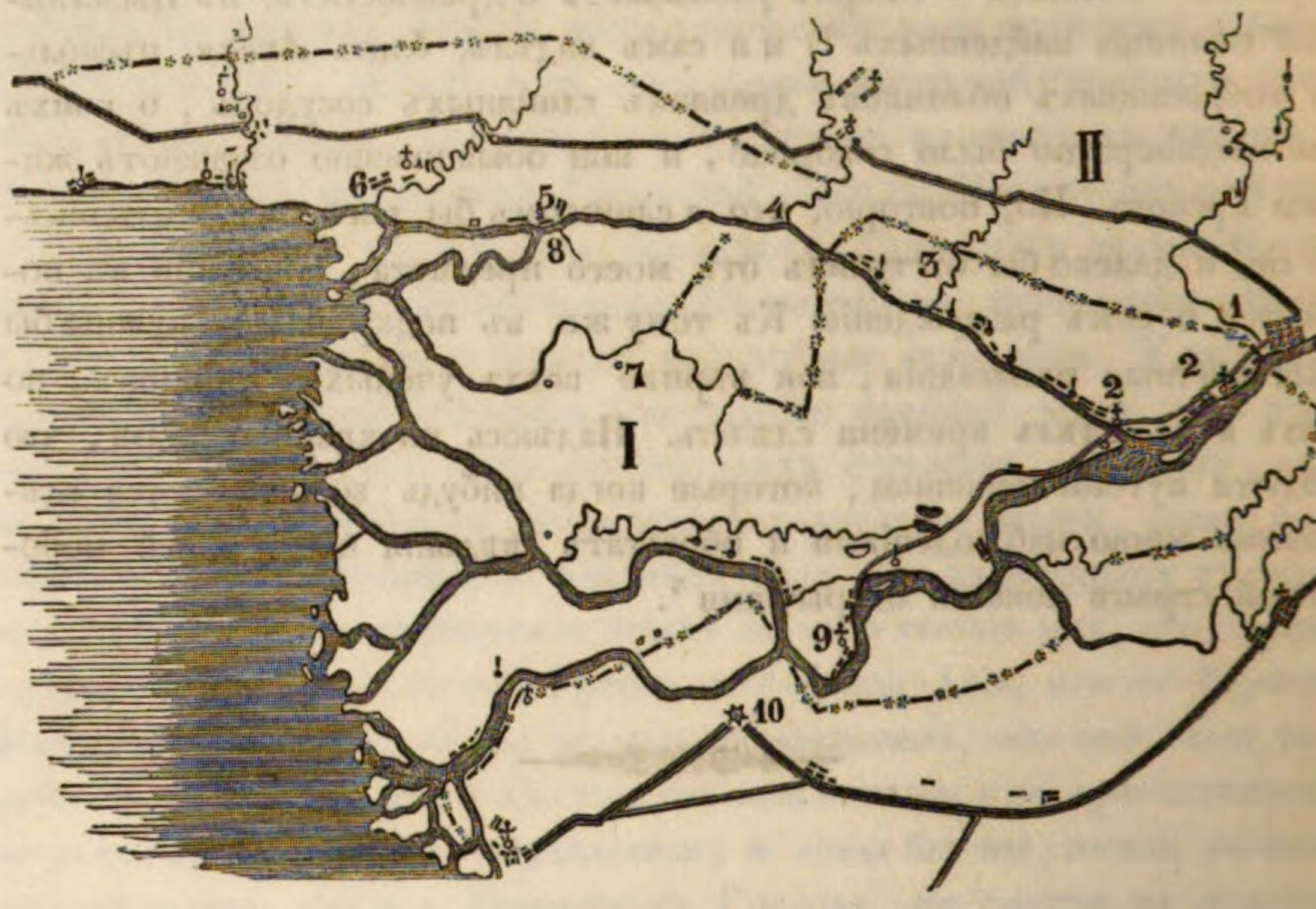
[3] Plin. *Hist. Nat.* Lip. VI, cap. 7.

[4] Clarke, *Voyages en Russie*, etc. trad. fr. Tom. II, chap. 13, pag. 19 et 20.

[5] Въ Іюнѣ сего года, послѣ сильнаго дождя, найдена въ Ростовѣ, на самомъ берегу Дона, золотая монета Воспорскаго Царя *Евпатора*. Она представляетъ съ одной стороны лице царя, съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ; съ другой два лица Императовъ Марка Аврелія и Луція Вера, и годъ *ΘΝΥ*, 459, Понтійскаго лѣтосчисленія, или 163 по Р. Х. Монета сія находится теперь въ моихъ рукахъ чрезъ посредство почтеннаго О. О. Гонзалеца.

Монеты Греческія и глиняные сосуды Греческой работы могли быть въ употребленіи и у Скиѳовъ, по берегамъ Танаиса, или Дона, кочевавшихъ и производившихъ торги съ Греками; слѣдовательно не должно полагать, чтобы вездѣ тамъ были Греческія селенія, гдѣ отыскиваются подобныя монеты и обломки сосудовъ. Только тамъ можно предполагать существованіе таковыхъ селеній, гдѣ мѣстоположеніе оныхъ опредѣлено древними писателями, или видимыми доселѣ явными слѣдами древнихъ жилищъ и укрѣпленій, подобно какъ въ *Недвиговкѣ*, на *Чалтурѣ* и близь *Гниловской станицы*.

ПЛАНЪ УСТІЙ ДОНА.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

I. Земля Войска Донскаго. II. Екатеринославская губернія

1. Уѣздный городъ Ростовъ Екатеринославской губерніи. 2. Гниловская станица Черкасскаго Округа Земли Войска Донскаго. 3. Ручей Сухой Чалтырь. 4. Ручей Мокрый Чалтырь. 5. Слобода Недвиговка, прежде сего полковника Мартынова, нынѣ приписанная къ юрту Гниловской станицы. 6. Слобода Синявка, разныхъ владѣльцевъ, Міусскаго Округа Земли Войска Донскаго. 7. Курганъ на ерикѣ, называемомъ Лагутникъ. 8. Городище на ерикѣ, называемомъ Лютикъ. 9. Елисаветовская станица, Щучье тожь, Черкасскаго Округа Земли Войска Донскаго. 10. Заштатный городъ Азовъ Екатеринославской губерніи.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ

НА МѢСТѢ

ДРЕВНЯГО ТАНАИСА

И ВЪ ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ.

Желаніе, выраженное въ напечатанныхъ передъ симъ письмахъ достопочтеннаго основателя археологическихъ разысканій на югѣ Россіи, наконецъ исполнилось. Въ настоящемъ году по Высочайшему повелѣнію были произведены археологическіе поиски въ земляхъ донской слободы Недвиговки и ея окрестностяхъ. Его Сіятельству Господину Министру Удѣловъ, подъ вѣдѣніемъ котораго состоитъ нынѣ вся археологическая часть въ Россіи, было угодно поручить эти разысканія мнѣ и г. архитектору А. А. Авдѣеву [1].

Разысканія наши продолжались отъ 8 іюля до 6-го ноября, и обнимали пространство отъ развѣтвленія Дона на два рукава, нѣсколькими верстами ниже города Ростова, до впаденія обоихъ рукавовъ въ Азовское море. Высота изслѣдованнаго треугольника, по направленію отъ запада къ востоку, имѣетъ въ длину около 25 верстъ; основаніе его, по морскому берегу, отъ сѣвера къ югу, около 18 верстъ. Предметомъ разысканій были остатки древнихъ поселеній (такъ называемыя городища), курганы, и продолговатыя могильныя насыпи. Городище, на которое указалъ Стемпковскій, дало наиболѣе важныхъ археологическихъ находокъ. —

Первое, что поражаетъ всякаго путешественника при въѣздѣ въ Землю Войска Донскаго, это — обиліе кургановъ. Ихъ весьма много по

[1] Автору писемъ изъ Рима и Неаполя, напечатанныхъ въ III книгѣ «Пропилеевъ».

всей Землѣ, но особенно часты они около устій Дона. Они составляютъ такой оригинальный и бросающійся въ глаза памятникъ прошедшаго, что нельзя начать говорить объ археологическихъ разысканіяхъ, произведенныхъ въ Землѣ Войска, не сказавъ нѣсколько словъ вообще о курганахъ.

Въ настоящее время наука исторіи, благодаря неожиданнымъ археологическимъ открытіямъ, обогатилась свѣдѣніями о такихъ народахъ и эпохахъ, которыхъ память, казалось, погибла невозвратно. Мы имѣемъ недавній примѣръ чудесъ науки въ разборѣ надписей, написанныхъ неизвѣстными шрифтами на неизвѣстныхъ языкахъ. Что мудренаго, если та же волшебная сила ума человѣческаго заставитъ заговорить нѣмыя насыпи объ исторіи странъ, бывшихъ главнымъ театромъ переселеній народовъ? Позволительно думать, что изслѣдованіе нашихъ кургановъ поведетъ со временемъ къ результатамъ совершенно неожиданнымъ. — Первою заботой должно быть конечно нанесеніе кургановъ на карту. Можно полагать, что одна уже географическая группировка кургановъ въ состояніи повести къ нѣкоторымъ заключеніямъ, напр. къ опредѣленію путей, по которымъ происходили движенія, и равно и тѣхъ этнографическихъ центровъ, около которыхъ наиболѣе сосредоточивалось сначала кочеваніе, потомъ населеніе страны. Находки, число которыхъ, при несмѣтномъ множествѣ кургановъ, непремѣнно должно быть значительно, если только разрытіе было бы предпринято въ обширныхъ размѣрахъ, находки дали бы возможность распредѣлить курганы на нѣсколько группъ, смотря по степени и характеру цивилизаціи, въ нихъ выражающейся; между тѣмъ какъ черепа, находимые въ курганахъ, могли бы послужить источникомъ къ опредѣленію расы погребенныхъ людей. Очень можетъ быть, что въ слѣдствіе такихъ разысканій этнографическая исторія этихъ странъ сдѣлается для насъ столько же или даже болѣе достовѣрно извѣстною, какъ если бы мы имѣли о ней положительныя извѣстія писателей. Но этотъ трудъ такъ обширенъ и сложенъ, что и мысль о немъ не могла бы прійти въ голову, если бы наше время, какъ мы уже сказали, не представляло примѣровъ самыхъ неожиданныхъ историческихъ открытій, на основаніи памятниковъ, которые, казалось, не могли подать о себѣ никакого голоса. Пріятно впрочемъ упомянуть, что нѣкоторые мѣстные жители принимаютъ живое участіе въ вопросѣ о курганахъ Земли Войска Донскаго: такъ напр. мы видѣли у г. полковника Пудовова въ Новочеркаскѣ богатые матеріалы для карты кургановъ и городищъ всего края, при собираніи которыхъ онъ усердно пользуется своею службою по межевой части; г. полковникъ Мартыновъ, бывшій владѣлецъ сло-

боды Недвиговки, одинъ изъ ветерановъ Войска, употребляетъ также свой досугъ на собираніе свѣдѣній объ археологическихъ находкахъ и по временамъ пріобрѣтаетъ самыя древности; между поколѣніемъ младшимъ, намъ также случалось встрѣчать людей, интересующихся этимъ дѣломъ; и даже въ простомъ народѣ видимо распространяется понятіе, что древнія вещи стóятъ болѣе своей металлической или вообще матеріальной цѣнности. Можно надѣяться, что при такомъ положеніи дѣла, свѣдѣнія, случайно получаемыя о курганахъ, и древности, въ нихъ находимыя, не будутъ болѣе пропадать для науки. Господа помѣщики и чиновники, въ рукахъ которыхъ находятся или къ которымъ будутъ случайно поступать подобныя данныя и предметы, оказали бы большую заслугу исторіи своего края, если бы рѣшились, для блага науки, сообщать о томъ людямъ, спеціально занимающимся изслѣдованіями этого рода, или по крайней мѣрѣ если бы печатали точныя извѣстія въ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ, какъ ближайшемъ органѣ.

Судя по даннымъ, которыя мнѣ удалось собрать о раскопанныхъ доселѣ курганахъ, всѣ курганы Земли Войска Донскаго могутъ быть раздѣлены на два разряда — курганы *могильные* и курганы *богослужебные* [1]. Въ первыхъ находятся всегда скелеты людей и животныхъ; во вторыхъ костей не бываетъ, но очень часто выкапываются статуи, извѣстныя подъ именемъ *бабъ*, находимыя впрочемъ и въ курганахъ перваго рода.

Гробницы, кроющіяся въ курганахъ, бываютъ разнообразны. Ниже мы помѣщаемъ статью, въ которой исчислены виды гробницъ, попадающихся въ окрестностяхъ Керчи. Что касается до Земли Войска Донскаго, то здѣсь преобладаютъ гробницы земляныя, т. е. вырѣзанныя просто въ землѣ. Онѣ бываютъ углублены въ материкѣ отъ ½ аршина до 3 аршинъ, и очень рѣдко помѣщаются на материкѣ или выше его въ самой насыпи,— послѣднее въ гробницахъ позднѣйшихъ, устроенныхъ послѣ того, какъ курганъ былъ насыпанъ. Въ большей части донскихъ кургановъ бываетъ находимо по одной гробницѣ; въ нѣкоторыхъ главную гробницу окружаютъ боковыя, двѣ, три и болѣе. Главная гробница находится почти всегда приблизительно подъ вершиной кургана; боковыя гробницы по большей части попадаются подъ такъ называемыми *присыпями* кургана. Тѣ курганы, которые были мною самимъ изслѣдованы, имѣли обыкновенно форму неправильно коническую; сѣверный обрывъ ихъ былъ круче, южный отложе нежели остальные. Съ этой послѣдней

[1] Упоминаю съ удовольствіемъ, что относительно кургановъ южной части Енисейской губерніи такое же раздѣленіе принимаетъ кн. Костровъ въ Москвитянинѣ, 1851, май.

стороны, а иногда и съ восточной и довольно рѣдко съ западной стороны, бываютъ въ иныхъ курганахъ присыпаны малыя возвышенія, которыя самымъ наружнымъ видомъ свидѣтельствуютъ о своемъ позднѣйшемъ происхожденіи. Въ Керчи, гдѣ раскопка кургановъ производится издавна, вошло въ употребленіе техническое слово *присыпь* для обозначенія такихъ малыхъ возвышеній, примыкающихъ къ кургану съ боковъ его. Подъ этими-то присыпями обыкновенно попадаются боковыя гробницы. Величина кургановъ Земли Войска Донскаго бываетъ весьма различная. Есть курганы не выше 1 арш. и не болѣе 4 арш. въ діаметрѣ, но есть и въ 5 сажень вышины и до 20 саженей въ діаметрѣ и даже болѣе. Наиболѣе часто встрѣчаются курганы около 1 саж. вышиною и около 6 сажень въ поперечникѣ.

Опытность, еще впрочемъ весьма небольшая, пріобрѣтенная мною въ продолженіе раскопокъ этого лѣта и осени, привела меня къ тому убѣжденію, что главное требованіе при раскопкѣ кургановъ состоитъ въ томъ, чтобы управляющій раскопкою могъ дать себѣ отчетъ въ способѣ насыпки кургана. Надобно найти, какъ говорятъ керчепскіе рабочіе, *начинъ* кургана, отыскать слой материковой земли, выброшенной при рытіи гробницы, и опредѣлить себѣ, за одинъ ли разъ былъ насыпанъ весь курганъ, или его нынѣшняя форма произошла вслѣдствіе многократныхъ присыпокъ; въ послѣднемъ случаѣ необходимо добиться толку, сколько такихъ присыпокъ вошло въ составъ кургана. Только когда все это уяснено, можно съ увѣренностію полагать, что найдены слѣды ко всѣмъ гробницамъ, находящимся въ курганѣ, и дальнѣйшее снесеніе земляной массы становится ненужнымъ. Но никакъ не слѣдуетъ безъ особенно-важныхъ постороннихъ побужденій пріостанавливать раскопку кургана, когда способъ его насыпки еще не вполнѣ разъяснился, ибо гораздо раціональнѣе продолжать трудъ начатый (т. е. отчасти уже сдѣланный), хотя и невѣрный, нежели приступать къ труду столь же невѣрному и еще не начатому. Кромѣ тото только при такомъ способѣ раскопки можно съ увѣренностію сказать, что такой-то курганъ совершенно изслѣдованъ и не представляетъ никакой надежды къ дальнѣйшимъ находкамъ.

Что касается до самаго способа раскопки, то малые курганы, съ одною вершиною и безъ присыпей, кажется, выгоднѣе изслѣдовать посредствомъ ямъ, копаемыхъ по срединѣ кургана. Въ большей части случаевъ одна такая яма, приблизительно въ 4 сажени площади, приведетъ къ гробницѣ и объяснитъ насыпку кургана: если же представится сомнѣніе, то надобно будетъ расширить яму въ одну изъ сторонъ (сдѣлать, какъ говорятъ въ Керчи, *пріемку*) по направленію къ

сомнительному мѣсту. Напротивъ курганы бóльшей величины и въ особенности курганы съ большими присыпями полезнѣе раскапывать продольными разрѣзами, направляемыми по хребту присыпи отъ ея подошвы къ центру кургана. Такихъ разрѣзовъ необходимо должно быть столько же, сколько есть присыпей, и разрѣзы непремѣнно должны доходить до материка. Для ускоренія полезно производить эти разрѣзы, какъ говорятъ рабочіе, *на перевалъ*, т. е. засыпать мѣста, вскрытыя до материка, землею, выкапываемою при продолженіи работы. Такое распоряженіе не только облегчаетъ рабочихъ, но и достигаетъ еще той выгоды, что поверхность кургана, остающаяся нетронутою, не забрасывается землю, и если окажется необходимость сдѣлать пріемку, то не будетъ нужно терять трудъ на раскидку земли, выброшенной при прежнихъ работахъ. Наконецъ при такомъ способѣ копанія сохраняется по возможности прежняя форма кургана, и избѣгается совершенное искаженіе красиваго памятника почтенной древности. Я не могу ничего сказать о способѣ раскопки концентрическими кругами, который нѣкоторыми считается за наилучшій. Очень можетъ быть, что при курганахъ весьма значительнаго объема и притомъ небольшой вышины можно было бы употребить его съ успѣхомъ; но мнѣ не представлялось къ тому повода. Наконецъ нельзя не упомянуть объ оставленномъ теперь способѣ раскопки посредствомъ минъ. Этотъ способъ значительно сокращаетъ издержки и даетъ возможность раскопать въ данное время гораздо болѣе кургановъ. Его стоило бы ввести въ употребленіе для кургановъ значительной вышины.

Когда поверхность первоначальнаго материка вскрыта, то забота состоитъ въ томъ, чтобы не пропустить гробницъ, въ немъ устроенныхъ. Если стѣны гробницы обложены камнемъ, то ошибки быть не можетъ; но почти во всѣхъ курганахъ Земли Войска Донскаго попадаются, какъ уже сказано, простыя земляныя гробницы. Онѣ обыкновенно вырыты въ материкѣ, имѣютъ около 3 арш. въ длину и 2 въ ширину; скелетъ съ вещами, находившимися на трупѣ, лежитъ или просто на днѣ гробницы, или на подстилкѣ, по большей части изъ тростника; около $\frac{1}{2}$ арш. выше дна гробницы часто попадаются или деревянныя доски, или каменныя плиты, перекрывавшія гробницу; остальная часть гробницы отъ перекрышки внизъ до поверхности материка бываетъ просто засыпана землею. Въ большей части случаевъ эта земля мягче окружающей ее материковой, но иногда она бываетъ тщательно убита и перемѣшана съ мелкимъ щебнемъ; въ такомъ случаѣ она превосходитъ твердостью самый материкъ. Всегда цвѣтъ ея нѣсколько отличается отъ цвѣта материка: это различіе цвѣта

составляетъ главное показанiе, по которому отыскиваются земляныя гробницы. Дѣло это, по видимому простое, требуетъ неимовѣрной опытности глаза, и потому едва ли можно съ успѣхомъ раскапывать курганы, заключающiе въ себѣ земляныя гробницы, не имѣя надсмотрщикомъ человѣка, издавна занимающагося работою на курганахъ. Желѣзный прутъ около $2\frac{1}{2}$ арш. длины, съ небольшимъ буравомъ на концѣ, оказываетъ большую пользу при отысканiи *обрѣзовъ* земляныхъ гробницъ [1]. Такой *щупъ* свободно идетъ въ рушеную землю, но останавливается на материкѣ. Земляныя гробницы, засыпанныя мягкою землею, легко могутъ быть открываемы такимъ образомъ. Но въ обрѣзахъ, наполненныхъ убитою землею, употребленiе щупа обманчиво: опытный глазъ всегда вѣрнѣе инструмента.

Пока еще не дошли до того мѣста, гдѣ ожидаютъ найти скелетъ, работаютъ обыкновенными заступами; кирки употребляютъ, если земля очень тверда, и если, по указанiю направленiя обрѣза, надобно подбивать стѣну ямы. Но когда достигнутъ самой гробницы, то эти инструменты кладутся въ сторону, и начинается работа довольно тупыми и длинными прямыми ножами, такого устройства, что вещи, находящiяся на скелетѣ, не могутъ пострадать отъ нихъ. Естественно прежде всего постараться узнать направленiе, въ которомъ лежитъ скелетъ. Для этого упомянутымъ ножемъ изслѣдуются два продольные конца гробницы и отыскивается мѣсто черепа. Тогда вскрытiе гробницы начинаютъ съ противоположной стороны, т. е. съ ногъ; ибо такимъ образомъ бываетъ легче слѣдовать за направленiемъ костей, не нарушивъ порядка, въ которомъ онѣ лежатъ. Въ ногахъ очень часто попадаются сосуды, но на самыхъ костяхъ нижнихъ оконечностей рѣдко бываютъ вещи. Снимая землю, покрывающую скелетъ, постепенно доходятъ до таза, и тутъ уже можно бываетъ иногда заключить, какой скелетъ находится въ гробницѣ, мужской или женскiй, что̀ другими словами значитъ, хорошiя ли находки будутъ въ гробницѣ или плохiя, ибо въ большей части случаевъ вещи, сколько нибудь цѣнныя, попадаются только въ женскихъ гробницахъ. По сторонамъ тазовой кости обыкновенно показываются пальцы рукъ; тутъ вниманiе раскапывающаго усиливается, потому что на пальцахъ обыкновенно бываютъ кольца или перстни. Далѣе, на предплечiяхъ женскихъ скелетовъ бываютъ запястья, на шеѣ монисты, въ ушахъ серьги. Золотыхъ вѣнчиковъ, такъ часто встрѣчающихся въ керченскихъ гробницахъ, мы ни разу не находили въ кур-

[1] Слово «обрѣзъ» есть также техническiй терминъ языка керченскихъ рабочихъ; имъ означается спускъ, идущiй внизъ отъ поверхности материка и составляющiй стѣнку земляной гробницы.

ганахъ Земли Войска Донскаго; металлическія украшенія платья, пуговки, золотыя нашивки попадались рѣдко. — Въ мужскихъ гробницахъ ничего подобнаго не встрѣчается: мы находили лишь оружіе, желѣзное, совершенно перержавѣвшее, и мѣдное, лучше сохранившееся, какъ то: желѣзные мечи въ ножнахъ изъ лубка, желѣзные наконечники копій, желѣзные наконечники стрѣлъ, мѣдные наконечники стрѣлъ, и тѣ и другіе трехгранные, бронзовыя чешуйки отъ панцыря; одинъ разъ найденъ былъ наконечникъ стрѣлы изъ кремня; а изъ одной гробницы можно было достать нѣсколько кусочковъ чрезвычайно тонкой древки, показавшихъ, какой видъ имѣла въ древности та часть древки, которая налагалась на тетиву.

При вскрытіи гробницъ чрезвычайно важно оставлять кости на своихъ мѣстахъ. Когда весь скелетъ вскрытъ, и вещи, на немъ найденныя, покажутъ, что гробница не была расхищена, и не смотря на то кости найдены будутъ въ безпорядкѣ, то это можетъ повести къ интереснымъ заключеніямъ. Такъ напримѣръ мы нашли одинъ мужской скелетъ въ сидячемъ положеніи съ нѣкоторыми вещами и сосудами при немъ; могила была нетронутая. Въ другой гробницѣ, также повидимому нетронутой и крайне тѣсной — она имѣла въ длину не болѣе 2 арш. — мы нашли два костяка, которые были какъ бы втиснуты въ гробницу, и на которыхъ не было никакихъ вещей, ни даже какой нибудь пуговки; эта гробница была боковая; такъ какъ стѣнки ея были совершенно явственны, то трудно было воздержаться отъ догадки, что мы имѣли передъ собою скелеты рабовъ, закланныхъ по извѣстному обычаю при похоронахъ господина. Еще въ другой гробницѣ рядомъ съ мужскимъ костякомъ, совершенно правильно лежавшимъ, былъ найденъ скорченный костякъ женщины съ множествомъ разныхъ вещицъ — доказательство того, что и эта часть гробницы не была тронута; черепъ женщины лежалъ на сторону, пальцы рукъ были найдены ниже костей нижнихъ оконечностей; вообще положеніе костяка было таково, что могло произойти лишь при смерти въ страшныхъ конвульсіяхъ среди самой гробницы: очевидно, эта женщина была принуждена послѣдовать въ царство смерти за своимъ мужемъ.

Подобныя подробности, въ точности обозначенныя въ журналѣ работъ, могутъ послужить основаніемъ для соображеній, какъ о національности, такъ и о нравахъ племенъ, насыпавшихъ курганы. Особенно важно замѣчать положеніе костяка относительно странъ свѣта. При раскопкахъ, произведенныхъ лично мною, вещи, сколько нибудь порядочныя, попадались въ гробницахъ, гдѣ покойникъ былъ обращенъ лицемъ на западъ (т. е. гдѣ голова лежала въ восточной, а ноги въ западной ча-

сти гробницы); тѣ же гробницы, въ которыхъ костякъ лежалъ въ противоположномъ направленіи, были чрезвычайно бѣдны вещами и принадлежали вѣроятно совершенно другому племени. Я не скрываю отъ себя, что это наблюденіе можетъ быть опровергнуто дальнѣйшими раскопками, тѣмъ болѣе что въ Керчи не было замѣчено ничего подобнаго. Но очень можетъ быть, что оно будетъ имѣть силу относительно окрестностей древняго Танаиса, и въ такомъ случаѣ оно служило бы къ распредѣленію кургановъ между двумя племенами. Во всякомъ случаѣ направленіе скелета есть предметъ, заслуживающій всякаго вниманія.

Когда гробница вскрыта, и вся земля, наполнявшая ее, выкинута, когда описано положеніе костяка, и выбраны вещи, на немъ находившіяся, тогда кости могутъ быть сдвинуты съ мѣста для изслѣдованія дна гробницы. Въ заключеніе всего просѣваютъ черезъ сито землю, окружавшую скелетъ, особенно ежели земля суха и разсыпается. Просѣваніемъ земли оканчивается вскрытіе гробницы. Съ найденными вещами я бы совѣтывалъ всегда уносить и черепъ, если удастся вынуть его въ цѣлости, что, правда, въ курганахъ, нами раскопанныхъ, случалось очень рѣдко. Два три черепа конечно ничего не значатъ, если между ними не попадется черепъ совершенно особеннаго построенія, принадлежавшій напримѣръ какому нибудь Макрокефалу, какъ одинъ изъ череповъ, нами найденныхъ. Но большое собраніе череповъ, найденныхъ въ курганахъ, было бы драгоцѣннѣйшимъ пособіемъ для этнографическихъ разысканій.

Другой разрядъ кургановъ, совершенно отличный отъ могильныхъ, составляютъ курганы, которые можно назвать *богослужебными*. Сложены они по большей части правильнѣе нежели могильные курганы; въ основаніи своемъ они бываютъ, по большей части, окружены каменною стѣною. Внутри ихъ вещей не попадается, за то на вершинѣ очень часто находятся *бабы*, эти богослужебные памятники идолопоклонства, господствовавшаго въ древности въ этихъ странахъ. Бабы стояли на курганахъ въ числѣ двухъ, трехъ и болѣе, даже до двѣнадцати. Въ настоящее время многія снесены съ кургановъ, иныя еще стоятъ на вершинахъ, другія совершенно вросли въ землю и невидимы. Въ нѣкоторыхъ курганахъ находили бабъ на довольно значительной глубинѣ.

Мы не намѣрены здѣсь входить въ подробности вопроса о бабахъ, который требовалъ бы и особеннаго приготовленія, и обширнаго изложенія. Не можемъ однакожь не замѣтить, какъ было бы любопытно, и обильно важными выводами, по возможности полное собраніе рисунковъ, даже съ однѣхъ тѣхъ бабъ, которыя до сихъ поръ были сняты

съ кургановъ. Изъ бѣглаго несистематическаго обзора бабъ, которыя мнѣ удалось видѣть [1], я могу вывести только одно несомнѣнное заключеніе, что онѣ представляютъ важныя различія какъ по стилю, такъ и по аттрибутамъ и символамъ. Можно утвердительно сказать, что всѣ онѣ не могутъ принадлежать одному народу, тѣмъ менѣе одному времени. Различіе, замѣчаемое между ними, такъ явственно, что ихъ легко было бы распредѣлить на нѣсколько классовъ, рѣзко отличающихся одинъ отъ другаго. Нѣмецкій путешественникъ Гакстгаузенъ въ продолженіе своего кратковременнаго пребыванія на югѣ Россіи собралъ довольно много интересныхъ данныхъ и рисунковъ по этому предмету. Будемъ надѣяться, что русскіе ученые предупредятъ въ этомъ дѣлѣ по крайней мѣрѣ другихъ иностранцевъ. Уже одно описаніе доселѣ открытыхъ бабъ, съ приложеніемъ нужныхъ рисунковъ, должно повести къ важнымъ результатамъ; но эти результаты конечно окажутся совершенно незначительными въ сравненіи съ тѣми, которыхъ можно ожидать отъ раскопки кургановъ, заключающихъ въ себѣ бабы. На основаніи этихъ новооткрытыхъ памятниковъ можно было бы дѣлать историческіе выводы съ бо́льшею достовѣрностью, нежели на основаніи доселѣ вырытыхъ, потому что мѣста ихъ находки были бы извѣстны. Различія въ стилѣ и аттрибутахъ могли бы быть сличены съ различіемъ мѣстъ, гдѣ бабы были поставлены. Позволю себѣ прибавить, что экспедиція для отысканія бабъ могла бы обойтись довольно дешево, потому что не потребовала бы большихъ раскопокъ; главный трудъ состоялъ бы въ наивозможно-полномъ обозрѣніи всѣхъ кургановъ.

Многіе принимаютъ еще третій разрядъ кургановъ, такъ называемые курганы сторожевые или маячные. Нѣтъ сомнѣнія, что вообще наши курганы служили издавна, какъ служатъ и теперь, для отысканія пути черезъ степи. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ, на примѣръ, Книга Большаго Чертежа. Равномѣрно не подлежитъ сомнѣнію и то, что съ кургановъ сторожили непріятеля. Но мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы курганы когда нибудь насыпались для одной изъ этихъ двухъ цѣлей, и именно вотъ по какимъ обстоятельствамъ. Курганы находятся обыкновенно груп

[1] Московское Общество Исторіи и Древностей имѣетъ въ своей залѣ двѣ бабы; въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей заслуживаетъ одна баба особеннаго вниманія по своей оригинальности; въ Новочеркаскѣ въ городскомъ саду размѣщена цѣлая коллекція бабъ, изъ числа которыхъ многія стоятъ изученія; наконецъ Бахмутскій трактъ, въ особенности около города Бахмута и на югъ отъ него, весь уставленъ сотнями бабъ, тянущихся по обѣимъ сторонамъ большой дороги.

пами; около одного большаго кургана бывают расположены два, три и болѣе кургановъ меньшихъ; мнѣ не удавалось замѣчать исключенія изъ этого общаго правила. Если оно оправдается дѣйствительно на всѣхъ курганахъ, то имъ совершенно устранится предположеніе о курганахъ маячныхъ и сторожевыхъ: ибо кто сталъ бы насыпать нѣсколько кургановъ для такой цѣли, которая достигается насыпкою одного кургана? Малые курганы были бы совершенно безполезны около кургана сторожеваго или маячнаго. Я долженъ однакоже признаться, что для меня остается еще не вполнѣ объясненною правильность рядовъ, въ которыхъ расположены курганы, обстоятельство, подававшее въ особенности поводъ къ предположенію маячныхъ и сторожевыхъ кургановъ [1]; хотя я считаю нужнымъ замѣтить, что во-первыхъ относительная близость кургановъ одного ряда не говоритъ въ пользу этого предположенія, и во-вторыхъ нѣкоторые изъ кургановъ, расположенныхъ правильными грядами, заключаютъ въ себѣ гробницы, какъ показали намъ курганы въ окрестностяхъ Гниловской-станицы.

Вотъ замѣчанія, которыя я хотѣлъ сдѣлать на основаніи кратковременнаго знакомства съ этими чрезвычайно интересными памятниками, такъ живописно разнообразящими пустынность нашихъ южныхъ степей. — Перехожу теперь къ повѣствованію о нашихъ собственныхъ поискахъ и находкахъ.

—

Большая дорога изъ Ростова-на-Дону, — обязаннаго своимъ торговымъ значеніемъ нашему времени и возрастающаго нынѣ, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ, — въ Таганрогъ, городъ Петра Великаго, остающійся, доселѣ не смотря на соперничество, первымъ городомъ Азовскаго-моря, пролегаетъ сначала вдоль по правому берегу праваго рукава Дона, носящаго имя Мертваго-Донца, потомъ по сѣверному берегу Азовскаго-моря. Первая станція на этомъ пути находится въ армянскомъ селеніи Чалтырь, Ростовскаго уѣзда Екатеринославской губерніи, гдѣ направо отдѣляется идущій на сѣверъ большой бахмутскій трактъ; вторая—въ Морскомъ-Чулекѣ, слободѣ Міусскаго Округа Земли Войска Донскаго. Первая лежитъ при ручьѣ Мокрый Чалтырь (цифра 4 на помѣщенномъ выше планѣ), впадающемъ въ Мертвый-Донецъ; вторая при Морскомъ-Чулекѣ, вливающемся уже въ Азовское-море. На серединѣ разстоянія между этими дву-

[1] См. Сѣв. Пчел. 1852 г. № 136. (Замѣчанія противъ кн. Кострова). Остроумное объясненіе расположенія кургановъ рядами не кажется мнѣ убѣдительнымъ, а отрицаніе религіознаго значенія бабъ вовсе невѣроятно.

мя станціями, около одной версты на лѣво отъ большой дороги, лежитъ, надъ самымъ Мертвымъ-Донцемъ, слобода Недвиговка, принадлежавшая прежде полковнику Мартынову, а теперь отошедшая въ юртъ сосѣдней Гниловской-станицы (на планѣ 5). Мертвый-Донецъ течетъ здѣсь почти прямо съ востока на западъ; правый берегъ его, какъ у всѣхъ большихъ русскихъ рѣкъ, возвышенъ и обращенъ склономъ на югъ. Это положеніе и обиліе ключей дѣлаетъ его чрезвычайно удобнымъ для садоводства и разведенія виноградниковъ. Онъ весь давно превратился бы въ сплошной садъ — въ рукахъ жителей, болѣе привычныхъ къ осѣдлой жизни и болѣе дѣятельныхъ; но и теперь онъ довольно оживленъ разбросанными по немъ хуторами. Это безспорно одинъ изъ самыхъ благодатныхъ уголковъ обширной русской земли. Живописность мѣстоположенія увеличиваетъ его привлекательность. Съ той высоты, по которой пролегаетъ большая дорога, вы можете любоваться широтою горизонта и этою синею далью, такъ мало знакомою жителямъ нашей равнины. Глазъ вашъ обозрѣваетъ всю дельту, лежащую между двумя крайними рукавами Дона, и усматриваетъ на дальнемъ планѣ городъ Азовъ съ сосѣдними ему селеніями лѣваго берега. Нѣсколько верстъ далѣе — и открывается море; вы видите лѣсъ мачтъ, ожидающихъ попутнаго вѣтра для входа въ донскія гирла, а на правомъ берегу моря бѣлѣется Таганрогъ. Очарованіе путешественника, проѣзжающаго здѣсь лѣтомъ, было бы полное, если бы его не тревожили стаи комаровъ, поднимающихся съ камышей донской дельты.

Слобода Недвиговка лежитъ верстахъ въ пяти отъ устья Мертваго-Донца. Версты три ниже ея, почти на самомъ взморьѣ, по берегамъ впадающей въ Мертвой-Донецъ рѣчки Донской-Чулекъ, начинаются поселки слободы Синявки (на планѣ 6). Между этими двумя слободами, почти въ равномъ разстояніи отъ той и другой, находится то городище, которое обратило на себя вниманіе Стемпковскаго и было главнымъ предметомъ нашихъ разысканій и мѣстомъ важнѣйшихъ, сдѣланныхъ нами, находокъ.

Успѣхъ археологическихъ поисковъ совершенно зависитъ отъ числа рукъ и опытности рабочихъ, и потому я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ этой прозаической сторонѣ нашей экспедиціи.

Слобода Недвиговка отстоитъ отъ Новочеркаска около 60 верстъ; по этому нельзя было приступить въ Новочеркаскѣ къ найму землекоповъ. Мы получили отсюда оффиціальное сообщеніе гг. ростовскому городничему и таганрогскому градоначальнику о цѣли нашего прибытія, съ просьбою содѣйствовать въ пріисканіи людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ

было дано открытое предписаніе такого же содержанія ко всѣмъ властямъ въ Землѣ Войска. Въ самой слободѣ Недвиговкѣ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, не было надежды найти рабочихъ: около 700 душъ крѣпостныхъ полковника Мартынова два года тому назадъ выселены оттуда, и вся земля, за исключеніемъ сада и виноградника, приписана къ ближайшей Гниловской-станицѣ, но до сихъ поръ не болѣе десятка казачьихъ семействъ успѣли выселиться; а на окружныхъ хуторахъ всѣ люди были заняты жатвой. Между тѣмъ въ Ростовѣ, сообщали намъ, работаетъ постоянно до 4,000 человѣкъ, приходящихъ изъ Великой и Малой Россіи. Эти свѣдѣнія оправдались на дѣлѣ, и намъ дѣйствительно удалось вызвать достаточное число землекоповъ изъ Ростова. Не могу при этомъ не упомянуть, что успѣхомъ въ пріисканіи рабочихъ мы обязаны ревностному содѣйствію атамана Гниловской-станицы г. хорунжаго Суржина, который въ продолженіи недѣли почти постоянно жилъ въ Ростовѣ и ежедневно присылалъ къ намъ небольшія партіи поденщиковъ. Ему предстояло побѣдить неохоту отправляться слишкомъ за 25 верстъ, въ незнакомую мѣстность, гдѣ трудно найти продовольствіе и надобно много страдать отъ комара, который, замѣчу мимоходомъ, такъ свирѣпствуетъ въ Недвиговкѣ, что, не бывши тамъ, нельзя имѣть понятія о невыносимомъ дѣйствіи этого насѣкомаго на людей и на скотъ. Между тѣмъ какъ другіе отказывались пріискать намъ рабочихъ для отправленія въ Недвиговку ниже 1 р. 50 к. сер., атаманъ Суржинъ въ продолженіе одной недѣли набралъ 65 человѣкъ рабочихъ, изъ которыхъ первые 27 человѣкъ получили по 75 к., а остальные по 65 к. въ день на своихъ харчахъ. Потомъ число рабочихъ увеличилось до 100 человѣкъ, а плата постепенно понижалась, по мѣрѣ приближенія осени. Она доходила наконецъ до 35 коп. и вообще была бы еще ниже, если бы можно было устроить въ Недвиговкѣ продажу съѣстныхъ припасовъ по правильнымъ цѣнамъ. Другое неудобство состояло въ томъ, что наши рабочіе были сбродъ людей всякаго рода, по большей части возвращавшихся съ работъ въ другихъ мѣстахъ. Мы не могли имѣть ни постоянныхъ, ни опытныхъ въ своемъ дѣлѣ рабочихъ. Это значительно замедляло успѣхъ раскопокъ.

Въ Недвиговку прибыли мы 8-го іюля позднимъ вечеромъ. Насъ поразило неожиданное зрѣлище костровъ камыша, разведенныхъ передъ каждымъ домомъ для отгона комаровъ. Эти костры зажигаются здѣсь передъ захожденіемъ солнца и горятъ всю ночь; только вблизи ихъ рѣдѣютъ рои кровожадныхъ насѣкомыхъ. Когда мы пріѣхали, уже смерклось, и потому мы не могли удовлетворить своему нетерпѣнію

видѣть собственными глазами мѣстность Недвиговки. Отъ священника, который тотчасъ же пришелъ посѣтить насъ, и дворовыхъ людей г. Мартынова мы старались отобрать сколько было можно свѣдѣній о городищѣ, о курганахъ и о вещахъ, которыя были находимы въ Недвиговкѣ. Эти распросы тѣмъ болѣе интересовали насъ, что полковникъ Мартыновъ увѣрялъ, будто бы въ Недвиговкѣ мы найдемъ только два кургана. Но мы тотчасъ же узнали, что это показаніе было далеко отъ истины, и что Стемпковскій былъ правъ, когда насчитывалъ кургановъ недвиговскихъ цѣлое множество. Раннимъ утромъ личное обозрѣніе обрадовало насъ еще болѣе: во всѣ стороны около городища тянулись группы кургановъ, большихъ и малыхъ, и надъ ними возвышались два огромные кургана, о которыхъ вѣроятно говорилъ полковникъ Мартыновъ. У всѣхъ почти кургановъ были впадины на вершинѣ; изъ осмотрѣнныхъ нами кургановъ только на двухъ не было такого углубленія. Кромѣ того, объ одномъ курганѣ (т. н. *раскопанная яма*, лежащая тотчасъ на западъ отъ городища) мы получили свѣдѣніе, что онъ былъ раскопанъ по распоряженію начальства въ 1824-мъ году; многіе изъ другихъ были раскапываемы крестьянами г. Мартынова и донскими казаками, но о предметахъ, которые въ нихъ были найдены, никто не сообщилъ намъ ничего.

Болѣе свѣдѣній собрали мы о городищѣ — предполагаемомъ акрополѣ древняго Танаиса. Оно расположено на возвышенномъ берегу Мертваго-Донца, надъ самымъ спускомъ къ рѣкѣ и имѣетъ видъ не совсѣмъ правильнаго четыреугольника, приближающагося къ формѣ квадрата. Въ каждой изъ сторонъ этого четыреугольника около 100 саженей, и потому площадь городища заключаетъ въ себѣ около 10,000 □ саженъ. Оно окружено валами, по внѣшней сторонѣ которыхъ съ востока, сѣвера и запада тянутся рвы, между тѣмъ какъ южный склонъ вала переходитъ въ спускающуюся къ рѣкѣ покатость берега. На углахъ окопа были весьма замѣтныя возвышенія, поднимавшіяся надъ уровнемъ вала; такія же возвышенія находились въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ вдоль по протяженію валовъ. Живущій въ сосѣдствѣ помѣщикъ г. Мержановъ увѣрялъ насъ, что на этихъ валахъ еще на его памяти были явственно видны основанія башней, и дѣйствительно произведенныя нами раскопки показали, что подъ помянутыми возвышеніями скрывались остатки башней. На южномъ, тянущемся вдоль рѣки, валѣ городища, почти въ самой его срединѣ, было видно углубленіе, которое могло служить для въѣзда; роскопки показали потомъ, что здѣсь были ворота. Рѣка Мертвый-Донецъ дѣлаетъ вблизи городища небольшой изгибъ и оставляетъ на сторонѣ городища мысъ,

который могъ служить мѣстомъ для пристани; здѣсь-то въ прежніе годы бывали находимы монеты, которыя вымывала вода во время сильныхъ низовыхъ вѣтровъ. Монеты и теперь еще изрѣдка попадаются на этомъ мѣстѣ; мнѣ удалось впрочемъ пріобрѣсти всего только шесть мѣдныхъ монетъ, здѣсь найденныхъ, которыя всѣ были боспорскаго царства. На этомъ же мысѣ, между южнымъ валомъ городища и рѣкою, насыпанъ огромный курганъ, состоящій весь изъ золы и черепковъ битой посуды, въ родѣ римскаго Monte Testaccio. Поверхность внутренней площади городища была изрыта ямами, глубиною отъ одного до двухъ аршинъ, изъ которыхъ мѣстные жители издавна уже добываютъ камень. Въ этихъ-то ямахъ были найдены надписи, сообщенныя г. Мартыновымъ и уже извѣстныя въ ученой литературѣ [1]. Упомянутый выше помѣщикъ Мержановъ свидѣтельствуетъ, что площадь городища была на его памяти покрыта мостовой, сложенною грубо изъ простаго нетесанаго камня. Если память не обманываетъ его, то во всякомъ случаѣ эта мостовая не можетъ быть приписана Грекамъ. Вообще наружный видъ городища показываетъ, что это мѣсто было употребляемо для жилища и нѣсколько разъ укрѣпляемо разными народами. Въ томъ же убѣждаютъ предметы позднѣйшей работы и варварскаго искусства, которые были здѣсь находимы вмѣстѣ съ остатками греческаго поселенія. Чтобы дать общее понятіе о видѣ, который имѣетъ его внутренняя площадь, можно сказать, что оно очень похоже видомъ на мѣстность Корсуня.

На предварительный осмотръ мѣста предстоявшихъ намъ разысканій употреблено нами время отъ 9-го до 12-го іюля. Къ раскопкамъ приступлено 13-го іюля; въ этотъ день недвиговское городище огласилось пѣніемъ молебствія, раздававшимся вѣроятно въ первый разъ на этомъ древнемъ мѣстѣ языческаго города. Мы рѣшились начать работу съ одного кургана, изъ ближайшихъ къ городищу, и положили снести его до основанія. Курганъ былъ средней величины, о двухъ вершинахъ, съ впадинами на каждой изъ нихъ, къ югу покатый, со стороны сѣвера крутой, вышины отъ теперешней поверхности около 4 аршинъ, длины 13 саженей, ширины 8 саженей. На разрытіе употреблено четыре дня; по четыремъ угламъ кургана найдены слѣды четырехъ могилъ, по видимому уже разрытыхъ. Отъ костяковъ нашлись только

[1] Двѣ изъ нихъ сохраняются нынѣ въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Мѣсто нахожденія остальныхъ двухъ неизвѣстно; онѣ были представлены г. полковникомъ Мартыновымъ бывшему наказному атаману Кутейникову. Обращаемся къ наслѣдникамъ и знакомымъ покойнаго атамана съ покорнѣйшею просьбою сообщить намъ, что̂ сталось съ этими драгоцѣнными камнями, если это кому нибудь изъ нихъ извѣстно.

челюсти, окруженныя множествомъ черепковъ простыхъ амфоръ и нѣсколькими осколками античнаго стекла, вѣроятно отъ лакриматоріевъ; между черепками попадались рыбьи кости; на зубахъ не замѣчено слѣдовъ окисленія отъ мѣдной монеты, влагавшейся обыкновенно въ уста покойнику.

17-го іюля предприняты работы на городищѣ. Какъ ни мала его площадь для помѣщенія цѣлаго города, но для раскопокъ она представляла затрудненія по своей обширности. Копать всплошь было на первый разъ невозможно, и мы рѣшились ограничиться проведеніемъ канавъ, направленныхъ по мѣстамъ, въ пользу которыхъ было наиболѣе показаній. Канавы эти, или траншеи, были доводимы до материка, лежавшаго, какъ оказалось, по большей части около 3 аршинъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до 7 аршинъ ниже теперешней поверхности. Первый разрѣзъ сдѣланъ черезъ южный валъ городища, на томъ мѣстѣ, которое обращено къ предполагаемой древней пристани, и гдѣ, если только на городищѣ былъ акрополь, должны были находиться ведущія къ нему пропилеи. Разрѣзъ сдѣланъ на 5 аршинъ въ глубину; на самой глубинѣ найдена водосточная труба, сверху и низу обложенная плитнякомъ, съ боковыми стѣнками изъ необтесаннаго камня, довольно грубой работы; во время разрытія на разныхъ глубинахъ выкопаны двѣ мѣдныя монеты, обѣ боспорскаго царства. Кромѣ того вырыты: обломокъ античнаго стекляннаго перстня, нѣсколько осколковъ стеклянной античной чашки и наконецъ, какъ вознагражденіе за труды этой недѣли, три фрагмента одной греческой надписи, времени боспорскаго царя Рескупорида III, сына Савроматова; надпись была изсѣчена на мѣстномъ твердомъ камнѣ.

Вотъ ея текстъ [1]:

ΓΑΘΗΙΤΥΧΗΙ
ΑϹΙΛΕΙΡΗϹΚΟΥΠΟ
ΕΙΙΩΜΕΓΑΛΟΥ ΒΑ
VϹϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥΚΑΙ
ΙΝΟϹΦΑΝΝΕΩϹΤΩ
ΕΠΙΤΩΝ ϹΠΟΡΓΙΑΝΩΝΚΑΙ
ΠΡΕϹΒΕΥΤΗΒΑϹΙΛΕΩϹΡΗ
ϹΚΟΥΠΟΡΙΔ ΚΑΙΧΟΦΡΑ
ϹΜΟΥΦΟΡΓΑΒ ΟΥ ΚΑΙΒ
ϹΙΛΕΙΔΗϹΘΕΟΝ

[1] По недостатку шрифта буквы *Θ* и *О* означены литерами приблизительной формы. Въ подлинникѣ эти буквы имѣютъ форму четыреугольниковъ, поставленныхъ однимъ угломъ къ верху и другимъ къ низу, наперекресгъ строки.

ΛΗΝΑΡΧΗΣ. ΧΡ
ΦΘΑΡΕΝΤΑΤΟ
ΚΟΔΟΜΗΘΗΕΙ
ΠΙΜΕΛΗ
ΠΟΛ

Эту надпись слѣдуетъ читать и дополнить такимъ образомъ:

'Α]γαθῇ τύχῃ.
Επὶ β]αδιλεῖ 'Ρηδκουπό-
ριδ]ει ἱῷ μεγάλου βα-
διλέ]ως Σαυρομάτου καὶ
Ζήνω]νος Φάννεως τῷ
ἐπὶ τῶν 'Αδπουργιανῶν καὶ
πρεδβευτῇ βαδιλέως 'Ρη-
δκουπόριδ[ος] καὶ Χοφρά-
δμου Φοργαβ[άκ]ου καὶ Β[α-
διλείδης Θεον[είκου ἑλ-
ληνάρχης. χρ[όνῳ κατα-
φθαρέντα τὸ[.. ἀνῳ-
κοδομήθη ἐ[κ θεμελίων
διὰ ἐ]πιμελη[των....
....'Α]πολ[λωνίου.

т. е. Съ благимъ счастіемъ!

При царѣ Рескупоридѣ, сынѣ великаго царя Савромата, и Зенонѣ сынѣ Фанниса, начальникѣ Аспургіевъ и намѣстникѣ царя Рескупорида, и при Хофрасмѣ сынѣ Форгабака и Басилидъ сынъ Θеоника геллегархъ. Временемъ поврежденн........ выстроен.. отъ основанія подъ надзоромъ........ сына Аполлоніева [1].

Что такое выстроено вновь отъ основанія, поврежденное временемъ, этого изъ сохранившихся фрагментовъ не видно. Можно предполагать и стѣну и башню: *τὸ τεῖχος* и *τὸν πύργον*, потому что и то и другое слово могло найти мѣсто въ текстѣ надписи, исполненномъ ошибокъ противъ языка. Въ первомъ случаѣ ошибка состояла бы въ соединеніи причастія, мужескаго рода и винительнаго падежа, съ существительнымъ средняго рода и именительнаго падежа, во второмъ — въ постановкѣ подлежащаго не въ именительномъ, а въ винительномъ падежѣ. И та и другая ошибка равно грубы; которая нибудь изъ двухъ

[1] Въ греческомъ чтеніи вездѣ, а гдѣ было можно, и въ русскомъ переводѣ сохранены ошибки подлинника противъ синтаксиса. Дополненія, которыя могутъ показаться смѣлыми, оправдываются сличеніемъ съ надписью, приводимою ниже и означенною № 6.

по необходимости должна быть предположена въ текстѣ, но которая именно, на это нѣтъ возможности отвѣчать. По этому вопросъ, около какого сооруженія шла проводимая нами канава, оставался нерѣшенымъ.

Фрагменты эти были найдены 18-го іюля. Въ слѣдующій же рабочій день, 21-го іюля, не въ далекомъ разстояніи отъ мѣста этой находки, была отрыта надпись, сохранившаяся въ болѣе удовлетворительномъ состояніи. Текстъ ея будетъ приведенъ ниже, вмѣстѣ съ другими надписями, найденными впослѣдствіи. Теперь я только скажу, что въ ней упоминается о возстановленіи городскихъ воротъ, оставленныхъ отъ времени безъ поддержки, нѣкимъ Меніемъ сыномъ Харитона при боспорскомъ царѣ Котисѣ III, въ началѣ III вѣка по Р. Х. Эта надпись, гораздо болѣе ясная нежели первая, послужила подтвержденіемъ догадки, что на мѣстѣ, гдѣ мы начали копать, были ворота, которыя вели въ древній городъ. Удостовѣрившись въ этомъ, мы могли продолжать раскопку городища съ бо́льшею надеждою на успѣхъ.

При выборѣ мѣста для слѣдующихъ разрѣзовъ мы руководствовались слѣдующими показаніями. Естественно было предполагать, что лучшая часть города была та, которая была обращена къ рѣкѣ и морю и первая представлялась взору подъѣзжающихъ съ моря. На этомъ основаніи мы приступили къ проведенію канавъ преимущественно въ западной и югозападной части городища. Кромѣ того нѣкоторыя мѣста обращали на себя вниманіе или сравнительною высотою своею или низменностью; такія мѣста были также предположены къ изслѣдованію. Наконецъ приняты были къ свѣдѣнію извѣстія мѣстныхъ жителей, впрочемъ весьма сбивчивыя, о прежнихъ находкахъ. На основаніи всѣхъ этихъ показаній назначены были линіи для проведенія канавъ, которыми городище, можно сказать, изрѣзано во всѣхъ направленіяхъ.

Было бы утомительно и безполезно исчислять здѣсь всѣ эти канавы и обозначать ихъ направленіе, тѣмъ болѣе, что подробный планъ городища съ означеніемъ всѣхъ разрѣзовъ представленъ нами Господину Министру Удѣловъ, и слѣдовательно подробности эти спасены отъ забвенія. Въ этой статьѣ будетъ умѣстнѣе ограничиться изложеніемъ результатовъ нашихъ разысканій на недвиговскомъ городищѣ [1].

Самое общее заключеніе, которое выводится изъ этихъ разысканій, состоитъ въ томъ, что на мѣстѣ недвиговскаго городища, по крайней

[1] Собственно ученыя изслѣдованія, къ которымъ подаютъ поводъ сдѣланные мною поиски, будутъ предметомъ разсужденія, которое выйдетъ отдѣльною книгою, на латинскомъ языкѣ. Тамъ будутъ приложены и рисунки найденныхъ вещей.

мѣрѣ въ III вѣкѣ по Р. Х., было греческое поселенiе, носившее имя Танаиса. Въ грудахъ мусора, наполняющихъ площадь городища и валы, его окружающiе, мы открыли основанiя шести башней, въ одномъ мѣстѣ остатки древней мостовой изъ большихъ плитъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ нижнiя части стѣны, окружавшей городъ, а одна изъ найденныхъ надписей даже опредѣлила мѣсто главной городской площади, или, какъ называли Греки, *агоры* (форума). Имя Танаиса было и прежде прочтено на надписяхъ, найденныхъ въ недвиговскомъ городищѣ, но все-таки оставалась неустраненною возможность предположенiя, что эти надписи были какъ нибудь случайно завезены туда, ибо древняя эпиграфика представляетъ тому довольно примѣровъ. Нынѣ эта гипотеза теряетъ всякое основанiе, вслѣдствiе числа найденныхъ нами надписей, и въ особенности вслѣдствiе соотвѣтствiя содержанiя надписей съ мѣстомъ находки. Такъ, въ томъ углубленiи южнаго вала, гдѣ можно было искать воротъ, открыта, какъ уже упомянуто, надпись, говорящая о возстановленiи воротъ греческаго города; подъ развалинами башней отысканы обломки надписей, сохранившихъ память о возобновленiи башней древняго Танаиса; наконецъ въ той внутренней части города, которая уже по отсутствiю на нѣкоторомъ пространствѣ стѣнъ и погребовъ и двумъ колодцамъ, тамъ найденнымъ, могла быть признана за площадь, найдена надпись, свидѣтельствующая о сооруженiи городскаго форума Танаиса однимъ изъ его именитыхъ гражданъ. Такое соотвѣтствiе между содержанiемъ надписей и мѣстомъ ихъ находки дѣлаетъ несомнѣннымъ, что онѣ оставались нетронутыми со временъ окончательнаго разрушенiя Танаиса въ неизвѣстную намъ эпоху до разысканiй, произведенныхъ нынѣ. Очевидно, что онѣ вырыты нами на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ нѣкогда поставили ихъ древнiе соорудители. Имя Танаиса, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ надписей, дѣлаетъ несомнѣннымъ, что во время написанiя ихъ, т. е. въ III вѣкѣ по Р. Х., поселенiе, остатки котораго сохранились въ недвиговскомъ городищѣ, именовалось Танаисомъ.

Древнiе писатели сообщаютъ мало свѣдѣнiй объ этой самой сѣверной изъ греческихъ колонiй. Плинiй (VI, 7) повѣствуетъ, что окрестности ея были заняты сначала Карiйцами, потомъ Клазоменiйцами и Меонами, наконецъ Пантикапейцами. Страбонъ (XI, 493. VII, 310) приписываетъ основанiе ея Грекамъ, которые владѣли Киммерiйскимъ-Боспоромъ; по его словамъ это было самое значительное послѣ Пантикапеи мѣсто торга съ варварами; азiатскiе и европейскiе кочевники привозили сюда рабовъ, кожи и другiя произведенiя кочевыхъ народовъ; изъ Боспора же доставлялись предметы для одѣянiя, вино и дру-

гія произведенія образованныхъ странъ. Изъ одного мѣста Страбона (XI, 495) можно заключить, что Танаисъ, хотя и колонія боспорскихъ Грековъ, пользовался однако независимостію. Страбонъ говоритъ, что изъ азіатскихъ Меотовъ, жившихъ по восточному берегу Азовскаго-моря, одни повиновались жителямъ Танаиса, другіе Боспорцамъ, изъ чего надобно вывести заключеніе, что Танаисъ не находился тогда въ зависимости отъ боспорскаго царства. Впрочемъ Страбонъ прибавляетъ, что многіе изъ боспорскихъ полководцевъ овладѣвали всѣмъ восточнымъ берегомъ Азовскаго-моря до самаго Танаиса, и что это особенно относится къ царямъ Фарнаку, Асандру и Полемону. Противъ послѣдняго Танаисъ сдѣлалъ возстаніе и въ наказаніе за то былъ совершенно опустошенъ. По этому-то Плиній, писатель второй половины перваго вѣка по Р. Х., говоритъ о Танаисѣ, какъ о городѣ, уже болѣе не существующемъ: oppidum in Tanais ostio quoque *fuit*.

На основаніи письменныхъ свидѣтельствъ древности можно было бы полагать, что Танаисъ не возраждался послѣ удара, нанесеннаго ему Полемономъ, но памятники, найденные въ недвиговскомъ городищѣ, знакомятъ насъ со второю эпохою существованія этого города, съ тою эпохою, о которой умалчиваютъ древніе писатели, и которая осталась бы неразъясненною, если бы не былъ нынѣ открытъ новый источникъ свѣдѣній о танаитской исторіи. Недвиговскія находки пополняютъ извѣстія древнихъ писателей и показываютъ, что Танаисъ, разрушенный Полемономъ, былъ опять возстановленъ и достигъ нѣкотораго благосостоянія около III вѣка по Р. Х.

Но возродившійся городъ былъ гораздо бѣднѣе того перваго Танаиса, о богатствѣ котораго говоритъ Страбонъ. Слѣды строеній, оказавшіеся при раскопкахъ, ясно показываютъ скудость средствъ, которыми располагалъ новый городъ. Въ канавахъ, проведеныхъ по городищу, весьма рѣдко попадались тесаные камни, и еще рѣже куски мрамора. Архитектурныя части найдены лишь на одной базѣ изъ простаго камня, отдѣлки весьма грубой, и на одномъ мраморномъ фрагментѣ загадочнаго назначенія [1], изъ которыхъ первая препровождена въ новочеркасскую гимназію, а вторый доставленъ въ С.-Петербургъ. Нельзя сомнѣваться, что послѣ самаго страшнаго разрушенія осталось бы гораздо болѣе архитектурныхъ памятниковъ, если бы этотъ возобновленный городъ заключалъ въ себѣ частныя жилища и общественныя зданія, какія бывали въ собственно-греческихъ городахъ хорошаго вре-

[1] Онъ состоитъ изъ плиты съ карнизными частями и головою грифа, какъ орнаментомъ.

мени. Впрочемъ одна уже кладка стѣнъ, изъ необтесанныхъ камней и чрезвычайно небрежная, вполнѣ убѣждаетъ, что тотъ Танаисъ, развалины котораго мы имѣемъ въ недвиговскомъ городищѣ, не только не есть греческій городъ хорошаго времени, но и вообще, не есть чисто-греческій городъ. Греки никогда, ни даже въ византійское время, не строили такъ дурно: доказательствомъ могутъ служить остатки башней, построенныхъ Юстиніаномъ въ Алуштѣ на южномъ берегу Крыма.

Изъ античныхъ изваяній найденъ нами одинъ только фрагментъ хорошей работы. Это женская головка изъ простаго камня, принадлежавшая къ горельефу, какъ видно изъ несимметричности ея формъ, расчитанныхъ на точку зрѣнія со стороны. Исполненіе ея, далеко не тщательное, показываетъ ловкій и свободный рѣзецъ. Кромѣ того найденъ мраморный рельефъ, изображающій всадника въ панцырѣ и развѣвающейся хламидѣ, съ копьемъ; внизу надпись: **ΤΡΥΦΩΝ ΑΝΔΡΟΜΕΝΟΥ ΑΝΕΘΗΚΑ.** Это — произведеніе искусства упавшаго, безъ сомнѣнія III вѣка по Р. Х.; впрочемъ оно нѣсколько лучше позднѣйшихъ керченскихъ рельефовъ. Рельефъ былъ вѣроятно вставленъ въ городскую стѣну, какъ можно заключить по мѣсту находки (на склонѣ южнаго вала, близь ю.-з. угла городища).

Этимъ ограничиваются собственно скульптурныя находки. По части предметовъ изъ бронзы поиски были счастливѣе. Нашъ Танаисъ, городъ небогатый, къ тому же возродившійся во времена почти варварскія (III столѣтіе по Р. Х.), поддержалъ однакоже честь своего греческаго имени и подарилъ насъ хорошими бронзовыми вещами. Въ глубинѣ одного изъ погребовъ его, въ ю.-з. части городища, у самаго спуска съ южнаго вала, найденъ бронзовый канделябръ, $1\frac{3}{4}$ аршина въ вышину, состоящій изъ каннелированнаго стержня на трехъ львиныхъ лапкахъ; онъ сохранился совершенно удовлетворительно, кромѣ верхней тарелки, которая утратилась. Въ ю.-в. части городища, ближе къ центру его, также въ одномъ погребѣ, была отрыта бронзовая лампочка, изящнѣйшей формы; очертанія, опредѣленныя и рѣшительныя, и въ то же время совершенно спокойныя, напоминаютъ характеръ лучшихъ произведеній греческой тектоники; ручка оканчивается тигровою головкой, которая отличается чрезвычайною живостью. Линіи цѣлой вещицы такъ изящны и согласны, что на нее нельзя налюбоваться. Въ ней нѣтъ ничего изысканнаго, ничего сбивчиваго; отъ нея вѣетъ чистымъ греческимъ духомъ. Другая бронзовая лампочка, найденная неподалеку, менѣе изящна; рисунокъ ея не оживленъ и даже грубоватъ, но она прекрасно сохранилась; величиной она меньше первой. Очень замѣчательны еще фрагменты бронзовой утвари, состоящей изъ четыреугольной

подставки на львиныхъ лапкахъ, круглаго на ней корпуса и верхней круглой тарелки, украшенной идущимъ снизу вдоль по краю вѣнчикомъ привѣсокъ на подобіе пальметъ. Наконецъ можно упомянуть, не въ артистическомъ, а въ антикварномъ отношеніи, о фрагментахъ бронзовой утвари, служившей повидимому кортиною (т. е. верхнею круглою чашею) треножника.

Трудно положительно опредѣлить время этихъ бронзовыхъ вещей. Лампочка съ тигровою головкой можетъ происходить изъ самаго лучшаго времени греческаго искусства; канделябръ и подставка должны быть также отнесены къ періоду процвѣтанія искусствъ въ Греціи и Римѣ; но извѣстно, что этотъ періодъ продолжался отъ Перикла до Адріана, т. е. не менѣе половины тысячелѣтія. Во всякомъ случаѣ обѣ помянутыя вещи должны быть по крайней мѣрѣ однимъ столѣтіемъ старше, нежели надписи, найденныя въ недвиговскомъ городищѣ. Надобно прибавить, что кромѣ своего собственнаго художественнаго достоинства, эти вещи получаютъ особенную цѣну вслѣдствіе того, что при раскопкахъ, производимыхъ въ нашемъ отечествѣ, доселѣ не было находимо ни бронзовыхъ канделябровъ, ни бронзовыхъ лампъ, или вообще какой нибудь утвари этого рода.

Изъ мелкихъ вещей, относящихся къ одеждѣ и уборамъ, стóятъ нѣкотораго вниманія: трубочка изъ разноцвѣтнаго стекла, фрагментъ кольца изъ бѣлаго стекла, другой фрагментъ кольца изъ разноцвѣтнаго стекла, двѣ монистины изъ разноцвѣтнаго стекла, монистина рубчатая изъ голубой массы, круглыя плоскія украшенія изъ лапись-лазули и стекляной массы, бронзовое кольцо, двѣ бронзовыя застежки (броши) и фрагментъ третьей.

Между стеклянными вещами назовемъ фрагменты большаго блюда хорошей формы изъ разноцвѣтнаго стекла, фрагменты чаши изъ бѣлаго стекла, фрагменты трехъ стеклянныхъ ручекъ, фрагментъ шейки сосуда изъ весьма красиваго разноцвѣтнаго стекла.

Изъ числа терракоттъ отобрано нами слѣдующее, какъ нѣсколько цѣнное: женская головка грубой работы, восемь лампочекъ, фрагментъ блюда, четыре фрагмента съ рельефнымъ и одинъ съ рисованнымъ украшеніемъ, наконецъ одинъ фрагментъ базы и три интересные фрагмента черепичной покрышки.

Малочисленность художественныхъ произведеній, найденныхъ въ недвиговскомъ городищѣ, вполнѣ выкупается количествомъ и достоинствомъ открытыхъ тамъ надписей. Хотя раскопано не болѣе $1/_{20}$ части площади городища и валовъ, его окружающихъ, тѣмъ не менѣе однако

же извлечено изъ земли восемь надписей историческаго и религiознаго содержанiя и значительнаго объема. Особенную цѣну даетъ этимъ надписямъ означенiе на шести изъ нихъ времени ихъ постановки, и эта цѣнность еще увеличивается вслѣдствiе того, что шесть надписей, на которыхъ означено время, относятся къ четыремъ царствованiямъ, непосредственно слѣдовавшимъ одно за другимъ, именно къ царствованiямъ боспорскихъ царей Савромата III, Рескупорида III, Котиса III и Ининѳимея.

Еще прежде нашихъ разысканiй было открыто въ недвиговскомъ городищѣ четыре надписи, такъ что теперь общее число танаитскихъ надписей восходитъ до *двѣнадцати*, и историческая наука имѣетъ двѣнадцать свидѣтельствъ для той своей главы, которая, безъ недвиговскаго городища, не имѣла бы ни одного источника. Считаемъ нужнымъ, для полноты дѣла, привести здѣсь всѣ эти двѣнадцать надписей, хотя четыре, найденныя прежде раскопокъ этого года, уже были изданы. Мы расположимъ историческiя надписи въ хронологическомъ порядкѣ и вслѣдъ за ними дадимъ мѣсто религiознымъ надписямъ.

№ 1-й [1].

Α[γ]αϑῆ τύχη
Βασιλεύοντος βα-
σιλέως Τιβερίου
Ἰουλίου Εὐπάτο-
ρος φιλοκαίσαρος
καὶ φιλορω[μ]αίου
εὐσεβοῦς, ϑεῷ Ἀπόλ-
λωνι εὐ[ξ]άμενος Ἀν-
τίμαχος Χαρίτω[νος]

Съ благимъ счастiемъ! Въ царствованiе царя Тиберiя Юлiя Эвпатора, друга цезаря и друга народа римскаго, благочестиваго, — богу Аполлону, по обѣту, Антимахъ сынъ Харитона.

На задней сторонѣ камня поперекъ, втрое бóльшими буквами:

ΒΑΣΙΛΕΙ
ΤΗΝΕΙΚΙ
ΧΑΝΩΝ
ΟΕΠΙΤΟΥ
ΕΝΤΩ

Высота (по передней сторонѣ) 5, ширина 8 вершковъ. Найденъ на мѣстѣ въѣзда въ городъ людьми господина Мартынова, который представилъ точ-

[1] Сообщаемъ здѣсь только греческое чтенiе и русскiй переводъ этихъ надписей, а снимки будутъ помѣщены въ обѣщанномъ выше отдѣльномъ сочиненiи о древностяхъ Танаиса. Относительно чтенiя замѣтимъ, что въ немъ сохранены орѳографическiя и другiя ошибки подлинниковъ, и что онѣ по возможности переданы и въ переводѣ. Послѣднее относится преимущественно къ синтаксическимъ неправильностямъ.

ный списокъ съ него Наказному Атаману Кутейникову при письмѣ отъ 20-го апрѣля 1836-го года. Самый камень взятъ отъ полковника Мартынова черезъ нарочнаго помянутымъ Наказнымъ Атаманомъ въ сентябрѣ того же года [1]; нынѣ неизвѣстно гдѣ находится. Изданъ г. Грефе въ Epistola critica ad God. Hermannum de inscriptionibus aliquot graecis (Petrop. 1841) со списка, сдѣланнаго полковникомъ Мартыновымъ и сообщеннаго г. Кёппену. У Бёка N 2132 b c, у Ашика N 33 и 34. Исправлено въ стр. 1 Ἀγαθῇ вм. αταθη, въ стр. 6 μ вм. IP, въ стр. 8 Ε вм. Σ мартыновскаго списка.

Надпись задней стороны есть болѣе древняя. Правой части ея недостаетъ. Когда этотъ древнѣйшій камень былъ уже расколотъ, на сохранившейся лѣвой его половинѣ была сзади начертана новая надпись, уцѣлѣвшая вполнѣ кромѣ окончанія. Она изсѣчена на оборотѣ древней надписи (на задней остававшейся неисписанною поверхности камня) такъ, что лѣвая сторона древняго камня сдѣлалась верхнею стороною въ новой надписи. Г. Грефе относилъ древнѣйшую надпись къ времени боспорскаго царя Клавдія Миѳридата, основываясь на слѣдахъ буквы **M**, видимыхъ послѣ слова **ΒΑΣΙΛΕΙ** въ концѣ первой строки, но самъ впрочемъ замѣтилъ, что буква **M** можетъ происходить и отъ слова μεγάλῳ. По этому, времени надписи, которое было означено въ утраченномъ окончаніи пятой строки, опредѣлить нельзя. Достовѣрнѣе дополненіе второй строки: τὴν εἰκόνα ἀνέστησεν Ἐπιτυγχάνων, ибо въ такомъ случаѣ черта, означенная вслѣдъ за буквою **K**, будетъ принадлежать буквѣ *N*, а *o* маленькое должно быть предположено или опущеннымъ или стершимся. Длина древняго камня также не можетъ быть опредѣлена; но достовѣрно, что большая половина камня утрачена: въ этомъ убѣждаетъ какъ дополненіе второй строки, такъ и послѣдняя строка, въ которой вѣроятно находилось кромѣ числа года и имя мѣсяца [1].

Позднѣйшая надпись, изсѣченная на первоначально задней сторонѣ камня, сдѣлавшейся послѣ того переднею стороною, относится къ царствованію Эвпатора, имя котораго встрѣчается на боспорскихъ монетахъ съ означеніемъ 451—467 годовъ понтійской эры, т. е. 155 — 171 по Р. Х., и который былъ слѣдовательно современникомъ римскихъ императоровъ Антонина Пія и Марка Аврелія. Онъ происходилъ не изъ царской династіи и потому не означалъ на надписяхъ имени своего отца. По обычаю боспорскихъ царей онъ принялъ имена Тиберія Юлія и титулъ: *другъ цезаря, другъ народа римскаго* и *благочестивый*.

№ 2-й.

Ἀγα]θῇ τύχῃ	Съ благимъ счастіемъ!
Βασιλεύοντος βασιλέως	Въ царствованіе царя Тиберія Юлія

[1] Изъ записокъ г. Мартынова.

*Τιβερίου Ἰουλίου Σαυρο-
μάτου υἱοῦ μεγάλου
βασιλέως Ῥοιμητάλκου Δι-
δυμόξαρθος Χοδαίνου
ἄρχων Ταναείτων καὶ Ῥόδων
Φαζινάμου ἑλληνάρχης
χρόνου καταφθαρέντα τὸν
πύργον ἀνοικοδομήσαντες
ἀπεκατέστησαν τῷ ἐνπορίῳ
διὰ ἐπιμελήτων Συνεκδήμου Ἀ-
ριστοδήμου καὶ Μάη Εὐδήμω-
νος καὶ Θαυμάστου Ῥόδω-
νος καὶ Χρυσοῦ Ψυχαρίω-
νος καὶ Πολυκάρπου Μενε-
στράτου καὶ Ἀρδαγάκου
Τρύφωνος καὶ Σιαύλκου Ἰραμ-
βούστου καὶ Ὀχθαρζάνου
πατειρβιδος* (sic) *Ἰραμβούστ[ου
ἐ]ν τῷ επυ καὶ μ[ηνὸς
Πα]νήμου* .

Савромата сына великаго царя Реметалка, Дидимоксарѳъ сынъ Ходена, архонтъ Танаитовъ, и Родонъ сынъ Фазинама, гелленархъ, временемъ поврежденную башню возстановивши, устроили въ пользу торжища заботами Синекдема сына Аристодемова, и Мая сына Эвдемонова и Ѳавмаста сына Родонова, и Хриса сына Психаріонова, и Поликарпа сына Менестратова, и Ардагака сына Трифонова и Сіавлка сына Ирамбустова и Охѳарзана Ирамбустова въ 485 году и мѣсяца Панема.

Цѣльная каменная плита, имѣющая въ вышину 17, въ ширину 13 вершковъ; рѣзецъ хорошій. Найдена 29-го октября 1853 года въ сѣверной части городища (въ квадратѣ I 9 а—с на планѣ, представленномъ Господину Министру Удѣловъ). Сохраняется въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ. Издается нынѣ въ первый разъ.

Надпись эта составляетъ памятникъ царствованія Савромата III, послѣдовавшаго на боспорскомъ престолѣ за Эвпаторомъ. Савроматъ III былъ сынъ Реметалка, царствовавшаго передъ Эвпаторомъ и современника римскихъ императоровъ Марка Аврелія, Коммода, Пертинакса, Дидія Юліана и Септимія Севера. Монеты свидѣтельствуютъ, что онъ царствовалъ съ 470 по 507 г. понтійской эры, т. е. съ 174 по 211 г. по Р. Х. Самая же надпись, какъ значится на ней, относится къ 485 г. понтійской эры или 189 г. по Р. Х., т. е. ко времени императора Коммода. Ея назначеніе — сохранить память о возстановленіи средней башни сѣвернаго вала архонтомъ Танаитовъ Дидимоксарѳомъ и гелленархомъ Родономъ. О значеніи этихъ титуловъ см. ниже стр. 432.

№ 3-й.

*Βασιλεύοντος βασ[ιλέ-
ως Σαυρομάτου υ[ἱοῦ*

Въ царствованіе царя Савромата сына великаго царя Реметалка и при

μεγάλου βασιλέως
Ῥοιμητάλκου καὶ πρεσ-
βεύσαντος Ἰουλίου
Μενεστράτου ἀρχικοι-
τονείτῳ Ἕλληνες καὶ Τα-
ναεῖται χρόνῳ καταφθα-
ρέντα τὸν πύργον ἀνοι-
κοδομήσαντες ἀπεκατέ-
στησαν τῷ ἐμπορίῳ διὰ
ἐπιμελείας Ῥόδωνος Φα-
σινάμου πρὶν ἑλληνάρ-
χου καὶ Ῥόδωνος Χαρίτω-
νος καὶ Ἄττα Ἡρακλείδου
καὶ Εὔιος Δάδα τοῦ Ζή[ν]ων[ος
καὶ Μύρωνος Οὐάρα καὶ
Παννυχου Παννύχου
ἐν τῷ θπυ
Λώου α.

намѣстникѣ Юліи Менестратѣ, старшемъ спальникѣ, Геллены и Танаиты временемъ поврежденную башню возстановивши устроили для торжища заботами Родона сына Фасинамова, бывшаго гелленарха, и Родона сына Харитонова и Атты сына Гераклидова и Эвія Дады сына Зенонова и Мирона сына Варова и Панниха сына Паннихова

въ 489 году
мѣсяца лоя 1-го числа.

Цѣльная каменная плита, имѣющая въ вышину 1 аршинъ $6\frac{1}{2}$ вершковъ, въ ширину $16\frac{1}{2}$ вершковъ. Найдена въ недвиговскомъ городищѣ въ 1836-мъ году; неизвѣстно въ точности въ какомъ мѣстѣ. Отдана полковникомъ Мартыновымъ въ булеварный садъ города Новочеркаска, откуда стараніемъ Н. Н. Мурзакевича перевезена въ Одессу въ Музей Общества Исторіи и Древностей, гдѣ нынѣ сохраняется. Со списка, сообщеннаго г. Кеппену, издана г. Грефе l. l. У Бека № 2132 d, у Ашика № 36. Списокъ этотъ сдѣланъ лицемъ, несвѣдущимъ въ греческомъ языкѣ. Въ бытность мою въ Одессѣ я имѣлъ случай сличить его съ подлиннымъ камнемъ и нашелъ нѣкоторыя невѣрности; на иныя г. Грефе предположительно уже указывалъ. Въ стр. 1 еще явственно видна послѣдняя буква С; въ стр. 3 также буква С. Въ стр. 8 въ словѣ *χρόνῳ* подлинникъ представляетъ N, а не H какъ въ спискѣ. Въ стр. 9 въ буквѣ П дѣйствительно есть три вертикальныя черты. Въ стр. 13-й я прочелъ CINAMOY; въ стр. 16 ZHMWN.

Надпись относится ко времени того же Савромата III и только четырьмя годами моложе предшествующей. Родонъ сынъ Фазинама, который называетъ себя въ предшествующей надписи гелленархомъ, здѣсь титулуется: бывшій гелленархъ. Такъ какъ мѣсто находки въ точности неизвѣстно, то остается не опредѣленнымъ, какая башня возстановлена Гелленами и Танаитами въ 489 г. понтійской и 193 г. нашей эры.

№ 4-й.

χειλίους, πολ[ε]μήσας
δὲ καὶ Σιραχοὺς, καὶ Σκύ-
θας, καὶ τῆς Ταυρικὴν ὑ-
πόσπονδον λα[β]ὼν [ἐ]λευ-
θε[ρ]ον ἀπέδει[ξ]εν ἐ[ν] Πόν-
το Βειθυνία τοῖς πλέου-
σι τὸ πέλαγος ἐ[πὶ] στρα-
τηγᾶ[ν] πολειτῶν [....Ζή-
νωνος [Δ]άδα Ε[ὐ]ιο[ς
: Ιουλ. Δ..όνου καὶ Ἰουλ[ίου
Ῥ]όδω[νο]ς τῶν πρὶν ἐπὶ τ[ῆς
βασιλε[ία]ς Ζήνων β τοῦ [Δ]ά-
δα ἐκπε[μ]φθεὶς ὑπὸ τοῦ
βασιλέως εἰς τὸ ἐμπόριον
καθιέρωσα Διῒ, Ἄρη καὶ
Ἀφροδίτῃ ἐπὶ Βορᾶ
Σποκάβου ἄρχοντ. Τα-
νάεως καὶ ἐ[λλ]ηναρχ.
Ῥόδωνος Χαρίτ[ω]νος
ἐν τῷ φυ Δύ[σ]τρου α.

тысячу, воевавшій и съ Сирахами и съ Скиѳами и Тавриду покорившій, свободнымъ содѣлалъ въ Понтѣ, Виѳиніи для плавающихъ море, при военачальникахъ гражданахъ Дадѣ Эвіи и Юліи и Юліи Родона, бывшихъ сановникахъ дворца, я Зенонъ сынъ Дада, внукъ Дада, посланный намѣстникомъ царя въ торжище, посвятилъ Зевсу, Аресу и Афродитѣ, при Борѣ сынѣ Спокаба, архонтѣ Танаиса, и Родонѣ сынѣ Харитона гелленархѣ въ 490 году дистра 1-го числа.

Семь кусковъ камня, отъ котораго недостаетъ всей верхней части и трехъ кусковъ изъ середины. Найденъ въ 1833-мъ году; неизвѣстно въ точности въ какомъ мѣстѣ, только далеко отъ въѣзда въ городъ, ибо въ письмѣ полковника Мартынова къ Наказному Атаману Кутейникову отъ 20-го апрѣля 1836-го года сказано о камнѣ, помѣщенномъ выше подъ № 1, по отношенію къ нашему камню слѣдующее: «камень этотъ найденъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ и какъ предполагать можно на мѣстѣ въѣзда въ городъ» [1]. Изъ сего слѣдуетъ, что нашъ камень долженъ быть найденъ далеко отъ въѣзда въ городъ («совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ»); но гдѣ, мнѣ не могли показать съ точностью обыватели слободы Недвиговки. О найденныхъ обломкахъ полковникъ Мартыновъ доносилъ Наказному Атаману Кутейникову въ письмѣ отъ 7 января 1834 года, и въ январѣ 1836-го года камень былъ взятъ отъ полковника по распоряженію помянутаго Наказнаго Атамана. Изданъ г. Грефе l. l. со списка представленнаго полковникомъ Мартыновымъ и сообщеннаго г. Кёппену. У Бёка № 2132. У Ашика № 37.

Начиная съ 15 строки и до 20-й правая часть камня шириною въ 3 или 4 буквы занята символическимъ знакомъ, нѣсколько разъ повторяющимся на надписяхъ Танаиса. Изображеніе его будетъ находиться на снимкѣ съ кам-

[1] Изъ записокъ г. Мартынова.

нія, который имѣетъ быть изданъ въ обѣщанномъ выше сочиненіи о древностяхъ Танаиса.

Бёкъ догадывается, что начало надписи гласило такъ: *ἐπειδὴ βασιλεὺς Σαυρομάτης κτλ*, т. е. такъ какъ царь Савроматъ и т. д. Этотъ царь есть тотъ же самый, котораго имя встрѣчалось на предыдущихъ двухъ камняхъ. Онъ царствовалъ, какъ уже было замѣчено, до 211 г. по Р. Х. Изъ нашей надписи, относящейся къ 194 г. по Р. Х., видимъ, что онъ съ помощію упоминаемыхъ въ ней полководцевъ велъ блистательныя войны во время первой половины своего царствованія, покорилъ Тавриду, побѣдилъ Скиѳовъ и Сираховъ—племя, упоминаемое у Страбона (XI стр. 492) и Тацита (Ann. XII, 16) подъ именемъ Сираковъ, у Птолемея подъ именемъ Сиракеновъ, — сдѣлалъ свободнымъ (вѣроятно отъ морскихъ разбойниковъ) плаваніе по Черному морю, и что въ память этихъ важныхъ успѣховъ посланный намѣстникомъ въ Танаисъ Зенонъ посвятилъ нѣчто—жертвенникъ или храмъ—Зевсу, Аресу и Афродитѣ. Изъ этой же надписи узнаемъ, что бывшій въ 193 г. намѣстникъ Юлій Менестратъ былъ смѣненъ между тѣмъ Зенономъ. Родонъ сынъ Харитоновъ, бывшій въ 193 году однимъ изъ эпимелетовъ при возстановленіи башни, въ этомъ 194-мъ году является въ санѣ геллепарха.

Исправленія текста и раздѣленіе спорныхъ словъ сдѣланы по Бёку. Грефе читалъ нѣкоторыя мѣста иначе, но менѣе правдоподобно.

№ 5-й.

'Αγαϑῇ τύχῃ	Съ благимъ счастіемъ!
Επὶ βασιλεῖ 'Ρησκουπόριδι υἱῷ	При царѣ Рескупоридѣ сынѣ ве-
μεγάλου βασιλέως Σαυρομάτου καὶ	ликаго царя Савромата и при Зе-
Ζήνων Φάννεως πρεσβευτῇ βα-	нонѣ сынѣ Фанниса, намѣстникѣ
σιλέως 'Ρησκουπόριδος καὶ Χο-	(легатѣ) царя Рескупорида, и при
φάρνου Σανδαρζίου Βάβος Βαιο-	Хофарнѣ сынѣ Сандарзія, Бабъ
ράσπου, Νιβλοβωρος Δοσυμοξάρ-	сынъ Беораспа, Ниблоборъ сынъ
ϑου, Χορόαϑος Σανδαρζίου ἄρχον-	Досимоксарѳа, Хороаѳъ, сынъ
τες Ταναειτων, Χόφραζμος Φοργα-	Сандарзія, архонты Танаитовъ,
βάκου, Βασιλείδης Θεονείκου ἑλ-	Хофразмъ сынъ Форгабака (sic),
ληνάρχης, ἐξαρτίσας τὴν ἀγορὰν	я Басилидъ, сынъ Ѳеоника, гел-
ἐκ τῶν ἰδίων ἀναλωμάτων, ἀπεκα-	ленархъ, соорудивъ агору на соб-
τέστησα τῇ πόλει καὶ τοῖς ἐμπό-	ственный счетъ, устроилъ въ поль-
ροις διὰ ἐπιμελήτων, Ζήνωνα Φάν-	зу города и торговцевъ, заботами
ν]εως, Φαρνόξαρϑος Ταυρέου,	Зенона сына Фаннисова, Фарно-
Σαλδάρανος 'Απολλωνίου καὶ	ксарѳа сына Тавреева, Салдарана
ἀρχιτεκτόνων Διοφάντου Νε-	сына Аполлоніева, и архитекто-
οπόλου καὶ Αὐρηλίου 'Αντωνεί-	ровъ Діофанта сына Неополова,
νου, Ναύακος Μευάκου	и Аврелія Антонина, Навака сы-
ἐν τῷ ζιφ	на Мевакова въ 517 году.

Мраморная плита, разбитая на 4 куска, которые всѣ цѣлы, рѣзецъ хорошій. Вышина камня 16 вершковъ, ширина 12 вершковъ. Найдена 10-го сентября 1853 года въ западной части городища (въ квадратѣ L 7c на планѣ, представленномъ Господину Министру Удѣловъ). Сохраняется въ Императорскомъ Эрмитажѣ: издается нынѣ въ первый разъ.

Надпись эта относится къ царствованію Рескупорида III, сына Савромата III-го, и говоритъ объ устройствѣ государственной площади или форума Танаиса, въ 517-мъ году понтійской и 221-мъ нашей эры, насчетъ гелленарха Басилида. Рескупоридъ III царствовалъ, какъ свидѣтельствуютъ монеты, отъ 508 до 525 года понтійской эры или отъ 212 до 229 года по Р. Х. и былъ слѣдовательно современникомъ римскихъ императоровъ Каракаллы, Макрина, Элагабала и Александра Севера. Наша надпись относится къ времени Элагабала.

Для начертанія этой надписи употребленъ камень, на которомъ была изсѣчена другая, болѣе древняя, надпись. Мы помѣщаемъ ее ниже подъ № 11.

№ 6.

Αγαϑῆ	*τ]ύχῃ*	Съ благимъ счастіемъ!
'Επὶ βαδιλεῖ 'Ρη-	*ργι]ανῶν[καὶ*	При царѣ Рескупоридѣ сынѣ ве-
δκουπόριδος	*πρε]δβευτῇ*	ликаго царя Савромата и при Зе-
υἱῷ μεγάλου	*[βαδιλέως]*	нонѣ сынѣ Фанниса, начальникѣ
βα[σ]ιλέως Σαυ-	*['Ρηδκουπό]*	Аспургіанъ и намѣстникѣ (легатѣ)
ρομά]του [καὶ	*ριδος κ[αὶ*	царя Рескупорида, и Хофразмъ,
[Ζήνωνος Φ]	*Χόφρ[αδμο-*	сынъ Форгабака, Басилидъ сынъ
άν[νεως τοῦ ἐ-	*ς Φορ[γαβάκ-*	Θеоника гелленархъ, временемъ
πὶ τ[ῶν 'Αδπου-	*ου [Βαδι-*	поврежденную стѣну возстановле-
λεί[δης Θεο]νείκου	*ἑλλην[άρχης*	на заботами......трія сына Ап....
χρ[όνῳ κ]αταφϑαρέντα τὸ τεῖ-		...
χο[ς ἀνῳκ]οδομήϑη ἐκ ϑεμελη-		...
[ων διὰ ἐπιμε]λήτων[Δημη]τρίου		въ.... году и мѣсяца артемисія
'Απ[ολλωνίου......		1-го числа.

....

....

ἐν] τῷ....ἔτει

καὶ μην[ὸς] 'Α]ρτεμειδίου α.

Мраморная плита, разбитая на мелкіе куски, изъ которыхъ найдено тридцать два. Куски эти собраны въ разные дни отъ 30-го сентября по 10-е октября 1853 года при разрытіи сѣверной части городища (въ квадратѣ I 9 плана, представленнаго господину Министру Удѣловъ). Изъ числа тридцати двухъ кусковъ для двадцати девяти могло быть опредѣлено мѣсто, которое они занимали въ надписи, и согласно съ этимъ они нами составлены и зали-

ты гипсомъ. Три куска, оставшіеся за тѣмъ не помѣщенными, расположены отдѣльно. Реставрированная такимъ образомъ надпись находится нынѣ въ Эрмитажѣ. Число строкъ неизвѣстно, ибо въ надписи есть перерывъ между четырнадцатой строчкой и двумя заключительными. По этому первоначальная высота камня не можетъ быть опредѣлена; въ ширину онъ имѣлъ 14 вершковъ. Въ серединѣ между двумя столбцами первыхъ девяти строчекъ изображенъ знакъ подобный тому, о которомъ мы говорили при надписи № 4.

Надѣемся, что ученые не найдутъ произвольными дополненія, сдѣланныя въ этой чрезвычайно пострадавшей надписи. Всѣ они строго подтверждаются сличеніемъ съ другими надписями Танаиса, въ особенности съ № 7. Но объ этомъ нельзя судить, не видавши надписи, пока еще не изданъ точный снимокъ съ нея.

Надпись относится къ царствованію сына Рескупорида III-го, Савромата III-го. Рѣзецъ на ней хорошій. Она по видимому одновременна съ слѣдующею. Издана здѣсь въ первый разъ.

№ 7-й.

Текстъ этой надписи былъ сообщенъ выше на стр. 411. Она найдена 18-го іюля 1853 года, сохраняется въ Императорскомъ Эрмитажѣ и издана здѣсь также въ первый разъ.

№ 8-й.

Ἀγαθῇ τύχῃ
Βασιλεύοντος βασιλέως
Τιβερίου Ἰουλίου Κόττυος
ἰοῦ μεγάλου βασιλαίως Ῥησ-
κουπόριδος φιλοκαίσαρος καὶ
φιλορωμαίω εὐσεβοῦς
Μήνιος Χαρίτωνος πρὶν προσο-
δικὸς ὁ καὶ ἑλληνάρχης ἠμηληνην
τὴν πύλην ταύτην ἀπὸ χρόνω
ἐξαρτίσας ἐκ τῶν ἰδίων ἀνα-
λωμάτων ἀπεκατέστησα τῇ
πόλει καὶ τοῖς ἐμπόροις
ἐν τῷ ..φ ἔτει καὶ μη-
νὶ Δε....ω.

Съ благимъ счастіемъ!
Въ царствованіе царя Тиберія
Юлія Коттиса сына великаго царя
Рескупорида, друга цезаря и друга народа римскаго, я Меній сынъ
Харитона, бывшій приходчикъ и
гелленархъ оставленныя долгое
время безъ поддержки эти ворота,
соорудивъ на свой счетъ, устроилъ
въ пользу города и торговцевъ.
Въ 5.... году и мѣсяца де....

Каменная плита, разбитая на два куска, отъ которыхъ недостаетъ лишь весьма небольшой части въ нижней части надписи, въ мѣстѣ соединенія кусковъ. Она найдена 21-го іюля 1853 года въ средней части южнаго вала городища, гдѣ былъ въѣздъ въ городъ. Вырѣзана она весьма не тщательно; въ вышину имѣетъ 12 вершковъ, въ ширину 11. Сохраняется въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Издается здѣсь въ первый разъ.

Боспорскій царь Котисъ III былъ современникъ Александра Севера и царствовалъ, какъ видно по монетамъ, отъ 524 до 530 года понтійской эры, т. е. отъ 228 до 234 года по Р. Х. Изъ нашей надписи открывается, что онъ сынъ Рескупорида III. Это доселѣ было неизвѣстно.

Въ стр. 8 вмѣсто описки *ηπηληνην* слѣдуетъ читать *ἠμελημένην*.

№ 9-й.

Ἀγαθῇ τύχῃ	Съ благимъ счастіемъ!
Βασιλεύοντ[ος βα]σιλέως	Въ царствованіе царя Тиберія
Τιβ. Ἰουλίου Ἰνιν[θιμαίου] φιλοκ[αί-	Юлія Ининѳимея, друга цезаря и
σαρος καὶ φιλορ[ωμαίου εὐσεβοῦς	друга народа римскаго, благоче-
καὶ πρεσβευτ[οῦ....	стиваго, и при намѣстникѣ..........
νος τοῦ ἐπὶ τῆ[ς βασιλείας Δημή-	я Деметрій сынъ Аполлонія, Та-
τριος Ἀπολλ[ωνίου Τα]ναείτης ἠμε-	наитъ, оставленную безъ попече-
λημένον............ ἀνοικοδόμη-	нія башню возстановилъ на свой
σα ἐκ [τῶν ἰδίων ἀν]αλωμάτων	собственный счетъ и устроилъ въ
καὶ ἀπ[οκατέστησ]α τῇ πόλει	пользу города и торговцевъ чрезъ
καὶ το[ῖς ἐμπόροις δι]ὰ ἀρχιτέκτο-	архитектора Аврелія Антонина въ
νος Α[ὐρηλίου Ἀντω]νείνου	533-мъ году панема 1-го числа.
ἐν τῷ γλφ [Παν]ήμου α̃.	

Мраморная плита, разбитая на мелкіе куски, изъ которыхъ отыскано пятнадцать; для всѣхъ кусковъ можно было опредѣлить мѣсто, и сообразно съ этимъ они залиты гипсомъ. Бывшая вышина камня 17 вершковъ, ширина 11 вершковъ. Куски были находимы въ разные дни отъ 10-го по 18-е августа 1853 года въ ю. з. углу городища, гдѣ была угловая башня. Надпись, реставрированная нашими трудами, нынѣ сохраняется въ Императорскомъ Эрмитажѣ; здѣсь издается въ первый разъ.

Надпись эта относится къ царствованію Ининѳимея, который слѣдовалъ за Котисомъ III и, какъ начальникъ новой династіи, подобно Эвпатору не означалъ на надписяхъ имени своего отца. Онъ также принялъ обычныя имена Тиберія Юлія и титулъ боспорскихъ царей: *другъ цезаря, другъ народа римскаго, благочестивый*. Царствовалъ онъ, какъ показываютъ монеты, между 531 и 535 годами понтійской эры, т. е. 235 — 239 г. по Р. Х. Наша надпись поставлена въ 533-мъ году понтійскаго лѣтосчисленія, т. е. въ 239 г. по Р. Х., когда въ Римѣ властвовалъ императоръ Максиминъ.

Между словами *Ἀγαθῇ τύχῃ* изображенъ символическій знакъ. Во 2 стр. замѣчательно написаніе слова *βασιλιεύοντος* (sic!). Стр. 6 дополнена по надписи царя Тирана, изданной г. Ашикомъ подъ № 40; стр. 12 по надписи слѣдующей за симъ подъ № 10.

№ 10-й.

Ἀγαθῇ τύχῃ
Βασιλεύοντος βασιλέως Τιβε-
ρίου Ἰουλίου Ἰνινθιμαίου φι-
λοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου εὐ-
σεβοῦς χρόνω ἠμε-
ληθεῖσαν τὴν κρή-
νην ἀνοικοδομήθη ἐκ θεμε-
λίων καὶ γέγονε πύργος ἐπὶ πρε[σ
βευτῇ Χόφρασμον Φοργαβάκου
καὶ ἐλληνάρχῃ Ψυχαρίωνα Φιδάνοι
καὶ διαδόχῳ Ἡρακλείδην Ἄττα καὶ δι-
ὰ ἐπιμελήτων Πάπα Χρ[ε]στου καὶ Ἀντί-
μαχον Κίμβρου καὶ Ἔρωτος Μάστοι, Σαμ-
βατίων Ἀσριανοῦ, Μενέστρατον Φαδινά-
μου, Φιδάνους Κίμβρου, Ἀφθαίμακος
Ἀψάχου, Κοσσοῦς Ἡρακλείδου, Μίριππος
Ἡδύκωνος, διὰ ἀρχιτέκτονος Αὐρη-
λίου Ἀντωνείνου. ἐν τῷ γλφ Γορπιαίω α.

Съ благимъ счастіемъ!

Въ царствованіе царя Тиберія Юлія Ининѳимея, друга цезаря и друга народа римскаго, благочестиваго, отъ времени оставленный безъ попеченія колодезь сооруженъ вновь и устроена башня при намѣстникѣ Хофрасмѣ сынѣ Форгабака и гелленархѣ Психаріонъ сынѣ Фидана и при кандидатѣ его Гераклидѣ сынѣ Атта, и подъ присмотромъ Папа сына Хрестова, и Антимаха сына Кимброва, и Эрота сына сына Мастова, Самбатіонъ сынъ Асріановъ, Менестрата сына Фадинамова, Фидана сына Кимброва, Афѳемака сына Апсахова, Косса сына Гераклидова, Мириппъ сынъ Гедиконовъ, чрезъ архитектора Аврелія Антонина въ 533 году горпіэя 1-го числа.

Цѣльная каменная плита, найденная неизвѣстно когда, только послѣ 1836 года, въ недвиговскомъ городищѣ, на мѣстѣ, котораго нельзя теперь съ точностью опредѣлить вслѣдствіе сбивчивости въ показаніяхъ обывателей. Полковникъ Мартыновъ передалъ ее для храненія въ булеварный садъ города Новочеркаска, гдѣ ее видѣлъ и списалъ лѣтомъ 1850 года г. Кёппенъ, просившій въ то же время начальство о помѣщеніи ея подъ кровлею. Заботами и ходатайствомъ Н. Н. Мурзакевича она перевезена въ Одессу, гдѣ нынѣ хранится въ Музеѣ Общества Исторіи и Древностей. Г. Кёппенъ сообщилъ свой списокъ г. Грефе, который издалъ надпись въ Бюллетенѣ

С.-Петербургской Академіи Наукъ VIII, № 11 (см. нынѣ Mélanges gr.-rom. T. I. p. 97). Въ бытность мою въ Одессѣ я сличалъ списокъ изданный г. Грефе съ подлиннымъ камнемъ и замѣтилъ слѣдующія невѣрности перваго: стр. 5 на камнѣ читается: *σεβοῦς* стр. 6 *ληϑεῖσαν* стр. 7 *νην ἀνοικοδομήϑη* стр. 8 *ἐπὶ πρε* стр. 9 *Φοργαβάκου* стр. 10 *Ψυχαρίων* стр. 12 *ἐπιμελήτων* стр. 13 *Κίμβρον.* стр. 14 *'Αδριανοῦ* стр. 16 *'Αψάχου. Μύριππος* стр. 17 *ἀρχιτέκτονος.* Подъ послѣдней строкой видна букна *α*, не означенная въ спискѣ, изданномъ г. Грефе. Вышина камня 1 арш. 8 вершковъ, ширина 16¼ вершковъ. Въ промежуткѣ между первыми пятью строками изображенъ символическій знакъ, такой же какъ на предыдущемъ камнѣ, но отличающійся отъ изображенныхъ на надписяхъ №№ 4 и 6. Г. Грефе полагалъ, что въ промежуткѣ шестой строки находилось какое нибудь слово (онъ предлагалъ: *ἰδόντος*); но видѣвъ камень, я могу свидѣтельствовать, что тамъ никакого слова не было. Вообще г. Грефе въ исправленіяхъ своихъ слишкомъ много заботился о возстановленіи правильности, которой въ этихъ надписяхъ нельзя искать, какъ показали камни, найденные нами. Греческій языкъ былъ въ совершенномъ упадкѣ и значеніе грамматическихъ формъ утрачено. — Въ раздѣленіи словъ я также долженъ былъ индѣ отступить отъ г. Грефе.

Надпись эта относится къ царствованію Ининѳимея и къ тому же году какъ предыдущая, только къ другому мѣсяцу. Панемъ, по македонскому календарю, былъ девятый, горпіэй одиннадцатый мѣсяцъ года.

Таковы десять надписей историческаго содержанія, найденныя въ недвиговскомъ городищѣ. Остальныя двѣ надписи имѣютъ религіозное содержаніе; онѣ были поставлены членами религіозныхъ обществъ, называвшихся въ древности *ѳіасами* и *синодами*. Къ сожалѣнію онѣ сохранились крайне неудовлетворительно. Одна изъ нихъ, повидимому наиболѣе древняя изъ всѣхъ двѣнадцати недвиговскихъ надписей, находится на задней сторонѣ камня № 5. При обдѣлкѣ плиты для начертанія новой надписи, а можетъ быть и прежде того, отъ нея отбиты двѣ ея стороны, такъ что отъ древней надписи утратилось начало и вся лѣвая сторона. Сверхъ того вставка въ стѣну второй надписи причинила первой весьма значительное поврежденіе. Слѣдствіемъ всего этого было такое состояніе древней надписи, что на ней можно разобрать лишь нѣсколько словъ, которыя здѣсь и приводятся.

№ 11-й.

σύ]νοδος η περὶ
ς καὶ πατέρα συ-
βίου καὶ Φιλαγαϑος "Αρδαρον
καὶ παρὰ Φιλάγαϑον.......ειδην....
ἀρχὴν Φανν..........ου καὶ νι-

ιου καὶ
καὶ λοιποὶ θιασῶται
Τάρχωνος
᾿Αντισθένους
Δάδα
οπλίου............ Αντίμαχος... ιου
.... κράτη....
Χρηστίωνος........ Μήνιος....
῎Ερωτος............ ᾿Αστ....
ἄππου............ Θεανγελος (sic)
ακλείδου........ Πολυεῖδος.... .. κου
Θυ.............. Ποντικοῦ....
σίωνος........ Μενεστρατ....
Μενεστράτου

Кромѣ собственныхъ именъ можно разобрать только въ первой строкѣ окончаніе слова *σύνοδος* и слѣдующія за тѣмъ *ἡ περί*, т. е. «синодъ, относящійся къ...» да въ стр. 7 *καὶ λοιποὶ θιασῶται*, т. е. «и остальные члены ѳіаса». Вѣроятно собственныя имена, занимавшія 13 послѣднихъ строкъ, были распредѣлены въ четырехъ колоннахъ, изъ которыхъ первая и третья содержали имена членовъ товарищества, а вторая и четвертая имена ихъ отцовъ. Три колонны помѣщались на сохранившейся части камня, а первая на той части, которая утрачена.

№ 12-й.

Βασιλεύοντος β]ασιλέως Τιβερίου Ιουλί-
ου Εὐπάτορος φιλ]οκαίσαρος καὶ φιλορω-
μαίου εὐσεβοῦ]ς θεῷ ἐπηκόῳ εὐχὴ
ἤστου πατέρα συνο-
᾿Αταμάζα συναγω-
ωδιάκου Φιλάγαθον
ου παρὰ Φιλάγαθον Φο-
νος νεανίσκα ἀρχὴν Μακρῖ-
ἀρχὴν Φασίναμον καλλιστ..
αι Μύρμηξ Φασινάμου καὶ
άκου καὶ λοιποὶ θιασῶ-
ου Μακάριος Νέρωνος
ου ᾿Αλέξανδρος Σογοι-
ου Ζήγοδις ᾿Αχαιμεν....
........ζακος Αρ......

Въ царствованіе] царя Тиберія Юлія [Эвпатора, друга] цезаря и друга народа [римскаго, благочестиваго], богу внемлющему молитвамъ приношеніе...
..
.... и прочіе ѳіасоты.................................
..

Два куска мраморной плиты, въ вышину 13 вершковъ, въ ширину 10½ вершковъ. Недостаетъ лѣвой половины и нижней части. Найдены 26-го октября 1853 года въ сѣверной части городища (въ квадратѣ I 9 а—с плана, представленнаго Господину Министру Удѣловъ). Надпись сохраняется нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ и издается здѣсь въ первый разъ. Широта камня опредѣляется достовѣрною 3-ей строкой; на основаніи опредѣленной такимъ образомъ широты камня дополнены 1-я и 2-я строки; относительно 2-й строки слѣдуетъ замѣтить, что въ ней могутъ быть допущены только имена такихъ царей, которые не называли въ надписяхъ своего отца, а это извѣстно о двухъ — Эвпаторѣ и Ининѳимеѣ; остается стало быть выбрать изъ этихъ двухъ именъ то имя, длина котораго подходитъ къ остающемуся для него мѣсту, а этому условію отвѣчаетъ лишь имя Эвпатора. Такимъ образомъ въ недостающей части первой строки мы предполагаемъ 13 буквъ, во второй—14, въ третьей 12; между тѣмъ какъ съ именемъ Ининѳимея было бы въ недостающей части второй строки 16 буквъ, что рѣшительно невозможно. Въ цѣлыхъ же строкахъ вмѣстѣ съ уцѣлѣвшею ихъ частію число буквъ по нашему предположенію будетъ такое: въ первой 33, во второй 32, въ третьей 26—числа еще болѣе удовлетворительныя, если принять во вниманіе, что въ цѣлой третьей строкѣ нѣтъ ни одной ι, два раза встрѣчается ω и одинъ разъ μ, т. е. буквы, занимающія двойное мѣсто сравнительно съ другими.

О содержаніи надписи можно только сказать, что оно должно быть весьма близко къ содержанію предыдущей надписи. Въ выраженіи «богу внемлющему молитвамъ» нельзя кажется не замѣтить вліянія еврейскихъ понятій, и то же еще въ большей степени слѣдуетъ сказать по поводу встрѣчающагося въ 5-й строкѣ слова *синагога.* Евреи, какъ извѣстно, издавна искали убѣжища въ этихъ странахъ. Не безъ историческихъ основаній являются здѣсь черезъ нѣсколько вѣковъ исповѣдующіе еврейскую вѣру Хазары. Крымскіе Караимы свидѣтельствуютъ о томъ же, по отношенію, можетъ быть, къ времени весьма древнему. Наконецъ можно упомянуть надписи у Бёка 2114 bb. (Ашикъ № 28 и 29).—Стр. 4 показала, какъ слѣдуетъ раздѣлить стр. 1 предыдущей надписи; стр. 5 раздѣлена на основаніи стр. 39 и 43 знаменитой анапской надписи, сохраняющейся въ Кембриджѣ (Бёкъ № 2130. Ашикъ № 23). Буква ω изображается на этой надписи въ особенной формѣ, встрѣчающейся на милетской надписи 195 г. по Р. Х. (Franzii Elem.

epigr. p. 296) и на другихъ азіатскихъ надписяхъ того же времени. Эвпаторъ царствовалъ отъ 155 — 171 г. по Р. Х.; такимъ образомъ и указаніе палеографіи совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, которое назначаетъ для нашей надписи предлагаемое нами дополненіе.

—

Первое, что представляется въ этихъ надписяхъ какъ интересный предметъ для разысканій, — это собственныя имена. Изслѣдованіе ихъ можетъ повести къ опредѣленію національности туземцевъ Танаиса, этого города полугреческаго и полуварварскаго. Но спеціальность дѣла побуждаетъ оставить здѣсь въ сторонѣ эти разысканія, слишкомъ утомительныя для читателя неспеціалиста. Отлагая сообщеніе того, что намъ удастся найти, до отдѣльнаго сочиненія о древностяхъ Танаиса, ограничимся здѣсь слѣдующимъ замѣчаніемъ. Если взять всѣ двѣнадцать надписей, найденныя въ недвиговскомъ городищѣ, то мы получимъ изъ нихъ 80 собственныхъ именъ. Въ этомъ числѣ мы находимъ 38 греческихъ, 4 римскихъ и 38 варварскихъ именъ, т. е. греческихъ и варварскихъ именъ ровно половину на половину. Интересно сличить это отношеніе съ тѣмъ, которое представляютъ собственныя имена лицъ, употреблявшіяся въ самомъ Боспорскомъ Царствѣ. Въ керченскихъ надписяхъ на 100 греческихъ именъ приходится лишь 50 варварскихъ, изъ чего само собою оказывается, что на берегахъ Киммерійскаго-Боспора греческій элементъ былъ вдвое сильнѣе нежели въ Танаисѣ. Сравненіе варварскихъ боспорскихъ именъ съ танаитскими варварскими же равно любопытно. Не смотря на зависимость Танаиса отъ Боспора и частыя сношенія съ Пантикапеей, мы находимъ въ числѣ 38 варварскихъ именъ, встрѣчающихся на танаитскихъ надписяхъ, и въ числѣ 51 варварскаго имени боспорскихъ памятниковъ, лишь 5 именъ общихъ тѣмъ и другимъ, между тѣмъ какъ 33 имени принадлежатъ исключительно Танаису и 46 исключительно Боспору. Притомъ собственныя имена, исключительно принадлежащія этимъ двумъ странамъ, представляютъ совершенно различный лингвистическій характеръ, что̀ свидѣтельствуетъ о различіи національностей. Стало быть Боспоръ и окрестности Танаиса были заселены двумя разными племенами.

Весьма также замѣчательно, что между 38 танаитскими собственными именами, принадлежащими очевидно греческому языку, есть 13 именъ, которыхъ мы не находимъ въ употребленіи у Грековъ, а это показываетъ, что въ Танаисѣ не только половина народонаселенія состояла изъ варваровъ, но что и Греки, жившіе тамъ, значительно удалились отъ своихъ отечественныхъ обычаевъ и ввели между собою въ употребленіе новыя собственныя имена, въ остальныхъ греческихъ

городахъ не употреблявшіяся. Языкъ надписей служитъ также доказательствомъ порчи, которой подверглась здѣсь греческая національность. Различіе между падежами именительнымъ, родительнымъ, дательнымъ, винительнымъ, повидимому вовсе не существовало для писавшихъ танаитскія надписи; они смѣшивали страдательный залогъ съ дѣйствительнымъ, при существительномъ средняго рода ставили причастіе мужескаго рода и т. д. Смыслъ къ грамматическимъ формамъ греческаго языка былъ совершенно потерянъ, а равно утрачено было и древнее греческое произношеніе. Изъ орѳографическихъ ошибокъ видно, что нѣкоторыя буквы произносились совершенно такъ, какъ ихъ теперь произносятъ новые Греки: *η* за *ι*, *υι* за *ι*, *αι* за *ε*, *ει* за *ι* [1].

О внутреннемъ устройствѣ города мы узнаемъ изъ надписей, что онъ находился въ зависимости отъ Боспорскаго Царства и управлялся намѣстниками царей боспорскихъ, носившими имя *пресбевтовъ*, т. е. легатовъ. Намѣстникъ былъ всегда одинъ и былъ первымъ лицемъ въ городѣ; имя его ставится въ надписи тотчасъ послѣ имени боспорскаго царя. Собственно же городскими чиновниками были *архонты*, называющіе себя въ надписяхъ архонтами Танаитовъ. Въ 517 году понтійской эры ихъ было четверо, и весьма вѣроятно, что это число было постоянное (IIII viri). Одинъ изъ архонтовъ занималъ первое мѣсто между своими товарищами; имя такого архонта-эпонима находится на тѣхъ надписяхъ, гдѣ упоминается одинъ архонтъ. Но архонтамъ повиновались только туземцы, коренные Танаиты, а собственные Греки,— видно, заботливо отличавшіе себя отъ Танаитовъ, какъ отъ полу-варваровъ,—выбирали въ начальники себѣ особеннаго сановника, носившаго имя *гелленарха*. Гелленархъ былъ каждый разъ вѣроятно одинъ, но на случай его выхода или смерти избирался кандидатъ, который въ такомъ случаѣ занималъ его мѣсто, и назывался *діадохъ*. Въ гелленархи избирали, какъ надобно полагать, богатыхъ купцовъ; почти всѣ постройки, упоминаемыя въ надписяхъ, сдѣланы гелленархами на свой собственный счетъ. Высокое положеніе, которымъ пользовался этотъ санъ, видно

[1] Наши Танаиты пишутъ *θεμελησων* вм. *θεμελίων* (№ 6 стр. 12) *ιος* вм *υἱός* (№ 7 стр. 3 и № 8 стр. 4), *βασιλαιως* вм. *βασιλέως* (№ 8 стр. 4). Сюда же можно отнести *Ἄρη* вм. *Ἄρει* (№ 4 стр. 15), *Ποντο* вм. *Πόντῳ* (№ 4 стр. 6). Они никогда почти не подписываютъ iota subscriptum (исключеніе только № 5 стр. 1 и 15 и № 7 стр. 1), ставятъ иногда *ν* вмѣсто *μ* передъ *π* (*ἐνπορίῳ* № 2 стр. 11). Къ этимологическимъ неправильностямъ можно отнести родительный на *ω* вм. *ου* (*ἀρχικοιτονείτω* № 3 стр. 7, *φιλορωμαίω* № 8 стр. 6, *χρόνω* N 8 стр. 9) и неправильныя приращенія въ глаголахъ (*ἀνοικοδομέω* № 2 стр. 10 и № 9 стр. 8 и *ἀποκαθίστημι* № 2 стр. 11, № 3 стр. 10, № 5 стр. 12, № 8 стр. 11). Синтаксическихъ ошибокъ такъ много, что ихъ не стоитъ вычислять.

изъ того, что Хофрасмъ, сынъ Форгабака, упоминаемый какъ гелленархъ въ 517-мъ году, въ 533-мъ году является уже намѣстникомъ царя Ининѳимея. Кромѣ этихъ сановниковъ упоминается приходчикъ (*προσοδικός*) и эпимелеты, надзиравшіе за общественными постройками. Архитекторами были Греки и Римляне; ихъ упоминается два, Аврелій Антонинъ и Діофантъ; но и одинъ туземецъ, Навакъ, сынъ Мевака, участвовалъ въ отдѣлкѣ государственной площади.

Кромѣ этихъ данныхъ, относящихся къ исторіи самаго Танаиса, или лучше, создающихъ эту исторію, надписи, найденныя въ недвиговскомъ городищѣ, доставили одно чрезвычайно важное свѣдѣніе, пополняющее исторію Боспорскаго Царства. Это свѣдѣніе относится къ боспорскому царю Котису III-му, который оказывается по одной изъ недвиговскихъ надписей сыномъ боспорскаго царя Рескупорида III-го. Монеты этихъ двухъ царей съ одними и тѣми же годами подавали поводъ къ заключенію, что Котисъ III-й и Рескупоридъ III-й царствовали одновременно, одинъ въ европейской, другой въ азіатской части Боспорскаго Царства, и принадлежали къ двумъ враждебнымъ династіямъ. Нынѣ эта гипотеза совершенно устраняется положительнымъ извѣстіемъ, что Котисъ III-й былъ сынъ Рескупорида III-го, и потому для объясненія монетъ съ одинаковыми годами надобно будетъ прибѣгнуть къ предположенію, что у боспорскихъ царей былъ обычай давать еще при жизни сыновьямъ титулъ царя и право чеканить монету. Очень вѣроятно, что этотъ обычай заимствованъ ими у римскихъ императоровъ. Не задолго до Котиса, въ послѣдніе годы Септимія Севера, Римъ имѣлъ даже трехъ Августовъ: Септимія Севера и двухъ сыновей его, Каракаллу и Гету.

Монеты, найденныя въ недвиговскомъ городищѣ, подаютъ также возможность сдѣлать интересный историческій выводъ. Онѣ попадались при разрытіи городища въ небольшомъ числѣ. Всего ихъ найдено 58 мѣдныхъ и 2 серебряныя. Неизданныхъ экземпляровъ между ними нѣтъ, но есть рѣдкіе, какъ напримѣръ боспорская монета съ изображеніемъ городскихъ воротъ и плѣнника, боспорская же монета съ изображеніемъ царя, попирающаго ногою плѣнника и другія. За исключеніемъ двухъ римскихъ и одной восточной монеты, всѣ онѣ принадлежатъ Боспорскому Царству и чеканены въ первые три вѣка по Р. Хр. Между ними нѣтъ не только ни одной греческой, но даже ни одной пантикапейской автономной монеты изъ временъ до Р. Хр. А изъ этого слѣдуетъ, во первыхъ, что возобновленный Танаисъ состоялъ въ совершенной зависимости отъ Бос-

порскаго Царства и со стороны Европы только съ нимъ находился въ торговыхъ сношеніяхъ, и во вторыхъ, что недвиговское городище можетъ быть признано лишь за мѣсто возобновленнаго Танаиса, ибо какъ ни велико было разрушеніе, произведенное Полемономъ, все таки не вѣроятно, чтобы въ разрѣзахъ, доведенныхъ до материка, не оказалось ни одной монеты, современной древнему Танаису, если бы и послѣдній лежалъ на мѣстѣ изслѣдованнаго нынѣ возобновленнаго Танаиса. Надписи наши, на которыхъ обозначены годы, относятся также къ позднѣйшему времени возобновленнаго города (третьему вѣку по Р. Хр.).

Во многихъ погребахъ этого города, а по мѣстамъ и въ верхнихъ слояхъ мусора, были находимы въ большомъ количествѣ черепки простыхъ глиняныхъ сосудовъ съ двумя ручками, называвшихся въ древности *амфорами*. Нѣсколько такихъ сосудовъ сохранились или совершенно, или почти совершенно цѣлыми; между ними три амфоры отличаются весьма значительною величиною, одна замѣчательна по своей миніатюрности и восемь амфоръ тѣмъ, что на нихъ видны мѣтки, сдѣланныя красною краскою и представляющія отчасти греческія цифры, отчасти монограммы, значеніе которыхъ неясно. Всѣ эти 12 амфоръ доставлены въ Петербургъ.

Изъ черепковъ амфоръ, совершенно разбитыхъ, составлена коллекція такихъ ручекъ, на которыхъ были хорошо сохранившіяся греческія клейма. Въ этой коллекціи есть 66 разныхъ штемпелей, по большей части еще не встрѣчавшихся на ручкахъ амфоръ. Изъ числа этихъ 66 штемпелей принадлежатъ острову Родосу, 21 неизвѣстнымъ греческимъ городамъ, 13 составляютъ дублеты. Въ числѣ родосскихъ штемпелей есть такіе, которые совершенно тождественны съ штемпелями ручекъ, находимыхъ на островѣ Сициліи и въ развалинахъ египетской Александріи. Это показываетъ, какъ была распространена торговля Родоса. А преобладаніе родосскаго клейма на ручкахъ сосудовъ, находимыхъ въ недвиговскомъ городищѣ, открываетъ историческій фактъ, что по крайней мѣрѣ въ послѣднее время существованія Танаиса, Боспорское Царство, откуда Танаисъ долженъ былъ получать эту посуду, находилось въ особенно живыхъ сношеніяхъ съ островомъ Родосомъ, составлявшимъ въ послѣдніе вѣка древней исторіи одинъ изъ центральныхъ пунктовъ всемірной торговли.

[1] Снимки будутъ приложены къ отдѣльному сочиненію о древностяхъ Танаиса, много разъ обѣщанному.

Вотъ надписи, находящіяся на нашихъ ручкахъ:

I. Родосскія клейма:

а) круглый штемпель съ цвѣткомъ граната въ серединѣ и надписью:

ἐπὶ Αἰμοσίλα Δαλίου
Αἰνέα
Δαμοκράτευς
Δανοκράτευς
Ζήνων
ἐπὶ Θέστορος Βαδρομίου
Ἱπποκράτευς
ἐπὶ ἱερέως Ξεναρέτου
ἐπὶ ἱερέως Ξενοφάνευς
ἐπὶ Ξενοφάνευς Ὑακινθίου
Μηνοδάρου
ἐπὶ Πολίτα Ἀγριανίου
Τιμουρόδου Δαλίου
ἐπὶ Τισαμενες (sic) *Δαλίου*
Χρησίμου

б) четвероугольный штемпель съ изображеніемъ головы Γελίοσα:

ἐπὶ Ἀγλουβρότου
ἐπὶ Δορκυλίδα
ἐπὶ Θεοφάνευς
ἐπὶ Σωστράτου

в) четвероугольный штемпель безъ изображеній:

ἐπὶ Ἀρατοφάνευς Ἀγριανίου
ἐπὶ Ἀρατοφάνευς Δαλίου
ἐπὶ Ἀρατοφάνευς Ὑακινθίου
Ἀρτεμίδωρος Ἀγριανίου
Μαρσύα Ἀρταμιτίου
Μαρσύα Ὑακινθίου
ἐπὶ Μυτίωνος
ἐπὶ Νικασαγόρα Ὑακινθίου
ἐπὶ Ξενοφάνευς Καρνείου
ἐπὶ Παυσανία Δαλίου
ἐπὶ Τιμασαγόρα Ὑακινθίου
Τιμορόδου Δαλίου
ἐπὶ Τισαγόρα Πανάμου

II. Штемпели неопредѣленныхъ мѣстъ:

а) съ изображеніями и надписью:

'Αμύντα вѣнокъ
'Αντιμάχου посохъ Меркурія
'Αστυνομοῦντος Παμφίλου сидящая женщина
'Ρόδωνος мечь
Σωκράτευς вѣнокъ и фасціи
Χάρητος Σμινθίου ѳирсъ

б) безъ изображеній:

'Αγαθόκλευς
'Αραταίου
'Αριστίωνος
ἐπὶ 'Αρτι.. Αριστα....
ἐπὶ 'Αρχοκράτευς
Δωροθέου
ἐπὶ Εὔκλευς
ἐπὶ 'Ιέρωνος
Κότευς
Κρέοντος
Μιθραδάτου ἀστυνομ....
Νικάνορος
Ξενάρετος
Οἰνασίμου
ἐπὶ Πολίτου.

Всѣ поименованные предметы, найденные въ недвиговскомъ городищѣ, удостовѣряютъ въ томъ, что это городище заключаетъ въ себѣ остатки Танаиса, возобновленнаго по разрушеніи его боспорскимъ царемъ Полемономъ I-мъ, и достигшаго въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х. нѣкотораго благосостоянія. Причину возрожденія Танаиса именно въ эту эпоху слѣдуетъ, кажется, отнести къ измѣненію, которое должно было произойти въ торговлѣ Европы съ Азіей вслѣдствіе внутренняго разложенія парѳянскаго государства и несчастныхъ войнъ его съ Римомъ въ послѣднія времена владычества Арсакидовъ. Паденіе этой династіи относится къ 226-му году, разореніе Селевкіи и Ктесифона Римлянами къ 165-му, разбойническій походъ Каракаллы къ 214-му году по Р. Х. Враждебныя отношенія дѣлали невозможною торговлю по этой границѣ Римской Имперіи; неустройство парѳянскаго государ-

ства, оказавшееся въ быстромъ успѣхѣ основателя династіи Сассанидовъ, равнымъ образомъ должно было затруднять ее. Слѣдствіемъ этого было вѣроятно то же самое, что по одинаковымъ причинамъ произошло въ XIII и XIV-мъ вѣкахъ, — торговля Азіи съ Европою взяла отчасти другое, болѣе сѣверное направленіе черезъ страны, лежавшія на востокъ и сѣверъ отъ Чернаго-моря. Вмѣстѣ съ этимъ приморскіе города Понта Эвксинскаго и Меотиды должны были оживиться, и мы дѣйствительно имѣемъ извѣстія о могуществѣ Боспорскаго Царства при Савроматѣ III (см. выше надпись № 4) и о процвѣтаніи въ это время важнѣйшихъ городовъ Чернаго-моря, Херсонеса Таврическаго, Трапезунта, Синопы, къ которымъ нынѣ, благодаря разысканіямъ 1853-года, присоединяется Танаисъ, лежавшій на Меотидѣ. Усиленіе торговли на Черномъ-морѣ въ продолженіе III-го вѣка подготовило совершившееся въ IV-мъ вѣкѣ возвышеніе Византіи, по волѣ Константина Великаго, на степень втораго города вселенной, мѣра, которая была бы невозможна, если бы и тогда, какъ при Александрѣ Македонскомъ, пути всемірной торговли склонялись болѣе къ Александріи. Но возвышеніе, которымъ обязана была Византія усиленію торговли на Черномъ-морѣ, сосредоточило всю торговую дѣятельность въ новооснованномъ Константинополѣ и уменьшило значеніе остальныхъ сосѣдственныхъ съ нимъ городовъ; они были подавлены второю столицею Имперіи, и по этому IV-й вѣкъ сдѣлался временемъ упадка всѣхъ черноморскихъ городовъ, за исключеніемъ Византіи. Напротивъ того въ III-мъ вѣкѣ Византія не только не имѣла такого перевѣса, до даже была приведена въ совершенное ничтожество разрушеніемъ, которое произвелъ Септимій Северъ въ 196-мъ году по Р. Х. въ наказаніе за вѣрность Византіи противнику его Песценнію Нигеру. Городскія стѣны были срыты, привилегіи уничтожены, и городъ, которому суждено было сдѣлаться въ непродолжительномъ времени новымъ Римомъ, обращенъ въ простую деревню. Это событіе, пагубное для имперіи, должно было содѣйствовать процвѣтанію остальныхъ черноморскихъ городовъ, ибо освободило ихъ отъ сильнаго соперника.

Какъ долго существовалъ Танаисъ, когда и кѣмъ былъ онъ окончательно разрушенъ, остается неизвѣстнымъ. Послѣдняя извѣстная монета Боспорскаго Царства, относится къ 336-му году по Р. Х. и боспорскому царю Рескупориду VIII. Въ это время Боспорское Царство было весьма стѣснено усиленіемъ Херсонеса Таврическаго, и вѣроятно не могло подавать помощи Танаису, который также былъ тѣснимъ движеніями, сначала Геруловъ, потомъ Алановъ. Наконецъ при

императорѣ Валентѣ появились Гунны. Въ недвиговскомъ городищѣ найдена одна монета этого императора [1]. Это даетъ нѣкоторую вѣроятность предположенію, что Танаисъ продолжалъ существовать до вторженія Гунновъ, случившагося въ 375-мъ году по Р. Х. и въ 11-мъ году царствованія Валента на Востокѣ. Къ этому году по меньшей мѣрѣ необходимо отнести окончательное разрушеніе Танаиса. По мнѣнію Стемпковскаго, впрочемъ не подтвержденному, Танаисъ былъ окончательно разоренъ еще во время Антониновъ (см. выше стр. 390).

Развалины города показываютъ, что это разрушеніе было самое страшное, какое только можно себѣ представить: въ городѣ не осталось почти камня на камнѣ; отъ весьма немногихъ стѣнъ сохранились нижніе ряды каменной кладки; башни разрушены почти до основанія, и самые погреба засыпаны развалинами обрушившихся строеній. Разореніе долженствовало быть внезапное, потому что въ нѣкоторыхъ погребахъ замѣчены остатки зерноваго хлѣба; въ разореніи участвовалъ огонь, котораго слѣды видны почти вездѣ во внутренней части города и на внутренней сторонѣ городскихъ стѣнъ и башней; одна изъ отрытыхъ башней обгорѣла даже со всѣхъ сторонъ. О степени разрушенія можно получить понятіе на примѣръ изъ того обстоятельства, что куски одной и той же надписи, разбившейся при паденіи, были находимы на разстояніи трехъ саженей; что отъ надписи № 6 удалось найти обломковъ менѣе нежели на половину, и однакожъ она склеена нами изъ 32 кусковъ.

Состояніе развалинъ удостовѣряетъ, что на мѣстѣ разрушеннаго греческаго города нѣсколько разъ пытались строиться позднѣйшіе обитатели этихъ странъ. Новыя поселенія возникали вмѣстѣ съ новыми вѣками, проходившими надъ этимъ мѣстомъ. Почва городища возвышалась отъ нароставшихъ слоевъ мусора и въ настоящее время достигла мѣстами до 7-ми аршинъ высоты надъ древнимъ материкомъ. Но кромѣ пристроекъ и надстроекъ, поколѣнія, смѣнявшія здѣсь другъ друга, мало оставили по себѣ памятниковъ. Хотя и послѣ совершались въ этихъ мѣстахъ великія событія, и историческая жизнь проявлялась дѣятельно, но недвиговское городище очевидно уже не было главнымъ мѣстомъ дѣйствія и потому сказало намъ не много объ этой эпохѣ. Для времени отъ IV-го вѣка по Р. Х. и далѣе мы должны довольствовать-

[1] Это одна изъ двухъ римскихъ монетъ, упомянутыхъ выше стр. 433. *Лиц. ст.* Голова Валента въ діадемѣ вправо *Об. VOT* въ одной строкѣ и цифра V въ другой; все въ вѣнкѣ. Велич. 4. — Вторая есть мѣдная монета Траяна съ SC. на оборотѣ; велич. 7.

ся извѣстіями писателей; а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя обойтись безъ того, чтобы не расширить круга разысканій. Мы выдемъ на время изъ тѣсныхъ предѣловъ недвиговскаго городища, чтобы потомъ возвратиться къ нему можетъ быть съ новыми вопросами.

—

Начиная съ XIII-го вѣка процвѣтала въ этихъ мѣстахъ италіянская колонія Тана, обязанная своимъ значеніемъ участію въ тогдашней всемірной торговлѣ, т. е. въ торговлѣ между Европой и Азіей, двумя важнѣйшими частями Стараго Свѣта. Это значеніе Таны дѣлаетъ необходимымъ маленькій эпизодъ о великихъ торговыхъ путяхъ старой вселенной, который, надѣемся, послужитъ и къ объясненію значенія древняго Танаиса въ исторіи всемірной торговли. Этотъ эпизодъ мы начнемъ съ македонскаго времени [1].

Всѣмъ извѣстно, что торговлю Европы съ отдаленнымъ Востокомъ, торговлю стародавнюю, оживили геніальныя предпріятія Александра Македонскаго. Связать Азію, колыбель роскоши, съ матерью мужества и духовной силы, Европой, подчинить изнемогавшую восточную образованность высшимъ началамъ болѣе подвижнаго геллениcма — такова была главная мысль, или по крайней мѣрѣ такова была историческая логика, лежавшая въ основѣ предпріятій, замышленныхъ и отчасти исполненныхъ великимъ ученикомъ величайшаго мыслителя и политика древности. Геніальный выборъ указалъ самое удобное средоточіе сношеній, для которыхъ юный полководецъ открывалъ новую эру. Вслѣдствіе основанія Александріи великая торговля Запада съ Востокомъ получила самое выгодное и наикратчайшее направленіе, то направленіе, которое она и нынѣ наиболѣе стремится за собою упрочить. Сынъ Лага, бывшій преемникомъ Александра въ обладаніи Египтомъ, много заботился сдѣлать Египетъ средоточіемъ выгодной торговли Греціи съ Востокомъ. Онъ поднялъ Египетъ на степень всемірно-историческаго величія и покоривъ часть Сиріи и Ливана, пріобрѣлъ всѣ средства къ поддержанію его на этой степени. Его сынъ и наслѣдникъ Птолемей Филадельфъ продолжалъ итти по пути, проложенному отцемъ. Торговля съ Индіей была тогда въ рукахъ Арабовъ, которые привозили драгоцѣнные товары Индіи въ гавани Счастливой Аравіи; сами Египтяне не пытались проникать на востокъ далѣе этихъ гаваней. Отсюда товары привозились въ Александрію черезъ три египетскіе порта, Арсиною, Беренику и Міосгормъ. Первая лежала въ самомъ

[1] Hüllmann Handelsgeschichte der Griechen. Bonn 1839. Ders. Geschichte des byzantinischen Handels bis zum Ende der Kreuzzüge. Frankf. a. d. O. 1808.

сѣверномъ заливѣ Чермнаго-моря и была соединена съ Ниломъ посредствомъ канала. Береника и Міосгормъ находились на западномъ берегу Чермнаго-моря, южнѣе Арсинои; изъ нихъ товары шли сухимъ путемъ въ Коптосъ, главное торжище верхняго Египта, и сплавлялись далѣе по Нилу до Александріи. Послѣднія двѣ гавани предпочитались Арсиноѣ, не смотря на каналъ ея, потому что сѣверная часть Чермнаго-моря была опасна для мореплавателей по причинѣ морскихъ разбоевъ и многочисленныхъ отмелей и подводныхъ камней. Таковы были перепутья между Александріей и Счастливою Аравіей. Съ Александріей далѣе соперничала Петра, знаменитый сѣверный городъ Арабіи, по которому прилежащая часть арабійскаго полуострова получила наименованіе Петрейской Арабіи. Въ Петру доставлялись товары отчасти изъ гавани Левке-Коме на арабійскомъ (восточномъ) берегу Чермнаго-моря, отчасти черезъ гавани Персидскаго-залива и Месопотаміи и были отправляемы на западъ черезъ гавань Газу. Посредничество Петры предпочитали Греки, въ особенности Родосцы, когда увеличеніе пошлинъ дѣлало невыгоднымъ полученіе товаровъ черезъ Александрію. Но разстояніе между Петрой и Александріей такъ незначительно, что оба эти пункта въ сущности могутъ быть разсматриваемы какъ одинъ.

Другой преемникъ Александра Селевкъ Никаторъ (побѣдитель) также наслѣдовалъ умѣнье соединять съ политикою торговые виды. Обладая странами отъ истоковъ Эвфрата и Тигра до самаго Инда, онъ не хотѣлъ преклониться передъ усиливавшеюся Александріей и создалъ подражаніе ей — Селевкію въ Месопотаміи. Выборъ мѣста былъ удаченъ; торговый путь черезъ Месопотамію весьма важенъ и, что еще болѣе, онъ столько же предпочтителенъ передъ другими, какъ александрійскій. Это видно уже изъ того, что Англичане съ недавняго времени пытаются возстановить и эту линію. Въ древности Армяне сильно участвовали въ торговлѣ на этомъ пути. Произведенія ихъ страны легко доставлялись въ Селевкію внизъ по Эвфрату и Тигру; здѣсь они брали товары Индіи и доставляли на сѣверъ двумя путями: черезъ Команы, торжище Понта, и черезъ Арменію, на сѣверѣ которой, отъ Каспійскаго моря до Дона, жили Аорсы, развозившіе ихъ далѣе по торжищамъ Сѣвера [1].

Черезъ полвѣка спустя послѣ основанія Селевкіи, въ половинѣ III-го столѣтія до Р. Х., возникла на дальнемъ востокѣ новая сила, ослабившая царство Селевкидовъ и лишившая Селевкію ея центральнаго торговаго значенія въ западной Азіи. Θеодотъ, намѣстникъ Бак-

[1] Страб. XI, 492. 506. (753. 772. 773).

тріи, воспользовавшись отдаленностью своей провинціи, отложился отъ царства и распространилъ свою власть надъ большою частью западной Индіи до самыхъ устій Инда. Новое бактріянское государство, соединивъ рѣчныя системы Окса (Аму) и Инда, установило сообщеніе между ними, — и этимъ не преминула воспользоваться всемірная торговля. Такимъ образомъ упрочился третій путь сношеній Европы съ Востокомъ, изъ Кабула по Аму-Дарьѣ въ Каспійское-море, куда Аму въ то время впадала, и далѣе по Куру и Фазису до черноморскихъ гаваней; другая вѣтвь того же пути шла изъ Бактріи, черезъ землю Пароянъ, Экбатану, Тигръ и Эвфратъ въ Гіераполь въ Сиріи, и къ морю. Этотъ путь примыкалъ къ другому весьма древнему, углублявшемуся внутрь центральной Азіи и доходившему до Тибета (земля Серовъ), откуда привозился шелкъ. Болѣе сѣвернаго пути всемірная торговля въ македонское время не употребляла. Сѣверная часть Каспійскаго-моря, Волга и Донъ оставались пока въ сторонѣ и торговали съ Греціей и южными странами лишь туземными произведеніями. Надобно полагать, что это продолжалось до первыхъ временъ римской имперіи. Страбонъ, жившій въ началѣ 1-го вѣка по Р. Х., упоминаетъ, что изъ Танаиса, кромѣ рабовъ, доставлялись въ Грецію кожи и другія произведенія народовъ кочевыхъ; онъ не говоритъ ничего о шелкѣ и продуктахъ Индіи, которые стало быть шли тогда болѣе южными путями. Страны, лежащія на сѣверъ отъ устій Дона, были ему почти вовсе неизвѣстны. Какъ причину, онъ приводитъ грубость и могущество кочевыхъ варваровъ, владѣвшихъ донскимъ краемъ[1]. По всему видно, что устья Дона въ его время мало были посѣщаемы образованными народами. Съ южною Азіей однако же торговали обитавшіе около нихъ Аорсы черезъ посредство Армянъ и Мидянъ. Страбонъ упоминаетъ, что Аорсы были богаты и ходили всѣ въ золотѣ.

Въ этомъ положеніи оставались дѣла до того времени, когда пароянскія войны Римлянъ и внутренніе безпорядки пароянскаго государства принудили торговлю предпочесть путь длиннѣйшій черезъ страны, лежащія на сѣверъ отъ Кавказа, кратчайшимъ путямъ черезъ Бактріану и Селевкію. Мы уже упомянули, что слѣдствіемъ этого было возвышеніе черноморскихъ портовъ и замѣтное процвѣтаніе этого края въ III вѣкѣ по Р. Х. Возобновленіе Танаиса въ эту эпоху показываетъ, что Азовское-море дѣятельно участвовало въ торговлѣ на этомъ пути. Въ послѣднее время римской имперіи Европа пользовалась почти исключи-

[1] XI, 493 (754).

тельно двумя путями для великой торговли — через Суэцкій перешеекъ и чрезъ Черное и Азовское моря. Естественное преимущество перваго изъ этихъ путей для сношеній съ Индіею осталось въ своей силѣ, но центральная Азія вѣроятно сбывала свои продукты путемъ сѣвернымъ. Тому должно было способствовать распространеніе предѣловъ китайскаго государства до истоковъ Окса и Іаксарта (Аму и Сыръ) во второмъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія [1]. Торговля не могла не воспользоваться чрезвычайнымъ удобствомъ длиннаго пути, на всемъ почти своемъ протяженіи не выходящаго изъ границъ одного государства. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что шелкъ, продуктъ чрезвычайно цѣнившійся въ древности, доставлялся исключительно послѣднимъ путемъ. Надобно замѣтить, что этотъ путь еще болѣе долженъ былъ выиграть, когда Византія сдѣлалась столицею имперіи и мѣстомъ пребыванія роскошнѣйшаго и чрезвычайно богатаго двора. Для товаровъ, назначавшихся собственно для Византіи, путь черезъ Черное-море могъ быть выгоднѣе, даже если они шли и изъ Индіи [2].

Но Византія недолго пользовалась этими выгодами. Большое вліяніе на судьбу всемірной торговли имѣло паденіе китайскаго могущества и раздѣленіе Китая на два царства во второй половинѣ IV вѣка, а съ другой стороны разведеніе шелка въ Европѣ начиная съ VI-го столѣтія по Р. Х. Вслѣдствіе того сѣверный путь потерялъ свое удобство и часть своей важности, а грозное движеніе кочевыхъ народовъ на востокѣ Европы принудило Византію совершенно его оставить. Прошло не долго — и торговля подверглась опасности и на другихъ путяхъ. Начавшіяся войны съ Арабами затруднили торговлю Византіи чрезъ Египетъ и Сирію. Къ тому же система государственныхъ монополій убила внутреннюю торговлю въ Восточной Имперіи, столько необходимую и важную въ большихъ государствахъ, а дурное управленіе совершенно подкопало благосостояніе этихъ странъ, такъ благословенныхъ природою. Все это вмѣстѣ пагубно дѣйствовало на всемірную торговлю, и передавало сношенія, которыя еще оставались возможными, въ руки націй болѣе предпріимчивыхъ и пользовавшихся

[1] Klaproth Tableaux historiques de l'Asie p. 58. Cp. Asia Polyglotta p. 375. Извѣстно, что Маркъ Аврелій отправлялъ пословъ въ Китай. Kitter Erdkunde VII, S. 556 f. Итовавшемъ съ Серикою (I, 11). Инграфіи объ одномъ македонскомъ купцѣ, торголемей упоминаетъ въ Геотересно замѣтить, что теперешнее имя Іаксарта—Сыръ—очевидно заключается въ Плиніевомъ Silis: flumen Iaxartes, quod Scythae Silin vocant (Nat. Hist. VI, 18).

[2] По этому-то Юстиніанъ обращалъ такое вниманіе на Крымъ. Онъ построилъ стѣны въ Херсонесѣ, Алуштѣ, Горзубитѣ; въ особенности старался онъ укрѣпить Боспоръ, опять занятый Греками по удаленіи Гунновъ. Stritter Memoriae populorum I, p. 543.

лучшимъ правленіемъ, нежели Византія. Хотя нельзя сказать, чтобы византійская торговля съ Востокомъ совершенно прекратилась, но несомнѣнно она начала ослабѣвать. По мѣрѣ того какъ греческіе корабли удалялись съ морей Эгейскаго и Средиземнаго, ихъ мѣсто занимали флоты молодыхъ италіянскихъ республикъ, особенно Венеціи и Генуи, сдѣлавшихся преемницами въ этомъ отношеніи древняго Родоса. Начиная съ IX-го вѣка есть слѣды не только торговыхъ договоровъ Венеціи съ Константинополемъ, но и сношеній ея съ Сиріей и Египтомъ. Возродившаяся, хотя еще не довольно живая всемірная торговля опять вступила въ свои естественные пути черезъ Египетъ и Месопотамію; Александрія въ Египтѣ и Басра, основанная халифомъ Омаромъ въ Месопотаміи, сдѣлались главными пунктами. Могущество халифовъ, обширность ихъ владѣній и успѣхи арабской цивилизаціи должны были много содѣйствовать торговлѣ черезъ Египетъ и Сирію.

Остальные пути низошли въ это время на степень частныхъ торговыхъ путей между отдѣльными странами. Арабы торговали съ теперешнею Европейскою Россіею черезъ Бухарію, Каспійское-море, Волгу и Донъ, и Русскіе на встрѣчу имъ доходили до южныхъ береговъ Каспійскаго-моря, гдѣ въ X вѣкѣ упоминается Русскій-островъ у ширванскаго берега. Множество кладовъ куфическихъ монетъ VII — XI вѣка, преимущественно династій аббасидскихъ халифовъ и саманидскихъ эмировъ, свидѣтельствуетъ о томъ вмѣстѣ съ извѣстіями восточныхъ писателей [1]. Торговля между сѣверовосточною Европою и среднею Азіею сосредоточивалась въ городѣ Булгарѣ, въ землѣ волжскихъ Булгаръ, близь нынѣшней Казани, въ хазарской столицѣ Итилѣ, при устьяхъ Волги, гдѣ были цѣлыя слободы Русскихъ купцевъ, и въ хазарской крѣпости Саркелѣ или Бѣлой Вѣжѣ на Дону. Чрезвычайно большое количество саманидскихъ монетъ, находимыхъ въ Россіи, показываетъ, что въ Азіи средоточіемъ для этой торговли были города саманидскихъ владѣній, знаменитый Балхъ — «мать городовъ», древняя Бактра, и рядомъ съ нимъ Бухара, Самаркандъ, Шашъ (сохранившій можетъ быть имя древнихъ Саковъ) и др. Паденіе династіи Саманидовъ относится къ началу XI-го вѣка (395 гиджры, 1004 — 5 по Р. Х.). Пока эта династія была въ силѣ, Бухара,

[1] Frähn Ibn Fozlans Bericht etc. S. Petersb. 1823. О монетахъ русскія сочиненія гг. Григорьева о куфическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи въ 1-мъ томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1844) стр. 115 — 166; Савельева Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи. Ч. 1. Топографія кладовъ съ восточными монетами и издѣліями. Спб. 1846; Тизенгаузена о Саманидскихъ Монетахъ въ VI-мъ томѣ Записокъ Императорскаго Археологическаго Общества (1853) стр. 1 — 237.

древняя Бактріана, могла отчасти пользоваться пресѣченіемъ торговыхъ путей изъ Азіи въ Европу черезъ Византійскую Имперію. Бухарскія торжища должны были сами собою оживиться, когда въ другихъ пунктахъ дѣла съ Европой пошли медленнѣе, а успокоившееся на время движеніе народовъ на сѣверѣ морей Каспійскаго и Чернаго, одновременное съ усиленіемъ хазарской державы, уменьшило опасность торговли съ этими странами. Этимъ объясняется живость сношеній, занесшихъ въ Россію сотни тысячь саманидскихъ монетъ. Но во всякомъ случаѣ торговля разныхъ частей нынѣшней Россіи съ Бухарою не возвышалась на степень всемірной. Сѣверный торговый путь имѣлъ въ это время почти такое же частное значеніе, какъ во время Страбона. — Вскорѣ однакожь многія обстоятельства соединились, чтобы дать ему важность и для всемірной торговли того времени.

Въ статьѣ о древней Синопѣ (выше стр. 383) вкратцѣ упомянуто о причинахъ, сдѣлавшихъ естественные пути черезъ Египетъ и Месопотамію мало доступными европейской торговлѣ въ XII и XIII вѣкахъ. Остановимся теперь съ бо́льшимъ вниманіемъ на этихъ причинахъ, потому что отъ нихъ зависѣло значеніе италіянской колоніи Таны. Начнемъ съ Востока. Здѣсь прежде всего представляется внутреннее ослабеваніе халифата. Свѣтская власть, которую мало по малу теряли халифы Аббасиды, переходила въ руки мамлуковъ, буйныхъ полчищъ, составлявшихся изъ Турокъ и Татаръ, которыхъ Арабы покупали и обращали въ солдатъ. Уже въ началѣ X вѣка въ Багдадѣ гораздо болѣе значилъ начальникъ мамлуковъ нежели преемникъ Магомета; лучшіе города Месопотаміи были опустошены внутренними распрями, борьбою Шіитовъ съ Суннитами, покушеніями секты Карматовъ; провинціи почти совсѣмъ отложились; въ западныхъ буйствовали мамлуки. Въ половинѣ XI вѣка халифъ принужденъ былъ призвать на помощь сельджукскаго Турка Тогрульбега, который получилъ санъ эмира-аль-омра и подъ этимъ именемъ полную власть надъ халифатомъ и халифомъ. Но и могущество Сельджуковъ было непродолжительно, ибо ихъ царство по смерти великаго Джелаледдина въ 1092 году распалось на нѣсколько частей, и онѣ подверглись многимъ страданіямъ отъ сектъ (между которыми опаснѣйшею была секта Ассасиновъ, получившихъ имя отъ *хашиша*, которымъ они опьяняли себя), отъ разныхъ возстаній, внутреннихъ распрей и войнъ съ сосѣдями. Во все это время Сирія и Месопотамія не могли представлять необходимыхъ удобствъ для торговли. Но еще бо́льшія бѣдствія постигли эти страны нѣсколько послѣ. Анупітекинъ, невольникъ одного сельджукскаго придворнаго, умѣлъ пріобрѣсти такое значеніе, что получилъ

отъ Джелаледдина, вмѣстѣ съ придворнымъ саномъ, доходы съ провинціи Ховаресміи (нынѣшняя Хива). Сынъ его Могаммедъ Котбеддинъ оставался вѣренъ сельджукскому султанату, но внукъ Атзицъ (1127—1156) сдѣлался независимымъ и принялъ титулъ шаха. Одинъ изъ потомковъ послѣдняго, Могаммедъ III. Котбеддинъ, такъ далеко распространилъ власть свою, что Багдадъ былъ совсѣмъ окруженъ его владѣніями, и халифъ, стѣсненный и униженный, рѣшился искать спасенія въ помощи языческихъ Монголовъ подъ предводительствомъ Чингисхана (1219). Всѣмъ извѣстны плачевныя слѣдствія появленія этихъ дикихъ ордъ, страшное опустошеніе всего царства Ховаресміевъ, и черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ разрушеніе Багдада и окончательное паденіе халифата (1258). Бѣдствія, которыми страдала Месопотамія въ XI и XII вѣкахъ, окончились въ XIII вѣкѣ совершеннымъ ея разореніемъ.

Въ Египтѣ дѣла шли сначала лучше. Династія Фатимидовъ отличалась благоразумными мѣрами относительно государственнаго хозяйства; въ X вѣкѣ она возстановила для Египта время первыхъ Птолемеевъ и подобно имъ упрочила благосостояніе Египта обладаніемъ Палестины и Сиріи. Испанскіе мусульмане, Сицилія и Италія находились тогда въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Египтомъ. Но уже съ начала XI вѣка замѣтно приближеніе упадка. Безумный халифъ Гакемъ былъ первымъ виновникомъ того; потомъ начались возстанія и смуты, и повторилось явленіе, оказавшееся въ Багдадѣ однимъ вѣкомъ прежде,—власть халифовъ перешла въ руки мамлукскихъ визирей. Во второй половинѣ XI вѣка Египетъ находился уже въ самомъ жалкомъ состояніи, и можно даже сказать — въ совершенной нищетѣ.

Между тѣмъ какъ такимъ образомъ закрывались естественные пути всемірной торговли со стороны Азіи, Европа приготовляла мѣры, окончательно отвратившія отъ нихъ торговлю. Поводомъ къ этимъ мѣрамъ была великая борьба христіянства съ исламомъ, которую вела на Востокѣ сначала Византія, потомъ, въ эпоху крестовыхъ походовъ, вся Европа. Еще византійскіе императоры старались нанести вредъ мусульманамъ запрещеніемъ вывозить къ нимъ предметы, полезные въ дѣлѣ войны, не только оружіе, но и желѣзо, дерево и т. п. Въ IX и X столѣтіяхъ Венеція присоединялась по временамъ къ этой мѣрѣ [1]. Но когда великое предпріятіе крестовыхъ походовъ начинало рушиться и требовались новые способы, чтобы стѣснить мусульманъ, тогда римская церковь рѣшилась сама прибѣгнуть къ запрещенію торговли

[1] Andreae Danduli Chronicon s. a. 818 et 972 (Muratori XII, p. 167 et 210).

военною контрабандою съ мусульманскимъ Востокомъ, и въ продолженіе многаго времени поддерживала эту мѣру съ большою строгостью всѣми своими огромными средствами. Отцы третьяго латеранскаго собора (1179 г.) распространили старинное запрещеніе греческихъ императоровъ на весь католическій міръ. Эта мѣра, хотя относилась по видимому только къ военной контрабандѣ, но имѣла чрезвычайно большія послѣдствія, такъ какъ предметы, подходившіе подъ этотъ разрядъ, составляли главную часть сбыта со стороны Европы въ обмѣнъ за произведенія южной Азіи. Европа производила еще мало фабрикатовъ, которые не подходили подъ запрещеніе и могли бы удовлетворить требованіямъ Азіи.

Итакъ торговля, уже затрудненная со стороны Азіи, должна была почти совершенно прекратиться вслѣдствіе этой мѣры, принятой со стороны Европы. Мы дѣйствительно видимъ, что съ конца XII вѣка естественные торговые пути черезъ Египетъ и Месопотамію совсѣмъ выходятъ изъ употребленія.

Тогда-то италіянскія республики, у которыхъ въ рукахъ была тогдашняя торговля, обратили все свое вниманіе на Черное-море. Обстоятельства вели къ тому, чтобы сѣверный торговый путь, бывшій въ употребленіи въ послѣднія времена римской исторіи, былъ опять возстановленъ, и притомъ съ видами еще болѣе благопріятными для него. Въ римское время онъ не былъ единственнымъ торговымъ путемъ, потому что тогда еще былъ открытъ путь черезъ Египетъ. Теперь же онъ одинъ соединялъ условія свободной и открытой торговли съ Востокомъ. Венеціяне первые замѣтили это и основали въ сѣверномъ углѣ Азовскаго-моря, на устьяхъ Дона, факторію, которой дали полуантичное имя Таны. Но весь успѣхъ дѣла зависѣлъ отъ того, кто будетъ имѣть ключь къ Черному-морю, Константинополь. Венеціяне употребили всѣ возможныя усилія, чтобы пріобрѣсти вліяніе въ этомъ важнѣйшемъ пунктѣ, безъ котораго все ихъ предпріятіе необходимо должно было рушиться. Счастіе на этотъ разъ было къ нимъ благосклонно: имъ удалось ловко подготовить и удачно совершить великое событіе, которое передало Византію въ руки латинскихъ крестоносцевъ. Въ вознагражденіе за оказанное содѣйствіе они получили нѣсколько важныхъ острововъ и побережій и большія права и льготы въ столицѣ. Теперь, находясь въ обладаніи ключемъ Чернаго-моря, они могли съ успѣхомъ возстановить для всемірной торговли древній сѣверный путь черезъ Черное и Азовское моря на Бухару въ Индію и Китай. Азіятскіе товары восходили изъ Каспійскаго-моря по Волгѣ до волока между Волгою и Дономъ, спускались по Дону и прибывали въ Тану,

которая сдѣлалась главнымъ складочнымъ мѣстомъ тогдашней всемірной торговли. Вотъ почему Тана вскорѣ составила причину такихъ жаркихъ раздоровъ между Венеціей и Генуей.

Бросимъ теперь взглядъ на состояніе страны, гдѣ была основана Тана, и на обстоятельства, которыя содѣйствовали со стороны Азіи успѣшности сношеній по сѣверному пути.

Придонскія страны были долгое время театромъ народныхъ движеній. Гунны перешли черезъ Донъ при Валентѣ; выше мы отнесли предположительно къ этому времени конечное разрушеніе древняго Танаиса. Во время Юстиніана страна, лежащая на востокъ отъ Меотиды, называлась у Грековъ Эвлизіей и была занята Утургурами, однимъ изъ племенъ гунскихъ; на западъ отъ Дона жило другое гунское племя — Кутургуры [1], которые по Никифору и Ѳеофану тождественны съ Булгарами и перешли на правый берегъ Дона будто бы не прежде половины VII вѣка [2]. Движеніе Аваровъ, въ 565 г. переступившихъ Донъ, не оставило по себѣ слѣдовъ, и лишь появленіе Хазаръ измѣнило видъ страны: во второй половинѣ VII вѣка Хазары отбросили одну часть Болгаръ къ сѣверной Волгѣ, другую къ Дунаю и далѣе до Ѳракіи. Они заняли устья Дона и въ VIII вѣкѣ пріобрѣли вліяніе даже на Византію и одерживали побѣды надъ Арабами въ Персіи. Въ 834 г. Грекъ Петрона построилъ имъ на Дону кирпичную крѣпость Саркелъ для защиты отъ Печенѣговъ, которые уже начинали тѣснить ихъ съ востока [3]. Народы быстро смѣняли другъ друга въ этихъ степныхъ пространствахъ. Въ половинѣ X вѣка Печенѣги уже господствовали отъ Дуная до Дона, а по лѣвому кочевали Узы и Команы, которыхъ Русскіе звали Половцами. Хазары впрочемъ еще оставались въ Саркелѣ и Крыму. Послѣдній получилъ по нимъ имя Казаріи или Газаріи, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ Италіянцамъ во все время ихъ пребыванія тамъ. Русскій князь Святославъ взялъ Саркелъ у Хазаръ и ходилъ ратью по Дону до Крыма и Кавказа, гдѣ побѣдилъ Ясовъ и Косоговъ. При Владимірѣ Святомъ на Таманскомъ полуостровѣ образовалось русское княжество Тмуторокэнское, сопредѣльное съ одной стороны Хазарамъ, съ другой кавказскимъ Ясамъ и Касогамъ. Русскія лѣтописи даютъ ему имя Тмуторокань, Константинъ Порфирородный — Таматарха; арабскіе писатели упоминаютъ о двухъ го-

[1] Procop. B. Goth. IV, 4.
[2] Stritter M. P. II, 504.
[3] Stritter M. P. in Chazaricis; III, p. 543 sqq. О мѣстѣ, гдѣ лежалъ Саркелъ, мы будемъ говорить ниже.

родахъ: Матерха и Русійя [1]. Между тѣмъ Половцы, слѣдуя общему направленію народовъ, приходившихъ изъ Азіи, мало по малу подвигались на западъ и вытѣсняли Печенѣговъ. Въ половинѣ XI вѣка первыя толпы ихъ появились въ предѣлахъ переяславскихъ. Русскіе воевали съ ними по временамъ счастливо; въ началѣ XII вѣка при Владимірѣ Мономахѣ они одержали надъ ними нѣсколько важныхъ побѣдъ даже въ центральномъ мѣстѣ ихъ кочевья, на Дону; но Тмутороканское княжество уже не упоминается болѣе въ нашихъ лѣтописяхъ XII-го вѣка, а въ концѣ столѣтія Половцы одерживаютъ верхъ и въ Приднѣпровьѣ. Къ XIII вѣку наконецъ относится появленіе монгольскихъ ордъ, и Половцы изчезаютъ.

Какъ ни полны наши лѣтописи жалобами на грабежи половецкіе, однако же торговля по видимому не очень много страдала отъ нихъ. Свидѣтельствомъ могутъ служить куфическія монеты, находимыя въ Россіи и идущія до XI вѣка, слѣдовательно занесенныя въ тѣ времена, когда Половцы занимали уже на востокъ отъ Дона страны, по которымъ лежалъ торговый путь въ Бухару. Кромѣ того самыя наши лѣтописи сохранили память о караванахъ, проходившихъ черезъ половецкую землю (1184) [2], а знаменитый Еврей-путешественникъ Беніаминъ Тудельскій нашелъ русскихъ купцевъ и въ Константинополѣ и въ Александріи [3]; это по крайней мѣрѣ показываетъ, что въ его время, въ XII вѣкѣ, Половцы не составляли преграды и на пути изъ Россіи въ Грецію по Днѣпру. У нихъ была также нѣкотораго рода осѣдлость, хотя не въ такой степени, какъ у Хазаръ. Наши лѣтописи упоминаютъ грады половецкіе [4]. Половцы стало быть не были рѣшительнымъ препятстві-

[1] Эдризи, писавшій въ началѣ XII вѣка: отъ Сольтадійя (Судакъ) до Ютера 20 миль, отъ Ютера до Руссійя 20 миль, отъ Руссійя до Матерхи 27 миль. Руссійя лежитъ при большой рѣкѣ, текущей съ горы Кукайя. Frähn Ibn Fozlan. стр. 30.

[2] Ипат. 129. Г. Соловьева Исторія Россіи Т. III стр. 49. Г. Бѣляева о Сѣверномъ берегѣ Чернаго моря и прилежащихъ къ нему устьяхъ до водворенія въ этомъ краѣ Монголовъ (въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Т. III, стр. 34).

[3] Не имѣя подъ руками этого важнаго путешественника, мы принуждены сослаться на Исторію Россіи г. Соловьева Т. III, стр. 48.

[4] Ипат. лѣт. стр, 2: «и придоша къ Донови и поидоша (во вторникъ) ко граду Шарукавю (городъ хана Шарукана).... и завтра (въ середу) поидоша къ Сугрову и пришедше зажгоша и, а въ четвергъ поидоша съ Дона». Пошли они къ рѣкѣ Салницѣ, которая по Слову о Полкѣ Игоревѣ впала въ Донъ выше устья Донца. Намъ кажется совершенно правдоподобнымъ мнѣніе г. Бѣляева (Геогр. Свѣденія въ древней Руси стр. 76), что этихъ половецкихъ городовъ слѣдуетъ искать въ Острогожскомъ или Богучарскомъ уѣздахъ. Упомянутый походъ былъ въ 1111 г. Черезъ пять лѣтъ Ярополкъ Владиміровичь взялъ тѣ же города и еще новый го-

емъ для торговли; тѣмъ менѣе они могли противодѣйствовать торговлѣ изъ укрѣпленнаго мѣста: извѣстно, какъ безсильны они были противъ городовъ (напр. противъ Канева). Почти то же надобно сказать о монгольскомъ владычествѣ: оно было пагубно для странъ, ему подпавшихъ; но есть причины полагать, что для всемірной торговли была даже полезна безпримѣрная въ исторіи обширность Чингисова царства. Для насъ особенную важность имѣетъ по счастію то, что внѣ всякаго сомнѣнія. Завоеванія Чингисхана повторили, только въ бо́льшихъ размѣрахъ, явленіе, которое Азія уже видѣла во II-мъ вѣкѣ по Р. Х., когда предѣлы Китая доходили до рѣкъ Аму и Сыра и великое государство Востока (Tsin, имя династіи, оттуда Sina) почти сходилось съ великою имперіей Запада (Ta-Tsin, какъ звали Китайцы Римскую Имперію). И какъ въ то время состояніе Азіи благопріятствовало сношеніямъ по сѣверному торговому пути, такъ, и еще въ большей степени, послѣдствія Чингисовыхъ завоеваній должны были ихъ усилить. Въ концѣ XIII вѣка монгольское царство заключало въ себѣ всѣ страны отъ Малой Азіи до Индіи и южнаго Китая включительно. Какъ ни мало совершенны были его государственныя учрежденія, но одно уже государственное единство такихъ обширныхъ и богатыхъ странъ должно было содѣйствовать усиленію сношеній. Бухара стала одною изъ главныхъ областей новообразовавшагося государства. Она находилась по необходимости въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Каракорумомъ и Пекиномъ, какъ двумя важнѣйшими городами царства, и не смотря на огромное разстояніе была тѣсно связана съ Китаемъ. Съ Индіей Бухара также не могла обойтись безъ сношеній. Царство Газнавидовъ, знаменитое своимъ великимъ султаномъ Магометомъ и его поэтомъ Фирдуси, не за долго передъ тѣмъ соединяло ее съ западною

родъ Балинъ. Ипат. Лѣт. стр. 7. — **Байеръ** упоминаетъ, что по свидѣтельству Стрыйковскаго Половцы владѣли въ 1103 г. городами Слутеномъ, отстоявшимъ на три дня пути отъ днѣпровскихъ пороговъ, Рукомомъ на Дону, Суборовомъ и Азовомъ. См. **Байера** въ Samml. russ. Gesch. Bd. II. S. 75 и въ русскомъ переводѣ **Тауберта**: Описаніе всѣхъ случаевъ касающихся до Азова (Спб. 1768) стр. 54. Текстъ Стрыйковскаго, особенно въ собственныхъ именахъ, еще не очищенъ критически, и потому о половецкихъ городахъ Стрыйковскаго нельзя говорить съ увѣренностію. Въ новѣйшемъ варшавскомъ изданіи этого лѣтописца (1846. 2 voll.) находятся слѣдующія имена: Schuten и Azoph подъ 1103 и Rukanie и Suworow подъ 1108 г. Такъ какъ Стрыйковскій расказываетъ подъ 1108 г. о походѣ 1111 г. Ипатьевской лѣтописи, то послѣдніе два города по всему вѣроятію будутъ ничто иное какъ градъ Шарукань и Сугровъ. Schuten лежалъ въ Полтавской губерніи близь Лубна и насъ не касается. Остаются такимъ образомъ четыре половецкіе города на Дону: городъ хана Шарукана (Ипат. и Стрыйк.), Сугровъ (Ипат. и Стрыйк.), Балинъ (Ипат.) и Азовъ (Стрыйк). **Лелевель** на картѣ Европы 1144 г. помѣщаетъ Шарукань и Сугровъ въ землѣ Войска Донскаго между Устьмедвѣдицкою и Качалинскою станицами.

Индіей. Это царство сильно потомъ пострадало отъ Горидовъ, но сношенія, разъ завязавшіяся между народами, не легко прекращаются, и бухарская торговля должна была тотчасъ же воспользоваться покореніемъ Газны Монголами. Къ этому присоединилось, что и Европа, вслѣдствіе приведенныхъ выше обстоятельствъ, старалась вступить въ связь съ Востокомъ именно черезъ Бухарію. Такимъ образомъ и со стороны Европы и со стороны Азіи встрѣтились многія условія, благопріятствовавшія сношеніямъ по сѣверному пути. По этому-то начиная съ XII-го вѣка такъ часто стали проникать въ глубь Азіи европейскіе путешественники и послы. Плано-Карпини путешествовалъ въ 1246, Андрей Люціумель въ 1247, Рейсбрукъ (Рюбрюкисъ или какъ порусски зовутъ его Рубруквисъ) въ 1252, Николай Поло съ 1260 — 1269, Марко Поло его сынъ до 1295, Ольдерикъ въ 1318, Мандевиль съ 1322 [1]. Изъ ихъ записокъ мы видимъ, что въ это время были въ особенномъ употребленіи два пути въ среднюю Азію—черезъ Тану и сѣверныя страны и черезъ Трапезунтъ и Арменію. Цѣлію путешествій былъ Китай. Въ 1335 году одинъ Италіянецъ изъ Флоренціи Франческо Бальдуччи Пеголетти составилъ даже нѣчто въ родѣ торговой географіи своего времени, гдѣ между прочимъ даетъ avisamento del viaggio del Gattajo per lo cammino della Tana ad andare e tornare con mercanzia, т. е. путеводитель для торговли съ Китаемъ по пути на Тану, чтобъ отправляться и возвращаться съ товарами. Италіянскія и испанскія географическія карты XIV столѣтія свидѣтельствуютъ, какъ знакомы были Европейцамъ берега Чернаго и Каспійскаго морей и даже внутреннія страны центральной Азіи.

Послѣ этого эпизода можно будетъ возвратиться къ исторіи устій Дона. Но прежде нежели начнемъ говорить о находившейся здѣсь италіянской колоніи, необходимо устранить одно извѣстіе. Карамзинъ принималъ, и гг. Арцыбышевъ, Устряловъ и Соловьевъ повторили, что при устьѣ Дона существовалъ въ началѣ XIII вѣка богатый городъ Орна, въ которомъ жило множество христіянъ, какъ то: Хазаръ, Русскихъ, Алановъ и другихъ; также и Сарацинъ, которые имъ владѣли, пока онъ не былъ разрушенъ Монголами. Это показаніе основано на свидѣтельствѣ Плано-Карпини, который дѣйствительно говоритъ это объ одномъ городѣ, называющемся въ разныхъ его спискахъ

[1] Forster Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrten im Norden. Francf. a. d. Od. 1784 D'Avezac въ Recueil de voyages et de mémoires, publié par la société de Géographie. T. IV p. 399—433. См. также Ab. Rémusat Mémoire sur les relations politiques de princes chrétiens et particulièrement des rois de France avec les empereurs Mongols въ VI и VII томахъ Мемуаровъ Академіи Надписей (Франц. Института).

Ornas, Ornac, Orna и Orpar, и прибавляетъ, что Татары, не могши взять его иначе, перекопали рѣку, текшую черезъ городъ, и затопили его со всѣмъ, что въ немъ ни было. Но изъ его расказа можно заключить, что самъ онъ по всему вѣроятію не былъ въ этомъ городѣ, и потому опредѣленіе мѣста Карпиніевой Орны сопряжено съ трудностями. Знаменитый нашъ академикъ Френъ высказалъ мимоходомъ намѣреніе доказать, что Орна Плано-Карпини не что иное какъ искаженное имя весьма извѣстнаго города Ургенджъ. Онъ не успѣлъ исполнить своего предположенія, но вѣрное замѣчаніе, даже и мимоходомъ брошенное, не теряетъ отъ того своей вѣрности, и хотя мнѣніе Френа встрѣтило рѣшительное противорѣчіе со стороны новѣйшаго издателя Плано-Карпини г. д'Авезака, тѣмъ не менѣе намъ кажется, что весьма многое говоритъ въ его пользу. Прибавимъ, что Карамзинскаго мнѣнія придерживается и Гаммеръ, и что мы знаемъ только одного ученаго, именно г. Бруна въ Одессѣ, который сталъ на сторону Френа[1].

Вопросъ объ Орнѣ имѣетъ для насъ специяльную важность, и потому мы разсмотримъ его обстоятельно. Такъ какъ онъ очень запутанъ, то мы разберемъ его методически и отдадимъ читателямъ отчетъ въ самыхъ пріемахъ герменевтики и критики, которые сдѣлали для насъ вѣроятнымъ мнѣніе Френа.

Вотъ вопросы, которые мы задаемъ себѣ: что̀ сказалъ и могъ сказать объ Орнѣ Плано-Карпини, и что̀ говорятъ и могли сказать о ней другіе свидѣтели?

Въ изслѣдованіи о значеніи какого бы то ни было свидѣтельства прежде всего важна связь, въ которой данное свидѣтельство высказано. По этому мы должны начать съ вопроса, по поводу чего Карпини говоритъ объ Орнѣ? Мы находимъ у него два мѣста объ этомъ городѣ: одно въ главѣ, гдѣ расказывается исторія Монгольскаго Царства, и другое въ главѣ, гдѣ Карпини повѣствуетъ о своемъ путешествіи[2]. Начнемъ съ послѣдняго, потому что Карпини очевидно заслуживаетъ наиболѣе вниманія и довѣрія тамъ, гдѣ говоритъ о своемъ собственномъ путешествіи.—Путь его лежалъ по степи, простирающейся между Днѣпромъ и Яикомъ. Это была страна Komановъ, т. е. Половцевъ. За Яикомъ жили Кангиты, Канкли арабскихъ писателей, Кан-

[1] Frähn Ibn Fozslans und anderer Berichte, Beilage 1, § 4, стр. 162. D'Avezac l. c. p. 3. Hammer Geschichte der Goldenen Horde стр. 580. Брунъ въ Запискахъ Одесскаго Общества Т. III, стр. 462.

[2] Это послѣднее мѣсто опущено въ изданіи г. Языкова. Мы беремъ его изъ изданія г. д'Авезака.

гары Константина Порфиророднаго; какъ видно изъ сличенія расказа Карпини съ извѣстіями другихъ писателей, они жили на сѣверъ отъ Каспійскаго и Аральскаго морей. Вышедши изъ ихъ страны, путешественники вступили въ страну Бисерминовъ, т. е. какъ видно изъ сличенія расказа Карпини съ расказомъ Бенедикта, его спутника, — въ Туркестанъ. Этотъ народъ былъ нѣкогда могуществен̃ъ, и государь его носилъ имя Высокаго Султана (altus soldanus); но во время Карпини Бисермины повиновались Татарамъ. Страна представляла много слѣдовъ прежней богатой городской жизни. Множество городовъ было разрушено, и только немногіе продолжали существовать. На одной большой рѣкѣ. которой имя осталось неизвѣстнымъ путешественнику, лежали три города, носящіе въ рукописяхъ Карпини слѣдующія наименованія: первый Jankinc, Janekin, Jakynt, Sakint, второй — Barchin, Karachin, Karkyn или Barthra, третій—Ornas, Ornac, Orna или Orpar. Карпини оставляетъ насъ въ неизвѣстности, были ли они сами во всѣхъ этихъ городахъ; его спутникъ Полякъ Бенедиктъ въ расказѣ, который записанъ съ его словъ, упоминаетъ одинъ только первый изъ этихъ трехъ городовъ, но изъ его словъ видно, что они были въ немъ. И Карпини и Бенедиктъ согласны наконецъ въ томъ, что изъ земли Бисерминовъ, или Туркестана, они вступили въ Каракитай. — Вотъ связь повѣствованія, въ которомъ упоминается Орна. Мы заключаемъ, что Карпини полагалъ Орну въ Туркестанѣ, и притомъ на одной рѣкѣ съ остальными двумя городами, имъ упоминаемыми, т. е., какъ оказывается изъ изслѣдованія д'Авезака объ этихъ двухъ городахъ [1], — на Сыръ-Дарьѣ. Такъ думалъ несомнѣнно Карпини, когда писалъ повѣсть своего путешествія. Вѣрное ли имѣлъ онъ мнѣніе о городахъ Туркестана, и могъ ли онъ имѣть вѣрное мнѣніе о нихъ, это зависитъ отъ того, какіе изъ этихъ городовъ онъ видѣлъ своими глазами и какіе нѣтъ. На этотъ послѣдній вопросъ Карпини не даетъ намъ средствъ отвѣчать положительно; только относительно Янкинта мы узнаемъ со словъ нашего соплеменника отца Бенедикта, что путешественники въ немъ были. Но Орна и третій городъ остаются подъ сомнѣніемъ. Относительно Орны даже вѣроятнѣе, что она оставалась у путешественниковъ въ сторонѣ, потому что о. Бенедиктъ упоминаетъ объ Орнѣ, какъ о городѣ, лежавшемъ южнѣе ихъ пути, когда они ѣхали по Команіи. Правда, по его мнѣнію онъ находился въ Хазаріи, но объ этомъ рѣчь впереди. Здѣсь пока для насъ важенъ выводъ, что Карпини по всему вѣроятію говоритъ объ Орнѣ не какъ очевидецъ, и потому могъ ошибаться отно-

[1] D'Avezac I. I. стр. 512 слл.

сительно ея мѣстоположенія. Но съ другой стороны въ высшей степени правдоподобно, что его ошибка могла простираться только на то, въ какомъ мѣстѣ земли Бисерминовъ лежала Орна, а не на положеніе Орны вообще въ землѣ Бисерминовъ, т. е. въ Туркестанѣ.

Возмемъ теперь другое мѣсто Карпини, находящееся въ главѣ объ исторіи Монголовъ. Здѣсь говорится, что по смерти Чингисхана Оккодай, сынъ его, отправилъ Батыя противъ Высокаго Султана и противъ земли Бисерминовъ [1]. Батый завоевалъ эту землю и взялъ въ ней три города, тѣ же самые, которые Карпини уже намъ назвалъ въ мѣстѣ, сейчасъ нами разсмотрѣнномъ. Покоривъ эти города, полчища Батыя вступили въ землю Турковъ язычниковъ и оттуда въ Россію. Расказъ этотъ совершенно точенъ и ясенъ, и мы спрашиваемъ, можетъ ли быть сомнѣніе, что въ этомъ мѣстѣ высказывается то же самое мнѣніе о положеніи этихъ городовъ въ Туркестанѣ, которое высказано въ томъ мѣстѣ, о которомъ мы сейчасъ говорили? Связь изложенія дѣлаетъ невозможнымъ всякое другое объясненіе. Но разберемъ подробнѣе слова, относящіяся собственно къ Орнѣ. «Et iverunt contra civitatem quae vocatur Ornas; ista civitas erat nimium populosa; erant enim ibi christiani plures, Gazari videlicet et Rutheni et Alani et alii, nec non et Sarraceni; Sarracenorum autem erat dominium civitatis. Haec autem civitas erat divitiis plena: est enim posita *super fluvium quendam qui currit per Janckint et terram Biserminorum*, qui intrat in mare: unde est quasi portus, et forum maximum habebant de illa civitate alii Sarraceni. Et cum non possent eos aliter devincere, praeciderunt fluvium qui currebat per civitatem et illam cum rebus et hominibus submerserunt.» Или по русски: «И пошли (т. е. Татары) противъ города, называемаго Орнасъ; этотъ городъ былъ чрезвычайно многолюденъ; ибо тамъ было много христіянъ, именно Хазаръ, Русскихъ, Алановъ и другихъ, а также и Саррацины; владѣли же городомъ Саррацины. Городъ этотъ былъ наполненъ богатствами, потому что онъ лежитъ *на одной рѣкѣ, текущей черезъ Янкинтъ и землю Бисерминовъ* и впадающей въ море: вслѣдствіе чего онъ какъ бы портъ, и другіе Саррацины покупали весьма многое изъ этого города. И не будучи въ силахъ побѣдить ихъ иначе, они пере-

[1] Большинство кодексовъ: contra Altisoldanum et contra terram Biserminorum. Кодексъ Пето: contra terram Biserminorum. Кодексъ Кольбера: contra terram Altisoldani et contra terram Biserminorum. Очевидно, что слѣдуетъ предпочесть чтеніе большинства кодексовъ, ибо дѣло идетъ объ одной землѣ, а не о двухъ: это видно изъ сличенія съ приведеннымъ выше мѣстомъ расказа о путешествіи; Altisoldanus былъ государь земли Бисерминовъ. Рукопись Кольбера не заслуживаетъ той чести, которую оказалъ ей д'Авезакъ, принявъ ея чтеніе въ свой текстъ.

копали рѣку, которая текла черезъ городъ, и потопили его съ богатствами и людьми.» Таково чтеніе, основанное на лучшемъ спискѣ, именно на спискѣ Петò. Въ словахъ, напечатанныхъ курсивомъ, есть важные варіанты другихъ списковъ. Въ извлеченіи Викентія Бовѐ вмѣсто этихъ словъ читается: super quendam magnum fluvium, т. е. «на одной большой рѣкѣ»; въ рукописяхъ Кольбера, Лумли, Дюпюи и въ лондонской: super fluvium qui vocatur Don, т. е. «на рѣкѣ, которая называется Донъ». Это послѣднее чтеніе и дало поводъ утверждать, что Плано-Карпини помѣщалъ городъ Орну на устьяхъ Дона. Но посмотримъ безпристрастно, можетъ ли это чтеніе быть признано за подлинное. Здѣсь первый вопросъ о достоинствѣ рукописей. Благодаря труду д'Авезака, мы можемъ съ полною увѣренностью утверждать, что рукопись Петò, находящаяся нынѣ въ библіотекѣ лейденскаго университета, составляетъ единственный авторитетъ для установленія текста сочиненія Плано Карпини въ томъ видѣ, какъ оно было окончательно исправлено самимъ авторомъ. Эту рукопись самъ г. д'Авезакъ принялъ за основаніе въ своемъ превосходномъ изданіи Плано-Карпини, и въ настоящемъ случаѣ мы тѣмъ болѣе обязаны придерживаться ея чтенія, что она заставляетъ путешественника говорить о положеніи Орны то же самое, что, какъ мы видѣли, сказано имъ въ другомъ мѣстѣ, и освобождаетъ его отъ противорѣчія съ самимъ собою, въ которое его вводятъ другія рукописи. Викентій Бовѐ есть также хорошій авторитетъ; онъ могъ пользоваться хорошими рукописями, потому что жилъ гораздо ближе къ времени Плано-Карпини, нежели мы [1]. У него читаемъ: *на одной большой рѣкѣ*, и имѣемъ право заключить, что въ его рукописяхъ не было имени Дона, которое, какъ общеизвѣстное, онъ бы не могъ пропустить. Итакъ, авторитеты рукописей не благопріятны чтенію, упоминающему Донъ. Обыкновенный законъ дипломатической критики, предписывающій предпочитать, ceteris paribus, труднѣйшее чтеніе легчайшему, говоритъ также болѣе въ пользу чтенія рукописи Петò, нежели остальныхъ списковъ, ибо имена Janckint и terra Biserminorum были менѣе привычны всякому европейскому переписчику, нежели имя Донъ. Послѣднее не могло затруднить никого, и если бы Плано-Карпини дѣйствительно написалъ то, чтò стоитъ въ рукописяхъ Кольбера, Лумли и пр., то было бы непонятно, откуда переписчикъ манускрипта Петò взялъ свое чтеніе, и почему Викентій Бове въ своемъ извлеченіи пропустилъ имя Дона. Можно сказать, пожалуй, что они хотѣли при-

[1] Первое изданіе его знаменитаго Speculum historiale вышло въ 1473 г. въ Нюренберґѣ. Онъ первый обнародовалъ путешествіе Плано-Карпини, хотя и не вполнѣ.

вести въ согласіе это мѣсто съ другимъ мѣстомъ своего автора, т. е. съ тѣмъ, которое мы разсмотрѣли выше. Но такую заботливость не лучше ли предположить въ самомъ Плано-Карпини? За всѣ труды и старанія и за обиліе свѣдѣній, сообщенныхъ имъ Европѣ, онъ заслуживаетъ, чтобы его считали по меньшей мѣрѣ способнымъ къ такой простой и естественной заботливости. Онъ могъ полагать, что Іерусалимъ лежитъ на югъ отъ земли Бисерминовъ, могъ смѣшать Каспійское-море съ Чернымъ-моремъ— онъ самъ не видалъ ни того ни другаго,— но чтобы предполагать, что онъ смѣшалъ землю Бисерминовъ съ землею Донскою, т. е. двѣ земли, черезъ которыя онъ самъ проѣзжалъ, для этого надобно имѣть болѣе сильныя доказательства, нежели чтеніе нѣсколькихъ рукописей и при томъ чтеніе, не подтверждаемое двумя главными авторитетами въ ряду рукописей.

Но можетъ быть другіе писатели, достойные вѣры, говорятъ положительно, что Орна находилась на устьяхъ Дона? Посмотримъ сначала въ русскихъ лѣтописяхъ. Стыдно жаловаться, но до сихъ поръ мы не имѣемъ еще алфавитныхъ указателей къ нашимъ лѣтописямъ, и если отъ меня укрылось какое нибудь мѣсто, гдѣ упоминается Орначь (очевидно, это имя соотвѣтствуетъ въ нашихъ лѣтописяхъ Карпиніевой Orna Ornas Ornac), то вина въ пропускѣ пусть не падаетъ на гостя въ русской исторіи. Мнѣ извѣстны только два мѣста, сюда относящіяся, одно подъ 1346 г., другое при описаніи завоеваній Тамерлана. Въ первомъ мѣстѣ Никоновская лѣтопись говоритъ: «бысть моръ силенъ зѣло надъ восточною стороною на Орначи и на Азсторокани и на Сараи и на Бездежи и на прочихъ градехъ страннехъ, и на христіанехъ, и на Арменехъ и на Фрязехъ, и на Черкасѣхъ, и на Татарехъ, и на Обязехъ (III, стр. 183).» А изъ Троицкой лѣтописи это же извѣстіе у Карамзина читается такъ: «и бысть моръ великъ на люди: на Бесермены, и на Татары, и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы и на Черкасы (И. Г. Р. IV, пр. 357)». Сличивъ эти двѣ редакціи, можно придти къ заключенію, что городъ Орначь Никоновскаго списка соотвѣтствуетъ Бесерменамъ Троицкаго списка, названнымъ также на первомъ мѣстѣ. Если положительнаго вывода изъ словъ лѣтописи нельзя сдѣлать; то правдоподобный выводъ говоритъ въ пользу того, что Орначь—городъ земли Бесерменовъ, какъ свидѣтельствуетъ и Плано-Карпини.—Другое мѣсто нашихъ лѣтописей еще благопріятнѣе. Исчисляя земли и царства, «еже поплѣнилъ Темиръ Аксакъ», Никоновскій списокъ называетъ Арначь т. е. Орначь, не обозначая прямо его мѣста, но приводя его посреди слѣдующаго списка городовъ и земель: Чегадаи, Горусани, Гулустани, Китай, Синяя Орда, Ширязы,

Аспаганы, Арначи, Гипенъ, Шизъ, Шибранъ, Шамахіи и т. д. (IV, стр. 259). — Ширазъ, Испагань, Гилянь, Ширванъ, Шамаха — вотъ города, называемые непосредственно передъ Орначемъ и послѣ него. Какимъ образомъ Орначь зашелъ бы въ такое общество, если бы лежалъ на устьяхъ Дона?—Можно кажется сказать, что объясненіе относящихся сюда мѣстъ русскихъ лѣтописей будетъ легче и естественнѣе, если принять, что Орначь находился въ средней Азіи. Не рѣшая дѣла, эти мѣста говорятъ однакожь скорѣе въ пользу, нежели противъ мнѣнія, основаннаго на строгой критикѣ извѣстій Плано-Карпини.

За тѣмъ остаются только два свидѣтельства, приводимыя въ доказательство противнаго: Бенедиктъ спутникъ Карпини и монахъ Альберикъ, жившій въ XIII вѣкѣ во Франціи и составившій лѣтопись отъ сотворенія міра до 1241 года [1].

Первый въ расказѣ, записанномъ съ его словъ, говоритъ, что путешествуя по землѣ Половецкой, онъ и Карпини имѣли вправѣ сначала Готѳовъ и Алановъ, потомъ Хазаръ, въ землѣ которыхъ есть богатый городъ Орна (civitas Ornarum), взятый Татарами посредствомъ затопленія. О Донѣ онъ впрочемъ не упоминаетъ. Монахъ Альберикъ, описывая нашествіе Татаръ въ 1221 г. на Команію и Россію, говоритъ, что они разрушили большой городъ Тенексъ, или Орнацію (варіанты: Tornax, Oruntia, Cornax), въ который приходили купцы изъ отдаленныхъ странъ. Оба эти извѣствія ясны, и очевидно относятся къ одному городу. Они показываютъ, что авторы предполагали существованіе Орны въ землѣ Хазарской. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что этому же мнѣнію слѣдовали исправители словъ Карпини, вставившіе въ его текстъ упоминаніе рѣки Дона. Такимъ образомъ мы въ правѣ заключить о существованіи мнѣнія, помѣщавшаго Орну около устій Дона, — тамъ, гдѣ была Тана. Но спрашивается, заслуживаетъ ли это мнѣніе довѣрія?

Прежде всего надобно имѣть въ виду, что это мнѣніе находится въ прямомъ противорѣчіи съ Плано-Карпини, и что о. Бенедиктъ, помѣщая Орну въ землѣ Хазарской, разумѣетъ тотъ же самый городъ, который Плано-Карпини помѣщаетъ въ землѣ Бисерминовъ. Это видно изъ его словъ, что Орна взята Татарами посредствомъ затопленія. Мы имѣемъ слѣдовательно передъ собою дилемму: *или* Орна лежала въ Туркестанѣ, и тогда правъ Плано-Карпини, *или* Орна лежала въ Хазаріи на Дону и тождественна съ Таной, и тогда Плано-

[1] Она издана Лейбницемъ въ Accessiones historicae T. 1 и Менкеномъ въ Scriptores rerum Germanic. T. II.

Карпини не правъ, а правы Бенедиктъ, спутникъ его, и Альберикъ лѣтописецъ. Надобно принять одно изъ двухъ, или то, или другое, ибо имѣемъ дѣло съ положеніями, исключающими другъ друга. Какія же соображенія должны руководить насъ при этомъ выборѣ? Очевидно прежде всего надобно взвѣсить авторитеты свидѣтелей. Съ одной стороны передъ нами Плано-Карпини, первое лице въ посольствѣ, съ другой—спутникъ его, видѣвшій и слышавшій то же самое, что Плано-Карпини, но, какъ лице второстепенное, не имѣющій въ свою пользу равно выгодныхъ предположеній относительно способностей. Далѣе передъ нами съ одной стороны человѣкъ, самъ составившій изложеніе результатовъ своего путешествія, и составившій его тщательно, нѣсколько разъ исправлявшій свое сочиненіе, какъ видно изъ приписки къ послѣдней редакціи въ рукописи Петò; съ другой стороны передъ нами гораздо болѣе краткое описаніе того же путешествія, записанное со словъ спутника третьимъ лицемъ. Оцѣнивъ безпристрастно ту и другую сторону, можно ли колебаться, которая изъ нихъ заслуживаетъ бóльшаго авторитета? Что касается до Альберика, то онъ передаетъ чужія повѣствованія и какъ неочевидецъ ни коимъ образомъ не можетъ равняться съ Плано-Карпини. Наконецъ исправители текста Карпини не извѣстны даже и по имени и потому не могутъ объявить никакого притязанія на авторитетъ.

И такъ оцѣнка свидѣтелей склоняетъ насъ въ пользу извѣстія Плано-Карпини, что Орна лежала въ Туркестанѣ. Но принимая это извѣстіе, мы должны объяснить, какимъ образомъ могло возникнуть противоположное извѣстіе, переданное Бенедиктомъ, Альберикомъ и переписчиками Карпини. По счастію и на этотъ вопросъ есть отвѣтъ совершенно правдоподобный. Самъ Карпини, передавая вѣрно то, что самъ видѣлъ, имѣлъ весьма ошибочныя понятія о земляхъ, остававшихся въ сторонѣ отъ его пути. Подобно древнѣйшимъ географамъ, онъ считалъ Черное, Азовское, Каспійское и Аральское моря за одно море и могъ полагать, что рѣка, текущая въ землѣ Бисерминовъ, впадаетъ въ Азовское-море, хотя не могъ считать ее за Донъ, ибо она была отдѣлена отъ Дона Волгою и Яикомъ, рѣками, черезъ которыя лежалъ его путь. Идя по землѣ Кангитовъ, онъ предполагалъ у себя вправѣ Меотиду, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ вправѣ у него было Аральское-море. Эту же ошибку долженъ былъ раздѣлять съ нимъ его спутникъ Бенедиктъ. Выше мы нашли вѣроятнымъ, что наши путешественники не были въ Орнѣ. Теперь предположимъ, что странствуя въ землѣ Бисерминовъ черезъ какія нибудь 25 лѣтъ послѣ нашествія Монголовъ, они слышали о разореніи

Монголами трехъ главнѣйшихъ городовъ этой земли. Въ одномъ изъ нихъ, въ Янкинтѣ, они были сами; другіе два, какъ имъ сказывали, лежали южнѣе Янкинта, Орна—при рѣкѣ, не далеко отъ ея впаденія въ море. По ихъ мнѣнію это море не что иное какъ Меотида; слѣдовательно Орна лежала близь Меотиды. Но Карпини былъ остороженъ; онъ предоставилъ сдѣлать такое заключеніе читателю, а самъ, говоря о землѣ Бисерминовъ, какъ бы съ намѣреніемъ не назвалъ моря по имени, а о рѣкѣ прямо сказалъ, что ея имя осталось ему неизвѣстнымъ. Отецъ Бенедиктъ былъ менѣе осмотрителенъ. Какъ Полякъ, онъ долженъ былъ знать Азовское-море довольно коротко. Ему было извѣстно, что въ него впадаетъ одна большая рѣка — Донъ. Но онъ принялъ отъ Карпини старинную ученую ошибку относительно обширности Азовскаго-моря, и соглашая ее съ своими свѣдѣніями объ Азовскомъ-морѣ и Донѣ, пришелъ къ мнѣнію, что рѣка, на которой стояла Орна, не можетъ быть никакая другая кромѣ Дона. Однажды принявъ это мнѣніе, онъ долженъ былъ сдѣлать еще одинъ шагъ и перенести Орну изъ земли Бисерминовъ, гдѣ ее помѣщаетъ Карпини, въ землю Хазаръ, жившихъ на Азовскомъ-морѣ. Альберикъ кромѣ того зналъ, что на устьяхъ Дона есть городъ Тана (онъ могъ называться и Тена, потому что Донъ на восточныхъ языкахъ называется Тенъ), и что въ этомъ городѣ идетъ большая торговля; это повело его къ тому, что онъ прибавилъ свой Тенексъ къ именамъ Орнація. Оранція и т. д. Такимъ образомъ происхожденіе ошибки объясняется само собою. Но предположимъ на часъ, что Орна въ самомъ дѣлѣ лежала на Дону. Въ такомъ случаѣ, отъ кого долженъ былъ узнать о ней Карпини? Не ужели отъ Бисерминовъ, а не отъ Половцевъ? А если онъ узналъ о ней въ странѣ Половцевъ, то какая случайность могла заставить его говорить объ Орнѣ два раза (въ небольшомъ сочиненіи!) при странѣ Бисерминовъ? И какимъ образомъ онъ могъ бы сказать, что не знаетъ имени рѣки, при которой лежитъ Орна? Всѣ эти трудности исчезаютъ, если предположить, что Орна находилась въ странѣ Бисерминовъ.

Послѣдній критерій — вѣроятность самаго свидѣтельства. Противъ принимаемаго нами извѣстія Плано-Карпини можно привести два возраженія:

1. Вѣроятно ли, чтобы въ бассейнѣ Аральскаго-моря находился городъ, въ которомъ, по Карпини, жило много Русскихъ, Хазаръ, Алановъ и другихъ христіянъ?—Конечно это не очень вѣроятно, но совершенно невѣроятнаго и тутъ нѣтъ ничего. Если въ Итилѣ были цѣлыя слободы русскихъ купцевъ, если на Каспійскомъ-морѣ былъ Русскій

островъ, если русскіе купцы доходили до Константинополя и Александріи, а по одному извѣстію даже до Багдада [1], то почему же имъ нельзя было проникнуть и въ Ховарсемію, откуда принесено въ Россію такое множество саманидскихъ монетъ? Хазарамъ и Аланамъ было еще ближе до земли Бисерминовъ. Мы знаемъ изъ китайскихъ источниковъ, что Аланы (Janthsai, Alanna) торговали съ восточной Татаріей еще во времена династіи Ганъ (163 до Р. Х. — 196 по Р. Х.). Въ V вѣкѣ по Р. Х. они посылали дань китайскому богдыхану [2]. Почему не вѣрить, что они посѣщали Туркестанъ въ XIII вѣкѣ?

2. Если Орна былъ такой богатый городъ и лежалъ въ странѣ Бисерминовъ, то восточные писатели должны упоминать о немъ. На это возраженіе даетъ намъ возможность отвѣтить замѣчаніе, мимоходомъ высказанное покойнымъ академикомъ Френомъ, что Орна и Орначь вѣроятно тождественны съ Ургенджемъ восточныхъ писателей. О последнемъ мы имѣемъ извѣстіе Мирхонда, что Монголы взяли его посредствомъ отведенія воды изъ каналовъ, его окружавшихъ [3]. Это извѣстіе почти совпадаетъ съ тѣмъ, что Плано-Карпини говоритъ о взятіи Орны. Имя Ургенджъ, въ италіянскомъ и испанскомъ произношеніи Organci, чрезвычайно близко къ имени Орначь [4] и даже не могло получить другой формы въ славянскомъ говорѣ, а Плано-Карпини, какъ по всему видно, собиралъ свѣдѣнія черезъ посредство своего спутника Поляка Бенедикта. Остается одно несоотвѣтствіе: по Плано-Карпини Орна лежала на одной рѣкѣ съ Янкинтомъ, т. е. на Сыръ-Дарьѣ, а Ургенджъ лежалъ на Аму-Дарьѣ. Но это несоотвѣтствіе легко можетъ быть приписано ошибкѣ путешественниковъ, которые, какъ мы видѣли, по всему вѣроятію сами не были въ Орнѣ. Они слышали, что Ургенджъ лежитъ въ странѣ Бисерминовъ при большой рѣкѣ, не далеко отъ ея впаденія въ море, и легко могли подумать, что эта рѣка та же самая какъ извѣстная имъ большая рѣка, текущая мимо Янкинта.

[1] Извѣстіе Хордадъ-Бега, жившаго во второй половинѣ IX вѣка, приведенное г. Срезневскимъ въ Вѣстникѣ Географ. Общ. за 1854 г., Кн. I, отд. II, стр. 49.

[2] См. Ritter Asien V, 626.

[3] Pétis de Lacroix Histoire du grand Genghiscan. P. 1711 p. 318. D'Ohsson Hist. des Mongols t. 1, p. 270.

[4] Бальдуччи Пеголетти называетъ Ургенджъ — Organci, и говоритъ, что это былъ важный торговый пунктъ. Онъ уже зналъ его настоящее положеніе — на Джихунѣ (Аму). Каталанская карта 1375 помѣщаетъ его подъ тѣмъ же именемъ на востокѣ Каспійскаго моря. У восточныхъ географовъ онъ означается именами Хорканджъ, начиная отъ Абу-Ригана (1030 г.) до Абульфеды (1331). См. Лелевеля Géographie du moyen age. Bruxelles 1849. Атласъ. Въ позднѣйшія времена Русскіе звали его Юргенчъ (Герберш. и послѣд.).

Такимъ образомъ возраженія противъ принимаемаго нами извѣстія Плано-Карпини теряютъ свою силу; но вотъ обстоятельства неотражаемыя, которыя дѣлаютъ противное мнѣніе совершенно невѣроятнымъ:

1. Карпини говоритъ, что въ Орнѣ жило много христіянъ, но что Саррацины, т. е. мусульманы, владѣли ею. Это совершенно идетъ къ землѣ Бисерминовъ, которые, какъ свидѣтельствуетъ Карпини, хотя и говорили по командски, т. е. по половецки (одно изъ турецкихъ нарѣчій), но исповѣдывали исламъ. Если же Орна лежала въ землѣ придонской, то извѣстіе о мусульманствѣ ея обладателей находилось бы въ противорѣчіи съ тѣмъ, что намъ вообще извѣстно объ обитателяхъ этой страны, и въ частности съ тѣмъ, что говоритъ самъ Бенедиктъ о Хазарахъ [1]. Въ расказѣ Карпини Хазары отличаются отъ обладавшихъ Орною Саррацинъ, и говорится, что въ ней было много Хазаръ, — странный способъ выражаться, если бы Орна была хазарскій городъ.

2. Мы знаемъ, что въ концѣ XII вѣка Венеція имѣла въ Танѣ своего консула, и заключаемъ, что число Венеціянъ, жившихъ въ Танѣ въ это время, было довольно значительно; съ другой стороны мы знаемъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій о національности Плано-Карпини, что онъ былъ Италіянецъ. А если то и другое достовѣрно, то неужели Плано-Карпини не упомянулъ бы о своихъ соотечественникахъ, говоря объ Орнѣ-Танѣ? и не ужели онъ сталъ бы обозначать этотъ городъ его восточнымъ именемъ, и притомъ въ сочиненіи, которые написано для Европы, а не употребилъ бы общеизвѣстнаго въ Европѣ имени Тана, прибавивъ пожалуй, что восточные народы зовутъ Тану Орной?

3. Если Орна есть восточное имя города, называвшагося у Европейцевъ Таною, то что же такое имя Азакъ, читаемое на джучидскихъ монетахъ XIV вѣка и на картахъ Ибнъ-Саида (1274) и Абульфеды (1331) [2] и встрѣчающееся въ его русской формѣ уже у Стрыйковскаго? и почему въ такомъ случаѣ ни на одной изъ арабскихъ картъ, которыхъ довольно много издано Лелевелемъ, не встрѣчается ни разу на устьяхъ Дона это предполагаемое восточное имя Таны?

4. Наконецъ самое сильное возраженіе противъ тождества Орны и Таны представляетъ мѣстность донскихъ устій. Если бы даже и оказалось, что Карпини менѣе правъ нежели о. Бенедиктъ и лѣтописецъ

[1] c. 4. Postea Gazaros, qui sunt christiani; in hac terra sita est Ornarum civitas opulenta.
[2] См. эти карты въ атласѣ Лелевеля.

Альберикъ, и что Орна, о которой говоритъ Карпини, лежала на Дону, то во всякомъ случаѣ мѣстность дѣлаетъ невозможнымъ, чтобы эта предполагаемая Карпиніева Орна была тожественна съ Таной. Г. Брунъ, профессоръ одесскаго лицея, уже обратилъ вниманіе на этотъ важный аргументъ въ пользу мнѣнія Френа. Онъ воспользовался географическими данными, чтобы доказать, что городъ, затопленный Монголами, не могъ находиться ни на южномъ берегу Дона, ни на сѣверномъ берегу втораго главнаго рукава Дона, или т. н. Мертваго Донца: ибо и тотъ и другой берегъ такъ высокъ, что его нельзя затопить перекопаніемъ рѣки. Но не бывши на мѣстѣ, онъ не могъ рѣшить этого вопроса окончательно. Онъ самъ замѣчаетъ, что остается возможность искать мѣсто Орны въ плавняхъ между двумя рукавами, и эту возможность онъ не устраняетъ приводимыми ими возраженіями [1]. Мы можемъ прибавить къ сказанному имъ слѣдующее рѣшительное возраженіе противъ попытокъ искать на донской дельтѣ ту Орну, о взятіи которой Монголами говоритъ Карпини. Во-первыхъ обиліе воды въ Донѣ такъ велико, что только безумцу пришла бы въ голову мысль запрудить Донъ близь его устій; во-вторыхъ наводненія на донской дельтѣ, какъ и вездѣ при устьяхъ рѣкъ, бываютъ отъ низовыхъ вѣтровъ съ моря, отъ которыхъ Монголы защитили бы городъ Орну, — предполагая даже, что имъ удалось бы перекопать Донъ, т. е. предполагая возможнымъ невозможное.

Итакъ не можетъ быть рѣчи о богатомъ городѣ Орнѣ, лежавшемъ на устьяхъ Дона и затопленномъ Монголами. Здѣсь были только слѣдующіе города: Танаисъ въ древности и Тана, или какъ говорятъ Татары, Азакъ, въ средніе вѣки и въ новое время. Имя Азакъ перешло потомъ въ русскомъ говорѣ въ Азовъ, городъ, упоминаемый еще Стрыйковскимъ и благополучно, хотя и крайне бѣдно, существующій доселѣ.

Венеціи должно приписать честь основанія Таны [2]. Когда это случилось, я не могу теперь сказать положительно. Самое раннее извѣстіе о Та-

[1] Г. Брунъ говоритъ, что на дельтѣ дѣйствительно есть слѣды прежнихъ жилищъ, но принимаетъ ихъ за остатки находившейся тамъ небольшой турецкой крѣпости Лютикъ. Противъ этого надобно замѣтить, что кромѣ мѣста турецкой крѣпости, сохраняющей доселѣ свое имя (на нашемъ планѣ № 8), на дельтѣ есть значительные остатки поселенія близь Елисаветовской-станицы (на нашемъ планѣ № 9), которые можно было бы принять за слѣды Орны, если бы не противорѣчило тому сказанное нами въ текстѣ.

[2] Для исторіи Таны кромѣ источниковъ намъ доступныхъ мы пользовались слѣдующими сочиненіями:

Описаніе случаевъ относящихся до Азова (Байера). перев. Тауберта. СПБ. 1768 изъ Sammlung russ. Gesch. Bd. II. Это второе изданіе. Третье изд. перевода СПБ. 1782.

пѣ, которое до сихъ поръ я могъ найти, относится къ концу XII вѣка[1]. Оно находится у Навигіеро въ его Storia Veneziana (Muratori XXIII, p. 980) и приведено Гюльманомъ (Geschichte des Byzantinischen Handels стр. 44). Въ немъ упоминается о договорѣ, заключенномъ между Венеціей и Трапезунтскимъ Царствомъ, по которому Венеція получила право имѣть въ Трапезунтѣ и Арменіи своихъ балієвъ, а въ Танѣ консула. Навигіеро извѣщаетъ объ этомъ подъ 1192 годомъ. Изъ его словъ можно заключить, что въ это время Тана находилась въ зависимости отъ Трапезунта, который стало быть какимъ нибудь образомъ пріобрѣлъ этотъ пунктъ отъ Половцевъ. Сличивъ годъ договора (1192) съ годомъ латеранскаго собора (1179), нельзя не усмотрѣть цѣли, съ которою Венеціяне старались утвердиться въ Арменіи и на Дону, гдѣ торговля не была запрещена папскою буллой.

Это было еще прежде занятія Константинополя латинскими крестоносцами. Объ огромной важности этого послѣдняго событія для успѣховъ венеціянской торговли, уже сказано выше. Слѣдствіемъ его было совершенное господство Венеціи на левантскихъ водахъ, еще болѣе упроченное въ скоромъ времени пріобрѣтеніемъ острова Кандіи (1205). Не можетъ быть сомнѣнія, что Тана зависѣла тогда исключительно отъ Венеціи. Но скоро въ этихъ странахъ появились Монголы. Какое измѣненіе произвели они въ положеніи венеціянской факторіи, мы не знаемъ, хотя имѣемъ положительныя извѣстія, что торговля продолжалась, и что Генуэзцы и Пизане соперничали съ Венеціянами въ торговлѣ съ Азіей по сѣверному пути. Миноритъ Плано-Карпини, одинъ изъ шести монаховъ, отправленныхъ вслѣдствіе положенія ліонскаго собора 1245 г. папою Иннокентіемъ IV къ монгольскимъ ханамъ, говоритъ о Генуэзцахъ, Венеціянахъ и Пизанахъ, посѣщавшихъ Татарію черезъ Россію и Константинополь[2]. Вѣроятно около этого времени Пизане основали въ окрестностяхъ нынѣшняго Таганрога колонію, получившую

Н. Мурзакевича Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму. Одесса. 1837.
Formaleoni Storia del commercio etc. nel Mare Nero. Ven. 1788.
Depping Histoire du commerce entre le Levant et l'Europe depuis les croisades. Paris 1830. 2 vols.
Hammer Geschichte des Osmanischen Reichs и Geschichte der Goldenen Horde.
Много важныхъ сочиненій не было у насъ подъ руками, напр. Marini Storia del commercio Veneto, и новѣйшее сочиненіе: Serristori Memoria sulle colonie del Mare Nero nei secoli di mezo. Pisa 1832.

[1] Обыкновенно принимаютъ, что италіянскія республики имѣли на Черномъ-морѣ консуловъ не ранѣе конца XIII вѣка. См. Depping II, стр. 38.

[2] Въ изданіи д'Авезака стр. 772. Въ изданіи г. Языкова французское извлеченіе стр. 216

названіе Порта-Пизанскаго [1]. Генуэзцы были еще дѣятельнѣе въ соперничествѣ съ Венеціянами. Они начали съ ними войну (1256), и чтобы отнять у нихъ ключь ко всей торговлѣ этимъ путемъ, содѣйствовали въ Константинополѣ реакціи, призвавшей на престолъ опять Грековъ. Съ тѣхъ поръ начинается преобладаніе Генуи на Черномъ-морѣ. Заключенными въ 1260 и 1261 г. договорами императоръ Михаилъ Палеологъ дозволилъ Генуэзцамъ плаваніе по Черному-морю, запретивъ оное Венеціянамъ и другимъ народамъ, кромѣ Пизанъ, «вѣрныхъ имперіи». Онъ обязался имѣть навсегда Генуэзцевъ друзьями, а Венеціянъ врагами, освободилъ первыхъ отъ платы всякаго рода пошлины въ предѣлахъ имперіи и предоставилъ имъ нѣсколько земли подъ поселеніе въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ съ правомъ юрисдикціи черезъ ихъ собственныхъ консуловъ [2]. Генуэзцы завели у самой столицы поселенія въ Перѣ и Галатѣ и укрѣпившись въ нихъ, сдѣлались властителями прохода въ Черное-море. Отъ Хана Оранъ-Тимура, которому данъ былъ во владѣніе Крымъ Менгу-Тимуромъ, они получили (1261) позволеніе поселиться на южномъ берегу этого полуострова, гдѣ въ древности была греческая колонія Ѳеодосія, и положили основаніе Кафѣ [3]. Въ 1266-мъ году генуэзскіе купцы достигали Дагестана и плавали съ грузами по Каспійскому-морю [4]. Предпріимчивость и отважность ихъ были чрезвычайны. Ихъ даже не устрашали, къ великому удивленію Грековъ, знаменитыя зимнія бури на Черномъ-морѣ. Такіе успѣхи, какъ и надобно ожидать, возбудили сильную зависть Венеціи. Почти совершенно лишенная торговли на Черномъ-морѣ, она пыталась опять возстановить путь черезъ Египетъ и заключила договоры съ тамошними султанами. Нѣкоторыхъ изъ ея гражданъ занимала даже великая мысль покорить Египетъ, низвергнувъ султановъ. Но Европа осталась равнодушною къ этому плану, а безъ обладанія Египтомъ нельзя было надѣяться на успѣхъ торговли черезъ эту страну. Когда взятіе

[1] Портъ Пизанскій означенъ на мѣстѣ нынѣшняго Таганрога на современныхъ картахъ, см. карты Каталанскую 1375 г. и Оттомана Фредуція 1497 г, помѣщенныя у Лелевеля.

[2] Договоръ 1261 г. (13 марта) вполнѣ напечатанъ въ Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français, Paris 1657 fol. Подлинникъ хранится въ парижскомъ архивѣ.

[3] Hammer Kiptschak стр. 254. Состояніе Таврическаго-полуострова было тогда блистательное. Городъ Крымъ былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ Азіи. Египетскій султанъ Бибарсъ употребилъ много денегъ на устройство въ этомъ городѣ мечетей и каравансараевъ. Торговля съ Хивой обогащала жителей. Училища сдѣлали Крымъ знаменитымъ на Востокѣ. Народонаселеніе полуострова доходило до милліона.

[4] Мурзакевичь стр. 18.

Птолемаиды египетскимъ султаномъ (1291) положило конецъ власти христіянъ въ Сиріи, Венеція принуждена была обратить всѣ усилія на возстановленіе своего вліянія въ Черномъ-морѣ и Константинополѣ. Въ 1294 г. шестьдесятъ галеръ вышли изъ Венеціи и направили плаваніе къ Архипелагу. Онѣ раздѣлились невыгоднымъ образомъ и разошлись съ генуэзскимъ флотомъ. Десять галеръ достались въ руки Генуэзцевъ. Между тѣмъ Генуя вооружала громаднѣйшій флотъ, который долженъ былъ превзойти все до того видѣнное и, прибавимъ, можетъ стать на ряду въ величайшими флотами нашего времени. Сто шестьдесятъ галеръ отправились въ море, и на каждой было, какъ говорятъ, по 220 матросовъ и солдатъ. Венеціянскій флотъ скрылся за укрѣпленіями. Но Генуя была истощена огромнымъ вооруженіемъ и не нашлась въ силахъ содержать свою армаду долѣе одного лѣта. Въ 1296 и 1297 годахъ венеціянскія эскадры разорили Перу и Кафу. Тогда Генуя сдѣлала послѣднее усиліе и снарядила флотъ въ 75 галеръ; у Венеціи было 95. Тѣмъ не менѣе генуэзскій адмиралъ Ламба Доріа аттаковалъ силы Венеціи въ самомъ Адріатическомъ-морѣ и одержалъ близь Далмаціи при Курцолѣ рѣшительную побѣду. Лишь внутреннія несогласія въ генуэзской республикѣ замедлили заключеніе міра, крайне невыгоднаго для Венеціи и позволили ей оправиться. Однакожь въ 1299 году Венеція все таки принуждена была отказаться отъ военнаго господства на Черномъ-морѣ. По миру этого года она обязалась въ теченіе тридцати лѣтъ не посылать въ Черное-море вооруженныхъ галеръ [1]. Паденіе гордой республики было полное; духъ ея гражданъ измѣнился; бѣдность и нищета вкрались въ прежнюю обитель богатства. Къ этому времени относится, какъ извѣстно, измѣненіе въ олигархическомъ смыслѣ венеціянскаго образа правленія. Генуя представляла между тѣмъ совсѣмъ другое зрѣлище. Въ ней происходили политическія измѣненія противоположнаго характера; ея могущество возрастало, торговля распространялась; успѣхъ ея предпріятій показываетъ, что дѣйствія республики находили опору въ большинствѣ ея гражданъ. На Черномъ-морѣ Генуя господствовала. Тана, какъ надобно полагать, въ это время зависѣла отъ Генуи. Въ 1313 г. генуэзское правительство издало правила для торговли на Черномъ-морѣ, въ числѣ которыхъ есть запрещеніе зимовать въ Танѣ и сгружать тамъ товары [2]; какую цѣль имѣла эта мѣра, предостав-

[1] Leo Geschichte von Italien III, 47—52. Daru Histoire de Venise 1 стр. 424—432 Мурзакевичь стр. 20—22. Folietta Hist. Gen. въ Thes. Ital. p. 405. Договоръ 1299 мая 25. Дарю перемѣшиваетъ хронологію.

[2] Мурзакевичь стр. 23. Къ этому же времени относится путешествіе монаха Одерика, отправившагося изъ Европы въ 1317 году. Г. д'Авезакъ, говоритъ, что онъ посѣтилъ Тану на пути изъ Трапезунта въ Индію: см. Recueil, publié par

ляемъ рѣшить болѣе знающимъ интересы тогдашней торговли. Извѣстно также, что Генуя вела борьбу и съ турецкими корсарами, которые гнѣздились особенно въ Синопѣ. Въ 1340 г. одинъ генуэзскій купецъ одержалъ важную побѣду надъ Ялабомъ, эмиромъ синопскимъ, отбилъ захваченные имъ корабли, и честно роздалъ своимъ и Венеціянамъ имущество имъ принадлежавшее [1]. Изъ этого извѣстія мы впрочемъ видимъ, что Венеціяне опять торговали въ это время въ Черномъ-морѣ. Тридцати-лѣтній срокъ тогда давно истекъ, и они уже не были связаны договоромъ 1299 г. Вниманіе ихъ опять преимущественно обратилось на устья Дона. Еще въ 1333 г. они получили отъ хана Узбека позволеніе поселиться въ Танѣ, ознаменованное граматою, сохранившеюся до нашего времени въ латинскомъ переводѣ.

Надобно полагать, что въ это время уже былъ основанъ на устьяхъ Дона татарскій городъ Азакъ, котораго имя встрѣчается на картахъ Ибнъ-Саида 1274 и Абульфеды 1331 г. и на джучидскихъ монетахъ начиная съ 1338 года [2]; хотя въ латинскомъ переводѣ Узбековой граматы, какъ и естественно, онъ носитъ имя Таны. Онъ вѣроятно находился подъ ближайшею властію Котлогъ-бека (Кадлубека польскихъ писателей), обладавшаго Крымомъ въ качествѣ вассала Узбекова. Къ этому-то вассалу своему и главнымъ лицамъ Азака обращается Узбекъ въ граматѣ о заключеніи договора съ венеціянскимъ консуломъ. Онъ даетъ Венеціянамъ позволеніе поселиться въ Танѣ и назначаетъ имъ мѣсто позади гошпитальной церкви. Пошлина съ товаровъ опредѣлена въ 3% съ цѣны. Драгоцѣнные камни, жемчугъ, золото и серебро освобождены отъ пошлины. Товары непроданные могутъ быть вывезены обратно безъ платы пошлины. Спорныя дѣла Венеціянъ съ жителями Азака рѣшаются по соглашенію венеціянскаго консула съ татарскимъ старшиною. Относительно якорнаго права остаются въ силѣ прежніе обычаи [3].

Этотъ договоръ замѣчателенъ, какъ первый, заключенный Татарами съ христіянскимъ государствомъ. Онъ сохранился въ латинскомъ переводѣ, и потому въ немъ не встрѣчается имя Азакъ, замѣненное италіянскимъ именемъ: *Тана*. Тѣмъ не менѣе однакожь очевидно, что дѣло идетъ не о независимой италіянской колоніи, а о татарскомъ городѣ, въ которомъ Венеціяне получаютъ позволеніе поселиться съ обя-

la société de Géographie T. IV. p. 417. Но Форстеръ, обыкновенно точный въ своихъ пересказахъ, говоритъ, что путь Одерика лежалъ изъ Трапезунта черезъ Арменію: Geschichte der Entdeckungen стр. 184.

[1] Мурзакевичъ стр. 26.

[2] Френъ Монеты Улуса Джучіева, перев. Волкова стр. 42 и атласъ Лелевеля.

[3] Подлинную грамату Узбека въ латинскомъ переводѣ издалъ Hammer Geschichte des Osmanichen Reichs II, 665 (1-го изд.); ср. Kiptschak стр. 298. Marini IV. l. II, c. 4.

занностью платить пошлину съ привозимыхъ товаровъ. Кромѣ того очевидно, что прежде Венеціянъ тамъ уже жили другіе Европейцы, ибо упоминается церковь; не можетъ быть сомнѣнія, что это были Генуэзцы. Обычаи относительно якорнаго права, на которыя ссылается договоръ, также свидѣтельствуютъ о существовавшей уже тамъ торговлѣ.

Къ этому-то времени относится сочиненіе Пеголетти, упомянутое выше: Di divisamenti di paesi e di misure, di mercatanzie ed altre cose bisognevoli di sapere a mercatanti di diversi parte del mondo. Пеголетти былъ агентъ одной компаніи флорентинскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Левантомъ, и въ этомъ качествѣ долго жилъ въ разныхъ европейскихъ конторахъ на Востокѣ, и между прочимъ въ Танѣ [1]. Онъ подробно описываетъ торговый путь изъ Таны въ Китай (см. выше стр. 456) и свидѣтельствуетъ, что Венеціяне посылали въ его время ежегодно три флота галеръ республики для торговыхъ цѣлей, одинъ въ Тану, другой въ Сирію, третій во Фландрію Это послѣднее извѣстіе пополняетъ извѣстный авторъ большаго сочиненія о венеціянской торговлѣ, Марини, который нашелъ въ публичныхъ актахъ, что въ XIV вѣкѣ республика ежегодно отправляла семь экспедицій, изъ которыхъ одна (6 — 8 галеръ) имѣла цѣлію Тану и одна Трапезунтъ. Мы знаемъ также, что въ Танѣ Венеція держала въ XIV вѣкѣ своего балія, который называется иногда консуломъ; при немъ были два благородныхъ совѣтника, капелланъ, четыре слуги отъ республики, четыре лошади, драгоманъ и два трубача. Онъ получалъ содержанія 250 зекиновъ въ мѣсяцъ [2]. Обширность европейской торговли въ этихъ странахъ видна между прочимъ изъ того, какія подробныя свѣдѣнія о берегахъ Чернаго и Каспійскаго морей имѣли составители географическихъ картъ XIV столѣтія [3].

Вскорѣ одна частная ссора, въ которой Генуэзецъ убилъ азакскаго Татарина, нанесшаго ему оскорбленіе, положила начало серьозной вражды между Татарами и Итальянцами. Джанибекъ, сынъ и преемникъ Узбека, выгналъ Италіянцевъ изъ Таны. Домы ихъ были разграблены Татарами. Торговля въ Танѣ прекратилась. Общая бѣда соединила тогда Генуя и Венецію. Забывъ на время вражду свою, обѣ республики обѣщали другъ другу взаимную помощь [4] и рѣшились торговать въ Кафѣ, гдѣ долженъ былъ находиться венеціянскій балій на ряду съ

[1] Д'Авезакъ l. l. p. 422.

[2] Деппингъ цитуетъ Марини l. l. IV, p. 87 г. VI, p. 259 и всю 3-ю главу 2 книги V тома.

[3] Карты эти изданы отчасти въ приведенномъ выше сочиненіи Лелевеля, отчасти при сочиненіи Омера-де-Гель: Les Steppes etc. въ атласѣ.

[4] Договоръ между Венеціей и Генуей у Марини, T. VI, l. 1. (цит. Деппинга).

генуэзскимъ консуломъ; но Джанибекъ осадилъ и Кафу. Тогда жители сего послѣдняго города оказали отмѣнное мужество. Они нанесли Татарамъ такое сильное пораженіе, что Джанибекъ принужденъ былъ отправить пословъ въ Геную съ просьбою о мирѣ и обязался вознаградить Кафянъ за всѣ убытки и исправить поврежденныя мѣста въ городѣ [1]. Вѣроятно въ то же время Генуэзцы получили опять доступъ и къ Танѣ. Это было въ 1344 году. Черезъ два года Венеціяне также заключили съ Джанибекомъ договоръ, по которому имъ дано въ Танѣ отдѣльное отъ Генуэзцевъ мѣсто для торговли съ платою пяти процентовъ пошлины съ продаваемыхъ товаровъ. Мѣсто это назначено отъ баней Саффадіи (del bagno de Saffadia) на востокъ, въ длину на 100 шаговъ и въ ширину на 70 шаговъ до берега рѣки. Кромѣ того съ вѣса платить по прежнему, а равно съ повозокъ и кораблей; съ сырыхъ кожъ, покупаемыхъ Венеціянами, большая пошлина пятьдесятъ аспровъ (т. е. византійскихъ динаріевъ) и малая пошлина сорокъ аспровъ за сотню кожъ. Золото и серебро, и золото крученое, остаются по прежнему безъ пошлины; непроданные товары также ничего не платятъ [2].

Къ этому же году (1346) относится распространеніе венеціянской торговли и въ другихъ важнѣйшихъ пунктахъ Леванта. Неожиданно счастливое окончаніе смирнскаго крестоваго похода дало Венеціянамъ возможность заключить выгодный торговый договоръ съ Турками, по которому всѣ порты Малой Азіи, Сиріи и Египта были открыты кораблямъ республики. Папа позволилъ производить здѣсь торговлю въ продолженіе пяти лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодно посылалось не болѣе десяти кораблей [3].

Надобно полагать, что этотъ успѣхъ возбудилъ зависть Генуи. Чтобы отмстить Венеціи за такое расширеніе торговли въ Левантѣ, она возымѣла намѣреніе выгнать Венеціянъ покрайней мѣрѣ съ Чернаго моря. Слѣдующій случай сдѣлался поводомъ къ исполненію этого враждебнаго намѣренія. Джанибекъ, считая себя униженнымъ Италіянцами, жаждалъ мщенія. Въ 1349 г. онъ напалъ въ Танѣ на Генуэзцевъ, Венеціянъ и Пизанъ, а у послѣднихъ отнялъ еще портъ, принадлежавшій имъ на Азовскомъ-морѣ близь Таганрога. Кафяне немедленно объявили ему войну, обложили Тану и принудили Татаръ согласиться на сепаратный миръ съ Генуей. Этому-то миру было суждено сдѣлаться столь обильнымъ послѣдствіями для исторіи италіянской торговли

[1] Hammer Kiptschak 307, Мурзакевичъ l. l. 27. Depping II, 100.

[2] Договоръ этотъ (15-го февраля 1346) напечатанъ вполнѣ у Гаммера стр. 517. Италіянскіе писатели относятъ его къ 1347 году; тоже и Деппингъ II, стр. 101.

[3] Daru I, 533 Черноморская торговля занесла въ Европу ту страшную чуму, которая свирѣпствовала въ 1347 и 1348 годахъ и описана Боккачіемъ.

на Черномъ-морѣ. Однимъ изъ условій его было, чтобы никто кромѣ Генуэзцевъ не жилъ въ Танѣ, и если какіе либо индѣйскіе товары будутъ привезены въ Тану на имя какого нибудь иностраннаго купца, то они должны сгружаться въ Кафѣ [1]. Генуэзцы очевидно стремились на Черномъ-морѣ къ исключительному торговому господству. Вскорѣ имъ удалось заключить съ византійскимъ императоромъ Іоанномъ Кантакузеномъ договоръ (1352), которымъ запрещалось греческимъ кораблямъ входить въ Азовское-море и въ портъ Таны безъ сопровожденія генуэзскихъ судовъ. Венеція не могла смотрѣть равнодушно на такія притязанія. Она видѣла, что дѣло идетъ о совершенномъ уничтоженіи ея могущества. Во время заключенія договора съ Іоанномъ Кантакузеномъ, она находилась уже въ войнѣ съ Генуей. Борьба была на жизнь или смерть. Ненависть двухъ республикъ дошла до того, что онѣ не могли существовать рядомъ. Извѣстно, съ какими усиліями была ведена эта война съ обѣихъ сторонъ, и какихъ пожертвованій она стоила и Генуѣ и Венеціи. Первая даже рѣшилась подчиниться миланскому архіепископу Іоанну Висконти, лишь бы одолѣть свою морскую соперницу. Венеція не выдержала столь упорной борьбы и въ концѣ войны, начавшейся для нея счастливо, потеряла свои флоты. Миръ былъ заключенъ въ 1355 году, знаменитомъ въ венеціянской исторіи по казни восьмидесятилѣтняго дожа Марино Фальери, который составилъ-было заговоръ для низверженія олигархіи и истребленія членовъ большаго совѣта (патриціевъ). По миру этого несчастнаго года Венеція отказалась на три года отъ плаванія въ Тану и другія гавани Чернаго-моря за исключеніемъ Кафы, гдѣ Генуэзцы позволили Венеціянамъ учредить контору [2].

И такъ Генуэзцы наконецъ успѣли лишить Венецію всякаго значенія на Черномъ морѣ и захватить въ свои руки великую черноморскую торговлю. Ихъ бѣлое знамя съ краснымъ крестомъ сдѣлалось господствующимъ на Эвксинскомъ Понтѣ и уже не опасалось венеціанскаго униженнаго льва. Когда трехлѣтній срокъ истекъ, Венеціяне опять явились на устьяхъ Дона; но едва ли уже могли надѣяться на успѣшное соперничество съ генуэзскою Кафой. Ханъ Бирдибекъ, сынъ и убійца Джанибека, далъ имъ позволеніе 1358 [3] поселиться въ Танѣ на старыхъ мѣстахъ по берегу рѣки на востокъ отъ баней Саффадіи и торговать съ платою пяти процентовъ

[1] Мурзакевичъ стр. 30.

[2] Daru I, 537 — 573. Мурзакевичъ стр. 32. Leo l. l. p. 83 говоритъ, что Генуя также отказались на три года отъ торговли въ Танѣ.

[3] Hammer Geschichte der goldenen Horde стр. 255 и 315. Самый договоръ стр. 519.

и другихъ обычныхъ пошлинъ на основаніи договора съ Джанибекомъ. Азакомъ управлялъ тогда Тоглубекъ, ханскій бей, котораго Италіянцы звали Телобеемъ (въ русскихъ лѣтописяхъ Тевлубей). Бирдибекъ, въ граматѣ, обращаетъ свои слова къ властителямъ Монголовъ и Умановъ и къ ста десяти баронамъ царства (такъ сказано въ уцѣлѣвшемъ италіянскомъ переводѣ граматы).

При Узбекѣ и Джанибекѣ Золотая Кипчакская Орда находилась на верху своей силы; вслѣдъ за Джанибекомъ начинается паденіе. Внутренніе раздоры облегчили завоеваніе Кипчака Тохтамышемъ, который совершилъ это дѣло отъ имени Тамерлана, уже покорившаго Азію. Генуэзцы и Венеціяне не преминули вступить въ сношенія съ новымъ властителемъ. Въ 1380 г. былъ заключенъ между Венеціей и намѣстникомъ Тохтамыша Рамазаномъ въ Сольгатѣ (Эски-Крымѣ) договоръ, по которому венеціянскіе товары были обязаны платить три процента [1]. Генуэзцы тоже заключили въ 1387 г. договоръ съ Котлогбугою, тогдашнимъ бекомъ сольгатскимъ, уполномоченнымъ Тохтамыша [2]. Эти договоры вѣроятно относятся къ крымскимъ портамъ; но мы знаемъ, что и въ Танѣ торговля продолжалась. Въ 1387 г. митрополитъ Пименъ на пути въ Константинополь нашелъ на Дону отъ Серкліи (Саркела) до Азова три татарскіе улуса, а въ Азовѣ жили «Фрязове и Нѣмцы» [3]. т. е. Италіянцы и другіе Европейцы.

Между тѣмъ Тохтамышъ началъ вражду съ Тамерланомъ. Это сдѣлалось поводомъ къ походамъ послѣдняго на Кипчакъ. Ихъ было собственно два, если не считать кратковременнаго похода (1387) отъ Кура до Дербента: одинъ (1389 — 1392) отъ Аму черезъ Тоболь, Яикъ до Волги, и другой (1395) отъ Кура черезъ Терекъ къ Волгѣ, оттуда къ Днѣпру и отъ Днѣпра къ Дону и на Азовъ. Послѣдній рѣшилъ участь Таны.

Лѣтописецъ Андрей де Редузіисъ де Кверо сообщаетъ намъ, что во время Тамерланова нашествія въ Танѣ были купцы венеціянскіе, генуэзскіе, каталонскіе, бискайскіе и другихъ націй [4]. Каждая нація послала отъ себя къ Тамерлану по одному оратору, причемъ представителемъ италіянской націи былъ Петръ Міани изъ Венеціи. Но посольство не помогло. Коварно обнадеживъ жителей Таны, Татары потомъ внезапно ворвались въ городъ и совершенно разорили его. Тамерланъ велѣлъ мусульманскихъ жителей Азака отпустить свободными, а городъ сжечь.

[1] Hammer Kiptschak 337, гдѣ цитуется Marin Storia civile e politica del commercio Veneto VI, p. 73 и 74.

[2] Hammer Kiptschak 337.

[3] Никоновск. лѣт. IV. стр. 162. Кар. V. пр. 133.

[4] Chronicon Tarvisinum ap. Muratori XIX p. 802. Кар. V. пр. 158.

Повѣствуя объ этомъ событіи, Андрей де Кверо сообщилъ намъ одно извѣстіе, на которомъ мы должны остановиться, потому что оно важно для опредѣленія мѣста, гдѣ лежала Тана. Онъ говоритъ, что танское посольство, отправляясь на встрѣчу Тамерлана, должно было переправляться черезъ Донъ; по этому, чтобы опредѣлить мѣсто Таны, надобно только знать, откуда шелъ Тамерланъ. На основаніи словъ нашего лѣтописца, что Тамерланъ пришелъ къ Танѣ по покореніи Турціи, debellata Turchia, можно было бы полагать, что походъ противъ Таны послѣдовалъ непосредственно за походомъ противъ Баязета (1400) или по крайней мѣрѣ за походомъ противъ Персіи и Грузіи (1392 — 94). Въ такомъ случаѣ Тамерланъ шелъ бы съ юга. Но восточные источники, повѣствующіе о походахъ Тамерлана подробнѣе, показываютъ, что онъ напалъ на Тану послѣ опустошенія сѣвернаго Кипчака и шелъ къ ней по направленію отъ Днѣпра. Путь его слѣдовательно лежалъ съ запада къ правому берегу Дона, и если танскіе посланники, чтобы прибыть къ нему на этотъ берегъ, должны были переправляться черезъ рѣку, то очевидно Тана лежала на противоположномъ, т. е. на лѣвомъ берегу Дона или по крайней мѣрѣ одного изъ его рукавовъ. Разоривъ Тану, онъ двинулся далѣе на югъ противъ Черкесовъ.

Тана была разорена Тамерланомъ въ 1395 году. Но въ то время выгоды торговли въ этихъ мѣстахъ были такъ велики, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ нашествія Тамерланова Венеціяне опять являются въ Танѣ. Въ 1421-мъ году одинъ французскій путешественникъ де-Ланноа нашелъ въ Кафѣ четыре венеціянскія галеры, прибывшія изъ Таны [1]. Татарское населеніе въ Азакѣ также продолжало существовать: это слѣдуетъ изъ извѣстія, что Тамерланъ отпустилъ свободными тамошнихъ мусульманъ, и подтверждается золото-ордынскими монетами Азака изъ времени Шадибека (1401 — 1407) [2]. Но Золотая Орда была уже гораздо слабѣе прежняго, и венеціянскіе купцы должны были воспользоваться этимъ. Сейчасъ мы увидимъ, что они пріобрѣли въ это время самостоятельность, которой прежде ни они, ни Генуэзцы не имѣли въ Танѣ.

Въ тридцатыхъ годахъ XV столѣтія Азакъ упоминается по поводу борьбы Кучукъ-Магомета (т. е. малаго) съ Улу-Магометомъ (т. е. ве-

[1] См. извлеченіе изъ Ланноа въ Запискахъ Одесскаго Общ. Ист. Т. III, стр. 443. и прим. г. Бруна стр. 461 — 465.

[2] Френъ, Монеты хановъ улуса Джучіева. Спб. 1832 стр. 42. Шильтбергеръ, бывшій на Волгѣ тотчасъ послѣ Тамерланова нашествія, упоминаетъ объ Азакѣ на Дону (Tena), но прибавляетъ, что христіяне зовутъ его Alechena (?); по словамъ его оттуда идетъ рыба и воскъ въ Венецію и Геную. Кар. V. пр. 215.

ликимъ). Кучукъ Магометъ, вмѣстѣ съ Неврузумъ, сыномъ Эдигеевымъ, двинулся къ Дону. Объ этомъ нашествіи мы имѣемъ современный расказъ Венеціянца Іосафата Барбаро, который жилъ въ Танѣ 16 лѣтъ, съ 1436 года, и оставилъ описаніе своего путешествія [1]. Кучукъ-Магомету, расказываетъ онъ, предшествовали въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ его всадники. Они появлялись сначала по одиночкѣ или по не многу человѣкъ; ихъ призывали къ венеціянскому консулу и принимали дружелюбно. Число прибывавшихъ всадниковъ возрастало по мѣрѣ приближенія Кучукъ-Магомета, такъ что иногда въ одинъ день прибывало ихъ до ста человѣкъ. Самъ ханъ остановился лагеремъ на выстрѣлъ лука отъ Таны, въ одной старой мечети. Венеціянскій консулъ тотчасъ послалъ ему, его матери и его полководцу Неврузу по девяти даровъ, т. е. хлѣбъ, вино, медъ, пиво и другіе предметы числомъ до девяти, по татарскому обычаю. Съ этими дарами прибылъ къ Кучукъ-Магомету по назначенію консула Іосафатъ Барбаро, и былъ имъ принятъ дружественно. Барбаро описываетъ образъ кочевья Татаръ, ихъ многолюдность, богатство скотомъ, и разные обычаи. Въ его расказѣ видно удивленіе, которое произвели въ Италіянцѣ эти кочевники. Когда Кучукъ-Магометъ откочевалъ отъ Таны, за нимъ потянулся его народъ съ своими стадами. Это продолжалось до шести дней и въ теченіе этого времени все пространство степи, какое только можно было окинуть глазомъ, было усѣяно людьми и животными, безпрестанно двигавшимися взадъ и впередъ. «Мы цѣлый день стояли на городскихъ стѣнахъ, потому что ворота были заперты, говоритъ Барбаро: смотрѣли до усталости и бывали къ вечеру совсѣмъ утомлены». Сорокъ миль выше Таны на Дону, въ мѣстѣ, именуемомъ Бозагацъ, у Барбаро была тоня и заводъ, гдѣ въ теченіе зимы было насолено множество рыбы и икры. Татарскіе отряды, проходя мимо, забрали всю рыбу, какъ соленую, такъ и свѣжую, и даже такую, какую Италіянцы не ѣли, и пожрали ее всю, не исключая и самыхъ головъ, а также истребили соль, которой было заготовлено большое количество, разломали суда и даже разрушили три соляныя мельницы, дабы вынуть изъ нихъ желѣзо. Другой Италіянецъ употребилъ хитрость, чтобъ спасти свой товаръ. Онъ велѣлъ зарыть въ землю 30 бочекъ икры и потомъ сжечь на этомъ мѣстѣ по болѣе дровъ, дабы скрыть яму. Но Татары отыскали и эти бочки и похитили все, что въ нихъ находилось.

[1] Это Путешествіе въ Тану помѣщено въ I томѣ Библіотеки иностранныхъ писателей о Россіи въ переводѣ г. Семенова и подлинникѣ.

Черезъ два дня по отбытіи хана Барбаро былъ извѣщенъ, что за стѣною ожидаетъ его какой-то Татаринъ и желаетъ говорить съ нимъ. Оказалось, что одинъ родственникъ хана, по имени Эдельмугъ, почему-то крайне возжелалъ сдѣлаться кунакомъ Барбаро. Консулъ позволилъ пропустить его въ городъ, ворота котораго оставались еще запертыми, и Барбаро въ продолженіе двухъ дней угощалъ его какъ можно лучше, — болѣе всего виномъ, которое пришлось очень по вкусу Татарину. По приглашенію этого кунака своего Барбаро совершилъ поѣздку, замѣчательную для насъ тѣмъ, что подробности расказа о ней могутъ служить къ рѣшенію вопроса о географическомъ положеніи Таны. Барбаро отправился съ Эдельмугомъ въ орду.

Выше мы привели извѣстіе Андрея де Кверо касательно перехода черезъ Донъ пословъ, шедшихъ изъ Таны къ Тамерлану, на правый берегъ Дона, гдѣ Тамерланъ долженъ былъ находиться судя по направленію его пути. Изъ этого извѣстія мы вывели заключеніе, что итальянская Тана должна была лежать на лѣвомъ берегу одного изъ рукавовъ Дона. Барбаро прямо не говоритъ, гдѣ лежала Тана, но косвенно болѣе всѣхъ утверждаетъ въ томъ мнѣніи, что Тана находилась на мѣстѣ нынѣшняго Азова (на нашемъ планѣ 10). Онъ описываетъ свой путь изъ Таны въ орду слѣдующимъ образомъ. Изъ города они спустились къ рѣкѣ, которая тогда была покрыта льдомъ. Это было въ три часа по полудни. Татарину было трудно ѣхать по льду на его некованой лошади, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ былъ пьянъ. Онъ безпрестанно падалъ и потому на переѣздъ они употребили не менѣе 20 минутъ. Переѣхавъ рѣку, они направились къ другому рукаву, черезъ который переправились также съ большимъ трудомъ и усиліями. Прибывъ на противуположный берегъ, они пристали къ толпѣ Татаръ, которая расположилась въ томъ мѣстѣ, и провели съ ними ночь. Дѣло это было зимою, когда дни не велики: отъ 3 часовъ до ночи они едва имѣли два часа и изъ этого времени потеряли не мало, по милости пьянаго Татарина и его некованаго коня. Очевидно, что разстояніе между Дономъ и этимъ рукавомъ было весьма незначительное. На слѣдующее утро они пустились далѣе, и перебравшись еще черезъ одинъ рукавъ рѣки, выѣхали на равнину, по которой тянулись Татары, и которая была усѣяна ими какъ муравьями. Послѣ двухдневной ѣзды верхомъ, они приблизились къ тому мѣсту, гдѣ находился самъ ханъ. Барбаро не говоритъ, сколько времени они ѣхали отъ мѣста ночевки до втораго рукава: изъ словъ его видно только то, что они ѣхали менѣе дня.

Таково повѣствованіе Барбаро. Знающіе мѣстность донскихъ устій согласятся, что оно будетъ совершенно согласно съ нею, если Тана

находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Азовъ, или немного ближе къ морю. Первая переправа была, какъ говоритъ Барбаро, не черезъ рукавъ, а черезъ рѣку, которую онъ называетъ il fiume Tanais. Это будетъ лѣвый рукавъ, текущій подъ Азовомъ и удержавшій за собою имя Дона. Переѣхавъ черезъ него у Азова, и ѣдучи на сѣверъ, Барбаро долженъ былъ черезъ какіе нибудь полчаса времени прибыть къ Каланчѣ; это — второй рукавъ, имъ упоминаемый. На другой день онъ ѣхалъ по дельтѣ, такъ что ерикъ Лагуткинъ (на нашемъ планѣ 7) остался у него влѣвѣ, и въ тотъ же день перебрался черезъ второй рукавъ—Мертвый-Донецъ. Послѣ того онъ ѣхалъ уже равниною праваго берега. Переправу черезъ Каланчу надобно полагать нѣсколько ниже Елисаветовской-станицы (9), переправу черезъ Мертвый-Донецъ — между Гниловскою-станицей (2) и Мокрымъ-Чалтыремъ (4). Такимъ образомъ мѣстность вполнѣ соотвѣтствуетъ расказу Барбаро, если принять, что Тана находилась на мѣстѣ Азова, съ чѣмъ согласно показаніе Андрея Кверо.

О торговлѣ нашъ Барбаро говоритъ менѣе, чѣмъ сколько можно было бы отъ него ожидать. Онъ самъ и многіе другіе Италіянцы занимались рыбнымъ промысломъ. Скотомъ торговали съ ордою. Тамъ можно было купить сколько угодно лошадей и быковъ. Интересно извѣстіе, что танскіе купцы гоняли татарскихъ быковъ черезъ Польшу, Трансильванію и Германію въ Италію, гдѣ ими снабжались италіянскія бойни. Охота приносила большія выгоды, по чрезвычайному множеству дичи, особенно драхвы и куропатокъ [1]. О хлѣбной торговлѣ съ Татарами Барбаро не упоминаетъ, хотя говоритъ, что хлѣбъ родится въ степяхъ необыкновенно обильно, пшеница не рѣдко самъ-пятьдесятъ, а просо самъ-сто. Но Татары мало сѣяли хлѣба. Въ Танѣ была площадь съ лавками, изъ числа которыхъ упоминается лавка продавца стрѣлъ. По одному поводу говорится о татарскомъ купцѣ, привезшемъ въ Тану semenzina, чтò г. Семеновъ переводитъ: цитварное сѣмя. Эдельмугъ подарилъ Барбаро восемь русскихъ плѣнниковъ, часть добычи, пріобрѣтенной имъ въ Россіи. Мы также узнаемъ, что въ Танѣ жилъ ханскій повѣренный, commerchiere, для сбора пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ въ Тану.

Изъ расказа Барбаро видно, что у Венеціянъ былъ въ Танѣ отдѣльный городъ со стѣнами, башнями и площадью; ворота запирались

[1] Во время Барбаро жилъ въ Танѣ одинъ францисканскій монахъ, по имени Теринъ. Онъ ловилъ птицъ сѣтями и продажею ихъ выручилъ такъ много денегъ, что могъ купить черкесскаго мальчика, котораго назвалъ Pernice, т. е. куропатка, и сдѣлалъ монахомъ. Барбаро гл. 4

и отпирались по распоряженію венеціянскаго консула [1]. Объ окрестностяхъ Таны Барбаро говоритъ такъ: «Тана окружена холмами насыпной земли и многими рвами, на пространствѣ десяти миль вокругъ, гдѣ находится мѣсто и древней Таны. По этому около нея на помянутыхъ холмахъ и рвахъ не посѣщаемыхъ людьми водится очень много дичи [2].» Въ этихъ насыпныхъ холмахъ и рвахъ, monticelli di terreno e fosse, нельзя не узнать кургановъ и городищъ съ ихъ рвами. Отъ Азова до недвиговскаго городища по прямой линіи дѣйствительно около 10 италіянскихъ миль (14 верстъ).

Барбаро подробно расказываетъ объ одномъ предпріятіи, которое имѣло цѣлію раскопку кургана, называвшагося Контеббе и находившагося въ 60 миляхъ отъ Таны на берегу Дона. Барбаро самъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ: танскіе купцы надѣялись выкопать золото, положенное, какъ говорили, однимъ аланскимъ царемъ. Этотъ расказъ такъ интересенъ, что мы приводимъ его вполнѣ:

«Въ бытность мессера Пьетро Ландо консуломъ въ Танѣ, прибылъ туда изъ Каира нѣкій человѣкъ, по имени Гульбединъ, и сказывалъ, что будучи еще въ Каирѣ, слышалъ онъ отъ одной татарской женщины о большомъ сокровищѣ, зарытомъ Аланами въ курганѣ, именуемомъ Контеббе, и даже получилъ отъ нея наставленіе, какимъ образомъ отыскать этотъ курганъ. По прибытіи своемъ въ Тану, Гульбединъ принялся разрывать курганъ и, бросаясь съ одного мѣста на другое, продолжалъ безуспѣшно эту работу года два до кончины своей, изъ чего заключили, что у него недостало умѣнья для отысканія означеннаго клада.

«Въ 1437 году, въ бытность мою въ Танѣ, семеро насъ купцевъ собрались наканунѣ дня св. Екатерины въ домѣ венеціянскаго гражданина Бартоломео Россо, а именно: Франческо Корнаро, братъ Якова Корнаро (состоящаго при банкѣ), Катеринъ Контарини, торговавшій въ послѣдствіи въ Константинополѣ, Джіовани Барбариго, сынъ Андрея Кандійскаго, Джіовани да Валле, умершій послѣ хозяиномъ фусты [3] въ Гардскомъ озерѣ (прежде же сего въ 1428-мъ году ѣздилъ онъ съ нѣкоторыми Ве-

[1] Вотъ мѣста: с. 3. noi stavamo su le mura, conciosia che tenevamo serrate le porte. c. 5. domandai licenza al Consolo et ottenuta che l'ebbi, andai alla porta et tolsilo (Эдельмуга) dentro con tre de' suoi: imperoche ancora si tenevano chiuse le porte. c. 7. alla Tana, supra la porta della quale era un torre assai bella. c. 9. Stando io un giorno in piazza. У танскаго консула былъ оффиціяльный спутникъ, называвшійся bastoniere, т. е. тростеносецъ с. 2.

[2] Onde (per esser la Tana fra monticelli di terreno et fosse assai, per spatio di dieci miglia intorno, dove gia fu la Tana antica) maggior numero del consueto (т. е. птицъ) si venne ascondere fra detti monticelli et valli non frequentati. — Въ тщательномъ переводѣ г. Семенова здѣсь недосмотръ: у него выходитъ, что «Тана окружена рвомъ, имѣющимъ до 10 миль въ окружности». Это чистая невозможность, и Барбаро вовсе этого не говоритъ.

[3] Фуста — малое судно. *Прим. г. Семен.*

неціанами въ городъ Дербентъ, на Каспійскомъ-морѣ, гдѣ построилъ фусту съ согласія тамошняго государя, и грабилъ съ нею суда, идущія изъ Стравы [1], — дѣло удивительное, но я не стану о немъ теперь говорить), Моисей Бонъ, сынъ Александра изъ Джюдекки, Бартоломео Россо и я. И такъ, собравшись, какъ я уже выше сказалъ, въ домѣ Бартоломео Россо въ Танѣ въ ночь св. Екатерины и разсуждая о помянутомъ кладѣ (трое изъ насъ уже прежде были въ тѣхъ мѣстахъ), мы положили раскопать эту гору и заключили между собою письменное условіе (коего подлинникъ написанъ былъ рукою Катерина Контарини, а копія и доселѣ еще хранится у меня). Для приведенія въ дѣйствіе предпріятія нашего, мы наняли 120 рабочихъ людей, изъ которыхъ каждый получилъ жалованья по три дуката и болѣе въ мѣсяцъ. Чрезъ восемь дней спустя послѣ сего, всѣ мы семеро, съ 120 нашими спутниками, запасшись одеждою, жизненными припасами и орудіями, которыя положили на сани (zenà), употребляющіяся въ Россіи, отправились изъ Таны по льду по рѣкѣ и на другой день прибыли къ мѣсту нашего назначенія, находящемуся на берегу рѣки, приблизительно въ 60 миляхъ отъ Таны. Этотъ курганъ, имѣетъ около 50 шаговъ въ вышину, и вершина его образуетъ площадку, посреди которой находится другой небольшой холмъ съ кругловатою маковкою, въ видѣ баретта, такъ что около подошвы послѣдняго идетъ кольцеобразно дорожка, по которой могутъ идти рядомъ два человѣка. Этотъ второй холмъ имѣлъ въ вышину 12 шаговъ; основаніе его было кругло и какъ будто сдѣлано по циркулю, а поперечникъ составлялъ 8 шаговъ.

«Поиски свои начали мы съ подошвы большаго кургана, служащаго основаніемъ меньшему, надѣясь такимъ образомъ прорыть просторный ходъ до самой вершины сего послѣдняго и вдоль всей горы. Сначала представилась намъ земля столь твердая и оледенѣлая, что нельзя было разбить ее ни заступами, ни топорами; но потомъ, углубившись, достигли мы мягкаго слоя — и этотъ день работали довольно успѣшно; прибывъ же на слѣдующее утро, нашли, что земля снова замерзла и сдѣлалась еще тверже прежняго, отъ чего и принуждены были, отложивъ предпріятіе свое до времени, возвратиться назадъ въ Тану.

«Въ исходѣ марта мѣсяца опять отправились мы къ кургану на баркахъ и судахъ, съ 150 работниками, и принявшись немедленно за дѣло, въ теченіе 22 дней прорыли разрѣзъ въ 60 шаговъ длины, 8 ширины и 10 вышины. Теперь приступаю я къ описанію чудесъ, почти невѣроятныхъ. Найдя всѣ признаки, о которыхъ намъ говорили, и убѣдившись изъ сего еще болѣе въ истинѣ слышаннаго нами, мы, въ полной надеждѣ отыскать обѣщанное сокровище, удвоили старанія свои, такъ что сами хозяева трудились усерднѣе рабочихъ и таскали собственными руками носилки, которыя я мастеръ былъ дѣлать. Вотъ чѣмъ были мы удивлены. Сначала нашли мы слой чернозема, происходящій вѣроятно отъ растущей по кургану травы; потомъ слой угля, дѣло возможное, ибо ивоваго лѣсу по близости находилось великое множество; потомъ слой золы, въ четверть толщиною: это можно приписать сожженію камы-

[1] Страва — Астерабадъ. *Прим. г. Семен.*

ша, неподалеку отъ кургана растущаго; далѣе слой просяной шелухи также на цѣлую четверть, что пожалуй объяснятъ большимъ употребленіемъ въ сей странѣ просянаго хлѣба, коего шелуху кидали на курганъ (любопытствую впрочемъ знать, сколько употреблено было проса для наполненія одною шелухою пространства во всю поверхность холма и въ цѣлую четверть толщиною); и наконецъ слой рыбьей чешуи, также въ четверть. Такъ какъ и въ объясненіе этого можетъ быть скажутъ, что въ этой рѣкѣ водилось всегда множество рыбы, и что чешую ея выбрасывали на это мѣсто, то я предоставляю самимъ читателямъ моимъ рѣшить, сколько это возможно или правдоподобно, и только говорю какъ было. Я полагаю, что тотъ, кто велѣлъ воздвигнуть этотъ памятникъ, называвшійся Индіабу, и наполнилъ его, вѣроятно по тогдашнему обычаю, всѣми упомянутыми вещами, конечно заблаговременно подумалъ о томъ, чтобы запасти различные слои, изъ которыхъ онъ составленъ.

«Прорывъ вышеупомянутый разрѣзъ и не находя обѣщаннаго сокровища, мы рѣшились сдѣлать во внутренности кургана[1] два прохода въ 4 шага ширины и вышины, и проводя ихъ, дорылись до слоя бѣлаго и столь твердаго, что легко могли вырубить въ немъ ступени, по которымъ удобнѣе бы было таскать носилки. Углубившись на 5 шаговъ внизъ, нашли мы наконецъ нѣсколько каменныхъ сосудовъ, изъ коихъ иные наполнены были пепломъ, угольемъ и рыбьими костями, а другіе совершенно пусты, а также 5 или 6 четокъ, величиною съ померанецъ, изъ жженой глянцовитой глины, весьма похожихъ на тѣ, которыя приготовляются въ Мархіи для неводовъ. Сверхъ сего нашли мы еще въ курганѣ половинку ручки маленькаго серебрянаго сосуда, оканчивающуюся головою змѣи. Съ наступленіемъ страстной недѣли подулъ такой сильный восточный вѣтеръ, что въ порывахъ своихъ подымалъ земляныя глыбы, дернъ и каменья, и кидая ихъ въ лице рабочихъ, многихъ переранилъ до крови. Это заставило насъ въ понедѣльникъ Пасхи отказаться отъ предпріятія нашего и отправиться въ обратный путь. Мѣсто, надъ которымъ мы трудились, прежде извѣстно было подъ именемъ Гульбединовыхъ ямъ; послѣ же насъ сдѣланныя нами углубленія получили названіе Франкскихъ ямъ, которое и доселѣ имъ сохранилось; ибо въ теченіе нѣсколькихъ дней мы совершили трудъ, на который по первому взгляду потребно не менѣе тысячи человѣкъ. Болѣе о помянутомъ сокровищѣ, если оно когда либо тутъ находилось, мы ничего не слыхали; но, по расказамъ, кладъ сей былъ тутъ зарытъ аланскимъ государемъ Индіабу, который, услышавъ о приближеніи татарскаго императора, повелѣлъ приготовить себѣ по обычаю надгробный памятникъ и, закопавъ въ немъ тайно сокровища свои, набросалъ на нихъ всѣ вышеописанныя мною вещи въ видѣ кургана.»

О сосѣднихъ народахъ Барбаро сообщаетъ слѣдующее. На восточномъ берегу Азовскаго-моря внутри страны въ разстояніи трехъ дней пути отъ Таны есть земля, называемая Кремухъ, управляемая государемъ Бибердеемъ, сыномъ Кертибея (первое имя значитъ — Богомъ

[1] Изъ всего расказа видно, что это были мины; онѣ начинались на 10 шагахъ глубины и шли внизъ, имѣя 4 шага въ вышину и столько же въ ширину.

данный, второе — истинный властитель). Во владѣніяхъ его много лѣсу и рѣкъ; жители занимаются грабежемъ каравановъ, имѣютъ прекрасныхъ лошадей и лицемъ весьма сходны съ Италіянцами; они могутъ выставить до 2,000 всадниковъ [1]. За ними обитаютъ разные народы въ недальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго: Кипники, Татакозіи, Собаи, Кевертеи (Кабарда) и Асъ или Аланы (гл. 10). Послѣднимъ Барбаро даетъ большое значеніе въ томъ мѣстѣ (гл. 1), гдѣ, показывая границы Татарской равнины, называетъ на югѣ ея вдоль Чернаго и Азовскаго морйе только три страны: Аланію, Куманію и Хазарію. Аланія, говоритъ онъ, заимствовала свое имя отъ Алановъ, которые сами зовутъ себя Асъ. Они христіяне и были изгнаны или истреблены Татарами. Страна ихъ идетъ по горамъ, берегамъ и равнинамъ. Въ ней много искусственныхъ земляныхъ насыпей, безъ сомнѣнія могильныхъ памятниковъ. На вершинѣ каждой таковой насыпи есть большой просверленный насквозь камень, въ отверстіе котораго вставляютъ крестъ, также каменный, изъ одного куска (гл. 1). Въ томъ мѣстѣ, которое вполнѣ перепечатано выше, говорится о курганѣ, устроенномъ аланскимъ царемъ Индіабу во время нашествія одного татарскаго хана. Этотъ курганъ находился въ 60 миляхъ отъ Таны на востокъ и показываетъ распространеніе Алановъ на сѣверо-востокъ. Западныя границы Аланіи, какъ ее представлялъ себѣ Барбаро, доходили до устья Днѣстра, гдѣ былъ городъ Монкастро. На Таврическомъ-полуостровѣ въ сѣверной его части Барбаро помѣщаетъ Куманію, а въ углу полуострова, гдѣ въ его время находилась Кафа, прежде была Хазарія. За Кафою лежитъ Готѳія, а за нею Аланія. Между тою и другою живутъ Готѳаланы, происшедшіе изъ смѣшенія Готѳовъ съ Аланами. Всѣ они, какъ равно и Черкесы, исповѣдуютъ греческую вѣру.

О тогдашнихъ Черкесахъ интересныя свѣдѣнія находятся въ особомъ небольшомъ сочиненіи Генуэзца Интеріано, писанномъ въ 1502 г. [2]. Они сами себя зовутъ Адига; обитаютъ отъ Дона до Фазиса и Абхазіи; имѣютъ главнымъ мѣстомъ Кромукъ, — очевидно

[1] Это очевидно Черкесы. Еще въ началѣ 18 столѣтія они жили гораздо далѣе на сѣверъ, нежели нынѣ. Извѣстный путешественникъ Ламотрэ отличаетъ отъ горныхъ Черкесовъ, Черкесовъ равнины. У послѣднихъ былъ городъ Calbata, лежавшій на пути отъ Астрахани къ восточному берегу Азовскаго-моря. На всемъ этомъ пути попадалось у жителей много рѣзныхъ камней и древнихъ монетъ. См. La Motraye Voyages etc. A la Haye, 1727. 2. voll.

[2] Della vita de Zychi, chiamati Circassi. Изд. у Рамузія въ 2 томѣ, въ Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи Т. 1 стр. 122 — 128, и въ Путешествіи на Кавказъ Клапрота гл. 27.

тождественный съ Кремухомъ Іосафата Барбаро. Въ нравахъ ихъ было тогда чрезвычайно много удержавшагося доселѣ, но сохранялось и нѣчто античное; шлемы ихъ, говоритъ Интеріано, точно такіе, какъ на антикаліяхъ. Жили они безъ городовъ и укрѣпленій; но въ ихъ странѣ были башни и стѣны, построенныя прежними жителями. Надъ гробницами они также насыпали курганы, и хоронили въ гробахъ особеннаго устройства: брали самое толстое бревно и отпиливали сколько нужно по росту покойника, потомъ бревно раскалывали на двое и выдолбляли столько мѣста внутри бревна, сколько нужно, чтобы уложить трупъ и нѣсколько вещей. Италіянцы и Греки звали этотъ народъ Зихами, и Цихами,—имя встрѣчающееся еще въ древности на этихъ самыхъ мѣстахъ [1]. Пахимеръ упоминаетъ ихъ вмѣстѣ съ Аланами, Готѳами и Русскими въ числѣ народовъ, покоренныхъ Монголами [2].

«На востокъ отъ рѣки Танаиса (Дона), продолжаетъ Барбаро, течетъ рѣка Эрдиль (Волга), на которой стоитъ городъ Читраканъ. Теперь онъ почти совершенно разоренъ, но прежде славился обширностью и богатствомъ. До разрушенія его Тамерланомъ, пряности и шелкъ, идущіе нынѣ черезъ Сирію, доставлялись въ Тану черезъ Читраканъ, а оттуда въ Европу. Одна Венеція посылала въ Тану шесть или семь большихъ галеръ, ибо ни Венеціяне ни какая либо другая заморская нація не производили тогда торга съ Сиріей (гл. 12)».

Это важное извѣстіе Барбаро даетъ поводъ дополнить начатыя выше замѣтки объ исторіи всемірной торговли. Въ XIV вѣкѣ, о которомъ говоритъ Барбаро, левантская торговля еще болѣе нежели прежде терпѣла отъ папскихъ запрещеній вести дѣла съ мусульманами. Въ 1307 г. папа Климентъ V распространилъ запрещеніе на всѣ предметы торговли и грозилъ отлученіемъ отъ церкви и взысканіемъ въ пользу апостолическаго престола цѣны вывезенныхъ товаровъ, въ случаѣ если бы кто дерзнулъ продолжать торговлю не смотря на запрещеніе. Венеціянскіе купцы не прекратили однакоже торговли съ мусульманами, но когда приходилъ часъ смерти, они обыкновенно искали отпущенія грѣховъ посредствомъ передачи всего имущества въ рас-

[1] Оно вѣроятно грузинскаго происхожденія: Грузины и теперь зовутъ Черкесовъ Джихами. Имя Черкесъ встрѣчается въ первый разъ у византійскихъ писателей (*Τζαρκας*); но очень можетъ быть, что Керкеты, которыхъ упоминаетъ уже Гелланикъ (см. Стеф. Виз. s. v. *Χαριμάται*), суть ничто иное, какъ Черкесы. Артемидоръ, около 100 до Р. Х., давалъ имъ въ жилище берегъ на югъ отъ Новороссійска на 150 верстъ, т. е. почти до теперешнихъ предѣловъ Абхазіи (см. Страб. XI, стр. 496).

[2] Stritter Memoriae populorum etc. III, p. 1063.

[3] То же подтверждаетъ и Контарини гл. VII (Б. Ин. Пис. Т. 1).

пороженіе папы. Менѣе нежели въ 15 лѣтъ папскій престолъ, говорятъ лѣтописцы, находился въ обладаніи правомъ на всѣ почти капиталы торговаго города. Это возбудило сильные споры между правительствомъ Венеціи и авиньонскимъ престоломъ. Вольнодумцы того времени позволяли себѣ утверждать, что не можетъ быть грѣха въ торговлѣ предметами не составляющими военныхъ припасовъ; но преемникъ Климента Іоаннъ XXII осудилъ это мнѣніе и объявилъ еретиками тѣхъ, которые его высказываютъ. Слѣдующій за Іоанномъ папа нѣсколько ограничилъ притязанія: Бенедиктъ XII требовалъ, чтобы люди, желающіе торговать съ магометанами и имѣть спокойную совѣсть, брали позволеніе отъ римскаго престола. Позволенія эти выдавались за деньги и приносили апостолической камерѣ до 9,000 червонцевъ въ годъ. Еще снисходительнѣе былъ Климентъ VI: какъ мы видѣли, онъ дозволилъ Венеціи торговать съ Египтомъ въ продолженіе пяти лѣтъ (1346). Но лишь въ началѣ XV^{в} вѣка совсѣмъ вышелъ изъ употребленія обычай покупать у папы позволеніе сдѣлать грѣхъ, состоящій въ торговлѣ съ магометанами [1]. Этимъ можно отчасти объяснить, почему въ XIV^{в} вѣкѣ индійскіе товары шли исключительно сѣвернымъ путемъ, и почему Европа не посылала тогда кораблей въ Сирію. Въ XV^{в} вѣкѣ, какъ говоритъ Барбаро, дѣла перемѣнились. Мы догадываемся, что опустошенія, произведенныя Тамерланомъ, и вообще упадокъ государствъ, основанныхъ Монголами, нанесли ударъ торговлѣ черезъ Кипчакъ и Бухару; папская булла потеряла между тѣмъ свою силу, — и пряности Индіи пошли опять въ Европу черезъ Сирію. Вскорѣ найденъ былъ еще новый путь — вокругъ Мыса Доброй Надежды, совершенно измѣнившій направленіе всемірной торговли, и наконецъ открытіе Америки открыло для нея вмѣстѣ съ новымъ путемъ и новое поприще. Бухара, Кипчакъ и связанная съ ихъ судьбою Тана потеряли привлекательность для европейскихъ негоціантовъ и стали принадлежать одной Азіи.

Этимъ оканчивается нашъ опытъ исторіи италіянской Таны, опытъ, неимѣющій притязанія на ученую удовлетворительность, ибо его полноту опредѣлили средства, находившіяся у насъ подъ руками. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ о разрядѣ источниковъ, имѣющемъ большую важность, но на который мы до сихъ поръ указывали только мимоходомъ. Это географическія карты 13, 14 и 15 столѣтій, европейскія и арабскія, могущія служить преимущественно къ опредѣленію мѣстоположенія Таны и Азака, и, прибавимъ, къ подтвержденію выводовъ, сдѣланныхъ нами изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ.

[1] Daru III, 30. suiv.

Вотъ перечень главнѣйшихъ извѣстныхъ намъ картъ съ означеніемъ издателей:

1. Карта XIII вѣка изъ библіотеки св. Марка въ Венеціи; изд. у г. Мурзакевича при Исторіи генуэзскихъ поселеній въ Крыму и въ сочиненіи: Les steppes etc. par M. Hommaire de Hell pl. 1. n. 3. На этой картѣ мѣста городовъ означены однѣми надписями ихъ именъ. Слова Latana помѣщены на лѣвомъ берегу Дона; при устьѣ обозначенъ островъ, надписанный такъ: ydemagramisi (вѣроятно magronisi); около Таганрога — Porto pixan, далѣе на западъ заливъ съ надписью Chabardi; на мѣстѣ Ейска—Lotar, что слѣдуетъ читать Lo Tar.

2. Карта Генуэзца Петра Висконти 1318 г. изъ вѣнской библіотеки. H. de H. pl. 1. n. 8. Тѣ же имена, что на предыдущей картѣ, только нѣтъ имени острова, составляющаго донскую дельту [1].

3. Карта Венеціянина Марина Сануто 1320 г. изъ парижскаго кодекса XIV в. изд. Лелевелемъ l. l. Тана помѣщена на правомъ берегу, но по всему вѣроятію это дѣло гравёра: сличите положеніе Кафы на той же картѣ [2].

4. Карта Каталанская 1373 или 1375 изъ библіотеки французскаго короля Карла V, нынѣ въ Луврѣ, изд. въ Notices et extraits de la bibliothèque de Roi, T. XIV, у Лелевеля и Геля pl. 1, n. 9. Здѣсь города означены башнями, на которыхъ развѣваются знамена. Тана на лѣвомъ берегу Дона, подъ знаменемъ ордынскимъ (на Кафѣ какъ и на Перѣ развѣвается генуэзское серебряное знамя съ краснымъ крестомъ). На правомъ берегу Дона у устья есть надпись mage missi [3], относящаяся вѣроятно къ дельтѣ (ср карту библіотеки св. Марка, выше п. 1). Porto pisani на мѣстѣ Таганрога. Теченіе Дона относительно Волги означено совершенно вѣрно; берега Каспійскаго-моря съ большими подробностями. Эта карта относится къ времени наибольшаго процвѣтанія генуэзской торговли на Черномъ-морѣ, она составлена въ Каталоніи, которая также посылала въ Тану своихъ купцевъ отъ начала XIV вѣка [4] до Тамерланова нашествія (см. выше стр. 469). Отъ послѣдняго событія торговля должна была пострадать. По этому осталось мало картъ Чернаго-моря, которыя бы относились къ

[1] По крайней мѣрѣ г. Гелль не означилъ его. Онъ иногда опускаетъ имена, находящіяся на картахъ издаваемыхъ имъ. Но Потоцкій также говоритъ, что этого имени нѣтъ на картахъ Висконти.

[2] У Гелля есть эта карта, но безъ имени Таны и Кафы (pl. 1. n. 6.).

[3] Такъ въ изданіи Лелевеля; у Гелля нѣтъ этой надписи, ни здѣсь, ни на картѣ св. Марка.

[4] См. Лелевеля l. l. II, p. 37.

первой половинѣ XV столѣтія. Но тѣмъ болѣе картъ мы имѣемъ изъ второй половины этого вѣка.

5. Карта музея Борджіа въ Веллетри изъ половины XV вѣка, описанная Геереномъ въ Comm. Gott. XVI, 250—284, изд. H. de H. pl. 2, n. 2. Тана означена башней на лѣвомъ берегу Дона.

6. Карта Мавра, камальдольскаго монаха изъ монастыря св. Михаила на о. Мурано близь Венеціи, 1459 г., изд. Лелевелемъ. Тана помѣщена на лѣвомъ берегу. У H. de H. pl. 2 n. 3. имени Таны нѣтъ.

7. Карта Анконитанца Граціоза Бенинказа, составленная въ Венеціи въ 1467 году. H. de H. pl. 2, n. 4. Имя La Tana надписано на правомъ берегу Дона.

8. Карта графа Оттомана Фредуція Анконскаго 1497 г., изд. графомъ Яномъ (Осиповичемъ) Потоцкимъ въ Mémoire sur un nouveau Periple du Pont Euxin (Vienne 1796; русскій переводъ Г. И. Спасскаго въ его Археолого-Нумизматическомъ Сборникѣ, М. 1850) и у Лелевеля, изъ вольфенбюттельской библіотеки. Городъ Тана нарисованъ на правомъ берегу; онъ такъ великъ и такъ далеко отъ моря, что составитель карты очевидно не имѣлъ въ виду обозначить своимъ рисункомъ точное мѣсто Таны: по всему вѣроятію онъ выбралъ для него мѣсто на правомъ берегу, желая избѣжать, чтобы изображеніе не стало вверхъ ногами. Портъ Пизанскій означенъ на мѣстѣ Таганрога; между нимъ и Таной надпись magroniхі, относящаяся къ дельтѣ (см. выше карты 1 и 3).

9. Космографія Гильома Ле-Тестю 1555 г., посвященная адмиралу Колиньи, H. de H. pl. 2 n. 10. Имя Tanna надписано на правомъ берегу. Но это очевидно турецкій Азакъ, а о немъ достовѣрно, что онъ лежалъ на лѣвомъ берегу Дона. Это показываетъ, что мѣсто, гдѣ надписывалось имя городовъ, бралось произвольно. Важнѣе изображеніе городовъ въ видѣ башней, но и оно не всегда имѣетъ силу, какъ мы видимъ изъ карты Фредуція.

Упомянемъ еще двѣ карты, которыя остаются до сихъ поръ неизданными:

10. Карта Венеціянъ Франческо и Доминико Пиццигано 1367 г., находящаяся въ пармской библіотекѣ. На Танѣ флагъ съ венеціянскимъ львомъ, см. Lelewel Géographie du moyen age II, p. 53. Такъ какъ карта эта современна каталанской, гдѣ надъ Таной мусульманское знамя съ тамгой и полумѣсяцемъ, то изъ сравненія ихъ выводится заключеніе, что въ Азакѣ, городѣ татарскомъ, была часть, принадлежавшая Венеціянамъ. Это согласно съ извѣстіями литературныхъ памятниковъ.

11. Карта Баптиста Генуэзца 1514 г., упоминаемая Потоцкимъ. Тана названа Anna [1].

Изъ арабскихъ картъ сюда относятся:

1. Карта Ибн-Саиба изъ Магреба 1274 г., изд. у Лелевеля. Имя Azak надписано у устья Дона на правомъ берегу.

2. Карта Абульфеды 1331 г., изд. у Лелевеля. Имя Azak надписано на лѣвомъ берегу; городъ же изображенъ на дельтѣ.

Изъ этого перечня видно, что свидѣтельство картъ говоритъ болѣе въ пользу, нежели противъ положенія Таны на мѣстѣ нынѣшняго Азова. Прибавимъ, что когда Азовъ процвѣталъ, его зданія простирались и за рѣкой по правому ея берегу, хотя крѣпость была на лѣвомъ берегу [2]. Этимъ объясняется, что Абульфеда даетъ Азаку мѣсто на дельтѣ. Прибавимъ, что тождество Таны съ Азовомъ слѣдуетъ еще изъ показанія вице-адмирала Крейца, что въ его время въ Азовѣ видны были надъ воротами и церквами генуэзскія надписи [3].

[1] Въ атласѣ Лелевеля и еще болѣе у Гелля карты изданы въ уменьшенномъ видѣ, и при томъ почти всѣ не съ подлинниковъ. Для картографіи Чернаго-моря остается еще много сдѣлать. Большое изданіе, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ приготовляемое Жомаромъ, составляетъ предметъ ожиданій для всякаго интересующагося этимъ дѣломъ, но и оно едва ли удовлетворитъ потребностямъ спеціяльной разработки географіи Чернаго-моря. Было бы задачею достойною мѣста, занимаемаго въ отечественномъ ученомъ мірѣ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, — предпринять изданіе главнѣйшихъ относящихся сюда картографическихъ памятниковъ въ вѣрныхъ facsimile. Карта Пиццигани, находящаяся въ Пармѣ, по слухамъ уже выгравирована Жомаромъ. За тѣмъ было бы весьма важно полное изданіе слѣдующихъ трехъ памятниковъ:

1. Карта Средиземнаго-моря, de mari mediterraneo, Марина Сануто, составленная на пяти листахъ, изъ которыхъ одинъ занятъ Чернымъ-моремъ. Она только отчасти описана Зурлою въ его Dissertazioni (voll. 2. Venez. 1818) и хранится по его словамъ въ rinomatissima collezione dell' abbate Canonici въ Венеціи. Это первокласный памятникъ, гораздо болѣе обширный нежели та общая карта de mari et terra, которая упомянута въ текстѣ подъ № 3.

2. Металлическая карта музея Борджіа въ Веллетри. Она была срисована и выгравирована ея владѣльцемъ, кардиналомъ Стефаномъ Борджіа, отъ котораго одинъ экземпляръ получилъ Гееренъ. Это единственный извѣстный экземпляръ, теперь находящійся вѣроятно у наслѣдниковъ Геерена.

3. Карта монаха Мавра, хранящаяся въ библіотекѣ монастыря св. Михаила на о. Мурано близь Венеціи. Она издана Зурлой въ Dissertazioni въ уменьшенномъ видѣ и оттуда еще въ болѣе уменьшенномъ видѣ Лелевелемъ. Оригиналъ имѣетъ почти 6 пар. футовъ въ квадратѣ.

Можно было бы кромѣ того повѣрить копію Потоцкаго съ карты Оттомана Фредуція, принадлежащей вольфенбюттельской библіотекѣ.

[2] Байеръ стр. 71.

[3] У Байера стр. 59. Замѣтимъ здѣсь кстати, что Chabardi италіянскихъ картъ есть по всему вѣроятію Міусъ. Калміусъ назывался fiume Rosso, Бердянскъ—Paracomo. Весьма интересно мѣсто называемое Cassar de Rossi на картѣ Бенинказы и

Барбаро еще былъ живъ, когда Кафа и Тана подпали оттоманскому владычеству. Совершенная слабость татарскихъ ханствъ заставила крымскихъ хановъ для самосохраненія признать себя зависимыми отъ Порты. Съ тѣхъ поръ сѣверный берегъ Чернаго и Азовскаго морей поступаетъ подъ власть Турокъ. Кафа и Тана погибли въ 1475 г. [1]. О последствіяхъ занятія Таны Османами вице-адміралъ русской службы Корнелій Крейцъ, составившій географическое описаніе рѣки Дона (оно вышло на голландскомъ языкѣ въ Амстердамѣ, безъ числа года), говоритъ, какъ кажется съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, что съ тѣхъ поръ Азовъ лишился своей торговой важности и сдѣлался такимъ мѣстечкомъ, «въ которомъ только масло коровье, сыръ, соленую рыбу и невольниковъ продавали [2]». Но такъ какъ это былъ важный военный пунктъ, то султанъ Магометъ II велѣлъ укрѣпить его [3]. Впрочемъ Павелъ Іовій еще называлъ Азовъ nobile emporium. Нѣкоторые изъ Италіянцевъ продолжали тамъ жить, и имя Таны оставалось въ употребленіи. Такъ русскій посолъ Дмитрій Герасимовъ, бывшій въ Римѣ въ 1526 году, говорилъ, что русскія владѣнія граничатъ на югѣ съ перекопскими

Casal de Rossi на картѣ Баптиста Генуэзца. Это очевидно поселеніе Русскихъ. И такъ въ 1467 году Русскіе жили на Азовскомъ-морѣ близь Азова! Азовскіе казаки, по Карамзину, въ первый разъ упоминаются подъ 1499 г. Они ходили подъ Козельскъ и взяли с. Олешню. Кар. VI, пр. 495.

[1] Hammer Geschichte des osman. Reichs I, 525 (2-е изд.) Предвидя это, Венеціяне отправляли къ татарскому хану Кучукъ Магомету посла Тревизано съ цѣлію возбудить его противъ Турокъ (1474). По недоразумѣнію Тревизано былъ задержанъ въ Москвѣ. Потомъ, когда получено объясненіе отъ дожа и сената, онъ былъ отпущенъ, но посольство его не имѣло послѣдствій. Hammer Kiptschak стр. 405. Конецъ Золотой Ордѣ положила битва Ивака, хана Тюменскаго, съ Кучукъ-Магометомъ и смерть послѣдняго въ 1480 году. Эта битва произошла въ окрестностяхъ Азова, Сл. Кар. VI, стр. 99 (изд. Эйнерл.) пр. 240.

[2] Байера Краткое описаніе всѣхъ случаевъ касающихся до Азова. Спб. 1782. стр. 71. Выписываемъ изъ Байера полное заглавіе книги, составляющей большую рѣдкость: Niew Pas Kaart Bock behelsende de groote Rivier Don of Tanais na de selfs waaragtige Gelegenheid, Strekking en Cours, van de Stadt Woronetz, tot dar by in Zee valdt, met zyn invloeiende Stromen, Eylanden, Steden, Dorpen, Kloosters etc. Dar benewens een sehr curieuse Paskaart van de Azofsche Zee of Palus Maeotis, en Pontus Euxinus of Swarte Zee met alle haar Diepten, Droogtens, aangelegen Rivieren, Havens, Steden etc. Zynde dar by gevoegt een Afbeelding der Doorgraving om den Don door de Ilaffa te leyden in de Wolga of Astracansche Revier, alles sehr naukeurig en door eygene Ondervindung opgenomen, gepeylt, afgemeeten, en opgedragen aan zyn Doorlugtige Hoogheyd Alixius Petreides Erf-Prince der Keyser Rycken, Konig Rycken, Vorstendommen, Heerschappen zyns Heer Vaders Zyn Grootmagtigste Czaarsche Maiesteyt, door Cornelius Cruys Vice-Admiral von Hooghgemelte Zyner Maiesteyts Zeemagten. Tot Amsterdam by Hendrik Donker. Безъ года, въ 6. листъ.

[3] Извѣстіе каноника Матвѣя изъ Мѣхова въ Descriptio Sarmatiarum (1521) гл. XI: castrum Asow in ripa Tanais incastellavit. Мѣсто это приведено г. Кёппеномъ въ Крым-

Татарами и *Танаитами* [1], а Іеронимъ де Марини, писавшій въ 1665 г., даже свидѣтельствуетъ, что благородныя генуэзскія фамиліи существовали въ Танѣ до его времени [2]. Вицеадмиралъ Крейцъ подтверждаетъ это и называетъ по имени фамилію де Спинола [3].

Въ XVI в. Турки обращали вниманіе на эти страны. Такъ Селимъ I уставилъ правила свободной торговли въ Азовѣ и Кафѣ для русскихъ купцовъ [4]. Но они часто нарушались. Удальцы, разноплеменные по происхожденію, но въ большинствѣ своемъ повидимому Русскіе, занявшіе опустѣлые улусы Золотой орды и взявшіе городъ Ахасъ, наименованный ими Черкаскомъ, были ужасомъ путешественниковъ и купцовъ на дорогѣ въ Азовъ. Въ половинѣ XVI вѣка эти отважные наѣздники, обладатели всѣхъ низовьевъ «тихаго Дона»—Донскіе Казаки—признавали уже себя подданными московскаго государя и не щадили Турковъ. «Козаки съ Азова оброкъ емлютъ и воды изъ Дону пити не дадутъ», писалъ нашъ посланникъ Петръ Тургеневъ въ 1551 г. къ царю Іоанну IV [5]. Солиманъ, величайшій изъ османскихъ султановъ, не успѣлъ обратить своихъ силъ на Кипчакъ. Преемникъ его Селимъ II задумалъ исполнить то, на что до тѣхъ поръ объявляли притязаніе лишь крымскіе ханы — возстановить мусульманское вліяніе въ древнемъ Кипчакѣ и отнять у Россіи Астрахань. Это покушеніе Селима ознаменовано замѣчательнымъ предпріятіемъ соединить Донъ и Волгу посредствомъ канала. Мысль къ тому, достойная великихъ дѣлъ Солиманова царствованія, шла не отъ Селима, султана малодушнаго, который отъ самихъ Турковъ былъ честимъ лишь прозвищемъ Пьяницы; ее подалъ дефтердарій Казимбекъ, управлявшій кафскимъ санджакомъ, и поддерживалъ въ диванѣ великій визирь Магоммедъ Соколли. Въ исполненіе ея въ началѣ лѣта 1569 года значительныя силы, состоявшія изъ янычаръ, спаговъ и Татаръ, отправились, отчасти су-

скомъ Сборникѣ стр. 262 пр. 382. При построеніи укрѣпленій азовскій паша принуждалъ работать русскихъ купцовъ. Кар. VI, 145. Вскорѣ за тѣмъ Азовскіе Татары убили русскаго посла Андрея Семеновича Кутузова. Кар. VI, пр. 459. Укрѣпленія впрочемъ были не велики: иначе ни казаки не могли бы два раза взять Азовъ, ни вице-адмиралъ Крейцъ сказать, что Азовъ до взятія казаками оставался въ томъ видѣ, какъ былъ при Генуэзцахъ.

[1] Pauli Iovii Elogia virorum bellica virtute insignium (Bas. 1535) въ жизни Василія Московскаго. Это мѣсто сообщено мнѣ А. Н. Костылевымъ. Въ Запискѣ Павла Іовія de legatione Basilii (Б. Ин. Пис. Т. I) я не нашелъ этого извѣстія.

[2] Thes. Ital. стр. 1435. Приведено у Байера стр. 56.

[3] У Байера стр. 59.

[4] Кар. VII. стр. 45.

[5] Кар. VIII, пр. 254.

химъ путемъ изъ Крыма, отчасти водою черезъ Азовъ къ переволокѣ между Дономъ и Волгой. При нихъ находилось отъ 2 до 3 тысячь рабочихъ для копанія канала и вѣроятно въ качествѣ инженера одинъ Фрязинъ «Костянтинъ Князецъ изъ Родуса». Каторгъ, т. е. галеръ (*τὰ κάτεργα*), было около ста. Предположено было открыть водяное сообщеніе между Дономъ и Волгою и потомъ идти на Астрахань. Казаки, испуганные громадностью предпріятія, скрылись въ степяхъ и не тревожили похода. Но онъ не удался вслѣдствіе физическихъ причинъ, двусмысленнаго расположенія крымскаго хана и готовности астраханскаго воеводы князя Петра Серебрянаго отразить осаждающихъ. Между тѣмъ въ Азовѣ произошелъ взрывъ пороховой башни, при чемъ взлетѣло на воздухъ 1000 солдатъ, и пристань съ военными судами обратилась въ пепелъ; полагали, что это сдѣлано Русскими. Въ 1570 г. дворянинъ Новосильцевъ ѣздилъ въ Стамбулъ увѣрить султана въ расположеніи Іоанна IV; другое русское посольство отправилось туда съ этою же цѣлію въ 1571 году. Селимъ, не желая увеличивать числа враговъ своихъ во время войны съ Венеціей, Испаніей и Папою, отвѣчалъ дружелюбно, но тѣмъ не менѣе не отказывался отъ Астрахани и Казани и велѣлъ укрѣпить Азовъ болѣе прежняго, и поставить туда гарнизонъ изъ янычаръ, дабы обезопасить этотъ пунктъ отъ набѣговъ казаковъ [1].

Понятно, что казаки были недовольны этимъ, но кто бы ожидалъ чтобы эта горсть храбрецовъ могла не только дѣлать частные набѣги, но и мѣриться съ турецкими силами и имѣть такой успѣхъ, какой дѣйствительно имѣли донскіе казаки? Въ то время какъ западная Европа торжествовала первую великую побѣду христіанъ надъ Турками, и донъ Хуанъ Австрійскій, герой Лепанта, отвлекалъ все вниманіе Селима, когда и крымскій ханъ былъ занятъ походомъ на Москву, окончившимся знаменитою побѣдою князя Воротынскаго у Молодей на Лопаснѣ и Рожаѣ, наши казаки воспользовались удобною минутой и не смотря на турецкій гарнизонъ взяли Азовъ (1572) [2]. Мы не знаемъ подробностей этого дѣла; знаемъ только, что казаки не долго

[1] Hammer Gesch. d. Osman. Reichs II, стр. 3/6, 378. Байеръ Краткое описаніе стр. 75. Крамз. IX, пр. 243—252. Цифры разнятся у этихъ трехъ историковъ; наиболѣе вѣроятны тѣ, которыя предпочелъ Карамзинъ на основаніи показаній Мальцева. Гаммеръ заимствовалъ свои изъ восточныхъ источниковъ, но тѣмъ не менѣе онѣ кажется неточны: напр. 5000 янычаръ и 3000 рабочихъ отправляются у него на 15 галерахъ; по Мальцезу было 500 янычаръ и 2500 рабочихъ. Критика Карамзина заслуживаетъ предпочтенія и въ повѣствованіи о ходѣ войны и участіи въ ней Серебрянаго. Гаммеръ вообще слишкомъ поспѣшенъ въ выборѣ извѣстій.

[2] Кар. IX, пр. 407. сл. пр. 348.

владѣли Азовомъ, и что Турки скоро опять укрѣпились въ немъ [1]. Они приняли разныя мѣры противъ казачьихъ наѣздовъ. Но ни цѣпи, которыя запирали Донъ у Азова, ни сердистаны или каланчи, построенныя Турками, не послужили преградою казачьему молодечеству. Донцы все таки пробирались въ море, и не только въ Азовское, но и въ Черное. Турецкое правительство еще въ 1585 г. обращалось къ Θедору Іоанновичу съ просьбою унять казаковъ и ихъ атамана Кишкина, грозу азовскихъ мусульманъ [2]. По окончаніи смутнаго времени *промыслы казаковъ надъ царствами невѣрныхъ* сдѣлались особенно часты и удачны [3]. Не проходило году, чтобы Донцы не нанесли чувствительнаго удара мусульманамъ. Они не довольствовались поисками надъ Крымцами и Ногаями, опустошеніемъ Керчи, Кафы, Балаклавы, Багчесарая, Козлова; они причаливали къ Трапезонту, Ризѣ, Коніи, Синопу, одинъ разъ даже взяли этотъ послѣдній городъ (1624), показывались у Константинопольскаго-пролива почти въ виду Константинополя (1621), грабили на Черномъ-морѣ турецкія суда, освобождая христіанскихъ плѣнниковъ, и наконецъ совершили величайшій подвигъ,— воспользовались присоединеніемъ Запорожцевъ и смутами въ Крыму, и въ 1637 году вторично взяли Азовъ [4]. Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ трехъ или четырехъ тысячь янычаръ. Три города, на которые раздѣлялся тогда Азовъ, Ташкалъ, Тапракалъ и Азовъ, были соединены каменными стѣнами, съ 11 башнями и обведены рвомъ глубиною въ 22, шириною на днѣ въ 4 сажени; по стѣнамъ и башнямъ находилось 200 большихъ и малыхъ пушекъ. Какія средства имѣли казаки, мы въ точности не знаемъ. Вицеадмиралъ Крейцъ опредѣляетъ число Запорожцевъ въ 4, число Донцевъ въ 3 тысячи человѣкъ и говоритъ, что они имѣли при себѣ только четыре фалконета, которыми нельзя было ничего сдѣлать противъ укрѣпленій. Но это показаніе, по крайней мѣрѣ во второй его половинѣ, не можетъ быть справедливо: изъ челобитной атамана Катаржнаго, сказанной въ Москвѣ 3 января 1647 г., видно, что на Дону было въ это время до 90 пушекъ; казаки должны были взять по крайней мѣрѣ часть ихъ для осады, хотя и не-

[1] См. Байера въ привед. мѣстѣ.

[2] Кар. X, пр. 112.

[3] Подвиги Донцевъ въ это время описаны, на основаніи Донскихъ и Крымскихъ Дѣлъ, въ статьѣ В. М. Пудавова: «Монастырское урочище на Дону», помѣщеьной въ Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ, 1853 г., №№ 2—6.

[4] О взятіи Азова см. Hammer Gesch. d. osm. Reichs III стр. 166 (2 изд.). Байеръ (по вицеадмиралу Крейцу) стр. 74—83. Послѣдній упоминаетъ и о взятіи Синопа, ссылаясь на рукописный хронографъ, но относитъ это событіе къ 1616 году.

извѣстно, сколько они дѣйствительно брали съ собою. Число казаковъ, участвовавшихъ въ осадѣ, въ актахъ не показано. Г. Пудавовъ опредѣляетъ его по числу паевъ, брошенныхъ о завоеванномъ въ Азовѣ имуществѣ; ихъ было до 4400; но опять остается вопросъ, были ли это паи однихъ донскихъ козаковъ или донскихъ и запорожскихъ вмѣстѣ. Какъ бы то ни было, Азовъ былъ взятъ послѣ осады, продолжавшейся съ 21 апрѣля по 18 іюля, и казаки донесли царю Михаилу Өедоровичу: «Милостію Божіею, помощію пречистой Богородицы, а твоимъ государскимъ счастіемъ, твоя высокая рука возвысилась: Азовъ «городъ мы взяли, ни одного человѣка азовскаго на степь и на море «не упустили; всѣхъ безъ остатка порубили».

Приведемъ еще ту отписку ихъ, въ которой они оправдываются въ этомъ дѣлѣ, совершенномъ безъ царскаго позволенія:

«Азовъ городъ взяли мы, Государь, безъ твоего указа, и въ томъ «воля Божія и твоя Великаго Государя! Пошли мы подъ Азовъ съ «великія скорби, помня свое крещеніе и Святыя Божія церкви и свою «истинную, православную вѣру; ибо изъ того города, отъ бусурманской вѣры, агарянскаго исчадія, злохищренныхъ волковъ, чинилось по«руганіе великое твоей, Государь, отчинѣ украйнымъ городамъ, на«ипаче же весямъ, и разорѣніе Божіимъ церквамъ и разлитіе невин«ной крови, и взятіе въ полонъ православныхъ христіанъ, отцевъ, и «матерей, и братій и сестеръ нашихъ. Они, азовскіе люди, искони по«ругалися нашей христіанской вѣрѣ: продавали за море на каторги «отцевъ, и братій, и сестеръ нашихъ, и корабли русскимъ полономъ «въ турецкую землю грузили. Да и намъ, Государь, шкоту великую «тѣ поганые Азовцы дѣлали: въ нашихъ юртахъ, и на рѣкахъ, и въ «камышахъ, и на переходахъ хватали насъ, и за море, тожь, нашу «братью, на каторги продавали и великія скорби и неволи чинили.— «Мало что сами, но крымскихъ и погайскихъ людей азовскіе люди «подъ наши казачьи юрты подводили. Видѣвъ въ россійской землѣ ра«зорѣніе отъ нихъ бусурмановъ Святымъ церквамъ и попраніе нашей «христіанской вѣры, и помня свой смертный часъ, чтобы за вѣру пра«вославную и за тебя, Великаго Государя, Царя Михаила Өедоровича, «и за единокровныхъ братій своихъ, хотя помереть, а ихъ поганыхъ «бусурмановъ подъ мечь подклонить, Азовъ взять и утвердить въ немъ, «по прежнему, нашу вѣру христіанскую, пошли мы, Государь, подъ «тотъ городъ всѣ, утвердившись сердцами своими въ единомысліи и «поболѣвъ душами своими.»

Подвигъ взятія Азова былъ совершенъ подъ начальствомъ атамана Михаила Татаринова. Имущество мусульманъ было подѣлено по стани-

цамъ, но Греки пощажены и сохранили свои дома. Двѣ тысячи Русскихъ невольниковъ получили свободу; казаки озаботились ихъ пропитанiемъ и отправленiемъ въ Русь. Азовъ сдѣланъ вольнымъ христiянскимъ городомъ и съ слѣдующей весны стали приходить туда торговые люди, изъ Россiи, Турцiи, Персiи. Въ него перевели Главное Войско (Правительство Донцевъ), бывшее въ предшествовавшiя тому 17 лѣтъ въ Монастырскомъ-Нижнемъ-городкѣ (въ 5 верстахъ ниже Стараго Черкаска).

Азовъ оставался въ рукахъ казаковъ до 1643 г. Они съ успѣхомъ отбивали Татаръ, выходили на своихъ судахъ въ Азовское и Черное моря и не мало безпокоили турецкiе берега. Въ 1638 у нихъ была съ Турками (подъ предводительствомъ Пiали-Паши) морская битва на Черномъ-морѣ, въ которой обѣ стороны сражались храбро и понесли значительный уронъ. Наконецъ Турки собрались съ силами, чтобъ вырвать Азовъ изъ рукъ казаковъ. Въ 1642 г. 20,000 янычаръ, столько же спаговъ, 50,000 крымскихъ Татаръ, 10,000 Черкесовъ, кромѣ большаго числа Молдаванъ и Волоховъ, отправились къ Азову сухимъ путемъ, а 45 галеръ съ многими мелкими судами моремъ [1]. Вице-адмиралъ Крейцъ говоритъ, что въ Азовѣ находилось тогда только 1400 человѣкъ мужчинъ и 800 женщинъ [2], которыя столько же храбро защищали крѣпость, какъ и ихъ мужья. Въ актахъ сказано, что въ Азовѣ *сидѣло*, подъ управою атамана Осипа Петрова, 6000 казаковъ. Крѣпость была окружена тремя стѣнами. Всѣ усилiя взять Азовъ съ боя остались неуспѣшными. Турки пытались склонить казаковъ и деньгами, предлагали имъ 12,000 червонцевъ и по выступленiи изъ города еще 30,000, но получили въ отвѣтъ, что казаки имѣютъ довольно оружiя и храбрости для честной обороны. Ихъ вылазки и подкопы наносили много вреда непрiятелю; воодушевленiе ихъ было необычайное: плѣнныхъ ни обѣщанiями, ни пыткою нельзя было къ тому привести, чтобы они объявили что нибудь о состоянiи гарнизона. Турки не находили провiанта въ окрестностяхъ Азова, между тѣмъ какъ къ казакамъ подходили по ночамъ вспоможенiя. Въ такомъ положенiи дѣлъ не подѣйствовало и лаконическое предписанiе Султана: «Паша, возьми Азовъ или отдай свою голову». Генеральный приступъ худо удался, и въ концѣ сентября 1642 г. паши принуждены были

[1] Такъ по Крейцу. Гаммеръ (III стр. 223 2 изд.) изъ турецкихъ источниковъ говоритъ о нѣсколькихъ тысячахъ янычаръ и спаговъ и 38 галерахъ. По показанiю казаковъ войска было 240,000; по отпискѣ московскихъ переводчиковъ, находившихся въ Царьградѣ (Лыкова и Букалова) — 150,000.

[2] У Гаммера по ошибкѣ 14,000 мущинъ и 800 женщинъ (III, стр. 223).

оставить осаду и развесть войско по зимнимъ квартирамъ. По словамъ Крейца, изъ главной арміи побито было 20,000 человѣкъ Турковъ и 7000 Татаръ, а Піали Паша потерялъ изъ наилучшихъ съ флотомъ прибывшихъ янычаръ 3000 человѣкъ. Казаки показывали число непріятельскихъ убитыхъ въ 70,000 человѣкъ разныхъ народовъ. И все это сдѣлали казаки, не получая ни откуда подкрѣпленія, одними собственными средствами. Въ докладѣ ихъ Государю сказано, что болѣе 3000 изъ нихъ пало, а остальные были почти всѣ переранены — «безъ глазъ и безъ рукъ и безъ ногъ стало много». Но все таки они *отсидѣлись* отъ нашествія войска, по меньшей мѣрѣ въ 10 разъ многочисленнѣйшаго, заставивъ и друговъ и недруговъ удивляться своему «крѣпкостоятельству».

Послѣдующія событія общеизвѣстны. Созванный Царемъ Великій Соборъ высказался нерѣшительно въ вопросѣ о войнѣ съ Турціей. По этому казакамъ велѣно: «покинуть Азовъ и жить по старымъ мѣстамъ.» Въ Іюлѣ 1643 г. они выбрали свои пожитки изъ города и подорвавъ всѣ башни зажгли городъ. Казаки покинули его «пустъ и все разорено, пристанища никакого не оставили».

Азовъ былъ занятъ Турками и тотчасъ же укрѣпленъ, сколько позволяли средства. Сердарій Магометъ прославилъ себя возстановленіемъ города. Защита его была поручена 26,000 гарнизона и значительному артиллерійскому парку [1].

Цари Алексѣй Михаиловичь и Ѳедоръ Алексѣевичь въ сношеніяхъ съ Портой объявляли притязаніе на Азовъ (1672 и 1677). Опять взялъ его Петръ Великій въ 1696 г. и при раздѣленіи Россіи на губерніи въ 1708 г. сдѣлалъ главнымъ городомъ одной изъ шести губерній. Это показываетъ, какое значеніе давалъ ему Преобразователь. Губернія Азовская была весьма обширна; Воронежъ принадлежалъ къ ней. Но по прутскому миру Азовъ былъ снова отданъ Туркамъ (1711). Въ 1736 снова взятъ, въ 1739 разоренъ и въ третій разъ отданъ Туркамъ. Окончательно присоединенъ къ Россіи въ 1769, возобновленъ и приписанъ къ Воронежской Губерніи. Въ 1775 г. возстановлена Азовская Губернія, но въ предѣлахъ, гораздо меньшихъ (она раздѣлялась на двѣ провинціи Азовскую и Бахмутскую). Наконецъ въ 1786 учреждена Екатеринославская Губернія, и Азовъ сдѣлался городомъ заштатнымъ.

Осада и взятіе Азова въ 1695 и 1696 годахъ составляютъ для этихъ мѣстъ эпоху, не только въ историческомъ, но и въ топографиче-

[1] Hammer l. l. стр. 224.

скомъ отношеніи. Еще теперь много насыпей въ окрестностяхъ Азова остаются памятникомъ Петровыхъ усилій найти выходъ въ древнее Русское-море. Двѣ каланчи одна противъ другой были построены на двухъ берегахъ Дона нѣсколько выше отдѣленія отъ него рукава, получившаго вѣроятно вслѣдствіе того прозваніе Каланчи. На мысѣ острова, образуемаго Дономъ и Каланчой, были устроены шанцы. Шанцы бо́льшаго размѣра были сооружены на томъ же островѣ противъ самаго города Азова. Наконецъ вся нагорная окрестность города изрыта для циркумвallацій, апрошей и т. д.

По поводу взятія Азова упоминается небольшая турецкая крѣпостца Лютикъ, которой развалины еще видны на дельтѣ, почти насупротивъ Недвиговки (на нашемъ планѣ 7). Она сдалась въ одинъ день съ Азовомъ.

Тотчасъ послѣ взятія Азова сдѣланы были на близь лежащемъ острову Царскіе шанцы, а на другомъ острову Гордонскіе шанцы. Каланча луговой стороны названа Сергіевскою, другая противъ нея Никоновскою. Прямо противъ города положено основаніе Петровской крѣпости. Для порта послѣ нѣкотораго колебанія между Міусомъ и Павловскомъ (Бердянскомъ) избранъ Таганрогъ.

—

Мы довели исторію устій Дона до послѣднихъ временъ. Кругъ предметовъ, подвергавшихся нашему разсмотрѣнію, все болѣе и болѣе расширялся, и отводилъ насъ отъ недвиговскаго городища. То историческіе вопросы, то патріотическія воспоминанія привлекали наше вниманіе, и мы могли казаться несправедливыми и забывчивыми относительно этого маленькаго и тѣснаго уголка, которому однакоже были обязаны столькими памятниками. Но эта мѣстность потеряла свое прежнее значеніе во время процвѣтанія Таны и Азова, которые лежали на лѣвомъ берегу лѣваго рукава въ разстояніи отъ нея около 15 верстъ, или 10 италіянскихъ миль, какъ говоритъ Барбаро. На ней были поселенія и въ эти времена, но поселенія второстепенной важности, о которыхъ не упоминаетъ исторія. Здѣсь опять недвиговское городище становится единственнымъ источникомъ.

Изъ предметовъ, найденныхъ на немъ, одинъ рельефъ изъ простаго камня, весьма грубой работы, изображающій въ геральдической манерѣ собаку надъ головою быка, долженъ быть по всему вѣроятію отнесенъ къ времени италіянской колоніи Таны. Татары оставили по себѣ одну куфическую монету съ именемъ Копекъ Хана, котораго г. профессоръ мо-

сковскаго университета П. Я. Петровъ, опредѣлявшій эту монету, признаетъ тождественнымъ съ Кибакомъ, ханомъ улуса Джучіева, царствовавшимъ отъ 1411 до 1414 г. по Р. Х. Еще вырыты круглыя азіятскія стремена изъ желѣза съ удилами того же металла; они были найдены около костяка лошади, стремена по обѣимъ сторонамъ реберъ, удила у головы, слѣдовательно какъ они были, когда лошадь была убита, вѣроятно въ какой нибудь сѣчѣ. Вотъ все что мы нашли относящагося къ времени послѣ-греческому.

Прежде нашихъ разысканій были находимы на недвиговскомъ городищѣ разныя вещи какъ греческія, такъ и позднѣйшія. О надписяхъ мы уже говорили выше, упоминали и о монетахъ. Теперь прибавимъ, что греческія монеты, попадавшіяся на городищѣ и вблизи городища на берегу Мертваго-Донца, были собираемы владѣльцемъ Недвиговки г. полковникомъ Мартыновымъ. Часть ихъ онъ пожертвовалъ въ Новочеркасскую Гимназію, гдѣ онѣ погибли во время пожара; остальныя сохраняются доселѣ у г. Мартынова, и въ бытность мою въ Новочеркаскѣ я воспользовался позволеніемъ его разсмотрѣть ихъ. Число ихъ незначительно, не болѣе сорока; неизданныхъ экземпляровъ между ними нѣтъ; большинство составляютъ монеты Боспорскаго Царства, и кромѣ того есть нѣсколько римскихъ; пантикапейскихъ автономныхъ я не нашелъ въ числѣ монетъ, отмѣченныхъ найденными въ Недвиговкѣ [1].

Въ запискахъ своихъ о древностяхъ земли Войска Донскаго [2], уже не разъ упомянутыхъ нами, г. Мартыновъ извѣщаетъ, что въ Недвиговкѣ были найдены кромѣ того слѣдующіе предметы:

1. Рельефное изображеніе всадника «въ воинскомъ костюмѣ съ малою пикою и на ней какъ бы флюгеръ, а на головѣ металлическій и лавровый вѣнокъ, одѣтъ мантіею и тогою и какъ могу припомнить съ нѣкоторыми буквами». Очевидно, этотъ рельефъ былъ весьма похожъ на найденный нами и описанный выше стр. 416, только онъ былъ больше нашего, ибо г. Мартыновъ означаетъ его длину и ширину въ полтора аршина. «Лѣтъ двадцать тому назадъ, пишетъ онъ въ 1848 году, (слѣдовательно около 1828 года) онъ былъ отданъ мною г. помѣщику Міусскаго Округа Лукьянову». Этотъ помѣщикъ г. Лукьяновъ имѣлъ довольно значительное собраніе разныхъ рѣдкостей, сохранявшееся въ

[1] Кромѣ недвиговскихъ монетъ г. Мартыновъ имѣетъ нѣсколько интересныхъ монетъ съ острова Фидониси (древняя Левке) близь устій Дуная.

[2] Эти Записки доставлены г. Мартыновымъ въ Одесское Общество Исторіи и Древностей, избравшее его въ число своихъ Действительныхъ Членовъ. Черновая тетрадь была сообщена мнѣ.

его помѣстьѣ Есауловкѣ (на бахмутскомъ трактѣ). Онъ уже давно скончался, и собраніе его разошлось по рукамъ. Я посѣтилъ сына его, нынѣшняго владѣльца Есауловки, Андрея Львовича Лукьянова, который показалъ полную готовность содѣйствовать нашимъ разысканіямъ, но въ его домѣ не нашлось уже ничего примѣчательнаго, и при всемъ своемъ желаніи онъ не могъ указать слѣдовъ упоминаемаго г Мартыновымъ рельефа. Такъ могутъ скрываться и иногда гибнуть памятники древности!

2. Амфоры. Г. Мартыновъ упоминаетъ, что «при жизни еще дѣда его и отца открыто было на недвиговскомъ городищѣ въ маломъ возвышеніи у рва и вала въ родѣ жилаго помѣщенія изъ камня съ аркою надъ входомъ, въ которомъ помѣщеніи найдены двѣ амфоры, наполненныя чешуею карповъ, именуемыхъ на Дону *сазанами*, величиною бо́льшаго размѣра, нежели теперь на этой рыбѣ имѣются, изъ коихъ чешуй у всѣхъ почти въ притѣльной ихъ оконечности имѣлись просверленныя дырочки удобныя для пронятія значительной толщины ниткою или дротомъ и служившія, по мнѣнію дѣда его и отца, къ составленію изъ нихъ броней или латъ, чему ими и произведенъ былъ опытъ, и нашивка оказалась непроницаемою и теперешнему холодному оружію». Амфоры и другіе сосуды изъ жженой глины продолжали открывать и при самомъ г. Мартыновѣ. Одинъ изъ нихъ, особенно достопримѣчательный, переданъ имъ въ новочеркасскій садъ, гдѣ онъ нынѣ сохраняется въ оранжереѣ. Онъ интересенъ по величинѣ; въ вышину имѣетъ 2 аршина 7 вершковъ, въ горлѣ діаметръ его 11½ вершковъ, въ самой широкой части тулова діаметръ 1 аршинъ 9 вершковъ. Ручекъ у этого сосуда нѣтъ; форма его не безобразная, но не даетъ права признать его за греческое произведеніе, тѣмъ болѣе что такіе сосуды употребляются до сихъ поръ на Кавказѣ для храненія жидкостей. Другой сосудъ, также переданный г. Мартыновымъ въ новочеркасскій бульварный садъ, есть обыкновенная амфора, какихъ множество найдено нами; въ вышину она имѣетъ 9 вершковъ; діаметръ въ мѣстѣ наибольшаго расширенія тулова 4 вершка.

3. «Одна золотая монета величиною въ полтинникъ и толщиною въ рубль, на которой мулла донской Татарской-станицы прочелъ на одной сторонѣ *великій ханъ*, а на другой: *престолъ города Азакъ*». Гдѣ эта монета теперь находится, г. Мартыновъ не знаетъ; но помнитъ, что видѣлъ ее во время своей молодости. Основываясь на ней, онъ полагаетъ, что Азакъ лежалъ въ Недвиговкѣ; но находка одной монеты недостаточна для доказательства этого.

4. Серебряный крестъ съ изображеніемъ креста на передней сторонѣ и надписью спереди и сзади молитвы: Да воскреснетъ Богъ и проч. Онъ былъ найденъ въ іюнѣ 1847 года въ маломъ углубленіи земли вмѣстѣ съ скелетомъ; слѣдовъ гроба не было.

—

Мы пересказали результаты поисковъ на недвиговскомъ городищѣ, произведенныхъ нами и прежнихъ. Обратимся теперь къ ближайшимъ окрестностямъ его.

Мѣста, непосредственно прилегающія къ городищу съ запада, сѣвера и востока, представляютъ поясъ, на которомъ нѣтъ кургановъ, а замѣчаются большія и малыя возвышенія и углубленія, какъ бы отъ строеній. Въ западной части этого пояса, близь спуска къ рѣкѣ, были найдены, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, куски камня съ надписью [1]; мы начинали копать на этомъ мѣстѣ, но, не находя ничего, оставили работу. Возвышеніе, которое, какъ уже упомянуто выше (стр. 409), было раскопано въ 1824-мъ году по распоряженію начальства, лежитъ также въ предѣлахъ помянутаго пояса, прямо на западъ отъ городища. Мы не могли найти свѣдѣній о результатахъ раскопки; но память о ней осталась въ мѣстномъ названіи — *раскопанная яма.* По всему вѣроятію это не былъ курганъ, т. е. не могила.

Безкурганный поясъ имѣетъ въ ширину до ста сажепей. Вдоль по его внѣшней сторонѣ можно примѣтить почти непрерывные слѣды вала, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранившаго довольно значительную высоту. Валъ этотъ идетъ вокругъ городища съ трехъ сторонъ и имѣетъ фигуру ломанной линіи, приближающейся къ дугѣ круга. Это была внѣшняя ограда. Повидимому она не долго находилась въ употребленіи. Надписи и раскопки показываютъ, что въ III вѣкѣ по Р. Х. главныя средства защиты, башни и стѣны, были устроены на внутренней оградѣ; съ этимъ согласно и состояніе почвы, ибо только четвероугольникъ, обнесенный этою внутреннею оградой, загроможденъ мусоромъ и битымъ камнемъ, а на пространствѣ между внутреннею и внѣшнею оградами камень попадается изрѣдка, и вообще сравнительно мало слѣдовъ строеній; наконецъ поверхность этого пространства гораздо ниже поверхности городища.

Сосредоточивши наше вниманіе на городищѣ, въ пользу котораго было гораздо болѣе показаній, мы мало могли заняться безкурганнымъ пространствомъ, опоясывающимъ его. Поиски наши ограничились проведеніемъ немногихъ пробныхъ канавъ черезъ возвышенныя мѣ-

[1] Показаніе купца Пятачка, управляющаго имѣніемъ г. Мартынова.

ста. По одному изъ такихъ возвышеній пролегала дорога изъ слободы Недвиговки въ слободу Синявку; проѣзжающіе замѣчали въ этомъ мѣстѣ гулъ какъ бы отъ пустоты, что̀ собственно и обратило наше вниманіе на это возвышеніе. Оказалось, что оно состояло изъ золы; въ немъ нашлось также нѣсколько череповъ, разсыпавшихся подъ заступомъ. Въ другихъ канавахъ была насыпная песчано-глинистая земля, перемѣшанная съ черепками, но безъ всякаго слѣда зданій. Мы сочли согласнымъ съ нашими инструкціями оставить это пространство на первый разъ безъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

О южной сторонѣ городища, мысѣ, къ нему примыкающемъ, и курганѣ, находящемся на этомъ мысѣ, было уже сказано выше (стр. 410). Этотъ курганъ стоитъ совершенно отдѣльно и имѣетъ въ поперечникѣ, при основаніи, до 30 саженей. На вершинѣ его есть нѣсколько строеній, принадлежащихъ крестьянину г. Мартынова Рыбалченкову; послѣдній нѣсколько лѣтъ тому назадъ копалъ тамъ землю для погреба; мы получили отъ него одну бронзовую брошь, вырытую въ курганѣ (она препровождена въ С.-Петербургъ), и свѣдѣніе, что курганъ состоитъ изъ золы, перемѣшанной съ черепками; не такъ давно въ немъ были расщелины, которыя шли вглубь въ его внутренность; одинъ разъ собака пропадала тамъ нѣсколько дней и вышла совершенно одуренная; но теперь эти расщелины засыпались. Мы начали раскапывать этотъ курганъ большимъ разрѣзомъ, котораго дно было аршина на два выше подошвы кургана; разрѣзъ былъ направленъ къ центру кургана съ ю.-з. стороны. Эти работы подтвердили показанія Рыбалченкова; на всемъ протяженіи разрѣза мы находили только золу и черепки, послѣдніе по большей части слоями. Клейменыхъ ручекъ отъ амфоръ не попадалось; между черепками были отрыты двѣ поврежденныя глиняныя лампы и горлышко сосуда изъ разряда употреблявшихся для разливки вина изъ кратеровъ въ чаши (*οἰνοχόαι*). Работы продолжались отъ 21-го іюля до 12-го августа и были остановлены по причинѣ сильнаго западнаго вѣтра, заносившаго разрѣзъ золою, которую выбрасывали наши землекопы. Такъ какъ находки были незначительныя, то работы не были возобновлены послѣ этого пресѣченія ихъ. Надобно впрочемъ замѣтить, что попадавшіеся въ этомъ курганѣ черепки носили повидимому другой и какъ будто болѣе древній характеръ, нежели встрѣчавшіеся въ разрѣзахъ на городищѣ. Можетъ быть, этотъ загадочный курганъ состоитъ изъ пепла, свезеннаго во время упоминаемаго надписями возобновленія города, и въ такомъ случаѣ была бы надежда найти въ немъ интересные осколки въ родѣ тѣхъ, которые недавно посчастливилось открыть г. Баркеру и послѣ

него г. Ланглуа въ совершенно подобномъ холмѣ золы близь древняго Тарса въ Киликіи. Во всякомъ случаѣ этотъ курганъ золы и черепковъ, недвиговскій Monte Testaccio, заслуживаетъ, чтобы его подвергли когда нибудь дальнѣйшему изслѣдованію.

Согласно инструкціи, мы должны были главнѣйшимъ образомъ обратить вниманіе на курганы, лежащіе на земляхъ Недвиговки. Имъ были посвящены первые дни нашего пребыванія въ Недвиговкѣ и первыя работы. О курганѣ, съ котораго мы начали, говорено выше (стр. 410), равнымъ образомъ уже упомянуто, что почти на всѣхъ курганахъ были замѣчены впадины (стр. 409). Представлялся вопросъ, произошли ли эти впадины отъ раскопки кургановъ, или онѣ образовались вслѣдствіе того, что перекрышка склеповъ обрушилась. Раскопка перваго кургана говорила въ пользу перваго предположенія. Она была неободрительна: если бы это предположеніе подтвердилось и на другихъ курганахъ, то не было надежды найти нетронутыми гробницы находящіяся въ центрѣ кургановъ, т. е. главныя, а въ главныхъ гробницахъ преимущественно должны были скрываться цѣнныя вещи. Но въ такомъ случаѣ можно было бы ожидать археологической добычи отъ боковыхъ гробницъ, предполагая, что онѣ будутъ отыскиваться. Такимъ образомъ являлся второй вопросъ, отъ рѣшенія котораго также зависѣла надежда на успѣхъ нашихъ поисковъ въ курганахъ: богаты ли недвиговскіе курганы боковыми гробницами? Вслѣдъ за окончаніемъ работъ на первомъ курганѣ, который, какъ сказано, снесенъ до основанія, мы выбрали два кургана для изслѣдованія ихъ склоновъ и исканія боковыхъ гробницъ. Эти курганы лежали рядомъ на востокъ отъ городища и имѣли незначительную вышину; они принадлежали къ группѣ кургановъ, обращавшей на себя вниманіе особенностью своего расположенія. Еще въ бытность нашу въ Черкаскѣ, г. полковникъ Мартыновъ говорилъ намъ о замѣчательной мѣстности на востокъ отъ городища, гдѣ есть два параллельные ряда кургановъ, которые оставляютъ между собою какъ бы улицу, прямо ведущую къ городу съ востока и параллельную рѣкѣ. При осмотрѣ этой мѣстности воображеніе уже рисовало намъ, что это нѣчто въ родѣ помпейской *улицы гробницъ*, и надобно сказать, многое говорило въ этомъ случаѣ за воображеніе: ибо что другое можно было видѣть въ этой прямой улицѣ, по обѣимъ сторонамъ которой находились одинъ подлѣ другаго курганы? Правда, что на всѣхъ курганахъ, ограничивающихъ эту улицу, были впадины, но можно было надѣяться, что именно здѣсь, на этой предполагаемой улицѣ гробницъ, должны оказаться въ множествѣ боковыя гробницы. Все возбуждало любопытство въ пользу этого мѣста.

Здѣсь-то были начаты работы по окончаніи раскопки кургана о двухъ вершинахъ. Выбранные нами три кургана были ближайшіе къ городищу и лежали на правой сторонѣ улицы, если идти изъ города; было назначено провести канавы по тремъ склонамъ каждаго изъ этихъ кургановъ, именно по склонамъ западному, восточному и сѣверному, изъ которыхъ послѣдній былъ обращенъ къ предполагавшейся улицѣ гробницъ. Работа была окончена въ началѣ августа, и — боковыхъ гробницъ не оказалось. Такимъ образомъ и второй вопросъ разрѣшился этимъ первымъ опытомъ неблагопріятно для нашихъ надеждъ.

Послѣ этихъ опытовъ, которые имѣли для насъ значеніе легкой рекогносцировки предстоявшаго намъ поля разысканій, и были равно неблагопріятны для рѣшенія обоихъ вопросовъ, съ которыми мы ихъ предприняли, естественно было, при началѣ серьозныхъ работъ на курганахъ, возвратиться къ тому, съ чего мы начали, т. е. искать, не смотря на впадины, центральныхъ гробницъ, возлагая надежду на обрушившіеся потолки или своды въ склепахъ. Между тѣмъ надобно было удвоить осмотрительность, — принять возможныя мѣры противъ этихъ очарованныхъ холмовъ, которые казалось хотѣли обмануть ожиданія. Ни я, ни г. архитекторъ Авдѣевъ не присутствовали до того при раскопкахъ кургановъ; по этому, сначала я, и потомъ онъ, мы воспользовались позволеніемъ, предварительно испрошеннымъ у Господина Министра Удѣловъ, — посѣтить Крымъ. Моя поѣздка принесла еще и ту пользу, что я привезъ съ собою изъ Керчи надсмотрщика, опытнаго въ искуствѣ копать курганы [1].

Осмотрѣвъ керченскіе, ѳеодосійскіе и таманскіе курганы, я могу сравнить съ ними курганы, лежащіе около устій Дона. Они не имѣютъ сходства ни съ керченскими, ни съ ѳеодосійскими: расположены не по склонамъ горъ, далеко не такъ часты и имѣютъ форму не столь остроконечно-коническую, но и въ томъ и въ другомъ отношеніи они довольно близко подходятъ къ курганамъ Таманскаго-полуострова, съ которыми имѣютъ еще то общаго, что, какъ подтвердили дальнѣйшія наши раскопки, они не богаты боковыми гробницами, и заключаютъ въ себѣ за весьма малыми исключеніями, однѣ только земляныя гробницы. Вообще можно ска-

[1] Извѣстенъ, даже въ ученой литературѣ, урядникъ Дмитрій, который въ Керчи пользуется славою чародѣя по части отысканія гробницъ. Онъ былъ нуженъ для работъ, производившихся съ большою дѣятельностью въ окружностяхъ Керчи и на Таманскомъ-полуостровѣ. Мнѣ рекомендовали керчь-еникольскаго мѣщанина Сурикова, которымъ я остался совершенно доволенъ. Малоросы и Казаки, работавшіе у насъ, получили почтеніе къ «Русскому», какъ они его звали, великому мастеру замѣчать обрѣзы и открывать гробницы.

зать, что донскіе курганы столько же обманчивы какъ таманскіе. Последніе доставили до сихъ поръ очень мало хорошихъ вещей, хотя нельзя не надѣяться, что достохвальное постоянство, съ которымъ предположено ихъ изслѣдовать, вырветъ когда нибудь и изъ ихъ таинственнаго нѣдра блистательную добычу. Но что касается до недвиговскихъ кургановъ, то едва ли можно питать даже и такого рода надежду. Мы не оставили неизслѣдованнымъ почти ни одного изъ кургановъ ближайшихъ къ городищу и чѣмъ нибудь обращавшихъ на себя вниманіе. Если не считать за курганъ того холма золы и черепковъ, который лежитъ на югъ отъ городища, то нами раскопано всего 24 кургана, изъ которыхъ 21 находились въ рейонѣ одной версты отъ городища, и 3 на разстояніи около двухъ верстъ; изъ того числа 2 кургана были огромной величины, 13 имѣли среднюю величину и 9 малую. При такомъ разнообразіи никакъ нельзя полагать, чтобы случай наводилъ насъ именно на плохіе курганы; напротивъ того все приводитъ къ заключенію, что по результатамъ нашихъ раскопокъ можно судить вообще о свойствѣ недвиговскихъ кургановъ.

Мы уже расказали о раскопкѣ четырехъ кургановъ, бывшихъ предметомъ нашей предварительной рекогносцировки; поэтому теперь остается говорить о 20 курганахъ.

Въ десяти изъ этихъ послѣднихъ не было найдено никакихъ предметовъ, кромѣ черепковъ; въ нѣкоторыхъ даже не было костей; и что удивительно, къ числу этихъ десяти кургановъ, ничего не доставившихъ, принадлежатъ и упомянутые выше два кургана безъ впадинъ (одинъ лежащій близь слободы Синявки, другой близь большаго Чулецкаго кургана, означеннаго въ нашей вѣдомости подъ № 21-мъ): очевидно, впадины на этихъ курганахъ сгладились отъ времени и въ особенности отъ того, что поверхность кургановъ пахалась. Въ пяти изъ этихъ десяти кургановъ гробницы были земляныя, а въ пяти обложены нетесанымъ камнемъ.

Остальные десять кургановъ заключали въ себѣ также расхищенныя гробницы, но такъ какъ они все таки представляютъ болѣе интереса, то мы скажемъ о раскопкѣ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, означая ихъ порядковыми нумерами, какіе они имѣютъ въ вѣдомости, представленной нами въ Министерство Удѣловъ.

Курганъ 5-й, средней величины, со впадиною. Копали продольнымъ разрѣзомъ съ двухъ сторонъ по материку; съ сѣверной стороны къ разрѣзу сдѣлана пріемка. Гробница, высѣченная въ материкѣ и обложенная тесанымъ камнемъ, 5 аршинъ въ длину, 3 въ ширину и 2 въ

глубину, и перекрытая дубовыми перекладинами, отъ которыхъ сохранились остатки, заключала въ себѣ только ницѣнные черепки и кости безъ порядка. Это лучшая по устройству изъ найденныхъ нами гробницъ. Тѣмъ не менѣе ее слѣдуетъ, повидимому, отнести къ времени довольно позднему. Къ тому ведетъ отсутствіе черепковъ расписныхъ сосудовъ (такъ называемыхъ *этрусскихъ вазъ*) и еще болѣе характеръ черепковъ, которые были въ ней найдены, далекій отъ легкости и изящества посуды хорошихъ временъ Греціи. Въ доказательство этого мы сохранили лучшій изъ фрагментовъ, — фрагментъ блюдца съ черною поливкою; онъ препровожденъ въ С.-Петербургъ и значится подъ № 158-мъ по описи вещей, представленныхъ нами.

Курганъ 7-й, средней величины со впадиной. Копали продольнымъ разрѣзомъ черезъ центръ по материку; съ сѣверной стороны сдѣлана пріемка. Въ послѣдней отрыта земляная гробница, расхищенная, безъ костей; но въ верхнихъ слояхъ насыпной земли найденъ бронзовый перстень съ рѣзнымъ камнемъ (№ 69 по описи), а на днѣ гробницы простая амфора, замѣчательная тѣмъ, что на обѣихъ ея ручкахъ были клейма съ изображеніемъ родосскаго цвѣтка (№ 183 по описи) [1]. Въ главномъ разрѣзѣ также отрыта земляная гробница, наполненная камнями и черепками, безъ костей; въ верхнихъ слояхъ земли, покрывавшей ее, попался фрагментъ большой бѣлой пасты съ изображеніемъ вакханки, довольно хорошимъ (№ 70 по описи).

Курганъ 8-й, средней величины, со впадиною. Копали продольнымъ разрѣзомъ и нашли подъ впадиною гробницу, высѣченную въ каменистомъ материкѣ и обложенную нетесанымъ камнемъ. Въ ней оказались куски истлѣвшаго дерева и кости безъ порядка. Около гробницы въ верхнихъ слояхъ насыпи найдены: золотыя неизящнаго стиля украшенія, употреблявшіяся для нашивки на платьѣ, числомъ 5 (№ 65 по описи), миніатюрная бронзовая чашечка, бронзовая ячейка и бронзовая цѣпочка, послѣднія три вещи вмѣстѣ (по описи № 24, 25, 26).

Курганъ 12-й, малый, со впадиною. Раскопанъ ямой по серединѣ кургана. Въ середовой земляной гробницѣ не найдено ничего. Съ боку насыпи оказалась позднѣйшая могила и въ ней три мѣдныхъ кольца, пряжка и костяная трубочка; всѣ три предмета по видимому татарскаго времени.

[1] Эта замѣчательная амфора не позволяетъ намъ вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ г. Беккера, высказаннымъ недавно въ его весьма важной и обильной новыми данными статьѣ о клеймахъ амфоръ, помѣщенной въ бюллетенѣ Академіи Наукъ.

Курганъ 13-й, средней величины, со впадиною. Раскопанъ ямой въ серединѣ кургана. Земляная гробница оказалась расхищенною и не заключала въ себѣ ничего; въ насыпи найденъ бронзовый оконечникъ стрѣлы или копьеца, судя по виду назначенный не для военнаго употребленія, а для женскаго туалета; извѣстно, что женщины носили такія копьеца въ волосахъ (по описи № 71).

Курганъ 14-й, средней величины, со впадиной. Копали ямой въ серединѣ кургана. Гробница была земляная; въ ней не осталось ничего, ни даже костей. Въ верхнихъ слояхъ насыпи попались три золотыя неизящныя розетки (№ 66 по описи), бронзовая пряжечка (№ 68 по описи), фрагментъ бронзовой рамки съ греческимъ орнаментомъ изъ листьевъ (№ 27 по описи) и фрагментъ чаши изъ бѣлаго стекла (№ 133 по описи).

Курганъ 17-й, средней величины, со впадиною. Копали ямой въ серединѣ кургана. Въ слояхъ насыпи нашли двѣ золотыя нашивки (№ 67 по описи). Въ земляной гробницѣ не найдено ничего.

Курганъ 18-й, средней величины, со впадиною. Копали ямой въ серединѣ кургана. Въ насыпи найденъ камень изъ перстня безъ изображеній. Въ земляной гробницѣ не найдено ничего.

Курганъ 19-й, большой, со впадиною на вершинѣ и большими присыпями. Это ближайшій къ городищу изъ двухъ большихъ недвиговскихъ кургановъ, упомянутыхъ выше на стран. 409. Мы искали въ немъ боковыхъ гробницъ и съ этою цѣлію сдѣлали четыре разрѣза на присыпяхъ, но боковыхъ могилъ не оказалось.

Курганъ 21-й, самый большой изъ недвиговскихъ, съ огромною впадиной на вершинѣ и большими присыпями съ запада, юга и востока. По его близости къ ручью Донскому-Чулеку мы дали ему имя Чулецкаго. Надѣясь найти въ немъ если не сохранившуюся въ цѣлости гробницу, то по крайней мѣрѣ склепъ, интересный въ архитектурномъ отношеніи [1], мы рѣшились копать этотъ курганъ, хотя онъ требовалъ большаго числа рабочихъ и много времени. Работы начаты съ 11 сентября и продолжались до 21 октября. Для сокращенія работъ выбрана присыпь восточная, которая менѣе другихъ; на ней начатъ разрѣзъ, направленный съ подошвы къ вершинѣ кургана по ма-

[1] Англійскій путешественникъ Кларкъ упоминаетъ, что въ его время былъ разрытъ одинъ курганъ близь Таганрога насупротивъ Азова. Вещи найденныя были расхищены, но уцѣлѣлъ тщательно сложенный изъ камня склепъ со сводомъ (Clarke Travels etc. London 1813, T. I, p. 338). Такой склепъ можно ожидать найти и въ Чулецкомъ курганѣ; очень можетъ быть, что Кларкъ о немъ именно и говоритъ.

терику. Ему была дана у подошвы ширина въ 3 сажени; по мѣрѣ приближенія къ центру онъ по немногу былъ съуживаемъ, такъ что достигнувъ центра, онъ имѣлъ бы только 2 сажени въ ширину. Въ длину онъ былъ проведенъ всего на 13 саженей, при чемъ 36 квадратныхъ саженей площади очищено до материка. Работа производилась на перевалъ. Оказались горизонтальные слои земли, какъ бы уѣзженной, между толстыми пластами гораздо болѣе рыхлой земли. Это произошло, безъ всякаго сомнѣнія, отъ особеннаго способа насыпки кургана; землю на него возили очевидно по дорогѣ улиткообразно вьющейся отъ подошвы до вершины; довольно значительная ширина уѣзженныхъ полосъ показываетъ, что для того употреблялись большія телѣги, запряженныя волами. Были также замѣтны слѣды идущей въ глубину прежней раскопки. Такъ какъ ширина разрѣза позволяла употреблять только отъ 8 до 12 человѣкъ рабочихъ, то во второй половинѣ октября было ясно, что нельзя надѣяться достигнуть склепа прежде наступленія морозовъ; боковыхъ же могилъ ожидать было нельзя, какъ показывала насыпка кургана. Поэтому работы оставлены, какъ сказано выше, 21 октября.

Въ этомъ заключаются всѣ результаты поисковъ на недвиговскихъ курганахъ.

Итакъ, въ продолженіе четырехъ-мѣсячныхъ раскопокъ ни одной не тронутой гробницы и ни одного верешка, который бы указывалъ на времена до Р. Х.; изъ 27 кургановъ только въ одномъ (№ 7-мъ) древняя боковая гробница; также только въ одномъ (№ 5-мъ) гробница, обложенная тесанымъ камнемъ, и ни въ одномъ курганѣ—склепа! Изъ такого итога раскопки недвиговскихъ кургановъ, сами собою выводятся два заключенія: *во-первыхъ* вообще остается мало надежды напасть въ недвиговскихъ курганахъ на гробницу, уцѣлѣвшую отъ расхитителей; *во-вторыхъ* всѣ гробницы, въ которыхъ что нибудь найдено, относятся къ позднѣйшей эпохѣ, когда расписанные сосуды уже не были въ употребленіи, и всѣ гробницы вообще, какъ видно изъ ихъ устройства, сравнительно бѣдны; по этому *въ третьихъ*, еслибы и удалось впослѣдствіи найти нетронутую гробницу въ одномъ изъ недвиговскихъ кургановъ, нами не раскопанныхъ, то по всему вѣроятію она не будетъ въ состояніи выдержать сравненія съ хорошими керченскими и ѳеодосійскими гробницами.—Читатель видитъ, что эти заключенія какъ только можно неблагопріятны; оба вопроса, которые занимали насъ при началѣ работъ,— вопросъ о происхожденіи впадинъ на недвиговскихъ курганахъ и вопросъ о боковыхъ гробницахъ, —

разрѣшились невыгоднымъ для насъ образомъ, и кромѣ того недвиговскіе курганы отвѣчали стольже невыгоднымъ образомъ и на вопросъ о ихъ времени. Но съ другой стороны въ то же время, какъ получались эти обезнадеживавшіе отвѣты, размышленіе о результатахъ нашихъ поисковъ возбуждало само собою новый вопросъ, который сильно раздражалъ любопытство и порождалъ новыя надежды. Можно даже сказать, что онъ заставлялъ тѣмъ болѣе надѣяться на успѣхъ дальнѣйшихъ поисковъ, чѣмъ неудачнѣе были предшествовавшіе. Это было простое соображеніе, что около такого города, какой мы имѣли передъ собою въ недвиговскомъ городищѣ, непремѣнно должно находиться въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе гробницъ, чѣмъ сколько есть кургановъ. Мы раскопали около 25 гробницъ; но вокругъ насъ, говорили мы себѣ, должны быть десятки тысячь гробницъ; будемъ же продолжать разысканія въ надеждѣ открыть настоящее кладбище древняго Танаиса, и оно съ избыткомъ вознаградитъ насъ за потерянный трудъ на курганахъ; но для этого оставимъ курганы и поищемъ счастія на другихъ мѣстахъ. Съ этою цѣлію надобно бы начать проведеніе пробныхъ канавъ по всѣмъ направленіямъ около городища; но наше вниманіе предварительно остановили на себѣ низменныя продолговатыя насыпи, находящіяся съ двухъ сторонъ городища, съ восточной въ меньшемъ числѣ, съ западной въ большемъ. Онѣ не имѣютъ вида кургановъ; нѣкоторыя простираются въ длину на 30 саженей и болѣе, при ширинѣ около 10 сажень; по мѣстамъ и на нихъ были впадины отъ раскопокъ. Мы не могли приступить къ исканію могилъ по ровнымъ мѣстамъ, не изслѣдовавъ предварительно этого разряда возвышеній. Пробный разрѣзъ на одномъ изъ нихъ, находящемся съ восточной стороны отъ городища, былъ сдѣланъ въ половинѣ сентября; онъ показалъ, что эта возвышенность состоитъ изъ насыпной земли, и произошла не отъ разрушенныхъ зданій, и что слѣдовательно въ ней можно искать могилъ. Это подавало большія надежды, тѣмъ болѣе, что число подобныхъ насыпей весьма значительно. Вся западная часть пространства, окружающаго внѣшній валъ городища, испещрена ими, какъ бы въ замѣнъ кургановъ, которыхъ на ней почти нѣтъ; на восточной сторонѣ преобладаютъ курганы, но и она представляетъ довольно много насыпей. Вообще ихъ такъ много, что по своему числу и протяженію онѣ могли дать достаточное мѣсто для погребенія жителей всего города.

Время позволило изслѣдовать небольшую часть пространствъ, занятыхъ насыпями. Въ восточныхъ насыпяхъ раскопки были сдѣланы на площади 46 □ саженей, въ западныхъ на площади 77 □ саженей.

Въ первыхъ открыто *двѣнадцать*, во вторыхъ *двадцать девять* гробницъ. Всѣ онѣ были земляныя; расхищенными оказалась 21 гробница; остальныя двадцать были нетронутыя. Это были первыя и единственныя нетронутыя гробницы, найденныя нами въ Недвиговкѣ. Изъ нихъ шесть заключали въ себѣ предметы, которые можно отнести къ татарскому времени. Въ остальныхъ 14 вырыты слѣдующія вещи: одна золотая и двѣ серебряныя пластинки, изъ которыхъ одна, серебряная, съ изображеніемъ львиной головы, три бронзовыхъ маленькихъ зеркальца, два круглой, одно четыреугольной формы, одна золотая и нѣсколько бронзовыхъ сережекъ, нѣсколько серебряныхъ и бронзовыхъ пряжекъ, крючковъ и застежекъ, бронзовая булавка, два бронзовыхъ колечка, два фрагмента бронзоваго перстня съ изображеніемъ на одномъ пчелы, на другомъ насѣкомаго, желѣзное колечко, желѣзные наконечники стрѣлъ съ фрагментами принадлежащихъ къ нимъ древокъ, окрашенныхъ красною краскою, фрагменты двухъ желѣзныхъ складныхъ ножей; далѣе множество бусъ, монетъ и привѣсокъ разнаго [1] цвѣта, стеклянныхъ, сердоликовыхъ и гагатовыхъ, и одинъ клочекъ одежды. Гробницы продолговатыхъ насыпей были углублены въ материкѣ по большей части не болѣе одного аршина; многія изъ нихъ были перекрыты деревянными перекладинами, иныя каменными плитами; въ нѣкоторыхъ были замѣтны остатки гробовъ. Покойники лежали по большей части головой къ востоку, т. е. лицемъ на западъ; но попадались лежащіе въ направленіи всѣхъ частей свѣта. Череповъ сохранено четыре, изъ которыхъ одинъ особенно замѣчателенъ: верхняя часть его вытянута въ видѣ шлема; носъ орлиный; пространство между носомъ и верхними зубами болѣе обыкновеннаго. Этотъ черепъ очевидно относится къ немногимъ найденнымъ доселѣ черепамъ Макрокефаловъ [2].

Весьма замѣчательно и вмѣстѣ весьма огорчительно, что гробницы, углубленныя въ материкѣ на 2, 3 и $3\frac{1}{2}$ аршина и по большей части перекрытыя большими камнями, оказались всѣ до одной расхищенными. Очевидно, что въ нихъ были погребены люди болѣе достаточные, и что онѣ должны были заключать въ себѣ вещи болѣе цѣнныя, нежели гробницы, найденныя нетронутыми. И на нихъ-то именно были направлены поиски предупредившихъ насъ расхитителей! Трудно объяснить себѣ это явленіе. Въ курганахъ всякій можетъ напасть на

[1] Бѣлаго, краснаго, чернаго, зеленаго, золотоцвѣтныхъ, разноцвѣтныхъ.

[2] Редакція „Вѣстника Естественныхъ Наукъ" имѣетъ въ виду издать въ скоромъ времени рисунокъ этого черепа съ нашими замѣчаніями о загадочномъ племени Макрокефаловъ.

главную гробницу, ибо естественно искать ее въ центрѣ кургана; но по какому указанію отыскивали богатыя гробницы тамъ, гдѣ нѣтъ коническихъ возвышеній надъ отдѣльными гробницами, и гдѣ всѣ онѣ, богатыя и бѣдныя, покрыты одною общею насыпью? Для этого необходимо было въ точности знать, гдѣ похороненъ богатый человѣкъ. Другой отвѣтъ кажется трудно найти, и потому трудно удержаться отъ предположенія, что расхищеніе могилъ началось въ этихъ мѣстахъ съ самой древности. При керченскихъ раскопкахъ, какъ сообщилъ мнѣ г. Бѣгичевъ, были также замѣчаемы обстоятельства, приводящія къ этому предположенію.

—

Сдѣлаемъ теперь общее заключеніе о разысканіяхъ въ Недвиговкѣ.

Главную добычу, данную городищемъ, составляетъ значительное количество надписей и нѣсколько бронзовыхъ вещей прекрасной работы. Недвиговскія надписи, какъ мы видѣли, создаютъ исторію города, которая доселѣ была вовсе неизвѣстна и однакоже представляетъ многообразный интересъ. Знакомство съ судьбами Танаиса важно для русской науки по географическому положенію его въ нынѣшней Русской землѣ; для всеобщей исторіи,—потому что Танаисъ принималъ участіе въ древней всемірной торговлѣ, и еще потому, что его памятники могутъ повести къ рѣшенію вопроса о національности сосѣдственныхъ народовъ, этого знаменитаго вопроса о Меотахъ, Сарматахъ, Скиѳахъ, составляющаго истинную пытку историковъ. Такое свойство надписей, находимыхъ въ недвиговскомъ городищѣ, а также изящество бронзовыхъ вещей, которыми оно подарило насъ (правда въ небольшомъ числѣ), и всеобщая рѣдкость античной бронзы краснорѣчиво говорятъ въ пользу продолженія разысканій на мѣстѣ такихъ находокъ. Но способъ, которымъ мы разрывали городище, — проведеніе разрѣзовъ или траншей, — не можетъ быть выгоденъ при дальнѣйшихъ поискахъ. Мы изслѣдовали недвиговское городище во всѣхъ его частяхъ и во всѣхъ направленіяхъ. Общее понятіе о его древнемъ видѣ, о состояніи развалинъ и свойствѣ памятниковъ, скрывающихся между ними, отчасти даже главныя черты его древней топографіи — уже извлечены изъ этихъ изслѣдованій. Но раскопка посредствомъ разрѣзовъ, по самому свойству своему, есть способъ болѣе пробный нежели окончательный. Намъ были даны средства произвести эти пробныя работы въ самомъ обширномъ размѣрѣ, и мы съ своей стороны заботились о томъ, чтобы придать имъ сколько возможно правильности. Мы старались не пропустить ни одного мѣста, въ пользу котораго были показанія. По этому можно сказать, что способъ пробнаго изслѣ-

дованія посредствомъ разрѣзовъ истощенъ нами. Теперь онъ не имѣлъ бы болѣе цѣли, и потому, когда вновь будутъ предприняты разысканія на недвиговскомъ городищѣ, то, сколько я понимаю дѣло, непремѣнно надобно будетъ копать сплошь, какъ копаютъ въ Римѣ или въ Помпеяхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что можно засыпать пройденныя мѣста.

Курганы недвиговскіе не заслужили хорошей репутаціи.

а) Всѣ раскопанныя курганы, со впадинами и безъ видимыхъ впадинъ, оказались расхищенными.

б) Ни въ одномъ не найдено гробницы богато устроенной, ни склепа, ни катакомбы.

в) Вещи, попадавшіяся въ нихъ, оброненныя или незамѣченныя прежними гробокопателями, не представляютъ изящества лучшихъ временъ греческаго искусства; между ними не было черепковъ такъ называемыхъ этрусскихъ вазъ, служащихъ вѣрнѣйшимъ критеріемъ древности гробницъ.

Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что большая часть ближайшихъ къ городищу кургановъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые употребляются нынѣ вмѣсто кладбища, раскопаны нами. По этому едва ли можно надѣяться, чтобы дальнѣйшая раскопка недвиговскихъ кургановъ привела къ какимъ нибудь результатамъ. Можно продолжать работу развѣ только на большомъ Чулецкомъ курганѣ (съ цѣлію открыть склепъ), и еще кромѣ того раскопать группу кургановъ, лежащую близь большой дороги по направленію къ Чалтырской-станціи. Этой группы мы не касались; она замѣчательна между прочимъ тѣмъ, что между ея курганами есть кольцеобразный валъ, въ родѣ маленькаго городища.

Продолговатыя насыпи очевидно заключаютъ въ себѣ гробницы людей болѣе скромнаго состоянія, нежели тѣ, надъ которыми насыпались курганы. Онѣ относятся къ одному времени съ курганами и также не дали намъ ни одной вещи, которую было бы можно отнести къ эпохѣ, предшествовавшей нашей эрѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы онѣ вовсе не заслуживали дальнѣйшаго изслѣдованія. Продолжая раскопку городища, было бы не худо удѣлить и имъ небольшую часть рабочихъ.

Но важнѣйшую задачу будущихъ разысканій должно составить открытіе гробницъ изъ эпохи, предшествовавшей разрушенію Танаиса боспорскимъ царемъ Полемономъ (около времени Р. Х.), т. е. изъ эпохи богатаго и процвѣтающаго Танаиса, когда онъ былъ по сло-

вамъ Страбона первымъ торжищемъ этихъ странъ послѣ Пантикапеи. Къ этой цѣли, которой намъ не удалось достигнуть, можетъ вести лишь одно средство — проведеніе пробныхъ канавъ въ разныхъ направленіяхъ около городища. Это средство было увѣнчано успѣхомъ несмѣтное множество разъ; недалѣе какъ въ прошломъ году съ его помощію графъ А. С. Уваровъ нашелъ близь древняго Херсонеса въ окрестностяхъ Севастополя тѣ катакомбы, о которыхъ онъ говоритъ въ помѣщаемой ниже статьѣ. Въ Недвиговкѣ заслуживаетъ изслѣдованія пробными канавами не только возвышенность, на которой расположено городище, но и склонъ берега къ рѣкѣ: этотъ склонъ по своей каменистой почвѣ былъ очень удобенъ для устройства катакомбъ, хотя нельзя не замѣтить, что на немъ не видно ни малѣйшаго наружнаго слѣда подобныхъ сооруженій.

Но по какой же причинѣ, можетъ спросить читатель, мы сами не употребили, какъ слѣдуетъ, этого средства, въ пользу котораго я считаю нужнымъ говорить такъ рѣшительно? Мы провели пробныя канавы дѣйствительно лишь по двумъ или тремъ возвышеніямъ, примыкающимъ къ городищу, а это почти значитъ, что мы вовсе не пользовались этимъ средствомъ. — Вотъ объясненіе тому, какъ это случилось.

Само собою разумѣется, что желаніе найти остатки дополемоновскаго Танаиса не могло не занимать меня, и не занимать сильно. Ни на недвиговскомъ городищѣ, ни въ гробницахъ, раскопанныхъ около него, не было открыто ни одной вещицы, которую по необходимости было бы должно отнести къ эпохѣ дополемоновской. Въ гробницахъ, находящихся въ курганахъ и насыпяхъ, еще можно объяснить себѣ отсутствіе вещей такого рода тѣмъ, что не всѣ гробницы раскопаны. Но на городищѣ были проведены канавы во всѣхъ направленіяхъ, и онѣ доходили до материка; тамъ стало-быть взрыты всѣ наносные слои отъ позднѣйшаго до древнѣйшаго, и поэтому непремѣнно должны были оказаться остатки дополемоновскаго города, если онъ занималъ мѣсто городища. Почему ни одной надписи изъ числа восьми, ни одной монеты изъ числа шестидесяти не попалось намъ съ указаніемъ на время, предшествовавшее Полемону? Почему между такимъ множествомъ осколковъ амфоръ и другихъ сосудовъ, глиняныхъ и стеклянныхъ, не было ни одного черепка расписной вазы изъ разряда такъ называемыхъ этрусскихъ? Эти соображенія естественно наводили на вопросъ, ужь здѣсь ли, на недвиговскомъ городищѣ, несомнѣнномъ мѣстѣ Танаиса III-го вѣка по Р. Х., лежалъ тотъ Танаисъ, который былъ разрушенъ Полемономъ, и отъ котораго не было находимо ни од-

ного малѣйшаго слѣда въ окрестностяхъ Недвиговки? Въ самомъ дѣлѣ убѣжденіе, что древній Танаисъ лежалъ на мѣстѣ недвиговскаго городища, основывается единственно на тамошнихъ находкахъ. Но, какъ видимъ, находки убѣждаютъ лишь въ томъ, что здѣсь лежалъ Танаисъ, возобновленный послѣ полемоновскаго разрушенія; относительно же дополемоновскаго Танаиса скорѣе наводятъ на мысль, что его слѣдуетъ предполагать въ другомъ мѣстѣ. На основаніи находокъ нѣтъ никакого основанія искать того древнѣйшаго Танаиса на недвиговскомъ городищѣ, и даже скорѣе есть основаніе не искать его тамъ.

До распространенія въ ученомъ мірѣ свѣдѣній, сообщенныхъ Стемковскимъ о недвиговскомъ городищѣ, и въ особенности до изданія тѣхъ четырехъ недвиговскихъ надписей, которыя были найдены прежде нашихъ разысканій, общее мнѣніе было, что Танаисъ лежалъ на дельтѣ Дона близь лѣваго рукава. Это мнѣніе опиралось на свидѣтельство Птолемея; оно было оставлено лишь на основаніи предположенія, что его опровергаютъ недвиговскія находки. Но теперь, когда въ Недвиговкѣ произведены болѣе обширныя разысканія, становится необходимымъ возвратиться опять къ древнимъ писателямъ. Надобно только поставить нѣсколько иначе вопросъ о мѣстности Танаиса, т. е. раздвоить его, отдѣливъ отъ вопроса о мѣстности возобновленнаго Танаиса, вопросъ о мѣстности Танаиса разрушеннаго Полемономъ. На первый отвѣчало недвиговское городище въ свою пользу и отвѣчало непререкаемо. На второй пусть попробуютъ отвѣчать древніе писатели, именно Страбонъ и Птолемей, тѣ два географа, которые одни служатъ здѣсь свидѣтелями.

Вотъ мѣста, въ которыхъ Страбонъ говоритъ о мѣстоположеніи древняго Танаиса:

VII, 5: «Рѣка Танаисъ впадаетъ въ Меотійское-озеро двумя рукавами, которыхъ устья отстоятъ одно отъ другаго около 60 стадій (т. е. $10\frac{1}{2}$ верстъ); есть тамъ и городъ одноименный съ рѣкою, самое важное послѣ Пантикапеи мѣсто торговли съ варварами.»

XI, 2, 3: «При рѣкѣ (т. е. Донѣ) и Меотійскомъ-озерѣ лежитъ одноименный городъ Танаисъ, основанный Греками, владѣющими Боспоромъ....»

«Въ разстояніи 100 стадій (т. е. $17\frac{1}{2}$ верстъ), отъ этого торжища по направленію къ морю есть островъ Алопекія, обитаемый разнымъ сбродомъ людей; есть и другіе островки около устья.»

Изъ этихъ словъ Страбона мы узнаемъ, что городъ Танаисъ лежалъ при самомъ впаденіи одного изъ рукавовъ рѣки Танаиса въ море.

Рукавовъ этихъ было два, говоритъ Страбонъ. Очевидно онъ имѣлъ въ виду Мертвый-Донецъ и собственный Донъ, т. е. два крайніе рукава, ограничивающіе дельту. Слѣдовательно, чтобы сдѣлать выводъ изъ Страбоновыхъ словъ, надобно опредѣлить, на сколько впаденіе этихъ двухъ рукавовъ въ море подвинулось впередъ въ продолженіе 18 столѣтій, отдѣляющихъ насъ отъ времени Страбона [1]. Сличая его показанія съ теперешнимъ состояніемъ земли, мы находимъ средство приблизительно найти мѣру увеличенія дельты Дона. Теперь разстояніе между двумя крайними устьями никакъ не менѣе 18-ти верстъ, тогда какъ при Страбонѣ оно равнялось $10\frac{1}{2}$ верстамъ. Поэтому, чтобы найти на теперешней сушѣ дельты линію морскаго берега времени Страбона, надобно пріискать такое мѣсто дельты, въ которомъ правый рукавъ отстоитъ отъ лѣваго на 60 стадій, т. е. на $10\frac{1}{2}$ верстъ. При этомъ надобно еще имѣть въ виду, не перемѣнили ли эти два рукава свое русло; ибо если перемѣнили, то это сдѣлаетъ вопросъ сложнымъ и чрезвычайно затруднитъ его. Физическое образованіе страны, по счастію, успокоиваетъ изслѣдователя въ этомъ отношеніи, ибо именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ разстояніе между Мертвымъ-Донцемъ (правымъ рукавомъ) и собственнымъ Дономъ (лѣвымъ рукавомъ) равняется по прямой линіи приблизительно $10\frac{1}{2}$ верстамъ, оба берега, и правый и лѣвый, значительно высоки, вслѣдствіе чего дѣлается невозможнымъ измѣненіе русла. По этому можно съ достовѣрностью заключить, что во время Страбона это разстояніе было въ томъ же самомъ мѣстѣ, въ какомъ оно есть и теперь, а именно между мѣстомъ, гдѣ лежитъ недвиговское городище (на правомъ берегу Мертваго-Донца), и мѣстомъ нынѣшняго города Азова (на лѣвомъ берегу лѣваго рукава). На этомъ основаніи можно искать Танаисъ, упоминаемый Страбономъ, или въ недвиговскомъ городищѣ, или по лѣвому берегу въ окрестностяхъ города Азова, или наконецъ на самой дельтѣ и притомъ опять или противъ недвиговскаго городища, или противъ города Азова. Осмотръ мѣстности показываетъ, что изъ числа этихъ четырехъ возможныхъ пунктовъ два должны быть исключены. Въ окрестностяхъ города Азова нѣтъ слѣдовъ древняго поселе-

[1] Какъ быстро подвигается впередъ образованіе дельты видно изъ показанія г. Мартынова (въ его запискахъ), что со времени населенія его слободы Недвиговки въ 1796 г. морской берегъ отдалился на 6 верстъ.

пія, какъ уже замѣтилъ Кларкъ (см. выше стр. 388) [1]. Малочисленность кургановъ приводитъ также къ заключенію, что древній Танаисъ не лежалъ здѣсь. Еще очевиднѣе необходимость устранить изъ числа помянутыхъ четырехъ пунктовъ мѣсто, лежащее на лѣвомъ берегу праваго рукава (Мертваго Донца) насупротивъ недвиговскаго городища; тутъ никогда не могло быть значительнаго поселенія, потому что весь этотъ берегъ представляетъ почву болотистую, поросшую камышами. На всемъ его протяженіи въ одномъ только мѣстѣ видны слѣды малаго укрѣпленія, именно близь впаденія въ Мертвый Донецъ небольшаго ерика, называемаго Лютикъ; но укрѣпленіе это носитъ на себѣ очевидные признаки позднѣйшаго происхожденія, а имя ерика свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ въ немъ остатки турецкой крѣпостцы Лютикъ (см. выше стр. 490). Оно лежитъ на углу, образуемомъ лѣвыми берегами Лютика и Мертваго Донца, и обращено сѣверною своею стороною къ Мертвому Донцу, восточною къ Лютику, южною и западною къ камышамъ дельты. Южная и восточная сторона его почти совершенно прямы; первая имѣетъ въ длину 18 сажепей, вторая 20. Сѣверная сторона загибается внутрь къ западу, сообразно съ теченіемъ Донца, и имѣетъ въ длину 20 сажепей; наконецъ въ западной сторонѣ 17 сажепей. Вокругъ этого городка идутъ стѣны, которыя было бы очень легко отрыть, если бы это представляло интересъ. Рва вокругъ нѣтъ. Вся возвышенность поднимается надъ уровнемъ окрестности приблизительно на одну сажень. Внутри городка видны слѣды стѣнъ, кладеныхъ на извести. Черепковъ мало, и они очевидно не греческіе [2]. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что это развалина турецкой крѣпостцы, упоминаемой подъ самымъ этимъ именемъ при исторіи взятія Азова въ 1696-мъ году.

Такимъ образомъ остаются два пункта, гдѣ можно искать Страбонова Танаиса: одинъ на правомъ берегу Мертваго Донца на мѣстѣ недвиговскаго городища, другой на правомъ берегу лѣваго рукава насупротивъ города Азова, въ окрестностяхъ теперешней Елисаветовской-станицы.

[1] Утверждаютъ, что тамъ были находимы монеты, но о тѣхъ монетахъ, римскихъ и венеціянскихъ, которыя мнѣ были показаны въ Новочеркаскѣ г. полковникомъ Поповымъ, какъ найденныя въ Азовѣ, я могу съ достовѣрностью утверждать, что онѣ не тамъ были найдены, ибо г. есаулъ Грекосаріановъ въ Азовѣ, доставившій ихъ г. Попову, сообщилъ мнѣ, что онѣ были пріобрѣтены въ Европейской Турціи. Другихъ памятниковъ древности, найденныхъ въ городѣ Азовѣ, мнѣ не случилось видѣть.

[2] Средину городка на Лютикѣ занимаетъ теперь пчельникъ, принадлежащій купцу Бондыреву.

Кромѣ Страбона мы находимъ извѣстіе о мѣстѣ Танаиса еще у Птолемея, писателя, жившаго въ половинѣ II вѣка по Р. Х. Онъ опредѣляетъ мѣсто древняго города градусами. Рѣка Танаисъ течетъ по его мнѣнію съ сѣвера на югъ, и впадаетъ въ Азовское-море двумя устьями, изъ которыхъ одно называется у него восточнымъ, другое западнымъ. Первое полагаетъ онъ подъ 67° долготы и 54° 30′ широты; второе подъ 66° 20′ долготы и 54° 10′ широты. Городъ Танаисъ лежалъ по его словамъ между этими двумя устьями, слѣдовательно на дельтѣ, и притомъ подъ тѣми же самыми градусами и минутами, какъ восточное устье. Переводя эти показанія на наши теперешнія болѣе правильныя карты, мы по необходимости должны признать западное устье Птолемея за теперешнее сѣверное, а восточное устье его за теперешнее южное [1] и вслѣдствіе того получимъ для Птолемеева Танаиса мѣсто теперешней Елисаветовской-станицы (на нашемъ планѣ 9), лежащей во первыхъ на дельтѣ, и во вторыхъ при южномъ (т. е. по Птолемею восточномъ) рукавѣ. Это выводъ, не подлежащій сомнѣнію.

Такимъ образомъ изъ двухъ пунктовъ, въ пользу которыхъ говорятъ показанія Страбона, одинъ пунктъ имѣетъ за себя свидѣтельство Птолемея. Этотъ писатель жилъ правда послѣ разрушенія Танаиса Полемономъ, но его извѣстія могутъ быть заимствованы изъ другаго болѣе древняго писателя, говорившаго о дополемоновскомъ Танаисѣ. Птолемеевы показанія никоимъ образомъ нельзя привести въ согласіе съ мѣстностью возстановленнаго Танаиса, нынѣ достовѣрно извѣстною намъ. По этому необходимо предположить, или что они совершенно ошибочны, или что они относятся къ древнему дополемоновскому Танаису.—Пока послѣднее остается возможнымъ, мы не имѣемъ права предполагать первое.

Таковы были соображенія, побуждавшія къ изслѣдованію донской дельты и преимущественно окрестностей Елисаветовской - станицы (Щучье тожь), къ изслѣдованію, которое и было причиною того, что у насъ не осталось времени для проведенія въ бо́льшемъ числѣ пробныхъ канавъ въ окрестностяхъ недвиговскаго городища.

—

На всемъ пространствѣ донской дельты только три пункта представляли старинные слѣды человѣческой жизни и дѣятельности. Объ одномъ изъ нихъ, турецкой крѣпостцѣ Лютикѣ, мы сей часъ говорили. Другіе два—курганъ на Лагутникѣ и окрестности Елисаветовской-ста-

[1] Объясненіе г. Бруна (въ Зап. Од. Общ. I. I.) мы считаемъ натянутымъ и никакъ не можемъ съ нимъ согласиться въ этомъ случаѣ.

ницы. Г. Мартыновъ, старожилъ края и знатокъ мѣстности, указывалъ еще одинъ пунктъ, именно Калиновъ островъ. Въ его запискахъ такъ говорится объ этомъ островѣ: «На одномъ рукавѣ Дона или гирлѣ, именуемомъ Лагутникъ, существовалъ большой островъ; въ памятныя даже времена престарѣлыхъ окрестныхъ жителей на немъ были видимы остатки каменныхъ строеній; они, какъ преданіе существовало, были при цѣлости своей разобраны на постройку Азова. Этотъ островъ теперь до ничтожества умалился и заключаетъ въ себѣ не болѣе двухъ десятинъ пространства; древняя его величина отъ донскаго стремленія по Лагутнику съ восточной стороны совершенно уничтожилась и дала мѣсто руслу Лагутника, а южная, присыпаясь пескомъ, дала островку новую мѣстность, покрытую кустами калины, отчего онъ и именуется Калиновымъ.» Судя по этому описанію, Калиновъ островъ долженъ находиться при устьѣ Лагутника, которое соединяется съ Терновымъ и, какъ видно на планѣ, есть третье гирло, считая съ сѣвера. Но на этомъ гирлѣ, по свидѣтельству жителей нѣтъ ничего кромѣ камышей. Четвертое на планѣ гирло называется Подгорная Кутерма, пятое Кутеремка Бѣлокаменная. Послѣднее имя можетъ-быть указываетъ на тѣ развалины, о которыхъ говоритъ г. Мартыновъ. Его слѣдовало бы изслѣдовать, но занятія наши не дозволили намъ того. Шестое и седьмое гирла на нашемъ планѣ суть гирла Новой и Старой Кутермы; осьмое Старая Егурча; малый каналъ на югъ отъ него—Егуречка. Далѣе по порядку—Мокрая Каланча, сухая Каланча, гирло Мериновое, Маячное, Лебяжье, Бирючье, (между ними малый каналъ, на планѣ неозначенный, г. Песчаное), Кривое и наконецъ Кагальницкое, самое послѣднее на югъ, при казенномъ селеніи Кагальникѣ. Чрезвычайно трудно найтись и опознаться въ этомъ лабиринтѣ; кромѣ того посѣщеніе этихъ мѣстъ представляетъ большія затрудненія по причинѣ вѣтровъ. Чтобы подробно осмотрѣть всѣ гирла, надобно было употребить не менѣе десяти дней, запастись не только провіантомъ, но и конвоемъ. Для насъ было невозможно оставить раскопки на такое долгое время безъ присмотра. Мы были принуждены ограничиться распросами, но въ этихъ распросахъ не имѣли успѣха, несмотря на содѣйствіе начальника рыбныхъ ловлей на устьяхъ Дона, полковника А. С. Донецкаго. Большинство показаній назначало Калинову острову мѣсто не при гирлѣ Лагутника, какъ говоритъ г. Мартыновъ, а между старою Егурчею и Мокрою Каланчею, но всѣ утверждали, что въ настоящее время на этомъ островѣ, нѣтъ никакихъ камней, и никто не могъ припомнить, чтобы оттуда брались когда нибудь камни для азовскихъ построекъ. Такимъ образомъ Калиновъ островъ г. Марты-

нова укрылся отъ нашихъ разысканій. Соображаясь съ Страбономъ, можно только высказать предположеніе, что онъ можетъ соотвѣтствовать древнему острову Алопекіи, «обиталищу разнаго сброда людей».

Для объясненія плана дельты скажемъ еще, что Лагутникъ не есть рукавъ Дона, а протокъ, получающій свою воду изъ моря и потому называемый ерикомъ [1]. Изъ собственныхъ рукавовъ, кромѣ двухъ главныхъ, о которыхъ мы много разъ говорили, первое мѣсто занимаетъ Каланча, отдѣляющаяся отъ Дона на право между Елисаветовскою-станицею (9 на планѣ) и Азовомъ (10). По правому ея берегу нашъ планъ показываетъ поселки, изъ которыхъ мы упомянемъ, какъ самое замѣчательное, Обуховское-селеніе. Первый большой рукавъ, отдѣляющійся отъ Каланчи на право, есть Кутерма; при его отдѣленіи, на правомъ берегу, лежитъ селеніе Рогожкино, означенное на планѣ. Кутерма отдѣляется на право и течетъ на сѣверозападъ. Немного ниже ея отдѣленія, Каланча еще разъ развѣтвляется—на Егурчу, составляющую нынѣ самое глубокое гирло, и собственную Каланчу; первая беретъ направленіе вправо почти прямо на западъ, вторая течетъ на лѣво на югозападъ. Каждый изъ этихъ главныхъ рукавовъ, т. е. Кутерма, Егурча, Каланча, подвергся въ нынѣшнее время дальнѣйшему развѣтвленію.

Наерикѣ Лагутникѣ нашъ планъ означаетъ два поселка. Ближайшій къ морю есть хуторъ Мартыновъ, принадлежавшій г. Мартынову; тотъ, который лежитъ нѣсколько выше, есть хуторъ казака Елисаветовской-станицы Ерхина. Близь послѣдняго на нашемъ планѣ стоитъ цифра 7, знакъ кургана, о которомъ мы должны теперь сказать нѣсколько словъ. Онъ лежитъ на востокъ отъ хутора Ерхина, на лѣвомъ, т. е. южномъ берегу Лагутника. Обширность его неимовѣрная и объясняется наносомъ земли, осаживающейся около него ежегодно во время разлитія Дона. Высота не соотвѣтствуетъ обширности. Въ діаметрѣ съ с. на ю. онъ имѣетъ болѣе 50, въ діаметрѣ съ в. на з. болѣе 70 саженей, между тѣмъ какъ вышина его не болѣе 4 или 5 саженей. Сѣверный склонъ круче, нежели южный. Теперешній наиболѣе высокій пунктъ находится почти въ центрѣ кургана; но прежняя вершина была сѣвернѣе; на ея мѣстѣ теперь видна обширная впадина, показывающая, что и этотъ курганъ былъ раскопанъ. Между впадиной и сѣвернымъ склономъ помѣщается теперь строеніе, принадлежащее казаку Ерхину. Вся поверхность кургана покрыта глубокимъ слоемъ чернозема; ни камней, ни черепковъ не видно.—Такое состояніе кур-

[1] Ериками называются въ этомъ краю всѣ протоки такого рода.

гана дѣлало раскопку его неумѣстною; чтобы удостовѣриться въ свойствѣ почвы, были сдѣланы двѣ малыя ямы въ аршинъ глубиною.

Оставивъ въ покоѣ этотъ удивительный курганъ, стоящій уединенно посреди моря камышей, мы обратились къ окрестностямъ Елисаветовской-станицы.

Здѣсь на с. в. отъ станицы, за Казачьимъ-ерикомъ, выкопаннымъ казаками для соединенія Дона съ Калапчею, дѣйствительно найдено городище, и притомъ еще болѣе обширное нежели недвиговское. Въ исторіи разысканій на устьяхъ Дона оно составляетъ открытіе, намъ принадлежащее. На нашемъ планѣ читатели найдутъ его означеннымъ на с. с. в. отъ станицы. Хуторъ, лежащій на в. отъ него, принадлежитъ казаку Чернову. Оно имѣетъ видъ полукруга, обращеннаго дугою къ югу, и съ полукруглой стороны своей обнесено двойнымъ валомъ. Сѣверною же прямолинейною стороною оно примыкаетъ къ камышамъ, окружающимъ ерикъ Дугинъ, гдѣ въ древности безъ сомнѣнія былъ лиманъ, который могъ служить гаванью для судовъ. Въ срединѣ вала, тянущагося вдоль камышей, замѣтенъ перерывъ, служившій повидимому для въѣзда въ городъ; на сѣверъ отъ этого мѣста вдается въ камыши полуостровъ, который, можетъ быть, служилъ пристанью. Вся поверхность валовъ и самаго городища покрыта камнями и черепками, между которыми попадаются ручки амфоръ съ греческими клеймами. Старожилы увѣряютъ, что при раскопкѣ одной части городища въ 1824-мъ году было найдено нѣсколько греческихъ монетъ, изъ которыхъ одна, именно бронзовая монета Савромата II-го, сохраняется понынѣ у протоіерея станицы почтеннаго старца Дикова. Это удостовѣряетъ, что здѣсь дѣйствительно было греческое поселеніе, и придаетъ вѣру показаніямъ Птолемея.

Для изслѣдованія городища Елисаветовской-станицы были вырыты на немъ въ пяти мѣстахъ пробныя ямы, именно на предполагаемой пристани, на въѣздѣ съ пристани въ городище, на с. з. углу внутренняго вала, и на двухъ возвышеніяхъ, находящихся въ серединѣ городища. Но въ нихъ, можетъ быть случайно, не найдено никакихъ вещей, кромѣ одной чашечки хорошей формы съ черною поливкой и вообще попадалось мало остатковъ древнихъ построекъ. Время, а еще болѣе руки рабочихъ были намъ дороги; между тѣмъ обширность городища требовала, даже для проведенія пробныхъ канавъ, довольно большого числа рукъ. Потому я не рѣшился рисковать и прекратилъ работы на городищѣ, едва начатыя. Это тѣмъ болѣе казалось мнѣ необходимымъ, что вокругъ городища находились въ большомъ числѣ памятники, составлявшіе предметъ разысканій, во всякомъ случаѣ болѣе

надежный, и къ тому же въ особенности указанный моею инструкціею.

Курганы Елисаветовской-станицы были чрезвычайно примапчивы. Они многочисленнѣе и расположены чаще, нежели курганы окрестностей Недвиговки; и что особенно возбуждало надежду, многіе изъ здѣшнихъ кургановъ не имѣли *впадинъ*. Нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны по своей вышинѣ.

Преимущественно передъ другими обращаетъ на себя вниманіе группа такъ называемыхъ *Пяти Братовъ*. Она господствуетъ надъ всею окрестностью и видима за 15 верстъ. Это пять колоссальнѣйшихъ кургановъ, расположенныхъ на ю. в. отъ городища по берегу Дона почти въ одной линіи. Громадныя присыпи примыкаютъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, въ томъ родѣ какъ на знаменитомъ керченскомъ Царскомъ-курганѣ (Ашикъ Воспорское царство Ч. II, рис. 1 и 2). Стемпковскій видѣлъ эти курганы издали, но не могъ осмотрѣть по причинѣ разлитія Дона. Тоже Кларкъ. По ошибкѣ простительной пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и при томъ туристу, Кларкъ принялъ ихъ за жертвенники Александра Македонскаго, между тѣмъ какъ послѣднихъ надобно искать не на нашемъ, а на совершенно другомъ Танаисѣ, именно на Яксартѣ, нынѣшней Сыръ-Дарьѣ. У мѣстныхъ жителей, сколько мнѣ удалось узнать, преданій о нихъ нѣтъ; не знаютъ даже, кто и когда ихъ раскапывалъ. Огромныя впадины заставляютъ полагать, что они всѣ расхищены.

Ближе къ городищу, нежели Пять-Братовъ, тянется поясъ кургановъ, раздѣляющійся на двѣ группы, изъ которыхъ одна находится на в. и ю. в. отъ городища, а другая на з. отъ него. Еще далѣе за западной группой лежитъ нѣсколько кургановъ, употребляемыхъ теперь вмѣсто кладбища; эти послѣдніе почти примыкаютъ къ Обуховскому-селенію, составляющему с. з. продолженіе Елисаветовской-станицы.

По недвиговскимъ опытамъ разувѣрившись въ курганахъ со впадинами, мы съ радостію смотрѣли на коническіе, вполнѣ сохранившіе свою форму курганы, довольно часто встрѣчающіеся въ обѣихъ изъ поименованныхъ главныхъ группъ. На нихъ исключительно палъ нашъ выборъ при производствѣ раскопокъ. Земля, довольно сырая и рыхлая, ускоряла работу. Мы копали двѣ недѣли, начиная съ 15-го до 30-го сентября.

Результаты можно почесть, если угодно, счастливѣе недвиговскихъ, по немногимъ. Противъ нашего чаянія, отсутствіе впадинъ оказалось обманчивымъ, ибо мы находили часто слѣды минъ: сырая земля донской дельты, ежегодно въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ остающейся

подъ водою, благопріятствовала этому способу раскопки. Мы разрыли 23 кургана, которые всѣ были безъ впадинъ. Изъ нихъ только три оказались совершенно нетронутыми; три были расхищены въ одной своей части; остальные семнадцать заключали въ себѣ кости, лежавшія безъ порядка, или были совершенно пусты. Выписываю изъ журнала работъ свѣдѣнія о тѣхъ изъ кургановъ, которые представляютъ какой нибудь интересъ. Какъ при недвиговскихъ курганахъ, такъ и здѣсь курганы означены нумерами, которые они имѣютъ въ вѣдомости, представленной Господину Министру Удѣловъ. Время не позволило составить карту елисаветовскихъ кургановъ; ее замѣняетъ топографическое описаніе, находящееся въ Министерствѣ Удѣловъ. Замѣтимъ еще, что между елисаветовскими курганами есть такіе, которые едва возвышаются надъ землею, и во всемъ сходны съ такъ называемыми татарскими курганами керченскихъ окрестностей и Таманскаго-полуострова. Въ вѣдомости они называются у насъ самыми малыми. Замѣчаемъ это, чтобы оговориться о значеніи употребляемаго нами ниже термина «*самый малый*».

Курганъ 1-й, малый, безъ впадины; въ серединѣ западной группы. Копали ямою въ серединѣ кургана. Гробница, какъ и вездѣ здѣсь, земляная, оказалась не тронутою. Она была углублена на 1 аршинъ въ материкѣ, ниже вершины кургана на 3 аршина. Покойникъ былъ погребенъ въ сидячемъ положеніи, лицемъ на с. з. Въ головахъ найдена простая глиняная амфора, вынутая въ цѣлости; съ правой стороны рядомъ съ туловищемъ стояли двѣ глиняныя чашки, одна краснаго, другая чернаго цвѣта, въ первой лежала вещица, состоящая изъ двухъ костяныхъ пластинокъ и перержавѣвшей желѣзной полосы между ними, вѣроятно — сложенный ножъ; во второй ничего не лежало. Ниже реберъ лежало нѣсколько круглыхъ, довольно крупныхъ просверленныхъ привѣсокъ, очевидно въ родѣ тѣхъ, которыя Барбаро въ приведенномъ выше мѣстѣ (стр. 476) называетъ четками и признаетъ за привѣски неводовъ; мѣсто, гдѣ онѣ здѣсь найдены, даетъ поводъ заключить, что это скорѣе привѣски мужскаго пояса. За двумя чашками, съ правой же стороны отъ туловища, найдено желѣзное оружіе, которое было дано въ руку покойнику и срослось съ костью; отъ окисленія оно потеряло свою форму; видно однакожь, что это былъ мечь. Ноги были протянуты; около нихъ сосудовъ не оказалось, но далѣе впереди попались лошадиныя кости. По бокамъ гробницы находились въ большомъ количествѣ куски дерева съ желѣзными гвоздями (отъ гроба или отъ щита?).

Курганъ 2-й, самый малый, безъ впадины, лежащій на ю. отъ пре-

дыдущаго. Копали ямою въ серединѣ кургана. Найдена земляная гробница нетронутая, углубленная въ материкѣ на $\frac{1}{2}$ аршина, отъ вершины кургана на $1\frac{1}{2}$ аршина. Женщина, похороненная въ ней, лежала лицемъ на ю. з. Въ ногахъ была найдена амфора простой красной глины, въ головахъ—раздавленная тяжестью земли ваза изъ простой глины, чернаго цвѣта. На одномъ изъ пальцевъ лѣвой руки,—на какомъ, мы не успѣли разсмотрѣть, прежде нежели пальцы разсыпались, — было бронзовое спиральное кольце; на предплечныхъ костяхъ обѣихъ рукъ бронзовыя спиральныя запястья; въ ушахъ по серьгѣ, также бронзовой спиральной. Правая рука держала бронзовое круглое зеркало. Всѣ эти вещи были разъѣдены ржавчиною и распадались отъ прикосновенія. Около шеи и въ особенности вблизи обѣихъ серегъ найдено множество стеклянныхъ цвѣтныхъ подвѣсокъ, разной формы и величины; возлѣ рукъ съ обѣихъ сторонъ лежали маленькія неразвернувшіяся раковинки, въ $\frac{1}{4}$ вершка длиною. Въ насыпи кургана выше гробницы найдено бронзовое запястье.

Курганъ 3-й, средней величины, безъ впадины, лежащій тотчасъ подлѣ кургана 1-го на з. отъ него. Копали ямою въ серединѣ кургана. Земляная гробница, заключавшая въ себѣ прахъ двухъ женщинъ, оказалась расхищенною. Она лежала на $3\frac{1}{2}$ аршина ниже вершины кургана и была углублена въ материкѣ на $\frac{1}{2}$ аршина; въ длину она имѣла двѣ сажени; направленіе ея было съ в. на з. Почти всѣ кости были выброшены расхитителемъ. Около тѣхъ немногихъ, которыя остались въ гробницѣ, лежалъ сверху и низу слой чернаго цвѣта, происшедшій повидимому отъ истлѣвшаго платья или отъ постели, которою была выстлана вся могила. По помянутому слою было легко отличить направленіе стѣнокъ гробницы: онѣ шли книзу подъ тупымъ угломъ. Отъ трупа, лежавшаго въ в. части гробницы, уцѣлѣли на мѣстѣ бедренныя кости; вблизи ихъ найдена большая куча извести и около нея множество стеклянныхъ бисеринокъ; въ ногахъ этого трупа — осколки отъ трехъ амфоръ, раздавленныхъ землею. Отъ трупа, лежавшаго въ з. части гробницы, костей не найдено. Въ самомъ западномъ краю гробницы лежало серебряное кольцо отъ горлышка небольшой серебряной вазки, и къ ней же принадлежавшая серебряная ручка, обѣ вещицы массивныя и красивой формы; шесть малыхъ украшеній изъ золота, нѣсколько монистинъ и одно стеклянное украшеніе на подобіе пуговичной головки.—Гробокопатель, упредившій насъ, шелъ миною съ с. з.

Кург. 10-й, средней величины, безъ впадины, лежащій въ серединѣ восточной группы. Копали ямой въ серединѣ кургана; съ с. сдѣлана къ ней пріемка. Нашли двѣ земляныя гробницы, одну совершенно разо-

ренную (вѣроятно женскую, заключавшую въ себѣ вещи), другую мужскую нетронутую. Въ послѣдней найдено множество бронзовыхъ и желѣзныхъ стрѣлъ и оружіе, потерявшее отъ ржавчины свою форму. Костякъ лежалъ лицемъ на з. — Къ расхищенной гробницѣ замѣчены слѣды мины.

Кург. 15-й, малый, безъ впадины, на западномъ концѣ восточной группы. Копали ямой въ серединѣ кургана. Въ обрѣзѣ земляной гробницы земля была тверже окружающаго ее материка. Костей на днѣ ея не оказалось, но вырыты три поѣденные ржавчиною желѣзные кинжала и остатки панцыря, состоявшаго изъ мѣдныхъ чешуекъ и имѣвшаго, какъ можно заключить по тому, что уцѣлѣло, не менѣе двухъ аршинъ въ длину. Чешуйки панцыря почти всѣ перержавѣли и разсыпáлись отъ прикосновенія. Мы принуждены были оставить ихъ на время, какъ пошли, чтобы залить гипсомъ, котораго у насъ вблизи не случилось, но любопытные потревожили ихъ ночью. Намъ удалось сберечь только два мѣста, пощаженные ночными посѣтителями. Панцырь этотъ былъ впрочемъ совершенно подобенъ тому, части котораго сохраняются въ Эрмитажѣ въ нижнемъ этажѣ въ керченской залѣ.

Кург. 16-й, средней величины, безъ впадины, самый западный изъ кургановъ восточной группы. Копали ямою въ серединѣ кургана. На глубинѣ 4½ аршинъ нашли земляную гробницу, шедшую внизъ тремя уступами. На второмъ уступѣ лежали лошадиныя кости, на третьемъ— человѣческія, безъ порядка. Вещей никакихъ не было. Замѣчены явные слѣды мины.

Кург. 17-й, средней величены, безъ впадины, лежащій въ западной группѣ, черезъ одинъ курганъ на з. отъ кургана 3-го. Копали ямою въ серединѣ кургана. На глубинѣ 11 четвертей аршина оказался материкъ, и въ немъ на глубинѣ ½ аршина большая земляная гробница, въ которой лежали два покойника, мужчина и женщина, обращенные лицемъ на западъ, и въ ихъ ногахъ костякъ лошади, около котораго найдена одна круглая привѣска. Съ правой стороны костяка мужчины лежало много бронзовыхъ стрѣлъ, привѣски отъ пояса и какое то желѣзное оружіе, находившееся у него подлѣ головы съ правой стороны и потерявшее отъ ржавчины форму. На костяхъ женщины два золотыхъ и два электровыхъ гладкихъ перстня очень простой работы, десять золотыхъ дутыхъ пуговокъ простой работы, десять малыхъ золотыхъ спиральныхъ украшеній (около головы и въ черепѣ, см. ниже), серебряныя съ золотою филиграновою оправою серьги хорошей работы, два серебряныя совершенно окислившіяся запястья и бронзовое круг-

лое зеркало, распавшееся отъ прикосновенія. Монистъ не было. Черепъ женщины лежалъ на бокѣ; онъ былъ раздавленъ и наполнился землею, въ которую врѣзались многія изъ золотыхъ вещицъ. Это подало поводъ къ расказамъ, что мы нашли голову, наполненную золотомъ; молва пришлась по ожиданіямъ людей, убѣжденныхъ, что мы ищемъ *по описямъ* скрытаго золота, и распространилась быстро; на слѣдующій день съѣхалось на мѣсто работъ много любопытныхъ. Впрочемъ *золотая голова* принадлежала костяку, въ самомъ дѣлѣ интересному. Кости женщины лежали совершенно неправильно, хотя гробница была не тронутая. Мы уже говорили выше (стр. 403) о заключеніи, которое изъ этого можно вывесть.

Курганъ 19-й, средней величины, безъ впадины, въ группѣ, лежащей близъ Обуховскаго-селенія. Копали ямой по серединѣ кургана. Гробница была земляная, какъ и вездѣ въ Щучьемъ. Въ ней найдены лошадиныя кости. Человѣческихъ не было. Но попались два наконечника стрѣлъ, одинъ мѣдный, другой изъ кремня, что замѣчательно и указываетъ на глубокую древность.

Эта выписка изъ журнала работъ показываетъ, что результаты елисаветовскихъ раскопокъ были не блестящіе. За исключеніемъ упомянутыхъ выше серебряныхъ серегъ въ золотой оправѣ, елисаветовскіе курганы не дали намъ ни одной красивой вещи. Опять не пашли мы ни одного предмета, оказывающаго греческое искусство времени до Р. Х.; опять ни одного черепка расписныхъ сосудовъ. Характеръ вещей еще менѣе изящный и менѣе греческій, нежели въ Недвиговкѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, особенно кременный наконечникъ стрѣлы, переносятъ въ самую отдаленную древность, можно даже сказать во времена незапамятныя, если принять въ соображеніе, что знакомство и сосѣдство съ Греками должно было въ этихъ мѣстахъ весьма рано вывести изъ употребленія оружіе этого рода, составляющее принадлежность гробницъ такъ называемой *каменной эпохи* скандинавскаго сѣвера. Покойникъ, погребенный въ сидячемъ положеніи, также указываетъ на обычай, весьма знакомый разрывающимъ могилы сѣверной части Европы и доселѣ сохранившійся у насъ въ западной Сибири при погребеніи шамановъ [1]. Вообще свойство елисаветовскихъ находокъ такого рода, что эпоху кургановъ трудно опредѣлить: иные могутъ восходить весьма далеко въ древность; другіе могутъ относиться къ времени довольно позднему, даже можетъ быть къ времени Алановъ, которымъ Іосафатъ

[1] Отъ шаманскаго обычая упомянутая елисаветовская гробница отличается тѣмъ, что она углублена въ материкѣ. Шаманы хоронятся иначе. Ихъ сажаютъ на поверхности материка и обкладываютъ камнями.

Барбаро приписываетъ курганъ Контеббе и вообще всѣ курганы Новой Россіи. Одно только то, кажется, достовѣрно, что елисаветовскіе курганы не были дѣломъ Грековъ и даже показываютъ цивилизацію, мало зависѣвшую отъ греческаго вліянія. Особенно замѣчательно, что ни на одной изъ многихъ амфоръ, вырытыхъ въ елисаветовскихъ курганахъ, не было греческаго клейма, столь обычнаго въ Недвиговкѣ: — обстоятельство весьма загадочное, ибо какъ согласить древность поселенія, о которой свидѣтельствуетъ кремениый наконечникъ стрѣлы, и близость его къ достовѣрному Танаису III-го вѣка по Р. Х. (т. е. къ Недвиговкѣ) съ этимъ совершеннымъ отсутствіемъ греческой посуды и притомъ не на елисаветовскомъ городищѣ, гдѣ поднято нѣсколько клейменыхъ ручекъ, а именно въ елисаветовскихъ курганахъ? Можно было бы отнести тотъ кремениый наконечникъ къ времени переселенія народовъ, когда слѣды греческой образованности должны были въ этихъ странахъ совершенно исчезнуть, но тому противится характеръ многихъ другихъ вещей, запястьевъ, зеркалъ, спиральныхъ колецъ и серегъ, не имѣющихъ обыкновенія показываться въ могилахъ племенъ, дѣйствовавшихъ въ средніе вѣки. Эти вещи, взятыя каждая порознь, не имѣютъ правда того, что называется характеромъ, но совокупность ихъ носитъ особенный характеръ, отличный отъ характера вещей, находимыхъ въ могилахъ народовъ, вовсе не испытавшихъ греческаго вліянія. Нельзя не думать съ удовольствіемъ надежды, близкой къ исполненію, о томъ времени, когда постепенно расширяющееся изслѣдованіе нашихъ кургановъ дастъ возможность раздѣлить ихъ на большія группы, которыя примутъ наконецъ отъ науки имя разныхъ эпохъ и можетъ-быть даже имя народовъ. Тогда вещи, не имѣющія въ отдѣльности никакой цѣны, получатъ неизмѣримую цѣнность, какъ памятники цивилизацій, отличавшихся другъ отъ друга и уже не безъименныхъ. Но теперь еще пока эти вещи смотрятъ на насъ, какъ древній сфинксъ, и ожидаютъ своего Эдипа.

Для вопроса о мѣстности древняго дополемоновскаго Танаиса наши елисаветовскія раскопки не принесли рѣшительныхъ данныхъ. Сомнѣніе остается прежнее, и авторитетъ Птолемея не подтвердился и не потерялъ силы. Дѣло только еще болѣе осложнилось, и рѣшеніе его сдѣлалось еще болѣе интереснымъ. Мы нашли городище, давшее нѣсколько предметовъ греческаго происхожденія, одну монету (священн. Дикова), двѣ клейменыя ручки (нами поднятыя), одну чашку хорошей формы (вырытую при нашихъ раскопкахъ). Рядомъ съ городищемъ мы нашли курганы, очевидно принадлежащіе не греческому племени, но показывающіе однакожь цивилизацію, испытавшую греческое вліяніе.

О городищѣ нельзя навѣрное сказать ничего; возможность найти тамъ слѣды искомаго дополемоновскаго Танаиса еще остается, и дальнѣйшія раскопки могутъ подтвердить свидѣтельство Птолемея. Но мы раскопали всѣ значительные курганы, не имѣвшіе впадинъ и не употребляемые вмѣсто кладбища; остались нераскопанными лишь курганы, отнесенные выше къ разряду самыхъ малыхъ. По этому раскопка кургановъ дѣлаетъ вѣроятнымъ заключеніе, что елисаветовскіе курганы не принадлежатъ дополемоновскому Танаису, такъ сильно насъ занимающему. Гдѣ же наконецъ эти древнѣйшія гробницы, которыхъ мы не нашли ни въ недвиговскихъ курганахъ и насыпяхъ, ни въ елисаветовскихъ курганахъ?

Отвѣтъ возможенъ одинъ, и эта точность отвѣта есть плодъ нашихъ поисковъ. Очевидно, тѣхъ древнѣйшихъ гробницъ слѣдуетъ искать на гладкихъ мѣстахъ, и единственное средство къ тому—проведеніе пробныхъ канавъ вокругъ обоихъ городищь, недвиговскаго и елисаветовскаго. Это средство, должнымъ образомъ употребленное, неминуемо приведетъ и къ рѣшенію вопроса, остающагося нерѣшеннымъ: гдѣ лежалъ древнѣйшій Танаисъ, разоренный Полемономъ, въ Недвиговкѣ ли, или, какъ можно заключать на основаніи свидѣтельства Птолемея, въ Елисаветовкѣ?

Такимъ образомъ наши работы въ Елисаветовкѣ приводятъ къ требованію того же способа изслѣдованія посредствомъ пробныхъ канавъ, на который указывали и результаты раскопокъ, произведенныхъ въ Недвиговкѣ.

Сплошное разрытіе недвиговскаго городища и проведеніе пробныхъ канавъ по его окрестностямъ, а равно по елисаветовскому городищу съ его окрестностями — вотъ въ чемъ, по моему разумѣнію, должны заключаться главныя работы, остающіяся для будущаго.

—

Лѣвый берегъ Дона, какъ принадлежащій Екатеринославской губерніи, не подлежалъ нашимъ разысканіямъ. На правомъ берегу Мертваго Донца, два пункта, именно городище Сухаго-Чалтыря и городище Гниловской-станицы, были уже указаны Стемпковскимъ. Мы присоединимъ къ этимъ двумъ пунктамъ поселокъ г. Грекова, гдѣ были вырыты около тридцати лѣтъ тому назадъ два камня съ греческими надписями. Этотъ поселокъ отстоитъ версты три отъ Гниловской станицы, по дорогѣ къ Недвиговкѣ. Онъ лежитъ на берегу Донца. Владѣлецъ его, съ которымъ я успѣлъ познакомиться въ Новочеркаскѣ, далъ мнѣ позволеніе сдѣлать нужные поиски и приказаніе дворовымъ людямъ мнѣ содѣйствовать. Я нашелъ въ саду г. Грекова

много тесанаго камня и ямы, которыя были вырыты прежними помѣщиками, искавшими кладовъ. Тесаный камень употребленъ на обкладку става, т. е. сажелки. Мы тщательно осмотрѣли наружную сторону всѣхъ этихъ камней, даже поднимали нѣкоторые изъ нихъ, но камней съ надписью не оказалось. Одинъ изъ дворовыхъ людей показывалъ, что онъ очень хорошо помнитъ эти камни и мѣсто, гдѣ стоялъ одинъ изъ нихъ,—именно на с. в. углу сажелки; въ молодости этотъ дворовый человѣкъ стрѣлялъ въ него, какъ въ цѣль. Но онъ не могъ припомнить, на что эти камни были употреблены. Осмотръ каменныхъ пороговъ всѣхъ строеній хутора также не привелъ насъ ни къ чему. Я не рѣшился копать здѣсь, при отсутствіи видимыхъ признаковъ древняго поселенія.

Городище и курганы Гниловской-станицы требовали бо́льшаго вниманія. Имъ было удѣлено въ продолженіе двухъ недѣль около 30 рабочихъ. Извѣстія объ этихъ работахъ заключатъ описаніе нашихъ разысканій на устьяхъ Дона.

Гниловская-станица лежитъ на правомъ берегу Дона надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ эта рѣка развѣтвляется на два рукава, образующіе дельту. Станица расположена вдоль по высокому правому берегу Дона и Мертваго-Донца и съ своими поселками тянется почти на 7 верстъ; съ востока она почти соприкасается съ городомъ Ростовомъ, а отъ взморья отстоитъ около 30 верстъ. У западнаго конца собственной станицы есть старинный высокій окопъ, поверхность котораго, особенно спускъ, обращенный къ рѣкѣ (на югъ), покрыты множествомъ черепковъ глиняной посуды; но между ними при осмотрѣ мѣстности въ продолженіе цѣлаго дня мнѣ не удалось найти ручекъ съ греческими клеймами. Имѣя въ виду это обстоятельство, а также и самый видъ окопа, удобнаго для дѣйствованія лишь огнестрѣльнымъ оружіемъ, я полагаю, что его слѣдуетъ отнести ко временамъ довольно позднимъ. На западѣ у подошвы этого городища впадаетъ въ Донъ глубокая балка, верховье которой находится версты на три отъ берега. На востокъ отъ этой балки почва на нѣкоторомъ протяженіи постепенно возвышается, и потомъ опять понижается по направленію къ руслу рѣчки Темерникъ, впадающей въ Донъ между Гниловскою-станицей и городомъ Ростовомъ. По гребню этой возвышенности, раздѣляющей ложбину Гниловской-балки отъ ложбины Темерника, тянется рядъ кургановъ, которые мы подвергли изслѣдованію.

Курганы со впадинами, которыхъ здѣсь было много, оставлены безъ изслѣдованія; изъ кургановъ безъ впадинъ раскопаны въ этой цѣпи три кургана.

Кург. 1-й, ближайшій къ Донцу, средней величины. Разрытъ тремя углубленіями. Найдены три земляныя гробницы. Въ первой изъ нихъ скелетъ лежалъ на правомъ боку; въ головахъ была глиняная горнушка и три кремня. Вторая гробница, съ боковымъ отверстіемъ въ материкѣ, заслоненнымъ тремя каменными плитами, заключала въ себѣ два костяка, въ согнутомъ положеніи, головами въ разныя стороны; при нихъ ничего не найдено. Въ третьей гробницѣ открытъ скелетъ человѣка и подлѣ него скелетъ лошади; въ головахъ глиняный горшокъ съ узоромъ, грубой работы; въ рукахъ была какая-то оловянная утварь, обратившаяся въ бѣлый порошокъ; такой же бѣлый порошокъ былъ виденъ въ разныхъ мѣстахъ около скелета лошади, гдѣ олово безъ сомнѣнія украшало сбрую. Подлѣ лежали два куска красной краски.

Кург. 2-й, на сѣверъ отъ третьяго, средней величины. Разрытъ углубленіемъ по срединѣ кургана. Найдена земляная гробница, заключавшая въ себѣ полуистлѣвшій деревянный гробъ съ костякомъ, обращеннымъ лицемъ на востокъ. Въ лѣвой рукѣ находился весьма длинный желѣзный мечь, распавшійся на двѣ части, но въ остальномъ довольно хорошо сохранившійся; у праваго плеча маленькая мѣдная пуговичка. Въ ногахъ покойника костякъ лошади и на немъ желѣзныя удила и два стремени изъ того же металла.

Кург. 3-й, еще далѣе на сѣверъ, средней величины. Разрытъ углубленіемъ въ срединѣ; по направленію обрѣза сдѣлана пріемка. Работа остановилась сначала по необыкновенной твердости земли, наполняющей обрѣзъ. За прекращеніемъ потомъ работъ въ Гниловской-станицѣ раскопка этого кургана осталась неконченною.

На сѣверовостокѣ отъ этой гряды кургановъ, прямо на сѣверъ отъ главной церкви Гниловской-станицы, съ небольшимъ въ верстѣ отъ нея, лежитъ группа кургановъ, окружающихъ одинъ весьма большой курганъ, замѣчательный по своей формѣ. Этотъ большой курганъ называется въ народѣ Долгимъ-курганомъ. Онъ имѣетъ въ вышину около 6 сажепей; на вершинѣ его находится глубокая впадина, какъ видно не очень давняго происхожденія. Съ восточной стороны къ кургану примыкаетъ длинная присыпь, имѣющая видъ галлереи, направленной къ кургану; на восточной оконечности присыпи возвышается другой меньшій курганъ, также со впадиною. Мы начинали углублять центральную впадину главнаго кургана и раскапывать меньшій курганъ, а равно и продолговатую насыпь, соединяющую послѣдній меньшій курганъ съ главнымъ. Меньшій курганъ раскапывали продольными разрѣзами отъ подошвы къ центру съ сѣверной и южной стороны.

На гребнѣ насыпи были вырыты два пробныя углубленія, изъ которыхъ въ одномъ, западномъ, въ сѣверной его части оказался рядъ камней съ кусками истлѣвшаго дерева по его внутренней, южной, сторонѣ. Но этотъ рядъ камней не продолжался далѣе въ глубь и не привелъ ни къ чему. Въ продольныхъ разрѣзахъ меньшаго кургана боковыхъ гробницъ также не оказалось; продолжать ихъ до средней гробницы, надъ которою была впадина, намъ показалось ненужнымъ. Работы остались неоконченными за пресѣченіемъ раскопокъ въ Гниловской-станицѣ.

На западъ отъ Долгаго-кургана лежалъ курганъ, наиболѣе привлекавшій вниманіе по отсутствію впадины на вершинѣ и по тремъ большимъ присыпямъ. Онъ раскопанъ нами окончательно. Проведены четыре разрѣза отъ подошвы къ центру по материку съ з., ю.-з., ю.-в, и в. стороны кургана. Въ з. присыпи найдена земляная гробница, заключавшая въ себѣ кости младенца, лежавшія въ порядкѣ; лице было обращено къ югу. На костяхъ находилось нѣсколько раковинокъ съ дырочками, просверленными для нашивки на платьѣ; въ ногахъ глиняная чашка, весьма грубой варварской работы, служившая вѣроятно для куреній. Въ юго-западной и въ юго-восточной присыпяхъ открыты могилы, повидимому рабовъ. Могилы эти были короче, нежели сколько нужно для помѣщенія человѣческаго тѣла. Покойники были зарыты въ нихъ согнутые, такъ сказать втиснутые въ нихъ. Кости найдены въ цѣлости, за исключеніемъ черепа одного костяка. Въ одной изъ этихъ могилъ было два костяка, въ другой одинъ, и этотъ послѣдній лежалъ на боку. Въ серединѣ кургана прорыта яма. Она также довела до узкой могилы, подобной остальнымъ могиламъ этого кургана. Костякъ лежалъ въ ней также на боку. Вещей ни при одномъ изъ четырехъ покойниковъ не было; не оказалось даже ни одной пуговички или пряжки. Какъ объяснить это отсутствіе вещей? и что можетъ значить отсутствіе черепа въ могилѣ очевидно нетронутой? Есть поводъ предполагать, что это были могилы рабовъ, окружавшія гробницу господина. Правда мы не нашли этой главной гробницы, хотя раскопали весь курганъ; но мы встрѣтили нору лисицы, многими извилинами углубляющуюся внутрь кургана, и въ этой лисей норѣ —человѣческія кости. Быть-можетъ лисица разорила главную гробницу, избравъ ее мѣстомъ для своего жилища, и потаскала изъ нея немногія вещи, которыя въ ней были. Меня увѣряли, что лисицы имѣютъ такой обычай и уже оказывались соперницами гробокопателей.

Работы въ Гниловской - станицѣ продолжались отъ 2-го по 17-е

октября. Онѣ были прекращены по совершенной бѣдности вещами тѣхъ кургановъ, которые были окончательно раскопаны.

—

Оканчивая описаніе разысканій, произведенныхъ на устьяхъ Дона въ 1853-мъ году, нельзя не сказать нѣсколько общихъ словъ объ археологической важности Дона.

Нашъ «тихій», «святой» Донъ не можетъ соперничать не только съ знаменитыми мѣстами нахожденія археологическихъ памятниковъ, какіе представляютъ Италія, Греція, Египетъ, передняя Азія, но и съ многими пунктами въ нашемъ отечествѣ. Ольбія и Херсонесъ, Керчь и Тамань изъ мѣстъ изслѣдованныхъ или изслѣдуемыхъ имѣютъ надъ нимъ несомнѣнное преимущество. Онъ уступитъ археологическій почетъ и нѣкоторымъ пунктамъ, еще ожидающимъ серьознаго изслѣдованія, каковы многія мѣста восточнаго берега Чернаго-моря, и въ особенности то древнее царство Солнца, многославная Колхида, загадочная страна чаръ, бывшая первою цѣлію миѳическихъ плавателей, оспариваемая у Кавказа Египтомъ и Индіей, вѣнчанная горами, не перемѣнявшими обитателей по крайней мѣрѣ въ теченіи двухъ тысячь лѣтъ (племя Свановъ), и по какому-то мало понятному случаю остававшаяся доселѣ почти въ забвеніи.

Но уступая въ археологической важности этимъ мѣстамъ, нашъ Донъ тѣмъ не менѣе заслуживаетъ, чтобы археологія, въ особенности отечественная, обращалась къ нему съ участіемъ. На его устьяхъ лежалъ древній Танаисъ, нѣкогда первое послѣ Пантикапеи торжище Грековъ съ сѣверомъ; его свободное отъ пороговъ теченіе было издревле великимъ путемъ торговли; наконецъ вся его система была главнымъ театромъ движенія племенъ. Кромѣ устій, многіе пункты на Дону представляютъ большой интересъ. Таковы Аксайская-станица, теперешнее великое перепутіе, соединяющее Кавказъ съ сѣверомъ, его городище [1] и курганы [2], и въ особенности его такъ называемая Кобяковская-балка, въ которой еще въ недавнее время были находимы золотыя и электровыя монеты Воспорскаго-царства; далѣе

[1] У нижней оконечности станицы; очень высокое; клейменыхъ ручекъ я на немъ не нашелъ, хотя тщательно осматривалъ его въ продолженіе цѣлаго утра. Говорятъ, на немъ были находимы корчаги, т. е. амфоры. Обломковъ глиняныхъ сосудовъ, о которыхъ говоритъ Стемпковскій (выше стр. 395), и теперь много.

[2] Между ними такъ называемая Гиреева могила у вершины балки Кобяковки. Эта балка была раскопана въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ для добыванія камня при построеніи колоссальной аксайской дамбы, но генералъ Девиттъ, начальствующій надъ этими инженерными работами, сообщилъ мнѣ, что при этомъ не было найдено рѣшительно никакихъ древностей. Немного выше Аксая на лѣ-

Цымлянская-станица, гдѣ есть городище, обнесенное валомъ и рвомъ, гдѣ по свидѣтельству Кларка[1] были найдены тѣ два мраморные столба, которые онъ видѣлъ въ Черкаскѣ въ домѣ Генерала Орлова, и гдѣ по словамъ г. Мартынова (въ рукописныхъ запискахъ) открыта часть гранитной колонны, находившаяся въ домѣ его дѣда, но теперь утраченная; Переволока къ Волгѣ, по которой должны были зайти въ окрестности Царицына Греки, оставившіе намъ извѣстную надпись, тамъ найденную, — Переволока, несомнѣнное мѣсто хазарскаго Саркела[2]; наконецъ, если угодно, эти «столбы каменные бѣлые, — дивно же и красно стоятъ рядомъ, яко стози малы, бѣлы жь и свѣтлы зѣло» — о которыхъ говоритъ митрополитъ Пименъ, и которые стояли надъ Тихой-Сосной при сліяніи ея съ Дономъ. Системы Маныча, сѣвернаго Донца и Міуса представляютъ также много пунктовъ археологически-замѣчательныхъ. Наконецъ съ Дона требуютъ отъ науки ея свѣта толпы Савроматовъ, женамъ повиновавшихся, Меотовъ разноименныхъ, Алановъ, оставившихъ имя свое горамъ и курганамъ, миѳическихъ Аорсовъ и болѣе историческихъ Россовъ съ ихъ сверстниками Хазарами. Поле чрезвычайно обширное и необъятное для одного изслѣдователя.... Но совокупныя силы науки также необъятны.

П. Леонтьевъ.

вомъ берегу Дона, на той же большой Кавказской дорогѣ при Александровской-станицѣ, курганъ, лежащій на горѣ, есть можетъ быть тотъ самый, который раскапывалъ Барбаро. Я не осматривалъ этого кургана. Еще выше при Маныцкой-станицѣ курганъ Княжой, въ которомъ была вымыта водою та бронзовая статуя съ греческою надписью на поясѣ и четырьмя печатями, которая нынѣ находится въ Эрмитажѣ. Статуйка эта чрезвычайно интересна, ибо представляетъ смѣшеніе языческихъ идей съ еврейскими, можетъ быть гностическими. Надпись очевидно значитъ: гласъ Господа надъ водами. Весь берегъ Дона отъ Маныча до Богаевской-станицы богатъ курганами и отчасти слѣдами жилищъ. При послѣдней станицѣ лежитъ большой курганъ, называемый Малибашъ.

[1] Стр. 272 и 273 англ. изд. 1810 года.

[2] Мѣсто Саркела опредѣляется лучше всего по извѣстію Пимена. Въ недѣлю пятую о Самарянцѣ они миновали Медвѣдицу, въ понедѣльникъ горы каменныя красныя, во вторникъ Серклію (не градъ же убо, но точію городище), въ среду — Великую-луку. По счету дней плаванія ихъ видно, что они дѣлали въ день около 60 верстъ; такъ напр. во второй день своего рѣчнаго плаванія они миновали Мечу, а въ шестой день приспѣли до устья Воронежа рѣки. Поэтому надобно искать Саркела ниже Григорьевской и нѣсколько выше Качалинской станицы. Г. Мартыновъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о недавно еще находившихся близь Трехъ-островянской-станицы развалинахъ каменныхъ помѣщеній и сближаетъ съ этимъ фактомъ имя Бѣляевская, которое эта станица носитъ въ простонародіи, остроумно заключая, что здѣсь надобно искать Саркела (бѣлой Вѣжи). Но Трехъ-островянская-станица лежитъ ниже большой луки Дона. — Аланы, долѣе всѣхъ другихъ народовъ обладавшіе устьями Дона, имѣли на Дону, по Эдризи, небогатый, но многолюдный городъ Аскала, отстоявшій 6 миль отъ моря. Лелевель находитъ его въ Аксайской-станицѣ. (G. du m. âge III, 199).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
ОБЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ РАЗЫСКАНІЯХЪ
БЛИЗЬ СИМФЕРОПОЛЯ И СЕВАСТОПОЛЯ.

По переходѣ бахчисарайской дороги у самаго предмѣстья Симферополя, на лѣвой сторонѣ Салгира, на горѣ, лежатъ развалины укрѣпленія, прозванныя Татарами Керменчикъ. Со стороны Салгира гора обрывиста и твердо укрѣплена самою природою, но съ сѣверо-западной стороны она полога и незамѣтнымъ склономъ спускается до узкаго ущелья. Три стѣны, коихъ слѣды доселѣ еще видны, укрѣпляли эту сторону Керменчика. Это почти неприступное мѣсто служило главною крѣпостью, такъ сказать ключемъ цѣлой оборонительной линіи, защищавшей крымскую нагорную часть со стороны степей отъ всякаго неожиданнаго нападенія непріятеля чрезъ Перекопскій-перешеекъ.

Б л а р а м б е р г ъ первый предположилъ, что развалины Керменчика принадлежали крѣпости, выстроенной скиѳскимъ царемъ Скилуромъ. Находки, сдѣланныя въ 1827 году, подтвердили справедливость его мнѣнія. Два обломка обронныхъ (рельефныхъ) изваяній представляли изображенія, носящія на себѣ скиѳскій отпечатокъ. Надпись съ именемъ Скилура, прозваннаго великимъ царемъ (*ΜΕΓΑΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ*), опредѣлила съ точностію, кому именно надо отнести эти обронныя изображенія съ скиѳскими шапками и анаксиридами.

Но кромѣ этихъ находокъ другіе памятники показали неоспоримо, что здѣсь было греческое поселеніе. Кирпичь съ надписью *ΑΣΤΥΝΟΜΟΣ* заявилъ существованіе такихъ чиновниковъ, которые

встрѣчаются только въ городахъ, а надписи, въ коихъ упоминаются божества, Зевсъ Атабирійскій и Аѳина Линдійская, доказали, какому именно греческому племени можно приписать основаніе этого города.

Зевсъ извѣстенъ былъ на островѣ Родосѣ подъ прозваніемъ Атабирійскаго (*ΑΤΑΒΥΡΙΟΣ*), по случаю храма, воздвигнутаго ему на самой высокой горѣ всего острова, на горѣ Атабирѣ. Аѳина же была почитаема на томъ же островѣ подъ именемъ Линдійской богини, по случаю храма города Линдоса. Храмъ этотъ, какъ гласитъ преданіе, выстроенъ былъ Данаидами, послѣ бѣгства ихъ изъ Египта, и прославился въ послѣдствіи по всей Греціи и Архипелагу богатыми приношеніями, въ немъ находившимися. Отсюда видно, какимъ образомъ Бларамбергу удалось по найденнымъ памятникамъ опредѣлить положительно, что на мѣстѣ теперешняго Керменчика было пребываніе скиѳскаго царя Скилура, и что въ послѣдствіи основанъ здѣсь городъ выходцами острова Родоса. Существованіе этого города продолжалось по крайней мѣрѣ до III-го столѣтія, потому что тутъ найдены были монеты императора Макрина (217—218 по Р. Х.).

Соображая всѣ эти данныя, Бларамбергъ дошелъ до убѣжденія, что эта крѣпость была именно та, которую Страбонъ называетъ Неаполисомъ. Года четыре тому назадъ найдены были двѣ амфорныя ручки съ именемъ *ΝΕΟΠΟΛΙΟΣ* на срединѣ клейма. Вотъ послѣднія положительныя свѣдѣнія, которыя были доселѣ извѣстны о развалинахъ Керменчика.

Въ прошедшее лѣто мы приступили къ изслѣдованію всей этой мѣстности. Канавы, проведенныя въ разныхъ направленіяхъ, довели до открытія слѣдовъ жилищъ. Но стѣны найдены сильно поврежденными жителями Симферополя, выкапывающими камень для постройки домовъ. Въ самой скалѣ, на которой лежатъ эти развалины, выдолблены круглыя ямы. Трудно опредѣлить ихъ назначеніе. Въ иныхъ находили уголь, въ другихъ жженую крупу, въ третьихъ лежали кости. Ямы эти покрываютъ почти всю гору и выдолблены одна возлѣ другой.

Въ началѣ прошлаго лѣта Татары нечаянно нашли надгробный памятникъ, весьма любопытный по представленному на немъ всаднику въ скиѳскомъ одѣяніи. Возлѣ этого мѣста мы отрыли мраморный обломокъ греческой надписи самаго любопытнаго содержанія. Изъ сохранившихся словъ видно, что гражданинъ Посидей, сынъ Посидея, побѣдилъ Сатарховъ, морскихъ разбойниковъ сѣвернаго берега Таврическаго-полуострова (имя его уже извѣстно по двумъ надписямъ Бларамберга), и посвящаетъ что-то Ахиллесу, владѣтелю острова. Про-

званіе владѣтеля острова доселѣ никогда не встрѣчалось въ надписяхъ; обыкновенно его называютъ Понтархомъ. Подъ именемъ острова подразумѣвали вѣроятно: или Березань или Фидониси.

Эта надпись можетъ навести на совершенно новыя свѣдѣнія для греческой миѳологіи. Она явнымъ образомъ доказываетъ, что служила подножіемъ для изваянія, представляющаго божество, въ ней упомянутое. Судя по правописанію и формѣ буквъ Σ и E можно отнести всѣ три надписи къ послѣднему столѣтію до Р. Х.

Послѣ попытки, сдѣланной въ развалинахъ Керменчика, работы перенесены въ окрестности Севастополя, гдѣ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ мы изслѣдовали развалины Корсуни, того самаго города, который завоеванъ былъ Равноапостольнымъ Великимъ Княземъ Владиміромъ, и въ которомъ онъ принялъ крещеніе.

Въ Херсони, или Корсуни, открываются въ особенности два предмета для изслѣдованій: внѣ города — гробницы, а внутри города — древнія зданія.

Разысканія наши были обращены на оба эти источника, дабы узнать, какой изъ нихъ богаче окажется памятниками важными для науки. Наши работы необходимо раздѣлить на изслѣдованіе херсонитскихъ гробницъ и на изслѣдованіе городскихъ зданій.

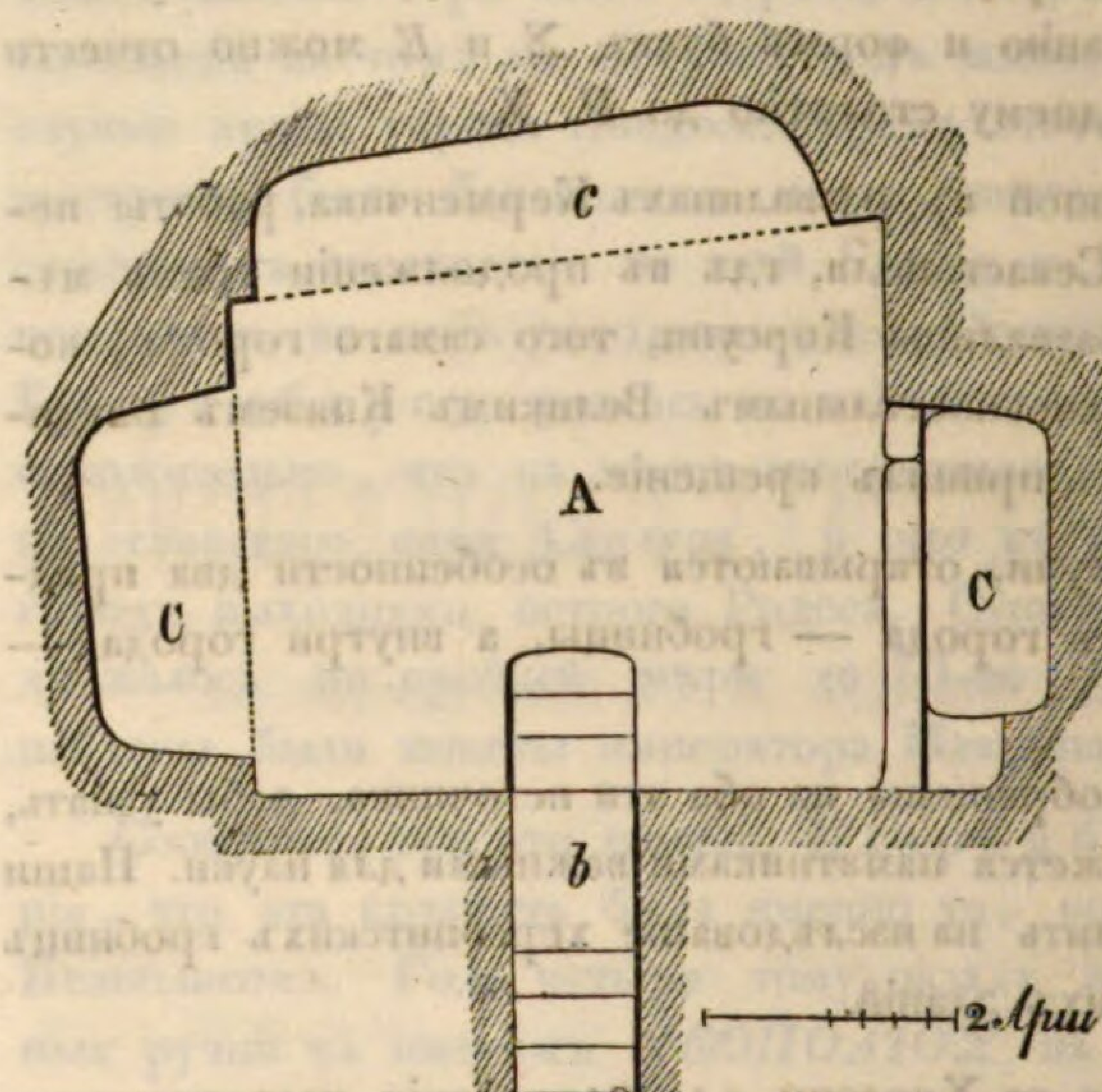
Обычаи, существовавшіе въ Херсони для погребенія, извѣстны намъ изъ нѣкоторыхъ отрывковъ, встрѣчаемыхъ въ надписяхъ, изъ темныхъ намековъ, находящихся въ житіи корсунскихъ мучениковъ или въ писателяхъ византійскихъ; но эти источники такъ скудны, что невозможно себѣ составить полнаго понятія о способѣ тамошняго погребенія. Необходимо, чтобы пополнить это понятіе, сравнить погребальные обычаи Херсонитовъ съ погребальными обычаями остальныхъ Грековъ.

Провѣривъ потомъ эти свѣдѣнія изслѣдованіями, можно отыскать мѣста, гдѣ лежали гробницы Херсонитовъ и открыть такимъ образомъ богатое хранилище любопытныхъ памятниковъ.

Изъ многихъ писателей извѣстно, что Херсониты погребали умершихъ внѣ городскихъ стѣнъ. Особыя городскія ворота, чрезъ которыя выносили усопшихъ, прозывались можетъ-быть какъ въ Аѳинахъ, могильными воротами, *Ἠρίαι πύλαι*. Наконецъ изъ житія святаго Евгенія видно, что херсонитскія гробницы высѣкались въ скалѣ, что родные навѣщали ихъ часто и иногда цѣлые дни проводили возлѣ тѣла оплакиваемаго родственника, и что не иначе могли войти въ гробницу какъ: «бывшу камени отъ гроба отвалену».

Изъ словъ этого житія можно заключить, что гробницы дѣлались въ родѣ комнатъ или римскихъ колумбарій, а входъ въ нихъ заставлялся плитою.

Разысканія прошлаго лѣта вполнѣ подтвердили справедливость этихъ свѣдѣній. Херсониты дѣйствительно выдалбливали въ стѣнѣ четырехъ-угольную комнату (А). На одной сторонѣ находился входъ (b), а на трехъ остальныхъ приготовлены были мѣста въ родѣ полокъ (с, с, с). Эти полки высѣкались въ самой скалѣ и на нихъ ставились тѣла усопшихъ. Многочисленныя и богатыя семейства покупали себѣ склепы съ двумя ярусами полокъ. Эти склепы иногда до такой степени были обширны, что по серединѣ оставлялся столбъ для поддерживанія свода. Когда не оставалось болѣе мѣста на полкахъ, то усопшихъ клали на полъ, сначала по обѣимъ сторонамъ входа, а потомъ и вдоль противолежащей стороны. Всѣ остовы лежали въ одномъ порядкѣ съ лѣва на право, если стать лицемъ къ полкѣ. Такъ какъ узкій входъ высѣкался всегда высоко, то внутри для удобнаго входа приставлялся камень въ одну, двѣ и даже три ступени.

Можно теперь утвердительно сказать, что семейные склепы продавались, потому что найдено много начатыхъ; иные до половины отдѣланы, другіе обозначены и только лѣстница, ведущая ко входу, выдолблена. Люди одинокіе, не имѣющіе семейства, или по положенію своему можетъ-быть отвергнутые семействомъ своимъ, погребались въ отдѣльныхъ гробницахъ, выдолбленныхъ въ поверхности скалы и прикрываемыхъ одною или двумя плитами.

При каждомъ остовѣ въ семейныхъ склепахъ или въ отдѣльныхъ гробницахъ лежали монеты и разная посуда и вещи. По монетамъ можно съ точностію опредѣлить время погребенія, а по предметамъ съ

перваго взгляда видно, былъ ли покойникъ идолопоклонникъ или христіяниnъ. При умершихъ христіянахъ не ставили сосудовъ и слезницъ, при нихъ встрѣчаются только монеты, а иногда также металлическіе кресты, или вещи, обозначенныя крестами. Такъ напримѣръ мы нашли пряжку изъ басебнаго серебра, съ большимъ выпуклымъ крестомъ. Херсониты, принявшіе христіянство, все таки погребались въ своихъ семейныхъ склепахъ, хотя предки ихъ и были идолопоклонниками; оттого часто встрѣчаются въ одномъ и томъ же склепѣ остовы идолопоклонниковъ и христіянъ, но эти послѣдніе ставились на отдѣльныхъ полкахъ, или даже иногда полка задѣлывалась кирпичами, и такимъ образомъ устраивалась какъ бы особая гробница.

Идолопоклонники погребались вообще, какъ видно изъ находокъ, слѣдующимъ порядкомъ. Тѣло лежало на доскѣ или даже въ деревянномъ гробу, сдѣланномъ въ родѣ ящика. У головы ставились стеклянныя слезницы, а у ногъ разные большіе глиняные сосуды, иногда самой изящной работы. Изъ нихъ надо упомянуть здѣсь о слѣдующихъ: красивая тарелка (πατέλλα) изъ мелкозернистой глины, употреблявшаяся, по словамъ Аѳенея, на пиршествахъ у зажиточныхъ Грековъ; сосудъ съ одною ручкою извѣстный подъ названіемъ prochus; чаша, или канѳаръ на подножкѣ безъ ручекъ, употреблявшійся какъ теперешніе стаканы. На груди, кромѣ монетъ, лежали пряжки бронзовыя или серебряныя и застежки (fibula) для придерживанія хламиды. Одна изъ красивѣйшихъ застежекъ, которыя мы нашли, была сдѣлана изъ плетеной серебряной проволоки и по найденнымъ съ нею монетамъ принадлежитъ къ III или IV столѣтію по Р. Х.

На лѣвой сторонѣ усопшаго клали ножъ или оружіе, а у праваго бока—лампы для масла (λύχνος). Форма и рисунокъ этихъ лампъ самые разнообразные. Онѣ находятся въ большомъ количествѣ, потому что кромѣ ихъ у Грековъ не было другаго способа освѣщенія. Лампа съ масломъ, говоритъ Аѳеней въ XV книгѣ, при развитіи роскоши замѣнила лучины, употреблявшіяся у Грековъ въ древнѣйшія времена. На однихъ лампахъ, кромѣ имени гончара, представлено изображеніе божества или животнаго. Такъ напримѣръ на одной лампѣ изъ бѣлой глины представлена Аѳина въ шлемѣ. На оборотѣ дна на срединѣ двойнаго круга изображены буквы *E* и *I*, а между ними ѳирсъ или жезлъ. На другой лампѣ съ тѣмъ же самымъ изображеніемъ, на оборотѣ находятся слѣды какого то гончарнаго знака или имени, похожіе на букву *I* или на наконечникъ стрѣлы. Эти двѣ лампы найдены въ двухъ различныхъ склепахъ четвертаго столѣтія. Кромѣ Аѳины на лампахъ

встрѣчаются также изображенія: Зевса, фавновъ или сатировъ и Горгоны. Изъ животныхъ мы видимъ птицу, клюющую рыбу, пѣтуха, барана, зайца и вола.

Женскіе остовы отличаются весьма легко, по ожерельямъ изъ разноцвѣтныхъ бусъ, привѣскамъ, бронзовымъ зарукавьямъ, золотымъ или серебрянымъ серьгамъ и кольцамъ.

Сравнивая херсонитскія гробницы съ могилами греческими, мы увидимъ, что у жителей Херсонеса сохранились многіе изъ обрядовъ, употреблявшихся на родинѣ ихъ при погребеніяхъ. Доска или гробъ, которыя встрѣчаются почти во всѣхъ гробницахъ Херсонитовъ, встрѣчаются также и въ самой Греціи или въ греческихъ поселеніяхъ на берегахъ Чернаго-моря. Доска, на которой носили тѣло, замѣняла у нихъ ту особую постель, которую Греки называли *κλίνη*, и на которой лежалъ покойникъ. На этомъ одрѣ, или *κλίνη*, клали тѣло тотчасъ по смерти, и на немъ же носили его въ могилу. Аристофанъ, Эврипидъ и Платонъ ясно говорятъ о гробахъ, называя ихъ *σοροὶ*, *πύελοι*, *ληνοί* и *δροῖται*, но не упоминаютъ, изъ чего они дѣлались. Өукидидъ напротивъ говоритъ прямо о деревянныхъ гробахъ (*λάρνακες κυπαρίσσιναι*). Слѣдовательно хотя они были употребляемы христіанами и въ V столѣтіи по Р. Х., но начало деревянныхъ саркофаговъ или гробовъ принадлежитъ глубочайшей древности.

Вокругъ одра ставились глиняные сосуды, которые называли общимъ именемъ лекиөовъ (*λήκυθοι*), не обращая вниманія на форму ихъ. Это обыкновеніе произошло отъ того, что у умершихъ по преимуществу ставились настоящіе лекиөы, т. е. сосуды для благоуханій. Во время похоронъ эти сосуды носимы были передъ тѣломъ, и въ томъ же вѣроятно порядкѣ ставились въ могилѣ. Такъ какъ гробницы, открытыя въ прошлое лѣто, всѣ относятся къ девяти первымъ столѣтіямъ по Р. Х., когда введеніе христіянства уже уничтожило много изъ прежнихъ обрядовъ, то нельзя утвердительно узнать, погребали ли Херсониты знаменитыхъ своихъ гражданъ съ золотыми вѣнками, какъ это дѣлалось во всей Греціи, въ Пантикапеѣ и въ Ольвіи.— Дальнѣйшія разысканія самыхъ древнихъ гробницъ Херсони разрѣшатъ навѣрно этотъ вопросъ.

Любопытно замѣтить, что во многихъ склепахъ найдены хорошо сохранившіяся кожаныя подошвы, принадлежавшія можетъ-быть тѣмъ сандаліямъ особаго устройства, которыя надѣвались на умершаго при погребеніи его. Въ другихъ гробницахъ попадались настоящіе кожаные башмаки, называемые Греками *ἐμβάδες*, и видно иногда, что къ нимъ

придѣлана была деревянная подошва (*κάττυμα*). Өеофрастъ замѣчаетъ, что въ Греціи считали неблаговоспитанными тѣхъ мужчинъ, которые носили башмаки съ деревянными подошвами, прикрѣпленными гвоздями (*ἥλοις*).

Чтобы опредѣлить время, къ которому принадлежитъ гробница или склепъ, надо разсмотрѣть находимыя въ нихъ монеты. Всѣ монеты большею частію мѣдныя, и иногда на одномъ и томъ же остовѣ ихъ находится до десяти и болѣе. Самая древнѣйшая изъ монетъ, открытыхъ въ этихъ гробницахъ, принадлежитъ къ первому столѣтію по Р. Х., а самая новѣйшая къ X-му столѣтію, къ царствованію императоровъ Романа II и Константина. Сравнивая теперь между собою монеты, найденныя въ гробницахъ и принадлежащія разнымъ столѣтіямъ, мы видимъ, что искусства и ремесла процвѣтали въ Херсони и сохранились до V или VI столѣтія отъ всякаго паденія и измѣненія. Говоря о найденныхъ древностяхъ, необходимо упомянуть еще о трехъ памятникахъ, нигдѣ еще не встрѣчавшихся въ предѣлахъ Россіи и весьма любопытныхъ по назначенію своему и по отдѣлкѣ. Это во 1-хъ, бронзовая круглая курильница, привѣшиваемая тремя цѣпочками къ одной большой цѣпи. Она найдена въ семейномъ склепѣ IV столѣтія, на полкѣ возлѣ остова. Въ ней лежали угли и зола отъ ладана или какого нибудь другаго благоуханія. Во 2-хъ, бронзовый идолъ величиною въ вершокъ, найденый въ семейномъ склепѣ IV столѣтія. На задней части придѣлана петля для привѣшиванія. Онъ лежалъ въ нишѣ, выдолбленной въ средней стѣнѣ, противъ самаго входа, вершка два выше полки. По грубой отдѣлкѣ этого идола нельзя опредѣлить, какое именно божество онъ представляетъ, но по найденнымъ въ склепѣ монетамъ необходимо приписать его греческой миѳологіи. Рѣдко встрѣчаются примѣры идоловъ, находимыхъ въ гробницахъ: обыкновенно старались погребать умершихъ вдали отъ всякаго храма или изображенія божества. Наконецъ третій памятникъ, достойный особаго замѣчанія, состоитъ изъ обломка бронзоваго кольца съ рѣзнымъ краснымъ сердоликомъ въ гнѣздѣ. На камнѣ изображенъ полумѣсяцъ, а надъ нимъ звѣзда. Хотя полумѣсяцы встрѣчаются и на монетахъ Миѳрадата Великаго и многихъ другихъ правителей, но все таки надо замѣтить, что этотъ атрибутъ по преимуществу принадлежитъ памятникамъ воспорскимъ, и несомнѣнно можно приписать этому кольцу то же самое происхожденіе. Мы знаемъ изъ исторіи Херсонеса, что до самаго IV столѣтія существовали сношенія, или миролюбивыя или непріязненныя, между Пантикапеею и Херсонесомъ; самая находка въ этой гробницѣ монетъ Миѳрадата II-го 42—46 по Р. Х.) царя боспорскаго подтверждаетъ это мнѣніе.

Прежде чѣмъ окончимъ описаніе херсонитскихъ гробницъ, необходимо приложить тутъ описаніе могилы одинокой, выдолбленной въ поверхности скалы, но содержавшей предметы любопытные для науки. Могила эта сдѣлана на подобіе ниши, такимъ образомъ, что положивъ въ нее тѣло, заложили эту сторону плитою и залили цементомъ. Остовъ и деревянный саркофагъ почти совершенно истлѣли. У головы на лѣвой сторонѣ стоялъ стеклянный сосудъ, называемый по формѣ своей оеносһоё. На шеѣ разныя привѣски, въ томъ числѣ двѣ деревянныя, одна въ видѣ трехъ птицъ, другая въ видѣ рыбы, кувшина и боченка. Мѣдныя кольца прикрѣпляли ихъ къ ожерелью. Остальныя привѣски, сдѣланныя изъ голубаго египетскаго стекла, представляютъ человѣческую фигуру съ Пріапомъ, двухъ Пріаповъ, два кувшинчика, льва лежащаго на подушкѣ и бусу на бронзовомъ колечкѣ. На груди лежала мѣдная монета съ изображеніемъ Артемиды, принадлежащая херсонитской республикѣ времени существованія права элевѳеріи, т. е. къ промежутку отъ начала I-го столѣтія до начала IV-го. По чеканкѣ и по видимому остатку римскаго вліянія на типѣ этой монеты ее можно несомнѣнно отнести къ первому столѣтію, и такимъ образомъ положительно опредѣлить время, къ которому принадлежитъ эта могила. Кромѣ того на груди найдена золотая привѣска съ вставленнымъ аметистомъ, сорокъ бусъ стеклянныхъ и сердоликовыхъ и большая желѣзная иголка. У лѣваго бока, вѣроятно на рукѣ, лежалъ серебряный дискъ; на правой рукѣ шаръ изъ дымчатаго топаза, а у ногъ: обломокъ узорчатой лампы съ Пріапомъ между буквами Т и Y, красная лампа съ виноградною лозою вокругъ свѣтильника, канѳаръ изъ красной глины и обломокъ свинцоваго сосуда. По найденнымъ тутъ привѣскамъ и иголкѣ видно, что эта могила женская. Дискъ и шаръ служили у древнихъ для игры и весьма рѣдко встрѣчаются въ гробницахъ.—Въ другомъ склепѣ, принадлежащемъ христіанскому семейству, потолокъ и стѣны были расписаны аль-фреско. На срединѣ потолка изобразили монограмму Христа въ томъ видѣ, въ какомъ она встрѣчается въ римскихъ катакомбахъ. Изъ вещей мы нашли въ немъ слезницу изъ синеватаго стекла и двѣ серебряныя пряжки. Такъ какъ въ немъ не находилось монетъ, то нельзя положительно опредѣлить время, къ которому принадлежитъ эта живопись.

Опредѣливъ навѣрно мѣсто, гдѣ лежатъ херсонитскія гробницы, мы перешли къ изслѣдованію зданій въ самомъ городѣ.

Главнѣйшія зданія Корсуни были церкви. Оттого разысканія въ особенности направлены были на слѣды древнихъ храмовъ и на опре-

дѣленіе, къ какому времени они относятся. Съ освобожденіемъ христіанъ отъ преслѣдованія родилось христіанское зодчество. Они начали создавать собственную архитектуру, примѣняя древнюю къ потребностямъ своей вѣры. Въ Италіи римскія базилики переименованы въ церкви. Четырехъ-угольная и продолговатая ихъ форма служила образцомъ для построенія христіанскихъ церквей. Самъ Константинъ Великій, по перенесеніи престола въ Византію, въ новой своей столицѣ выстроилъ, по образцу древнихъ базиликъ, храмъ въ честь Премудрости Божіей. Съ этою формою церквей древніе христіяне соединяли мистическую идею. Продолговатые эти храмы на подобіе корабля, сказано въ Апостольскихъ Постановленіяхъ, обозначаютъ плаваніе къ небесному пристанищу.

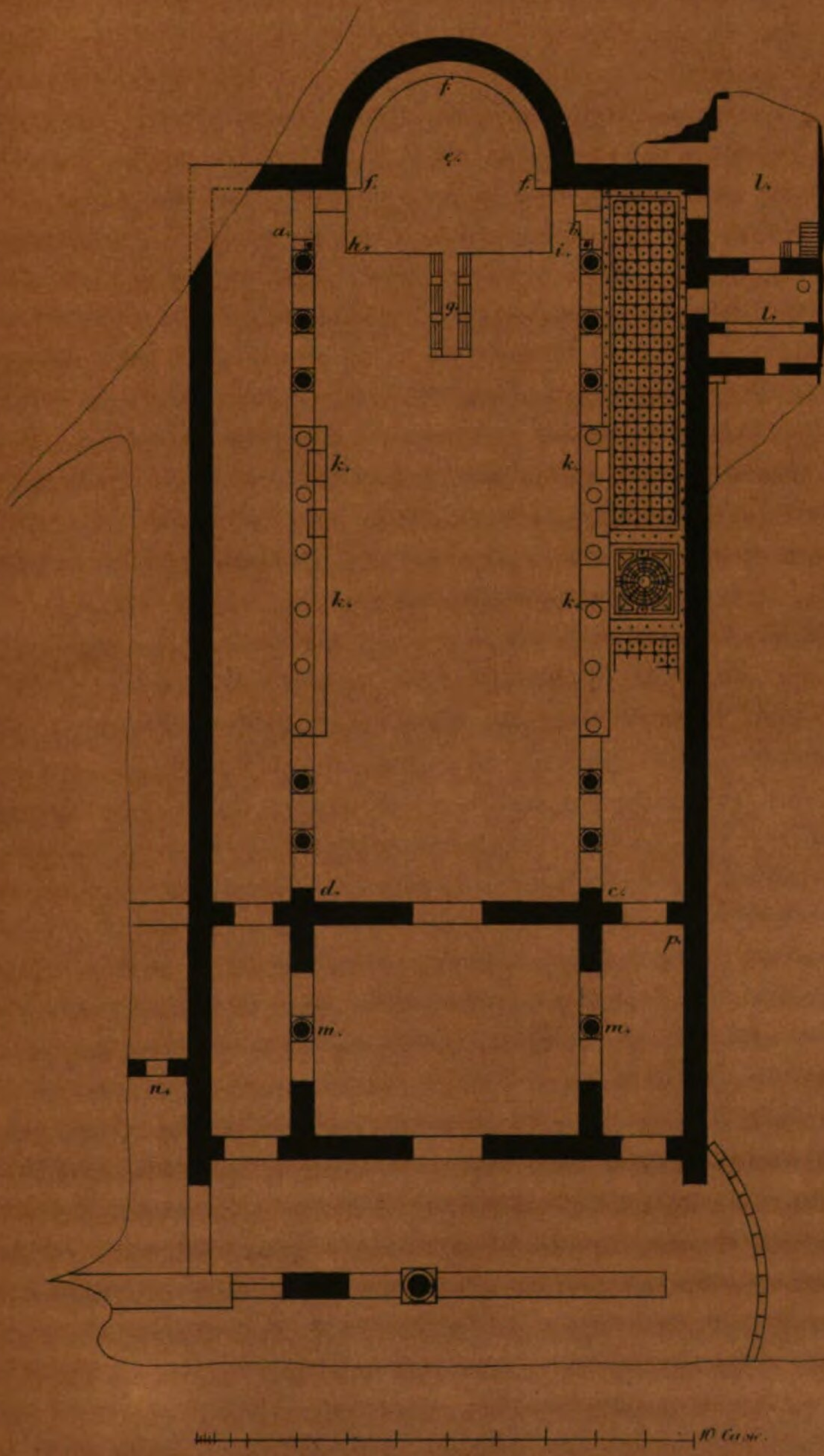
Планы христіанскихъ храмовъ царьградскихъ служили образцами при постройкѣ храмовъ въ прочихъ городахъ Имперіи, такъ что видя церкви, выстроенныя по одному и тому же плану, можно почти навѣрно заключить, что онѣ одновременны. Оттого при христіанскихъ постройкахъ для опредѣленія времени, которому онѣ принадлежатъ, необходимо обратить особенное вниманіе на форму плана.

Церковь, разрытая въ прошлое лѣто, лежитъ на сѣверѣ города, такъ близко къ берегу морскому, что обрушившаяся часть его увлекла за собою цѣлый уголъ этого строенія. Выстроенная по плану древнихъ базиликъ (см. приложенный здѣсь рисунокъ), церковь имѣетъ въ длину до внутренняго притвора 16 сажень $2\frac{1}{4}$ аршина и въ ширину 10 сажень $1\frac{1}{2}$ аршина. Два ряда въ одинадцать колоннъ каждый (a. d. b. c.) идутъ во всю длину храма и раздѣляютъ его на три продольныя части: на среднюю часть, или собственно храмъ, и на боковыя галереи. На колоннахъ написаны имена гражданъ, пожертвовавшихъ деньги на устройство ихъ. Видно, что жертвовали обыкновенно на нѣсколько колоннъ по пяти сотъ динарій. Таковыхъ надписей восемь; одна только изъ нихъ составляетъ исключеніе, относясь по видимому къ устройству одной только колонны. Она кончается буквами X T, которыя, можетъ быть означаютъ триста халковъ. Правописаніе этихъ надписей, напримѣръ *φιλοτειμηϭάμενος* вмѣсто *φιλοτιμηϭάμενος*, *κείονας* вмѣсто *κίονας*, показываетъ упадокъ греческаго языка. Слѣдующія имена еще болѣе подтверждаютъ въ этомъ мнѣніи, потому что всѣ почти носятъ отпечатокъ римскаго вліянія: Валеріанъ, сынъ Валерія; Маркіанъ, сынъ Гайя. Наконецъ послѣднее доказательство, что колонны сіи и надписи принадлежатъ къ IV-му столѣтію, есть слово динарій (*ΔΗΝΑΡΙΟΣ*), употреблявшееся повсемѣстно при Константинѣ Великомъ.

Всѣ базы колон ъ сдѣланы по одному рисунку; въ капителяхъ же замѣчается большое разнообразіе, но такъ искусно подобранное, что при общемъ взглядѣ на храмъ разнообразіе это навѣрно не кидалось въ глаза. Нѣкоторыя капители по правильности рисунковъ и вѣрности ордена принадлежатъ къ эпохѣ, въ которую процвѣтало еще чисто греческое искусство. Напротивъ того другія капители явно принадлежатъ византійской архитектурѣ. Онѣ сдѣланы въ видѣ опрокинутыхъ трапецій съ крестами или съ монограммою Христа. Но подъ византійскою трапеціею сохранились еще остатки прежней греческой архитектуры. Алтарная часть оканчивалась полукруглымъ выступомъ (ἀψίς, absіde). Каменная скамья (f) позднѣйшаго устройства служила горнимъ мѣстомъ. Стѣны сохранились здѣсь лучше и выше, чѣмъ въ прочихъ частяхъ храма. Алтарный помостъ сдѣланъ былъ изъ бѣломраморныхъ плитъ и кончался красивою солеею въ одну ступень (hi). Четыреугольная плита (e) обозначаетъ мѣсто престола. Подъ плитою была маленькая яма, выдолбленная въ скалѣ; въ ней нашли 22 мѣдныя монеты, изъ которыхъ 19-ть принадлежатъ къ царствованію Романа I-го (920—944), 2 неясны и 1 восточная.

Предъ солеею возвышался мраморный амвонъ, обнесенный шестью столбами съ мраморными между ними плитами (g). По срединѣ плиты византійскій крестъ. Совершенно подобныя плиты составляли иконостасъ; только колонны, находившіяся между ними, бо́льшаго размѣра, чѣмъ колонны амвона. На срединѣ царскія двери; по бокамъ ихъ иконостасъ совершенно былъ закрытъ вышеописанными плитами до вышины двухъ аршинъ, а далѣе промежутки между колоннами закрывались занавѣсками. Подобные иконостасы доселѣ еще видны въ нѣкоторыхъ церквахъ Греціи и до царствованія императора Юстиніана были употребляемы во всемъ восточномъ мірѣ. Южныя и сѣверныя двери устроены по бокамъ алтаря (h, f. i. f.), кромѣ того на южной сторонѣ былъ устроенъ клиросъ.

Средняя часть церкви, или собственно храмъ (nef), вымощенъ изъ бѣлаго мрамора. У среднихъ колоннъ по обѣимъ сторонамъ нефа базы и самыя колоны задѣланы кирпичами почти до трехъ аршинъ вышины.— Тутъ устроены гробницы (к. к. к.); остовы, въ нихъ лежавшіе, не носили никакихъ признаковъ для опредѣленія времени и почти совершенно истлѣли. Подобные склепы часто устроивались въ церквахъ и большею частію подъ церковнымъ помостомъ. Многочисленные примѣры доселѣ существуютъ въ Греціи, гдѣ носятъ они названіе кимитирій.

f.
e.
f.
f.
a.
h.
b.
i.
g.
l.
l.
k.
k.
k.
k.
d.
c.
p.
m.
m.
n.
10 Саж.

Боковыя галереи вмѣсто мраморнаго помоста украшены были мозаиками. Въ мѣстахъ, гдѣ она портилась, ее замѣняли неправильными кусками бѣлаго мрамора, вѣроятно по неумѣнію возобновить прежнюю. Рисунокъ этихъ мозаикъ очень красивъ; можно предположить, что онѣ принадлежали древнѣйшему зданію. Въ южной галереѣ сохранилась мозаика въ 7 сажень длины; черные кресты съ краснымъ полемъ между ихъ вѣтвями украшаютъ середину бѣлаго восьмиугольника.— За этимъ рисункомъ слѣдуетъ богатый разноцвѣтный узоръ на серединѣ квадрата въ 5 арш. 6 вершк. Подобные же остатки половой мозаики находятся въ пристройкахъ (l. l.) къ южной сторонѣ.

Мозаики по всей церкви большею частію сдѣланы изъ какого-то состава. Онъ тверже стекла и сохраняетъ весь блескъ красокъ.

Въ сѣверной галлереѣ мы не успѣли совершенно открыть мозаичный полъ, по причинѣ холода и выпавшаго снѣга.

Храмъ и обѣ галереи соединяются съ внутреннимъ притворомъ посредствомъ трехъ дверей. Притворъ имѣетъ въ длину 4 сажени 8 вершковъ и раздѣляется на три части, отдѣленныя между собою колонною (m. m.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще сохранились остатки половой мозаики. Хотя рисунокъ ея очень красивъ, но работа немного грубѣе, чѣмъ въ остальныхъ. Черные круга пересѣкаются по желтому полю; промежутки между ними, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ пересѣкаются, выложены бѣлою мозаикою. Кругомъ всего притвора шла бахрама изъ мозаики, сохраняющая тѣ же краски и тотъ же узоръ, какъ и самая мозаика. У южной стѣны (p) найдена мраморная плита съ обронными изображеніемъ. На ней представленъ лежащій мужчина; у ногъ его сидитъ женщина. Въ правой рукѣ онъ держитъ вѣнокъ; у постели стоитъ сѣдалище самой древней формы. Вообще этотъ барельефъ похожъ на древніе надгробные памятники; если бы онъ не былъ испещренъ крестами, то нельзя бы было думать, что онъ принадлежитъ къ византійскому періоду. На нижней части его высѣчена надпись; буквы неравной величины сдѣланы дурно и некрасиво. Самая надпись писана съ ошибками, какъ писали при совершенномъ упадкѣ греческаго языка, и раздѣлена тремя большими крестами. Она гласитъ: «Господи! помоги всему этому дому. Аминь.» Этотъ барельефъ вѣроятно служилъ приношеніемъ какого-нибудь херсонитскаго семейства.

На сѣверной сторонѣ притвора начинается какая то пристройка (n), еще не изслѣдованная.

Три двери ведутъ изъ внутренняго притвора къ внѣшнему. У сѣверной двери найденъ карнизъ изъ дикаго камня съ трехстрочною

надписью. Карнизъ этотъ былъ вдѣланъ лицевою стороною въ стѣну, такъ что нельзя было видѣть надпись. Послѣдняя разрѣшаетъ намъ много недоумѣній. Изъ сохранившихся трехъ строкъ видно, что она гласитъ объ одномъ гражданинѣ, прославленномъ за издержанныя имъ въ то время, когда онъ занималъ должность агоранома, три тысячи динаріевъ на храмъ Афродиты. Вотъ ея списокъ, въ которомъ сомнительно только чтеніе перваго собственнаго имени:

ΜΟΚΙΑΡΗϹΜΥΡΩΝΟϹΦΥϹΕΙΔΕ ΤΕΙΜΟΘΕΟΥΦΙΛΟΤΕΙΜΗ
ϹΑΜΗΝΤΑΕΚΤΗϹΕΞΟΔΟΥΤΗϹΑΓΟΡΑΝΟΜΙΑϹΔΗΝΑΡΙΑΤΡΙϹΧΕΙΛΙΑ
ΕΙϹΤΟΝΝΑΟΝΤΗϹΑΦΡΟΔΕΙΤΗϹ

Нашедши эту надпись, легко объяснить, откуда взялось въ византійскомъ храмѣ столько памятниковъ, по чистотѣ своего искусства явно принадлежавшихъ древнѣйшему зданію. Христіанская церковь выстроена изъ остатковъ языческаго капища. Почти всѣ херсонитскія церкви перестроены такимъ точно образомъ. Хотя эта надпись принадлежитъ къ языческому храму, предшествовавшему христіанской церкви, но любопытно замѣтить, что ошибочное ея правописаніе показываетъ, что самая надпись или возобновлена или съизнова сдѣлана во II или III столѣтіи. Эта привязанность Херсонитовъ къ идолопоклонству подтверждается ихъ исторіею. Они убили въ первыхъ 20 годахъ IV столѣтія четырехъ своихъ епископовъ: св. Василія, Евгенія, Елпидія и Агаѳодора. По этому можно допустить, что усердствуя идолопоклонству, Херсониты до IV столѣтія строили или возобновляли капища боговъ. Видно теперь изъ этой надписи, что первобытный храмъ былъ посвященъ Афродитѣ, но любопытно было бы знать, въ честь какого праздника или святаго Херсониты освятили потомъ церковь. Лѣтописи византійскія ни слова не говорятъ о христіанскихъ церквахъ. Единственныя свѣдѣнія, какія мы имѣемъ, находятся въ разныхъ спискахъ Несторовой лѣтописи, или въ рукописныхъ сказаніяхъ о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуни. Но вообще эти свѣдѣнія темны и весьма скудны; всего упоминается только о четырехъ церквахъ. Одна церковь выстроена между 320 и 323 годами епископомъ Ефеіемъ 1. Величина описанной нами церкви показываетъ, что это не можетъ быть она. Другая церковь св. Василія, въ которой крестился Великій Князь Владиміръ, стояла на самой срединѣ города, а открытая церковь выстроена на краю города на сѣверѣ у самаго берега морскаго. Третья церковь выстроена была св. Владиміромъ, и четвертая, св. Апостоловъ, упоминается въ житіи св. Климента. По однимъ

этимъ свѣдѣніямъ трудно опредѣлить названіе открытой церкви; но можно приблизительно указать на время ея построенія.

Форма базилики, данная этому храму, показываетъ, что постройка ея должна быть отнесена къ царствованію Константина Великаго. При разрытіяхъ въ разныхъ мѣстахъ найдены мѣдныя монеты принадлежащія всѣ императорамъ, царствовавшимъ послѣ Константина. Такъ напримѣръ были монеты: Валентиніана I (364—375), Граціана (375—383), Θеодосія Великаго (384—395), Эліи Флакциллы, супруги Θеодосія; Аркадія (395—408), Θеодосія младшаго (408—450), Василія (867—886) и Романа (919—944). По свидѣтельству этихъ памятниковъ подтверждается существованіе этой церкви прежде этихъ временъ, т. е. при Константинѣ Великомъ.

Кромѣ монетъ открыто много кусковъ стеклянной мозаики, украшавшей сводъ всего храма или часть его. На сохранившихся стѣнахъ видны слѣды живописи, которую повидимому нѣсколько разъ поправляли. Колонны почернѣли отъ огня, уничтожившаго этотъ храмъ въ X-мъ столѣтіи, т. е. вѣроятно во время одной изъ осадъ Корсуни. Сдѣланныя разысканія не опредѣлили еще значенія разныхъ пристроекъ, найденныхъ у самыхъ стѣнъ церкви. Предъ притворомъ начинается преддверіе или внѣшній притворъ, не открытый еще окончательно и по видимому простирающійся гораздо далѣе. Хотя изслѣдованіе этого храма не совершенно еще окончено, но тѣмъ не менѣе оно весьма важно, ибо показало намъ планъ византійской церкви со всѣми ея архитектурными частями.

Гр. А. Уваровъ.

О

КЕРЧЕНСКИХЪ ГРОБНИЦАХЪ.

(ИЗЪ ПИСЬМА ЧИНОВНИКА КЕРЧЕНСКАГО МУЗЕЯ А. СТ. ЛИНЕВИЧА КЪ ИЗДАТЕЛЮ).

....Раскопы въ Керчи производились этимъ лѣтомъ и осенью, какъ вы знаете, на западной оконечности горы Митридата, на подошвахъ и скатахъ тѣхъ первыхъ четырехъ скалистыхъ возвышеній, которыя тянутся отъ горы Митридата къ западу, и въ группѣ насыпей, идущей параллельно сѣверной части Татарской-слободки.

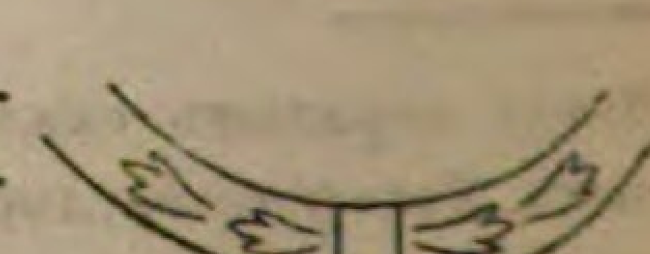
Склепъ не разоренный отрытъ только одинъ [1]. Онъ былъ построенъ изъ пиленаго керченскаго известняка, имѣлъ коробовой (т. е. полукруглый цилиндрическій) сводъ, и не былъ ни оштукатуренъ, ни выкрашенъ. Все внутреннее пространство его было занято двумя гробами, плотно приставленными другъ къ другу. Этимъ можно наглядно опредѣлить его ширину, длину и высоту, ибо двѣ послѣднія были равны между собою. Какъ размѣры его лишены художественной пропорціональности, такъ и самое исполненіе постройки стоитъ на весьма низкой степени искусства. Возлѣ внѣшней стороны плиты, закрывавшей собою входъ, который находился въ восточной стѣнѣ склепа, лежалъ истлѣвшій остовъ лошади. Въ самомъ склепѣ покоились,

[1] Между первымъ скалистымъ возвышеніемъ и дорогою, идущею параллельно сѣв. части Татарской-слободки. Счетъ возвышеній начинается отъ рва, окружающаго гору Митридатъ.

какъ сказано выше, въ деревянныхъ гробахъ, два совершенно истлѣвшихъ костяка: одинъ, по правую сторону, — мущины, другой, по лѣвую, — женщины, оба головами ко входу [1]. На первомъ изъ нихъ надѣтъ былъ массивный золотой вѣнокъ (похожій на ленту въ два пальца ширины), украшенный золотыми листиками, подобными дѣйствительно листьямъ зори, какъ ихъ обыкновенно называютъ [2]. Подъ головой его была подушка изъ душистыхъ травъ и кореньевъ. Къ вещамъ, положеннымъ вмѣстѣ съ мущиною, относятся: a) двѣ золотыхъ фибулы; b) нѣсколько золотыхъ пряжекъ; c) нѣсколько пластинокъ изъ листоваго золота, разной формы и величины, украшавшихъ вѣроятно поясъ; на двухъ изъ нихъ очень недурно оттиснуты изображенія геніевъ съ опущенными факелами; d) узда съ желѣзными удилами и серебряными пряжками; ремни ея украшены были серебряными и золотыми пластинками разной формы и величины; въ нѣкоторыя изъ нихъ вставлены были сердолики; e) небольшая деревянная палочка съ серебрянымъ кольцемъ на концѣ, можетъ быть рукоять плети, и f) широкій мечь, къ сожалѣнію очень окисшій; рукоять его украшена была серебромъ, а на концѣ большимъ чернымъ камнемъ, гладко обточеннымъ; ножны были обдѣланы тоже въ серебро. Къ вещамъ, положеннымъ съ женщиною, можно отнести: a) серьги, свитыя изъ мелкихъ золотыхъ проволокъ, съ вставленными по серединѣ ихъ небольшими гранатами; b) перстень съ двумя такими же камнями и такой же работы; c) зерна ожерелья: одни мозаичныя съ дурнымъ изображеніемъ человѣческой головы прямо, другія золотыя съ небольшими привѣсками; d) золотыя пряжки отъ пояса, съ разными золотыми же украшеніями къ нему; e) пуговицы изъ листоваго золота, украшавшія платье погребенной; f) обломки деревяннаго частаго съ обѣихъ сторонъ гребня и g) обломокъ корзиночки, сплетенной изъ мелкихъ прутиковъ. — Кромѣ того, по найденнымъ остаткамъ маленькаго деревяннаго гроба видно, что здѣсь погребенъ былъ ребенокъ. Къ вещамъ, принадлежавшимъ ему, можно отнести: a) маленькую золотую серьгу съ подвѣской и b) нѣ-

[1] Г. Ашикъ въ сочиненіи своемъ Воспорское Царство Ч. II. стр. 5. пишетъ, что въ подобныхъ гробницахъ усопшіе обыкновенно обращены ногами ко входу. То же подтверждаетъ онъ на стр. 44, гдѣ сказано: «покойникъ лежалъ лицемъ къ дверямъ гробницы», и на стр. 50: «Остовы лежали на подстилкѣ изъ лавровыхъ листьевъ лицемъ къ дверямъ гробницы».

[2] Во всѣхъ вѣнкахъ листики эти имѣютъ обыкновенно направленіе отъ ушей ко лбу; здѣсь же наоборотъ они направляются отъ лба къ затылку.

сколько бусинъ изъ стеклянной массы сѣроватаго цвѣта. Чтобы сказать, сколько мнѣ помнится, обо всемъ, что было найдено въ этомъ склепѣ, надобно еще упомянуть одинъ стеклянный флаконъ съ шарообразною нижнею частію и узкимъ цилиндрическимъ горломъ и мѣдную монету царствованія Рескупорида V (по Кёне; по Спасскому и Сабатье VII) съ годомъ *NHΦ* (т. е. 262 нашей эры), найденную гдѣ-то въ ногахъ. Основываясь на обиліи золотыхъ и серебряныхъ вещей, найденныхъ въ этомъ склепѣ, можно заключить, что въ немъ погребено было знатное семейство, особливо если принять въ соображеніе время, къ которому онъ относится, именно вторую половину третьяго вѣка — время бѣдное благородными металлами.

Кромѣ этого, вполнѣ сохранившагося склепа отрытъ еще одинъ [1], котораго уцѣлѣла лишь одна часть. Сѣверная стѣна его, въ которой, вѣроятно, былъ входъ, и противоположная ей южная были разобраны; но судя по толщинѣ остальныхъ двухъ стѣнъ, разстоянію между ними и уцѣлѣвшимъ тремъ сводными камнямъ, я полагаю, что этотъ склепъ и формою и величиною походилъ на тотъ, который вы здѣсь видѣли, и который былъ описанъ прошлаго года г. Беккеромъ въ Сборникѣ вашемъ на стр. 364-й I-го отдѣла III-го тома. Склепъ этотъ внутри былъ оштукатуренъ. Верхнія части его окрашены бѣлою краской, на которой видны мѣстами красноватыя пятна, образовавшіяся какъ будто отъ брызгъ, а нижняя — темно-красною; узкая черная каемка раздѣляетъ два цвѣта. Подъ карнизомъ западной стѣны была надпись краснаго цвѣта. Такъ какъ штукатурка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отбита, то начала ея разобрать нельзя, передаю ее такъ какъ она есть:

ΘΕCΙ... ...ΠΑΤΕΙΠΡ⁝ΗΚΙΠΟC

Продолженія нѣтъ, потому что слѣдующіе камни были разобраны и не найдены.

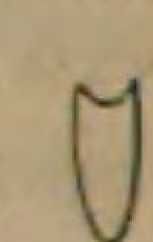
Основываясь на различной архитектурѣ склеповъ, на разности въ украшеніяхъ, встрѣчающихся на внутреннихъ стѣнахъ ихъ, наконецъ на тѣхъ вещахъ, которыя въ нихъ находятся, можно заключить, что обычай строить склепы, начавшись въ Пантикапеѣ въ очень древнее время [2], сохранился въ ней до самаго конца ея существованія. Самыми древними склепами почитаются найденные въ курганахъ: Битль-о-ба (неправильно названномъ Коль-о-ба), Царскомъ и Золотомъ. Неразорен-

[1] Между первымъ и вторымъ скалистыми возвышеніями.

[2] Вещи, найденныя въ склепѣ, который въ книгахъ называютъ Коль-обскимъ, относятъ обыкновенно къ первымъ царямъ династіи Спартокидовъ.

ный склепъ, отрытый въ нынѣшнемъ году и описанный выше, есть, какъ мнѣ кажется, единственный, относящійся къ столь поздней эпохѣ.

Земляныхъ катакомбъ отрыто шесть. Такія катакомбы находятся и близъ древней Фанагоріи и, какъ пишетъ г. Карейша, въ Херсонесѣ Таврическомъ[1]; гг. Дюбуа[2] и Беккеръ[3] думаютъ, что они принадлежатъ христіанамъ. Въ одной изъ подобныхъ катакомбъ[4], очевидно разоренной, найдено между раскиданными костями нѣсколько вазъ, можетъ быть туземнаго произведенія. Глина, изъ которой сдѣланы эти вазы, и груба и дурно выдѣлана. Форма ихъ, хотя и похожа на античную, но не пропорціональна: наибольшее расширеніе ихъ очень низко, отчего горло кажется длиннымъ, ручки тоже черезъ чуръ велики. Рисунки на нихъ, сдѣланные разноцвѣтными акварельными красками, какъ ни дурны по исполненію, тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія, потому что рѣзкимъ образомъ отдѣляются отъ рисунковъ на другихъ античныхъ вазахъ, находимыхъ здѣсь. Такъ на одной изъ нашихъ вазъ изображена стоящая фигура о двухъ большихъ опущенныхъ крыльяхъ, лицемъ обращенная къ зрителю. На другой, гдѣ рисунокъ уцѣлѣлъ немного лучше, можно разобрать двухъ воиновъ, нападающихъ другъ на друга, тоже обращенныхъ лицами къ зрителю. Лица эти вовсе не подходятъ подъ греческіе типы; одежду ихъ всего лучше можно сравнить съ нашими русскими сарафанами, съ тою разницею, что она гораздо короче, именно едва доходитъ до колѣнъ, и что рукава у ней узкіе. Возлѣ воина, находящагося по правую сторону отъ зрителя, виденъ овальный щитъ съ выемкой на верху; может быть онъ держитъ его въ лѣвой рукѣ.

На оборотной сторонѣ этой вазы нарисованы черною краскою двѣ мастистыя фигуры, въ широкихъ мантіяхъ, обращенныя другъ къ другу. Изображеніе колонны (символической?), видимое между ними, не позволяетъ думать, чтобы вазы эти принадлежали христіянамъ, и еще менѣе, чтобъ онѣ положены были въ гробницы ихъ. Вазы съ подобными рисунками, даже хорошо сохранившимися, попадаются не въ первый разъ.

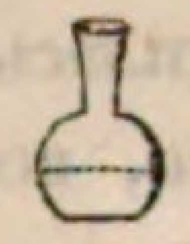
Такъ какъ одна изъ подобныхъ катакомбъ найдена не разоренною, то я считаю нужнымъ сдѣлать ея описаніе.

[1] Лѣтомъ 1853 г. графъ А. С. Уваровъ открылъ цѣлый рядъ катакомбъ около развалинъ Херсонеса, о чемъ см. предыдущую статью. *Прим. Издат.*

[2] Voyage autour du Caucase t. V p. 185.

[3] Пропилеи 1853 г. Отд. I. стр. 363.

[4] Катакомба эта, равно какъ и другія, отрыта была близъ Татарской-слободки противъ 4-го скалистаго кургана. Она имѣла около 1 квадр. сажени площади и 1½ аршина въ вышину.

Небольшое отверстіе въ сѣверной стѣнѣ, заваленное плитою, служило ей входомъ. Вдоль южной стѣны, противоположной входу, находилась лежанка, на которой покоился совершенно истлѣвшій костякъ головою на З. Судя по найденнымъ тутъ полуистлѣвшимъ остаткамъ досокъ, можно думать, что покойникъ погребенъ былъ въ деревянномъ гробѣ. На немъ найдено двѣ мѣдныхъ пряжки, а въ головахъ его небольшой стеклянный стаканъ, похожій на нынѣшніе, и два стеклянныхъ сосуда (каждый вышиною около ¼ ар.), съ шарообразною нижнею частію и расширяющимся къ верху горломъ. На полу катакомбы покоились лицемъ ко входу еще два костяка, тоже въ деревянныхъ гробахъ. Между ними стояла глиняная труба, похожая на горло большой амфоры, а въ головахъ ихъ, прислоненное къ лежанкѣ стеклянное круглое блюдо (патера?) около ½ ар. въ діаметрѣ [1] и большая чашка съ кувшиномъ, оба изъ глины.   На одномъ изъ костяковъ (лежавшемъ по лѣвую сторону входа) найдены три большія бусины, изъ массы блѣдноватаго цвѣта, застежка и кольцо мѣдныя; на другомъ, не было ничего кромѣ двухъ пряжекъ на поясѣ. Въ небольшой нишѣ, вырубленной въ западной стѣнѣ, стояли три стеклянные сосуда, два подобные описаннымъ выше и одинъ около ½ ар. вышины; послѣдній былъ до половины наполненъ какою-то жидкостью съ красноватымъ на днѣ отстоемъ.

КАМЕННЫЯ ГРОБНИЦЫ попадались различныя:

а) Однѣ изъ нихъ складены изъ мелкихъ плитъ пиленаго известняка и напоминали собою склепы, отличаясь отъ нихъ тѣмъ, что были безъ сводовъ и не имѣли особыхъ отверстій для входа. Такихъ гробницъ, не разоренныхъ, не попадалось въ этомъ году.

b) Въ другихъ гробницахъ стѣны, крышу и дно составляли тесаныя, иногда цѣльныя плиты. Вотъ описаніе одной изъ нихъ [2]. Она имѣла въ длину 3, въ ширину 1¼ и въ глубину 1 аршинъ. Бока ея состояли каждый изъ двухъ плитъ известковаго бѣлаго камня, поставленныхъ на ребро; концы изъ одной, а крыша изъ трехъ такихъ же плитъ. Истлѣвшій костякъ, погребенный въ деревянномъ гробу, коего слѣды едва замѣтны, лежалъ головою на Ю. В. Изслѣдованіе, по обыкновенію, началось съ ногъ. Возлѣ ступни лѣвой ноги его найденъ четыреугольный стеклянный сосудъ объ одной ручкѣ, возлѣ

[1] Точь въ точь такія деревянныя блюда употребляются здѣшними Татарами.

[2] Гробница эта найдена была на Ю. В. пологости втораго скалистаго возвышенія.

ступни правой—стаканъ изъ синяго стекла, возлѣ лѣваго колѣна— круглое бронзовое зеркало безъ украшеній и возлѣ правой стороны головы маленькая слезница позднѣйшей формы. Кромѣ того отъ ногъ до головы попадались золотые листики, украшавшіе платье погребенной и продолговатыя стеклянныя бусы, а при просѣяніи земли найдены обломки маленькой серебряной ложечки и золотой перстень, съ гранатомъ, на которомъ вырѣзана Минерва.

c) Кромѣ того, найдена гробница, которой одни только бока обложены были огромными цѣльными плитами [1]. Гробница эта была расхищена, но искавшіе золота пренебрегли бывшею въ ней вазой, весьма замѣчательною по рѣдкости рисунка. На ней изображена обнаженная крылатая женская фигура верхомъ на лошади, преслѣдующая женщину, которая видимо старается укрыться отъ нея, держа правою рукою свою распростертую хламиду. Другая ваза съ подобнымъ изображеніемъ найдена въ земляной гробницѣ, подробно описанной ниже.

Объ эпохѣ этихъ каменныхъ гробницъ я не рѣшаюсь сказать ничего положительнаго. Неразоренная гробница, описанная подъ буквою b, и по размѣрамъ, и по положенію костяковъ, и по вещамъ, совершенно сходна съ земляными гробницами, между которыми она находилась. Ее надобно слѣдовательно признать за одновременную съ ними, но, вообще говоря, всего вѣроятнѣе, что каменныя гробницы, точно такъ же, какъ склепы, не составляютъ исключительной принадлежности какого нибудь періода времени, и что употребленіе ихъ обусловливалось частію богатствомъ, оставшимся послѣ погребеннаго, частію личнымъ расположеніемъ къ нему погребавшихъ его.

Земляныхъ гробницъ попадалось очень много. Ихъ можно раздѣлить на два главныхъ рода: I. гробницы, находящіяся на поверхности материка, и II. гробницы, выкопанныя въ материкѣ.

I. Гробницы, находящіяся на поверхности материка, подраздѣляются снова на: a) покрытыя плитами и b) не покрытыя ими.

a) Въ первыхъ, не смотря на ихъ многочисленность, не найдено ни одной цѣнной въ матеріальномъ отношеніи вещи. Мѣдная монета, положенная на губу покойника, окисная пряжка на поясѣ, да простой глиняный кувшинъ у ногъ—вотъ все, что обыкновенно попадалось въ нихъ. Очевидно, что онѣ принадлежатъ бѣдному классу пантикапейскаго народонаселенія. Конечно и между ними должны быть оттѣнки, отличающіе болѣе древнія отъ менѣе древнихъ, но такъ какъ вещи,

[1] Гробница эта находилась шагахъ въ 300 къ западу отъ земляныхъ катакомбъ.

находимыя въ нихъ, самой простой работы, а монеты испорчены окисью, то оттѣнки эти очень блѣдны и совершенно ускользали отъ моего наблюденія.

b) Не таковы гробницы не покрытыя плитами, которыя попадались очень рѣдко и, можетъ быть, суть самыя древнія изъ найденныхъ въ нынѣшнемъ году. Привожу описаніе одной изъ нихъ [1]. Совершенно истлѣвшій костякъ лежалъ на материкѣ головою на ю. По обоимъ плечамъ его найдены обломки серебряныхъ окисшихъ аграфовъ, на груди электровая пуговица съ украшеніемъ филигранной работы, у пальцевъ правой руки серебряный перстень, возлѣ лѣвой — два глиняные лекиѳа, украшенные арабесками и черными клѣточками, маленькая объ одной ручкѣ вазочка съ подобными же украшеніями, но безъ арабесокъ, одинъ простой глиняный горшочекъ и въ ногахъ глиняный кувшинъ, тоже простой, объ одной ручкѣ. — Въ другой подобной гробницѣ [2], гдѣ и слѣдовъ костяка не осталось, найдена раздавленная землею въ мелкія части прекрасная ваза объ одной ручкѣ, покрытая черною глазурью и украшенная канелюрами. Ваза эта была реставрирована еще въ древности, ибо на окраинахъ горла ея найдены три золотыя пластинки, которыя, вѣроятно, прикрывали собою сдѣланныя выщербины. Возлѣ вазы найденъ еще продолговатый стаканъ изъ тонкаго стекла съ короткимъ подножіемъ.

II. Гробницы, выкопанныя въ материкѣ.

Гробницы эти были слѣдующихъ родовъ: a) не покрытыя плитами, не широкія и не глубоко выкопанныя въ материкѣ, b) покрытыя плитами, широкія, выкопанныя глубоко, и c) крытыя плитами, но не глубоко выкопанныя въ материкѣ.

a) Не глубокихъ гробницъ, не широкихъ и не крытыхъ плитами сколько мнѣ помнится, возлѣ Татарской-слободки отрыто пять. Онѣ имѣли около двухъ четвертей въ глубину и трехъ въ ширину. Костяки, погребенные въ нихъ безъ гробовъ (ибо нѣтъ никакихъ слѣдовъ послѣднихъ), лежали головами на в. Въ двухъ гробницахъ, кромѣ черепковъ отъ вазочекъ, украшенныхъ пальметками, разбросанныхъ по всей гробницѣ, и пантикапейской монеты на зубахъ костяковъ, ничего не было. Въ третьей, кромѣ этого, возлѣ лѣвой руки костяка найденъ халцедонъ, на которомъ прекрасно вырѣзанъ стоящій олень. Въ четвер-

[1] Она была отрыта на глубинѣ $1\frac{3}{4}$ ар. въ небольшомъ курганѣ, находящемся къ ю. отъ 2-го скалистаго возвышенія, неподалеку отъ идущей здѣсь дороги.

[2] Гробница эта отрыта была на сѣверномъ скатѣ 1-го скалистаго возвышенія на глубинѣ около $1\frac{1}{4}$ ар.

той найдена цѣльная вазочка, украшенная пальметкой, обломокъ серебрянаго аграфа и большая ваза о двухъ ручкахъ съ рисункомъ, изображающимъ верхомъ на лошади крылатую женскую фигуру, настигающую женщину, которая, держа правою рукою распростертую хламиду, какъ бы хочетъ укрыться подъ нею. (Точно такая же ваза найдена въ каменной гробницѣ, описанной выше.) Наконецъ пятая гробница была еще богаче. Въ ней собраны черепки, которые, будучи склеены, составили вазочку столь же прекрасную по формѣ, сколько по рисунку. Вазочка эта сходна съ изображенной у Inghirami въ сочиненіи Monumenti Etruschi ser. V. tav. XXXIV, съ тою разницею, что рисунокъ на первой несравненно чище и отчетливѣе; кромѣ того на немъ надъ головою Минервы нѣтъ совы (мѣсто это покрыто черными лакомъ), на щитѣ ея дельфинъ и другое какое-то простое украшеніе, которое разобрать трудно, и по желтому фону никакой надписи. Фигуру, кажется мужскую, находящуюся на задней сторонѣ вазы, очень поврежденную, описать не могу. Высота этой вазы одною третью меньше изображенной на рисункѣ Inghirami. Кромѣ того есть разница и въ формѣ ихъ: тогда какъ у этой послѣдней наибольшее расширеніе составляетъ $^2/_5$ всей высоты вазы, на первой оно едва равняется половинѣ, да и вообще можно сказать, что форма ея несравненно изящнѣе.

Основываясь на этихъ находкахъ, мнѣ кажется, можно заключить, что земляныя гробницы эти относятся къ лучшимъ и слѣдовательно болѣе древнимъ временамъ Греціи; я думаю, что онѣ слѣдуютъ за земляными гробницами, находящимися на материкѣ (описанными въ § I подъ буквою Ь), и что онѣ древнѣе тѣхъ, которыхъ описаніе тотчасъ слѣдуетъ.

Ь) Гробницы, глубоко выкопанныя въ материкѣ (иногда на 2 ар.), широкія (большею частію въ $1^1/_4$ ар.) и крытыя плитами такъ плотно, что земля не могла проникать въ ихъ середину. Такія гробницы попадались очень часто [1]. Костяки, погребенные въ деревянныхъ гробахъ, на южныхъ сторонахъ возвышеній лежали, головами на ю.-в., а на сѣверныхъ на с.-в. Прилагаю описаніе одной изъ нихъ. Такъ какъ гробница эта имѣла всѣ тѣ отличительные признаки, о которыхъ я сей часъ говорилъ, то перейду прямо къ сдѣланнымъ въ ней находкамъ [2]. Возлѣ ногъ костяка найденъ четыреугольный стеклян-

[1] Ихъ находили почти вездѣ: на Митридатѣ, на скатахъ перваго и втораго скалистыхъ возвышеній, близь Татарской-слободки и Еврейскаго кладбища.

[2] Гробница эта найдена была на юго-восточномъ скатѣ 2-го скалистаго возвышенія въ нѣсколькихъ шагахъ отъ неразоренной каменной гробницы, описанной выше.

ный сосудъ съ ручкой, возлѣ лѣвой руки его браслетъ изъ толстой серебряной проволоки и три перстня: одинъ тоненькій золотой съ бѣлымъ камешкомъ, на которомъ рельефно изображена подковка, другой окисшій, съ сердоликомъ, на которомъ вырѣзана Минерва, и третій желѣзный, совершенно перегорѣвшій отъ окиси; далѣе, на груди и около шеи — зерна ожерелья, числомъ около ста, одни изъ стекла, другія изъ лигнита; въ числѣ послѣднихъ одна амулетка въ видѣ сѣкиры; — и наконецъ возлѣ головы обломки окисшихъ серебряныхъ серегъ.

Гробницы эти не столь древни какъ тѣ, которыя не глубоко выкопаны въ материкѣ и не покрыты плитами, какъ я уже замѣтилъ это выше. Доказательствомъ тому служитъ, что въ первыхъ гробницахъ, иногда довольно богатыхъ, никогда не попадалось никакихъ вазъ не только съ рисунками, но даже съ какимъ нибудь простымъ украшеніемъ. Ихъ мѣсто заступали или грубой работы глиняные кувшины, или всего чаще — стеклянные сосуды; въ слезницахъ, находимыхъ въ нихъ, нижняя конусообразная часть имѣла почти половину высоты всей слезницы, тогда какъ, чѣмъ древнѣе слезница, тѣмъ эта часть составляетъ меньшую долю: одну третью, четвертую и даже пятую; наконецъ различная степень сохраненія гробницъ и костяковъ при одинаковыхъ условіяхъ грунта, служитъ еще однимъ даннымъ, хотя конечно, весьма слабымъ, говорящимъ въ пользу древности гробницъ не глубоко выкопанныхъ въ материкѣ и не крытыхъ плитами, сравнительно съ гробницами глубоко выкопанными въ материкѣ.

Наконецъ c) земляныя гробницы, не глубоко выкопанныя въ материкѣ и крытыя плитами. Кромѣ того, что покрыты плитами, онѣ отличаются отъ гробницъ не глубоко выкопанныхъ и не крытыхъ плитами еще и тѣмъ, что просторнѣе ихъ. Дѣлались же онѣ просторнѣе, можетъ быть потому, что должны были заключать въ себѣ погребенныхъ въ деревянныхъ гробахъ. Привожу описаніе подобной гробницы [1]. Совершенно истлѣвшій костякъ лежалъ въ ней головою на в. Найдено: возлѣ ногъ черепки стекляннаго сосуда, разбитаго, вѣроятно, обвалившеюся плитою, мѣдная лещедка отъ замка и четыре шляпки отъ гвоздей, прикрѣплявшихъ лещедку къ туалетному ящику (такіе ящики иногда клались въ женскія гробницы); возлѣ пальцевъ лѣвой руки золотая серьга съ вставленнымъ гранатомъ, подобная найденной въ неразоренномъ склепѣ, описанномъ выше; на груди нѣсколько монистинъ

[1] Она была отрыта на одной мѣстности съ неразоренымъ склепомъ.

и возлѣ головы двѣ маленькія серьги изъ тонкой золотой проволоки, безъ всякихъ украшеній. Кромѣ того отъ ногъ до головы попадались золотые листики разной формы. Вѣроятно, что гробъ, въ которомъ лежала погребенная, такъ же какъ бывшій, можетъ быть, тутъ туалетный ящикъ, совершенно истлѣли, чему весьма много способствовало положеніе могилы въ небольшой лощинѣ. Что гробъ однакожь былъ въ ней, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться, потому что въ подобныхъ гробницахъ, отрытыхъ съ нею на одной и той же мѣстности, вездѣ были замѣтны слѣды гробовъ. Судя по тому, что въ одной изъ нихъ найдена монета Рескупорида VII, ихъ можно отнести къ позднѣйшему времени.

Жженыя гробницы.

a) Однѣ изъ нихъ служили не только могилою схороненному въ нихъ праху, но и мѣстомъ костра, на которомъ сожженъ былъ трупъ. Узнать гробницы послѣдняго рода не трудно: въ нихъ обыкновенно много угольевъ и кругомъ земля горѣлая. Найденныя въ нынѣшнемъ году заключали въ себѣ свернувшіеся отъ огня золотые листики вѣнца, слитки стеклянной посуды и амулетки изъ зеленой египетской массы, побѣлѣвшія отъ дѣйствія огня: одна изъ нихъ кромѣ того была усѣяна глиняными пластинками разной величины съ прекраснымъ рельефнымъ изображеніемъ головы Медусы en face. Такія гробницы не покрывались плитами. Вѣроятно когда трупъ сгоралъ и костеръ потухалъ его засыпали землею; тѣмъ дѣло и кончалось.

b) Впрочемъ были и такія гробницы, которыя заключали въ себѣ лишь собранныя съ костра жженыя кости. Доказательствомъ этому служитъ найденная въ нынѣшнемъ году гробница, въ которой жженыя кости, безъ угольевъ, разсыпанныя по землѣ, были покрыты сверху черепицами.

Наконецъ с) кости собирались въ урны, которыя накрывались крышей, плотно примазанною къ нимъ алебастромъ. Въ одной изъ такихъ урнъ найдены: золотой перстень съ выпавшимъ камнемъ, утратившимся, вѣроятно, во время сожиганія покойника на кострѣ; черепки разбитой стеклянной слезницы; золотая трубочка съ круглою привѣской. Другая урна обложена была двумя па́рами статуэтокъ Венеры; каждая пара этихъ статуэтокъ, очевидно, вышла изъ одной и той же формы. Въ самой же урнѣ, кромѣ большой бусины изъ зеленой египетской массы, ничего не было.

черепичныхъ гробницъ отрыто очень не много, да и тѣ не были обильны находками. Только въ одной изъ нихъ [1] найдено въ ногахъ совершенно истлѣвшаго костяка глиняное изображенiе морской раковины, на пьедесталѣ, заслуживающее вниманiя, и то не по художественному исполненiю, а по оригинальности изображенiя. По серединѣ раковины представлена обнаженная Венера, а по бокамъ ея двѣ другiя фигуры: одна по правую сторону — бородатаго Прiапа, другая по лѣвую — съ лирой, вѣроятно Амура. Фигуры эти сдѣланы рельефно, очень дурно раскрашены красками и представлены en face.

Оканчивая этимъ описанiе гробницъ, отрытыхъ въ нынѣшнемъ году, приведу одно обстоятельство, которое, полагаю, должно обратить на себя вниманiе.

Между первымъ скалистымъ возвышенiемъ и дорогою, идущею параллельно сѣверной части Татарской-слободки, въ боковой части одного небольшаго кургана найдены три гробницы. Верхняя изъ нихъ была черепичная съ жженными костями (она описана выше); полуаршиномъ ниже ея была земляная не крытая плитами (она заключала въ себѣ костякъ, лежащiй на материкѣ головою на ю.-в.); наконецъ нижняя была не глубоко выкопана въ материкѣ и покрыта плитами — костякъ лежалъ въ ней головою на в. Гробницы эти не лежали одна надъ другою, но только одна часть черепичной гробницы покрывала собою одну часть второй, именно ту часть, гдѣ была голова костяка, между тѣмъ какъ ноги послѣдняго, не найденныя нами, должны были бы находиться надъ головою костяка, лежавшаго въ третьей гробницѣ. Изъ этого можно заключить, что вторая гробница была потревожена, когда рыли третью. Фактъ этотъ замѣчателенъ въ томъ отношенiи, что онъ рѣшаетъ временное первенство гробницы одного рода передъ гробницами двухъ другихъ родовъ. Два, три подобныхъ факта — и вопросъ о древности разныхъ родовъ гробницъ могъ бы быть рѣшенъ. Къ сожалѣнiю такихъ фактовъ замѣчено еще мало.

Я позволю себѣ однакоже высказать нѣсколько предположенiй объ эпохахъ керченскихъ гробницъ, представляя ихъ, какъ простыя предположенiя, на судъ ученыхъ и времени.

Склепы, каменныя гробницы, и земляныя, находящiяся на поверхности материка и крытыя плитами, не принадлежатъ искючительно какому нибудь перiоду времени. Остальныя могутъ быть распредѣлены относительно времени въ слѣдующемъ порядкѣ:

[1] Гробница эта была отрыта на южномъ скатѣ 2-го скалистаго возвышенiя.

1. земляныя гробницы, находящіяся на поверхности материка и не крытыя плитами;

2. жженыя гробницы, если онѣ только были во всеобщемъ употребленіи въ извѣстную эпоху;

3. гробницы не глубоко выкопанныя въ землѣ и не крытыя плитами;

4. черепичныя;

5. земляныя, глубоко выкопанныя въ материкѣ и крытыя плитами;

6. гробницы не глубоко выкопанныя въ материкѣ и крытыя плитами.

Въ заключеніе считаю нужнымъ оговориться. Всѣ гробницы, найденныя въ нынѣшнемъ году, подходятъ подъ одно изъ этихъ раздѣленій; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ гробницы, которыя находятся близъ Керчи, нашли въ нихъ свое мѣсто. Для полнаго опредѣленія всѣхъ ихъ слишкомъ мало моихъ четырехъ-мѣсячныхъ наблюденій....

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПОПЫТКАХЪ ПЕРЕВОДИТЬ ГОМЕРА НА ПРОСТОНАРОДНЫЙ РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Въ недавнее время возникъ у насъ вопросъ о лучшемъ и вѣрнѣйшемъ способѣ переводить Гомера на русскій языкъ. Первымъ поводомъ къ спору послужилъ Гнѣдичевъ переводъ Иліады. Находили, что Гнѣдичь совершенно измѣнилъ колоритъ гомерическихъ пѣсень, что старыми славянскими оборотами и реченіями онъ придалъ имъ какую-то торжественность. Жуковскій своимъ переводомъ Одиссеи, казалось бы, долженъ былъ удовлетворить требованіямъ критиковъ, упрекавшихъ Гнѣдича въ недостаткѣ простоты: языкъ этого перевода есть чистый и изящный языкъ современной литературы нашей; если въ немъ иногда и попадались нѣкоторые архаисмы (къ сожалѣнію, не совсѣмъ удачные), то такъ рѣдко, что они почти исчезаютъ въ цѣломъ переводѣ. Оказалось, что и въ переводѣ Жуковскаго недостаточно простоты. Возникла мысль, что Гомера слѣдуетъ переводить на простонародный русскій языкъ, на языкъ сказокъ и пѣсень. Прочь всякая торжественность, всякая высокопарность! (такъ восклицали нововводители). Въ гомерическихъ пѣсняхъ высказывался народъ въ своемъ младенчествѣ; слово такого народа просто, безхитростно, наивно, и по русски оно должно быть передаваемо такимъ же младенческимъ и наивнымъ словомъ; для вѣрнѣйшей передачи Гомера всего лучше можетъ послужить Кирша Даниловъ. Публика слушала эти разсужденія,

можетъ быть, не совсѣмъ безъ одобренія. Въ ежедневномъ говорѣ людей чего не высказывается, чего нельзя высказать, какъ нѣчто весьма понятное, весьма разумное и заслуживающее одобренія? Но вотъ, вмѣсто разсужденій, являются опыты, вмѣсто словъ — дѣло, и каждый тотчасъ же чувствуетъ его несостоятельность. Вотъ по чему надобно желать, чтобы всякая теорія или ссылалась на сдѣланное дѣло, или завершалась дѣломъ: пока она остается на однихъ словахъ, вѣрность или невѣрность ея понятна только немногимъ, и не прежде какъ перешедши въ дѣло, она изобличаетъ себя для всѣхъ.

Не имѣя въ виду разбирать сдѣланныя у насъ попытки переводить Гомера простонароднымъ языкомъ, мы ограничимся одними общими замѣчаніями о ложности воззрѣнія, изъ котораго они проистекли.

Само собою разумѣется, что переводъ долженъ прежде всего быть вѣренъ подлиннику: безъ этого условія онъ теряетъ всякое значеніе. Какъ бы плохъ ни былъ переводъ, трудно предположить, чтобы въ немъ не сохранялось по крайней мѣрѣ общее содержаніе подлинника; въ переводѣ истинно изящномъ передаются, по возможности, всѣ частности и особенности, весь характеръ и тонъ произведенія.

Но подобныя общія положенія не ведутъ ни къ чему. Отъ частаго употребленія они такъ выдыхаются, что мы и слушаемъ, и высказываемъ ихъ совершенно безъ всякой мысли, какъ передаемъ и принимаемъ истертую монету, не распознавая на ней никакого клейма. А потому, чтобы не говорить понапрасну, лучше всего прибѣгнуть къ анализу, и пуститься въ дробности. Вмѣсто цѣлаго произведенія, возьмемъ простыя реченія языка. Какъ понятіе, слово имѣетъ двоякую сторону: общую, родовую, и частную, видовую; наконецъ, оно имѣетъ даже индивидуальное, чисто-особенное значеніе. Общую сторону реченій схватить легко; но ихъ видовыя отличія доступны только для человѣка, вполнѣ владѣющаго языкомъ. Передавая общее значеніе слова, вы еще не касаетесь его частнаго значенія; но передавая данное значеніе другимъ значеніемъ, ставя b вмѣсто a, и c вмѣсто b, вы дѣлаете хуже, чѣмъ еслибъ ничего не дѣлали, вы вводите другихъ въ заблужденіе, вы не переводите, а сочиняете.

Вотъ напримѣръ нѣсколько реченій: *дѣва*, *дѣвица*, *дѣвка*, *дѣвушка*. Эти четыре реченія, съ общей своей стороны и по этимологіи, суть почти одно слово; но каждое изъ нихъ имѣетъ въ употребленіи свою особенность, отличающую его отъ другихъ. Если нужно высказать только общее значеніе, выражаемое этими четырьмя словами, то вы можете употребить изъ нихъ любое, и мы не будемъ въ претензіи

на иностранца, плохо знающаго по русски, который не кстати употребитъ одно изъ нихъ *для* того, чтобъ передать намъ какъ нибудь свою мысль. Но если вамъ предстоитъ сказать именно то, что выражается каждымъ реченіемъ въ особенности, то вы скажете совсѣмъ не то, что хотите сказать, употребивъ одно слово вмѣсто другаго.

Что мы видимъ при сравненіи отдѣльныхъ словъ одного и того же языка, то оказывается и при сравненіи словъ двухъ различныхъ языковъ. Попробуйте передать въ какой-либо данной связи словъ, напримѣръ, французское реченіе *дама* русскимъ *баба*: вы сами разсмѣетесь вашему переводу, и однако оба эти слова совпадаютъ въ одномъ общемъ значеніи. Въ случаѣ затрудненія поставьте лучше въ вашемъ переводѣ такое слово, которое именно выражаетъ это общее значеніе; вы еще не испортите переводимаго мѣста, если употребите, напримѣръ, реченіе *женщина*, вмѣсто болѣе специяльнаго французскаго dame; но вы совершенно исказите смыслъ, употребивъ другое специяльное реченіе. Вы копируете картину: ограничьтесь же простыми очерками, или употребите тѣ самыя краски, какія представляетъ подлинникъ. Если нельзя перевесть ворону сорокой, или осину березой, то также нельзя при переводѣ съ одного языка на другой употребить совершенно чуждое подлиннику специяльное реченіе. Вѣдь вы не назовете фрака зипуномъ; такъ равно и при переводѣ съ иностраннаго языка не можете, не впадая въ нелѣпость, передать слово *фракъ* словомъ *зипунъ*. Въ сущности все равно, что назвать вещь не ея именемъ, или что употребить одно опредѣленное слово вмѣсто другаго также опредѣленнаго. Вы не знаете, какъ специяльно называется это дерево? назовите его просто деревомъ: вы скажете мало, но за то не впадете въ ошибку, въ какую впали бы, еслибъ осину назвали березой.

Положимъ, что намъ предстоитъ передать съ одного языка на другой цѣлое поэтическое произведеніе. О чемъ прежде всего должны мы заботиться? Конечно о томъ, чтобы это произведеніе въ реченіяхъ и формахъ чуждаго языка оставалось тѣмъ же самымъ, чѣмъ было въ реченіяхъ и формахъ роднаго языка. Отдѣльные промахи, неизбѣжные во всякомъ обширномъ трудѣ, еще не испортятъ дѣло, если ихъ не слишкомъ много, и они всегда могутъ быть исправлены. Но что выйдетъ изъ нашего перевода, если мы, удержавъ содержаніе поэмы, дадимъ совсѣмъ иной характеръ, иной цвѣтъ ея формѣ? Не измѣнимъ ли мы ея духа, который опредѣляется взаимнымъ отношеніемъ содержанія и формы? Не лучше ли ужь вовсе отказаться отъ

намѣренія переводить? Измѣняя форму, искажая духъ произведенія, за чѣмъ еще будемъ мы сохранять его содержаніе? Будемъ-те же искажать и самое содержаніе, будемъ передѣлывать, пародировать все произведеніе, выворачивать его на изнанку. Энеида, перенначенная на малороссійскомъ нарѣчіи Котляревскимъ, есть забавная шутка, имѣющая смыслъ, не лишенная, можетъ быть, своего рода достоинства; но *переводъ* Энеиды или Иліады, искажающій совершенно и характеръ и духъ произведенія, есть дѣло безсмысленное.

Вы хотите переводить Гомера на русскій языкъ. Въ добрый часъ!.. Но вы разсуждаете такъ: гомерическія пѣсни суть пѣсни народныя, простыя, а потому и по русски слѣдуетъ передавать ихъ языкомъ народнымъ и простымъ. Начавъ разсуждать, не хватайтесь же тотчасъ за дѣло, а продолжайте разсуждать до конца, — и посмотрите, что выйдетъ. — Простота! Но что такое простота? Есть много простыхъ вещей, какъ есть много напримѣръ бѣлыхъ вещей: и снѣгъ бѣлъ, и полотно бѣло, и бумага бѣла, и мало ли что еще бѣло! Но благодаря бѣлизнѣ вы не будете же смѣшивать совершенно разнородныхъ вещей. Народность! но развѣ древне-греческая народность и нынѣ благополучно поживающая русская народность—одно и то же? Петръ есть человѣкъ, и Иванъ есть человѣкъ: слѣдуетъ ли, что Петръ и Иванъ одинъ и тотъ же человѣкъ? Греческая народность сама по себѣ, а русская народность — сама по себѣ, и смѣшать ихъ еще нелѣпѣе, чѣмъ смѣшать Петра съ Иваномъ.

Разсуждая такимъ образомъ, вы усомнитесь въ своемъ начинаніи, и не будете перелагать греческую народность на русскую. Ужь лучше покажите намъ Гомера въ какомъ нибудь неопредѣленномъ костюмѣ, нежели въ кафтанѣ удалого русскаго ямщика; пусть ужь лучше старый рапсодъ будетъ представляться намъ не ясно, въ туманѣ, чѣмъ жалкимъ образомъ кривляться передъ нами и корчить нашего пріятеля казака Киршу Данилова. Пусть ужь лучше онъ вовсе намъ не показывается, да лишь не показывается въ такомъ видѣ.

Но подойдемъ еще ближе къ дѣлу. Въ живомъ языкѣ, при всемъ единствѣ его, есть множество разнообразныхъ элементовъ. При малѣйшемъ ослабленіи единства, начатки разнообразія задвижутся, заходятъ, завяжутся въ новые узлы, и того гляди, что изъ одного языка выйдутъ многіе языки, которые могутъ такъ разойтись, что и память потеряютъ о прежнемъ единствѣ. Но пока народъ имѣетъ одну общую литературу, единство языка его какъ бы застраховано,—и чѣмъ

полнѣе, богаче, могущественнѣе развивается его литература, чѣмъ болѣе выражается въ ней его жизнь и производительность, тѣмъ дороже становится единство языка, тѣмъ менѣе грозитъ ему опасность исчезнуть въ новыхъ языкахъ. Литературный языкъ, принявшій въ себя всѣ стихіи жизни народа, образованный всѣми впечатлѣніями его духовной производительности, есть самое лучшее выраженіе народности. Если рядомъ съ литературнымъ языкомъ остаются еще различныя не вошедшія въ него реченія и обороты, еще другіе языки, то они по отношенію къ нему получаютъ особый характеръ, какого бы не могли имѣть, еслибъ въ народѣ не образовался языкъ литературный. Сюда во первыхъ принадлежатъ мѣстныя нарѣчія, во вторыхъ особенности выраженія нѣкоторыхъ сословій, нѣкоторыхъ классовъ общества, по чему либо остающихся чуждыми образованію и его языку. Слова и складъ рѣчи, принадлежащія исключительно какой либо мѣстности или общественному разряду, получаютъ специальное значеніе, именно значеніе той среды, въ которой употребляются. При существованіи литературнаго языка, формы рѣчи, почему либо еще не вошедшія въ него, не могутъ быть употребляемы для выраженія общаго понятія или для перевода съ чужаго языка, не могутъ, потому что за ними какъ тѣнь слѣдитъ ихъ мѣстное значеніе; они означаютъ столько же какое либо общее понятіе, сколько ту или другую мѣстность, тотъ или другой кругъ людей, то или другое общественное положеніе.

Выше сказали мы, что реченія языка, служащія для означенія понятій, имѣютъ еще свою индивидуальность. Не худо замѣтить этотъ пунктъ. Въ самомъ дѣлѣ, за логическою стороною словъ часто забывается слово, какъ нѣчто индивидуальное, какъ историческій фактъ. Будучи означеніемъ понятія, оно есть въ то же время нѣчто само по себѣ. Мало знать его логическое значеніе, слѣдуетъ обращать вниманіе также на его положеніе, его судьбу, его употребленіе. Мы сказали *положеніе*, и сказали не для фигуры: слова, подобно людямъ, или лучше вмѣстѣ съ людьми, могутъ нерѣдко имѣть свое особенное общественное положеніе. Только литературный языкъ представляетъ среду, свободную отъ такихъ особенностей: въ немъ, какъ и вообще въ образованіи, общественныя различія исчезаютъ. По своей природѣ, иная форма рѣчи могла бы годиться для литературнаго употребленія, но пока на ней остается отпечатокъ какого либо исключительнаго употребленія, вы не рѣшитесь вставить его въ вашу рѣчь для выраженія вашей собственной мысли или для перевода съ чужеземнаго языка. Вотъ напримѣръ слова *жисть*, *болњсть*: какъ выраженія извѣстныхъ понятій, они ничѣмъ не хуже словъ

жизнь, *болѣзнь*; этимологическій составъ ихъ правиленъ; онъ образованъ совершенно сходственно съ реченіями *честь*, *вѣсть* и т. п.; но судьба исключила ихъ изъ литературнаго употребленія въ пользу другихъ формъ, и слово *жисть* можетъ быть употреблено въ литературѣ не просто для выраженія общаго понятія, имъ означаемаго, но съ цѣлью означить извѣстное общественное положеніе, извѣстный классъ именно русскаго общества, съ цѣлію вывести на сцену русскаго простолюдина. Слово *жисть*, сопоставленное съ словомъ *жизнь*, имѣетъ особый оттѣнокъ, и такой оттѣнокъ будетъ всегдашнею преградой для употребленія этого слова въ смыслѣ болѣе общемъ или для перевода съ иностраннаго языка. Заставьте Француза, напримѣръ хоть при переводѣ романа Жоржа Санда, сказать такую фразу: *жисть моя постылая, головушка моя побѣдная*, и выйдетъ предикая нелѣпость. Мы съ умысломъ привели примѣръ, въ которомъ, какъ въ увеличительное стекло, нелѣпость представляется въ самомъ разительномъ видѣ.

Но, могутъ замѣтить, литературный языкъ не долженъ же вовсе чуждаться языка народнаго. Совершенно справедливо, и, скажемъ болѣе, литературный языкъ долженъ, по преимуществу, быть языкомъ народнымъ, иначе онъ будетъ мертвымъ языкомъ. Между книжною рѣчью и живымъ словомъ народа не должно быть никакой преграды. Литература должна питаться всѣми притоками рѣчи своего народа. Всякая форма народной рѣчи можетъ быть принята въ нее, но съ толкомъ, съ художественнымъ тактомъ, и главное не безъ нужды. Литературѣ принадлежитъ въ языкѣ все, за исключеніемъ лишь того, что разъ навсегда исключено изъ нея. Откуда же такое исключеніе? Въ силу чего какое либо слово должно считаться исключеннымъ изъ литературнаго употребленія? Въ силу другаго слова, по значенію съ нимъ совершенно тождественнаго. Того нельзя принять, мѣсто чего уже занято. Слова *суводь*, *заводь*, *днище* и т. п. могутъ быть употреблены гдѣ угодно, если означаютъ опредѣленныя понятія, и, употребленныя съ знаніемъ дѣла, они украсятъ вашу рѣчь своею выразительностію, служа къ точнѣйшему, ближайшему, живѣйшему означенію предмета. Но напрасно будетъ толкаться въ литературу форма *серчать:* мѣсто ея занято словомъ *сердиться*, какъ слово *жисть* предупреждено формою *жизнь*. Во всякомъ случаѣ *осерчать* можетъ быть еще прилично какимъ нибудь Діомиду Тидеевичу или Сергѣевичу, а ужь никакъ не воителю ахейскому, знаменитому Тидиду, воспѣтому Гомеромъ. Правда, есть различныя формы одного и того же реченія, одинаково допущенныя въ образованный языкъ; но всегда съ каждою изъ такихъ формъ соединяется какое

либо особое значеніе. Такъ, напримѣръ, слова *ровный* и *равный*, будучи двумя различными формами одного и того же слова, приняли въ употребленіи различныя значенія и занимаютъ каждое свое мѣсто, не вытѣсняя другъ друга.

Послѣ этой оговорки, обратимся прямо къ главному возраженію, которое можетъ быть намъ сдѣлано. Выше указали мы нелѣпость, какая бы могла произойти, еслибъ мы при переводѣ съ иностраннаго языка стали употреблять формы рѣчи, исключительно простонародныя, или исключительно свойственныя какому нибудь сословію или общественному положенію въ нашемъ быту. Чтобъ подобная нелѣпость бросилась рѣзче въ глаза, мы предположимъ, что переводимъ съ французскаго языка какое нибудь чисто литературное произведеніе. Намъ возразятъ, что мы сбились съ дороги, что дѣло идетъ не о переводѣ литературныхъ произведеній, но о произведеніи по преимуществу народномъ, какъ гомерическій эпосъ. Пѣсни Гомера возникли не въ искусственной литературѣ, но на вольномъ просторѣ народной жизни; именно совершенною безыскусственностію отличаются эти пѣсни, онѣ чужды всякихъ предуставленныхъ правилъ, и переводить ихъ на книжный языкъ значило бы придавать имъ несвойственный характеръ: только языкъ природный, также безыскусственный и не знающій книжныхъ правилъ, можетъ служить для этой цѣли. Переводя поэтическое произведеніе на нашъ языкъ, мы должны преимущественно стараться о томъ, чтобы оно производило на читателя такое же впечатлѣніе въ переводѣ, какое производитъ въ подлинникѣ; требуется, чтобы напримѣръ Иліада представлялась Русскому приблизительно съ такимъ же характеромъ, какъ она должна была представляться древнему Греку. Древній Грекъ слышалъ въ ней простое, безыскусственное слово, — слово чисто народное; слѣдовательно и намъ, на языкѣ русскомъ, должно слышаться въ нихъ народное слово.

Но уже выше было замѣчено, что одна народность не можетъ замѣнить другую, и мы никакъ не избѣгнемъ нелѣпости, если вздумаемъ въ русскомъ переводѣ подражать народному эффекту, какой будто бы производили гомерическія пѣсни на древняго Грека. Съ цѣлію показать, что̀ можетъ произойти изъ подобнаго стремленія, возьмемъ прежде всего слѣдующій примѣръ. Въ комедіяхъ Аристофана, писанныхъ на аттическомъ нарѣчіи, Спартанцы, являясь на сцену, говорятъ своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ; безъ сомнѣнія, это должно было производить особый эффектъ на аѳинской сценѣ; но что бы вышло, если бы мы, передавая Аристофана, вздумали произвести соотвѣтственный эф-

фектъ на русскую публику, употребивъ для этой цѣли какое нибудь мѣстное русское нарѣчіе, напримѣръ костромское, или еще разительнѣе, малороссійское? Одинъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ переводчиковъ Аристофана, дѣйствительно, прибѣгъ къ подобному средству, и перевелъ рѣчь Спартанцевъ однимъ изъ областныхъ нарѣчій Германіи. Не нужно доказывать, какъ должна быть неудачна эта попытка.

И однако, скажемъ мы, попытка подражать въ переводѣ эффекту мѣстныхъ нарѣчій, далеко не такъ нелѣпа, какъ мысль передавать Гомера простонароднымъ русскимъ языкомъ. Тамъ по крайней мѣрѣ есть какое нибудь основаніе, находящееся въ самомъ подлинникѣ; на аѳинскую публику, дѣйствительно, долженъ былъ производить особое впечатлѣніе языкъ Спартанцевъ на сценѣ, и хотя Малороссъ вовсе не Спартанецъ, а мы не Аѳиняне, однако попытка наша передать эффектъ спартанскаго нарѣчія эффектомъ малороссійскаго, при всей нелѣпости результата, вытекала бы изъ основанія вѣрнаго; мы испортили бы эффектъ подлинника, передавъ этотъ эффектъ дурно; во второмъ же случаѣ мы навязали бы подлиннику то, чего въ немъ вовсе нѣтъ, мы показали бы, что вовсе не поняли подлинника, и старались бы передать эффектъ, нами самими выдуманный, нами налганный на подлинникъ.

Совершенно справедливо, что гомерическія пѣсни возникли не въ литературѣ, но онѣ возникли въ такое время, когда не было ни какой литературы; правда, что въ этихъ пѣсняхъ выразилась греческая народность, но народность въ такую эпоху своего существованія, когда она не являлась противоположностію какому нибудь другому элементу, народность въ своемъ общемъ смыслѣ. Пѣсни эти, конечно, не были литературнымъ произведеніемъ, но онѣ не были также произведеніемъ нелитературнымъ; различіе литературнаго и нелитературнаго ихъ не касается. Не говоря уже о томъ, что по своему внутреннему характеру, онѣ въ своей народности представляютъ явленіе всеобщее и всемірное, и принадлежатъ цѣлому человѣчеству, такъ что каждый особый народъ можетъ видѣть въ нихъ какъ бы свое достояніе, какъ бы моментъ жизни человѣчества, всѣмъ равно принадлежащій, не говоря уже объ этомъ качествѣ гомерическаго эпоса, мы обратимъ вниманіе лишь на то, что никогда не могъ онъ въ подлинникѣ производить впечатлѣніе исключительно-народнаго и еще менѣе простонароднаго слова. *Исключительно* народное есть отъявленная противуположность общечеловѣческому, и простонародное возможно только по отношенію къ системѣ высшаго образованія. У насъ есть простонародный языкъ, потому что есть языкъ литературный. Во времена же го-

мерическія не могло быть такихъ исключеній и различій. Эпосъ есть источникъ всей древней греческой поэзіи и литературы; къ нему древніе Геллены возводили все свое образованіе; съ него, въ лучшее время ихъ образованія, начиналось воспитаніе юношей; въ немъ сходились всѣ вѣтви греческой народности, часто во всемъ прочемъ такъ разнохарактерныя и такъ враждебныя между собою. Самыя нарѣчія, на которыя распадался гелленскій языкъ, соприсутствовали слитно въ гомерическомъ словѣ: за нимъ осталось значеніе языка эпическаго, который возвышался надъ всѣми племенными нарѣчіями.

Что такое рѣчь простонародная? Смѣшивать простонародность съ народностью — большая ошибка. Простонародность есть отсѣдъ, residuum народности; она возникаетъ съ осложненіемъ общественнаго быта, и есть какъ бы оборотная сторона образованія и развитія. Кто же рѣшится сказать, чтобъ въ гомерическія времена существовала въ обществѣ простонародность, и находила себѣ выраженіе въ языкѣ? Если же въ самомъ гомерическомъ бытѣ не могло быть элемента простонародности, если ничто тамъ въ отношеніи другъ къ другу не могло казаться простонароднымъ, то почему же весь этотъ бытъ съ своимъ языкомъ будетъ казаться такимъ для посторонняго наблюдателя? Долженъ ли предметъ казаться кому нибудь такимъ, какимъ онъ не есть самъ въ себѣ?

Еще нѣсколько словъ о простонародномъ языкѣ. По мѣрѣ развитія образованія, внутренній инстинктъ, законъ народнаго слова переселяется въ языкъ литературный. Силы народа идутъ на тѣ созиданія, къ которымъ призываетъ его исторія; народность выражается въ исторической дѣятельности, въ проявленіяхъ существенныхъ и важныхъ для цѣлаго міра, для человѣчества. Великія цѣли знанія, искусства и жизни, овладѣвая дѣятельностію народа, овладѣваютъ мало по малу, по мѣрѣ своей зрѣлости, тайною его слова. Народность восходитъ на степень цивилизаціи и все, упорно коснѣющее за чертою образованія, превращается въ такъ-называемую простонародность. Напрасно приписываютъ простонародной рѣчи, въ этомъ смыслѣ, признакъ живости, которая будто бы, при всей грубости этой рѣчи, составляетъ ея отличіе отъ книжнаго слова; напротивъ, простонародная безграмотная рѣчь внутренно мертва; она плетется и вяжется безъ творческой силы, безъ производительнаго инстинкта и даже безъ смысла. Все то въ народѣ, что отказалось войти въ его цивилизацію, тѣмъ самымъ лишилось силы и очарованія жизни.

Отъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ нѣкоторымъ частностямъ. Недавно случилось мнѣ, не подалеку отъ Москвы, въ деревнѣ, слышать слово, которое получило полное право гражданства въ мѣстной молвѣ многихъ околодковъ. Извѣстно, что изъ московскаго Воспитательнаго Дома раздаются поступающія въ него безродныя дѣти на воспитаніе по деревнямъ. Какъ же думаете вы зовутся тамъ эти дѣти? Вамъ прежде всего придутъ на умъ слова: воспитанникъ, питомецъ. Нѣтъ, — *шпитенокъ* и *шпитомецъ!* Чувствуете ли вы всю нелѣпость этихъ незаконныхъ реченій, чувствуете ли, что они возникли invitâ Minervâ, при заглохшемъ инстинктѣ языка? Какъ бы хорошо было употребить ихъ, при случаѣ, въ Иліадѣ!

Навѣрное случалось вамъ слышать между мастеровыми выраженіе *вожжаться*, напримѣръ въ такой фразѣ: *мы цѣлой день провожжались за работой*? Я слыхалъ это слово не только отъ мастеровыхъ, но и отъ людей, носящихъ фракъ, хорошо говорящихъ по французски. Очевидно, что въ основѣ этого дикаго выраженія находится глаголъ *возиться*. *Провожжаться* здѣсь не можетъ означать ничего инаго какъ *провозиться*. Какимъ же сцѣпленіемъ представленій зашли сюда *вожжи?* Очевидно, что имъ тутъ нечего дѣлать, и что живая производительность языка не могла бы породить такой неорганической формы.

Сознайтесь, что вамъ самимъ случалось иногда употреблять выраженіе: *расчесать* въ смыслѣ *разбить*, напримѣръ въ фразахъ, подобныхъ слѣдующей: *непріятеля расчесали*. Очевидно, что *расчесать* въ этомъ смыслѣ не можетъ имѣть ничего общаго съ извѣстнымъ значеніемъ глагола *чесать*, и дѣйствительно это ничто иное какъ искаженіе слова *тесать* (польск. ciąsać), и нелѣпое *расчесали* значитъ *растесали*.

Употребляя слово *простонародное* въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ оно обыкновенно употребляется, мы однако не хотимъ давать ему тотъ самый смыслъ, на который оно указываетъ своимъ составомъ, не хотимъ искать *простонародное* слово, какъ слово отставшее отъ жизни, въ томъ классѣ, какой преимущественно называется простымъ народомъ. Крестьянинъ, оставаясь въ завѣщанныхъ формахъ какъ жизни, такъ и языка, является въ выраженіи обычныхъ ему понятій съ типомъ народности въ положительномъ значеніи, и въ рѣчи его, часто блещущей самородками чистаго золота, есть чему поучиться. Но тамъ, гдѣ онъ выходитъ изъ обычной сферы, при малѣйшей перемѣнѣ въ понятіяхъ, или когда зашевелится личная мысль, геній языка оставляетъ его.

Впрочемъ мы отдалились отъ нашего предмета. Поспѣшимъ возвратиться къ нему, или лучше, окончить наши замѣчанія объ немъ.

Всего сказаннаго, кажется, слишкомъ достаточно для обличенія всей нелѣпости переводить Гомера на простонародный русскій языкъ. Но теперь могутъ спросить насъ, какъ же слѣдуетъ переводить Иліаду и Одиссею, какому способу должно отдать преимущество?

На это можно очень просто отвѣчать, въ подражаніе извѣстному изреченію, что всякой способъ хорошъ кромѣ дурнаго.

Правда, Гнѣдичевъ переводъ Иліады часто слишкомъ тяжелъ и не совсѣмъ удовлетворителенъ; но этому переводу нельзя отказать во многихъ существенныхъ достоинствахъ, и если колоритъ подлинника въ немъ болѣе или менѣе измѣненъ, то не испорченъ. Мы не совсѣмъ согласны съ тѣми, которые ставятъ Гнѣдичу въ главную вину славянскую примѣсь въ языкѣ его перевода Иліады. Искусно употребленные славянисмы не могли бы повредить дѣлу, и иногда, даже нерѣдко, они производятъ у Гнѣдича весьма счастливый эффектъ. Гомерическія пѣсни должны были во многомъ имѣть для Грека образованной эпохи характеръ архаическій, старинный, отчасти именно такой, какой имѣетъ для насъ языкъ славянскій. Эпическій языкъ, въ самой простотѣ своей, былъ у Грековъ запечатлѣнъ значеніемъ священнаго, какъ у насъ славянскій, хотя конечно не въ одинаковой степени и силѣ, и очень отличался не только отъ обыкновенной житейской рѣчи, но даже и отъ литературнаго языка, какъ онъ установился въ позднѣйшее время. Намъ даже кажется, что русскій переводчикъ Гомера поступилъ бы весьма нерасчетливо, еслибъ не воспользовался богатою сокровищницей славянскаго языка и не черпалъ изъ него характеристическихъ красотъ.

Еще болѣе можетъ послужить для этой цѣли изученіе старинныхъ, собственно русскихъ, свѣтскихъ памятниковъ нашей письменности, грамотъ, лѣтописей, юридическихъ актовъ. Намъ кажется, что этотъ источникъ народнаго слова гораздо важнѣе и плодотворнѣе нежели пѣсни, въ которыхъ весьма часто оказывается простонародный элементъ, или по крайней мѣрѣ элементъ исключительной народности, не годящейся для выраженія общаго содержанія, или для передачи произведеній иной народности. Но переводчикъ-художникъ, желающій открыть себѣ всѣ источники живаго слова для возсозданія гомерическаго эпоса на русскомъ языкѣ, будетъ, и съ большою пользою, прислушивать-

ся къ народной рѣчи, и изучать все, въ чемъ выразился генiй языка. Истинно живое слово, гдѣ бы ни было услышано, въ какомъ бы окруженiи ни являлось, будетъ тотчасъ же усвоено художникомъ, — и хотя бъ ни разу еще не было оно употреблено въ литературной рѣчи, мѣсто ему въ ней готово.

Дѣйствительно, для перевода гомерическаго эпоса нужно свѣжее, оживленное и сильное слово. Но это не значитъ, что ему слѣдуетъ быть простонароднымъ. Требованiе это состоитъ въ томъ, чтобы за дѣло взялся истинный художникъ, способный въ одно и то же время проникнуть въ духъ подлинника и творчески возпроизвести его на своемъ языкѣ.

М. Катковъ.

РИМСКІЯ

ПАНТОМИМЫ.

Пантомимы представляютъ собою весьма замѣчательное явленіе въ исторіи римской орхестики; онѣ служили высшею степенью, до которой достигло это искусство въ древности. Въ вѣкъ Лукіана, какъ видно изъ одного мѣста трактата его объ орхестикѣ [1], существовало много сочиненій объ этомъ искусствѣ, въ которыхъ вычислялись и опредѣлялись различные виды греческой пляски. Очень можетъ быть, что въ этихъ книгахъ была, между прочимъ, рѣчь и о пантомимахъ. Гораздо важнѣе для насъ утрата сочиненія Киликійца Пилада, знаменитаго пантомима времени Августа, которое исключительно посвящено было римскимъ пантомимамъ и называлось: *περὶ ὀρχήσεως ἰταλικῆς* (объ итальянской орхестикѣ). Изъ сочиненій, оставшихся отъ древности, въ которыхъ мы можемъ найти свѣдѣнія о пантомимахъ, первое мѣсто занимаетъ уже названный нами трактатъ Лукіана *περὶ ὀρχήσεως* (о пляскѣ): онъ служитъ единственнымъ, и потому главнымъ, источникомъ для ознакомленія съ исторіею избраннаго нами предмета [2]. Не смотря на общность заглавія, которое Лукіанъ далъ своему сочи-

[1] Luc. *περὶ ὀρχ.* § 33 (edit Reitzii, Amstelod. 1743): *οὐ γάρ με λέληθεν ὅτι πολλοὶ προ ἡμῶν περὶ ὀρχήσεως συγγεγραφότες τὴν πλείστην διατριβὴν τῆς γραφῆς ἐποιήσαντο, πάντα τῆς ὀρχήσεως τὰ εἴδη ἐπεξιόντες καὶ ὀνόματα αὐτῶν καταλέγοντες* etc....

[2] Изъ новѣйшихъ сочиненій о римскихъ пантомимахъ можно указать только на два: De l'Aulnaye de la saltation theatrale, ou recherches sur l'origine, les progrès etc. de la pantomime chez les anciens, Paris 1790, и Grysar die Pantomimen der Römer въ Rheinisch. Mus. 1833. Zweiten Iahrganges erstes Heft, стр. 30 и слѣд.

ценію, онъ имѣлъ въ немъ преимущественно въ виду римскія пантомимы [1].

Трактатъ Лукіана представляетъ въ началѣ разговоръ между Ликиномъ (онъ выводится и въ нѣкоторыхъ другихъ Лукіановыхъ діалогахъ), который, слѣдуя примѣру бо́льшей части своихъ современниковъ, въ восхищеніи отъ пантомимъ, и стоикомъ Кратономъ, преслѣдующимъ ихъ всею строгостію условной своей морали. Для того, чтобы уничтожить въ Кратонѣ невыгодное мнѣніе о своемъ любимомъ искусствѣ, Ликинъ въ краткомъ очеркѣ излагаетъ ему исторію орхестики и старается доказать, что она, какъ древнее, національное учрежденіе Грековъ и Римлянъ, освященное временемъ и самою религіею, достойна полнаго уваженія. Такимъ образомъ діалогъ, который мы находимъ въ началѣ Лукіанова трактата, превращается (съ 7-го §) въ монологъ, и только въ самомъ концѣ его убѣжденный Ликиномъ Кратонъ отказывается отъ своего мнѣнія и даже проситъ своего противника достать ему мѣсто въ театрѣ при первомъ представленіи какой нибудь пантомимы.

Если вѣрить восторженнымъ словамъ Ликина, то окажется, что начало орхестики одновременно съ существованіемъ міра. Первая идея орхестики, говоритъ онъ, должна была родиться отъ созерцанія стройнаго движенія звѣздъ и другихъ свѣтилъ небесныхъ; за тѣмъ Ликинъ переходитъ къ изображенію древней пляски Куретовъ и Корибантовъ, приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ Гомера, изъ которыхъ видно, что греческіе герои не пренебрегали этимъ искусствомъ, упоминаетъ о воинственномъ характерѣ орхестики Лакедемонянъ и т. д. Но мы не будемъ слѣдить за расказомъ Ликина и воспользуемся только тѣми мѣстами его монолога, которыя сообщаютъ намъ свѣдѣнія о пантомимахъ. Эти пьесы, на которыя должно смотрѣть какъ на начало современнаго намъ балета, были чисто римскимъ явленіемъ и имѣли, какъ мы увидимъ, очень мало общаго съ греческою орхестикой.

Оставляя въ сторонѣ подробности Лукіанова трактата объ исторической послѣдовательности развитія этого искусства, замѣтимъ только, что начало орхестики, въ древнемъ значеніи этого слова, какъ искусства выражать мысль, чувство и страсть, вмѣсто голоса, движеніями

[1] Я не имѣю въ виду, говоритъ Лукіанъ (§ 34), исторически прослѣдить начало каждой пляски (*πᾶσαν ὄρχησιν γενεαλογεῖν*). Главная задача моего сочиненія, продолжаетъ онъ (ibid.), состоитъ въ томъ, чтобы воздать должную хвалу орхестикѣ въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, и показать, сколько въ ней заключается пріятнаго и полезнаго.

тѣла и жестами, должно быть отнесено къ очень ранней эпохѣ какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ. Орхестика съ самаго начала должна была составить необходимую принадлежность древняго сценическаго искусства. Такъ напримѣръ уже во время Эсхила знаменитъ былъ своею мимикою Телесипъ, который (Athen. I. p. 21) отлично умѣлъ выражать жестами содержаніе пьесы и особенно отличался въ «Семи противъ Өивъ». Вообще мимика была доведена на греческой сценѣ до высокаго совершенства, чему не мало способствовало множество религіозныхъ и другихъ праздниковъ, которые большею частію сопровождались въ древней Греціи мимическими танцами.

Но, не смотря на замѣчательное развитіе мимики въ Греціи и на страсть Римлянъ подражать всему чужому, они нисколько не заимствовали отъ Грековъ свои пантомимы. Лукіанъ (§ 34) смотритъ на пантомимы какъ на чисто римское изобрѣтеніе и не находитъ ничего общаго между этими пьесами и мимическимъ искусствомъ Грековъ. Дѣйствительно мимика составляла въ Греціи не болѣе, какъ принадлежность драмы, конечно, очень важную и существенную. Только въ Римѣ мимика выдвинулась на первый планъ и составила собою главное въ пьесѣ, т. е. образовала изъ себя особый родъ театральныхъ представленій, въ которыхъ не было мѣста ни словамъ, ни тексту, въ которыхъ жестъ долженъ былъ замѣнить собою все это и, подобно словамъ, выразить содержаніе пьесы, мысль автора и всевозможные оттѣнки человѣческихъ страстей и ощущеній.

Такія представленія появились на римской сценѣ при Августѣ[1].— Въ его царствованіе жили въ Римѣ знаменитые въ древности артисты Пиладъ и Батиллъ, которыхъ считаютъ основателями римской пантомимы[2]. Въ это же время образовалось и слово пантомимъ (*παντόμιμος*, pantomimus) для обозначенія какъ особаго рода театральныхъ представленій, такъ и участвовавшихъ въ нихъ актеровъ. Въ памятникахъ древнеклассической литературы, возникшихъ въ періодъ времени до Августа, мы не встрѣчаемъ этого слова, двойное значеніе котораго замѣняется въ нихъ выраженіями: *ὀρχηστής*, *ὄρχησις*, saltator, saltatio, для обозначенія сродныхъ съ пантомимами по характеру пред-

[1] Такъ видно изъ словъ Лукіана (§ 34), которыя мы для краткости приводимъ въ нѣсколько измѣненномъ порядкѣ: *οὐ πάλαι ἀρξαμένη (ἡ νῦν ὄρχησις), ἀλλὰ κατὰ τὸν Σεβαστὸν μάλιστα.*

[2] Мы удерживаемъ въ словѣ пантомима женскую его форму, подъ которою оно усвоилось нашему языку, хотя въ греческомъ и латинскомъ языкахъ оно рода мужескаго.

ставленій [1]. Слово *παντόμιμος*, въ этимологическомъ своемъ составѣ, очевидно сложилось изъ прилагательнаго *πᾶς* (*πᾶν*) и глагола *μιμεῖσθαι* (подражать). Такое названіе усвоили себѣ пантомимы, какъ пьесы, въ которыхъ по преимуществу все было основано на подражаніи. «Итальянцы, говоритъ Лукіанъ (§ 67), очень удачно называютъ танцоровъ пантомимами отъ подражанія ихъ тому, что около нихъ дѣлается (*ἀπὸ τοῦ δρωμένου σχεδόν*) [2]. Орхестика, продолжаетъ онъ (ibid.), имѣетъ цѣлью изобразить и представить разные характеры и страсти, выводя на сцену влюбленныхъ, гнѣвныхъ, безумныхъ, опечаленныхъ — и все это въ извѣстныхъ границахъ (т. е. не превосходящихъ психологической вѣроятности, а для этого то и требуется, по смыслу словъ Лукіана, изученіе природы и всего окружающаго).

Нисколько не отвергая справедливости показанія Лукіана, подтверждаемаго многими другими несомнѣнными свидѣтельствами древности, касательно того, что пантомимы появились въ Римѣ въ царствованіе Августа, мы должны однако замѣтить, что мимика существовала на римской сценѣ задолго до эпохи кесарей. Иначе оставалось бы непонятнымъ, какимъ образомъ пантомимы разомъ могли достигнуть той высокой степени совершенства, на которой мы находимъ ихъ въ вѣкъ Августа. Дѣйствительно уже со времени Ливія Андроника мимика составляла существенную принадлежность пьесъ, вошедшихъ въ составъ римскаго репертуара. Извѣстно, что до этого времени одинъ и тотъ же актеръ долженъ былъ на сценѣ пѣть и въ то же время выражать жестами содержаніе кантики (речитатива или куплета). Такая сложная игра очень затрудняла актеровъ, и потому мимика была отдѣлена отъ пѣнія. Вотъ какъ объ этомъ расказываетъ Титъ Ливій VII, 2), слова котораго мы уже имѣли случай приводить въ другомъ мѣстѣ [3]: «Послѣ того какъ отъ частыхъ повтореній и вызововъ Ливій Андроникъ охрипъ, онъ испросилъ себѣ позволеніе поставить на сценѣ передъ флейщикомъ мальчика для пѣнія (puerum ad canendum), послѣ чего онъ могъ сопровождать это пѣніе болѣе оживленными движені-

[1] Приведенныя слова и въ послѣдствіи очень часто употреблялись, какъ однозначащія съ словами *παντόμιμος*, pantomimus.

[2] Точно такъ объясняетъ это слово и Кассіодоръ v. l. IV. 51: „Pantomimus, cui a *multifaria imitatione* nomen est.“

[3] См. Проп. Кн. II, отд. I, стр. 149. — Приведенное мѣсто Т. Ливія прекрасно объясняется словами Лукіана *περὶ ὀρχ.* § 30: „*πάλαι μὲν γὰρ οἱ αὐτοὶ καὶ ᾖδον καὶ ὠρχοῦντο εἶτ᾽ ἐπειδὴ κινουμένων τὸ ἆσθμα τὴν ᾠδὴν ἐπετάραττεν, ἄμεινον ἔδοξεν ἄλλους αὐτοῖς ὑπᾴδειν*.....“

ями, потому что уже не имѣлъ необходимости присоединять къ нимъ голосъ» (т. е. онъ освобожденъ былъ послѣ этого отъ необходимости плясать и пѣть въ одно и то же время). «Съ этихъ поръ, въ заключеніе говоритъ Титъ Ливій, начали пѣть (особенные актеры) подъ мимику гистріоновъ, для голоса которыхъ оставленъ былъ только одинъ діалогъ (inde ad manum cantari histrionibus coeptum, diverbiaque tantum ipsorum voci relicta). Такимъ образомъ уже со времени Ливія Андроника музыкальная часть роли отдѣлена была отъ мимической, что, конечно, должно было содѣйствовать успѣхамъ мимики на римской сценѣ. Эти три составныя части спектакля, о которыхъ говоритъ Титъ Ливій, мимическая жестикуляція, пѣніе и аккомпаниментъ, составили, какъ мы увидимъ, существенную принадлежность пантомимъ. Но, во всякомъ случаѣ, эта отдѣленная мимическая часть кантики можетъ быть названа развѣ только первообразомъ пантомимы, и многое еще оставалось сдѣлать, чтобы возвести эту кантику на степень самостоятельныхъ пьесъ въ родѣ тѣхъ, существованіе которыхъ на римской сценѣ упрочили Батиллъ и Пиладъ. Танцовальное искусство очень привялось въ Римѣ и мало по малу, какъ принадлежность воспитанія, перешло въ частный бытъ Римлянъ. Но оно впрочемъ никогда не пользовалось почетомъ въ Римѣ въ періодъ республики, и даже снисходительный Горацій смотрѣлъ на него, какъ на одинъ изъ грустныхъ признаковъ порчи римскихъ нравовъ. (См. Od. l. III, c. VI, v. 21). Безъ сомнѣнія, это обстоятельство было также одною изъ главныхъ причинъ тому, что это искусство, въ продолженіе республики, не сдѣлало большихъ успѣховъ въ Римѣ [1].

Главная характеристическая особенность пантомимъ состояла, по мнѣнію Г р и з а р а (стр. 37), въ томъ, что въ представленіи ихъ участвовалъ *одинъ только актеръ*, исполнявшій въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ роли, которыя входили въ составъ пьесы. Въ доказательство своихъ словъ Г р и з а р ъ приводитъ слѣдующій случай, расказанный Лукіаномъ (*περὶ ὀρχ.* § 63). Циникъ Деметрій, говоритъ Лукіанъ, современникъ Нерона, не принадлежалъ къ почитателямъ пантомимъ и увѣрялъ, что онѣ нравятся публикѣ не за искусство ак-

[1] Такъ видно и изъ словъ Лукіана (§ 34), который говоритъ, что старинная пляска Римлянъ была не болѣе какъ корнемъ и первымъ основаніемъ той орхестики, которая процвѣла въ Римѣ во вѣкъ Августа: „*αἱ μὲν γὰρ πρῶται ἐκεῖναι ὥσπερ τινὲς ῥίζαι καὶ θεμέλιοι τῆς (νῦν) ὀρχήσεως ἦσαν.* Точно также Макробій Saturn. II, 7 называетъ прежнюю пляску Римлянъ грубою въ сравненіи съ искусствомъ Пилада: „Hic (Pylades) ferebatur mutasse rudis illius saltationis ritum, quae apud majores viguit, et venustam induxisse novitatem....“

теровъ, но потому, что сопровождаются хорошею музыкою, отличаются богатыми костюмами и красивыми масками, и что самые танцы въ пантомимахъ очень незначительное и едва ли не излишнее прибавленіе ко всему этому. Одинъ изъ лучшихъ пантомимовъ того времени, слыша такое сужденіе, рѣшился вступиться за честь своего искусства и пригласилъ Деметрія на представленіе одной пантомимы съ условіемъ, что она будетъ разыграна безъ аккомпанимента музыки и безъ всякой сценической обстановки. Философъ принялъ этотъ вызовъ, и тогда актеръ разыгралъ передъ нимъ пантомиму, имѣвшую содержаніемъ интригу Афродиты (Венеры) и Марса, со всѣми подробностями, и до того живо, что очарованный Деметрій совершенно отказался отъ своего мнѣнія. «Я слышу, любезный другъ, что̀ ты дѣлаешь, я не только вижу, сказалъ онъ громко актеру, потому что ты точно говоришь твоими руками.»

Ясно, что представленіе пантомимы, о которомъ идетъ рѣчь, было *исключительное*, а не обыкновенное. Актеръ очевидно хотѣлъ доказать своему критику, что мимика составляетъ главное въ пантомимѣ и можетъ сама собою, безъ помощи другихъ средствъ, которыми пользуется сцена, заинтересовать зрителя и уяснить ему содержаніе пьесы. Въ то же время, безъ сомнѣнія для того, чтобы показать Деметрію всю многосторонность своего таланта, пантомимъ исполнилъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи, всѣ роли, входившія въ составъ избранной имъ пьесы.

Такъ же мало подтверждаетъ мнѣніе Гризара и другое мѣсто, приводимое имъ изъ Лукіана (§ 67), гдѣ говорится, что «одинъ и тотъ же пантомимъ *въ одинъ и тотъ же день* (τῆς αὐτῆς ἡμέρας) является въ роляхъ то безумнаго Аѳаманта, то боязливой Ино; и въ *другой разъ* (ἄλλοτε) тотъ же актеръ—Атрей и вслѣдъ за тѣмъ Ѳіестъ, а потомъ Эгистъ, или Эропа,— и все это, заключаетъ Лукіанъ, одинъ и тотъ же человѣкъ [1]!»

Въ приведенныхъ словахъ выраженіе *въ одинъ и тотъ же день* еще не значитъ *въ одной и той же пьесѣ*, какъ старается доказать Гризаръ. Въ одинъ и тотъ же день на римской сценѣ легко мог-

[1] Въ дополненіе къ этому свидѣтельству Лукіана, Гризаръ (стр. 37) приводитъ еще одно мѣсто изъ Кассіодора l. IV, 51, гдѣ между прочимъ говорится: „Idem corpus Hecaben designat et Venerem, feminam praesentat et marem, regem facit et militem, senem reddit et juvenem: ut in uno credas multos esse tam varia imitatione discretos.“ Въ этихъ словахъ мы также не видимъ ничего, что бы говорило въ пользу разбираемаго нами мнѣнія.

ли быть представлены нѣсколько пантомимъ, что кажется очень вѣроятнымъ и даже несомнѣннымъ, если мы обратимъ вниманіе на продолжительность древнихъ спектаклей [1]. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно только, что пантомимы не ограничивались, подобно нашимъ актерамъ, какимъ нибудь извѣстнымъ и опредѣленнымъ *амплуа*, но исполняли всѣ возможныя роли, какъ мужскія, такъ и женскія.

Въ цѣломъ діалогѣ Лукіана только одно мѣсто несомнѣнно подтверждаетъ разбираемое нами мнѣніе. Въ одномъ изъ отдѣловъ своего сочиненія (§ 66) онъ расказываетъ, что какой то человѣкъ, увидя пять масокъ, приготовленныхъ для пантомимы, потому что изъ столькихъ частей, прибавляетъ Лукіанъ, состояла пьеса, и видя только одного актера, любопытствовалъ узнать, гдѣ остальные четыре, для которыхъ припасены маски, и послѣ того какъ онъ услышалъ, что одинъ и тотъ же актеръ будетъ исполнять всѣ роли въ этихъ маскахъ, то сказалъ: «любезный другъ, я не зналъ, что у тебя въ одномъ тѣлѣ столько душъ». По нашему мнѣнію, даже и это показаніе нисколько не исключаетъ возможности присутствія на сценѣ, кромѣ главнаго актера, многихъ другихъ лицъ, какъ напримѣръ у насъ въ такъ называемыхъ водевиляхъ съ переодѣваньемъ. Во всякомъ случаѣ, мы должны принять, что пантомимы, въ которыхъ одинъ и тотъ же актеръ исполнялъ всѣ роли, не исключительно господствовали на римской сценѣ, но разыгрывались на ней только иногда для того, чтобы дать актеру возможность выказать разнообразіе и всю гибкость своего таланта. Невозможно допустить, чтобы такія пантомимы были въ исключительномъ употребленіи у Римлянъ. Пантомимы по преимуществу принадлежали къ тѣмъ пьесамъ римскаго репертуара, въ которыхъ все расчитано было на эффектъ и на великолѣпную сценическую обстановку [2]; здѣсь все должно было дѣйствовать на чувства и въ особенности на зрѣніе. Если бы, въ продолженіе всей пьесы, на сцену выходилъ только одинъ актеръ и исполнялъ всѣ роли, то зрители нисколько не поражались бы блескомъ представленія. Однимъ словомъ, трудно себѣ представить, чтобы при такомъ условіи пантомимы могли сдѣлаться любимыми народными пьесами, и даже, какъ мы увидимъ, возбуждать въ зрителяхъ безграничный энтузіасмъ. Припомнимъ себѣ, что даже

[1] Въ словахъ Лукіана выраженіе ἄλλοτε также несомнѣнно говоритъ въ пользу нашего мнѣнія.

[2] О блескѣ этой обстановки пантомимъ ясно говоритъ цинакъ Деметрій, слова котораго мы привели выше.

трагедія сама по себѣ, безъ пышной обстановки, не производила въ Римѣ эффекта.

Для окончательнаго оправданія нашего мнѣнія, приведемъ изъ Лукіана расказъ, изъ котораго видно, что въ представленіяхъ пантомимъ участвовалъ не одинъ актеръ, а нѣсколько. Одинъ пантомимъ, расказываетъ Лукіанъ (§ 83), представлявшій безумнаго Аякса, до того забылся, что выхватилъ флейту у одного музыканта, ударилъ ею изъ всей силы по головѣ Улисса, гордаго своего побѣдою, и если бы шлемъ не отразилъ удара, то несчастный Улиссъ навѣрное бы остался на мѣстѣ. У Апулея (въ его Metam. X, p. 232 ed. Oudendorp.), также описывается представленіе пантомимы «Судъ Париса», въ которой на сценѣ было пять дѣйствующихъ лицъ, т. е. Парисъ, Меркурій и три богини.

Характеристическую особенность, отличавшую пантомимы въ ряду другихъ пьесъ римскаго репертуара, гораздо правильнѣе искать въ тѣхъ средствахъ, которыя предоставлены были актерамъ, участвовавшимъ въ этихъ пьесахъ. Эти средства римскихъ пантомимовъ, которыя служили имъ для выраженія всѣхъ оттѣнковъ роли, были очень ограниченны и исключительно почти состояли изъ движеній рукъ и прочихъ частей тѣла. Замѣтимъ еще, что лицо актера не принимало никакого участія въ этой мимикѣ: этимъ древняя пантомима существенно отличается отъ нашей. Игра страстей и различныя движенія души, выражаемыя лицомъ, не могли составлять принадлежности римской пантомимы уже потому, что древніе актеры выходили на сцену въ маскахъ — разумѣется приспособленныхъ къ различнымъ ролямъ. Къ тому же огромные размѣры римскихъ театровъ дѣлали такого рода мимику недоступною для большинства зрителей.

Невозможность передать вполнѣ всѣ оттѣнки роли одними только жестами и движеніями тѣла привела пантомимовъ къ необходимости выражать многообразіе душевныхъ движеній условными знаками (signa composita, какъ ихъ называетъ Cassiod. l. IV. 51), которые хорошо были извѣстны зрителямъ.

Не смотря на свои ограниченныя сценическія средства, римскіе пантомимы, какъ видно изъ многихъ свидѣтельствъ древности, нерѣдко доводили свою игру до высокой степени выразительности. Мы уже видѣли, какъ поразилъ своею игрою циника Деметрія одинъ современный Нерону пантомимъ. Въ другой разъ, говоритъ Лукіанъ (§ 64), тотъ же самый актеръ (имени его Лукіанъ не называетъ) игралъ въ присутствіи одного иностраннаго принца (изъ Понта), ко-

торый по своимъ дѣламъ находился нѣкоторое время въ Римѣ при дворѣ Нерона. Пантомимъ игралъ до того вразумительно и съ такимъ искусствомъ выполнилъ свою роль, что иностранецъ совершенно понялъ содержаніе пьесы. Когда онъ, продолжаетъ Лукіанъ, намѣренъ былъ оставить Римъ и собирался въ дорогу, Неронъ спросилъ его при прощаньи, что онъ желаетъ получить въ подарокъ. «Я почелъ бы себя совершенно счастливымъ», отвѣчалъ иностранецъ, «еслибы ты подарилъ мнѣ твоего плясуна». «На что онъ тебѣ?» спросилъ Неронъ. «У меня сосѣди варвары», отвѣчалъ принцъ, «которые говорятъ на различныхъ, непонятныхъ языкахъ, такъ что мнѣ очень трудно найти толмача, котораго я могъ бы употреблять въ сношеніяхъ моихъ съ ними. Потому (продолжалъ онъ) если я буду имѣть при себѣ этого пантомима, то, въ случаѣ нужды, мнѣ не трудно будетъ объяснить имъ мою волю его жестами». — Выразительность игры римскихъ пантомимовъ доказывается между прочимъ и такими выраженіями, встрѣчающимися у позднѣйшихъ писателей, каковы: loquacissimae manus, linguae digiti, silentium clamosum и пр. «У этого человѣка столько языковъ, сколько частей тѣла! Удивительно искусство, которое заставляетъ говорить члены тѣла въ то время, какъ уста молчатъ!» говорится о какомъ то пантомимѣ въ одной изъ эпиграммъ латинской анѳологіи [1].

Отъ пантомимовъ требовалось, чтобы они употребляли жесты, совершенно соотвѣтствовавшіе содержанію пьесы, или тому чувству, которое они хотѣли выразить. Иногда противъ этого необходимаго условія хорошей игры погрѣшали, какъ видно, даже извѣстные актеры. Такъ расказываютъ, что однажды Гиласъ, ученикъ Пилада, жестикулировалъ одну кантику, кончавшуюся словами: *Τὸν μέγαν Ἀγαμέμνονα* (великаго Агамемнона). Для того, чтобы выразить величіе Агамемнона, онъ поднялся на цыпочки, какъ будто величіе заключается въ ростѣ. Пиладъ, бывшій въ числѣ зрителей, не удержался отъ критическаго замѣчанія и закричалъ Гиласу съ своего мѣста: *σὺ μακρὸν, οὐ μέγαν ποιεῖς* (ты представляешь длиннаго, а не великаго). Тогда публика потребовала, чтобы Пиладъ самъ представилъ Агамемнона. Пиладъ уступилъ этому требованію, и когда дошелъ до того мѣста кантики, которое подверглось его замѣчанію, то представилъ Агамемнона углубленнымъ въ размышленіе, полагая, что ничто не придаетъ столько величія правителю, какъ его дума и забота объ общей пользѣ. (Macrob. Saturn. II, 7). Тотъ же самый

[1] Tot linguae, quot membra viro! mirabilis ars est, Quae facit articulos ore silente loqui, Anthol. lat. I, p. 622. См. Grysar p. 40.

Гиласъ представлялъ однажды Эдипа, но въ его походкѣ и въ пріемахъ было столько самоувѣренности, какъ будто онъ вовсе не былъ слѣпымъ. Пиладъ опять не удержался отъ замѣчанія и сказалъ ему: *σὺ βλέπεις* (ты смотришь. Macrob. ibid.).

Другой недостатокъ, который порицается въ нѣкоторыхъ пантомимахъ древности, состоялъ въ томъ, что они, отъ излишняго стремленія къ эффекту, нерѣдко переходили границы истиннаго и не соблюдали надлежащей мѣры при изображеніи различныхъ движеній и порывовъ души. Лукіанъ (§ 82) называетъ этотъ недостатокъ *κακοζηλία*; онъ состоялъ въ томъ, что въ игрѣ нѣкоторыхъ пантомимовъ величественное превращалось въ ужасное, нѣжное въ изнѣженное, и мужественное въ грубое и дикое (см. Гризара стр. 48). Мы уже видѣли, какъ одинъ пантомимъ, представлявшій неистоваго Аякса, забылся до того, что началъ самъ неистовствовать на сценѣ. У одного изъ дѣйствующихъ лицъ онъ разорвалъ одежду, у флейщика вырвалъ его инструментъ и такъ сильно ударилъ имъ по головѣ актера, представлявшаго Улисса, что только шлемъ спасъ его отъ неминуемой смерти, ослабивъ силу удара. Весь театръ, продолжаетъ Лукіанъ, пришелъ въ движеніе. Многіе изъ зрителей въ восторгѣ вскочили съ своихъ мѣстъ и подняли страшный шумъ; имъ казалось, что еще никогда роль сумасшедшаго не была разыграна на сценѣ такъ естественно. Безъ сомнѣнія, бѣдные актеры, которымъ такъ досталось отъ бѣшенаго Аякса, не раздѣляли этого восторга публики. Между тѣмъ бѣшеный Аяксъ не унимался; со сцены онъ перешелъ къ зрителямъ и помѣстился между двумя консулами, которые не знали, что̀ дѣлать отъ страха (Luc. § 83).— Впрочемъ публика не рѣдко громко и нецеремонно высказывала свое неодобреніе актерамъ, если игра ихъ не соотвѣтствовала пьесѣ. Вообще представленія пантомимъ, какъ видно, были очень шумны и часто давали народу поводъ къ шуткамъ. Остроты такъ и сыпались на несчастныхъ актеровъ, которые чѣмъ нибудь не понравились зрителямъ. Лукіанъ (76 §) приводитъ нѣсколько анекдотовъ, которые хорошо характеризуютъ антіохійскую театральную публику, безъ сомнѣнія очень похожую въ этомъ отношеніи на римскую. Когда въ Антіохіи одинъ очень небольшаго роста пантомимъ вышелъ однажды на сцену въ роли Гектора, то нѣкоторые зрители закричали: да это Астіанаксъ! гдѣ же Гекторъ? Въ другой разъ, когда актеръ, отличавшійся исполинскимъ ростомъ, готовился, въ роли Капанея, лѣзть на ѳивскія стѣны, то кто-то закричалъ ему: перешагни просто черезъ стѣну; тебѣ не нужно лѣстницъ и т. д.

Пантомимы никогда не заимствовали своего содержанія изъ частнаго быта, и этимъ онѣ рѣзко отличаются отъ мимовъ и отъ другихъ видовъ римской комедіи. Постояннымъ и неисчерпаемымъ источникомъ который въ изобиліи доставлялъ содержаніе для пантомимъ, была миѳологія. Въ этомъ отношеніи онѣ имѣли много общаго съ трагедіею. Пантомимы обыкновенно представляли различные эпизоды изъ трагедій, а иногда, при помощи только жестовъ, передавали содержаніе всей трагедіи, разумѣется, съ необходимыми выпусками и съ соблюденіемъ другихъ сценическихъ условій, которыхъ требовала орхестика. Леда, Даная, Европа, Ганимедъ, Адонисъ, Атисъ, Марсъ, Венера, Геркулесъ, Эдипъ, Вакханки и множество другихъ миѳологическихъ личностей и образовъ, со всѣми баснями, связанными съ ихъ именами, — вотъ что въ изобиліи доставляло сюжеты для пантомимъ. Большую часть своего трактата (37 — 61 §) Лукіанъ наполнилъ перечнемъ тѣхъ миѳовъ, подробное знаніе которыхъ, по его мнѣнію, необходимо для пантомимовъ.

Нѣкоторыя свидѣтельства древности, какъ совершенно справедливо замѣтилъ Г р и з а р ъ (стр. 55), не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что для каждой пантомимы составлялось особенное либретто, или текстъ, которымъ должны были руководствоваться актеры. Въ основаніе этого текста брали обыкновенно какую нибудь трагедію. Впрочемъ такой пантомимный текстъ существенно разнился отъ трагедіи. Весь діалогъ и хоры трагедіи были изъ него выключены и замѣнены монологами. Отъ свойства самой пантомимы (т. е. отъ ея содержанія) зависѣло большее или меньшее число этихъ монологовъ, которые въ порядкѣ слѣдовали одинъ за другимъ и обозначали главные моменты въ исторіи тѣхъ миѳологическихъ личностей, которыя выводились на сцену. Такъ напримѣръ исторія Леды заключала въ себѣ, по всей вѣроятности, не болѣе одного акта, между тѣмъ какъ пантомима, въ которой представлялась интрига Марса и Венеры, нѣсколько, и потому, безъ сомнѣнія, была обозначена нѣсколькими монологами. Эти монологи, составлявшіе либретто пантомимъ, назывались у Римлянъ *кантиками* (cantica, по гречески: *τὰ ᾀδόμενα* или *ᾄσματα*). Подъ звуки этихъ кантикъ актеръ жестикулировалъ свою роль и при помощи мимики выражалъ ея содержаніе (что называлось у Римлянъ *canticum saltare*). Самая пантомима состояла изъ послѣдовательнаго ряда какъ бы живыхъ картинъ въ собственномъ смыслѣ этого выраженія, т. е. не неподвижныхъ, а такихъ, въ которыхъ позы и жесты актеровъ безпрерывно измѣнялись вмѣстѣ съ ходомъ пьесы и мысли автора.

Пантомимное либретто обыкновенно писалось на греческомъ языкѣ, который очень былъ распространенъ въ Римѣ. Лукіанъ (64 §) въ одномъ мѣстѣ своего діалога, которое мы уже привели, ясно говоритъ о такомъ либретто, расказывая, что иностранный принцъ, находившійся при представленіи одной пантомимы, не понимая греческаго языка, понялъ однако содержаніе пьесы изъ самой жестикуляціи актера. Мы выписали, кромѣ того, заключительныя слова одной кантики «τὸν μέγαν Ἀγαμέμνονα», которыя приводитъ Макробій (II, 7). Эти-то греческія кантики обыкновенно пѣлись на сценѣ въ пантомимахъ и сопровождали мимику актеровъ [1]. Кантики исполнялись цѣлымъ хоромъ пѣвцовъ подъ звуки всѣхъ, извѣстныхъ въ древности, музыкальныхъ инструментовъ и подъ тактъ хорага (который назывался также ἡγεμών или ἔξαρχος τοῦ χοροῦ, magister chori), стоявшаго обыкновенно въ серединѣ хористовъ. Этотъ аккомпаниментъ, которымъ хотѣли придать блескъ пантомимнымъ пьесамъ, имѣлъ въ то же время цѣлію сообщить болѣе увѣренности движеніямъ актеровъ и не допустить ихъ сбиться съ такта. Само собою разумѣется, что жестикуляція пантомимовъ должна была вполнѣ согласоваться съ ритмомъ кантики. Приведемъ при этомъ случаѣ довольно забавный анекдотъ, расказанный Федромъ въ одной изъ басень (l. V, f. VI., ed. Burmann.). Батиллъ, говоритъ Федръ, привыкъ, чтобы ему аккомпанировалъ на сценѣ флейщикъ Принцепсъ. Этотъ Принцепсъ однажды сломалъ себѣ ногу и долгое время не показывался въ театрѣ. Публика замѣтила его отсутствіе, и, по словамъ баснописца:

Desiderari coepit, cujus flatibus
Solebat excitari saltantis vigor.

(т. е. начали (зрители) желать того, отъ игры котораго возбуждалась въ танцорѣ бодрость). Когда наконецъ Принцепсъ, послѣ болѣзни, снова появился въ театрѣ и занялъ свое обычное мѣсто на сценѣ, то слова: «Roma incolumis salvo Principe», которыми публика привѣтствовала Кесаря, принялъ на свой счетъ и, къ большому смѣху зрителей, началъ благодарить ихъ за оказанную ему честь.

Вмѣстѣ съ выходомъ пантомима на сцену хоръ начиналъ пѣть родъ прелюдіи, раздавался громъ рукоплесканій, и любимый актеръ привѣтствовалъ публику (adorabat populum или venerabatur manu). Такъ въ одной древней эпиграммѣ, приводимой **Гризаромъ** (стр. 61), говорится (lib. IV, p. 131 in Pith. epigr.):

[1] Потому и Лукіанъ (63 §) вѣрно опредѣляетъ характеръ пантомимъ словами: *κινήμασι τὰ ᾀδόμενα δείξειν ὑπισχνεῖται* (т. е. ἡ ὄρχησις).

Ingressus scenam populum saltator adorat,
Sollerti spondens prodere verba manu.

(Пантомимъ, выйдя на сцену, привѣтствуетъ народъ, ручаясь заговорить искусною рукою). Мы уже выше замѣтили, какой огромный успѣхъ имѣли пантомимы съ самого появленія своего въ Римѣ: по своей пышной обстановкѣ и по искусству актеровъ, онѣ разомъ заняли первое мѣсто на римской сценѣ. Но не эти достоинства пантомимъ сдѣлали ихъ любимыми пьесами римской публики, а скорѣе чисто чувственный, развратный ихъ характеръ. Ликинъ старается выставить, какъ мы видѣли, только хорошую сторону пантомимъ, и потому характеристика ихъ является намъ въ трактатѣ Лукіана одностороннею и въ ложномъ свѣтѣ. Для того, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о безстыдствѣ и безнравственности пантомимъ, нужно обратиться за показаніями къ Ювеналу, Светонію, Сенекѣ, Тациту, Макробію и нѣкоторымъ другимъ писателямъ древности, разсѣянныя замѣтки которыхъ очень прилежно собралъ Г р и з а р ъ въ названномъ уже нами сочиненіи.

Дѣйствительно, весь эффектъ пантомимъ, какъ мы уже замѣтили, былъ расчитанъ на грязный и соблазнительный ихъ характеръ: въ пантомимахъ все возбуждало въ зрителяхъ животную чувственность. Нѣкоторые писатели древности приписывали даже развратъ, господствовавшій въ Римѣ въ періодъ имперіи, введенію пантомимъ; справедливѣе будетъ замѣтить, что пантомимы служили только свидѣтельствомъ тому, до какой степени достигъ въ это время развратъ, для развитія котораго было много и другихъ причинъ. Для пантомимъ бо́льшею частію избирались сюжеты, имѣвшіе отношеніе къ чувственной любви. До какой степени дѣйствовали подобныя представленія на зрителей и въ особенности на зрительницъ, изображаетъ намъ живыми красками Ювеналъ (IV, sat. 63 v. и XI, sat. 162 v. sqq.) Для возбужденія этой чувственности актеры прибѣгали къ самымъ грубымъ средствамъ и къ самымъ безстыднымъ жестамъ (gestus obscoeni, motus impudici). Въ послѣдствіи соблазнительный характеръ пантомимъ еще болѣе увеличился отъ того, что на сценѣ появились женщины (pantomimae). Онѣ долгое время не участвовали въ представленіи пантомимъ, а потому и женскія роли сначала исполнялись мущинами. Извѣстно напримѣръ, что Батиллъ особенно нравился римской публикѣ въ роли Леды. Конечно, съ самаго начала періода имперіи въ Римѣ было множество pantomimae, но въ это время онѣ почти не показывались публично на сценѣ, а держались римскою знатью для потѣхи и для домашнихъ спектаклей. Только съ III-го и въ особенности съ IV-го вѣка танцовщицы стали принимать постоянное участіе

въ публичныхъ представленiяхъ пантомимъ не только въ Римѣ но и въ другихъ городахъ Италiи и Грецiи, и преимущественно въ Византiи. Въ особенности дѣвушки изъ Кадикса (Gaditanae puellae) отличались на римской сценѣ своимъ искусствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ безстыдствомъ. Марцiалъ, родомъ Испанецъ, любилъ при случаѣ упоминать о своихъ соотечественницахъ и объ ихъ роскошной и неприличной пляскѣ (наприм. V, 78, v. 26 sqq.). Соблазнительные костюмы, въ которыхъ выходили на сцену танцовщицы, а иногда даже и совершенное отсутствiе костюмовъ, неприличныя позы, все это въ высшей степени раздражало чувственность зрителей. Прокопiй говоритъ (*Ἀνέκδοτα* c. 8), что онъ могъ бы наполнить цѣлую книгу описанiями тѣхъ безстыдствъ, которыми обезславила себя на византiйской сценѣ Өеодора, бывшая потомъ женою Юстинiана. Въ пантомимахъ не рѣдко являлись на римской сценѣ даже простыя гетеры [1], такъ что гетера и танцовщица значило въ Римѣ почти одно и то же. Самая Өеодора и подруга ея Хрисомалло сначала были гетерами и потомъ вступили на сцену.

Теперь намъ понятны причины пристрастiя римской публики къ пантомимамъ, понятно, почему съ самаго появленiя ихъ на римской сценѣ до позднѣйшаго времени Римляне, безъ различiя пола и положенiя въ обществѣ, показывали къ нимъ страсть, доходившую до крайности. Для Римлянъ недостаточно было публичныхъ представленiй пантомимъ въ театрахъ; вездѣ въ частныхъ домахъ устраивались домашнiе спектакли [2]. Куда ни взглянешь, говоритъ Аммiанъ (XIV, 20), вездѣ можно видѣть множество женщинъ, которыя до изнеможенiя трутъ полъ, кружатся и повторяютъ безчисленные жесты, выдуманные въ театрѣ. Любовь римской публики къ пантомимамъ перешла и на актеровъ, которые участвовали въ ихъ представленiи, и нерѣдко доходила до смѣшнаго. Лишь только любимый пантомимъ выходилъ на улицу, около него собиралась толпа, и онъ шелъ какъ трiумфаторъ, окруженный огромною и блестящею свитою. Еще при Тиберiи запрещено было оказывать пантомимамъ подобныя почести [3], но, какъ видно, это запрещенiе не долго наблюдалось, потому что уже Сенека (Epist. 47) очень ѣдко называетъ аристократическую римскую моло-

[1] Объ этомъ ясно говоритъ Тертуллiанъ de spectaculis c. 17: «Ipsa etiam prostibula, publicae libidinis hostiae, in scena proferuntur».... etc....

[2] Sen. Quaest. nat. VII, 32: «Privatim urbe tota sonat pulpitum.»

[3] При Тиберiи закономъ постановлено было «ne egredientes (pantomimos) in publicum equites Romani cingerent.» Tacit. Ann. I, 77.

дежь своего времени *mancipia pantomimorum* (лакеями пантомимовъ). Актеры допускались въ лучщія общества, и самыя значительныя лица, напримѣръ сенаторы, считали для себя за особенную честь и удовольствіе вести съ ними знакомство (Tacit. ibid.). Пантомимы были въ особенности любимцами римскихъ дамъ. Въ числѣ этихъ дамъ называютъ даже Домицію, жену Домиціана (Dio Cass. LXVII), и супругу Антонина философа (Iul. Capit. in Ant. c. 23). Плиній (Epist. VII, 24) говоритъ объ одной 80-ти лѣтней старухѣ Квадратиллѣ, которая держала у себя пантомимовъ для собственнаго удовольствія и для домашнихъ спектаклей. Когда случалось, что какой нибудь изъ ея любимыхъ пантомимовъ участвовалъ въ публичномъ представленіи, то друзья старухи отправлялись въ театръ, чтобы апплодировать ея фавориту. По окончаніи спектакля они спѣшили къ Квадратиллѣ, чтобы передать ей разные жесты ея любимца, которыми онъ произвелъ особенный эффектъ на сценѣ.

Не смотря на весь свой цинисмъ, пантомимы постоянно пользовались въ Римѣ особеннымъ покровительствомъ со стороны правительства. По крайней мѣрѣ оно очень рѣдко прибѣгало къ строгимъ и сильнымъ мѣрамъ для того, чтобы обуздать невѣроятное въ наше время безстыдство какъ самыхъ пьесъ, такъ и участвовавшихъ въ нихъ актеровъ. Августъ, какъ извѣстно (Suet. Aug. 43), былъ большимъ покровителемъ всѣхъ публичныхъ зрѣлищъ и въ особенности театральныхъ (за исключеніемъ Ателланъ). Покровительство, которое Августъ оказывалъ пантомимамъ еще болѣе увеличивалось отъ уваженія его къ Меценату, любимцемъ котораго былъ Батиллъ (Tacit. Ann. I, 54). Но и Августъ, такъ много заботившійся объ исправленіи римскихъ нравовъ долженъ былъ употреблять иногда строгія мѣры относительно актеровъ, позволявшихъ себѣ много вольностей. Такъ однажды, въ слѣдствіе жалобы претора, онъ приказалъ высѣчь пантомима Гиласа въ самомъ дворцѣ, а Пилада выслалъ изъ Италіи за то, что онъ оскорбилъ одного римскаго вельможу (Suet. Oct. 45). Впрочемъ Августъ вскорѣ почелъ за лучшее воротить этого актера, любимца публики, и долженъ былъ выслушать отъ него замѣчаніе, что присутствіе его въ Римѣ полезно для государства. Тиберій вообще не любилъ актеровъ (Tacit. Ann. IV, 14). При немъ сенатъ даже хотѣлъ возобновить для актеровъ тѣлесныя наказанія, но это рѣшеніе не было принято на томъ основаніи, что Августъ, вѣроятно, въ послѣднее время своего царствованія, отмѣнилъ эти наказанія для гистріоновъ («Augustus immunes verberum histriones quondam responderat». Tacit. Ann. I, 77). Все дѣло ограничилось тѣмъ, что Тиберій запретилъ сенаторамъ посѣщать до-

мы пантомимовъ (Tacit. ibid). Но за то Калигула не скрывалъ своей привязанности къ Мнестеру, которому онъ публично оказывалъ самые неприличные знаки вниманія и собственноручно (manu sua) тутъ же въ театрѣ наказывалъ всякаго зрителя, который осмѣливался произвести малѣйшій шумъ въ то время, какъ Мнестеръ жестикулировалъ на сценѣ (Suet. Calig. 55). Еще болѣе странныя вещи Светоній расказываетъ о Калигулѣ въ 54-й главѣ. Иногда, говоритъ Светоній, онъ плясалъ среди ночи, и однажды, во вторую стражу, приказалъ привести къ себѣ во дворецъ трехъ бывшихъ консуловъ. Въ большомъ страхѣ явились они и были поставлены на сценѣ въ ожиданіи смерти (multa et extrema metuentes). Вдругъ, при звукахъ флейтъ и тимпановъ, Калигула, одѣтый въ короткое верхнее платье (palla) и въ длинную тунику, выскочилъ на сцену и, проплясавъ кантику, исчезъ Страсть Нерона къ актерству извѣстна и развивалась въ немъ постепенно. Сперва Неронъ довольствовался только тѣмъ, что былъ постояннымъ посѣтителемъ пантомимъ, потомъ сталъ самъ выходить на сцену, сначала только въ кругу своихъ друзей и приближенныхъ, а потомъ и публично (Suet. Ner. 21). Римская знать послѣдовала его примѣру. Вообще при Неронѣ страсть Римлянъ къ пантомимамъ не знала предѣловъ. Народъ раздѣлился на нѣсколько партій, изъ которыхъ каждая стояла за своего любимца и готова была на самыя крайнія мѣры, чтобы поддержать его. Въ театрѣ римскомъ этого времени происходили такія же сцены, какъ и въ циркѣ [1]. Самъ Неронъ принималъ дѣятельное участіе въ этихъ театральныхъ распряхъ: Светоній (Ner. 26) расказываетъ, что онъ, когда въ подобныхъ случаяхъ дѣло доходило до драки, бросалъ въ публику со сцены каменьями и обломками скамеекъ. (Tacit. Ann. XIV, 14). Однажды во время ludi juvenales, особаго праздника, выдуманнаго Нерономъ для увеличенія числа театральныхъ представленій, одна 80-лѣтняя матрона, Элія Кателла, должна была выступить на сцену какъ танцовщица, а множество другихъ старухъ, которыя, по преклонности своихъ лѣтъ, не могли принять участія въ танцахъ, должны были пѣть въ хорѣ (Dio Cass. LXI, 19). Очень понятно, что благородный Титъ не подражалъ примѣру своихъ предшественниковъ и, по словамъ Светонія (Tit. c. 7), даже не хотѣлъ смотрѣть въ публичныхъ собраніяхъ на игру пантомимовъ. За то при Домиціанѣ, какъ видно изъ Ювенала (VII, 88. sqq.), пантомимы опять были въ большомъ почетѣ и даже имѣли огромное вліяніе на государственное управленіе. Строгій Траянъ всѣми мѣрами старался ограничить страсть Римлянъ къ пантомимамъ, и Плиній въ своемъ панеги-

[1] См. статью Данца о римскомъ циркѣ въ III т. Пропилеевъ.

рикѣ (с. 46) очень его за это хвалитъ. Можно однако сомнѣваться въ томъ, будто, какъ увѣряетъ Плиній, въ царствованіе Траяна нелюбовь императора къ пантомимамъ раздѣлялъ и народъ. Нѣтъ недостатка въ показаніяхъ, что вскорѣ послѣ Траяна, и притомъ въ царствованіе лучшихъ римскихъ императоровъ, напримѣръ при Антонинѣ Философѣ, пантомимы были въ большомъ ходу у Римлянъ. Юлій Капитолинскій въ жизни Антонина (23 с.) говоритъ, что онъ назначилъ особые дни для представленія пантомимъ. Даже позднѣйшіе христіанскіе императоры снисходительно смотрѣли на пантомимы, отвратительный цинисмъ которыхъ увеличивался съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Извѣстно, что въ царствованіе Юстиніана представленія пантомимъ, въ которыхъ въ это время отличалась Θеодора, дошли до крайняго предѣла безстыдства. Единственное ограниченіе, которое позволилъ себѣ Юстиніанъ въ отношеніи къ пантомимамъ состояло въ запрещеніи воздвигать имъ статуи на площадяхъ подлѣ статуй кесарей.

Страсть къ пантомимамъ не ограничилась только Римомъ; отсюда онѣ проникли въ остальную Италію и въ римскія провинціи, гдѣ также, къ большому удовольствію народа, разыгрывались по большимъ городамъ, напримѣръ въ Неаполѣ и даже въ Помпеяхъ, какъ видно изъ многихъ надписей, собранныхъ у Орелли. Впослѣдствіи особенною роскошью и блескомъ отличались представленія пантомимъ въ Византіи.

Намъ остается еще теперь прибавить нѣсколько замѣчаній о самыхъ пантомимахъ, имена которыхъ дошли до насъ отъ древности. Мы уже замѣтили, что ни одинъ изъ древнихъ писателей не передалъ намъ связной исторіи пантомимъ, и потому мы должны довольствоваться отрывочными ихъ замѣтками, въ которыхъ нерѣдко упоминаются имена актеровъ, особенно отличившихся на римской сценѣ въ этихъ пьесахъ [1]. Не упоминая о всѣхъ пантомимахъ, мы назовемъ здѣсь только главнѣйшихъ изъ нихъ. Рядъ римскихъ пантомимовъ, какъ уже выше замѣчено, открываютъ собою, при Августѣ, Пиладъ и Батиллъ, которыхъ считаютъ основателями пантомимной орхестики. Пиладъ, родомъ изъ Киликіи, отличался въ представленіи трагическихъ сюжетовъ, за то комическіе ему не удавались (Senec. declam. epit. III. praef). Сознавая свое достоинство, Пиладъ очень гордился своимъ искусствомъ и нецеремонно обращался съ публикою. Такъ Макробій (Saturn. II, 7) расказываетъ, что когда однажды онъ вышелъ на сцену въ роли «бѣ-

[1] Гризаръ, въ сочиненіи своемъ: Ueber die Pantom der Röm. стр. 73 и слѣд., старательно собралъ эти отрывочныя замѣтки, разсѣянныя у древнихъ писателей, по которымъ и теперь можно до нѣкоторой степени возстановить біографію извѣстнѣйшихъ римскихъ пантомимовъ. De l'Aulnaye представляетъ также, въ названномъ нами сочиненіи на стр. 71 и слѣд., довольно длинный списокъ актеровъ, въ которомъ впрочемъ онъ смѣшалъ настоящихъ пантомимовъ съ простыми гистріонами.

шенаго Геркулеса» (Hercules furens), то нѣкоторымъ зрителямъ походка его показалась очень странною. Разсерженный Пиладъ сорвалъ съ себя маску и закричалъ смѣющимся: *μωροί, μαινόμενον ὀρχοῦμαι* (глупцы, я представляю безумнаго). Пиладъ съ Батилломъ много сдѣлали для распространенія въ Римѣ пантомимъ и образовали много учениковъ, которые поддержали новое искусство [1]. Лучшимъ и знаменитѣйшимъ изъ учениковъ Пилада былъ Гиласъ, о которомъ мы уже говорили выше. Мы видѣли, какъ Пиладъ, въ качествѣ наставника Гиласа, позволялъ себѣ публично дѣлать ему замѣчанія на счетъ его игры, которая не вездѣ была удачна. Это однако не мѣшало Гиласу пользоваться славою отличнаго пантомима. Пиладъ не ограничивался только Римомъ, но, какъ видно изъ нѣкоторыхъ древнихъ надписей, выходилъ на сцену и въ другихъ городахъ Италіи, напримѣръ въ Помпеяхъ (Orelli inscript n. 2530). Остальныя подробности его жизни намъ мало извѣстны. Мы уже выше привели свидѣтельство Светонія (Octav. 45) о томъ, что Августъ однажды выслалъ Пилада изъ города за оскорбленіе, нанесенное имъ одному римскому вельможѣ. Впрочемъ Діонъ Кассій (LIV, 17) расказываетъ иначе объ этомъ изгнаніи и какъ на главную причину его смотритъ на вражду между Пиладомъ и Батилломъ, любимцемъ Мецената. Но, въ угоду народу, Пиладъ вскорѣ былъ возвращенъ въ Римъ и съ этого времени большею частію жилъ, кажется, въ этомъ городѣ. Послѣ его смерти общество римскихъ пантомимовъ соорудило ему памятникъ, на которомъ было между прочимъ начертано: Pyladi pantomimo honorato a splendidissimis civitatibus Italiae grex Romanus ob merita ejus tit. memoriae posuit (Gruter. 1024, 5). Батиллъ, современникъ и соперникъ Пилада, былъ родомъ изъ Александріи. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Мецената, на что указываютъ и двусмысленныя слова Тацита въ Ann. I, 54: «Maecenas effusus in morem Bathylli.» Пиладъ, какъ мы видѣли, отличался въ представленіи трагическихъ сюжетовъ; за то Батиллъ съ неподражаемымъ искусствомъ передавалъ на сценѣ нѣжное, страстное и изящное. Особенно, когда онъ являлся въ роли Леды, то восторгъ римскихъ дамъ не зналъ границъ. Римская публика ставила Батилла, какъ артиста, очень высоко и цѣнила его не меньше Пилада (Pers. Sat V, v. 222). На Аппіевой дорогѣ найдено нѣсколько монументовъ, воздвигнутыхъ въ честь Батилла [2]. О Мнестерѣ, современникѣ и любимцѣ Калигулы, мы

[1] Seneca Quaest. nat. VII, 32: «Stat per successores Pyladis et Bathylli domus: harum partium multi discipuli sunt multique doctores. Privatim urbe tota sonat pulpitum»

[2] Изображеніе одного изъ нихъ приложено къ книгѣ г. М. К.: Опытъ исторіи театра у древнихъ народовъ. Москва 1849 (къ стр. 248).

уже упоминали. Изъ слѣдующихъ пантомимовъ особенно замѣчателенъ Парисъ. Было впрочемъ два артиста этого имени. Старшій изъ нихъ, современникъ Нерона, былъ сначала рабомъ Нероновой тетки Домиціи, отъ которой онъ откупился на волю за довольно значительную сумму денегъ. Но когда, со временемъ, Парисъ попалъ въ милость къ Нерону, и тотъ объявилъ его человѣкомъ свободнаго происхожденія (ingenuus), то онъ потребовалъ у Домиціи заплаченныя имъ деньги и получилъ ихъ обратно (Tacit. Ann. XIII, 27). Парисъ нѣсколько времени былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ Нерону лицъ, и, подобно Петронію, участникомъ во всѣхъ его буйствахъ (Tacit. ibid. c. 20), такъ что даже ложный доносъ его на Агриппину остался безъ наказанія (Tacit. ibid. c. 22). Однако потомъ эти дружескія отношенія измѣнились, и Неронъ велѣлъ казнить Париса за то, какъ говоритъ Светоній (Nero 54), что видѣлъ въ немъ опаснаго для себя соперника въ пантомимномъ искусствѣ (quasi gravem adversarium). Другой Парисъ жилъ при Домиціанѣ и былъ большимъ любимцемъ римской публики. Марціалъ называетъ его въ одной эпиграммѣ (XI, II,) «утѣхою города и украшеніемъ римскаго театра». Въ сатирахъ Ювенала мы находимъ нѣсколько любопытныхъ замѣтокъ объ этомъ пантомимѣ, изъ которыхъ видно, до какой степени онъ былъ любимъ римскою публикою, и какимъ значеніемъ пользовался у правительства. Въ VI-й сатирѣ (ст. 51) Ювеналъ расказываетъ про какую то римскую даму, которая рѣшилась оставить свою родину, дѣтей и мужа для того, чтобы бѣжать съ однимъ актеромъ. Ювеналъ прибавляетъ:

Utque magis stupeas, ludos Paridemque reliquit!

(и, что еще болѣе удивительно, она оставила театральныя зрѣлища и Париса). Изъ нѣкоторыхъ стиховъ VII-й сатиры Ювенала (стр. 86 и 87) **Гризаръ** заключаетъ, что Парисъ былъ благодѣтелемъ бѣдныхъ поэтовъ своего времени. Въ означенномъ мѣстѣ сатиръ Ювенала идетъ рѣчь объ извѣстномъ поэтѣ и импровизаторѣ Стаціи, которато стихи, говоритъ сатирикъ, до того нравятся народу, что публичное чтеніе ихъ— настоящій праздникъ для Римлянъ. «Но послѣ того, продолжаетъ Ювеналъ, какъ онъ (Стацій) надломилъ скамьи (въ своей аудиторіи отъ множества слушателей), ему придется голодать, если только онъ не продастъ Парису нетронутую Агаву [1].» Изъ слѣдующихъ за

[1] Подъ нетронутою, т. е. не представленною еще на сценѣ Агавою, безъ сомнѣнія здѣсь нужно разумѣть трагедію, которую Парисъ купилъ у Стація для пантомимнаго либретто, или, можетъ быть, съ тѣмъ, чтобы выдать ее за свое произведеніе (какъ думаетъ **Francke** въ Vita Iuv. p. 127).

тѣмъ стиховъ Ювенала видно, какимъ огромнымъ вліяніемъ на дѣла пользовался Парисъ при дворѣ Домиціана. «Онъ (Парисъ), продолжаетъ Ювеналъ, многимъ щедро раздаетъ военныя почетныя должности и на шесть мѣсяцевъ надѣваетъ на пальцы поэтовъ золотыя кольца. Чего не въ состояніи дать вельможи, то дастъ актеръ. Ты хлопочешь около Камериновъ, Бореевъ и въ большихъ пріемныхъ залахъ аристократовъ? Пелопея въ наше время дѣлаетъ префектами, Филомела трибунами [1].» За эти слова, въ которыхъ задѣтъ Парисъ, Ювеналъ, какъ извѣстно, былъ сосланъ въ Египетъ. Парисъ былъ любимцемъ многихъ римскихъ дамъ и въ особенности, супруги Домиціана, Домиціи, которую Светоній (Domit. 3) называетъ: «Paridis amore deperditam.» Наконецъ эта связь сдѣлалась извѣстною Домиціану. Онъ удалилъ Домицію отъ двора, а Париса, въ припадкѣ ревности, закололъ на улицѣ кинжаломъ. Онъ велѣлъ казнить даже тѣхъ, которые усыпали цвѣтами то мѣсто, гдѣ погибъ любимый актеръ и приказалъ убить одного изъ учениковъ Париса за то только, что тотъ былъ па него похожъ (Suet. Dom. X). Марціалъ почтилъ память Париса слѣдующими стихами, изъ которыхъ мы узнаемъ между прочимъ, что онъ былъ похороненъ на Фламининской дорогѣ (Mart. l. XI, 11):

Quisquis Flaminiam teris viator,
Noli nobile praeterire marmor.
Urbis deliciae salesque Nili,
Ars et gratia, lusus et voluptas,
Romani dolor et decus theatri
Atque omnes Veneres Cupidinesque
Hoc sunt condita, quo Paris, sepulcro [2].

До насъ дошло еще нѣсколько именъ римскихъ пантомимовъ, но о жизни ихъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій. Въ заключеніе замѣтимъ, что къ самому позднему періоду римской имперіи относятся Камараллъ (Camarallus) и Фабатонъ (Phabaton). Сидоній Аполлинарій, писатель пятаго вѣка, упоминаетъ о нихъ (carm. XXIII, v. 267), какъ объ очень извѣстныхъ пантомимахъ.

Н. Благовѣщенскій.

[1] Подъ выраженіемъ «полугодичное или шестимѣсячное золото» (semestre aurum) разумѣется здѣсь военное трибунство, соединенное, со времени Цезаря и Октавіана, со всѣми правами и преимуществами, которыми пользовались римскіе всадники. Къ числу отличій сословія римскихъ всадниковъ принадлежало, между прочимъ, и золотое кольцо. Безъ сомнѣнія, въ видахъ предоставить военное трибунство, а вмѣстѣ съ нимъ и всадническія права, бо́льшему числу лицъ изъ огромной массы искателей этой должности, срокъ ея былъ, во время Домиціана, ограниченъ полугодомъ. Пелопея и Филомела, очевидно, заглавія трагедій, которыми поэты старались втереться въ милость къ Парису.

[2] Изъ третьяго стиха этой эпиграммы, въ которомъ Марціалъ называетъ Париса «sales Nili», можно заключить, что онъ былъ родомъ изъ Египта.

ВОСПОМИНАНІЕ О ШЕЛЛИНГѢ.

Считаемъ долгомъ заключить эту книгу благодарственными словами воспоминанія о великомъ мужѣ, котораго издатель «Пропилеевъ» удостоился имѣть своимъ наставникомъ, и которому было суждено отойти въ вѣчность въ этомъ году. Величайшій, по общему признанію, мыслитель нашего столѣтія, Шеллингъ не нуждается въ слабости нашего свидѣтельства. Но долгъ признательности, память о незабвенныхъ минутахъ, проведенныхъ въ его аудиторіи, побуждаетъ къ сердечному произнесенію по крайней мѣрѣ его имени, отнынѣ уже принадлежащаго исторіи. Намъ удалось видѣть этого могучаго старца, выступившаго на время изъ величественнаго уединенія, въ которое онъ разсудилъ удалиться въ послѣдніе полвѣка своей жизни; мы видѣли своими глазами его юношескую бодрость и свѣтлую трезвость его лица; слышали его изящную вдохновенную рѣчь, потрясавшую слушателя до сокровенной глубины духа; испытали силу мысли, безпримѣрно зрѣлой и ясной, побѣдоносно торжествующей надъ предубѣжденіями, которыя встрѣчали его съ неимовѣрно настойчивымъ и ослѣпленнымъ недовѣріемъ. Будущему предлежитъ оцѣнить по достоинству плоды этой полувѣковой умственной жизни, углубленной въ себя и не искавшей признанія. Въ Сборникѣ, ограничивающемся классическою древностію, было бы неумѣстно входить въ разсужденіе о духѣ и значеніи послѣдней философіи Шеллинга, о ея связи съ его прежними сочиненіями и отношеніи къ философіи, поспѣшившей превратить въ неподвижную систему формулъ то, что самъ первый виновникъ имѣлъ въ виду вести далѣе. Но мы обязаны упомянуть здѣсь, что классическая древность была постояннымъ любимымъ занятіемъ Шеллинга и приклекала его вниманіе даже своими спеціальными вопросами. Кромѣ небольшихъ статей въ мюнхенскомъ Kunstblatt, о томъ свидѣтельствуетъ его сочиненіе: Ueber die Gottheiten zu Samothrake и то участіе, которое онъ принялъ въ обсу-

жденіи знаменитаго памятника архаическаго греческаго искусства—фронтонныхъ статуй эгинскаго храма Паллады, украшающихъ нынѣ мюнхенскую глиптотеку. Шеллингъ издалъ сочиненіе объ этомъ памятникѣ даровитаго художника Вагнера и украсилъ его своими обширными замѣчаніями. Его глубокомысленная рѣчь Ueber das Verhältniss der bildenden Künste zur Natur заключаетъ въ себѣ много живительныхъ воззрѣній на существо и исторію древняго художества. Посмертныя сочиненія, имѣющія въ скоромъ времени выдти въ свѣтъ, еще болѣе покажутъ, что онъ предпринималъ не разъ спеціальныя ученыя изслѣдованія въ мірѣ греческой и римской древности.

Шеллингъ скончался послѣ тяжкой болѣзни 20-го августа н. ст. сего года въ Рагацѣ, въ Швейцаріи, смертію мирною, на 79-мъ году жизни.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ КЪ ПИСЬМАМЪ ИЗЪ РИМА И НЕАПОЛЯ, ПОМѢЩЕННЫМЪ ВЪ III-ей КНИГѢ ПРОПИЛЕЕВЪ.

(ПО ПОВОДУ КРИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ ВЪ № 10-мъ БИБЛІОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ 1853 ГОДА).

Статья, помѣщенная въ 10-мъ № Библіотеки для Чтенія въ Отдѣленіи Литературной Лѣтописи о III-мъ томѣ Пропилеевъ, должна была обратить на себя вниманіе многихъ, если не существенною важностью того, что въ ней говорится о самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ своимъ совершенно особеннымъ, по выраженію Современника, незастѣнчивымъ способомъ выражаться. Такъ какъ эта критика относится преимущественно къ моимъ Письмамъ изъ Рима и Неаполя, то я счелъ себя обязаннымъ, для отвращенія недоразумнѣній, помѣстить здѣсь настоящія замѣчанія. Цѣлію ихъ будетъ уяснить для читателей нашъ образъ воззрѣнія, а отнюдь не писать антикритику. Мы не хотимъ вступаться за себя и мстить автору критики за его неумѣстныя оскорбленія, что было бы впрочемъ очень легко, но мы готовы до нельзя отстаивать истину, нами высказанную съ полнымъ и зрѣлымъ убѣжденіемъ и столько же твердо опирающуюся на законахъ изящнаго, какъ и на общемъ согласіи извѣстнѣйшихъ критиковъ искусства. Мы постараемся основательными доводами и цитатами извѣстныхъ авторовъ уничтожить превратные взгляды нашего журнальнаго судьи, а всѣ его возгласы, какъ остающіеся ни при чемъ, предоставимъ милостивому суду читателей.

Мы поставлены въ непріятную необходимость выписать главныя мѣста приговора Библіотеки о нашихъ Письмахъ.

«Самое любопытное здѣсь то, что господину Авдѣеву архитектура храма святаго Петра не нравится. Господинъ Авдѣевъ раскритиковалъ невѣроятное (!) произведеніе Микель-Анжела и Бернини. Геній господина Авдѣева выстроилъ бы храмъ въ тысячу разъ прекраснѣе. Въ твореніи этихъ великихъ мастеровъ онъ открылъ жалкое и неудачное стремленіе къ противоестественности и ложнымъ эффектамъ, между тѣмъ какъ архитектура такое искусство, которое болѣе всѣхъ другихъ должно быть основано на законахъ правдивости и здраваго смысла. Жаль, очень жаль, что «Пропилеи» не из-

даются на французскомъ языкѣ: такого *вздору* не посмѣлъ бы господинъ Авдѣевъ написать на языкѣ Академіи Надписей, и господинъ Леонтьевъ навѣрное не рѣшился бы напечатать для назиданія всей Европы того, что счелъ за довольно хорошее для насъ. Удивительно, что даже и въ русскомъ изданіи, въ которомъ можно *пороть дичь* безнаказанно, господинъ Леонтьевъ не употребилъ своей издательской власти на устраненіе по крайней мѣрѣ этой *наглой нелѣпости*. Обвиненіе въ жалкомъ и неудачномъ стремленіи къ противоестественности, въ ложныхъ эффектахъ, въ неправдивости, въ отсутствіи здраваго смысла, основано на допущеніи нѣкоторыхъ негоризонтальныхъ линій и непрямыхъ угловъ. По законамъ той же архитектуры, которую господинъ Авдѣевъ привезъ съ собою въ Римъ, все должно быть совершенно прямо и горизонтально: иначе, по его верховному суду, оно неправдиво и не согласно съ здравымъ смысломъ. Господинъ Авдѣевъ не знаетъ, но господинъ Леонтьевъ, эллинистъ и издатель «Пропилеевъ», зналъ навѣрное, что въ знаменитыхъ аѳинскихъ Пропилеяхъ и въ самомъ Парѳенонѣ, образцахъ такъ называемой прямолинейной архитектуры, нѣтъ ни одного совершенно прямаго угла и ни одной строго прямой линіи [1].»

Прежде всего мы должны объяснить, что изъ всѣхъ нашихъ замѣчаній именно можетъ-быть сужденіе о храмѣ св. Петра наименѣе оригинально, и преимущественно основано на взглядѣ, общепринятомъ въ архитектурѣ и извѣстномъ не только всякому туристу, но и всякому образованному человѣку нашего времени. Въ самыхъ Письмахъ на стр. 210 приведено отъ слова до слова сужденіе архитектора Л а т а р у л ь и, издателя памятникомъ новаго Рима, написанное,—какъ должны были замѣтить читатели, болѣе внимательные нежели рецензентъ Библіотеки для Чтенія,—на языкѣ Академіи Надписей.

Если этого весьма замѣчательнаго сужденія Л а т а р у л ь и недостаточно, мы приведемъ другихъ писателей. Вотъ напримѣръ нѣкоторыя выраженія знаменитаго нѣмецкаго ученаго Б у н з е н а изъ общеизвѣстнаго сочиненія: Beschreibung der Stadt Rom. На страницѣ 175 III-го тома читаемъ: «Въ среднемъ нефѣ находятся четыре арки, опирающіяся на большихъ столбахъ и образующія переходы въ боковые нефы. Каждый столбъ украшенъ двумя коринѳскими пилястрами, антабле-

[1] Перепечатывая отзывъ Библіотеки для Чтенія, Издатель Пропилеевъ повинуется необходимости, огорчительной и прискорбной. И уваженіе къ своему изданію, и уваженіе къ чести русской литературы заставили бы его воздержаться отъ дальнѣйшей огласки случая, дающаго невыгодное понятіе объ одномъ изъ извѣстныхъ нашихъ журналовъ и можетъ-быть бросающаго тѣнь на современные нравы нашей литературы. Но читатели замѣтятъ, что г. Авдѣеву невозможно было обойтись безъ приведенія этой странной рецензіи въ подлинникѣ. Не отвѣчать же на нее было нельзя, потому что Библіотека для Чтенія не отказалась отъ своихъ словъ, а этотъ журналъ еще имѣетъ публику. Если бы „Пропилеи“ издавались на языкѣ Академіи Надписей, то ни господинъ Леонтьевъ, ни господинъ Авдѣевъ конечно не потратили бы ни одной строки на опроверженіе замѣчаній подобнаго достоинства.

ментъ которыхъ кажется излишне тяжелымъ и чрезъ это оставляетъ впечатлѣніе неуклюжести». На стр. 176: «Украшенія столбовъ, находящихся подъ арками и въ боковыхъ нефахъ, отличаются безвкусіемъ.» На стр. 179: «Большой балдахинъ надъ главнымъ престоломъ, сдѣланный при Урбанѣ VIII по рисунку Бернини, есть колоссальное, многоцѣнное, но вмѣстѣ съ тѣмъ безвкусное произведеніе». Далѣе на тойже страницѣ: «Не только балдахинъ этотъ не производитъ своимъ стилемъ пріятнаго дѣйствія на зрителя, онъ еще ослабляетъ общее впечатлѣніе величины храма, закрывая отъ глазъ при входѣ заднюю часть храма, чрезъ что мѣшаетъ видѣть его длину». И на стр. 180: «Большой куполъ, возвышающійся надъ главнымъ престоломъ, предпочтительная часть всего строенія, отличается предъ всѣмъ остальнымъ изяществомъ вкуса во внутреннихъ украшеніяхъ.» Мы также отличили на стр. 215 мозаичныя украшенія главнаго и другихъ куполовъ, какъ самыя удачныя изо всѣхъ внутреннихъ украшеній. Знающіе храмъ св. Петра должны согласиться со всѣмъ этимъ.

Но есть одинъ пунктъ въ нашихъ сужденіяхъ объ этомъ зданіи, который требуетъ поясненія и быть-можетъ дѣйствительно показался страннымъ и произвольнымъ не одной Библіотекѣ для Чтенія. Мы говоримъ объ оптическомъ эффектѣ, производимомъ внутренностію храма. Наше сужденіе объ этомъ пунктѣ совершенно расходится съ мнѣніемъ, которое къ сожалѣнію раздѣляютъ многіе изъ нашихъ соотечественниковъ. Мы считаемъ нужнымъ еще разъ высказать свое убѣжденіе, подтверждаемое и самымъ дѣломъ, и авторитетомъ многихъ писателей. Что внутренность храма св. Петра кажется глазу меньше, нежели какова она въ дѣйствительности, это отнюдь не есть достоинство, происходящее, какъ полагаютъ, отъ пропорціональности внутреннихъ украшеній, а напротивъ величайшая ошибка, вслѣдствіе которой зданіе утратило для зрителя и то исключительное свое превосходство, которое состоитъ въ безпримѣрной громадности. Мы весьма желали бы, чтобы эта очевидная истина сдѣлалась наконецъ вразумительнѣе, и намъ было бы крайне радостно, если бы эти замѣтки могли содѣйствовать тому. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ приведемъ мѣсто изъ Исторіи искусства Даженкура. Въ томѣ I на стр. 116, упоминая объ измѣненіи плана, происшедшемъ отъ продолженія средняго нефа, сдѣланнаго архитекторомъ Карломъ Мадерно, онъ говоритъ слѣдующее: «Послѣдствіемъ этого было, что недостатокъ согласія частей въ цѣломъ и между собою уничтожилъ одно изъ средствъ, производящихъ впечатлѣніе грандіозности. Отсюда произошелъ оптическій обманъ, дѣлающій, что большой предметъ кажется меньшимъ, нежели онъ есть въ дѣйствительности. Дѣйствіе это совершенно противуположно тому, которое должно производить искусство, и весьма замѣчательно, что ошибка художника служитъ и понынѣ источникомъ ошибокъ, въ которыя впадаетъ большая часть говорящихъ о храмѣ св. Петра.

Находя, что онъ кажется менѣе чѣмъ есть въ дѣйствительности, они думаютъ произнести похвалу, тогда какъ слѣдуетъ заключать совсѣмъ противное.»

Объясненіе этой главной ошибки, равно какъ и другихъ несообразностей, представляетъ намъ исторія храма. Нашъ критикъ правда называетъ церковь св. Петра «невѣроятнымъ» произведеніемъ Микель Анджело и Бернини. Но въ самомъ дѣлѣ въ ея построеніи участвовалъ цѣлый рядъ другихъ архитекторовъ, которые налагали по очереди на это произведеніе печать или своей даровитости, или дурнаго вкуса. Даже если бы непремѣнно требовалось выбрать изъ ихъ числа двухъ главныхъ, то должно было бы назвать, согласно съ Бунзеномъ, слѣдующихъ двухъ мастеровъ: Микель-Анджело и Карла Мадерно. Но дабы успокоить тѣхъ, кого можетъ-быть смутила необдуманная рѣшительность тона, принятаго нашимъ критикомъ, остановимся именно на тѣхъ двухъ соорудителяхъ «невѣроятнаго» храма, которыхъ онъ называетъ. Впрочемъ мы обращаемся отнюдь не къ нему, а къ людямъ болѣе серьознымъ, къ тѣмъ, кого позволительно имѣть въ виду художнику, говорящему объ искусствѣ.

Статья наша была писана въ Римѣ, именно въ той сферѣ, гдѣ великія произведенія искусства времени возрожденія окружали насъ со всѣхъ сторонъ, и гдѣ сравнительное ихъ изученіе само собою произноситъ приговоръ надъ ихъ творцами. Въ той же статьѣ (смотрите страницы 237 и 238) мы преклонили колѣна предъ геніемъ Браманте, Перруцци и другихъ великихъ творцовъ того времени. Наши сужденія вылились подъ свѣжими впечатлѣніями, и мы смѣемъ хранить увѣренность, что они не встрѣтятъ серьознаго противорѣчія въ людяхъ, одаренныхъ способностію читать на самыхъ архитектурныхъ произведеніяхъ. Но и тѣ, которые знакомы съ искусствомъ болѣе по книжному изученію, не могли быть удивлены нашимъ сужденіемъ о Микель-Анджело и Бернини, какъ архитекторахъ. Сомнѣвающихся мы попросимъ развернуть вмѣстѣ съ нами первую попавшуюся намъ исторію архитектуры. Напримѣръ у Гопа во французскомъ переводѣ Барона на стр. 479 читаемъ: «У Микель Анджело былъ могущественный геній, но у него не было строгаго вкуса; увлекаемый потребностію новизны, онъ часто терялъ чувство приличнаго, въ своемъ порывѣ преслѣдовать грандіозное онъ попадалъ иногда на гигантское, на фантастическое, на вычурное и выходящее изо всякихъ предѣловъ мѣры. Даже въ скульптурѣ, гдѣ у него передъ глазами были наисовершеннѣйшіе памятники древности, онъ впалъ въ неестественное и сдѣлался манернымъ: удивительно ли, что въ архитектурѣ, гдѣ его образцами были только зданія древняго Рима, его произволъ пошелъ еще далѣе? Изысканность его коснулась даже тѣхъ основныхъ частей, которыя должны всегда оставаться въ простотѣ и не допускаютъ дробленія. Его пьедесталы высоты неумѣстной, пилястры слишкомъ подраздѣлены, чрезмѣрно

выступаютъ и сгруппированы между собою всевозможными способами; антаблементы раскреповываются по колоннамъ; однимъ словомъ мы у него находимъ всѣ недостатки вѣка Діоклетіанова. На храмѣ св. Петра онъ замѣнилъ тяжелымъ вытянутымъ куполомъ великолѣпный, полусферическій куполъ Браманта; онъ испортилъ Сангалловы портики (аркады двора) въ фарнезскомъ дворцѣ надстройкою верхняго этажа съ высокими и тощими пилястрами, скученными въ группы, а его Піевы-ворота (Porta-Pia) есть самое противное (detestable) произведеніе, какое лишь можно себѣ представить. Не только онъ не приблизился болѣе своихъ предшественниковъ къ настоящему античному стилю; онъ отошелъ отъ него далѣе чѣмъ Браманте и Сангалло и подалъ поводъ ко всѣмъ архитектурнымъ сумазбродствамъ, которыми Римъ вскорѣ наводнился.»

Мы были болѣе скромны и почтительны къ титану новаго искусства. Не въ Микель-Анджело и Бернини, какъ намъ приписываетъ Библіотека для Чтенія, а исключительно въ Бернини находили мы «жалкое и неудачное стремленіе къ противуестественности и ложнымъ эффектамъ». Не понимаемъ, гдѣ отыскался такой человѣкъ, кого удивило это сужденіе, когда даже отъ римскихъ чичерони можно слышать объ «ослиныхъ ушахъ» Бернини на Пантеонѣ. Но дѣлать нечего, приведемъ и здѣсь цитаты изъ писателей «иностранныхъ».

На страницѣ 478 той же книги Гопа въ примѣчаніи по поводу преддверія ко храму св. Петра читаемъ: «Бернини, человѣкъ самаго дурнаго вкуса, какой только можно найти между людьми, составившими себѣ имя въ искусствѣ, успѣлъ набросать тутъ нѣсколько своихъ ребяческихъ идей. Противуестественному стилю и мишурному блеску, годному для какого нибудь временнаго театра, онъ нашелъ мѣсто въ главнѣйшемъ христіанскомъ храмѣ; въ одной изъ оконечностей преддверія онъ осмѣлился помѣстить театральную декорацію, представляющую обращеніе царя Константина при видѣ знаменія креста, а въ средней церкви транспарантное изображеніе Святаго Духа, окруженное лучами славы изъ золоченой лѣпной работы.»

Послѣ Гопа развернемъ еще разъ Латарульи. Въ историческихъ и критическихъ замѣткахъ ко второму тому «Зданій новаго Рима» на страницѣ 269 узнаемъ мнѣніе автора объ Микель-Анджело. Дѣло идетъ о томъ знаменитомъ карнизѣ на фарнезскомъ дворцѣ, о которомъ мы не забыли упомянуть на страницахъ 239 и 240 нашихъ Писемъ, приведя, въ краткомъ расказѣ, цѣлую исторію этого карниза. Разсуждая о томъ, кому должно приписать все достоинство этого произведенія, Латарульи говоритъ слѣдующее: «Я совершенно согласенъ, что первоначальная мысль принадлежала Микель-Анджело, но я не хочу вѣрить, чтобы такое классическое изу-

ченіе деталей могло ему быть приписано. Пускай покажутъ въ самомъ дѣлѣ лишь одно созданіе этого рода между всѣми произведеніями Микель-Анджело, одно только, которое бы не было запечатлѣно испорченымъ вкусомъ, хотя одинъ обломъ карниза, который оправдалъ бы предположеніе, что Микель-Анджело могъ быть творцомъ фарнезскаго карниза. Нѣтъ, мнѣ кажется рѣшительно невозможнымъ, чтобы архитекторъ, начертавшій детали воротъ Піевыхъ (Porta Pia), боковые фасады храма св. Петра, фасадъ Капитолійскаго дворца, и второй [1] этажъ двора во дворцѣ фарнезскомъ [2], могъ въ этомъ только случаѣ быть невѣрнымъ своимъ привычкамъ и странностямъ, могъ возвыситься надъ своимъ прошедшимъ и своими правилами, и составить антаблементъ не только неукоризненный, но при томъ еще превосходнаго стиля.»

Эти мѣста всякій можетъ прочесть если угодно на языкѣ Академіи Надписей. Посмотримъ, что говорятъ нѣмецкіе ученые, которые въ своихъ приговорахъ вообще гораздо умѣреннѣе. У Куглера въ его Ручной книгѣ исторіи искусства на страницѣ 671 читаемъ: «Дѣятельность Микель-Анджело внесла въ италіянскую архитектуру новый духъ. Въ противоположность прежнимъ художникамъ, умѣвшимъ только примѣнять античныя формы къ своимъ потребностямъ, въ противоположность своимъ современникамъ, которые по крайней мѣрѣ соблюдали эти формы съ добросовѣстною точностію, Микель-Анджело начинаетъ измѣнять ихъ по своему произволу и прихоти, увлекаемый страстью къ живописному эффекту, которая впрочемъ обнаруживается въ немъ безъ особенныхъ признаковъ внутренней потребности. Этимъ онъ открываетъ путь вычурности послѣдующаго времени. Примѣръ его долженъ былъ дѣйствовать тѣмъ гибельнѣе, что многостороннія его дарованія и могущественная личность доставили ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ тогдашнемъ искусствѣ.» Что касается до Бернини, то заслуги его Куглеръ на страницѣ 676 обрисовываетъ весьма немногими словами, и именно по поводу работъ, относящихся къ храму св. Петра: «Другія прибавки сдѣланы Лоренцо Бернини. Этотъ художникъ началъ свое дѣло постройкою на оконечности фасада колоколенъ, которыя были разобраны, прежде нежели ихъ достроили. Вслѣдъ за тѣмъ заложилъ онъ (въ 1667 году) колоссальныя колоннады, объемлющія площадь передъ храмомъ, сооруженіе не лишенное величавости, но исполненное сухо. Онъ же устроилъ во внутренности храма огромный, имѣющій около 90 футовъ въ вышину бронзовый балдахинъ надъ склепомъ св. Апостоловъ, произведеніе декораціонное, расчитанное на эффектъ и поражающее аффектаціей. Другія архите-

[1] По усвоенному у насъ значенію слова „этажъ" здѣсь подъ вторымъ этажемъ должно разумѣть третій, такъ какъ первымъ этажемъ мы называемъ rez-de-chaussée.

[2] Смотри Письма изъ Рима и Неаполя, Пропилеи томъ III стр. 210.

ктурныя произведенія Бернини показываютъ тотъ же декораціонный стиль; такова напримѣръ такъ называемая scala Regia въ Ватиканѣ (съ боку храма св. Петра); таковы многія церкви и дворцы въ Римѣ, между которыми дворецъ Барберини есть самый значительный.»

И такъ Гопъ упрекаетъ Бернини въ противуестественности, аффектаціи, за то что онъ ставитъ въ предверіи церкви театральныя кулисы; Куглеръ говоритъ то же, прибавляя, что произведенія Бернини вообще обличаютъ декораціонный стиль, другими словами стиль театральныхъ кулисъ. Мы спрашиваемъ, естественно ли въ искусствѣ самобытномъ, не заимствующимъ предметовъ изъ міра внѣшняго, въ искусствѣ положительномъ, произведенія котораго не представляютъ кажущагося призрака, а составляютъ самую дѣйствительность, и которое слѣдственно болѣе другихъ должно удаляться отъ эффектовъ подобныхъ оптическому обману (т. е. именно основываться на законахъ правдивости), естественно ли въ такомъ искусствѣ допустить до такой степени преобладаніе внѣшняго представленія, чтобы строить зданія подобно кулисамъ, когда самыя кулисы суть только оптическое представленіе архитектурныхъ зданій? Въ зданіяхъ, о которыхъ мы говорили въ нашихъ Письмахъ, стремленія эти не достигаютъ своей цѣли, а потому неудачны, слѣдовательно жалки и лишены здраваго смысла.

Приведенныя нами выписки кажется достаточно показываютъ, что мы имѣемъ единомышленниковъ между людьми съ неоспоримымъ авторитетомъ. Но что сказать намъ о заключительномъ замѣчаніи Библіотеки для Чтенія касательно негоризонтальныхъ линій и непрямыхъ угловъ, которые она отстаиваетъ, и при этомъ еще даетъ читателю почувствовать даже свою ученость? Конецъ вѣнчаетъ дѣло, говоритъ пословица. Эта послѣдняя выходка такъ забавна, что должна разсмѣшить не только русскаго, но даже самаго глубокомысленнаго нѣмецкаго эллениста. И тутъ мы вынуждены пояснить, въ чемъ дѣло, хотя дѣла здѣсь вовсе нѣтъ, или оно крайне неподходящее.

Въ декабрской книжкѣ Revue des deux Mondes 1847 года была помѣщена статья младшаго Бюрнуфа объ измѣреніяхъ Парѳенона, сдѣланныхъ архитекторомъ Французской Академіи Пикаромъ. Этотъ архитекторъ, вслѣдствіе необыкновенной точности, съ которою производилъ свои изслѣдованія, открылъ весьма слабыя, непримѣтныя для глаза выпуклости въ линіяхъ антаблемента и стилобата (помоста служащаго основаніемъ портикамъ) на знаменитомъ Парѳенонѣ. Но что общаго между этою едва измѣримою выпуклостію линій, которая можетъ пріятно дѣйствовать на глазъ именно на томъ условіи, что ускользаетъ отъ глаза, и между Бернинивскими наклоненными на одну сторону архитравами, которые сносны только для того, кто смотритъ на нихъ съ боку и издали! Могъ ли рецензентъ наивнѣе изобличить не говорю уже незнаніе дѣла, но не-

способность быть даже читателемъ «Пропилеевъ» и Revue des deux Mondes?

Архитектору все таки нельзя не порадоваться за свое искусство. Чтобы взяться построить что нибудь, надобно быть по крайней мѣрѣ простымъ плотникомъ или каменьщикомъ. А въ литературѣ видно и карточный домикъ идетъ иногда за строенье, и, что еще обиднѣе, безъ шуму его даже не сдунешь.

А. Авдѣевъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Цѣна въ Москвѣ и Петербургѣ 3 руб. 50 коп. серебр.

При сей книгѣ раздается безденежно медальонъ съ портретомъ Шеллинга.

Buchbinderei
R. Wawrzyniak
Marktplatz 23
8011 Kirchseeon

Buchbinderei
R. Wawrzyniak
Marktplatz 23
8011 Kirchseeon

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Propilei sbornik statej po klassičeskoj drevnosti

Bd.: 4. 1854

Moskva 1854

Ant. 462 z-4
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10254687-3